

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929195 9

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς εἰς τὸν μῆθ' ὄντας περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνδράων
ἐν τοῖς ἐπισημοῖσι οὐχ ὅμοιον καταλιπεῖν τῶν
τε ἀδικούντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

= 41

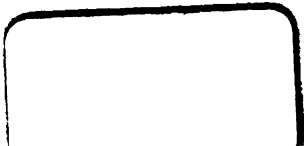
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-СЕДЬМОЙ.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

Callan

15B7

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τὸ μισθρον, τοῖς στίχοις μὴ δένεσθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνώσας μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τῆν δόξαν των προγενέστων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεμένην τῶν
το ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

= 97

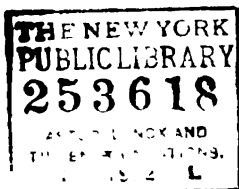
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-СЕДЬМОЙ.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,
съ гдѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1 сентября 1849.

Ценсоръ И. Срезневскій.

Исправл. долги. цензора В. Лангера.

ХРОУ ВЕН
ОЛДЕН
УРАГОЛ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-СЕДЬМАГО ТОМА.

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Натурщица. Повѣсть. Часть вторая. <i>В. Яковлева</i>	5	✓
Поездка къ южному откосу Эльбруса, въ 1848 году. <i>Г—а</i>	57	✓
Гваз-Алиръ. Этюдъ изъ быта Мексики. Ночь первая. <i>Гр.—Д.</i>	105	
Домашняя исторія. Оригинальная комедія въ стихахъ, въ одномъ дѣйствіи. <i>П. И. Григорьева 1-го</i>	117	✓
Бѣдикка. Быль. <i>А. Павлова</i>	173	✓
Натурщица. Повѣсть. Часть третья. <i>В. Яковлева</i>	195	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Грантл-Мэноръ. Повѣсть леди Джорджианы Фуллертонъ. Часть третья	1	✓
--	---	---

✓	Ришліё и его племянница. Разсказъ П. де-Мюссё. Часть первая.	87
✗	Грантли-Мэноръ. Повѣсть леди Джорджианы Фуллертонъ. Часть четвертая и послѣдняя.	125
✓	Ришліё и его племянница. Разсказъ П. де-Мюссё. Часть вторая	247

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Отърки Венгріи. Статья третья.	1
	Современная Германія. П. Вознесенскаго.	21
✓	Годъ изъ царствованія Петра Великаго 1709. (Изъ записокъ Крекшина).	15
✓	Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтїи. Ватто и Ланкрё. Статья первая. Д. Мацкевича.	103

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

	О колоніальномъ и свекловичномъ сахарѣ. Статья вторая в послѣдняя Г. Н—а.	1
	Промышленность арсланской губерніи. Статья первая.	17

V.

КРИТИКА.

	Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Съ рисунками и планомъ театра. Сочиненіе К. М. Моеква, 1849.	1
--	--	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1849. Новыя книги	1
— — Разныя извѣстія.	9
Сентябрь, 1849. Новыя книги и брошюры.	11
— — Разныя извѣстія.	27

VII.

С М Ъ С Ъ.

СЕНТЯБРЬ.

Знаменіи къ сѣверному полюсу.	1
Военныя силы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.	11
Статистика ремеслъ въ Лондонѣ	14
Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго.	19
Наметникъ Томсону	24
Мадамъ Рекамье	24
Судьба. Разсказъ Жюль-Жанена, ...	29
Новый Саміель или право пожизненнаго владѣнія, комедія II. Каратыгина	52
Коллокація	85
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобриана. Часть девятая.	94
Близъ Меттернихъ.	130
Музыкальныя новости. Статья первая.	145
Новыя музыкальныя сочиненія.	155
Французскія книги.	158
Моды.	160

ОКТАБРЬ.

Парижская академія наукъ. Порода людей съ хвостами.	163
Алжиръ. Изъ дневника путешественницы.	167
Слѣзка.	185

Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть десятая	194
Князь Меттернихъ	227
Охотники новѣйшаго времени. Сочиненіе маркиза де-Фудра- са. Часть первая. <i>А. Кронберга</i>	254
Музыкальныя новости. Пророкъ. Статья вторая.	288
Французскія книги.	298
Новыя музыкальныя сочиненія.	300
Моды.	307

5110 —

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НАТУРЩИЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

VII.

Утро было еще за горами, однако близко. Солнце, покуда мы спали, успѣло перейти грандіозныя зеленыя пустыни океана, успѣло посѣтить чудовищныя рѣки, великолѣпныя лѣса, опутанныя безконечными ліанами, банановыя рощи, гдѣ на вѣткахъ причудливыхъ растеній покачиваются зеленые, алые, голубые попугаи, гдѣ въ прозрачномъ воздухѣ мелькаютъ летучіе опалы и изумруды — колибри; потомъ озолотило необозримыя саванны, взглянуло на таинственныя развалины царства кациковъ; видѣло иѣдно-красныхъ людей съ торсомъ, прикрытымъ красивыми перьями, красавицъ, цвѣтомъ темной бронзы, съ браслетами на рукахъ и на ножкахъ, съ

сергами въ кокетливомъ носикѣ и въ ухахъ, но безъ всякой одежды. Потомъ солнышкоу лыбалось надъ цѣлымъ моремъ черныхъ фраковъ и круглыхъ шляпъ, которые иѣряютъ, вѣсятъ, громоздятъ цифры подъ цифрами, упаковываютъ тюки, подводятъ итоги и повинуются закону съ одинаковою флегматическою пунктуальностью.

Солнце видѣло много комическаго до плачевности, живописнаго до чудовищности; видѣло людей въ дырявой обуви, лохмотныхъ и голодныхъ, изнемогающихъ подъ бременемъ иѣшка, набитаго золотомъ; видѣло дивные тысячелѣтніе лѣса, истребляемые на топку табачныхъ фабрикъ; дороги, усыпанные созрѣвшими и упавшими съ дерева апельсинами, которыхъ некому собирать. Много видѣло солнце, чего нельзя ни языкомъ сказать, ни перомъ описать.... не видѣло только тропическихъ красавицъ, которыя прячутся отъ солнца въ тѣни, въ благовонномъ дыму своей пахитосы и, съ неподражаемою лѣнью, покачиваются въ своемъ тростниковомъ гамакѣ до вечерней звѣзды, показывая свои красоты только ночи.

Солнце поспѣшало.... съ обычною, обманчивою своею медленностью.

Флоренскій ждалъ его съ женскою нетерпѣливостью. На этотъ разъ онъ встрѣчалъ солнце, это верховное божество живописца, съ необыкновенными почестами. Всѣ кисти были перемыты еще наканунѣ; испортившееся маковое масло, наполнившее благоуханіемъ мастерскую и даже смежныя съ ней комнаты сосѣдей, было выброшено на улицу; табачный пепелъ и сигарочная зола, накопленные за нѣсколько недѣль, частью въ жестяномъ ящикѣ, частью въ уголкахъ на полу, на окнахъ, подъ столомъ, на столѣ, и такъ далѣе, внезапно исчезли. Даже пыль, искони покрывавшая весь мольбертъ, была потревожена. Диванъ, выдвинутый на середину комнаты и накрытый богатымъ азіатскимъ ковромъ, стоялъ точно пьедесталь, ожидавшій статую.

Все здѣсь, начиная отъ палитры, украшенной гирляндю свѣжихъ красокъ, до воображенія художника, разцвѣченнаго новыми мечтаніями, все готово было для принятія натурщицы, достойной жрицы Аполлона.

Флоренскій всталъ раньше обыкновеннаго, выкурилъ, во-

вреки обычаю, только двѣ трубки и полсигары, щадя сколько возможно атмосферу мастерской, изъ опасенія, чтобы Алкивиадова богиня — въ будничной атмосферѣ артиста, не задохлась или по-крайности не разчихалась. Потомъ потратилъ лишніе полчаса на обдѣлку своей физиономіи, такъ какъ приходилось бриться и стричь ногти за нѣсколько дней, отданныхъ исключительно вдохновенію. Вообще, во всея тоалетъ художника въ этотъ день замѣтно было кокетство Алкивиада, собирающагося на ночной праздникъ Афродиты. Въ костюмѣ Флоренскаго оказывалось довольно счастливое сочетаніе испанскаго гранда съ аркадскимъ пастушкою.

Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, зазвенѣлъ оглушительный звонокъ.

— Такъ борзо звонятъ только люди, ни мало не сомнѣвающиеся въ хорошемъ приѣмѣ, подумалъ Флоренскій. Съ неизяснимымъ самодовольствіемъ, съ настоящимъ восторгомъ античнаго афинскаго художника, Флоренскій вперилъ лучезарные взоры въ засаленную дверь, которая въ эту минуту должна была въ своей ветхой и жалкой рамѣ вмѣстить улыбающуюся картину....

Вотъ въ передней послышался восхитительный шорохъ.... стыдливый шопоть.... Согласитесь, что бываютъ минуты, когда послѣдній краскотеръ имѣетъ право быть сентиментальнымъ. Художникъ затаилъ дыханіе: онъ былъ въ той божественной лихорадкѣ, какою такъ сладостно страдаетъ молодое сердце, ожидающее таинственнаго ночнаго свиданія.

Воображеніе его, магически наполнявшееся сладостными образами недавно поблекшей первой любви и первой молодости, сверхъестественно ярко рисовало ему фигуру этой молоденькой дѣвушки, блистающей всею свѣжестью своей шестнадцатой весны, всея очарованіями красоты и стыдливости.... дѣвушки, которая первая красоты свои, всѣ тайныя, едва развитыя формы — приносить на жертвенникъ искусства. и приносить съ восхитительнѣйшими дѣвственными слезами....

Согласитесь, что достаточно все это хорошенько увидѣть во снѣ, чтобъ почувствовать всѣ симптомы рафаэлевскаго вдохновенія.

Шорохъ въ передней возвысился до степени шума. Дверь

распахнулась... и радужные замыслы художника разбились въ дребезги о голову, покрытую чѣмъ-то похожимъ на выщипанные концы льняковъ, о лицо, испещренное неправдоподобнымъ количествомъ веснушекъ, и о долгополое черное пальто съ золотыми погонами. Это былъ человѣчекъ, сокращенный до комическихъ размѣровъ. Другими словами, это былъ мичманъ какого-то (я забылъ взглянуть на пуговицу) флотскаго экипажа, господинъ Лососинниковъ.

— А я къ тебѣ! проговорилъ онъ съ какою-то меланхолическою безпечностью, ослабляя зубы.

— Милости просимъ, сказалъ Флоренскій.— Чортъ побери! подумалъ художникъ, ожидающій натурщицу.

При этихъ словахъ миниатюрный гость, съ плачевною меткостью, швырнулъ свою измокшую подъ дождемъ фуражку на коллекцію великолѣпныхъ эстамповъ, лежавшихъ на столѣ.

— Экая варварская погода! вскричалъ Флоренскій съ досадою, поспѣвая на помощь къ потопленному эстампу.

— Пустое! Дождикъ моросить.... да нордъ-вестъ.... Такия ли погоды бываютъ!... послать бы тебя этакъ куда-нибудь въ Гангутъ или къ Эзелю!

Я забылъ, или лучше сказать, полагаясь на догадливость читателя, счелъ излишнимъ заиѣтить, что солнце, перейдя отъ пальмовыхъ лѣсовъ къ еловымъ, отъ заоблачныхъ хребтовъ къ плоскимъ возвышенностямъ и тундрамъ, увидѣло однообразную, блѣдно-сѣрую, влажную пелену, безпощадно закрывающую нашъ злополучный сегментъ земли отъ лучезарныхъ благодѣяній неба. Самые золотые, самые животворные лучи, процѣженные сквозь эту облачную массу, являлись на землѣ въ видѣ мутныхъ сумерекъ, которыя мы, для порядку, вынуждены называть „днемъ“.

Флоренскій, молча, но съ явнымъ прискорбіемъ разсматривалъ прозрачный оттискъ мичманской фуражки на рѣдкой гравюрѣ.

— Ты, кажется, куда-то собираешься?

— Нѣтъ.... мнѣ еще рано....

— Пожалуйста, не церемонься. Распожусь я и безъ тебя.

— Сдѣлай одолженіе.

— Впрочемъ, я вѣдь къ тебѣ не надолго... на недельку какую-нибудь, не больше.

Флоренскій, всегда отличавшійся безграничнымъ, настоящимъ азіятскимъ гостепріимствомъ, на этотъ разъ почувствовалъ все его неудобство.... Не ручаюсь за художника: можетъ-быть даже онъ посѣтовалъ, что не могъ добыть въ своемъ сердцѣ капли европейскаго эгоизма.... посѣтовалъ изъ любви къ искусству.

— Ты гдѣ объѣдъ берешь?... все-еще съ Мыса-Доброй-Надежды? а?

— Да; а что? отвѣчалъ Флоренскій довольно сухо.

— Скажу тебѣ по дружбѣ, мнѣ твой Мысь-Доброй-Надежды надоѣлъ. Отчалъ ты, братецъ, отъ этого мыса: право, надоѣлъ.

— Давно ли? Ты, кажется, всегда, того....

— Ыль — и плевалъ!

— Не знаю; но, мнѣ кажется, супъ....

— Просто образчикъ морской воды!

— Такъ, по-крайней-мѣрѣ, жаркое....

— Твердо, какъ нѣмецкое сердце.

— Ну, все-таки пироги....

— Нечего сказать, опойковые.

— Ты, по-видимому, уже пообѣдалъ?

— Напротивъ, я чертовски голоденъ!

— На-тощакъ, помнится, ты бывалъ всегда немножко снисходительнѣе.

— Рекомендую тебѣ сегодня же *табельдотъ*.... просто, чудовый, братецъ ты мой! Дѣвушки прислуживаютъ!! Я поучу тебя жить. Досадно только вотъ что: денегъ-то я не захватилъ съ собою достаточно.

— Да за деньгами дѣло не станетъ, отвѣчалъ Флоренскій съ своею обычною, недалёковидною добротою.

— И прекрасно! Однако, что по-пусту золотое время терять. И такъ ужъ я не курилъ, какъ сошелъ съ парохода. Есть у тебя табакъ, сигары?

Флоренскій, столько заботившійся сегодня о чистотѣ воздуха въ мастерской, съ безмолвнымъ уныніемъ указалъ подбородкомъ на початую четвертку табаку.

— Только-то? воскликнулъ гость. Ха, ха, ха! да этого нѣ и до вѣчера не хватить.

— Добудемъ, когда понадобится.

— Ну, а сигары-то гдѣ у тебя?

При этомъ вопросѣ, гость уже овладѣлъ чубукомъ, втрое длиннѣ себя ростомъ.

— Вотъ тебѣ и сигары, сказалъ Флоренскій, скрѣпя сердце и снимая съ этажерки почти полный ящикъ съ сигарами.

— Эге, прячешь, любезный.

— Какъ такъ?

— Да что-жъ они у тебя такъ далеко?

— Далекое? на этожеркѣ-то!

— То-то! Ну, съ этимъ мы благополучно доберемся и до завтра.

— Я думаю! замѣтилъ Флоренскій, глядя на гостя, который съ глубокомыслиемъ знатока свидѣтельствовалъ сигары, всѣ вообще и каждую въ особенности.

— Что это — ге... *regalia empresa*.

Говоря это, миниатюрный гость уже дымился, какъ чугуновая фабрика.

— Простакъ ты, простакъ, Флоренскій.

— Это сигары порядочныя.

— То есть ни къ чорту не годятся.

— Да эти сигары...

— Свернуты изъ копченыхъ капустныхъ листьевъ.

— Впрочемъ, я разрѣшаю тебѣ отнынѣ впредь не курить ихъ.

Флоренскій, внутренно радуясь этому бракованію, не могъ однако рѣшиться убрать забракованный ящикъ.

— По моему, курить — такъ курить! продолжалъ дымящійся гость. Покупать сигары, такъ отличныя.

Художникъ тревожно поглядывалъ то на дверь, то на свою недоконченную картину.

— Ты, братецъ.... (*струя дыму*) славный малый.... (*кольцо дыму*). Только, всегда скажу.... (*двѣ струи дыму изъ ноздрей*) человекъ-то ты.... (*нафъ! нафъ! нафъ!*) не современный (*Полное затмѣніе мичмана*).

Хозяинъ, потерявшій своего гостя въ непроницаемомъ табачномъ облакѣ, бросился къ форточкѣ.

— Что это ты Борея хочешь впустить? говорилъ голосъ изъ дыннаго облака.

— Душно стало немножко.

— Помилуй! я и такъ у тебя здѣсь продрогъ.

— Позволь только немного дыму выпустить.

— Давно ли ты сталъ такимъ аристократомъ? Надѣлъ лакированные сапоги и боишься дыму.

— Да я не о себѣ забочусь.

— Ужъ не для меня ли? У меня, братъ, носъ дубовый.

— Совсѣмъ не то. Видишь....

— А, такъ ты гостей поджидаешь: вотъ оно что! Открой, открой, любезный, свою форточку. Я тебѣ не помѣха.

— Какіе тутъ гости!... Видишь, у меня картина еще не просохла; краски слишкомъ свѣжи: все это закоптится.

— Тѣмъ лучше! Больше сходства будетъ съ Рафаэлемъ, съ Рембрандтомъ.... Только закопѣлыя картины и цѣнятся; вѣсто каждой тысячи, возьмешь по десятку. Погляди, въ Эрмитажѣ: передъ свѣжей картиной остановиться совѣстно. Сейчас скажутъ: профанъ! Знаючи приходять въ восторгъ только отъ картинъ, почернѣвшихъ до такой степени, что ничего въ нихъ не размотришь. Ей-Богу, такъ!

Флоренскій, плохо обольщенный этими доводами, принялся осторожно завѣшивать свою картину зеленымъ каленкоромъ.

— Ну, ну; я брошу трубку, произнесъ мичманъ снисходительно. Нечего дѣлать, давай твоихъ кучерскихъ сигаръ. Такъ и быть, сдѣлаю имъ честь.

— Все-равно.... сдѣлай одолженіе, ужъ кури трубку, коли сигары не по душѣ.

— Какъ все-равно? Отъ сигары несравненно меньше дыму... И на вкусъ-то какая гадость, прибавилъ гость, выплевывая откушенный хвостикъ сигары.

— Никого не неволю, сказалъ вполголоса Флоренскій, тономъ философа, глубоко убѣжденнаго въ превосходствѣ своей системы пріобрѣтенія сигаръ.

При этомъ гость обнаружилъ свое негодованіе, — заты-

нулся нестерпиво и, какъ фанатикъ, испустилъ поддраннѣ фонтаны дыму.

— Неужели ты полагаешь, что я сталъ бы курить твою гнилую солому, еслибъ не забылъ захватить побольше своихъ. Видишь ли, тутъ всего-то поддужины — настоящія гаванскія.

Мичманъ торжественно открылъ свою сигарочницу, вышпугую бисеромъ и надушенную табачной эссенціей.

— Нда-съ, гаванскія, братецъ ты мой; да эти сигарочки надо беречь для вечера.... У Пемтефріевыхъ не-бойсь не поддучють.

Флоренскій молчалъ, и это молчаніе могло показаться героическимъ.

— А который-то часъ? спросилъ гость, опуская невзначай руку въ порожній карманъ.

— Двѣнадцатый! отвѣчалъ Флоренскій съ видомъ Петрарки, недождавшагося свиданія съ Лаурой.

— Славно бы теперь выспаться. Всю ночь на-пролетъ прокозыряли. Непремѣнно надо, вечеркомъ, со свѣжими силами сразиться.... Въ-самомъ-дѣлѣ, я что-то утомился.... Третьяго-дня ученье у насъ было.... Однако, что твоя софа поставлена такъ безтолково? На самой середкѣ; тутъ не заснешь, братецъ, ни на-волосъ. Пособи-ко мнѣ поставить ее къ мѣсту.

Нечаянность предложенія парализировала всѣ оппозиціонныя силы Флоренскаго. Выдать свою тайну художникъ опасался, и потому смутился.

— Чего жъ ты глядишь? Я, братецъ, заведу у тебя порядокъ. Самъ поблагодаришь потомъ.

При этихъ словахъ гость-пигмей сдѣлалъ такое отчаянное усиліе, въ намѣреніи подвинуть диванъ, что артерія на лбу бѣдняка приняла видъ каната. Надо было не имѣть ни крошки человѣколюбія, чтобъ отказать въ помощи тщетно надрывающемуся гостю.

И Флоренскій, съ поникшей головой, потащилъ свою софу на обычное мѣсто.

— Вотъ такъ-то комфортное, продолжалъ дѣятельный гость, эпикурейски протягиваясь на софѣ. У тебя я всегда какъ до-

на. Да, пожалуйста, скажи своему олуху, чтобъ онъ всѣмъ отказывалъ. Я серьезно спать хочу.

Флоренсскій, низвѣстный обычай предоставлять своимъ гостямъ неограниченную свободу, на этотъ разъ мысленно распался; но врожденная доброта души не допустила его до энергическаго сопротивленія разрушительнымъ планамъ неготоваго гостя.

— Ты бы лучше такъ, въ спальнѣ у меня легъ, Лососинникъ.

— И здѣсь хорошо. Ты нѣ не мѣшаешь.

— Можеть кто-нибудь этакъ притти....

— Мы снимусь теперь съ якоря... ни за какіе онемы.

— Я видъ теперь вижу портреты и съ барона Ф. и съ актера Х. и съ графа Ю.

— Будь другъ, ушелки. Я сплю.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мичманъ своей эндешической звонотой заразилъ художника и спесобовъ былъ заразить цѣлый кварталъ.

Заполучному живописцу не оставалось иного утѣшенія; лишь приблизить къ Аполлону съ мольбой, чтобъ онъ въ зуети дашъ не послать ему натурщицы. Блестящія отрадные мечтанія, китайскія тѣни поэтическаго мозга, снова подвернулись однообразной пеленой вседневнаго понлаго быта. Поэтъ, творческій духъ, превратился въ платоновское друное бездерое животное.

Въ сверхъестественномъ положеніи сомнамбула, Флоренсскій стоялъ среди табачной иглы, изъ сѣдыхъ волнъ которой здѣсь и такъ выглядывали — край мольберта — великодушный персякъ Юпитера — сапоги мичмана — кулакъ лисоваго бойца — желтыя арабскія на шеѣ барона Ф. и разная другія украшенія мастерской художника.

Вх. эту дмшую, хаотическую минуту послышался преткій, отиѣнно-скромный звукъ колокольчика.... Этотъ, не-видимому меланхимъ звонкомъ, произвелъ на душу Флоренскаго то востальное радости, замигательства и уласу, какое можеть быть произведено только звучаніемъ колокольчика, отъ котораго спурекъ млежень въ руку мично-умершаго....

Впрочемъ, до новыихъ гостей Флоренскаго читателю такъ же мично дѣла, какъ дѣлай-дайтъ до своихъ поклонниковъ.

VIII.

Существуетъ на свѣтѣ не мало поэтовъ, которые отроду не написали ни одного стиха, не создали ни одной рими, и даже никогда не ощущали ни малѣйшаго позова къ гекзаметру; еще болѣе такихъ поэтовъ, которые грѣшны и передъ ямбомъ и передъ перрихиємъ и передъ хореемъ и передъ гекзаметромъ; но такихъ, которые, разрѣшившись поэмой или просто нѣсколькими строфами, не желали бы показать свое дѣтище міру или, говоря типографскимъ слогомъ, не желали печататься, — такихъ поэтовъ, можно сказать утвердительно, не существуетъ; потому что они рѣдки, какъ стерлядь въ Невѣ, какъ морозъ въ Зангвебарѣ, какъ жалость въ сердцѣ врача, какъ воображеніе у гелертера.

Къ разряду такихъ феноменовъ принадлежалъ Флоренскій. Флоренскій былъ не только поэтъ, какимъ, по уставамъ музъ, надлежало-бы быть каждому художнику, но и поэтъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова: онъ часто бросалъ кисть и брался за перо, часто пытался выражать свои мысли — на языкъ боговъ и влюбленныхъ студентовъ. Поэзія была у него неподдѣльною потребностью души. Часто, онъ мыслилъ стихами. Римами разрѣшалась внутренняя музыка его души.

Отъ обыкновеннаго поэта отличался Флоренскій только тѣмъ, что уважалъ всякое орудіе слуха, какъ чужую собственность.

Картины Флоренскаго вы видѣли не на одной художественной выставкѣ, и въ Римѣ и въ Санктпетербургѣ и въ Парижѣ; но изъ стихотвореній Флоренскаго, можно поручиться, вы не прочитали ни одного. Поэтъ совѣстился своихъ стиховъ! онъ конечно, зналъ, что творчество у насъ *не имѣетъ цѣльи*.

Пегасъ — единственный конь, которому, и даровому, въ зубы смотреть.

Не смотря ни на что, поэты у насъ пробиваются изъ толпы на свѣтъ, какъ мохъ изъ-подъ плиты. Въ-самомъ-дѣлѣ нельзя жаловаться, чтобъ наша почва не была поэтической: нѣтъ, она производитъ можетъ-статься мало трюфелей, но поэтовъ производитъ съ избыткомъ. Только, они подвержены участи всѣхъ полярныхъ растений: никогда не дости-

гають полного развитія; враждебный холодъ губить ихъ до срока; часто похожи они на эти обманчивые плоды, находящiеся на берегахъ Мертваго-Моря: радужные снаружи, внутри наполнены безцвѣтнымъ пепломъ...

Какъ колосья на нивѣ, говорить одинъ отставной жрецъ Аполлона, волнуются и зрѣютъ человѣческія мысли.

Но улыбающіеся мечтанія поэтовъ похожи на голубые и алые цвѣтки, безопасно распускающіеся посреди однообразной нивы.

Бѣдные цвѣтки! Суровый жнецъ нарываетъ вырывать васъ съ корнемъ, какъ бесполезные: нѣтъ вамъ у него иного названія, кромѣ плевела; дубовый цѣпъ не щадитъ васъ ни-мало; даже праздный прохожій, которому вы могли бы служить забавою, — и тотъ безжалостно топчетъ васъ ногою...

Только дѣвушка, плетущая вѣнки, благосклонна къ вамъ, голубые и алые цвѣтки: она срываетъ васъ съ любовью, прикалываетъ къ себѣ на грудь или въ волоса, и съ улыбкою торопится туда, гдѣ танцы и музыка, или подъ тѣнь липы, гдѣ шопоть любви — волшебнѣе всякихъ симфоній.

Флоренскій приносилъ всѣ свои поэтическіе плоды единственно на жертвенникъ любви. И хорошо дѣлалъ. Любовь умѣетъ насладиться каждой грамматической ошибкой, какъ творческій произведеніемъ. Но то была *первая* любовь, вѣчность которой, какъ извѣстно, умѣщается въ дюжину мѣсяцевъ.

Для знакомства съ душой этаго человѣка, пороюемся въ его портфель. Между сотнями лоскутковъ бумаги, которые можно-бы принять за образчики писчебумажной фабрики, авось найдемъ теплые слѣды первыхъ подвиговъ его сердца на поприщѣ страсти. Вотъ вамъ цѣлый портфель мечтаній.

Это урна, наполненная пепломъ любви.

Посмотримъ! Вотъ отрывокъ синева-бурой бумаги... Что это? Свѣчь полтора фунта... хлѣба... Виновать! — это *документъ* мелочнаго торговца. Нѣтъ сомнѣнія, это годнѣе на растопку камина, чѣмъ любая элегія. Но какая невидимая муза останавливаетъ мою руку? Чуть-чуть я не предалъ пламени быть-можетъ единственный литературный памятникъ *первой* любви художника.

Поглядите: на оборотъ —

ИМПРОВИЗАЦИЯ!

О, будь моею!... Дивною Альгамброй
 Воздвигну я тебѣ чертоги феи,
 Гдѣ въ лаврахъ не замолкнетъ соловей,
 Гдѣ вѣтерокъ повѣетъ розой, амброй....
 О, я могу чѣ любовію моею.

Средь пышныхъ залъ, при музыкѣ фонтановъ,
 Среди садовъ, гдѣ вѣчная весна,
 Какъ перн будешь ты утаена,
 И красоты твои въ тѣни платановъ
 Облобызасть свѣжая волна.

Уши твои я въ бархатъ, шелкъ и бисеры,
 Насыплю розъ подъ ножкою твоею,
 Вплету алмазы въ прядь твоихъ кудрей....
 Но что весь блескъ, сокровища Голконды —
 Передъ однимъ лучемъ твоихъ очей!

Когда-же утроитъ сонъ твой безтревожный
 Вспорхнеть отъ цоцѣлуя моего,
 Ты поглядишь кругомъ, какъ божество....
 И скажешь ты: — Какъ въ мирѣ все ничтожно,
 Вѣдно, — передъ любовію его!

Какой великодушный бредъ влюбленнаго сердца! Эти импробизирующія посулы сдѣлали бы честь любому испанскому импробизатору. Но что же это была за фея, которой оушли Альгамбру чуть не за каждый поцѣлуй?

Вить-можесть скрепнѣйшая изъ петербургскихъ вѣточекъ, которая дозволялась-бы и свреннѣйшимъ тесовымъ домикомъ гдѣ-нибудь на Пискажѣ или въ полку, или на рѣчкѣ Поросятинкѣ. Но гдѣ же взять пошту свреннѣйшаго домика?

Прогрезвившись отъ хмелья любви, я думаю, какъ радъ былъ быднѣтъ, что его политическое обязательство не за-свидѣтельствовано у нотаріуса....

Нереберемъ еще нѣсколько лоскутковъ, недочисленныхъ, недодуманныхъ, недоверѣныхъ, обгорѣлыхъ, орошенныхъ бесцѣнными слезами любви и дешевой марсалой.. Оставимъ въ пыли и покоѣ всѣ эти лоскутки бушага, нечисленные подъ

минимъ сердца и амфоры (стиль поэта),—на островъ Искія и на островъ Голодаѣ — въ анатомическомъ театрѣ и въ Колизей — въ натурномъ классѣ, покуда зажигались лампы, въ Кыйѣ, при полношъ блескъ неаполитанской луны; да, эти ябвы и амѣбрахи замѣчательны развѣ тѣмъ только, что писались и на порфировыхъ столахъ римскихъ кофеенъ и на обломкахъ архитрава въ баняхъ Каракалы, на холодномъ камнѣ, и на жаркомъ, золотистомъ плечѣ уступчивой Италіи.... Впрочемъ, какое намъ дѣло до нихъ.... то есть, не до Италіанокъ, а до всѣхъ этиаъ осколковъ мысли, до всего этого повѣстическаго сору, выметеннаго изъ души на бумагу, въ формѣ ябвовъ и амѣбрахиовъ?

Обращаю вниманіе только на тѣ изъ стихотвореній, въ которыхъ заключается хроника сердца, могущая дать какое-нибудь понятіе о степени нѣжности и благородства этой натуре. Вотъ вамъ релация о первой борьбѣ души съ страстью.

Напишите за рифмованныя цитаты.

Когда въ тумашій эрой, подъ лисьями спрелд,
 Бывало, въ паркѣ мы искали свѣжей тѣни, —
 Съ какою рѣзвостью, дитя, бросалась ты
 На бархатистый мохъ, на влажные цвѣты.
 Любви не вѣдал, ты взоромъ ужъ пѣвчала....
 И кудри подобрала роскошною рукой,
 Ты на плечо ко мнѣ склонялась головой,
 И такъ доврчиво, мой ангелъ, предавала
 Устамъ своимъ уста цвѣтущія свои
 И щечку, созданную только для любви,
 И грудь, дрожащую въ дыму прозрачныхъ тканей,
 Живую копию съ античныхъ изваяній....

А полдень разжигалъ и возмущалъ въ насъ кровь
 И отравляющимъ дыханіемъ цвѣтовъ
 И пламенемъ лучей.... Липъ ты не понимала,
 Какъ магнетически меня ты пѣловала....
 Ты вса была любовь и — слабость.... Но тверда
 Была душа моя, и страсть въ ней заперта,
 Какъ нумидійскій левъ, въ надежной, мѣдной клеткѣ...

Сомнительно, чтобъ вы любопытствовали знать, чѣмъ вои
 эти опыты, предчувствія любви, всѣ эти сновидѣнія сердца,

кончались. Обыкновенно, чѣмъ всегда, или почти всегда, они кончаются — ничѣмъ!

Поэтъ уѣхалъ отращивать себѣ бороду въ Римъ, гдѣ и такъ-называемые великіе міра сего постоянно находили утѣшенія въ своихъ утратахъ.

Что касается до „живой копіи съ античныхъ изваяній“, — она, какъ надо полагать по теоріи вѣроятностей, съ горя и тоски скоропостижно вышла за-мужъ за прозаическаго, но чиновнаго, вдовца, и немножко развлекла себя многочисленнымъ и двойнымъ потомствомъ.

Значить, вы должны принести благодарственную жертву Аполлону, за то, что онъ сохранилъ Флоренскаго для искусства, не допустивъ молодаго и даровитаго художника опочить душевнымъ сномъ посреди семейнаго благополучія и крику.

Посмотримъ, какъ-то самъ поэтъ судить объ этомъ дѣлѣ, когда уже радужный чадъ страсти не ищетъ ему освѣтить свое прошедшее факеломъ безпристрастной критики.

Вотъ стихотвореніе, навѣянное, вѣроятно, сабинскими вѣтерками.

Тутъ поэтъ еще старается всевозможными приемами увѣрить себя, что сердце его сохранило сладостное воспоминаніе любви —

Какъ хранить разбитая амфора
Ароматъ излскшихъ струй фалерна.

Но вотъ наконецъ я нашелъ пьесу, въ которой поэтъ совершеннолѣтній и невынужденно произноситъ судъ надъ незрѣлою любовью первой молодости.

Не стану беспокоить васъ картиною, гдѣ —

Вѣтеръ спитъ; задумчивая ива
Падъ вродомъ поникла молчаливо....

Скажу короче: поэтъ приходитъ въ глубину запущеннаго сада, и воспоминанія шевелятся въ его душѣ; онъ пересчитываетъ убитыя надежды и свои погибшія мечтанія, съ безжолвнымъ, но холоднымъ уныніемъ,

Какъ считаютъ мертвыхъ послѣ бою....

Даже, поэтъ говоритъ элегически:

Заросла крапивою дорожка,
Гдѣ рѣзвилась маленькая ножка,
Милый слѣдъ въ травѣ заглохъ.

Вмѣсто розъ, вездѣ кусты полыни:
А на торсѣ мраморной богини
Зеленѣетъ влажный мохъ.

Вотъ плющемъ обитая бѣседка,
Гдѣ меня съ возлюбленной верѣдко
Заставалъ вечерній прахъ ...

Но... стихи у него сыплются, точно осенніе листья... Я знаю, вы любите сокращенія, и потому избавляю васъ отъ поэтическихъ излишествъ. Вотъ конецъ:

Вотъ и Фавнъ, который тутъ сквозь лозы
На улыбки наши и на слезы
Такъ насмѣшливо глядѣлъ....

Гдѣ-жъ любовь, гдѣ клятвы?... Вижу явно,
Что усмѣшку мраморнаго Фавна
Разгадать я не умѣлъ....

Мнѣ хотѣлось сдѣлать очеркъ не поэтической, а только первоначальной сердечной дѣятельности Флоренскаго. Первая любовь его поблекла вмѣстѣ съ раннею молодостью. Душа художника вступала въ новый циклъ жизни, очищенная отъ незрѣлой любви и отъ романтизма, просвѣтленная опытомъ и согрѣтая лучами итальянскаго солнца.

Но Флоренскій былъ еще до такой степени молодъ, что едва не влюбился въ натурщицу, которой покуда не видѣлъ.

IX.

Поставимъ новую декорацию. Рабочій кабинетъ, который ничего не дѣлаетъ. Все здѣсь устроено не только съ великолѣпиемъ, но и съ комфортомъ, при которомъ и осмѣ-

надцати-часовая работа въ сутки — не была-бы слишкомъ утомительна. Суконные обои на стѣнахъ, и эластическій коверъ всю комнату, умерщвляютъ всякій шумъ, отнимаютъ рѣзкость у какого угодно звука. Зеленые бархатные занавѣсы на окнахъ и на дверяхъ не допускаютъ сюда ни малѣйшаго вѣшняго шума, ни треску колесъ на булыжной мостовой, ни грохота барабановъ. Тишина, царствующая подъ расписаннымъ, полу-готическимъ сводомъ этого убѣжища, допускаетъ возможность тончайшей умственной работы. Только бы сэръ Исаакъ Ньютону размышлять здѣсь объ основныхъ законахъ мірозданія, которые онъ выдумалъ въ своей заочной вальторпской каморкѣ; только догъ-Мигэлю Сервантѣсу писать бы здѣсь своего Догъ-Кихота, написаннаго въ темницѣ....

Однако, сомнѣваюсь, чтобъ этотъ кабинетъ былъ когда-нибудь свидѣтелемъ труда, тяжелѣе чтенія Монте-Кристо. „Рабочимъ“ назывался этотъ кабинетъ для отличенія его отъ другаго кабинета, гдѣ хозяинъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ утренней прогулки, приготовляя силы для обѣда, театра, раута, и такъ далѣе. Тройныя сторы на окнахъ наполняютъ кабинетъ зеленымъ, бѣлымъ или розовымъ свѣтомъ, по вашей прихоти и пропускаютъ количество свѣту, сообразное съ степенью разстройства вашихъ глазныхъ нервовъ. Для дѣйствительной защиты отъ нашихъ арктическихъ ночей, приготовлена тутъ цѣлая батарея изящныхъ бронзовыхъ лампъ, стѣнныхъ и столовыхъ, на цѣпяхъ и на пьедесталахъ, съ хрустальными, фарфоровыми и атласными абажурами; лампы, замѣняющія солнце, и лампы, замѣняющія луну. Кроме-того разные канделябры, съ зелеными шелковыми зонтиками, готовы пролить столько свѣту, какимъ можно-бы освѣтить все пѣтербургскія вершины.

Кабинетъ украшенъ такимъ количествомъ мебели, какого встарину достаточно было-бы на весь домъ. Неопытный въ современномъ сибаритизмѣ назбалъ-бы это безпорядкомъ, и, пожалуй, еще заблудился бы посреди этого палисандроваго лѣсу.... Но вся эта мебель, повидимому, разставлена на-Удачу, забытая посреди комнаты, была создана и поставлена съ глубокимъ знаніемъ человеческой поясницы. Тутъ были

въ диваннѣхъ услугахъ. Кресла и кушетки, отвѣвляющія всеровножнымъ положеніямъ тѣла, обнимающія члены съ нѣжностью одальщи, уступающія каждому движению, смакающія всякую ванну прихоть, раздвигающіяся и качающіяся, теплыми и прохлаждающія, бархатныя и атласныя, сатъняныя и кашмировыя. Надъ этою мебелью истощено было много воображенія, аще больше—денегъ...

Если по мебели можно отчасти судить о человѣкѣ, то хозяину этого кабинета можно было безпрекословно видѣть дивномъ свѣтскаго сибарита; но если бѣ вы покусились, по вѣдству украшеній комнаты, сдѣлать категорическое заключеніе объ убранствѣ ума, о пригожествѣ души хозяина, вы рѣшительно стали-бы въ-тупикъ: предметы умственнаго наслажденія были здѣсь низведены на степень простаго украшенія; предметы первой необходимости были превращены въ предметы роскоши. Блистательно переплетенныя книги, въ роскошныхъ шкафахъ, были тутъ чисто украшеніемъ, телесность — тоже; а эластическія кушетки и гадкая безхвостая обезьяна, на серебряной цѣпочкѣ—были предметами наслажденія.

Значить, возможно-ли было съ какою-нибудь вѣрностью судить о душевныхъ наклонностяхъ хозяина, не изучивъ предварительно его особеннаго способа употребленія вещей.

Однако, художественныя украшенія кабинета были совсѣмъ не такъ загадочны. Затѣйливыя кронштейны, выточенные изъ орховаго дерева въ видѣ причудливыхъ гротесковъ, поддерживали множество статуэтокъ изъ полупрозрачнаго италіанскаго алебастру, которыя на темно-зеленомъ фонѣ и золотыхъ арабескахъ стѣнъ сверкали бѣлизною карарскаго мрамору.

Это были миниатюрныя флорентійскія копии съ сладострастнѣйшихъ миеовъ Эллады.

Съ такой неподобной коллекціей олимпійской наготы, въ свѣтъ не трудно было прослѣдить знатокомъ классической древности. Въ-самомъ-дѣлѣ, хозяину удалось довольно глубоко изучить, если не изящество, то по-крайней-мѣрѣ, чувственность античнаго міра.

Апулей, Петроній, Аристофанъ (разумѣется, замаскирован-

ные въ Парижѣ) удостоены были здѣсь золотообрязныхъ переплетовъ изъ шагреновой кожи.

По всему этому можно догадаться, что мысли и чувства нашего философа были также далеки отъ платоническихъ, какъ Аенны отъ Петербурга.

Чувственное направленіе характера еще очевиднѣе проявлялось въ картинахъ, представляющихъ — купающуюся одалыку, Діану и Актеона, Марса и Венеру.... Не упоминаю уже о коллекціяхъ гравюръ, которыя прятались отъ любознательнаго юношества обонхъ половъ, и о циническихъ произведеніяхъ китайской кисти, о тѣхъ длинныхъ свиткахъ, которые разворачиваются только въ присутствіи закадычныхъ друзей.

Но изящный, чернаго дерева мольбертъ, стоявшій въ углу кабинета, обличалъ въ самомъ хозяинѣ склонность къ живописи, хотя къ титулу живописца, какъ водится, онъ чувствовалъ почти такое же отвращеніе, какъ къ званію зубного врача. На загрунтованномъ полотнѣ начерчена была мѣломъ какая-то женская фигура....

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ рисовалъ прешло.... хотя и не такъ отлично, какъ игралъ въ карты.

Страсть къ живописи утвердилась въ немъ съ той минуты, какъ онъ убѣдился въ возможности добывать безподобнѣйшія модели. Эта страсть развилась въ немъ замѣтно во время пребыванія его въ Римѣ и Флоренціи.

Правду сказать, дивныя формы этрусскихъ или римскихъ женщинъ способны даже и въ костромскомъ апеллесѣ пробудить художественное чувство.

Но вотъ и самъ хозяинъ, лѣниво потягивающійся и необыкновенно сердитый. И было на что сердиться. Надо вамъ сказать, что человекъ этотъ строго аккуратенъ: любить, чтобъ шампанское было заморожено, лафить — подогрѣть. Вообразите же весь ужасъ его положенія: поваръ, бездѣльникъ, сунулъ ошибкой въ печь бутылку сотерну, и подалъ лафить, — точно изъ погреба. Конечно, повару все это „поставлено на видъ“, но все же объѣдъ, то есть, день, ужъ можно сказать, испорченъ. Къ довершенію досады, вошла.... жена, — да еще безъ доклада.

— Bonjour, папаша!

Свѣтскій сибаритъ морщился на своей бархатной кушеткѣ, какъ-будто лежалъ въ гранитномъ мемюенскомъ саркофагѣ, на вѣкъ двадцати-вѣковой мушнѣ.

— Здравовъ-ли ты, папаша? заботливо спросила молоденькая жена.

— Мнѣ кажется, мы уже здоровались...

— Однако... ты и не собираешься?...

— Куда-это, мой другъ.

— Ты ужь забылъ... папаша!

— Какъ-будто мнѣ только и думать, что о пустякахъ!

— Такъ ты не ѣдешь послушать Моцартовъ Реквиемъ?

— Какъ видишь, сага шіа.

— Что такъ?...

— Дѣла, my love!

— Ну, какой, папаша, — вѣчно съ дѣлами!

— А ты вѣчно надобдаешь мнѣ, мой ангелъ.

— Ну, ну, не буду, не буду.

— Пора-бы и то: тебѣ уже есть добрая четверть столѣтій отроду.

— Бѣдный папаша! его все сердятъ. Бѣдный папаша!

Жена сдѣлала три шага по направленію къ дверямъ; мужу стало полегче. Однако, кивая чрезъ плечо своимъ свѣженьшимъ личикомъ, она вдругъ опять остановилась.

— Да! чуть не забыла.

И физиономія ея выражала сильную потребность въ снисходительности слушателя.

— Ну, что тамъ еще такое?

— Я вспомнила о гувернанткѣ для нашей Зизи.

— Выбрала время, mon amie!

— Прости, папаша.

— Вѣчно придешь, когда я занятъ... размышляю... Вѣчно вѣтшаешь... думать.

— Прости, папаша, но...

Если-бъ у тебя, мой другъ, было столько тысячъ рублей, сколько этихъ *но!*...

— Но... я прошу только позволить представить тебѣ эту гувернантку.

— Что это какая-нибудь желтая дѣва съ подвязанными губами, торгующая двепричастными и своими ветхими сердцами?

— Нѣтъ, папапа, молоденькая.

— Молоденькая?!

— Да, да, успокойся...

— Смазливая и влюбчивая, какъ настоящая гувернантка?

— Не знаю.

— Такъ ты ее и въ глаза не видала?

— Какъ-же я могла безъ тебя, мой другъ?

— Надо посмотреть сперва...

— Весело! У моей Виви будетъ хорошенькая и умненькая гувернантка!

— Почему-жъ ты знаешь, что хорошенькая?

— Мнѣ описали ее какъ чудо красоты, ума и бѣдности.

— Кто же она такова?

— Я спрашивала только объ ея образованіи.

— Ба! такъ по-крайней-мѣрѣ имя...

— Ла... Лава... право не помню, папаша.

Едва успокоенная супруга исчезла за бархатной портьерой, въ противоположной двери появилась выпрямленная и украшенная почтенными съдвигами, фигура камердинера; онъ доложилъ что-то.

— Пусть войдетъ! сказалъ господинъ, убѣдившись прежде собственно очно въ томъ, что бархатный занавѣсъ уже пересталъ колыхаться.

И морщины на лбу сибарита разошлись, какъ у медведя при видѣ медоваго улья, или какъ у врача, при видѣ неподобнѣйшаго хроническаго пациента.

Ту-жъ минуту на зеленой драпировкѣ нарисовался палто, неудовимаго цвѣту поблекшихъ листьевъ, и испуганная физиономія того самого неизвѣстнаго человѣка, котораго Флоренскій встрѣчалъ вовсе не по платью и провожалъ отнюдь не по уму.

Въ пышномъ кабинетѣ, какъ и въ скромной мастерской, этотъ гость исполнялъ почти одинаковую роль, съ тою развѣ только разницею, что здѣсь борода его была не такъ колюча, и что невидимая сила приковывала его еще плотнѣе къ дверямъ.

— Что скажешь, любезный?

— Да вот, ваша милость, нашель... ~~яма~~ ~~извоили~~ за-
кашлять.

— Во-опь?

— Понскаль долгонько, да за-то ужь и нашель!

— Чтó ты?!

— То-есть *этакой* красавицы отродясь не видываль.

Баричь, сверхъ всякаго чаянiя, до-половины приподнялся съ кушетки.

— *Ваша* же дѣло стало? спросилъ онъ торжественно.

И глаза его сверкали какъ у индiйскаго божества Вишну, когда это божество, при сошеетвiи своемъ на берега священнаго Гангеса, встрѣчало молоденькихъ и *многочисленныхъ* ~~ла-
стунекъ~~.

— Да вотъ, дорогá больно.

— Только была бы хороша: ничего не пожалѣю! Мнѣ же модель-то кстати: вотъ картина три мѣсяца стоитъ неоконченною.

Эта *тирада* заставила гостя съ должнымъ почтениемъ обратитъ взоръ на изящный мольбертъ, съ перламутровыми украшениями.

— Тридцать серебромъ... а то и съ мѣста не двинется. Денежки любятъ больно.

— Ду-у-ракъ!

— Можетъ, еще за двадцать-то за нять пойдеть. Только гнѣ-то ужь тутъ — гладки взятки. Пропашій трудъ!

— У-уродъ! за деньгами что-ли у меня дѣло стало?

— Такая, право! прибавилъ гость съ особенною скромностью. Запросила вотъ сорокъ... ~~вогу!~~

Сибаритъ сибаритъ, весьма удивившій въ своей физиономiи выражения радости и досады, — съ торжественнымъ великодушиемъ бросилъ гостю въ лицо кредитный билетъ съ красивою цифрою 50.

Владѣлецъ поблекшаго пальто — обомлѣлъ отъ удивленiя.

— Чтó-жъ она молода?

Сибаритъ говорилъ о натурщицѣ, уже какъ о своей неотъемлемой собственности.

— И какъ еще молода-то.

— А, жива?

— Не такъ-то-съ.

— Держу пари: это или падшій ангелъ... или кокетка.

И сибарить сталъ разсѣянно напѣвать сквозь зубы ку-
плеты:

Немного зла,

Резнива,

За-то мила

На диво...

— Такъ ты говоришь, что красавица... въ полной формѣ?..

— Ужъ останетесь довольны.

— Да женщины-то, братецъ, всё хороши, покуда онѣ у
насъ не въ рукахъ.

— Извѣстное дѣло, сударь: въ чужой рукѣ лопоть великъ.

— Все-же, того... не дурна?

— Очи — съ цѣлковый; ножка — съ пятачекъ.

— Пошелъ городить!

— Эко, право, не вѣрятъ!

— Скажи-ка ты мнѣ лучше, что она, изъ простыхъ?

— Какъ-же это можно?

— Такъ благородная?

— На кружевѣ родилась.

— А родители?

— По бархату ходили, на серебрѣ кушали.

— Какъ такъ? Гдѣ-жъ ты подцѣпилъ такую пташку?

— Ужъ я-съ, для вашей милости, — и въ огонь и въ
воду...

Эта фраза была говорена съ таинственной и обязательной
улыбкой.

Аматеръ вонзилъ въ присутителя испытующіе взгляды, по-
томъ сказалъ:

— Ты, мой другъ, большой негодяй.

— Чѣмъ бы, кажется, могъ заслужить отъ вашей милости
такія прозвища?

— Говори, ты гдѣ видѣлъ твою крас... эту натурщицу?

— Какъ-гдѣ видѣлъ? А на похоронахъ-то.

— На похоронахъ?! У кого?

— А у нихъ-же и были похороны. Никакъ мать ихнюю по-

хорошнн. Такъ вотъ и заливалась сердешная горчающими слезами.... А пригожа, песь ее..! И горе-то не взяло : хороша какъ хороша. Тутъ-же мнѣ и пришло на разумъ : — Тото-бы натурщица знатная.

— Съ кѣмъ-же она-то была ?

— А хорошенечко не досмотрѣлъ. Шляпа-то больно на глаза дѣзла. Я былъ съ факеломъ.

— Что-о ? Съ факеломъ ?

— Точно такъ-съ.

— Такъ ты и факельщикъ ?

— Радъ служить вашей милости.

— Спа-асибо !

— Не стоитъ благодарности.

— Хо-орошъ!... Какъ-же ты того... познакомился-то ?

— А какъ ! Въ мелочной поразспросилъ.

— Ну !

— Угостилъ того-другаго...

— Какъ же ты узналъ, что она въ натурщицы-то думаетъ?...

— Бѣдность приструнить, такъ, не бойсь, подумаетъ.

— Плу-уть !

Это прѣвѣтствіе было принято съ улыбкой глубочайшей признательности.

— Такъ того... поторопись.

— Ужъ какъ-же, надо уважить вашей милости.

— Когда хочешь : пожалуй хоть сегодня...

— Какъ можно-съ ? Развѣ вотъ черезъ недѣлку-съ.

— А сегодня-бы чертовски удобно.

— Какое ужъ сегодня рисованье. Смеркается.

— Твое-ли это дѣло ?

— Какъ-же-съ : съ меня тоже всегда днемъ картины писали.

— Разсуждать сталъ !

— Виновать-съ.

Х.

Сцена освѣщена зеленовато-блѣднымъ ноябрьскимъ утромъ. Мѣсто дѣйствія — .....ая улица въ окрестностяхъ Глухой

пришли, съ большою декорациею пустыни Голодая. Время — поздній разовѣтъ бурной ночи, той самой ночи, въ которую мы видѣли Мавинию посреди прибывающихъ волнъ, въ темноту между умирающей бабушкой и страшной руганицей, просунувшейся въ окно съ такимъ неяснымъ намѣреніемъ, что даже самъ проницательный Милордъ введенъ былъ въ сомнѣніе и не принялъ ея за руну помощи....

Галерная гавань оправлялась отъ своего обычнаго, впрочемъ неопаснаго, припадка водобоязни.

Серебристая чайки, обманутыя темнотою и волнами, и залетѣвшія въ эти улицы, какъ въ настоящія рѣки, только теперь замѣтили свой промахъ, и удалялись пугливо на взморье.

Выгода дырявыхъ мостовъ оказалась очевидною: вода исчезла съ нихъ мигомъ. По улицамъ также не надо уже было искать броду: улицы по прежнему зеленѣли, не давая ни пыли ни трескотни моднаго проспекта, и представляя еще гаванскимъ фактронамъ бесплатную и безошлинную возможность собирать, передъ фасадомъ своего дома, — щавель или молодую крапиву.

Въ каждомъ палисадничкѣ, у cadaго окна просушивалась домашняя рухлядь, конечно не представляя и призрака того живописнаго неряшества, какимъ восхищаетъ насъ самый жалкій изъ сицилійскихъ городишекъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь нищета челоуѣка не встрѣтилась съ роскошью природы. Впрочемъ, все въ галерномъ селеніи вошло или входило въ обычную колею.

Хлѣбникъ удвоенною дѣятельностью старался вознаградить потерянную ночь, и — такой право весельчакъ — вотъ ни на грошъ не тужилъ, что муку ему подмочило морскимъ разсоломъ. Услужникъ Вакха, расторопный парень, въ красной рубахѣ съ пестрыми ластовицами, остриженный *подъ дубинку*, ловко удовлетворялъ многочисленнымъ требованіямъ „очищеннаго“, и весело замѣчалъ своимъ разнокалибернымъ пациентамъ, что ночью вино побраталось съ моремъ....

Повсюду видѣлась жизнь, или по-крайней-мѣрѣ, то, что въ .....ей улицѣ называется жизнью.

Тутъ, хозяинъ дома, въ малиновомъ плисовомъ халатѣ,

подпоясанномъ полотенцомъ, исправлялъ должность дворника, высвобождая отъ разнаго нанесеннаго водою хлама, калитку, надъ которою красовалась надпись: домъ губернскаго секретаря ***. Тамъ — прихвѣрная хозяйка съ успѣхомъ замѣнила выбитыя стекла въ оконницахъ — опытами каллиграфическаго молодого поколѣнія.

Любители порядка и благоустройства дѣятельно занимались уборкою съ общественнаго пути — дровъ, обильно нанесенныхъ волнами морскими отовсюду.

Между этими добровольными тружениками, дѣятельнѣе всего оказывался человекъ въ короткомъ овчинномъ пальто, несмотря на свою правую руку, перевязанную траницей подъ самымъ пульсомъ; чего не скрывалъ ветхо-дохляотный и вѣже-изодранный рукавъ.

Лицо этого человека, отъ времени и; разумеется, было всего отъ обстоятельствъ, приняло неподражаемый колоритъ чугуна; подернутого ржавчиной. Не говорю уже о рукахъ: взглянувъ на эти падени, вы могли бы подумать, что владѣлецъ ихъ служилъ непремѣннымъ кочегаромъ въ каждомъ изъ адовъ, открываемыхъ на свой счетъ и страхъ повтами; отъ Гомера до Котляревскаго включительно. Волосы, торчавшіе изъ подъ фуражки вышнѣ-волоцкаго фасону, ни цвѣтомъ ни добротою не уступали гнилой кровельной соложѣ.

Пройдя мимо полосатаго столба, къ которому прилепился будочникъ, съ выраженіемъ, во всѣхъ членахъ, того невозмутимаго спокойствія, какое доставляется только полнымъ убѣжденіемъ, что во всемъ околоткѣ не случится ничего сверхъестественнаго; — человекъ въ овчинномъ шугаѣ попытался завязать разговоръ.

— Здорово, служба!

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, будочникъ съ достоинствомъ моргнувъ усами, колючими, какъ у дикобраза.

— Ишь какъ тутъ у васъ чисто: ни пылины! продолжалъ собиратель дровъ.

— Господь послалъ....

За колоссальною веснушкой, покрывавшей у служиваго все лицо, трудно было разсмотрѣть на немъ выраженіе радости или печали.

— Что, не смыло каюту-то?

— Не, Господь миловал!

— То-то!

Женщина съ скромно-потупленными глазами, обладавшая счастливымъ даромъ — не проронить мимо уха ни одного чужаго словечка, проходила въ эту минуту по зыбучимъ и не кстати упругимъ мосткамъ. Она остановилась.

— Какъ это, служивый? спросила изумленная прохожая, обращаясь офенциально къ будочнику: развѣ вода была здѣсь у васъ и на улицахъ?

Форма и тонъ этого запроса показали будочнику какъ-то особенно лестными.

— Была! отвѣчалъ онъ, махнувъ рукою такъ весело, какъ-будто сейчасъ подарили ему вязанку дровъ.

Какъ-будто зная несловоохотливость служиваго, человекъ съ подвязанной рукою поспѣшилъ поддержать разговоръ, и тономъ обманувшагося въ своихъ надеждахъ, прибавилъ:

— Какое! Попугала только.

Прохожая, вопросительно выпуча глаза, выказала свою способность подражать эху.

— Попугала?

— И по коленно-ть вотъ не было на улицъ...

— По коленно?!

— Да; никакъ вотъ у самаго *эфтого* домишка челночекъ-отъ мой сѣлъ на мель.

— На мель?!

— Нѣшто вы не здѣшнія?

— Тото что нѣтъ, любезный. Я на Пескахъ живу.... свой домикъ.... хоть и не великъ, да свой.

— Сво-ой?... Прррокая собачица! чтобъ тебя....

— Чего жъ ты бранишься, а? Кажется, я ничего....

— Нѣтъ-съ, я про себя.... Вотъ собаченку спасъ, а она за спасибо-то....

— Ужъ я думала!... Стало, и въ домахъ вода была, любезный?

— Какъ же-съ.

— Господи Исусе!

— Да пустякъ: всего-то вершка на три была въ горницахъ. Такая ли вода бываетъ?

Въ-самомъ-дѣлѣ, на этотъ разъ Петрополь (стиль покойной школы поэзін) не всплылъ какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ. Грандіозность бурной ночи, въ другихъ частяхъ нашей вѣчно-юной Пальширы, была замѣчена развѣ только двумя или тремя дамами, у которыхъ, при выходѣ изъ кареты, порывъ вѣтру значительно повредилъ бальную прическу; да, потомъ, полудюжиною поэтовъ-романтиковъ, которые, дешевазны ради, поселились какъ-можно ближе къ жобу и были постоянными слушателями всевозможныхъ симфоній Эола, магически устроивающаго изъ каждой трубы — свою арфу.

— Послушай, служивый, обратилась любознательная прохожая къ будочнику: скажи — никто у васъ тутъ не потонулъ?

Служивый довольно долго разглядывалъ свою аллебарду, какъ-будто ища написаннаго на ней отвѣта; потомъ повторилъ вопросъ.

— Потонулъ?

— Да, я спрашиваю: не потонулъ ли кто здѣсь, повторила прохожая, возвысивъ тонъ голосу на три ноты.

— Кому-жъ потонуть бы?

— Хоть не можешь ли меня успокоить на-счетъ вотъ того домика.

— Мало ли ихъ тутъ, домиковъ-то.

— Видишь, вонъ сѣренькій домикъ?... Мой-то будетъ гораздо лучше.

— Гдѣ это?

— А вонъ.... разъ, два.... шестой отселева будетъ.

— Вонъ этотъ-то?

— Да, да.

— Который?

— Ну, да съ разбитымъ окномъ-то.

— Ставень оторванъ гдѣ?

— Онъ самый. Такъ не случилось ли тамъ бѣды?

— Не могу знать.

— Не было ли слышно крику?

— Надо быть — кричали....

— Такъ и есть! На помощь звали.

— Да вѣдь, вотъ вѣдь и этта шумѣли.

— Что кричали-то?

— А вотъ спрошу у товарища.

Между-тѣмъ человекъ съ раненой рукой, иронически оскаля зубы, стоялъ по-одаль, точно какъ ораторъ, въ очередь своей очереди, соображающій — какъ бы ловче затѣмнить уны билетатальными парадоксами.

— Меня бы лучше спросили, почтенная, замѣтилъ онъ сурово, когда служивый обратился къ своей собесѣдницѣ тыломъ.

— А ты кто-какой, любезный?

Никогда вопросъ о существѣ холеры не затруднилъ бы такъ совѣтливаго врача; никогда вопросъ о лѣтахъ не затруднилъ бы такъ беззубую красавицу, какъ, по-видимому, затруднилъ этого неизвѣстнаго человека простой и вовсе неожиданный вопросъ: кто ты таковъ? Однако шутъ удачно отдался косвеннымъ отвѣтомъ:

— Я тутошній.

— Ну, что же ты знаешь хорошенькаго?

— Да ночись я съ челночкомъ печитай всѣ улочки извѣздилъ. Помогу давалъ добрымъ людямъ.

— Вотъ добрый-то человекъ. Богъ тебя не забудеть.

— А люди-то не-бойсь забываютъ...

— Что люди!

— Спасай, спасай, а вотъ тебѣ за спасибо!

И костыльскій герой показалъ свою руку, повязанную тряпичей.

— Да вѣдь ты еказывалъ, что это тебѣ собачка...?

— Все-равно.

— И многимъ помогъ ты, любезный?

— Въ этомъ, вашемъ-то, домицкѣ тоже былъ. Гребу лопатой.... слышу кричатъ; причалилъ къ окошку: слышу — на помощь зовутъ. Дѣло христіанское! Выбѣ въ окно.... гляжу — дѣвчоночка, блѣдная — лица не видать, да и такая слабая навидь, съ больной старухой возится. Кричить: тонемъ, тонемъ! А и воды-то было на полу много-много что на-четверть; до щекотки чуть хватало. Какъ тутъ утонешь? Старуха-то въ водяной никакъ; въ своей водѣ тонула; растя-

гулась, да и не шевельнется. Взялъ одну въ охапку, потомъ и другую взялъ въ охапochку, да и снесъ въ сохранности на чердачекъ: Тамъ поотогрѣлись сердечныя.

— Бѣдненькія!... А я то? — на кофеишко собралась къ книгѣ. Дать такая!

— Съ Песковъ вы, что ли? Ну, не сто-же версть.

— Да успокой-же поскорѣе: скажи, живы ли?

— Живѣхоньки.

— Ну, слава Богу.

— Только, кабы не я навернулся, такъ ужъ пришлось бы мховато....

— Ну, спасибо, спасибо тебѣ, мой милый. Тебѣ-то самому, я думаю, какъ весело, что двѣ христіанскія души спасены удалось.

— Спаси-то спасъ, а благодарности вотъ никакой.... Только знай руки цѣлуешь.

— Кто это руки цѣлуешь?

— Нѣтъ, я про дѣвчоночку-то говорю.

— Бѣдняжка!.. Однако я закалякалась. Бѣжать добро къ бѣдненькімъ.

При этой прощальной фразѣ, собесѣдникъ вдругъ закатилъ глаза подъ лобъ и монотонно жалобнымъ голосомъ произнесъ:

— Осмѣлюсь ли беспокоить милость вашу.... не соблагово-лите ли.... вспоможеніе.... человекъ бѣдный.... жена и дѣти.... была такая.... малостью доволенъ буду.

Глубоко тронутая прохожая великодушно опустила руку въ камютовый мѣшокъ колоссальныхъ размѣровъ, съ которымъ, кажется, она не разлучалась даже и ночью; но въроятно, вспомнивъ, что первымъ движеніемъ души никогда не слѣдуетъ увлекаться, потому-что оно прекрасно, — она вынула руку торопливо, какъ-будто ужаленную скорпіономъ.

— Мелкихъ нѣтъ, любезный: Богъ подастъ!

— Что это? Ужъ не милостыню ли.... вы думаете?... Ошиблась, сударыня.... не изъ такихъ.... Обозналась, почтенная.

Смиренная прохожая была уже далеко, а искатель приключеній и дровъ — все еще провожалъ ее несслыханными присутствіями.

XI.

Если вамъ понадобится отличный факельщикъ, или обязательный поставщикъ натурщицъ, или образцовый слуга дни на два; или, по-крайней-мѣрѣ, талантливый драгиль.... никого не рекомендую вамъ, кромѣ Финагенча. Имени и фамиліи этого человѣка я не знаю. Мѣстожителство его иногда еще и можно узнать; но имени и фамиліи — никогда. Любопытно знать — до какой степени эти предметы роскоши, извѣстны ему самому.

На пространствѣ земли, отъ Костыля до крайнихъ предѣловъ Голодая, герой нашъ составилъ себѣ громкую извѣстность — подъ именемъ Финагенча. Художники между собою, домашнимъ образомъ, называли его *Финагешкой*.

Слѣдственно, если-бъ кто-нибудь покусился отыскать обстоятельную родословную Финагенча, — считайте это такимъ же смѣлымъ подлогомъ, какъ знаменитая Санхоніатонова рукопись.

Родители, родственники — все это были для Финагенча отвлеченные миры, о которыхъ онъ имѣлъ понятіе по наслышкѣ. Что касается до воспитанія, то Финагенчъ въ этомъ отношеніи могъ-бы позавидовать послѣднему рысаку, который даже никогда не удостоивался никакого приза на публичныхъ скачкахъ.

Своейравная судьба, соединяющая такъ часто — глупость съ деньгами, — умъ съ безденежемъ, — безобразіе съ дѣятельностью, — красоту съ лѣнью, — дѣйствуетъ отнюдь не такъ слѣпо и не бессмысленно, какъ обыкновенно полагаютъ.

Судьба привела Финагенча на свѣтъ бездомнымъ бѣднякомъ, и онъ довольно долго укорялъ ее за это распоряженіе, вовсе и не замѣчая, что благодѣтельная мать-судьба снабдила его на дорогу настоящимъ талисманомъ, который давалъ возможность жить припѣваючи....

Финагенчъ созданъ былъ сущимъ Антиноемъ. Дивные члены, отлитые въ античную форму, скрывались, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ скаредными лохмотьями, какъ прекрасная статуя скрывается, въ Помпѣ, подъ массою пеплу и грязи.

Честь открытія красотъ Финагенча принадлежитъ скульп-

тору Б., который встрѣтился съ нимъ гдѣ-то въ купальнѣ, когда этотъ Антиной плавалъ съ приткостью тритона. Художникъ невольно заглядѣлся на необыкновенную *ляжку* этого торса, на изящную ногу, на мускулистую руку....

Въ-самомъ-дѣлѣ, глядя на этого еще очень молодаго человека, даже и не-поэтъ могъ помечтать о томъ, — что за пламенная любовь создала на свѣтъ такое рѣдкое дитя, какія прелестныя руки нянчили его, какимъ нектаромъ его поили?

Разумѣется, на всѣ эти интересные вопросы, Антиной не умѣлъ отвѣчать ничего, и не мало изумился художественнымъ восторгамъ скульптора Б.

Финагенчъ до-той-поры и не подозрѣвалъ, что судьба выдала ему его долю счастья *натурой*. Конечно, не малаго труда стоило художникамъ извлечь эту неподобную модель — изъ тѣны петербургскихъ угловъ и неизвѣстности.

Финагенчъ изумился, когда увидѣлъ, какія невообразимыя выгоды можетъ извлекать онъ изъ каждаго своего мускула. И вотъ вокругъ него столпилось все, о чемъ тысячи людей могутъ только мечтать, всѣ блага жизни — квартира, столъ, отопленіе, освѣщеніе и, сверхъ всего, — о наслажденіе! — жалованье, какому позавидовалъ бы не одинъ труженникъ.

Финагенчъ зажилъ Сарданапаломъ.

Но это благополучіе и было корнемъ и началомъ всѣхъ превратностей его оригинальной жизни.

Состояніе его съ каждымъ днемъ незамѣтно улучшалось, а художественныя линіи его тѣла незамѣтно портились. Новый слой жиру исподволь, медленно, но неотразимо, искажалъ красоты его туловища.

Въ натурномъ классѣ послышались жалобы, что не всѣ *часки* у натурщика обозначаются какъ слѣдуетъ, что тѣни недостаточно явственны, что полу-тѣни рѣшительно неуловимы.

Хорошо знакомые съ художественною анатоміей, вознаграждали всѣ эти недостатки въ натурщикѣ — средствами своего воображенія.

Профессоры, какъ самые опытные, замѣтили всю бѣду — послѣдніе.

— Да вы близоруки! Вамъ бы очки хорошо.... повторяли они молодымъ ученикамъ.

Некоторые действительно и послушались, усердно принялись разстраивать свои глаза очками. Потомъ велѣно было прибавить лампъ. Ничто не помогло. Свѣтлѣй глазъ не могъ обмануться. Финагенчъ съ каждыиъ классомъ терялъ свои тѣни, и округлялся какъ аэростатъ, наполняющійся газомъ. Въ продолженіи каникулъ съ нашего натурщика еще была возможность писать Бахуса, но ко времени открытія натурального класса, Антиной окончательно превратился въ бегемота.

Художественный судъ академіи приговорилъ Финагенча къ острацизму. Уволенному натурщику выдали аттестатъ безподобный.... Но никогда такой прекрасный аттестатъ не орошался такими горькими слезами. Глубину отчаянія растолстѣвшаго Антиной особенно хорошо нестигнуть некоторые стелчные львы, у которыхъ половина благосостоянія основана на красотѣ ноги или на атлетическихъ формахъ става....

— Чѣмъ бы, кажется, не натура, право? повторялъ Финагенчъ, разглядывая періодически каждую субботу, свои бечениватые члены.

Но когда одинъ изъ современныхъ нашихъ Рафаелой, лично сказалъ Финагенчу:

— Съ тебя, братецъ, можно писать теперь только носороговъ.

Финагенчъ упалъ ему въ ноги.

Эта нижайшая, безсловесная просьба рѣшительно озадачила нашего профессора. Трудно было облегчить эту горе отъ жиру, хотя Финагенчъ и обѣщаль *исправиться*. Ему поручили исправлять должность манишена. Бѣднякъ принялъ на себя трудъ драпироваться и алой тогой и бархатной мантией — просто за-безцѣнокъ — за три цѣлковскихъ въ мѣсяць.

Другая протекція дала Финагенчу случай отличиться на поприщѣ зажиганія лампъ въ рисовальныхъ классахъ. Значитъ, фортуна не оовсѣмъ обернулась къ Финагенчу тыломъ. Однако все-таки золотой и даже серебряный вѣкъ — были далеко.

— Бывало, говорилъ Финагенчъ своимъ собутыльщикамъ: бывало отбою нѣтъ отъ художниковъ. Тому давай руку, второму ногу; одному надо дописать голову Александра Македонскаго, другому — спину уродливаго Калибана, третьему —

еще Цецилия... Все это по въ счетъ класснаго жалованья. Доходи знатныя. Голова Македонскаго — полтинничекъ; за Калибана — оно крошечку потрудиве — трехрублевый, а за Цецилию — и весь цѣлковенькій. Теперь, все нини пропало!

Решительно, гдѣдний вѣкъ наставлялъ для злополучнаго Финагенча.

Бывало, Финагенча буквально на части рвали. Теперь какой-то живописецъ, вѣроятно по примѣру Тиціана, нисавшаго лучшую изъ своихъ Венеръ съ толстяка Аретино, пригласилъ отставленнаго за дородностью Финагенча, съ намѣреніемъ изобразить какую-то восточно-идеальную красавицу, чуть-ли не Шехеразиду, или кажется, шестую жену пророка; но вынужденъ былъ сдѣлать натурщику нижеслѣдующее заглавіе:

— Съ тебя, любезный, можно писать одну только ветху.

Финагенчъ попривыкъ къ подобному чествованію, и уже не обижался. Притомъ, онъ и въ жирѣ нашелъ нѣкоторое утѣшеніе; дородность принесла ему свои проценты.

Какой-то молодой живописецъ, обыкновенно очень шумно восхищавшійся Шекспиромъ на русской сценѣ, задумалъ, вѣроятно, полагаясь на пословицу—*смѣлымъ Богъ владеетъ*, предать полотну лучшія изъ созданий гениальнаго драматурга. Выборъ палъ прежде всего на Фальстафа, какъ на лицо самое осязательное.

Безспорно, Финагенчъ не обладалъ еще тѣми массами жиру, какими гордился знаменитый Шекспировскій весельчакъ и объѣдало. Однако и Финагенчъ былъ уже порядочнымъ Титаномъ... изъ голландскаго сыру.

Пыхтя и задыхаясь, но не безъ успѣха, исполнилъ онъ, въ неподвижной позѣ, роль Фальстафа, бѣгущаго съ поля трактирной битвы. Къ-сожалѣнію, такой счастливой практики больше не представлялось. Живописцы и скульпторы не могли безъ сарказма взглянуть на унывающаго толстяка.

Финагенчъ началъ роптать на судьбу. Яблочная торговка, которой онъ обыкновенно повѣрялъ свое горе, пробудила его дремлющую совѣсть.

— Себя вини, никого больше. Бога забывъ, постовъ не соблюдалъ какъ слѣдуетъ: вотъ тебѣ моржомъ и сталь, а не человѣкомъ.

И Финагенчъ, какъ прилично доброму христіанину, сталь поститься по середамъ и пятницамъ.

Вслѣдъ затѣмъ, какой-то филантропъ, не умѣющій впрочемъ жить на-счетъ тѣхъ, кому благодѣтельствуешь,—изъ состраданія къ безвинно-жирѣющему Финагенчу, далъ ему нѣсколько гигиеническихъ совѣтовъ и особенно предписалъ толстяку какъ-можно побольше гулять.

Намѣренія филантропа были безукоризненны; но по несчастію, онъ не припомнилъ, какое значеніе придается слову „гулять“ словаремъ плебейскимъ.

Финагенчъ выполнилъ предписаніе съ пагубною точностью... и избавился не только отъ жиру, но и отъ значительнаго количества своего мяса, все это менѣ чѣмъ въ двѣ недѣли....

Мускулы проглянули снова; кости тоже. Финагенчъ, свидѣвшись опять съ своими скулами, на-радостяхъ чуть не разбилъ обломокъ зеркала, въ которомъ впрочемъ лицо свое онъ могъ видѣть не иначе какъ по частямъ.

Торжество Финагенча было такъ велико, что на этотъ радостный день онъ освободилъ всѣ лампы отъ обычной чистки.

Въ натурномъ классѣ было темно, но свѣтло было на душѣ у Финагенча.

Бѣднякъ и не подозрѣвалъ, что жиръ на столько же входитъ въ составъ красоты, на сколько и худоба; не понималъ, что въ формахъ его обнаружилась плачевная угловатость, и что, вмѣстѣ съ слоемъ жиру, эти формы лишились по-крайней-мѣрѣ пятидесяти процентовъ.

Мало того: Финагенчъ три дня праздновалъ свое, какъ онъ выражался, *спаденіе съ жиру*. Этими праздниками зло усугубилось. Худосочіе, какъ тайный червь, начало подтачивать и разрушать прекрасный организмъ.

Благосостояніе этого человѣка, зависѣвшее прежде отъ нѣсколькихъ лишнихъ линій жиру, теперь утрачено было невозвратно. Однако счастье снова улыбнулось Финагенчу. Еще разъ прихотливая судьба возвысила его на пьедесталъ на-

турнаго класса. Но скоро оказалось, что должность судьбы исправляла тутъ дѣятельная протѣкція!... И торжество его было не долго.

Глядя на свои оскудѣвшіе бока, Финагеичъ сталъ горевать не на шутку, и съ-горя похудѣлъ еще ужаснѣе.

Надоушили-было его—опять добрые люди—полезѣять, походить себя по-барски.... Но машина была уже разстроена. Излишекъ питанія являлся въ формѣ неуклюжаго наросту въ окрестностяхъ желудка. Благодарный желудокъ, въ видѣ вознагражденія за роскошь, въ какой его содержали, щедро надѣлялъ Финагеича, то рубиновымъ прыщемъ, то набабдашникомъ на носъ, и такъ далѣе.

Бѣдняга начиналъ догадываться, что худоба будетъ для него гибельна не меньше дородности. Тучность степнаго погѣщика и щедушность нью-меркетскаго жокея—равно подверглись-бы острацизму натурнаго класса.

Однажды, когда Финагеичу надлежало выказать всю красоту своихъ мускуловъ, въ роль Ахилла, оказалось, что Финагеичъ годенъ только на изображеніе Коцея-Безсмертнаго.

Художественное поприще Финагеича заключилось. Двери натурнаго класса закрылись за нимъ на-вѣки. Нечего было надѣяться на красоту своего тѣла, надо было положить всю надежду на его крѣпость. Настойчивый желудокъ пережилъ и красоту членовъ и художественную славу Финагеича.

Надо было рѣшиться выступить на новое поприще—зарабатывать кусокъ хлѣба, — не снимая съ себя одежды. Надо было привести въ дѣйствіе мышцы, которыя прежде достаточно было обнажить.

Въ эти тяжкіе дни испытанія, когда Финагеичъ въ свою очередь, говорилъ: быть или не быть! — онъ нечаянно задалъ себѣ глубоко-метафизическій вопросъ — о цѣли своего существованія... Но тотчасъ-же и утѣшилъ себя сознаниемъ, что онъ живетъ на свѣтѣ для того, чтобы добывать по семи серебряныхъ рублей каждомѣсячно!

Извѣстно, что злополучіе порицается только людьми не дальновидными, людьми ни мало не проницательными. Нѣтъ. и злополучіе къ чему-нибудь пригодно. Злополучіе, какъ это

случается почти всегда, открыло въ Финагенчѣ бездну смысленности, дѣятельности и, наконецъ, сотню разнообразнѣйшихъ талантовъ. Отставной натурщикъ созналъ въ себѣ силы, какихъ и не подозрѣвалъ.

Первый шагъ его на новомъ поприщѣ ознаменовался объявленіемъ, которое было сочинено однимъ изъ знакомыхъ грамотѣевъ и припечатано въ вѣдомостяхъ. Главнымъ достоинствомъ такихъ объявленій должна быть скупая краткость въ соединеніи съ щедрою замысловатостью. Финагенчъ надиктовалъ такъ:

„УПРАВИТЕЛЬ, опытный въ своемъ дѣлѣ, предлагаетъ свои услуги, преимущественно на отъѣздъ. Тутъ-же, за неимѣніемъ мѣста, продается кровать и малоподержанная гитара.“

Ни разу не случилось-бы Финагенчу вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ Титомъ сказать, — *diem perdidit*. Богатырскимъ сномъ наслаждался Финагенчъ на ночлегѣ, который обходился ему обыкновенно въ двѣ копѣечки серебромъ.

Но Финагенчъ уже смекалъ, что судьба предназначила его для чего-то высшаго.

Какъ сущій гений, онъ пренебрегалъ рекомендованными ему мѣстами дворника, и тому подобное.

Онъ чувствовалъ, что не рожденъ для званія сторожа, хозяина, или мусорщика.

Голодь доставилъ ему множество случаевъ убѣдиться въ универсальности своего гения. Финагенчъ научился превращать каждую минуту—въ копѣйку. Дѣятельность его начиналась вмѣстѣ съ пѣтушиною.

Имя примѣрное отвращеніе отъ чаю, съ-той-поры, какъ цѣловальникъ внушилъ ему мысль, будто вся бѣда (то есть, дородность) ему приключилась отъ китайскаго зелья, — Финагенчъ успѣшно замѣнялъ китайскій напитокъ кореннымъ русскимъ.

Раннее утро проводилъ онъ на рыночной площади, въ качествѣ приватнаго дрягиля; отличался расторопностью и фантастическимъ костюмомъ, въ которомъ было сляніе барскаго элемента съ лакейскимъ и отчасти съ кучерскимъ. Досугомъ своимъ Финагенчъ пользовался для распространенія круга знакомствъ, въ доступныхъ ему слояхъ общества.

Потомъ отправлялся къ гробовщику, и облакался въ наемный трауръ: иногда въ черный фракъ, увѣшанный разноцвѣтными лентами, или въ черную хламиду, опрятную и приличную, или короткую и узкую, изодранную и загрязненную,—сообразно съ чиномъ или съ заслугами покойнаго.

Въ счастливый день, удавалось ему принимать дѣятельное участіе въ двухъ и даже въ трехъ погребальныхъ процессіяхъ. Съ выгодныхъ похоронъ, Финагенчъ возвращался домой въ отиѣнно-веселомъ расположеніи духа. Впрочемъ, добраго покойника провожалъ онъ всегда съ сожалѣніемъ... что добрякъ уже не можетъ умереть вторично.

Въ самый плохой день, когда покойниковъ было мало, и то все бѣдняки, которые отправлялись на покой вѣчный безъ помощи лакея, украшеннаго разноцвѣтными ленточками, и находили свою дорогу и безъ факеловъ,—Финагенчъ пускался на-рысяхъ въ какой-нибудь за-парголовскій лѣсъ и впродолженіе цѣлаго дня, съ ломтемъ хлѣба, даже безъ соли, предавался весьма сантиментальной индустрии, а именно: шлея вѣночки изъ разнообразныхъ иховъ, какіе только могла представить ему чахоточная сѣверная Флора. Обвѣшанный со всѣхъ сторонъ вѣнками, и зеленѣющей, точно обросшей иховъ лѣшій, Финагенчъ, на утро, являлся на кладбищѣ, и собиралъ пошлину съ печали. У него были заготовлены вѣнки на всѣ степени душевнаго прискорбія. Смотри по драгоцѣнности покойника, за вѣнокъ платили пятачекъ или гривенникъ (скорбь не торгуется на могилѣ), а вѣнковъ у продавца бывало дюжины по три, — значитъ капиталъ да и только! Но все это не удовлетворяло ненасытной души Финагенча.

Въ-самомъ-дѣлѣ, передъ Финагенчемъ открывалось поприще новое, блистательное, какъ сновидѣніе, навѣянное опіумомъ, дѣвственное, какъ первобытныя американскія рощи, и такъ-же мало разработанное у насъ, какъ роскошныя украинскія степи: я говорю о поприщѣ поставщика натурщицъ.

Въ Римѣ, всѣ *модели* извѣстны на-перечетъ, даже каждая уже оцѣнена, сообразно съ степенью своего тѣлеснаго изящества. Художники тамъ наизусть знаютъ, *напримѣръ*, у

которой натурщицы божественный торсъ, или античнымъ образомъ изваянная грудь, плечо Венеры или грудь Дианы...

У насъ — натурщики не составляютъ отдѣльнаго сословія. Это по большей части люди, прислуживающіе искусству мимоходомъ, въ часы досуга.

Женщина-модель — существо здѣсь неслыханное, извѣстное только художникамъ, которые молчатъ о своей модели, изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ цинизмъ.

Въ Петербургѣ имѣются всѣ сорта женщинъ — и мужнія жены и жены безмужнія, вдовы, полувдовы и даже дѣвцы, чиновницъ — тѣмъ, но собственно натурщицы ни одной. Натурщицъ здѣсь надо создавать, какъ въ Голландіи создаютъ почву, какъ въ Лондонѣ создаютъ молоко, а у насъ — шампанское. Правда, создать изъ обыкновенной женщины натурщицу — едва-ли не труднѣе, чѣмъ изъ глыбы мрамора создать статую. Часто образцовыя женщины-модели таятся у насъ въ мракъ и лохмотьяхъ, какъ золото въ грубой массѣ кварца. Часто, для того, чтобы показать натурщицу художнику, приходится одѣть ее съ головы до ногъ.

Существуютъ, впрочемъ, у насъ *полунатурщицы*: я говорю о балаганныхъ фигуранткахъ: но тѣ обыкновенно ищутъ ремесла болѣе положительнаго.... Что же касается до балетныхъ фигурантокъ, то онѣ имѣютъ скромную склонность обольщать издали, стараются рисоваться въ газовомъ туманѣ, полускрытыя, за картоннымъ кустомъ, или въ холщевыхъ волнахъ; до-крайности любятъ показать роскошь своихъ формъ при романтическомъ сіяніи бумажной, напитанной масломъ, луны; или при безсовѣстно-лживомъ блескѣ раппы.

Желающій, — изъ видовъ искусства, — познакомиться поближе съ этими неуловимыми феями, за-частую бываетъ долженъ довольствоваться изящными очертаніями формъ, довершенныхъ ватю, или роскошной косой, созданной въ мастерскихъ господина Гелію.... не говорю уже о румянцѣ, купленномъ въ косметическомъ магазинѣ.

Во всемъ остальномъ эти декорационныя граціи не стоятъ мизинчика тѣхъ красавицъ, которыя служили моделями Праксителю и Фидіасу. Онѣ оправдываютъ мнѣніе поэта, который говорилъ, что если античный венеринъ поясъ замѣненъ нынче

сромивши платиень, то это, всего болѣе, потому, что человечество устыдилось своихъ оскудѣвшихъ членовъ, обнищавшихъ форизъ. Впрочемъ, трудно сдѣлать повѣрку—на сколько тутъ истины.... Знаю только, что нынѣшнія вакханки пьютъ исключительно кофе, и согласятся скорѣе на сеансъ любви, которая любитъ таинственную тѣнь, чѣмъ на сеансъ художества, которое любитъ полный свѣтъ солнца.

Я уже сказалъ, что натурщицъ наша почва не производитъ: надо создавать ихъ съ огромными пожертвованіями времени, предприимчивости и смысленности и.... *ultima ratio*—денегъ.

Художники за хорошую модель платятъ хорошо; аматеры — отлично. Значить, есть изъ чего похлопотать. Не мудрено, что Финагенчъ на этомъ интересномъ поприщѣ обличалъ дѣятельность безпримѣрную въ лѣтописяхъ натуральныхъ классовъ. Ревностный слуга Аполлона, онъ проникалъ во всѣ пріюты нищеты, лѣни и порока, извлекая оттуда прелестнѣйшія и самыя молодыя жертвы, и возвращая ихъ, по принадлежности, искусству.

Къ—сожалѣнію, главною пружиною всей этой дѣятельности была корысть. Финагенчъ устраивалъ всегда такъ, чтобы плата процѣживалась сквозь его пальцы. Имѣя снисходительность дѣлиться платою съ натурщицами, поставщикъ этого художественнаго товару строго наблюдалъ, чтобы три четверти общаго заработка оставались у него въ карманѣ. Эта монополія, разумѣется, вредила самой индустріи. Натурщица, совершенно чуждая искусства, часто завербованная хитростью, естественно не могла пристраститься къ своему ремеслу. Завлечь ее въ этотъ міръ красокъ, табаку и аттической непринужденности, завлечь въ этотъ міръ, пахнущій маковымъ масломъ.—разумѣется, можно было только серебряной приманкой. Не малаго *стоитъ*, чтобы скромная дѣвушка или даже рѣшительная женщина, до такой степени полюбила художества, чтобъ сдѣлалась натурщицей. Значить, звонкая приманка тутъ вещь первостепенная. Натурщица, плохо вознагражденная за свой трудъ.... или лучше сказать за свою рѣшимость, — скоро убѣдится, что шить халаты для больницы, — несравненно выгоднѣе.

А чуть которая была по-смазливѣе, тотчасъ же смекала, что красота дана ей не по-пусту, и неистовно заботилась о томъ, какъ бы получить съ своей красоты законные проценты, примѣрно, вступить въ бракъ, и тому подобное.

Короче сказать, Финагеичъ, какъ безрасчетный скряга, на-ровнилъ зарѣзать курицу, которая несла ему золотыя яйца.

Взглядъ этого-то василиска случайно упалъ на Лавинію, на Лавинію, у которой отняты были и блистательная будущность и даже самыя скудныя средства жизни; но, къ несчастію, не отняты были ни греческій овалъ лица, ни ди-вино-развитый станъ, ни андалузская ножка....

Покуда алчный паукъ систематически раскидываетъ свои сѣти.... повторяю: если надо будетъ посвѣтить вамъ факеломъ при послѣднемъ вашемъ триумфальномъ поѣздѣ, или надо будетъ поставить вамъ живьемъ какую-нибудь мифологическую богиню, или даже и цѣлую группу трехъ грацій, или, просто утоптать сырую землю надъ вашимъ послѣднимъ приютомъ.... повторяю — никому не исполнить все это такъ раторно и охотно, какъ исполняетъ Финагеичъ.

XII.

Въ одинъ изъ этихъ дней, когда мутность петербургскаго неба сообщаетъ мутность и душѣ, когда будущее страшить, и самыя безотрадныя сцены минувшаго кажутся особенно милыми, Лавинія, между остатками парижскихъ папильотокъ, въ первый разъ замѣтила въ одной изъ своихъ шкатулокъ нѣсколько листковъ, исписанныхъ рукою матери. Это были послѣдніе, и по-несчастію разрозненные, листки тетради, куда покойная записывала ежедневныя замѣтки. Листковъ, къ прискорбію Лавиніи и къ удовольствію читателя, сохранилось немного. Эта рукопись еще благоухала атмосферой будоара... Предлагаемъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ нашли: безъ начала и даже безъ уголка, оторваннаго, вѣроятно, тоже на папильотку.

проскользнуло слово нищенство. Лавинія потребовала у меня объясненія этого рогагаго термина.

„— Это бѣдность эпидемическая, мой другъ, которою заражены цѣлые кварталы блистательнѣйшихъ столицъ образованной Европы. Я не умѣла дать опредѣленія, болѣе вразумительнаго. Лавинія пренаивно обратилась ко мнѣ съ новымъ вопросомъ.

„— Да растолкуйте мнѣ, маменька, хорошенько, что такое бѣдность.

„Я наговорила Лавиніи много; всего не упомяну.

„— По опредѣленію старинныхъ китайскихъ философовъ, бѣдность не порокъ. Современные политико-экономы, неутомимо трудящіеся надъ разъясненіемъ этого вопроса, уже обезсмертили себя прибавкою втораго члена опредѣленія: и не добродѣтель. Отсутствіе одного этого слова было источникомъ невообразимыхъ злоупотребленій первою половиною фразы. Чтобъ хорошо понимать бѣдность, надо быть бѣднымъ. Бѣдность—вещь относительная. Одинъ почитаетъ себя горемыкою, потому что не можетъ купить деревни; другой убѣжденъ, что поймалъ чорта за хвостъ (какъ говорятъ Американцы), если успѣлъ снести въ сохранную кассу одну радужную ассигнацію.

„Графа *** въ свѣтъ называютъ нищимъ за то только, что онъ не держитъ четверни. Баронесса *** глубоко скорбитъ о томъ, что она не въ состояніи послать бѣлье свое для мытья въ Парижъ, Boulevard des Italiens, № 9.

„Одинъ морщится, запивая страсбургскій пирогъ столѣтнимъ токайскимъ; другой торжественно крестится, принимаясь за краюшку хлѣба съ макиной.

„Все это зависитъ отъ большаго или мѣншаго развитія воображенія и жолчи.

„Нищета происходитъ отъ тысячи причинъ и является въ тысячѣ видахъ. Бываетъ нищета (точно также, какъ и богатство), которая уважается; бываетъ нищета (точно также какъ и богатство), которая преслѣдуется...

„Впрочемъ, мой другъ, замѣтила я Лавиніи, судьба, кажется, оградила тебя отъ печальной необходимости разкрывать скальпелемъ язвы общества.

— „Пошлите, маменька, подхватила меня Лавинія: врачи звать же въ Египеть и Индію изучать чуму и холеру, разужбется, не изъ опасенія заразиться этими болѣзнями, а только изъ желанія помочь другимъ.

„Вы ручаетесь, что я не буду бѣдна, значить у меня будутъ средства быть полезной многимъ. Остается только научиться отличать истинную бѣдность отъ поддѣльной...

„Меня радуетъ благородная душа моей дочери. Дѣйствительно, такой образъ мыслей у молоденькой богачки — просто феноменъ. Въ эти лѣта, для насъ вальсъ былъ несравненно важнѣе благотворительности.

„Лавинія взяла съ меня слово, въ томъ, что первымъ выздами ея въ свѣтъ будутъ посвященія убогихъ и страдающихъ семействъ.»

Читая этотъ листокъ, Лавинія очень хорошо припоминала и пышный обѣдъ съ серебромъ, съ цвѣтами, съ музыкой, и декабрскія ягоды, и гастрономовъ, избѣгающихъ всякаго грустнаго мотива въ разговоръ, изъ опасенія нарушить благополучный процессъ пищеваренія.... Она, по-видимому, не находила тутъ ровно ничего достойнаго сожалѣній. Изумлялась только бѣдняжка той самоувѣренности, съ какою покойная нѣтъ ручалась за блестящую будущность.... разлетѣвшуюся врахомъ, такъ нечаянно.

Лавинія не суждено было вступать въ свѣтъ, гдѣ конечно ее не прельстила бы роль блестящей куклы, или очаровательнаго демона; нѣтъ, улыбающійся эгоизмъ, въ раззолоченныхъ залахъ, не принялъ Лавинію подъ свое покровительство; а первымъ субъектомъ, на которомъ довелось ей изучать бѣдность, была она, злополучная, сама.

Слѣдующіе листки были, по-видимому, потеряны: иначе нельзя объяснить этотъ непосредственный переходъ отъ зимнихъ впечатлѣній и замѣтокъ — къ лѣтнимъ.

Фраскати, чебоксарскаго уѣзда, юля, 18...

„Лѣтняя ночь подарила насъ всѣми своими очарованіями. Въ такія ночи въ Италіи даются подъ балконами серенады, а

въ Испаніи прицѣпляются къ балконамъ шолковыя дѣстницы.... И мы тоже наслаждались благодатною ночью, которая здѣсь такъ рѣдки: мы играли на балконѣ въ вистъ—преферансъ. Жаль было посмотреть, какъ цѣлыя стаи комаровъ, мошекъ, и ночныхъ бабочекъ, привлеченныя изъ всего парка блескомъ нашихъ лампъ, падали жертвами своей любви къ новизнѣ и свѣту. Лавинія, не опасаясь прослыть сентиментальною, просила пощады.

„Лампы были унесены; но сѣверная луна, и въ полномъ своемъ блескѣ, не позволяла различить пиковый тузъ отъ червоннаго. Вистъ—преферансъ прервался на самомъ патетическомъ мѣстѣ. Однако мужъ перенесъ это довольно стойчески.... Чего не сдѣлаетъ онъ для своей любезной дочери?

„Я воспользовалась минутой, когда партнеры поспѣшили въ покой, устроить прерванную партію, — и, съ союзными силами луннаго свѣта и благоуханія ночныхъ цвѣтовъ, я напала въ—распlohъ на отеческое сердце. Результатъ былъ самый трогательный: мнѣ удалось захватить для Лавиніи и подмосковное помѣстье. Мужу невозможно было противиться.

„Я произнесла всѣ священныя для него слова. Заклинала его небомъ и биржей, отеческииъ сердцемъ и акціями, любовью и дивидендами.... Я истощила все материнское и на-клерское краснорѣчіе.

„Будущность моей Лавиніи представляется мнѣ все болѣе и болѣе блистательною.

„Въ эту прекрасную ночь и серебро луны сіяло ярче обыкновеннаго по—крайней—мѣрѣ десятью процентами.“

„Сегодня принесены рисунки прелестнаго дома, назначеннаго въ приданое моей дорогой Лавиніи. Это одна изъ восхитительнѣйшихъ дачъ на южномъ берегу Крыма, недалеко Алушты. Эдемская мѣстность, чудесный климатъ. Горы, море, виноградъ и мусульманская гѣнь! Заманчивый край! Въ прошломъ году, когда мы въ послѣдній разъ посѣтили нашу крымскую виллу, мнѣ казалось, что мы опять въ Италіи.

„Не болѣе двухъ мѣсяцевъ я подышала этимъ прозрачнымъ воздухомъ, покупалась въ соленыхъ волнахъ, догуляла по горамъ, держась за хвостъ татарскихъ бѣгуновъ (татарскія

метода горныхъ путешествій), и возвратилась на нашъ ревматическій съверъ сущею богинею здоровья.

„Нашъ домикъ, окруженный виноградниками, немощно тѣсенъ. Однако и въ немъ я провела много прекрасныхъ минутъ, вдали отъ этого мишурнаго свѣта, отъ его ложныхъ нуждъ и поддѣльныхъ радостей.

„Помню, съ какимъ аппетитомъ, послѣ прогулки по крымскому взморью, или послѣ купанья въ морѣ, я принималась за свой завтракъ, къ которому мнѣ между-прочимъ подавали виноградъ всѣхъ цвѣтовъ — зеленый, желтый, сѣтло-голубой, черный, гранатовый и розовый. Олимпійскій нектаръ, навѣрно, приготовлялся изъ розоваго винограду.

„Мы рѣшились построить пріютъ, достойный такой изящной женщины, какова, надѣюсь, будетъ моя Лавинія. Архитектору я наказала только, — въ этомъ жилищѣ соединить Парижъ, Каиръ, Неаполь, Альгамбру, Венецію и Багдадъ.

„Архитекторъ выполнилъ мое наставленіе, какъ сущій поэтъ. Крымская вила Лавиніи — будетъ настоящая поэма, созданная изъ мрамору, изъ бронзы, изъ цвѣтовъ и живописи.

„Вотъ рисунокъ парижскаго салона со всѣми причудами и утонченностями современной моды. Вотъ азіятскій павильонъ, бѣлый съ золотыми арабесками, съ низенькими софами и коврами. Вотъ предестный кабинетъ въ античномъ помпейскомъ вкусѣ, съ изящными статуями и сладострастными фресками; съ мраморными столами и мозаическимъ поломъ, на которомъ даже не забыто обычное римское *salve*. Вотъ древне-афинскій дворикъ, окруженный легкимъ перистилемъ: посерединѣ фонтанъ, осыпающій своими влажными жемчугами гигантскіе листья тропическихъ растений; вмѣсто плафона — голубое небо; особенно нравятся мнѣ эти фризы, съ своими купающимися нимфами и гирляндами изъ морскихъ цвѣтовъ. Во всемъ здѣсь царствуетъ аттическая грація.

„Вотъ и чертежъ хорошенькаго сада. Надѣюсь, дикая, величественная природа на этотъ разъ не будетъ обезображена мелочнымъ искусствомъ. Главное зданіе стоитъ на возвышенномъ холмѣ, фасадомъ обращено къ морю, а задній іоническій

ческой портикъ опускаетъ свои бѣлыя ступени въ синія струи озера, на которомъ колышатся двѣ венеціанскія гондолы. Мнѣ пріятно подумать, что въ этомъ волшебномъ уголкѣ Лавинія найдетъ воспоминанія о всѣхъ краяхъ, которые мы посѣщали вмѣстѣ“.

Читая эту страницу, крѣпко напоминавшую Арабскія Ночи, Лавинія съ какою-то ироническою грустью поглядывала на миткалевья занавѣски маленькихъ оконъ, на стѣны, окрашенныя перловой краской и принявшія отъ времени и трещинъ, видъ карты водныхъ сообщений. Она была восхищена этимъ чтеніемъ, какъ мы подчасъ восхищаемся цвѣтистымъ сновидѣніемъ, которому однако жъ ни мало не вѣримъ. Лавинія, совершенно чуждая гордости, такъ мало знала существенныя сокровища своей свѣтлой души, что рѣшительно считала себя недостойною всей этой неслыханной роскоши, которою намѣревались окружить ее родители. Она даже безпрестанно всматривалась въ почеркъ своей матери, готовая ежеминутно сомнѣваться въ его подлинности. Но все свидѣтельствовало, что это не апокрифъ.

Лавинія старалась увѣрить себя, что все это ни больше ни меньше, какъ воздушные замки, построенные маменькиною фантазією на листкѣ бумаги.... но, множество мелочныхъ, во все непозитическихъ подробностей рѣшительно устраняли подобное подозрѣніе.

Какъ бы то ни было, Лавинія продолжала читать благоуханную рукопись съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ читается въ золотомъ возрастѣ первый романъ, первая поэма, когда мы съ трепетомъ и наслажденіемъ впервые вступаемъ въ идеальный, невѣдомый міръ, спѣшимъ вкусить плодъ добра и зла въ эдемъ воображенія.

„Наконецъ рѣшено, — Лавинія увидитъ Европу.

„Мужъ поручилъ мнѣ начертать общій планъ нашего новаго путешествія.

„Постараюсь избѣжать рутинны. Ни зачто не поѣду на зиму мерзнуть въ Италіи или въ Ницѣ, посреди дипломатиче-

ской хандры и аристократических ревматизмовъ. Зимой не заблудить только въ Петербургъ, да развѣ въ Парижъ. И такъ осенью, поклонившись дрезденской Мадоннѣ, мы погуляемъ по Рейну, отвѣдаемъ юганнисбергскаго винограду, и будемъ восхищаться готическими развалинами, которыя, впрочемъ, производятъ на мою душу тяжелое впечатлѣніе. Лавинія также довольно свѣдуша въ исторіи; при видѣ этихъ разоренныхъ гнѣздъ феодализма, воображеніе ея наполнится мрачными призраками; такъ-называемые рыцари явятся подъ иными, менѣе романтическими именами....

„Зиму проведемъ въ Парижъ. Цѣлая зима въ столицѣ европейскаго вкуса и житейскаго изящества — порядочный курсъ свѣтской философіи.

„Весну встрѣтимъ на Борромейскихъ островахъ. Альпы и Швейцарію оставимъ въ запасъ для наслажденій будущаго года. Италію надо видѣть лѣтомъ, точно такъ же, какъ Петербургъ надо видѣть зимой. Виноградная лоза безъ гроздій, виллы безъ цвѣтовъ, замерзшія лагуны — все это вовсе не такъ привлекательно, какъ воображаютъ.

„Венецію надо видѣть весною, когда подъ ея восточными аркадами вѣютъ вѣтерки съ іонійскаго моря; когда прозрачность неба придаетъ ветшающему великолѣпію Венеція особенно-меланхолическій характеръ.

„Въ Римъ путешественники обыкновенно спѣшатъ ко времени перваго весенняго новолунья — эпохѣ католическихъ праздниковъ, процессій и фейерверковъ; но въ эту пору вѣчный Римъ превращается во временной Лондонъ. Протестанты шумно толпятся въ ватиканской базилікѣ, какъ въ залѣ спектакля. Римскій форумъ получаетъ сходство съ ярмаркой.

„По античному пути триумфаторовъ развѣзжаютъ лондонскіе торговцы, которые, впрочемъ, придаютъ мало красоты вѣчному городу.

„Правду сказалъ Гейне, что Англичанинъ, посреди правильныхъ итальянскихъ профилей, всегда похожъ на статую съ отколотымъ носомъ.

„Чтобы вполнѣ насладиться красотами античнаго міра, надо востѣдывать Ватиканъ и форумъ, когда они пустыни.

Развѣ ѣхать для того, чтобы Лавинія, восхищаясь Аполлономъ Бельведерскимъ, могла сравнить съ нимъ европейскихъ джентльменовъ; или, глядя на дивную муку Лаоккоона, постигалась надъ гримасами, какими обыкновенно выражается эстетическій восторгъ туристовъ.

„Неаполитанское взморье надо видѣть облитое ослѣпительно-золотымъ свѣтомъ лѣтняго солнца, или ночью, при грозномъ заревѣ Везувія.

„Въ Палермо можно, пожалуй, удалиться на зиму... гулять въ вѣчно-зеленыхъ лавровыхъ аллеяхъ и любоваться январскими цвѣтами.

„На слѣдующіе годы остаются намъ — Лондонъ, Мадридъ и Константинополь.

„Ровно черезъ два мѣсяца мы празднуемъ совершеннолѣтіе Лавиніи.

„Великій день! Все, что гадлось за рѣшеткой, темерь надменно явится на свѣтъ! Лавинія объявятъ, что и она имѣетъ право жить, что она женщина.

„До сихъ поръ ее увѣрали, что она ребенокъ. Но что значать самія серьезныя увѣренія, когда кровь закипаетъ, вполне-развитыя формы просятся жить и воображеніе ослѣпляетъ своею магическою фантазмагоріей. Что значать тогда увѣренія?

„Какъ ни старалась инквизиція убѣдить Галилея, что земля стоитъ неподвижно, онъ топнулъ ногой и сказалъ: А все-таки она движется!

„Настаетъ пора, когда и Лавинія топнетъ ногой и, съ рукой на сердцѣ, скажетъ: Что ни говорите, а оно бьется!

„Какъ жаль, что истинное познаніе любви пріобрѣтается только собственнымъ опытомъ, часто цѣною разбитаго сердца... Какъ жаль, что даже и мать не можетъ быть хорошимъ корричимъ дѣвическаго сердца, посреди бурныхъ дней страсти и молодости.

„Байронъ справедливо называетъ любовь вѣрованіемъ, у котораго есть свои мученики — растерзанныя сердца.

„Что сказала бы Лавинія, если бъ въ день ея совершенно-

линя, вместо вслкихъ наставленій, я прочтала ей такую тираду?

„Поэты представляютъ намъ любовь, такъ же какъ ваятель изображаетъ красоту, какъ музыкантъ создаетъ мелодію; надѣленные высшею организаціею, они, жрецы искусства, соединяють въ своемъ воображеніи чистѣйшія стихіи жизни, прекраснѣйшія линіи матеріи и самыя гармоническія голоса природы.

„Въ Аѳонахъ было множество прелестныхъ женщинъ; Пракситель срисовалъ всѣхъ ихъ по-очередно, и наконецъ изъ этихъ разнообразныхъ типовъ красоты, которые однако всѣ были не безъ недостатковъ, геніальный художникъ создалъ красоту единственную, совершенную, создалъ статую Аѳродиты. Изобрѣтатель перваго музыкальнаго инструмента, прежде чѣмъ установилъ законы музыки, долго вслушивался въ пѣсни птичекъ, въ гармонію морскихъ валловъ и въ мелодическій шопотъ прибрежныхъ тростниковъ.

„Такъ и поэты, глубоко изучившіе человѣческое сердце, видѣвшіе вокругъ себя всѣ степени любви и наконецъ глубоко прочувствовавшіе сами, до какого павоса можетъ иногда возвышаться истинная страсть, пытались представить ее во всей чистотѣ, устраняя всѣ грубые элементы, свойственные человѣческой натурѣ. Такъ созданы поэтами эти таинственныя имена, вѣчно-юныя, не смотря на прожитыя или вѣка — Дафнисъ и Хлоя, — Геро и Леандръ, — Пирамъ и Тизбе, — Ромео и Джульетта.

„Искать въ нашей существенной жизни подобной любви, вѣчной и безусловной, — все равно, что искать на площади женщинъ, прекрасныхъ какъ Венера, или хотѣть, чтобы соловьи насвистывали Бетховенскія симфоніи“.

„Въ эти дни я много помышляю о Лавиніи. Что это будетъ за женщина? Какую роль будетъ она играть въ свѣтѣ?

„Напрасно, въ свѣтѣ и въ модныхъ книгахъ, ищю я женщины, которую могла бы я избрать образцомъ для моей Лавиніи. Материнская гордость ищетъ все чего-то выше, ищетъ недостижимаго идеала:

„Не помню, гдѣ-то я читала премилую аттестацію женщинамъ разныхъ націй. Но и тутъ не нахожу сноснаго образца для моей Лавиніи.

„Испанки — чудо-женщины, любятъ пламенно, неизмѣнно, сердце у нихъ правдиво.... до неистовства; но.... стiletъ спрятанъ за корсетомъ.

„Итальянки — слишкомъ склонны къ чувственности; въ мущинахъ ищутъ преимущественно широкихъ плечъ, и снимаютъ мѣрку съ своего возлюбленнаго, какъ сущія портнихи.

„Англичанки холодны, жеманны, высокопарны и.... слишкомъ много знаютъ....

„Нѣмки нѣжны, мягкосерды, но ужъ черезчуръ монотонны и вялы.

„Француженки остроумны, изящны, кокетливы, сколько необходимо, даже немножко сладострастны, но лгутъ и обманываютъ, какъ сущіе демоны“.

„Русская женщина.... она, въ этомъ европейскомъ спискѣ забыта, виѣсть съ красавицами востока.

„Русская женщина мнѣ нравится: въ ней есть свои недостатки, свои предрасудки, но всѣ они не укоренены такъ глубоко, чтобъ нельзя было уничтожить ихъ безъ большихъ усилій.

„Это почва — скорѣе невоздѣланная, чѣмъ бесплодная; это цвѣтокъ, если блѣдный и вполонину развитый, то отнюдь не отъ бѣдности своего организма, а единственно отъ грубости садовниковъ, отъ душноты окружающей атмосферы.

„Русская женщина способна къ самому прекрасному, высокому, утонченному воспитанію....

„Случалось мнѣ, на водахъ, за границей, встрѣчать женщинъ, которыхъ я могла почесть Парижанкой первѣйшаго сорта, и Англичанкой чистѣйшей породы.... Это были русскія.

„Я полагаю, что изъ русской женщины можно сдѣлать все“.

„Мнѣ надобѣли всѣ эти сказки для взрослыхъ, называемыя современными романами. Я обратилась къ поэзіи первобытнаго міра. Читаю Магабарату, Саконталу, Рамайяну.

„Отъ нихъ вѣтъ допотопной весною. Я воображала, что эти эпосы и драмы, написанныя во времена дѣтства міра, не знаютъ ничего, кромѣ младенческой ясности души и улыбки. Я ошибалась. Произведенія индійской поэзіи такъ же наполнены сѣтованіями о скоротечности жизни, и непрочности земныхъ благъ. Запишу эти слова изъ Рамаяны.

„Какъ капля росы, дрожащая, трепещущая, держится на листѣ лотоса, такъ и земное счастье чловѣка вѣчно колеблется, вѣчно готово рушиться“.

„Меня уговорили попробовать хашишу. Не знаю, гдѣ добыто это чародѣйское зелье: кажется, у врача Ш***, который недавно возвратился изъ Каира, и еще утверждаетъ, что въ моемъ тѣлѣ такой огромный запасъ электричества, что я нѣтъ мало шансовъ умереть отъ холеры... развѣ вотъ отъ тифуса....

„Хашишь—это шепотка Магометова рая, принимаемая въ видѣ зеленого тѣста. Однако жъ меня совершенно напрасно пугали, будто я могу пристраститься къ этому убійственному наслажденію. Надо имѣть организмъ, приспособленный къ мусульманскому кейфу, надо полюбить эту странную микстуру созерцанія и чувственности, которая извѣстна подъ названіемъ *восточной жизни*... и потомъ уже можно отважиться на постепенное самоуничтоженіе съ помощію опиума.

„Я отвѣдала хашишу единственно изъ любопытства, которое хуже всякаго демона-искусителя... Но хашишь понравилась мнѣ не болѣе фатализма.

„Въ этомъ чудномъ сомнамбулизмѣ души, я видѣла міръ на-изнанку; видѣла тысячи невообразимыхъ метаморфозъ, тысячи восхитительнѣйшихъ искаженій природы, чловѣка и искусства... и одно только о-сію-пору меня изумляетъ: то, что я ни чему видѣнному не удивлялась.

„Передо мной букеты цвѣтовъ звучали дивными симфоніями; передо мной хохотало и улыбалось розовое море: вѣсто волнъ рѣзвились обольстительныя наяды; звѣзды благоухали; банкиры раздавали милостыни....

„Я видѣла бурю, съ градомъ изъ опаловъ, аметистовъ, изумрудовъ, рубиновъ, алмазовъ. Благодворная фея, съ клочками

хлопчатки въ ушахъ и даже, кажется, не безъ табачерочки въ карманѣ, защитила мою бѣдную голову отъ этого адски-прекраснаго граду, предложивъ мнѣ зонтикъ, склеенный изъ макулатуры Кантовой „Критики чистаго разума“. Бура была убійственно-великолѣпна. Я видѣла потомъ множество неоспоримыхъ красавицъ, побитыхъ драгоценнымъ градомъ.

„Я испытала также что-то въ родѣ колоесальнаго голоду, какимъ могутъ быть одержимы одни поэты. Я чувствовала себя въ положеніи того алчнаго мечтателя, которому, вѣроятно не за сочнымъ завтракомъ, казалось, что онъ въ состояніи скушать всѣхъ индостанскихъ слоновъ, и схватить знаменитую страсбургскую банню вмѣсто зубочистки.

„Кромѣ того, я ощущала такую же сантиментальную жажду, какъ тотъ поэтъ, которому хотѣлось выпить весь млечный путь.

„Все это, какъ мнѣ казалось, было въ порядкѣ вещей. Мнѣ было весело и смѣшно, какъ Китайцу, привезенному въ Лондонъ. Только одно видѣніе меня поразило. Въ клубахъ разноцвѣтной пыли, подымавшейся съ пышнаго шоссе изъ ящмоваго и малахитоваго щебня, порхала молоденькая красotka, съ румянцемъ осеннихъ листьевъ, съ губами, изсохшими не столько отъ поцѣлуевъ, сколько отъ голоду. Позументы на плечахъ ея баскины были забрызганы грязью. Ударяя въ свой обветшалый тамбуринъ, звучавшій точно гробовая крышка, когда на нее бросаютъ землю, — поблекшая Эсмемальда плясала.... плясала съ явнымъ усиленіемъ немножко поразогрѣть свои тощія, окоченѣвшія, но гладкія какъ агать и когда-то дивныя ноги....

„— Знатная была модель, да повортилась! сказала какъ-будто какой-то художникъ, которому плясунья улыбалась такъ уныло, такъ уныло.

„Я протянула руку, съ намѣреніемъ подать бѣдненькой какую-то монету, и узнала.... Лавинію!!!

„Это зрѣлище было до такой степени несбыточно, сверхъестественно, что я не повѣрила ему даже подъ вліяніемъ обольстительнаго хашиша.

„Я проснулась и протрезвилась отъ изумленія“.

В ЯКОВЛЕВЪ.

П О В Ъ Д К А

КЪ ЮЖНОМУ ОТКЛОНУ ЭЛЬБРУСА

въ 1848 году.

=

Все, что только можно сказать о роскошной долине Кисловодска, о цѣлебныхъ свойствахъ Нарзана, о веселомъ превращеніи времени втеченіе курса, о домотопныхъ окаменѣлостяхъ, находимыхъ за Красною-Горюю, о вулканическихъ причудахъ по Березовой и Орѣховой балкамъ, о дивной Кольцо горъ, о красотѣ горныхъ лѣній и богатствѣ кавказской флоры, — уже извѣстно всѣмъ читающимъ періодическія изданія. Въ самый день пріѣзда моего въ Кисловодскъ, я былъ приглашенъ къ обѣду княгинею ***, гдѣ нашелъ прежняго своего сослуживца, полковника Б***. Передъ обѣдомъ, молодой корнетъ графъ С*** привезъ извѣстіе о взятіи Гергебили, и эта вѣсть развеселила всѣхъ. За столомъ пили шампанское за успѣхъ русскаго оружія. Послѣ обѣда завязался разговоръ и полковникъ Б*** высказалъ, между-прочимъ, намѣреніе свое отправиться, на дняхъ, въ небольшую экспедицію, для осмотра постовъ по передовой линіи и для посѣщенія горскихъ племенъ, живущихъ по Кубани, Улакуну и Баксану, съ тѣмъ, чтобы при томъ случаѣ открыть, если возможно, кратчайшій путь по свѣтовому южному отклову горы Эльбруса, отъ Хурауда къ Урусюю.

Удобный случай увидѣть, такъ сказать, сердце Кавказа, польстилъ нашему воображенію и собралъ около Б***, кромѣ полковника П*** и пристава карачаевскихъ народовъ, еще меня и живописца К***. Мнѣ недоставало только мѣстнаго костюма, но и этимъ снабдилъ меня храбрый, радушный товарищъ, князь ***, который имѣлъ несчастіе полатиться ногою при осадѣ Салтовъ, и теперь лечится въ Кисловодскѣ.

Въ понедѣльникъ, 19 іюля, отправились мы на свѣжихъ казачьихъ лошадяхъ изъ Кисловодска, черезъ промежуточный постъ, на Бермамытъ, занимаемый довскими казаками, и перемѣнивъ лошадей на обоихъ пунктахъ, прибыли на ночлегъ въ Бечесинъ. Дорога на шестнадцать верстахъ идетъ вверхъ надъ лѣвой окраиной Березовой балки, мѣстоположеніемъ открытымъ, возвышающимся все болѣе и болѣе къ юго-западу. Вездѣ на этомъ пространствѣ инвалиды, деньщики и поселане, съ ихъ женами и дѣтьми, занимались свободно и безъ всякаго оружія, уборкою хлѣба и сѣна. Изъ густой травы, между копытами нашихъ лошадей, выпархивали перепелки, и линейные казаки ловили ихъ руками. Горвыя куры * стали показываться только въ мѣстахъ болѣе пустынныхъ. Начинаяшій накрапывать мелкій и частый дождь, заставилъ насъ прибѣгнуть къ башлыкамъ и буркамъ и перейти изъ ходы въ рысь. Перебравшись черезъ перевалъ, у развилины дороги, на Бургустанъ, мы проѣхали еще пятнадцать верстъ рысью, вдоль по открытому и почти ровному бермамытскому хребту. Лиственный лѣсъ, — исключая нѣсколькихъ кустарниковъ, разбросанныхъ по Березовой балкѣ, — встрѣчается только съ сѣверозападной стороны Бермамыта, на пяти-верстовомъ протяженіи, по лѣвую сторону кисловодской дороги. На остальномъ шестнадцати-верстовомъ пространствѣ до Бечесина, мѣстность открыта, но гориста; спускъ и подъемъ крутой, но разработанный. Половина нашего каравана достигла Бечесина до сумерекъ; но Б***, задержанный расперженіями и разспросами, отсталъ отъ насъ. А такъ какъ въ безлунныя ночи вершины горъ утопаютъ въ непроницаемый мракъ мгновенно, то, чтобы не сбиться съ дороги и не обмануть поста, мы приказали казакамъ дать нѣсколько пистолетныхъ сигналовъ. Предосторожность оказалась не лишнею, и скоро всѣ спутники собрались въ ошцерскую землянку.

Бечесинскій постъ расположенъ на узлѣ многихъ ущелій, овра-

* Горвыя куры похожи на куропатокъ.

говъ и тѣснинъ, разделяющихся отсюда по разнымъ направле-
ніямъ. Дороги, проложенныя по хребтамъ между рѣками Дже-
ханкелемъ, тремя Кацберганами, а также между рѣками Муштою,
Хасаутою и другими мелкими притоками Верхней Малки, даютъ
возможность наблюдать отсюда, не изнуря лошадей, за безопас-
ностью охраняемаго пространства. Временное соминутое укрѣ-
щеніе на бесчестискомъ урочищѣ имѣетъ видъ продолговатаго ре-
дута съ фланками или выступами при сѣверномъ и южномъ ис-
ходящихъ углахъ. Офицеръ, урядникъ и каждые десять казаковъ
имѣютъ свою отдѣльную землянку.

Внутренняя жизнь офицера и горсти людей, здѣсь обитающихъ,
сравнена со многими неудобствами, которыя неизбежны въ пу-
стынномъ и дикомъ краѣ. Такъ напримѣръ (по причинѣ отдаленности отъ Кисловодска и Пятигорска) здѣсь нѣтъ средствъ
добывать другую пищу, какъ баранину, кумысъ и арианъ*. Еще
замѣтить надобно, что на вершинахъ горъ, почти постоянно, лежатъ
туманы, превращающіеся въ мелкій, частый дождь, между-тѣмъ,
какъ на днѣ ущелій погода всегда прекрасна. Занятія постоваго
начальника ограничиваются распоряженіями разъѣздовъ, разста-
новкою ведетовъ, составленіемъ срочныхъ донесеній и отпра-
вленіемъ пяти намазовъ, если онъ мусульманинъ.

Однако же сотникъ Темрюковъ блеснулъ гостепрѣимствомъ
предъ Б***; онъ уступилъ ему свою землянку и нару, покрытую
буркою, и угостилъ насъ, кромѣ баранины и кумыса, еще чѣмъ-
то, въ родѣ темно-бурой чайной настойки.

Наполнивъ желудки, мы улеглись въ офицерской землянкѣ:
кто передъ гаснущимъ огнемъ камня, кто на дерновой
скамьѣ; что касается до меня—я завернулся въ бурку, на
землѣ въ углу, между нарами и скамьею, и скоро заснулъ.
Ночью кому-то пригрезнилось, что въ изголовьи его шевелится
змія; услышавъ это, я съ-просонья засвѣтилъ свѣчу и долго, но
напрасно искалъ причину тревоги. Змія могла уйти въ одну изъ
множества щелей, которыми испещрены стѣны землянки и дер-
новый полъ. Послѣ того, я полагалъ, что уже болѣе спать не
буду, но усталость взяла свое.

Во вторникъ, 20 іюля, въ пять часовъ утра, явился къ Б***
карачаевскіе крымшамхалы: Тауганъ, Асандукъ и Мазабокъ. Ка-
раванъ нашъ, состоявшій уже изъ шести извѣстныхъ лицъ и де-
сяти конвойныхъ казаковъ, увеличился теперь этими тремя стар-

* Арианъ, овечьё молоко, заквашенное въ свѣжей овечьей шкурѣ.

жившим. Вот они лица приятного, рослы, стройны, отличные наездники и вооружены ружьями, пистолетами, кинжалами, шапками; сверхъ того, въ нагайкѣ у каждаго былъ заткнутъ ножъ. Переводчикомъ служилъ намъ М^{***}. Молодой, проворный Цыганъ, лѣтъ шестнадцати, прислуживавшій Б^{***}, никакъ не хотѣлъ отстать отъ него и выпросилъ для себя, на всю дорогу, бача *. Въютная лошадь Б^{***} вела на себѣ скудное наше хозяйство и съѣстные припасы, въ двухъ небольшихъ юртовыхъ мѣшкахъ. Въ семь часовъ утра двинулись мы по направленію хребта, который управляетъ подошвою въ каменныя русла Малого и Средняго Кацаргеномъ. Около двѣнадцати верстъ вѣстопоможіе открытое, почти ровное. Мы безпрерывно встрѣчали табуны, стада коровъ и овецъ; окрепныхъ жителей съ ослами и катырами **, вавьюченными деревянными домашними издѣліями, бурдюками и арианами, овечьими сыромъ, ножами и другимъ хламомъ. Прѣхавъ развилку карачаевской дороги, съ дорогою къ горѣ Шехламышъ, мы стали приближаться къ вѣковымъ сосновымъ карачаевскимъ лѣсамъ, безжалостно истребляемымъ пастухами, вѣтроломомъ и молнією. Еще вереть около осьми до Кацаргенъ-Кошларъ *** прошли мы благополучно. Многіе пастухи подъѣзжали ко намъ и привѣтствовали словами ос-кошкелды **** (здравствуй), но не могли утерпѣть, чтобъ не окинуть жаднымъ и зѣвренымъ взглядомъ моего оружія. Убѣдясь, что на намъ не было ничего драгоценнаго, и замѣтивъ идущаго позади въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ Б^{***} съ прочими спутниками, они отправились къ нему и конвоировали насъ очень далеко. Начиная отъ Кацаргенъ Кошларъ до развилки дорогъ на хребтѣ Калыинъ-башн; близь озера Хурлыгеля, на пространствѣ около пятнадцати верстъ, начались настоящія труды для нашихъ лошадей. Мелкій дождь сдѣлалъ узкую лѣсную тропинку, по косогорю надъ Кацаргеномъ, скользкою. Въ вѣныхъ мѣстахъ мельчайшіе камешки, составляющіе верхнюю почву, осы-

* Бача, особая порода мелкихъ лошадей на Кавказѣ.

** Катырь, родъ мула; онъ бѣжитъ также скоро, какъ лошадь; носить больше тяжестей, не требуетъ присмотра и живетъ долѣе, чѣмъ вообще лошади. Катыри (или катеръ) подымаетъ отъ пяти до осьми чудовъ вьюка, въ горахъ.

*** Кацаргенъ, собственное имя рѣки; *Гомъ*, загонъ для овецъ; *Даръ*, часть рѣки, означающая множественное число; следовательно на картѣ фальшиво написано Канларъ, вмѣсто Кошларъ.

**** Въ Дагестанѣ выговариваютъ: *с'иш-ел-ел-ды*, привѣтствую тебя.

вѣлись подѣ копытами лошадей. Нельзя надвинуться вистяжку и прыжкѣ къ горамъ этихъ животныхъ, которыя, безъ подковъ, спускаютъ съдока съ горы, почти отвѣсной, въ нѣсколько верстъ дивною. Часто случается, что надѣ бездною вьется по скалѣ слѣдокъ, шириною въ одно лишь копыто, и вдругъ по этой тесьмѣ не достаесть цѣлаго аршина. Умная лошадь расширяетъ передними ногами свой шагъ, осторожно собираетъ на выигранномъ пространствѣ заднія ноги и никогда не теряетъ равновѣсія. По этичъ восогорамъ удивляли насъ Карачаевцы: тамъ, гдѣ казалось бы едва можно пройти пѣшкомъ, или по крайней необходимости, проѣхать шагомъ, они опережали насъ на рысяхъ; помогали намъ спускаться, поддерживали пѣшихъ и прочее. Пройдя версть осемь отъ Коша, мы поѣхали черезъ бушующій потокъ Кацгергенъ, по мостику, который состоялъ изъ одной только доски, втиснутой между двумя узкими бревнами, толщиной въ руку. Надѣ озеромъ Хурлыгелемъ мы сдѣлали привалъ на огромныхъ вырванныхъ бурей и облупленныхъ соснахъ. Трое изъ насъ просторно улеглись на одной соснѣ, по давиѣ ея. Пастухи принесли намъ арпазу, чурековъ * и сыру. Б*** щедро платилъ за все. Нѣсколько оборванныхъ мальчишекъ собрались смотрѣть на насъ; никто изъ нихъ не выказалъ ни малѣйшей робости.

Виды около Хурлыгеля заслонены сосновымъ лѣсомъ; озеро имѣетъ весьма небольшое протяженіе. Миѣ захотѣлось ваниться, но здѣшняя вода такъ солонна на вкусъ и непріятна запахомъ, что и не могъ проглотить ее. Надобно полагать, что здѣсь, по близости, есть солонцы, о которыхъ жители ничего не знаютъ. По дорогѣ къ Хурлыгелю, во многихъ обсыпавшихся ребрахъ ущелій, я замѣтилъ бѣлыя полосы въ видѣ сосулечъ. Мистуловъ растолковалъ миѣ, что это селитра, которую образуетъ сама природа. Горцы добываютъ ее для дѣланія пороху, съ немнотѣрными трудами и опасностью. Они придаютываютъ одного работника за поляе и спускаютъ его съ гребня оврага въ пропасть, до-тѣхъ-поръ, покауда онъ не достигнетъ трещины, наполненной селитрою; потомъ, когда онъ наберетъ ея сколько нужно, его вѣтаекиваютъ вверхъ.

Подкрѣпивъ силы, мы стали спускаться черезъ огромныя камни, бревна и пни къ верховьямъ Сеси. Не взирая на чрезвычайную крутость ската, усыпаннаго скользкими еловыми иглами, пересѣченнаго рытвинами и ямами, множество жителей обгоняли

* Чурекъ, родъ коржа, сѣроватаго цвѣту, вѣсомъ около полутора фунта.

насъ съ ослами по разнымъ направленіямъ, и провожавшіе насъ Карачаевцы спускались около нихъ и около насъ на малыхъ рыскахъ. Впослѣдствіи, то есть дней пять спустя послѣ того, сравнивая въ нашей памяти этотъ спускъ со множествомъ другихъ, мы признавали его отличнѣйшимъ. Версть около десяти до Карчиюрта, тропинка пролегаетъ надъ правымъ берегомъ рѣки Сеси. По разспросамъ Мистулова у туземцевъ оказалось, что вѣсто Карча, первый заложилъ здѣсь саклю, а слово *юртъ*, вообще на туземномъ нарѣчій означаетъ пріютъ *. Карачаевское племя, которому мы себя вѣрили, разметало своимъ осѣдлостию по притокамъ верхней Кубани, начиная отъ западныхъ отклоновъ Эльбруса,—называемаго на мѣстномъ нарѣчій Менгитау, по кабардински Осхамахо,—при верховьяхъ рѣки Малки, до хребта, проходящаго между рѣкою Кихать и Дауть. Всѣхъ саклей этого племени насчитываютъ до двухъ тысячъ. Изъ нихъ полагать можно въ Карчи-юртѣ до шестидесяти, въ Хурзудѣ до ста пятидесяти и въ Укчуланѣ до двухъ сотъ, включая въ это послѣднее число и сакли холопей **, находящіяся по дальнимъ ущельямъ. Духовною и гражданскою властью у нихъ завѣдываетъ въ настоящее время мулла, онъ же и эфенди Магометъ-Хубиевъ. Судъ между жителями производится всенародно. Каждый изъ тяжущихся обязанъ предъявить двухъ поручителей въ томъ, что онъ выполнитъ свято приговоръ муллы-эфендія. Въ назначенный день и часъ всѣ собираются въ опредѣленную для подобныхъ случаевъ саклю и садятся на волойкахъ, поджавъ ноги. Если судъ долженъ быть духовный, то мулла, выслушавъ обѣ стороны, и подумавъ вѣскольکو времени, вскрываетъ корашъ и вычитываетъ изъ него соотвѣтственный приговоръ — что и называется судомъ по шаріату ***. Часто случается, что приговоръ шаріата оказывается чрезмѣрно строгъ. Въ такомъ случаѣ, по общему согласію, для смягченія кáры, прибѣгаютъ къ суду гражданскому — и мулла, становясь эфендіемъ, произноситъ приговоръ по адету. Адеть или адать, не составляетъ закона писаннаго: это память о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ древности, живущая въ преданіяхъ народа. Впрочемъ, судъ по адату, судъ

* Изъ этого заключить должно, что на картѣ ошибочно поставлено Карджиюртъ, вѣсто Карчи-юртъ.

** *Холопъ*, рабъ купленный, или пріобрѣтенный оружіемъ. Потомки его тоже холопи.

*** Шаріатъ — гражданскій отдѣлъ Корана. Digitized by Google

посреднической, лишенный перѣдко побудительныхъ средствъ. Рѣшенія адата не исполняются, коль скоро одинъ изъ тяжущихся не доволенъ, и здѣсь начинается переходъ отъ законности и гражданского порядка къ личному праву: гдѣ законъ безсиленъ, каждый получаетъ право мстить за обиду. — Отсюда мѣсть или *канла*, признается у горцевъ дополнительнымъ уставомъ личного права, освященнымъ давностью. Если отецъ убьетъ одного изъ сыновей, то часто случается, что другіе дѣти мстятъ ему кровью за смерть брата. Мелкія несогласія рѣшаетъ между Карачаевцами старшина Тарханъ Дудовъ. Карачаевцы охотно прибѣгаютъ также, въ важныхъ случаяхъ, къ рѣшенію русскихъ властей. Вообще они любятъ Русскихъ — и доказали это во время нашествія Шамши на Кабарду, отказавъ пропустить его черезъ свои земли.

Общественные доходы горцевъ состоятъ, во первыхъ, изъ заката, то есть одна-десятая доходовъ владѣльца; во-вторыхъ, изъ хонуса или одной пятой доли добычи и, въ-третьихъ, изъ штрафныхъ денегъ, взыскиваемыхъ за преступленія и изъ имущества казненнаго преступника. Въ семейномъ быту отецъ не имѣетъ болѣе власти надъ дѣтьми пятнадцати-лѣтняго возраста, а матери не только вовсе не имѣютъ никакой власти, но и не отличаются къ нимъ любовью. Въ голодные 1832 и 1833 годы родители продавали дочерей за паекъ муки. Если вѣрить преданіямъ, то эти варварскіе обычаи сохранились здѣсь со временъ Тамерлана, который прошелъ черезъ Кавказъ до Эльбруса и умѣлъ привлечь къ себѣ сердца народа.

Браки совершаются или въ общественной саклѣ или на дому у родителей невесты. Карачаевцы, для уплаты калыма, раздѣляются по сословіямъ и по богатству на три разряда: первый платитъ до ста пятидесяти томановъ (1,500 рублей серебромъ), послѣдній разрядъ вносить не менѣе двухъ-сотъ монетъ или рублей серебромъ за невесту ея роднымъ; средний разрядъ расплачивается по взаимному договору. Но такъ-какъ цѣнность калыма уплачивается не всегда наличными деньгами, а болѣею частью барантою*, лошадьми, оружіемъ, разнымъ вздѣліемъ, и тому подобнымъ, то отъ каждой стороны, въ определенное мѣсто и время, являются два присяжные оцѣнщика, которые заключаютъ окончательное условіе между родителями невесты и жениха ея. Послѣ того мулла открываетъ коранъ, читаетъ надъ четою приличную мо-

* Баранта, вообще, скотъ крупный и мелкій.

литву, и бракъ совершенъ. Тогда родителямъ остается условиться, сколько гостей и кого именно пригласить на брачный пиръ. На этомъ пиру подчуютъ арианомъ, бузою, кумысомъ, бараньиной и прочимъ. Наконецъ, женщины закутываютъ новобрачную фатою и съ пѣснями отводятъ въ домъ мужа.

Похороны начинаются съ того, что покойника обмываютъ въ особо-устроенномъ для подобныхъ случаевъ каменномъ корытѣ, надѣваютъ на него родъ рубашки, безъ рукавовъ, которую на талии стягиваютъ ремнемъ; сверхъ этого надѣваютъ на умершаго длинный мѣшокъ, закрывающій лицо и ноги *. Мулла читаетъ надъ нимъ молитву, и все кончено. Трупъ опускается въ могилу на доскѣ, въ косвенномъ положеніи, лицомъ къ востоку. Если покойный былъ хаджи, то есть, если онъ ходилъ въ Мекку, то надъ нимъ ставится надгробный камень съ высѣченною наверху чалмою. Часто случается, что богатый горецъ завѣщаетъ нанять байдала **, на что употребляютъ наслѣдники отъ двухъ до трехъ-сотъ монетъ. Поминки совершаются не ранѣе какъ черезъ семь дней послѣ похоронъ: они отправляются въ-особенности для убогихъ; имъ раздають деньги и рѣжутъ для обѣда до двухъ-сотъ барановъ. Богатые наслѣдники повторяють поминки.

По-мѣрѣ приближенія нашего къ Карчи-юрту, стали показываться заборы, состоящіе изъ сосновыхъ бревенъ, толщиною въ одинъ обхватъ, длиною въ нѣсколько саженей; между этими поваленными бревнами вставляютъ по обомъ краямъ большіе камни. Изгородь дѣлается для защиты посѣвовъ овса и луговой травы, которые здѣсь цѣнятся дорого. Водопроводы, искусно направленные изъ возвышенныхъ руселъ потоковъ по отклинамъ горъ къ пашнямъ, которыя орошаются многочисленными ихъ вѣтвями, помогаютъ растительности и служатъ для водопоя ***. Нако-

* Родные умершаго выворачиваютъ платья свои на-изнанку, а иногда царапають лица; женщины рвутъ на себѣ волосы и ревутъ или, лучше сказать, воютъ; вдова надѣваетъ платье темнаго цвѣту, которое обязана выносить круглый годъ, не скидая ни днемъ ни ночью.

** Байдалъ, наемникъ, отправляющійся въ Мекку помолиться за усопшаго. Кромѣ хаджи и байдала никто не имѣетъ права на надгробную чалму. При жизни, путники, совершившіе поклоненіе въ Меккѣ, имѣють право носить бѣлую чалму.

*** Поля засѣваются, кромѣ овса и ячменя, также гомлемъ или просомъ, рисомъ и кукурузою въ-особенности. Чалтыкъ или сарацинское пшемо

еще передъ нами открылись трубы, торчашія изъ площадокъ, покрытыхъ дерномъ, или засѣянныхъ хлѣбомъ. Непривычный глазъ Европейца, спускающагося съ высоты, можетъ принять эти трубы за ульи, и весь аулъ, съ его плоскими желѣзными крышами, за пчельникъ. У входа въ аулъ Б^{***} остановился, собралъ всѣхъ спутниковъ, и объяснилъ намъ, что, по туземному обычаю, въ осѣдлыя мѣста должно входить всѣмъ вмѣстѣ, потому, что одни только воры ходятъ въ разбродъ. Немногія женщины, видѣнныя нами на кровляхъ, показались намъ очень безобразными. Мы послѣ узнали, что молодымъ обычаемъ запрещается показывать свои лица. Довольно долго водили насъ по узкимъ и грязнымъ закоулкамъ Карчи-юрта и привели наконецъ къ саклю крышданхала Магомета. Онъ встрѣтилъ насъ на порогѣ, отобралъ наше оружіе, самъ развѣсилъ его по стѣнамъ, велѣлъ разложить огонь въ широкомъ каминѣ, усадилъ гостей на крошечныя и на весьма низкую скамью, въ видѣ кушетки; наконецъ угостилъ насъ даже, въ ожиданіи ужина, чаемъ, свареннымъ въ кадномъ, не луженомъ отъ рождевія своего, чайникѣ. Въ ит-скомъ секундѣ двѣ-третьи сакли наполнились любопытными: они сѣлись какъ-бы по очереди. Немногіе изъ нихъ приносили малобы, и болѣею частью за то, что ихъ обдѣляютъ сосѣди, что у нихъ мало покоса, и тому подобное. За всякое рѣшеніе Б^{***} просители благодарили словами: «Аллахъ-арази-болсунъ!» и отходили прочь, безъ всякихъ однако же поклоновъ и тѣлодвиженій. Передъ ужиномъ принесли тазъ и нѣчто среднее между чайникомъ и кубышкой, для омовенія рукъ и ногъ и полосканія рта; потомъ стали подавать на трехногихъ, круглыхъ, очень низкихъ столикахъ разныя кушанья, по порядку; на первомъ столѣ были меззезы были, грудой, куски жареной на палкѣ баранины; мѣстныя дименничной каше замѣняли тутъ хлѣбъ; по серединѣ стола помещалась деревянная чашечка съ овечьей смѣтаной и съ приправою изъ большаго количества соли и черемши*. Мы дѣлали были есть мясо руками, съ помощью нашихъ перочниковыхъ ножей. Едва насыщались мы отъ перваго блюда, столѣкъ увосили къ другимъ, мѣстѣ почетнымъ гостямъ, а потомъ къ

на низинахъ родитъ самъ 15-40; кукуруза самъ 120-140. Изъ красильныхъ растеній иногда сѣютъ ларену.

* Черемша — трава, замѣняющая чеснокъ; соленая смѣтана замѣняетъ соль: въ нее обжариваютъ куски баранины.

казакамъ и холопамъ; если для кого недоставало кушанья, то прислуга пополняла все съ большею внимательностью. На второмъ столѣ являлся молочнаго цвѣта похлѣбка, съ остывшими на дно рисомъ и варениками, начиненными бараньимъ мясомъ; чрезмѣрное количество стручковаго перцу, которымъ наполнена была эта похлѣбка, дѣлало ее невыносимую; при ней, около чаши, клали чуреки. Третье кушанье состояло изъ молока, вѣроятно кобыльяго, заквашеннаго такъ твердо и вкусно, какъ ни въ не случалось видать даже въ остзейскихъ губерніяхъ. Сверхъ молока називается тонкій слой душистаго меду. Къ молоку подаютъ лепѣшки ромбональнаго виду, поджаренныя на бараньемъ салѣ, тоже очень вкусныя. Аріавъ, кумысъ и буза * подавались отдѣльно въ деревянныхъ ковшахъ. Послѣ ужина возобновляется омовеніе и полосканіе рта; всѣмъ подаютъ одно полотенце, то самое, которымъ во время обѣда вытирають руки. Многіе изъ насъ прибѣгали къ носовымъ платкамъ.

Сакли Карачаевцевъ состоятъ изъ длинныхъ стѣнъ и длинной пріемной комнаты; къ серединѣ внутренней стѣны придѣлывается навѣсъ съ отверстіемъ, выходящимъ въ широкую и длинную круглую трубу, сплетенную изъ лозы и обмазанную сѣрою глиною; подъ навѣсомъ четырехъ-угольной фигуры устраивается очагъ въ уровень съ поломъ; отверстіе надъ очагомъ замѣняетъ окно и оттого здѣсь лѣтомъ бываетъ въ саклѣ свѣтло, но не жарко; зимою же должно быть холодно, потому, что печей нѣтъ; кровать занимаетъ почетное мѣсто, головою къ камину; она отставляется отъ стѣны, вѣроятно въ предоереженіе отъ скорпіоновъ и фалангъ, которыхъ мы, впрочемъ, не видали; передъ каминномъ ставится узкая длинная скамья, на которую накладывается нѣчто въ родѣ нашей каретной подушки, съ матерчатого покрывшкою; иногда въ концѣ, противоположномъ кровати, дѣлають отверстіе въ родѣ окна и подъ нимъ устраивають нарты для гостей; рамъ и стеколъ вовсе нѣтъ; потолоки и всѣ брусья внутри обтесаны чисто, гладко и прочно прилажены **. Снаружи

* Буза — хмѣльный напитокъ, въ родѣ молочнаго пива.

** Половъ досчатыхъ не дѣлають. Вообще горцы держатъ донна своимъ опрятно, но сами весьма нечистоплотны; хотя они омывають руки, ноги и уста пять разъ въ день передъ намазомъ, и каждый разъ передъ вкушеніемъ пищи, но никогда не раздѣваются и перенѣшиваютъ бѣлье только тогда, когда оно распадается въ куски.

скимъ имѣютъ бровенчатый видъ русскихъ извъ, но онѣ длиннѣе, шире и ниже послѣднихъ; низкія, въ двѣ трети роста мужины, двери и маленькія ставни дѣлаются въ два отвора; верхнія ихъ оконечности, сдвинутыя засовомъ, имѣютъ овальный видъ. Гарамъ хане, то есть женской половины, мы вовсе не видали.

Къ Б*** явился изъ Сванетіи князь Николай Дигишкилианъ и истинный якутъ Хубіевъ*, а также другіе именитые Карачаевцы, кекхуды и чаушъ. Дигишкилианъ лѣтъ сорока отъ роду, росту высокаго, худощавъ, темнорусъ; выраженіе лица его нѣсколько врачно, походка величественна; отъ времени до времени онъ легкимъ нановеніемъ руки очищалъ саблю отъ тѣхъ любопытныхъ, которые вели себя не скромно. Б*** усадилъ Дигишкилиана возлѣ себя; для разговора съ нимъ должно было употреблять двухъ переводчиковъ, потому что сванетское нарѣчіе совершенно отличо отъ нарѣчія Карачаевцевъ. Дигишкилианъ здѣсь уже нѣсколько дней охотился по скаламъ, и на другое утро собирался домой. Онъ и Б*** пригласили взаимно другъ друга въ гости. Мулла-эксевди Магометь Хубіевъ лѣтъ сорока-пяти, наружности пріятной и нѣсколько тучевъ; на немъ была бѣлая чалма и черныя сафьяны, кажется, шелковый, ниже колѣнъ; онъ повнималъ немного по-русски и былъ довольно словоохотливъ. Вообще гордымъ, казалось, были пріятны ласковое обращеніе и пріятливость Б***. Послѣ взаимныхъ увѣреній въ дружбу, мы стали разсуждать, нельзя ли пробраться по южному склону Эльбруса къ Урусію. На это почти всѣ возразили, что предпріятіе наше въ началѣ мѣсяцѣ несбыточно; что ледники, у хребта подъ Баксаномъ, таютъ и непрерывно разсѣдаются; что снѣга слишкомъ глубокіи и рыхлы; что ночевать тамъ — явная гибель; что при наибольшемъ туманѣ или непогодѣ, мы рискуемъ попасть въ трещину и, наконецъ, что есть мѣста по отклову Эльбруса, гдѣ не только Европеецъ, но и лучшій туземный охотникъ проходитъ только съ опасностью жизни. Прибавляли также, будто бы до сихъ-поръ еще ни одинъ Русскій не прошелъ по этой сторонѣ Эльбруса, и что самый ловкій Карачаевецъ употребляетъ цѣлый мѣсяцъ для совершенія пути отъ Хурзуда къ Урусію черезъ вѣчные снѣга и льды. Сверхъ-того, одинъ драхмный старикъ объявилъ, что онъ запомнитъ одинъ только пріятель какъ какой-то

* Якутъ — старшій мулла; кекхудъ — староста; чаушъ — десятскій.

сильный Карачаевец пробрался съ лошадью, через это опасное пространство, то есть, отъ перевала Шха-Дашеуга къ верховьямъ Азы или Азауги; но при этомъ случаѣ во многихъ мѣстахъ цѣшіе помогали лошади. Услышавъ это, мы уже болѣе не колебались идти по такому пути, гдѣ даже проведена была лошадь, и немедленно распорядились отправленіемъ шести казаковъ со всѣми нашими лошадьми и съ лишними вещами обратно въ Ботесинъ; линейцамъ было приказано явиться 22 іюля къ переправѣ черезъ Малку при Бабуховѣ бродѣ. Карачаевцы вызвались намъ доставить собственныхъ овиныхъ лошадей и ни за что не хотѣли принять отъ насъ плату; только шесть пѣшихъ беладовъ* согласились взять по три рубля серебромъ, съ тѣмъ, чтобы нести на себѣ наши вещи и оружіе въ трудныхъ мѣстахъ. Однако же видъ серебра, раздаваемого проводникамъ, пробудилъ жадность къ деньгамъ во многихъ горцахъ; узнать, что мы нуждаемся въ теплой одеждѣ, чабурахъ** и палкахъ съ желѣзными наконечниками, они запрашивали за простой полушубокъ полтора томана, за чабуры десять абазовъ (полтора рубля), за палку одну баджалы***. Когда я замѣтилъ М**** эту чудовищность цѣнъ, онъ врился корыстолюбіе горцовъ и незнаніе цѣнъ вещамъ, столкновенію какъ съ Ажеудами (Евреями). Эти всемірные торговцы, прінякая даже въ здѣшніе вертепы, вымѣниваютъ горцамъ равной ханъ европейскаго издѣлія, на стада и сырыя произведенія края, причемъ мелочные товары свои они спускаютъ по цѣнамъ баснословнымъ. Такъ напримѣръ, за сотню иглозъ они берутъ корову. Съ окончаніемъ распоряженій, Б**** послалъ въ Урусепи аулъ, окольнымъ путемъ, лхало чепара**** изъ Керчи-юрта, старшину Баташова, который долженъ былъ намъ облегчить путь, выставлялъ лошадей у верховій Бакова. Слѣдующимъ привасамъ пронаведенъ былъ емопръ. Майоръ П**** объявилъ, что у насъ чаю и сахару хватить только на пять разъ. На спиртуоз-

* Беладъ — проводникъ.

** Чабуры — башмаки съ разрезанною подошвою, или просто кусокъ кожи, который шпурется на подошву или на шпикѣ тонкими ремешками. Чабура прикрѣпляется къ ногѣ ремешкомъ, обмотаннымъ у щиколки.

*** Персидскій томанъ 4 руб. сер.; полу-горцевъ томанъ — 10 руб. сер. Абазъ русскаго чекана 20 коп. сер.; баджалы, персидская монета, — 3 руб. сереб.

**** Чапаръ — лхонъ.

Многіе восточныя кавказскіе жары имѣли не одинаковое вліяніе, а именно: вода Б^{***} убавилась только на двѣ чарки; — между-тѣмъ, камѣ въ моей флягѣ, наполненной, при выгздѣ изъ Кисловодска, рѣномъ, который я берегъ для чрезвычайныхъ случаевъ, остался только полстакана этой драгоценной влаги. Взятый мною фунтъ шоколаду, частью съѣденъ или розданъ мальчишкамъ, а частью найденъ истершимся въ порошокъ на двѣ охотничей сумки. Молодой Цыганъ, который успѣлъ покуначить-ся * съ Карачаевцами, досталъ для своего господина на дорогу турсконъ, овечьяго сыру и знаменитыхъ лепешекъ на бараньемъ салѣ. Онъ впрочемъ вездѣ былъ друженъ съ жителями горъ, и получая чрезъ то лучшихъ лошадей, не уступалъ никому въ джигитовкѣ **. Для удобства и простора въ почлегѣ, мы раздѣлились на двѣ половины. Б^{***}, Коррадинъ и другіе остались у Магомета, а меня, Мистулова и П^{***} запросилъ къ себѣ братъ Магомета, дебелый и бѣлокурый Коньшубы. Намъ постлали тюфяки, набитые бараньею шерстью, пуховыя подушки и матерчатые одѣяла. Число подушекъ, которыя кладутъ здѣсь подъ голову, есть условіе почета. Для главнаго ватальника, напримѣръ для князя какого-нибудь, положили бы три подушки, Б^{***} дали только двѣ, а намъ по одной. Все это было конечно нарядно, но, по правдѣ сказать, не опрятно. Воспоминаніе видѣнныхъ наложныхъ сычей и струповъ на головахъ у герцевъ, мысль, что очень многіе восточные прежде меня спали на этой самой постели, которая никогда не освѣжается перешивнымъ бѣльемъ, запахъ испарины, которою, какъ мнѣ казалось, пропитаны были одѣяла и подушка, рассказы шутивыхъ товарищей, замѣтившихъ мою брезгливость, о насѣкомыхъ... не позволяли мнѣ уснуть. Къ тому же около полуночи мнѣ сдѣлалось душно отъ сгертато дыханія семи человѣкъ, снавшихъ въ одной комнатѣ. Я вышелъ въ садикъ поглотить свѣжаго воздуха — и вдругъ, при слабонъ пернатіи звѣздъ, увидѣлъ на одномъ изъ выступовъ прибрежья хорювдъ Черкешенокъ, которыя, обвинившия руками, плясали не быстро, но съ совершенною свободою въ тѣлодвиженіяхъ, съ развязностью неподражаемою для актрисъ, слывая гармоническіе

* Кунакъ — другъ.

** Джигитовка — скачка въ перегонку, доставаніе на всемъ скаку рукою шанки, положенной на землѣ; стрѣльба въ шанку на всеиъ скаку. Часто, проѣхавъ шестьдесятъ вереть, горцы пускаются въ джигитовку.

свои напѣвы съ рокотомъ неугомонной Кубани. Темнота, или лучше сказать, полумракъ безлунной ночи, печальность и необычайность видѣнія придавали волшебный эффектъ хореграфическимъ увеселеніямъ горныхъ красавицъ. Но мало-по-малу вереница этихъ легкихъ тѣней терялась за кустами дикихъ розъ и наконецъ совсѣмъ исчезла. Я возвратился очень довольный обратно къ моему ложу, разостлалъ на немъ влажную бурку и заснулъ богатырскимъ сномъ вплоть до разсвѣта.

Въ среду, 21 іюля, на разсвѣтѣ, я пробужденъ былъ говоромъ ливейцевъ, которые собирались въ обратный путь къ Бечеснау. Они завидовали товарищамъ, на которыхъ палъ выборъ Б***. Наслышась объ опасностяхъ, которыя горцы сулили намъ на отклонкахъ Эльбруса, — они непременно помогались сопутствовать своему начальнику, говоря, что за него они готовы и въ огонь и въ воду. Курдюмовъ даже собирался идти къ самому Б***, но дѣло обошлось безъ того: его оставилъ при себѣ П***. Едва лишь къ семи часамъ утра собрали намъ лошадей и мы уже думали тронуться въ путь, какъ вдругъ меня почти насильно стащилъ съ кося гостепріимный хозяинъ нашъ Ковъшубы. Онъ никакъ не хотѣлъ рѣшиться отпустить насъ безъ завтрака, увѣряя, что по здѣшнему обычаю, гость, выѣхавшій патошакъ, обижаетъ своего хозяина. Напрасно ссылались мы на выпитый чай, на предстоящій трудный путь — ничто не помогало: надобно было покориться, пожевать овечьяго сыру * и кебабовъ, и отвѣдать пилаву съ изюмомъ, — кушанье, которымъ, кажется, Ковъшубы очень тщеславился. И затѣмъ, не ранѣе семи съ половиною часовъ утра, провожаемые почти всѣмъ народонаселеніемъ Карчъ-юрта, направившись мы къ Хурзуду. Зеленыя площадки на сакляхъ цестрѣли стоящими на нихъ дѣтьми и дѣвущками; любопытныя женщины выглядывали украдкой изъ за брсвенчатыхъ заборовъ, не жалѣя загрязнить свои ноги, потому что среди улицъ, по которымъ едва можно проѣхать въ одну лошадь, не только постоянно стоятъ грязь и лежатъ огромные камни, но часто эти улицы служатъ корытомъ для водопроводовъ. При выѣздѣ изъ аула, мы восхищались пашнями, покрытыми густымъ хлѣбомъ, тучными пастбищами, тщательно огороженными строевымъ дѣ-

* Молодой овечій сыръ не имѣетъ рѣшительно никакого вкуса; старый сыръ довольно спосенъ. Кебабъ, кусокъ мяса, жареный на вертелѣ.

самъ, но еще болѣе громадными скалами, составляющими корридоръ Кубани. Но какой живописецъ въ состояніи передать бунагъ измѣняющійся отливъ солнечныхъ лучей, которые играютъ на мелкихъ камняхъ, составляющихъ какъ-бы огромные фернуары по обрывамъ неприступныхъ высей; какъ изобразить сіяніе тѣней на огромныхъ разсѣлинахъ или сребристый блескъ вѣчныхъ снѣговъ, которыми увѣнчаны куполы горъ; какъ выразить разводы снѣговъ вѣковыхъ сосенъ и березъ, колеблемыхъ вѣтромъ надъ глубокими пучинами; какіе звуки могутъ передать угрюмый ревъ Кубани, которая бѣшено крутитъ по пѣнистымъ холмамъ громадные камни; какъ выразить глухой, перекатный гулъ обрывающихся утесовъ и мракъ бездонныхъ пропастей, въ которыхъ они стремятся съ непостижимою быстротою, подпрыгивая на нѣсколько сажени вверхъ!

Внезапно отъ этой великолѣпной, колоссальной картины, вниманіе наше было отвлечено къ бѣдной горянкѣ, которая устремляла неподвижный, безсознательный взглядъ въ слѣбую даль. Верхняя часть ея тѣла была совершенно обнажена; ей могло быть не болѣе шестнадцати лѣтъ; черты лица ея, стаиъ и даже положеніе тѣла имѣли какую то трогательную прелесть; черные волосы въ безпорядкѣ спадали на ея грудь и закрывали локти. Мы спросили, чтѣ значитъ это явленіе? Белады отвѣчала: «это дуракъ», — но не смѣялись надъ нею. Далѣе кто то замѣтилъ безчисленное множество сусликовъ, которые перебѣгали намъ дорогу, гонялись другъ за другомъ, становились на заднія лапы у своихъ норъ и смотрѣли на насъ болѣе съ любопытствомъ, нежели съ боязнію. Карачаевцы никогда не бьютъ этихъ маленькихъ звѣрковъ. Еще далѣе, Цыганъ съ радостнымъ крикомъ указалъ намъ кусты малины, ежевику и еще какой то плодъ въ родѣ кизила. Услужливые проводники, замѣтивъ, что они намъ нравятся, привослали ягоды цѣлыми шапками, выворачивая папахи верхомъ внутрь, для чистоты.

Версть осемь ѣхали мы надъ Кубанью весьма порядочною тропою, имѣя съ правой и съ лѣвой стороны высокія скалы, одѣтыя соснами. Наконецъ предъ нами открылись скалы Хурзуда и Учкулана, разбросанныя по устьямъ рѣчекъ или, вѣрнѣе сказать, потоковъ: Хурзуда, Уллакума и Кичикъ-кола, до праваго прибрежья Кубани. Въ Хурзудъ-аулѣ кримшамхалъ Бадра принялъ насъ еще радушиѣе, чѣмъ въ Карчи-юртѣ. Кромѣ шлага изъ чалтыка, насъ подчивали кушаньемъ изъ кукурузной муки, въ

родѣ мамалыга и знаменитымъ каменнымъ медомъ, который несутъ дикія пчелы въ разсѣлинахъ утесовъ. Этотъ медъ имѣетъ самый изящный вкусъ и запахъ, и будучи почти вовсе безъ воску, образуетъ кристалловидную массу палеваго цвѣта, безъ всякой липкости; онъ таетъ во рту какъ леденецъ. Сверхъ-того намъ подавали джапу, свареную изъ винограднаго сока, съ правойю каменнаго меду и перцу. Здѣсь мы окончательно запаслись чабурами, палками и даже полукафтаньями и собрали вѣрнѣйшія свѣденія о проходимости Эльбруса. Казаки и Цыганъ получили все нужное для дороги, бесплатно.

Въ то время, когда приготовляли чай, явился верхомъ на статной лошади, какой-то старикъ изъ дальнаго аула. Обѣ его ноги были отрѣзаны: лѣвая выше колѣна, правая вѣскольکو выше щекотки. На немъ была чалма, знакъ эфендія, или по крайнемѣрѣ хаджи; но русскій типъ лица заставлялъ подозрѣвать—не изъ числа ли онъ пѣнныхъ солдатъ, поселившихся съ давняго времени между горцами. Старикъ приказалъ себя ссадить, приползъ къ Б*** на колѣняхъ, потому, что иначе не могъ, и принесъ жалобу на своего сына, упрекая его въ забвеніи дома и въ разгульной жизни. Б*** обѣщалъ вызвать сына и сдѣлать ему увѣщаніе. Старикъ со слезами воззвалъ благословеніе Аллаха на утѣшителя и тотчасъ же отправился въ обратный путь. Другой проситель, родомъ Кабардинецъ, исполнскаго росту, но мрачнаго выраженія лица, ожидалъ здѣсь нарочно прибытія начальника. Онъ объявилъ, что вѣкто изъ враговъ его семейства, по долгу наследственной кавлы *, убилъ уже его брата и сына, но недовольствуясь тѣмъ, онъ обѣщаетъ убить и его, просителя; а потому онъ проситъ позволенія сразиться съ врагомъ, въ равномъ бою. Б*** возразилъ, что законы русскіе не позволяютъ ему рѣшать поединки; но что онъ какъ начальникъ, ручается честнымъ словомъ, что, если неумолимый мститель не перестанетъ преслѣдовать новую жертву и убьетъ его, хотя бы для погашенія кавлы, то онъ, какъ убійца, не мнуетъ суда и расправы. Кабардинецъ отошелъ весьма довольный рѣшеніемъ, повторяя: Аллахъ-сохла сынъ (Богъ да сохранитъ тебя!).

Коррадини отправился рисовать виды надъ побережьемъ Кубани. Ниже его, на зеленомъ уступѣ, собрались горянки лѣтъ четырнадцати. Переплетаясь руками и сѣвъ въ полукругъ, онъ про-

* Кавла — кровомщеніе, vendetta.

тѣмъ заплѣли свою пѣсню, исполненную нѣги и гармоніи. Коррдади бросилъ свои кисти и слушалъ этихъ сиренъ съ истинно италіанскимъ упоеніемъ и съ влажными глазами. Я узналъ впоследствии, что пѣсня эта заключала исторію страданій одной кабардинской княжны, оставленной своимъ мужемъ, героемъ Чеге-на, знаменитымъ Аншау.

Мы видѣли здѣсь многихъ женщинъ, возвращавшихся съ прогулки, въ прекрасныхъ канаусовыхъ сорочкахъ, въ архалукахъ изъ нова, въ островерхихъ шапкахъ съ галунами, по прошвамъ наваченныхъ полость, суживающихся къ верху, съ богатыми чадрами на головѣ, въ туманакъ* и подкошахъ, или же въ мештихъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Женщины бѣднаго соловія носятъ одежду изъ гурмета и бязи (шерстяныхъ матерій). Дѣвцы заплетаютъ косы разноцвѣтными лентами, убираютъ шею ожерельемъ изъ монетъ и носятъ богатыя металлическіе пояса. Я не замѣтилъ ни у одной изъ нихъ полныхъ грудей и румянца въ лицѣ. Желтовато-смуглая блѣдность, черные глаза и волосы, прекрасные зубы, худощавость, гибкій, стройный станъ, живописныя тѣлодвиженія и серьезный видъ, — вотъ отличительная черта, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Многія лица носятъ легкіе слѣды оспы. Обрядъ омовенія передъ обѣдомъ и послѣ, столы и лѣтва почти тѣ же, что и въ Карчи-юртѣ; но здѣсь намъ подали нейзильберныя ложки, съ извѣстнымъ штампомъ варшавскаго фабрикаанта Гейннигера.

Многіе жители Хурзуда и отличный охотникъ Батога Карамурзатъ, узнавъ, что мы отправляемся къ южному отклону Менгитау, взялись провожать насъ и мы весело двинулись впередъ, окруженные нашими хозяевами, муллою, дигишкизаномъ и множествомъ жителей, простившихся съ нами при выѣздѣ изъ аула. Здѣсь, какъ и въ Карчи-юртѣ, крыши были устланы дѣвчани и даже женщинами. Пѣшіе проводники быстро подвигались впередъ, ловко перепрыгивали черезъ изгороди и камни и отнюдь не уступали нашимъ лошадямъ. Сначала путь лежалъ вверхъ по правому берегу рѣки Хурзуда, потомъ мы переѣхали на правое лѣсное побережье рѣки Уллакума. Этотъ потокъ имѣетъ довольно узкое русло, запружаемое громадными камнями, которые съ силой сдвигаются своими мутными, вѣчно шумящими волнами. Во многихъ мѣстахъ этотъ подспѣжный потокъ, перепрыги-

* Туманы — женскія шальвары.

вая черезъ высокіе утесы, образуетъ величественные водопады. Чрезвычайное обиліе въ прозрачной ключевой водѣ, стекающей съ высокаго прибрежья; зеленые, западные отклоны горъ, между тѣмъ, какъ восточные почти всегда покрыты снѣгами или представляютъ видъ оборванныхъ скалъ, — вотъ отличительный характеръ этой мѣстности. Прекрасный березовый лѣсъ, перемеженный съ сосновымъ, но сильно поврежденный огнемъ и буреломомъ и особенно рѣдѣющій на лѣвомъ скалистомъ прибрежьи, окаймлялъ нашу тропинку на двадцати-двухъ верстахъ до коша, выстроеннаго не въ дальнемъ разстояніи отъ устья потока Черенкула. Здѣсь мы невольно остановились, очарованные суровымъ видомъ окрестныхъ утесовъ, дикою мрачностью овраговъ, живою потоковъ, которые, подобно водянымъ столбамъ, клубятся и гнѣются изъ-подъ снѣговъ Балтакая и Уллукая и мчатъ за собою обломки скалъ и деревья въ стремленіи своемъ къ Уллакуму. Коррадини не вытерпѣлъ и принялся уже было за кисти, но мелкій дождь и туманные облака, падавшія на верхи высотъ, заслонили небосклонъ и лишили насъ этого вида. Верстахъ въ пяти отъ коша, между двумя потоками внезапно открылась луговина. Кони наши, почуявъ прохладу воздуха, несущагося изъ-подъ снѣговъ, и аромат сочныхъ густыхъ травъ, мгновенно освѣжились, радостно фыркали и шли дружице. Солнце стояло еще высоко на горизонтѣ, какъ наши Карачаевцы пригласили насъ расположиться здѣсь на почлегѣ. Не зная подробностей мѣстоположенія и не въ состояніи будучи предвидѣть послѣствій равняго ночлега, передъ восходомъ на Эльбрусъ, мы вдалились въ эту важную ошибку и стреножили нашихъ лошадей. Нѣсколько голыхъ обрывковъ скалъ, величиною въ большую крестьянскую избу, какъ бы нарочно разбросаны здѣсь исполнскою рукою волкана, для защиты отдыхающаго путника отъ юго-западныхъ подснѣжныхъ вѣтровъ. Мы избрали два такіе утеса: одинъ для себя, а другой для казаковъ и провожатыхъ; разостлали бурки, и каждый занялся своимъ дѣломъ: три казака, развели огонь, жарили бараньи ребра на нашихъ шестахъ съ желѣзными накопечниками, и грѣли воду въ мѣдномъ чайникѣ. Курдюкомъ съ преважнымъ видомъ зашивалъ чабуры для своего командира. Цыганъ дразнилъ упрямаго и брыкливаго катыра, который достался въ удѣлъ Мистулову; потомъ соскучась этимъ занятіемъ, собиралъ мохъ и камешки для Б***. Горцы разстлали свои бурки возлѣ потока, и снявъ оружіе, отправляли пятый намазъ, обращаясь лицомъ къ востоку; нвые дѣлали это стоя, другіе садя-

лись поджавъ ноги и кланя земные поклоны. Развѣсивъ наше оружіе на вышуклыхъ бородавкахъ скалы, надъ нашими головами, мы не знали, что дѣлать до сумерекъ. С*** предложилъ взобраться на высокую скалу, рисовавшуюся передъ нами, между двумя предпоследними ущельями, входящими въ Уллакумъ съ юго-восточной стороны. Б*** немедленно отправился за нимъ, вооружась палкою и взявъ съ собою отличную зрительную трубу, полученную мною, очень кстати, на-кавунѣ путешествія нашего. Искупавшись въ снѣговой водѣ потока, я тоже скоро догналъ ихъ, вибѣстѣ съ услужливымъ и неутомимымъ Цыганомъ, который, подпрыгивая съ помощью палки, перегонялъ насъ всѣхъ. Но къ сожалѣнію, трудъ нашъ не соответствовалъ надеждамъ найти богатые виды при заходящемъ солнцѣ, а можетъ-быть и вкусъ нашъ уже притупѣлъ къ ощущеніямъ отъ воспоминавія лучшаго. Мы расположились съ Б*** отдохнуть на остромъ гребнѣ между двумя неизмѣрными провалами. С*** взбирался еще выше. Одинъ Карачаевецъ не утерпѣлъ и бѣгомъ догналъ и перегналъ его, разминувшись съ нимъ на одной изъ разсѣливъ утеса. Группавершинъ, большею частью свѣжпыхъ, съ лиловымъ отливомъ, вертикальные обрывы овраговъ обширнаго размѣра, сѣдые утесы, съ навѣшными кремнистыми обвалами и часть кипящаго потока— вотъ главные предметы, которые втѣснялись въ обстановку нашего тѣснаго видоокруга. Насмотрѣвшись вдоволь на радужныя отраженія свѣта по этимъ дикимъ трущобамъ, влюбовавшись картиною нашего общаго бивуака съ горцами, надивившись инстинкту отличной породы кобылъ и жеребятъ, которые, во избѣжаніе шмелей и мустьиковъ, роящихся на нижнихъ отклопахъ горъ, взбирались цѣлыми табунами все выше и выше по каменнымъ стѣнамъ утесовъ и казались намъ висящими подъ облаками,—мы стали спускаться, или лучше сказать, сползать внизъ по разнымъ направленіямъ. Цыганъ, не замѣтивъ, что я былъ уже гораздо ниже его, вздумалъ забавляться сбрасываніемъ съ гребня огромныхъ камней, которые стоило только сдвинуть, что бы они рухнули. И въ самомъ дѣлѣ, увеличивающаяся быстрота паденія, гулъ и взмахи камня, поднимающагося, при ударѣ о другой камень, сажени на двѣ вверхъ, рикошеты его и брызги отломковъ, могутъ позабавить каждаго, въ такомъ пустынномъ мѣстѣ. Но мнѣ эта продѣлка едва не стоила головы: огромный камень, сдвинутый съ большими усиліями, при паденіи своемъ раздвоился отъ удара въ скалу, однимъ осколкомъ, величиною въ бомбу, летѣлъ уже прямо на меня; едва успѣлъ я отскочить фута на полтора

въ сторону, съ опасностью рухнуть въ провалъ. Б*** все это видѣлъ и съ минуту считалъ меня погибшимъ, но дѣло обошлось ничѣмъ и мы со смѣхомъ вспоминаемъ прошедшее.

Послѣ этой усмешливой прогулки, чай и продымленная баранина показали намъ очень вкусны. Коррадин наградила насъ также порядочнымъ видомъ Эльбруса, который онъ успѣлъ набросать, лежа на буркѣ. Отдано приказаніе разбудить насъ до свѣта, но казакамъ не хотѣлось спать. Курдюмовъ, закуривъ трубку, собиравая, по обычаю, разсказать какую-то сказку; около него составилась кружокъ любопытныхъ и въ томъ числѣ два Нарачаеца, понимавшіе по-русски. Я тоже подкрался къ бивачному костру и усмывалъ легенду ливейца, почти въ слѣдующихъ словахъ.

Въ какой-то станицѣ, надъ проклятой Кубанью, жилъ-былъ бравый урядникъ съ Егорьемъ. Глазъ у него былъ мѣткій, кони чудный и по горамъ и по степи не выдастъ, пистоли, ружье безъ осѣчки, а шашку отнял онъ съ бою подъ Хунзахомъ, у знатнаго бека, и не разъ сулили ему за нее косякъ лошадей — да не отдать. Вотъ, отпросился онъ разъ въ домовой отпускъ на Черноморье. Приѣхалъ; джигитуетъ онъ лихо и дивясь пологить краснымъ словомъ. Не слобровалъ же и самъ нашъ баясвикъ; приглянулась ему какая то краля. Должно быть была хороша, день и ночь отцуратися не можетъ, — такъ и мерещится то во снѣ, то наяву, колдунья Маруся. Засыляетъ еятовъ; куда! нагъ отецъ и слышать не хочетъ. Ну чтѣ жъ, урядникъ не промахъ: то смитнутыя они у вечерни, то на игрищахъ ставнутыя: то повстрѣчаетъ ее, какъ бы не-нарономъ, у доброй сосѣдки - куны, а тамъ и за хатой пошли шуры муры. Короче сказать, однажды подѣхалъ онъ ночью къ знакомому тыну, Маруся ужъ тамъ; онъ хватъ ее на конь, взмахнулъ нагайкой, — слѣдъ простыль. Женились; лады у нихъ съ жинкой, дѣтей только Богъ не посылалъ. Да вотъ на бѣду повадился къ нимъ какой то узденъ — все въ гости, да въ гости. И подлинно, что за другъ дорогой, что за товарищъ чудесный. Чуть собралась гдѣ шайка вдовъ, тотчасъ отъ узденя повѣстка тайкомъ. Баранъ самый лучший, жеребенокъ любой, ни въ чемъ нѣтъ завѣта: для урядника все отдать и денегъ не просить.

Однажды приходитъ въ станицу наказъ: уряднику вышелъ чередъ на дальній развѣздъ — и велитъ онъ хозяйкѣ собирать все нужное въ путь. Зря не зря, подошелъ и урочный день, — Маруся мужа пѣлуетъ и креститъ и плачетъ съ тоски при про-

даль; но только лишь онъ со двора, какъ въ сумеркахъ ловкій уздень откуда ни взялся—за плутовкой.— Скокъ на-конь! часть добрый! Слова шею летять голубымъ, а того и не знаютъ, что по-ходъ огмѣняетъ, что урядникъ у хаты ужъ кличетъ Марусю и разомъ смекаетъ въ чемъ дѣло. И вотъ онъ съзываетъ товарищей съ пути, по свѣжнмъ слѣдамъ отнять съ бою добычу. Перейдя за Кубань, еще верстъ пятнадцать скакали за нимъ казаки, а потомъ попросились. Одинъ лишь урядникъ хочетъ прайти свое, — и еще проскакавъ верстъ безъ малаго сорокъ, видѣть на мягкомъ лугу забавованы кони, а по-одалъ, Черкесы свить безпечнымъ спомъ я въ кружкѣ ихъ прятель съ невѣрной женой. Урядникъ съ кинжаломъ въ зубахъ пробрался до Маруси, хватъ ее за шолу, да палець на губы, а тамъ живѣй на коня, и тягу до дому. Преслуудя уздень; нѣтъ милой; ярость жель киватить, бьетъ онъ тревогу, мнитса обратно и толпа чедивцевъ за нимъ. Но дамень путь, а кони лхкіе, не успѣвъ отдохнуть на приволѣ, пристають одинъ за другимъ; и вотъ самъ лшъ на самъ; уздень настагаетъ урядника, рысью не круной, и видѣть, что нещъ молодець ужъ на выстрѣлъ ружейный, не больше, отъ быстрой Кубани, а тамъ вѣдь длохая расправа: казакъ на сторожѣ не дремлять. Уздень вынимаетъ винтовку, разъ, да, и урядника конь издыхаетъ въ кровл. Уздень мечетса къ швой,—какъ бы не такъ! Урядникъ шлахбаумъ ужъ изъ шашки сварганилъ. Сложиванос; летять лезавя на куски, — нѣтъ времени съхватить вѣрный кинжалъ. Схватилса они въ рукошашный. Чья возьметъ, угадать мудрено: урядникъ сильнѣй, а уздень пресорнѣй; сломятъ казань, анъ черкесъ на кону. Но вѣдь сила сосону ломаетъ; уводилъ молодеца мой урядникъ и молитъ жену, шомоги вымыкнуть ножа изъ пашайки, — смогри, вѣдь чериветь ужъ толлаъ узденя владѣн. — А Маруся въ отвѣтъ: «мани що за дло? кто устадо, тому я и буду жинкой!» — Стиснувъ зубы, собралъ урядникъ преслѣднѣ силы, арывалъ коротенько узденя и ето же киджаломъ лхкномъ врага. Потомъ, ваявъ Марусю, вско-чиль на узденяу дашаъ и снокойно прибылъ въ ставаницу. Вотъ проходить медѣля, другая и третья. Маруся ужъ чаеть, что шашки съ узденемъ обойдутса ей даромъ. Какъ вдругъ, на исходе шохортой медѣли, молчал валеть, кто верхомъ, кто на арбѣ, рылны и съ Дуку и съ Чернаго Моря къ уряднику къ дворъ.— Ошаравалъ везаванный на сердцѣ Маруси — а дадо жъ подѣтъ да-лонцы и чаркой почествовать милыхъ гостей. Накормить всѣхъ

родныхъ, урядникъ поклонился имъ низко и началъ рассказъ про лукавство жены, а покончивъ, просить суда и расправы...

Двадцать втораго іюля, въ четыре часа утра, мы отпили чай и надѣвали чабуры, заминая чулки тонкоствольною травою. Около пяти часовъ, мы уже были въ четырехъ съ половиною верстахъ отъ бивуака, у подошвы безконечнаго подъема къ перевалу, влѣво отъ мѣста, называемаго Шха-Демеуга. На этомъ переходѣ горцы вдругъ закричали *туры* *. Мгновенно навели мы зрительныя трубы и не безъ труда различили между вершинами утесовъ, подпирающихъ облака, по разнымъ примѣтамъ, указаннымъ Карачаевцами, штукъ около двадцати дикихъ барановъ. Батсга Карамурзинъ и другой какой-то не менѣе страстный охотникъ, не взирая на предстоящіе въ этотъ день труды, стали взвизгивать по кругамъ; дѣлали широкіе скачки съ непостижимою для Европейца ловкостью по ненадежнымъ, высушившимся надъ провалами камнямъ и въ полчаса достигли уже мѣста, гдѣ мы различали туровъ. Но эти животныя исчезли передъ нашими глазами и мы не могли себѣ дать отчета, куда и какъ они скрылись. Часто по дорогѣ между скалами, мы видѣли логовища дикихъ кабановъ, но самыхъ этихъ животныхъ нигдѣ не случилось намъ встрѣтить.

Оставивъ за собою потокъ Уллакумъ, мы повернули отъ него круто на лѣво и стали взбираться къ перевалу. Большое счастье для лошадей, что камни, разбросанные въ видѣ кочекъ, по зеленой ложбинѣ хребта, обросли густою травою и мохомъ и помогали имъ карабкаться вверхъ. Однако же половина лошадей, не сдѣлавъ даже двухъ третей пути, пристала; мы закинули выбавшимся въ смѣхъ животнымъ поводя на шею и погнали ихъ обратно внизъ. Самые крѣпкія лошади продолжали тащить насъ, и тѣ наконецъ утомились; теперь намъ оставалось слѣзть долой и гнать ихъ передъ собою, хватаясь за хвосты. Этотъ маневръ сберегаетъ лошадей, да и всадникъ безъ большаго труда достигаетъ вершины самой крутой горы. Наконецъ мы добрались до рубежа снѣговъ, но было ужъ девять съ половиною часовъ утра и тутъ-то сознали мы свою ошибку. Не надобно бы вчера вечеромъ слушаться проводниковъ, потому что горцы не умѣютъ опредѣлять съ точностью ни времени, ни разстоянія; и на расчеты ихъ никогда нельзя положиться. Если бъ, запасшись дровами, мы заночевали на канушъ верстахъ въ двухъ отъ пере-

* Дикіе бараны.

шла, на гѣснетомъ утесѣ подъема, то лошади были бы обережены; снѣга рано по-утру были бы тверды и мы могли бы не только сами, но вмѣстѣ съ лошадьми, перебраться по нимъ безъ большого труда. Миѣ даже кажется, что, если бы съ нами были сибирскія лыжи, то мы могли бы достигнуть вершины Эльбруса, не зирая на то, что спутники генерала Эмануэля, — которые впрочемъ пытались въ 1829 году совершить восходъ не съ южной стороны, — увѣряють, будто бы невозможно достигнуть далѣе 2,333 сажень надъ уровнемъ моря (16,330 футовъ). Но теперь Карачаевцы, разсыпавшіеся по бѣлой равнинѣ для соидировки мѣстности, топули въ сугробахъ и чуть не уморили двухъ бѣдныхъ лошадей, пущенныхъ, для опыта, за перевалъ; ихъ надобно было вытаскивать, съ большими усиліями, изъ рыхлой стихіи. И такъ мы вынуждены были разстаться съ послѣдними лошадьми и разложить вещи на пѣшихъ Карачаевцевъ. Многіе изъ провожавшихъ насъ, по доброй волѣ, гордевъ, прощались съ нами, желая намъ счастливаго пути и посылая на дорогу свои: *Есепъ-болъ*, * агамъ! огуръ-сатъ, достумъ и якши-юль джаннимы! По немногу стаяулись къ намъ казаки. Начали дѣлать складчину съѣстнымъ припасамъ; ихъ оказалось очень мало. Предусмотрительный Карамурзинъ, торжественно поднесъ намъ два чурека, ободряя привѣтствіемъ: Алла верды! (Богъ далъ) и подкрѣпль насъ глоткомъ водки. Цыганъ отрылъ гдѣ-то кусокъ молодого, забракованнаго на канувѣ, овечьяго сыру; но такъ какъ у насъ не оказалось хлѣба, то многіе изъ насъ продолжали алкать. Обезпечивъ гомеопатическимъ приѣмомъ матеріальную часть нашего бытія, мы обратили духовную половину на созерцаніе вѣдоевъ. И подлинно здѣсь можно забыть усталость и голодъ. Мы стояли на гребнѣ, или лучше сказать, на темени Кавказа. Окрестъ насъ развивалась картина величественная, неизобразимая, необъятная, которая едва ли повторяется гдѣ-нибудь на другой точкѣ земнаго шара. Четыре шпиль Эльбруса, казались намъ въ разстояніи нѣсколькихъ сажень. Два изъ нихъ, которые изъ Пятигорска представляютъ видъ куполовъ, теперь являются въ иномъ видѣ. Высшій, восточный, похожъ на пирамиду ослѣпительной бѣлизны; вторую высшую вершину, снѣговой покровъ облекаетъ только съ сѣверо-восточной стороны, а юго-западный

* *Есепъ-болъ*, значитъ по-татарски — прощай; *агамъ*, господствъ мой, огуръ, счастливый; *сатъ*, или *сагамъ*, часъ; *достумъ*, пріятель мой; *якши*, хорошій; *юль*, путь; *джаннимы*, душа моя.

уголъ этой вершины, отряхнув свой саванъ, является въ видѣ оборванной, голой, утесистой скалы. Промежуточная и южная крайняя вершина, тоже обнажены, но общая подошва ихъ серебрится вѣчнымъ инеемъ. Уллукая, Балтакая, Уллу-Кумъ, Ламаръ, Донгусъ-Зары и всѣ промежуточные шпиль высочайшихъ горъ, по хребту Кавказа, кажутся намъ теперь холмами и сливаются въ общій амфитеатръ или полубассейнъ, обращенный выходомъ къ верховьямъ Азы или Азауги, куда предлежалъ намъ путь. Обширное дно этого бассейна, обнимающее, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ квадратныхъ верстъ, застилаетъ яркая, бѣлая ткань, отражающая облака. Наконецъ, на югъ, подъ нашими ногами, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ безчисленныя гряды бѣлыхъ хребтовъ Сванетіи *. — Всѣ прочія подробности живописныхъ видовъ исчезаютъ или забываются при этомъ величій главныхъ предметовъ. Однако же я вздумалъ было всмотрѣться пристальнѣе въ природу; но время ушло заниматься изслѣдованіемъ случайностей скапленія здѣсь огромныхъ камней, которые оповсывали подошву Эльбруса, безсвязными грудями, какъ бы выкинутые волканическимъ жерломъ. Нѣкогда было замѣчать разности пластовъ, разбирать виды слюдястыхъ осколковъ, кристалловъ и мѣлкотрѣпыхъ породъ, собирать мохъ, цвѣты, растенія и ловить бѣлыхъ бабочекъ, порхавшихъ по рубежу земли съ свѣтами; барометра съ нами вовсе не было — къ тому же и цѣль нашего путешествія не была ученою, а Карачаевцы торопили насъ; указывая на помрачившееся солнце, на тяжелыя, черныя тучи, смыкавшіяся на западѣ и отъ которыхъ доходила уже до насъ отдаленные раскаты грома; на став орловъ, которые слетались со всѣхъ сторонъ и вились надъ своими гнѣздами; на непрерывно рыхлѣющій свѣтъ и, наконецъ, на сѣдые туманы, которыми начали дышиться верховья ущелій. При всѣхъ томъ, издахъ становился такъ рѣдокъ, что имъ почти можно было захлебнуться. Мы постигали намочить головы водою изъ-подъ свѣтлой зашвы, подернутой тончайшею лдяною корою, и замазавъ мѣста у слезныхъ мѣшковъ подъ глазами, растертымъ и распуцаннымъ въ водѣ борохомъ, по обычаю горцевъ, — для того, чтобы мерцаніе свѣта не ослабило нашего зрѣнія, — стали быстро спускаться, сидя на шестаяхъ, какъ на салазкахъ, съ лавы-

* Графъ С*** ссавался, что ни въ Мчаліи, ни въ Норвегін, ни даже въ Швейцаріи, онъ не видалъ природы въ такія живописныя расцѣрахъ.

своей сѣвѣной гряды, составляющей возвышенную кайму около лѣвѣйшей равнины.

Теперь мы принялись плыть по сугробамъ, вытаскивая съ напряженнымъ усиліемъ вязнушія выше колѣна ноги, одну за другою, и стараясь попасть въ дыру, образованную ногою нашего южатаго. Половина навьюченныхъ нашими вещами Карачаевцевъ, была впереди, а другая половина сзади насъ; вожатый былъ ополсанъ веревкою, за которую придерживали его три товарища, чтобы онъ не утонулъ, если бы нечаянно провалился въ расщелину, прикрытую снѣгомъ. Мы отдыхали по-крайней мѣрѣ въ каждыя стѣ саженьяхъ; ноги наши были мокры, потъ градомъ катился съ лица и, несмотря на то, что я оставался въ пижамѣхъ бешметѣ, мнѣ даже во время остановокъ было жарко, и я до того разгорѣлся, что снѣгъ, который съ жадностью глоталъ конками, не могъ освѣжить меня. Болѣе двухъ часовъ съ половиною тянулись мы къ Азаугѣ, такъ, что было нѣсколько минутъ за полдень, когда мы усѣлись на остромъ обнаженномъ гребнѣ, висящемъ надъ этимъ потокомъ. Теперь намъ предстояло спуститься отсюда по ледникамъ праваго берега Азауги, и перевалиться черезъ смѣть щебня, образовавшійся надъ самымъ русломъ потока, между двумя ледяными крышами, перевалиться черезъ эту кренистую плотину на лѣвый берегъ Азауги и оттуда уже по промежуточнымъ ледникамъ, направиться къ верховьямъ Баксама. Но не легко было совершить переходъ по льдистому косо-гору. Забѣтнвъ, съ какою осторожностью и неуверенностью пускаются въ этотъ опасный, скользкій путь самые отчаянные карачаевскіе охотники, я предложилъ товарищамъ сдѣлать не большой обходъ вправо, чтобы имѣть совершенно перпендикулярный выходъ вверхъ по льду, а потомъ, выигравъ горизонтальный путь по вершинѣ ледянаго гребня и пройдя надъ Азаугою то пространство ея, которое не находится подъ льдами, повернуть вѣдъ прямымъ угломъ на лѣво и спуститься внизъ къ леднику, въ упоръ шеста. Неосторожный Коррадини одинъ только не обратилъ вниманія на мой совѣтъ и дорого заплатилъ за то. Едва онъ шагнулъ шесть разъ по косогору, какъ поскользнулся лѣвой ногою и упалъ на правый бокъ. Напрасно по зову Б^{ова}, стали сбѣгаться Карачаевцы, напрасно несчастный старался удержаться на палкѣ: не привыкнувъ обращаться съ нею, онъ выталкивалъ ее въ ледъ по правую сторону, вмѣсто того, чтобы перекинуть ее на лѣво; сначала онъ медленно, потомъ съ

увеличивающеюся быстротою, съ быстротою полета птицы, и пролетѣвъ болѣе ста сажень по скату въ 35—40 градусоѵ, пришелся нижнюю часть спины объ сводѣ огромной лдяной пещеры, величиною въ саклю, а здѣсь получивъ отъ выступа въ этомъ сводѣ, косвенный толчекъ, низринулся въ глубокой загибъ потока Азауги. Сбравъ послѣднія силы, онъ выплылъ на небольшой островокъ близъ плотины, покрытый мелкимъ круглышемъ, и упалъ безъ чувствъ. Видъ съ высоты скалы неподвижнаго, окровавленнаго, распростертаго ницъ Коррадини, наполнилъ насъ невыразимымъ ужасомъ. Съ Б*** сдѣлалась рвота, С*** утратилъ свою веселость и съ этой минуты пересталъ рассказывать про путешествія свои въ Швейцаріи и Норвегіи; онъ сталъ даже хворать отъ сильнаго участія къ бѣдному Коррадини. И что же, самъ П***, направляясь въ походъ по лдянамъ, позволялъ одному Карачаевцу поддерживать себя подъ плечо. Въ то время, какъ мы совершали этотъ обходъ между бездонными трещинами лдяниковъ, С*** отыскалъ съ лѣвой стороны скалы кратчайшій спускъ по камнямъ, къ загибу Азауги, и такимъ-образомъ первый послѣ Карачаевцевъ успѣлъ подать пособіе живописцу, котораго горцы уже подняли, держали подъ руки и приводили въ чувства, потирая лицо руками. Раны его на ладоняхъ (съ которыхъ совершенно слезла кожа) и на нижней части спины, обмыли и обвязали компресами, напитанными холодною водою. На плечи натянули ему мѣховой архалукъ Б*** и оставили при немъ четырехъ Карачаевцевъ съ однимъ урядникомъ, для переноса въ долину Баксана, гдѣ должны были ожидать насъ Урусипевцы съ лошадьми. Послѣ этого мы осмотрѣли театръ печальнаго происшествія и не могли надвинуться, какъ Провидѣніе спасло Коррадини. Не болѣе какъ на полтора фута прокатился онъ мимо бездонной, лдяной разсѣлины, и если бы упалъ въ нее вслѣдъ за своею палкою, то, стиснутый силою тяжести своей въ лдястыя челюсти провала, несчастный захлебнулся бы прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ подать ему руку помощи. Съ другой стороны, не случись, при концѣ паденія, у лдяной пещеры, выступа, который направилъ его вкось, Коррадини былъ бы изрѣзанъ въ куски острыми камнями праваго прибрежья Азауги; наконецъ, если бы нашъ живописецъ упалъ вертикально въ потокъ, но не столь глубокой, какъ этотъ, будто-бы нарочно подставленная для него яма, въ загибѣ Азауги, спинной хребетъ его непременно бы лопнулъ онъ, или лишился бы жизни, или остался бы калекою на всю жизнь. Но глубина воды въ этой днѣ ослаби-

м ударъ отъ тяготѣнія стремящагося внизъ тѣла, и спасла его не только отъ гибели, но и отъ увѣчья.

Устроивъ процессію, мы перебрались-было къ промежуточной ступени между льдяными отклонами надъ Азаугою и думали уже добраться по суху и безопасно до Баксана. Не тутъ-то было: подъ горами шебня оказался вязкій трясинникъ, въ который я утонулъ по колѣна; Должно полагать, что шебень наметаетъ къ этому шву, бурюю, по льдамъ, съ ближайшихъ отклоновъ; мы заѣхали также тонкій слой наносной земли во многихъ мѣстахъ сверхъ льдовъ и сугробовъ. И такъ, отъ плотины пришлось намъ пробраться на ледники между Азаугою и Баксаномъ. Это обширное пространство подернуто тканью, составленною изъ крупнокъ льда, примерзшихъ одна къ другой, напоминало уловатое шле изъ бѣлой шерсти; изъ-подъ нея сочлились безчисленные ручейки, составляя какъ-бы движущуюся подкладку верхней ткани. Подъ ручейками синѣли плотные слои льдовъ, которые разсыпались съ страшнымъ трескомъ, то впереди, то сзади, то въ-право, то въ-лѣво отъ насъ. Къ этой весьма неутѣшительной музыкѣ, прибавить надобно гулъ отъ камней, которые отъ времени до времени срываясь съ окрестныхъ вершинъ, летѣли на скользкія подножія ихъ и нерѣдко перебѣгали намъ дорогу. Все это однако же приглядѣлось намъ вли, лучше сказать, усталость притупила въ насъ сознание опасности; и мѣше нежели въ полтора часа, мы перешли остальное пространство до Баксана. На половинѣ перехода, у зеленоватой части зялющей льдяной разсыпны, насъ встрѣтила два проводника, высланные къ Б*** отъ племени урусіевскаго. Одного изъ нихъ, рослаго и дюжаго парня, отправили мы къ Коррадини. Здѣсь распрошалось съ нами еще нѣсколько карачаевскихъ охотниковъ, пожимая намъ дружески руки, съ неизбѣжнымъ присловьемъ: «якши-сахать!» (добрый часъ!) На перевалѣ къ Баксану мы снова отдохнули, а потомъ, собравшись съ силами, спустились внизъ. Вотъ тутъ-то мы должны были задать чрезвычайную работу нашимъ ногамъ, пробравшись до зыбкихъ косогорамъ, перепрыгивая съ камня на камень чрезъ ревущій потокъ, карабкаясь на утесы, и прочее.

Урусіевскій проводникъ почти насильно сажалъ къ себѣ на плечи Б***, приговаривая: пучъ-затъ (это бездѣлица), башъ-уста! башъ уста! (на мою голову! на мои очи!) и переносилъ его четверою рукою чрезъ Баксанъ. На конецъ концевъ, ровно въ два часа за полчаса, спустился съ огромнаго хребта, что въ углу сѣверо-восточнаго угла Баксана, мы были обрадованы приволокъ домашней

Урусіевцами, подъ предводительствомъ проворнаго нашего вождя Баташева, и черезъ четверть часа добрались мы, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, до луговины при опушкѣ лѣса. Какая роскошь въ цвѣтахъ! какая могучая растительность! Трава густая какъ бархатъ и вездѣ выше пояса; сосны, березы, какъ матушки, въ полтора обхвата толщины! Но сколько навалено бурей прекраснаго строеваго лѣсу, сколько истреблено его огнемъ, сколько гниетъ на корнѣ! Напрасно Б*** предлагалъ Урусіевцамъ, плавить вполую воду строевой валежникъ по Баксану, въ низовьяхъ укрѣпленія, за богатую плату. Они отвѣчали, что отцы ихъ и дѣды ничего не продавали за деньги изъ своихъ угодій и были счастливы. Нечего было наставлять; мы рзостлали бурки, но вотъ новое чудо! Общая молва твердитъ, что тарантулъ ни зачѣмъ не всолезетъ на бурку, и какъ огня боится овечьей шерсти, потому что овцы любятъ лакомиться пауками, а между-тѣмъ на буркѣ у П*** сидитъ огромный тарантулъ изъ рѣдкой породы желтоватыхъ, съ черными пятнами на ногахъ. Къ-сожалѣнію, его раздавили, а впрочемъ и некуда было бы дѣвать.

Въ то время, какъ мы перемѣняли измокшее бѣлье и пили арианъ, окруженные толпою пѣшихъ и конныхъ Урусіевцевъ, вышедшихъ къ намъ на встрѣчу, явилась процессія, пританцовывавшая Коррадини. Рассказывали, какъ горцы несли его, сначала на плечахъ, но ему отъ этого дѣлалось дурно и онъ дорѣгою два раза обомлѣвалъ такъ, что только холодною водою могли привести его въ чувства; потомъ устроили ему носилки изъ шестовъ и, наконецъ, при спускѣ къ Баксану, усадили больнаго на лошадь; одинъ изъ горцевъ сѣлъ сзади и поддерживалъ его, а другой велъ лошадь за поводъ. Въ ожиданіи чаю, который пѣрили въ болотной водѣ, за неимѣніемъ другой; раны страдальца были осмотрѣны и обложены толстыми слоями курдюка, и хотя онъ всё-еще вздыхалъ и охалъ, однако же рѣшился ѣхать съ нами до ближайшаго аула Урусіева. Этотъ аулъ лежитъ въ сорокати верстахъ отъ привала. Времени отъ пяти часовъ до полудни до заката солнца, оставалось немного. Урусіевцы непрерывно кричали «гайда!» Дорога вела по трупобамъ, заваленнымъ валежникомъ, устланнымъ дичи, пересѣченнымъ ручьями, болотинами, потоками,—по косогорамъ ужаснымъ. Часто случалось, что тропинка на отвѣсномъ спускѣ внезапно преграждена была огромною колодою, за которою слѣдовалъ крутой поворотъ въ потокъ. Конь остается не долго въ раздумьи: ступить ли ему одною или обѣими ногами вдругъ. Не трогайте его только нове-

дше: онъ садится на заднія колѣна, медленно и ловко передаетъ переднія копыта черезъ бревно или пену, разставляетъ ихъ такъ, чтобы остался промежутокъ; въ этотъ промежутокъ собираетъ заднія ноги и, въ то же время, свиваясь кольцомъ, опускается въ потокъ, ровно въ упоръ воды, чтобы не быть увлеченнымъ быстринною. Вы не увидите головы и ушей вашей лошади, потому что вамъ приходится лежать спиною на хребтѣ ея. Но вдругъ по косогору стѣсняють тропу два огромные камня, во брюхо лошади; между камнями едва помѣстится одно копыто, а за ними крутой поворотъ и спускъ по ступенямъ въ скалы надъ привольемъ. При одномъ взглядѣ туда, у непривычнаго ѣздока закружится въ головѣ; но положитесь опять на горнаго коня. Онъ вѣрнѣе и лучше васъ сообразитъ, какую именно ногу пустить между скалами и какъ перенести другую къ опасному мѣсту, чтобы не нарушить равновѣсія. Бывали мѣста, гдѣ бревна, нападвшіе поперегъ тропинки и сломанныя сосны, нависши сверху, образовали родъ мышеловки, на кочковатой болотистѣ; здѣсь уже нужно было припасть, подобно джигиту, къ боку коня и повиснуть на немъ, уцѣпясь рукою за гриву, а ногою и стремя, и потомъ предоставить благоразумію коня отыскивать надежныя кочки, чтобы не завязнуть въ болотѣ. Но промокатые гикали на нашихъ лошадехъ и кричали, «гайда!» Солнце привѣтно опускалось, ночь обѣщала намъ новыя опасности. Урусіевцы заѣли любимую свою пѣсню; дикая гармонія хора миѣ такъ понравилась, что я просилъ П*** перевести эту пѣсню и сообщаю ее такъ, какъ она миѣ досталась, не нарушая смысла и разгѣра.

Бѣда! отовсюду враги на насъ налетѣли,
 Для отпора, дружины не сильны Баксанъ * высылаеть;
 На рѣку Азаугу пришли, отдыхали,
 И въ полночь злодѣи несмѣтной толпой съ перевала скатились.
 Передъ свѣтомъ свирѣпо насъ обступили,
 Мгновенно безщадный бой завязался
 И кровью Азауга, вмѣсто воды, потекла.
 Кровожадныхъ грабителей скликнувъ къ намъ, зачѣмъ ты явился,
 Скажи! Кукурузникъ ** презрѣнный! балованный сынъ Дударуна.
 Такъ восклицаютъ въ гнѣвъ Баксана питомцы.
 И сынъ Дударука въ отвѣтъ изъ винтовки не цѣлясь *** стрѣляетъ;

* Баксанъ здѣсь значитъ племя, живущее по Баксану.

** Кукурузою зазѣваетъ поля свои племя Дударука.

*** Стрѣлять не цѣлясь,—признакъ трусости и считается за позоръ.

И ужась объемяетъ его,
 И какъ трусъ, онъ съ битвы бѣжить.
 Только одинъ Асахматъ, Мугамеда сынъ,
 Въ сѣтъ упорно стоитъ, какъ скала изъ гранита,
 Но напрасно! отваги своей ты всѣмъ не вдохнешь.
 Какъ песчинки въ степи безсчетно
 Изъ-за гребня сѣдаго выгрянули къ нанъ,
 Но не многимъ досталось въ удѣлъ
 Родимыя саки опять увидать....
 Къ свѣту другаго дня, когда вѣтеръ
 Съ побойща туманы въ ущелья унесъ,
 Враговъ на ногахъ никто не видалъ.
 Одинъ лишь Баксанцы въ крови и пыли своихъ узнавали. —
 Ликуй же Баксанъ! и скажи откровенно,
 Что волны твои достойны мы пить.

Они пѣли, но это не мѣшало имъ прислуживать намъ съ величайшею заботливостью. Молодой, привлекательной наружности горецъ, сынъ урусипевскаго старшины Шомпалова (Сманъ), принялъ на свое попеченіе больнаго Коррадини. Нарочный джигитъ, изъ Карачаева, Баташевъ, угождалъ Б*** даже съ утонченною внимательностью. Онъ обрубалъ своимъ кинжаломъ впереди нависшіе вѣтви, поддерживалъ, въ тѣсныхъ мѣстахъ, голы бурки, соскакивалъ на скользкихъ мѣстахъ и утапывалъ трону для своего начальника, съ докладомъ: ишляды! куртады! (готово! кончалъ!); въ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстахъ, онъ поддерживалъ и сѣдока и лошадь. Какъ не сломилъ онъ себѣ шеи, заскакивая то впередъ, то назадъ надъ безднами! Мы проѣхали уже мимо трехъ кошей и достигли устья рѣки Рыкъ, какъ вдругъ наткнулись на засаду изъ сотни горцевъ, собравшихся въ четвертомъ кошѣ, передъ мостикомъ на Рыкѣ. Ни слова не говоря, они схватывали нашихъ лошадей подъ уздцы и выводили насъ по одинакѣ за кошъ, оставивъ между собою внутри коша одного только Б***. Здѣсь-то выказалась вся преданность къ нему Цыгана и ливейцевъ. Напрасно Мистуловъ, П*** и даже самъ Б*** кричали: «ступайте мимо!» Налегавшіе сумерки, безмолвіе и мрачный видъ вооруженныхъ горцевъ, взволновали воображеніе казаковъ, они упорно выстроились на косогорѣ и отталкивали всѣхъ подходившихъ близко, требуя, чтобъ имъ выдали Б***. На вопросъ мой, что это значить? С*** отвѣчалъ: «Qui sait! nous allons, peut-être, attraper quelques coups de feu». Но скоро явился Б*** и положилъ конецъ всѣмъ догадкамъ, объяснивъ, что

и-каунѣ нашего прїѣзда, племена Муллахъ и Мезги *, которыя имѣютъ аулы, по словамъ горцевъ, въ Сванетіи, выслалъ найку воровъ къ Урусію и покуда пастухи поднимали гарай ** и собирались дать отпоръ хищникамъ, они успѣли угнать болѣе десяти штукъ крупнаго скота. По этому случаю Урусіевцы выставили было секретъ по дорогѣ въ Сванетію, но узнавъ, что къ нимъ ѣдетъ въ гости Б***, они перевели караулъ свой на ночь въ четвертый кошъ, для обезпеченія переправы его черезъ рѣку Рыкъ. — Еще версты на три достало намъ луннаго свѣту. Цыганъ увѣрялъ, что въ трущобѣ виднѣть медвѣдя. Зоркіе Карачаевцы подтверждали слова его, но некогда было возиться съ нимъ. Стемнѣло; многіе пѣшеходы сѣли позади ѣзовыхъ. Одинъ Урусіецъ, по праву собственности, взобрадся было на крупъ своей лошади, на которой сидѣлъ Коррадини, и при этомъ печально тронулъ его больныя мѣста. Раздался громкій вопль; завязался бой между сыномъ Италии и Кавказа, но первый одинъ удержалъ поле сраженія. Мѣста, по которымъ мы карабкались, то взвиваясь на высь (à pic), то спускаясь въ бездну, должны были ужасны. По словамъ Б***, здѣсь и днемъ легко можно разстаться съ головою, а теперь зги не видно. Впередѣ ѣдетъ Азілецъ, на бѣлой лошади, за нимъ Б***, къ-несчастью моему, на вороной; за Б***, на хвостѣ слѣдую я. Мы безпрерывно переключаемся и безпрерывно теряемъ другъ друга. Напрасно заглядываю я мимо товарища на бѣлѣющую шерсть урусіевскаго коня, какъ на спасительный маякъ въ мрачную и бурную ночь на морѣ: — лошадѣ исчезла. Напрягаю зрачки и озираюсь; что-то бѣлѣетъ, да уже внизу, какъ бы подъ копытами моего коня, — и тутъ уже я догадываюсь, что намъ предстоитъ крутой поворотъ на право и внизъ; оступись лошадѣ на одну линію — и прощай ребра. Нѣтъ, лучше зажмуриться и бросить поводъ, пускай себѣ лошадѣ ныряетъ въ пучину и дерется на скалы! Но вотъ вторично раздается вопль. — Коррадини въ опасномъ мѣстѣ не усидѣлъ на лошади и хочетъ непременно итти пѣшкомъ. Зажигается новая война. Нельзя же оставить больнаго одного въ пустынѣ, и, на этотъ разъ, соединенныя племена Карачая и Урусіи, насильно сажаютъ на хребетъ лошади несчастнаго выходца благословенной Авзоніи. Ко всему этому на-

* Муллахъ и Мезги на пяти-верстной картѣ не значатся, но на древнихъ картахъ ихъ можно найти дѣйствительно въ границахъ Сванетіи.

** Гарай, — тревога.

добно прибавить возникающія, какъ бы изъ нѣдръ земли, на каждыя тридцати саженахъ, исполненскія тѣни горцевъ, въ широкихъ буркахъ. Лошадь невольно вздрогнетъ и отъскочитъ, и бѣда, если это случится на зыбкомъ мѣстѣ. Но часовые нарочно разставлены для насъ; они помогаютъ намъ на отчаянныхъ спускахъ, забираютъ нашихъ лошадей на трудной переправѣ черезъ потокъ Васаны, оберегаютъ насъ отъ ушибовъ объ камни, еще трѣхъ или четырехъ кошей, выстроенныхъ за Рыкомъ, и вооружаютъ насъ палками на послѣднемъ, скользкомъ косогорѣ передъ ауломъ, повторяя серъ-ги-сабъ! бураданъ! (осторожиѣе, вотъ здѣсь!). По счастью, у подножья розовыхъ кустовъ, блистали, надъ обрывомъ, широкою каймою, свѣтящіяся червячки, и указывая намъ направленія тропы, предохраняли этимъ отъ паденія. Наконецъ, плескъ грязи подъ копытами и ушибы въ колѣна отъ заборовъ, дали понять намъ, что мы въѣзжаемъ въ тѣсныя улицы. Отвори ворота! (ачъ-капшы!) закричалъ въ темнотѣ хриплый голосъ и вырвалъ у Мистулова восклицаніе: ахырынъ! ахырысъ! *. За болѣзнию отца, молодой Смаиль, опередившій насъ у переправы чрезъ Рыкъ, держалъ уже факелъ передъ порогомъ своей сакли и привѣтствовалъ обычнымъ — селамъ алейкумъ! (привѣтствую тебя!) о суошъ галды!) милости просимъ!) тазамусенъ! (какъ можешь!). Пріемъ отличный! чайный сервизъ такой изящный и полный, какой едва ли найдется въ западныхъ губерніяхъ у мелкопомѣстной шляхты. Напрасно мы думали, что только съ пріѣздомъ нашимъ, по азіатскому обычаю, начнутъ рѣзать барановъ и не дадутъ намъ спать, пока все не будетъ готово; — ятъ, успокойтесь: пилавъ, кебабы, похлебка и прочая, уже разложены по столикамъ, къ услугамъ жданныхъ гостей. Мистуловъ отвелъ большаго Коррадини въ сосѣднюю саклю Марзакула, гдѣ живописецъ, недождавшійся гакима **, и не напившись даже чаю, утомленный сильными ощущеніями и труднымъ путемъ, уснулъ глубокимъ сномъ. Незбѣжный говоръ множества собравшихся въ нашу саклю любопытныхъ свидѣтелей всѣхъ нашихъ дѣйствій, тоже погрузилъ насъ въ сладкую дремоту и сонъ.

Еще съ вечера объявили намъ, что всѣ табуны пасутся весьма далеко въ горахъ. А такъ какъ въ самомъ Урусіе въ невозможно было достать лошадей для всѣхъ насъ, то мы по-

* На конецъ концевъ!

** Гакимъ — лекарь.

лучше ихъ не ранѣе субботы; вотъ почему мы не спѣшили встать поутру. Однако же, на разсвѣтѣ, разбуженный блестящѣе стадо, я вышелъ изъ сакли и не могъ не соблазниться потокомъ Салтры, который бѣшено прыгаетъ черезъ камни и какъ бы теробить живой мостъ изъ тонкихъ, неровныхъ сосновыхъ бревенъ, безъ перилъ, передъ нашими окнами. Съ четверть часа боролся я въ Салтрѣ съ холодною и мутною стремвиною, порѣзалъ колѣни и локти о камни и выбился изъ силъ. Возвращаясь съ купанья, я замѣтилъ у порога сакли Марзакула, женщину высокаго росту, въ шелковой сорочкѣ и въ широкихъ тузакахъ, которая доила корову. Увидѣвъ меня, она быстро пристала, распахнула свою бѣлую чадру * и показала довольно своеое, не старое личико, потомъ поманила меня рукою на свою половину и наконецъ прижала объ руки свои къ груди. — Какъ ни выразительна была пантомима горной кокетки, но участь товарищей, которые могли бы погибнуть безвинно, если бы я былъ пойманъ на заветной половинѣ, тотчасъ представила моему воображенію и заставила меня вспомнить со вздохомъ, что пора эротическихъ приключеній для меня прошла. Къ тому же, въ эту минуту надъ головою моею раздался визгливый крикъ муэдзина, ** созывавшаго правовѣрныхъ на ирты-намазъ. Красавица исчезла — и я остался вѣрнымъ супружескому долгу. Б*** тоже всталъ ранѣе прочихъ и рисовалъ внутренность сакли. Цыганъ его забавлялся по своему: онъ наловилъ ословъ и, скорчивъ ноги, объѣзжалъ ихъ по очереди, катаясь по двору и употребляя ихъ длинныя уши вмѣсто поводъ. Эти животныя, имѣющія здѣсь съ небольшимъ аршинъ росту, одарены не соразмѣрно ббльшею противу тѣла силою и крѣпостью ногъ. Они не только носятъ по высочайшимъ горамъ огромныя тяжести, но часто видѣлъ я Урусіевцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, бѣдущихъ рысью по скаламъ на самыхъ маленькихъ ослыхъ. Конечно, при этомъ сидѣть недовко, и наши великаны напоминаютъ собою букву з, но зато оселъ и натыръ не спотыкаются и даже, вопреки общей худой славы, рѣдко требуютъ поужденія. Ослы здѣсь, какъ и вездѣ на Кавказѣ, въ большомъ почетѣ; для нихъ выстраиваютъ близъ саклей особыя, просторныя, бревенчатыя сарай, въ который ихъ замыкаютъ на ночь.

* Чадра—длинная женская одежда, въ родѣ фаты.

** Муэдзинъ, крикомъ созываетъ въ мечеть магометанъ; онъ замѣняетъ собою наши колокола. Ирты-намазъ—ранняя молитва.

Впрочемъ, на зиму ослы предоставлены собственно подножному пропитанію. Если случится, что нѣсколько изъ этихъ животныхъ запоздають въ полѣ, и на зарѣ, пользуясь свободою, начнутъ валяться, по своему обычаю, въ пыли или въ лужѣ, посреди двора, то сторожевой холопъ, проснувшись, выпускаетъ изъ сарая одного стараго осла на расправу, а самъ спокойно остается у воротъ. Тогда осель-наставникъ; гнусливый, безконечнымъ, невыносимымъ ревомъ принимается увѣщевать питомцевъ, обѣгаетъ ихъ рысью и не успокоится до-тѣхъ-поръ, покуда не кончатъ своего дѣла. Загнавъ мародеровъ въ сарай, онъ и самъ отправляется въ общее заточеніе.

Въ семь часовъ утра, мы пошли къ Корралини и застали его окруженнымъ толпою Урусіевцевъ. Передъ пациентомъ стоялъ гакинъ съ удивленнымъ видомъ; онъ объявлялъ, что ранъ никакихъ не видитъ, ушибовъ и поломоовъ тоже, а царапины лечитъ не стѣнать. Мы стали просить его пустить страдальцу кровь, но гакинъ отвѣчалъ, что теперь Рамазанъ-Рузе * и Джюма; слѣдовательно, по закону великаго имама (Магомета), онъ до захода солнца видѣть крови не долженъ. Корралини началъ было стонать, но Мистуловъ не умолчалъ передъ нимъ: что горцы дивятся ему и увѣряють, что подобнымъ образомъ и отъ такихъ легкихъ саднявъ могутъ стонать только малыя дѣти и женщины. Эти слова произвели свое дѣйствіе, и нашъ живописецъ немедленно отправился вмѣстѣ съ нами кушать чай. Послѣ азіятскаго завтрака, на которомъ преобладалъ стручковый перецъ, кебабъ-шашлыкъ и буза, собрались просители. Одинъ изъ нихъ поднесъ Б*** пешхешъ (подарокъ) ** въ пары горныхъ курочекъ и объявилъ, что въ минувшемъ шаабанѣ, *** братъ его замѣтилъ торчащее изъ арбы съ сѣномъ—ружье: полагая, что оно краденое, онъ хотѣлъ вытащить его изъ сѣна, — какъ вдругъ раздался выстрѣлъ и братъ убитъ на мѣстѣ. Истецъ, приписывая это дѣйствіе хитрому умыслу владѣльца ружья, проситъ позволенія отмстить убійцѣ кровью за кровь. Б*** отвѣтилъ, что законъ русскій запрещаетъ кровавую месть; но по смыслу шаріата, за цѣну крови отвѣтчикъ долженъ уплатить ему десять коровъ. И обѣ стороны отходятъ довольныя мудрымъ изреченіемъ

* Рамазанъ — июль; Рузе — постъ; Джюма — пятница, день праздничный, соответствующій у магометанъ воскресенію.

** Само собою разумѣется, что за пешхешъ заплачено въ-деслятеро.

*** Шаабанъ — июнь.

судии. Другой проситель, въ полудерсидскомъ костюмѣ, въ чухѣ, съ золь-фарами*, торчащими изъ подъ аракетина, требуетъ кровь съ кузнеца. Но по разпросамъ оказывается, что уздень далъ кузнецу перековать ружейный стволъ, не предупредивъ его, что онъ заряженъ; кузнецъ, не зная ничего и не осмотрѣвъ ствола, передалъ его работнику, а у работника стволъ на огнѣ треснулъ и убилъ его. Проситель, близкій родственникъ убитому, не взрала на мольбу отвѣтника, повторяющаго: такъ мы ружьемъ, гичъ! (прости вину!) упирается на правѣ посылать канду; но Б*** слова указываетъ на шаріатъ — совѣтуетъ принять отъ отвѣтника предлагаемый муштулухъ** и вынуждаетъ голову горца нѣсколькими парами бычачьихъ роговъ. Неделангъ! (нечего дѣлать!); отвѣчаетъ убѣжденный мститель и уходитъ въ сторону. Надобно замѣтить, что предметъ спора излагается въ немногихъ словахъ, ясно, вѣрно; ни малѣйшее движеніе лица не обнаруживаетъ душевныхъ ощущеній тлжущахся сторонъ: ихъ можно принять за постороннихъ дѣлу лицъ.

Потомъ представлялся Б*** прибывшій изъ Сванетіи съ семидцатью холопами князь Леванъ Дигишкхліанъ, родной племянникъ Николая Дигишкхліана, съ которымъ мы познакомились въ Карчи-юртѣ и Хурзудѣ. Левану не болѣе шестнадцати лѣтъ отъ роду; онъ очаровалъ насъ своимъ пригожимъ лицомъ, стройнымъ станомъ, искусствомъ въ цѣльной стрѣльбѣ и джигитовкѣ, ловкостью въ пласкѣ, и всего болѣе, скромностью своею въ обращеніи. Сванеты одѣваются проще и бѣднѣе, чѣмъ Урусіевцы. Короткое полу-кафтанье, бурога цвѣта, стягивается у нихъ на талии простымъ ремнемъ. У многихъ изъ нихъ прикрѣпляется назадъ къ поясу рожокъ, вѣроятно для собиранія стада. Холщевые шальвары подвизываются у колѣнъ и шиколотки снурками. На ногахъ чабуры, на головѣ у нѣкихъ тряпка, у другихъ пенъковая плетенка въ родѣ блина, притягивается туго подъ челюстью узкимъ ремнемъ. Князь Леванъ одиъ имѣлъ папахъ, чуху, бешметъ и прочія принадлежности одежды, хотя поношенныя, но довольно опрятныя и болѣе походилъ на Урусіевца, чѣмъ на грязныхъ своихъ подданныхъ. Всѣ Сванеты считаютъ себя христіанами; они рассказывали намъ, что въ деревянной ихъ церкви, распадающейся отъ ветхости, есть чудотворная икона Богородицы; что каждый скорбящій, каждый молящійся, каждый мимоидущій путникъ при-

* Золь-фары — пейсы или длинные волосы у вискровъ.

** Муштулухъ, — подарокъ, хобаръ.

носить что-нибудь въ даръ Пречистой Дѣвѣ, — хотя бы часть своего убора, шауръ, * даже пулю. Такимъ-образомъ при церкви, съ незапамятныхъ временъ, сконпилось множество парчи, оружія, монетъ и груды пуль. Сванеты считаютъ эти сокровища несмѣтными; они жалѣютъ, что богатые вещи истлѣваютъ безъ пользы для храма Божія, который не сегодня, такъ завтра сгніетъ и рухнетъ, оттого только, что никто не дерзаетъ прикоснуться къ приношеніямъ, почитая это святотатствомъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы часть ихъ употреблена была на возобновленіе церкви. Б*** пригласилъ молодого Левана къ себѣ въ Кисловодскъ — и онъ бы охотно присоединился къ нашему каравану, но не имѣя при себѣ платья, приличнаго княжескому сыну, послалъ нарочныхъ въ Сванетію, испросить позволеніе отца и парадную одежду для себя, и своей свиты, — а между-тѣмъ Леванъ обѣщалъ дожидать и то и другое въ Уруспіи.

Послѣ обѣда, Сванеты, желая позабавить насъ, устроили танецъ, сначала общій. Урусписевцы не безъ труда очистили имъ площадку громкими криками: качъ! качъ! (посторонись!) кесъ! (молчи!). Всѣ шестнадцать Сванетовъ, большею частью въ лохмотьяхъ, образовали кружокъ; каждый пласунъ взялъ за пояса двухъ ближайшихъ сосѣдей, лѣвою рукою подъ грудью, правую у пояса-цы. Потомъ затянули хоромъ протяжную пѣсню и начали медленно выносить ноги, опуская ихъ въ пятую позицію: сначала выносъ ноги былъ не высокій и короткий, но мало-по-малу и по мѣрѣ ускоренія такта напѣва, ноги выдвигались выше и далѣе, хотя все еще опускались къ перстамъ стоящихъ ногъ. Наконецъ тактъ достигнулъ трехъ четвертей. Кругъ заходилъ въ правую сторону и пласуны съ движеніемъ въ пол-оборота на-право, выдѣлывали нѣ, извѣстное въ нашихъ танцъ-классахъ, подъ названіемъ разъ, два, три. Послѣ этого общаго хоровода, Сванеты выстроились полукругомъ, запѣли скорую пѣсню и принялись усердно хлопать въ ладоши. Князь Леванъ пустился плясать, ловко и быстро перебирая ногами, подпрыгивая съ необычайною ловкостью и становясь на оконечности большихъ перстовъ ноги, не хуже Таліони. Вообще можно сказать, что дикая и мрачная мелодія сванетскихъ пѣсенъ не лишена оригинальной прелести. Движенія горцевъ свободны и стройны и не носятъ ни малѣйшаго отпечатка грубости. Позы не только плясавшихъ, но и присутствовавшихъ изъ любопытства Азіатцевъ, такъ изящно

* Шауръ — пять копѣекъ.

известны, что составили бы отчаяніе лучшаго трагическаго актора. Всѣ мы жалѣли, что не взяли съ собою дагеротипа. Въ Европѣ до-тѣхъ-поръ не повѣрятъ врожденной безыскусственной прелести этихъ дикарей, покуда не поручатся за нее. Наконецъ всѣ присутствующіе бросились къ ружьямъ, готовясь къ стрѣльбѣ въ цѣль.

Цѣль для стрѣльбы устроена была при нашей саглѣ, надъ истокомъ. Къ огромному камню прикрѣплена бумажка, величиною въ карточку, въ ней П^{***} сдѣлалъ пальцами отверстіе, не болѣе какъ въ ружейную пулю. Отсчитанные пятьдесятъ шаговъ отъ цѣли, оканчивались ровно у нашего забора. Тому, кто попадетъ въ самую цѣль, былъ обѣщанъ рубль серебромъ. Много сдѣлано было выстрѣловъ и вся бумажка испещрена пулями, но въ настоящую цѣль только два раза попалъ нашъ червокій знакомецъ князь Леванъ, — къ общему восторгу своихъ веселовъ. Награды отъ Б^{***} онъ не требовалъ, хотя другіе, надевшіе не такъ чистю, принимали ихъ, и съ скромнымъ видомъ постигали сѣбѣнать ся съ лекующею толпою.

Коррадини тоже возбудилъ уваженіе горцевъ къ своему искусству, сдѣлавъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ отличной двухствольной винтовки, присланной имъ изъ Париза.

Передъ вечеромъ, Б^{***} и Коррадини принялись за видоисканіе, а я занялся замѣтками для памяти; и каждый изъ насъ былъ окруженъ толпою любопытныхъ. Случайно альбомъ Итальянца, развернутый вѣтромъ, открылъ изумленнымъ взорамъ горцевъ литографированный портретъ покойнаго генерала Пассека. Тогда всѣ отдѣльныя толпы слились въ одну и просили позволенія поглядѣть на портретъ поближе, спрашивая, кто это такой? П^{***} увѣрялъ, что Пассекъ, знаменитѣйшій витязь; что онъ одинъ убилъ своею рукою 10,000 враговъ; что ружье его было жаряемо ста пулями вдругъ. Всѣ слушали это съ религиознымъ уваженіемъ и вперяли взоры свои въ черты Пассека, съ усугубленнымъ вниманіемъ. Никто и не думалъ подозрѣвать здѣсь шутку. Но кто въ состояніи высказать неистовый восторгъ дикарей, когда передъ ними открылся акварельный портретъ госпожи К^{***}. Кланки Алла-экберъ! Аллахъ-бия-Аллахъ! горъ! бахъ! (глядя! смотри!) переходили изъ устъ въ уста. Никто не хотѣлъ вѣрять, чтобы портретъ былъ не живой, или по-крайней-мѣрѣ не рельефный. Почти всѣ осматривали его по очереди, поднимая лѣтотокъ альбома и заглядывая то снизу, то по сторонамъ. Многіе просили и получили позволеніе помунать изображенію. Пале

еще одинъ молодой Урусписецъ, въ пылу восторга, прикоснулся къ нему губами... но всеобщій хохотъ наказалъ его за дерзость. Долго, долго очарованные джигиты не могли оторвать отъ портрета своихъ упоенныхъ взоровъ.

Но вниманіе всѣхъ было развлечено не безъ труда протѣсавшеюся къ намъ депутаціею отъ почетнаго родоначальника четырехъ поколѣній, сосѣда нашего Марзакула, которому мѣстный мулла насчитывалъ сто десять лѣтъ отъ-роду. Онъ умолялъ русскихъ набобовъ, позволить взглянуть на себя передъ смертью. Мы тотчасъ отправились къ нему и были имъ встрѣчены на порогѣ его сакли восклицаніемъ: Аллахъ беретъ! (слава Богу!). сенине муссень? (какъ поживаешь?) на-хаберъ? (что новаго?) Старикъ давно уже былъ боленъ, но этого нельзя было замѣтить: такъ онъ казался намъ мощенъ, прямъ и мало-морщинистъ. Члены его не дрожали; зрѣніе, слухъ и даже зубы его, были хорошо сохранены. Неплотно остриженные его волосы были бѣлы, но густы и безъ обычной въ нашихъ мѣстахъ лысины или желтизны. Марзакулъ былъ говорливъ и пріятливъ; онъ представилъ намъ и старыхъ и малыхъ потомковъ; долго расспрашивалъ насъ о Россіи и отпустилъ съ благодарностью за снисхожденіе наше къ его послѣднему желанію. Мы также съ своей стороны не преминули пожелать Марзакулу, чтобы Первядеръ (Всевышній) послалъ къ нему Джинніа здравія, и чтобы небесная дочь великаго шихъ-иимама * удостоила подать ему пощецъ своего пояса при переходѣ его черезъ Эль-сыратъ къ доблестнымъ предкамъ. Старикъ былъ тронутъ нашею вѣжливостью и дружески жаль намъ руки, приговаривая: Аллахъ-сохласыт! (Богъ да сохранитъ тебя!) Прелестный четырнадцати-лѣтній внукъ его, безотлучно былъ при насъ, рассматривалъ съ любопытствомъ всякую вещь и оружіе; отлично понималъ нашъ разговоръ съ нимъ званіями и даже изъ услужливости растиралъ намъ тушь. Замѣтивъ, что ему правилась бумага, я подарилъ ему нѣсколько листовъ и карандашъ, который онъ умѣлъ чинить. Мы подарили также немного винтовочнаго пороху ему и Лешиву, за что они видимо были намъ очень признательны и тщателью завертывали въ бумажку свой драгоценный атъ **.

Вечеру мы сообразили по картѣ, что не успѣемъ къ опредѣ-

* Шихъ—пророкъ; иимаъ—святой. Эль-сыратъ, узкій мостъ, по которому Фатима, дочь Магомета, проводитъ проводниковъ въ Эдемъ.

** Атъ—по-татарски значитъ огонь, а также порохъ.

лѣвому времени возвратиться въ Кисловодскъ, если изъ Урус-
 нія отправимся еще въ Ксанти, по нашему первому предположенію.
 Мы потеряли уже цѣлыя сутки въ ожиданіи лошадей, а потому
 и вынуждены были переимѣнить нашъ маршрутъ и съ завтраш-
 нимъ днемъ возвратиться въ Бечесинъ, мимо Бабухова брода.
 Одинъ Урусіецъ виѣсть съ услужливымъ Карамурзьянымъ, вы-
 шались дать знать нашимъ казакамъ, чтобы они выставили
 вамъ на встрѣчу лошадей у подошвы горы Араканъ, не вдалекѣ
 отъ верховой малки.

Середа. Сборъ лошадей и угощеніе задержали насъ до шести
 съ половиной часовъ утра. Наконецъ мы переправились черезъ
 Салтру и стали подниматься мимо кладбища, вверхъ по лѣвому
 берегу гихумельскаго потока, по направленію къ верховьямъ рѣ-
 ки Тизиль. Каменные кладбища горцевъ составляютъ маленькіе
 городки, которые содержатся въ большемъ порядкѣ и чистотѣ,
 чѣмъ аулы, потому-что мусульмане считаютъ главнѣйшею до-
 бродѣтелью, чтить память своихъ родныхъ и друзей. Ограда и
 пирамидальные надгробные памятники могутъ также служить
 цитаделью, при натискѣ враговъ. Ииѣя постоянно въ виду
 ориентироваться по картѣ, мы однако же напрасно спрашивали
 у проводниковъ: гдѣ находится хребетъ Сидактупъ? Никто не
 могъ указать его. Одинъ изъ стариковъ признался, что былъ
 когда-то назначенъ въ вожатые къ одному топографу, занимав-
 шемуся здѣсь снятіемъ плановъ. Покуда съемка шла по урочи-
 щамъ, ближайшимъ къ аулу, въ которомъ жилъ старикъ, онъ
 могъ именовать топографу всякій оврагъ, всякую гору и про-
 чее настоящимъ именемъ; но какъ только топографъ отдался
 отъ этого аула и не принимая въ отговорку незнанія вожатымъ
 собственныхъ именъ, съ настойчивостью требовалъ названій ихъ,
 то бѣдный старикъ прибѣгалъ къ вымысламъ, и вотъ почему на-
 званіе Сидактупъ могло существовать только въ воображеніи и
 запискахъ съемщиковъ. Потомъ мы поднимались лѣвымъ же лѣ-
 снотымъ берегомъ рѣки Курдыка, и не доходя его поденѣжныхъ
 верховій, перевалились черезъ Камынский хребетъ, къ верховьямъ
 рѣки Сламчата. На урочище Сламчатъ прибыли мы ровно въ
 полдень. У насъ было три главныхъ подъема: первый у аула
 Урусіева, открытый, каменный. Второй, по камыкскому хреб-
 ту, усѣянъ широкими камнями, обросшими густою травою. Во
 многихъ мѣстахъ земля издавала звонкій гулъ подъ копытами
 вѣднихъ лошадей, какъ будто бы гора была внутри пустая. Въ
 одномъ мѣстѣ я замѣтилъ отверстие, опутивъ шесть

въ пустую бездну и не досталъ дна. Какъ здѣсь, такъ и вообще на вершинахъ многихъ высокихъ горъ, находили мы топкія болота или маленькія озера неизмѣримои глубины. Третій подъемъ состоялъ изъ мельчайшихъ кремней, осыпающихся подъ копытами лошадей и ивиющихъ видъ грешневой шелухи.

На урочищѣ Сламчатъ, опередившіе насъ гостепріимные хозяева устроили походный буфетъ изъ войлочнаго балагана и запасли ариану съ чуреками. Пастухи согнали сюда стадо овецъ и изъ валежнику сдѣлали на-скоро загородку. Узкое отверстіе въ загородкѣ заслоняли два пастуха своими спинами. Они сидѣли на корточкахъ, вооруженные ведрами, выпускали за одинъ разъ не болѣе двухъ овецъ, ловили ихъ за заднія ноги и подонивъ немного, приступали къ новой смѣнѣ. Овцы такъ приучены къ этому маневру, что сами являлись къ ведрамъ для принесенія узаконенной дани. Ведро, наполненное молокомъ, выливалось въ большой чанъ, а изъ чана разливали его въ бурдюки, сшитые изъ овечьей шкуры. Все это, конечно, дѣлается неопытно; котлы едва ли когда лудятся; сосцы овецъ не обмываются никогда; но голодъ лучшій поваръ, а кавказскія жары и дорбги — отличные ему помощники. Коррадини рѣшились даже отвѣдать густую пѣнку, которую пастухи собираютъ на прутникахъ сверхъ чана и заваливаютъ на воздухъ. Я не въ состояніи былъ отвѣдать этой вонючей и жирной кожи и началъ разсматривать окрестности. Мнѣ указали вдали Кинжалъ-гору и высоты, окружающія Бечесинскій постъ. Я спросилъ у Мистулова, не имѣетъ ли какого-нибудь значенія слово Бечесинъ? Онъ объяснилъ, что *бече*, значитъ госпожа, *синъ* — памятникъ. Само собою разумѣется, что это объясненіе только лишь подстрекнуло мое любопытство; мы обратились къ горцамъ и они рассказали намъ о Бечесинѣ цѣлую легенду, живущую въ преданіяхъ народныхъ и въ пѣсняхъ, почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Богатъ и щедръ, но грозенъ врагамъ своимъ батыръ * Аншау Крымшанхаловъ. Каравши и есыри ** воздѣлываютъ поля его и на-перерывъ исполняютъ его желанія. Сотни барановъ пасутся на его лугахъ. Запоздалый охотникъ, усталый хаджи *** и убогіи байдалъ находятъ безъотказный пріютъ въ утахъ героя и никто

* Батыръ, значитъ витязь и богатырь; это болѣе чѣмъ нгидъ.

** Есыри — плѣнникъ; каравши — рабъ; утахъ — палаты.

*** Хаджи или гаджи, собственно путникъ; но это названіе даютъ пещителямъ, которые получаютъ право носить бѣлую чадму.

не перестуналъ за пороги Аншау, отряхая чабуры, съ лицомъ
 величавымъ, или не воззвавъ при прощаньи благословеніе Ал-
 лѣха на главу гостеприимнаго хозяина. Съ каждымъ восходомъ
 зари, толпы абрековъ * жадными взорами ищуть по скаламъ:
 не выставленъ ли гдѣ-нибудь бѣлый бунчукъ вгюда; всѣ знаютъ,
 что этотъ значекъ есть вѣрный вожатый къ добычѣ, разгулу и
 пляскамъ гууровъ. И слава героя широкимъ крыломъ несется отъ
 Чернаго моря вверхъ по Кубани и по Тереку внизъ, до Каспій-
 скаго моря. Зачѣмъ же смутныя думы туманять чело его? или
 въ Чегемѣ есть сердце подъ чадрой, которое не бѣется сильнее
 при взглядѣ на азиса (милаго) Аншау? О нѣтъ! но онъ напрас-
 но отдастъ богатый калымъ за невѣсту; герой не находитъ при
 себѣ ни семейныхъ утѣхъ, ни упоеній любви.... Раздраженный
 Аншау рѣшился изгнать постылую жену изъ супружескаго ложа и
 вѣрный эджекъ ** батыря принимаетъ ее подъ свой кровъ,
 безъ возврата калыма. Съ тѣхъ-поръ ни одна дочь Чегема не
 могла привлечь взоровъ Аншау: онъ вѣдѣвъ сгараетъ желаніемъ
 добыть супругу изъ племени сосѣднихъ князей. Не легко дителю
 горъ одѣлаться мужемъ кабардинской княжны; нѣтъ, легче
 истребить десять ауловъ, чѣмъ получить отъ князя руку люб-
 имой дочери: князья считаютъ всѣхъ горцевъ ниже себя и пре-
 дубрегаютъ вступать съ ними въ кровную связь. Аншау идетъ
 въ Кабарду, срываеетъ искусство свой санъ и богатство и даже
 имя свое; къ одному изъ князей вступаетъ простымъ пастухомъ
 и кълубъ зиму пасеть его табуны, — но на веселу самъ князь по-
 ручаетъ Аншау объѣзжать дикяхъ его лошадей. Джигиты изъ
 Кабарды, Аншау выбираетъ самую лучшую лошадь, и ско-
 ромъ времени съ конемъ слѣпясь въ одно тѣло и душу. Не
 трудно было веселому, статному Аншау привязать къ себѣ де-
 сятую дочь князя, ребенка лѣтъ шести. Однажды онъ поса-
 дилъ ее къ себѣ на сѣдо, какъ бы для того, чтобъ покатыть
 въ дѣбру, — но заборъ не высокъ, чась добрый, и конь уже
 выскочилъ дерзкого хитиника обратно въ родной Чегемъ, застигавъ

* Дорекъ — удальца, подлизывающійся на безношадные набоги и от-
 славляющій себя несправедливое чино лѣтъ отъ всѣхъ наслажденій
 жизни и земной славы. 1878 То же, что глаухдары въ Лестин. Вѣмъ,
 они инсургенты, отдѣльно — бандиты.

** Эджекъ, молочный братъ. Женщины даютъ взаимно сымовлякъ
 сосать грудь и послѣ того дѣти становятся друзьями. Молочная дружба
 есть самая священная на Кавказѣ.

своей слѣдъ дождемъ мелкихъ крошечей. Напрасно отецъ, стоя на крыльцѣ своего пгарата (дворца), расточаетъ посулы, Саранту и кизылы (червонцы), чтобъ отыскать родное дитя. Напрасно все его пукеры * топчутъ отклоны притоковъ Чегема. Аншау вытесалъ самъ своей мощной рукой прочный звъ въ гранитной скалѣ и тамъ, подъ надзоромъ сестры героя, разцѣпляетъ ребенокъ, княжна, въ такой тайнѣ, что даже въ родномъ аулѣ никто не знаетъ о ней. Но десять ужъ разъ встрѣчала княжна душистый рѣджебъ ** подъ тѣнью чинаръ, надъ потокомъ Чегема — и вотъ изъ ребенка выходитъ прекрасная горная лалія и скоро взаимная страсть соединяетъ ее съ милымъ Нуръ-Джалъ ***. Казалось, герой достигъ уже высшей степени земнаго блаженства, — но злоба и месть не дремлетъ надъ нимъ. Внезапно счастливица разитъ ужасный недугъ: волосы на всемъ тѣлѣ его ежедневно рѣдѣютъ и облажаютъ кожу, покрытую струпоми. И въ этой веригѣ онъ тотчасъ узналъ злодѣйскую руку первой жены: презрѣнная выждала часъ вѣрной мести и испортила долгъ священнѣй (обычай) неприкосновенности гостя, разела сырой мозгъ эшака съ бузою, которою утолялъ Аншау свою жажду въ саклѣ эмджека. Отрава лишила героя бороды и бровей и усомъ и здоровья, — самыхъ безцѣнныхъ даровъ для каждаго жителя горъ! — Но вотъ провѣдалъ Аншау, что гдѣ-то далеко въ Крыну, есть колдунья, которая гонитъ всякую порчу и всякій недугъ изцѣляетъ. Не долго онъ думалъ, вскочилъ на коня и доѣхалъ до Керчи, прежде чѣмъ солнце успѣло пять разъ осветить на пути его прыты-намазъ (утреннюю молитву). Здѣсь новое горе насылаетъ судьба на батыра: волшебница страстно влюбилась въ него и сулитъ изцѣленье подъ тѣнью лишь условіемъ, чтобъ онъ женился на ней, да перебрался въ Керчи. Несчастный Аншау не рассчиталъ послѣдствій вѣтвы своей и мучимѣй жены — и далъ роковую клятву исполнить волю колдуньи. — Скоро и менѣю дѣйствуютъ чары на здоровье Аншау — и вотъ докторъ сама снаряжаетъ много въ путь, но вмѣстѣ назначаетъ и срокъ къ возврату, — а если нарушить условье, то грозитъ, черезъ годъ наслатъ къ нему арешнѣй недугъ. Аншау опять дома, веселый и бодрый; дочь и жена доставляютъ ему и усладу и нѣгу и радость души. Но счастливые дни скоро утихаютъ, какъ не-

* Пукеры — прибредренники; звъ — дождь.

** Рѣджебъ — най пѣснѣцъ.

*** Нуръ-Джалъ — свѣтъ души.

тѣмъ дождя съ вершинъ Менгитау — и вотъ наступилъ пере-
митъ черезъ срокъ возвращенья, — и прежній недугъ, какъ шай-
нѣ, терзаетъ счастливца Аншау. Аллахъ коймасынъ! (да не по-
срѣтитъ Богъ!) твердитъ нашъ герой; но лишь напрасно онъ бо-
рется съ болью и съ любовью къ женѣ; напрасно, желая открыть
и той какой-нибудь недостатокъ тѣлесный, велитъ ей предстать
предъ нимъ безъ покровя. Никакая чадра не скроетъ такъ тѣла,
какъ потоки черныхъ волосъ, что льются съ роскошныхъ плечъ
Кабардинки до самой земли. Всѣ цѣлебныя зелья знахарокъ
Чегема утратили силу при взорахъ княжны. Но недугъ нестер-
пимъ; онъ гонитъ его въ Крымъ. Аншау не въ силахъ разстать-
ся съ семьей; онъ беретъ ее съ собою. На перепутьѣ, въ
одномъ кабардинскомъ аулѣ, одинъ изъ родныхъ похищенной
княжны, зазываетъ ее къ себѣ прохладиться ковшемъ ариану, —
но едва лишь усталая путница перешла черезъ порогъ, Аншау
спѣшитъ усадить въ арбу малолѣтнюю дочь, и будто на крыль-
цахъ ногучей боры, какъ преступникъ мчится на Керчь, закры-
вая глаза, чтобы не видать слезъ и страданій противъ воли забы-
той подруги.

Что сталося послѣ съ героемъ Аншау? о томъ умалчиваетъ пре-
дѣло; но съ-тѣхъ-поръ племена на Чегемѣ считаютъ себя въ
родственной связи съ поколѣніемъ его въ окрестностяхъ Керчи.
А тѣмъ развязалася доля прекрасной, покинутой жертвы? она
получила ненависть къ роднымъ въ Кабардѣ, обвиняя ихъ въ
пгусой измѣнѣ и въ связи съ колдуньей. Втайнѣ, съ одною
вѣрною служанкой своей, несчастная ночью обратно отпра-
вилась въ мрачный Чегемъ. На пути скорбь и усталость прину-
дили странницу цѣлыя сутки пробыть на урочищѣ, возлѣ кур-
гана Куама, и здѣсь-то на память горькихъ событій Кабар-
динки воздвигла каменный столбъ и сложила печальную пѣснь,
запѣвая ее позднимъ потомкамъ. Вотъ отчего урочище это на-
зывается съ-тѣхъ-поръ Бечесинскимъ. Но чаша страданій не вся
испещилась для бѣдной княжны. Едва показалась она на роднѣю
вѣдѣ, нулла и эфевди, по обычаю края, велитъ ей идти въ за-
вѣщество за брата того, который покинулъ ее. О, ужасъ! послѣ
такого героя, какъ прекрасный Аншау, отдать руку презрѣнно-
му брату его, который не смѣлъ никогда отдалиться за коши
роднаго аула на омбей пути *, харандзадѣ, которому шашка
встаала какъ тигрова шкура ослу!...

* Омбей — два часа ѣзды; харандзада — сынъ позора.

Но вот зашевелились туманы: огромные клоки ихъ, какъ нѣсы ваты, стали виснуть надъ ущельями; вѣтеръ завылъ и повесся крутить косматый лѣсъ по притокамъ Баксана; ярство забуравилъ Сламчатъ каменное русло, обдавая прибрежныя скалы мутною пѣной; взвизгнули и закришѣли старыя сосны; дождевая пыль наполнила атмосферу и заслонила даль. Знакомое «гайда! гайда!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Опять бредутъ наши несчастные кони по дебрямъ, буеракамъ и даль-сламъ (тѣснинамъ), пробираются съ дивнымъ искусствомъ по кочкамъ на тонкихъ отклонкахъ хребта, у юго-восточныхъ верховій рѣки Малки, выше болота Каликоль. Ровно сорокъ-пять минутъ поднимались мы къ гребню горы Араканшъ. Уступы и скаты этой горы покрыты были карачаевскими табунами, стадами мелкаго и крупнаго скота, отличной породы; ослы, катыры и буйволы не хотѣли мѣшаться съ ними и паслись въ-разбродъ. Азіятцы оставили насъ среди тумановъ и отправились ловить свѣжихъ лошадей; на мѣсто ихъ явились казаки съ Бабухова брода, проведенные Карамурзиннымъ.

Зеленый спускъ къ истоку Малки едва ли не хуже всѣхъ: лошадь скользить на крупѣ, заднихъ ногъ ей какъ бы вовсе не надо; въ другихъ мѣстахъ она поворачивается бокомъ, спускаетъ одну переднюю и одну заднюю ногу вдругъ, а другими двумя старается слегка придержаться; пространство, по которому безостановочно должны скользить дѣйствующія ноги, предвидѣть и опредѣлить пельзя: иногда на полтора и на двухъ аршинахъ копыто не встрѣтитъ точки опоры, и такимъ образомъ лошади скользятъ нѣсколько верстъ. Мы совершили послѣдній спускъ на свѣжихъ казачьихъ лошадяхъ, которыя, быть-можетъ, по утесамъ не такъ цѣпки какъ карачаевскія, но гораздо бодрѣе ихъ. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ лошадь подъ казакомъ оборвалась съ ужасной высоты. Судьба или случай подставили на половинѣ полета его въ неизмѣримую пропасть огромный камень, въ который лошадь уперлась брюхомъ и повисла надъ бездною какъ на воздухѣ; казакъ однако же не потерялся, усидѣлъ въ сѣдлѣ и, дождавшись помощи отъ мѣстныхъ жителей, былъ спасенъ.

Теперь передъ нами открылся величественный видъ водопада, составляющаго одинъ изъ истоковъ Малки. Изъ средины двухъ высочайшихъ утесовъ, сросшихся при подошвѣ, вода широкою струею просверлила себѣ путь и ниспадаетъ совершенно отвѣсно на высотъ болѣе тридцати сажень. Стая бѣлокрылыхъ птицъ

пугать надъ этимъ чудомъ природы; кусты дикой малины, шиповника и родъ князика, разсыпанные по вершинамъ скалъ, составляють рѣзкій контрастъ съ голыми окрестностями, противоположными зеленому спуску. Наконецъ, ниже водопада, въ одномъ изъ отроговъ ущелья Малки, изъ нѣдръ земли бьетъ вертикально къ-верху отомбъ теплой воды желѣзистаго свойства; гулъ этого чуднаго ключа похожъ на отдаленный рокотъ пушечнаго выстрѣла. Природа устроила здѣсь родъ ванны изъ красноватаго круглыша въ глубинѣ полупещеры. Когда я легъ спиною противъ водомета, онъ подкидывалъ меня на нѣскольکو дѣймовъ вверхъ.

Карачаевцы понемногу собрались къ намъ, рассѣдали своихъ усталыхъ лошадей и освѣжили имъ спины, замоченными руками травы; потомъ, распростаясь съ нами, повели ихъ въ поводу, пересѣвъ на тѣхъ лошадяхъ, которыхъ наловили въ горахъ; горцы казались очень довольными: и подлинно, мы столько дней прожили вмѣстѣ, забавляли другъ друга, дѣлились тѣмъ могли, и не могли подать никакого повода, кому бы то ни было, къ неудовольствію. Усердный проводникъ нашъ, Баташевъ, давно уже почитывалъ съ особенною любовью на сафьянную подушку съ гербовъ монѣтъ, вышитымъ разноцвѣтными шерстями; теперь онъ не утерпѣлъ и началъ выхвалять ее; я подарилъ ему эту бездѣлицу, и онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

Когда мы взобрались на лѣвое побережье Малки, возникло особаго рода затрудненіе. Казаки, отправившіеся изъ Бечесина изъ Бабухову броду, пробирались туда ущельями на-прямикъ, и не могли предвидѣть, что мы заѣдемъ къ горячему ключу. Вотъ отчего никто изъ нихъ не умѣлъ указать намъ прямой тропинки въ Бечесинъ; къ счастью, Мистуловъ, кавказскій уроженецъ, по соображеніямъ своимъ, вывелъ насъ на хребетъ, по которому мы должны были добратъся до укрѣпленія.

По расчету нашему намъ оставалось еще два часа зари и два часа луннаго свѣта; слѣдовательно, времени нельзя было терять: мы пустились полною рысью вдоль по хребту и, обогнувъ рѣку Храбысь, круто повернули на сѣверъ, оставивъ за собою, на лѣво, дорогу въ Карчи-юртъ. Было уже осемь часовъ вечера, когда П^{***}, я и казакъ изъ Бабуховцевъ, имѣя лучшихъ лошадей и обогнавъ товарищей, достигли кургановъ Куаша, увѣковѣченныхъ легендою Аншау. Обманутые лаемъ собакъ въ окрестныхъ кошкахъ, мы побуждали немного въ бечесинскомъ урочищѣ, и наконецъ наткнулись на постъ. Громкое «кто идетъ?» и щелканье

курка, взводимого на второй взводъ, были для насъ радостнымъ привѣтомъ. П*** немедленно распорядился заготовленіемъ ужина, велѣлъ перенести костеръ за брустверъ и послалъ на встрѣчу къ Б*** нашего Бабуховца. Въ исходѣ девятаго часу явились и прочіе наши спутники, которые особенно благодарили насъ за ночной сигналъ. Послѣ доложили Б***, что Карачаевцы, у которыхъ онъ купилъ лошадей, только сегодня въ полдень явились и ожидаютъ его въ сосѣднемъ кошѣ. Какимъ-образомъ слетали эти молодцы отъ горы Араканнъ къ своимъ хозяевамъ въ Карчи-юртъ, а оттуда успѣли опередить насъ въ Бечеснѣ, для меня вовсе не понятно, тѣмъ болѣе, что я уже познакомился съ этою ужасною дорогою. За чаемъ мы условились отправиться завтрашній день по двумъ дорогамъ; Коррадинъ и С***, чувствуя себя не совсемъ здоровыми, пожелаали ѣхать вмѣстѣ съ Мистуловымъ прямо въ Кисловодскъ, а Б*** и П*** намѣрепы были осмотрѣть хасаутскіе посты и новую дорогу. Я присоединился къ послѣднимъ и мы, такъ сказать, отдыхали отъ мучительныхъ за-эльбрускихъ дорогъ, несясь полною рысью осьмнадцать верстъ до промежуточнаго поста.

Здѣсь кстати замѣтить, что до 1847 года совершенный недостатокъ въ строевомъ лѣсѣ вынуждалъ съ одной стороны жителей окрестностей Пятигорска отправляться въ карачаевскія лѣсныя балки по одному только существовавшему здѣсь пути на Бургуставъ, Эмкаконъ и Бечеснѣ, пути чрезвычайно дальнему, немовѣрно затруднительному и опасному. Лѣтомъ, 1847 года, кордонное начальство, принимая въ соображеніе настоящее положеніе края, нашло возможнымъ дать новое направленіе этой промышленности. Разработка дорогъ окончена въ нынѣшнемъ году, и теперь, вмѣсто окольной дорогъ по дебрямъ и трупобамъ, можно проѣхать отъ Кисловодска черезъ Хасаутъ до самаго Бечесна въ рессорномъ экипажѣ. Едва лишь эта дорога была открыта и обезпечена, какъ всѣ промышленники и срубщики обратились по ней за лѣсомъ, и вы ежедневно можете встрѣтить на всемъ протяженіи отъ Кисловодска до карачаевскихъ лѣсовъ, путешественниковъ обоаго пола, тянувшихся на скрипучихъ арбахъ и дровняхъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія нашего въ Кисловодскъ, вѣсть о прибытіи Князя-намѣстника проникла въ горы и привлекла для встрѣчи его всѣхъ нашихъ новыхъ знакомыхъ изъ Карачая, Урусіа и даже изъ Сванетіа. Многіе кабардинскіе князья тоже прилетѣли изъ дальнихъ ауловъ, въ своихъ бога-

тытъ черкескахъ изъ алаго сукна, съ золотыми разводами, вышитыми въ Стамбулѣ. Около двухъ-сотъ всадниковъ, блестящихъ оружіемъ и галунами, нѣскольکو генераловъ, офицеровъ и статскихъ чиновниковъ и множество изящно-разряженныхъ дамъ, составляли 9 августа превосходную картину, наполняя всю площадь и аллею около Богатырскаго ключа (Нарзана), въ ожиданіи князя, который тотъ же день въ пять часовъ по-полудни, прѣбылъ со всею своею свитою изъ Пятигорска. Около полутораста лошадей въ пышной сбруѣ изъ серебра съ чернедыю, востаннко окружали войлочные юрты и достатныя кейбары, нарочно устроенныя для горцевъ, въ четверть огача, отъ кварталы саръ-дара. Безпрерывно являлись на выводку то статный кабардинскій жеребецъ, то быстроногій тѣхъ, то неутомимый донецъ съ ходю до десяти верстъ въ часъ. Цыгане, расположившіяся нестрымъ таборомъ, помогали обывать коней и заминкали шажку какъ отъ купца, такъ и отъ покупателя. Казаки находили особенное наслажденіе бѣсить Цыганъ, пороча ихъ товаръ и вѣрѣво вызывали энергическое: «Валла-билла-битны-эдыгъ!»

Я долженъ сказать, что путешествіе наше было совершенно случайное, однако же мы можемъ похвалиться, что были первыя, которые доставили убѣжденіе: что съ южной стороны кавказскаго хребта восхожденіе на Эльбрусъ гораздо надежнѣе, нежели съ прочихъ сторонъ: стоитъ только принять въ соображеніе время и мѣсто для ночлега передъ восходомъ солнца, выбирая это мѣсто какъ можно ближе къ гребню и не забывая заготовить дровани и лыжани, чабурани и шестани. Я даже увѣренъ, что многіе достигнутъ, безъ утомленія, самой верхней точки этой горы, если направятся туда въ іюнь, и будутъ имѣть съ собою все нужное для восхожденія.

Проѣздомъ черезъ Пятигорскъ, я нарочно зашелъ въ Ермольевскую галерею,—что при купальномъ заведеніи, на отклонѣ противъ Машука,—чтобы взглянуть на доску Эмалуа и узнать, до какой точки Эльбруса достигли первыя русскіе путешественники, къ которымъ я болѣе имѣю довѣрїя, чѣмъ ко всякъ прочимъ. Вотъ надпись, отланта на чугунной доскѣ:

ВЪ
ЦАРСТВОВАНІИ
ВЕРРОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I
СТОЯЛЪ ЗДѢСЬ ЛАГЕРЕНЪ

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

съ 8 по 11 июля 1829 года

КОМАНДУЮЩІЙ

НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ

ГЕОРГІЙ ЭМАНУЭЛЬ.

ПРИ НЕМЪ НАХОДИЛСЯ:

СЫНЪ ЕГО ГЕОРГІЙ 14 ЛѢТЪ,

ПОСЛАВЕННЫЕ РОССИЙСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

АКАДЕМИКИ:

КУНДЕРЪ, ЛЕНЦЪ, МЕНСТРИКЪ И МАЙЕРЪ,

ТАКЖЕ

ЧИНОВНИКЪ ГОРНАГО КОРПУСА ВОЛСОВИЧЪ

ИНЖЕНЕРЪ И АРХИТЕКТОРЪ ЮСІФЪ БЕРНАРДАЦЦИ

И

ВЕНГЕРСКІЙ ПОУЧЕНІЙНИКЪ ИВАНЪ БЕССЕ.

Академики и Бернардацци, составивъ лагерь, расположенный въ 6,000 сажняхъ (то есть 4,143 сажени) надъ поверхностью моря, восточнѣе, деютаго числа, на Эльбрусь, до 15,760 футовъ (2,243 сажени); вершины же его 16,330 футовъ (2,333 сажени) достигъ только Абардинецъ Хиларъ.

Этотъ скрившійся камень передаетъ потомству имена тѣхъ, которые впервые проложили путь къ достиженію Эльбруса, еще поныне считающагося недоступнымъ.

Г — ДЪ.

По послѣднимъ измѣреніямъ, Эльбрусь имѣетъ возвышенія надъ уровнемъ моря 18,495 фута или 2,642 сажени. Вѣроятно Хиларъ достигъ своего вѣдъ низкихъ шпиль Эльбруса.

=

ГВАЯ-ЛЛИРЬ.

=

ЭТЮДЪ ИЗЪ БЫТА МЕХИКИ.

=

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

«Sweet is a legacy!...»

Lord Byron. D. Juan, IV.

I.

Хидальго хроникѣ кончалъ.

Въ ней авторъ такъ повѣствовалъ:

Великій богъ — Тескатленокъ *

Въ удѣлъ атекскому ** народу

Далъ все, — роскошную природу,

Богатство, славу, миръ, свободу, —

Безсмертья только дать не могъ.

Не могъ затѣмъ, что въ миръ изъ рай

* *Тескатленокъ* — душа и творецъ вселенной Азтековъ. Безъ него человекъ ничто, и подъ его кровомъ весь миръ находитъ защиту и покой. Его описываютъ вѣчно-юнымъ красавцемъ. Праздникъ въ честь его — былъ ежегодно 9 мая, въ день полугодія, послѣ начала новаго солнца. См. «Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolâtres», I. Bernard, T. I, 130 p., — амстердамское изданіе, 1738 года in-folio.

** *Атекъ* — народное имя Мехиканцевъ, завоевателей долины Мехико, пришедшихъ съ сѣвера и вытѣснившихъ туземный народъ Тультековъ.

Тогда бѣ и дѹхи всѣ сошли,
И ни о чемъ мольба святая
Не вознеслась бы отъ земли....

Какъ чаша счастья, полна
Красами Мехики долина *.
Порѣпромъ Андѣ окаймлена
Ея картинная равнина.
И купы селъ равнины той
Тѣнятся пестрою толпой.
И, какъ индѣйская царица,
Подъ сѣнью исполиновъ горъ,
Великолѣпная столица
Задумчивый склоняетъ взоръ —
Надъ синимъ зеркаломъ озеръ....

Лучемъ вечернымъ блещутъ горы.
Давно лиловый небосклонъ
Одѣлся въ тонкіе узоры
Лучистыхъ, легкихъ волоконъ.
Чуть-чуть рисуясь, островами
Несутся тучки надъ водой,
И мчятся голубь молодой,
Свистя пурпурными крылами,
Надъ тихо-дремлющей землей.
На городъ пагъ ночной туманъ,
Одѣлись мглой ковры саваннъ **,
Пирамидальными горами
Гвѣздятся капища боговъ, —
И ходитъ дымъ подъ облаками
Съ неугасаемыхъ костровъ....
Но вотъ надъ озеромъ у храма,
Толпится радостный народъ.

* *Столица Мехико* находилась на островѣ, посреди большого озера, которое въ свой чередъ было центромъ овальной долины Мехико (отъ богини — Мехитлы) или *Теночтитлана*.

** *Саванна* — высокая, лугообразная долина, покрытая холмами и растеніями ползучихъ *лианъ*.

Тамъ пѣснь звучитъ подь громъ тамъ-тама *,
И вьется страстный хороводъ.

II.

Во мглѣ банановыхъ садовъ
Воздвигъ палаты Монтецума **
Онъ жизнь ведетъ въ кругу жрецовъ,
Вдали отъ городского шума.
Кацикъ теперь не тотъ, что былъ
Когда-то прежде. Жаръ моления
Въ немъ духъ воинственный смѣнилъ.
Умножилъ онъ жрецовъ ивѣнья,
И храму санъ свой посвятилъ....

Вдали молитвъ онъ — прежній. Стѣны
Его дворцовъ въ коврахъ, цвѣтахъ;
Какъ прежде, въ тайныхъ теремахъ
Живутъ, не вѣдая измѣны,
Его подруги; также съ каждой
Онъ сердце дѣлитъ, — хоть оно
Теперь другой, сильвѣйшей жадой,
Другою душой зажжено.

III.

Въ плащѣ, въ коралловыхъ серьгахъ,
Въ вѣицѣ, въ запястьяхъ на ногахъ,
Покиннувъ ванну золотую,
Идетъ за трапезу святую
Кацикъ. И молча, босикомъ,

* Тамъ-тамъ — народный инструментъ. Въ древней Мехикѣ употребляли также: барабаны, пибегвунъ — родъ свирѣли, трубы и флейты. См. Скул. 102 стр. Прескоттъ: History of the Conquest of Mexico, 1849 года, книга V, глава I, гдѣ упоминается еще — *атабиль* — раковинный рогъ.

** *Монтецума*, или *правильтѣ*, *Моктеузума* — послѣдній кацикъ, царь Азтековъ, видѣвшій въ свое правленіе появленіе Испанцевъ. Онъ значить по-мехикански — печальный человекъ. Гербъ его — орелъ, несущій въ когтяхъ дикую кошку.

Потупя зорь, вожди съдые,
Держа сосуды дороге,
За нимъ становятся кругомъ.

И выдыхая, и глотая
Дымъ упонтельной травы, —
Царь задремалъ; но головы
Ко сну не клонитъ. Догарая,
Давно погасъ палящій день, —
И быстро пала ночи тѣнь....
И быстро царь вѣтаеть, идетъ,
И вѣрныхъ слугъ своихъ зоветъ *.
Въ глухую полночь, въ отдаленнѣ,
Чертогъ пустынный засіялъ.
Туда къ жрецамъ, въ нѣмомъ волненнѣ,
Владыка Мехики предсталъ....

IV.

И вотъ надъ озеромъ, у храма,
Въ садахъ горять костры огней.
Межъ тѣмъ какъ купы дикарей,
Подъ звуки громкаго тамъ-таша,
Танцуютъ, вьются между нихъ, —
Толпы красавицъ молодыхъ
Проходятъ робкими рядами
Передъ кацикомъ и жрецами..... **

И въ паланкинѣ золотомъ,
Даровъ завѣтныхъ ожидаа,
Сидятъ, уборами сіяя,
Роскошный юноша. Кругомъ
Его съ знаменами святыми
Вельможи гордые стоятъ.
И молча факелы предъ ними

* Прескоттъ: книга III, глава 9 и книга IV, глава 1.

** *Весталки ацтекскихъ храмовъ*, — изъ которыхъ избирали подругъ жертвамъ Тескатлепока, — посвящались въ этотъ санъ съ четырнадцати лѣтъ. Ser. et Couc. 100 стр.

Рабы косматые дымить...
 Оконченъ выборъ. Радѣлаютъ
 Жрецы съ царемъ рады рабынѣ, —
 И четырехъ земныхъ богинѣ
 Красавцу-юношѣ вручаютъ.

V.

И пиръ гремитъ. Между толпой
 При звукахъ трубъ жрецы сѣдые
 Разносятъ яства дорогія.
 И самъ счастливецъ молодой
 Беретъ тамъ-тамъ. Онъ громко въ танецъ
 Подругъ восторженный зоветъ, —
 И въ ладъ играетъ и поетъ —
 Женоподобный Мехиканецъ!
 Его открытые глаза
 Полны ума. До плечъ прямою
 Космой спадаютъ волоса.
 Смолистой, рѣдкой бородою
 Обрамленъ мѣдноцвѣтный ликъ....
 И вѣжливый, сладостный языкъ,
 И съ медленно-печальнымъ взглядомъ
 Огонь души, и гордый видъ,
 И станъ, не тронутый развратомъ, —
 Все въ немъ о жизни говорить,
 О жизни нервенцевъ земныхъ
 Во цвѣтъ силъ ихъ молодыхъ *.

И льются звуки чередой....
 Вотъ въ танецъ бросилась дикарка, —
 И свѣтъ костра окрасилъ ярко
 Лицо малинче ** молодой.

* Между новѣйшими иллюстрированными изображеніями завоеванія Мексики — особенно замѣчательны политипажи *Malinche*. Въ нихъ изображены лица, фигуры и костюмы Азтековъ — вѣрны со всѣми историческими преданіями о странѣ Мехиканцевъ.

** *Малинче* — имя молодой дѣвицы вообще. Иногда оно употреблялось даже какъ имя собственное. Такъ Кортеса, черезъ его туземную любовницу, прекрасную *малинче*, — всѣ звали *малинчинъ*, желая оказать ему особое уваженіе.

Она летить. Вѣнокъ кассавы
 Надъ ней и сохнетъ и горить....
 И какъ хрустятъ ея суставы,
 Какъ вся трепещетъ и кинитъ!
 За ней — другія. Изгибались
 Вокругъ пѣвца онѣ скользять;
 И на ногахъ ихъ, ударяясь,
 Запястья звонкія гремятъ....

Въ роскошной нѣгѣ, на свободѣ,
 Тѣла ихъ гибки и стройны.
 Вѣкъ недоступныя заботѣ
 Онѣ упруги и цѣжны.
 Вся ткань ихъ кожи золотой
 Сквозитъ отливомъ крови пылкой, —
 И налилась надъ каждой жилкой
 Какъ кожа лани молодой....

VI.

Смолкаетъ пиръ. Жрецы уходятъ.
 И всѣ торжественно пѣвца
 Въ покои брачнаго дворца
 Съ его подругами уводятъ.
 Огни погасли. Тишина
 Весь городъ миромъ наполняетъ.
 И мягкимъ свѣтомъ обливаешь
 Изгибы озера луна....

Чуть-чуть дрожитъ въ лазури водъ
 Тѣнь опрокинутая зданій, —
 И океанъ благоуханій
 По соннымъ улицамъ встаетъ.
 Ни звука жизни, все молчитъ.
 Весь воздухъ нѣгою налитъ.
 Во мглѣ, безмолвными тѣнями
 Чернѣютъ капища боговъ....
 И только дымъ надъ ихъ главами
 Шумитъ багровыми столпами
 Съ неугасаемыхъ костровъ.

VII.

Но кто же онъ, пѣвецъ, въ угрюмый
 Чертогъ жрецовъ вошедшій? Онъ
 Не изъ семейства ль Монтецумы
 Служенью Солнца обреченъ?
 Не для того-ль и роскошь эта,
 Чтобъ съ нею грусть онъ загасилъ,
 И, въ удаленіи отъ свѣта,
 Спокойно тронъ свой позабылъ?

Иль желтый моръ съ лагуны востока
 Грозить бѣдой народу сталъ, —
 И персть правдиваго пророка
 Въ немъ избавленіе указалъ?...

Кто онъ, что честь и поклоненіе
 Ему такое? Самъ кацикъ
 Предъ нимъ съ вѣнцомъ своимъ поникъ, —
 И, будто близкое паденіе
 Завидѣвъ царства своего, —
 Роднымъ богамъ черезъ него
 Творить послѣднее моленіе....

VIII.

На лонѣ дѣвственной природы
 Вскормленный жизнью кочевой,
 Пастухъ нагорный, сынъ свободы,
 Похищенъ онъ въ семьѣ родной.
 Похищенъ онъ на жертву богу
 Гонцами тайными жрецовъ.
 И онъ падеть, и понемногу
 Готовить страшную дорогу
 Ему служители боговъ.

Но не въ темницѣ, подъ цѣпами,
 Содержать плѣнника жрецы....
 Во власть ему даны дворцы

Съ непроходимыми садами.
 Тамъ новозбранный думиръ
 Въ разгулъ оргій утопаетъ....
 И слѣдо смерти свою встрѣчаетъ
 Красавецъ-плѣнникъ Гвал-Дмиръ *.

IX.

Блаженны падшіе для бога, —
 Жрецы народу говорятъ,
 И предъ лицомъ Тескатлепока
 Дары кровавые дымятъ....
 Въ одеждахъ розъ, въ дыму куредій,
 По свѣтозарному пути
 За Солнцемъ, въ звукахъ райскихъ пѣній,
 Имъ предназначено идти **.

Но пусть жрецы къ богамъ пѣнымъ
 Народъ трепещущій сзываютъ,
 И рай за гибель общаютъ
 У плахи плѣнникамъ своимъ.
 Пусть на позорищахъ кровавыхъ
 Въ кичливыхъ Мехики сыновъ
 Они вселяютъ съ жаждой славы
 Слѣпую злобу на враговъ, —
 И Монтецума одаряетъ
 Ихъ за побѣды.... Рай земной
 Едва-ль охотно покидаетъ
 Для нихъ избранныкъ молодой....

X.

Стрѣлой летить обычный годъ.
 Обычной жертвы ждетъ народъ.

* *Гвал-Дмиръ* — по-мехикански *слова-пѣни*, или *вѣрше* — сладострастія.

** *Рай Азтековъ* — очень подробно описанъ въ статьѣ «Древніе Мехиканцы» въ «Библіотекѣ для Чтенія», за 1845 годъ, № 9.

И вотъ она — не за горами.
 И черезъ мѣсяцъ Божій миръ,
 Съ его волшебными очами,
 Покинуть долженъ Гвая-Лиръ...

До-этихъ-поръ въ служеньи храма,
 Въ молитвахъ дни онъ проводилъ.
 Но — часъ желанный наступилъ,
 Широко развернулаеь рана
 Его усладъ, — и жизни богъ
 Въ нѣмомъ кругу жрецовъ явился....
 На зовъ страстной онъ устремилъ, —
 И, какъ спалѣнный мотылекъ,
 Въ ихъ жгучей нѣгѣ закружился!

Такъ метеоръ порой летить
 Во мглѣ, минутная комета,
 И чуть приметной нитью свѣта
 Шатеръ небесный бороздитъ.
 Но, вспыхнетъ снопъ его огнями, —
 Вдали, внизу являють вдругъ —
 Озеро нежданнй полукругъ,
 Селенье, лѣсъ — и звѣзды сами
 Встрѣчаютъ робинни лучами
 Каскады яркіе подругъ.

XI.

Конецъ печальный ближе сталъ.
 Но плѣнникъ въ счастья утопалъ.
 Жрецы за нимъ слѣдили строже.
 Чуть загорался небосводъ,
 Онъ оставлялъ ночное ложе,
 Кидался въ холодъ ясныхъ водъ.

Тогда не могъ онъ отогнать
 Съ лица восторженной улыбки;
 Его, какъ дѣвы, цѣловать
 Бросался ручныя рыбки.

И солнца лучь, дробясь на немъ,
 Не смѣлъ срывать своимъ огнемъ
 Жемчужныхъ брызгогъ страстной влаги —
 Съ его кудрей, съ груди нагой,
 Со складокъ ватовой бумаги
 Его тильматли * вырѣзной....

Въ вѣнкѣ изъ перьевъ голубыхъ,
 Въ серьгахъ, въ садахъ золотыхъ,
 Подъ тканью легкой, вѣжно-бѣлой,
 Скрывалъ онъ бронзовое тѣло.
 Въ тѣни тропическихъ садовъ,
 Въ упругой дремля колыбели, —
 Подъ говоръ трепетныхъ листовъ,
 Онъ отдыхалъ. Вдали чернѣли
 Въ бананахъ мертвые пруды.
 И часто сладкія мечты
 Его внезапно покидали, —
 Когда предъ нимъ по зыбкой стали
 Зеленой лентою скользнулъ
 Въ кусты пугливый крокодилъ....

Порой на главный теокалли **
 Онъ шелъ въ процессіи жрецовъ.
 И груди тлѣвшихъ череповъ ***
 Его по лѣстницамъ встрѣчали.
 Невольно плѣнникъ трепеталъ....
 Но смѣло шелъ. Въ чаду моленій
 Онъ въ небесахъ святыхъ внималъ
 Словамъ пророческихъ видѣній....

Пожары звѣздъ, снопы кометъ,
 Крестами плавившихъ надъ востокомъ,
 И гулъ зловѣщихъ тучъ, и свѣтъ
 Летѣвшій палевымъ потокомъ

* *Тильматли* — особенно изысканный и вычурный плащъ.

** *Теокалли* — храмъ.

*** Одни сподвижники Кортеса насчитали до ста тысячъ съ половиною жертвенныхъ череповъ, въ одномъ изъ зданій главнаго храма Мехико. См. Garcilasso de la Vega.

Надъ Оризабой свѣтловымъ *,
 Столицѣ вдругъ заговорили
 О чѣмъ-то страшномъ. По вѣнымъ
 Дворцамъ таинственно ходили
 Отъ береговъ морскихъ гонцы, —
 И съ дикимъ ужасомъ жрецы
 Въ мольбахъ къ востоку обращались....
 Но вѣчнымъ шумомъ оглашались
 Чертоги плѣнника, и онъ
 Былъ прежнимъ счастьемъ окруженъ.

XII.

Когда въ покоѣ окуреномъ,
 Съ друзьями свѣтлый Гвая-Ллиръ
 Садился за вечерній пиръ, —
 Богатствомъ, вкусомъ утонченнымъ
 Роскошный столъ его сіялъ.
 Гостей хозяинъ одарялъ
 Одеждой, золотомъ, цвѣтами,
 И ароматными плодами
 Столъ начинался. Между-тѣмъ, —
 Какъ блюда рыбъ и птицъ мѣняли
 Пажы гостямъ, рабыни всѣмъ
 Табакко пьяный зажигали,
 И жирный, пѣнный шоколадъ
 Съ духами всякъ себѣ готовилъ, —
 Хозяинъ въ пѣснахъ славословилъ
 Своихъ гостей, и старъ и младъ
 Кружился въ пляскѣ изступленной.... **

* *Небесная лезенія*, предназначавшія паденіе имперіи Никовъ — описаны у Прескотта (въ книгѣ II, глава 6) и у Гарсилассо — (pag. I, lib. IX, c. XIV, Com.-Real). Объ нихъ же упоминаетъ и Гумбольдтъ, въ его «Kosmos», во второмъ приѣчаніи къ статьѣ: Общая картина природы. Палевый цвѣтъ происходилъ отъ появившихся пятенъ звѣздной пыли, *star-dust* — какъ остроумно выразился сэръ В. Гершель. Cholua — значитъ по-мексикански струмтса, летѣть; *extrella, que hincave* — и есть переводъ словъ ацтекской лѣтописи объ этомъ, хранящейся у рейскаго епископа Летелье, звѣзды, летѣвшія — потокомъ.

** *Пиръ* — смотри статью «Древніе Мексиканцы».

Когда же пульке * благодарный
 Ихъ молвь торгавную смыкала,
 И гость за чашей засыдалъ, —
 Когда желанья распала,
 Чернѣла полночь голубая,
 И въ тучи, нѣгою полна,
 Стыдливо пряталась луна....

Тогда, тогда счастливица Гва
 Громада зданій вѣковая
 Скрывала въ знойной тишинѣ.
 И до зари, въ тревожномъ снѣ,
 Его плѣнительныхъ желаній
 Искали, жажда лобзаній,
 Четыре дива красоты,
 Четыре свѣтлыя звѣзды....

Тогда и смерть, и страхъ видѣній,
 И цѣлый міръ онъ забывалъ,
 И слѣпо чашу наслажденій
 Съ улыбкой дѣтской допивалъ, —
 Въ кругу несмѣтныхъ искушеній,
 Въ кругу палатъ своихъ, садовъ,
 Подъ стражей зоркою жрецовъ....

ГР.—Д.

* *Пульке* — алойное вино, любимый напитокъ у древнихъ и новѣйшихъ обитателей Мексики.

ДОМАШНЯЯ ИСТОРИЯ.

=

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КРУТИНСКІЙ (57 лѣтъ).

ЕВРА ПЕТРОВНА, его дочь (19 лѣтъ).

ГРАФЪ АРДАЛІОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БРАЦКІЙ (60 лѣтъ).

НАСТАСЬЯ ТИМОФЕЕВНА УТКИНА, дальняя родственница Крутинскихъ, помѣщица-
(50 лѣтъ).

АНДРЕЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ КУРБЕТОВЪ, ея племянникъ (25 лѣтъ).

=

Театръ представляетъ богато - меблированную комнату. Направо со сцены — дверь, ведущая на половину Вѣры. Налѣво — кабинетъ Крутинскаго; подлѣ дверь — въ комнату Курбетова. Окна по обѣимъ сторонамъ уставлены цвѣтами. Въ срединѣ общій выходъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАСТАСЬЯ ТИМОФЕЕВНА УТКИНА выходитъ съ правой стороны и съ робостью пробирается къ двери кабинета, подслушиваетъ, смотритъ въ щелку, потомъ говоритъ:

Охъ!.. что-то дѣлаетъ тамъ Вѣрочка моя?..

Долговяко, съ батюшкой, изволитъ объясняться...

Да ужъ добра не ожидаю я:

Недаромъ, правый глазъ ужасно сталъ чесаться!...

Боюсь.... а хочется взглянуть....
 Отъ страху, у меня извыло все сердечко!..
 Старикъ отецъ не дастъ намъ часу отдохнуть.

Посмотрѣвъ въ кабинетъ.

Вонъ.... Вѣрочка... стоитъ, какъ кроткая овечка...
 Бѣда отъ жениховъ!.. (отходитъ) а все моя вина:

Будь я, какъ слѣдуетъ — умна,
 Тверда, да смѣтлива, такъ и была бь довольна...

А то, вотъ нѣтъ! попуталъ сатана,
 И согрѣшила я по глупости неволью!

Теперь, поди... отъ строгаго отца —

Что день, то новыя напасти!

Я чай, на мнѣ живаго нѣтъ лица...

Почти не сплю, не ѣмъ, такія страсти!....

Такъ напроказили... что Господи прости!

И Вѣрочка, съ пріѣзда, ежедневно

Все въ страхѣ, бѣдная.... (увидя ее) ахти!

Да вотъ она!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВѢРА и УТКИНА.

ВѢРА.

Настасья Тимофеевна!
 Какъ рада я, что вижу васъ!
 Представьте: новая бѣда постигла насъ:
 Еще женихъ!

УТКИНА.

Охъ! знаю! знаю!
 Я ужъ прослышала объ немъ,
 И за тебя давно, голубушка, страдаю!

ВѢРА.

Да, поспѣшили мы увидѣться съ отцомъ...
 Намъ, получивъ письмо, не вдругъ-бы отправлягься...
 Помѣшкать-бы, подумать, расчитать...
 Намъ, изъ деревни бы, ловчѣе, можетъ-статься,
 И лучше было бы его готовить,
 Неправда ли? вѣдь тамъ бы можно
 Не видя жениховъ, умно и осторожно
 Издалека,
 Такъ приготовить старика,

Что онъ.... хоть побранилъ бы, безъ сомнѣнья,
 Что обвѣчали вы меня безъ позволенья,
 За-то бы, вся бѣда и кончилась теперь ;

А здѣсь, что мы ? пока сбираться стали,
 Открыть ? или нѣтъ ? меня невѣстой прокричали !

И что женихъ, то словно — вотъ какъ звѣрь !
 Всѣ на меня глядятъ, какъ будто на добычу....
 Я растерялася... и мужъ-то мой сталъ въ пень...
 Бѣда !

УТКИНА.

Да ужъ и я тутъ съ вами, каждый день,
 Дура-ья старая, неволью горемычу !

ВЪРА.

Вы правы.... да !

Теперь, со всѣхъ сторонъ бѣда !
 А все вѣдь вы ! Зачѣмъ вы вѣхатъ согласились ?

Вы удержали-бъ насъ тогда,
 Да урезонили-бъ, какъ мы заторопились.

УТКИНА.

Ну, такъ ! я, виновата ! я !

А вспомни, ради Бога,
 Кто говорилъ, голубушка моя :
 «О ! батюшка на насъ не взыщеть строго !

«Сговорчивъ онъ, и тихъ,

«Насъ приметъ какъ дѣтей своихъ,
 «Вѣдь мой старикъ и душа, и миляшка»...

— А на повѣрку : этотъ старикашка

Какъ старшой тряхнулъ,

Такъ всѣхъ насъ за-поясъ заткнулъ !

ВЪРА.

Конечно, худо мы всѣ трое разсчитали....
 Старикъ, теперь не тотъ : упрямъ, и строгъ, и крутъ...

УТКИНА.

Да какъ еще ! вѣдь что мы бились тутъ,
 Чтобы хоть мужа-то съ тобой не разлучали.
 Старикъ свое : зачѣмъ ? нѣтъ ! нѣтъ ! что онъ за шутъ ?

«Что за учитель онъ ? вотъ вздоръ !

«Какой это для дочери наставникъ ?

«Да онъ скорѣй шутникъ, или забавникъ,

«Вонъ ! вонъ его !...»

ВЪРА.

Да... да... три дня у насъ былъ споръ...

Однакожъ, пниеннѣ я 'объявила прямо :

(Что бѣ мужа защитить вволю!)

«Что я, вѣдь и сама настойчива, упряма,

«Что мой учитель долженъ быть при мнѣ!

«Что онъ уменъ, и добръ, и родственникъ вашъ дальний,

«Что и въ дорогѣ намъ онъ угождалъ,

«Спасалъ, оберегалъ

«Съ любовію и ревностью похвальной»....

— Ну словомъ: нашъ старикъ сдался... бѣда прошла.

Тутъ, какъ хозяйка я, сейчасъ засуетилась,

И прехитро распорядилась :

Показывал на дверь съ лѣвой стороны.

Я мужу комнату вотъ-эту отвела,

Что бѣ, знаете, почаще съ нимъ видаться,

И вечеромъ

Вдвоемъ

Поговорить, поплакать, посмѣяться,

О прошломъ вспомнить иногда...

Иль помечтать о будущемъ блестящемъ!...

УТКИНА.

А мнѣ, когда грозить бѣда,

Такъ я все думаю теперь о настоящемъ.

Вотъ что: чтобъ мнѣ здѣсь вогъ не протянуть,

Чтобъ твой старикъ не съѣлъ меня, старушку,

Я думаю отъ васъ улепетнуть

Въ свою степную деревушку!

ВЪРА.

Помилуйте! когда намъ нуженъ вашъ совѣтъ,

Присутствіе, защита, смѣлость духа,

Вы насъ оставите?...

УТКИНА.

Мой свѣтъ!

Да я вѣдь слабая, убитая старуха,

Какое жѣ у меня присутствіе?.. нѣтъ! нѣтъ!

Что ты напрасно мнѣ поешь-то?

Отъ страха, я, чуть ноги волочу!

Того и жду: помрешь ни за-что, и ни-прѣ-что!

Нѣтъ! нѣтъ! пусти! домой, домой хочу!...

ВЪРА.

Да что вы? мой папа васъ полюбилъ душевно,

Хоть онъ и строго, но, право предобрякъ!
Нѣтъ, нѣтъ, Настасья Тимофеевна,
Мы не отпустимъ васъ никакъ!
Вы нужны намъ, оставайтесь, ради Бога!...

УТКИНА.

Да что я сделаю? ну, что я за подмога?

ВѢРА.

Какъ что? мой мужъ, какъ вашъ родня,
При случаѣ, на все сошлетя тоже...

УТКИНА, испугавшись.

Какъ? что? ахъ, батюшки! морозъ дереть по кожѣ!...
Тогда старикъ-то твой и вцѣпится въ меня!

Съ лица земли сотретъ, навѣрно...

Нѣтъ, дѣтушки, ужъ это будетъ скверно!

Да и грѣшно вамъ всѣмъ...

За что жъ меня отецъ твой обезславить?

Подумай: я и то, не сплю почти, не ѣмъ,
А лягу, такъ меня, вотъ точно лѣшій давить!

ВѢРА.

Ай! ай! ну, полноте, мы васъ побережемъ...

Однако жъ, гдѣ мой мужъ?...

УТКИНА.

Уѣхалъ! все хлопочетъ

Пообзнакомиться съ тѣмъ, *первымъ* женихомъ,
Котораго тебѣ родитель прочитъ.

ВѢРА.

А! съ господиномъ Болтовнѣй?

Не знаю, что въ немъ батюшка находитъ?

Какой-то франтикъ препустой,

Который хвастаетъ и только вздоръ городить!

Вотъ, подлинно, что ужъ судьба сама

Моей рукой *владѣть* распоряжаться:

Не испугайся я отцовскаго письма,

Богъ знаетъ, съ кѣмъ-бы здѣсь должна я обвѣчаться?

УТКИНА.

А что? и этотъ плохъ, что тамъ теперь сидитъ?

ВѢРА.

О! тоже звѣрь преславный!

Ужъ за-полвѣка есть, а также все франтить,

Красивыиъ паричкомъ прикрытый,

Т. ХСVII. — Отд. I.

Онъ весь, какъ-будто-бы поддѣланный, подшитый...

Любезничаетъ страхъ! такъ чинно, не спѣша,

На видъ, все въ немъ приложено отиѣвно!

Но, тронь его — такъ все, и тѣло и душа

Въ прахъ обратятся, непремѣнно!

Ну, женихи! признаться, хороши!

Уроды хотъ со мной въ деревнѣ и встрѣчались,

И хотъ надъ многими я тѣшилась въ глуши,

Но, тѣ, за то ужъ въ простотѣ души

Уродства — модою прикрасить не старались.

Увидя мужа.

Ахъ! кстати: вотъ и мой уродецъ прискакалъ!...

Бѣжить къ нему и обвиняетъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢЖЕ, и КУРБЕТОВЪ, во фракѣ, застегнутомъ до верху, и сильно разстроены.

ВЪРА.

Андрюша!...

КУРБЕТОВЪ, цѣлуя и обвиняя ее.

Ангелъ мой! жизнь! душка! идеалъ!

(Теткѣ) Bonjour, Настасья Тимофеевна!

У! какъ я радъ, что васъ однѣхъ засталъ!

Судьба моя не такъ еще плачевна...

Обиная снова жену.

Когда ты только съ ней... (показывая на тетку) я счастливъ какъ никто!

Я лишь тогда цѣню вполне союзъ нашъ брачный,

Когда не вижу здѣсь ни моднаго пальто,

Ни бороды съ усами фрачной!

(Теткѣ) Да, тетушка, ты другъ моей жены!

Смотри за ней, смотри, не прозѣвай, не сбреди!

Соблазномъ мы окружены:

Всѣ петербургскіе онагры, львы и дедки,

Все это выродки, все дѣти сатаны!

УТКПНА.

Неужто?...

КУРБЕТОВЪ, со злобою.

Да! да! да! на комъ мѣшокъ мохватый,

Лицо въ шерсти, тотъ выродокъ, ей-ей!

Не человекъ, а чортъ рогатый!

Бросающій пятно и тѣнь на всѣхъ мужей!

ВѢРА.

Да что съ тобой? ты золь.... и не въ себя, какъ-будто?...

КУРБЕТОВЪ.

Какъ быть! я все забочусь о тебѣ!

О! если бъ знала ты, что происходитъ тутъ-то!

Показываетъ на сердце.

И тутъ.... (показывая на голову) о! страшный вздоръ! я точно не въ себя!

Но, не поддамся я злой мачихѣ-судьбѣ!

Обниная жену.

Нѣтъ! ты, моя! моя! ты мой дружечекъ!

Подруга жизни! Да, друзья:

Она, вѣдь мой, мой лакомый кусочекъ;

И собственность законная моя!?

ВѢРА.

Да что ты тутъ за вздоръ городишь?

КУРБЕТОВЪ.

Какъ! вздоръ?...

УТКИНА.

Да!

ВѢРА.

Да!...

КУРБЕТОВЪ, подумавъ немного.

Ну, можетъ-быть....

Не спору, если ты находишь....

Живя здѣсь, нехотя вздоръ станешь городить!

ВѢРА.

Откуда ты теперь?

КУРБЕТОВЪ.

Откуда?

Отъ твоего пустаго жениха,

Въ которомъ все испорчено! все худо!

Въ карманѣ, въ головѣ и въ сердцѣ чепуха!

Я разгадалъ сейчасъ столичную замашку:

Женитьбой хочеть онъ поправиться скорѣй,

По этому франтить, какъ истинный злодѣй,

И лжетъ безъ панцыря, а прямо, на-распашку!

Кричитъ мнѣ: что въ тебя безъ памяти влюбленъ!

Что никому тебя онъ не уступитъ!

Что изъ любви къ тебѣ — все сдѣлаеть! что онъ

Тебѣ пол-Петербурга купить!

Что для тебя, онъ будто ужъ завелъ

И чудный домъ, и экипажъ отличный,

И рѣдкихъ лошадей, и дачу приобрѣлъ,

Ну, словомъ: жетъ какъ франтъ столичный!

Я слушалъ, взвѣщивалъ, и думалъ: какъ тутъ быть?

Какъ бы любовь его къ тебѣ расхолодить?

Какъ сдѣлать мнѣ, чтобъ онъ не торопился?

ВѢРА.

Ну, что жъ ты выдумалъ?...

УТКИНА.

Что жъ сдѣлалъ?...

КУРЕБТОВЪ.

Разсказать?

Изволь! — Что бъ намъ спастиcя, я франтику рѣшился

Тебя, твой нравъ, такъ славно описать,

Такъ молодца задуматься заставилъ,

Что весь его энтузіазмъ пропалъ!

ВѢРА, нетерпѣливо.

Ну, ну, да какъ же ты ему меня представилъ?

КУРЕБТОВЪ.

Отлично!... я сказалъ:

«Что ты, собой хоть очень интересна,

«Привѣтлива, и хоть скромна на видъ,

«Но, какъ учителю — ты мнѣ вполнѣ известна.

«А потому, напрасно онъ спѣшить!

ВѢРА.

Что жъ дальше?

КУРЕБТОВЪ.

Я сказалъ: что онъ не знаетъ

«Какое зло ему судьба приготовляетъ!» —

— Онъ удивился страхъ.... тамъ, слышу, сталъ просить:

Чтобъ я, какъ другъ, ему рѣшился все открыть,

А я, какъ-будто-бы не смѣлъ открыть.... боялся....

Онъ началъ умолять.... и я во всемъ признался!

ВѢРА.

Да въ чемъ же? говори!

УТКИНА.

Не мучь насъ!...

ВЪРА.

Въ чемъ же?...

УТКИНА.

Въ чемъ?...

КУРБЕТОВЪ, самодоволенно.

А, другъ мой! какъ бѣда на гору подвернется,
Такъ тутъ ужъ нехотя размыслишь обо всемъ,

Не знаешь сама, откуда умъ берется?

Представь: любя тебя всѣмъ сердцемъ и душой,
Я описалъ тебя во всѣхъ статьяхъ прекрасно!

Сказалъ: что у тебя характеръ предурной,

Что ты — капризна, зла и вспыльчива ужасно!

Что добраго въ тебѣ нѣтъ ни одной черты,

Что мало для тебя всѣхъ мужинныхъ сокровищъ!

Ну, словомъ: доказалъ, что ты

Чудовище изъ всѣхъ земныхъ чудовищъ!

ВЪРА, обидясь.

Помилуй! что ты?

УТКИНА.

Вотъ?...

КУРБЕТОВЪ, также.

Ей! ей! потому, сказалъ:

Что такъ-какъ за тобой слѣдилъ я долго, строго,

То нынче ясно увидалъ,

Что къ-горю ты еще *помышана* немного!

А? каково?...

ВЪРА.

Мой Богъ!

УТКИНА.

Ай! ай! вотъ мастеръ лгать!

КУРБЕТОВЪ, съ гордостію.

Да-съ! у луна въ долгу мы нынче не остались!

ВЪРА, съ сердцемъ.

Да какъ же смѣли вы? позвольте вамъ сказать:

Что послѣ этого, вы сами *помышались*!

КУРБЕТОВЪ.

Я *помышался*? я?!

ВЪРА.

Да, сударь! вы!

Ну, что, какъ многіе, повѣривъ *небылицѣ*,

Помышанной меня начнутъ считать въ столицѣ?!

За что? за что жъ съ больной-то головы,
Вы на здоровую всё глупости свалили?

Какъ смѣли вы? кто васъ просилъ?

Вы хоть бы это разсудили:

Что васъ къ себѣ хвастунъ, лгунишка пригласилъ;

Съ нимъ грѣхъ болтать неосторожно!

Затѣмъ, что онъ, услыша вздоръ, сейчасъ

Разславить въ городѣ безбожно!

Прибавить тысячу прикрасъ,

И про меня вездѣ пойдетъ такая слава,

Что ужасъ!.. нѣтъ, вы помѣшались, право!..

Не правдаль, тетушка?

УТКИНА.

И впрямь! (ему съ упрекомъ) ахъ, ты, злодѣй!

Хоть-бы ты Бога-то немножко побоялся!

Ославить такъ жену!..

ВЪРА.

Что этого глупѣй?

УТКИНА.

Да! да! ты самъ голубчикъ помѣшался!

КУРЕЕТОВЪ.

Я? тетушка! помилуйте!..

УТКИНА.

Да! да!

ВЪРА.

Отъ вашей выдумки, я можетъ-быть повсюду

Какъ прослыву чудовищемъ, тогда

Съѣзжаться стануть къ намъ сюда...

Какую жъ роль играть тогда я буду?

А если, вдругъ

Всѣ эти выдумки дойдуть и до папаши,

Онъ станетъ узнавать: кто вынесъ этотъ слухъ?

Ему и скажутъ: «какъ, помилуйте, да ваши!

«Андрей Герасимычъ божился, увѣрялъ,

«Онъ, какъ ея наставникъ, знаетъ вѣрно»,

— Папаша взбѣсится!..

КУРЕЕТОВЪ, отчаянно.

Такъ! такъ! и я пропалъ!

Фу! какъ я поглупѣлъ жестоко, безпримѣрно!

Я это за собой примѣтилъ ужъ давно...

Сперва, вотъ, думаешь: вотъ выдумалъ умно!

Потомъ, какъ разберешь : такъ выйдетъ глупо , скверно !

Что и досадно , и смѣшно !

(Жень) Прости меня ! ну, ну, я каюсь , каюсь !

Пожалуйста, прости !

Я... я... клянусь себя въ порядокъ привести !

И поумнѣе быть, ей Богу постараюсь !

ВЪРА

Вотъ, такъ-то вы всегда ! Чѣмъ насъ-бы вразумить,

Какъ поумнѣй отъ жениховъ отбиться,

Какъ тайну папенькѣ открыть,

А вы мѣшаете лишь только мнѣ и ей ! (показывая на тетку).

И вотъ, что день...

КУРБЕТОВЪ.

Что день, то все глупѣй ?

Такъ ! такъ ! на глупости есть разные уроды ,

И я... я чувствую... изъ этой-же породы !

Чортъ знаетъ ! это такъ всегда

Я созданъ такъ ! я этимъ боленъ !

Вдругъ глупость сдѣлаешь, и самъ, какъ никогда,

Отъ глупости своей и счастливъ, и доволенъ !...

(Жень) Но, впрочемъ, ты умна ! спасай меня, спасай !

Ты не жена, ты ангелъ ! душка !

Приказывай ! учи ! повелѣвай !

И тетушка, вы добрая старушка,

Учите же меня пока...

Спасайте своего роднаго дурака !

На все готовъ, лишь только мнѣ простите !

Клянусь ! что съ нынѣшняго дня,

Я стану....

ВЪРА.

Нѣтъ ! я зла на васъ ! подите !

На цѣлый день разстроили меня !..

УТКИНА

А мнѣ-то какво ? я мучусь ежедневно !

Нѣтъ ! завтра жъ я хочу въ деревню укатить !

ВЪРА, мужу.

Да ! вотъ еще бѣда ! (ей) Настасья Тимоеевна !

Да здѣсь ему безъ васъ нельзя и дня пробыть...

Помните !..

УТКИНА.

Но, я боюсь ! я трушу !

Ну, что мы? Вѣжливъ донъ сойдемся толковать,
А толку ни на грошъ! Нѣтъ! отпустите душу
На покаяніе! позвольте убѣжать!..

КУРБЕТОВЪ.

Да что вы, тетинька? я не пушу, ей Богу!
Хоть умирайте, не пушу!
Вотъ вздумали когда пускаться въ путь-дорогу!
Безъ васъ, я здѣсь в мѣста не сыщу!
Нѣтъ! вотъ какъ старику во всемъ ужъ я признаюсь,
Тогда....

ВѢРА.

Нѣтъ! я сама все кончить постараюсь;
А вы пока извольте-ка молчать,
И старику какъ можно угождать....
Услугой мы скорѣй его обезоружимъ;
А тамъ, какъ случай я найду,
Богъ дастъ, и дотогу папашу доведу,
Что помирится онъ съ мовимъ несчастнымъ мужемъ!
(Уткиной) Не правда-ли?

УТКИНА.

Дай Богъ!

КУРБЕТОВЪ, съ чувствомъ.

Дай ручку! такъ и быть!
Дай мнѣ обнять себя! дай чувства всѣ излить!..

Обвиняетъ ее.

Изъ кабинета слышится голосъ Крутинскаго.

Да гдѣ жъ ты? Вѣрочка!....

ВѢРА и ея мужъ разбѣгаются въ разные стороны.

ВѢРА и КУРБЕТОВЪ, вмѣстѣ.

Ай!... ай!....

УТКИНА.

Ай, страсти!

ВѢРА.

Они идутъ за мной.... (Теткѣ) Такъ мы уйдемъ пока....
(Мужу) Смотрите жъ, тамъ вѣдь два упрямыхъ старика,
Чуръ не плошаты!....

УТКИНА.

Спасайтесь отъ напасти!

Объ убѣгаютъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КУРБЕТОВЪ, одинъ, вслѣдъ уходящій.

Два старика! какъ два? какіе жь два?

Послушайте!.... ой! ой! кружится голова!

Охъ, тяжело, кто женать на генеральской дочкѣ....

И жизнь и честь моя.... висать на волосочкѣ!....

Какой же тамъ еще-то старичекъ?....

Подбѣгаетъ къ кабинету и заглядываетъ осторожно.

Да.... да.... но для чего?... неужто женишекъ?

Нѣтъ! нѣтъ! не такъ сложенъ.... совѣтъ не той прически....

Фигура.... такъ.... едва по-толще панвроска....

Быстро отходить въ уголъ комнаты; дверь кабинета растворяется.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

КРУТИНСКІЙ входитъ, разговаривая съ БРАЦКИМЪ; КУРБЕТОВЪ въ сторонѣ.

КРУТИНСКІЙ.

Да, графъ, на старика ты вовсе не похожъ!

Я, вотъ, ужъ старъ.... а ты чудесно сохранился!

Ты вѣчно милъ и свѣтъ, любезенъ и хорошъ....

БРАЦКІЙ, корчитъ молодого человека.

О!.... я сберегъ себя.... я съ-роду не лечился....

Да и притомъ, характеръ мой

Всегда спокойный, мягкій, ровный —

Меня спасаетъ. Я мужчина хладнокровный,

А ты, такъ вѣтъ; всегда крикунъ былъ записной!

Бывало, ты ничѣмъ на свѣтѣ не доволенъ,

И вотъ за то, теперь ты старъ и сѣдъ,

Бываешь часто боленъ...

А я.... какъ-будто все мужчина въ двадцать лѣтъ!

КРУТИНСКІЙ.

Да! зтомъ быть мнѣ, твой планъ ничуть не страненъ:

Родство съ тобой, завидно будетъ всѣмъ!...

Разговариваютъ тихо.

КУРБЕТОВЪ, про себя, разсматривая Брацкаго.

Какъ! этотъ старый грѣхъ, который нарумяненъ

Да набѣлень.... и онъ присватался? зачѣмъ?
 Да видятъ ли отецъ: что въ этомъ миломъ зятѣ,

Все тѣло грѣшное на ватѣ!

О, Господи! когда

Здѣсь справедливость водворится?

Придутъ ли тѣ блаженные года,

Гдѣ старость грѣшная не будетъ молодиться?

КРУТИНСКІЙ, Брацкому.

Ну, да! сперва къ тебѣ она,

Подожди, будетъ равнодушна....

Но, для родства, связей, пойметъ-же, что должна

Моиъ желаньямъ быть послушна.

Тамъ, чтѣ ни говори.... а если рассудить,

Графиней молодой отрадно въ свѣтъ вступить!

Ну, а впоследствии, посредствомъ угожденья

Ты ей понравишься, безъ всякаго сомнѣнья!...

БРАЦКІЙ.

О! ужъ на этотъ счетъ.... мой другъ,

Я, человекъ безъ лести, геніальный!

Готовъ на тысячи услугъ!

Принявши тонъ веселый, натуральный,

Всего себя ей посвящу!

Всѣ средства нравятся, я знаю и снѣшу!

При томъ, отъ всякихъ дѣлъ я человекъ свободный,

Мнѣ лучше, легче начинать

Къ своей любезности природной

Ее всѣдневно приучать....

Ахъ! признаюсь тебѣ: я прежде ненавидѣлъ

Женатыхъ всѣхъ! дурачилъ ихъ, бранилъ,

Но, съ-той-поры, какъ дочь твою увидѣлъ,

Жизнь брачную невольно полюбилъ!

Теперь, готовъ почти на все рѣшиться!

Съ соперникомъ моиъ, любезнымъ Болтовней,

Сегодня-жъ я намѣренъ объясниться;

Соперничать не будетъ онъ со мной!

КРУТИНСКІЙ.

Вдругъ отказать ему, признаться, мнѣ нѣтъ слѣду....

Онъ молодъ, у него прекрасная родня,

А ежели надъ нимъ одержишь ты побѣду,

Весьма обрадуешь меня!

БРАЦКІЙ.

Такъ я даю тебѣ честное слово смѣло,
Что Болтовня уступитъ мнѣ во всемъ!

КРУТИНСКІЙ.

Дай Богъ! (*оборачиваясь*) гдѣ жъ Вѣрочка?..
КУРБЕТОВЪ, подходя учтиво.
Хозяйственное дѣло

Ихъ вызвало.....

КРУТИНСКІЙ.

Ахъ! да! на ней лежитъ весь домъ.... (*тихо Брацкому*)
Ну, какъ теперь она пошла распорядиться,
Такъ ужъ въ любви неловко объясняться....
Она ужъ тутъ вполне
Хозяйка строгая! хлопочетъ, суетится.
Теперь, я чай, достанется и мнѣ,
Когда я вздумаю съ совѣтами литься.

БРАЦКІЙ.

Ну, такъ не надобно надоѣдать, спѣшить;
Тутъ надо дѣйствовать — солидно, осторожно....
Тогда во всемъ успѣть вѣрнѣе можно....

КРУТИНСКІЙ.

Нѣтъ! я теперь-же съ ней хочу поговорить!
Ужъ если я рѣшилъ устроить счастье дочки,
Такъ дѣйствовать люблю сейчасъ, безъ проволочки!

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Такъ, такъ, за то судьба васъ славно наградитъ!

КРУТИНСКІЙ.

Иду, в ей мой планъ открою, растолкую....

БРАЦКІЙ.

А это кто такой?... (*показывая на Курбетова*)

КРУТИНСКІЙ.

Ахъ, да! рекомендую....

Ея наставникъ, другъ, и фаворитъ....

КУРБЕТОВЪ, поклонившись, потомъ про-
себя.

Который кашу вамъ такую заварить,

Что и самъ чортъ не расклебаеть!

КРУТИНСКІЙ, представляя Курбетова.

Андрей Герасимычъ Курбетовъ! онъ, родня

Старушки Уткиной.... дочь учить у меня,

Квартиру, столъ и свѣчи получаетъ;

Онъ и въ деревнѣ съ ними жилъ,
Словесности российской тамъ училъ,
И дочка съ нимъ такъ свылась, подружилась,
Что вотъ и здѣсь разстаться не рѣшилась!

Хоть я, признаться, не желалъ,
Твердилъ: что ей учиться ужъ довольно,
Что и ей жениха съискалъ,

Дочь въ слезы.... ну, и я.... послушался неволью!
(Курбетову) Андрей Герасимычъ! рекомендую, вотъ
Графъ, Ардалионъ Михайлычъ Брацкій,
Который, все твое ученье разбереть,
Какъ женится....

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Хорошъ! а взгляды.... киргизъ-кайсацкій!
БРАЦКІЙ, отцу.

Ну, такъ ты къ ней?...

КРУТИНСКІЙ.

Да, да.

БРАЦКІЙ.

Смотри жъ, начини слогна,
Не дѣйствуй по своей чудовищной методѣ!
По-проще, по-нѣжней.... ступай, а я, пока
Съ ея наставникомъ займуся на свободѣ.

Объ ней хочу потолковать,

Узнать ея характеръ, образъ мнѣній,
Ея наклонности, привычки разузнать,
Чтобъ дѣйствовать потомъ вѣрнѣй, безъ затрудненій.

КРУТИНСКІЙ, грозя ему.

Такъ! видно жениха, который вдаль глядѣть.
БРАЦКІЙ,

Потомъ, хоть мнѣ и нечего бояться,
Но съ Болтовней поѣду объясняться.

КРУТИНСКІЙ, жметъ ему руку.

Такъ съ Богомъ! (Курбетову) Ну, тебѣ экзамень предстоитъ.
Уходитъ къ дочери.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

БРАЦКІЙ и КУРБЕТОВЪ.

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Экзамень? гдѣ ему! (показывая на Брацкаго) Его я загоняю!

И вѣрно буду правъ во всемъ....

Но какъ спасти жену? вотъ я чего не знаю!

Вотъ вся задача въ чемъ!...

БРАЦКІЙ, про себя.

Учитель этотъ.... я, какъ замѣчаю,

Довольно недуренъ....

Прилично держится....

КУРБЕТОВЪ, также рассматривая его.

Фигурка.... невелика....

А занята собой.... какъ молодится онъ!

А чай — вѣдь есть десятковъ шесть, поди-ка?...

БРАЦКІЙ, съ ловкостью Курбетову.

Послушайте: я, съ вами, поболтать

Хотѣлъ бы, кой о чемъ, любезнѣйшій наставникъ....

КУРБЕТОВЪ.

Какъ-съ?... (про себя) только-то!... (ему) извольте начинать;

Я самъ, подъ-часъ, большой болтуни! забавникъ!

Отъ скуки иногда, въ деревнѣ, цѣлый день

Бывало мы, въ кружокъ сберемся и болтаемъ —

Такую дичь! такую дребедень!

Что вслухъ хохочемъ всѣ, и устали не знаемъ!

БРАЦКІЙ, серьезно.

Нѣтъ, милый мой, не то.... я не хочу никакъ

Въ бесѣдѣ съ вами забавляться....

КУРБЕТОВЪ, раскланиваясь.

Ахъ, такъ простите мнѣ.... я понялъ васъ не такъ....

Нельзя ли будетъ вамъ.... точнѣе выразаться?...

(Про себя) Экзамень дѣлаетъ! (ему) Я, такъ сказать, привыкъ

Словамъ давать — смыслъ точный, настоящій....

Тѣмъ болѣе, что русскій нашъ языкъ

Большой языкъ, пространнѣйшій, блестящій!

Поэтому, когда угодно вамъ

Узнать, какъ нашъ языкъ я понимаю,

И какъ преподаю?....

БРАЦКІЙ, перебивая Курбетова.

Не то угодно намъ.

Не то я знать желаю...

Языкъ совсѣмъ тутъ въ сторону!..

КУРБЕТОВЪ.

За что жъ?

Помилуйте! нельзя-съ! языкованье

Необходимо вѣчь! языкъ нашъ такъ хорошъ!
Лишь стоитъ полюбить, да приложить старанье...

БРАЦКІЙ.

Но, я не думалъ....

КУРБЕТОВЪ, перебивая безпрестанно.

Какъ? вы противъ языка?

БРАЦКІЙ.

О, нѣтъ! напротивъ....

КУРБЕТОВЪ.

Какъ? опять не понимаю....

Ну, *нѣтъ!* такъ нѣтъ. Весь смыслъ и конченъ тутъ пока!
Къ чему же тутъ еще: *напротивъ?* я не знаю...

БРАЦКІЙ.

Ахъ, милый мой! да ты узнай сперва
О чемъ я думаю....

КУРБЕТОВЪ.

И это невозможно.

Какъ скоро думаетъ ужъ *ваша* голова,
Такъ тутъ не мнѣ, а вамъ и знать и вѣдать должно.

БРАЦКІЙ.

Конечно такъ. Но, видишь: чтобы знать,
Такъ надобно....

КУРБЕТОВЪ, перебивая.

И думать, и учиться?

•

О! съ этимъ, такъ сказать,

Я не могу не согласиться.

И я, дѣйствительно, тружусь:

Учу другихъ, и самъ учусь,

Хотя моихъ трудовъ отнюдь не оцѣняютъ.

Что дѣлать! люди такъ и холодны, и злы,

Что лишь убійственнымъ презрѣниемъ награждаютъ,

На мѣсто должной похвалы!

Но я, какъ человекъ въполнѣ трудолюбивый

Терплю! — Гдѣ жъ пища есть для сердца и ума,

Держусь пословицы священо-справедливой:

«Ученье — свѣтъ, а не ученье — тьма!»

БРАЦКІЙ.

Ахъ, Богъ мой! ну, пускай, хоть учишь ты, прекрасно!

Но, для чего меня ты мучаешь напрасно?

КУРБЕТОВЪ.

Какъ-съ? *му-ча-ешь?*... нѣтъ! нѣтъ! неправильно! ей-ей!

Не мучаешь, а му-чишь, повѣрнѣй.

А впрочемъ, тьму здѣсь словъ безъ правилъ произносятъ,
И извиненія ни у кого не просятъ!

У насъ здѣсь говорятъ какъ пишутъ: на разладъ!

А пишутъ — такъ какъ говорятъ.

Хотя о правилахъ всё спорятъ, разсуждаютъ,
Но результатъ одинъ: лишь съ толку всѣхъ сбиваютъ,
Да всѣхъ и каждого бранятъ.

Возьмите вы: во всей литературѣ новой
Разноязычїе идетъ ужъ сколько лѣтъ!

И все вѣдь оттого, что вѣтъ

У насъ грамматикѣ *единственной*, толковой.

Недавно, русскаго я слышалъ знатока

Изъ пишущихъ, онъ утверждалъ не ложно:

«Что въ жизни изъучить, узнать легко *все* можно,
«Окромя — русскаго роднаго языка!»

БРАЦКІЙ, нетерпѣливо.

Да я....

КУРБЕТОВЪ.

И онъ, по моему, покуда

Почти, что правъ!

Брацкій хочетъ говорить.

Вы сомнѣваетесь? ну такъ извольте графъ,

Возьмите наше все *печатное*, оттуда

Вы все усмотрите, и станете въ тупикъ!

Во всякой книгѣ: свой языкъ,

Своя грамматика, свой слогъ, свое педанство,

Свой хаосъ! грѣхъ! ну такъ, что горько иногда!

Учителямъ, учащимся — бѣда!

А для читающихъ по-русски — ужъ тиранство!

Особенно, какъ въ нашъ языкъ, лукавый бѣсъ —

Какой-то всячины напичкалъ иностранной!

Совсѣмъ ненужныхъ намъ, непрощенныхъ словесъ:

Вдругъ, *абсолютностью* насъ подчуютъ *гуманной*!

Индивидуумы явились, да *прогрессъ*!

На русскомъ языкѣ — *субъекты*, да *принципы*

Размножились какъ вредные полпы!

Какая жъ честь и слава въ томъ,

Чтобъ русскій говорилъ — не русскимъ языкомъ?

Чѣмъ бы родной языкъ, съ примѣрнымъ постоянствомъ

Стараться очищать, такъ вѣтъ! своимъ педанствомъ

Иной словесникъ-изувѣръ,
 Со-словъ чужихъ, все ставитъ намъ въ примѣръ!
 Вѣдь это варварство!..

БРАЦКІЙ.

Да! да! и я, отнынѣ
 Я вѣрю вамъ, и радъ стоять за васъ,
 Но...

КУРБЕТОВЪ.

Очень радъ! а все жъ пока — мой гласъ
 Гласъ вопіющаго въ пустынѣ!
 Нѣтъ, тугъ бы надобно...

БРАЦКІЙ, перебивая.

Не нужно!

КУРБЕТОВЪ.

Какъ? о, нѣтъ!
 Вы знаете ль?..

БРАЦКІЙ.

Да! да! я знаю!

КУРБЕТОВЪ.

А что вы скажете въ отвѣтъ?
 Вообразите...

БРАЦКІЙ.

Я воображаю!

КУРБЕТОВЪ.

• Да можетъ-быть не то?..

БРАЦКІЙ.

То самое! то! то!
 Я знаю! мнѣ извѣстно!

КУРБЕТОВЪ.

Да что же вамъ извѣстно? что?

БРАЦКІЙ, не зная, что отвѣчать.

Да, то есть....

КУРБЕТОВЪ.

Нѣтъ, не то! а вотъ что интересно:
 Я вамъ не досказалъ....

Словесность наша....

БРАЦКІЙ, рѣшительно и громко.

Нѣтъ! ужъ болѣе ни слова!
 (Съ досадою) Любезный другъ! чтобы чортъ ее добралъ!
 Мнѣ до нея нѣтъ дѣла ни какова!
 Ты, какъ учитель, грамотей,

Люби, возись съ словесностью своей,
Я этих пустяковъ и звать не добиваюсь!

КУРБЕТОВЪ.

Агъ, виновать... такъ вы совсѣмъ не изъ такихъ,
Которые....

БРАЦКІЙ.

Да! да! я просто какъ женихъ
Кой-что спросить, узнать намѣреваюсь
На счетъ моей невѣсты!

КУРБЕТОВЪ.

А! вотъ что!

БРАЦКІЙ.

Такъ расскажи мнѣ все: о жизни деревенской,
Каковъ у Вѣрочки характеръ, вотъ вопросъ?
Мнѣ надо знать....

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Постой!... (ему) характеръ? просто: женскій!

Но деревенской жизни — вообще,

Характеръ, такъ сказать — простой, оригинальный:

Все такъ же движется... но это все еще

Тамъ дышетъ жизнью вполне патриархальной!

Жизнь у помѣщиковъ полезная, ей-ей!

Тамъ, такъ же — есть любовь, есть дружба, ссоры, драки,

У каждаго жена, отличныя сабаки,

Иль пол-дюжины откормленныхъ дѣтей.

И это все тамъ вмѣстѣ, все безъ чванства:

Встаютъ иль ползаютъ, ложится, ѣсть и пить,

А сколько преферансъ тамъ жизни придаетъ:

Такъ это страсть — до картъ и пьянства....

БРАЦКІЙ, теряя терпѣніе.

Да что до нихъ за дѣло мнѣ?

Пусть себя тамъ пьютъ, и перепьются!

Пусть хоть всѣ купаются въ винѣ,

И захлебнутся!

Я, объ характерѣ невѣсты говорю!

Я знать хочу ея наклонности, идеи,

А ты....

КУРБЕТОВЪ, какъ-будто спохватился.

Ахъ! да!... а я-то дичь порю.

Простите.... право, мы такіе ротозей,

Провинціалы сущіе! какъ быть?

Т. ХСѢН. — Отд. 1.

Хлопочешь, знаете, отвѣтомъ угодить,
Да не разслушаешь, не разберешь порядкомъ

И чушь несешь такую, что бѣда!

Я, знаете, я этимъ недостаткомъ

Страдалъ рѣшительно всегда!

Брацкій, снова выходитъ изъ терпѣнія
и старается его остановить.

Да и страдалъ-то какъ ужасно!

Бывало, всё бранить меня;

Кричить все общество: «не спорьте съ нимъ напрасно!

«Онъ человекъ пустой, крикунъ и болтовня!»

— Ну, это слышать больно... и стараюсь

Я всячески себя по оправдать,

Начну доказывать, и такъ-то распинаюсь,

Что нехотя заставлю всѣхъ молчать!

Но здѣсь я, можетъ-быть, отъ этого отвыкну, —

Хотя вполне ручаться не хочу!

Я...

БРАЦКІЙ, громко.

Ну, да полно же!! ну, полно! тишиш!!!

КУРЕТОВЪ.

Молчу!

БРАЦКІЙ.

Пожалуйста! прошу тебя!...

КУРЕТОВЪ, мотая головой и прикладывая
руку ко рту.

Не пишу!

БРАЦКІЙ.

И такъ, всё хлопоты вотъ въ чемъ, любезный мой:

Объ Вѣрочкѣ, открой мнѣ все подробно...

Живи въ деревнѣ съ ней, навѣрно, ты, порой

Могъ наблюдать за ней удобно?

По этому, я, страхъ-бы какъ желалъ....

КУРЕТОВЪ, про себя.

Нѣтъ, онъ просилъ, чтобъ я молчалъ.

БРАЦКІЙ, продолжая.

Все, все узнать объ ней, и обсудить по-строже.

Что? вспыльчива она? капризна? а?...

КУРЕТОВЪ, протяжно произноситъ по
одной буквѣ.

А!...

БРАЦКІЙ, съ любопытствомъ.

Что же?...

Что? что?... мнѣ кажется, что у ней
Характеръ.... такъ.... довольно ровный?...

КУРЕТОВЪ, также.

О!...

БРАЦКІЙ, также.

А?... развѣ нѣтъ? взыскательна бываетъ?

Но, какъ?...

КУРЕТОВЪ, протяжно.

Гимн!....

БРАЦКІЙ.

Что? чего жъ она желаетъ?

Какая жизнь ей больше по душѣ?

А? какъ ты скажешь?

КУРЕТОВЪ.

Э!....

БРАЦКІЙ.

А?... что же? любить веселиться?

Блестать? кокетничать? рѣзвиться?

Иль любить болѣе покой и тишину?....

Будь откровененъ....

КУРЕТОВЪ.

У!....

БРАЦКІЙ.

А? какъ? что это за отвѣты?

Пожалуйста, для счастья моего

Утѣрши я, что ты откроешь всѣ секреты?....

Не правда ли?....

КУРЕТОВЪ.

Ого!

БРАЦКІЙ, съ некоторою злобою.

А! только-то?... такъ ты не хочешь? иль не смѣешь?

Ты съ нею дѣйствуешь быть можетъ за одно?....

Напрасно, милый мой: ты въ этомъ не успѣешь!

Я, все узнаю!

КУРЕТОВЪ.

Но....

БРАЦКІЙ.

Да! сверхъ-того, любезнѣйшій учитель,

Скажу, что съ ней теперь я долженъ быть всегда,

А потому, вы, нынче жъ не хотите-ль
Окончить курсъ ученя?

КУРБЕТОВЪ, удивленный,
О!...

БРАЦКІЙ.

Да! да!

Теперь, когда со мной ей надо обвиняться,
Такъ ужъ довольно заниматься!

Я попрошу отца, уволить нынче жъ васъ!

КУРБЕТОВЪ, громко.

Уволить?! (*особо*) Ну! бѣда со всѣхъ сторонъ на насъ!

(*Ему*). Помилуйте.... я.... къ ней.... я такъ сказать... привязанъ...

БРАЦКІЙ.

Пусть такъ, а завтра же проститься съ ней обязаць!

Ты, мнѣ, какъ вижу я, изволишь тутъ мѣшать.

КУРБЕТОВЪ, съ досадою.

Да какъ же иначе? я здѣсь вѣдь.... (*особо*) что сказать?....

(*Ему*) Вотъ видите ли.... я.... вѣдь я имѣю право....

Вы, согласитесь, графъ....

Хоть вы, женихъ.... пусть такъ... но, невозможно, право!

Вы правы.... но, нельзя.... я я вѣдь тоже правъ....

БРАЦКІЙ.

Что съ вами?....

КУРБЕТОВЪ.

Пусть, она, невѣста ваша....

Да я-то что жъ? за что сойду съ ума?

(*Особо*). Ужъ не открытъ ли все?... нѣтъ, заварится каша!

Пускай жена откроеть все сама.

БРАЦКІЙ.

Гмъ!... замѣшательство я ваше понимаю....

И чтобъ не вышло здѣсь какихъ-нибудь чудесъ,

Такъ я рѣшительно заранѣ объявляю:

Что вамъ откажутъ на-отрѣзъ!

КУРБЕТОВЪ.

Откажутъ?.... (*особо*) охъ!...

БРАЦКІЙ,

Откажутъ, непременно!

Вы, лишній здѣсь....

КУРБЕТОВЪ.

Я лишній?

БРАЦКІЙ.

Совершенно.

На этотъ разъ,

Я, кажется... довольно понялъ васъ:

Учитель вы, быть-можетъ, и достойный,

Но, такъ какъ человекъ, натуры не спокойной...

КУРБЕТОВЪ, съ досадою.

Я? я, натуры не спокойной? я?

Пусть такъ! а вы-то что же?

Понимайте! прогнать хотите вы меня

Когда для Вѣрочки я просто всёхъ дороже!

БРАЦКІЙ, удивляясь.

Дороже? чѣмъ?...

КУРБЕТОВЪ, удерживаясь.

Да тѣмъ.... что я.... моложе!

А эта вѣдь статья, для женщинъ и дѣвицъ

Презабная! онѣ, вѣдь.... право, разбираютъ;

Особенно, какъ образы — безъ лицъ

Имъ лично руку предлагают!

Ужъ тутъ, хоть стой вблизи или вдалекъ,

Имъ видно все, обманъ тутъ невозможенъ:

Замѣтно имъ, кто ходитъ въ парикъ,

Кто вѣтою обложенъ....

Онѣ, узнать имѣютъ даръ:

Кто молодъ и кто старъ.

И даже, разобрать могли-бы:

Въ комъ кровь горячая, въ комъ кровь какой-то рыбы?

Да, грабъ! и Вѣрочка расчетъ имѣетъ свой,

Хоть глупый можетъ-быть, и странный, хоть дурацкій,

Охорашивая себя,

Однако, видно ей: кто очевъ милъ собой?

(Смотря на него). Кто съ физикой киргизъ-кайсацкой!

БРАЦКІЙ.

Что — ты — ска — залъ??.

КУРБЕТОВЪ, рѣшительно.

А то:

Что я найду въ отставку, ни за что!

Я здѣсь ужъ обжился.... я не могу.... не смѣю!

Я здѣсь квартиру, столъ, всё снадобья имѣю!

А ежели меня и выгонитъ отецъ,

Такъ все-таки ужъ вамъ не ѣхать подъ вѣнецъ!

Ни вамъ, ни Болтовнѣ, никто тутъ не поможетъ!

Я вамъ, хочу за тайну объявить:

Оглядывался и вполголоса.

Она.... никакъ не можетъ,
Не смѣетъ за-мужъ выходить!

БРАЦКІЙ.

Не смѣетъ?!..

КУРБЕТОВЪ, такъ же.

Да-съ! нельзя! нѣтъ средствъ! опасно!

То есть: хоть вы тутъ что!... а будетъ все напрасно!

БРАЦКІЙ, посмотрѣвъ на него.

А вотъ, увидимъ, милый мой....

Теперь я съ Болтовней отправлюсь повидаться,

Чтобъ съ нимъ сперва все кончить, расчитаться,

Потомъ, окончимъ мы съ тобой:

Въ награду всѣхъ проказъ и дѣлъ твоихъ прошедшихъ,

Ты будешь.... въ домѣ сумасшедшихъ!

Уходить смѣясь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

КУРБЕТОВЪ, одинъ.

Каковъ?... и онъ еще смѣется.... старый грѣхъ!

А я.... съ досады, чуть не плачу....

Я, точно, здѣсь смѣшной, несчастный всѣхъ!

Я обезумѣлъ здѣсь! Я ничего не значу!

Я.... я.... ей Богу, сталъ въ тупикъ....

Жена и тетюшка, отецъ, женихъ старикъ,

Всѣ на меня вооружились!

Всѣ, точно на-смѣхъ сговорились:

Терзать меня.... и упрекать во всемъ,

Смѣяться надо-мной, считать меня осломъ....

И я, дѣйствительно: что я тутъ?.. (между нами):

Я.... я.... стою.... и хлопаю ушами!

Задумывался.

Вотъ именно: что ужъ теперь,

Не знаю самъ, что я за звѣрь?...

Что я за горемыка?

Женился.... спутался.... и сбился съ панталыка!

Такъ сбился, что.... доходить хоть до слезъ!

Да, да, Андрюша, здѣсь, добра вы не дождетесь.

Какъ-будто кого спрашивая, обращается къ публикѣ.

А?... какъ вы скажете?... чего-съ?...

Я не дослышалъ.... какъ-съ?... эге! и вы смѣтаетесь!...

Ахъ, ты, Создатель мой!

Гдѣ жъ мнѣ искать теперь защиты и совѣта?

Однѣ блуждаю я, какъ остовъ гробовой,
Какъ тѣнь отца Гамлета!...

Подумавъ немного.

Открыться мнѣ?... нль нѣтъ?... быть мужемъ?... нль не быть?...

Вотъ въ чемъ вопросъ! вотъ въ чемъ чертовская задача!...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

КУРБЕТОВЪ, въ раздумьи, и УТКИНА.

УТКИНА, въ-попыхахъ.

Не быть добра! хоть волкомъ выть!

Что день у насъ, то грѣхъ — да неудача!

КУРБЕТОВЪ, съ живостью.

Какъ грѣхъ? еще?... ну, тетушка, ну, ну,

Подите-ка сюда, утѣшите....

Кого попуталъ грѣхъ? васъ что-ли? нль жену?

Не переменяйтесь! ну, зарѣжьте!

Что тамъ еще? Я жду теперь всего!...

УТКИНА.

А то, что насъ старикъ почти со свѣта гонить!

Жена твоя, и такъ, и этакъ отъ него,

А онъ и знать не хочетъ ничего!

О женихъ такъ въ уши и трезвонить!

Смотри же, не плошай:

Я вижу, что теперь, не время намъ открыться,

Не зли его, а лучше ублажай,

Не то, бѣда такая тутъ случится,

Что хоть ложись — да умирай!

КУРБЕТОВЪ, рѣшительно.

Такъ что же, тетушка? пойдете

На всѣ бѣды! на смерть! чего намъ ждать?

Умрете, тетушка, умрете!

Мы созданы на что, чтобъ жить — да умирать!

Что вамъ? вы отжили ужъ годы,

И я теперь чуть живъ... свершимъ законъ природы!

Что значить: наша жизнь? или душа?
Жизнь — горе! — а душа — не здѣсь (*показывая на грудь*); а
здѣсь, злодѣйка!

Указывая на каблукъ.

Такъ стало быть, душа — не стоять ни гроша!

А жизнь — копѣйка!

УТКИНА.

Ну, ну, ужъ ты, какъ только не успѣхъ,
И бѣснѣиса!... стыдись! отчаянїю — грѣхъ!

КУРЬЕТОВЪ, съ крикомъ.

Ну, такъ! да что же здѣсь не грѣхъ-то? объясните!

Здѣсь, наконецъ, ужиться мудрено.

Жениться — грѣхъ! быть холостымъ — грѣшно!

Сказалъ-ли что — кричать: да вы грѣшите!

Молчать начнешь, или плакать отъ души....

Всѣ говорятъ: да полно, не грѣши!

Женѣ я услужить хотѣлъ — какъ мужъ-угодникъ,

А мнѣ она въ отвѣтъ: ахъ! что ты, грѣхеводникъ!

Помилуйте! да кто же, кто въ нашъ вѣкъ,

Не грѣшный человекъ?

Да этотъ женишкѣ, и старый и потѣшный,

Я думаю: такой ужъ много-грѣшный,

Что ежели объ немъ развѣдать все, такъ страхъ!

Чай — голова, душа, погрязло все въ грѣхахъ?

Да и отецъ-то самъ....

УТКИНА.

Ну, ужъ отца не трогай!

Пока еще нельзя ему всего открыть,

Старайся всячески поладить, угодить,

Иди пока, все тою-же дорогой,

А тамъ, авось! авось!...

КУРЬЕТОВЪ, передразнивая ее.

Авось! что жъ выйдетъ? все хоть брось!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢЖЕ и ВѢРА, потомъ вскорѣ КРУТИНСКІЙ.

ВѢРА, съ быстротою, вслѣголоса обра-
щается къ мужу.

Мой другъ! смотри: остерегайся!

Отец за мной идетъ....

Не походи въ просыпъ! попятъ мекя старайся,
И наблюдай за нимъ....

КУРБЕТОВЪ, напѣреваясь уйти.

Нѣтъ! дальше отъ хлопотъ....

ВѢРА, удерживая его.

Помилуй! что-ты!?

УТКИНА.

Какъ тебѣ не стыдно?

ВѢРА.

Ты долженъ мнѣ помочь!...

КУРБЕТОВЪ.

Все такъ оно....

(Особо) Поддакивать отцу совсѣмъ немудрено;

(Вмъ) Но, наконецъ, вѣдь больво и обидно!

Что долженъ я....

ВѢРА, смотря на дверь.

Идетъ....

УТКИНА.

Идетъ! молчи! уймись!...

КРУТИНСКІЙ, показываясь въ дверяхъ...

А! наконецъ, вы вибѣтъ всё сошлись!...

Ты лучше. Гдѣ же грабъ?...

КУРБЕТОВЪ.

Поговоривъ со мною,

Они ухали все кончить съ Болтовнѣю.

КРУТИНСКІЙ.

А! понимаю.... (дочери) Ну, мой другъ,

Я не люблю все дѣлать подъ секретомъ;

Составимъ же теперь семейный кругъ,

И разрѣшимъ вопросъ скорѣе, всѣмъ совѣтомъ.

Садитесь, господа....

Крутинскій садится по серединѣ, ВѢРА подлѣ него съ правой стороны.

Уткина подлѣ ВѢРЫ, Курбетовъ — съ лѣвой стороны.

ВѢРА.

Ахъ, паненъка, зачѣмъ,

Вы вздумали шутить со мной такъ странно?...

КРУТИНСКІЙ.

Напротивъ: я шутить не думаю совсѣмъ!.

Я о судьбѣ твоей забочусь постоянно....

Тебѣ, мой другъ, ужъ двѣнадцатъ лѣтъ, Digitized by Google

Пора пристроиться, простись съ своей пустыней:
 Я требую, чтобъ ты вступила въ свѣтъ
 Не иначе, какъ молодой графиней!

ВЪРА.

Возможно ли! такъ вы... не шутите со мной?

КРУТИНСКІЙ.

Ничуть. Отнынѣ, графъ здѣсь будетъ ежедневно!

Обращаясь ко всѣмъ.

Ну, что жъ вы скажете? хорошъ ли выборъ мой?
 Андрей Герасимычъ? Настасья Тимоѣевна?
 Женихъ — красивъ собой, со всѣми здѣсь въ связяхъ,
 Родство съ такимъ лицомъ, приятно, безъ-сомнѣнья?...
 (Ко всѣмъ) А?...

ВЪРА.

Все это такъ... но... объ его лѣтахъ,
 Скажите прежде: вы, какого мнѣнья?

КРУТИНСКІЙ.

Э, другъ мой! не въ лѣтахъ все счастье и добро.
 Иные — молоды, да никуда негожи!
 А графъ, онъ лучше всей столичной молодёжи!
 Онъ, точно, въ двадцать лѣтъ!...

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Да, да, на серебро.

ВЪРА.

Нѣтъ, папенька, я съ вами не согласна!
 Онъ, другъ *старинный* вашъ, какъ знаю я...
 А къ старому, я право не пристрастна!
 Такъ вотъ, объ немъ, вамъ прямо мысль моя:

КРУТИНСКІЙ.

Ну, ну, послушаемъ... хоть это не поможетъ...

ВЪРА.

Напротивъ: мнѣ, нельзя же вѣкъ молчать!

И вы, увидите, быть-можетъ,

Что мнѣнья моего, нельзя не уважать.

Вотъ видите: я, графа уважаю

Какъ друга *вашего*, который любить васъ,

Я доброты его, ума не отвергаю,

И *подружиться* съ нимъ, готова хоть сейчасъ;

Съ нимъ, рада я шутить и веселиться,

Онъ точно милъ, хорошъ по сердцу и уму,

Но... въ женихи, онъ право не годится,

А ужъ въ мужа — поддвно ни кому!
 Положить, онъ *теперь*, быть-можетъ — постояненъ,
 Воздерженъ, тихъ, но.... для чего-же онъ
 Неосторожно нарумяненъ,
 И невоздержно набѣленъ?

КРУТИНСКІЙ.

Неправда!

ВЪРА.

Нѣтъ, нашъ взглядъ на это очень зорокъ!
 Напрасно насъ обманывать хотятъ....
 Такъ графу, стало быть, не двадцать и не сорокъ,
 А вѣрно полныхъ шестьдесятъ.

КРУТИНСКІЙ, нетерпѣливо.

Но онъ, сударыня....

ВЪРА, перебивая.

Да! по родству, связямъ
 Хотите вы! сказать: и знаменитъ и важенъ?
 Да развѣ *это* нужно намъ?
 Мнѣ надо, чтобъ мой мужъ былъ молодъ, авантаженъ;
 Вамъ хочется, чтобъ я вступила въ свѣтъ?
 Но съ чѣмъ? вѣдь душъ пятьсотъ.... не важное имѣнье!
 У друга вашего, имѣнья также нѣтъ,
 Такъ въ свѣтѣ бѣдно жить, какое жъ утѣшенье?

А если.... (Боже сохрани!)

Вы заболѣете.... умрете, можетъ-статься?

Что жъ мы безъ васъ? останемся одни,
 Начнемъ въ столицѣ жить и проживаться,
 Войдемъ въ долги, въ иззянъ,
 Хоть года три пройдутъ превесело, положимъ,
 А тамъ, глядишь: имѣнье и крестьянъ
 Мы въ банкъ, какъ водится, заложимъ!
 Признаться: будущиость завидная!.... нѣтъ, нѣтъ,
 Мой лучше планъ: зачѣмъ пускаться въ свѣтъ,
 И разоряться совершенно?

Въ деревнѣ—лучше жить всегда удивленно,
 Въ кругу своей родной семьи;

Объ этой жизни я мечтала и мечтаю,
 Ея прошу, ея желаю!

Да, да, мамъ, въ ней все! всѣ радости мои!
 Тамъ буду я покоить васъ, дѣлать!
 Какъ добрая, чувствительная дочь!

Тамъ, я съумѣю васъ развеселить, разбѣить,
 Въ болѣзни — вамъ сойтись полечти!"

А наши добрые крестьяне какъ желали,
 Чтобъ вы доной прѣехали хоть разъ;
 Въ деревнѣ вы давно ужъ не бывали,
 Они какъ праздника, ждуть васъ!
 Вы ихъ прѣздомъ оживите!

Хозяйствомъ, какъ отецъ, займетесь опять,
 Хоть малое вниманье обратите,
 И будутъ васъ они благословлять!
 Чтò жъ лучше этого? папаша!

Тамъ проживете вы безъ горя лишній годъ,
 Тамъ — жизнь моя и ваша

И удовольствіе и пользу принесетъ!
 Не зная суеты, ни горькаго мытарства,
 Тамъ счастье я найду! а здѣсь — страдаю я!
 Избавьте же меня отъ пышности и барства,
 Вотъ въ чемъ желанье все и просьба къ вамъ моя!

КРУТИНСКІЙ, подумавъ немного.

Гим! гим! какъ вдругъ ты разсуждать пустилась!....

Ужъ слышно, что.... (Курбетову) у васъ училась.

Вы хоть и молоды, а видно, съ головой?

КУРБЕТОВЪ, наивно.

Нѣтъ, тутъ не грѣшенъ я ни тѣломъ, ни душой!

У нихъ своя, природная способность,

Свой взглядъ.... и эта страсть: войти всегда въ подробность....

ВѢРА, нужу.

К чему жъ такъ скромничать? нѣтъ, я должна сказать:

Что если нѣсколько умѣю разсуждать,

То вамъ обязана....

КУРБЕТОВЪ, кланяясь ей.

Благодарю покорно....

Я радъ, что лестное вниманье заслужилъ....

Хоть правда, кой-чему я васъ и научилъ,

Но, если бъ не талантъ, не ваше тутъ желанье,

Мое погибло бы старанье.

КРУТИНСКІЙ.

Да; у нея талантъ, я вижу по-всему:

Противиться отцу, и долгу своему.

(Курбетову) Не правда ли?....

КУРБЕТОВЪ, въ замѣшательствѣ.

Но-эва-ю-съ....

ВЪРА.

Нѣтъ, папаша:

Я дочь покорная и преданная ваша....

КУРБЕТОВЪ.

А я, вамъ преданный, покорнѣйшій слуга....

КРУТИНСКІЙ.

Такъ! ваша преданность мнѣ очень дорога;

Я это все цѣню и понимаю....

УТКИНА.

Ужъ за племянника и я вамъ отвѣчаю,

Что онъ....

КРУТИНСКІЙ.

Ну, да! уменъ, и молодецъ во всемъ!

Вы обѣ мнѣ его довольно нахвалили.

(Курбетову). Такъ докажите жъ ей вы русскимъ языкомъ,
Каковъ ея женихъ? вѣдь вы съ нимъ говорили?

Какъ вы намъ скажете объ немъ?

Ну, можно ль жениха прекраснаго такого,

Критиковать,

И отвергать?

А? говорите же....

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Напугаю я снова!

Подмигивать отцу? или помогать женѣ?...

Взглянувъ на жену и тетку, которыя ему дѣлаютъ разные знаки.

Вотъ видите.... (про себя) что тамъ подмигиваютъ мнѣ?

КРУТИНСКІЙ.

Ну, ну, скажите жъ ваше мнѣнье?....

КУРБЕТОВЪ, ему.

Я... вамъ.... скажу-съ.... (про себя) ой! ой! какое положенье!

Опять замѣтятъ знаки жены и тетки.

Подмигивайте тамъ! пойму я много васъ!

КРУТИНСКІЙ.

Ну, что жъ? должна ль она быть замужемъ?....

КУРБЕТОВЪ.

Должна-съ.

Дѣвцы всѣ затѣмъ на свѣтъ родятся:

Чтобъ подростя... збракoмъ сочетаться;

Ужъ это общій вкъ удѣлъ.

КРУТИНСКІЙ.

Прекрасно! это я и самъ сказать хотѣлъ.

(Дочери) Ты слышишь?... (ему) Такъ женихъ, какимъ вамъ по-
казался?....

КУРБЕТОВЪ, серьезно.

То есть, словесностью онъ мало занимался;

Хоть говорилъ онъ все по-русски мнѣ,

Однако жъ языкомъ владѣть не вполнѣ;

Прекрасный человекъ.... и держится солидно....

Но русской грамоты не жадуешь, какъ видно.

КРУТИНСКІЙ, запальчиво.

Не правда, сударь! вздоръ!

Все русское вполнѣ онъ цѣнитъ, уважаетъ,

Хоть не на службѣ онъ, но это не мѣшаетъ

Однако, ничему!

Онъ, человекъ прекрасный по-всему!

КУРБЕТОВЪ.

Я вѣрю вамъ....

КРУТИНСКІЙ

Да! да! и человекъ солидный!

ВЪРА.

Все такъ, но онъ женихъ — ей Богу, не завидный.

КРУТИНСКІЙ, ей строго.

Вы мнѣ сказали все, извольте же молчать!

(Курбетову) И такъ, любезнѣйшій, прошу васъ, не хотите-ль

Вы, какъ ея наставникъ и учитель,

При мнѣ, какъ должно, ей внушить и доказать:

Должна ль она моимъ желаньямъ быть послушна?

ВЪРА.

Но, папенька.....

КРУТИНСКІЙ, громко ей.

Молчи!.... (Ему) Ну, что жъ?...

КУРБЕТОВЪ, вертится на стулѣ, обмахивается платкомъ, и, не зная что отвѣчать, произноситъ.

Фу!.... какъ здѣсь.... душно!....

КРУТИНСКІЙ.

Вамъ душно?....

КУРБЕТОВЪ.

Да-съ.... и.... такъ.... въ глазахъ темно....

крутинскій, Уткиной.

Старуха! встань, поди и отвори окно.

Опять обращается къ Курбетову.

Ну, сударь мой?...

уткина, про себя.

Охъ! худо намъ приходится!...

Отворяетъ окно.

курбетовъ, про себя.

Охъ! страшно! охъ какъ зѣвъ глазами водить!

Невольнo долженъ роль наставника играть.

крутинскій, нетерпѣливо.

Ну! что жъ вы скажете?

курбетовъ, откашливаясь и принимая
важный тонъ.

Я-съ.... долженъ.... вамъ сказать,

Что.... какъ учитель я.... хотя я.... не обязанъ

Во вѣсь дѣла.... домашнiя входить....

Но, къ ученицѣ я.... такъ искренно привязанъ....

Что.... мнѣнiе мое.... готовъ ей изложить.

Въ этой сценѣ мужъ, жена и тетка, безпрестанно-
стараются знаками другъ другу пояснить что-
то; отецъ ничего не замѣчаетъ.

крутинскій, дочери.

Такъ слушай-же!...

курбетовъ, женѣ.

Мой другъ! неужли вы забыли,

Какъ фактами я вамъ доказывалъ, внушалъ:

Чтобъ вы всегда отцу послушны были,

Который жизнь вамъ даровалъ?

Отецъ! вы знаете ль, какъ важно это слово?

Ужель оно, для васъ такъ чуждо, ново?

Мнѣ кажется, оно

Знакомо вамъ давно?

Лишь вспомните, что это слово значитъ?

Въ немъ все: надежда и оплотъ!

Какого жениха отецъ вамъ ни назначить:

Пусть онъ, дѣйствительно, старикъ или уродъ,

Пусть такъ! вамъ долгъ велить и мать природа,

Благодарить отца и за урода!

Я, вапримѣръ.... (видя ея знаки) ну, ну, не дѣлайте гримасъ!

Не смѣйте возражать! не то, я васъ!... (грозитъ ей).

И такъ, сударыня.... отнюдь не разсуждайте;
 Вы, замужемъ.... обязаны быть, знаете!
 Не правда ль, генералъ?....

КРУТИНСКІЙ.

Конечно!

КУРБЕТОВЪ, продолжая.

Стало быть,

Какъ существо послушное, не злое,
 Старайтесь лишь отцу съ любовью угодить...

ВЪРА, тихо Уткиной, съ досадою.

Я говорю одно, а онъ — поетъ другое!

Къ нему, выказывая свое неудовольствіе.

Андрей Герасимычъ! и вы противъ меня?!

Вы понимаете ль?....

КУРБЕТОВЪ.

Пускай не понимаю!

Пускай противу васъ вооружаюсь я,

Пускай по вашему, я даже вздоръ болтаю....

Какъ быть! а я стою на томъ:

Пусть будетъ такъ, какъ батюшкѣ угодно!

Я, я согласенъ съ нимъ во всемъ.

Быть въ заблужденіи намъ весьма легко и сродно;

Однако жъ, если разберемъ

Всѣ отношенія... то надобно сознаться:

Что иногда, со всемъ своимъ умомъ....

Про себя.

Я началъ глупо завираться!

(Ей) Да-съ! вы вѣдь слабый подъ;

Я вижу... васъ гнѣвить, пугаетъ графа старость,

Вѣра теряетъ терпѣніе.

Но, если въ немъ отецъ всѣ блага вамъ дашель?

Такъ успокойтесь же! не приходите въ ярость!

Пожалуйста.... вы просто вѣѣ себя!...

КРУТИНСКІЙ, смотря на дочь.

А!... видно дѣлаю?...

КУРБЕТОВЪ.

Еще бы!

Какое дѣлаю?....

Дѣлаетъ жемъ знаки, чтобъ она не сердилась.

КРУТИНСКІЙ, ей.

Постой! вотъ мы тебя!

Не испугаемся ни слезъ твоихъ, ни злобы,
Поставимъ на своемъ! я жь графу слово далъ.

КУРБЕТОВЪ.

Какъ! ужъ и слово дали? ну, напрасно.

КРУТИНСКІЙ, строго.

На-пра-сно? это что?

КУРБЕТОВЪ, струсивъ.

Да такъ.... я.... такъ сказалъ....

(Тихо ему) Не должно дѣйствовать такъ круто, самовластно....

КРУТИНСКІЙ.

Э! я привыкъ такъ дѣйствовать давно;
Пусть это мой и грѣхъ, и недостатокъ,
Но измѣняться мнѣ ужъ поздно, мудроно:
Мнѣ, братъ, пошелъ давно шестой десятокъ.
Когда я чтò задумалъ, пожелалъ,
Такъ никому, ни въ чемъ, на шагъ не уступалъ!

КУРБЕТОВЪ.

Ну, слишкомъ на себя не должно полагаться....

А если, вдругъ?...

КРУТИНСКІЙ.

Что вдругъ?...

КУРБЕТОВЪ.

Да вдругъ, иной,

Захочетъ прямо съ вами состязаться?...

Тогда....

КРУТИНСКІЙ.

Нѣтъ! трудно, милый мой!

Я всякаго молчать и слушаться заставлю!

Хоть ты тутъ волкомъ вой, а на своемъ поставлю!

ВЪРА, Уткиной тихо.

Попробую.... (отцу) такъ, папенька, и я,
Хотя обязана вамъ быть всегда послушной....

Но, здѣсь.... клянусь! увянетъ жизнь моя!

Я въ свѣтской жизни вѣкъ останусь равнодушной;

Когда же вы, изъ видовъ и связей,

Готовите, какъ будто въ наказанье,

Печаль и зло, для дочери своей....

Позвольте жь.... сдѣлать вамъ.... формальное признанье....

Т. ХСѪП. — Отд. I.

КРУТИНСКІЙ.

Признавье?... какъ? какое? въ чемъ?

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Ну, вотъ!

Изволь тутъ понимать любое:

Я говорю одно, — она — соасѣмь другое!

Дѣлаетъ знаки, чтобъ она никакъ не признавалась.

уткина, про себя.

Охъ! что-то страхъ меня беретъ!...

Дердаеть вѣрочку за конецъ ея платья.

КРУТИНСКІЙ.

Ну!... въ чемъ же хочешь ты признаться?

ВЪРА.

Въ томъ.... папедка....

КУРБЕТОВЪ, перебивая ея.

Да полно те, ни въ чемъ!

Все это.... такъ.... (про себя) бѣда!...

ВЪРА, нужу.

Напротивъ: въ томъ,

Что съ графомъ мой союзъ не можетъ состояться!

КРУТИНСКІЙ.

Не-можетъ?... (запальчиво) ну, такъ я-жъ вамъ докажу....

ВЪРА, громко и рѣшительно.

Не можетъ! нѣтъ! я вамъ рѣшительно скажу!

Чтобъ онъ не сватался! Хотя онъ меня и любитъ,

Но, я....

КУРБЕТОВЪ, дѣлая ей снова знаки, говорить про себя со страхомъ.

Она меня погубить!

ВЪРА, также.

Съ нимъ буду я несчастлива вполнѣ;

Сердитесь на меня, браните,

Хоть дѣлайте со мною, что хотите....

(Твердо) Но, никогда не быть за графомъ мнѣ!

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Ай! ай!...

КРУТИНСКІЙ, въ сильномъ волненіи.

Не быть?...

КУРБЕТОВЪ, также.

Я умираю!

КРУТИНСКІЙ, вскрикнувъ.

А, если....

ВЪРА.

Нѣтъ, не быть! я это знаю!

Клянусь вамъ всѣмъ, что я не лгу!

Я не хочу! не въ силахъ.... не могу!

КРУТИНСКІЙ.

Увидимъ! (Быстро оборачиваясь къ Курбетову, который вслѣдственно старается принять спокойный видъ). Что-это? она....
 вся измѣнилась....

Уткина, подходя.

Петръ Николаевичъ! и я вѣрну....

КРУТИНСКІЙ, строго,

Молчи!!

Тихо Курбетову.

Скажи-ка мнѣ: въ деревнѣ живучи,

Неужто тамъ, она, въ кого-нибудь влюбилась?

А?...

КУРБЕТОВЪ.

Кто? она-съ?...

КРУТИНСКІЙ.

Ну, да! скажи мнѣ въ двухъ словахъ!

КУРБЕТОВЪ, видя, что жена показывается
 что-то жестики.

Не знаю.... впрочемъ.... чтожъ! она.... въ такихъ лѣтахъ,
 что.... вѣтъ мудренаго.... въ деревнѣ, вамъ признаться:
 Немножко чувства ихъ къ развитію стремятся;
 Тамъ, воздухъ, знаете.... природы красоты,
 Способствуютъ....

КРУТИНСКІЙ.

Вотъ что!... и знаешь ты,

Кто тамъ клялся ей въ нѣжной страсти?

КУРБЕТОВЪ, струсивъ.

Нѣтъ-съ.... тамъ я состоялъ лишь по учебной части.

Вотъ, лучше тетюшку извольте допросить....

КРУТИНСКІЙ, долго и пристально поско-
 трѣвъ на дочь, потомъ на
 Утку.

Ну, Вѣрочка, чтобъ намъ на-вѣкъ не разбранишься,

О свадьбѣ, мы, пока оставимъ говорить;

Какъ хочешь ты, а надо жъ согласиться.

Я вижу, какъ въ деревнѣ жили вы....

Туда тебя я больше не отправлю, —

Такъ выкинь вздорныя мечты изъ головы!
Вѣдь я намѣреній своихъ ужъ не оставляю.

Смотрить на часы.

Ну, полно же сердиться, горевать,
Вопль.... скоро два часа.... изволь-ка одѣваться,
Пойдемъ со мной немножко погулять.

ВѢРА.

Но, шапелъка....

КРУТИНСКІЙ.

Ну, ну, прошу не возражать!
Смотри: чтобъ мнѣ не долго дожидаться.

Уходитъ въ кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢЖЕ, кромѣ КРУТИНСКАГО.

ВѢРА, съ досадою приступая къ мужу.

Помилуй! чтожь ты дѣлаешь?!..

КУРБЕТОВЪ.

А что?

ВѢРА.

Вѣдь ты меня и бѣсишь и терзаешь!
Ты говоришь ему совсѣмъ не то!
Да и не слушаешь меня, не понимаешь!
Ахъ! Боже мой!..

КУРБЕТОВЪ, передразнивая ее.

Ахъ, Боже мой! ахъ! ахъ!
Да я и такъ, и этакъ, лезъ изъ кожи!
На васъ не угодишь; хоть будь тутъ самъ Аллахъ!
Къ чему гримасы тутъ?

Показываетъ, какъ онъ дѣлалъ ему разные знаки.

УТИНА.

Къ чему ты строишь рожи?

ВѢРА.

Да, да; вѣдь ты ужъ слышалъ, что ему
Я начинала признаваться?

КУРБЕТОВЪ.

Ну, слышалъ.

ВѢРА.

Такъ къ чему

Какъ на смѣхъ, на меня ты сталъ вооружаться?
 Поддакивалъ ему, вздоръ всякій говорилъ,
 Къ чему это? вѣдь это преобидно!

КУРБЕТОВЪ, съ досадою.

Да вотъ ей совѣтъ меня тутъ съ толку сбилъ!
 (Уткиной) Скажите, тетушка: ну, какъ же вамъ не стыдно?

Ну ужъ какой въ совѣтахъ вашихъ прокъ?
 Сдѣть бы вамъ, молчать, вязать чулокъ,
 Или: разглаживать сорочки, да манжеты,
 Такъ вѣтъ; дастъ совѣты!

УТКИНА.

Ахъ, Господи! да что жъ? в я хочю помочь....

КУРБЕТОВЪ, отводя ее въ сторону.

Нѣтъ! лучше ужъ подите прочь!...

Не суйтесь тутъ, изъ пустяковъ не бойтесь,
 Подите, лягте тамъ, иль кофею напейтесь,
 А то, чрезъ васъ опять мы попадемъ въ-просакъ.

ВЪРА.

Ну, спорить нечего; онъ дѣйствуетъ такъ круто,
 Что мѣшкать намъ нельзя никакъ;

Теперь, вотъ, самая удобная минута:
 (Мужу) Иди теперь, открой ему нашъ бракъ!

КУРБЕТОВЪ, въ испугѣ.

Что? я къ нему пойду? Э! извините!
 Вамъ не угодно-ли? извольте-ка.... подите....

ВЪРА.

Какъ, мнѣ?...

КУРБЕТОВЪ.

Да; вамъ приличнѣе всего;
 Какъ дочь, вы можете скорѣй смягчить его:
 Вы начали, такъ все ужъ и откройте...
 А я, боюсь! уйду!...

Хочетъ бѣжать.

ВЪРА, удерживая его.

Вотъ мило! какъ! постоитъ....

КУРБЕТОВЪ.

Нѣтъ, ангелъ мой! ей-Богу, не могу!
 Онъ съѣстъ меня!

ОБЪ.

Вотъ вздоръ!

КУРБЕТОВЪ.

Убить! согнеть въ дугу!

вѣра, рѣшительно.

Неправда! вы, какъ мужъ законный мой, оставите

Тенерь не можете меня!

Открыться вы должны! свои права представить,

Я — женщина, — а вы — мужчина...

КУРБЕТОВЪ.

Знаю я!

И за тебя готовъ отдать.... хоть душу!

Ты такъ добра и хороша....

Но, знаешь ли, моя душа:

Я генеральской-то души ужасно трушу!...

вѣра.

Но, надо жъ наконецъ рѣшиться какъ-нибудь!

КУРБЕТОВЪ.

Нѣтъ! за порогъ туда боюсь перешагнуть!

Отходить на правую сторону сцены, жена и тетка за нимъ; въ эту минуту изъ кабинета выходятъ Крутинскій, со шляпкой и палкой въ рукахъ; дѣйствующія его не замѣчаютъ.

УТКИНА.

Стыдись!...

КУРБЕТОВЪ.

Ахъ, тетюшка! а какъ дойдетъ до схватки?

Хоть я.... не то! чтобы.... я.... не боюсь, ви чуть....

А все-таки.... душа уходитъ въ пятки!

вѣра, выразительно.

Стыдитесь! вы мой мужъ! Онъ долженъ наконецъ

Простить, что мы тихонько обвѣчались!

объ, ободряя его.

Смѣльи!...

крутинскій, произноситъ громовымъ голосомъ.

Что слышу я!? Творецъ!!!

Падаетъ въ кресла, роняя изъ рукъ шляпу и палку.

КУРБЕТОВЪ, вѣра и уткина, видѣвъ.

Ай! ай! попался!..

Уткина убѣгаетъ въ страхѣ, Курбетовъ хочетъ схватить то же, но жена смлой старается его удержать.

вѣра, повелительно.

Уйти нельзя! смѣльи! (отцу съ-трепетомъ) да, батюшка, онъ вамъ

Разскажетъ все!

Мужу, который снова хочетъ убивать.

Стыдись! куда ты?

(Отцу) Вы отказать должны всемъ здѣшнимъ жёнихамъ...

Конечно... мы прѣмного виноваты!...

Но, если бъ вы не написали такъ:

«Что здѣсь заранѣе судьба моя рѣшилась»,

— Когда бъ не угрожалъ насильственный мнѣ бракъ,

Я... никогда бъ не провинилась!

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

КРУТИНСКІЙ и КУРБЕТОВЪ, стоятъ и видимо думаютъ.

КРУТИНСКІЙ, въ сильномъ волненіи.

Я... я убить!... (Всканиваетъ съ мльста и грозно обращается къ Курбетову). Кто вы?...

КУРБЕТОВЪ, про себя.

Ну! панъ — или пропазь!

КРУТИНСКІЙ, съ крикомъ.

Кто вы, сударь?

КУРБЕТОВЪ, отступая.

Кто... я съ?... (про себя) какъ быть? на что рѣшиться?

КРУТИНСКІЙ.

Ну! скажете-ль? кто вы?...

КУРБЕТОВЪ, учтиво.

Позвольте... генераль....

Я васъ прошу... не горячитесь:

Вашъ вредно... знаете, кто отживаетъ вѣкъ....

КРУТИНСКІЙ.

Тотъ хочетъ знать — кто вы?

КУРБЕТОВЪ.

Кто я?... (рѣшительно) да человекъ!

Такое жъ, Вошѣ, двуногое созданье....

Хоть не съ такимъ, какъ вы, умомъ....

Но, съ головой однако жъ, в притомъ....

КРУТИНСКІЙ.

Что жъ? что еще?...

КУРБЕТОВЪ.

Притомъ, вѣтъ званіе!

КРУТИНСКІЙ.

Какое же? ну, ну! чѣмъ Богъ васъ надѣлилъ?...

КУРЕКТОВЪ.

Хоть я.... не важная особа.... не сенаторъ,
Хоть мало я въ провинціи служилъ,
Но все жъ, коллежскій я....

КРУТИНСКІЙ.

Совѣтникъ?...

КУРЕКТОВЪ, съ достоинствомъ.

Регистраторъ!

КРУТИНСКІЙ, въ бѣшенствѣ.

Какъ! регистраторъ!!!

КУРЕКТОВЪ, про себя.

У! зарѣзалъ старика!

(Ему) Я чиновникомъ не зараженъ пока.

КРУТИНСКІЙ.

И ты осмѣлился жениться?

А? для чего? къ чему? за что попуталъ Богъ?

Какъ смѣли, безъ меня, на это вы рѣшиться?

КУРЕКТОВЪ.

Да лучше.... ничего.... я выдумать не могъ.

Конечно, мы премного виноваты:

А душе я: виновнымъ буду вѣкъ!

Я очень бѣдѣю, вы, — богаты....

Но, все-таки, въ душѣ, я честный человѣкъ!

КРУТИНСКІЙ, занятый одною мыслью.

За ре-ги-стра-то-ромъ!! Нѣтъ, это невозможно!

Какъ это сдѣлалось? скажи мнѣ! все открой!

Ты обольстилъ ее? ты обманулъ безбожно!

Нельзя ей быть твоей женой,

Ни по родству, ни по имѣнью,

Ни почему нельзя тебя мнѣ зятемъ звать!

Ты понимаешь ли?...

КУРЕКТОВЪ, хладнокровно.

Такъ съ.... такъ-съ.... но, къ сожалѣнью,

Я все-таки вашъ зять.

КРУТИНСКІЙ.

Проклятый человѣкъ! да какъ же такъ случилось?

Какъ это сдѣлаться могло?

КУРЕКТОВЪ.

Судьба, любовь, стихи... все тутъ соединилось,

Да въ прозѣ грозное письмо отъ васъ пришло.
 А я ужъ тамъ снискалъ завидную извѣстность!
 Тамъ многихъ сталъ дѣвицъ учить и просвѣщать,
 И съ вашей дочкою взяли мы за словесность,
 И... слово за слово, все стали изучать.

По совѣсти, фундаментально,
 Предметовъ съ ней довольно мы прошли...

Ну, и при этомъ, натурально,

Знакомство такъ свели

По-русски, искренно, — что тутъ и дружба вкралась,

А чувство это, какъ-то ужъ въ крови...

Потомъ, у насъ страстишка оказалась :

Пройти, какъ слѣдуетъ, теорію любви....

КРУТИНСКІЙ.

Что ?!

КУРБЕТОВЪ, быстро.

Но безъ практики! безъ всякихъ увлеченій!

Анализировать хотѣли мы другихъ...

Какъ вдругъ, отъ васъ *письмо!* велитъ безъ разсужденій :

«Чтобъ дочь пріѣхала! что есть у ней женихъ!

«И прочая....» — Ну, тутъ, не думанно, не жданно

Такъ поразили вы ее,

Такъ на нее подѣйствовали странно...

Что тутъ любовь сейчасъ взяла свое!

Дочь ваша плакала, сердилась, — хоть однако

Я утѣшалъ какъ могъ... да видно не вполнѣ!

Она не слушала, лишь представляла мнѣ

Все зло, всѣ ужасы насильственного брака!

Мнѣ стало жаль... къ тому-жъ, природы я такой,

Что радъ сочувствовать дѣвицѣ молодой!

КРУТИНСКІЙ, съ крикомъ.

Да кто тебя просилъ сочувствовать?...

КУРБЕТОВЪ.

Нельзя же....

Помилуйте, вѣдь я ее училъ,

Я за ея развитіемъ слѣдилъ,

Я, такъ сказать, тутъ былъ на стражѣ,

Чтобъ въ упущеніи себя не упрекнуть.

Я сталъ доказывать: замѣйте, васъ не зная...

Что власть отца — священная, святая!

И дочери не слѣдуетъ отнюдь

Боятся, что отецъ ее страдать заставитъ.

(Хоть впрочемъ есть у насъ отцы

Такие молодцы,

Что счастье дочѣры нѣмой и въ грошъ не ставитъ).

крутинскій.

Какъ?..

КУРБЕТОВЪ.

Это не про васъ.... Вамъ только бы надо скрытъ
Свой планъ, и къ намъ самимъ прѣхать потрудитесь;
Тогда бы, не пришлось мнѣ съ вами породниться.

крутинскій.

Какъ! чортъ возьми! ты сталъ еще учить
Меня, на старости?..

КУРБЕТОВЪ.

Что жъ! если, взять серьезно...

Учиться никогда не поздно.

крутинскій.

Пусть такъ; но, какъ ты смѣлъ жениться? ты вѣдь зналъ

Что дочѣ моя совсѣмъ тебѣ не пара?

КУРБЕТОВЪ.

Вѣдъ зналъ! но, добрый генералъ!

Когда вотъ вспыхнетъ тутъ.... (указывая на сердце) огонь страш-
нѣйшій погмѣра!

Тутъ ужъ забудешь разсуждать!

Чего бы и нельзя, а кажется все можно!

крутинскій.

Твой долгъ былъ: отъ нея стараться убѣгать,

А ты ей льстилъ, да подличалъ безбожно!

КУРБЕТОВЪ.

Нѣтъ, увѣрю васъ....

крутинскій.

Да! да!

Я знаю вашу братью:

Гдѣ пріютятъ васъ господа,

Вы пристращаетесь не къ дѣльному занятю,

А лишь стараетесь невинность развратить,

Вбить въ голову мечты, да разныя химеры,

Чтобы себя заставить полюбить!

Или твердите мнѣ, что есть, дескать, примѣры,

« Гдѣ барышни безродныхъ вѣдьяковъ

« Скорѣй достойными находятъ,

« Что безъ согласія отцовъ

« Частенько за-мужъ здѣсь выходить! » —

— И такъ, всё глупости, всё пошлости, нвой
 Неопытной, когда нашепчуть въ уши,
 То, разумеется, дѣвченокъ молодой
 И кажется, что Богъ соединилъ ихъ души!

Тогда, какъ это все обманъ,
 Пронирство гнусное! чтобы разстать съ ти,
 Войти въ родство, набить карманъ,
 Чтобъ послѣ каялись и мы, и наши дѣти!

Сильно наступилъ на мѣсто.

Ну, кто вы? что такое? что мнѣ въ васъ?
 Ужиться съ вами есть ли мнѣ возможность?
 Хоть чѣмъ-нибудь — достоинъ ли ты насъ?

КУРЕТОВЪ.

Позвольте: я....

КРУТИНСКІЙ.

Что ты? ты жалкая ничтожность!

КУРЕТОВЪ.

Помилуйте!....

КРУТИНСКІЙ.

Помилуйте! кого?

Какая мнѣ утѣха жить съ тобою?

Когда въ тебѣ нѣтъ даже и того,

Чтобъ оправдать ты могъ родство со мною,

Пусть хоть не именовъ, не знатною родней,

Хоть благородной бы и чистою душой!

(Самъ съ собою) А то, вотъ глупыя влюбленныя дѣвчонки

Кого изволятъ выбирать,

Кого изволятъ обожать:

Въ комъ нѣтъ и не было ни чести ни душечки!!

КУРЕТОВЪ. съ силою возвышая голосъ.

Да какъ вы смѣете такъ на меня кричать?

Остановитесь!....

Вѣдь я и самъ, когда примусь орать, —

Такъ только что держитесь!...

Я сирота, бѣднякъ,

Но оскорблять себя я не позволю!

КРУТИНСКІЙ

Что? какъ? какъ такъ?.....

КУРБЕТОВЪ, одушевляясь,

Да вотъ ни такъ, ни сякъ, ни какъ!

Хотя родительскую волю

Я уважать готовъ весь вѣкъ ;

Радъ вѣрить я: что вы честивѣйшій человекъ,

Что чисты вы душой, что умъ вашъ превосходенъ;

Я вѣрю этому, какъ ваша вся семья....

Прошу же вѣрить, что и я

Не меньше васъ, быть можетъ, благороденъ!

КРУТИНСКІЙ.

Ты? ты?...

КУРБЕТОВЪ, перебивая съ энергіей.

Да, сударь, я! Скажу открыто вамъ:

Что никому себя въ обиду я не дамъ!

Въ поступкѣ я неопытномъ, не зрѣломъ,

Быть-можетъ, мало рассуждалъ,

Но, ни однимъ безчестнымъ, подлымъ дѣломъ

Моей души не запятналъ!

КРУТИНСКІЙ, съ ироніей.

Я думаю!....

КУРБЕТОВЪ.

Да! думайте и знайте:

Что вашу дочь я чисто полюбилъ!

Прощайте вы меня или не прощайте,

Но съ нею я въ законный бракъ вступилъ!

Дочь ваша чувствуетъ, что я ея достоинъ!

Пусть мы породою не равны....

Однако жъ, мой отецъ, былъ честный русскій воинъ,

Погибшій нѣкогда за честь родной страны!

Я человекъ простой и бѣдный, точно:

За то не негодай, не мотъ и не игрокъ!

По-идему: была бъ лишь совѣсть безпорочна,

А бѣдность — не порокъ!

Лишайте дочь приюта и нѣвня,

Мнѣ все равно: я такъ ее люблю,

Что съ помощью усердья и терпѣнья,

Трудами рукъ своихъ жену я прокормлю!

Брильянты, деньги, все передо мной кладите....

Не нужно! дѣло рѣшено!

Хоть сотни тысячъ вы теперь мнѣ предложите,

Все выброшу въ окно!

Пусть я ничтоженъ, незвѣстенъ,
Но я не меньше васъ самолюбивъ и честенъ!

Я чувствую, во мнѣ таланты есть!
Такъ я всегда найду и деньги и дорогу!
Въ Россіи нынче, слава Богу,
Честнымъ трудомъ все можно приобрѣсть!
Живи-себѣ, старикъ, живи обремененный
Грѣхами, злобою, живи, гордись себѣ!

Но помни, тещюшка почтенный,
Что не нуждаюсь я въ тебѣ!

КРУТИНСКІЙ, запальчиво.

Какъ! ты еще мнѣ смѣлъ?....

КУРБЕТОВЪ, громче,

Все смѣю! Кто не знаетъ,
Какъ надобно дѣтей беречь и наблюдать,
Кто неумышленныхъ проступковъ не прощаетъ,
Того я не могу любить и уважать!

КРУТИНСКІЙ, съ угрозою.

Послушай!...

КУРБЕТОВЪ, также.

Не хочу! угрозы я не боюсь!
Что сдѣлано, того не воротить!
Отъѣздомъ я сейчасъ распоряжуся,
Чтобъ часу въ тягость вамъ не быть!

Обращаясь въ глубину.

Жена!.... (ему) а чтобъ свой вѣкъ дожить вамъ веселѣе,
Я лучше сдѣлаю: хоть трудно.... но рѣшусь!

КРУТИНСКІЙ.

На что?....

КУРБЕТОВЪ.

Для васъ.... съ моей женою разлучусь!

Съ крикомъ обращаясь въ глубину.

Жена и тетюшка! сюда! сюда скорѣ!....

КРУТИНСКІЙ.

Какъ смѣешь ты въ моемъ дому повелѣвать?....

КУРБЕТОВЪ.

Ну, ну, пожалуйста.... прошу васъ не кричать!
Теперь я такъ взбѣшенъ, что всѣхъ молчать заставлю!

КРУТИНСКІЙ, съ презрѣніемъ.

Ты?!

КУРБЕТОВЪ, ОТЧАЯННО.

Да! любезнѣйшій мой тестюшка! да! да!!

Особенно, когда обижень я... тогда

Я цѣлый домъ вверхъ дномъ поставлю!!!

Снова зоветь и даже стучить ногами.

Жена!!!

КРУТИНСКІЙ, НЕВОЛЬНО ОТСТУПАЯ.

Каковъ! да онъ....

КУРБЕТОВЪ.

Жена! сюда! скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ, ВѢРА и УТКИНА.

КУРБЕТОВЪ, беретъ жену за руку и говоритъ ей очень серьезно.

Мой другъ!... въ винѣ покайтесь своей....

И у отца во всемъ прощенія просите!

Ошибку нашу мы исправимъ кое-какъ;

Пусть бѣдѣнь я! да мнѣ Господь поможетъ!

Крутинскій, выслушавъ это, съ безпокойствомъ начнетъ ходить по комнатѣ, не зная, что дѣлать.

Но честелюбїа и гордости червякъ

Его пока сосеть и глометъ.

Показавъ на Крутинскаго,

Останьтесь при отцѣ, старайтесь угождать,

А я, сейчасъ въ дорогу!

Терпите все! молитесь Богу!

И обо мнѣ, подь-часъ, прошу не забывать.

Мнѣ тяжело съ тобой разстаться,

И въ жизни никакой отрады не имѣть....

Но, лучше отъ всего на свѣтѣ отказаться,

Посмотрѣвъ на Крутинскаго.

Чѣмъ униженіе терпѣть!

Съ чувствомъ цѣлуетъ жену и переходитъ къ Уткиной.

Ну, тетюшка, намъ жить нельзя здѣсь, и не кстати!

Въ деревню, маршъ!...

онъ, вмѣстѣ.

Какъ!...

КУРБЕТОВЪ.

Да! тамъ уважаютъ насъ!

Тихо, обращаясь къ теще.

Прощайте!.. а когда придетъ ваша смертная часть....

Авось вы вспомните о бѣдномъ вашемъ зятѣ!

Грошко.

Въ дорогу, тетушка! скорѣй, всему конецъ!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, кромя КУРБЕТОВА.

ВЪРА, въ страхѣ.

Онъ ѣдетъ! Боже мой! Царя, что это значить?..

КРУТИЦСКІЙ, въ волненіи.

А то, сударыня, что мужъ твой — сор-ва-нецъ!

Который хотъ кого собьетъ и озадачить!

Кричитъ.

Остановить его!... (Самъ съ собою, потирая руки). Онъ.... впро-
чемъ.... молодецъ!...

Съ амбиціей... съ характеромъ... съ душенькой!

Къ дочери, строго.

Такъ такъ-то, вы?...

ВЪРА.

Простите!...

КРУТИЦСКІЙ, сквозь зубы.

Я съ тобой!...

Уткиной.

А ну же, съ этою безмозглою старушкой!

Чего смотрѣла ты?...

УТКИНА, падая въ ноги,

Прости, родимый мой!

Ужъ видно надобно такой бѣдѣ случиться....

Я слабый человѣкъ.... уѣхавши отсюда,

Хочу, за то покаяться, постыться,

По крайней-мѣрѣ — шесть недѣль!

КРУТИЦСКІЙ.

А! струсила небось, когда ужъ обманида?...

УТКИНА.

Да, слабый человѣкъ! струдумал!

Неужто не простите вы?

Она племянника давнымъ-давно ужъ любить!

Петръ Николаевичъ! повинной головы

И мечъ не рубить!

Прости, родной!...

ВѢРА, съ чувствомъ.

Нѣтъ, папенька: она

Почти ни въ чемъ не виновата!

Во всемъ виновна я одна!

Его любила я, сперва какъ друга, брата,

Когда же грозное письмо отъ васъ пришло,

Я испугалась! на васъ, на всѣхъ сердилась!...

Насъ разлучить тогда ни что ужъ не могло!

И я на этотъ бракъ рѣшилась!

Лаская отца.

Папашенька! голубчикъ! добрый мой!

Простите же меня, простите!

Неужто мужъ на-вѣкъ разстанется со мной?

За что меня вы уморите?

Онъ васъ такъ искренно, такъ вѣжно полюбилъ!...

КРУТИНСКІЙ, смягчась.

Да.... да.... и отъ любви, чертовски нагрубилъ!

Вотъ, я его! Гдѣ онъ? гдѣ онъ, негодный?...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и БРАЦКІЙ, входитъ при послѣднемъ словѣ.

БРАЦКІЙ.

Я здѣсь, мой другъ!...

всѣ, въ замѣшательствѣ.

Ахъ!... графъ!...

Уткина уходитъ за племянникомъ.

БРАЦКІЙ, про себя, наблюдая за Вѣрою.

Какъ жаль!... во, погляжу:

Правдивъ ли, Болтовня, соперникъ благородный?...

Въ ужасъ.

Помѣшана?... она?... ай! ай!...

КРУТИНСКИЙ, про себя.

Что я сделаю?...

Подходить къ Брацкому, жметъ руку и произносить со вздохомъ.
Любезный другъ!... у насъ случилось несчастье!...

БРАЦКИЙ, съ испугомъ, вполголоса ему.

Какъ! ты и самъ ужъ все узналъ?...

Мнѣ то же Болтовня за тайну разсказалъ.

Съ большимъ участіемъ.

Неуже ли?!...

КРУТИНСКИЙ.

Да!...

БРАЦКИЙ, качая головою.

Какъ жаль!...

КРУТИНСКИЙ, снова жметъ ему руку.

Спасибо, за участіе!...

БРАЦКИЙ, такъ же все вполголоса.

Давно ли.... это.... сдѣлалось?...

КРУТИНСКИЙ.

Да вдругъ.

Передъ отъѣздомъ, тамъ.... и здѣсь вотъ все скрывали!
(Посмотрѣвъ на него) Ну, что теперь?... что сдѣлаешь?...

БРАЦКИЙ.

Мой другъ!

Мнѣ жаль ее, душевно!... но.... едва ли

Тутъ можно пособить?...

КРУТИНСКИЙ.

Да.... трудно. Моего письма вишь испугалась!

И вотъ, поди ты съ ней!... ну, просто помѣшалась!

БРАЦКИЙ, наблюдая за нею.

Да... да.... я вижу.... жаль!...

КРУТИНСКИЙ.

Такъ — какъ, скажи, намъ быть?

БРАЦКИЙ.

Вотъ какъ: вѣдь это все въ деревнѣ съ ней случилось?

КРУТИНСКИЙ.

Да, тамъ.

БРАЦКИЙ.

Такъ ты, побреуй, чтобъ она....

Незна ли, чтобъ опять въ деревню удалась?

Уткина входитъ одна и говоритъ тихо съ Врѣй.

Т. ХСVII. — Стл. 1.

Тамъ лучше для нея.... тамъ, знаешь: тишина,
Уединеніе.... все это, помогаетъ....

КРУТИНСКІЙ.

Да и она меня объ этомъ умоляетъ!

БРАЦКІЙ.

Такъ поѣзжай! ужъ тутъ нейдѣ на-перекоръ!...

КРУТИНСКІЙ, жметъ съ чувствомъ руку.

Спасибо за совѣтъ!...

ВѢРА, тихо Уткиной.

Что тамъ за разговоръ?...

КРУТИНСКІЙ, дочери ласково.

Ну, Вѣрочка, чтобъ здѣсь не стали всѣ смѣяться,
Чтобъ скрыть домашнюю исторію, такъ ты
Ужъ такъ и быть! изволь въ деревню собраться!
Уйдемъ завтра жъ всѣ, отъ зла и суеты!

ВѢРА, въ восторгѣ.

Возможно ль! папенька! голубчикъ! добрый! рѣдкій!
Какъ васъ благодарить? не знаю, право я!...
О! тамъ.... тамъ оживетъ вполне душа моя!

Цѣлуетъ отца.

БРАЦКІЙ, про себя.

Какой огонь въ глазахъ, провозительный и ѣдкій!...

ВѢРА, бросаясь къ Брацкому.

Ахъ! добрый графъ! такъ вы не сердитесь?...

БРАЦКІЙ, отступая со страхомъ.

О! нѣтъ!...

Мнѣ.... только.... жалъ!...

ВѢРА.

Что жъ дѣлать? извините....

За то, что дали вы прекраснѣйшій совѣтъ,

Хочетъ взять его за руку.

Благодарю васъ, графъ!...

БРАЦКІЙ, отходя съ большою робостью.

Зачѣмъ?... не хлопочите....

ВѢРА, наступая.

Нѣтъ, нѣтъ! я васъ должна обнять!

Благодарить, расцѣловать!...

БРАЦКІЙ, въ ужасѣ.

Не нужно! нѣтъ! (про себя) тутъ всякій струситъ!
Она въ жару, въ огнѣ.... она легко укуситъ!

Тогда на что ужъ я гонусь?...

КРУТИНСКІЙ.

Позволь ей, графъ....

БРАЦКІЙ, вертится, ежится и труситъ.
 Mille-grâces!... объятий я боюсь!...

ВЪРА.

Ну, какъ угодно.... Гдѣ жъ, гдѣ мой Андруша БѢДНЫЙ?...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ и КУРБЕТОВЪ, въ пальто и фуражкѣ.

КУРБЕТОВЪ, мрачно.

Онъ здѣсь! въ послѣдній разъ!...

КРУТИНСКІЙ, смѣясь.

Ну! такъ!

Какъ Гамлетъ бродитъ онъ: отчаянный и блѣдный!...

(Топчетъ ногою) Поди сюда!...

КУРБЕТОВЪ, увидя Брацкаго, про себя.

А! здѣсь опять, Киргизъ-Кайсакъ!...

КРУТИНСКІЙ.

Ну, руку, миръ! все кончено! забыто!

Давай же руку, грубиянъ!...

КУРБЕТОВЪ, спрашивая жену и тетку.

Возможно ль?... миръ?...

ВЪРА и УТКИНА, вѣстѣ.

Да! да!...

КУРБЕТОВЪ, съ восторгомъ.

Какъ это знаменито!!!

О! вы шлопѣ отецъ!... а я.... а я, болванъ!

Я всѣмъ немоцѣннѣлъ, не понялъ, разобидѣлъ.... (обнимая его)

Бѣжать къ женѣ и теткѣ.

Мой ангелъ! тетушка! я ожилъ! свѣтъ увидѣлъ!

Нѣтъ, нѣтъ, отъ радости.... темно въ глазахъ!... да я....

Да я съ ума сойду! я помѣшаюсь!...

БРАЦКІЙ, про себя, со страхомъ.

И онъ!... ну, цѣлая семья!

(Вслухъ) Прощайте!...

Раскланывается и уходитъ.

КУРБЕТОВЪ.

Всѣ? попрощайте! прощаю-сь!

(Проводитъ его) Какой прекрасный человекъ,
 Ардалионъ Михайлычъ Брацкій!
 Жаль только, что ужъ отжилъ вѣкъ,
 И взглядъ такой.... киргизъ-кайсацкій.

Обиная тестя.

Клянусь! отыщи васъ, какъ сынъ — отца любить!
 Лелѣять васъ, рабомъ для васъ служить!

УТКИНА.

И я....

ВЪРА, обвиняя отца.

О, да! теперь мы васъ ужъ не обидимъ!

КРУТИНСКІЙ.

Что было — то прошло! что будетъ — то увидимъ!

КУРЕЕТОВЪ.

Да ужъ теперь, когда простилъ отецъ,
 Такъ дѣлу я.... конецъ!

П. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

БЪДНЯЖКА.

=

Б Ы Л Ь .

=

I.

Много есть страданій, которыя не кончаются съ жизнью, но оканчиваютъ ее....

Жанъ-Поль.

Зима стояла чисто русская , морозная зима, чудесная зима!...

Это было послѣ знаменитаго нашествія холеры.

Москва, послѣ полугодоваго страху и безпокойства, послѣ чесноку и хлоровой воды, принялась опять за свои удовольствія , засіяла снова своимъ характеристическимъ блескомъ и патриархальнымъ разгуломъ.

Въ среду, вечеромъ, танцовали у графини Лелевой. Графиня, всегда отличавшаяся изяществомъ и роскошью своихъ вечеровъ, въ этотъ разъ собрала у себя всѣ цвѣтки, весь блескъ, всю аристократію Москвы. Домъ графини Лелевой былъ освѣщенъ чрезвычайно ярко.

Суетались на узкой мостовой, суетились по огромнымъ комнатамъ, куда фалангой входили новые посѣтители. Хозяйка не заботилась о гостяхъ; не упрасивала танцовать, не хлопотала, чтобы въ-время разносились фрукты и лимонадъ; но и безъ ея суетливости танцовали, играли въ карты, повиновались законамъ бала. Все дѣлалось какъ-бы само собою. По разнымъ угламъ сидѣли вѣчныя кадрили виста; изрѣдка долетали до проходящихъ отрывистыя рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: «Пятый мѣсяць выиграть не могу». — «Помидуйте, какъ вамъ въ черви, у васъ пики». — «Козырните вы, — бубны наши». Но нельзя уже было ни воротить пяти мѣсяцевъ, ни пойти въ пики, ни козырнуть.

Музыка оглашала длинную залу, гдѣ бѣсновалось людское самолюбіе. Утонченность и роскошь нарядовъ останавливали вниманіе наблюдателей и наблюдательницъ.

Какъ хотите, а сумасбродная роскошь нарядовъ необходима на балѣ: когда все такъ свѣтло, такъ шумно, когда не хочется мыслить, не хочется внимательно смотрѣть... неприятно встрѣтить уборъ, придуманный разсчетомъ и кое-какъ прилаженный рукою нужды: подобный уборъ невольно переноситъ многихъ изъ насъ домой и — насмѣшливо, язвительно, напоминаетъ нѣкоторымъ о настоящемъ, будничномъ ходѣ ихъ дѣлъ. Но тутъ женскіе наряды были однообразны, какъ слова, какъ мысли, какъ чувства модныхъ львовъ и львицъ. Ни въ чемъ не проглядывали слѣды комической экономіи или трагической бѣдности. Одни кавалеры были только диссонансомъ, который разрушалъ очарованіе согласнаго хора.

Кавалеры у насъ неблистательны: что дѣлать? Юная столица беретъ себѣ цвѣтущихъ юношей, оставляя Москвѣ стараго да малаго. Неудивительно, что невѣсты московскія ловятъ привѣтливыми взглядами залетнаго жителя Петербурга, когда онъ соколомъ мчится по нашимъ гостинымъ, такъ привлекательно гремя шпорами или дипломатически лорнируя. Не удивительно, что мы, ослѣпленные красотой мундира или важностью фрака, даемъ волю пробужденному воображе-

ню и всегда приписываемъ такимъ гостямъ качества, которыя особенно нравятся намъ. Послушать насъ, такъ у каждаго изъ нихъ двѣ или три тысячи душъ. Эти очаровательные вымыслы не существуютъ для московскихъ кавалеровъ: они — жертва сухой истины, выучены наизусть и, я думаю, нѣтъ женщины, которая бы не знала, что каждый изъ нихъ, подойдя къ ней, скажетъ.

Быстрыя движенія ногъ начинали уже румянить танцующихъ, когда въ дверяхъ залы показались два молодые человека, одинъ въ мундирѣ, другой во фракѣ.

«Вотъ она!» сказалъ статскій, и оба обернулись въ ту сторону, куда взглянулъ онъ, произнося эти слова. Молодость съ своей добротой и веселостью украшала черты лица его; но, какъ слеза на розовой щекѣ, задумчивость изображалась на нихъ; не та, которая сковываетъ насъ послѣ бурныхъ переворотовъ въ обстоятельствахъ и чувствахъ—нѣтъ, его задумчивость была природнымъ выраженіемъ лица, гдѣ душевныя тревоги не оттиснули еще ни одной примѣты, гдѣ все было такъ молодо и такъ свѣжо.

Краснорѣчивъ былъ смѣлый взглядъ юноши, волнисты были темнорусые волосы его.

— А, баронъ Любичъ, что такъ поздно? что же вы не танцуете? Какъ хороша Лидина! говорили проходящіе, отходясь къ статскому и заслоняя кадрили, гдѣ танцовала Лидина.

И въ-самомъ-дѣлѣ, хороша была Магдалина Лидина. Черты лица и томные глаза ея были такъ привлекательны, такъ отражалась въ нихъ душа, созданная для любви и для страданія, что, кажется, ничто въ мірѣ не могло бы пришить ее съ равнодушіемъ и спокойствіемъ. Живою краскою подернуты были губки ея, какъ-бы разогрѣтыя пощупавши любви, дѣвственный румянецъ игралъ на щекахъ. Свѣжее созданіе, она являлась видимымъ выраженіемъ той прелести, которую поймешь чувствомъ и не выразишь языкомъ. Обольстительная какъ воображеніе, и необъяснимая какъ душа, она получила отъ природы все, что соблазняетъ

мысль и безпокоитъ сердце. Про эту-то женщину баронъ Любичъ сказывалъ: «*соть ола!*»

Музыка доиграла послѣднюю фигуру кадрили, и Любичъ съ военнымъ началомъ пробираться сквозь блестящую толпу, съ намереніемъ представиться графинѣ Лелевой.

Трудно на свѣтѣ выбиться изъ толпы, еще труднѣе пробиться сквозь нее... чтобы представиться хозяйкѣ дома. Любичъ испыталъ это. Онъ пробирался тихо мимо дамъ, смѣвшихъ и стоявшихъ: гдѣ каждая знала, что у него прекрасное состояніе. Такое обстоятельство весьма затрудняло его путешествіе: на каждомъ шагу предстоялъ ему новый разговоръ — разговоръ бѣглый, но оживляемый непритворною лаской.

Музыка заиграла вальсъ. Стояли мужчины среди залы и завилась около нихъ пестрая гирлянда танцующихъ. Глаза молодой Лидиной встрѣтились съ глазами Любича, ея рука легла небрежно на его руку, и рѣзво понеслись они по скользкому паркету. Разыгралось прихотливо-вольное воображеніе юноши, когда, въ позволительныхъ объятіяхъ, держалъ онъ соблазнительный станъ Лидиной, когда такъ близко отъ его взоровъ трепетала чистымъ дыханіемъ весенняя грудь ея. И зачѣмъ выдуманъ вальсъ, зачѣмъ мы кружимся съ красавицей, которую должны любить *безпошленно, безкорыстно?!...*

Мѣнялись танцы, и Любичъ не пропускалъ ни одного, и всегда приходилось ему танцевать или съ *нею*, или недалеко отъ *нея*.

Баль кипѣлъ.

Наконецъ наступилъ часъ тяжелаго испытанія въ любви, которое не многими выдерживается, а ежедневно повторяется, насталъ часъ мазурки, которая, первенствуя между танцами, служитъ новымъ аргументомъ, что въ нашъ вѣкъ хлопочуть не о любви. Зашумѣли стульями, раздались звуки мазурки, танца, гдѣ успѣешь познакомиться, влюбиться и вздохнуть; гдѣ сперва торопишься къ своей дамѣ какъ къ невѣстѣ, а потомъ бѣжишь отъ нея безъ оглядки. Удиви-

тепная суматоха, всегда необходимая въ подобную минуту, мало-помалу прекратилась, всё устлалось по мѣстамъ, возстановился порядокъ, и среди звѣтущаго круга молодости, раскрылось блестящее поприще, гдѣ есть, какъ и вездѣ, свое честолюбіе, свои замыслы, своя веселость и своя скука.

Шумная, вѣтреная жизнь овладѣла заломъ.

Баронъ Любичъ утопалъ въ очарованіи. Одушевленный и тѣмъ, что здѣсь была Лидина, и тѣмъ, что окружало его, онъ разсыпалъ передъ нею разнообразныя цвѣты своего ума, не столько веселаго, сколько пылкаго, не столько глубокомысленнаго, сколько насмѣшливаго. Природа подарила его такимъ языкомъ, что о чемъ бы ни говорилъ онъ, его слушали, и Лидина слушала. Ея ухо было приковано, хотя глаза, вслѣдствіе законовъ приличія, бродили иногда по сторонамъ, какъ-бы кого искали или смотрѣли на что-нибудь. Ирѣдка улыбалась она, ирѣдка опускала огненные взоры, часто отвѣчала и рѣдко спрашивала. Съ тайнымъ неудовольствіемъ подавала руку, когда выбирали ее.

Разговоръ барона Любича съ Лидиною, прерываемый на каждомъ словѣ, продолжался....

Въ третьемъ часу утра начали всё разѣзжаться.

II.

Мамъ почиваетъ? спросила Магдалина, отдавая шаль дѣвухѣ.

— Она васъ дожидалась, сударыня, отвѣчала служанка.

И легкая, какъ сифида, Магдалина безъ шуму прошла чрезъ будоаръ, отдѣлявшій комнату матери отъ ея спальни, и наклонясь грезовскою головкой къ замочной скважинѣ, силчилась разсмотрѣть—спитъ мать или нѣтъ.

— Мамъ! позвольте войти? произнесла Магдалина тихимъ шепотомъ.

— Это ты, мой другъ? войди, войди, моя милая! я тебя дожидалась.

И юная, невинная Магдалина робко и боязливо, при тускломъ свѣтѣ алебастровой лампы, подошла къ постели матери и горячо поцѣловала ея руку.

— Ты опять страдаешь, мамѣ? рука твоя горитъ, ты вся въ жару....

— Нѣтъ, моя милая, это остатокъ лихорадки.... ты со мною, и мнѣ гораздо лучше....

Но она лгала; слѣды душевной, неизлѣчимой болѣзни, ясно изображались на лицѣ ея.

Странно, говорили знакомые Лидиной, что Серафима Павловна съ-тѣхъ-поръ сдѣлалась опасно больна, какъ показался Любичъ въ Москвѣ. Впрочемъ, никто не смѣлъ подозревать въ немъ поклонника Лидиной, потому, что она слишкомъ горячо любила своего мужа. Но друзья, проницательные друзья, которыхъ такъ много въ свѣтѣ, казалось, отгадали причину ея болѣзни. Она не такая женщина, говорили они, чтобы могла забыть свѣтъ, пропустить случай нравиться; но.... тутъ есть другія причины.

И въ-самомъ-дѣлѣ, мать Лидиной любила этотъ свѣтъ, который окружалъ ее съ самой молодости лестью и похвалами; такъ провела она всю жизнь; свѣту отдала она юность и красоту свою, а теперь, шумъ и оболъщенія свѣта сдѣлались для нея необходимостью, жизнью; одиночество страшило ее. Она живо, глубоко почувствовала это во время длинныхъ безсонныхъ ночей, когда воспоминанія переносили ее, противъ ея желанія, къ счастливымъ, спокойнымъ днямъ, такъ быстро пролетѣвшимъ.... Часто можно было угадать грустныя, тяжкія мысли ея, по горькой улыбкѣ, которая быстро исчезала на безцвѣтныхъ устахъ; по взгляду, который горѣлъ огнемъ лихорадки и неподвижность котораго заставляла содрогаться; по конвульсіямъ этой бѣлой и изсохшей руки, которая такъ прихотливо, такъ небрежно была закрыта роскошнымъ занавѣсомъ постели. А между-тѣмъ томность, оставшаяся послѣ ея страданій, придавала

новую прелесть ея физиономіи, еще не лишенной временемъ граціи и выразительности. Въ такомъ именно расположеніи нашла Магдалина мать свою, возвратившись съ бала.

— Расскажи же мнѣ, Магдалина, о балѣ? весело ли тамъ было? я думаю, среди удовольствій ты забыла о твоей матери?

И она подозвала къ себѣ дочь, и съ улыбкою материнской любви и гордости приколола бѣлую розу, уже поблекшую и упавшую, на головѣ бальной чародѣйки.

— Ахъ, мамá, могла ли я тебя забыть: мнѣ безъ тебя такъ было скучно. Папá не успѣлъ пріѣхать, какъ отправился къ карточному столу, и если бы не княгиня Аглаева, добрый и почтенный другъ твой, я бы не знала, что дѣлать отъ смущенія....

— Но ты могла, мой другъ, попросить отца не оставлять тебя, пока не нашла madame Aglaeff... Боже мой! Какъ дурно приколотъ твой букетъ?... гдѣ же вкусъ? право, тебя совсѣмъ одѣть не умѣютъ....

— Смѣла ли я беспокоить папá; онъ и то дожидался меня съ часъ, пока я одѣвалась. Впрочемъ, я скоро забыла эти минуты скуки и смущенія. Madame Aglaeff такъ мила, такъ добра, ея обращеніе такъ нѣжно, что я только и думала объ удовольствіяхъ бала.

— И забыла свою мать?

— О, никогда, никогда, мамá!

И молодая дѣвушка бросилась въ объятія матери и цѣловала ея поблекшія щеки.

— Магдалина! доброе, милое дитя! люби меня, о, не переставай любить меня... Въ твоей любви заключаются всѣ мои желанія, вся жизнь твоей матери.... О, Магдалина! если ты перестанешь любить твою мать, знаешь ли, что можетъ быть?...

И слезы потекли ручьемъ изъ глазъ Лидиной; она крѣпко обняла милую, любимую дочь; казалось, она хотѣла защитить ея отъ другой любви, защитить чистую, неопыт-

ную душу ея отъ обольщеній свѣта, который такъ безжалостно лишилъ ее самое всего.

— А, это смѣшно! я точно сумасшедшая! Ну, можно ли думать, что ты перестанешь когда-нибудь любить меня? Да, мой ангелъ, это безуміе, не правда-ли? я не понимаю, откуда берутся у меня подобныя мысли.

И глаза ея, на которыхъ дрожали слезы, выражали счастье и надежду.

— Ну, мой другъ, продолжай же о балѣ. Скажи, какъ была одѣта Линская?

— Она была въ зеленомъ бархатномъ платьѣ; она не танцевала.

— А, какъ это похоже на нее! пожертвовать танцами, которые страстно любить, желанію казаться прекраснѣе въ платьѣ, которое ей къ лицу. Что за кокетка! о, не знай никогда этого порока, Магдалина!

Но Магдалина не слушала. Наклонивъ головку, и разсѣянно приглаживая черные волосы на бѣломъ, прекрасномъ челѣ, она, казалось, была погружена въ самое-себя и занята далекою и горестною мыслью.

— Вотъ ты ужъ и задумалась; ну, прости меня, что я указала тебѣ опасности, которыхъ не существуетъ. Я никогда не прощу себѣ, что огорчила тебя. Прости же меня, мой другъ!

— Тебя простить!... Нѣтъ, мамá, я сама нуждаюсь въ твоемъ прощеніи, въ твоей снисходительности.... мнѣ кажется, мам , что я дурно, весьма дурно поступила.

— Еще какая-нибудь вѣтреность, дѣтская шалость!...

И Серафима Павловна приложила палецъ къ губамъ, заранее улыбаясь отъ удовольствія извинить все любимой дочери.

— Нѣтъ, мамá, это гораздо важнѣе, нежели ты думаешь; вотъ уже нѣсколько дней я хочу, но не знаю какъ тебѣ открыться, и даже теперь, ты видишь, мамá, я вся дрожу. Не правда ли, мамá, ты меня любишь?

— О, моя милая! но что ты хочешь сказать?

Вотъ уже три мѣсяца, какъ.... Но право, мамá, я нисколько не виновата. Это было на балѣ у Линской.... Ты приказала мнѣ ѣхать туда безъ тебя, говоря, что твоя болѣзнь не позволяетъ тебѣ ѣхать, тогда какъ я же танцевала цѣлую зиму. Онъ также былъ у Линской, потому-что надѣялся меня встрѣтить.... По-крайней-мѣрѣ онъ такъ мнѣ сказалъ.... И — я его поблагодарила.... Онъ очень обрадовался.... Я покраснѣла....

Серафима Павловна бросила такой страшный, такой суровый взглядъ на дочь, что она вѣрно замолчала бѣ отъ испугу; но глаза ея неподвижно были устремлены на ленту, которую она мила въ рукахъ.

— Нынче вечеромъ, продолжала Магдалина, я опять его видѣла. О, какъ онъ былъ доволенъ, счастливъ, когда подошелъ ко мнѣ; какъ нѣжны, какъ сладки были слова его, когда онъ говорилъ о счастіи быть любимымъ.... Вообрази, мамá, его еще никто не любилъ, даже мать....

Большая слушала, слѣдуя за каждымъ движеніемъ дочери, горя нетерпѣніемъ все узнать и боясь спросить. Магдалина остановилась, испугавшись чрезвычайной блѣдности матери; она не смѣла кончить, и закрывъ руками вспыхнувшее лицо, со слезами упала на колѣни подлѣ постели матери и тихо простонала: Мамá! прости меня: мнѣ кажется, я люблю его!

Все, что ожиданіе несчастія заключаетъ въ себѣ страшнаго, когда знаешь до чего оно можетъ простираться, все это почувствовала тогда Серафима Павловна. Можно было отгадать по лицу ея, измѣнившемуся отъ страху и горести, отчаяніе матери, которое однимъ ударомъ могло уничтожить жизнь ея. Рука ея оледенѣла на груди, въ которой она едва могла удержать болѣзненное волненіе; глаза ея, устремленные на небо, искали тамъ утѣшенія, и лучъ надежды просіялъ на лицѣ, когда, сложивъ руки, она болѣзненно прошептала: Боже, пощади, уврачуй меня!... Вѣдь это не она? сдѣлай, чтобы то былъ не онъ!

Тяжело было видѣть этихъ двухъ женщинъ въ объяті-

яхъ другъ друга; каждая преданная своему горю, онѣ боялись говорить и прервать молчаніе, которое нарушалось только маятникомъ часовъ, пробившихъ въ то время три.

— О, это сомнѣніе убиваетъ меня. .. Кто онѣ такой. Магдалина? — Ты знаешь? сколько я люблю тебя; ты знаешь, хочу ли я твоего счастья; я готова пожертвовать для тебя всѣми честолюбивыми мечтами, обещаю тебѣ даже согласіе отца!... Но назови мнѣ его.

При этомъ убѣжденіи, смущеніе Магдалины исчезло; она начала вѣрить въ возможность счастья чистаго, какъ она сама, — счастья, которое создаетъ первая любовь, и о которомъ она такъ часто мечтала. Съ улыбкой ангела склонилась она на плечо матери, и цѣлуя ее, стыдливо произнесла имя барона Любича, дальняго родственника княгини Аглаевой.

Ужасный, дикій крикъ, смѣшанный съ какимъ-то предсмертнымъ стономъ, вырвался изъ груди Серафимы Павловны, и она безъ чувствъ упала на подушку, на которой и безъ того уже такъ много страдала. Долго оставалась она въ этомъ положеніи; наконецъ нѣжныя попеченія дочери возвратили ее къ жизни и къ прежнимъ мукамъ.

Ахъ! какъ жестоко я страдала! а вѣдь оно здѣсь, — бодрѣнно прошептала Лидина, стиснувъ обѣими руками, холодный какъ ледъ, лобъ свой.

— Ахъ, мамá, что значать эти слезы? Боже мой! стало-быть я очень виновата! я, которая охотно отдала бы жизнь, чтобы видѣть тебя счастливою. Ты отталкиваешь меня, мамá.... О, я готова пожертвовать тебѣ всѣмъ, надеждами, даже любовью! Я уничтожу въ себѣ то чувство, которое такъ страшно измѣнило жизнь мою, прежде столь тихую и счастливую; да! ежели я буду вспоминать о немъ, то для того только, чтобъ проклинать тотъ день, въ который я подумала, бѣдная, что можно любить другою любовью, кромѣ любви дочерней.

— Чтò сказала ты, Магдалина? — И минутное выраженіе счастья блеснуло, какъ лучъ неба, на лицѣ Лидиной. О, по-

втори еще разъ! скажи, ты можешь забыть его, — можешь отказаться отъ него безъ слезъ, безъ сожалѣнiя?... Не правда ли, ты будешь счастлива одной моей любовью, любовью твоей матери?... Да, да, повтори, увѣрь, облегчи боль души моей; о Магдалина! добрая, милая Магдалина!

И мать-страдалица, прижимая дочь къ груди, въ которой горѣлъ вулканъ страстей, цѣловала ее въ голову, въ уста и въ очи, и, казалось сердце ея забилося новой жизнью, — въ душѣ ея воскресли новыя надежды, при обѣщанiи дочери. Но Магдалинѣ уже не доставало силъ еще разъ повторить страшное свое обѣщанiе. Мать это замѣтила.

— Послушай, Магдалина! обдумала ли ты, понимаешь ли ты всю важность жертвы, которую хочешь мнѣ принести?—начала Серафима Павловна, съ любовью пожимая руки дочери. Знаешь ли, что завтра, когда забудешь о моихъ теперешнихъ страданiяхъ, ты будешь жалѣть, что такъ легкомысленно обязала себя....

Магдалина хотѣла остановить мать.

— Выслушай меня, продолжала Лидина: я болѣе тебя знакома съ сердцемъ женщины, — если бы ты знала, какъ страшно, какъ безсострадательно и медленно страсти терзаютъ бѣдное сердце женщины! — Послушай, мой другъ, я хочу дать тебѣ новое доказательство моей любви. Подвинь сюда столикъ и пиши!

Магдалина придвинула къ лампѣ столикъ краснаго дерева, отдѣланный перламутромъ, трепещущею рукою взяла перо, и спокойно и съ удивленiемъ посмотрѣла на мать.

— У насъ въ понедѣльникъ маскарадъ. Напиши приглашенiе къ барону Любичу.

Дочь окаменѣла отъ недоумѣнiя.

— Что же, пиши, Магдалина!

— Но, мамá, можетъ ли быть у насъ маскарадъ, когда ваше здоровье!...

— Пиши же, моя милая, когда тебѣ приказываютъ! Къ понедѣльнику я буду совсѣмъ здорова.... Я хочу, чтобы у насъ танцевали.... я хочу наслаждаться твоимъ удоволь-

ствіемъ и твоей красотой!... Ты вѣрно поймешь мое желаніе: оно такъ естественно.... Тѣмъ болѣе, я должна это сдѣлать для тебя, за твои нѣжныя попеченія во время моей болѣзни.

Магдалина молчала. Напрасно хотѣла она разгадать причину внезапнаго намѣренія матери. Минуту назадъ отчаяніе, слезы, а теперь приготовленіе къ маскараду, имя Любича, вышедшійся въ это, заставило ее подумать, что мать дѣйствуетъ подъ вліяніемъ горячки, и дочь начала просить ее, чтобъ она успокоилась.

— Я совершенно спокойна, другъ мой! Вѣрь мнѣ, что мысли мои никогда еще не были такъ чисты и ясны.... Я уже давно готовила тебѣ этотъ сюрпризъ.... Теперь онъ весьма кстати.... Однако жъ скоро четыре часа, — тебѣ нуженъ покой, прощай! пооди спать!...

Мать и дочь разстались.

Не успѣла Магдалина оставить комнату матери, какъ Серафима Павловна приподнялась съ постели, неровными шагами подошла къ столу и дрожащею рукою, — такъ-что едва можно было разобрать, что она писала, — набросала на бумагу слѣдующія строки:

« Marie! они любятъ! они любятъ другъ друга! Какая бѣдственная неосторожность! Сейчас она со слезами призналась мнѣ въ этомъ. О! это ужасно! не такъ ли? — Пошли это приглашеніе, или отдай сама Любичу; найди какую хочешь причину для этого приглашенія; пусть онъ пріѣдетъ, я должна видѣть его, говорить съ нимъ. Я погибну, но я должна спасти ее, дочь, мою мое счастье.... Голова моя горитъ.... О!... Marie!... пожалѣй, если ты мнѣ другъ, страждущую Серафиму. »

И она, сильно ударивъ перомъ о столъ, такъ-что оно все смядось, облокотилась на ручку кровати.

Черезъ нѣсколько времени въ комнатѣ Лидиной слышна была тяжелая одышка болѣзненнаго сна....

А Магдалина? — Она, бѣдная, прекрасная, какъ вѣшокъ сляетонный изъ всѣхъ земныхъ радостей, — она въ своей

комнатѣ благоговѣйно стояла на колѣняхъ передъ Распятіемъ, и съ любовью шептала имя Любича въ своей молитвѣ.

III.

Въ поведѣльничкѣ вечеромъ былъ маскарадъ у Алексѣя Петровича Лидина.

— Боже мой, мамѣ, ты еще не одѣта? сказала Магдалина, вошедъ въ уборную матери.

— Ахъ! какъ хороша ты теперь, Магдалина! вкричала Лидина, смотря на дочь съ материнскою гордостью. Аннушка! не правдали, что ей къ лицу это маскарадное платье? она очаровательна.

— Да-съ, сударыня, барышня вскружить всѣмъ головы. Это замѣчаніе горничной, казалось, пробудило непріятное чувство въ Лидиной; она поспѣшно застегнула послѣдній браслетъ и увела дочь.

Гости начинали съѣзжаться.

Люблю видѣть женщинъ въ блестящихъ нарядахъ, особенно когда онѣ стараются блеснуть другъ передъ другомъ роскошью и вкусомъ....

Ослѣпительно блестяла бронза на мраморныхъ стѣнахъ въ домѣ Лидина. Ни одна свѣча не была поставлена для виду, горѣли всѣ. Маскарадъ былъ великолѣпный. Огромная зала набита была гостями. Маски отличались пышностью, разнообразіемъ, роскошью и заманчивымъ характеромъ костюмовъ. Толпа медленно двигалась по залѣ, тѣснилась вокругъ танцующихъ, составляла группы; музыка гремѣла.

И между-тѣмъ Магдалина оставалась равнодушною къ этому зрѣлищу, почти новому для нея и котораго она прежде такъ нетерпѣливо желала. Она внутренно удивлялась самой себѣ, зачѣмъ не чувствовала этой дѣтской радости, которая прежде такъ уповательно ласкала ея воображеніе

при одной мысли о подобномъ вечерѣ. Но тогда смѣющееся и веселое дитя, она наслаждалась жизнью, свѣтомъ и страстями его, какъ вещами, ей совершенно незнакомыми, далекими, не опасными для нея : теперь же она поняла, что и ей также предстоятъ слезы, и для нея найдется терновый вѣнецъ въ жизни, до-тѣхъ-поръ тихой, спокойной. Она чувствовала это по молчанію матери, съ той роковой ночи, когда открыла матери свое сердце, когда такъ дѣвственно призналась ей въ любви; она понимала это по страху, волновавшему ее, когда мать цѣлуя и лаская ее съ большою, нежели прежде нѣжностью, вмѣстѣ съ тѣмъ орошала лице ея слезами, которымъ она не знала причины. Но она любила Любича отъ всей юной души, и была такъ счастлива, когда онъ высказалъ ей чувства, которыя она тайно уже угадала. Она чувствовала теперь, что все то, что не относилось къ ея любви, вовсе не имѣло для нея значенія.

Страшно положеніе семнадцати-лѣтней дѣвушки въ эпоху ея первой страсти. Она какъ цвѣтокъ развивается, цвѣтетъ и вянетъ въ это время. Первый предметъ, который заранѣе обрисовывала ея фантазія, съ которымъ заранѣе сжилась душа, этотъ предметъ столько обстоятельный для нея, чаруетъ, увлекаетъ ее — и судьба ея рѣшена : она его !... она его, не думая о важности своей жертвы; она его — хотя бы взоры свѣта устремлены были на нее со всей язвительностью ядовитой насмѣшки ; хотя бы будущее не обѣщало ей ничего, кромѣ гибели ! Мнѣніе свѣта для нея ничтожно ; предметъ ея передъ нею : она его, — его вѣчно !

Облокотясь на креслы отца, задумчивая и погруженная въ самое-себя, долго стояла Магдалина неподвижно.

Какъ хотите, а грустная задумчивость хорошенькой дѣвушки — такое состояніе чувства, которое всѣ готовы съ нею раздѣлить, какъ завидное блаженство...

Въ залѣ показался Любичъ.

Какъ опредѣлить дѣвушку въ семнадцать лѣтъ? Это очаровательный демонъ, печаль и восторгъ, мука и наслажденіе. Если вы еще ни кѣмъ не запяты, если цѣль жизни вашей не

опредѣлена, вы смѣтрите тогда на эту дѣвушку сквозь призму сердца; она горитъ въ вашемъ воображеніи путеводною звѣздой, украшаетъ путь вашъ розами радости; вы довѣряетесь этой звѣздѣ; пристаёте мысленно къ этимъ розамъ. Такъ глядите на семнадцати-лѣтнюю дѣвушку юноша, полный жизни, полный силы; такъ, или почти такъ, смотрите на нее мужчина, уже опытный въ настоящемъ; такъ глядите на Магдалину и Любичъ. Улыбка счастья одушевила его благородныя черты, когда онъ подошелъ къ ней. Вдругъ маска, въ розовомъ домино, граціозная какъ пѣри, съ талією, на которую можно, по методу Байрона, *глядѣть, глѣдѣть и отъ восторга умереть*, — стала между ними, и взяла руку Любича. Одно слово, сказала она шопотомъ.

Любичъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Молю васъ, не откажите мнѣ?

И судорожно сжимая его руку, она увела его.

Достанься подобный случай кому-нибудь изъ нашихъ *львовъ, онагровъ, Актеоновъ*, и прочихъ звѣрей въ этомъ родѣ, о, какъ бы они умѣли, разумѣется по своему, воспользоваться имъ. На другой же день побѣдитель за тайну объявилъ бы своимъ друзьямъ о своей побѣдѣ, и друзья побѣдили бы на его счетъ, и за шампанскимъ прокричали бы ему торжественное *vivat*; вечеромъ бросились бы встрѣчному и поперечному рассказывать, также за тайну, о побѣдѣ побѣдителя. И горе бѣдной женщинѣ!... Имя ее замарано, опозорено, — честь убита! ее будутъ вездѣ преслѣдовать насмѣшками, о ней будутъ сожалѣть.... А бѣдный мужъ?.... А положеніе этой увѣрившейся несчастной женщины?

Баронъ Любичъ былъ не *левъ*, онъ не принадлежалъ къ этой породѣ людей, и потому иначе понималъ и любовь, и честь, и женщину.... Имѣи ложное, незаконное понятіе о чести и любви, онъ съ радостью принялъ бы приглашеніе розоваго домино, и создалъ бы цѣлый романъ, основываясь на примѣтномъ волненіи и трепетѣ очаровательнаго домино, которое жало его руку, и невольно увлекало. Любичъ, по благородству души своей, былъ слишкомъ далекъ отъ

того, чтобъ въ этихъ страстныхъ знакахъ подозрѣвать любовь; онъ даже страшился этой сильной воли, которой напрасно хотѣлъ противустать. Онъ чувствовалъ себя столько счастливымъ любовью Магдалины, что боялся даже и малѣйшаго происшествія: оно могло бы разстроить всю надежду, все счастье его жизни. Онъ вздрогнулъ, когда изъ подъ черной атласной маски, два блестящіе глаза вонзились въ него, пожирали его.

Прошедъ нѣсколько залъ, маска ввела его въ богато-убранный будоаръ. Затворивъ дверь, она сдѣлала ему знакъ сѣсть, а сама бросилась въ кресла, какъ бы утомленная, изнеможенная прежними усиліями, и старалась оправиться отъ сильнаго волненія.

Любичу также надобно было собраться съ духомъ. Онъ очень хорошо понималъ, что во всемъ этомъ скрывается страшное приключеніе, гдѣ ему принадлежитъ, по-видимому, первая роль.

— Наконецъ я нашла случай видѣть васъ безъ свидѣтелей, баронъ, и сказать вамъ, что я люблю васъ, тогда какъ вы не увидите краски на моемъ лицѣ.

Любичъ сдѣлалъ движеніе, что бы удалиться.

— Выслушайте меня! я этого требую, прошу! вы должны выслушать меня, — я... должна рассказать вамъ исторію цѣлой жизни.... Поймете ли вы эту жертву, баронъ?

— Я васъ слушаю, сударыня, сказалъ Любичъ холодно, и опустился въ кресла.

— Дѣвушка извѣстной фамиліи, молодая, прекрасная, но небогатая, не смотря на слезы и просьбы ея, была выдана за богатаго старика. Съ-тѣхъ-горъ она не знала счастья! Съ одной стороны недовѣрчивость и ревность, съ другой преступная любовь, на которую ни разумъ, ни обязанности не могли наложить узды, и которая увеличивалась отъ безпрестанныхъ подозрѣній и оскорбленій, тогда, какъ она была еще невинна. Наконецъ..., она преступница!... У ней есть сынъ — залогъ несчастной любви, котораго поручила она вѣрному и преданному другу

Я не стараюсь уменьшить вину ея, рассказавъ подробно обстоятельства, которыя довели ея до безчестія, и раскрывъ сердце ея, убитое горемъ и раскаяніемъ. Все это не извинитъ ее въ глазахъ свѣта, и должно остаться между Богомъ и ею. Но это еще не все! Несчастіе гораздо большее ожидало ее! Сынъ ея выросъ далеко отъ нея, она не видала первыхъ дѣтскихъ ласкъ его, не утѣшала первыхъ горестей, никогда онъ ей не улыбался, никогда поцѣлуй его не мирилъ ее съ жизнью. Только украдкой, въ тишинѣ ночной, приходила она, бѣдная мать, любоваться имъ, своимъ сокровищемъ, когда онъ спалъ. Ахъ, Александръ! пожалѣлъ бы ты бѣдную женщину, израненную горемъ, которая идетъ къ спящему ребенку, чтобы найти подлѣ него спокойствіе, чтобъ подлѣ него отдохнуть отъ страшной борьбы со страстями....

Когда сынъ ея возмужалъ, когда началась его извѣстность, и имя его произнесено было съ гордостью и восторгомъ въ лучшихъ домахъ; онъ спѣшилъ дѣлить радость и славу свою, но не съ матерью, а съ другою; тогда какъ она, любящая, несчастная мать, она близъ него, замѣшанная въ толпѣ, не смѣла гордиться имъ,—принуждена была скрывать радость, какъ скрывала раскаяніе; и только участіе друга могло удерживать ее отъ признанія въ преступленіи. Она хотѣла кричать собравшейся толпѣ: знаете ли вы, что тотъ, кого вы такъ уважаете и превозносите — сынъ мой? знаете ли вы это?...

— О, ради Бога, кончите, — вскричалъ съ глубокимъ участіемъ Любичъ, схвативъ руки розоваго домино.

— Эта женщина, поверженная преступленіемъ въ прахъ, обреченная безчестію, клейменная безславіемъ, — эта женщина — я!... Сынъ ея, котораго она теперь молитъ о пощадѣ и прощеніи — это ты!...

— Вы мать моя!

И Любичъ поднималъ женщину, упавшую передъ нимъ на колѣна.

— Вы мать моя! повторялъ онъ: о, неужели я нашелъ мать!

И онъ крѣпко прижималъ къ сердцу, почти безчувственную мать свою.

— О, проговорила она: какъ ничтожно все прошедшее передъ этой торжественной минутой!...

— Матушка! ахъ, позвольте мнѣ повторять это имя!... прежде я слышалъ его съ завистью, — теперь чувствую, что новая жизнь открывается для меня. Я привязанъ къ ней священными узами, и — если не могу гордиться матерью, то по-крайней-мѣрѣ могу любить, благословлять ее.... теперь у меня есть мать, которая раздѣлитъ со мной мою славу, мои надежды.... Я передамъ ей всѣ мечты о моей любви....

— О любви! произнесла съ трудомъ Лидина, какъ-будто какое неприятное чувство пробудило ее отъ очаровательнаго сна: о любви!

— Отчего это смущеніе, сказалъ Любичъ, примѣтивъ въ ней перемѣну при этомъ словѣ; и къ чему эта маска, которая скрываетъ отъ меня ваши черты? Ради Бога, матушка!

И онъ хотѣлъ снять маску съ матери.

— Не теперь, Александръ, не теперь.... будетъ время, когда я сниму маску; но слушай, ничто не можетъ быть скрыто отъ сердца матери. Любовь твою я знаю. Въ свѣтъ я не могла говорить съ тобою, за то могла преслѣдовать тебя и знаю, кого ты любишь. Я все видѣла, все поняла, и рѣшилась стать между вами и сказать тебѣ: *она не можетъ быть твоею.*

— Что вы сказали?

— Я знаю Лидина. Честолюбивый и гордый, онъ ищетъ для дочери самую блистательную партію. Онъ любитъ дочь изъ самолюбія; сердце его ничѣмъ не пожертвуетъ для ея счастья! Все должно ему покориться; онъ чуждъ семейной любви; онъ отецъ и мужъ по одному названію; Магдалина не въ состояніи убѣдить его, и будетъ его жертвою. Выслушай, Александръ, выслушай первую и единственную просьбу твоей матери. Твоя любовь еще не такъ сильна, чтобы трудно было пожертвовать ею. Уѣзжай изъ Москвы....

— Какъ, матушка, оставить Магдалину? никогда!

— Такъ ты хочешь ея несчастія? мой примѣръ не страшить тебя? Мнѣ надобно, для ея спасенія, повторять о моемъ позорѣ? Оставь ее, Александръ, оставь, не видавшись съ нею. Слышишь ли? никогда она не будетъ твоею. О, ради Бога, избавь меня отъ мукъ совѣсти! Если бы ты зналъ, какъ страшны эти муки!...

— Меня разлучить съ нею, мѣня, когда я увѣренъ въ ея любви? О, нѣтъ.... Она моя! потому что я выстрадалъ ее; вы говорите, матушка, о мукахъ совѣсти, а знаете ли вы, что такое муки любви?!.. Оставить Магдалину, сказать этому ангелу, что я не хочу ея любви? ха, ха, ха! да знаете ли вы, какъ я люблю ее?!..

— А если я этого потребую? произнесла глухимъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ, Лидина.

— Вы требуете? можетъ ли это быть, захотите ли вы слѣзять вашего сына несчастнымъ на цѣлую жизнь, — захотите ли вы этого матушка?

Вмѣсто отвѣта, Лидина сорвала съ себя маску и какъ бы испугавшись самой себя, почти безъ чувствъ упала въ кресла.

— Га! ужасно! пролепеталъ Любичъ.

— Муки совѣсти, преступленіе, позоръ и теперешній случай, — начала послѣ продолжительнаго молчанія Лидина, — все это приготовило мнѣ гробъ. Не о себѣ прошу я, нѣтъ, я чувствую, что здѣсь — продолжала она, приложивъ руку къ сердцу — здѣсь все кончилось; но прошу, молю тебя о дочери, о моей Магдалинѣ, о, не заставь ее проклинать мать. Освободи меня отъ слезъ, отъ горести ея при послѣднихъ минутахъ жизни. Не говори ей о моемъ преступленіи: пусть она молится о мнѣ! Жалости, снисхожденія, состраданія прошу я! Богъ свидѣтель, что она, а не свѣтъ остановили мои порывы нѣжности къ тебѣ; безъ нея, кто могъ бы помѣшать мнѣ назвать тебя сыномъ? — Но она, дочь моя; красивѣе перель дочерью?... О, Александръ, сжался же надо мною! имѣй состраданіе къ несчастной твоей матери!...

И она упала къ ногамъ Любича, блѣдныя и трепещущія

уста котораго пролепетали невнятно: Располагайте мною, во мнѣ ужъ больше нѣтъ души!

Дверь отворилась, вошла Магдалина.

Мать поспѣшно встала, подбѣжала къ ней и прижала ее къ сердцу.

Ужасно было положеніе ея въ эти минуты, то забываясь—походила она на мраморъ, то очнувшись и вспыхнувъ предсмертнымъ румянцемъ, съ ужасомъ всматривалась въ сына и дочь. То обнимала плачущую дочь, то устремляла глаза на барона Любича.

— Вы, или я! простонала Серафима Павловна.

— Простите меня, я васъ обманулъ! сказалъ Любичъ, подошедъ къ Магдалинѣ: я.... я женатъ!

Онъ сжалъ руку матери такъ сильно, что слѣды пальцевъ надолго остались на ней.

— Вѣрьте, что для меня теперь все умерло, прибавилъ Любичъ.

Слезы матери заструились на лицо дочери, которая, при первыхъ словахъ Любича, упала безчувственная на руки ея.

Звуки оркестра заглушили эту страшную сцену отчаянія...

Черезъ три дня, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ отдѣлѣ объ отъѣзжающихъ за границу, было напечатано:

Въ Англію, Италію, Германію и Францію баронъ Любичъ, съ камердинеромъ, французскимъ подданнымъ, Карломъ Андре и дворовымъ челоуѣкомъ Поликарпомъ Завардынинымъ. Жительство имѣетъ въ тверской части, перваго квартала, въ гостиницѣ Іа....

IV.

Торжественный похоронный поѣздъ тянулся вдоль Арбатской улицы по направленію къ Довскому монастырю. Болѣе ста экипажей ѣхало вслѣдъ за дрогами, на которыхъ стоялъ гробъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Если бы вы взглянули въ каждый изъ этихъ экипажей, вы бы не

увидѣли ни одного лица болѣзненного, страждущаго отъ потери друга или родственника; все это было весело, все разговаривало, все смѣялось, какъ-будто провожало женщину на обрученіе, или будто бы все это человѣчество ѣхало на блистательный балъ. Таковы люди!

Въ одной только каретѣ лежала безчувственная дѣвушка, и двѣ старухи оттирали ее.

И лѣтопись разваливъ жизни смертныхъ,
Зачатая съ рожденія мировъ,
Оставила о немъ одно преданье:
Жила человекъ?.

Да, былъ человекъ.... его не стало и одною страстью меньше въ мірѣ....

Спустя полгода, благовѣсть унылаго будничнаго колокола призывалъ усердныхъ къ поздней обѣднѣ въ женскій монастырь. Эта обитель, богатая и утварью и зданіями, гдѣ заключено столько существъ, умершихъ для міра, отрехшихся отъ суеты его, исторгнутыхъ изъ него рукою судьбы, принесшихъ сюда лучшія свои надежды, принимала въ этотъ день въ свои объятія молодую дѣвушку, которая рѣшилась ссорить тутъ всѣ горести, понесенныя ею въ мірѣ....

Мрачный, величественный храмъ, освѣщенный множествомъ свѣчь; торжественный по превосходному иконостасу, заключающій въ себѣ тридцать сестеръ, одѣтыхъ въ черное, живыхъ, но безмолвныхъ, неподвижныхъ, — все влияло въ душу какой-то благоговѣйный трепетъ; а хоръ дѣвицъ располагалъ ее къ небесному умиленію.

Любопытные, услышавъ, что молодая дѣвушка принимаетъ чинъ ангельскій, спѣшили видѣть эту церемонію, и вскорѣ храмъ наполнился народомъ.

За амвономъ стояла дѣвушка, готовившаяся посвятить себя одному Богу. Она пѣла гимны, обыкновенные при постриженіи. Голосъ ея, звучный, чистый и трогательный, ка-

зался неземнымъ. Въ немъ все сливалось въ торжественную пѣснь, все выражало отрадное упованіе въ будущемъ, столько утѣшительное для челоѣка въ земномъ его изгнаніи. На лицѣ ея, увѣчанномъ всѣми прелестями юности и красоты, сіяло тихое, кроткое спокойствіе добродѣтели. Живописно обвивавшіе ее покровы, густо закрывали прелестную шею и скользили по изящнымъ формамъ, обрисовывая стройный, волнистый станъ. Длинное покрывало скромно накинуто было на лилейное чело; въ рукѣ, съ умиленіемъ прижатой къ сердцу, она держала молитвенникъ. Взоры ея устремлены были на божественную книгу и — въ этотъ видѣ она представлялась живымъ изображеніемъ невинности.

Этотъ ангелъ, эта невѣста неба — была Магдалина.

А. ПАВЛОВЪ.

=

НАТУРЩИЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

XIII.

Въ тѣни коринескихъ колоннадъ, увѣшанныхъ гирляндами виноградной лозы, въ сумракъ померанцевыхъ и олеандровыхъ аллей — долго еще скиталась улыбающаяся Лавинія. Глаза ея могли покоиться и на мирныхъ долинахъ, и на грандіозныхъ массахъ горъ, и на оживленной, торжественно-шумящей пустынѣ моря, и на нетусняющей синевѣ неба, — на всѣхъ этихъ дивныхъ картинахъ, которыя успокаиваютъ, укрѣпляютъ и возвышаютъ душу. Ножка Лавиніи, посреди затишья южнаго полудня, съ удовольствіемъ ступала на освѣженный мраморъ мозаическихъ половъ, окропляемыхъ вѣчной росой фонтановъ....

Но Лавинія немножко утомила и отъ удовольствія, и отъ благоуханія цвѣтниковъ, и отъ прогулки по саду, гдѣ каждая каменная статуя встрѣчала ее такъ привѣтливо; Лавинія устала рвать гіацинты и розовые лавры; захотѣла от-

дохнуть и отъ наслажденія. Она задремала, но и на золоченой кушеткѣ не забыла подумать о томъ, какъ-бы поскорѣе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь всѣми доставшимися ей благами.

Лавинія заснула подъ мелодію эротической элегии соловья.... Но скоро, очень скоро была пробуждена необычайными звуками кухонныхъ орудій... и тяжелымъ старческимъ кашлемъ....

Взоръ ея, брошенный въ анфиладу заколдованныхъ палатъ, уперся въ нагія стѣны, которыя тѣснили бѣдняжку съ четырехъ сторонъ. Она искала въроломнаго магика, который уводилъ ее въ очаровательный край, въ невѣдомые чертоги... и нашла у ногъ своихъ нѣсколько разбросанныхъ атласистыхъ и благоуханныхъ листовъ бумаги.

Заколдованная героиня превратилась въ бѣдную гаванскую сиротку. Она чувствовала, что покоится на заслуженномъ кожаномъ диванѣ, который пережилъ нѣсколько поколѣній, и въ которомъ день и ночь слышались звуки какихъ-то таинственныхъ и неугомонныхъ маятниковъ; точно какъ-будто всѣ дѣды и прадѣды, съ незапамятныхъ временъ. умиравшіе на этомъ диванѣ, запрятали въ него свои старинные карманные хронометры.

Въ долгіе осенніе вечера, Лавинія и эти звуки включала въ число первостепенныхъ своихъ развлеченій. Но теперь они были совершенно заглушены хозяйственною музыкою, которая съ ранняго утра гремѣла все crescendo. Давно этотъ скромный стѣренькій домикъ не зналъ подобнаго торжества и шуму. Правда, рачительная и отчасти бородатая Авдотья всегда находила законныя причины подымать много шума изъ ничего, или производить густой туманъ домашними средствами. Золотыя это были руки! Изъ трехъ простыхъ вещей, каковы: вода, мукъ, брюква, — она создавала полный обѣдъ, какой и не снился нашимъ гастрономическимъ мудрецамъ. При счастливыхъ комбинаціяхъ, эти вещества являлись въ образѣ супа, соуса, пирога.... Вообще брюквенный элементъ игралъ немаловажную роль въ этой бѣдной жизни. Когда-же въ нѣкоторыхъ и изъ этихъ снадобій оказывался случайный недостатокъ, совѣтливая хозяйка регулярно подымала вокругъ очага обычную стукотню, чтобы во

нѣнн сосѣдей не подвергать существенность своего объѣда ни малѣйшему сомнѣнью, и не возбуждать излишней веселости *добрыхъ людей*. Въ настоящую минуту хозяйственный шумъ былъ неподдѣльный. Милордъ обличалъ непреодолимое стремленіе въ мѣста, сопредѣльная кухня. Дѣло въ томъ, что Авдотья, замѣтившая не только долговременное отсутствіе жалованья, но и вообще совершенный недостатокъ въ самыхъ основныхъ кухонныхъ элементахъ, не вытерпѣла, — и тихонько отъ всѣхъ и особенно секретно отъ Лавиніи, рѣшилась продать кое-что изъ своего приданого, хотя всегда соболѣзновала о томъ, что очень многого недостаетъ въ ея завѣтномъ сундукѣ, и хотя отнюдь не отказывалась отъ своихъ вѣчныхъ притязаній на замужство.

Успѣхъ былъ блистательный. Скромное хозяйство не только увидѣло опять второстепенные предметы потребленія, каковы свѣчи, дрова, мыло, но даже еще украсилось предметами роскоши, какъ на примѣръ, китайскимъ чаемъ, сахаромъ и такъ далѣе. Къ довершенію душевнаго удовольствія Авдотья, Лавинія была твердо убѣждена въ томъ, что все это благосостояніе — законный результатъ ея трудовъ. Бѣдняжка имѣла полное право такъ думать, потому-что съ ранняго утра до полуночи, милая головка ея была наклонена надъ лоскуткомъ кисеи или батисту, по которому блѣдная рука разсмѣяла причудливые, микроскопическіе арабески. По обыкновенію, эти прелестныя, но убійственныя для зрѣнія, работы приносили главнѣйшія выгоды отнюдь не тому, кто расточалъ надъ ними безсонныя ночи и здоровье.

Авдотья часто украдкой, съ умиленіемъ глядѣла на трупящуюся красавицу, и лучезарную свою улыбку, а иногда и слезу, тщательно прикрывала пестрядинымъ передникомъ. Одна только мысль смущала ея торжество — мысль, что въ первый разъ отроду обманула она своихъ хозяевъ.

Но успѣхъ этого обмана былъ искутителенъ. Увлекаясь, какъ ребенокъ, заманчивостью и наслажденіемъ, какія заключаются въ роли благотворной феи, Авдотья, съ рѣдкимъ усердіемъ, продолжала облегчать горькую участь Лавиніи, не принимая въ расчетъ прогрессивнаго облегченія своего сундука, своего единственнаго банка, своей единственной надеж-

ды. Глубина финансовыхъ соображеній не далась доброй женщинѣ, — она и сама созналась-бы въ этомъ, если бы поняла въ чемъ тутъ дѣло; горе въ томъ, что и фантазія-то Авдотьи дѣйствовала обыкновенно крайне — плохо. Въ теплый денекъ, послѣ сытнаго завтрака, воображеніе ея рѣшительно отказывалось нарисовать ей, съ какою-нибудь ясностію, — картину дождливой осени, эскизъ ночнаго наводненія, или просто мрачную, сердитую фигуру Зимы, дующей въ свои пальцы. А всѣ эти пугала нищеты стояли въ перспективѣ.

Узнай Лавинія, или по-крайней-мѣрѣ, хотъ ея бабушка, настоящее положеніе своихъ дѣлъ, — то есть, что усердная служанка ихъ и сотрудница, всякій разъ какъ ей не удавалось сбыть что-нибудь изъ рукодѣля, истребляла, но безъ всякой системы, атрибуты будущей своей свадьбы; если бы они узнали раньше объ этой неправильной благотворительности, можетъ-быть еще нашлось бы время привести дѣла въ порядокъ, то есть, соразмѣрить тороватость Авдотьи съ степенью скарденности злой судьбы.

Но, когда осень приближалась, ни Лавинія, ни ея бабушка не подозрѣвали о шаткомъ основаніи ихъ минутнаго благосостоянія.

Покуда не познакомилась съ неудобствами ночнаго наводненія, Лавинія находила гаванскій бытъ отчасти сносимъ. Бѣдняжка привыкла къ своему печальному терему, какъ птичка привыкаетъ къ клѣткѣ, какъ узникъ сдружается съ камнями своей темницы.

Она привыкла къ этому монотонному уединенію, и даже создала себѣ кое-какія удовольствія, микроскопическія для обыкновеннаго глаза. Всякое новое лишеніе заставляло ее только подумать, что существуютъ тысячи людей, которые могутъ еще завидовать и ея участи. Тѣло ея, привыкшее къ батисту и шелку, скоро помирилось съ миткалемъ и выбойкой. Но душа ея, пробужденная для наслажденій музыки и поэзіи, неотступно просила законной своей пищи. По-несчастію, бібліотека бабушки представляла мало пищи молодому, любознательному и поэтическому уму; вся-то она состояла изъ Мѣсяцеслова на лѣто отъ Рождества Христова

1812-ое, и книги „Всемирный гадатель или опытный чародей“.

За особенное наслаждение почитала Лавиния, когда ей случалось сходить, въ сопровожденіи Милорда, въ Косую линію, гдѣ въ плохомъ домикѣ проживала одна хорошая бабушкина знакомая, и удавалось разыграть какую-нибудь сонату на хрипломъ инструментѣ прошлаго столѣтія, который въ Косой линіи извѣстенъ былъ доселѣ подъ названіемъ *клавикорда*.

Но въ числѣ главнѣйшихъ печальныхъ удовольствій Лавинии, были прогулки по кладбищу. За отсутствіемъ живыхъ, она бесѣдовала съ мертвыми. Она любила прислушиваться къ гармоніямъ вѣковыхъ деревьевъ, любила читать полустертые надписи на забытыхъ могилахъ, и потомъ задумывалась.... Незнакомая съ дѣйствительнымъ міромъ, она тѣмъ пламеннѣе пристращалась къ міру, создаваемому ея дѣвическою фантазією, по рисункамъ поэтовъ, которыхъ не забыла.

Воображеніе Лавинии могло захирѣть въ этой скудной атмосферѣ, какъ тропическое растеніе, занесенное въ полярный сумракъ: это воображеніе не захирѣло.

Вѣчное, печальное уединеніе могло покрыть ржавчиной апатія и скуки любую женскую душу. Не такова была душа Лавинии. Нѣтъ; въ этой молодой, но энергической душѣ было столько содержанія, столько внутренней силы, что она способна была къ припадкамъ скуки развѣ только посреди великолѣпныхъ пустынь свѣта. Гораздо больше безсонныхъ ночей, быть-можетъ, знала-бы она подъ вышитыми занавѣсами, на кружевномъ изголовьи....

Первые удары злополучія, особливо неожиданные, насъ изумляютъ, озадачиваютъ, даже потускняютъ разсудокъ и вызываютъ насъ на сумасброднѣйшія мѣры. Немного позже, эти удары уже не приводятъ насъ въ такое сильное замѣшательство, мы по-малу привыкаемъ къ страданію, какъ Митридатъ привыкалъ къ яду; сердце исподволь закаляется въ страданіяхъ. Впослѣдствіи, нападай на насъ судьба съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, — душа не обличаетъ и тѣни первоначальнаго отчаянія: она принимаетъ всѣ удары судьбы, какъ обычныхъ гостей.... Рано-ли, поздно-ли, а наступаетъ та

минута, когда мы начинаемъ дорожить, гордиться своимъ несчастіемъ, когда мы наконецъ въ этомъ кисломъ винѣ находимъ тонкій букетъ, прежде вовсе не подозрѣваемый.

Не знаю, многимъ-ли извѣстно грустное наслажденіе считать свои раны, и убѣждаться собственнымъ опытомъ, какое ужасное количество ударовъ способно вынести человеческое сердце — и.... не умереть!

XIV.

— На свѣтъ не безъ добрыхъ людей! повторяла обыкновенно бабушка Лавиніи.

Этой сентенціей вооружалась старушка въ самыя трудныя минуты жизни. Надо признаться, старушка была закоренѣлая оптимистка. Наклонность къ прекрасному мнѣнію о вещахъ и о людяхъ оказывалась въ ней такъ же неизлечимою, какъ и водяная.

Она никогда не забывала тѣхъ добрыхъ людей, которые приобрѣтали ея посильные труды за четверть ихъ настоящей цѣны; старушка называла, безъ всякой ироніи, благодѣтелями — тѣхъ своего рода филантроповъ, которые, въ случаѣ ея домашнихъ финансовыхъ кризисовъ, всегда готовы были ссудить ее суммою въ одинъ серебряный рубль, и даже больше, подъ залогъ какой-нибудь бездѣлицы, серебра, салопа или, пожалуй, хоть и перины....

„На свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, повторяла старушка, какъ-будто ободряя себя, всякій разъ когда надо было съ удвоенными усиліями, вынести на своихъ плечахъ тяжелое ярмо судьбы, и всегда покупала себѣ нѣсколько минутъ покоя цѣною многихъ бессонныхъ ночей, однако безъ посторонней помощи.

Только одинъ разъ, можетъ-быть, въ теченіи этой долгой жизни, бабушкина поговорка оправдалась. Геній-хранитель явился къ ней въ образѣ Авдотьи. Но старушка не замѣтила его благодѣяній до роковой минуты, когда этотъ геній-

хранитель объявилъ себя банкротомъ, разумѣтся, *благодѣтельными*.

Въ настоящую пору, когда всѣ враждебныя обстоятельства заключили, какъ казалось, наступательный союзъ противъ умирающей старушки и противъ едва знакомящейся съ жизнью дѣвушки, когда нужда, болѣзнь, наводненіе лишали страдальца послѣдняго мужества: онѣ готовы были принять за гения-хранителя даже и Нимфодору, которая, подъ предлогомъ знакомства, приходила къ нимъ обѣдать и пить кофе.

Ридикюль этой пожелтѣвшей отъ времени Фортуны, въ самомъ дѣлѣ, былъ сущій рогъ изобилія. Трудно изчислить, еще труднѣе упомнить всѣ сокровища, какими онъ былъ наполненъ. Замѣчу только главнѣйшее: пол-дюжины серебряныхъ столовыхъ ложекъ и четверть дюжины чайныхъ, вертикальные часы, незаводимые изъ видовъ бережливости, два три кольца чистаго золота, нѣсколько паръ серегъ и другихъ женскихъ украшеній изъ бирюзы, изъ гранатовъ и даже изъ мелкихъ брилліантовъ (каждая вещица была завернута въ особую бумажку); далѣе, въ секретномъ отдѣленіи кѣшка хранился пакетъ подъ пятью печатами.... (Лучшіе друзья Нимфодоры только послѣ ея кончины могли узнать содержаніе пакета: въ немъ заключался ломбардный билетъ на сумму въ тысячу рублей государственными ассигнаціями, который билетъ, за неимѣніемъ ни наслѣдниковъ ни кредиторовъ, поступилъ въ пользу разныхъ „богоугодныхъ заведеній“). Около пакета лежало множество расписокъ, квитанцій и тому подобнаго и наконецъ, выполированный давнимъ употребленіемъ паспортъ „для свободнаго прожитія во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи“.

Всѣ эти драгоценности хранились обыкновенно подъ замкомъ; но всякій разъ, какъ Нимфодора снаряжалась въ отлучку на день времени и болѣе, всѣ эти наличные представители богатства и безопасности бережно укладывались въ ридикюль, весьма впрочемъ приближавшійся къ разиѣранъ дорожнаго кѣшка, и слѣдовали неотлучно за своею госпожею.

Въ чужомъ домѣ, куда забиралась Нимфодора погостить,

ридикюль, со всѣми его сокровищами, сдавался подъ непосредственный надзоръ самой хозяйки, и удостоивался временнаго помѣщенія между шѣстными драгоценностями: между перстнями, наполненными волосомъ, между фамильныхъ кружевъ, пропитанныхъ удушливымъ ароматомъ мускуса, и между пожелтѣвшими пергаментными патентами на чинъ коллежскаго регистратора, и другими подобными рѣдкостями.

Нельзя сказать, чтобъ эту посѣтительницу особенно любили или уважали; нѣтъ; но къ ней привыкли, какъ привыкаютъ къ старымъ туфлямъ. Это было лицо, безъ котораго у насъ, то есть на Пескахъ или въ Галерномъ селеніи, трудно обойтись въ торжественныхъ и прискорбныхъ случаяхъ жизни. На похоронахъ — она шьетъ саванъ, напоминаетъ о кутьѣ, и, по нѣкоторымъ примѣтамъ, съ серьезностью авгура, выводитъ свои заключенія на-счетъ того, скоро-ли будетъ въ домѣ новая пища червямъ; на свадьбѣ, она кладетъ невѣстѣ въ башмачекъ какую-нибудь монету, наблюдаетъ — женихъ или невѣста прежде ступить на матерчатый коврикъ, и по этой примѣтѣ заключаетъ, кто изъ нихъ будетъ первенствовать, и тутъ же, сравнивая огарки вѣнчальныхъ свѣчъ, рѣшаетъ, кому, жениху или невѣстѣ придется умереть раньше. На крестинахъ, Нимфодора особенно необходима, потому что глубоко изучила всѣ тонкости этого обряда; на именинахъ она болѣе всѣхъ оживляетъ бесѣду, и жарче всѣхъ восхищается кулебякой.

Впрочемъ, и въ самые обыкновенные дни, этой посѣтительницѣ очень рады, и на Козьемъ-Болотѣ и у Костыля и на Охтѣ и въ Полку и на Таракановкѣ, вездѣ рады, точно также какъ путешественникъ, гдѣ-нибудь въ Манчжуріи или Билледульгеридѣ, радъ встрѣтить лоскутокъ хотя бы самой негодной газеты.

По-истинѣ, такая посѣтительница, въ словоохотливости обыкновенно неуступающая знаменитой болтуни Шехеразадѣ, необходима у насъ, какъ сказочникъ на Востокѣ, какъ импровизаторъ въ Неаполѣ: она своими нескончимыми рассказами неизмовѣрно услаждаетъ досуги шестидесятилѣтнихъ прапорщицъ и тому подобныхъ дамъ, а при случаѣ какой-

нибудь житейской катастрофы, может съ успѣхомъ исполнить должность генія-хранителя.

Нимфодора, во всѣхъ домахъ, которые посѣщаетъ, числится на правахъ старинной знакомой и на этомъ основаніи можетъ гостить недѣли по двѣ и прятать въ свою торбу всѣ впадающіеся кусочки сахару и прочая, потому, что въ мѣшкѣ существуетъ и съѣстное отдѣленіе.

Благодѣтельная судьба, вѣроятно, въ качествѣ генія-хранителя и послала ее съ высоты Песковъ на низменное финское побережье, именно въ такую минуту, когда бѣдныя гаванскія обывательницы всего болѣе нуждались въ ея утѣшеніи и мѣшкѣ....

Мы уже видѣли, по-утру послѣ маленькаго наводненія, до какой степени изумлена была на улицѣ прохожая, или точнѣе, Нимфодора, лаконоическимъ разговоромъ незнакомца въ овчинномъ пальто; но изумленіе это возрасло до неимоверности, когда она, войдя въ сѣренькій домикъ, куда спѣшила сначала только на чашку кофе, а потомъ уже и для утѣшенія страждущихъ, увидѣла его совершенно пустыннымъ и всюду непросохшіе слѣды морскихъ волнъ. Гостья обошла комнаты и кухню, кликала хозяевъ — все молчало; заглянула, уже не безъ трепету, на чердакъ; но и тамъ было темно и, по-видимому, пусто. На чердакъ гостью объялъ панническій страхъ: ей мерещились уже утопленники, она бросилась домой безъ-оглядки, въ полномъ убѣжденіи, что и бабушка и внучка погибли.

Цѣлую недѣлю мучила Нимфодору бессонница: не могла бѣдняжка довольно надумать о томъ, кому-то достанется въ наследство опустѣвшій гаванскій домикъ; наконецъ-таки не выдержала, и въ одно утро, Нимфодора и ея мѣшокъ отправились снова по направленію къ взморью.

Это былъ тоже печальныйъ день. Безобразные сѣрые лохотья тушь встлали холодное небо. Леденящій вѣтеръ сердито обрывалъ запоздалые желтые листья съ деревьевъ; послѣдніе цвѣты, почернѣвшіе отъ мороза, выглядывали изъ насадивниковъ какъ призраки. На всемъ замѣтна была печать близкаго разрушенія. Даже лица рѣдкихъ прохожихъ, которые встрѣчались Нимфодорѣ, были какъ-то особенно

блѣдны и угрюмы; а когда Милордъ встрѣтилъ гостью у калитки знакомаго намъ гаванскаго домика, и жалобнымъ визжаньемъ пригласилъ во внутренніе покои, гостьѣ почудилось, что онъ непремѣнно приведетъ ее къ какому-нибудь плачевному зрѣлищу.

Изумилась Нимфодора, увидя передъ собою молодое, прелестное существо, съ блестящими глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, даже съ полу-улыбкой на губахъ. Это была Лавинія.

— Не бойсь, здоровы не по-нашему! хотѣла привѣтствовать ее Нимфодора.

Но Лавинія бросилась на шею къ Нимфодорѣ, какъ къ старинному другу, хотя видѣла ее не больше двухъ разъ въ жизни, и знала едва по имени.

Когда прелестное личико прильнуло къ пожелтѣвшей скулѣ Нимфодоры, она убѣдилась, что этотъ роскошный румянецъ — искусственное произведеніе мороза, перваго задатка зимы, а чудное мерцанье глазъ — не что иное, какъ результатъ лихорадки...

Съ грустной полу-улыбкой, но молча, подвела Лавинія гостью къ постелѣ больной, которая, благодаря своей натурѣ прошлаго вѣку, чувствовала себя нѣсколько лучше. Старушка обрадовалась гостьѣ, какъ радуются только доброй матери, возвратившейся изъ прогулки вокругъ свѣта.

— Видишь, моя лебедушка, правду говорила я... на свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Нимфодора скромно улыбнулась при этихъ словахъ, какъ благотворная фея, и приняла всѣ мѣры, чтобы объемъ ея мѣшка не возбуждалъ слишкомъ и не искушалъ посторонняго любопытства.

— Охъ, отвѣчала Нимфодора, одинъ Богъ знаетъ, какъ у меня ныло да болѣло сердечко-то: надуматься объ васъ, голубушкахъ, не могла. Гдѣ-же это вы, въ-самомъ-дѣлѣ, пропадали? Я такъ вотъ и обмерла напередъ, какъ заходила къ вамъ, навѣдаться, въ самое-то утро послѣ наводненія: вхожу въ комнату, гляжу: пусто, ни души, — хоть все вынеси... Гдѣ это вы пропадали, голубушки?

Больная попыталась вдаться въ нѣкоторыя подробности

касательно ихъ домашней экспедиціи на чердакъ, но эта рапсодія оказалась не по силамъ разсказщицы. Ктому же строгая граница между дѣйствительностью и сномъ была у ней давно уничтожена: самыя чудовищные эпизоды грезъ приплетались къ самымъ трогательнымъ фактамъ, самыя грустныя обстоятельства перемѣшаны были съ комическими видѣніями болѣзненной фантазіи: это была своего рода „вальпургская ночь“.

Лавинія, замѣтивъ, что разсказъ, недовершенный и до полюины, страшно измучилъ старушку, поспѣшила выручить ее изъ бѣды, и безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ, дала короткій отчетъ о трехдневномъ и трехночномъ пребываніи своемъ подъ самой кровлей, объявивъ, что если куда отлучалась, то развѣ за съѣстными припасами, въ которыхъ оказывалась настоятельная надобность; Милорду при этомъ было поручено стеречь больную, но, отъ избытка привязанности къ своей молодой госпожѣ, онъ не утерпѣлъ и бросился проводить свою молоденькую госпожу, которая не разъ удостоивала его названія своего друга. Въ заключеніе, Лавинія отдала полную справедливость заслугамъ Авдотьи, которая, возвратясь изъ своего деревенскаго путешествія, неутомимо содѣйствовала возвращенію ихъ къ домашнему очагу.

Замѣтивъ, что Лавинія вышла изъ комнаты, больная тайно подозвала къ себѣ гостью, и шептала ей сквозь слезы:

— Охъ, моя матушка, Богу только извѣстно, чего не вытерпѣла моя Лавинія! Накажетъ меня Господь, и какъ накажетъ, за все, что сиротка изъ-за меня, больной, вынесла. Три дня, три ночи одна со мной, одна горе мыкала. И все-то одна дѣлала—все, все, все! Сердце вотъ надрывается, какъ подумаю, что даже вотъ и въ мелочную...

Старушка не могла кончить: она рыдала.

— Извѣстное дѣло! отвѣчала Нимфодора, меланхолически кивая головой: не приведи Богъ бѣлоручкѣ этакъ попасть... бѣда!

— Я, я всему виновата: я больна, я стара, я бѣдна!

И старушка залилась горькими слезами, отирая ихъ ру-

кавомъ, который совершенно случайно окрашивалъ и вѣки и лобъ въ зеленую краску.

— Небойсь, взятыя ни за что не смыслить ваша бѣлоручка-то? спросила саркастически Нимфодора.

— Какое! отвѣчала старушка, съ удивленіемъ и съ гордостью: насъ съ вами, матушка, поучить.

— Сумнительно-съ. Родители ее разной тамъ наукѣ и художеству обучали, а дѣла-то не показывали. Гдѣ-же ей умѣть что-нибудь?

— Ужъ не знаю. Видно, что самъ Богъ помогаетъ ушницѣ. Сердце вотъ надрывается, — поглядѣть, какъ она, красавица, за все берется своими золотыми рученьками.

— Да, да, жаль, что такая кралечка у васъ пропадаетъ.

— Видно ужъ грѣхъ такой на меня, матушка! Стара стала, — а то вывела бы ее въ люди....

— Кчему жъ было брать-то на свою шею обузу этакую?

— Одна радость и есть, неужто и ту Богъ возьметъ? Что прикажешь дѣлать-то?

— Какъ что? Не вѣкъ-же ей за печкой у васъ сидѣть?

— Вижу, вижу, что хирѣетъ птишка моя; да чѣмъ помочь-то?

— Давно меня бы спросили.

— Помоги, кормилица моя, помоги, будь сиротинкѣ родной матерью.

— Давно я думала о ней; давно мѣстечко прискивала.

— Мѣстечко?!

— Да, какое вамъ и во снѣ не снилось.

— Какъ-же это, отъ меня-то прочь развѣ?...

— Прежде всего, скажите, умна-ли она на танцы?

— На танцы, родная? А не знаю. Вышивать куда какая мастерица.

— Я спрашиваю только про танцы?

— А на клавикордахъ играть не понадобится?

— Не мѣшаетъ. Только, главное, ловка-ли она?

— Ужъ вотъ этимъ, такъ скажу, моя Авдотьюшка налюбоваться не можетъ.

— Значить, вы согласны?....

— Согласна, моя родная, во всемъ согласна съ моею Авдотьей.

— Я спрашиваю у васъ: хотите вы счастья вашей внучкѣ, или нѣтъ?

— Какъ-же, матушка! Съ душой бы виѣсть вынуда и даа бы ей счастья.

— Ну, такъ послушайтесь меня.

— Во всемъ послушаюсь.

— Мѣсто завидное! Въ балетѣ разныя фигуры танцовать.

— Какъ это въ балетѣ? Стало-быть, на театрѣ? спросила старушка въ остолбененіи.

— Да, да! что вамъ такъ мудрено это кажется? Разуѣется, на театрѣ: а то гдѣ-же?

— Да что это вы, Богъ съ вами, почтенная: никакъ рехнулись. И вы-то насъ обижаете.... Актерка!

— О-о-охъ, охъ, охъ! Видѣла я тамъ дѣвушекъ: не вашей внучкѣ чета! Живуть себѣ припѣваючи. Лучше, какъ была бы пристроена: а то вѣдь все-равно, пропадетъ, какъ васъ-то не станетъ. Отъ васъ, матушка, ужъ землей пахнетъ.

При послѣдней фразѣ, за дверьми слышалось невольное, заглушаемое рыданіе.

— Не приведи Богъ добра желать людямъ: ты же и останешься у нихъ виновата.

Лавинія тихонько вошла въ комнату, умоляя взорами пощадить больную.

— Да уговорите хоть вы-то бабушку, обратилась гостя къ Лавиніи: что она у васъ счастье отнимаетъ. Дѣвицы, не нашей сестрѣ подѣ статью, нарывать въ люди выйти.

— Благодарю за вашу заботливость. Но какъ-же возможно мнѣ хоть на день отлучиться: кто будетъ ухаживать за моею доброй бабушкой?

— Подойди, мой ангелъ, ко мнѣ, говорила старушка задыхаясь отъ радости, что сокровище ея еще не похищено. Дай въ лобикъ поцѣловать.... Или нѣтъ: жаль мнѣ, больной, тебя цѣловать-то.

— Что она у васъ-то? и выбойчатого пдатья не дождется; а тамъ какъ разъ затѣяла-бы тафтяное.

Бабушка, не находя словъ для отвѣта, въ отчаяніи, качала съдою головой.

— Что и знала, такъ все перезабудеть у васъ, бѣдненькая, прибавила благодѣтельная гостя.

Лавинія не проронила ни словечка. Ей совѣстно было встрѣтиться съ тусклыми взорами Нимфодоры.

— Не жалуйтесь потомъ, что добрые люди васъ забываютъ, продолжала гостя.

— За доброе стараніе ваше спасибо, а ужъ не прогнѣвайтесь....

Старушка прервала свою фразу страшнымъ кашлемъ.

— Благо честь была предложена, возразила Нимфодора, а тамъ ужъ на себя пеняйте, ни на кого больше. Прощайте.

И мѣшокъ Нимфодоры удалился во-свои, даже ни разу не открытый.

Лавинія осталась у бабушки. Обѣ знали, что Авдотинъ рогъ изобилія пустѣеть, а зима была за плечами.

У старушки, изволите видѣть, были свои понятія, свой вкусъ: нищета и честь ей казались несравненно привлекательнѣе благосостоянія, купленнаго цѣною униженія и доброй славы. Но Лавинія не раздѣляла бабушкиныхъ мнѣній о театрѣ. Лавинія полагала, что не пограчила бы своей чести и на сценѣ, если бъ только служеніе Терпсихоръ могло сколько-нибудь облегчить участь больной бабушки.

XV.

Послѣ той ночи, когда финское море совершило одинъ изъ своихъ обычныхъ осеннихъ набѣговъ на беззащитное галерное селеніе, и доставило Финагенчу счастье спасти множество дровъ и двѣ живыя души, — гаванскій герой устроилъ дѣла свои такъ, что случай приводилъ его, ежедневно и по нѣскольку разъ, въ ту молчаливую улицу, которая отроду не знала ни каменнаго дома ни звонкой мостовой и даже никакихъ сверхъ-естественныхъ про-

хожих; и въ этой улицѣ, тотъ же случай, неотвѣнно за-
медилъ шаги Финагенча передъ скромнымъ трехъ-окошеч-
нымъ фасадикомъ, котораго архитектура вовсе неоправдыва-
ла предпочтенія, какое оказывалъ ему Финагенчъ.

Что бы ни выглядывало изъ маленькаго окна — блѣдно-
розовый женскій профиль, — вѣтка дикаго жасмина, — или
похватая физиономія Милорда, — Финагенчъ, проходя мимо,
почтительно снималъ свой клеенчатый картузь.

Милордъ, съ недавняго времени недовѣрчивый и понурый,
при всей признательности къ своему новому знакомцу, при
видѣ его никакъ не могъ воздержаться отъ нѣкотораго су-
дорожнаго движенія въ челюстяхъ и отъ глухаго, почти не-
вольнаго рычанья.

Но, а уже замѣтилъ, это былъ пудель, подававшій большія
надежды: онъ умѣлъ скрывать существенные припадки анти-
патии; очень вѣжливо принималъ зубами всякую кость, вся-
кую корку хлѣба, предлагаемая ему этимъ угодливымъ про-
хожимъ, но благоразумно отлагалъ всѣ эти дары въ-сторо-
ну. Милордъ вообще уклонялся отъ знакомствъ съ подозри-
тельными людьми, и особенно не жаловалъ господъ, облича-
ющихъ излишнюю неясность намѣреній.

А Финагенчъ частенько останавливался передъ этимъ до-
шкою, въ безмолвномъ созерцаніи, точно браминъ передъ
вагодою.

Плохъ и невзраченъ былъ этотъ сѣренькій домишко, ви-
дѣвшій, въ первый разъ отроду, архитектора лѣтъ черезъ
сорокъ послѣ своей закладки, именно когда онъ явился на-
чертить на фасадѣ бѣднякаго домика злобщей цифрой
смертный его приговоръ. Но не стѣны привлекали хищное
любопытство Финагенча, а то, что таилось за стѣнами.

Лясыца, при видѣ сочной грозды винограду, — правовѣр-
ный, при видѣ Магометова гроба, — антикварій, при видѣ
нашихъ временъ Юстиниана, — ручаюсь, не испытываютъ
того восторга, какой овладѣваетъ Финагенчемъ, при видѣ
душки, въ которой замѣчательная красота соединяется со
многими выгодами бѣдности.

Выгоды бѣдности! удобство голода! кому эти вещи знать,
никъ не воставщику натурщицъ? Красавицу чистѣйшей кро-

ви, женщину отличнѣйшей породы, но одруженную роскошью, или даже только довольствомъ, Финагенчъ ставилъ ни во что; восхитительнѣйшіе женскіе торсы, стиснутые шелковыми корсетомъ, прелестнѣйшіе члены, потопленные въ волнахъ атласу и бархату — были, для Финагенча, мертвыми каменами.

Но самая невзрачная красота формъ въ соединеніи съ извѣстною степенью нищеты, и особливо при нѣкоторыхъ условіяхъ голоду, разумѣется, если онъ не успѣлъ еще порядкомъ огладать всѣ члены, — была находкой для Финагенча. Судите же, въ какой мѣрѣ должно было разиграться его воображеніе, когда онъ свѣдалъ про кладъ красоты и бѣдности, таившейся въ этомъ сѣренькомъ домикѣ. Теперь вамъ немножко понятно умиленіе, съ какимъ Финагенчъ глядѣлъ на эти радужныя отъ древности оконныя стекла, и особенно на эту ветхую, но тѣмъ не менѣе плотно прикрывающую, калитку. Теперь отчасти осмыслилось въ глазахъ вашихъ его пастойчивое искательство дружбы Милорда.

Въ одно предождливое утро, Финагенчъ въ избыткѣ нѣжности разсматривалъ свой любимый домикъ долѣе обыкновеннаго и, вѣроятно сообразивъ хорошо всѣ настоящія обстоятельства, отъ разбитаго и уже недѣли двѣ не вставляемаго стекла, до кошки, мяукавшей на крышѣ, со всѣми признаками голоду.... Финагенчъ съ необыкновенной рѣшимостью остановился передъ калиткой, — не только остановился, но и тронулъ рукою щеколду, — не только тронулъ, но и полуотворилъ калитку, и, съ скромностью лисицы или гиены, заглянулъ на дворикъ, густо поросшій цикоріемъ и крапивой.

Унылое безмолвіе не нарушалось ничѣмъ, кромѣ дождя, барабанившаго почти съ одинаковою звонкостью по дыривому забору и по овчинной одеждѣ незваннаго гостя. Ободренный Финагенчъ благополучно переправилъ одну ногу за высокій порогъ калитки. Но тутъ сцена немножко отявилась: непріязненный лай поднялъ въ домѣ тревогу; ржавыя петли завизжали, дверь отворилась, и половницы въ сѣняхъ запрыгали, какъ клавиши подъ пальчиками уязвонной очаровательницы.

— Кого тебѣ? раздался голосъ, грозный, какъ окликъ гренадера съ форпоста.

На встрѣчу гостю вышла бородатая женщина, неистово засучивавшая свои рукава. Однако Финагенчъ не отступилъ ни на шагъ.

— Кого тебѣ надѣть? повторила она еще сердитѣе.

— Нѣтъ, я за курочкой, бабушка.... не забрела ли сюда курочка? повторилъ Финагенчъ, съ видомъ крайняго простодушія оглядывая пустынные углы двора.

— Хмъ! курочка! Какая тебѣ тутъ курочка! Курочекъ по чужимъ дворамъ ищеть.... Нѣтъ тутъ никакихъ курочекъ.

Финагенчъ, полагая, что прочное основаніе знакомства уже положено, счелъ не лишнимъ представить честной компаніи и другую свою ногу, остававшуюся покуда на улицѣ.

Но строптивый Милордъ, замѣтивъ это фамиллярное покушеніе, до такой степени возвысилъ свой голосъ, что Финагенчъ, приведенный въ замѣшательство, сталъ извиняться. Избирая самые лестные эпитеты, онъ не находилъ ничего достопочтеннѣе титула *бабушки*, и украшалъ имъ свою рѣчь довольно неумѣренно.

— Далась тебѣ эта бабушка! ворчала оскорбленная Авдотья, прерываемая шумнымъ лаемъ. Цыцъ, собака! Эку нашелъ бабушку!... Замолчишь ли ты, пострѣль!... Бабушка: хорошь внучекъ!

Финагенчъ, пользуясь своимъ положеніемъ, которое все еще было довольно независимо, такъ-какъ онъ только одною ногой принадлежалъ чужому двору, попытался свести разговоръ на дождикъ, на холодъ, на бѣдность и на другія подобныя „общія мѣста“, но не получилъ ни какого удовлетворительнаго отвѣта.

Между-тѣмъ, предусмотрительный Милордъ потихоньку занялъ весьма выгодную позицію въ окрестностяхъ икоръ Финагенча.

— А! старый знакомый! проговорилъ Финагенчъ дружескимъ тономъ.

Милордъ отвѣчалъ рычаніемъ такого тону, что гость нашелъ нужнымъ устранить всякую темную мысль на-счетъ

своихъ намѣреній: намскнулъ о своей зажиточности и тутъ же провозгласилъ себя владѣльцемъ поддюжины насѣдокъ и цѣлой семьи поросятъ.

— Ладно, ладно, проваливай! отвѣчала баба, несговорчивая какъ сушая Мегера; много васъ, лодырей, ходитъ тутъ.

Милордъ обличалъ все нетерпѣніе храбреца, ожидающаго сигнала битвы.

— Прощенья просимъ! проговорилъ наконецъ непринятый гость. — Придержите, почтенная, собаку—то за ошейничекъ.

Финагенчъ, нѣсколько уже знакомый съ зубами Милорда, только такимъ образомъ обезпечивъ свободу своего отступления, рѣшился удалиться, и удалился съ печальной увѣренностью, что въ этомъ домикѣ неизвѣстны самыя начальныя правила гостепріимства.

XVI.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Финагенча, когда онъ, непоколебимо увѣренный въ несомнѣнности успѣха своего предпріятія, въ первый разъ по этому поводу, въ праздничномъ костюмѣ, явился въ мастерскую художника Флоренскаго.

Черезъ нѣсколько дней, замѣчая, что художественное его предпріятіе не подвинулось впередъ ни на волосъ, поставщикъ натурщицъ нашелъ нужнымъ расширить кругъ своихъ дѣйствій и отправился предложить свою натурщицу одному записному аматеру.

Мы видѣли Финагенча въ рабочемъ кабинетѣ челоуѣка, который ничего не дѣлаетъ. Если вы не догадываетесь, на какомъ основаніи Финагенчъ распоряжался тамъ чужою красотой, какъ благопріобрѣтенною собственностью, цѣнилъ и даже продавалъ еще не пойманную птичку, замѣчу, что все это дѣлалось на томъ—же самомъ основаніи, на какомъ со-

временные гени продаютъ десять томовъ несочиненнаго романа или осьмнадцать частей ненаписанныхъ записокъ. Мало того, у Финагенча были своего роду стратегическія соображенія. Почуявъ врожденнымъ ему инстинктомъ, который рѣдко вводилъ его въ заблужденіе, почуявъ выгодность какого ни есть предпріятія, Финагенчъ не только уцѣплялся за него съ волчьей энергіей, но и торопился опутать себя всевозможными обязательствами, посулами и даже принятіемъ задатковъ, чтобы на случай упадка духомъ, или слишкомъ ужасающихъ препятствій, — заблаговременно уничтожить всякую возможность — отказаться отъ затѣяннаго предпріятія.

Такъ храбрый военачальникъ, взобравшійся на высокія неприятельскія стѣны, велитъ отбросить прочь всѣ лѣстницы, чтобы заранѣе отнять у себя всякую возможность постыднаго отступленія.

Съ полученіемъ пятидесяти-рублеваго кредитнаго билета, Финагенчъ понялъ, что ему остается — побѣдить, или умереть.

Глубокое умиленіе, въ какое онъ впалъ по случаю неожиданной барской щедрости, помѣшало ему приступить тотчасъ-же къ рѣшительной операціи, и онъ счелъ не лишнимъ предварительно отпраздновать этотъ случай, какъ слѣдуетъ, по старинному обычаю, три дня и три ночи.

Съ раннею зарею четвертаго дня, Финагенчъ открылъ рѣшительную кампанію и двинулся по направленію къ мелочной лавочкѣ.

Запасаясь основными элементами своего существованія, хлѣбомъ и лукомъ, Финагенчъ, на этотъ разъ, нашелъ нужнымъ вѣдаться въ нѣкоторые политико-экономическіе вопросы; потомъ распространился о кредитѣ вообще, и о кредитѣ, въ особенности, какимъ пользуется стѣренькій, трехоконный домикъ.... Лавочникъ, привыкшій извлекать возможную пользу изъ утренняго досуга, съ образцовымъ рвеніемъ, сообщалъ любознательному покупателю сотни драгоценныхъ статистическихъ данныхъ, тысячи микроскопическихъ подробностей касательно житейскаго быта, какія могутъ быть из-

вѣсны только мелочному торговцу. Но Финагенчъ оказывалъ особенное расположеніе только къ сѣренькому домику, и съ примѣрными вниманіемъ старался изучить всѣ пружины этой маленькой и не затѣйливой машины. Очевидно было, что машина эта съ нѣкотораго времени въ странномъ разстройствѣ... Финагенчъ пытался извлечь свои выгоды изъ этого разстройства. Вѣроятно, съ этой цѣлью онъ старался поселить въ душѣ мелочнаго торговца разныя помысленія, на счетъ глѣбности людскихъ обѣщаній и долговыхъ книжекъ; наполнилъ воображеніе бѣдняка сомнѣніемъ, и призраками несостоятельныхъ должниковъ.... По уходѣ перваго утренняго посѣтителя, лавочникъ впалъ въ такой панической страхъ, что поклялся никогда больше не брать сто на сто, а развѣ сто на пятьдесятъ.

Потомъ дѣятельный Финагенчъ посѣтилъ одного гаванскаго старожила, отставнаго матроса, владѣльца избушки, взгорожденной на высокія сваи, точь-въ-точь какъ старуха на ходуляхъ. Въ былыя времена, старый морской волкъ блаженствовалъ въ отставкѣ, ведя обширный торгъ сѣрными спичками; но нынѣ, жертва химическаго переворота, старикъ нашелся вынужденнымъ избирать себѣ новое поприще, въ тѣ лѣта, когда обыкновенно сходятъ съ поприща. Между-тѣмъ, рѣдко кто съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ умѣлъ опровергать всѣ мнѣнія на счетъ пользы фосфорическихъ спичекъ. Питая полное презрѣніе ко всѣмъ ухищреніямъ новѣйшихъ людей, старикъ предсказывалъ то время, когда люди, на минуту ослабленные фосфоромъ, возвратятся опять къ прежнему труту, къ прежней сѣрѣ и къ прежнимъ гигантскимъ спичкамъ.

Въ ожиданіи этой сѣрнистой эпохи, надо было жить.... За житейскими совѣтами старикъ относился къ Финагенчу. Впрочемъ, старикъ славился въ своемъ кварталѣ двумя вещами: огромной честностью и еще огромнѣйшею собакою.

Чудный былъ этотъ песь: въ немъ было сліяніе волка, медвѣдя и льва. Любители собачьей породы приходили въ восторгъ при видѣ этого чудовища и предлагали владѣльцу по сотнѣ рублей: владѣлецъ никогда не отказывался отъ

такой выгодной продажи. Но четвероногий товаръ постоянно прибѣгалъ обратно къ продавцу, противъ его воли и не взирая ни на какія преграды.

Этотъ мохнатый, буро-рыжій звѣрь, по-видимому, не любилъ шутокъ и не утруждалъ своей гортани бесплоднымъ лаемъ. Онъ встрѣтилъ ранняго гостя молча, но поднялся у своей дворовой конуры съ такимъ львинымъ величіемъ, что Финагенчъ, только по личномъ удостовѣреніи въ надежности цѣпи, рѣшился пройти мимо чудовища. Финагенчъ вель съ старикомъ многія коммерческія дѣла: продавалъ ему весьма сходно дрова, приобретаемые разными случаями; доставлялъ ему съ уступкою пятидесяти процентовъ, каждую штуку домашнего скота, который по оплошности заходилъ на границу владѣній Финагенча; иногда онъ забиралъ даже и тѣхъ животныхъ, которыя заблуждались на общественномъ пути.

Финагенчъ свѣдалъ о томъ, что старый морякъ имѣеть частыя сношенія съ сѣренькимъ домикомъ; что онъ тамъ привилегированный поставщикъ топлива, а часто и събѣстныхъ припасовъ; мало того, Финагенчъ зналъ, что добродушная, хотя и бородастая, Авдотья, пользуется у старика огромнымъ кредитомъ. Все это имѣло слишкомъ важныя вліянія на дѣла Финагенча: вотъ какія причины вынуждали его на это раннее посѣщеніе. Но таинственное совѣщаніе было ведено дипломатическимъ шопотомъ и не предвѣщало ничего добраго.

Послѣ этихъ краткихъ, но не бесплодныхъ бесѣдъ, Финагенчъ, какъ обыкновенно, мимоходомъ заглянулъ въ каютку сѣренькаго домика. Все обстояло благополучно: бдительный четвероногий сторожъ, молча, но довольно вразумительной позой, не пустилъ ранняго посѣтителя дальше каютки. Но когда гость успѣшилъ заключить эту безмолвную сцену, и удалиться, Милордъ подалъ свой голосъ, и неизбежная Авдотья высунула изъ дверей голову, навьюченную торбанойъ, созданнымъ изъ полотенца.

— Ты ужь опять тутъ! замѣтила она довольно сердито.

— Здравія желаю, отвѣчалъ Финагенчъ торжественно и почтительно.

— Видно, за пѣтушкомъ сегодня? спросила иронически Авдотья.

— Никакъ нѣтъ-съ; пѣтушокъ, слава Богу, дома....

— Чего-жь ты бродишь-то?

— А дровецъ не будетъ-ли угодно?

• Финагенчъ обнажилъ свои соломенные волоса такъ трогательно, что могъ бы польстить этимъ даже и не Авдотья.

— Дровецъ! повторила она протяжно и съ такою нѣжностью, какъ-будто затронута была самая чувствительная струна ея сердца.

— Да-съ, хорошенькихъ, не изволите-ли?

— Хорошенькихъ? повторила Авдотья, стараясь не обращать никакого вниманія на опустѣлые углы дворика, который давно не видалъ ни полѣшка.

По добродушному виду, съ какимъ произнесенъ былъ этотъ вопросъ, Финагенчъ смекнулъ, что препятствія къ окончательному вступленію во дворъ устранены.

— А небойсь дороги, дрова-тъ? безопасно спрашивала Авдотья, между-тѣмъ какъ неприятель явно занималъ твердую позицію.

— За безцѣнокъ пойдутъ! Деньги нужны.

Милордъ испустилъ-было зловѣщее рычанье, но получилъ отъ рукъ Авдотьи отеческаго туза, и, справедливо оскорбившійся этимъ незаслуженнымъ упрекомъ, опустилъ хвостъ, какъ одоленный превосходными силами корабль спускаетъ свой флагъ.

— Денежки нужны, баб.... тетушка, продолжалъ Финагенчъ, потирая свои сучковатя ладони.

— Хмъ! кому онѣ, окаянныя не нужны? говорила Авдотья съ очевиднымъ негодованіемъ на всѣ деньги въ мірѣ.

— А вамъ много-ли понадобится?

— Чего, денжонокъ-то?

— Нѣтъ, дровецъ-то.

Авдотья не могла вдругъ дать отвѣтъ: ей нужно было нѣсколько минутъ на соображеніе.

— Вязаночекъ десять нужно будетъ? спросилъ Финагенчъ.

— Де-ся-токъ? Стало, вы гуртомъ ставите? спросила бѣдная женщина почти съ уныніемъ.

— Всяко случается.

— Десятокъ! Экъ онъ хватилъ! Чтѣ ты, чтѣ ты, батюшка! Десятокъ! Нельзя-ли поменьше?

— И меньше можно. Какъ по вашему-то? Пятѣчекъ, чтѣ ли?

— Поставить-то, родимый, некуда. Не дать же подъ дождемъ мокнуть.... А вотъ кабы этакъ вязаночки три удружилъ-бы.... Да вотъ что: какъ цѣна-то?

— Лишняго не возьму.

— Говори толкомъ, любезный.

— Да чтѣ жъ, вѣдь извѣстное дѣло, по гривеннику продаемъ, тетушка.

— Такъ и знала, что заломилъ, батюшка.

Между-тѣмъ Авдотья уже чувствовала, что морозъ принудитъ согласиться на всѣ условія.

— Право, такъ продаемъ-съ. Для васъ развѣ уступочку сдѣлать.

— Вотъ, кабы по пятаку серебра за вязанку, да половину денегъ пообождать, такъ взяла-бы три вязанки.

— Извольте, извольте!

Обязательный Финагенчъ, увлекаясь духомъ благотворительности, и пользуясь страдательной ролей, на какую осудилъ Милорда, бросился бѣгомъ вонъ изъ калитки.

— Да онъ предобрѣйшій! говорила вслѣдъ Финагенчу очарованная Авдотья. — А я-то, безмозглая, и знаться съ нимъ не хотѣла.... И, кажется, не пьющій.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Финагенчъ, страшно крехтя и страшно скрипя дровами, пролѣзъ снова въ калитку, согбенный подъ колоссальной ношей дровъ, изъ которой смысленный человекъ съумѣлъ-бы сдѣлать вязанокъ десять. Авдотья, замѣтившая это обстоятельство, и умѣвшая цѣнить по достоинству всякое доброе дѣло, ту же минуту вынесла изъ своего гардероба одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ шейныхъ платковъ, одинъ изъ платковъ, лежавшихъ въ основаніи ея приданого.... Еще разъ онъ развернулся во всей

красотѣ своихъ ярко-желтыхъ узоровъ на розовомъ грунтѣ; еще минутку полюбовалась ивъ злополучная невѣста, взглянула на платокъ въ послѣдній разъ и... подала его Финагенчу.

— Что это? спросилъ тотъ, не понимая намѣреній бѣдной женщины.

— А платочекъ, родимой! отвѣчала Авдотья. Цѣлковонькій всякъ зажурысь дастъ: чистая шерсть съ бумагой...

— Полноте, что это вы, тетушка, Богъ съ вами. Развѣ я ростовщикъ какой, что ли? Нѣтъ мелкихъ, такъ и поелъ сочтемся.

Авдотья была рѣшительно покорена великодушiемъ Финагенча.

Когда вопросъ о дровахъ былъ разрѣшенъ любовно, Финагенчъ, ободренный добросердечiемъ Авдотьи и особенно полагаясь на вынужденное благорасположенiе Милорда, попытался утвердить свое знакомство на прочныхъ основанiяхъ.

Отъ дровъ весьма естественно бесѣда перешла къ морозу, а отъ мороза — къ барышнямъ.

— А что барышня ванна подѣлываетъ?

— А на что тебѣ барышню-то?

— Какъ на что? Все-ли въ добромъ здоровьи? Красавица, неча сказать; только воды куда какъ боится. Намедни, кричитъ вотъ „тонемъ“! А воды-то и всего вершка на три въ ковшатъ. Такая, право, забавница.

— Такъ это ты спасалъ моихъ хозяйшекъ-то?

— А то кто-же?

— Такъ ты и на самомъ дѣлѣ добрый человекъ? Такъ бы и говорилъ. А то мнѣ и не въ-домекъ. Ну, да я ужъ заочно помолилась о тебѣ Господу. Пстой-ко покажу тебѣ барышнѣ: признаетъ-ли тебя.

Финагенчъ приосанился. Онъ старался принять благородную позу Аполлона Бельведерскаго или по-крайней-мѣрѣ Антиноя, но оживный пыхло упрямо противился всякому добродушiю.

— Барышня, а барышня! пожалуйста-ка сюда, сказала Авдотья.

Лавинія, въ блонъ напотъ, блѣдная какъ зима и печальна какъ ясное небо, вышла въ холодную галерею, поддерживаемую полустгнившими сосновыми столбами, и тотчасъ превратила жалкую сцену въ прекрасную, хотя и трогательную картину.

— Поглядите-ко, барышня, вотъ этотъ добрый человекъ вашъ помощникъъ сказывается.

Финагейчъ рекомендовался невѣроятнымъ поклономъ, какой и олимпійскіе боги видѣли только по большимъ праздникамъ.

Лавинія, привѣтливо взглянувъ въ фізіономію этого человека, съ радостью узнала въ немъ своего ночнаго избавителя.

— А вы бы платочекъ на головку-то накинули, голубушка, замѣтила заботливая Авдотья.

— Ничего, мой другъ, надо привыкать ко всему. Однако поди къ больной: неравно проснется, а тамъ никого нѣтъ.

— И то правда; да вы сами-то прилегли-бы чуточку; поди-ко всю ноченьку глазокъ не смыкали.

— Нѣтъ, я спала немножко, такъ, не раздвываясь....

Финагейчъ остался глазъ-на-глазъ съ Лавиніей. Подъ спокойными взглядами предестной, кроткой дѣвушки, онъ чувствовалъ вочти тоже смущеніе, какииъ былъ пораженъ, когда въ первый разъ выказывалъ красоту своихъ мускуловъ передъ взыскательнымъ судомъ профессора живописи, отъ котораго зависѣла вся его будущность.

— Узнаю, узнаю тебя, добрый человекъ. Никогда такихъ людей не забываютъ. Безъ тебя, мы съ бѣдной бабушкой погубили-бы....

— Напрасно сумлеваться изволили, возразилъ Финагейчъ, приглаживая свои волосы, поднятые ноябрьскимъ зефиромъ.— Гдѣ тутъ утонуть! Башмачки бы развѣ маленько подмотали.

— Пожалуйста накрой свою голову, сказала Лавинія, допронавшись до картуза, бесполезно измятаго въ рукахъ дорогого гостя.

Эта простая фраза и это простое движеніе блѣдной женской руки — произвели странное впечатлѣніе на черствую

душу отставнаго натурщика : въ жизнь свою Финагеичъ не слышалъ подобной фразы ни отъ одного порядочнаго человѣка, хотя бы битый часъ стоялъ передъ нимъ безъ шляпки подъ июльскимъ солнышкомъ или подъ крещенскимъ морозомъ. Финагеичъ поневолѣ вывелъ заключеніе, что Лавинія должно быть не благороднаго происхожденія.

Лавинія внутренно сожалѣла, что не могла озолотить этого человѣка, хотя и почитала его услугу выше всякой матеріальной награды.

— Скажи откровенно, ты бѣденъ! спросила она съ участіемъ.

— Не богатъ, барышня, отвѣчалъ Финагеичъ съ громкимъ вздохомъ.

— Чтó жъ, работаешь?

— Нельзя пожаловаться: работка случается.

— И платятъ тебѣ?

— Плохо, и то не всегда.

— Ты счастливѣе меня: я тружусь сколько силы позволяютъ — и не могу прокормить себя.

— Что жъ, можно добыть работку-то.... и по выгоднѣе.

— А ты, другъ мой, чѣмъ занимаешься?

— Мало-ли чѣмъ! Вотъ и рыбку ужу, и дрова продаю, и мебель носимъ, и разсылнымъ, и по разнымъ порученіямъ; когда и съ факелами....

— Что, съ факелами? спросила изумленная Лавинія: такъ-ли я слышала?

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ Финагеичъ съ возможнымъ смиреніемъ, намѣреваясь какъ можно скромнѣе перейти къ изложенію полной системы своихъ занятій.

Въ эту минуту въ комнатѣ послышались продолжительныя трели кашля, съ акомпаниментомъ стenanій. Лавинія успѣла только сказать: „извини, дружокъ“! — и упорхнула. Финагеичъ чувствовалъ себя въ положеніи школьника, оплошно выпустившаго изъ рукъ рѣдкую птичку.

Однако неограниченное довѣріе, какого онъ такъ долго домогался, и какое наконецъ успѣлъ снискать и у прелестной хозяйки и у бородатой служанки, давало Финагеичу

завидное право посещать съренскій домикъ по-чаще. Одна только особа упорно отказывала Финягенчу въ доврѣн — это упрямый Милордъ. Правило — начинать знакомство въ до-мѣ свисканіемъ благорасположенія собаки, оказывалось тутъ рѣшительно недѣйствительнымъ. Милордъ не подходилъ подъ это правило ни желудкомъ, ни зубами. Онъ представлялъ собою блистательное исключеніе.

XVII.

Время выставки художественныхъ произведеній приближа-лось. Предчувствіе академическаго триумфа отнимало у ху-дожниковъ много творческаго рвенія. Почти ни одна карти-на, какъ водится, не была окончена; не упоминаю уже о статуяхъ.... Вдохновеніе — презираетъ всякія обязательства и сроки. Неудовимая какъ радуга, капризная какъ обольсти-тельная кокетка, щедрая какъ.... не найду сравненія!... щедрая какъ никто, — эта небесная гостья не подчиняется ни какому земному уставамъ.

Нѣсколькими мгновеніями, проведенными съ этой гостьей, вознаграждаются годы бездѣйствія и лѣни. Впрочемъ, лѣнь существенно свойственна только обыкновеннымъ людямъ. По-этъ — выше всякой лѣни и прилежанія.

Спрашивается: развѣ художникъ можетъ „творить“ по осьмнадцати часовъ въ сутки, какъ работаетъ лондонскій пролетарій, или хоть по одному часу въ недѣлю, какъ тру-дятся иной лордъ?

Нѣтъ; онъ долженъ выждать свѣтлой минуты, минуты творчества. А это-то выжиданіе вдохновенія и извѣстно у толпы подъ названіемъ лѣни.

Вотъ почему прекраснѣйшія картины никогда не бываютъ готовы къ сроку.

Художники, въ ожиданіи окончательной дозы вдохновенія, куда Аполлонъ не требовалъ ихъ къ священной жертвѣ, играли въ шашки, или на билліардѣ, и, по выраженію по-эта, были малодушно погружены въ забавы суетнаго свѣта.

За-то некоторые amateurs безсмертія, твердо рѣшившіеся обнародовать свою «визію», обличали дѣятельность неимовѣрную. Портреты ихъ, блистающіе ланюшъ и феодалною спѣсью, были готовы задолго до срока выставки. Великолѣпныя вызолоченныя рамы съ родовыми гербами были изготовлены задолго до портретовъ. Ничего не было пощажено — для произведенія желаемого эффекта и для доставленія полнѣйшаго наслажденія господамъ посѣтителямъ выставки: ничто въ этихъ картинахъ не было упущено изъ виду, — ни бархатный стулъ, ни англійскій пудель, ни бакенбарты, ни вышитые золотомъ обшлага и лацканы....

Если это была дама, то она непременно заказывала живописцу бархатное платье, карминный румянецъ, атласныя драпировки и ишфервейсовыя плечи и руки.

Флоренскій вздохнулъ свободнѣе, когда два-три подобныя произведенія убыли изъ его мастерской. Но все-таки нашъ художникъ былъ мраченъ какъ Лара: любимое дитя его фантазіи, роскошная картина античнаго быта, все ожидало послѣднихъ ударовъ кисти. Художникъ ждалъ вдохновенія и натурщицы. Но поставщикъ этого художественнаго товару пропалъ безъ вѣсти и безъ слѣду. По пятидесяти разъ на день звенѣлъ въ передней у Флоренскаго колокольчикъ: пятьдесятъ разъ воображеніе живописца готово было встрепенуться, какъ пробудившійся орелъ.... Но всю эту ежедневную суматоху производилъ господинъ Лососинниковъ единственно своими средствами. Онъ былъ большой дилеттантъ. Все утро неутомимо охотился за билетами итальянской оперы, и безпрестанно возвращался къ Флоренскому, сообщая ему о своихъ успѣхахъ, если удавалось цѣною трехдневнаго своего жалованья добыть какую-нибудь точку опоры въ мѣстахъ за креслами. При этомъ гость соболѣзновалъ о томъ, что полторы недѣли петербургской жизни промелькнули какъ сонъ, — довольно тяжелый для хозяина, — и что скоро наступитъ время разставанья.

По долгу правдиваго лѣтописца, я долженъ замѣтить, что Флоренскій въ этомъ случаѣ не раздѣлялъ сѣтовааній Лососинникова.

Наконецъ, насталъ послѣдній день.... Все утро, молодой человекъ хлопоталъ по дѣлу относительно сигарныхъ запасовъ, и явился въ мастерскую Флоренскаго, передъ самымъ завтракомъ.

— Ну, братецъ, новое открытіе! воскликнулъ миниатюрный постылецъ.

— Что, навѣрно, какая-нибудь новооткрытая модистка?

— Вѣчно насмѣхается!

— Ну, такъ что-же? Я сегодня вовсе не расположенъ къ шуткѣ.

— Говорять тебѣ — открытіе!

— Какая-нибудь погасшая сопка въ Курильскомъ морѣ?

— Близко, но не отгадалъ. Открытіе это тоже по кури-тельной части: вообрази — папиросы по двадцати копѣекъ за сотню!...

Флоренскій продолжалъ измѣрять хищными шагами діагональ своей комнаты. Вдругъ, нечаянно взглянулъ онъ на дверь.... и какъ-будто приросъ къ полу.

— Ха, ха, ха! это откуда вырлыгъ ты такое чучело? весело воскликнулъ мичманъ.

Дѣло въ томъ, что на створѣ двери нарисовались и знакомый вамъ пальто; цвѣтомъ все болѣе и болѣе приближавшійся къ колеру октябрьскихъ листьевъ, и борода, тщательно-выбритая съ недѣлю назадъ, и мезистофелевская смиренность, и всѣ другія пригладженности Финагеича, въ роли поставщика натурщицъ.

Флоренскій до-того обрадовался этому гостю, что чуть было, какъ сушій художникъ, не ухватилъ его за-воротъ. Мичманъ разглядывалъ отставнаго Антиноя, какъ какой-нибудь рѣдкій экземпляръ орангутанга.

— Гдѣ же ты пропадаешь, пріятель? спросилъ Финагеича Флоренскій.

— Дѣла не оберешься, сударь!

— Что жъ наше-то дѣло остановилось?

— Никакъ нѣтъ-съ: идетъ.

— Идетъ?!

Глаза Флоренскаго заблестали; онъ жаждалъ подробно-

стей... но понималъ все неудобство распространяться о такихъ щекотливыхъ предметахъ въ присутствіи третьяго лица.

Господинъ Лососинниковъ, углубившій свои руки въ карманы шароваръ, стоялъ въ позитурѣ зрителя, ожидающаго комедіи. Финагенчъ, по замѣшательству хозяина, смекнулъ, что явился не-впопадъ, и вообще чувствовалъ себя не хорошо: вся его юмористическая развязность, вся размашистая общительность — были парализованы чрезмѣрною близостью нары маленькихъ эполеть. Зарождалась ли въ головѣ его счастливая мысль, или шевелилось на языкѣ ловкое выраженіе... взглядъ бѣдняка какъ-то невольно упалъ на блистающую канитель — и, и дѣятельный Финагенчъ внезапно обнаруживалъ всѣ качества отсырѣвшей электрической машины.

— Это твой краскотеръ, что-ли? спросилъ мичманъ.

— Что за идея!

— Судя по сюртуку, не мудрено принять его за краскотера.

Живописецъ, затрудненный вопросомъ на-счетъ званія своего страннаго гостя, прискивалъ еще удобный отвѣтъ; но Финагенчъ, откашлянувшись, спѣшилъ упредить своего патрона и съ возможною явственностью сказалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе: натуру поставляемъ-съ.

— Что-о? натуру?

— Точно такъ-съ. Натурщицъ, правда, больше молоденькихъ.

Флоренскій былъ рѣшительно изложенъ.

— Эге, братецъ! запищалъ мичманъ: такъ вотъ съ какими гусями ты знаешься. А я-то, профанъ, и не подозревалъ о существованіи этой любопытной породы. Сдѣлай одолженіе, позволь позучить ее, продолжалъ Лососинниковъ, снимая свой сюртукъ.

И Флоренскій и Финагенчъ оба хранили молчаніе.

— Впрочемъ, продолжалъ мичманъ свой монологъ: кончайте прежде ваши счеты; а кстати привыньтесь къ вашей

грамотѣ. А мое дѣло впереди. Кончайте же, кончайте. Ты знаешь, я терпѣть не могу быть помѣхой.

И ничманъ отступилъ шага на четыре въ-сторону, ница себѣ приличнаго занятія, какъ человѣкъ, готовый скорѣе отъязаться отъ своей доли удовольствія, чѣмъ повредить за-гнѣвъ ближняго. — Къ-счастію, ему попался подъ руку пре-острый перочинный ножикъ, и постоялецъ могъ развлечь се-бя строганіемъ этажерки.

Между-тѣмъ Флоренскій, ободренный мыслью, что отъ не-шкучимой разлуки съ своимъ постояльцемъ онъ отдѣлаетъ одинъ только завтракомъ да обѣдомъ, почелъ не опаснымъ распространиться немножко о своихъ художническихъ тай-нахъ.

— Выставка тутъ какъ тутъ, а моя картина-то.... увы! Подавай, злодѣй, натурщицу, откуда хочешь подавай.

— Кабы освѣдомились сударь, сколько трудовъ — то стоило....

— Доставить ее — другому?

— Какъ это можно-съ! Ужъ я для вашей милости эту-то прочу.

— Въ чемъ же теперь задержка?

— Мало ли въ чемъ: скоро сказка сказывается.... И по-говорить-то надо, и денжонокъ пообѣщать....

— Ну!

— Вѣдь того не смыслить, что тутъ только посидѣть, да денскаки взять.

— Видно, изъ зажиточныхъ?

— Какое изъ зажиточныхъ! Башмачонки на ногахъ ви-дно пропадають, и хлѣбушки-то не всякій день до-сыта покушаютъ.

— Значить, бѣдняжка стыдлива: однимъ достоинствомъ бѣдно.

— Чего тутъ стыдиться, коли кусить нечего, прости Го-споди!

— Такъ что же она, какъ ты полагаешь?

— А неразумна, вотъ что.

— Ужъ не ты-ли ее на умъ на разумъ наводишь? спро-

силъ внезапно господинъ Лососинниковъ, забывъ, что онъ не принимаетъ ни прямого, ни косвеннаго участія въ бесѣдѣ.

— Всяко случается. Некому другому, такъ и жить благодарна будетъ.

— Въ чемъ-же остановка-то? повторилъ Флоренскій.

— Вамъ, сударь, лучше моего вѣдомо.

— Что, небойсь, звонкаго гостящу?...

— Приодѣть надо: нельзя-же такъ....

— Все будетъ. Только назначь срокъ самый близкій.

— Недѣльки черезъ двѣ.

— Злодѣи! Грабитель!

— А грабителямъ вотъ что! замѣтилъ Лососинниковъ, показывая Финагенчу миниатюру кулака.

При видѣ этого аргумента, Финагенчъ все-таки сталъ сговорчивѣе.

— Постараюсь черезъ недѣлку.

— Раньше, раньше, повторилъ Флоренскій, сунувъ въ картузь Финагенча синюю бумажку.

— Послѣ-завтра безпретѣнно-сь.

Постѣвщикъ натурщицъ откланялся очевидно съ облегченнымъ сердцемъ.

— Постой, постой, пріятель! закричалъ вслѣдъ ему шичманъ.

Финагенчъ остановился въ крайнемъ замѣшательствѣ, какъ-будто его уличили въ какой-нибудь утайкѣ.... Лососинниковъ отыскалъ свою записную книжку.

— Имя твоей натурщицы? спросилъ онъ, обманувъ карандашъ въ ротъ.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Ну, все-равно, хоть прозваніе.

— Не могу знать.

— Смотри: ты знай съ кѣмъ шутишь.

— Шутить не осмѣлюсь.

— Ай гусь! не знаетъ кого рекомендуетъ! Каковъ?

— Да тутъ главное въ томъ, чтобъ сложена была хорошо, замѣтилъ въ оправданіе его художникъ.

— Ну, ужъ адресъ-то не утайшь....

— Проживаетъ—то гдѣ?

— Ну, да! Живо!

— Проживаетъ съ бабушкой.... у Костыля....

— Этого достаточно, замѣтилъ Лососинниковъ съ гордою самоувѣренностью.

Финягичъ исчезъ. Къ этому-же времени поспѣла и работа ничина: этажерка была выстрогана довольно чистенько.

Лососинниковъ, въ томъ свѣтломъ и покойномъ расположеніи, какое мы чувствуемъ только послѣ работы, обратился съ вопросомъ къ своему другу.

— Скажи пожалуй, часто у тебя въ мастерской живыя картины бываютъ?

— Да; но еще чаще — живыя каррикатуры.

— Душка, Флоренскій, будь отецъ родной, покажи мнѣ свою натурщицу.

— Это, братецъ, и въ блаженной Италиі не водится.

— Захочешь доказать свою дружбу, такъ покажешь....

— Изволь, только не въ костюмѣ богини....

— Чудакъ! Да такихъ-то натурщицъ я всякій день вижу сотни.

— Чтó жъ, тебѣ, вѣрно, простыя-то смертныя надобли?

— Ну, хоть въ замочную скважину!

— Да гляди, пожалуй.... Только вѣдь ты уѣзжаешь сегодня?

— Не безпокойся: постараюсь остаться еще денекъ.

Флоренскій зналъ, что пріятель его способенъ на такой подвигъ, и раскаялся въ своей опрометчивой уступчивости.

— Сейчасъ-же и отправимся хлопотать объ отсрочкѣ, сказалъ гость торопливо. Только попрошу у тебя еще семь рублей серебромъ: по дорогѣ заѣду къ Соболеву взять какіе-нибудь бархатные, или хоть вышитые башмачки.

— Это что еще за затѣи?

— А натурщицѣ-то: надо же ее чѣмъ-нибудь подарить.

Вечеромъ того же дня, Флоренскій, въ краткомъ промежуткѣ двухъ свиданій съ своимъ насильственнымъ постояльцемъ, получилъ по городской почтѣ лаконическую записку:

„Радуйся, другъ Флоренскій! я остаюсь у тебя — на двадцать дней!

Lossossinnikoff.

„P. S. Потрудись заказать на ужинъ *три* порціи; да пожалуйста не мучь меня больше своимъ винограднымъ: убьдись наконецъ, что настоящій джентльменъ не употребляетъ ничего — кромѣ джину.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

=

ПОВѢСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖИАНЫ ФУЛЛЕРТОНЪ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

На третій день послѣ описаннаго нами вечера было воскресенье. Джиневра рано утромъ отправилась въ Марстонъ, въ ближайшую католическую церковь, и возвратилась только послѣ вечера. Когда она пришла домой, уже начинало смеркаться; торопливо обнявъ отца и сестру, она заперлась въ своей комнатѣ.

Передъ обѣдомъ,—время, которое сестры обыкновенно проводили вѣстѣ, Маргарита тихонько вошла къ Джиневрѣ, сѣла на табуретку передъ каминомъ, и привалась разсѣянно играть зеркалами сестринныхъ четокъ, между тѣмъ какъ Джиневра плела вѣнокъ изъ бѣлыхъ и розовыхъ камелій, стоявшихъ въ корзинкѣ у ногъ ея.

— Ты видишь, что я не забыла сходить по обыкновенію въ теплицу, сказала она, не прерывая своего занятія. — Этого въ

нокъ будетъ мой chef-d'oeuvre. А ты что дѣлала сегодня, Маргарита? разумѣется послѣ обѣдни.

— Ничего, отвѣчала Маргарита; обыкновенно мы ходимъ гулять послѣ обѣдни, когда вѣтъ другой службы; но сегодня никто не хотѣлъ идти. У Вальтера опять разболѣлась нога, а Эдмундъ Невилъ былъ не въ духѣ. Не понимаю, что могло вдругъ такъ разстроить его. Вчера онъ былъ веселъ и любезенъ, а сегодня сталъ мраченъ какъ громовая туча, и никто не могъ добиться отъ него слова. Терпѣть не могу людей съ такимъ неровнымъ нравомъ. А ты какъ, Джиневра?

— И я ихъ не люблю, отвѣчала Джиневра кротко; но въ нашемъ мѣрѣ скорби, милая Маргарита, трудно рѣшить, страданіе ли или неровность права наводятъ тучу на лицо человѣка и шемить ему сердце. Быть всегда спокойнымъ и сохранять невозмутимость духа для многихъ невозможно, и для cadaго трудно, — прибавила она, съ почти неувидимымъ вздохомъ.

— Мнѣ кажется, ты самое совершенное существо въ мѣрѣ, воскликнула Маргарита, поднимая глаза съ пылающаго камня, и устремивъ ихъ на сестру, которая показалась ей блѣднѣе обыкновеннаго.

Джиневра слегка вздрогнула, и, приложивъ руку ко рту Маргариты, сказала съ живостью: — Не говори этого никогда, сестра. — Потомъ, влетая послѣдній цвѣтокъ въ роскошную зелень, она продолжала: — Никогда не суди слишкомъ поспѣшно и необдуманно; не осуждай слишкомъ строго, но помни, какъ мало ты знаешь жизнь, и ея испытанія. Дай Богъ, чтобы ты никогда не знала другихъ испытаній, кромѣ тѣхъ, которыя Онъ самъ пошлетъ тебѣ! чтобы ты никогда не была сама виновю своихъ испытаній; потому что испытанія, которыя человекъ самъ себѣ приготовилъ, всѣхъ тяжелѣе, и ихъ всего труднѣе переносить! Молись за страждущихъ; будутъ ли они испытываемы праведники, или кающіеся грѣшники, но какъ скоро они страдаютъ, молитва твоя за нихъ не будетъ противна Богу. Они такъ нуждаются въ ней!... Теперь дай мнѣ надѣть тебѣ на голову мой цвѣточнй вѣнокъ. Я опечалила тебя своимъ проповѣдью, но храни ее глубоко въ сердцѣ, милая сестра; учишь плакать съ тѣмъ, кто плачетъ, и дай Богъ, чтобы другимъ привелось только радоваться твоимъ радостямъ.

Когда обѣ сестры сошлись опять, за обѣдомъ, Эдмундъ сѣдѣлъ подлѣ Маргариты. Сначала, онъ, казалось, не могъ стряхнуть съ себя мрачной задумчивости; однакоже, мало-по-малу, онъ

развеселился, и веселость его, обыкновенно столь тихая и спокойная, стала шумна и взбалмошна. Это продолжалось весь вечеръ; въ теченіи разговора, онъ опять заговорилъ о Даррелькортѣ, и убѣждалъ Маргариту ѣхать туда на слѣдующій же день. Маргарита обратилась къ сестрѣ, и спросила, согласна ли она ѣхать; и ей стало почти досадно, когда Джиневра отвѣчала холодно, что мистрисъ Варренъ собирается еще разъ ѣхать посмотреть Даррелькортъ, и вѣроятно охотно поѣдетъ съ нею.

— Такъ вы совсѣмъ уже рѣшились поселиться въ Даррелькортъ? сказалъ Вальтеръ торопливо.

— Это, отвѣчалъ Невиль, зависитъ отъ обстоятельствъ, надъ которыми я не властенъ. Судьба моя находится въ рукахъ постороннихъ, и отъ ихъ рѣшенія зависитъ счастье или несчастіе всей моей жизни.

Живость, съ которою онъ произнесъ эти слова, и румянецъ, покрывшій при этомъ лицо его, произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ трехъ слушателей: Вальтеръ поблѣднѣлъ; ему предстала роковая минута, которой онъ давно уже ожидалъ съ такою трепетомъ. Сердце Маргариты забилось радостью при мысли, что въ жилищѣ своихъ предковъ, и собственномъ своемъ будущемъ жилищѣ, откроетъ онъ ей наконецъ свое сердце и будетъ просить взаимной любви въ награду за свое признаніе. Она робко взглянула на сестру, и густой румянецъ, (разлившійся по лицу Джиневры, по щекамъ, лбу и даже вискамъ, до самыхъ верней волосъ, убѣдилъ ее, что и она повала намекъ, и въ какой степени онъ былъ для нея ясенъ. Оправившись отъ своего волненія, Маргарита предложила идти посоветоваться съ мистрисъ Торитомъ и отцемъ, и просить ихъ согласія на предполагаемую поѣздку. Эдмундъ убѣдительно просилъ ее немедленно исполнить это.

— Смотрите же, уладьте все, какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ, когда она встала, чтобы идти къ отцу. — Вы знаете, что я не терплю неудачи, и никогда не прощу васъ, если ваши переговоры будутъ неуспѣшны. У меня столько дѣла въ Даррелькортѣ для васъ всѣхъ. Вы, Вальтеръ, должны принять на себя устройство домовой церкви.

— А мнѣ что вы отведете? спросилъ мистръ Варренъ, только что подошедшій въ ихъ кругу.

— Столовую и картинную галерею.

— А мнѣ? вскричала Маргарита, остановившись въ дверяхъ концертной залы.

— Вамъ?... цѣтники; или пожалуй бесѣдку.

— А сестрѣ?

— Не угодно ли ей будетъ выбрать самой?

Но Джиневра не отвѣчала, и Эдмундъ обратился снова къ Вальтеру, прося его показать мистру Варрену, въ библиотекѣ, собраніе гравюръ, изъ котораго слѣдовало выбрать рисунокъ для новаго окна въ даррелькортской домовою церкви.

— Дядюшка, сказалъ онъ, не знатокъ, сколько мнѣ извѣстно въ церковной архитектурѣ; но онъ знаетъ толкъ во всемъ, что относится къ изящнымъ искусствамъ.

Мистръ Варренъ послѣдовалъ за Вальтеромъ въ библиотечку съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что сдѣлаетъ пожалуй гравюрамъ великую честь посмотреть ихъ. Маргарита же подошла къ столу, за которымъ шла партія въ вистъ, и между тѣмъ какъ мистрисъ Сидней съ обычною медленностью сдавала карты, объяснила, или лучше объявила ей о назначенной на слѣдующій день поѣздкѣ. Никто не представилъ никакихъ возраженій; одна только мистрисъ Торнтонъ глубоко вздохнула и замѣтила, что видно уже она сдѣлалась послѣднею пѣшкой въ доиѣ, если никто знать не хочетъ ея мнѣнія, и что она отъ всего умываетъ руки. Отъ чего же она умывала себѣ руки, она не объяснила, а угадать было не легко; но она два или три раза повторила эти слова съ усиленнымъ выраженіемъ, и затѣмъ принялась разбирать свои карты.

— Такъ вы хотите помочь мистру Невиллю вступить во владѣніе своимъ помѣстьемъ? шепнулъ мистръ Торнтонъ такъ громко, что мистрисъ Сидней вздрогнула и засдалась.

— А что, если бы ему вздумалось попросить тебя помочь ему вступить во владѣніе не шутя? чтѣбы ты на это сказала, мистъ Маргарита?

— Полноте шутить, дѣдушка; у васъ всегда въ головѣ такіе странные мысли!...

— Которыя подчасъ ненарокомъ прокрадываются и въ голову внучки?... Какъ ты думаешь?

Но внучка вмѣсто отвѣту поцѣловала дѣдушку въ губы, и порхнула дальше, отыскивать полковника Лесли.

Въ тотъ же вечеръ, уже довольно поздно, Маргарита сѣла съ Вальтеромъ въ библиотекѣ, когда вошла Джиневра. Маргарита вдругъ вспомнила, что она не дала отвѣта Невиллю на счетъ предполагаемой на завтра поѣздки, и съ радостью пользуется этимъ предлогомъ, чтобы возвратиться въ гостиницу, оста-

вила Вальтера одного съ сестрою. Онъ поднялъ взоры съ гравюрь, которыя разсматривалъ, и они встрѣтились со взоромъ сидѣвшей противъ него дѣвушки. Она внушила ему сильное участіе въ немвогіе дни своего пребыванія. Какъ всѣ почти всеобщительные люди, онъ быстро проникалъ человѣческія чувства, и самъ много перестрадавъ въ безмолвіи, безъ труда заиѣчалъ въ другихъ слѣды безмолвнаго страданія. Что Джиневра страдала въ настоящее время, въ этомъ для него небыло никакого сомнѣнія. И прежде уже не разъ ему казалось, будто глаза ея были полны слезъ, и что одна желѣзная воля удерживала ихъ; теперь же онъ текли по ея щекамъ такъ быстро, что руки не успѣвали отирать ихъ. Онъ сказалъ ей нѣсколько ничего не значащихъ словъ; она хотѣла ему отвѣчать, но губы ея задрожали, и голосъ замеръ. На лицѣ ея не было и слѣда досады или гнѣва; но видно было, что она боролась съ сплывымъ волненіемъ, и мужественно старалась подавить его. Предубѣжденіе Вальтера противъ второй дочери Лесли не скоро разсѣялось бы, еслибы она предстала ему счастливою, или если бы она, по прібытіи своемъ, оказывала ребяческую, капризную тоскливость; но онъ видѣлъ, что она страдала, что въ ней происходила борьба. Источника этого страданія онъ не зналъ, и не постигалъ, откуда она почерпала силы для этой борьбы; но онъ жаждалъ смягчить эти страданія, подкрѣпить ея силы, какъ старался бы онъ дать пропитаніе голодному и одѣть нагаго. Онъ подвинулъ къ ней вортель съ гравюрами, и сказалъ:

— Видели вы эти картины?

Она привилась разсматривать гравюры, сначала равнодушно и молча; но мало-по-малу онъ занялъ ее, и она даже одушевилась. Особенно обратила на себя ея вниманіе гравюра, изображавшая ученіе святаго Петра; наклонивъ надъ нею голову, она сказала тихимъ голосомъ:

— Онъ долженъ былъ узнать тутъ, что онъ прощенъ; что долгое покаяніе его выслушано, его испытаніе ковлено! — Страданіе было ему залогомъ прощенія.

Вообще Джиневра плохо владѣла англійскимъ языкомъ; но когда предметъ ея мыслъ одушевлялъ ее, она становилась какъ-то особенно краснорѣчива. Рѣчь ея была живописна; она говорила, какъ другіе пишутъ, но такъ просто и естественно, что въ разговорѣ ея не было и слѣда усилія или жеманства. Въ голосѣ, которымъ было произнесено это замѣчаніе, слышалось нѣчто, удивительно соответствовавшее тайнымъ помысламъ Вальтеровой вну-

тренней жизни, — той жизни души, которая течет глубоко и безмолвно, совершенно отдѣляясь отъ всякаго внѣшняго соприкосновенія съ свѣтомъ, или даже отъ самыхъ тѣсныхъ семейныхъ и дружескихъ узъ. Писанія прошедшихъ поколѣній, много лѣтъ удивеннаго ученія, инстинктивное стремленіе къ болѣе глубокой вѣрѣ и болѣе всеобъемлющей любви, чѣмъ его учили или чѣмъ онъ видѣлъ вокругъ себя, — все это приготовило его сочувствовать юной Италіянкѣ; и онъ съ участіемъ и съ вѣкоторымъ любопытствомъ прислушивался къ оригинальнымъ ея мыслямъ, облеченнымъ въ такія краснорѣчивыя и выразительныя формы, какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что она смутилась и остановилась. Обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ Эдуарда Невилла, который только что вошелъ и приближался къ столу, за которымъ они сидѣли. Эдуардъ взялъ одинъ изъ раскрашенныхъ рисунковъ, и спросилъ съ безпечнымъ равнодушіемъ, не это ли рисунокъ для его домовою церкви.

— Я думаю выбрать этотъ, отвѣчалъ Вальтеръ. Такъ вы ѣдете завтра въ Даррелькортъ?

— Я полагаю, что мисъ Лесли устроила это. А сеньора Джиневра все еще не рѣшилась ѣхать съ нами? прибавилъ онъ тихо, быстро перелистывая книгу, которую схватилъ со стола.

— Почему бы вамъ не ѣхать? сказалъ Вальтеръ, видя, что она не отвѣчаетъ.

— Мнѣ не достанетъ силы ѣхать, отвѣчала она протяжно, какъ будто отвѣтъ стоилъ ей огромныхъ усилій.

— Не больны ли вы? вскричалъ онъ; я увѣренъ, что вы нездоровы. Не принести ли вамъ стаканъ воды?

Она кивнула утвердительно головою, и онъ побѣжалъ къ дверямъ, и едва не опрокинулъ два стола, случившіеся на дорогѣ. Когда онъ возвратился съ стаканомъ воды, Джиневра была одна; она стояла у стола, и когда протянула руку, чтобы взять стаканъ, ему показалось, что она дрожала всѣмъ тѣломъ. Она поднесла стаканъ къ губамъ, и хотѣла хлебнуть, но не могла; она поставила стаканъ, повернулась, чтобы идти изъ комнаты, но тутъ же остановилась и сѣла, чувствуя себя не въ силахъ дойти до дверей.

— Я призову сестру вашу, сказалъ Вальтеръ.

Она покачала головою, положила руку на его руку, чтобы удержать его,дохнула съ усиліемъ, и залилась истерическими слезами. Вальтеръ взялъ ея руку, и сказалъ ей съ участіемъ и торжественно:

— Джиневра Лесли, вы очень страдаете; васъ гнететъ какое-нибудь несчастіе. Какъ хотите вы жить среди чужихъ, и никогда никому не открывать своего сердца?

Отчаяннымъ усиліемъ превозмогла Джиневра свое нервическое волненіе, и отвѣчала спокойнымъ голосомъ.

— Я не могла выдержать, измѣнила себѣ при васъ. Не пользуйтесь моею слабостью. Не говорите отцу и сестрѣ о томъ, что вы видѣли. Припадокъ былъ внезапенъ, но вы видите, что онъ испроодолжителенъ, что я совладѣла съ нимъ.

— Но всему этому должна быть причина, сказалъ Вальтеръ, и причина, которая лежитъ глубоко въ душѣ.

— Развѣ нѣтъ у каждаго изъ насъ въ сердцѣ, воскликнула она, неисчерпаемаго источника страданія, который мы можемъ одѣрживать только сильною рукою, и одолевать желѣзною волею?

— Не полагайтесь слишкомъ на свою силу, сказалъ Вальтеръ, смотря на мертвую блѣдность, которая снова покрыла лицо ея.

— Я не полагалась бы на нее, отвѣчала она съ умплениемъ, если бы это была собственная моя сила. Но ее посылаетъ мнѣ Богъ, и Онъ не отнимаетъ ея у меня, несмотря на то, что собственное мое сердце возстаетъ иногда противъ меня съ такою силою, что я содрогаюсь передъ нимъ.

— Я видѣлъ васъ въ первый разъ не болѣе какъ за нѣскольکو дней, и часъ тому назадъ почти не зналъ васъ; однако же я готовъ помочь вамъ всѣмъ, что будетъ въ моей власти. Позвольте вы мнѣ?... могу ли я быть вамъ полезенъ?

— Мистръ Сидней, сказала Джиневра, сжимая обѣ руки его въ своихъ рукахъ, — вы сдѣлали мнѣ сегодня много добра, и я не жалѣю, — тутъ она пріостановилась, и потомъ продолжала: — я не жалѣю о томъ, что вы видѣли меня въ такомъ волненіи.... въ такомъ разстройствѣ.... вы не подумаете обо мнѣ ничего дурнаго.... я знаю, что вы не подумаете ничего дурнаго обо мнѣ, не осудите меня.

Голосъ ея задрожалъ; Вальтеръ прервалъ ее.

— Мнѣ понятно, что въ вашемъ положеніи, душею вашею должно иногда овладѣвать уныніе.... вы еще такъ молоды. Все должно здѣсь казаться вамъ страннымъ и дикимъ, вы же понесли уже тяжелыя утраты — прибавилъ онъ еще съ бѣльшимъ участіемъ, взглянувъ на ея траурное платье; — а нѣкоторые изъ тѣхъ, кого вы любите, хотя не похищены смертію, но разлучены съ вами огромнымъ пространствомъ.... вы можете быть же-

дали бы снова увидѣться съ ними, желали бы видѣть свой родной край и говорить на своемъ родномъ языкѣ!...

Она подняла на него свои томные, но выразительные глаза и сказала протяжно:

— Есть одинъ человѣкъ, къ ногамъ котораго хотѣлось бы мнѣ припасть еще хоть одинъ разъ, прежде, чѣмъ я умру; но онъ теперь далеко отъ моей родины. Это дядя моей матери, — продолжала она въ отвѣтъ на пытливыиъ взоръ Вальтера, — это отецъ Франческо. Онъ оставилъ Верону годъ тому назадъ и отправился въ дальнюю миссію; тяжело было ему разставаться со мною, но долгъ призывалъ его, и онъ поѣхалъ; — на долго ли, не знаю. Я можетъ-быть уже не увижусь съ нимъ на землѣ.... однако же какой то голосъ говоритъ мнѣ, что я его еще увижу, — не теперь, не скоро, — но увижу еще разъ на землѣ. Когда скорбь и страданіе достигаютъ послѣднихъ предѣловъ, когда мракъ дѣлается непроницаемъ вокругъ души, тогда Провидѣніе посылаетъ намъ своихъ ангеловъ. Можетъ-быть, — продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ, — когда силы мои истощатся, когда зло будетъ одолевать, и надежда оставитъ меня, — тогда можетъ-быть Отецъ небесный пошлетъ его сказать мнѣ: — О изловѣрная, зачѣмъ допустила ты сомнѣніе въ свое сердце?

Она закрыла лицо руками и умолкла. Вальтеръ смотрѣлъ на нее съ невыразимымъ участіемъ, но не зналъ, что сказать. Она казалась въ ужасной горести; можетъ-быть чрезмѣрность ея горя была однимъ ребячествомъ; по-крайней-мѣрѣ она не могла имѣть викакого повода къ такимъ мрачнымъ предчувствіямъ, и онъ пытался сказать ей это. Нѣсколько минутъ слушала она его, не измѣняя своего положенія; говоря ей о томъ, какъ вѣжно любилъ ее отецъ, какъ восхищена была сестра ея прелестью и добротою, Вальтеръ былъ въ-самомъ-дѣлѣ краснорѣчивъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній, она подняла голову и умильно улыбнулась. Послѣднія слова его влили въ ея душу силу, въ которой она нуждалась. Сомнѣніе разсѣялось изъ ея сердца; лицо ея прояснилось, и взоры просвѣтлѣли. Чтò бы ни былъ духъ, мутнѣвшій за нѣсколько минутъ ея душу, другой болѣе могучій духъ одержалъ верхъ; какіе бы ни были валаы, воздымавшіеся вокругъ нея, она ступала по нимъ твердою ногою, и измѣряла ихъ неустрашимымъ взоромъ. Она встала, протянула Вальтеру руку, и взглянувъ еще разъ на гравюру, которую онъ показывалъ ей, сказала

ему слабымъ голосомъ: — Молитесь за меня, чтобы вѣра никогда не покидала меня.

На слѣдующее утро Маргарита проснулась очень рано; мысль объ удовольствіи, которое общала ей предстоящая поѣздка, не давала ей спать, и она стала съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы отворились ставни. На дворѣ шелъ частый снѣгъ, и она съ досадою отвернулась опять къ стѣнѣ. Черезъ нѣсколько мгновений она закрывала соннымъ голосомъ своей горничной.

— Гресь, ты не ходила еще въ комнату сестры?

— Ходила, мисъ; уже съ полчаса назадъ. Мисъ Джиневра была уже вставши и одѣта.

— Такъ рано! вскричала Маргарита, съ протяжнымъ зѣвкомъ.

— У этихъ иностранцевъ такіе чудные обычаи! замѣтила Гресь. — Ничего они не дѣлаютъ какъ другіе люди. Слыханное ли дѣло, чтобы у молодой барышни не было горничной, и чтобы она одѣвалась сама? И то правда, говорили мнѣ, что мисъ Джиневра была уже такъ воспитана, не по знатному, и что мать ея была не настоящая леди, даже въ своей сторонѣ.

Маргарита была очень обижена этою дерзкою рѣчью, но не знала какъ показать свое неудовольствіе. Причесывая голову своей барышнѣ, Гресь опять возвратилась къ своему предмету.

— Горничная мистрисъ Варренъ говоритъ, что мисъ Джиневра ничего не дѣлаетъ по-людски, а все по своему, и мистрисъ Гендерсонъ говоритъ, что она, мистрисъ Гендерсонъ, не высоко ставитъ такихъ людей, — ни вочтò ихъ ставитъ мистрисъ Гендерсонъ. Они, говорятъ мистрисъ Гендерсонъ, никогда не кончатъ добромъ.

— Что за вздоръ ты мелешь, Гресь! Конечно сестра одѣвается и говоритъ не совсѣмъ такъ какъ мы, потому что иначе воспитана; странное было бы дѣло, если бы она была во всемъ совершенно одинакова съ нами.

— И подлинно оно было бы странно. Къ тому же она панетка, и мистрисъ Гендерсонъ рассказываетъ, что дорогою, гдѣ бы они ни остановились на ночлегъ, мисъ Джиневра бывало еще до завтраку идетъ въ церковь; да во всемъ этомъ ханжествѣ, говоритъ мистрисъ Гендерсонъ, мало проку.

— Вы объ сѣ мистрисъ Гендерсонъ въ этомъ ничего не понимаете; а я скажу тебѣ, что и намъ полезно было бы почаще ходить въ церковь. Такъ думаетъ и мистръ Сивей, и каждый день какъ далеко ходить, чтобы не пропустить службы.

— Ну и самъ мистръ Свдвей въ душѣ папистъ; это говорить и самъ дворецкій вашего дѣдушки, мисъ; а мистрисъ Гендерсонъ говорить, что она нисколько не будетъ удивлена, если мисъ Джиневра уговорить его и въ-самомъ-дѣлѣ перейти въ ихъ вѣру. Джонъ говорить, что они вчера весь вечеръ прорылись въ папистскихъ книгахъ, и жали надъ ними руки. Самъ Джонъ видѣлъ какъ мисъ Джиневра плакала, когда онъ ходилъ подсыпать уголья въ каминъ.

— Жаль руки? плакали? что ты тамъ толкуешь? вскричала Маргарита съ нетерпѣніемъ. Но въ то же мгновение она вспомнила, что на-канувѣ, когда онѣ ложились спать, она замѣтила слѣды слезъ на лицѣ сестры; и ее стала бѣсить мысль, что между Джиневрою и Вальтеромъ было нѣчто, что они не заблаго-разсудили сообщить ей. — Она смотритъ на меня, какъ на ребенка, думала Маргарита; — цѣлуетъ меня, надѣваетъ мнѣ на голову вѣнки, называетъ меня своимъ цвѣточкомъ маргариткою; но, когда подумаю: говорила ли она мнѣ хоть разъ о своихъ мысляхъ, своихъ чувствахъ, своей прежней жизни? словомъ, о себѣ? Теперь вотъ оказывается, что и Вальтеръ держитъ съ нею тайныя совѣщанія, и они заключаютъ тайныя союзы.... Нѣтъ, я уже слишкомъ много сносила. Я не оскорбилась, когда мистрисъ Варренъ говорила вчера при мнѣ, — что было довольно грубо, — какъ отецъ восхищается ею одною, — крайней мѣрѣ, ея манерою одѣваться.... да это все равно; и сама я говорила ей, что она его любимица, но я не сержусь на нее за то, — и дѣйствительно не сержусь; но если еще и Вальтеръ будетъ имѣть съ нею тайныя свиданія.... и меня все оставлять....

Гресь въ продолженіе этихъ немногихъ минутъ была слишкомъ занята исправленіемъ своей должности, чтобы говорить; но тутъ она начала снова:

— Мистрисъ Гендерсонъ говорить, что она не понимаетъ, какъ госпожа ея позволяла мисъ Джиневрѣ выходить одной со двора, какъ бывало за гравпцею, и притомъ ходить безъ шляпки.... Она говорить, что ее такъ и ошаломило, когда она въ первый разъ встрѣтила ее на улицѣ въ такомъ чудномъ нарядѣ.... Это такъ неприлично.... такая смѣлость....

— Что жъ, если тамъ такъ водится! возразила Маргарита съ сердцемъ.

— Разумѣется, мисъ, это все дѣло обычая; и намъ здѣсь пожалуй придется во многомъ свыкаться съ заморскими нравами;

чего добраго, заставить скоро и насъ ходить со двора безъ шляпокъ; потому что полковникъ, говорятъ, души не слышитъ въ мисъ Джинсвръ, и она скоро все поставитъ на своемъ.

Июки Маргариты въ это время ужасно горѣли, оттого ли, что она сидѣла нагнувшись передъ огнемъ, шишура свою узкую ботинку, или оттого, что самолюбіе ея было задѣто за живое тѣмъ, что весь домъ уже замѣтилъ пристрастіе отца ея къ младшей дочери, и толковалъ о немъ по своему. Она сказала почти гнѣвнымъ голосомъ:

— Прошу тебя, Гресь, впредь уволить меня отъ подобныхъ замѣчаній. Онѣ отъ тебя очень неумѣстны, и очень мнѣ неприятны.

Гресь, бывшая почти однихъ лѣтъ съ своею барышнею и почти также избалована, не привыкла къ подобнымъ выговорамъ, и принялась оправдываться полугнѣвнымъ, полужалобнымъ голосомъ:

— Ужъ конечно, мисъ, никогда не придетъ мнѣ въ голову такая дерзость, чтобы дѣлать вамъ замѣчанія, мисъ. Но я такъ привязана къ вамъ, мисъ, и столько лѣтъ уже служу въ вашемъ домѣ, что не могу хладнокровно подумать, что васъ, мисъ, обходятъ и садятся вамъ на голову; когда я услышала какъ толковали, что васъ скоро совсѣмъ отложатъ всторону, и что меньшая сестра ваша, чужеземка, станетъ единственною и полною хозяйкою въ домѣ, мнѣ стало такъ больно....

— Ты рѣшительно забываешься, Гресь! вскричала Маргарита съ негодованіемъ. Я не намѣрена терпѣть, чтобы мнѣ говорили такія вещи!

— Хорошо, мисъ, слушаю! проворчала Гресь съ видомъ покорности. Я не буду говорить болѣе ни слова; нѣтъ, хотя бы у васъ подъ ногами траву подкашивали, хотя бы изъ-подъ васъ отгнвали кровать.... нѣтъ, хотя бы даже мисъ Джиневра закинула уду на мистра Невилля, что непременно будетъ — потому что мистрисъ Гендерсонъ говоритъ, что еще не видала мужнины, которому бы она не вскружила головы.... вчера еще пришла она съ нимъ домой: какъ поравнялись съ сторожкой лѣсничаго и подошли къ воротамъ парка, она пошла въ одну сторону, а онъ въ другую.... но мнѣ какое дѣло!.... по мнѣ, что бы она не дѣлала, мнѣ все равно. Я не скажу больше ни слова, пусть она даже выйдетъ замужъ прежде васъ, и вы же будете одѣвать ее къ рѣцу.

Тутъ Гресь залилась слезами, а Маргарита приказала ей выйти.

Когда горничная вышла, Маргарита долго стояла неподвижно, прислонившись къ каминну. Задумчивое, беспокойное выраженіе ея лица показывало, какая борьба происходила въ душѣ ея. Она обдумывала каждое слово, сказанное горничною, вспоминала разные ничтожные случаи, встрѣтившіеся втеченіе послѣднихъ дней, чтобы разяснить или разсѣять темныя подозрѣнія, которыя толпою тѣснились въ ея смущенное воображеніе. Мысли ея переходили отъ одного предмета къ другому; быстрыми шагами прошла она взадъ и впередъ по комнатамъ, и опять остановилась въ прежнемъ положеніи у камина. «Неужели, думала она, не обманчиво было предчувствіе, которое распростерло такую мрачную тучу на дни, предшествующіе пріѣзду Джиневры? Неужели она точно пріѣхала съ своею дивною красотою, своею обаятельною рѣчью, съ волшебною силою своего генія и своими неотразимыми чарами для того, чтобы похитить у меня сердце Эдмунда Невилля? Ужъ не къ нему ли обращалась, въ день его пріѣзда, та страстная гармонія, которая, казалось, привлекла его къ ней и исполнила его душу невыразимымъ волненіемъ. Она влдѣлась и провела съ нимъ вчера, тѣ самые часы, когда я бродила одна въ безмолвной тоскѣ и досадѣ; а потомъ она осыпала меня сладкими рѣчами, надѣвала цвѣты мнѣ на голову, и притворно отказывалась отъ моихъ похвалъ. Чтò жъ изъ этого послѣдуетъ? чтò будетъ? могу ли я состязаться съ нею? Я не умѣю улыбаться, пѣть и говорить какъ Джиневра; не могу подобно ей смотрѣть ангеломъ и быть между-тѣмъ безжалостною лицемѣркою. Не жестоко ли, что она вырветъ у меня мою чашу надежды и блаженства, растерзаетъ сердце мое отчаяніемъ, и я должна буду терпѣть все это въ безмолвіи, потому что никто не долженъ знать, — тутъ слезы облегчили горечь бѣдной дѣвушки, — никто не долженъ знать какъ я любила его, какъ я съ каждымъ днемъ болѣе люблю его... но все будутъ знать, все видѣли... какъ Вальтеръ будетъ жалѣть обо мнѣ! — тутъ жгучій румянецъ покрылъ ея щеки; — а дѣдушка вчера еще говорилъ... Но пѣтъ... это невозможно... или это былъ одинъ сонъ, или я съ ума сошла, если могла подумать что-нибудь подобное. Три короткіе дня не могли такъ измѣнить его и разрушить мое счастье. Ея сердце спокойно и свободно; а мое такъ бьется, какъ будто хочетъ выскочить изъ груди... Развѣ сказать ей, что я люблю его?... О! пѣтъ, я боюсь ея! Я не могу дѣлать ей упре-

несть и не смѣю умолять ее сжаляться надо мною.... а можетъ-быть она бы и сжалялась!... Не можетъ ли быть и то, что Эдмундъ открылъ ей, что любить меня, и что они сходились вчера затѣивъ, чтобы поговорить объ этомъ?»

Какъ глѣтная молнія на затапуютъ тучами небѣ мелькнула послѣдняя мысль среди мрачныхъ гаданій блѣдой дѣвушки, и за нею послѣдовалъ лучъ радости и надежды. Чѣмъ болѣе она думала, тѣмъ мысль эта казалась ей вѣроятнѣе. Невинной какъ ребенокъ, откровенной какъ день, трудно было ей предполагать въ другихъ злобныя побужденія; полная теплою любви къ ближнимъ, она и въ нихъ предполагала такую же теплую, искреннюю любовь; и въ эту минуту она готова была пасть къ ногамъ сестры, сознаться ей въ своихъ недоумѣніяхъ и вымолить себѣ прощеніе въ томъ, что она мысленно отвѣчала на нее. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, обращеніе ея съ Джиневрою стало еще привѣтливѣе, еще нѣжнѣе обыкновеннаго; она старалась захватить ее одну, чтобы поговорить съ нею; но это было не такъ легко, какъ ей сначала казалось; потому что, хотя сестра не отказывалась сидѣть и бесѣдовать съ нею, однако же случалось какъ-то, что каждый разъ, какъ она это предлагала, сестра ея была чѣмъ-нибудь занята; притомъ она почти не выходила изъ гостиной, въ которой безпрерывный свѣтъ заперъ всѣхъ участниковъ предполагавшейся поѣздки.

Однажды, утромъ, Эдмундъ Невиль предложилъ читать вслухъ; Маргарита съ радостью приняла предложеніе.

— Какъ же будемъ мы читать? по-англійски или по-итальянски? спросилъ онъ, взглянувъ на Джиневру, которая отвѣчала съ улыбкою:

— Вы будете дѣлать много ошибокъ.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ: я довольно хорошо знаю по-итальянски; притомъ же сестра ваша, я знаю, желаетъ послушать «i promesse sposi». Не правда ли, мисъ Маргарита?

— Правда, отвѣчала Маргарита довольно холодно, потому что Невиль, не дождавшись ея отвѣта, открылъ уже книгу и, пересѣвъ на диванъ подлѣ Джиневры, обратился къ ней съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, которое придавало отъ времени до времени столько нѣжности его провинцательнымъ глазамъ, и сказалъ ей:

— Поправьте меня, если я крѣпко ошибусь; но не будьте слишкомъ взыскательны.

Джиневра тихо покачала головою, подняла на мгновеніе свои

темныя рѣсницы, и взглянула на него съ такою невыразимою живностью, что надежда исчезла изъ сердца Маргариты, и она съ нею заговорили еще съ большею горечью. Впродолженіе слѣдующихъ двухъ часовъ обѣ сестры, казалось, помѣнялись на время положеніями и ролями. Маргарита сидѣла, вслушиваясь въ голосъ того, кого она любила; но какъ бы сладостенъ былъ онъ, для нея исчезла вся его прелесть. Безмолвная и мрачная, но будто прикованная къ мѣсту какимъ-то волшебствомъ, прослушала она дивное реченіе, которымъ открывается прекрасный романъ Мандзони; и тогда она слышала неподражаемому разсказу о встрѣчѣ донна Абонди съ бравъ ми, лицо ея подергивалось нервическими движеніемъ, ротъ ея болезненно кривился. Съ другой стороны, обычная холодность и дѣтскость даже Джиневры, казалось, уступили на время мѣсто живому участію, симпатическому одушевленію. Глаза ея, обыкновенно даже въ разговорѣ опущенныя на работу, то обращались къ Невилля, то на обширный, улыбающійся свѣгомъ ландшафтъ; руки ея, всегда столь дѣятельныя, теперь покоились одна на ея тѣхъ соплъ, другая—на груди ея, сжимая бархатную тенту, обвиваясь въ ея шее. Казалось, она дышала свободѣе обыкновеннаго, и веселѣе слышалась. Иногда она брала книгу изъ рукъ Невилля и читала нѣсколько фразъ сама, или, наклонившись надъ его плечомъ, перенимала миланское произношеніе въ главныхъ замѣчаніяхъ Агнесы, или простоватыхъ рѣчахъ Рендзо. Однажды, когда она съ удивительною прелестью и глубокимъ чувствомъ прочла слѣдующія строки: «*Ma il pensiero di Lucia quanti pensieri traeva seco! Tante speranze! tante promesse! un avvenire così vagheggiato, così tenuto sicuro! e quel giorno così sospirato!*» — Эдмундъ обернулся къ ней; взоры ихъ встрѣтились; блѣкнущія волосы ея почти коснулись его темнорусыхъ кудрей; и она уже умолкла, а онъ, казалось, еще слушалъ ее, и она, казалось, повторила нѣмымъ языкомъ глазъ, то, что произнесла ея уста. Они, по-очередно, слушали и читали, а Маргарита сидѣла и смотрѣла на нихъ; каждый мигъ казался ей вѣкомъ, каждый мигъ готова она была вскочить съ негодованіемъ и бѣжать отъ нихъ. Они, казалось, забыли ея присутствіе, забыли самое ея существованіе; она перестала слушать, слова звучали безсмысленно въ ея ухахъ. Мысли ея блуждали далеко отъ дивныхъ созданій Мандзони; онѣ возвратились къ «Кристебелю», къ этой странной, неоконченной поэмѣ, которая уже разъ посѣщала ея умъ и мучила ея воображеніе. Ей казалось, будто на ней лежали какія-то чары, — будто и она видѣла въ этотъ

часть вѣчто, чего никто не видалъ, чему никто бы не повѣрилъ, чего она не смѣла описать, что она даже сама едва понимала; но она чувствовала, что надежды ея, радость, счастье были какими-то неотразимыми чарами вырваны изъ ея рукъ; она убѣгала ея, умирали; и каждому, кромѣ ея, это показалось бы самымъ простымъ дѣломъ въ мірѣ; никто этимъ не оскорбится, даже не займется этого. Эти уста будутъ продолжать издавать свои сладостные, гармоническіе звуки; эти глаза будутъ высказывать, истинно или притворно, любовь болѣе пламенную, болѣе обворожительную, чѣмъ осмѣлился бы высказать ея взоры; эти блѣдныя щеки будутъ разцвѣтать въ его присутствіи, и каждый взоръ, каждое движеніе будутъ высказывать цѣлую повѣсть любви... между-тѣмъ какъ ея дѣтская радость, ея трепещущія надежды завянуть въ тѣни какъ роза, сорванная со стебля, прежде тѣмъ солнце пролило на нее свой лучъ. Все вдругъ печально перемѣнилось. Духъ недовѣрія, пролетая, дохнулъ на всѣ цвѣты ея пути. Подобно саду, послѣ первой морозной ночи, лялющему черные сморщенные листья, гдѣ за нѣсколько часовъ красовался цѣлый земной рай, всѣ вѣжныя чувства, недавно еще наполнявшія сердце бѣдной Маргариты, теперь тускнѣли, увядали, можетъ-быть умирали. Въ первый разъ въ своей жизни хранила она угрюмое молчаніе; а ревность и ненависть, эти два бича человѣческой души, парали вдали въ темныхъ, неясныхъ образахъ, и нашатывали ей первыя свои мрачныя ощущенія, первыя свои коварныя подозрѣнія. И это продолжалось, — эта глѣная драма развивалась и разыгрывалась до-тѣхъ-поръ, когда, часа черезъ два, дверь вдругъ отворилась и слуга доложилъ о пріздѣ гостей: леди Довингтонъ и мисъ Винсентъ.

II.

Маргарита вскочила съ своего мѣста и побѣжала встрѣчать гостей. Она сама не знала въ точности, пріятно ли или непріятно было ей посѣщеніе ихъ; но она рада была всему, что могло въ эту минуту вывести ее изъ положенія, которое становилось ей уже не въ силу. Нэнси дружески поцѣловала ее, и прощательными взорами стала искать Джиневры, которая въ это время подходила къ нимъ. Она холодно подала ей руку, и Маргарита замѣтила, что лицо сестры загорѣлось яркимъ румян-

цемъ, и что она, казалось, старалась уклониться отъ рыскаго взгляду, который устала на нее Нэнси. Смущеніе ея было такъ очевидно, что Маргаритѣ стало больно за нее, и она также по-красѣла. Нэнси наслаждалась смущеніемъ, которое произвело ея присутствіе, и сказала нѣсколько словъ о томъ, какъ ей пріятно возобновить знакомство съ мисъ Лесли, и что это напоминаетъ ей пріятныя встрѣчи ихъ въ Генуѣ. Леди Доннингтонъ была сначала такъ занята распросами о каждомъ изъ членовъ семейства Эдмунда Невилля, — для нея вѣжливость была то же, что для другихъ литература, наука или должность, ея служба, ея наслажденіе, занятіе и цѣль всей ея жизни, — что ей некогда было обратить вниманія на Джиневру; но среди соболѣзнованій своихъ о какой-то троюродной племянницѣ мистрисъ Варренъ, лежавшей въ скарлатинѣ, она вдругъ вспомнила свою итальянскую знакомку, и принялась усердно жать ей руки, сопровождая свои пожатія умоляющимъ вздохомъ и подавленнымъ восклицаніемъ, которые должны были вѣроятно выразить ея сожалѣніе о томъ, что она не замѣтила ее прежде, и удовольствіе видѣть ее.

Разговоръ не успѣлъ еще истощить обычныхъ общихъ мѣстъ, какъ наступило время завтрака, и всѣ отправились въ столовую. Нэнси своими рысскими глазами не пропускала ни одной переиѣны въ лицѣ Маргариты, и скоро замѣтила, что она была не въ духѣ, и что всѣ попытки ея принять участіе въ разговорѣ, были безуспѣшны. Взоры ея обращались попеременно на нее, на Джиневру и на Эдмунда; и какое-то безпокойное удовольствіе, въ родѣ безпокойства собаки, попавшей на слѣдъ, разгоралось въ ея глазахъ и напрягало всѣ ея черты. Какъ скоро представилась возможность выйти изъ столовой, она схватила Маргариту за руку, и насильно, хотя дружески, потащила ее черезъ гостиную въ бібліотеку, и усадила въ уголъ самой отдаленной софы. Усадивъ ее тамъ, она сказала тихимъ, испытующимъ голосомъ:

— Ну, что же?

— Ну, мнѣ очень пріятно видѣть тебя, Нэнси; я боялась, что вы уже не прійдете въ такую дурную погоду.

— Что ты толкуешь мнѣ о погодѣ? перебила Нэнси полшутливымъ, полудосаднымъ голосомъ; ничего ты не имѣешь сказать мнѣ поинтереснѣе?

— Чтѣ? чтѣ ты разумѣешь?

— Не готовишься мнѣ объявить, что изъ всѣхъ обворожительныхъ существъ въ мірѣ, самое неотразимое — твоя сестра? Говори смѣло, я къ этому уже приготовилась, увѣряю тебя. Я уже

слышала, что всё вы отъ нея просто безъ ума; отецъ твой говоритъ, что она ангелъ; министръ Сидней тоже называетъ ее ангеломъ; и что на насъ бѣдныхъ, никто смотрѣть не будетъ, не только что думать о насъ, пока Джиневра будетъ около насъ.

— Она въ самомъ дѣлѣ восхитительна, отвѣчала Маргарита; и въ головѣ ея было столько грусти, тогда какъ она произносила эти слова, что Нэнси осмѣлилась сказать, съ такимъ выраженіемъ, что вопросъ ея могъ почтяться шуткой, или невиннымъ вопросомъ:

— Такъ кошечка де-сикъ-поръ показывала вамъ одну бархатную лапку? вы еще всё въ полнонь чаду ея чаръ?

Маргарита, какъ всё люди открытаго нрава, ненавидѣла намеки; тутъ же она заранѣе была подготовлена къ раздражительности; она вскричала съ жаромъ:

— Послушай, Нэнси; ты или говори прямо, что хочешь сказать, или уже вовсе не говори. Что тебѣ за охота гарцовать, и пускать неприятыя для меня намеки, затѣмъ только, чтобы бить меня? Какъ говорить пасторъ при вѣчаніи, выскажи теверь все, что знаешь, или храни вѣчное молчаніе.

— О, ты видно въ послѣднее время крѣпко изучила обрядъ вѣчанія? Посмотримъ, тверда ли ты въ своихъ отвѣтахъ и приготовилась ли сказать: я, Маргарита, избираю тебя, Эдмундъ...

— Перестань, вскричала Маргарита, вспыхнувъ; объ этомъ иногда не было и рѣчи.

— Если не было еще рѣчи, то это вовсе не значить, что и не будетъ, отвѣчала Нэнси, — если только...

— Если только что? вскричала Маргарита, которую разговоръ этотъ такъ занималъ, что она мигомъ забыла и осторожность и досаду.

— Если только, отвѣчала Нэнси, не вырвать пташку изъ твоихъ рукъ, моя добрая, простодушная, довѣрчивая Маргарита; если твоя молодая и невинная сестрица не обратитъ въ ту сторону свои виды и чары. Не отворачивайся отъ меня, не смотри на меня такъ сердито, Маргарита; будь же разсудительна. Подумай, что мнѣ за польза предостерегать тебя, кромѣ той, что я спасаю тебя отъ неприятыя, отъ досады быть проведенной? Я побольше тебя знаю свѣтъ, и лучше знаю, сознаюсь съ прискорбіемъ, нравъ и хитрости кокетки; знаю, съ какимъ безжалостнымъ упорствомъ кокетка преслѣдуетъ свой предметъ, и стремится къ своей цѣли.

— Никогда не повѣрю, чтобы Джиневра была кокетка, возразила Маргарита, запиваясь. — Она такъ добра, такъ кротка, такъ скромна.... по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.... Я па-
дѣюсь....

— Однакоже ты не увѣрена, Маргарита, ты, не выдавая еще противнаго; но наблюдай за нею; — помни мой совѣтъ, наблюдай за нею. Я многое могла бы поразсказать тебѣ по этому предмету, но лучше предоставляю тебѣ замѣчать самой.

— Ты больше меня видала иностранцевъ, Нэнси, сказала Маргарита задумчиво; я полагаю, что ихъ нравъ и образъ мыслей во многомъ очень не похожи на наши....

— Въ какомъ отношеніи? Не можешь ли объяснить свою мысль примѣромъ?

— Мнѣ кажется, что все не совсѣмъ скромное или приличное для дѣвушки въ Англіи, иностранцу, по различію нравовъ, покажется весьма естественнымъ и вовсе не предосудительнымъ.

— Что касается до замужнихъ женщннъ, оно пожалуй такъ; но дѣвушки за границею еще болѣе связаны, еще скромнѣе, еще молчаливѣе, еще болѣе боятся нарушить приличія....

— Какъ она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ но....

— Но она не сочтетъ за грѣхъ прогуляться одна съ мужчиною, или быть съ нимъ въ тайной перепискѣ, или....

— Произнося эти слова, Нэнси внимательно наблюдала выраженіе лица своей собесѣдницы, и едва сама не вздрогнула отъ внезапнаго восклицанія Маргариты:

— О, Нэнси, какимъ-образомъ ты это узнала? — какъ ты могла угадать?

Глаза ея заблестали лукавою радостью, и она вскричала въ свою очередь:

— Какъ, я угадала? Стало-быть, и ты уже видѣла образчикъ дѣйствій твоей скромной сестрицы? и ты могла все это время скрывать его отъ всѣхъ, и только грустно вздыхать надъ ея обворожительностью. Она уже испортила тебя, Маргарита; ты никакъ не сдумѣла бы такъ лицемѣрить, полгода назадъ.

Маргарита вспыхнула при этомъ обвиненіи, и отвѣчала съ жаромъ:

— Не хорошо отъ тебя, Нэнси, что ты такъ прицѣпляешься къ каждому моему слову, и стараешься сбить меня съ толку, чтобы потомъ меня же обвинять въ лицемѣрнн; и все за то, что я не хочу оскорблять сестры обидными предположеніями, или

говорить то, что можетъ дать о ней постороннимъ дурное понятіе.

— О, что касается до этого, моя милая, тебѣ нечего опасаться; все, что ты можешь мнѣ разсказать, будетъ только продолженіемъ того, что я видѣла собственными глазами.

— Чтò же ты видѣла, Нэнси? Сдѣлай милость, договаривай, что бы мнѣ разомъ узнать самое худшее. Ты уже сказала слишкомъ много, чтобы теперь удерживаться, и должна досказать мнѣ все, что знаешь.

— Такъ и быть, отвѣчала Нэнси, стиснувъ губы, и играя своею цѣпочкою; — я полагаю, что уже освобождена отъ глупаго общава, которое взяла съ меня Люси, ничего не говорить противъ твоей сестры до-тѣхъ-поръ, пока ты сама не найдешь причину сомнѣваться въ ней или подозрѣвать ее.

— Нѣтъ, Нэнси, я этого не говорила. Боже упаси меня отъ сомнѣнія или подозрѣнія насчетъ сестры! это было бы слишкомъ ужасно.

— Чтò же ты такое говорила? возразила Нэнси, съ нетерпѣніемъ; — неужели мы цѣлое утро будемъ говорить обипяками, и сбивать другъ друга съ толку загадками? Чтò ты такое замѣтила за сестрою, или слышала о ней, чтò могло побудить тебя сдѣлать вопросъ объ иностранныхъ обычаяхъ? или когда я заговорила объ уединенныхъ прогулкахъ съ мужчиною, чтò побудило тебя воскликнуть: — О, Нэнси, какъ узнала ты? — Маргарита, ты лучше скажи мнѣ прямо всю истину, если не хочешь, чтобы я не стала предполагать что нибудь, можетъ быть гораздо хуже настоящаго.

— Нѣтъ, Нэнси, не осуждай ее слишкомъ поспѣшно; можетъ быть все это было дѣломъ одного случая, или моего взбалмошнаго воображенія... Но твоя правда, мнѣ лучше прямо сказать тебѣ всю правду; жаль только, что я заговорила объ этомъ.... Знай же: прошлое воскресенье она пришла изъ церкви одна съ мистромъ Невилемъ, и не сказала мнѣ о томъ ни слова.

— А ты ревнуешь? спросила Нэнси, съ лукавою улыбкою.

Маргарита покраснѣла, и отвѣчала съ сердцемъ:

— Я ненавижу все, что сколько-нибудь сбивается на скрытность, — и все тутъ. А Джиневра такъ неровна, иной разъ она такъ скромна, такъ степенна, а другой разъ.... не совѣмъ такъ, какъ по-моему слѣдовало бы ей держать себя. Я могу замѣтить это, вовсе не думая ревновать, какъ ты говоришь.

— Конечно; и мнѣ очень пріятно слышать, что ты не рев-

куешь, потому что я ясно вижу, что твоя скромница сестрица рѣшилась непременно пѣвннть мистра Невилъ; а тебѣ, со всею твоею красотою и со всеи прелестями, не тягаться съ такою закаленною кокеткою, какъ прелестная Джиневра. Есть одно только средство подкопать ея хитрости; — можетъ-быть, если бы открыть глаза мистру Невилю насчетъ настоящаго ея характера, презрѣнне могло бы оградить его отъ ея оболъщенийъ.

— Презрѣнне! вскричала Маргарита; нѣтъ, не такъ легко презирать Джиневру. О Нэнси, въ эту самую минуту, когда я говорю, что въ Джиневрѣ есть нѣчто такое, что сбиваетъ меня съ толку, и порождаетъ въ душѣ моей какое-то темное подозрѣнне, въ эту самую минуту негодую я на себя, за то, что могла имѣть подозрѣнне, а еще болѣе, что могла въ немъ проговориться. Она можетъ-быть ангелъ доброты и непорочности, и я... О, я часто ненавижу себя за то, что могла допустить въ себѣ такія мысли!...

Бѣдная Маргарита казалась въ совершенномъ отчаяннн, и Нэнси Винсентъ съ непритворнымъ участнемъ схватила ея руку, и смотрѣла ей въ лицо, отвѣчая:

— Милая Маргарита, не усиливай своей горести напрасными укорами совѣсти. Ты только угадала въ мысляхъ и въ поступкахъ своей сестры то, что противно твоимъ понятнмъ о долгѣ, и что я давно уже знаю. Я имѣю самыя несомнѣнныя доказательства непостижимой противоположности между ея наружною скромностью и настоящимъ характеромъ.

Маргарита вздрогнула и устремала на собесѣдницу безпокойный, умоляющнй взоръ.

— Ты уже знаешь, продолжала Нэнси, что мы были въ одно время съ нею въ Генуѣ, и что мы часто встрѣчались и видались съ нею. Признаюсь, она съ самаго начала мнѣ не понравилась; въ ея обращеннн была всегда какая-то холодность и уклончивость, какъ-будто ей было при мнѣ какъ-то неловко; но Люси, какъ водится, влюбилась въ нее, и я съ утра до ночи ничего не слыхала кромѣ восторженныхъ похвалъ Джиневрѣ Лесли, ея красотѣ, ея добротѣ, кротости и талантамъ. Люси была просто безъ ума отъ своей новой прнятельницы; читала съ нею, ходила съ нею гулять, посѣщала монастыри, богадѣльни, церкви, и безпрестанно случайно открывала рѣдкнн черты благотворительности и самоотверженнн, которыя героиня ея оказывала втайнѣ. Я смиренно преклонила голову, и начинала стыдиться своей слѣпоты и несправедливости, какъ вдругъ, на бѣду Люси и ея ку-

нра, слухай открытъ мнѣ своей тайныи дѣлать собою въ исто-
роду. Однажды утромъ, гуляя съ Фредерикомъ передъ захра-
вотъ, мы прошли мимо капудинской церкви; услышавъ въ ней
песню, мы вошли въ церковь, и стали у колонны. Среди толпы
престолуднивовъ и нищихъ, повергшихся въ прахъ передъ алта-
ромъ, увидѣли мы твою сестру; и признаюсь, въ жизнь мою не
видала я ничего подобнаго усердію, съ которымъ она молилась,
все ея душа, все сердце ея, казалось, изливались въ этой молит-
вѣ; четки медленно скользили по ея пальцамъ, и взоры ея были
устрашены на стоявшее на алтарѣ распятіе съ такимъ умоляю-
щимъ выраженіемъ, какого не приведется мнѣ видѣть въ другой
разъ. Я не могла свести съ нея глазъ, и признаюсь, меня глу-
боко тронулъ одинъ ея поступокъ во время службы. Подлѣ нея
стола на колѣняхъ, на холодномъ мраморѣ, — потому что по
близости не было ни стульевъ, ни скамеекъ, — маленькая дѣ-
вочка, едва одѣтая, слабая и хворая, опираясь на нее отъ уста-
лости; твоя сестра не посторонилась отъ бѣдняжки, а взяла ее
и, стоя на колѣняхъ, держала ее на рукахъ во все время обѣды.
Она была такъ хороша, что я несколько не удивилась, когда
Фредерикъ толкнувъ меня, показалъ на нее! Когда мы вышли,
Фредерикъ сказалъ мнѣ: — Попросимъ мисъ Лесли позавтракать
у насъ; Люси будетъ такъ рада! — Я согласилась, и мы подо-
шли ее на лѣстницѣ, подошли къ ней и пригласили идти съ
нами. Она поблагодарила меня, но отказалась отъ приглашенія
съ тою кротостью, и съ тою странною улыбкою, которая почти
не сходитъ съ ея лица, и которая мнѣ всегда кажется подозри-
тельною; я терпѣть не могу людей, въ которыхъ никогда не
забывши слѣда досады или сердца. Фредерикъ повторилъ при-
глашеніе, но она опять отказалась, не представляя никакой при-
чины. Наконецъ она сказала, что ее ждуть дома; когда Фреде-
рикъ началъ настаивать, — что, сказать правду, было съ его
стороны не совсѣмъ ловко, — по лицу ея видно было, что это
ей было очень неприятно. Она отказала рѣшительно, простилась
съ нами, и удалилась. Въместо того, чтобы идти домой, какъ мы
сначала располагали, мы вздумали продолжить свою прогулку до
Аква-Солы. Подходя къ виллѣ Негри, я замѣтила, что обронила
брелетъ, и мы воротились назадъ искать его, въ церкви или
около нея. Мы шли по аллеѣ; усаженной виноградникомъ; вдругъ,
свѣозъ виноградныя листья, отдѣлявшія насъ влѣво отъ фонтану,
мы увидѣли, — кого ты думаешь? — Джиневру. Она свѣбла на
скаль, не далеко отъ насъ, и съ большимъ одушевленіемъ раз-

говаривала съ какими-то мужчиною, который сидѣлъ къ намъ спиною. Фредерикъ хотѣлъ скорѣе идти дальше, но любопытство, и какое-то другое чувство, еще сильнѣе любопытства, приковали меня къ мѣсту. Я всегда была убѣждена, что это рѣдкое совершенство, которымъ мнѣ съ утра до ночи трубили въ уши, было не совсѣмъ такъ безукоризненно, какъ воображали мои родные, и отчасти рада была, чтобы Фредерикъ, который видѣлъ съ Люси возставалъ на мою злость, когда я осмѣливалась дѣлать подобныя намеки, собственными глазами убѣдился, въ томъ, что эта многохваленая скромность не совсѣмъ безгрѣшна. Милая Маргарита, мнѣ больно, что я должна огорчать тебя, открывъ тебѣ всю истину; но я уже такъ много сказала, что не могу утаить остальнаго; къ тому же, лучше вынести горестъ, чѣмъ быть жертвою обмана. Я не только видѣла, что Джиневра смотрѣла въ лицо своему собесѣднику съ такимъ выраженіемъ, послѣ котораго нельзя было сомнѣваться въ предметъ ихъ разговора; но видѣла также, какъ она жала ему руку, и какъ онъ безпрестанно прижималъ ея руку къ губамъ; и какъ, передъ разставаньемъ, онъ обхватилъ ея талію, и нѣжно цѣловалъ ее. Онъ поспѣшно удалился въ одну сторону, нагнувъ шляпу на лицо, такъ, что я не могла его разглядѣть; а она посидѣла еще съ минуту, погруженная въ размышленіе, потомъ вскочила, и торопливо пошла къ лѣстницѣ Аква-Солы. Мы встрѣтились въ концѣ аллеи; увидѣвъ насъ, она поблѣднѣла, какъ полотно, и прошла мимо насъ не говоря ни слова, и будто не замѣчая насъ. Послѣ того мы слышали о ней разныя вещи, которыя подтвердили мысли, возбужденныя въ насъ этимъ случаемъ. Извѣстно было, что она вела тайную переписку, и прибѣгала ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы скрывать получасмыя и посылаемыя письма отъ провинчательности мистрисъ Варренъ. Рассказывали также о ней разныя неблаговидныя исторіи; но какъ я не могу поручиться за ихъ истину, то и не стану повторять ихъ; матушка просила насъ, сколько возможно избѣгать ея дружбы, а вскорѣ послѣ того мы выѣхали къ Генуѣ.

Маргарита безмолвно выслушала этотъ длинный рассказъ; брови ея были нахмурены, щеки горѣли. Когда Нэнси кончила, она сказала, что хотя то, что Нэнси *случайно* увидѣла — это слово было произнесено съ легкою ироніею — было очень не похвально, и чрезвычайно ее огорчало, однако же она полагала, что сестра ея любила какого-нибудь Итальянца, съ которымъ она, можетъ-быть, была дружна съ дѣтства; и что въ такомъ случаѣ,

вить въ предосудительно дѣвущкѣ вести тайную переписку, однако же ее можно извинить. Нэнси недовѣрчиво улыбулась, привела разные обстоятельства, которыя, по ея мнѣнію, достаточно опровергали это списходительное предположеніе, и сказала въ заключеніе:

— Хорошо, милая Маргарита; если ты не находишь въ поступкахъ сестры ничего такого, что бы тебѣ не нравилось, или чего бы ты не могла оправдать, то забудь все, что я говорила. Я вовсе не желаю принуждать тебя переимѣнить твое мнѣніе по этому предмету; разумѣется, если у Джиневры есть предметъ любви — Италіянецъ, то нечего опасаться, чтобы она вздумала искать любви кого другаго.

— Однако же, вскричала Маргарита съ нетерпѣніемъ, понимая, куда метили намеки Нэнси: однако же, неужели она въ-самолѣ дѣлѣ такая низкая лицемѣрка? Неужели ея набожность, ея доброта, ея любовь къ добродѣтели, — все это одно притворство? неужели все это одна ложь? Нѣтъ, Нэнси, это невозможно.

— Послушай, моя милая: если сестра твоя кокетка, и даже, какъ мнѣ иногда кажется, больше чѣмъ кокетка, развѣ изъ этого слѣдуетъ, что каждое чувство, которое она изъявляетъ, должно быть притворно? Мнѣ кажется, человекъ, которому воспитаніе не внушило здравыхъ понятій о нравственности, можетъ быть очень благотворителемъ, очень набоженъ, то есть, исполнять наружные обряды религій, и въ то же время оскорблять нравственность, не будучи нисколько лицемѣромъ; это мы видимъ безпреставно.

— Правда, сказала Маргарита печально.

Между тѣмъ какъ лукавые доводы подруги, которую однако же несправедливо было бы обвинять въ зломъ умыслѣ, колебали ея вѣру, и бросали глубоко въ ея душу совершенно превратное, оскорбительное понятіе о характерѣ ея сестры, Джиневра также была занята бесѣдою, которая не менѣе потрясла ея душу. Леди Динингтонъ ушла въ комнату мистрисъ Торнтонъ, и всѣ прочіе вышли изъ гостиной, кромѣ мистра Варрена, безвѣстно смотрѣвшаго въ окно, у котораго Джиневра сидѣла за работою. Конскій топотъ по дорогѣ подъ террасою заставилъ ее подвѣсти глаза, и она увидѣла Эдмунда Невилля, который скакалъ во весь опоръ, скрутивъ мощною рукою шею своею пышущей и открытой пѣною лошади. Когда онъ промчался стрѣлою мимо окна, мистръ Варренъ вскричалъ:

— Вотъ скачетъ! вѣкъ останется сорви-головою, какъ былъ

съ-молоду! Ахъ, сеньора, не мало труда будеть стоять раниш прелестной сестрицѣ держать пльняника моего въ повиновеніи, даже если и удастся ей привлечь его къ своимъ ногамъ!

— Вы шутите или говорите серьёзно? спросила Джиневра, быстро обращаясь къ нему, и смотря прямо въ лицо.

— Не думаю шутить..... но не поручусь, что онъ не шутить, хотя и говорилъ что-то въ этомъ родѣ вчера.

— Это невозможно, сказала Джиневра, съ судорожною быстротою, втыкая иголку въ канву.

— Конечно, очень не желательно, чтобы онъ женился такъ молодъ, продолжалъ мистръ Варренъ: однако же, что онъ объ этомъ помышляетъ, въ томъ нѣтъ ничего невозможнаго. Управляющій мой говорилъ мнѣ, что во всемъ околѣдѣ всѣ положительно увѣряютъ, что онъ женится на вашей сестрѣ. Я этому не вѣрю, но прибавляютъ даже, что очень неблагородно будетъ съ его стороны, если онъ на ней не женится; между вами сказать сеньорина, правда, что она уже кажется влюблена въ него по уши.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила Джиневра съ чрезвычайною живостью. Нѣтъ, вы ошибаетесь, это невозможно; впрочемъ — вамъ слѣдовало поговорить объ этомъ съ вашимъ племянникомъ; сказать ему, какіе носятся слухи. Вы не должны терпѣть этого; вамъ стоять только поговорить съ нимъ, чтобы предупредить, можетъ-быть, большія несчастія.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? видно мнѣ Маргарита Лесли повѣрила вамъ свою склонность къ моему очарователю племяннику.

— Совсѣмъ нѣтъ, вы ошибаетесь, отвѣчала Джиневра сухо; но вслѣдъ затѣмъ опять приступила къ нему, и продолжала: — Вы общаете, не правда ли, — вы общаете поговорить съ вашимъ племянникомъ?

— Но онъ можетъ быть дѣйствительно желаетъ жениться на вашей сестрѣ; въ такомъ случаѣ, я вовсе не желалъ бы вмешиваться; жаль разстроить такую прекрасную партію.

Джиневра молчала, и мистръ Варренъ продолжалъ:

— Племянникъ мой хорошо сдѣлаетъ, если женится на богатой невѣстѣ, потому что, хотя онъ и самъ будетъ богатъ, однако же средства его никогда не покроютъ его расточительности. Я знаю стороную, что онъ теперь уже по-уши въ долгахъ.

— Вѣдь у него есть отецъ, который его очень любитъ? сказала Джиневра, не подвигая глазъ.

— Любитъ, пока сынъ ему не поперечитъ; но онъ непреклоненъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ, и полонъ причудъ и предразсуд-

доск. Онъ когда-то терпѣть не могъ меня; но я умиаствилъ его въ послѣдній свой прїездъ въ Англїю тѣмъ, что бывалъ на всѣхъ мѣтвнгахъ въ Эксетръ-голлѣ.

— Чтѣ такое, Эксетръ-голлъ? спросила Джиневра, которая слыхала объ Эксетръ-ченджѣ, и полагала, что слабость мистра Невилла, можетъ-быть, страсть къ дикимъ звѣрнмъ.

— Это, прекрасная свнюра, мѣсто, гдѣ мы благодаримъ Бога зато, что не подлежаимъ, подобно вамъ, власти папы. Не сердитесь; вы знаете, что я не такой фанатикъ, какъ мой дорогой шуринъ; но мнѣ нужно было убѣдить его, что я не перешагъ къ напизму, который, какъ привидѣнїе, преслѣдуетъ его день и ночь. Между-прочнмъ, знаете ли, что вы будете Эдмунду не малою помѣхою, чтобы жениться на вашей сеестрѣ. Невѣстка — католичка! да отъ одной мысли у старика волосъ дыбомъ сгнпеть на головѣ!

Съ этими словами мистръ Варренъ выпорхнулъ изъ комнаты, шурлыча про себя оперную арїю. Когда дверь затворалась за нимъ, иголка выпала изъ рукъ Джиневры; взоры ея остановились на открытой книгѣ, которую Эдмундъ оставилъ на столѣ, и потомъ на ея рукѣ. Нѣсколько жгучихъ слезъ медленно потекли по ея лицу; она торопливо отерла ихъ и опять принялась за работу; лобъ ея нахмурился и подернулся глубокою, мучительною думою. Ее пробудилъ стукъ колесъ; она посмотрѣла въ окно, и увидѣла уѣзжавшую карету леди Донпигтонъ. Она провела рукою по лбу,дохнула свободнѣе, и тутъ только замѣтила Маргариту и Нэнси, вошедшихъ въ это время въ комнату и приближавшихся къ ней. Она едва примѣтно вздрогнула; но тотчасъ же оправилась и стала разговаривать съ обыкновенною привѣтливостю, и спросила о Люси.

— Вы увидите ее послѣ-завтра, отвѣчала Нэнси: она прїѣдетъ съ батюшкою и матушкою, и мы пробудемъ здѣсь до субботы.

— Мнѣ это будетъ очень прїятно, сказала мистрисъ Варренъ, входя вслѣдъ за ними; тѣмъ болѣе, что вы, кажется, собираетесь на этой недѣлѣ хорошо повеселиться, мнсь Лесли.

— Да, отвѣчала Маргарита, разсѣяннѣо и печально; мы будемъ веселиться.

— Въ четвергъ балъ, сказала Нэнси: а въ пятвицу будемъ играть въ шарады. Кого ты ждешь завтра, Маргарита, кромѣ нашихъ?

— Будетъ саръ Чарльзъ Дарси, будетъ дядя Джонъ Торнтонъ....

— Вамъ при этомъ случаѣ надо блеснуть своимъ талантомъ, сеньора, сказала мистрисъ Варренъ, обращаясь къ Джиневрѣ; вы будете пѣть, играть, импровизировать....

— Конечно, подхватила Нэнси; вы у насъ будете примадонною, будете играть въ совершенствѣ. Не знаю только какая роль вамъ будетъ лучше?

Губы Джиневры дрожали; она склонила голову на самые пальцы, чтобы скрыть судорожныя движенія лица.

— Слѣдовало бы дать сцену изъ «Смириться, чтобы торжествовать», продолжала Нэнси, или, если потянуться еще выше, изъ «Конецъ дѣло вѣчаетъ». Самое названіе пьесы уже глубокое изреченіе.

Вальтеръ, сидѣвшій у стола съ книгою въ рукахъ, поднялъ глаза и съ удивленіемъ смотрѣлъ на разговаривавшую передъ нимъ группу. Джиневра молчала и, казалось, не въ силахъ была ни вымолвить слова, ни улыбнуться. Нэнси стояла передъ каминномъ и наблюдала ее съ полу-лукавымъ, полу-злымъ любопытствомъ. А Маргарита, его возлюбленная Маргарита, стояла присловившись къ камину, выпучивъ глаза, заворотивъ углы рта, и нахмуривъ брови, и съ безпокойствомъ смотрѣла попеременно на ту и на другую. Мистрисъ Варренъ между тѣмъ откапывала въ своей памяти шарады, и отъ времени до времени объявляла, что она придумала такое слово, какого лучше не надо; но каждое предложенное ею слово тотчасъ браковалось, какъ устарѣлое, неправильное или негодное для шарады. Это продолжалось нѣсколько времени; наконецъ Джиневра сложила работу, завернула въ большой платокъ, и тихо вышла изъ комнаты. Нэнси проводила ее глазами, и потомъ шепнула Маргаритѣ:

— Я увѣрева, что она еще найдетъ средство видѣться съ мистромъ Севилемъ до обѣда; готова хоть побѣться объ закладъ. Бываешь ли ты въ ея комнатѣ передъ обѣдомъ?

— Въ шесть часовъ я хожу къ ней чесать голову; она любить сама причесывать меня.

— Сходи къ ней въ пять часовъ; навѣрное не заставишь ее.

— И по очень простой причинѣ; она въ это время почти всегда спитъ съ батюшкою.

Нэнси казалась недовольною отвѣтомъ, и въ некоторое время молчаніе прерывалось только шорохомъ Вальтеровой газеты и размышленіями мистрисъ Варренъ.

— Мистръ Варренъ, не придумаешь ли годное слово для шарады, сказала она наконецъ, перебравъ десятка два словъ, одно

неудачиве другаго. Вопросъ обращался къ министру Варрену, который только что вошелъ въ гостиную и грѣлся передъ каминомъ.

— Отчего жъ не придумать? Но сначала прочти это.

И онъ бросилъ ей на колѣна письмо, которое она равнодушно взяла и стала читать; но едва прочла нѣсколько строкъ, вниманіе ея приковалось къ письму, и она раза два или три взглядывала въ лѣво мужу съ безпокойнымъ, вопрошающимъ видомъ. Въ это время отворилась дверь, и вошелъ полковникъ Лесли.

— Джиневра здѣсь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальтеръ.

— Она въ саду, сказалъ министръ Варренъ: я сейчасъ встрѣтилъ ее на западной террасѣ.

Нэнси быстро взглянула на Маргариту, которая хранила угрюмое молчаніе, вперивъ глаза въ огонь. Нэнси подошла къ ней и шепнула: — Нельзя ли попросить мистра Сиднея сходить за нею.

Все, что сколько-нибудь походило на заговоръ или на хитрость, было такъ противно Маргаритѣ, что она не отвѣчала ни слова, а только покачала головою, и вскорѣ затѣмъ она медленно и съ насурнымъ лицомъ вышла изъ комнаты, досадуя и на Джиневру, и на Нэнси, и на себя. Вальтеръ поспѣшилъ отворить ей дверь, и шепнула: — Маргарита, что съ вами? не больны ли вы? или у васъ какое горе?

— И то и другое, отвѣчала она, и выдернувъ руку изъ его руки, бросилась опретью въ свою комнату, заперла за собою дверь и горько заплакала.

Когда пробило шесть часовъ, любопытство и какое-то невыносимое безпокойство не позволили Маргаритѣ измѣнить обычному своему посѣщенію Джиневры. Входя въ ея комнату и увидѣвъ на стулѣ близъ двери сестринъ плащъ и шляпу, она поспѣшно и украдкою пошупала ихъ: сырость ихъ доказывала, что оны только-что были сняты. На столѣ по обыкновенію лежали цвѣты; она сѣла на обычное свое мѣсто, и Джиневра принялась плести ей косу. Ни та, ни другая не чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы прервать молчаніе; только Маргарита однажды вдругъ вздрогнула, почувствовавъ на лбу горячую слезу. Слезка была отерта поцѣлуемъ, и въ это мгновеніе гавъ, досада, злоба вдругъ исчезли изъ сердца Маргариты, и замѣнились одною глубокою, томительною скорбью. Она закрыла лицо руками и слезы въ безмолвіи потекли изъ глазъ ея. Джиневра опустилась на колѣни подлѣ нея и обвила руками ея талью. Гресь отворила дверь, и обѣ сестры вскочили, какъ испуганныя сер-

ды. Не говоря ни слова, не бросивъ даже взгляда, Маргарита побѣжала въ свою комнату, и доканчивая туалетъ, старалась привести въ порядокъ свои мысли. Ей казалось, будто въ ней было двѣ Маргариты и подлѣ нея двѣ Джиневры. Та Маргарита, что слушала внушенія Нэнси, и оскорбляла сестру подозрѣнiемъ, и та, что сейчасъ плакала съ этою сестрою. Та Джиневра, которую описывала Нэнси, и которой она боялась и не любила, и та кроткая, грустная Джиневра, которой слеза канула ей на лобъ, и которой губы такъ нѣжно прижималась къ ея щекамъ.

Звонокъ къ обѣду пробилъ прежде, чѣмъ она успѣла окончить свой туалетъ. Спѣша внизъ по лѣстницѣ, она прошла мимо Эдмунда Невилля и мистра Варрена, которые такъ заняты были своимъ разговоромъ, что не замѣтили ея. Мастръ Варренъ говорилъ очень скоро, и она схватила на лету только эти слова:— Это мнѣ приходило въ голову уже прежде; и все, что я могу вамъ сказать, это — что вы можете положиться на мое содѣйствiе, и что чѣмъ скорѣе вы поѣдете, тѣмъ лучше. За обѣдомъ Маргарита сидѣла между Вальтеромъ и приходскимъ пасторомъ. Долежавшiя до нея слова раздавались въ ея ухахъ, и она мысленно твердила:— Чѣмъ скорѣе поѣдете, тѣмъ лучше. Такъ Эдмундъ ѣдетъ? куда? когда? Оставалась одна слабая надежда: можетъ-быть онъ ѣдетъ затѣмъ, чтобы выпросить согласiе отца? Она взглянула на Эдмунда; онъ казался мраченъ и недоволенъ; ни разу взоръ его не искалъ ея взору, а все обращался на ея сестру, и съ такимъ выраженiемъ досады и гнѣва, которое доходило почти до свирѣпства. Джиневра была блѣдна, какъ полотно, и Маргариту объял безотчетный страхъ и скорбь, не уже не ревность, какъ утромъ. Она рѣшилась не отвѣчать на таинственные взгляды, которые бросала ей Нэнси, и при первой возможности встала изъ за стола. Пока она стояла у дверей, чтобы пропустить дамъ, Эдмундъ, отворившiй дверь, наклонился къ Джиневрѣ, когда она проходила, и положилъ ей въ руку записку. Онъ не замѣтилъ, что Маргарита стояла за нимъ; а когда она последовала за сестрою въ гостиную, то замѣтила только, что Джиневра готова была лишиться чувствъ, и ухватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Ни зачѣмъ въ мирѣ не открыла бы она Нэнси, что сейчасъ видѣла; душою ея овладѣло невыразимое чувство состраданiя, и когда сестра ея вышла изъ комнаты едва держась на ногахъ, въ сердцѣ ея не было гнѣва, а только смутное предчувствiе горя себѣ и другимъ. Нэнси, послѣ нѣ-

сколькихъ неудачныхъ попытокъ завязать разговоръ, взяла ни-гу; мистрисъ Варрелъ, противъ обыкновенія своего, была молчалива и задумчива; мистрисъ Торнтонъ одна была спокойна и беззаботна, и безъ умолку лепетала какія-то безсмысленныя сужденія и проводила ихъ по всѣмъ превратностямъ жизни.

Позже вечеромъ, когда все общество собралось въ концертной залѣ, Нэнси заговорила о балѣ и шарадахъ, и о разныхъ приготовленияхъ къ нимъ. Она только-что успѣла назначить роль Эдунду, какъ мистръ Варрелъ прервалъ ее, сказавъ:

— А знаете ли, что онъ поговариваетъ о бѣгствѣ? Если не ошибаюсь, онъ завтра же навѣрнъ лишитъ насъ своего общества.

— Какъ, мистръ Невиль? возможно ли? вскричала Нэнси; а Маргарита и Джиневра въ одно мгновеніе подняли на него взоры.

— Я получилъ письмо изъ Ирландіи, которое принуждаетъ меня немедленно ѣхать туда, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Когда же вы поселитесь въ Даррелькортъ? спросилъ Вальтеръ.

— Это совершенно зависитъ отъ однихъ обстоятельствъ. Можетъ-быть очень скоро; а можетъ-быть — никогда.

Нэнси мигнула Маргаритѣ; но у Маргариты страшно нмло сердце и она ей не отвѣчала. Наступающіе дни, которыхъ она недавно еще ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, изъ которыхъ она уносилась съ такимъ предчувствіемъ удовольствія, вдругъ предстали ей скучными и невыносимыми; и она почти желала, чтобы какое-нибудь непредвидимое обстоятельство отиѣнило заботы, которыя являлись во всей своей пустотѣ, какъ-скоро исчезло обаяніе, придававшее имъ жизнь. Она дивилась, какъ могли разумныя существа танцовать, играть въ шарады, забавляться какъ дѣти. Развѣ на то дана намъ жизнь? восклицала она мысленно; и жизнь, какъ она представляла ее себѣ за нѣсколько минутъ, показалась ей случайнымъ, влчымъ, безотраднымъ бременемъ, — тусклою и безцвѣтною, какъ ландшафтъ, надъ которымъ не свѣтитъ солнце; — динною и бессмысленною, какъ нинитерская сказка, — приторною, какъ персрѣвшій плодъ. Погруженная въ эти грустныя размышленія, она почти не слышала того, что говорилось вокругъ нея; и когда ее просили играть, она машинально сѣла къ фортепiano и сыграла сонату, ни разу не оглянувшись вокругъ себя, не отвѣчая ни слова на похвалы, шедшія со всѣхъ сторонъ похвалы. Впрочемъ, она играла въ са-

момъ-дѣлѣ хорошо, и тутъ напряженное состояніе ея нервовъ придадо необыкновенную силу ея пальцамъ и выразительность ея грѣ. Она только что встала, чтобы возвратиться къ своему руководѣлю, когда дворецкій подошелъ къ Эдмунду Шевиллю, и сказалъ ему съ живостью:

— Сэръ, ваша собака пришла; она, видно, отыскала васъ.

Раздался шорохъ за дверью, и чрезъ мгновеніе огромная собака сень бернардской породы вбѣжала въ залу и бросилась къ своему господину съ бурною радостью свиданія послѣ долгой разлуки.

— Что за чудесная тварь! вскричала Нэнси Винсетъ и наклонилась, чтобы поласкать собаку. Но она оскалила на нее свои бѣлые зубы, и мисъ Винсетъ отступила со страхомъ. Маргарита и мистрисъ Варренъ также пытались подойти къ ней и также неудачно. Эдмундъ позвалъ къ дверямъ, но она, бросивъ вдругъ хозяина, подбѣжала къ Джиневрѣ, обнюхала ея одежду, и потомъ съ тихимъ, радостнымъ воемъ вскочила на нее, лизала ей лицо и руки, и, наконецъ, положила свою огромную морду на ея колѣна. Джиневра погладила ее, и кротко оттолкнула отъ себя. Эдмундъ сказалъ громко:

— Кажется, сеньора, старикъ Бруно узнаеть въ васъ землячку!

Яркій румянецъ разлился по лицу Джиневры, можетъ-быть слова эти напомнили ей родныя Альпы и италіанскія долины у подножія ихъ; она обвила руками голову собаки и прижалась лицомъ къ ея мохватои шеѣ. Два раза съ вѣжностью повторила она ея имя, останавливаясь на каждомъ слогѣ, будто хотѣла запечатлѣть его въ своей памяти.

— Вы должны бы, сеньора, сказалъ мистръ Варренъ, импровизировать стансы въ честь собаки, которая оказала вамъ такой необыкновенный почетъ.

Всеобщій возгласъ подкрѣпилъ предложеніе мистра Варрена. Въ то же время Эдмундъ сказалъ что-то вполголоса возвратившемуся къ нему Бруно; взоры Джиневры обратились на него такъ неподвижно, такъ грустно, что онъ смутился; щеки его покрылись густымъ румянцемъ, онъ оперся локтемъ на каминъ, и заслонилъ лицо рукою. Взоры ея невольно слѣдовали за нимъ; но черезъ мгновеніе она остановила ихъ на собакѣ, улегшейся въ ногахъ ея, и тихимъ, густымъ голосомъ, котораго звуки поражали слухъ какъ шопотъ золотой ары, произнесла по-италіански нѣсколько стансовъ, которыхъ содержаніе было слѣдующее:

— Другъ странника, и вожатый его во время бури! Въ своихъ родныхъ горахъ отъспиваешь ты жизнь, борющуюся со смертью. Голосъ потока, паденіе лавины, ровная, пагубная бѣлизна глубокой долины, не ослѣпятъ твоего пастышкита, не обманутъ твоего чутья.

«Безстрашный сторожъ Сентъ-Бернарда, вѣрный другъ путника! Когда мракъ ночи обнимаетъ его кругомъ, бездна разверзается подъ его ногами, и вершины Альпъ, въ своихъ свѣжыхъ саванахъ, висятъ надъ нимъ какъ привидѣнія, и гибель кажется ему неизбѣжною; твой знакомый лай, твое теплое дыханіе, твоя сила и любовь оживляютъ его, другъ странника въ нуждѣ! вожатый его въ ночномъ мракѣ! Но ужели дано тебѣ также читать въ безслезныхъ очахъ, и угадывать страдающую душу подъ невозмутимую гладью наружнаго спокойствія? Или непостижимое чутье говоритъ тебѣ, гдѣ человѣческое сердце ноетъ въ безмолвной тоскѣ, какъ указываетъ оно тебѣ потоки твоихъ родныхъ Альпъ, подъ ихъ ледяной корою?»

«Первое дыханіе лѣта разорветъ ихъ оковы; они заблещутъ, полные жизни, и обрадуютъ долины своими пѣвными водопадами, своими яркими радугами, своимъ торжествующимъ рокотомъ. И должна возвратиться весна; должно пѣвное дыханіе юга воззвать ихъ снова къ жизни и волѣ.... А надежда! повѣсть ли она когда, чтобъ согрѣть сердце, остывшее въ своей скорби? Лучъ любви растопитъ ли когда ледяную темпалу, въ которой безмолвно изнываетъ душа?»

«Не растопятъ ея твой взглядъ любви, твое теплое дыханіе! бессильна твоя сила, тщетно твое состраданіе! Не утѣшитъ тебѣ томлящагося сердца, не оживитъ души, остывшей отъ людскаго дыханія! Иди назадъ въ свои родныя горы, безстрашный сторожъ Сентъ-Бернара; иди въ свои глубокіе свѣга; вели имъ возвращать свои жертвы; иди къ своимъ безднамъ, отрывать изъ нихъ умершихъ. Отрывай жизнь изъ ледниковъ, отогрѣвай гибнущихъ въ свѣгахъ; но не носи въ своей бессильной любви, въ своемъ бесполезномъ состраданіи, не носи слова надежды тому, кого оставила надежда, не носи слова радости тому, для кого нѣтъ болѣе радости!»

Голосъ умолкъ; но, казалось, раздавался еще въ сердцахъ слушателей. Джиневра была неподвижна; взоры ея по прежнему были устремлены на собаку, которая лежала у ногъ ея и тихо лизала ей руку, будто боясь прервать ее. Мистрисъ Варренъ поржала отъ одного изъ слушателей къ другому, разсыпавъ въ по-

хвалахъ импровизаціи. Мистрисъ Торнтонъ, хотя ничего не понимала, однакоже объявила, что стихи прекрасны, но жаль, что не английскіе. Мистръ Варренъ, Вальтеръ и Нэнси, казалось, понимали, что въ этой сценѣ скрывалось нѣчто болѣе, чѣмъ видѣлъ глазъ и слышали уши. Вальтеръ подошелъ къ Маргаритѣ, и будто печально взявъ ея руку и сжалъ ее. Джиневра первая встала, и медленно пошла къ дверямъ; но не доходя до нихъ, остановилась, и обратилась въ ту сторону, гдѣ стоялъ Эдмундъ. Въ первый разъ во весь этотъ вечеръ взглянулъ онъ на нее; взоры ихъ встрѣтились, и онъ прочелъ въ ея глазахъ такую трогательную, такую скорбную мольбу, что онъ забылся, и уже двинулся, чтобы идти къ ней; но тотчасъ же остановился, сѣлъ разсѣянно на табуретку передъ фортепіано, небрежно опустил руки на клавиши, и сыгралъ первые ноты задумчивой, грустной мелодіи. Когда звуки эти дошли до Джиневры, лицо ея оживилось; на щекахъ заигралъ румянецъ, и томная улыбка мелькнула на устахъ. Взоры ихъ опять встрѣтились, и она вышла изъ комнаты, а Эдмундъ бросился на софу, схватилъ газету, и заслонилъ ею лицо. Нэнси подошла къ фортепіано, и пробѣжавъ пальцами по клавишамъ, подозвала Маргариту, и сказала ей:

— Слышала ты знаменитую арію изъ «Guido e Ginevra»?

Загнѣвъ она сыграла ту же мелодію, которой первые ноты были неутвердо, но довольно внятно сыграны Эдмундомъ; недовольствуясь этимъ, она продолжала, между-тѣмъ какъ Маргарита стояла подлѣ нея съ смущеннымъ и безпокойнымъ лицомъ:

— Слова такъ же трогательны, какъ мелодія. И она пропѣла по-французски знаменитую арію, съ особымъ выраженіемъ и окончательные стихи строфъ:

Je reviendrai pour dire encore
Le nom si doux de Ginevra.

Маргарита удалилась въ свою комнату, сѣла къ камину, и закрыла лицо руками. Она не говорила съ Эдмундомъ, даже не взглянула на него, выходя изъ бібліотеки, и теперь только вспомнила, что если онъ ѣдетъ рано утромъ, то она и не увидитъ его передъ отъѣздомъ. До-этихъ-поръ она не могла представить себѣ, чтобы это было возможно, и ей стало больно при этой мысли. Когда горничная пришла раздевать ее, она спросила, стараясь, сколько могла, скрыть драманіе своего голоса, къ какому времени мистръ Невилъ приказалъ приготовить лошадей.

— Къ шести часамъ, отвѣчала Гресь, и сердце замерло въ Маргаритѣ. Вскорѣ за тѣмъ кто-то постучался въ дверь и мистрисъ Дальтонъ, просунувъ голову, сказала:

— Вотъ записочка, которую мистръ Невиль просилъ передать вамъ. Ему очень прискорбно, что онъ не видалъ, какъ вы вышли изъ гостиной, и не могъ съ вами проститься.

Маргарита трепетною рукою взяла записку, но не рѣшилась распечатать ее при постороннихъ. Она отпустила Гресь, поцѣловала мистрисъ Дальтонъ, заперла дверь, приложила записку къ губамъ, и залилась слезами. Она не смѣла раскрыть ее; слабая надежда мерцала еще въ ея душѣ, какъ догорающая свѣча, которую Гресь оставила на столѣ. Съ суевѣрнымъ безпокойствомъ смотрѣла она, какъ свѣча вспыхивала и затмѣвалась, опускалась съ увисіемъ, потомъ опять вспыхивала съ отчаянною рѣшимостью, и опять горѣла слабо и тускло, бросая нѣсколько искръ, будто хотѣла послѣднимъ напряженіемъ своей истощенной силы удалить приближающійся конецъ. — Если она погоритъ еще нѣсколько мгновеній, думала Маргарита, разламывая печать, — я не буду отчаяваться. — Пальцы ея дрожали, а письмо пристало къ конверту; еще разъ сверкнула искра на почернѣвшей свѣтильнѣ, и совершенно исчезла прежде, чѣмъ Маргарита успѣла взглянуть на развернутый листокъ и прочесть записку, которой обыкновенный, вѣжливый тонъ уничтожилъ послѣдній лучъ надежды въ ея сердцѣ. Она бросила записку въ огонь, но выхватила ее опять, прежде чѣмъ листокъ успѣлъ догорѣть до половины, и съ грустною радостью замѣтила, что часть письма уцѣлѣла, что подпись не тронута пламенемъ. Она пригладила листокъ, сложила его, и принялась горько плакать. Это было тяжелое испытаніе, первое испытаніе для нея. Никогда еще не разлучалась она съ тѣмъ, кого любила, и ей страшно было подумать о томъ, что будетъ чувствовать утромъ, когда проснется и вспомнитъ, что Эдмундъ уже уѣхалъ. Ей было не до сна; она даже не ложилась; но подсыпала свѣжаго угля въ каминъ, и сѣла передъ огнемъ, устремивъ взоры на стоявшіе на каминѣ бронзовые часы; во временахъ она сжимала руки, будто въ гнѣвъ; въ другой разъ слезы катились медленно по ея лицу, и она опускала голову на спинку кресель, какъ ребенокъ, истощенный плачемъ. Часы мѣрно пробили пять, и ей послышались легкіе шаги въ коридорѣ надъ ея комнатою, какъ-будто кто осторожно прокрадывался. Черезъ нѣсколько мгновеній тихо и бережно затвори-

лась дверь въ концѣ галереи, въ которую выходила ея комната, и потомъ все опять утихло. Еще мгновение, и Маргарита приподнявшись въ креслахъ, вскричала вполголоса:— О стыдъ, о позоръ! и опять закрыла лицо руками. Безсвязныя слова и фразы срывались съ ея усть; какая-то томительная борьба происходила въ ея душѣ. Наконецъ, усталость превозмогла ее, и она уснула; но скоро опять проснулась, и вскричала:— О вѣтъ, Нэвса, вѣтъ!— Потомъ, помолчавъ вѣсколько, она сказала медленно, будто взвѣшивая каждое слово: — Хуже чѣмъ кокетка? — Часы пробили шесть. Какое-то лихорадочное безпокойство овладѣло Маргаритою; она вѣсколько времени ходила взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ отворила дверь, и стала смотрѣть въ темную галерею. Въ концѣ ея блестяло свѣтлое пятнышко, вѣроятно изъ скважины замка; пятнышко едва свѣтлосось, но Маргарита видѣла его, и это была дверь Джиневры. — О, еслибы я смѣла отворить ее, вскричала она; еслибы я смѣла броситься въ комнату, и упасть къ ногамъ той, которую я такъ оскорбляю... которую подозреваю....

Ручка замка, на который былъ устремленъ взоръ Маргариты, тихо повернулась, и ей опять послышались шаги, и сердце замерло въ ея груди; она знала эти шаги.... она столько разъ прислушивалась къ ихъ приближенію! Они когда-то были музыкою для ея слуха.... а теперь — эти медленные, осторожныя шаги звучали какъ звонъ — не радостный звонъ ея счастію, которое казалось, навѣкъ отлетѣло, а заупокойный звонъ ея душевному миру.

— Я должна говорить съ нею, вскричала она. Это можетъ быть одинъ сонъ, ужасный сонъ.... Я хочу видѣть ее, чтобы она его разсѣяла!

Дрожащими стопами прошла она галерею, и остановилась у двери; изъ комнаты сестры долетали до нея заглушаемыя рыданія и стоны; она отворила дверь; Джиневра стояла на колѣняхъ, волосы опустились на ея лицо, и все тѣло ея дрожало. Услышавъ шорохъ отворившейся двери, она вскочила, судорожно протянула руки, отмахнула волосы съ лица, и голосомъ, трепещущимъ отъ надежды и удивленія, произнесла какое-то вѣжное италіянское слово. Слезы ослѣпляли ея глаза; однакоже она тотчасъ узнала Маргариту, и сказала: — Сестра! — и такъ кротко, такъ печально, какъ будто молила ее о пощадѣ. Маргарита стояла неподвижно, будто пригвожденная къ мѣсту, едва имѣя силу собраться съ мыслими; но взоръ ея печально упалъ на мѣховую перчатку, ле-

павшую на ковръ близь дверя. Она узяла перчатку, и ревность пробѣжала потокомъ по всѣмъ ея жиламъ, хлынула кровь къ ея щекамъ, и взволновала гнѣвомъ и негодованіемъ ея грудь. Сверкая глазами и надменно сжавъ губы, подала она перчатку Джиневрѣ, которая безсознательно взяла ее, и прижала другую руку къ груди, ослась перевозмочъ судорожную дрожь, бившую все ея тѣло.

— Чего ты хочешь? что тебѣ надо, сестра? спросила она, сама едва зная, что говорила.

Въ это мгновеніе раздался стукъ колесъ, и обѣ сестры вздрогнули.

— Да, вскричала Маргарита громко, когда звукъ колесъ замеръ въ отдаленіи — да, онъ уѣхалъ!... уѣхалъ!... и лучше бы, если бы онъ никогда не зналъ ни меня, ни тебя!... Зачѣмъ Богъ допустилъ его увидѣть насъ, чтобы повергнуть въ горе и меня, — и тебя?... О, одно ли еще горе оставилъ онъ тебѣ?... Не знаю; но смѣю... боюсь говорить.... боюсь угадывать; но ты должна быть виновна, Джиневра, очень виновна.... потому что шракъ, безмолвіе, стыдъ, сопровождали всѣ твои дѣянія. Ложная невинность озарила твое лицо; ложная добродѣтель была на твоихъ устахъ. Ты обманула меня; каждая черта твоего лица, каждый звукъ твоего голоса были обманъ.... Онъ уѣхалъ; да, благодарю Бога, онъ уѣхалъ.... но миръ, надежду, вѣру.... онъ все увезъ съ собою; похитилъ навѣки изъ моего нѣкогда счастливаго отчужденнаго дома.... Дай Богъ, чтобы онъ никогда не возвращался! чтобы глаза мои никогда болѣе не видали его!... Дай Богъ, чтобы совесть, — если обманъ и вѣроломство не заглушили въ немъ еще всякое чувство, — чтобы совесть терзала его и карала за страданія, въ которыхъ свергнулъ онъ меня....

— Ради Бога, сжался надъ нимъ, стонала слабымъ голосомъ Джиневра; пощади его, Маргарита.... не проклинай его!...

— Меня, продолжала Маргарита, не слушая мольбы сестры, — и тебя, несчастная, — падшая сестра! О, Джиневра, Джиневра! затѣмъ ли ты была создана такъ прекрасна, такъ исполнена высокими дарованіями, такъ неострашно плѣнительна.... чтобы быть такъ порочной?... Джиневра, я могла бы ненавидѣть тебя за страданія, которыя ты причиняешь мнѣ, если бъ не сожалѣла о тебѣ въ глубинахъ души.... Ты, которая умѣешь такъ хорошо говорить о исцѣленіи високонъ, близгородномъ, святомъ, не можешь быть въ чужомъ замочкѣ.... не можешь быть такъ мертва къ всякому чувству....

Было ли то слѣдствіемъ спокойствія смерти, или мертвенности души, что эти блѣдно голубые глаза сіяли такъ свѣтло, такъ кротко въ своей смиренной и трогательной грусти? И этотъ взглядъ, полный вѣжности и любви, который она вперила въ дрожавшія, воспламененныя черты негодующей сестры, новый ли это примѣръ искуснаго притворства? а судорожная сила, съ которою она прижимала къ сердцу небольшое распятіе, висѣвшее у нея на шеѣ, новое ли доказательство низкаго лицемерія?

— Сестра, сказала она наконецъ, когда Маргарита, истощенная бурей страсти, упала въ кресла и закрыла лицо руками; — сестра, ты должна имѣть дурное мнѣніе обо мнѣ, очень дурное; я должна этого ожидать, и не могу даже желать, чтобы было иначе.... Да, Маргарита, всегда удаляйся отъ малѣйшаго прикосновенія зла или лжи.... бѣги отъ нихъ, какъ отъ ядовитой змѣи, ненавидь ихъ, гдѣ и когда бы они тебѣ ни являлись. Но, осуждая грѣхъ, будь милосерда къ грѣшнику! Повѣрь Маргарита, не смотря на самыя сильныя и неопровержимыя повидимому доказательства виновности, обвиняемые могутъ быть оправданы, или.. . будьнисходительна ко мнѣ, Маргарита, выслушай меня.... могутъ быть опасности, испытанія.... Маргарита, продолжала она, приближаясь къ сестрѣ, я еще очень молода, и хотя я кажусь иногда спокойна и тверда, во силъ моихъ едва достаетъ, чтобы нести положенное на меня бремя.... Я не прошу тебя помочь мнѣ, одинъ Богъ можетъ послать мнѣ помощь.... Не прошу тебя простить меня, потому что не могу еще сказать тебѣ до какой степени я могу быть виновна, и въ чемъ ты должна простить меня.... Но будь милосерда, сжапись надо мною.... молись обо мнѣ... молись, чтобы страданія, которыя терзаютъ меня каждый день, искупили все, въ чемъ могла я согрѣшить въ моей жизни; и вѣрь сестра, что самая пламенная моя молитва о томъ, чтобы Отецъ Небесный далъ мнѣ когда ввѣбудъ услышать изъ устъ твоихъ, что ты опять счастлива!...

Маргарита нетерпѣливо махнула рукою; Джиневра ломала руки, и вперила въ нее взоры, будто хотѣла проникнуть ей въ душу. Потомъ стала передъ нею, и сказала кроткимъ, но твердымъ голосомъ:

— Маргарита, теперь не въ томъ дѣло, я, или одна моя несчастная судьба виновна въ разрушеніи твоихъ надеждъ, и твоего счастья, какъ ты говоришь. Ты никогда не можешь быть женою Эдмунда Невилля; и никогда, даже въ самой непроницаемой тайнѣ своей души, не должна ты помышлять о немъ, какъ о

нужѣ, или женихѣ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ты обо мнѣ подумаешь; не хочу знать, какое ты имѣешь обо мнѣ мнѣніе, какъ ты будешь впередъ смотрѣть на меня, или что будешь говорить обо мнѣ другимъ; но прежде чѣмъ выйдешь отсюда, ты должна убѣдиться въ этомъ, и твердо помнить это, если ты дорожишь тѣмъ, что, ты думаешь, я утратила.

Маргарита вскочила, схватила руки сестры, и сказала съ одушевленіемъ, доходившимъ почти до изступленія:

— Скажи мнѣ, что у меня на душѣ. Сейчасъ, когда ты плакала и цѣловала мнѣ руки, я считала тебя виновною. Теперь же ты говоришь съ такою неповатною смѣлостью, что я почти готова признать тебя невиною. Если ты невинна, говори; Дживевра, говори; скажи мнѣ, выдумай, что хочешь, и я повѣрю тебѣ... если же нѣтъ, я выйду отсюда, и никогда уже никому не повѣрю....

— Иди, отвѣчала Дживевра, спокойно и торжественно; оставь меня, и никогда не спрашивай меня обо мнѣ самой. Только помни мои послѣднія слова, и храни ихъ глубоко въ сердцѣ. Пути, положенные намъ долгомъ, различны; и хотя бы намъ пршвелось жить вмѣстѣ, если и это не будетъ воспрещено, никогда не должны мы забывать, что между нами воздвиглась невидимая преграда, которой ты не можешь, а я не въ правѣ разрушить. Если ты, призывавъ на помощь святое терпѣніе и довѣріе, будешь щадить меня, воздержись отъ оскорбительныхъ, несправедливыхъ мыслей и рѣчей, это будетъ великимъ подвигомъ христіанскаго милосердія, и придетъ время, сестра, когда ты съ отрадою вспомнишь, что не забыла изтерзанную уже душу. Если же это будетъ тебѣ не въ силу — да совершится воля Божія. Какъ испытаніе или какъ кару, готова я съ покорностью принять отъ твоей руки гораздо болѣе страданій и огорченій, чѣмъ причинила тебѣ... Только — тутъ она остановилась въ нерѣшимости, сложила руки съ умоляющимъ видомъ, и наконецъ вскричала въ порывѣ горести и тоски, какому еще никогда не предавалась: — Только... пощади отца!

Маргарита молча и отворачивая лицо протянула ей руку, и хотѣла выйти; но на порогѣ остановилась, поспѣшно возвратилась назадъ, и бросилась въ объятія сестры. И долго, горько плакали онѣ обѣ; когда онѣ разстались, на сердцѣ каждой тяготѣло такое бремя скорби, какое рѣдко дается нести такимъ юнымъ сердцамъ.

III.

Когда Маргарита проснулась, послѣ двухъ или трехъ часовъ безыконойнаго, лихорадочнаго сна, она почувствовала себя совершенно неспособною на дневные труды, въ особенности же на тяжелый трудъ занимать гостей и скрывать свои чувства. Однако же мысль, что если она дастъ замѣтить свое разстройство, тотчасъ найдутся добрыя души, которыя припишутъ его отъѣзду Невилля, побудила ее, и побѣдила въ ней страхъ встрѣтить взоры родныхъ, сестры, и — что было всего страшнѣе, — колкія замѣчанія и провинцательныя, пытливые взоры Нэнси Вписевтъ. Проходя мимо часовъ, она испугалась, когда увидѣла, какъ уже было поздно, и поспѣшила въ столовую. Джиневра разливала за нее чай, и казалась совершенно спокойною, только была нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго. Она молча поставила передъ сестрою все, что ей было нужно къ завтраку; и даже, когда мистрисъ Торнтонъ начала было допрашивать внучку, не больна ли она, и отчего у нея такое разстроенное лицо, она отвлекла вниманіе старушки, очень кстати спросивъ ее о дѣйствіи гомеопатическихъ крупивокъ, которыя она прописала наканунѣ женѣ школьнаго учителя. Нэнси не сводила глазъ съ Маргариты, частью изъ любопытства, частью изъ искренняго участія; она никакъ не могла придумать удовлетворительнаго предположенія на счетъ того, въ какомъ порядкѣ Эдмундъ оставилъ за собою дѣла въ Грантли Мэпорѣ, и очень желала побыть съ нею наединѣ, поговорить о его отъѣздѣ, посоветоваться о планахъ для отраженія врага, какъ она мысленно называла Джиневру; но исполнить это желаніе было не такъ легко. Когда всѣ вышли въ гостиную, обѣ сестры сѣли къ одному столу, и всѣ успія Нэнси увлечь Маргариту съ собою въ другую комнату, были безуспѣшны. Маргарита взяла карандаши и краски, и принялась рисовать какія-то фигуры въ альбомѣ съ такимъ усердіемъ, что хотъ кому отбило бы охоту заводить съ нею разговоръ. Нэнси стало досадно, и она спросила Вальтера Сиддея, не видалъ ли онъ мистра Невилля передъ его отъѣздомъ? Вальтеръ отвѣчалъ, что не видалъ, что онъ, кажется, уѣхалъ въ шесть часовъ; и при этомъ также взглянулъ на Маргариту. Краска не выступила на ея лицѣ; но губы ея слегка задрожали, и она, можетъ-быть, безъ всякаго умысла, придавала презрительное и гнѣвное выраженіе лицу, которое рисовала.

Въ эту минуту вошелъ мистръ Варренъ; подержалъ нѣкоторое время въ рукахъ газету, потомъ потрепалъ уши Эбро, наконецъ подошелъ къ столу, и сказалъ Джиневрѣ:

— Одѣньтесь, сеньорина, и пойдите со мною въ паркъ, посмотрѣть на катающихся на конькахъ. — Къ великому удивленію Маргариты, Джиневра немедленно согласилась, и пошла одѣваться, чтобы идти гулять.

Погода была прекрасная; солнце сіяло ярко, какъ сіяетъ оно въ морозный зимній день. Мистръ Варренъ ждалъ на ступеняхъ террасы; и когда Джиневра показала въ дверяхъ и пошла къ нему, онъ сказалъ про себя: — Ну, теперь за дѣло! — и сказалъ это, какъ человѣкъ, собирающійся дернуть свурокъ купальнаго шкапа, который долженъ окатить его холоднымъ дождемъ. Джиневра нагнала его, и они сошли вмѣстѣ къ рѣкѣ, гдѣ нѣскольکو слугъ и множество деревенскихъ мальчишекъ катались на конькахъ, безъ большаго искусства, но зато съ несказаннымъ удовольствіемъ. Они дошли до красиваго мостика въ нижней части парка, и, завернувшись въ шубы, сѣли на скамейку и стали смотрѣть на забавляющихся. Мистръ Варренъ то рвалъ травки, выбивавшіяся по швамъ каменной арки, то вышибалъ палкою отставшіе кирпичи, то напѣвалъ, то насвистывалъ; словомъ, онъ былъ въ недоумѣніи, онъ былъ смущенъ — случай, для него самый необычайный. Онъ не смущался, когда добивался ученой степени въ Оксфордѣ, не смущался, когда произносилъ свою рѣчь въ палатѣ комоверовъ — она же была и послѣднею, потому что онъ скоро отказался отъ рѣчей въ палатѣ, находя это дѣло слишкомъ утомительнымъ; — не смутился онъ даже, въ тотъ достопамятный часъ, когда предложилъ свое сердце и руку мистрисъ Варренъ, — исполнивъ это такъ неожиданно и такъ свободно, что она въ первую минуту отвѣчала ему: — Нѣтъ, покорно благодарю! — вовсе не подозрѣвая, что дѣло шло о его сердцѣ и рукѣ. Теперь же онъ былъ смущенъ; по своему, но все таки смущенъ; наконецъ онъ началъ, не подымая глазъ на собесѣдницу:

— Вы знаете, что Эдмундъ говорилъ мнѣ о вашихъ дѣлахъ? Трудное дѣло, сеньорина!

— Можете вы помочь намъ? спросила она слабымъ голосомъ.

— Тѣмъ развѣ, что скажу вамъ всю правду.

— Говорите, сказала она, и жала руки судорожнымъ движеніемъ.

— Чтобы шуринъ мой согласился на вашъ бракъ, это также

невозможно, какъ этому дереву перейти черезъ рѣку и стать на томъ холму. Клянусь вамъ, одно мнѣ кажется также вѣроятнѣе какъ другое. Онъ самый причудливый, самый непреклонный, самый упрямый старикъ въ мірѣ: поклялся разъ, на всегда, что никогда иновѣрецъ не вступитъ въ его семейство; и много уже стоило ему соблюденіе этой клятвы. Онъ отказался отъ многихъ законныхъ правъ, на значительныя недвижимыя собственности, за тѣмъ только, чтобы не имѣть дѣла съ иновѣрцами. Посудите же сами, есть ли надежда, чтобы онъ позволилъ едиптвенному своему сыну жениться на католичкѣ? Нѣтъ, не хочу васъ обманывать. Если бѣ Эдмундъ вздумалъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, вѣтъ сомнѣнія, что онъ лишитъ его наслѣдства; а должно отдать справедливость Эдмунду, онъ для васъ же и для себя самого, не долженъ подвергаться такой опасности, не долженъ навлекать на себя такое наказаніе. Воспитанный въ роскоши и потворствѣ всемъ своимъ прихотямъ, привыкши, чтобы каждое желаніе его исполнялось, едва оно успѣло зародиться, онъ менѣе всякаго другаго можетъ отказаться отъ богатства; къ тому же онъ теперь уже по уши въ долгахъ, и по характеру своему неспособенъ ни къ какому занятію. Побуждая его къ такому поступку, вы ввергаете и его и себя въ безнадѣжную нищету; вы разрушите все его будущее счастье, его положеніе въ обществѣ; вы будете ему самымъ злымъ и жестокимъ врагомъ. Если вы сколько-нибудь любите его, если вамъ дорого его спокойствіе, его доброе имя, его честь, вы должны отказаться отъ него, сивьора.

— А если я не могу отъ него отказаться? сказала она протяжно, потупивъ глаза въ землю.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ очень жаль васъ, но онъ долженъ будетъ самъ отказаться отъ васъ.

— Онъ говорилъ это? спросила Джиневра, ухватившись за руку мистра Варрена; онъ говорилъ это?

— Нѣтъ; но я это говорю, и вы должны это понимать, отвѣчалъ онъ равнодушно. Джиневра отпустила его руку и закрыла лицо руками.

— Мнѣ очень прискорбно, мисъ Лесли, продолжалъ мистръ Варренъ также холодно, что вы такъ горячо принимаете это къ сердцу; но это вещь неизбѣжная.

Она подняла на мигъ взоры, и губы ея прошептали:—Боже, дай мнѣ силу и терпѣніе!—Мистръ Варренъ взглянулъ на нее, и страданіе, написанное на лицѣ ея, казалось, тронуло его. Ему стало жаль ея, и онъ сказалъ вполголоса:

— Есть одно средство.... одно спасеніе....

— Какое?

— Переиѣна религіи, отвѣчалъ онъ, не смѣя взглянуть на нее и уставивъ свой лорнетъ на катающихся на конькахъ ребятншекъ.

Огонь мгновенно сверкнулъ въ глазахъ Джиневры; но вспышку негодованія скоро смѣнило болѣе смиренное выраженіе, и она отвѣчала кротко, но твердо: — Никогда.

— Вы свыкнетесь съ этою мыслью....

— Никогда, повторила она.

— Подумайте, что отъ этого зависеть ваше и его счастье....

— Мистръ Варренъ, отвѣчала она спокойно, но дрожащимъ голосомъ, — еслибъ я могла заглушить голосъ совѣсти, я избрала бы другое средство кончить свои страданія. Вотъ тутъ, — продолжала она, указывая на прорубь, въ которой катились быстрыя струи рѣки, — тутъ мое искушеніе; тутъ нашла бы я убѣжище вѣрѣе того, которое вы мнѣ предлагаете.

Мистръ Варренъ невольно схватилъ ее, когда она нагнулась надъ перилами моста; но она обернулась къ нему, и улыбая улыбка мелькнула на лицѣ ея.

— Не бойтесь, Богъ еще не оставилъ меня. Я вѣрую, — продолжала она, подвѣявъ глаза къ небу, — и вѣра дастъ мнѣ силу страдать.

— Неужели же вы такъ ненавидите протестантовъ, снѣюра, что скорѣе согласны искать смерти въ рѣкѣ, чѣмъ принять вхъ вѣру?

— Чѣмъ отречься отъ своей, — отъ той вѣры, въ которой я родилась и выросла.

Джиневра умолкла; душа ея была слишкомъ удручена, чтобы называться въ словахъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, мистръ Варренъ началъ опять:

— Сохрани меня Богъ, чтобы я вздумалъ убѣждать васъ прерѣть голосъ совѣсти; я могу только пожалѣть о томъ, что вы затѣяли дѣло, сопряженное съ такими непреодолимыми трудностями!... Такое глупое, безнадежное дѣло!... повторилъ онъ съ тѣмъ нетерпѣніемъ, какое чувствуютъ люди добрые, но безъ глубокихъ убѣжденій, при видѣ страданій, которыя люди, по ихъ наивію, безъ всякой нужды навязываютъ на себя, давъ волю своему сердцу. Однако же онъ былъ тронутъ печальнымъ краснорѣчіемъ взора, который Джиневра устремила на него, будто умоляя его отречься отъ произнесеннаго приговору. Онъ началъ

опять увѣщевать ее, и такъ же напрасно, какъ прежде. Наконецъ въ досадѣ и на себя и на нее, онъ вскричалъ отрывисто:

— Не хотите, такъ откажитесь отъ моего племянника. Вамъ предстоитъ выборъ между....

— Между совѣстью и счастьемъ, подхватила она торжественно; благодарю васъ за это слово; оно воскресило мои силы. Теперь возвратитесь домой. Вы говорили мнѣ, что не можете помочь мнѣ, и были совершенно правы.

— Вамъ предстоитъ великая жертва, возразилъ мистръ Варрентъ; но вы еще такъ молоды, а жизнь предъ вами долга....

— Долга, повторила она, — также долга, можетъ-быть, какъ его жизнь, прибавила она едва слышно.

— Вамъ самимъ будетъ отрадно подумать, что вы выручили его изъ горестнаго положенія. Не могли бы вы быть счастливы, зная, что вы причина, — положимъ даже невинная причина — его бѣдствій.

Джиневра еще разъ взглянула на зіяющую подъ ногами ея прорубь, и еще разъ возвела взоры къ голубому своду неба.

— Теперь вы оба съ свѣжими силами вернетесь къ жизни; вамъ не въ чемъ будетъ упрекать другъ друга.

— Нѣтъ, мы не должны ни въ чемъ упрекать другъ друга, бессознательно повторила Джиневра. И они молча пошли домой; только отъ времени до времени мистръ Варрентъ приводилъ новый доводъ въ подкрѣпленіе прежнихъ доводовъ необходимости жертвы, на которую онъ убѣждалъ ее. Въ вѣсколькихъ шагахъ отъ дому, Джиневра вдругъ остановилась, и сказала ему тихимъ, глухимъ голосомъ: — Скажите мнѣ по совѣсти, точно ли вы говорили правду? — Въ голосѣ, которымъ были произнесены эти слова, было такое глубокое страданіе, что мистру Варренту стало больно, что онъ былъ избранъ орудіемъ, причинившимъ это страданіе, и даже не могъ облегчить его; слеза, блеснувшая на глазахъ его, нанесла послѣдній, смертельный ударъ надеждамъ несчастной. Ему было жаль ея, но онъ не видѣлъ никакого средства уклониться отъ тяжелаго долга.

Джиневра пожала ему руку и ушла въ свою комнату, гдѣ она просидѣла болѣе часу одна, глазъ на глазъ съ своею судьбою, въ страшной борьбѣ съ отчаяніемъ. Права была она, когда говорила, что она была еще слишкомъ молода для бремени заботъ и страданій, которое тяготѣло надъ ея душою, пламенною отъ природы, но черезъ воспитаніе и обстоятельства научившеюся владѣть собою. Полная того необузданнаго пламени, которое порождаетъ

генія и питаетъ страсть, она, такъ сказать, притупомъ взяла жизнь, со всѣми ея таинствами и ея дѣйствительностью; въ тринадцать лѣтъ она уже перестала мыслить, говорить и чувствовать какъ ребенокъ. Строгія религіозныя убѣжденія, взрослія вмѣстѣ съ нею, и обусловившія все ея существо, проникли ея душу и обуздали пылъ ея. Религія, очищающая и возвышающая каждое стремленіе человѣческой души, дала направленіе, и стала цѣлю ея воображенію, ея дарованіямъ, ея энтузіазму. Она видѣла на своей роднѣ всѣ богатства земли, мраморы и драгоценныя каменья, золото и перлы морскіе, сложенные въ вѣснѣтномъ изобиліи на алтари Всевышняго, и поняла, что всѣ сокровища человѣческаго ума и сердца, всѣ богатства человѣческой мысли и генія, должны быть также положены на алтарь Его, не для истребленія ихъ, какъ въ жертвоприношеніяхъ древности, а для освященія и возвеличенія ихъ лучами небеснаго свѣта. Каждое стремленіе ея души, возносившееся съ земли, обращалось къ небу; каждый порывъ энтузіазму освящался жертвоприношеніемъ; сознаніе своего нравственнаго превосходства возбуждало ее на новыя усилія, а откровенія ея генія были для нея голосомъ свыше, на который она отвѣчала воздѣвая взоры къ небу и преклоняя колѣна. И когда наступилъ день испытанія, то же вліяніе спасло ее отъ отчаянія.

Странна была повѣсть ея жизни, съ которою мы должны познакомиться читателей. Оставшись съ самаго вѣжнаго возраста на рукахъ родственниковъ своей матери, она была воспитана въ старинномъ палаццо, котораго прежде великолѣпіе свидѣтельствовали еще полустертые фрески по стѣнамъ, изувѣченныя статуи, разбитыя фонтаны, и кипарисная аллея, украшавшая садъ. Въ одномъ изъ флигелей этого стариннаго строенія жилъ отецъ Франческо, бывший вмѣстѣ и другомъ и капеланомъ владѣльца дворца. Объ отцѣ Франческо мы уже упоминали, какъ о дядѣ и опекунѣ Джиневры Феррара, матери нашей героини. Простота мебелировки этого флигеля противорѣчила великолѣпію золоченыхъ потолковъ и расписанныхъ стѣнъ. Небольшая галерея, ведшая въ доховую церковь, была уставлена шкапами съ кавгами, французскими, латинскими и итальянскими. У высокаго окна стоялъ швейцарскій столъ, и груда тяжелыхъ фоліантовъ свидѣтельствовала, что хозяинъ ревностно старался развить ученіемъ данныя ему отъ природы способности. Церковь поражала богатствомъ и великолѣпіемъ въ сравненіи съ остальными частями зданія. Остатки древняго великолѣпія, вездѣ закоптыя, и полуразвали-

міся, здѣсь хранились съ особою любовью, будто для того, чтобы воздавать безмолвную дань святости мѣста; передъ алтаремъ день и ночь горѣла лампада и разливала таинственный свѣтъ на изваянные лѣвки святыхъ и покрытыя рѣзбою стѣны уединенной церкви. Въ противоположномъ концѣ зданія часто свѣтилась всю ночь другая лампада, и иногда слабо мерцала еще, когда первые лучи солнца затмѣвали ея блѣдный свѣтъ. Это было въ мастерской Леонарда Феррари, того живописца, который лѣтъ за двадцать, былъ другомъ и товарищемъ отца Джиневры. Предавшись всею душою своему искуству, онъ трудился день и ночь съ неутомимымъ усердіемъ, не зная отдыха и забывалъ весь окружающій міръ. Единственный предметъ, который могъ еще вызвать улыбку на уста художника и отвлечь его на мгновение отъ убійственнаго для тѣла его труда, была его племянница, малютка Джиневра; ея голосъ, ея глаза были единственною музыкаю, единственнымъ солнечнымъ лучемъ, разливавшими въ некоторую отраду на его одинокую, поблекшую жизнь. И въ этомъ-то странномъ жилищѣ, какъ цвѣтокъ, распускающійся на стѣнахъ опустѣлаго монастыря, провела она свое дѣтство и вступила въ дѣвическій возрастъ.

Между престарѣлымъ священникомъ, котораго всѣ помыслы были о небѣ, и котораго духъ, казалось, только ради ея обиталъ еще на землѣ, и восторженнымъ, безпрестанно впадавшимъ въ уныніе художникомъ, который въ ея присутствіи и ея юношескомъ энтузіазмѣ находилъ убѣжище отъ преслѣдовавшихъ его болѣзненныхъ грезъ, протекла ея жизнь, и умъ ея получилъ свое направленіе. Это, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, сообщило ея духу и уму совершенно особое развитіе, и наложило на нихъ печать самобытности. По настоянію отца, она съ самаго вѣжнаго возраста училась англійскому языку, и была снабжена богатою библіотекою, заключающею всѣ лучшія произведенія англійскихъ писателей, старыхъ и новыхъ. Такимъ образомъ она могла коротко познакомиться съ англійскою литературою; она столько же изучила Мильтона, какъ и Данте, и предпочитала Шекспира Аріосту. Богатый родникъ англійской философіи и англійской поэзіи проникъ въ душу, равно созрѣвшую подъ вліяніемъ голубаго неба Италіи и врожденнаго чувства прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ. Отъ отца Франческо научилась она сочетать каждое движеніе сердца съ долгомъ, каждый помыселъ съ молитвою, а въ жилищахъ бѣдныхъ, или у изголовья умирающихъ, эти наставленія получали силу дѣйствительности, которой

не могло уже изгладить никакое послѣдующее впечатлѣніе. Никакой говоръ изъ вѣшняго міра не возмущалъ ровнаго теченія ея жизни; блѣдная водяная лилія, покоившаяся на гладкой поверхности пруда въ опустѣломъ саду, по которому такъ любила она гулять, казалась образомъ ея самой, ея непорочной чистоты, ея безмятежной жизни и ея никому невѣдомой красоты. Но приближалось время, когда бури жизни должны были провестись по этой гладкой поверхности, и взволновать до два ключъ страданія, который кроется въ глубинѣ каждой человѣческой судьбы. Прежде всего священный долгъ разлучилъ отца Франческо съ его кровомъ, и повелѣлъ ему перенести свою дѣятельность въ далекія страны; и не на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ бывало прежде, а на неопредѣленное время. Первые слезы, какія наполнили глаза Джиневры съ самаго ея дѣтства, потекли въ безмолвной горести, когда она получала его прощальное благословеніе и въ послѣдній разъ стояла передъ нимъ на колѣняхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ, онъ выслушалъ ея первую, дѣтскую исповѣдь. Голосъ его дрожалъ, когда, исполнивъ священный обрядъ, онъ произнесъ: — Иди съ миромъ, и будемъ молиться другъ за друга. — Это были послѣднія слова, которыя она слышала изъ его устъ; и долго будутъ они отзываться въ ея сердцѣ, долгую борьбу и тяжелое испытаніе должна она вынести, прежде чѣмъ тотъ же голосъ еще разъ скажетъ ей то слово мира и утѣшенія!... если еще суждено ей услышать его на землѣ!

Оставшись одна съ Леонардомъ Феррари, она нѣсколько мѣсяцевъ исполняла должность утѣшительницы, — должность, для которой необходимы были весь ея умъ, и вся кротость, вся вѣжливость ея сердца. Воображеніе его было слишкомъ воспринимчиво, душа слишкомъ раздражительна, его видѣнія будущей славы были слишкомъ обольстительны и разочарованіе дѣйствительной жизни слишкомъ жестоко, чтобы его душевное и тѣлесное здоровье остались невредимыми. Глубокое уныніе или болѣзненное безволеіе попеременно удручало его душу или жгло его нервы. Никѣя гораздо болѣе таланту чѣмъ искусства, гораздо болѣе фантазіи, чѣмъ умѣнья осуществить свои мысли, онъ работалъ день и ночь; посторонніе часто хвалили произведенія, отъ которыхъ самъ онъ отворачивался съ презрѣніемъ и досадою; а между тѣмъ силы его истощались и жизнь медленно угасала. Джиневра стояла подлѣ него какъ ангелъ утѣшитель; слова ея и ласки иногда успокаивали его душу, и срывали улыбку съ его стиснутыхъ заботою устъ; онъ бросалъ кисти, отходилъ отъ моль-

берта, и какъ послушное дитя слѣдовалъ за нею въ великолѣпныя сады палаца Джусти или по живописнымъ улицамъ Вероны, дышать благоухающею атмосферою итальянской весны. По мѣрѣ того, какъ силы его слабѣли, онъ становился равнодушнѣе къ прежнему предмету всѣхъ его помысловъ. Онъ грустно осматривался кругомъ въ своей мастерской, и съ напряженнымъ вниманіемъ останавливалъ взоры на картину, которую онъ писалъ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, въ Римѣ, и которая была первою живою жемчужинкою Лесли на его сестрѣ. Онъ никогда не разставался съ этою картиною, и теперь на закатѣ его жизни, она стала ему дороже чѣмъ когда либо; воспоминанія прошедшаго заступали въ его душѣ мѣсто гаданій о будущемъ, и всѣ они, казалось, сосредоточивались на Джиневрѣ, какъ на единственномъ звѣнѣ, связывавшемъ ихъ съ настоящимъ. Но тѣло его видимо клонилось къ могилѣ; а душевныя силы были истощены и сердце отравлено; мысли его не могли съ спокойствіемъ останавливаться на любимомъ предметѣ; чѣмъ глубже была его привязанность, тѣмъ мучительнѣе становились его размышленія. Джиневра была вѣрнее его пожеланій; она считалась сиротою; отецъ ея уже много лѣтъ былъ въ Ост-Индіи, а отецъ Франческо быть-можетъ навсегда уѣхалъ въ Америку. Она оставила ее на его рукахъ, полагаясь на его молодость, на его разсудительный и твердый характеръ; а молодость, силы и жизнь измѣнили ему. Ему казалось, что онъ умретъ спокойно, если устроитъ ея судьбу, упрочитъ ея счастье. Тревожный взоръ его блуждалъ съ портрета ея матери на нее, и какое то суровое нетерпѣніе покрывало его лицо, когда она весело улыбалась ему, или ворчала по безмолвному задумью, какъ лучъ солнца въ обители печали.

Мѣсяцевъ десять послѣ отъѣзда отца Франческо, вѣрталъ въ Верону молодой Англичанинъ, и посетилъ мастерскую Леонарда Феррари. Та же картина, которая за столько лѣтъ поразила полковника Лесли, привлекла и его вниманіе. Между-тѣмъ какъ онъ стоялъ передъ нею, оглянувшись печально въ садъ, онъ увидѣлъ Джиневру, которая подвязывала розы, висѣвшагіи гирляндами отъ одного кипариса до другаго, и смѣялась глядя на бѣдную дѣвочку, подбиравшую въ подолъ розовыя лепестки, сыпавшіеся дождемъ ей на голову. Эдмундъ Неваль нѣсколько минутъ безмолвно любовался этою очаровательною картиною; но еще болѣе былъ онъ пораженъ, когда услышалъ звучный и сильный, настоящій итальянскій голосъ, пѣвшій по-английски, съ легкимъ ино-

страданнымъ отъѣздомъ въ произвошеніи , прелестную пѣсню изъ Сибелайды.

Чу! гость весны запѣлъ звучный
 Въ предѣлахъ неба, надъ землею;
 Проснулся Фебъ, своимъ копей
 Поить душистою росю;
 Цвѣтокъ заря, златой глазокъ
 Раскрылъ, всей прелестью блнстая....
 Проснись, красы земной цвѣтокъ
 И ты! — красавица младая,
 Проснись, проснись!

Слѣда были прилажены къ итальянской мелодіи, и производили такой странный эффектъ, что слушая это пѣніе, казалось будто видишь сонъ; и съ этого дня начался для Невилля сонъ счастья, которому не слѣдовало бы предаваться, или уже никогда отъ него не просыпаться. Онъ сталъ все чаще и чаще ходить любоваться на плѣннвшее его лицо, прислушиваться къ обворожившему его голосу; осматривалъ мастерскую, церковь, развалины, просиживалъ по часамъ и по цѣлымъ днямъ съ Леонардомъ; молодой живописецъ, казалось, оживалъ въ бесѣдѣ съ гостемъ, котораго языкъ и обхожденіе напоминали ему давно прошедшіе, счастливые годы его постылой жизни. Рассказавъ исторію второго брака полковника Лесли, онъ открылъ ему тайну полуанглійскаго происхожденія Джиневры. Съ болѣзненною силою привязался онъ къ молодому Англичанину; и когда замѣтилъ въ его пламенныхъ глазахъ признаки рождающейся страсти, и вотомъ увидѣлъ, съ какою быстротою эта страсть развивалась, онъ почувствовалъ, какъ будто камень отвалило отъ его сердца. Онъ угадывалъ, какъ могучи и глубоки были чары, оковывавшія сердце Невилля; видѣлъ, что и Джиневра, сначала безсознательно, потомъ съ недовѣрчивостію, и наконецъ со всею нѣжностью и всею простотою своей души, покорилась ея вліянію и отбѣгла на эту пламенную, восторженную любовь покорною, преданною любовью своего юнаго сердца. Это обрадовало его, потому-что онъ никогда не сомнѣвался въ благородствѣ Невиллевыхъ вѣдѣвъ; и действительно подозрѣніе было бы несправедливо. Входило ли искушеніе въ душу Невилля въ первое время знакомства его съ Джинетрою, прежде чѣмъ онъ узналъ о родствѣ ея съ полковникомъ Лесли, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, и слѣдъ его не-

чезъ, какъ скоро онъ узналъ ближе характеръ дѣвушки и понялъ, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ, съ именемъ которыхъ нельзя сочетать и мысли о позорѣ и безчестии. Единственный сынъ слабыхъ родителей, которыхъ онъ зналъ только по безчисленнымъ доказательствамъ ихъ безпредѣльной любви и снисходительности, потому что не имѣлъ еще случая возставать противъ ихъ предубѣжденій, вдали отъ своей родины и прежнихъ связей, онъ совершенно забылъ безчисленные препятствія, предстоявшія его браку съ Джиневрою. Страсть не ослѣплала его до того, чтобы онъ не предвидѣлъ, что отецъ никогда не согласится на этотъ союзъ; но онъ былъ увѣренъ, что когда разъ дѣло будетъ совершенно, отеческое сердце съ нимъ скоро примирится; потому что отказать сыну въ прошеніи, значило бы для него — наказывать себя самага больше чѣмъ виновнаго. Притомъ союзъ съ семействомъ полковника Лесли былъ слишкомъ лестенъ, а вторичный бракъ его былъ давно признанъ всѣми его родными. Такииъ-образомъ ему оставалось желать одного: уговорить Джиневру немедленно обвѣнчаться съ нимъ, въ этомъ же ему всѣми силами содѣйствовалъ Леонардо. Препятствія, которыя должны были встрѣтиться со стороны его семейства, Невиль представилъ ему въ смягченномъ видѣ, и совершенно скрылъ ихъ отъ Джиневры. Невиль сказалъ ей, что онъ совершеннолѣтенъ, независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и что родители его всегда изъявляли желаніе, чтобы онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ. Полковникъ Лесли былъ школьнымъ товарищемъ и пріятелемъ его отцу, и, безъ всякаго сомнѣнія, одобритъ союзъ своей дочери съ Англичаниномъ изъ хорошаго, стариннаго дому и съ огромнымъ состояніемъ. Джиневра была неопытна, не знала законовъ и обычаевъ свѣта; но врожденное чувство долга и приличій, и голосъ совѣсти говорили ей, что не должна она выходить замужъ безъ положительнаго разрѣшенія отца или, по-крайней мѣрѣ, отца Франческо. Обвивъ руки вокругъ шеи Леонардо, съ пылающими щеками, умоляла она его не уговаривать ее, стать женою Невилля, подождать по-крайней-мѣрѣ еще годъ, и писать ея отцу и опекуну, прежде чѣмъ окончательно согласится на....

— На твое счастье, Джиневра, отвѣчалъ онъ съ сильнымъ волненіемъ: на то, что одно можетъ успокоить меня, — избавить меня отъ страха, оставить тебя круглою сиротою, среди незнакомаго тебѣ свѣта; — что позволить мнѣ умереть спокойно, освободить душу мою отъ земныхъ заботъ, которыя могли бы удручить ее въ предсмертный часъ.

Джиневра прижала руку его къ сердцу; губы ея дрожали.

— Ты напрасно думаешь, продолжалъ онъ съ лихорадочнымъ одуревленіемъ, что я не имѣю права благословить твой бракъ. Ты знаешь, какъ ненадежны сообщенія съ отцомъ Франческо; что жъ касается до Лесли, онъ съ самаго младенчества твоего боялся только одного, чтобы ты не пошла въ монастырь, и чтобы ему не пришлось видѣть тебя не иначе какъ чрезъ монастырскую рѣшетку. Онъ взялъ съ меня слово, что я никогда не позволю тебѣ даже временно жить въ монастырѣ, чтобы это не побудило тебя отказаться отъ свѣта.

— Нѣтъ уже опасности, чтобы я это сдѣлала, отвѣчала Джиневра, взглянувъ на бывшее у нея въ рукахъ письмо Невилла, полное самыхъ страстныхъ, самыхъ пламенныхъ клятвъ въ вѣчной любви. Нѣтъ никакой надежды, присвокупила она, и нѣсколько крупныхъ слезъ канули на бумагу.

— И я далъ слово, продолжалъ Леонардо. А теперь, когда я уйду, Джиневра, и оставлю тебя одну на свѣтѣ, дочь моего сердца: куда пойдешь ты? что будешь ты дѣлать съ своею ангельскою крестною, съ своею младенческою невинностью? кто приютитъ тебя? кто будетъ охранять тебя, мое сокровище, моя чистая дѣва? Ты не знаешь всего, что я знаю; ты не можешь понимать опасностей, затрудненій, которыя окружаютъ тебя. Нельзя тебѣ оставаться здѣсь, въ этомъ домѣ, когда мнѣ не будетъ; а если....

Тутъ внезапная мысль покрыла лицо его смертельною блѣдностью, и волненіе заняло ему дыханіе.

— Я не останусь одна, не буду совершенно покинута, Леонардо шю, нѣжно прошептала она, цѣлуя лобъ дяди.

Онъ былъ боленъ, очень боленъ; слабость и лихорадочное одуревленіе спорили объ обладаніи его истощеннымъ тѣломъ.

— Еще сдѣлаю последнее усиліе, прошептала онъ, приподнявшись на постели. Джиневра, если бъ ты не любила Эдуарда Невилла, а не требовала бы, чтобы ты успокоила меня цѣною доблассянаго твоего счастья; не хочу, чтобы мор спокойствіе стѣкло тебѣ, хотя бы одного вздоху, одной слезы....

— О! вскричала Джиневра, падала на колѣни у кровати больного: если бъ я не любила его, я не поколебалась бы повиноваться вамъ; но....

— Ты любишь его; его сердце дышетъ тобою, и тебя оставивъ только безразсудная робость....

Т. ХСІІІ. — Отд. II.

— Нѣтъ, не робость, а тайное, непонятное содроганіе! продолжала Джиневра. О! отецъ Франческо, отецъ Франческо!

— Ты знаешь, что Эдмундъ общалъ уважать твою вѣру, твой образъ мыслей... исполни мою предсмертную просьбу... не называй упорство голосомъ совѣсти и повиновеніемъ долгу, милая Джиневра!...

На лицѣ большаго выразалось такое глубокое страданіе, такое безпокойство объ участи сироты, что бѣдная дѣвушка не могла болѣе противиться, и пробормотала прерывистымъ голосомъ:

— Пусть будетъ по-вашему, Леонардо.

Въ это мгновеніе вошелъ Эдмундъ Невилъ. Блѣдная, психудлая рука Леонарда схватила его руку, и онъ сказалъ слабымъ голосомъ:

— Общала.

Ни молвія радости, блеснувшая въ черныхъ глазахъ Невилля, ни его восторженныя выраженія благодарности и любви, ни спокойствіе, съ которымъ дядя опустилъ голову на подушку, ни улыбка, освѣтившая лицо его, когда Эдмундъ прижалъ къ губамъ руку невѣсты и смотрѣлъ въ прекрасное блѣдное лицо ея такимъ взоромъ, какъ-будто отъ улыбки ея зависѣла жизнь его, — ничто не могло влить въ сердце Джиневры успокоеніа, въ которомъ оно такъ нуждалось. Но она дала слово, и ей не слѣдовало почти наканунѣ свадьбы отравлять безотчетными предчувствіями счастье жениха и спокойствіе дяди. Она пѣжно улыбалась обонямъ, и долго молилась одна въ церкви; но, готовясь отдать руку человѣку, котораго любила, и который съ своей стороны отвѣчалъ ей такую же пламенную любовью, она не составляла себѣ упопительныхъ картинъ будущаго счастья. Какой-то голосъ шепталъ ей въ душѣ, что это совершалось не совсемъ такъ, какъ бы слѣдовало; и она дрожащими шагами подошла къ намоу, и рука, которую она подала жениху, была холодна какъ ледь.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, и ничто не оправдывало ея предчувствій. Леонардо, казалось, оживалъ, глядя на любовь молодыхъ; она переносила его въ давно-минувшіе дни, когда его сестра и Лесли блуждали подъ тѣнью тѣхъ же деревьевъ, и упивались чашею блаженства своего кратковременнаго супружества. Но это была только вспышка угасающей жизни; болѣзнь усиливалась съ ужасною быстротою, и мѣсяца черезъ три, послѣ свадьбы, онъ умеръ на рукахъ Джиневры, устремивъ на Эдмунда Невилля безпокойный, умоляющій взоръ; это была пред-

смертная мольба, въ которой сливались и надежда и страхъ, бо-
рошися въ это мгновение въ его отлетающей душѣ.

Нѣсколько недѣль спустя по смерти Леонарда, Джиневра про-
гуливалась съ мужемъ по аллеѣ, близъ Саа-Masini; душа ея въ
первый разъ, послѣ горестной утраты, открылась чувству сча-
стія и радости, которое внушала прекрасный вечеръ и величе-
ственный закатъ солнца. Утромъ она отслужила панихиду за
увокой души, не знавшей покою на землѣ среди своихъ често-
любивыхъ мечтаній и разочарованій дѣйствительности; вечернее
свокоистіе природы, казалось, вторило молитвѣ, возникавшей
еще въ ея сердцѣ, в священному пѣнію, раздававшемуся еще въ
ея ушахъ. Эдмундъ отиралъ поцѣлуями слезы, которыя медлен-
но катились по ея щекамъ, и взоромъ, высказывавшимъ цѣлую
новѣсть безпредѣльной любви, выжидалъ въ отвѣтъ улыбки, не
свѣтлой и радостной, а тѣжной и томной, какъ лучъ луны;
играющій на водѣ. Эдмундъ рѣдко говорилъ о будущемъ, а Джин-
евра никогда не спрашивала его. Основаніемъ ея характера и
благочестія было — совершенное самозабвеніе; не только то само-
отреченіе, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ на великія жер-
твы, но то забвеніе себя, которое въ религіи производитъ без-
предѣльную покорность волѣ Провидѣнія, а въ любви заставляетъ
человѣка, въ благодарности своей за получаемое, забывать то,
что онъ самъ даетъ; и даже, если у него отнять эту взаимность,
утѣшаться сознаніемъ, что «блаженъ не тотъ, кто получаетъ, а тотъ,
кто даетъ», и быть благодарнымъ за собственную свою способ-
ность любить и страдать. Воля Эдмунда была для нея закономъ;
счастіе Эдмунда — единственнымъ ея желаніемъ; о себѣ она не
думала. Но въ этотъ вечеръ она чувствовала себя совершенно
счастливою, когда Эдмундъ сидѣлъ подлѣ нея и говорилъ ей, что
любви его возрастаетъ съ каждымъ днемъ, что она радость его ду-
ши, единственное существо на землѣ, которымъ онъ дышетъ, и
для котораго готовъ отдать жизнь и все въ мірѣ; словомъ, всѣ
тѣ избытыя рѣчи любви, тѣ великія пошлости, которыя съ по-
кою вѣку твердятъ и съ замирающимъ сердцемъ слушаютъ всѣ
воколѣнія, и которыя они еще будутъ твердить и слушать, на
радость или на горе себѣ и ближнимъ, до скончанія вѣковъ.

— Вотъ Джинетта, сказала Джиневра, увидѣвъ въ-дали свою
горничную, которая шла къ нимъ, держа что-то надъ головою.

— Письмо съ почты, снѣгора, сказала Джинетта, подавая за-
печатанный конвертъ.

Письмо было написано по-англійски, къ Эдмунду; онъ охва-

тилъ его и торопливо разломалъ печать. Едва онъ развернулъ письмо, лицо его помякло; все въ немъ изобличало сильное волненіе. Онъ всталъ со скамьи и принялся скорыми шагами ходить взадъ и впередъ по аллеѣ. Когда сердце, приготовленное безотчетнымъ предчувствіемъ зла, вдругъ попадаетъ на истину, оно встрѣчаетъ ее съ спокойствіемъ отчаянія, котораго никогда въ себѣ не предполагало. Джиневра никогда не могла дать себѣ отчету, чего она боялась; теперь же, казалось, она все постигла въ одно мгновеніе, и молніею сверкнула въ ея умѣ мысль: «Онъ погибъ, и черезъ меня!» Ея надежды, ея тревоги, ея судьба, ея спокойствіе, ея счастье были ничтожны, ничего не значили передъ этой одною мыслью. Она подошла къ нему, и сказала съ яростію:

— Эдмундъ, я хочу видѣть это письмо: между нами не должно быть тайны!

Неволь мнѣ бумагу въ рукахъ; глаза его сверкали, и тонкія губы ярвико стиснулись. Въ выраженіи лица и въ голосѣ его была какая-то смѣсь ребяческаго гнѣву и непоколебимой рѣшимости; онъ повторилъ, не слушая словъ Джиневры:

— Переломлю ихъ; да, клянусь небомъ, переломлю!

Джиневра поблѣднѣла, и принуждена была опереться на дерево.

— Эдмундъ, ты обманывалъ меня! прошептала она слабымъ голосомъ; но не могла повторить этихъ словъ, когда онъ обратился къ ней и протянулъ свои объятія, съ выраженіемъ любви и страданія во взорахъ, которое тронуло ее до глубины души. Она была подлѣ него, взяла въ руки его письмо, прочла, и тысячи новыхъ, шлюва не гаданныхъ мыслей въ одно мгновеніе возстали въ ея умѣ. Теперь она понимала прошедшее и начинала читать въ будущемъ: ужасный переворотъ совершался въ ея душѣ. Человѣкъ, сидѣвшій подлѣ нея, державшій ее руку и слѣдившій за нею глазами, между тѣмъ какъ она читала: этотъ молодой въ своей слѣпой и себялюбивой страсти сдѣлалъ ее орудіемъ собственной его гибели: поставилъ ее, доверчивую и пошлыую, между собою и своимъ догомъ, честию и счастьемъ.... И она должна оставаться, подлѣ Бога поставилъ ее, мечень надрающаго ангела на пути отступника; должна покорно и твердо идти по этому пути долгу и страданія. Она чувствовала, понимала это: сердце въ ней замерло, разумъ помутился. Разумъ ея не выдержалъ бы этого, самая любовь, быть-можетъ, нечувствительная бы ей въ часъ испытанія; но вѣра поддержала ее: она

уфротила потокъ, освѣтила путь и — побѣда одержана. Прощедшее было неотмѣнимо; оставалось и ей и ему встрѣчать будущее съ покаяніемъ, если они виновны, — съ покорностью, если проступокъ ихъ или ошибка были невольны. Она не сдѣлала нижу ни одного упрека; но онъ чувствовалъ, онъ слышалъ упрекъ въ смертной блѣдности ея лица, въ дрожащихъ звукахъ ея голоса, когда она спросила его съ смиреніемъ:

— Чтò же мы будемъ дѣлать теперь, Эдмундъ?

Онъ закрылъ лицо руками, и молчалъ. Онъ не смѣлъ открыть ей отчаянной борьбы, происходившей въ его сердцѣ между любовью къ ней и боязнью лишиться, вслѣдствіе своей женитьбы, некоторыхъ земныхъ благъ, отъ которыхъ онъ чувствовалъ себя не въ силахъ отказаться. До этого дня онъ не думалъ, чтобы отцу его, если бы онъ даже и желалъ лишить его наслѣдства, достало на то твердости духа; и теперь его какъ громомъ поразило это письмо, которое показывало, до какой степени сильна и женскорепина была въ сердцѣ отца его ненависть къ вновѣрцамъ. Пронесшійся слухъ о любви молодого Невилля въ Италию, — слухъ, подтверждавшійся отчасти его продолжительнымъ отсутствіемъ, — поднялъ въ его отчемъ домѣ такую бурю, какую могутъ себѣ представить только тѣ, которые пѣли дѣло съ характерами, подобными характеру старика Невилля, — слишкомъ благородными и возвышенными, чтобы не вселять почтенія и привязанности, и слишкомъ суровыми и непреклонными, чтобы не вводить въ отчаяніе сердца тѣхъ, которые не умѣютъ подмѣнить сторону, съ которой можно къ нимъ подступать, чувство или слабость, посредствомъ которой можно дѣйствовать на ихъ неуязвимую совѣсть и ледяную холодность. Мать Эдмунда обратилась къ брату своему, мистру Варрену, путешествовавшему въ то время по Италию, и просила отыскать ея сына, предупредить, заставить его; умолять его всѣми святыми узамъ, привязывавшими его къ семейству и къ роднѣ, возвратиться въ Англію, и отказаться отъ любви, которая должна была неминуемо покрыть позоромъ избранный имъ предметъ. Въ противномъ же случаѣ, говорила она, если онъ въ слѣпомъ своемъ безумствѣ рѣшился жениться, онъ подвергнется непримиримому гнѣву отца, утратѣ своего положенія въ обществѣ и вѣчной разлукѣ съ родными. Мистръ Варренъ ничего не зналъ о дѣйствіяхъ племянника; онъ послалъ ему письмо черезъ своего банкира въ Женеву, — это было послѣднее вѣсто, откуда Невилль писалъ ему, — объявлялъ содержание письма его матери, и чтобы придать ему побольше силы

приписалъ отъ себя разныя юридическія подробности, которыя не позволяли ему сомнѣваться въ возможности исполненія угрозы. Вотъ въ чемъ заключалось извѣстіе, которое такъ внезапно обрушилось на сердце мужа Джиневры, и подняло въ немъ бурю, какая никогда можетъ быть, не бушевала въ человѣческой груди. Онъ любилъ ее пламенно; и даже въ это мгновеніе не жалѣлъ о томъ, что соединился съ нею неразрывными узами; она принадлежала ему, и должна принадлежать ему до гроба; но необходимо было отклонить отъ себя послѣдствія этого поступка, и хранить бракъ ихъ въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока удастся ему побѣдить упорство отца, или по крайней мѣрѣ поколебать силу его предрасудковъ. Можетъ быть въ умѣ его мелькнула также темная надежда, что онъ убѣдитъ Джиневру принять вѣру мужа, и тогда онъ смѣло можетъ представить своему семейству дочь полковника Лесли, протестантку, какъ избранныю сердцемъ его невесту. Но трудно было смотрѣть въ лицо Джиневрѣ и предложить ей такое долгое и тяжелое скрыватьельство; трудно было, когда въ ушахъ ея еще звучали его клятвы въ безпредѣльной любви, осудить ее на такое унижающее молчаніе, на такое двусмысленное положеніе. Глаза ея были еще устремлены на роковое письмо, и она повторяла, будто стараясь увѣрнить себя въ истинѣ своей мысли, удержать послѣдній лучъ надежды:

— Онъ не зналъ этого; онъ самъ былъ обманутъ.

Жгучая краска стыда разлилась по лицу Эдмунда; онъ привлекъ Джиневру къ себѣ, и сказалъ почти шопотомъ:

— Любишь-ли ты меня, Джиневра?

Она прижала руку мужа къ губамъ, болѣе съ чувствомъ безропотной покорности, чѣмъ любви. Можетъ быть онъ почувствовалъ это, потому что вскричалъ въ сильномъ волненіи: — Джиневра, ты презираешь меня! — Но во взорахъ ея не было и тѣни презрѣнія; въ сердцѣ ея не было гнѣва; она не думала о себѣ; она не думала ни о своемъ горькомъ разочарованіи, ни о разрушенномъ счастьи и надеждахъ, ни о томъ, какъ недостойно онъ обманулъ передъ алтаремъ довѣріе, съ которымъ она отдала подъ его защиту свою жизнь, и повергла къ ногамъ его, на произволъ его любви или презрѣнія все, кромѣ своей вѣры на землѣ и своихъ надеждъ въ небесахъ. Она смотрѣла на мужа; и въ лицѣ ея, на дрожащихъ устахъ и въ сложенныхъ рукахъ было столько глубокой, невыразимой тоски, что онъ опять закрылъ лицо руками, и тщетно сянлся высказать слова, которыя рвались на его уста.

Наконецъ онъ собрался съ силами, и въ торопливыхъ, безсвязныхъ словахъ объяснилъ невозможность немедленно объявить о своей свадьбѣ, и подвергнуться гнѣву отца. Онъ говорилъ, что для его и для ея собственнаго блага необходимо дѣйствовать осторожно; и говоря это, онъ старался обмануть не только ее, но и самого себя, и отчасти успѣлъ. По-мѣрѣ того, какъ онъ толковалъ ей всѣ трудности, которыми былъ усеянъ путь ихъ, мрачныя тучи, тяготѣвшія надъ его судьбою, и плавъ, по которому имъ слѣдовало дѣйствовать, она приномивала каждое слово, которое говорилъ онъ ей до свадьбы, всѣ увертливые отвѣты, которыми онъ отклонялъ робкіе, по частые разспросы ея объ образѣ мыслей его семейства. Однако же она не упрекала его, а только одинъ разъ сказала, положивъ руку на его руку:

— Эдмундъ, ты владыка моей судьбѣ и моимъ дѣяніямъ. Я, неопытная и безпомощная, не могу противиться твоей волѣ, и возставать на твои рѣшенія; но выслушай меня. Я не хочу огорчать тебя, не хочу прибавлять горечи этому тягостному часу; но подумай, — подумай прежде чѣмъ самъпустишься и меня вовлечешь въ образъ дѣяній, въ которомъ истина будетъ намъ гибелью, а ложь — долгомъ. Страданія этой минуты, — тутъ голосъ ея прервался и рука задрожала, — суть плоды...

— Моей безпредѣльной любви къ тебѣ, Джиневра; она не знала границъ, и не боялась опасностей.

— Будь вѣренъ ей и истинъ, вскричала Джиневра: веди меня къ ногамъ отца. и пусть моя любовь, мое роковое незваніе...

— Твоя плѣнительная красота, твой обворожительный нравъ, перебилъ Эдмундъ, глядя на слезы, которые текли по щекамъ ея, и на густой румянецъ, который покрывала эти обыкновенно бѣлыя и чистыя какъ паросскій мраморъ щеки.

— Будутъ моимъ и твоимъ оправданіемъ, продолжала она. О, Эдмундъ, Эдмундъ, не отступай отъ истины, ради Бога, не отступай только отъ истины, — а тамъ нищета ли и униженіе — да будетъ воля Божія! Жизнь коротка, Эдмундъ, а вѣчность безковѣчна.

Въ это мгновеніе она была еще прекраснѣе, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ; глаза ея были подвяты къ небу, надежда и вѣра сіяли въ ея взорахъ и освѣщали ея чело. Но она стала слишкомъ высоко для него; она вознеслась на высоту, на которую онъ не могъ слѣдовать за нею, за облака, непроницаемыя его взору. Слова нищета и униженіе возвратили его на землю, и онъ воскликнулъ съ горечью:

— Объявляй на весь свѣтъ, если хочешь, что мы обвѣщаны. Откажи мнѣ въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ ожиданія и молчанія, о которыхъ я умоляю тебя, и мы оба погибемъ безвозвратно; или покорись на время тягостной необходимости, потерпи ради меня нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда, у ногъ твоихъ, въ моихъ объятіяхъ, Дживевра, — продолжалъ онъ, опускаясь на колѣна, и при-
влекая ее на свою грудь, — наступятъ годы блаженства, и въ сі-
днн ихъ ты простишь преходящее облако, которое затмѣваетъ
зарю нашего счастья! Ты простишь меня, Дживевра, въ томъ,
что я приковалъ тебя къ себѣ, завладѣвъ безцѣннымъ сокрови-
щемъ твоей любви, и заставилъ тебя страдать изъ-за меня — и за
меня, прибавилъ онъ, между тѣмъ, какъ уста Дживевры прижа-
лись къ его устамъ, и она спросила слабымъ голосомъ:

— Такъ ты долженъ разлучиться со мною, Эдмундъ?

— Покаместъ еще нѣтъ.

Она поблѣднѣла, и не говорила болѣе ни слова. Въ тотъ же вечеръ она взглянула на свое обручальное кольцо, сняла его съ пальца, продѣла въ него черныи бархатокъ, и спрятала на груди.

— Если не тамъ, — то здѣсь, сказала она, и этимъ однимъ словомъ выразила свое согласіе на предлагаемое ей испытаніе.

Сколько слезъ пролила она, оставшись одна, и сколько еще слезъ этотъ вечеръ готовилъ ей на будущее время, какой ужасъ леденялъ ея члены въ ту ночь, подобный страху ребенка, идущаго черезъ темную комнату и съ трепетомъ хватающагося за руку, которая ведетъ его, и на которую онъ не смѣетъ положитьсь, — этого не зналъ никто, кромѣ ея самой. Но и въ эту бурную годину свѣтилъ лучъ на пути ея; и какъ ни узка была тропа, каждый шагъ ея былъ твердъ, несмотря на то, что слѣдующій шагъ былъ скрытъ въ непроищаемомъ мракѣ.

Во все слѣдующіе дни Эдмундъ былъ то мраченъ и унылъ, то веселъ и одушевленъ, смотря потому, какъ воображеніе представляло ему будущее, въ свѣтломъ или мрачномъ видѣ. Настоящее мучило его; онъ ломалъ себѣ голову, чтобы придумать средство оставить Дживевру въ безопасности, и сплѣнить самому въ Прлацію, подготовить умы къ открытію своего брака. Однажды утромъ, послѣ цѣлой ночи, проведенной безъ сна, жевъ его подали письмо отъ отца и отъ англійскаго консула въ Генуѣ. Ее пзвѣщали, что полковникъ Лесли возвратился въ Англію, и что, узнавъ о смерти Леопарда Феррари, онъ желалъ, чтобы дочь его немедленно ѣхала въ Геную, къ стариннымъ его знакомымъ, семейству Варроновъ, которые собирались ѣхать

Обратно въ Англію, и согласились взять ее съ собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ препровождали ей чрезвычайно вѣжливую и дружескую записку отъ самой мистрисъ Варренъ, въ которыхъ она разсыпалась въ увѣреніяхъ въ удовольствіи познакомиться съ мисъ Лесли, и вызывалась даже сама пріѣхать за нею въ Верону, если это будетъ ей пріятно, или она сочтетъ пріличнымъ. Это еще болѣе запутывало и затрудняло положеніе дѣла; однако же Эдмундъ невольно улыбнулся странной игрѣ случая, который какъ нарочно велъ жену его подъ покровительство собственныхъ ея родственниковъ; и какъ ни смѣла и ни опасна казалась эта шѣра, онъ рѣшилъ, что Джиневра должна немедленно повиноваться волѣ отца, и идти на проломъ возникающимъ затрудненіямъ. Этотъ оборотъ обстоятельствъ давалъ ему возможность немедленно ѣхать въ Прадцію; притомъ онъ былъ убѣжденъ, что какъ скоро Джиневра будетъ въ домѣ отца, открыто признапа его дочерью, и станетъ предметомъ любви и обожанія всѣхъ окружающихъ, родные его также станутъ смотрѣть на нее со всѣми другими глазами, чѣмъ на бѣдную пталіанскую дѣвушку, которая уже по своей родинѣ, была ненавистна ихъ заорепѣлымъ предразсудкамъ.

Письмо отца произвело сильное и страшное дѣйствіе на Джиневру; при видѣ его, она въ первый разъ почувствовала въ душѣ нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти. Между-тѣмъ какъ она полагала, и бѣдный Леонардо увѣрялъ ее, что онъ на краю свѣта, въ Остѣ-Индіи, онъ возвращался на родину въ то самое время, какъ она безъ согласія его вышла замужъ; и вотъ она должна увидѣться съ нимъ и пмѣть отъ него тайну,—жить въ его домѣ и носить его имя, на которое она уже не имѣла права, и отъ котораго не могла уклониться. Едва вышедъ изъ дѣтства, и еще будучи почти ребенкомъ по неопытности и простодушію, она должна вступить въ жизнь съ сердцемъ женщины, и съ самою трудною задачею женщины; — супруга, и должна нести двойное бремя разлуки и скрываетельства на неопредѣленное время; — невинна, и должна испытывать безпрестанный страхъ и всѣ тревоги виновности. При этихъ мысляхъ, она почти ужасалась предстоящей ей задачи; мужество едва не оставляло ее. Но даже угрызенія совѣсти, — если можно такъ назвать раскаяніе въ поступкѣ совершенно безвинномъ, — были въ чистомъ и чроткомъ сердцѣ ея чужды всякаго себялюбія. Съ смиреніемъ и покорностью каялась она въ томъ, что считала своимъ прегрѣшеніемъ, и каждое новое страданіе принимала какъ послѣд-

люю отъ Бога кару, для искупленія ея вины. На слѣдующій день она провела цѣлый часъ въ той самой церкви, гдѣ столько разъ стояла на колѣнахъ, и гдѣ получила прощальное благословеніе отца Франческо; она молилась за него, и таинственный голосъ говорилъ ея сердцу, что и онъ молится за нее; его-то молитва, быть-можетъ, вымолила ей въ это мгновеніе спокойствіе и твердость, въ которыхъ она такъ вуждалась. Когда наступилъ вечеръ, Певиль пришелъ за нею. Онъ не вошелъ въ церковь, а остановился передъ дверями, и прислонившись къ колоннѣ, прислушивался къ слабымъ стонамъ, которые долетали до него въ безмолвіи ночи; угрызенія совѣсти и горестъ предстоящей разлуки терзали его сердце. Когда же она вышла изъ за густыхъ складокъ завѣса, и стала передъ нимъ, освѣщенная блѣдными лучами луны, съ улыбкою на устахъ, полною божественной кротости и спокойствія, душа его будто растаяла; онъ заплакалъ какъ ребенокъ и бросился къ ея ногамъ, умоляя о прощеніи. Дживера зажала ему ротъ рукою, поцѣловала его въ лобъ, прошептала на ухо благословеніе и улыбнулась сквозь слезы. Потомъ она первая вырвалась изъ его объятій, указала на дорожную карету, ждавшую у воротъ, и старалась влить ему надежду и бодрость въ сердце, между-тѣмъ какъ онъ проклиналъ себя за страданія, въ которыя вовлекъ и ее и самого себя. Только когда онъ скрылся изъ виду, затрепетала она при мысли о завтрашнемъ днѣ.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Англію, Эдмундъ Певиль пробылъ нѣсколько недѣль тайно въ Генуѣ, гдѣ продолжительная болѣзнь мистрисъ Варренъ принудила ея мужа отложить отъѣздъ. Взглянуть украдкой на жену, когда она мелькала въ окнахъ палатца, встрѣтить ее на мгновеніе на улицѣ, перемолвить съ нею нѣсколько торопливыхъ словъ, — было единственною цѣлью, единственнымъ помысломъ его дней; разлука и безнадежность будущаго удесятерили его любовь, и почти сводили его съ ума. Наконецъ Дживера уѣхала изъ Генуи, а онъ поспешилъ въ Англію, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. Пріѣхавъ въ отцовскій домъ, онъ нашелъ родителей въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ предмета и рода его любви; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ навести на это разговоръ, часа черезъ два по прибытіи его, отецъ отвелъ его къ окну, указавъ ему на вѣковья деревья, на широкое озеро, на деревни и на приходскую церковь, отъ которой несся радостный звонъ колоколовъ, въ

честь возвращенія владѣтеля этихъ обширныхъ помѣстій, и сказалъ ему протяжнымъ, торжественнымъ голосомъ:

— Эдмундъ, если ты, ослѣпленный страстью, задумывалъ когда-нибудь просить моего согласія на бракъ съ пновѣркою, брось на-вѣки эту мысль, потому что я клянусь, — и онъ положилъ руку на родовую Библію, лежавшую на столѣ, — клянусь этою священною книгою и небомъ, никогда не согласиться. Я взялъ съ твоей матеря слово не слушать отъ тебя ни одного слова объ этомъ предметѣ, не позволять тебѣ даже произносить при ней имя особы, кто бы она ни была, которая внушила тебѣ мысль о возможности такого союза. Теперь ты знаешь, чего ты долженъ ждать отъ меня.

Онъ положилъ руку на плечо сына. Если бъ онъ могъ читать въ его сердца, содрогнулась бы его суровая, непреклонная душа!

Когда мистръ Невиль вышелъ, Эдмундъ долго еще стоялъ у окна, и смотрѣлъ на знакомые ландшафты, столь прекрасные даже подъ зимнимъ своимъ одѣяніемъ. Не было въ нихъ ни одного предмета, который не напоминалъ бы ему его дѣтскихъ или отроческихъ лѣтъ; дикое завываніе вѣтра звучало въ ушахъ его мызкою давпомнившихся дней. Звонъ колокольчиковъ на пасущихся стадахъ, пробудившій его изъ размышленія, звучалъ также чѣмъ то роднымъ; а въ его комнатѣ, виды килларнейскаго озера и исполиновой насыпи, кривые, китайскіе уродцы на камнѣхъ, нѣсколько книгъ и старыхъ памфлетовъ на полкахъ, шитые экраны, подарки его сестры, все перенесло его въ другое время и къ другому положенію вещей, о которыхъ онъ почти совершенно забылъ въ годичное пребываніе свое въ Италиі. Когда онъ сошелъ къ обѣду, старинные семейные портреты, тяжелый мечъ, висѣвшій надъ каминомъ, — памятникъ бойскаго сраженія, за которымъ онъ въ дѣтствѣ столько разъ карабкался по ступлямъ, — огромная картца между оконъ, изображавшая осаду Лондондерри, все напоминало ему нескоренные религіозные и политическіе предразсудки его родныхъ. Онъ былъ угрюмъ и задумчивъ, и разговоръ за столомъ ограничивался его отцомъ и приходскамъ священникомъ. Онъ преимущественно касался состоянія страны и въ каждомъ почти словѣ отзывалась такая непримиримая вражда къ каждому отступленію отъ нѣхъ образа мыслей, что сердце его сжалось, и ему безпреставно представлялся образъ Джиневры, когда она стояла передъ нимъ, воздѣвъ свои кроткіе взоры къ небу, и заклинавшая его именемъ истины и вѣчности.

На слѣдующій день Невиль поѣхалъ прогуляться верхомъ съ сестрою, по рощамъ и деревнямъ, принадлежавшимъ къ помѣстьямъ его отца; крестьяне вездѣ дружескимъ привѣтомъ встрѣчали молодого помѣщика. По мѣрѣ-того, какъ онъ замѣчалъ все, что было предпринято для улучшенія сельскаго быта, и слушалъ подробныя объясненія сестры о школахъ, открытыхъ подъ ея надзоромъ, о новой церкви, заложенной въ одной мѣстѣ, о новыхъ жпльяхъ, построенныхъ въ другомъ, страна являлась ему въ новомъ, прекрасномъ свѣтѣ, и онъ все съ большимъ участіемъ прислушивался къ рассказамъ сестры. Анна Невиль принадлежала къ тому разряду людей, которые, не отличаясь никакими блестящими свойствами, никакими поражающими достоинствами, сохраняютъ во всѣхъ, самыхъ даже мелочныхъ обстоятельствахъ жизни, тихую веселость, спокойную разсудительность, и какое-то мягкое, короткое упрямство, которымъ они часто пробиваютъ себѣ путь и достигаютъ своей цѣли тамъ, гдѣ болѣе пламенные нравы и болѣе блестящія способности не имѣютъ успѣха. Въ ней было болѣе доброты, чѣмъ чувствительности, болѣе терпѣнія, чѣмъ ревности. Она тщательно исполняла то, что съ дѣтства привыкла считать обязанностью, и не знала не только сочувствія, но даже свисходительности къ тѣмъ, которые въ образѣ мыслей или въ дѣйствіяхъ были строже или вольнѣе ея. Въ ней не было и тѣни тщеславія — и она была совершенно равнодушна и къ похваламъ и къ осужденію: но имѣла очень высокое понятіе о своемъ умѣ, и чего она не понимала или не чувствовала, то безжалостно клеймила мечтательностью, глупостью или безнравственностью. Она и не воображала, повидимому, что въ человѣческомъ сердцѣ есть глубины, которыхъ она не извѣдала, что въ жизни бываютъ положенія, которыхъ она не испытала, отношенія между вѣрованіями и дѣйствіями, о которыхъ она не размышляла; словомъ, что много вещей на землѣ и на небѣ, о которыхъ и не гадала ея философія. Тихій нравъ и чувство справедливости не допускали рѣзкости въ ея выраженіяхъ и слишкомъ большой суровости въ сужденіяхъ; она только отстраняла съ своего пути и отъ своего размышленія все, что не согласовалось съ заранѣе опредѣленными ея понятіями. Одинъ америкапскій писатель говоритъ, что есть понятія, которыхъ не должно безпрестанно передумывать; которыя должно держать для ежедневнаго обихода, а не для умствованія. Всѣ понятія Анны Невиль были въ такомъ родѣ; и не было, по видному, ни одной трещины, черезъ которую новое вно-

еще ближе могло бы ввернуться въ ея стройную, но плотно заключенную голову. После этого казалось бы, не должно быть симпатіи между Эдмундомъ и его сестрою; но кто не знаетъ по опыту, что люди, много пострадавшіе отъ пылкости своихъ чувствъ и отъ живости своего воображенія, находятъ какое-то страшное успокоеніе въ однообразіи ежедневныхъ, житейскихъ работъ, которое представляетъ имъ жизнь людей холодныхъ, положительныхъ? Любовь Непля къ Джиневрѣ сочеталась съ воспоминаніями о бурныхъ радостяхъ, о страстныхъ ощущеніяхъ; но релігіозный энтузіазмъ ея ставилъ преграду между нимъ и его счастіемъ. Онъ понималъ высокія стремленія, но не любилъ ихъ; въ энтузіазмъ Джиневры представлялся ему только какъ преграда, стоявшая между нимъ и его счастіемъ, какъ неточный вычислительный думъ въ настоящемъ, и опасеній за будущее; глядя съ участіемъ и удивленіемъ на Анну, онъ невольно началъ думать, чтобы жена его приняла тѣ же понятія, тѣ же образы мыслей. Въ его самовластной душѣ, каждое желаніе скоро переходило въ убѣжденіе, что такъ должно быть. Онъ не могъ безъ содроганія подумать объ утратѣ заслѣдствоваемаго богатства и положепія въ свѣтѣ, которыя теперь казались ему драгоценнѣе, чѣмъ когда-либо; а безпрестанныя новыя доказательства непрочности отца дѣлами его съ каждымъ днемъ несомненно боролась съ этою жалкою волею; тѣмъ болѣе, что онъ принималъ, что даже при равныхъ силахъ съ обѣихъ сторонъ, всѣ выводы истинны были противъ него. Джиневра же была молода; убѣжденія ея, думалъ онъ, не могли быть очень глубокія, и примѣръ супружескихъ, его молитвы, и наконецъ сила обстоятельствъ могли въ скоромъ времени поколебать ихъ и привести ее къ желанному результату. Словомъ, всѣ эти умствованія привели его къ тому заключенію, что Джиневра должна уступить. И онъ была такъ увѣренъ въ неминучесть такого оборота дѣла, что умноженіе мгновенно встало, и онъ принялся тѣшить свое воображеніе обольстительными картинками того времени, когда ему можно будетъ объявить свое супружество передъ изумленнымъ свѣтомъ, и съ торжествомъ ввести Джиневру въ среду своего помпезнаго семейства. Первымъ дѣломъ его было написать къ Вальтеру Сиднею, и выжидать погостить у него въ Геронъ-Кастлѣ; непоколебимымъ дѣломъ между обими семействами по дэрри-портскимъ землямъ, смежнымъ съ землями Сиднеевъ, представляли самымъ удобнымъ къ тому предлогу. Эдмундъ перѣлъ любовничества въ видѣть отца и сестру Джиневры и наблюдать

домашній бытъ семейства, въ которое онъ скоро долженъ былъ вступить въ совершенно другихъ обстоятельствахъ.

Не смотря на его безпечность, ему тяжело было, однако же, показаться въ домъ полковника Лесли въ качествѣ обыкновеннаго знакомаго; это-то обстоятельство, а можетъ быть и недоразумѣніе со стороны Вальтера, было причиною отлагательства, которыя такъ мучили Маргариту въ началѣ ихъ знакомства. Когда онъ встрѣтилъ ее у мистрисъ Торнтонъ, голосъ ея и какакто особенностъ въ выраженіи лица, сильно напомнили ему жену, и онъ совершенно растерялся. Когда же несчастное паденіе Вальтера неожиданно поселило его въ Грантли-Мэноръ, онъ принялся съ неусыпнымъ вниманіемъ наблюдать характеры, чувства и образъ мыслей, которые необходимо должны были имѣть вліяніе на Джиневру и на ея дѣйствія. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за Маргаритою; но при этомъ онъ былъ такъ погруженъ въ личные свои виды и цѣли, что ему ни разу не приходило въ голову, что онъ этимъ неотступнымъ вниманіемъ своимъ могъ возбудить въ ней чувство, угрожавшее спокойствію ея сердца. Однажды онъ собирался открыть ей свою роковую тайну; но почти радовался, когда она поспѣшно оставила его, и тѣмъ спасла его отъ поступка, который, по нѣкоторомъ размышленіи, показался ему непростительною неосторожною. Въ другой разъ, онъ хотѣлъ просить совѣта Вальтера Сиднея; но и Вальтеръ прервалъ его на первомъ словѣ; а потомъ отчужденіе, которое возникло между ними вскорѣ по прибытіи его въ Грантли-Мэноръ, стало возрастать такъ очевидно, что онъ бросилъ всякую мысль открыть ему истину. Когда же въ рѣдкихъ и короткихъ свиданіяхъ съ Джиневрою, какія онъ могъ устраивать по приздѣ ея, увидѣлъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, какъ она, шажная, любящая, покорная, готовая все вытерпѣть отъ него и для него, была непоколебима въ томъ вопросѣ, въ которомъ сосредоточивались всѣ его надежды и старанія; что всѣ его усилія, его холодная рѣшимость, его гнѣвъ, его хитрыя умышленія, его пламенные мольбы, разбивались объ ея твердость, какъ о скалу, не оставляя другаго слѣда, кромѣ тайныхъ слезъ и безмолвныхъ страданій; — ему стало отрадно, какъ человѣку, избѣжавшему ужасной опасности, что онъ никому не открылъ вызвавшихъ ихъ узъ. Онъ испыталъ надъ нею всѣ средства, бывшія въ его власти, и все напрасно. Терзаемый ревностью и безпокойствомъ, онъ едва былъ въ силахъ переносить это мучительное существованіе, и скрывать свое раздраженіе. Онъ пла-

ненио любилъ Дживевру, и не могъ думать о разлукѣ съ нею; оставаться же съ нею, и скрывать свои чувства, слѣдить за нею издали, не смѣя почти подходить къ ней, не смѣя остановить на ней взоръ или сидѣть подлѣ нея, — это была пытка выше его силъ. Чтобы отецъ восторжествовалъ въ единоборствѣ съ нимъ, казалось ему дѣломъ довольно естественнымъ; оно было ему досадно, но не удивляло его; но чтобы Дживевра, — это вѣжливое, кроткое, покорное существо, этотъ семнадцатилѣтній ребенокъ, котораго сердце совершенно отдалось ему, — чтобы она разрушала всѣ его замыслы, и торжествовала надъ всѣми его успѣхами переломить ея твердость, — это приводило его иногда въ такое бѣшенство, что онъ не зналъ, любилъ ли онъ ее еще, или ненавидѣлъ. И только когда онъ рѣшался разстаться съ нею, покинуть мѣсто, гдѣ могъ по крайней мѣрѣ видѣть ее, слышать ея голосъ, и предаваться поочередно порывамъ гнѣва и вѣжливости, сердце его начинало пыть, и онъ понималъ, что слишкомъ глубоко, слишкомъ пламенно любилъ ее для спокойствія своей себялюбивой и самовластной души. Преданность ея отцу, любовь къ сестрѣ, дружба ея съ Вальтеромъ, энтузіазмъ, который она возбуждала во всѣхъ постороннихъ, не смотря на старанія свои избѣгать ихъ поклоненій и даже вниманій, — все это было для него источникомъ невыразимыхъ страданій. Каждый, казалось, имѣлъ больше правъ на нее, чѣмъ онъ, ея мужъ, который, если бы захотѣлъ, могъ вырвать ее изъ этого дому, разлучить съ семействомъ, показать передъ всѣмъ свѣтомъ, что онъ единственный надъ нею владыка. Иногда, въ порывахъ своей ревнивой раздражительности, онъ старался увѣрить себя, что она вовсе не желала огласки ихъ брака, что она уже разлюбила его; что, презирая его эгоизмъ и малодушіе, она была совершенно довольна своимъ настоящимъ положеніемъ, и не хотѣла переимѣнить его. Самое терпѣніе и кротость ея сердили его, и иногда онъ, обманщикъ и притѣснитель, считалъ себя обиженнымъ и оскорбленнымъ, потому что жертва его страдала безъ ропоту, и плакала въ тайнѣ.

Наканувшій своего внезапнаго отъѣзда изъ Гравтлн-Мэпора, онъ получилъ письмо отъ сестры, которая тайно извѣщала его о слухахъ, дошедшихъ до его родителей, и повергшихъ ихъ въ ужасъ. Она умоляла его возвратиться немедленно въ Клентой, чтобы успокоить ихъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, онъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію своего дяди, мистра Варрена; открылъ ему свою любовь къ Дживеврѣ, намекнулъ даже слегка

на давнишнее ихъ знакомство въ Италиі, и просилъ его указать ему средство уломать упрямого отца. Результатомъ этого совѣщанія было то, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо убѣдился въ непреклонности отца, но, въ то же время, болѣе прежняго укрѣпился въ надеждѣ, что сила обстоятельствъ и время побѣдятъ твердость Джипперы. Эта надежда оживила его; разсуждая, что можетъ-быть, другой лучше его съумѣетъ владѣть орудіемъ убѣжденія, онъ рѣшился возложить это дѣло на мистра Варрена, а самъ ѣхалъ немедленно въ Ирландію. Но когда онъ увидѣлъ Джипперу вечеромъ на террасѣ парка, когда они стояли одинъ подлѣ темныхъ зимнихъ небомъ, съ сердцами, вызывающими подлѣ гнетомъ мрачной будущности, горестъ и страсть, любовь и негодованіе, борющихся въ ихъ душахъ, прервали всѣ преграды. Душа Джипперы воспламенилась въ борьбѣ; огонь столько времени теплѣвшійся въ ея груди, питаемый безпрестанными усиліями и цѣлыми ночами, проведенными въ молитвѣ, вспыхнулъ, и вылъ ея италіанской природы лавры все ея существо. Бурными потокомъ полилась съ устъ ея вся пошлость перенесенныхъ ею страданій и оскорбленій; съ содроганіемъ раскрыла она глубокія язвы своего сердца, и безпощадными доводами испровергла всѣ уловки, которыми онъ старался скрыть отъ нея истину; раскрыла передъ его дрожащимъ взоромъ прошедшее, и, схвативъ одною рукою его руку, а другою указывая на небо, вскрывала:

— А когда наступитъ часъ страшнаго суда, какой отвѣтъ дашь ты Творцу за душу блужнаго, которую ты водлакаешь въ дѣбель? Нѣтъ, Эдмундъ, нѣтъ, продолжала она, обливая слезами руку его, которую сжимала въ своихъ рукахъ; — нѣтъ! не хочу, чтобы тебѣ пришлось дать отвѣтъ въ такомъ грѣхѣ. Придешь дна, когда ты самъ будешь благодарить небо, за то, что и имѣла силу противиться твоимъ слезамъ, и встерзати твоё сердце.

Она досѣлѣ оставила его, потому что вблизи слышались шаги. Но онъ долженъ былъ ѣхать на слѣдующее утро, и орлыкъ стала упрекать ее въ жестокости. Во весь вечеръ она не могла добиться одного взгляда любви, одного знака прощенья. Ей хотѣлось бы упасть къ ногамъ Эдмунда, а она не могла даже встрѣтить глазъ его, не могла шепнуть ему одного слова. Чѣмъ болѣе приближался часъ разставанья, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ болѣе становилось на ея сердцѣ. Когда старый Брюно, любимый товарищъ ихъ прогулокъ, и предметъ ихъ допеченій въ первый вечеръ ихъ скоротечнаго счастья, вѣшла въ комнату, ей показалось будто онъ пришелъ чтобы быть заступникомъ ея въ минуту пер-

того ихъ дѣйствительнаго отчужденія; и въ импровизаціи своей, она черезъ этого безмолвнаго посредника взывала къ сердцу, зашнутому гордостью и досадою. Знакомая мелодія, которую онъ столько разъ пѣвалъ съ нею, была отвѣтомъ на ея мольбу, залогъ примиренія. И они увидѣлись еще разъ; горькими слезами просили они безмолвно другъ у друга прошенія; потомъ онъ ободрялъ ее слабыми надеждами, она подкрѣпляла его взорами покорности, довѣрія и любви; потомъ долгое, вѣжное объятіе, — вѣжное прощаніе, — и этотъ листокъ ихъ жизни обернулся.... Бурное свиданіе съ Маргаритою открыло другой листокъ странной жизни Джиневры.

IV.

Эдуардъ стоялъ на палубѣ корабля, переносившаго его изъ Англіи въ Ирландію, и приближался къ гавани, смотрѣлъ то на тучи, которыя причудливыми грядами окружали заходящее солнце, то на легкія волны, спокойно хлеставшія о берегъ. Невозмутное спокойствіе природы было въ странномъ противорѣчій съ тревожными чувствами, волновавшими его грудь. Ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ не находилъ онъ ничего, на чемъ могъ бы остановиться для успокоенія, и съ лихорадочною дрожью размышлялъ о прибытіи своемъ въ Клентой, и о вопросахъ, которые должны были встрѣтить его вслѣдствіе слуховъ, о которыхъ писала ему сестра. Если истина, какинъ-нибудь неопытнымъ образомъ, пробилась и дошла до его семейства, какія будутъ оттого послѣдствія? Горькое сомнѣніе въ своей правотѣ защемило его сердце. А если все потеряно, и ничего не останется ему лицомъ къ лицу, что ему дѣлать? Найдеть ли онъ въ себѣ хоть одно твердое убѣжденіе, одно вѣрованіе, одно благородное стремленіе, которое могъ бы противопоставить искушенію отречься отъ своего супружества, занять честь свою ложью? Онъ вопрошалъ свое сердце, пыталъ свою душу, и не находилъ въ нихъ достаточной силы. Даже любовь его не могла выдержать напору себялюбивой корысти, а еще не могъ подкрѣпить ее никакимъ нравственнымъ убѣжденіемъ или вѣрованіемъ. Горькая, тяжелая вещь — бесѣдовать съ глазу на глазъ съ своею душою, и отворачиваться отъ нея съ пре-

принять; — выдать бурные отрасти своего сердца, уснувши в час уединенной души, пропнать слезы их гладкую поверхность въ самую глубь бездны, и видѣть тамъ отраженіе своего холоднаго эгоизма. Когда Эдмунд сошелъ съ корабля, въ Бельевствѣ, и сѣлъ въ коляску, ожидавшую его; быстрое движеніе ея и приближеніе часу борьбы, возобновили тревогу его души, и онъ принялся опять мысленно переживать все готовившіяся ему оппозы: бурныя обвиненія, обвиненія и оправданія, допросы и уклончивые отвѣты, угрозы и отчаянныя рѣшенія, единоборство двухъ равно жалѣзныхъ и непреклонныхъ волей. Ночь была холодная, онъ ѣхалъ вдоль берега, и съ моря дулъ сильный вѣтеръ; лошади скакали по десятн миль въ часъ, но въ его лихорадочномъ жару ему казалось, что вѣтеръ навѣвалъ едва чувствительную прохладу, а лошади чуть тащились. Между-тѣмъ какъ онъ мѣнялъ лошадей у небольшой корчмы, мѣляхъ въ сени отъ Клентона, кто то подѣхалъ верхомъ къ его коляскѣ, и онъ узналъ голосъ своего двоюроднаго брата, Чарльза Невилля, молодата пастора, жившаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Клентона, въ котораго онъ не видалъ въ послѣдній свой прїездъ въ Ирландію.

— Позволь мнѣ сѣсть въ твою коляску, Эдмундъ; мнѣ надо поговорить съ тобою, сказалъ онъ торопливо; подюшка опустилась, онъ поспѣшно сѣлъ въ экипажъ, и приказалъ вичику гнать лошадей во весь опоръ. Когда онъ схватилъ руку Эдмунда, рука его дрожала, и онъ сначала не могъ говорить отъ волненія; наконецъ, однако же, оправился, и слова его мгновенно дали другой оборотъ напряженнымъ мыслямъ и чувствамъ его спутника. Воля, съ которою онъ собирался вступить въ единоборство, эта жалѣзная воля, стоявшая преградю между нимъ и его счастьемъ, и которую онъ хотѣлъ раздавить такою же жалѣзною волею или обмануть хитрости, уклончивыми рѣчами, — была уже безсилна; другая, высшая воля смирила ее и обрела въ вѣчное молчаніе. Высшая болѣзнь похитила мистра Невилля побѣдъ двадцати-четыреохъ часовъ страданія и двадцати-четыреохъ часовъ быстро возрастающаго истощенія; гонецъ, посланный за сыномъ его, разыскался съ нимъ на дорогѣ. Глухой стонъ отчаянія и ужаса вырвался изъ груди пораженнаго Эдмунда; онъ судорожно схватилъ руку Чарльза Невилля, но не могъ ни говорить, ни двинуться съ мѣста; един-что даже мыслить во весь остальной путь. Переворотъ въ его мысляхъ былъ такъ быстръ, что ему казалось, будто это сѣнь; какое-то тяжелое чувство давило его грудь; уло-

ея, умолять ее открыть ему свою тайную мысль, и забвѣть его, если можно, отъ невыносимаго бремени неизвѣстности. Но гордость остановила его. Онъ слишкомъ хорошо зналъ доброту сестры и привязанность ея къ нему, слишкомъ много видалъ доказательствъ ея безкорыстія и возвышенности ея нравственныхъ убѣжденій, чтобы подозрѣвать ее въ эгоистическихъ, корыстолюбивыхъ помыслахъ; однако же онъ не могъ рѣшиться на униженіе открыть ей свое собственное малолушіе, и какъ скоро ему казалось, что сестра хотѣла привести его къ сознанию, онъ отключалъ ее угрюмымъ молчаніемъ. Наконецъ наступилъ день, когда назначено было открыть и прочесть завѣщаніе мистра Невилла въ присутствіи всѣхъ родственниковъ и назначенныхъ завѣщателемъ законовѣдцевъ. Эдмундъ былъ спокоенъ, или, по крайней мѣрѣ, казался спокоенъ; сложивъ руки на груди, и потупивъ глаза въ землю, онъ слушалъ приговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь, и ни одно движеніе его мускуловъ не изобличило никакого другаго чувства, кромѣ почтительнаго вниманія. Гордость и сознаніе необходимости хладнокровія дали ему мгновенно непостижимую силу; но сердце его било сто ударовъ въ минуту, и когда были прочтены вступительныя формальныя фразы, и онъ началъ разбирать среди техническихъ изворотовъ самый смыслъ завѣщанія, силы начали оставлять его, и онъ упалъ бы, если бы не сдѣлалъ надъ собою такое усиліе, отъ котораго почти заняло его дыханіе. Всѣ отщипы, издавна принадлежавшія его роду, города Клентой и Эскеррипъ съ землями, въ Ирландіи, давашіе десять и двадцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода, Даррелькортская отчина съ принадлежностями и угодьями, въ Англіи; небольшое помѣстье въ Шотландіи; домъ въ Лондонѣ, и множество другихъ, менѣе значительныхъ помѣстій, были подробно исчислены въ завѣщаніи; и все это завѣщатель отказывалъ ему. Эдмунду Невиллу, и его потомству, въ полную собственность и распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ если онъ умретъ безбраченъ и бездѣтенъ, все это имѣніе наследовали Анна Невилл и ея потомство; далѣе завѣщатель объявлялъ, что буде наследникъ его, Эдмундъ Невиллъ, женится на иновѣркѣ, или объявитъ преждезаключенное бракосочетаніе съ иновѣркою, то онъ лишается всѣхъ правъ своихъ на наследство, которое должно тотчасъ перейти къ Аннѣ Невилл и ея потомству, или за неимѣніемъ ихъ, къ Чарльзу Невиллу и его потомству. Говорятъ, что когда объявляется смертный приговоръ, онъ

производить гораздо большее впечатлѣніе на постороннихъ зрителей, чѣмъ на самаго осужденнаго, потому что осужденный не можетъ совершенно ясно понять его, не можетъ представить его себѣ во всемъ его ужасѣ. То же было и съ Эдмундомъ Невилемъ; когда совершилось то, чего онъ такъ боялся, отчего онъ не вѣлъ покою днемъ и сна ночью, онъ нисколько не былъ больше изволнованъ, чѣмъ за часъ передъ тѣмъ, когда онъ входилъ въ комнату. Во все время чтенія завѣщанія, онъ ни разу не поднималъ глазъ; и когда, въ то время какъ всѣ переходили въ гостиную, къ нему подошелъ одинъ старый помѣщикъ, ему срочилъ, и сказалъ: — Старинной закалки душа! по смерти не взмѣнилъ своимъ убѣжденіямъ! да и вы сами вылиты въ него! — громъ хлынула къ сердцу Эдмунда, но не выступила на щекахъ. Вечеромъ, одинъ изъ законниковъ, присутствовавшихъ при чтеніи завѣщанія, говорилъ за часъ у собѣда, что по безпрестаннымъ перемѣнамъ въ лицѣ мистра Чарльза Невилля, по внимавію, съ которымъ онъ сдѣлалъ за двоюроднымъ братомъ, и наконецъ потому, какъ онъ вертѣлся на стулѣ, видно было, что онъ былъ вовсе не равнодушенъ къ содержанію духовной; между-тѣмъ какъ мистръ Эдмундъ Невилль обращалъ весьма мало вниманія на подробности изложенія, и казался такъ погруженъ въ свои мысли, что очевидно было, что онъ зналъ напередъ всѣ расцорженія завѣщателя, и они его нисколько не удивляли.

Когда всѣ разошлись, и Эдмундъ остался одинъ передъ пылающимъ каминомъ въ старинной залѣ, онъ прислонилъ голову къ камину, и глаза его вперились въ вьющееся и искрищееся пламя. Врачье уныніе все болѣе и болѣе овладевало его душою. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя совершенно не въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о своемъ положеніи, и тѣмъ менѣе рѣшиться на единственный, остававшійся ему благородный путь. Напротивъ, онъ не видѣлъ другаго средства спасенія, какъ только всѣми силами стараться скрывать свою жизньбу, по крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не обдумаетъ вполне своего положенія, и не попытаетъ всѣхъ убѣжденій, просьбъ, угрозъ, всѣхъ средствъ, данныхъ ему ея юностью и любовью, чтобы довести Джинверу до желанной перемѣны мыслей. Онъ уватился за эту мысль, какъ за единственный лучъ надежды. Ея безпредѣльная любовь, ея безусловная покорность его волѣ во всемъ, кромѣ одного этого вопроса, казались ему ручательствомъ успѣха; во всякомъ случаѣ, онъ зналъ, что они не позво-

лять ей обдѣлать немедленно ихъ общую тайну, и тѣмъ дать ему время дѣйствовать на нее страхомъ и надеждою. Холодный потъ выступилъ на лицо его при мысли о послѣдствіяхъ, какія могли повлечь за собою одно ангажированное ея возмездіе, одно неосторожное слово. По какому-то страшному дѣленію, передъ радостію собою, ему казалось, что принять наследство, на которое онъ утратилъ всякое право, и которое она могъ удерживать только вѣроломнымъ молчаніемъ, — было справедливымъ возмездіемъ противъ возмутительнаго угнетенія, противъ котораго онъ могъ, по праву самосохраненія, употребить всѣ средства, бывшія въ его рукахъ; а въ то же время считалъ дѣломъ справедливымъ и необходимымъ, скрывать отъ Джиневра всѣ обстоятельства, могущія открыть ей глаза или возбудить въ ея прямой душѣ сомнѣнія, которыя должны были разбиты въ прахъ всѣ его хитрыя умышленія. Онъ чувствовалъ, что противорѣчилъ себѣ самому и это сознаніе терзало ему сердце. Изъ всѣхъ человѣческихъ страданій, нѣтъ, можетъ-быть, болѣе мучительнаго, какъ положеніе необузданной души, которая чувствуетъ, что обстоятельства, съ которыми она борется, слишкомъ сильны, чтобы побѣдить ихъ, и слишкомъ горьки, чтобы имъ покориться. Самый злѣйшій врагъ Эдмунда, почувствовалъ бы въ эту минуту жалость къ нему; потому-что сердце его разрывалось сомнѣніемъ, отчаяніемъ; онъ хватался за послѣднюю, и столько разъ уже обманутую надежду, какъ утопающій хватается за соломинку; и въ то же время терялъ довѣріе и уваженіе къ себѣ. Дѣйствительность срывала съ него то достоинство, въ которое не только посторонніе, но даже онъ самъ мысленно облакалъ себя, и которое тѣшило его самолюбіе. Съ этой минуты энтузіазмъ его ко всему благородному и великому, будетъ въ немъ однимъ гнуснымъ лицемеріемъ; благія стремленія, которыя проявляются по временамъ даже въ самыхъ закопѣлыхъ душахъ, будутъ въ его душѣ не болѣе какъ немощное усиліе челоуѣка, окованнаго своимъ; Джиневра же будетъ ему уже не ангеломъ-утѣшителемъ, а карающимъ ангеломъ, стоящимъ у дверей его земаго рая, и воспрещающимъ ему входъ. Не должно думать, однако же, чтобы онъ въ это время уже имѣлъ твердое и сознательное намѣреніе удержать до конца въ своихъ рукахъ, подъ джнвыми предлогами, богатство, принадлежавшее по законамъ его сестрѣ. Онъ еще чувствовалъ, что если Джиневра не уступитъ въ борьбѣ, завязавшейся между его страстями и ея вѣрованіями, онъ при-

надѣясь бують все отдать; но онъ привязывался къ этой надеждѣ съ такимъ упорствомъ, что не видѣлъ угрожающихъ ему послѣдствій, и не думалъ о будущихъ затрудненіяхъ. Такъ какъ самъ онъ былъ не въ состояніи постичь такую глубину и непоколебимость убѣжденій, то результатъ борьбы казался ему дѣломъ личнаго вліянія; и сердце его радовалось или изнывало, смотря потому, какъ мысли его останавливались на силѣ или на слабости ея любви. Это прибавило новый источникъ безпокойства и страданій къ его и безъ того тяжелой долѣ. Онъ пламенно любилъ жену, и не могъ защититься отъ мысли, что если она будетъ въ состояніи противиться его угрозамъ и мольбамъ, то это будетъ явнымъ доказательствомъ холодности ея сердца или равнодушія ея къ нему.

Въ это мгновеніе глубокой вздохъ прервалъ его размышленія; онъ обернулся, и увидѣлъ сестру, которая сидѣла возлѣ въ преслахъ, и слѣдила за нимъ съ тѣмъ грустнымъ, безпокойнымъ выраженіемъ, которое не оставляло ея лица въ послѣдніе дни.

— Рада Бога, Анна, вскричалъ онъ встревоженнымъ голосомъ, не преслѣдуй меня по всему дому въ такомъ угрюмомъ молчаніи, и съ такимъ пасмурнымъ лицомъ. Я желалъ бы быть на-бѣднѣ, и....

— Эдмундъ, перебила она съ кротостью, не отсылай меня такъ сурово. Братъ, любезный братъ....

Она склонила голову на его плечо, и залилась слезами; но скоро оправилась, и продолжала:

— Я много перестрадала въ послѣднее время; иначе я не была бы такъ слаба; но, Эдмундъ, я должна поговорить съ тобою, — и умоляю тебя выслушать меня терпѣливо.

— Могу я чѣмъ-нибудь быть тебѣ полезенъ, Анна? Если такъ, то говори; ты знаешь, что нѣтъ ничего такого, чего бы я не сдѣлалъ съ радостью для тебя или для матушки.

— Нѣтъ, Эдмундъ, я хочу говорить о тебѣ самомъ....

— Въ такомъ случаѣ, сдѣлай одолженіе, молчи.

— Я хочу говорить для твоего же добра, возразила она твердо, и совершенно оправившись. — Понѣрь мнѣ, что истина, откровенность и благородство принесутъ тебѣ гораздо болѣе пользы и лучше будутъ содѣлывать твоимъ видамъ, чѣмъ, — тутъ она остановилась въ нерѣшительности, и подумавъ нѣсколько, продолжала, — чѣмъ недобріе.

— Я не понимаю тебя, отвѣчалъ Эдмундъ холодно и надменно.

— Не понимаешь? продолжала она, не смѣя поднять глазъ на брата; благодарю небо, если ты въ-самомъ-дѣлѣ не понимаешь. Если путь твой отъяниъ простъ и ясенъ, и въ груди твоей нѣтъ борьбы — хотя и есть, можетъ-быть, страданіе, — если ты не связалъ себя безвозвратно....

Эдмундъ быстро отвернулся, и на этотъ разъ не могъ скрыть страшной борьбы, происходившей въ его душѣ; если бы Анна подняла глаза, она замѣтила бы ее; но взоры ея были устремлены на огонь, и она продолжала:

— Если ты можешь съ чистою, спокойною совѣстью, занять свое новое положеніе....

— Анна, вскричалъ онъ съ гнѣвомъ: у меня нѣтъ терпѣнія слушать такія рѣчи; и если ты еще разъ посмѣешь говорить мнѣ такимъ языкомъ, чтобъ удѣть знакомъ вѣчнаго разрыва между нами. Мнѣ жаль не тебя, что расчеты твои не сбылись, продолжалъ онъ съ горькою улыбкою; ты, вѣроятно, хотѣла порадовать Чарльза Певеля первую вѣстью о будущемъ его счастьи, и успѣхомъ истинно братскаго порученія, которое ты приняла на себя; но я принужденъ обмануть твои надежды, и разрушить великодушныя замыслы твои въ отношеніи меня и его.

Это обвиненіе мигомъ возвратило Аннѣ Певель ея обычное хладнокровіе; и только состраданіе къ брату подавило въ ней гнѣвъ. Она взглянула на брата съ спокойнымъ презрѣніемъ, и сказала холодно:

— Я не хочу оправдываться отъ обвиненія, которое или было вспышкою гнѣва, достойною избалованнаго ребенка, или доказываетъ, что ты совершенно неспособенъ цѣнить характеръ и чувства, съ которыми болѣе двадцати лѣтъ опыту, воспоминавія дѣтства и болѣе зрѣлаго возраста должны бы тебя познакомить. Можетъ-быть, наступитъ день, когда ты будешь самъ сожалѣть, что влилъ лишнюю каплю полыни, въ мою горькую чашу, и однимъ ударомъ разрушилъ довѣріе дружбы, столько лѣтъ существовавшее между нами. Если настанетъ такой день, — не уходи, пока я не досказала, потому что я должна досказать, а потомъ избавлю тебя отъ своего присутствія, — если настанетъ день, когда ты почувствуешь что тяжесть скрываемаго испытанія, непреодолимое затрудненіе, угрызенія совѣсти преслѣдуютъ тебя на каждомъ шагу жизни, и свергаютъ тебя въ неистощае-

ную бездушу страданій, — вспомни обо мнѣ, вспомни мои слова. Можетъ-быть, собственное твое сердце шепчетъ тебѣ тогда, что мое сердце не изъ тѣхъ, которыя руководствуются вѣзкимъ, безжалостнымъ эгоизмомъ.

И она вышла, не подавъ ему руки, не взглянувъ даже на него. Сердце Эдмунда сжалось. Въ первое мгновеніе онъ хотѣлъ остановить ее, броситься въ ея объятія, открыть ей свое сердце; и передъ нимъ мелькнула далекая, пеленая картина цѣлой жизни труда и самопожертвованія, начатой по внушенію долга и увѣчивной уваженіемъ своихъ и постороннихъ. Можетъ-быть, думалъ онъ, Анна и не выйдетъ замужъ, посвятитъ жизнь свою ему и близкимъ его сердцу; они будутъ жить вмѣстѣ, и можетъ-быть ея вліяніе на жену его успѣетъ въ томъ, чего не добьются убѣжденія и даже угрозы. При этой мысли сердце его смягчилось, и онъ медленными, нерѣшительными шагами пошелъ къ дверямъ. Но, проходя черезъ залу, онъ увидѣлъ Анну, которая ходила взадъ и впередъ, рука объ руку съ Чарльзомъ Невилемъ, и разговаривала съ нимъ вполголоса, но съ большимъ олушевленіемъ. Утѣшительное видѣніе разсѣялось, подозрѣніе проснулось вновь; сердце его опять почерствѣло, а послѣдовавшія искорѣ за тѣмъ мелкія хозяйственныя заботы и распоряженія приковали его тысячею новыхъ заботъ къ тому пути, по которому онъ разъ пошелъ.

Эдмундъ Невиль не писалъ еще къ Джиневрѣ, съ самаго отъѣзда своего изъ Гравтли-Мэнора. Настала минута, когда онъ долженъ былъ дать ей первую вѣсть о новыхъ затрудненіяхъ, въ которыя ввергла ихъ судьба. Въ минуту, столь важную для всей будущей жизни того и другаго, и столь мучительную для него, всего естественнѣе было бы открыть ей безъ утанки, и въ настоящемъ видѣ такъ печально обхватившія его затрудненія. Но между ними не было того взаимнаго довѣрія, той открытости, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, возникаютъ между мужемъ и женою вследствие какой-то нравственной необходимости. Неестественная, мучительная таинственность, которою сопровождалось ихъ супружество, породила между ними несчастливую необщительность, которая постепенно усиливалась по мѣрѣ-того, какъ уходило время, и испытанія ихъ становились тяжелѣе. Рѣдкія, урывчатая свиданія, которыя дозволяли имъ обстоятельства, проходили въ порывахъ восторгу и нѣжности, которые уносили ихъ далеко изъ предѣловъ повседневной жизни; иритомъ Джиневра,

на своей молодости, неопытности, в затруднительном положении, боялась дѣлать ему вопросы, которые всегда приводили его въ замѣшательство, и на которыя онъ обыкновенно хмурясь или давалъ уклончивые отвѣты. Въ настоящую минуту онъ находилъ, болѣе чѣмъ когда либо, необходимымъ держать ее въ совершенномъ невѣдѣніи истины; такъ хорошо понималъ онъ, что при всей ея кротости и неопытности, въ душѣ ея было нѣчто такое, что разрушило бы все его уметованія и сбросило все оковы, которымъ она доселѣ подчинялась, какъ скоро она провинилась бы истинѣ. Сердце его раздвигалось, когда онъ писалъ письмо, которое должно было осудить ее на новыя испытанія, предать ее страданіямъ; рука его дрожала, и слезы выступили изъ глаза; но велико мужество эгоизма, и онъ подавилъ это благородное движеніе съ такою же твердостью, съ какою другіе берутся съ дурными страстями. Или быть можетъ и то, что онъ мысленно утѣрялъ себя самого, что дѣйствовалъ для пользы самой Джиневры, какъ и для своей, убѣждая, или даже принуждая ее избрать единственный путь, который долженъ былъ повести къ въ то положеніе, въ которомъ гордость и любовь его, желали ее видѣть.

Въ Грантен-Манорѣ всю недѣлю было веселье на славу; такъ говорили, по-крайней-мѣрѣ, сосѣди и мѣстные газеты. Былъ балъ, на которомъ гости танцовали до утра; на слѣдующій день играли въ шарады, и дочери гостепріимнаго хозяина восхищали избранныхъ зрителей своими разнообразными талантами, музыкою, игрою, пантомимною, въ чемъ имъ содѣйствовали прелестныя дочери графа Доннингтона, и цвѣтъ молодыхъ людей всего околка. Полученная мистромъ Варреномъ вѣсть о внезапной смерти мистра Невилла, первая нарушила общее веселіе. На другое утро послѣ бала онъ отвелъ Джиневру въ сторону, и сообщилъ ей извѣстіе, которое должно было имѣть такое огромное вліаніе на ея будущую судьбу. Какъ ни была она поражена, однако же молчала; мистръ Варренъ уѣхалъ, а она не осмѣлилась сдѣлать вопросъ, который дрожалъ на ея устахъ, но не хватало голоса: — Это событіе должно ли усилить или облегчить затруднительное положеніе Эдмунда?

Послѣдовавшіе затѣмъ дни ожиданія и неизвѣстности были такъ мучительны, что Джиневрѣ необходима была вся сила и твердость ея воли, чтобы не изобличить своего волненія и безпокойства. Впрочемъ, роковое свиданіе съ сестрою, оставившее

ить обихъ въ такое странное взаимное положеніе, придало ея деятельности новое могучее побужденіе и удвоило ея природныя силы. Счастіе сестры едѣвалось предметомъ всѣхъ ея думъ и желаній; она наблюдала каждое измѣненіе въ лицѣ или въ голосѣ, какъ купецъ, отдавшій все свое добро на произволъ вѣтру и моря, слѣдить за собирающимися вдали тучами, или за играющимъ на волнахъ вѣтромъ. Что касалось до нея самой, она не могла измѣрять объема предстоявшихъ страданій; но съ терпѣливымъ упованіемъ жила день за днемъ, какъ путникъ, идущій по узкой тропѣ между двухъ пропастей, и несмѣющей устремить своего взора далѣе того шагу, который онъ ступаетъ. Музыка, звучавшая въ ея ушахъ, представленія, въ которыхъ она должна была участвовать, пѣсни, которыя она должна была исполнять, бурныя одобренія, которыя сыпались на нее при каждомъ новомъ образцѣ ея талантовъ, все это казалось ей одною внутренною оболочкою жизни, подъ которою крылось глубокое, вѣчно возрастающее отчаяніе, обуздываемое только безпрестанными, вѣчно возрастающими усиліями воли. Нѣрѣдка только, когда взоръ ея останавливался на Маргаритѣ, и она замѣчала естественную улыбку на лицѣ, которое казалось созданнымъ для улыбки, или когда, могуществомъ своего вдохновенія, она возжигала и въ ней искру своего собственнаго генія, и видѣла, съ какимъ водворгомъ другіе смотрѣли на прекрасное лицо ея сестры, — она сама увлекалась, будто симпатіею; чувство удовольствія проливалось въ ея сердце, и она становилась веселѣе. А Маргарита, съ своей стороны, такъ не спускала съ нея глазъ; мрачно, тяжело легли на ея душу подозрѣнія, улики той роковой ночи; и бурень былъ потокъ разнообразныхъ чувствъ, слѣдовавшій за этою ночью.

Когда Джиневра вышла съ мистромъ Варреномъ, въ то памятное утро, о которомъ мы уже столько разъ упоминали, Маргарита сядла съ напряженнымъ вниманіемъ, съ томительнымъ чувствомъ въ сердцѣ, за своимъ речованіемъ; она была совершенно не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ, дѣлать менѣе опредѣлить свой образъ дѣйствія на будущее время; на всѣ шуточные вопросы, или на серьезныя замѣчанія Пэнси Вилсонъ, она отвѣчала угрюмымъ молчаніемъ.

Пэнси видѣла злой языкъ, но доброе сердце, и любовь ея къ Маргаритѣ была непритворна. Видя неудачу своихъ попытокъ, она наконецъ перестала ее преслѣдовать, и схвативъ портфель съ рисунками, который Маргарита оставила на столѣ, принялась

съ нетерпѣніемъ перелистывать его. Одинъ рисунокъ особенно поразилъ ее; она подняла его къ свѣту, и стала разсматривать съ большимъ вниманіемъ.

— Кто рисовалъ этотъ портретъ Джиневры? спросила она наконецъ.

— Какой портретъ? У меня нѣтъ никакого портрета Джиневры, вскричала Маргарита почти со слезами, потому что неотвязчивость, съ какою Нэнси сплплась завести разговоръ о столь горестномъ для нея предметѣ, пачинала бѣсить ее.

— Ну, если это не портретъ, то ужъ не знаю, что можно назвать портретомъ, отвѣчала Нэнси, ставя рисунокъ передъ Маргаритою.

Сходство было такъ разительное, что его невозможно было отрицать. Сначала Маргарита смотрѣла на рисунокъ съ недоумѣніемъ; но потомъ вспомнила, что въ тотъ самый вечеръ, какъ отецъ ея объявилъ о скоромъ прибытіи Джиневры, Эдмундъ Невилъ взялъ изъ рукъ ея неоконченный рисунокъ, чтобы посмотреть, и возвратилъ его совершенно передѣланнымъ. Въ то время она не обратила большаго вниманія на это обстоятельство, и скоро забыла о немъ; но теперь она вспомнила, что рисунокъ, который подала ей Нэнси, былъ тотъ самый рисунокъ, передѣланный Невилемъ; мысли ея съ быстротою молніи перешлись къ тому времени, и въ памяти ея ожилъ цѣлый рядъ происшествій, бывшихъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ. Она не могла отвести глазъ отъ рисунка, и волненіе ея, котораго еще не умѣла скрывать, было такъ очевидно, что Нэнси вскричала:

— Что съ тобою, моя милая? отчего ты такъ вспыхнула, и смотришь такъ, что того и жди, расплчешься? Мнѣ, видно, уже такая неудача сегодня, что я ни скажу, все не впопадъ; за все ты сердилъся. Ужъ не образъ ли твоей смиренной сестрицы разлилъ такъ кровь по твоему лицу, до самыхъ висковъ? Если бъ тебя застали рисующею хорошенькое личико мистра Невилля, и тогда не могла бы ты покрасить болѣе теперешняго. Полно, Маргарита, перестань ребичиться; это твой что-ли рисунокъ, какъ всѣ остальные, или тутъ кроется какая-нибудь тайная повѣсть?

— Ничего тутъ не кроется, сказала Маргарита, съ принужденною улыбкою. Положи всѣ рисунки назадъ, Нэнси; намъ пора идти гулять.

— Те есть, ты хочешь сегодня сбыть меня съ рукъ, во что бы ни стало! Ну, Маргарита, посмотришь, какъ ты будешь утѣшать меня, когда найдетъ на меня печаль; тебя же утѣшать я не берусь; на тебя не угодишь!... Постои, дай мнѣ показать этотъ таинственный рисунокъ мистру Сиднею; кажется, его голосъ слышу я въ библиотекѣ.

— Нѣтъ, вскричала Маргарита съ живостью; отдай мнѣ его, Нэнси... умоляю тебя, отдай его.

Эти слова были произнесены такимъ умоляющимъ голосомъ и съ такимъ повелительнымъ движеніемъ, что Нэнси отдала рисунокъ безъ сопротивленія, и только пробормотала, нетерпѣливо пожмая плечами:

— Ну, это ясно какъ день, что тутъ кроется тайная повѣсть, и предлинная въ добавокъ, чуть не длиннѣе всѣхъ повѣстей мистра Торптона.... Поскорѣе, Маргарита, продолжала она, почти вслухъ, когда Вальтеръ сталъ приближаться къ столу; спрячь таинственный рисунокъ, сокрой его отъ всѣхъ нескромныхъ глазъ.

— Развѣ у Маргариты есть тайны? сказалъ Вальтеръ съ притворною улыбкою; но улыбка смѣнилась грустью, когда онъ прочелъ на лицѣ ея явные слѣды досады, и замѣтилъ, съ какою воспѣшностью она собрала свой рисовальный приборъ и, не говоря ни слова, вышла изъ комнаты.

— Правъ Маргариты ужасно измѣнился въ послѣднее время, сказала Нэнси, когда дверь затворилась.

— Правъ ея пытаются, отвѣчалъ Вальтеръ, отъ котораго не укрылось полудружеское, полужлобное преслѣдованіе Нэнси.

Она поняла намекъ, и отвѣчала съ притворною безпечностью:

— Да, она кажется безъ памяти влюблена въ Эдмунда Нэнси.

И довольная тѣмъ, что въ одинъ часъ успѣла уколоть не одно сердце, она взяла новый французскій романъ, и поставивъ ноги на рѣшетку каминна, и спустивъ руку на спинку кресла, погрузилась на все утро въ чтеніе. Между-тѣмъ Маргарита, въ своей удаленной комнаткѣ, предавалась току мыслей, возбужденному видомъ Эдмундова рисунка. Какое-то инстинктивное, неясное предчувствіе шептало ей, что сестра ея не столько грѣшна сама, сколько страдаетъ отъ чужихъ грѣховъ, и въ сердцѣ ея родилось сильное желаніе узнать истину, раскрыть тайну, облекавшую всѣ дѣйствія Джиневры.

Съ того мгновенія, какъ эта мысль потлупно овладѣла ея умомъ, она стала менто ощущать тяжесть обвинутыхъ надеждъ и досады. Мысльдніе дѣвннадцать часовъ были досадѣ сѣмьмнѣ тяжкнми въ ея жизни. Любовь ея къ Эдуарду не уснла посто-
 вонно, а была подшомена всемошннѣ, суровннѣ ударомъ. Она
 была еще въ ея сердцаѣ угасающею жизнью, хотя нелодъ опер-
 ты быстро обхватывалъ ее; Маргарита чувствовала, какъ она
 умирала, и предсмертныя страданіе ея свидѣтельствованнн ея
 признанно ему. Сестра таинственно, торжественно, спесенноннѣ
 души заманивала ее по думать о нощѣ, и ничто еще не наволадало
 нуетоты, которую такъ недавно наволадала одна безотлупная
 мысль. Но вотъ въ душѣ ея возстала новая мысль, сосредо-
 ченная въ себѣ все ея способности; мысль безкорыстная, по-
 торей не была чуждѣ к ея, но уже лишонный того обоорошн-
 тельнаго сіяніа, въ которее обвола ея ентсходнтельность любви.

Въ такомо настроеннн души встрѣтнли объ дѣвушкн шумнма
 удовольствнн, которымъ готовнлись въ нхъ домѣ. Тайная тоска
 точила сердце той и другой; уклонялся другъ отъ друга шаржа-
 но, въ душѣ шлн объ рука объ руку, соединенныя одинавошннѣ
 стремленннѣ къ одной постоянной цѣли и глубокою взаимною
 любовью.

Однажды Джиневра снѣла подлѣ отца, который чертилъ планъ
 какой то остндской кампанн, а сэръ Чарльзъ Дарел, полкодой
 ооннеръ, квартировавшнй по сосѣдству, стоялъ за ея стуломъ и
 слѣдилъ за работою полковнннн, когда слуга подаль еѣ писмо.
 Полковнннѣ Десла подвалъ глаза, и сннчалъ ей отъ веселю улы-
 бкою: — Вѣрно, что-нбудь на счетъ шарадъ! — Она отовннла
 ему улыбною, и нннула головою. Самомъ пламенномъ ея пошннннѣ
 было всегда, чтобы отецъ не зналъ нкогда горести нѣ-за-нѣд,
 и на лицѣ и во взорахъ не было ни малѣйшаго признака заботы,
 тогда онъ обхватилъ стнѣ ея рукою, съ нѣжностью снотрѣлъ
 ей въ глаза, потомъ отнустнлъ ее съ подлупеннѣ, и она медленно
 вышла изъ комнаты. Но когда она дошла до своей комнаты, но-
 ги подкашннннлись подъ нсю, и сердце ея сжалось въ груди. Ша-
 дожду нкогда труднѣе переноснть чѣнѣ страхъ; нал скорѣе дѣн
 такъ тѣсно славани между собою, что зашнствуютъ другъ у дру-
 га свои самыя острые ощущеннн. Она раскрыла писмо, и про-
 читала слѣдующее:

« Отъ настроеннн души, въ которой ты получилъ и будннн
 читать это писмо, зависнть столь ннѣго, что и усноно чѣнѣ

подумать, прежде чѣмъ ты дашь волю своимъ чувствамъ, и опредѣлишь, что слѣдуетъ по предначертанному пути, не смотря на обстоятельства, въ которыхъ человекъ находится, есть жемчугъ мудрости. Навсегда не любила и тебя какъ пламя, какъ въ настоящее время. Все, чѣмъ ты была для меня съ перваго дня нашего знакомства, твоя прелесть, твое ангельское терпѣніе, твое геройское самоотреченіе въ самыхъ трудныхъ испытаніяхъ, все это живо въ моей памяти. Я отдаю полную справедливость твоимъ, которыя руководили тебя; ценю даже, и уважаю твое сопротивленіе всѣмъ моимъ настояніямъ и твердость твою въ убѣжденіяхъ прекрасныхъ, но которыми ты слишкомъ безразсудно увлекаешься. Когда мы разсуждали объ этомъ предметѣ, въ который я въ насъ не смотрѣлъ на него съ надлежащимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ; да и трудно, конечно, быть спокойнымъ, когда отъ рѣшенія зависитъ счастье или несчастіе цѣлой жизни, и когда прелесть, увѣщающія насъ путь, — шлохъ одного слѣпаго предразсудка. Ты знаешь, что я здѣсь разлюбилъ. Не стану повторять доводы, которые я представлялъ тебѣ столько разъ, а скажу только, что нынѣ, вслѣдствіе завѣщанія отца моего, одно твое согласіе можетъ спасти насъ изъ бѣдныя нищеты и несчастія. До тѣхъ поръ, пока ты будешь упорствовать въ своемъ отказѣ, оглашенье нашего брака не только изгнѣетъ меня изъ нищеты, но, сверхъ-того, покроетъ позоромъ, лишитъ меня возможности исполнить самыя священныя обязательства. Конечно я не могу и не хочу отрапачивать, если ты рѣшишься объявить и на весь свѣтъ; предоставляю это на твою волю; самое письмо это можетъ служить тебѣ подтвержденіемъ, и передаетъ меня въ твои руки; но предупреждаю тебя, что въ тотъ самый день, какъ ты откроешь нашу тайну, я покину Англію, и никогда уже тебя не увижу. Если ты не хочешь отказаться отъ своихъ мнѣній, тебѣ предстоитъ на выборъ одно изъ двухъ, или молчаніе, которое позволитъ намъ видѣться по нѣскольку, какъ въ толпѣ, и говорить другъ съ другомъ только въ безпрестанномъ трепетѣ, чтобы насъ не подслушали; или, — отчаянная рѣшима, съ осознаніемъ, что ты изгнала мужа изъ твоего отечества и родимыхъ дѣлъ, обозорала его тѣло, вскрывала въ нищету и разтерзала его сердце. Если любовь, въ которой ты являлась мнѣ, было не лицемеріе и не обманъ твоего самообманна, то я не могу сомнѣваться въ твоихъ отвѣтахъ.... Но что говорить о любви! ты никогда не любила меня, какъ я люб-

лю тебя; ты никогда не страдала, какъ страдалъ я. Я не былъ бы принужденъ такъ умолять тебя, если бы ты чувствовала по мнѣ хоть сотую частичку того, что я чувствую къ тебѣ. И вспомни, прежде чѣмъ ты подпишешь приговоръ нашей судьбѣ, что въ нашемъ семействѣ угрозы не пустыя слова. Страшный притѣръ уже доказалъ это; а горькій опытъ покажетъ тебѣ, что я не угрозы сбудется, если ты доведешь меня до отчаянія. Не думай, что ты можешь съ кѣмъ нибудь посоветоваться, открыться своимъ роднымъ; малѣйшій намекъ на наши отношенія вовлечетъ насъ въ самыя ужасныя бѣдствія. Никто кромѣ меня не можетъ понять всей безвыходной трудности моего положенія, и каждое твое дѣйствіе, кромѣ безусловнаго молчанія, поведетъ къ неминуемой гибели. Впрочемъ, повторяю тебѣ, что ты можешь все открыть, если ты совершенно равнодушна къ моей судьбѣ, и не желаешь меня болѣе видѣть. Дживевра, если ты согласишься мнѣ, чтобы я ѣхалъ къ тебѣ, если съ простодушіемъ ребенка и любовью женщины отдашься моему руководству, передъ нами еще откроется цѣлая жизнь любви и блаженства! Ты, единственная женщина, которую я истинно любилъ, ты, которая дала мнѣ уже столько доказательствъ своего ангельскаго самоотреченія, поверялась съ такимъ смиреніемъ нашей тяжелой долѣ, — неужели ты поколеблешься теперь, когда съ одной стороны ожидаетъ насъ величайшее счастье на землѣ, а съ другой угрожаетъ бездна страданія? Отъ тебя жду я себѣ покою, чести и счастья; неужели слѣвое упорство перевѣситъ любовь и вѣрность, въ которыхъ ты клялась мнѣ, повиновеніе, которымъ ты мнѣ обязана? Пусть разумъ будетъ твоимъ руководителемъ; если ты прислушаешься его голосу, я въ послѣдній разъ трепещу, посылая тебѣ письмо, и ожидая отъ тебя отвѣта. Твоей на вѣки

« Эдмундъ Невиль ».

Дживевра была одна, когда читала это письмо; но если бы кто и видѣлъ ее въ это мгновеніе, то все-таки не могъ бы ясно прочесть, что происходило въ ея душѣ. Она встала, заперла дверь, потомъ воротилась и сѣла къ столу, на которомъ лежало письмо. Когда рука ея коснулась письма, она вздрогнула, будто отъ прикосновенія ядовитой змѣи. Она провела два раза рукою по лицу; лицо ея вспыхнуло, и грудь стала высоко воздыматься. Потомъ она схватила обѣими руками бархатокъ, бывший у нея на шеѣ; бархатокъ лопнулъ, а падѣтое на него кольцо упало и разби-

лось по-полу. Она взяла письмо, перечитала его въ другой разъ; пробѣжала строкѣ за строкѣй взорами, въ которыхъ соединились сомнѣніе, тоска и страхъ. Когда дошла до послѣдней фразы, она зажгла свѣчу и поднесла письмо къ огню. Медленно горѣло оно; пламя унычужало слово за словомъ, строку за строкою, и наконецъ приблизилось къ рукѣ; тогда только она бросила листокъ, и онъ мгновенно обратился въ пепелъ. Въ это мгновеніе Маргарита постучалась въ дверь, и сказала ей, что мистръ и мистрисъ Варренъ пріѣхали проститься передъ отъѣздомъ своимъ въ Германію. Когда она вошла въ комнату, мистръ Варренъ былъ пораженъ ея смертною блѣдностью, и ему стало больно за нее; однако же онъ не понималъ всей глубины страданія, котораго признаки видѣлъ на лицѣ ея. Это была не разрушенная мечта дѣвочки, какъ онъ воображалъ, а вся жизнь женщины, убитая однимъ ударомъ. Воспользовавшись минутою, когда жена его и Маргарита случайно вышли изъ комнаты, и Варренъ остался одинъ съ Джинневрою, онъ, съ очевиднымъ смущеніемъ, сталъ утѣшать ее. Но это превосходило ея силы; борьба, происходившая въ душѣ ея, была невыносима; все въ мірѣ отдала бы она, чтобы прервать молчаніе, спросить его, раскрыть глаза и ему и себѣ, сбросить съ себя оковы, которыя впивались въ ея душу. Но она не могла заговорить и сохранить при этомъ свое спокойствіе, не могла удержать ужаснаго бѣненія сердца, отъ котораго занимался у нея духъ. Послѣдніе слѣды краски исчезли съ ея щекъ; губы ея были полуоткрыты, но неподвижны; только едва слышно было ея дыханіе. Эта неподвижность, это безмолвіе были мучительны, какъ спокойствіе природы передъ грозою. Мистръ Варренъ началъ, запинаясь:

— Я слышалъ, что Эдмундъ очень несчастенъ.... что духовная его отпа....

Это имя, эти слова коснулись ея слуха, — и мгновенно, какъ ураганъ по океану, пронеслась въ ея душѣ буря страсти, съ такою силою, что она вся задрожала подъ ея напоромъ. Глаза ея засверкали, грудь ея стала быстро воздыматься и опускаться; по щекамъ, по шеѣ, на вискахъ, разлилась краска негодованія; съ устъ ея потекли слова горькія, какъ ея тоска, необузданныя, какъ ея отчаяніе.

— Что же такое духовная? вскричала она, съ судорожнымъ одушевленіемъ; — что такое волячеловѣка, чтобы ей имѣть право различать то, что соединилъ Богъ? Развѣ можетъ одно дыха-

ніе его усть, однаъ почеркъ его пера... Духовная, духовная! Какая духовная? Скажите же мнѣ, мистръ Варренъ, воля ли Бога или воля челоувѣка должна одержать верхъ?... Боже милосердый, прости меня!... я сама не знаю, что говорю....

Она упала на колѣна и закрыла лицо руками. Любовь и страхъ боролись въ ней съ негодованіемъ, и всѣ жилы ея напрягались, всѣ члены дрожали, всѣ черты измѣнялись въ этой мучительной борьбѣ. Какъ корабль противопоставляетъ всю свою силу напирющему на него валамъ, такъ и она вооружалась всею силою своей воли, чтобы смирить эту страшную бурю чувствъ, и восторжествовала надъ нею. Когда она подняла голову, то уже была спокойна; но это было спокойствіе, подобное тишинѣ природы, когда миновалась гроза. Только въ печальныхъ взорахъ и нетвердой поступи оставались слѣды ея глубокаго страданія, признаки горькаго отчаянія, какъ разбѣянные обломки разбитаго корабля на улегшемся морѣ. Но надъ моремъ печали опять сіялъ небесный свѣтъ, и она твердо смотрѣла въ темную глубь. Пожавъ руку мистру Варрену, она ушла въ свою комнату, и написала слѣдующее письмо къ мужу:

« Я не хочу укорять тебя прошедшимъ; не буду напоминать тебѣ увѣреній и клятвъ, которыхъ для тебя, кажется, какъ бы не бывало. Не хочу говорить о любви и страданіяхъ; они слишкомъ глубоко проникли въ мое сердце, чтобы выразить ихъ въ словахъ. И что могу я еще сказать тебѣ, чего не говорила бы уже прежде? какъ могу я разсуждать, когда сердце мое истерзано? Но взываю отъ твоего письма, — отъ твоего ужаснаго письма, — къ тебѣ; призываю твою совѣсть въ свидѣтели противъ тебя. О мой возлюбленный Эдмундъ, если грѣшно лгать передъ людьми, то что жъ такое лгать передъ Богомъ? И неужели найтъ другаго выхода, кромѣ того, который ты мнѣ указываешь, и который воспрещаетъ мнѣ совѣсть? неужели я должна выбирать между своею совѣстью и твоимъ отчаяніемъ?

« Слишкомъ долго, быть можетъ, уступала я твоимъ убѣжденіямъ; слишкомъ слабо подчиняла свой разсудокъ твоему, — гордилась тѣмъ, что страдала по твоему приказанію и для твоего блага. Но теперь ты высказалъ слишкомъ много или не договорилъ. Ты возбудилъ опасенія и мысли, которыя уже не услытъ. Неопредѣленныя увѣренія и таинственные предостереженія не могутъ принудить меня къ молчанію, которое ни законы Божескіе, ни челоувѣческіе не дадутъ тебѣ права возлагать на меня. Съ каждымъ часомъ густѣетъ мракъ, въ который ты вольскъ

меня, а когда я съ отчаяніемъ молю о лучѣ свѣта, ты представляешь мнѣ такіе страшные призраки, или такую страшную дѣйствительность, что я отступаю и содрогаюсь передъ ними отъ ужасу. Тысячи темныхъ предчувствій и подозрѣній возстаютъ въ душѣ моей. Я вставала по ночамъ, пробиралась въ бібліотеку, рылась въ книгахъ, перечитывала законы и уставы, до того, что голова моя трещала отъ усталости и тоски. И нигдѣ не могу я найти объясненія судьбы, на которую ты обрекаешь меня. Я не могу согласиться на нее, Эдмундъ, и не могу отклонить ея средствомъ, противнымъ моей совѣсти; а между-тѣмъ я не могу, и не смѣю сказать, что у меня станетъ мужества презрѣть твои гнѣвомъ, твоими угрозами, навлечь на тебя всѣ бѣдствія, о которыхъ ты говоришь. Сжался надо мною, и объяснись яснѣе. Докажи мнѣ, что держать наше супружество въ вѣчной тайнѣ, есть дѣло справедливое и не безчестное; что ты имѣешь на то право, — имѣешь право принуждать меня къ молчанію такими угрозами, которыя для меня ужаснѣе, чѣмъ еслибъ ты представилъ княжалъ къ моему сердцу. Докажи мнѣ это, Эдмундъ, и я буду безмолвна какъ могила до того дня, когда смерть возвратитъ тебѣ свободу, а мнѣ покой. Только помни, — заклинаю тебя спасеніемъ твоей души и будущей жизнью, — помни, что кого соединилъ Богъ, тѣхъ не въ-правѣ разлучить человекъ. Помни, что я должна всегда стоять грознымъ, непримиримымъ свидѣніемъ между тобою и твоими надеждами, между тобою и другими узамн. О, зачѣмъ не могу я сказать тебѣ: забудь меня! зачѣмъ должна я стоять преградою на твоемъ пути, и отравлять всю твою жизнь! Ты одинъ можешь сказать, Эдмундъ, отчего чистое золото нашей любви обратилось въ ржавчину. Почему не можемъ мы вѣстѣ, рука объ руку, идти на встрѣчу невытѣпанныхъ жизней, и отречься отъ всего, кромѣ истины и добродѣтели, я не отстаю; но ты ужасаешь меня таинственными намеками и загадочными предвѣщаніями. Чтѣ сдѣлалъ, чтѣ обѣщалъ ты такое, что оправдывало бы эти опасенія? Повѣрь мнѣ, въ сердцѣ моемъ нѣтъ гнѣва; въ немъ одна любовь, истомленная молчаніемъ и тоскою! Сжался надъ моими страданіями; пусть они вымолятъ мнѣ у тебя одинъ знакъ твоей любви, состраданіе къ моей горести! Твоя на всю жизнь и до гроба

« Джиневра ».

Въ отвѣтъ на это письмо, Эдмундъ Невиль написалъ другое, которое начиналось въ холодныхъ, разсчитанныхъ выраженіяхъ,

е было очевидно писано въ минуту сильнаго раздраженія. Она не дала никакого объясненія, не убѣждала его, а только повторила, прежде угрозы, и проинвоковала предлагала ей съдѣловать вѣдущую своей совѣсти, и не колеблясь принести его въ жертву своему упрямству. Онъ подтверждалъ только, что такое рѣшеніе ея непремѣнно принудитъ его оставить отечество, и свергнетъ къ несчастнымъ бѣдствіямъ. Въ концѣ письма, однако же, онъ измѣнилъ себя, и горько жаловался на ея холодность, на равнодушіе ея къ нему. Съ ревнивою раздражительностью взыщиваясь онъ выраженія ея письма, въ которыхъ она говорила о желаніи своемъ освободить его отъ связывавшихъ ихъ узъ, требуя отъ него только, именованъ долга, вѣрности; и заключала къ этому, что она желала разойтись съ нимъ на вѣки, и несколько не огорчалась разлукою съ нимъ. Дадѣе онъ объявлялъ ей, что бѣдетъ за границу на нѣсколько мѣсяцевъ; говорилъ, что ему необходима перемѣна мѣста; и что, до-тѣхъ-поръ, пока она не измѣнитъ своего образа мѣтвѣй, въ взаимномъ отношеніи ихъ не могутъ произойти никакой перемѣны кромѣ той, которая навсегда вопрепятъ ему возвращеніе въ Англію. Наконецъ онъ обвинялъ ее въ недостаткѣ не только любви къ нему, но даже жалости къ его страданіямъ; жаловался на разстройство своего здоровья, и просилъ ее уволить его отъ упрековъ и жамобъ, которыя сводятъ его съ ума.

Отправивъ это письмо, онъ закрылъ лицо руками, и предавался такой сильной горести, какой никогда еще не испытывалъ. Ему казалось, что онъ былъ гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ Джиневра и, можетъ-быть, былъ правъ. Настоящее и будущее были равно мрачны, и ни одна лучъ надежды или утѣшенія не пробивалъ этого мрака. Тщательная проверка его материальныхъ обстоятельствъ доказала, что лишеніе, послѣдствіе, по множеству сдѣланныхъ имъ долговъ, должно свергнуть его въ такое стѣсненное положеніе, которое будетъ едва ли на хуже нищеты. Онъ оскорблялъ и удалялъ отъ себя сестру, и пропустивъ уже время, когда въ глазахъ ея и свѣта, отреченіе его отъ послѣдствія могло имѣть заслугу добровольности; и теперь онъ съ какою-то злобою, съ какинъ-то ожесточеніемъ рѣшался удерживать его до-тѣхъ-поръ, пока не пропадетъ послѣдняя надежда восторжествовать надъ упорствомъ жены. Съ какинъ-то холоднымъ, отчаяннымъ равнодушіемъ предавалъ онъ свою судьбу въ ея руки; а между-тѣмъ въ сердцѣ его пылала любовь къ ней, и удваивала его страданія. Онъ самъ испугался волненія, кото-

ное происшествіе на него видѣла дочерка, и слыла, съ которою Любовь ознакомила его душою. Онъ не видѣлъ себя счастлиа ни съ нею, ни безъ нея; но ни въ немъ самонъ, ни около него не было ничего, что могло бы замѣнить преслѣдовавшую его жажду счастья. Онъ былъ правъ, когда сожалѣлъ о себѣ. И другіе сожалѣли о немъ, когда замѣчали его озабоченный взоръ и истощенныя страдающаго черты.

Онъ уѣхалъ, а Джиневра осталась въ Грантли-Мэноръ. Последнее письмо успокоило ее, убѣдивъ ее, что ему должны угрожать какія-нибудь неотразимыя бѣдствія въ случаѣ открытія ихъ супружества. Въ чемъ они заключались, и до какой степени были тяжелы, она не могла угадать; но послѣ долгаго размышленія, сомнѣнія и колебанія, рѣшилась, на время, хранить нарушимое молчаніе. Въ этомъ рѣшеніи подкрѣпило ее полученное ею къ этому времени письмо отъ отца Франческо. Онъ писалъ ей, что надѣется въ исходѣ года возвратиться въ Европу, и на пути изъ Америки посѣтитъ Англію, на что уже просилъ позволеніе своего начальства. Это письмо было для Джиневры вѣстью, посланною съ неба. Оно подкрѣпило ее въ принятomъ намѣреніи и общало ей въ скоромъ времени руководство и опору, которыхъ она не могла ожидать ни съ какой другой стороны. И такъ она осталась въ домѣ отца, — для однихъ предметомъ любопытства, для другихъ восторженнаго удивленія и благоговѣнія, для всѣхъ, можетъ-быть, предметомъ какого-то безотчетнаго участія и состраданія; потому что всѣ угадывали, что назначенная ей судьбою доля была не совсѣмъ похожа на долю другихъ, что надъ нею носилось какое то облако. Вальтеръ сравнивалъ его съ вѣнцомъ, окружающимъ нѣкоторыя планеты, — такъ кротко было сіяніе ея глазъ, такъ чиста была ея жизнь. Маргарита одна видѣла вблизи это облако, знала источникъ, изъ котораго оно возникало; но если бы дѣйствительно оно бременило понижшую голову сестры, сердце Маргариты шептало ей, что бремя это было страданіе, а не позоръ.

Сама Маргарита измѣнилась. Ея шумная, дѣтская веселость, ея беззачная болтливость исчезли. Казалось, оца начала иначе смотрѣть на жизнь. Обманутая надежда, бремя тайны, благодарность за чистоту и безмятежность ея прошедшей жизни, придали ея характеру небывалую глубину и силу. Тогда начали приносить плодъ ученія Сиднея Вальтера, и ее поразила его страшная, безпримѣрная привязанность. Нечаянное откровеніе жизни со всѣми ея страданіями, обуздало, но не охолодило, пылъ

ся души; она, казалось, поняла, что такая обязанность, какъ его, каковъ бы ни былъ ея источникъ, есть неоцѣнимое сокровище; и въ обхожденіи ея, къ прежней дѣтски престоудушной довѣренности присоединилась какая-то почтительная вѣжливость.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ полковникъ Лесли объявилъ дочерямъ, что онъ нанялъ домъ въ Лондонѣ, и что черезъ нѣсколько дней онѣ переѣдутъ туда на нѣсколько мѣсяцевъ.

РИШЛІЕ

И ЕГО ПЛЕМЯННИЦА.

=

РАЗСКАЗЪ П. ДЕ-ЖЮССЕ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

Во время войны, предпринятой Людовикомъ-Тринадцатымъ за нантуанское герцогство, наслѣдство герцога Неверскаго, по улицамъ Парижа скитался прекрасный и статный молодой человѣкъ, взоръ, голосъ, и движенія котораго были исполнены такой прелести, что съ перваго взгляду каждый видѣлъ въ немъ существо, предвѣстное для великихъ событій. Молодому этому человѣку было двадцать-четыре года.

Прехожіе, пораженные его привлекательною наружностью, встрѣчаясь съ нимъ, останавливались и провожали вслѣдъ глазами, не отдавая себѣ отчета, почему принимали въ немъ такое участіе; но молодой человѣкъ производилъ такое впечатлѣніе, именно потому, что въ немъ соединились три рѣдкія качества: здравый умъ, честный характеръ и страстное, пылкое сердце.

Все это поражало разнаго рода противоположности, замѣтнымъ въ голосѣ, въ глазахъ и выраженіи лица. Честолюбіе мѣшалось съ честностью, храбрость съ здравымъ смысломъ, любовь къ женщинамъ съ достоинствомъ, пылъ съ благоразуміемъ, разсудительностью. По всему видно было, что въ эту минуту судьба преслѣдовала молодого человѣка. Опытный или неблаго-склонный взоръ, разсматривая его особу, могъ бы открыть, съ которой стороны судьба жалела его, потому что султанъ на шляпѣ его былъ выщипанъ, аксельбанты въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорваны, а кайму на плащѣ нельзя было упрекнуть въ излишней опрятности. Только одинъ блескъ молодости могъ затмить зрѣлость его одежды. Отецъ его, бывшій царедворецъ, научилъ его остерегаться людской злобы: невзгоды не приводили его въ такую досаду какъ другихъ, а успѣхи не такъ удивляли. Ему хотѣлось выйти въ люди, но не вреда своему ближнему и совѣсти.

Двадцать-пятого сентября 1630 года, утромъ, молодой человѣкъ вышелъ изъ своей квартирки, находившейся у заставы Сентъ-Оворе и отправился въ улицу Двухъ-Экю, гдѣ сталъ глядѣть по окнамъ, и ходить взадъ и впередъ мимо дома незавидной наружности, какъ будто съ отвращеніемъ приготовлялся на какое-нибудь непріятное предпріятіе. Наконецъ онъ рѣшился постучаться въ двери этого дома, и взошелъ вверхъ по скверной лѣстницѣ, деревянныя ступени которой дребезжали подъ его ногами. Старая служанка отворила дверь и спросила: не съ мастеромъ ли Лопесомъ ему угодно говорить? Когда онъ отвѣчалъ, кивая утвердительно головою, то она ввела его въ большую комнату, въ которой, кромѣ четырехъ голыхъ стѣнъ, не было никакой мебели. Въ углу стоялъ желѣзный сундукъ, изъ подъ приподнятой крышки котораго выглядывали огромные мѣшки съ червонцами. По серединѣ комнаты, на кругломъ столѣ, было разстановлено въ порядкѣ нѣсколько деревянныхъ ящиковъ, заключающихъ въ себѣ разныхъ сортовъ дорогіе камни. Тамъ лежали тоже разпушенные ожерелья, сломанныя золотыя оправы, буравчики, тиски, винты, увеличительныя стекла и другіе приборы и инструменты золотыхъ дѣлъ мастера. На скамейкѣ сидѣлъ высокій, худой и сторбленный человѣкъ, кожа котораго была такъ смугла какъ пряникъ, черты лица арабскія, необыкновенной живости глаза, острые и бѣлые какъ снѣгъ зубы. Это былъ мастеръ Лопесъ. На немъ была красная, застегнутая съ верху до низу одежда,

слишкомъ длинная, чтобъ нравиться голландцамъ и слишкомъ короткая, чтобъ замѣнить казатъ. Своесравнѣ моды недавно носило этого человѣка, чтобъ промзвести его въ знаменитые бриллиантщики.

Какъ только Лопесъ завидѣлъ молодаго человѣка, то немедленно всталъ и просилъ его сѣсть.

— Безъ церемоній, сказалъ незнакомецъ. Вотъ бриллиантовый перстень, который бы мнѣ хотѣлось продать: не угодноли купить его?

Лопесъ взялъ перстень, сталъ тщательно разсматривать его водносилъ къ свѣту и вертелъ во всѣ стороны; потомъ отвѣчалъ:

— Вашей милости нужны деньги?

По выговору слышно было, что онъ Испанецъ.

— Нѣтъ надобности изходить до такихъ подробностей, отвѣчалъ, краснѣя, молодой человѣкъ. Угодно вамъ купить этотъ бриллиантъ?

— Если бъ я обладалъ молодостью, красотой, происхожденіемъ и статностью вашей милости, продолжалъ Лопесъ, то не сталъ бы продавать вещей своихъ. Милость ваша можетъ жениться и непременно станетъ сожалѣть тогда объ этомъ камнѣ, который можно подарить дѣвницѣ знатнаго происхожденія. Видно Фортуна ужъ слишкомъ кисло на васъ хмурится; не унывайте, завтра можетъ-быть смягчится. На такихъ людей какъ вы, она не долго гнѣвается. Развѣ нѣтъ у васъ друзей, которые могли бъ покуда одолжить вамъ вѣсколько пистолей? Хотите, я дамъ вамъ подъ залогъ сто червонныхъ? и тотчасъ же отсчитаю. Чтѣ же касается до перстня, то съ нимъ жаль разставаться; великолѣпный камень! По всему видно, что это фамильный бриллиантъ и привезенъ изъ провинціи. Можетъ-быть, вамъ подарила его мать ваша? Такъ не продавайте его, не хороша примѣта, можетъ случиться несчастіе.

Лопесъ проговорилъ все это такъ скоро и съ такою живостью, что молодой человѣкъ не успѣлъ перебить его.

— Сдѣлайте милость, сядьте, продолжалъ бриллиантщикъ, и расскажите мнѣ свои неудачи; можетъ-быть, я могу вамъ быть полезенъ, больше чѣмъ вы думаете:

— Какой вы оригиналъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и если вы ужъ непременно хотите, то я въ двухъ словахъ расскажу вамъ свою исторію. Мена зовутъ Антоаномъ де-л'Ажъ, маркизомъ

де-Пюйморанъ. Отецъ мой былъ конюшимъ, покойнаго короля Генриха Четвертаго. Впродолженіе всего моего дѣтства и первой молодости, я былъ другомъ и товарищемъ Гастона Орлеанскаго. Принцъ этотъ только двумя годами моложе меня; я раздѣлялъ съ нимъ игры его и занятія, и былъ назначенъ въ камергеры при составленіи его штата. Четыре года тому назадъ, когда брата короля хотѣли женить на мадамозель де-Монпансиѣ, то отца моего обвинили, будто онъ, дѣйствуя за одно съ маршаломъ Орнано и графомъ Шалѣ, отговорилъ принца отъ этого союза. На дѣлю это смотрѣли какъ на заговоръ; и вамъ извѣстны послѣдствія: маршалъ Орнано, наставникъ Гастона, умеръ въ Венсенскомъ замкѣ, бѣдному Шалѣ отсѣкли голову. Его высочество, женился на принцессѣ Монпансиѣ, примирился съ братомъ своимъ королемъ и кардиналомъ де-Ришліе, а всѣхъ друзей его удалили отъ двора. Отецъ мой возвратился къ себѣ въ провинцію, гдѣ скука сократила дни его, а должность камергера, обѣщанная мнѣ, была отдана другому. Въ шестнадцать лѣтъ я не могъ быть опаснымъ заговорщикомъ; но несмотря на то, меня отдалили отъ двора, и принцъ забылъ своего друга. Помѣстья отца моего отобрали въ казну; я жилъ въ бѣдности и вскорѣ расточилъ ту малость, которая мнѣ досталась. Мнѣ было бы очень легко поступить на службу къ которому-нибудь изъ приближенныхъ короля; но и этого не сдѣлаю, кардиналъ сталъ бы неравно на меня коситься; я не могъ бы приблизиться къ Гастону безъ того, чтобъ не обвинили меня, будто я опять имѣю виды на дружбу, которую король вовсе не одобряетъ. Въ такомъ горестномъ положеніи, я долго искалъ дороги, не зная откуда пуститься по ней. Всѣ средства, одно за другимъ, измѣнили мнѣ. Наконецъ, сегодня я рѣшился вступить на военное поприще и пришелъ предложить вамъ этотъ перстень, послѣднюю драгоценность изъ уборовъ моей матери, чтобъ одѣться на деньги, которыя вы мнѣ дадите за него, и ѣхать волонтеромъ въ итальянскую армію.

— Такъ вы не знаете новостей? спросилъ Лонесъ. Итальянская война счастливо кончилась; перемиріе ужъ подписано и превратится скоро во всеобщій миръ. Маркизь Спивола умеръ съ горя, что былъ побѣжденъ Шомбергомъ и Тоарасомъ, а Монморанси сдѣлають маршаломъ. Король возвращается и обѣ королевы ожидаютъ его въ Лионѣ. Его святѣйшество кардиналъ опередилъ ихъ и пріѣхалъ въ Парижъ сегодня утромъ. Ужъ теперь не время вступать въ службу волонтеромъ, и довѣріе, кото-

рыми вы удостоили меня не погибнуть даромъ. Я несусь бриллиантъ вамъ одной особѣ, которая можетъ вамъ дать за него большую сумму. Ей можно дать вамъ полторы тысячи экю. Я хочу, чтобъ вы получили ихъ. Приходите сюда около пяти часовъ. Можетъ-быть, я сообщу вамъ какую-нибудь пріятную вѣсть. Лопесь — не что иное какъ бѣдный гранильщикъ; но сумѣетъ услужить храброму и прекрасному молодому человѣку, когда случай къ тому представляется. Пусть летитъ къ чорту Фортуна, за которую надо идти сквозь пули и оружіе! Это вовсе не дѣло особы высокаго происхожденія. Есть другія средства, кромѣ картечъ и ударовъ, чтобъ выйти въ люди, а именно: заслужить любовь и благосклонность своего государя и жениться на хорошенькой дѣвушкѣ, которая принесла бѣ вамъ миллионъ въ приданое. Дайте мнѣ сказать только два слова той особѣ, и тогда увидите, кто таковъ Лопесь Абессерраджи. Особенно же никому не говорите обо всемъ этомъ. Я жду васъ въ пять часовъ.

Говоря это, Лопесь заперлъ поспѣшно сундукъ, разставивъ ящики съ камнями, и накрывалъ голову какой-то странной шапкой.

Завернувъ перстень въ бумагу, Лопесь проводилъ молодого человѣка до самой улицы и скрылся бѣгомъ.

Насталъ вечеръ, и Антоанъ де-л'Ажъ явился въ назначенный часъ къ бриллиантщику.

— Милости просимъ, сударь, сказалъ ювелиръ. Я имѣю нѣчто новое сообщить вамъ. Господь всемогущъ, и если Ему угодно, Онъ далеко поведетъ васъ. За ваше довѣріе, я хочу отвѣчать вамъ тѣмъ же и не стану скрывать отъ васъ, что особа, о которой я говорилъ вамъ сегодня утромъ, и которой хотѣлъ продать бриллиантъ вашъ, не кто иной какъ самъ кардиналъ де-Ришліе. Онъ довольно благоволитъ ко мнѣ за ничтожныя мои услуги. Перстень вашъ тотчасъ же бросился въ глаза его святѣйшеству и кардиналъ имѣлъ дерзость предложить мнѣ три тысячи ливровъ.

— Я самъ бы далъ три, если бѣ не принималъ участія въ молодомъ человѣкѣ, которому принадлежитъ этотъ камень, сказала я кардиналу; но не хочу брать съ него барышей. Ваше святѣйшество долженъ заплатить за этотъ перстень полторы тысячи экю, иначе его не получить.

Великій министръ называлъ меня Жидомъ, Филистимляниномъ, корсаромъ, хотя очень хорошо знаетъ, что я христіанинъ и во

все не ширю въ умѣе пророка Наома. Когда въ видѣ нутежъ онъ награждалъ меня всѣми этими ругательствами, то дошелъ до тысячи экю, и заговорилъ о другомъ, какъ-будто бы мы условились и порѣшили на счетъ цѣны. Наконецъ, онъ схватилъ лоскутокъ бумаги, на которой хотѣлъ сдѣлать вексель въ три тысячи ливровъ; но я остановилъ его сказавъ, что онъ ошибается, и что менѣе полуторы тысячи экю я не могу принять за этотъ камень. Онъ назвалъ меня дуракомъ, а я положилъ перстень въ карманъ; но погода немного ему снова закотилось посмотреть на брилліантъ.

— Знаешь ли, Лопесь, сказалъ онъ мнѣ, что ты превозрѣлый человѣкъ, и что въ тебѣ довольно матеріи, чтобъ вырвать изъ тебя государственнаго совѣтника.

— Дѣлають и такихъ, которые не стоятъ меня, отвѣчалъ я кардиналу.

— Да вѣдь отъ меня зависить дать тебѣ хорошее мѣсто, продолжалъ министръ. Тебѣ стоитъ только покуртизанить мнѣ.

— Я не честолюбивъ, отвѣчалъ я ему; однако, если вашему святѣйшеству угодно будетъ быть моимъ покровителемъ, то я не отказываюсь.

— Увидимъ, сказалъ кардиналъ; придумай самъ, что я могу для тебя сдѣлать. Ну, а покуда я отдамъ тебѣ тысячу экю.

— Не тысячу, а полторы, ваша свѣтлость; дешевле я не могу уступить перстня.

Кардиналъ смилъ съ досадою свои бумаги, и принявъ потомъ важный видъ, обратился ко мнѣ съ этими замѣчательными словами, изъ которыхъ мы оба можемъ извлечь пользу.

— Выслушай меня, Лопесь, сказалъ министръ: эти полторы тысячи экю, которые я такъ отстаиваю, для меня ровно ничего не значать; но вотъ что тревожить меня: что я приписываю суетвѣрную идею этому дѣлу, и какъ я не успѣлъ убѣдить тебя, слѣдовательно не ожидаю ничего хорошаго; примѣта не хороша. Сегодняшній день будетъ несчастливъ, и то что у меня въ головѣ, не удастся, что гораздо страшнѣе потери перстня; возьми его назадъ, и не приноси до завтра: ко мнѣ прискакалъ курьеръ съ недобрыми вѣстями, что сильно беспокоитъ меня. Приѣхавъ въ Лионъ, король вдругъ занемогъ; обѣ королевы найдутся при немъ и вырвали уже обѣщаніе погубить меня по возвращеніи въ Парижъ; но меня не это беспокоитъ. Дай Богъ, чтобъ великій этотъ государь выздоровѣлъ. Это доказываетъ только,

какую нитяньку по мнѣ: злобу враговъ моихъ. Если королю умреть, они погубятъ меня. Гастонъ Орлеанскій ненавидитъ меня, и если взойдетъ на престолъ, то мнѣ предостанетъ ужасная участь.

— Кардиналь, продолжалъ Лопесъ, говорилъ мнѣ въ такихъ жестокихъ выраженіяхъ о принцѣ, что я не могу передать этого прежнему другу его высочества; но по всему видно, что онъ цѣлуетъ Гастона.

— Вы правы, отвѣчалъ де-л'Ажъ: мнѣ не прилично слушать, когда дурно говорятъ объ особѣ, удостоившей меня своей дружбы.

Лопесъ продолжалъ:

— Министръ вотъ что еще прибавилъ: сегодня утромъ, сказавъ онъ, я поѣхалъ въ Люксембургскій дворецъ и его высочество, который однако ничего еще не зная, принялъ меня очень холодно. Мнѣ надо, во чтобы то ни стало, примириться съ нимъ такъ, чтобъ не осрамивъ себя, онъ не могъ бы мнѣ вредить. Послѣ этого я возвращусь какъ можно скорѣе въ Лионъ.

— Мы остановились на этомъ разговорѣ, потому что кто-то постучалъ въ дверь и въ комнату вошла мадемуазель де Понъ-Шатô, меньшая и возлюбленная племянница кардинала.*

— Я знаю ее, сказалъ де-л'Ажъ: прелестная двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, съ которою я столько разъ игралъ на пескѣ фонтенблосскихъ садовъ! Она называлась моимъ другомъ, а я ея рыцаремъ, и тогда уже у нея было пречувствительное сердечко в головка была наполнена романами.

— Что это вы говорите? перебилъ ювелиръ. Вы забываете, что этому уже четыре года. Мадемуазель де-Понъ-Шатô уже не двѣнадцать, а шестнадцать лѣтъ. Она высока, прекрасно сложена и хороша какъ ангелъ.

— Это правда, Лопесъ, я совершенно забылъ, а она вѣроятно забыла своего бѣднаго рыцаря.

— Какъ только кардиналь завидитъ эту дѣвушку, такъ морщины его разглаживаются. Она приходитъ къ нему въ кабинетъ, ласкаетъ, тормошитъ его и выпрашиваетъ пенсіи и милости, въ которыхъ онъ не смѣетъ ей отказывать. Увидавъ племянницу, кардиналь принималъ шутивый тонъ.

— А! это ты Маргарита? сказалъ онъ ей: подойди сюда и дай

* Три двоюродныя сестры кардинала, по положенію его и власти называли его дядей.

обнять себя, сколько раз поцѣлуешь ты меня, если я подарю тебѣ брилліантъ?

Покажите ли, что этотъ скучной старикъ снова осмѣлился предлагать мнѣ тысячу экю за перстень? Я схватилъ беретъ и не отвѣчая ему ни слова хотѣлъ уйти; но онъ воротилъ меня и спросилъ: кто жъ это такой, въ комъ я беру такое живое участіе; уже не какой-ли ввбудь бродяга. Въ головѣ у меня мелькнула счастливая мысль, я назвалъ васъ, и племянница кардинала тотчасъ же васъ вспомнила.

— Антоанъ де-л'Ажъ! вскричала она, товарищъ моего дѣтства! Бѣдный! онъ нуждается въ деньгахъ? Купите дядюшка этотъ перстень и дайте за него вдвое.

Ахъ! Лопесь, что ты надѣлалъ, несчастный, перебилъ Антоанъ. Ты выдалъ мою тайну, рассказалъ о моемъ несчастіи, выставилъ въ глазахъ ея за человека, прибѣгающаго къ разнымъ средствамъ для поддержанія своего существованія. Теперь я погибъ въ ея мнѣніи, запачкавъ блѣдной краской нищеты. Затѣмъ я пришелъ сюда. Затѣмъ рассказалъ о дѣлахъ своихъ! Лучше бы было еслибъ я переломилъ себѣ ногу на этой лѣсвицѣ. Проклятый болтуни! проклятый Лопесь! проклятый перстень!

— Если вы будете кричать такимъ-образомъ, то не узнаете конца моей исторіи, которую вамъ необходимо знать, сказалъ ювелиръ.

— Что мнѣ теперь въ твоей исторіи? убирайся съ нею, скверный Арабъ. Надо было отдать перстень даромъ милой моей Маргаритѣ и умолять, чтобъ она приняла его изъ любви ко мнѣ, въ память счастливыхъ дней нашего дѣтства.

— Я предоставилъ вамъ это удовольствіе, хотѣлъ, чтобъ вы сами это сдѣлали. Выслушайте только конецъ моей исторіи. Кардиналъ, услышавъ ваше имя, повторилъ его, какъ будто вспоминая что-то, два или три раза; потомъ сказалъ:

— Я очень радъ, что ему нужны деньги; потому-что если я окажу ему услугу... тѣмъ болѣе онъ будетъ мнѣ обязанъ.

Маргарита стала ласкать тогда своего дядю и просить, чтобъ онъ похлопоталъ за васъ, взялъ подъ свое покровительство, и наконецъ министръ приказалъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобъ завтра, около девяти часовъ утра, вы были у него. Смотрите не опоздайте. Вотъ вашъ перстень. Надѣюсь, что теперь вы не назовете меня больше сквернымъ Арабомъ, и что я отлично причаилъ вашу ладью.

— Да, сказалъ съ горестью де-л'Ажъ, мнѣ изъ милости дадутъ какой-нибудь ничтожный пенсіонъ изъ шкатулки министра; но я не дошелъ еще до этого, и на-отрѣзъ откажусь отъ него.

— Вамъ не стануть предлагать пенсіонъ. Идите смѣло къ министру, и благоволите принять отъ меня въ займы на экипировку сто червонцевъ, потому-что вамъ надо сдѣлать новое платье. А васъ только объ одномъ прошу, помнить, что первымъ шагомъ вашего счастья вы обязаны добряку Лопесу.

— Хорошо! посмотримъ, что будетъ завтра.

Прощай, Лопесъ: если счастье оглянется на меня, то будь увѣренъ въ моей благодарности.

Сказавъ это, де-л'Ажъ взялъ сто червонныхъ и вышелъ изъ конюшны.

Въ то время какъ слова Лопеса вертѣлись въ головѣ Антоана, надежда его выростала какъ снѣжный шаръ по-мѣрѣ того какъ онъ катится. И въ-самомъ-дѣлѣ, для чего жъ бы министръ желалъ его видѣть, если бъ не имѣлъ намѣренія дать ему какую-нибудь должность? Положеніе его было щекотливо. Можно ли было служить кардиналу, если не отъявленному такъ по-крайней-мѣрѣ восточному врагу принца, при которомъ онъ находился? Съ другой же стороны ему нельзя было обречь себя на вѣчную праздность, потому только, что до шестнадцати лѣтъ онъ занималъ мѣсто, на которое послѣ его поступило столько другихъ молодыхъ людей? Между-тѣмъ, къ кардиналу поступали только тѣ, которые соглашались быть врагами не любимыхъ имъ лицъ, а это могло вестъ, какъ напримѣръ вражда его съ Гастономъ Орлеанскимъ, къ несприятнымъ послѣдствіямъ.

Де-л'Ажъ какъ человѣкъ прямой и благородный, не могъ рѣшиться на такой поступокъ. По совѣсти, безъ стыда онъ могъ принять мѣсто только при королѣ. Вѣроятно, кардиналъ самъ это понимаетъ, думалъ де-л'Ажъ, и намѣренъ предложить ему какую-нибудь должность при особѣ его величества. Антоанъ занялся своей экипировкой, какъ говорилъ Лопесъ. Онъ купилъ себѣ душпеты перчатки, манжеты изъ китайскаго атласу, и новое перо; послѣ чего поджидалъ ночи подъ деревьями тюльрійскаго вала; потомъ легъ въ постель, убаюкиваемый призраками счастья, которые не теряли своей прелести, не смотря на то, что были несны и смутны.

На другой день Антоанъ де-л'Ажъ, разправивъ кружева и взявъ самую лучшую шпагу, отправился въ кардинальскій дворецъ.

Человѣкъ десять, двѣнадцать ожидали въ приемной! Это были горнопроданные министра, большею частью все новые люди, недавно еще примѣнившіеся къ фортунѣ кардинала, который охотно принималъ къ себѣ въ службу людей изъ низшаго класса дворянства. Незвѣстные эти лица сильно шумѣли въ приемной. Де-л'Ажъ стоялъ въ отдаленіи. Всѣ спрашивали, кто таковъ этотъ незнакомецъ; смотрѣли на него съ завистью и безпокойствомъ, и желали узнать его имя и положеніе въ свѣтѣ, чтобъ обойтись съ нимъ съ уваженіемъ или съ самымъ жестокимъ презрѣніемъ, смотря потому надо ли его бояться или вѣтъ. Но видя его манеры, изобличающія свѣтскаго человѣка, особенно же гордость и энергію, сверкающую въ глазахъ его, никто не смѣлъ говорить о немъ громко. Де-л'Ажъ, стоя въ углу, видѣлъ какъ въ боковыя двери вошло нѣсколько знаменитыхъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не узналъ его: старый герцогъ Ангулемскій, побочный сынъ Карла Девятаго и вѣрный другъ кардинала; маркизъ де-Рамбулье, домъ котораго былъ уже тогда храмомъ наукъ, литературы и остроумія. Пюйлоранъ увидалъ тоже Шатонёа, который все не подозрѣвалъ тогда, что будетъ скоро хранителемъ печатей; де-Марильяка, настоящаго хранителя печатей, интриги котораго были уже извѣстны кардиналу; президента Сегіе и Боа-Робера, заведышнаго друга и шута кардинала. Особы эти, созванные по дѣлу, которое еще не было имъ извѣстно, сбѣжались всѣ съ безпокойствомъ и желаніемъ показать свою поспѣшность на зовъ кардинала: Молодые люди, находящіеся въ приемной, соразвѣрили свои поклоны по степени могущества каждаго проходящаго, и когда увидѣли, что де-л'Ажъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ, то составили о немъ дурное мнѣніе и окончательно рѣшили, что это долженъ быть какой-нибудь провинціальныи дворянинъ, искатель фортуны и пришедшій на-авось къ дверямъ министра.

Накч только явился человѣкъ, докладывавшій министру о присутствующихъ, Пюйлоранъ, знавшій этикетъ, тотчасъ же сказалъ свое имя и просилъ доложить о немъ: это была обычная форма чтобъ войти; когда кто не былъ записанъ. Докладчикъ возвратился въ спальню; но вмѣсто того, чтобъ отворить главную дверь онъ ударилъ жезломъ своимъ по стѣнѣ, для водворенія молчанія.

— Господа, сказалъ онъ, его святѣйшеству некогда, онъ торжественно не можетъ васъ принять сегодня. Онъ немедленно идетъ въ Люксембургъ и проситъ васъ сопровождать его.

Необыкновенное смятеніе послѣдовало за этимъ объявленіемъ, и молодые люди, у которыхъ не было каретъ, просили друзей своихъ взять ихъ съ собою. Всѣ согласились и уладили такъ, чтобъ всѣмъ было мѣсто, и вскорѣ всѣ запаслись экипажами, исключая бѣднаго Автоана, для котораго все это устройство было настоящее оскорбленіе.

Пюлоранъ, видя, что пришелъ напрасно, не зналъ на что рѣшиться; какъ вдругъ прошла кардиналова племянница. Она узнала друга своего дѣтства и побѣжала къ нему прямо.

— Это вы, Автоанъ! сказала она, краснѣя. Ахъ, Боже мой! какое безуміе съ моей стороны говорить съ вами такимъ образомъ! Вы вѣроятно забыли то время, когда мы играли вмѣстѣ? какъ вы перемѣнились!

— Я тоже самое могу вамъ сказать, отвѣчалъ молодой человекъ. Я оставилъ васъ ребенкомъ, а встрѣчаю ослѣпительно-прекрасную дѣвушку. Вы спрашиваете, помню ли я наши игры. Такихъ вопросовъ не надо дѣлать, не то я бы васъ тотчасъ же назвалъ милою моею Маргаритою, какъ бывало, а такая фамильярность была бы теперь неумѣстна. Ахъ, Боже мой! зачѣмъ мы не въ фонтенеблоскихъ садахъ!... Въ то время я былъ такъ счастливъ!

— Да развѣ вы ничего не ожидаете въ будущемъ? спросила Маргарита. Скажите, какъ могу я вамъ быть полезной? Располагайте моею властью. Чего хотите вы просить? Надо стараться достигъ до какого-нибудь важнаго поста. Подъ предлогомъ моего познанія въ дѣлахъ, я могу позволить себѣ многое, потому-что нѣтъ большія привилегіи. Его свѣтлость кардиналъ въ минуты грусти или скуки нуждается въ моей веселости, и я умѣю развеселить его. Когда я приготавливаю ему сахарную воду, то съ трудомъ вѣрю, что передо мной сидитъ великій политикъ, руки котораго касаются обонихъ концовъ Европы. Расскажите мнѣ, что намерены вы дѣлать, а я сидя за пальцами придумаю, какъ-нибудь образомъ помочь вамъ. Я потихоньку стану вертѣть колесо и случай непремѣнно представится служить вамъ. Скажите мнѣ чего желаете, и вы скоро обо мнѣ услышите. Дядюшка назначилъ вамъ сегодня свиданье, а между-тѣмъ не принялъ.... Будьте совершенно спокойны; я устрою такъ, чтобъ завтра онъ васъ увидѣлъ.

— Какъ вы милы, простосердечны, прелестны!

— Теперь рѣчь не о томъ. О чемъ это вы вздумали? Вы,

я вижу, прешлохой царедворецъ! я говорю вамъ о дѣлахъ, а вы смотрите на меня и не слушаете моихъ дѣльныхъ совѣтовъ! Развѣ такъ просить, такъ хлопочуть о мѣстѣ? Видно по всему, что вы отвыкли отъ двора. Опомнитесь, мосье Антоанъ. Хотите поступить къ дядюшкѣ? Это бы было самое лучшее; мы бы видѣлись тогда съ вами каждый день, какъ во время нашего дѣтства.

— Я не могу этого сдѣлать.

— Развѣ и вы принадлежите къ числу враговъ кардинала?

— У меня нѣтъ враговъ; но я пользовался прежде дружбой человека, котораго кардиналъ явно ненавидитъ.

— Это правда: я совсѣмъ забыла. Промедшее становится преградой между мною и вами. Боже мой! это можетъ разлучить насъ на-вѣки. Между-тѣмъ вы можете быть увѣрены, что у васъ есть заступница при кардиналѣ, а какъ въ промедшенъ у васъ есть воспоминанія, привязывающія васъ къ его именинницѣ, то развѣ вы не можете, въ сердцѣ вашемъ, противопоставить ихъ тѣмъ, которыя связываютъ васъ съ братомъ короля?

— Первое изъ этихъ воспоминаній, отвѣчалъ молодой человекъ, уже рѣшило мои чувства; а второе — будетъ путеводителемъ моихъ поступковъ.

— Не говорите мнѣ любезностей; онѣ поселятъ между нами принужденность. Я хочу думать, что мы еще дѣти, и что чувства наши не что иное, какъ простая дружба.

— Потому-то именно я такъ съ вами и говорю, что хочу напомнить о нашихъ играхъ. Вы были тогда принцессой, а я рыцаремъ.

— Помните, рыцарь, какъ мы хорошо говорили надутымъ слогомъ! Чтеніе объ Амадисахъ приносило намъ большую пользу; только вы ужъ слишкомъ любили сраженія, опасности, разбѣгъ и бѣгъ великановъ. Въ этомъ только я и могла упрекать васъ. Что же до меня — то я предпочитала любовь, а вамъ она не слишкомъ нравилась. Кажется, вы исправились отъ этого недостатка, и сдѣлаете лучше прежняго разыграть роль издателя.

— Разумѣется, но только изъ одного повиновенія къ вамъ, принцесса. Развѣ вы забыли какъ часто я освобождалъ васъ изъ рукъ чародѣя, когда вы стонали въ этой страшной башнѣ, которую стерегъ драконъ, извергающій изъ себя пламя.

— Правда, рыцарь, что храбрость ваша доходила до дерзости...

Но какъ жалъ, что все это уже невозвратно! Теперь же надо присесть, лѣстять, плакать.... да, а непременно буду плавать, когда мнѣ заговорить о бракѣ! а объ этомъ и вспомнить не смѣю. Послушайте, рыцарь, останетесь дѣтьми какъ можно дольше. Но почему вы ни съ кѣмъ не говорите? развѣ господа эти не предложили намъ мѣста въ каретѣ?

— Никто и не подумалъ.

— Погодите не много, дайте только, чтобъ дядюшка поговорилъ съ нами и они всѣ будутъ къ намъ внимательны. Прощайте, рыцарь; я иду говорить о васъ кардиналу.

Когда Маргарита вошла въ кабинетъ дяди, молодые люди свиты кардинала, подслушавшіе нѣсколько словъ изъ ихъ разговора стали надъ ними изъ зависти смѣяться.

— Я отгадалъ загадку, сказалъ одинъ изъ нихъ; мать этого провинциала была нѣмкою племянницей его святѣйшества.

— Какъ же не обратить вниманія на своего молочнаго брата. Это очень хорошо и справедливо, подхватилъ другой. Кажется, теперь есть ваканція на мѣсто рюэльскаго швейцара, а кардиналъ можетъ разблагать и этимъ мѣстомъ, которое приноситъ по крайней мѣрѣ шестьсотъ ливровъ доходу, не считая еще очередныхъ платокъ.

— Тамъ получаютъ тоже подарки отъ Марионъ-де-Лернъ, которая, какъ говорятъ, очень щедра и податлива.

Тогда повисла слухъ, будто министръ былъ очень откровенней съ этой знаменитой женщиной.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ гофъ-суркерами, которые отворили главныя двери, и на порогѣ явился кардиналъ, сопровождаемый роемъ важныхъ лицъ.

— Господа, сказалъ онъ молодымъ людямъ, ожидавшимъ его, не заботьтесь объ мѣстѣ для москѣ де-л'Ажъ; онъ побѣдетъ со мной въ каретѣ.

II.

Антоана де-л'Ажъ удивило немного, что онъ вдругъ очутился въ каретѣ кардинала, глазъ-на-глазъ съ такою важною особою; но онъ скрылъ свое удивленіе и старался показать себя человекомъ, который умѣетъ жить въ свѣтѣ и съ достоинствомъ подерживать свое званіе.

— Мосё де-л'Ажъ, сказалъ министръ: я былъ очень радъ, когда узналъ, что вы находитесь въ Парижѣ, и въ восторгѣ, что мнѣ предстонтъ случай загляднть мою ошибку: признаюсь, что я былъ несправедливъ къ вамъ. За проступки отца нельзя наказывать сына, и я постараюсь, чтобъ вамъ было возвращено все то, что вы потеряли. Надѣюсь, что вы забудете тогда мою несправедливость и я заслужу отъ васъ хотя малѣйшую благодарность.

— Благодарность моя будетъ вѣчная, отвѣчалъ де-л'Ажъ, потому что если бъ вашей свѣтлости угодно было оставить на мнѣ проступокъ отца моего, я бъ и тогда не имѣлъ права роптать на васъ.

— Я знаю, продолжалъ министръ, что вы честный и благородный человекъ. Уже давно Гастонъ Орлеанскій вовсе услышаніе жалуется на меня, на мое управленіе, на всѣ мои дѣйствія и питаетъ ко мнѣ явную ненависть, что крайне огорчаетъ меня. Надо этому положить конецъ, и я рѣшился теперь на все, чтобъ совершенно примириться съ братомъ короля. Я хочу теперь поступить такимъ образомъ, чтобъ онъ былъ увѣренъ въ моей преданности, и если послѣ всего этого онъ еще станетъ отказывать мнѣ въ своей дружбѣ, тогда вся вина останется на его сторонѣ. Съ этимъ-то намѣреніемъ я везу къ его свѣтлости стариннаго его друга, съ которымъ его разлучили. Въ замѣну услуги, которую я вамъ теперь оказываю, я прошу васъ оказать мнѣ другую. Принцъ окруженъ теперь дрянью, неблагонамѣренными людьми, которые развращаютъ и кончатъ тѣмъ, что совершенно погубятъ его, если онъ будетъ вѣчно ихъ слушать. Я хочу приставить къ нему друга, который уведомлялъ бы меня о козняхъ дурныхъ совѣтовъ и о всемъ, что дѣлается въ этомъ домѣ.

— Если я успѣю имѣть какое-нибудь вліяніе на принца, отвѣчалъ де-л'Ажъ, то заставлю его любить великаго министра, избранныяго королемъ, его братомъ.

— Хорошо, молодой человекъ, продолжалъ кардиналъ. Вы знаете характеръ Гастова, онъ похожъ на женщину, которая глядитъ на все глазами своего фаворита. Что же касается до права, то это капризное дитя, которое дуется безъ причины и не находитъ удовольствіе въ непослушаніи. Онъ вѣчно будетъ глядѣть на брата своего и на министра, какъ на безпокойныхъ поставниковъ, мѣшающихъ ему жить на свѣтѣ. Онъ думаетъ, что

школьными проказами мстить брату за превосходство его надъ собою; а когда онъ дѣлаетъ мнѣ дерзости, то я безнаказанно имѣю право поражать его въ самую чувствительную струну его сердца, въ то, что для него всего дороже, что честь должна бы заставитьъ его защищать до послѣдней капли крови.

Въ день свадьбы, за то, что я женилъ его насильно на нелюбимой имъ принцессѣ, онъ думалъ наказать меня тѣмъ, что надѣлъ старое платье. Страсть его къ кознямъ происходитъ отъ увѣренности въ безнаказанности, отъ которой спасаетъ его титулъ и высокое происхожденіе. Другіе расплачиваются головами за такія проказы, и вы сами знаете, какъ онъ покидаетъ друзей своихъ. Въ этотъ день, когда Шалé казнили, его высочество дѣлалъ у себя въ саду миниатюрную фортификацію и для забавы прострѣлилъ стѣну маленькою мѣдною пушкою. Когда Орнао умеръ въ темницѣ, — изъ устъ его высочества вырвались эти странные слова: «Стало быть, мнѣ не надо больше подниматься съ разсвѣтомъ, чтобъ просить короля о помилованіи моего наставника». Принцъ надѣется на престолъ, потому что король часто бываетъ боленъ и что у насъ нѣтъ еще наследника. Это было бы ужаснѣйшее несчастіе для Франціи, потому что Гастонъ неспособенъ царствовать, неспособенъ управлять государствомъ. Если хотите знать тайну, чтобъ управлять имъ, то вамъ надо на все рѣшиться какъ можно скорѣе, имѣть твердое на-счетъ всего мнѣніе и упорно его поддерживать, если бъ даже оно никуда не годилось, потому что нерѣшительные люди ищутъ опоры въ силѣ другихъ, и если даже спорятъ съ совѣтникомъ, такъ для того только, чтобъ лучше убѣдиться, что слѣдуетъ ему уступить. Почему Гастонъ имѣетъ столько довѣрія къ Коаньё, своему канцлеру? потому что Коаньё грубъ, и не колеблясь рѣшается на всѣ жестокости. Поступайте какъ канцлеръ. Рѣшайте еще скорѣе, будьте еще самонадѣяннѣе его, и скоро сдѣлаетесь совершеннымъ владыкою принца и можете быть полезнымъ государству и пріятнымъ государю. Я помогу вамъ возвыситься, потому что порученіе, которое я даю вамъ, очень важно. Употребите въ дѣло вашъ умъ, понятливость, мудрость и провидительность; поддерживайте согласіе между Гастономъ и королемъ, его братомъ; это прекрасное, благородное призваніе. Что же до меня, то я знаю какъ обходиться съ его высочествомъ. Чтобъ звать какъ поступать, для меня достаточно будетъ вашихъ свѣдѣній; такимъ-образомъ мы избавимъ государство отъ большихъ смуть.

— Ваше святѣйшество можете быть увѣрены, отвѣчалъ дѣлакъ, что я стану заботиться о вашихъ выгодахъ и пользѣ съ такимъ же рвеніемъ и старательностью, сколько дозволяетъ моя честь и уваженіе, которымъ я обязанъ его высочеству.

Кардиналъ нахмурился и вверилъ стрые глаза свои въ молодого человѣка, какъ-будто отвѣтъ этотъ обезпокомъ его.

— Считаете ли вы меня по-крайней-мѣрѣ своимъ благодѣтелемъ? спросилъ онъ, и думаете ли, что я оказываю вамъ одолженіе?

— Непремѣнно, отвѣчалъ Пюлоранъ. Надѣюсь, что ваше святѣйшество скоро замѣтитъ мои добрыя намѣренія, благодарность и преданность.

— Вотъ такъ-то! продолжалъ кардиналъ, смягчая строгость своего взгляда. Мнѣ нечего рассказывать вамъ, въ руки какихъ людей онъ попался; вы должны знать ихъ. Это настоящіе школьники, вырвавшіеся на волю. Онъ странно готовится царствовать: бѣгаетъ по кабакамъ, вздыхаетъ по гризеткамъ и кухаркамъ и дѣлаетъ такія шалости, за которыя слѣдовало бы засадить его. Всѣ друзья его или дураки или плуты. Только одинъ Шодобонъ честный, но вовсе неспособный человѣкъ. Секретарь его Гула настоящая дрянь, и надѣется сдѣлаться министромъ, когда принцъ вступитъ на престолъ. Малютка Булз, несмотря на то, что ему досталось въ голову нѣсколько ударовъ молоткомъ, обкрадываетъ принца подъ предлогомъ своего безумія. Блѣ, пьяница, развратный кутило и безбожникъ, который хвастается своими пороками и считаетъ себя поэтомъ и политикомъ, потому-что написалъ противъ меня какіе-то дрянные стишки. Соважъ, котораго его высочество помѣстилъ въ своей комнатѣ, хотя онъ не изъ дворянъ, и любитъ пожить на чужой счетъ, — пріятный и умный собесѣдникъ, отмынный шутъ, заслужившій гримасами уваженіе принца. Только одинъ Коаннѣ можетъ управлять Гастономъ; но съ его угрюмымъ лицомъ, цирюльническими ухватками и любовью Сней-Бороды, онъ всегда останется тѣмъ, что есть. Надо помѣстить при его высочествѣ честнаго молодого человѣка изъ хорошей фамиліи, намѣренія котораго были бы чисты, притомъ одареннаго здоровымъ смысломъ. Овладевъ Гастономъ, вы будете имѣть честь навести его на путь истины; за что король будетъ вамъ благодаренъ; но чтобъ дѣйствовать послѣдовательно и не спѣша, не бойтесь, и сначала вмѣшайтесь въ шалости его высочества, пу-

скайте сабвержи, срывайте вывѣски, бейте стекла и пугайте казнь и прочіе, но послѣ, когда вѣсть наша усидится, вы должны будете выгнать всю эту дрянь. Вамъ не запрещаютъ имѣть честолюбіе... Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ. На этихъ дняхъ, во время моего вставанья, я приму васъ *solus cum solo*.

Разговаривая такимъ-образомъ собесѣдники доѣхали до Люксамбурга. Пока Марія Медичи была въ Лионѣ, Гастонъ занималъ ея дворецъ, къ тому жъ онъ всегда охотно жилъ тамъ, чтобъ ему ловче было интриговать, вмѣстѣ съ матерью, противъ кардинала. Гастонъ Орлеанскій, которому было тогда двадцать два года, былъ бы очень хорошъ и статенъ, если бы свойства эти не губили отъ безпорядка его одежды и небрежности всей его osoby. Что то мрачное портитъ красоту и свѣжесть лица его, и это мрачное досталось ему въ наслѣдство отъ Медичисовъ. Эта небрежность въ одеждѣ и этотъ вялый видъ считались бы въ наше время признакомъ разстройства ума, и несмотря на неспорный умъ принца, его въ самомъ дѣлѣ можно было почесть полоумнымъ, глядя на его школьныя манеры и вѣтренныя поступки. Въ выходкахъ его часто было много остроумія; иногда же онѣ были такъ грубы, что изъ рукъ вонъ. Въ разговорахъ его попадались удачныя каламбуры, которые онъ мѣшалъ съ солдатскими остротами.

Хотя его предупѣдомили о посѣщеніи кардинала, онъ все-таки не хотѣлъ ждать его во дворцѣ, и министръ засталъ его въ саду съ заступомъ въ рукахъ, дѣлающаго маленькіе окопы и ставшаго почти до колѣнъ въ землѣ.

— Ваше святѣйшество, сказалъ онъ, облокотясь на заступъ, пришло овладѣть нами въ нашихъ ретраншементахъ.

— Я прихожу съ оливковою вѣтвью, отвѣчалъ кардиналъ, потому-что приношу слова мира и тишины.

— Не торопитесь, отвѣчалъ Орлеанскій. Мы никогда съ вами не миримся безъ того, чтобъ миръ этотъ не стоилъ кому-нибудь жизни. Посмотрите, вотъ Коаньѣ уже блѣднѣетъ, а Гула вѣрно бы хотѣлось уже быть за границей.

— На этотъ разъ я чистосердечно рѣшился сдѣлаться другомъ нашего высочества, и даже въ ущербъ себѣ, если это ужъ необходимо.

— Слѣдовательно, вы будете единственный изъ друзей моихъ, перекующій потерять голову. Развѣ вы не видите, что у насъ разговоръ противъ отечества, потому-что мы ворочаемъ плугомъ

и заступомъ земли государства. Насъ надо судить, обвинить въ уголовномъ преступленіи и назвать это дѣло заговоромъ лопатокъ.

— Ваше высочество изволить быть сегодня въ очень веселомъ разположеніи духа, сказалъ важнымъ тономъ министръ. Позвольте ли мнѣ теперь поговорить съ вами серьезно.

— Ваше святѣйшество можетъ говорить такъ же серьезно какъ самъ прокуроръ, и я буду слушать васъ со всемъ вниманіемъ президента въ скуфейкѣ.

— Ссоры, бывшія между нами, продолжалъ кардиналъ, на счетъ брака вашего высочества съ мадамозель де-Монпансиѣ, уже давно прошли, слѣдовательно должны быть забыты, потому что вы не имѣли причины жаловаться на вашу супругу, съ которой жили въ совершенномъ согласіи, и которая оставила вамъ дочь, этого прелестнаго ребенка; вы любите его и оплакиваете смерть его матери какъ самый чувствительный, истинно привязанный и разтроганный мужъ. Если ваше высочество помнить еще то, что было между нами, то я умоляю васъ изгладить все это изъ своей памяти, принять увѣренія въ моемъ уваженіи и возвратить мнѣ наконецъ свою дружбу. Съ моей стороны, я готовъ предпринять все, что только зависитъ отъ меня, что находится въ мсей власти, чтобъ удовлетворить васъ и заслужить не на однихъ словахъ дружбу вашу, которой такъ пламенно добиваюсь.

— Я охотно желаю забыть то, что было между мной и вашимъ святѣйшествомъ, отвѣчалъ принцъ, желаю тоже вѣрить вашему уваженію и принять вашу дружбу; но тогда только буду считать ее не за однѣ слова, когда увижу ее на дѣлѣ.

— Просите у меня всего чего хотите для друзей вашихъ, сказалъ министръ.

— Я самъ, когда захочу, могу возвысить друзей моихъ, отвѣчалъ Гастонъ. Развѣ я больше ничего не значу, и между мной и королемъ, моимъ братомъ, должны быть посредники?

— Ваше высочество не поняли меня, сказалъ министръ; я почту себя счастливымъ, если вамъ понадобятся мои услуги въ какихъ нибудь обстоятельствахъ.

— Хорошо, я подумаю, что бы мнѣ попросить у васъ и скажу безъ церемоніи. А пока, вотъ вамъ рука моя въ знакъ примиренія и дружбы.

Кардиналъ взявъ руку герцога и поцѣловалъ почтительно.

— Ваше высочество такъ же великодушно какъ Генрихъ великій, вашъ отецъ. Помните-ли вы еще Антоана де-л'Ажа, котораго вы особенно любили и съ которымъ васъ нашли было нужнымъ разлучить.

— Вы задѣваете за самую чувствительную струну моего сердца, снова открываете мои раны, сказалъ герцогъ. Пюйморанъ я любилъ больше всѣхъ друзей моихъ, и не вылечился еще отъ досады, которою заболѣлъ, когда его отъ меня отняли.

— Вотъ онъ, сказалъ министръ. Возвращаю вамъ его. Подойдите, Пюйморанъ, и выразите ваше почтеніе его королевскому высочеству.

Пюйморанъ сдѣлалъ два шага впередъ. Герцогъ бросилъ заступъ и бросился на шею къ своему другу.

— Милый мой Антоанъ! сказалъ онъ, ты опять со мной! Какъ я радъ обнять тебя! Какъ ты выросъ, какъ хорошъ собой! Ты будешь дѣлать честь моему двору. Говорятъ, будто я забылъ тебя, но это неправда! Если бъ ты не вернулся, то я бъ никогда не простилъ ни королю ни кардиналу, что васъ съ тобою разлучили.

— Такъ я получилъ теперь прощеніе? сказалъ министръ.

— На этотъ разъ, получили, отвѣчалъ герцогъ. И я возвращаю вамъ дружбу мою не на однихъ словахъ, а отъ всего сердца.

— Очень радъ, что нашелъ случай понравиться вашему высочеству. Теперь я оставляю васъ въ радости, съ стариннымъ вашимъ другомъ.

Министръ, простясь съ принцемъ, возвратился въ свой дворецъ, а Гастонъ увелъ Пюйморанъ, въ сада, гдѣ разговаривалъ съ нимъ цѣлый часъ о прошломъ, о быломъ и о происшествіяхъ, случившихся съ-тѣхъ-поръ, какъ они разстались. Онъ рассказывалъ ему о своемъ горѣ, о всѣхъ вынесенныхъ имъ униженіяхъ, о преслѣдованіи его самого и друзей его в сильномъ горячелся браня кардинала; потомъ смягчился, вспомянувъ поспѣдную его услугу. Наконецъ онъ просилъ де-л'Ажа рассказать ему свои похождения впродолженіе того же времени, и по долговому этому совѣщанію всѣ поняли, что Пюйморанъ въ одинъ мигъ приобрѣлъ болѣе довѣрія принца, чѣмъ остальные впродолженіе всего времени. При мысли о томъ большая часть этихъ ничтожныхъ людей, почувствовала зависть. Только у одного Коанъе достало довольно ума, чтобъ стараться привязать къ себѣ

Пюйлорана и приготовить себѣ опору въ любимца, котораго онъ не могъ низпровергнуть.

— Господа, сказалъ герцогъ, пора обѣдать; намъ надо сегодня кутить, праздновать возвращеніе де-л'Ажа. Мы ѣдемъ обѣдать въ трактиръ Вала; а послѣ поѣдемъ смотрѣть комедіантовъ Болота. Пускай Блѣ ѣдетъ впередъ, закажетъ обѣдъ и возметъ лучшее вино изъ моего погреба.

Герцогъ сѣлъ на землю, чтобъ вытрясти камешья изъ башмаковъ, и потребовалъ сапоги, потому-что хотѣлъ ѣхать верхомъ. Пажы хотѣли принести ему другое платье; но онъ отвѣчалъ, что ему некогда переодѣваться, и уѣхалъ, сопровождаемый дворомъ своимъ, съ грязными руками, въ запачканномъ платьѣ и съ растрепанными волосами. Пюйлорану подали лошадь изъ Люксембургскихъ конюшенъ и буйная ватага ускакала галопомъ.

Прѣзжая по Новому-Мосту, они встрѣтили дорожную карету, запряженную шестернею. Кардиналъ улыбаясь высунулъ голову въ окошко.

— Куда это вы ѣдете? спросилъ Гастонъ.

— Въ Ліонъ? отвѣчалъ кардиналъ. Грустная обязанность дѣловыхъ людей!... у нихъ нѣтъ дня, въ который бы могли повеселиться, отдохнуть, покутить. Прощайте, господа, веселитесь хорошенько.

Совѣтникъ государства де-Ноае сѣдѣлъ въ каретѣ съ кардиналомъ.

— Вся эта молодежь вооружена, въ сапогахъ, какъ-будто отправляется на войну, сказалъ онъ. Де-Мирабель совершенно справедливо смѣлся надъ этимъ, говоря испанскому королю, что Франція должна быть пуста въ эту минуту, потому-что онъ видѣлъ всѣхъ въ сапогахъ какъ-будто бы всѣ отправлялись въ дорогу.

— Не поддавайтесь этому, сказалъ кардиналъ, эта мода сапоговъ, рапиръ и лошадей — діагностическій знакъ разгара головъ, склонности къ предпріятіямъ, и кознямъ. Мученія и труды наши еще не кончились съ этою неугомонною молодежью.

Пока карета кардинала медленно тащилась вдоль рѣки Сены, Гастонъ, окруженный роемъ молодыхъ людей, подѣхалъ къ трактиру тюльрійскаго вала. Блѣ заказалъ обѣдъ. Столъ былъ накрытъ подъ тѣнью деревъ. Пюйлоранъ сѣлъ по правую руку герцога, а ле-Коанъ по лѣвую. Гофъ-фурьеръ принца двора, съ булавою въ рукахъ, наблюдалъ за порядкомъ стола и шелъ впе-

реди мясныхъ блюдъ. Обѣдъ былъ очень хорошъ и видо отлич-
но. Друзья такъ радушно праздновали возвращеніе Пюйдорана,
что глаза у всѣхъ заблестали и всѣ заговорили въ одинъ голосъ.
Напередъ стали пить за здоровье принцева любимца, а потомъ за
кардинала. Блѣ, имѣющій привычку импровизировать преддохіе
стихи противъ министра, сказалъ одинъ куплетъ въ честь кар-
диналу. Веселая компанія не успѣла еще сѣсть припѣва, какъ
запыленный курьеръ привезъ его высочеству депеши изъ Ліона.
Это было письмо отъ королевы-матери, Гастонъ, у котораго взоръ,
немного помутился, съ трудомъ могъ разобрать его. Искра радос-
ти мелькнула на лицѣ принца; онъ спряталъ депешу въ карманъ.
Послѣ обѣда вся ватага отправилась гулять мимо тюндрий-
скихъ лужъ, куда честные Парижане приходили смотрѣть какъ
плаваютъ утки и дышать чистымъ воздухомъ.

Весь дворъ его высочества, шатаясь во всѣ стороны, кричалъ
и вѣлъ во все горло.

Гастонъ отвелъ въ сторону совѣтника ле Коанвѣ и Пюйдорана.

— Друзья мои, сказалъ онъ, наслушавъ дорочая языкомъ, я полу-
чить важныя извѣстія. Нашъ государь король умираетъ. У
него горячка, и доктора говорятъ, что онъ отъ нея погиб-
нетъ. Слѣдовательно, можетъ-быть завтра мнѣ надѣнуть на го-
лову прехорошенькую наколку, а на тебя, душа моя ле-Коанвѣ,
кардинальскую шапку. Но что всего должно быть милѣе и
забавнѣе, это глядѣть на нашего друга кардинала; какъ онъ, бѣд-
ный, я думаю, трясется теперь. Король общалъ матери моей,
если выздоровѣтъ, удалить его отъ двора по возвращеніи въ Па-
рижъ. Страшный заговоръ, составленный изъ юбокъ противъ
министра, жужжитъ около постели его величества. Принцесса
Ковти, герцогиня д'Эльбефъ и всѣ придворныя дамы возстали
противъ министра, какъ на бѣшеную собаку. Между-тѣмъ ко-
роль, несмотря что общалъ сослать кардинала, беретъ всѣ пре-
досторожности, чтобъ охранить бѣдвяка отъ несчастій, ожидающихъ
его послѣ королевской смерти. Король потребовалъ къ себѣ марша-
ла де-Монморанси и заставилъ поклясться честью, что онъ не до-
пуститъ, не потерпитъ, чтобъ преслѣдовали его министра. Въ
этомъ дѣлѣ есть тоже и забавная сторона. Королева боится по-
терять власть свою и возвратиться въ Испанію, и потому гоф-
мейстерина ея, эта безумная кутило, графиня дю-Фаржи, пред-
лагаетъ мнѣ, посредствомъ разрѣшенія папы, жениться на ко-
ролевѣ, когда она овдовѣтъ. Я воображаю, каковъ я буду.

мужъ нашей возлюбленной Анны? Въ такомъ случаѣ лучше жениться на мамзель Рибодонъ. Слушайте, дѣти, на-канунѣ моего возшествія, у насъ будетъ кутежъ, мы похоронимъ нашу отвагу. Но какими-образомъ съ моими разорванными рубашками и аграфами, которые никогда не бывають на своемъ мѣстѣ, могу я сдѣлаться великимъ государемъ? Ты, ле-Коаньё, будешь надѣдать мнѣ несносными совѣтами, а ты, Пюйлоранъ, станешь предупреждать меня, не на изнанку ли надѣлъ я панталоны. Какой геній вдохновилъ кардинала помириться со мною сегодня утромъ?

— Это важныя извѣстія, сказалъ ле-Коаньё; но неужели ваше высочество воображаетъ, что кардиналъ не зналъ ихъ? Онъ получилъ депешу прежде васъ, и принудивъ васъ къ дружбѣ, сыгралъ съ вами штуку, потому что вы безъ сопротивленія могли раздавить его.

— Ты правъ, онъ подшутывъ надо мною! вскричалъ Гастонъ. Онъ разыгралъ передо мной площадную комедію, за это я раздавлю его! посажу въ кѣтку какъ ла-Балю, и стану показывать на ярмаркахъ за два су. Вотъ будетъ-то хорошо!

— Ваше высочество, сказалъ Пюйлоранъ, простите ему за возвращеніе меня, чему вы вѣроятно радуетесь.

— Ну, такъ мы пошлемъ его въ глушь Бретани дѣлать соломевныя корзины и добывать себѣ хлѣбъ трудомъ. Слушайте, друзья мои, до сегодняшняго вечера никому ни слова, потому что мнѣ хочется посмотреть на комедіантовъ, и возвращаясь въ Люксамбургъ, разбить нѣсколько трактирныхъ вывѣсокъ.

— Вашему высочеству, сказалъ Пюйлоранъ, слѣдовало бы приготовляться къ вступленію на престолъ. Вамъ надо будетъ устроить штатъ, совѣтъ, выбрать министровъ, написать рѣчи.

— Я предоставляю это вамъ обоимъ; устройте какъ знаете, я на васъ полагаюсь. Убирайтесь работать; что же до меня касается, то я смѣюсь и надъ рѣчами и надъ совѣтами... только бы надѣть поскорѣ корону. Я хочу веселиться сегодня, какъ солдатъ въ отпуску. Завтра вы подайте мнѣ плоды вашихъ трудовъ. Прощайте, дѣти.

Сказавъ это, Гастонъ побѣжалъ за своею свитою, которая шла на авось какъ вообще всѣ пьяницы. Самъ принцъ тоже не тверже своихъ придворныхъ стоялъ на ногахъ, и честные граждане, видя какъ онъ шатается, говорили шепотомъ: «Нечего сказать, хорошо будетъ у насъ король, если не станетъ его величества».

— Я думаю, любезный Пюйлоранъ, сказалъ ле-Коаньё, что гердогъ никогда не будетъ способенъ на что-нибудь дѣльное. Не хотите ли ѣхать почевать ко мнѣ на дачу? Въ каретѣ мы поговоримъ съ вами.

Пюйлоранъ принялъ предложеніе.

Блужи въ Сень-Клу, они хотѣли посовѣтоваться на-счетъ итѣр, которыя должно предпринять, когда получать извѣстіе о смерти короля; но какъ разсудокъ ихъ обоихъ былъ омраченъ вливыми парами, то они скоро замѣтили, что говорятъ чепуху, и сами стали смѣяться надъ своей болтовней.

— Если вы хотите послушаться моихъ совѣтовъ, сказалъ Пюйлоранъ, то лучше оставитъ до завтраго управление Франціей; а сегодня лучше всего лечь спать.

Домъ совѣтника ле-Коаньё находился въ Сень-Клу, на берегу Сены, не подалеку отъ знаменитаго увеселительнаго дома мадамъ дю-Ріе. Сады при домѣ были густой, обширный, прекрасный. Когда карета въѣхала на дворъ, то уже было почти совсѣмъ темно. Совѣтникъ, усыпленный качкою, дотащился какъ мѣгъ до постели, приказавъ проводить гостя на парадную половину. Человѣкъ, съ такимъ же суровымъ лицомъ какъ господинъ его, привелъ Пюйлорана въ довольно роскошно убранную комнату, зажегъ свѣчи и исчезъ. Въмѣсто того, чтобъ лечь въ постель, Пюйлоранъ, желая подышать чистымъ воздухомъ, отворилъ окно. Звукъ лютни достигъ до ушей его, и вскорѣ послышался женскій голосъ, который раздавался изъ сада, а какъ Пюйлоранъ увидалъ между деревьями слабо мерцающій свѣтъ, то предположилъ, что тутъ должно быть еще другое строеніе, въ которомъ жила дама.

Молодой человѣкъ, подстрекаемый любопытствомъ, сталъ ждать съ терпѣніемъ пока люди улеглись и потомъ сошелъ въ садъ. Онъ прокрался вдоль кустарниковъ, и въ-самомъ-дѣлѣ открылъ домикъ, окна котораго были разтворены. Молодая женщина, сидя передъ пюпитромъ, пѣла, сопровождая себя на мандорѣ, какъ въ голландскихъ картинахъ. Она была замѣчательной красоты и владела лютней съ необыкновенной граціей. Кончивъ пѣніе, она подошла къ окну. Пюйлоранъ, боясь быть замѣченнымъ, хотѣлъ отойти отъ окна, но она услышала шорохъ шаговъ его.

— Это вы, совѣтникъ? спросила она.

— Итъ, будырыня, отвѣчать Пюйдоранъ; но я это гость и другъ.

Незнаюшка вскрикнула, потянула съѣчи и зѣлопнула ставни.

Въ одну минуту павильонъ впалъ въ совершенный прахъ. Пюйдоранъ нѣсколько разъ звалъ ее изъ пол-голоса, но она не отвѣчала.

Она возвратилась къ себѣ въ комнату.

Въ ту минуту, когда Антеанъ ложился въ постель, дверь, ведущая въ садъ отвернулась, и онъ увидѣлъ Коанье въ халатѣ, съ фонаремъ въ рукахъ.

— Такъ слухи справедливы, подумалъ Пюйдоранъ. Коанье тайно женатъ, или можетъ-быть господиномъ совѣтника прятать въ этой кѣткѣ контрабандную птичку.

Пока герой нашъ засыпалъ, раздумывая о всѣхъ происшествіяхъ дня, особенно же о послѣднемъ, герцога, сопровождаемый друзьями, бѣгалъ по парижскимъ улицамъ, которыя въ эти часы дѣлаются владѣніями плутовъ и разбойниковъ. Его высочество, для забавы, нападалъ на прохожихъ, останавливалъ телеги съ грузами, билъ проводниковъ, ломалъ выѣски и билъ стекла. Часовые, услышавъ шумъ, сбѣжали на крикъ; но когда имъ сказали, кто былъ замѣшанъ въ этой кутерьмѣ, то начальникъ стражи отвѣчалъ:

— Не надо стѣснять его королевское высочество, которое собирается мудро управлять Франціей.

III.

Нѣсколько дней спустя послѣ описанныхъ нами происшествій здоровье короля поправилось, а надежды Гастона Орлеанскаго исчезли. Придворные, замѣшанные въ этой интригѣ, были совершенно поражены. Маріи Медичи была принуждена заглушить свою ненависть къ кардиналу, счастливая звѣзда котораго поднялась еще выше со дня: *кто кого надуетъ*; но мы не станемъ теперь разсказывать это. Въ этотъ знаменитый день Пюйдоранъ игралъ второстепенную роль.

Гастонъ, легко переходившій отъ дерзости къ страху, хотѣлъ бѣжать отъ двора. Друзья его, видя въ этомъ бѣгствѣ случай смѣшать дѣло, уговаривали его бѣжать.

Ле-Кознь съелъ уже съ себя судейскую одежду и надѣлъ сѣрый суконный казакитъ, рапиру со стрѣлами, курьерскіе сапоги и шляпу съ приподнятыми кверху полями, которыя прикрѣдились къ тулѣ огромнымъ аграфомъ. Нарядъ этотъ придавалъ ему видъ полупрокурора и полуразбойника, чѣмъ очень забавлялись придворные. Часъ отъѣзда приближался, какъ вдругъ входитъ въ халатъ Пюйлоранъ и сопротивляется бѣгству Гастона; а какъ Антоанъ успѣлъ отвлечь принца отъ такого необдуманнаго поступка, то кардиналъ остался очень доволенъ новымъ любимцемъ Гастона. Это былъ послѣдній эпизодъ знаменитаго дѣла: *кто кого надуетъ*. Такъ какъ государственная казна не принадлежала собственно министру, то Пюйлорану подарили сто тысячъ червонцевъ; а Ле-Кознь, чтобы удометворить всѣхъ, подали надежду на кардинальскую шапку, какъ только онъ поступитъ въ церковное званіе *.

Могущество кардинала казалось тогда непоколебимымъ. Только одна сѣкара, какъ говорилъ соасонскій графъ, могла забыть отъ него вселенную.

Однажды вечеромъ, Пюйлоранъ прогуливался съ Ле-Кознью по люксембургскому саду.

— Вы оказали мнѣ большую услугу, сказалъ президентъ, что оставили герцога отъ бѣгства. Вамъ я буду обязанъ кардинальской шапкой.

— Да увѣрены-ли вы, что можете носить эту шапку? спросилъ Пюйлоранъ. Слухи посятея, будто вы женаты.

— Это клевета, сказалъ совѣтникъ; я былъ тайно женатъ на дочери сержанта Дрогэ; теперь я этого не скрываю, но прежде принужденъ былъ къ тому, по причинѣ низкаго происхожденія моего тестя; а какъ я пряталъ жену мою отъ всѣхъ, даже отъ друзей своихъ, то никто не зналъ о ея смерти. Я отчасти любилъ ее, потому-что она была прекрасна какъ ангелъ.

— Да вѣрно-ли, что она умерла? спросилъ Пюйлоранъ.

— Что за сомнѣніе?

— Не знаю; но прошлую ночь мнѣ послышались, въ нашемъ саду, звуки мандоры и женскій голосъ....

— Вамъ хочется слышать мою непогѣдъ? сказалъ совѣтникъ:

* Въ то время, когда сановникъ переходилъ въ духовное званіе, могъ сдѣлаться кардиналомъ.

такъ знайте жъ, я очень влюбчивъ, и съ-тѣхъ-поръ какъ овдовѣлъ, часто вижу у себя красавицъ....

— И прачете ихъ въ павильонъ, что посередѣ сада.

— Въ павильонѣ этомъ лежатъ только сухой лукъ да сѣмена.

— А мнѣ показалось, что тамъ былъ свѣтъ, и я видѣлъ въ растворенное окно, пюпитръ съ нотами, роскошную мебель и высокую, прелестную женщину, съ черными какъ смоль волосами; на другой день утромъ, когда мы съ вами гуляли, то мнѣ тоже показалось, что бѣленькая ручка приподняла занавѣсъ и посмотрѣла на насъ.

— Такъ вы знаете ее! вскричалъ совѣтникъ. Увы! это была жена моя, Марія Дрогё. Судьба похитила ее у меня. Она умерла въ одинъ сутки, отъ опухоли въ груди, а какъ я женился тайно, то и не носу траура. Прошу васъ, любезный другъ, не говорить объ этомъ никому ни слова, особенно министру, который обѣщаетъ мнѣ кардинальство, слѣдовательно, бесполезно будетъ говорить ему объ этомъ дѣлѣ.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Пюйлоранъ, и не смотря на пушки, берегите и скуфейку и даже жену вашу; но, если та особа, которую я видѣлъ тогда, жива еще, то вы отвѣчаете мнѣ голубою, если съ нею случится какое-нибудь несчастіе.

Совѣтникъ удалился въ смущеніи.

— Неужели этотъ черненькій человѣкъ злодѣй... подумалъ дель-Ажъ. Ужасная мысль, что совѣтнику хотѣлось отдѣлаться отъ жены своей, вертѣлась въ головѣ его. Обѣщаніе кардинальской шапки, привезенное Гамбульё, могло заставить рѣшиться этого честолюбца на преступленіе. Въ отвѣтахъ, отъ тоже путался, даже въ нихъ не было ничего правдоподобнаго, а глядя на честный видъ особы, живущей въ павильонѣ, ее нельзя было принять за какую-нибудь нимфу....

Автоанъ дотога объ этомъ думалъ, что воображеніе его воспламенилось.

— Если же Коаньё и въ самомъ-дѣлѣ имѣлъ намѣреніе убить жену свою, то небо, открывъ мнѣ эту тайну не предназначило-ли меня быть ея спасателемъ. Если я одинъ только въ мірѣ знающій о существованіи и объ опасностяхъ этой несчастной, то не вѣчно ли станеть мучить меня угрызёніе совѣсти, узнавъ впоследствии, что я могъ бы спасти ее, и не сдѣлалъ этого?

Когда же Коаньё пріѣзжалъ въ Люксамбургъ, то Пюйлоранъ взглядывался въ него внимательно и отыскивалъ на лицѣ его

какой-нибудь признак преступленія; но канцлеръ его высочества былъ такъ дурень отъ природы, что даже само преступленіе не могло бы ничего прибавить къ грубости выраженія лица его.

Однажды Пюлоранъ, сопровождаемый тремя лакеями, ѣхалъ верхомъ по Мѣняльному мосту, вдругъ чей-то провозительный голосъ назвалъ его по имени. Это былъ Лопесь Абенсерраджи.

— Ну, не правъ ли я былъ, что отговорилъ васъ ѣхать на войну? сказалъ ювелиръ. Въ вѣскольکو недѣль вы сдѣлались вельможей, камергеромъ его высочества, да въ добавокъ еще любинцемъ его; теперь вы обладаете его довѣріемъ и сотнею тысячъ червонцевъ, и на дняхъ васъ сдѣлаютъ герцогомъ и пэромъ. Какъ видите, вы идете по довольно гладкой дорогѣ: хорошо услуживать кардиналу, и мнѣ тоже хорошо въ маленькомъ кругу моихъ дѣйствій; потому что вы занимаетесь тѣмъ же ремесломъ, какъ я Лопесь, только въ большемъ видѣ.

— Я не зналъ, что я бриллиантникъ, отвѣчалъ Пюлоранъ.

— Бриллиантъ бриллианту рознь, продолжалъ Арабъ. Ваши услуги можно уподобить драгоценнымъ камнямъ, оправленнымъ самымъ чистѣйшимъ золотомъ, а мои — не что иное, какъ простые агаты, маленькія рейнскія раковины, обдѣланные въ серебро; но ихъ такъ много, что онѣ цѣнятся не по достоинству, а по тяжести.

— Оставь загадки, Лопесь, и говори яснѣе: чтѣ хочешь ты этимъ сказать?

— Это само собою повмается, маркизъ; вы работаете въ Луврѣ при королевѣ Марин, особенно же при его высочествѣ для его святѣйшества; а я, подъ предлогомъ починки серегъ, bracelets, перстней, проникаю въ уборныя дамъ, и подслушиваю ихъ разговоры; а кардиналъ, который любитъ смѣяться, охотно слушаетъ мои повѣствованія.

— Ты исполняешь должность шпиона? Такъ слушай же, приятель, прошу не сравнивать больше твоего ремесла съ моимъ.

— Это только одно тщеславіе съ моей стороны, сказалъ насмѣшливо Абенсерраджи; но надо ѣхать въ кардинальскій дворецъ, надо забывать его. Его святѣйшество удивляется, что такъ долго васъ не видитъ. Совѣтую вамъ воспользоваться отсутствіемъ отца Юсефа, который скоро вернется съ регенсбургскаго конгресса, гдѣ лиса эта всѣхъ надула! Если вы упустите случай идти прямо съ самимъ протосвятѣйшествомъ, то васъ ото-

шлють, какъ насъ остальныхъ мелкихъ агентовъ, къ сѣбру святѣйшеству.

— Что это за разговоръ? вскричалъ Пюйморанъ; скоро ли ты кончишь съ своими загадками?

— Извините мою скромность; вещи такого рода должны оставаться подразумеваемыми. Довольно и того, что я былъ первымъ камнемъ фортуны такого значительнаго вельможи.

— Со мной нельзя говорить обиняками, я не терплю сурдинокъ, старый мошенникъ. Я обязанъ тебѣ, что ты говорилъ обо мнѣ кардиналу и одолжилъ сто червонцевъ; но я завтра же отдамъ тебѣ, и настаиваю, чтобъ ты сейчасъ же просилъ у меня какого-нибудь одолженія, и я могъ съ тобою сквитаться.

— Избави Боже! Я не хочу терять вашей благодарности, потому-что вы только начинаете и пойдете еще дальше. Съ вами не сыграютъ такой штуки, какъ съ мосеё ле-Коаньё. Если вамъ дадутъ, то и сдержутъ слово...

Такъ ты думаешь ле-Коаньё не дадутъ кардинальской шапки?

Лопесъ не отвѣчая, лукаво улыбнулся, выставивъ рядъ бѣлыхъ зубовъ своихъ.

— Потому-то именно кардиналъ и обѣщалъ ему, что напередъ зналъ величину головы совѣтника; онъ видѣлъ, что шапка эта не впору ему.

— Вѣдь ле-Коаньё женатъ?

— Вы сами лучше нашего это знаете. Но совѣтникъ способенъ отдѣлаться ядомъ или мечемъ отъ жены своей; а можетъ-быть это уже и сдѣлано.

— Какъ, неужели кардиналъ допуститъ свершиться преступленію, когда могъ остановить его? Не могу вѣрить такому варварству....

— Потому-что забываете выгоды, которыя можно извлечь изъ этого преступленія.

— Какія же выгоды, Боже мой?! И можно ли ихъ класть на вѣсы съ такимъ чернымъ злодѣяніемъ — и кто на это осмѣлится?

— Кардиналъ сообщитъ вамъ свое мнѣніе на этотъ счетъ. Двѣ главныя струны, которыя управляютъ его высочествомъ суть: ваша милость и канцлеръ ле-Коаньё. Благодарность-привязываетъ перваго къ великому правящему нами министру; а страхъ, опасность, тайное злодѣяніе предадутъ ему втораго. Если ле Коаньё

убить жену свою, то надъ головой его повѣсятъ вѣчную угрозу уголовного дѣла, и посредствомъ этого сдѣлаютъ его кроткимъ и послушнымъ какъ агненокъ.

— Но все это низко, страшно! любезный Лопесъ.

— Это политика, любезный маркизь.

— Такъ не хотятъ предупредить преступленія? не хотятъ спасти мадамъ де-Коаньё?

— Если року угодно будетъ, чтобъ она погибла, то нельзя съ нимъ бороться.

— Правила эти хороши для такихъ фаталистовъ какъ ты. Въ нашемъ же отечествѣ есть, слава Богу, законы, правосудіе и честные люди.

— Время странствующаго рыцарства прошло, маркизь; заточеныя въ замкахъ дамы храбрыми и ревнивыми воинами, требуютъ, чтобъ избавители ихъ не опоздали.

— Долгъ требуетъ, чтобъ министръ спасъ эту несчастную.

— Исполненіе долга требуетъ всегда труда, усталости, а что можетъ быть пріятнѣе, какъ находить болѣе выгодъ, не безпокоясь, сидя дома сложа руки и оставляя дѣла на произволъ судьбы?

— Ты клеветашь на кардинала, Лопесъ; во если правда, что онъ пользуется смертью бѣднаго существа и получаетъ уже плоды, то пусть на меня не разсчитываетъ, потому что я бѣгу сію же минуту спасать мадамъ де Коаньё. Дай Богъ, чтобъ время еще не ушло.

— Слушайте, маркизь: у насъ, въ Испаніи, есть нѣкто Михаилъ Сервантесъ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій описываетъ сумазбродовъ, воображающихъ себя Амадисами и Роландами. Есть также пословица, которая говоритъ: «Не клади рукъ между деревомъ и корою».

— А я положу, мало того, что руку, но даже и шпагу.

— Я предувѣдомилъ васъ; теперь ваше дѣло; если какою-нибудь вспышкой испортите свою будущность, то я умываю руки.

— Убирайся къ чорту съ своими предувѣдомленьями и пословицами.

Сказавъ это, Пюйлоранъ вознилъ шпоры въ лошадь и поскакалъ галопомъ въ Сенъ-Клу.

IV.

Глубокое молчаніе царствовало на дачѣ совѣтника ле-Коаньё. Надо было звонить три раза, чтобъ кто-нибудь пришелъ отвѣтить: и то лакей съ яростнымъ лицомъ не отворилъ бы Пюйлорану, если бъ тотъ не увѣрилъ его, что пріѣхалъ къ совѣтнику отъ лица его высочества.

Ле-Коаньё увидавъ всадниковъ, испугался.

Онъ вышелъ на крыльцо, держа подъ мышкою рапиру и въ рукахъ огромные заряженные пистолеты.

— Какъ вы испугали меня, Пюйлоранъ, сказалъ онъ. Я думалъ, что осаждаютъ мой домъ.

— Этотъ испугъ доказываетъ чистую совѣсть, отвѣчалъ Пюйлоранъ. Предупреждаю васъ, совѣтникъ, что на васъ лежитъ подозрѣніе въ смертоубійствѣ и я пришелъ предложить вамъ услуги, чтобъ изобличить вашихъ обвинителей. Покажите мнѣ только жену вашу, и вамъ нечего будетъ бояться.

— Да развѣ я не сказалъ вамъ, вскричалъ совѣтникъ, что она умерла.

— Позвольте мнѣ удостовѣриться собственными глазами.

— Извольте. Не угодно ли вамъ идти за мною.

Ле-Коаньё повелъ Пюйлорана въ глубину сада и показалъ ему надгробный памятникъ, который повидимому недавно былъ поставленъ. На фронтонѣ была надпись:

«Тутъ покоится тѣло Маріи Дрогё, супруги господина ле-Коаньё».

— Угодно вамъ видѣть гробъ? спросилъ совѣтникъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Пюйлоранъ; я хочу быть совершенно увѣреннымъ.

Ле-Коаньё вынулъ изъ кармана ключъ, и отворилъ склепъ. Пюйлоранъ сошелъ туда и приказалъ людямъ сплести крышку съ гроба. Тамъ въ самомъ дѣлѣ лежалъ трупъ, и герой нашъ узналъ даму, которую видѣлъ въ павильонѣ. Она лежала съ сложенными на крестъ руками и не было видно ни малѣйшаго знака насильственной смерти.

— А чтобъ совершенно убѣдить васъ, сказалъ ле-Коаньё, вытаскивая изъ кармана бумагу, я хочу вамъ прочесть вотъ это.

Пюйлоранъ прочиталъ слѣдующія слова, написанныя четкими и красивыми почеркомъ:

«Объявляю, что я сама отравила себя ядомъ въ ревности къ моему ле Коаньё, который любить сосѣдку нашу мадамъ Гильонъ. Я желаю, чтобъ меня похоронили въ этомъ саду и не разглашали о моей смерти»....

— Что ясно, такъ ясно, сказалъ Пюйлоранъ; вы, какъ я вижу, совѣтникъ, очень предусмотрительный человекъ: такъ она умерла не отъ опухоли въ груди, какъ вы прежде говорили?

— Кто обязанъ рассказывать всякому встрѣчному и поперечному дѣлу такого рода; и чтобъ прикрасить его, выпутываться какъ умѣешь.

— Понимаю; вы вѣроятно то же самое хотите сказать и судьямъ вашимъ. Жаль мнѣ васъ, что взоры мои проникли въ таинственный павильонъ прежде этого событія.

— Вѣрно вы въ эту ночь что-нибудь во снѣ видѣли, потому что были такъ же пьяны какъ и я.

Пюйлоранъ побѣждалъ въ павильонъ; но кромѣ голыхъ стѣнъ, сухеныхъ луковницъ, цвѣточныхъ сѣмянъ и садовническихъ инструментовъ, ничего не нашелъ.

— Послушайте совѣтникъ, такія предосторожности меня еще больше утверждаютъ въ подозрѣніи, что вы злодѣй. Да, я говорю, что вы злодѣй!

Сказавъ это, Пюйлоранъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ во весь опоръ въ кардинальскій дворецъ. Часъ пріема не насталъ еще; но какъ только онъ велѣлъ доложить о себѣ, то его провели собственною половиною.

Министръ выслалъ секретарей своихъ, и лицо его просіяло, когда онъ увидалъ Пюйлорана.

— Очень радъ, молодой человекъ, сказалъ онъ Антоану, что вы пришли побесѣдовать со мною. Хорошо, что вспомнили старика, и не ждали, чтобъ пришли за вами, этимъ вы сдѣлали мнѣ большое удовольствіе. Но отчего вы такъ взволнованы? ужъ не молодые ли люди моей свиты?... Не сдѣлали ли они вамъ опять какой-нибудь непріятности?

— Нѣтъ, ваше святѣйшество, тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ. Я пришелъ объявить вамъ о смертоубійствѣ.

— У васъ есть какія-нибудь доказательства преступленія ле Коаньё? Расскажите мнѣ, молодой человекъ.

Пьюлоранъ разсказалъ, что произошло въ Сентъ-Клу, въ ту ночь, когда онъ тамъ ночевалъ, свои подозрѣнія, живые отвѣты совѣтника, открытіе гроба и о запискѣ, оставленной Маріей Дрогё. При всякомъ новомъ обстоятельстве министръ потиралъ руки и говорилъ.

— Хорошо! хорошо! онъ не станетъ больше мѣшать нашимъ выгодамъ, а если осмѣлится, мы ему свернемъ голову.

— Молодой человекъ, прибавилъ министръ: я понимаю ваше негодование и раздѣляю его съ вами. Если бъ смертоубійство не было бы еще свершено, то мы бы остановили его; но какъ несчастіе это уже случилось, то огласка, не принося никому пользы, можетъ всѣмъ повредить. Процессъ совѣтника парламента сдѣлаетъ скандалъ и замазаетъ всѣхъ сановниковъ. Гастонъ прогонитъ тогда своего канцлера и возьметъ другаго, которымъ мы не можемъ такъ управлять какъ этимъ. Теперь же Коанвё нашъ и находится въ совершенной вашей власти, потому что вы одни можете обвинить и изобличить его. Берегите эту тайну для самаго себя и будьте увѣрены, что посредствомъ ея вы можете управлять имъ какъ хотите. Теперь вы первое лицо въ герцогскомъ дворцѣ. Во всякомъ случаѣ я бы не сдѣлалъ его кардиналомъ, я ему это сказалъ такъ, на вѣтеръ, чтобъ задобрить его во время интригъ. Что же до васъ касается, то это разница, я люблю васъ. Теперь поговоримте о другомъ. Разскажите мнѣ какъ другу, что говорятъ съ вами обо мнѣ Гастонъ съ тѣхъ поръ, какъ мы помирились.

— Мнѣ кажется, что онъ васъ любитъ гораздо больше прежняго; и я имѣлъ счастье способствовать этому.

— Мы это знаемъ, молодой человекъ. Говорили вы съ нимъ о женитьбѣ? Расположенъ ли онъ покориться волѣ короля своего брата, если мы выберемъ ему невѣсту?

— Это очень щекотливый вопросъ, ваше святѣйшество; онъ не любитъ принужденій сердца, и я не думаю, чтобъ на этотъ счетъ онъ скоро согласился. Нельзя ничего предвидѣть, не вѣдавъ предназначенной ему особы, не зная впечатлѣнія, которое она произведетъ и минутнаго расположенія принца. Только одинъ случай или скорѣе сердце Гастона можетъ рѣшить все это.

— Когда мы рѣшимъ, то я вамъ дамъ знать тайно, чтобъ вы постарались выставить эту особу съ выгодной стороны въ глазахъ принца.

— Это очень деликатное порученіе, но я не отказываюсь.

— А что говорить онъ о братѣ, уважаетъ ли его какъ слѣдуетъ уважать своего государя?

— Въ противномъ случаѣ, я бѣ у него не остался.

— Глупо бы сдѣлалъ, молодой человѣкъ. А бываютъ ли у него съ матерью совѣщанья?

— Онъ ласковъ и почтителевъ къ ней, какъ добрый сынъ.

— Я это знаю; но не говорятъ ли они между собою о политикѣ? не интригуютъ ли противъ меня? Королева Марія ненавидитъ меня, и я боюсь, чтобъ она не очернила меня въ глазахъ Гастона, который такъ легковѣренъ. Что говорятъ они обо мнѣ?

— Я не бываю при ихъ разговорахъ.

— Само собою разумѣется; но его высочество такъ откровенъ, не скрываетъ ничего отъ друзей своихъ, слѣдовательно и я думалъ, что онъ сообщилъ вамъ свои ночныя совѣщанья съ матерью. Я забочусь не о Гастоновомъ мнѣніи, но о мнѣніи его матери; она говоритъ съ пыломъ Италіанки, и тѣмъ болѣе скрываетъ мнѣніе свое въ глубинѣ, тѣмъ болѣе разкрываетъ глубину души наединѣ.

— Еслибъ князь сообщалъ мнѣ разговоры свои съ матерью, такъ не иначе какъ подъ обѣщаніемъ хранить его тайну. Слѣдовательно, мнѣ невозможно бѣ было пересказывать ихъ.

— Разумѣется. Надо бы было обѣщать ему не говорить; но между мной и вами тайнъ быть не можетъ. Я бы притворился, будто ничего не знаю, и никто въ мірѣ не узналъ бы, что вы мнѣ пересказали ихъ разговоръ.

— Мнѣ этого недостаточно, чтобъ меня только не подозрѣвали въ измѣнѣ, а въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ я былъ измѣнникомъ. Я никогда не рѣшусь на такой поступокъ.

— Чобъ успокоить вашу совѣсть, продолжалъ кардиналъ, я расскажу вамъ, любезный другъ, положеніе дѣла, и что я намѣренъ дѣлать. Достоинства ваши и познанія заслуживаютъ мою довѣренность.

— Знайте же, что власть моя непоколебима, и на что бѣ ни стали покушаться обѣ королевы, герцоги Орлеанскій и Лоренскіе, все будетъ напрасно. Король твердо рѣшился никогда со мною не разставаться. Слѣдовательно, если королева мать не откажется отъ своего намѣренія погубить меня, то погубить себя. Я буду въ отчаяніи, если это случится; но если она прибѣгнетъ къ крайностямъ, то потеряетъ сыновнюю любовь, уваженіе, состояніе и даже свободу. Сами посудите, каково мнѣ будетъ быть причиною

столькихъ несчастій? Но я не отступлю отъ этой необходимости для блага государства. Между желающими взять узды правленія, вѣтъ ни одной руки, способной держать ихъ. Я одинъ противъ асъхъ, потому что если бы я далъ имъ волю, они погубили бы Францію. Естественно, что они ненавидятъ меня. Я бы могъ снѣяться надъ всѣмъ этимъ; но интриги Маріи Медичи повлекутъ за собою тягостное зрѣлище. Король перестанетъ любить ее, сошлетъ въ какой-нибудь дальній замокъ и она умретъ въ изгнаніи, безъ почестей и утѣшенія. Кажется, такіа несчастія заслуживаютъ наше вниманіе. Чтò вы на это скажете?

— Что это пугаетъ меня; но....

— Такъ подумайте же, продолжалъ министръ, какія несчастія могутъ произойти изъ пустыхъ словъ какого-нибудь вѣтренника и запальчивой женщины. И каково вамъ будетъ вспомнить, что однимъ словомъ вы могли предупредить зло и не сдѣлали этого? Въ такомъ случаѣ, вы, напротивъ, обязаны говорить. И развѣ все это горе можно сравнивать съ пустою деликатностью?

— Ваше святѣйшество, отвѣчалъ Шюйлоранъ, могло бы заставить сбиться меня съ прямого пути, если бы деликатность, которую она называетъ пустою не была вѣрнымъ моммъ путевода-телемъ, который никогда не обманываетъ. Если бы я былъ совершенно чужимъ въ домѣ его высочества, если бы узналъ случайно какую-нибудь тайну, то по необходимости, изъ желанія добра, можетъ-быть и объявилъ бы ее; но я занимаю такое мѣсто, что по необходимости дѣлаюсь довѣреннымъ лицомъ; слѣдовательно все что знаю, знаю подъ клятвой тайны; и если я стану пересказывать вамъ, то сдѣлаюсь измѣнникомъ. Совѣсть у меня не политическая, я не могу жертвовать ею для государства; я честный человекъ и не хочу обманывать своего друга.

— А благодѣтеля развѣ можно обманывать? Вѣдь вы имѣете обязанности своимъ счастіемъ.

— Вы несправедливы ко мнѣ. Если бы герцогъ потребовалъ, чтобы я передалъ ему разговоръ, которымъ ваше святѣйшество удостоило меня, то я бы не согласился, потому что понимаю причины, по которымъ вы такъ дѣйствуете.

— Однако мнѣ необходимо знать сношенія и совѣщанія Гас-тона съ матерью.

— Требуйте отъ кого-нибудь другаго.

— Вы одинъ можете оказать мнѣ эту услугу и должны рѣшиться...

— Быть шпиономъ?... никогда!

— Не слѣдуетъ горячиться. Подумайте о томъ, что я говорилъ вамъ.

— Нечего думать, я прошу ваше святѣйшество не требовать отъ меня невозможныхъ жертвъ. Я рожденъ не для такого низкаго ремесла, и никогда не принужу за него; лучше я опять оставлю дворъ и возвращусь къ себѣ въ провинцію.

Кардиналъ принялъ самый строгій видъ.

— Вы не уѣдете въ провинцію и не можете оставить двора, сказалъ онъ, потому-что вы мнѣ надобны, потому-что Гастонъ не отпуститъ васъ, и вы будете исполнять должность, которую я вамъ назначилъ, потому-что вы занимаете уже это мѣсто, ходъ дѣлъ уже далеко зашелъ, никто другой не можетъ замѣстить васъ и вамъ не возможно отказываться. Волею или неволею, а вы должны повиноваться.

— Никогда! будьте въ томъ увѣрены.

— Посмотримъ! вскричалъ кардиналъ бросая ужасный взоръ на Пюйорана. Вы не хотите мнѣ служить тайно; по нашему, это значить быть шпиономъ? Ну, такъ вы будете исполнять это ремесло явно. При первой ссорѣ короля съ братомъ, начнутся письменные переговоры, и я поставлю въ заключеніе: что мосьё де-Пюйоранъ обязанъ, если будутъ впродъ какіе-либо интриги въ домѣ герцога, увѣдомлять о нихъ короля. Его высочество трусливъ отъ природы, согласится на такое постыдное условіе и тогда васъ всѣ стануть называть шпиономъ, чего вы такъ боитесь.

— Извольте писать все, что вамъ угодно; между вашимъ заключеніемъ и исполненіемъ все же останется моя непреклонная воля и честь.

— Хорошо, увидимъ! Если вы не послушаетесь приказаній короля, то при второй ссорѣ голова ваша можетъ слетѣть.

— Пусть слетаетъ. Она соединится съ тѣмъ, которыя вы уже отрубили.

— Подумайте, молодой человѣкъ.

— Я никогда не думаю о низостахъ; я ихъ отвергаю и презираю.

— Ступайте, сказалъ кардиналъ, стуча по столу, и приходите завтра съ другими мыслями.

— Привычка видѣть всегдашнюю неискренность волъ вашей,

ослѣдуетъ вамъ, отвѣчалъ молодой чинавѣкъ. Я не приду завтра и не переживу мысли о смерти.

Сказавъ это, Пюлоранъ гордо поклонился министру и вышелъ.

На истиннѣ онъ встрѣтилъ Лопеса, который преобразился по ступенинѣ.

— Я застаю васъ, маркизъ, въ тайныхъ разговорахъ съ кардиналомъ.

— Ты не подходишь меня больше, старый плутъ, отвѣчалъ Пюлоранъ; все кончено между мной и министромъ.

— Клянусь Маргометомъ! вскричалъ Арабъ; какое неблагоустройство! Развѣ вы не знаете, что власть кардинала гораздо выше королевской власти? Его величество оставилъ себѣ только одно право — лечить зубы. Такъ идите же скорѣй назадъ и просите прощенья.

— Слишкомъ поздно. Его святѣйшество грозилъ мнѣ, вызвалъ меня на угрозы и я скорѣй пойду на эшафотъ, чѣмъ покорюсь ему.

— Такъ не подходите же ко мнѣ, вскричалъ Лопесъ убѣганъ; вы заражены язвою, я боюсь васъ.

Проходя черезъ дворъ, Пюлоранъ встрѣтилъ надмоазель де-Поль-Шатё, сопровождаемую двумя степенными и женанными дамами, которыя шли за нею чинно, ибѣрными шагами съ четками при поясахъ и съ молитвенниками въ рукахъ.

— Любезный рыцарь, сказала Маргарита, вы видите мою окруженную всеми преаратами и знаками взрослой дѣвушки. Теперь нельзя больше читать романовъ, говорить напыщеннымъ слогомъ и играть подъ тѣнью деревь. Дамы эти говорятъ, что я совершенно-лѣтняя, а это значитъ, что не надо больше хохотать во все горло и бросать на воздухъ зернышекъ, когда ѣшь яблоки: меня величаютъ теперь надмоазель и говорятъ съ почтениемъ: «Угодно вамъ того? прикажете идти туда?» А между тѣмъ не слушаются меня. Все это прескучно. Когда же я хочу поступать по собственной волѣ, то мнѣ читаютъ такіе длинные раяцы, что я засыпаю среди бѣлаго дня. Вотъ почести и привилегіи монахъ-лѣтъ. Между-тѣмъ, въ этихъ прекрасныхъ правилахъ, будетъ для васъ исключеніе; вы будете продолжать называть меня Маргаритою, и останетесь всегда моимъ рыцаремъ.

Къ-несчастію, Маргарита, у меня не будетъ къ тому случая. Мы

иссоорились съ кардиналомъ, оувъ оскорбить меня, и ны виднелсь съ вами въ послѣдній разъ.

— Чубъ это звать? вскричала дѣвушка, я ноняро васъ съ людей и все будетъ по-прежнему.

— Никогда! отвѣчала Пюйлоранъ.

— Боже! что жъ такое случилось? вскричала Маргарита?

— Я не могу вамъ сказать.

— Вы приходите на меня ужасъ. Я была такъ весела, а теперь рыданія задушмятъ меня.

— Помните ли, милая Маргарита, тотъ день, когда будущи еще ребенкомъ, я вынулъ раковину и поднесъ вамъ ее, какъ какою-нибудь сокровище?

— Какъ не помнить; до-сихъ-поръ она у меня хранится.

Теперь же, какъ ны оба выросли, позвольте мнѣ поднести болѣе достойный васъ подарокъ. Прините этотъ перстень и носите его въ память нашего дѣтства, въ память нашей дружбы. Когда ны съ вами разстанемся, онъ будетъ напоминать вамъ бѣднаго рыцаря, который играя воображалъ, что для васъ жертвуетъ своею жизнью, а теперь и въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлъ бы умереть для своей дамы.

— Я принимаю вашъ перстень, рыцарь, и никогда съ нимъ не разстанусь, развѣ только тогда, когда вы забудете бѣдную принцессу и полюбите другую, тогда я возвращу его.

— Въ такомъ случаѣ, онъ всегда останется на рукѣ вашей.

Слушая такой разговоръ, дамы поглядывали другъ на друга и дѣлали странныя мины.

Маргарита замѣтила это, и сказала дамамъ:

— Не удивляйтесь, что я приняла перстень, я покажу его лядюшкѣ и сама передамъ ему мой разговоръ съ рыцаремъ. Прощайте, Антоанъ, прощайте, мой другъ; я увѣрена, что мы скоро увидимся.

— Прощайте, Маргарита, я васъ такъ любилъ, никогда не говоря вамъ, что буду умѣть, и не видя васъ, любить.

Когда Маргарита рассказала все это кардиналу, то кардиналъ улыбнулся и сказалъ:

— Я не вижу тутъ ничего дурнаго. Оставь у себя перстень, другъ мой; очень радъ, что Пюйлоранъ любить тебя, это свяжетъ его еще больше.

— Какъ! вскричала дѣвушка, вы радуетесь, что онъ любитъ меня, а между-тѣмъ оскорбляете? такъ что онъ поклонялся не-

когда не видатьея съ вами. Знаете ли, что это очень дурно съ вашей стороны?

— Это политика, въ которой ты ровно ничего не понимаешь, другъ мой.

Выходя изъ кабинета министра, Пюйлоранъ былъ ужасно взбѣшенъ, но послѣ встрѣчи съ племянницей кардинала, гнѣвъ его утихъ и уступилъ мѣсто раздражающему горю. Въ простодушныхъ глазахъ Маргариты, выразилась вся любовь къ нему въ самую минуту разставанья, а между-тѣмъ, честь и совѣсть его становилась между нимъ и его возлюбленной, какъ эти женщины съ своими четками и молитвенниками: мысль, рѣшиться на какой-нибудь недостойный поступокъ не могла придти въ голову Пюйлорану; онъ не могъ принять предложеній министра, а между-тѣмъ счастье его зависѣло отъ этого неумолимаго человѣка.

Скоро увидимъ, въ какую страшную бездну это непріятное положеніе должно было свергнуть бѣднаго Антоана де-л'Ажа.

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

ПОВѢСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖІАНЫ ФУЛЛЕРТОНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Въ одинъ изъ первыхъ прекрасныхъ майскихъ вечеровъ, Маргарита Лесли медленно всходила по извилистой дорожкѣ, усаженной плющемъ, которая вела къ Геронъ-Кастлю. Нѣжные цвѣты сирени и акаціи пріятно отливались на темной зелени лавровыхъ листьевъ; липы въ цвѣту наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ, а кусты бѣлыхъ розъ разстилали подъ ними бѣлоснѣжный коверъ изъ своихъ лепестковъ. Лучи заходящаго солнца пробивались между широкихъ вѣтвей дикихъ каштановъ; птички издавали то веселое, прерывистое щебетаніе, которое возникаетъ въ одномъ кустѣ, откликается въ другомъ, подхватывается на вершинѣ столѣтняго дерева, потомъ спереди, сзади, сверху, сливается въ одну звучную, восторженную пѣснь. Маргарита часто останавливалась: то чтобы сорвать цвѣтокъ и присоединить его къ букету, который она держала въ рукѣ, то нагнуться надъ вѣткою сирени, отличающею своимъ необыкновеннымъ синимъ отливомъ, и вдыхать ея нѣжный ароматъ; то останавливалась передъ просѣкою, открывавшею видъ на долину, по которой течетъ Грантъ, и за которую тянулись лѣса и видѣлись сѣрыя стѣны ея милого отчаго дома. День былъ воскресный, и далекій гулъ колоколовъ несся въ воздухъ, чудно согласуясь съ вре-

менемъ и мѣстомъ, также какъ тихій, далекій лай дворовыхъ собакъ, необходимая принадлежность каждаго англійскаго ландшафта.

Между-тѣмъ какъ Маргарита любовалась этою картиною весенней природы, къ ней подошелъ Вальтеръ, взявъ ее подъ руку, и повелъ назадъ къ дому.

— Это чрезвычайно любезно съ вашей стороны, милая Маргарита, сказалъ онъ. Я самъ собирался въ Грантли, но гораздо лучше, что вы пришли. Гдѣ Джиневра?

— Она разсталась со мною подъ горою, чтобы зайти въ геронскую часовню. Въ-самомъ-дѣль, прекрасный вечеръ располагаетъ къ молитвѣ; когда видишь надъ собою это чистое небо, и вокругъ себя эти дивныя творенія Божія, кажется, будто слышишь благословеніе Божіе. Сегодня, — продолжала она съ нѣкоторымъ волненіемъ, — это прощальное благословеніе; въдь сегодня последнее воскресеніе, которое мы проводимъ здѣсь.

Вальтеръ не отвѣчалъ, но крѣпче сжалъ ея руку. Въ это время они проходили черезъ цвѣтникъ, лежавшій на западной сторонѣ зданія, и приближались къ открытому окну, у котораго сидѣла Вальтерова мать. Лучи заходящаго солнца падали на блѣдныя, тонкія черты мистрисъ Сидней; глядя на странный отливъ, который это освѣщеніе давало ея черному платью, ея гладкому чепцу и необыкновенно бѣлымъ рукамъ, на лежавшую передъ нею огромную Библию, и стоявшую подлѣ вазу цвѣтовъ, казалось, будто видишь передъ собою какой-нибудь рембрантовскій портретъ.

— Какъ хороша ваша матушка въ эту минуту! шепнула Маргарита Вальтеру.

Онъ грустно улыбнулся, и сказалъ:

— Да, она хороша красотою старости; въ ней, кажется, читаешь миръ въ здѣшней жизни, и упованіе на жизнь будущую.

— Милая мистрисъ Сидней, сказала Маргарита съ нѣжностью, подходя къ окну, и садясь на широкій подоконникъ.

— Твое старое мѣсто, душа моя. Добро пожаловать, въ этотъ прекрасный вечеръ. При тебѣ и солнышко свѣтлый горитъ, какъ говоритъ старикъ Андрей, каждый разъ, какъ увидитъ тебя. Ужъ не пришла ли ты проститься съ нами?

— Нѣтъ не совсѣмъ; я пришла провести у васъ свой послѣдній воскресный вечеръ.

— Да, уже семнадцать лѣтъ, какъ не прошло ни одного воскресенія, безъ тебя, сказала мистрисъ Сидней, и голосъ ея слегка задрожалъ; — а вотъ теперь увидишь отъ насъ....

— Всего на нѣсколько мѣсяцевъ, отвѣчала Маргарита разсѣянно, и устремила взоры въ лицо Вальтеру. Онъ отвѣчалъ на взоръ ея улыбкою; но эта улыбка была на его лицѣ, только пока она смотрѣла на него; какъ скоро Маргарита отвела глаза, улыбка исчезла; онъ отвернулся и медленно пошелъ къ оранжевымъ.

— Вальтеръ сегодня, кажется, разстроены, сказала Маргарита вполголоса.

Слезы, которыя и прежде того готовы были хлынуть изъ глазъ старушки, при этихъ словахъ медленно потекли по ея щекамъ. Маргарита, какъ бывало въ дѣтствѣ, поспѣшно вспрыгнула черезъ окно въ комнату, села на ручку кресель мистрисъ Сидней, и обвивъ руку вокругъ ея шеи, сказала:

— Не боленъ ли Вальтеръ?

— Нѣтъ, онъ не боленъ, моя милая.

— Такъ отчего же онъ смотритъ такимъ больнымъ, и отчего вы такъ печальны?

— Я не печальна, а только мнѣ развѣ немножко грустно, отвѣчала мистрисъ Сидней, стараясь улыбнуться; но все усилія ея произвели не больше, какъ легкое дрожаніе въ углу рта.

— Мистрисъ Сидней, посмотрите на меня; ну взгляните же на меня.

Маргарита уже пересѣла на скамейку противъ старушки. Она держала обѣ ея руки, и смотрѣла ей въ лицо съ особеннымъ выраженіемъ, въ которомъ соединялись и нѣжное участіе, и нѣкоторая важность, и даже самая малость досады. Въ эту минуту она была такъ обворожительна, какъ никогда.

— Ну взгляните же на меня, мистрисъ Сидней, смотрите мнѣ прямо въ лицо. Теперь, мистрисъ Сидней, скажите мнѣ всю правду: отчего Вальтеръ такъ печаленъ?

— Онъ не печаленъ, моя милая.

— Печаленъ, возразила Маргарита съ жаромъ; и вы также печальны! и меня вы огорчите, если не скажете правды.

— Что жъ я скажу тебѣ, душа моя? Ты сама знаешь, какъ мы съ тебя любимъ, а ты вѣдешь отъ насъ; и притомъ....

— Притомъ, что же?

— Вѣдешь ты въ Лондонъ; тамъ — увидишь новыхъ знакомыхъ, полюбишь ихъ.... и они тебя полюбятъ.... потомъ выйдешь замужъ... а.... и Вальтеръ будетъ такъ радъ.

— О, Вальтеръ будетъ радъ? въ-самомъ-дѣль? — И Маргарита выхватила изъ вазы свою соименницу, и принялась очищать ея бѣлые лепестки, приговаривая безсознательно про себя старинную фран-

цузскую приговорку. « Je vous aime un peu, beaucoup, passionnement pas du tout ». Между-тѣмъ мистрисъ Сидней продолжала прерывисто :

— Вальтеръ говорить, что ты должна выйти замужъ, — что ты выйдешь замужъ, — что мы все должны желать этого, — и что мистръ Невиль такъ богатъ, и самъ собою располагаетъ, — и если ты встрѣтишь мистра Невиля въ городъ — мы все будемъ такъ рады, моя милая ; ты знаешь, какъ мы все тебя любимъ. Только ты будешь рѣдко прѣзжать сюда, — можетъ-быть, разъ въ годъ.... Вотъ когда подумаешь это, и станеть грустно, и жаль можетъ-быть.... и.... мѣ.

— Мистрисъ Сидней, скажите Вальтеру, — пожалуйста скажите ему, что я не выйду за мистра Невиля. Чтò другое, а это невозможно.

— Отчего же, моя милая? спросила мистрисъ Сидней, нѣсколько оживляясь, и смотря пристально на хорошенькое, пылающее личико, смотрѣвшее ей въ глаза.

— Оттого, что я скорѣе выйду за кого бы то ни было, чѣмъ за него.

— Пожалуй, даже за Вальтера, сказалъ голосъ за окномъ.

Маргарита задумалась. Мистрисъ Сидней задрожала ; это былъ голосъ ея мужа ; ничего она такъ не боялась, какъ его вмѣшательства тамъ, гдѣ дѣло шло о чувствахъ, а тутъ онъ ввязался въ вопросъ, который она болѣе всего на свѣтѣ желала бы защитить отъ его прикосновенія.

— *Даже* за Вальтера! вскричала Маргарита. Это *даже* слишкомъ не у мѣста при имени Вальтера.

— Какъ, неужели ты вышла бы за этого стараго чудака?

Мистрисъ Сидней отирала дрожащими руками свои очки, и сказала тихо :

— О Маргарита, не шути этимъ.

Маргарита сжала ей руку, и сказала мистру Сиднею очень серьезно, и съ яркимъ румянцемъ на щекахъ :

— Если бы Вальтеръ не любилъ меня такъ, какъ братъ любитъ самую избалованную и самую несносную изъ сестеръ, я въ-самомъ-дѣлъ не знаю, что бы я отвѣчала. Въ настоящемъ же случаѣ не требуетъ отвѣта. Вотъ я дошла до послѣдняго лепестка моей маргаритки, и будетъ съ меня болтать вздоръ на сегодняшній вечеръ.

Тутъ до нея долетѣлъ глубокій вздохъ мистрисъ Сидней, за которымъ послѣдовало едва слышное : — Благодарю тебя, душа моя ! — какъ скоро мистръ Сидней отвернулся, и заложивъ руки въ карманы, отошелъ отъ окна.

— Вы говорили мнѣ, чтобы я не шутила этимъ, сказала Маргарита роб-

ко, подперевъ головку рукой на кольяхъ мистрисъ Сидней; скажите, почему? Вотъ, вы плачете; говорила я прежде, что вы плакали, — продолжала она, между-тѣмъ какъ слезы старушки часто капали на ея голову. — И по-дѣломъ вамъ. У кого есть печаль на сердцѣ, грѣшно не сказывать; и самому тяжелѣе, и значить, что въ сердцѣ есть горечь.

— Не во всѣхъ сердцахъ, вскричала старушка. — О нѣтъ, въ его сердцѣ нѣтъ горечи. Бываетъ она подчасъ въ моемъ, можетъ-быть... Я такъ пламенно желала бы видѣть его счастливымъ.

— Не пламеннѣе меня! шепнула Маргарита.

Мистрисъ Сидней наклонилась, и поцѣловала ее въ лобъ. Маргарита обвила руки вокругъ ея шеи, прижала ротъ къ ея уху, и прошептала:

— Будетъ онъ счастливъ, если я выйду за него? — И она скрыла свои горящія щеки на шею изумленной и тронутой матери.

— О Маргарита, моя милая дочь! что я сказала? что я сдѣлала?... Это было дурно съ моей стороны, онъ будетъ недоволенъ. О, онъ не долженъ знать этого.

Маргарита подняла голову; свѣтлая улыбка скользнула по ея лицу, и она сказала:

— Какъ же устроимъ мы его счастье, если не будемъ говорить ему этого?

— О нѣтъ, моя милая, это невозможно! Это не правда... голова моя совсѣмъ помутилась... я, навѣрное, сказала, сдѣлала что-нибудь, чего не слѣдовало. Вальтеръ никогда не проститъ меня.

— Какъ, онъ? сказала Маргарита, надувшись. — Но скажите же мнѣ, если ужъ дѣло пошло на устроение его счастья, какъ же онъ говорилъ, и съ какого времени?

— О Маргарита, вскричала мистрисъ Сидней съ возрастающимъ одушевленіемъ; онъ любилъ тебя съ самой колыбели; любилъ тебя, когда ты была еще ребенкомъ, обожалъ слѣдъ, по которому ты проходила въ веселой безпечности; вся жизнь его была одною безпрестанною мыслью о тебѣ одной. Недавно я видѣла, какъ глубоко любовь запала въ его душу; это было, когда первая туча налегла на твое лицо. — «Все готовъ я перенести, только не это», говорилъ онъ; и я знаю, что онъ такъ думалъ.

Краска вспыхнула на щекахъ Маргариты, при этомъ напоминаніи недавнихъ ея печалей. Рана еще недавно только зажила, и легкая грусть подернула ея лицо. Она чувствовала, что возбудивъ надежды въ сердцѣ матери, поступила неосторожно, неосторожнѣе, чѣмъ если бы сказала это самому Вальтеру. Она желала быть въ эту минуту од-

ной, и размыслить о своемъ положеніи; ей вдругъ стало странно увидѣть его, и она сама не знала отчего; когда же дверь отворилась, и Вальтеръ вошелъ, сердце ея сильно забилось.

Онъ сѣлъ подлѣ нея, и сталъ спокойно и весело говорить о скоромъ ея отъѣздѣ, о Лондонѣ, о томъ, какъ онъ будетъ печся, въ ея отсутствіе, о всемъ, что ей мило здѣсь. Она дала ему прочесть длинное письмо, полученное ею въ тотъ день отъ одной изъ крестьянокъ, состоявшихъ подлѣ ея покровительствомъ, и спросила его мнѣнія. Писавшая была молоденькая сирота, въ которой они оба принимали сильное участіе. Она была несчастна въ любви; ей приглянулся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, молодой человекъ, нѣсколько высшаго состоянія чѣмъ она, ухаживалъ за нею и потомъ бросилъ ее; теперь на ней сватался одинъ сосѣдъ, земледѣлецъ. Ридель давно любилъ ее, говорила бѣдняжка, и она, пожалуй, вышла бы за него, но не рѣшалась еще, и просила, чтобы мистъ Лесли благоволила дать ей добрый советъ. Между-тѣмъ какъ Вальтеръ читалъ письмо, Маргарита разсматривала его съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Въ этой смѣси озабоченной задумчивости и спокойствія, было что-то совершенно особенное. Черты лба и глазъ были сильно обозначены, и показывали слѣды страданія; въ губахъ, напротивъ, было необыкновенное для его лѣтъ выраженіе спокойствія и кротости. Волосы его, черные съ едва замѣтною сѣдиною, были довольно густы съ боковъ; но высоко обнажали лобъ и виски. Она смотрѣла на это блѣдное, задумчивое лицо, старалась соединить выраженіе его съ разными обстоятельствами прошедшей жизни, которую она теперь припоминала; и съ сильнымъ волненіемъ думала: чего не долженъ былъ онъ перенести, сколько долженъ былъ страдать, если дѣйствительно любилъ ее не какъ братъ, а какъ женихъ.... Женихъ! она почти вздрогнула, когда это названіе представилось ея уму. Ей казалось такъ неумѣстнымъ думать о Вальтерѣ, какъ о женихѣ; онъ былъ такъ не похожъ на того, что недавно еще являлся въ этомъ качествѣ мечтамъ ея! Это слово было ей непріятно. Не хотѣла бы она видѣть Вальтера у ногъ своихъ, или слышать съ устъ его слова любви, которая такъ желала слышать съ устъ Невилля; но она готова была положить руку въ его руку и идти съ нимъ черезъ все испытанія жизни съ благодарнымъ сердцемъ и спокойною душою. Въ это мгновеніе онъ поднялъ глаза съ письма, и сказалъ:

— Какой же советъ думаете вы дать этой дамуикѣ?

— Относительно свадьбы?

— Да; хорошо ли она сдѣлаетъ, если выйдетъ замужъ, не чувствуя болѣе любви къ Риделю.

— Это зависитъ оттого, чего ожидаетъ Ридель?

— Правда; но если онъ доволенъ тою привязанностью благодарности, которую она, какъ говоритъ, ощущаетъ къ нему?

— Если онъ доволенъ, то я и подавно, отвѣчала Маргарита, съ улыбкою.

Вы, какъ я вижу, не очень романтичны въ мысляхъ своихъ насчетъ вашихъ питомцевъ, замѣтилъ Вальтеръ.

— Это зависитъ оттого, что станете разумѣть подъ романтичностью. Адна, можетъ-быть, найдетъ въ глубинахъ своего сердца, болѣе сочувствія къ тому, кто любитъ ее со всею истинною романтичностью безвозмездной любви, чѣмъ къ лихорадочной мечтѣ, которая, можетъ-быть, только посылала ея воображеніе, а не коснулась чувствъ.

Вальтеръ взглянулъ на Маргариту; на глазахъ ея блистали слезы; мать его встала и вышла изъ комнаты. Онъ медленно сложилъ письмо; чередъ имъ носилась какая-то странная, темная надежда, — неестественная надежда, казалось ему, — какое-то видѣніе, которое ослѣпляло его своею невѣроятностью.

— Маргарита, сказалъ онъ наконецъ; Маргарита! точно ли вы полагаете, что такая любовь, о какой вы говорили, пламенная, преданная любовь, родившаяся бессознательно и бессознательно вскормленная, считая съ каждымъ часомъ жизни человека, усиленная каждымъ испытаніемъ, сроднившаяся съ каждымъ движеніемъ души, — любовь, съ которою человекъ боролся, какъ скоро замѣтилъ ее, но которой онъ не могъ истребить, а только обратилъ въ безграничную преданность, не знающую надежды, и не ждущую взаимности, — что такая любовь можетъ наконецъ неожиданно возбудить взаимность?

Слезы медленно текли по щекамъ Маргариты; но на устахъ ея была улыбка, и она сказала съ свойственною себѣ дѣтскою шутовскою:

— О комъ вы говорите, старикъ Вальтеръ? о Риделѣ? — и она положила руку на его руку.

Онъ вздрогнулъ, и сказалъ поспышно:

— Скажите, милая Маргарита, ради Бога, скажите, понимаете ли вы меня?... и я понимаю ли васъ?... или я говорю безмысленный вздоръ?... думалъ вслухъ?... Теперь прошло, — сказалъ онъ съ усмѣлкой, и потомъ продолжалъ съ печальною улыбкой: — Я кажется задремалъ.

Маргарита схватила его руку, и святая слеза капнула изъ ея глазъ на его руку.

— О Маргарита, не печальтесь обо мнѣ — если я слишкомъ проговорился, и вы угадали истину... не печальтесь обо мнѣ; пусть никакая тѣнь печали или замѣтательства не смущаетъ вашей дружбы, милая Маргарита! Есть чувства, которыя служатъ сами себѣ наградою; и если я люблю васъ, какъ можетъ-быть никто еще и никого не любилъ, то это уже само по себѣ счастье, достаточное для меня. Не буду скрывать, что я действительно страдалъ; но теперь я вижу васъ опять спокойною и довольною, какъ-будто мрачное облако и не проходило по вашей свѣтлой жизни; вы съ мужествомъ и съ терпѣніемъ возвратились къ своимъ семейнымъ обязанностямъ, и къ священнымъ подвигамъ любви къ ближнему. Я видѣлъ, что испытаніе очистило ваше сердце, не ожесточивъ его, и съ благодарностью, съ глубокою благодарностью, Маргарита, думаю обо всемъ, чего могу надѣяться для вашей будущности, вашего будущаго счастья.... вын....

Онъ умолялъ, потому-что руки Маргариты обвивали его шею, и она шептала ему такъ тихо, что едва ли кто кромѣ него могъ бы разслушать ее, что она любитъ его больше всѣхъ въ мѣръ, что она уже не разъ это думала, теперь же убѣждена въ томъ. Сердце его билось такъ сильно, что онъ едва могъ произнести одно слово; однако же онъ смирилъ свое волненіе, чтобы успокоить ее. Онъ взялъ руку Маргариты, и отвелъ ее къ окну. День уже смеркъся, и нѣсколько звездочекъ начинали мерцать на темномъ сводѣ неба. Рѣка, какъ серебряная лента отражала лучи луны, и ни малѣйшее дыханіе воздуха не возмущало безмолвія лѣтняго вечера. Они также молчали нѣсколько мгновеній; потомъ Вальтеръ заговорилъ; но голосъ измѣнялъ спокойствію его рвчей; онъ дрожалъ отъ волненія.

— Если я говорилъ вамъ сейчасъ, Маргарита, что въ любви къ вамъ я находилъ свою долю земнаго счастья, то посудите сами, какимъ блаженствомъ должна переполнить меня эта минута. Если бъ мнѣ определено было не знать другаго счастья на всю остальную жизнь свою, кромѣ воспоминанія объ этомъ мгновеніи, я и тогда не смѣлъ бы жаловаться. Но выслушайте меня, Маргарита. Я изъ глубины души благодарю васъ! благословляю васъ отъ всего сердца, я не могу любить васъ болѣе, чѣмъ любилъ досель: человѣку не дана сила любить пламеннѣе и съ бѣльшею покорностью; но еще болѣе, — болѣе чѣмъ когда-либо, будетъ въ рукахъ вашихъ моя жизнь, моя судьба, все мое существованіе! быть вамъ до самой смерти, всемъ, чѣмъ можетъ быть братъ, отецъ, мужъ, другъ, — вотъ единственная моя молитва, — и, — едва смѣю вѣрить себѣ, произнося это слово, — моя надежда отнынѣ. Но, Маргарита, выслушайте мое твердое, непоколебимое рѣ-

женіе, задуманное въ эту минуту безграничнаго счастья, и которому я, съ помощью Божіею, надвюсь не измѣнить. Вы не выйдете за старика Вальтера, не отдадите ему своей молодости, своей красоты, своего сердца, не свяжете себя неразрывно, пока вы не испытали и не повѣрили своихъ чувствъ, не узнали полной цѣны этого дара. Милая Маргарита, не говорите никому о надеждѣ, которою вы ошастливили меня. Пусть ни свѣтъ, и ни одно человѣческое существо не смѣетъ судить васъ, если придетъ день, когда вы съ тою же дѣтскою простотою, съ какою вы сейчасъ предлагали ввѣрить мнѣ свое счастье, придете ко мнѣ и скажете: — Вальтеръ, я ошибалась. Вы можете, вы должны любить меня, но не такъ какъ мы однажды думали. — Безмолвное пожатіе руки, минута борьбы, молитва, — и обманчивый сонъ разлетится. Конечно, короткая земная жизнь станетъ еще скучнѣе, еще безотраднѣе; но мысль о другой жизни будетъ еще драгоценнѣе чѣмъ прежде; и никто не будетъ знать объ этомъ испытаніи, или о радости настоящей минуты, кромѣ васъ и меня. Общайтесь мнѣ это, Маргарита!

— Ну, а сколько времени должно продолжаться это испытаніе, невѣрчивый Вальтеръ? Кажется, выходить, что я чуть не сама предложила вамъ свою руку, и получаю превъзвѣдливый и пречувствительный отказъ!...

Тутъ въ первый разъ Вальтеръ улыбнулся, и сердце его, казалось, вполне предалось своему счастью.

— Если, сказалъ онъ, черезъ годъ, и пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, и испытавъ свое сердце, вы...

— О да, я буду испытывать свое сердце, и знаю напередъ, какой будетъ отвѣтъ; и если черезъ годъ я не переменю моихъ мыслей, вы соблаговолите взять меня въ жены? Я очень вамъ благодарна за обещаніе, любезный Вальтеръ, хотя не могу не сказать, что довольно странное дѣло, чтобы вы предписывали условія. Зато когда придетъ время, вы должны будете просить моей руки по всемъ правиламъ, даже стать передо мною на колѣна, писать въ честь мою стихи, и прочая, какъ обыкновенно водится. О Вальтеръ, зачѣмъ не подумали мы объ этомъ прежде? — вскричала она съ нѣжною живостью, но опомнилась, увидѣвъ глубокое волненіе, пробѣжавшее по его лицу, и усыпавъ его тихій инепотъ. — Никогда не подумали! — Маргарита продолжала: — Да, и могли бы подумать. Если бъ мы не открыли сегодня своего сердца другъ другу, я пожалуй и теперь не понимала бы еще своихъ чувствъ!

Долго еще говорили они о прошедшемъ, повѣряли другъ другу свои

чувства и мысли. Только когда на старинныхъ часахъ Геронъ-Кастелъ приблило десять, они отвернулись отъ окна; Маргарита, накинувъ шальку и плащъ, побѣжала въ маленькую гостиную, гдѣ мистръ Сидней хрюпалъ въ своихъ креслахъ, а мистрисъ Сидней прислушивалась къ каждому звуку и къ каждому шороху. Она поцѣловала блѣдную, худую шею Вальтеровой матери, и шепнула ей на ухо:

— Не бойтесь, онъ проститъ васъ.

Когда она пришла домой, Джиневра сѣла въ библиотекѣ, и играла отцу церковныя пѣсни. Она тихонько пробралась въ комнату, и стала за сестрою. Дивные звуки Перголезова «Stabat mater» поразили ея слухъ, и блѣдный лучъ луны, изъ открытаго окна освѣтилъ лицо Джиневры. Казалось, никакой живописецъ не могъ бы придумать ничего выразительнѣе ея лица, для изображенія «Всескорбящей»; а дрожащій голосъ говорилъ, что она сама была удручена самыми тяжелыми скорбями, но что ее поддерживала какая-то нечеловѣческая сила. Видъ этого кроткаго страданія, тихаго, безропотнаго унынія, тронулъ Маргариту сильнѣе обыкновеннаго; потому, быть-можетъ, что онъ болѣе противорѣчилъ новому счастью, которымъ было наполнено собственное ея сердце. Но въ это самое мгновеніе, можетъ-быть, среди одинакаго страданія и унынія, въ сердцѣ младшей сестры былъ источникъ силы и утѣшенія, котораго другая не могла понимать вполне.

Какъ скоро Джиневра окончила прекрасную, столь жалобную и въ то же время религиозную мелодію, Маргарита подошла къ фортепiano, и обвивъ руку вокругъ ея шеи, шепнула:

— Джиневра, я счастлива; и молю небо, чтобы и ты могла скоро сказать то же.

Лучъ радости мелькнулъ по блѣдному лицу младшей сестры

— О мать милосердія! вскричала она, ты вымолила своимъ святымъ предстательствомъ!

Потомъ она обхватила рукою станъ Маргариты, и нѣжно смотря ей въ лицо, шепнула какъ можно тише: — Вальтеръ?

Маргарита зажала ей ротъ поцѣлуемъ, и послѣпнно вышла изъ комнаты.

Нѣсколько дней спустя, все семейство отправилось въ Лондонъ, куда и Вальтеръ, по условію своему съ Маргаритою, долженъ былъ ѣхать, какъ скоро окончатъ нѣкоторыя дѣла съ сосѣдями, очень важныя для его отца.

II.

Сестра полковника Лесли, мистрисъ Виндгемъ, была вдова и принадлежала къ числу тѣхъ людей, которыхъ всѣ любятъ, хотя ничто не въ состояніи объяснить удовлетворительно, за что ихъ любятъ. Она была слишкомъ погружена въ свѣтскія удовольствія, чтобы люди степенные, задумчивые, съ болѣе серьезнымъ взглядомъ на жизнь, могли сойтись съ нею; не довольно умна и не довольно безпритязательна, чтобы быть всегда очень пріятнымъ членомъ общества, или по крайней мѣрѣ никогда никому не мѣшать; слишкомъ тщеславна, чтобы отказываться для другихъ отъ мелочей, льстивинихъ ея самолюбію, и недовольно добра, чтобы оказать кому-либо значительную услугу. Но она была всегда въ добромъ духѣ, всегда рада гостямъ, всегда готова содѣйствовать ихъ удовольствіямъ, пріятно смѣялась, была всегда весела, радушно жала руки пріятелямъ; въ гостиной ея были чрезвычайно удобныя кресла, на столахъ лежали занимательныя книги съ ножками; домъ ея былъ поставленъ на довольно богатую ногу, чтобы доставлять удовольствіе посѣтителямъ, однако же такъ, что не могло рубить въ глазахъ отъ роскоши. Никогда не говорила она ничего непріятнаго ни въ глаза, ни за глазами; развѣ въ такихъ только случаяхъ, когда это доставляло особенное удовольствіе слушателямъ. Она редко бывала въ Грантли-Мэноръ, и почти не видалась съ братомъ съ самаго дѣтства. Однако же она очень обрадовалась, когда узнала, что онъ намѣренъ пріѣхать въ городъ съ семействомъ, и съ тайнымъ восторгомъ жаловалась на предстоящую ей муку вывозить племянницъ. Всѣмъ и каждому рассказывала она, что ихъ станутъ вывозить въ свѣтъ, и что дѣвушки, начинающія выѣзжать, не знаютъ никакой жалости, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы высиживать всѣ балы до конца, и что она, безъ всякаго сомнѣнія, не выдержитъ одного года. Ненси Винсентъ съ трудомъ удерживалась отъ улыбки, слушая эти жалобы, и размышляя, какъ вѣроятно, чтобы дѣвицы Лесли, особенно Блэдная Джиневра, стали такими неутомимыми посѣтительницами лондонскихъ баловъ. Впрочемъ она сама съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ждала ихъ пріѣзга. Ничто доселѣ не возбуждало въ такой степени ея любопытства, какъ состояніе сердца этихъ двухъ дѣвушекъ, и она не могла дожидаться времени, когда ей можно будетъ наблюдать ихъ въ обществѣ.

Съ кѣмъ бы она не встрѣтилась; тотчасъ заговаривала о дѣвицахъ Лесли; Маргариту объявляла богатою невѣстою, а Джиневру гонимомъ, и не упускала случая намекнуть, что послѣдняя какое-то странное,

загадочное существо, и что женщине трудно сойтись съ нею. Къ концу мая дѣвницы Лесли прѣхали въ Лондонъ, устроились, и были сданы подъ покровительство мистрисъ Виндгемъ, которая была въ такомъ же восхищеніи, что привелось ей вывозить двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ, какъ нищій радуется, что удалось ему взять на прокатъ большаго или увѣчнаго ребенка. Если бъ онъ не достались ей даромъ, она охотно ваяла бы ихъ за деньги. Никто до этого времени такъ не соответствовалъ ея видамъ и желанію, какъ дѣвницы Лесли, потому-что съ перваго же появленія своего въ лондонскомъ обществѣ, онъ, — употребляя выраженія, стереотипированныя иностранными газетами при отчетахъ о преніяхъ палаты, — возбудили сначала общее вниманіе, а потомъ и сильное ощущеніе. Обѣ были такъ хороши, и притомъ красота той и другой была такъ различна, что названія лиліи и розы какъ-то сами собою придавались имъ. Обѣ были прекрасно воспитаны, и самое разборчивое ухо, самый взыскательный вкусъ не могли подмѣтить слова или движенія, которое могло бы навлечь на себя ихъ строгое осужденіе; но въ то же время та и другая была совершенно самостоятельна, оригинальна по своему, и выдавалась среди общаго уровня дѣвницъ, какъ молодой горный ясень или индійская пальма среди рощи приземистыхъ ивъ. Тайныя обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ онъ вступали въ свѣтъ, болѣе всего содѣйствовали этому отличію ихъ отъ толпы ихъ сверстницъ. Обѣ онъ были еще очень молоды, и все было имъ ново, кромѣ глубокихъ ощущеній сердца; обѣ, хотя въ различныхъ степеняхъ, научились страданію на опытѣ; во всемъ же остальномъ, были просты и неопытны, какъ дѣти. Маргарита восхищалась свѣтомъ, какъ въ дѣтствѣ восхищалась игрушечною лавкою Гулянья, концерты, театры, танцы, обожанія, поклоненія, все это представлялось ей какимъ-то великолѣпнымъ спектаклемъ, въ которомъ она выполняла свою роль съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ ребенокъ пускаетъ хлопунки или кружится на качеляхъ; невозмутимая веселость богатой наследницы, ея любезность и безпечное равнодушіе къ курившемуся ей со всѣхъ сторонъ виміаму, ставили въ-тупикъ всѣхъ, кто только желалъ разгадать загадку. Глядя на нее, одинъ говорилъ сосѣду:

— Какъ вы думаете, у маленькой Лесли сухое сердце, или холодное, или сердце ея уже отдано?

— Я думаю, у нея вовсе нѣтъ сердца, отвѣчалъ сосѣдъ равнодушно, вливаясь въ тоже время въ нее глазами, будто въ анатомическую диковину.

Совсѣмъ не то было съ Джиневрою. Свѣтъ не представлялся ей бле-

стяжимъ, но пустымъ спектаклемъ, среди котораго она могла бы идти съ счастливымъ, безпечнымъ равнодушіемъ. Какъ въ сердцѣ своемъ она чувствовала глубокой элементъ движенія, вѣчно бродившій подъ спокойною, гладкою поверхностью его, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, подъ шумными радостями свѣта, подъ его гладкою наружностью, проника- тельный взоръ и тонкій умъ ея угадывали борьбу страстей и бури души. Сердце ея не нашло себѣ, подобно сердцу Маргариты, надеж- наго приюта, откуда она могла бы смотрѣть на свѣтъ какъ на тур- ниръ, котораго участники вставали и падали передъ нею, возбуждая одну только улыбку; напротивъ, свѣтъ являлся ей битвою жизни, бит- вою, отъ которой зависло все ея земное блаженство. Не проходило передъ нею ни одной женщины въ этихъ шумныхъ сборищахъ, которая не могла бы когда-нибудь стать ей соперницею, и домогаться той любви, которая по праву принадлежала ей одной. Въ театрѣ, на без- ковечныхъ обѣдахъ, въ скучныхъ утреннихъ визитахъ, не произноси- лось почти ни одного слова, которое не проливалось бы тайной тревоги въ ея душу, не трогало той или другой струны ея сердца. Часто съ безпечною упоминалось имя Эдмунда, — потому-что онъ былъ бо- гатъ, молодъ, считался свободнымъ; — одни изъявляли добрыя желанія и надежды, другіе строили свои расчеты, третьи злобно улыбались; а она, жена его, должна съ трепетомъ слушать это; и кровь бросалась ей въ лицо и опять отливала; сердце ея неистово билось въ груди при этихъ ничего незначащихъ, во мнѣніи другихъ, разговорахъ. Она была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо; и не одно удивленіе возбуждала она въ видѣвшихъ ее; многіе сами изумлялись тому странному обаянію, кото- рое Джиневра Лесли наводила на ихъ сердца. Всегда холодная и недо- ступная, она своимъ обращеніемъ закрывала уста тѣмъ, которые на- чинали говорить съ нею языкомъ любви; но быстрые переходы краски въ лицѣ, и волненіе, которое, казалось, легкимъ облакомъ набѣгало на чистую лазурь ея глазъ, когда до слуха ея долетали подобныя выра- женія, придавали новую силу внушеннымъ ею чувствамъ. И какъ ни холодна она была, когда видѣла себя предметомъ непосредственнаго вниманія; по временамъ однако же, когда она увлеклась отвлеченнымъ разговоромъ, холодность ея вдругъ исчезала, и молнія генія на мгно- веніе открывала глубь, сокрытую обыкновенно подъ невозмутимо спо- койною наружностью. По-мѣръ-того какъ она начала сознавать свою силу и впечатлѣніе, которое красота ея и краснорѣчіе производили на окружающую ее толпу, она сама не могла не дивиться своей странной доль и горестная улыбка, — одна изъ тѣхъ улыбокъ, которыя, смо- тря по характеру людей, оцѣвчаются горькимъ презрѣніемъ или невы-

разною тоскою, — пробвгала по лицу ея, при мысли о судьбѣ, которую налагалъ на нее тотъ, кому она подарила любовь свою, — любовь, которой столь многіе такъ усиленно и такъ тщетно домогались. Съ перваго же дня она сдѣлалась кумиромъ общества, въ которомъ внезапно появилась. Чужеземная наружность ея, загадочное обращеніе и наконецъ ея рѣдкія дарованія, все это соединилось, чтобы возбудить къ ней общее участіе, и она не могла не почувствовать противуположность между хвалами и энтузіазмомъ, которыхъ была предметомъ, и горькою, унизительною долею, на которую обрекалъ ее мужъ. Но любовь и преданность постороннихъ не могли исцѣлить ея сердца, а только растравляли его язвы. Когда съ энтузіазмомъ генія и со свойственнымъ ей простодушіемъ, она приводила въ восторгъ слушателей дивною мелодіей или импровизаціей, въ которой, казалось, мысль бурнымъ, непреодолимымъ потокомъ увлекала слово, и когда вокругъ нея раздавались клики удивленія и одобрительный ропотъ, — она обыкновенно безмолвно садилась на свое уединенное мѣсто; и одинъ только образъ носился передъ ея взорами, и громкія хвалы, звучащія въ ея ушахъ, имѣли для нея цѣну только какъ дань, которую она когда-нибудь положить къ ногамъ своего недостойнаго мужа.

Чѣмъ болѣе Маргарита наблюдала за сестрою, чѣмъ неусыпнѣе она слѣдила за ея поступками и обращеніемъ, тѣмъ тверже и сильнѣе становилось убѣжденіе ея, что было что-то необычайное, необъяснимое въ исторіи Джиневры. Ни въ поведеніи, ни въ обращеніи ея не было ни малѣйшаго признака, который могъ бы оправдать сужденіе о ней Нэнси, или подкрѣпить подозрѣнія, внушенныя ей собственнымъ ея открытіемъ въ Грантли-Мэноръ; и сама Маргарита почти не съ меньшимъ волненіемъ чѣмъ Джиневра узнала случайно изъ разговоровъ, что Эдмунда Невилля ожидали въ городъ черезъ недѣлю.

Погода стояла нестерпимо жаркая, и Лондонъ кипѣлъ народомъ, отъ множества пріѣзжихъ. Обѣ сестры были утомлены нѣсколькими днями непрерывныхъ увеселеній, а Маргарита сверхъ того досадовала на долгое отсутствіе Вальтера. Онъ писалъ, что дѣла удерживали его еще въ деревнѣ; но ей, въ тайнѣ души ея казалось, что такое продолжительное отсутствіе доказывало слишкомъ явную самоуврѣченность; что, однако же, не слѣдовало бы ему такъ слѣпо полагаться на свое счастье, и даже не любопытствовать присмотрѣть за нею впродолженіе столькихъ недѣль. Сколько уже было ей случаевъ влюбиться въ людей, которые, безъ-сомнѣнія, ничего такъ не желали. Когда же пришло еще письмо отъ него, въ которомъ онъ отсрочивалъ пріѣздъ свой на неопредѣленное время, ей пришло въ голову, что не мѣшаетъ ей,

скуки ради, и пококетничать, хоть самую малость, такъ только, чтобы выместить свою досаду.

Въ этотъ день назначенъ былъ вечеръ у мистрисъ Виндгемъ, и она взяла слово съ своихъ племянницъ, что онъ прѣддутъ пораньше. Домъ мистрисъ Виндгемъ выходилъ на Гайдъ-паркъ; всѣ окна были отворены, чтобы пропускать легкій вѣтерокъ, который по временамъ наполнял кисейныя занавѣски и шелестилъ между вазами съ цвѣтами и разноцвѣтными фонарями. Когда полковникъ Лесли прѣхалъ съ дочерью, гостей было еще очень мало; но быстрый взоръ Маргариты тотчасъ замѣтилъ между ними молодаго человѣка, котораго лицо было ей знакомо, потому-что она уже нѣсколько разъ встрѣчала его въ последнее время, хотя до того времени не полюбопытствовала узнать его фамилію. Онъ былъ въ глубокомъ траурѣ и съ первой встрѣчи поразилъ ее своею задумчивою и кроткою фізіономіею. Онъ непривыкъ, по-видимому, никакого участія въ удовольствіяхъ общества, а несмотря на то, имъ не случалось еще видѣть ни одного бала, ни одного вечера, на которомъ не былъ бы и онъ; и Маргарита замѣтила, что взоры его почти безпрестанно устремлялись на Джиневру. Она уже заключила, что это былъ слишкомъ робкій обожатель ея сестры, и стала забавляться наблюденіемъ этой безмолвной любви. Она хотѣла спросить у мистрисъ Виндгемъ имя скромнаго обожателя; но тетюшка была такъ занята пріемомъ вновь прибывшихъ гостей, что Маргарита не могла улучшить минуты, чтобы обратиться къ ней съ вопросомъ.

Объ сестры сѣли на софу противъ окна. Вскорѣ сэръ Чарльзъ Дарси, одинъ изъ молодыхъ людей, гостившихъ зимою нѣкоторое время въ Грантли-Мэноръ, возвратился съ балкона, и сѣлъ на стоявшій подлѣ софы стулъ. Онъ кивнулъ молчаливому молодому человѣку, подивившему глаза съ кипсека, котораго картинка по-видимому очень занимала его, и также кивнулъ въ отвѣтъ съ дружескою улыбкою. Мало-по-малу онъ вмѣшался въ разговоръ сэра Чарльза съ дѣвницами Лесли, и Маргаритѣ показалось, что онъ съ особенною жадностью ловилъ каждое слово на устахъ Джиневры. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, сэръ Чарльзъ спросилъ незнакомца :

— Не получали ли вы въ последнее время извѣстій отъ мисъ Анны?

— Какъ же, отвѣчалъ тотъ; она, я думаю, будетъ на дняхъ въ городъ.

— Вѣроятно, чтобы повидаться съ Эдмундомъ?

Маргарита быстро взглянула на сестру; незнакомецъ также, и всѣ трое ужасно покраснѣли.

— Онъ все это время, кажется, пробыль въ Парижъ? спросилъ опять сэръ Чарльзь.

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ, не спуская глазъ съ Джиневры; — какъ я слышалъ, сорить тамъ страшно деньгами, веселится и кутитъ на-пропалую.

— Не собирается жениться?

— Слышалъ я что-то въ такомъ родѣ; — впрочемъ, — прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — я думаю, что это одни пустые слухи.

— Кто же его невѣста? спросила Джиневра такъ тихо, что никто не разслушалъ вопроса. — Кого прочтуть ему въ невѣсты? повторила она, и на этотъ разъ такъ громко, что сосѣдь ея вздрогнулъ.

— Кого же, какъ не мистрисъ Фрезеръ, ту хорошенькую вдовушку, о которой такъ много толкуютъ.

— Мисъ Невиль одобритъ ли этотъ выборъ? спросилъ сэръ Чарльзь Дарси.

— Не знаю, отвѣчалъ незнакомецъ, не поднимая глазъ съ книги.

Въ это мгновеніе подошла къ нимъ мистрисъ Виндгемъ, и сказала съ безпечностью:

— Не объ этомъ ли несносномъ Эдмундъ Невиль вы здѣсь разсуждаете? Вообразите, что онъ писалъ мнѣ, что долженъ опять отсрочить свой пріѣздъ въ городъ, а я на него разсчитывала. Это совершенно разстроиваетъ мои планы.

— Какіе планы? спросилъ одинъ молодой человекъ.

— Насчетъ домашняго театра, въ которомъ я хотѣла предложить ему роль, отвѣчала мистрисъ Виндгемъ. — Вы знаете, что это устроивается съ благотворительною цѣлью; слѣдовательно, каждый, кто можетъ, обязанъ намъ содѣйствовать.

— А развѣ онъ хорошо играетъ? спросилъ сэръ Чарльзь.

— Превосходно, подхватила Маргарита, и продолжала будто про себя, вполголоса: — и не одну роль.

Молодой человекъ въ траурѣ склонилъ голову надъ книгою, и сказалъ такъ тихо, что Маргарита одна, и то только-что могла разслушать:

— Вы имѣете достаточный поводъ такъ говорить о немъ?

Глаза Маргариты встрѣтились съ его глазами, оба опять вспыхнули. Онъ тотчасъ же всталъ, а она предложила Джиневрѣ пройти въ другую комнату. Проходя мимо Люси Винсентъ, сидѣвшей за чайнымъ столомъ, Маргарита остановилась и спросила, кто тотъ молодой чело-

вѣкъ, что стоялъ въ дверяхъ, и разговаривалъ съ сэръ-Чарльзомъ Дарси?

— Это мистръ Чарльзъ Невиль, двоюродный братъ твоего пріятеля, мистра Эдмунда Невилля, и, кажется, женихъ его сестры. Неужели ты не знаешь его?

Въ эту минуту Маргарита почувствовала, какъ рука сестры задрожала на ея рукѣ, и они вышли объ на балконъ, гдѣ воздухъ былъ свѣжъ, и свѣтъ не такъ ослѣпительнъ. Онъ съли и нѣсколько минутъ оставались однѣ.

Мысли Маргариты переносились къ террасѣ Геронъ-кастля, къ грантли-мэнорскому цвѣтнику, къ старинной библіотекѣ, гдѣ сиживалъ Вальтеръ, а она играла ему любимыя его пьесы; вспоминала его любовь и нѣжныя попеченія, и невольно улыбалась при мысли о задуманной мести.... И какъ тяжело и скучно казалось ей кокетничать съ другими, и какъ отрадно думать о немъ! А между-тѣмъ гдѣ блуждали мысли Джиневры въ эти минуты молчанія? Губы ея были стиснуты, на глазахъ навертывались слезы. Еще потерянная надежда легла камнемъ на ея сердце, новая боязнь, новое сомнѣніе щемили его; она не чувствовала въ немъ достаточной силы на новую, предстоящую борьбу. Голова ея опустилась на плечо сестры, какъ-будто изнемогая подъ бременемъ мрачныхъ мыслей. Вдругъ раздался за ними шорохъ занавѣсовъ; она вздрогнула и обернулась; за нею стоялъ Чарльзъ Невиль. Онъ сѣлъ на стулъ подлѣ нея, и сказалъ ей ласковымъ, кроткимъ голосомъ:

— Вы, кажется, очень устали, мисъ Лесли?

Она отвѣчала наклоненіемъ головы, и послѣ нѣкотораго молчанія сказала:

— Давно вы не видали Варреновъ?

— Давно; развѣ они въ городѣ?

— Не думаю; по-крайней-мѣрѣ я не слыхала.

— Вы, кажется, въ большой дружбѣ съ ихъ семействомъ?

— Они были ко мнѣ всегда очень добры.... Я очень уважаю мистра Варрена.

— Давно ли вы въ Англии? спросила она опять, послѣ непродолжительнаго молчанія; она чувствовала какую-то странную отраду, бесѣдуя съ близкимъ родственникомъ Эдмунда, и слушая названія лицъ и мѣстъ, которыя были связаны съ воспоминаніемъ о немъ.

— Давно, отвѣчалъ сэръ Чарльзъ; уже недѣль шесть, какъ я выѣхалъ изъ Клентона. Досадно было разставаться съ нимъ въ самомъ

цвѣту его весенней красоты. Это такое очаровательное мѣсто; я думаю, вы часто слышали о немъ отъ Варреновъ?

— Да, я много слышала о немъ.

— Вы не знаете Эдмунда Невиля? спросилъ ее собесѣдникъ съ некоторымъ смущеніемъ.

Никто еще, до этого дня, не дѣлалъ Джиневръ этого прямого вопроса, и онъ произвелъ на нее странное дѣйствіе. — Знаю, отвѣчала она медленно, и густая краска разллась при этомъ по ея щекамъ.

— Онъ въ настоящее время въ Парижъ; знали вы это?

Это уже было говорено въ ея присутствіи, и Чарльзъ Невиль очень хорошо зналъ это; къ чему же было повторять? Джиневра бросила на него быстрый, испытующій взглядъ, который онъ встрѣтилъ такимъ же пронизательнымъ взоромъ, какъ-будто хотѣлъ проникнуть въ самую глубину ея мыслей. Она подумала, что выраженіе ея глазъ, что самый вздохъ, вырвавшійся изъ груди ея, могли погубить Эдмунда; едва держась на ногахъ, едва помня себя, схватила она стаканъ воды съ проносимаго подноса, и потомъ спросила, стараясь всеми силами дать спокойное, равнодушное выраженіе своему голосу:

— Когда, говорили вы, ждуть мистра Невиля въ Лондонъ?

— Сестра его надѣется увидѣться съ нимъ на будущей недѣлѣ; однакоже, если вѣрить словамъ мистрисъ Виндгемъ, нельзя ручаться навѣрное, что онъ не отложилъ своего прѣзда. — Мисъ Невиль, продолжалъ онъ съ некоторымъ замѣшательствомъ, горитъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами; она такъ много слышала о васъ отъ...

Онъ пріостановился, и Джиневра вперла въ него взоръ, полный изумленія и страху; онъ поспѣшно продолжалъ:

— Отъ вашихъ знакомыхъ, Варреновъ.

Потомъ онъ заговорилъ о другомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ пошелъ назадъ въ комнаты.

Джиневра обернулась къ Маргаритѣ, чтобы звать ее домой; но Маргарита была занята очень живымъ разговоромъ съ Фредерикомъ Винсентомъ. На лицѣ ея не было уже и слѣда скуки и усталости, и физиономія ея, по мѣрѣ разговора, становилась серьезнѣе и задумчивѣе. Ей даже, по-видимому, было досадно, когда полковникъ Лесли показался въ дверяхъ, и сдѣлалъ знакъ дочерямъ, что пора собираться домой; а пока онъ одѣвался, въ прихожей, Джиневра слышала, какъ сестра ея шепнула Фредерику Винсенту:

— Когда же вы будете назадъ?

— Ко дню представленія, отвѣчалъ онъ также тихо; — а между тѣмъ поговорите съ Люси, она все знаетъ

Проходя мимо его сестеръ, она замѣтила, что Нэнси значительно взглянула на брата и на Маргариту, а потомъ наклонилась къ Люси, и шепнула ей что-то на ухо. Ей пришелъ на мысль Вальтеръ, и какой-то безотчетный страхъ объялъ душу, когда она съѣла въ карету. Маргарита услышала тяжелый вздохъ, вылетѣвшій изъ ея груди и съ безпокойствомъ взглянула ей въ лицо.

— Что съ тобою, Джиневра? шепнула она, пораженная необычайною ея блѣдностью.

— Ничего, отвѣчала Джиневра слабымъ голосомъ.

— Вѣчно ничего, — другаго слова не добьешься! вскричала Маргарита съ досадою. — Последнее терпѣніе разбивается объ эту ледяную холодность!

И она забилась въ уголъ кареты, закрыла глаза, и уже не говорила ни слова во весь вечеръ.

Во все продолженіе слѣдующихъ десяти дней, обѣ сестры казались одинаково встревожены, и одинаково уклонялись отъ разговора, и въ тоже время каждая изъ нихъ чувствовала и по своему показывала, что онѣ были предметомъ заботъ и думъ другъ друга. Каждый день, проходившій безъ вѣсти о времени прибытія Эдмунда усиливало безпокойство Джиневры до такой степени, что только изумительная способность владѣть собою, приобретенная долгимъ и труднымъ наблюденіемъ за собою, давала ей возможность сохранять наружное спокойствіе. Она не теряла мужества, пока могла, хоть не ясно видѣть путь, предписанный ей долгомъ; но теперь, казалось, угрожало ей такое сплетеніе обстоятельствъ, въ которомъ и эта послѣдняя опора должна исчезнуть. Случалось, что она вопрошала себя, не должна ли она наконецъ прервать молчаніе, возложенное на нее мужемъ, открыть свое сердце, разказать повѣсть своей жизни отцу, и мужественно выдержать послѣдствія этого поступка. Но страхъ привести Эдмунда въ отчаяніе, принудить его навѣки покинуть Англію и ее, заставляя Джиневру молчать, и терпѣть до того времени, пока она не увидитъ его еще разъ, и не попытается всеми средствами, которыя внушатъ ей правота ея требованій и ея пламенная любовь, обратить его снова на путь истины и чести. Ее мучила въ тоже время настойчивость, съ которою Чарльзъ Невиль искалъ ея знакомства, и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ; не разъ она сурово отворачивалась отъ него, чтобы избавиться отъ его разспросовъ, и потомъ сама же опять искала его, въ надеждѣ уловить одно нечаянное слово объ Эдмундѣ, которое могло бы подтвердить или разсвѣять терзавшія ее сомнѣнія. Наконецъ ее безпокоилъ также необыкновенно задумчивый и озабоченный видъ Маргариты, которая большую часть

своего времени проводила у Винсентовъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала пріезда Вальтера, и была вдвойнѣ встревожена, когда письмо изъ Грантли-Мэнора объяснило причину его долгаго отсутствія. Тяжкая болѣзнь держала его нѣсколько недѣль въ постели, и онъ настоятельно просилъ своихъ родныхъ и Торнтоновъ, не говорить о ней въ письмахъ своихъ въ Лондонъ; онъ говорилъ имъ, что не хотѣлъ, чтобы мысль о его страданіяхъ возмутила удовольствія, ожидавшія Маргариту въ столицѣ. Самъ онъ утѣшался въ разлукъ тайною мыслью, что подъ его бдительнымъ глазомъ ей невозможно было бы исполнѣ и совершенно свободно испытать свои чувства; потому-что присутствіе его было бы постояннымъ призывомъ къ привязанности, въ существованіи которой, какого роду бы она ни была, онъ не могъ сомнѣваться. И такъ онъ покорно сносилъ свою судьбу. Но покорность судьбѣ не есть еще счастье; и если Вальтеръ никогда не показывалъ признаковъ досады и нетерпѣнія, не произнесъ ни одного непріятнаго слова во все время своей продолжительной болѣзни и медленнаго выздоровленія, если онъ весело улыбался, когда мать старалась развлечь его, отвѣчалъ на грубоватыя шутки отца или выслушивалъ многословныя и безтолковыя разсужденія мистрисъ Торнтонъ о сущности характера Маргариты и о вѣроятности того, что она въ городѣ давно уже забыла всѣхъ своихъ грантлимэнорскихъ друзей; — все это доказывало только, какъ много онъ превосходилъ большинство людей въ чувствѣ христіанской любви и снисхожденія къ слабостямъ ближняго. Неподдѣльная горестъ Маргариты, и слезы, наверхывавшіяся на глазахъ ея, когда она получила это письмо и сообщила его сестрѣ, разсвѣили тайныя опасенія Джиневры. Вечеромъ, катаясь по парку, онъ объ говорили о Вальтерѣ съ участіемъ и нежностью, которыя вѣроятно гораздо скорѣе помогли бы его горьвейей головѣ и остановили лихорадочное біеніе пульса, нежели одеколонъ и всѣ спирты и соли, которыми подчивала его мать, и даже крупинки, которыя мистрисъ Торнтонъ переважно вынимала чуть не микроскопическою ложечкою изъ такого же микроскопическаго пузырька.

— Мы сегодня останемся дома, Джиневра, не правда ли? сказала Маргарита, не поведемъ на скучный вечеръ леди Террель. Мнѣ будетъ такъ пріятно отдохнуть хоть одинъ вечеръ. Днемъ я никогда не успѣваю написать длинное письмо Вальтеру, а мнѣ о столькихъ вещахъ надобно побесѣдовать съ нимъ. — Тебѣ не очень хочется ѣхать?

— Нѣсколько, моя милая; пока ты будешь писать письмо къ Вальтеру, я займусь передѣлкою послѣдней сцены, которая не нравится мистрисъ Виндгемъ. Пьеса дѣйствительно будетъ гораздо лучше, если конецъ французской драмы замѣнить другимъ, заимствованнымъ изъ

самаго романа. Первымъ дѣйствіямъ уже дѣлали репетицію, и съ нетерпѣніемъ ждуть конца.

Въ это время онъ въезжали въ grosvenorскія ворота. Маргарита сидѣла, растянувшись на подушкѣ; западный вѣтерокъ сдвинулъ шляпку ея на затылокъ; она разсѣянно смотрѣла вдаль, но когда онъ проѣхали Grosvenorскую улицу, она вдругъ встрепенулась, и почти вскрикнула. Сестра ея выглянула изъ коляски, и увидѣла Фредерика Винсента, который въхалъ верхомъ къ парку, съ нѣсколькими другими молодыми людьми.

— Я думала, что мистръ Винсентъ возвратится не раньше какъ ко дню представленія у мистрисъ Виндгемъ, сказала Джиневра, когда онъ поровнялся съ нимъ. Маргарита отвѣчала съ разсѣяннымъ, озабоченнымъ видомъ.

— Я тоже думала.

Послѣ этого ни та, ни другая не говорили ни слова до самаго возвращенія домой.

Между-тѣмъ какъ онъ стояли въ гостиной, а слуга разставлялъ въ jardiniere цвѣты, которые онъ привезли съ собою, Джиневра сказала:

— Не лучше ли тебѣ сейчасъ написать мистрисъ Виндгемъ, что ты не намѣрена вѣхать сегодня на вечеръ леди Террель?

Маргарита притворилась сначала, будто не слышала, и принялась переставлять горшки съ цвѣтами, безъ всякой пощады своимъ палевымъ перчаткамъ.

— Хочешь, я напишу?

— Нѣтъ, благодарю, — и Маргарита скользнула на софу за письменный столъ, взяла перо, откусила послѣдній оставшійся на немъ клочекъ опущки; потомъ остановила выходящую изъ комнаты сестру, и сказала:

— Знаешь что? я раздумала оставаться дома; думаю, я поѣду къ леди Террель. А ты какъ думаешь?

— Ты желаешь, чтобъ я вѣхала съ тобою?

— Если не хочешь, такъ пожалуй оставайся.

— Такъ я лучше не поѣду, сказала Джиневра, и ушла въ свою комнату.

Ей было и грустно и страшно за Маргариту. Нѣкоторое время она считала счастье ея обезпеченнымъ, а теперь казалось ей, что вотъ на будущность ея, столь свѣтлую за нѣсколько дней, набѣжала опять тучка, хотя и легкая, правда тучка, какъ первая тучка, которая появляется на лѣтнемъ небѣ. Полковникъ Лесли обѣдалъ въ этотъ день

въ гостяхъ, и дочери его послѣ обѣда опять оставались однѣ, съ глазу на глазъ. Опъ отворили окно, придвинули къ нему столъ, чтобы воспользоваться послѣднимъ свѣтомъ и скудною прохладною лондонскаго лѣтняго вечера, и положили передъ собою, одна своей письменный приборъ, а другая свою рукопись. Но оба пера работали лѣниво, оба лица были сумрачны. Маргарита казалась разсѣянною. писала отъ времени до времени нѣсколько строчекъ, а потомъ принималась смотрѣть на фонарика, который быстро перебѣгалъ отъ одного фонаря къ другому, какъ-будто это очень занимало ее. Джиневра писала прилежнѣе, однако же и она часто поднимала глаза съ рукописи на сестру. Взоры ихъ встрѣтились; Маргарита весело улыбнулась, и сказала:

— Что подъльвываетъ твоя мисъ Мильнеръ?

— Я не объ мисъ Мильнеръ думала, а объ .

— О комъ же?

— Объ мисъ Лесли, сказала Джиневра, съ кроткою, но грустною улыбкою.

— Что же ты думала?

— Я думала, какъ бы я желала, чтобы у нея была сестра старше ее, — сестра, къ которой она имѣла бы довѣріе, которой совѣты она принимала бы съ уваженіемъ, — сестра, которая могла бы открыть ей свою душу, и тѣмъ приобрести право читать въ ея душѣ. — Сестра, продолжала Джиневра, съ возрастающимъ одушевленіемъ, которая не утратила всѣхъ правъ остерегать другихъ, — кромѣ одного права, — права, которое она дѣйствительно имѣетъ, Маргарита, и которое дали ей опытъ и страданіе.

Слезы навернулись при этихъ словахъ на глаза Джиневры. Маргарита покраснѣла, опустила глаза на лежавшій передъ нею листъ бумаги, и молчала.

— Ты, можетъ-быть, находишь дерзостью съ моей стороны, что я смѣю говорить тебѣ такимъ языкомъ, Маргарита. Ты была ко мнѣ милосерда и снисходительна, была мнѣ другомъ великодушнымъ болѣе, чѣмъ можно требовать отъ человѣческой дружбы. Никогда не слышала я суроваго слова въ твоихъ рѣчахъ, не имѣла презрительнаго взгляду въ твоихъ глазахъ. Повѣрь, что я сознаю въ глубинѣ души всю цѣну твоего великодушія; и теперь, милая сестра, всѣмъ что я выстрадала, и что страдаю каждый день, всѣмъ, что я должна терпѣть, и чего не смѣю никому открыть, заклинаю тебя, сестра, выслушать меня, — выслушать увѣщаніе прежде, чѣмъ ты на одну линію отклонишься отъ пути истины и правды; — прежде чѣмъ перепутаешь свои обязанности,

и ослѣпишь свои глаза, чтобы они не могли указывать пути твоему сердцу.

— Мы все очень много выиграли бы, отвѣчала Маргарита, частью съ сердцемъ, частью какъ простой выводъ изъ словъ сестры, — если бы прямо говорили правду другъ другу. Но какъ это, кажется, невозможно, то и остается каждому дѣлать, что онъ знаетъ, и какъ лучше по его понятіямъ.

Лицо Джиневры подернулось глубокою горестью, и она взяла перо съ тою безмолвною покорностью, которая всегда трогала Маргариту. Она съ нежностью посмотрѣла на нее, закусила губы и уставила глаза въ потолокъ; потомъ быстро исписала цѣлую страницу своего письма. Когда она дописала ее, улыбка заиграла на ея лицѣ, но скоро опять смѣнилась задумчивостью; она положила письмо на рукопись Джиневры, и сказала:

— Читай.

Въ строчкахъ, которыя она указала пальцемъ, заключалось слѣдующее:

«Если вы спросите меня, любезный Вальтеръ, что показалось мнѣ всего прекраснѣе? отвѣчу: Джиневра! Если спросите, что показалось мнѣ всего необыкновеннѣе? я опять отвѣчу, Джиневра! что всего непостижимѣе? ея характеръ! что всего страннѣе? ея положеніе въ семействѣ и обществѣ! Она приковываетъ къ себѣ какимъ-то неотразимымъ обаяніемъ, а сама не поддается никакому сочувствію; внушаетъ безграничное довѣріе и никогда не платитъ взаимнымъ довѣріемъ; способна на самыя великія жертвы, жаждетъ всякой добродѣтели, и смиренно несетъ жизнь безъ цѣли и безъ отрады. Милѣ мнѣ съ каждымъ днемъ нашего знакомства, и съ каждымъ днемъ мнѣ все болѣе и болѣе чужда. Когда скорбь терзаетъ ея сердце, никто не можетъ знать этой скорби кромѣ ея самой; когда радуется, — если случается ей когда-нибудь радоваться, — никому не позволяетъ она раздѣлять ея радости. Я готова восклицать каждую минуту: Кто же ей не чужой? Зачѣмъ не дано узнать ее короче, чтобы менѣ любить ее!»

Джиневра ужасно покраснѣла, читая письмо, и къ великому изумленію Маргариты изорвала его въ клочки. Этотъ поступокъ былъ такъ несогласенъ съ обыкновеннымъ ея спокойствіемъ, что Маргарита не могла свести съ нея взору, и смотрѣла на нее съ невыразимымъ недоумѣніемъ.

— Маргарита, сказала Джиневра въ сильномъ волненіи, — ты не можешь говорить обо мнѣ такимъ образомъ, потому-что ты знаешь гораздо болѣе, нежели показываешь въ этомъ письмѣ. Ты не можешь

жаловаться на мою откровенность, когда — тутъ голосъ ея задрожалъ, — въ ужасный для насъ обихъ часъ ты имѣла случай усмотрѣть часть моей исторіи, и подозрѣвала... Джиневра закрыла лицо руками.

— Истину? подхватила Маргарита. — О, ради Бога, милая Джиневра, сестра, открой мнѣ истину! Я не могу долже переносить это невѣдѣніе. Это для меня ежедневная, ежечасная мука. Открой мнѣ истину, сестра, умоляю тебя!

Джиневра, какъ всѣ кроткіе люди, доходила почти до изступленія, когда душа ея была потрясена сильнымъ волненіемъ.

— Маргарита, отвѣчала она, я уже говорила тебѣ, что этому не бывать; что я не могу и не смѣю открыть тебѣ истину. Я говорила тебѣ, что моя слабость, что грѣхи — что мои грѣхи такъ перепутали мои обязанности, что почти помutilи мой разумъ; однако же я умѣю еще различать правое отъ неправаго, а молчаніе, въ которомъ ты упрекаешь меня, — священный долгъ; ты должна содѣйствовать мнѣ въ соблюденіи его, а не вводить меня въ искушеніе нарушить его.

— Никогда еще не видала я тебя въ такомъ волненіи, сказала Маргарита. Прости меня, Джиневра.

— Простить тебя! О Маргарита, сестра! желала бы я, чтобы никого не приходилось мнѣ прощать кромѣ меня! — Позволь мнѣ поддержать руку твою на моей головѣ; — свѣжестъ ея облегчитъ меня... Я столько страдала, столько боролась; — теперъ мнѣ легче, Маргарита.

Въ эту минуту сильный стукъ у подъезда возвѣстилъ прибытіе мистрисъ Виндгемъ. Маргарита поспѣшно вскочила, поцѣловала сестру въ щеку, и побѣжала внизъ, бормоча про себя на лѣстницѣ: — Такъ не можетъ долго оставаться, нѣтъ, хотя бы мнѣ пришлось перевернуть небо и землю, чтобы доискаться истины.

Она съѣла въ карету, и наняла мистрисъ Виндгемъ чрезвычайно озабоченную насчетъ затѣяннаго ею домашняго театра. Примадонна ея простудилась и заболѣла, а врачи опасались, что это начало коры. Это совершенно разстроило планы мистрисъ Виндгемъ, и ввергло ее въ ужасную печаль. Какъ скоро онѣ пріѣхали на вечеръ, Маргарита осмотрѣлась кругомъ, и увидѣвъ Люси Винсентъ на софѣ подлѣ каміна, тотчасъ присѣла къ ней. Черезъ нѣсколько мгновеній, Фредерикъ Винсентъ присоединился къ нимъ, и весь вечеръ говорилъ о чемъ-то вполголоса съ Маргаритою.

III.

На третій день, планы мистрисъ Виндгемъ приняли въ самое критическое положеніе. Примадонна ея лежала въ корн, и бѣдная директриса, съ печальною запискою въ одной рукѣ, и переведенною и исправленною рукописью въ другой, смотрѣла на свою унылую труппу съ такимъ выраженіемъ безутѣшнаго отчаянія, что даже самыя отчаянныя аматеры не могли удержаться отъ улыбки. Всѣ средства помочь бѣдѣ были перебраны и отвергнуты одно за другимъ. А отъзвать представленіе невозможно, потому-что для него нанятъ уже театръ, и если оно не состоится, вмѣсто ожидаемаго отъ него вспомошествованія бѣднымъ работникамъ, слѣдствіемъ этой неудачи будетъ значительная денежная потеря, о которой нельзя было и думать. Скорѣе чѣмъ отказаться отъ представленія, мистрисъ Виндгемъ готова была играть сама. Но всѣ актеры пришли въ ужасъ, когда она предложила себя въ замѣну выбывшей артистки; особенно сэръ Чарльзъ Дарси, который долженъ былъ играть роль лорда Эльвуда, и представлялъ себя, съ какою неумѣстною игривостью будетъ порхать вокругъ него мисъ Мильнеръ, если эта роль достанется ихъ услужливой директрисѣ. Предложеніе было встрѣчено общимъ молчаніемъ, и мистрисъ Виндгемъ вскричала:

— Если бъ только Джиневра согласилась, все пошло бы на ладъ.

Общій одобрительный говоръ былъ отвѣтомъ на эту мысль; всѣ говорили: — Она должна согласиться.

— Она и слышать не хотѣла, когда я предлагала ей въ первый разъ, замѣтила мистрисъ Виндгемъ.

— Но теперь согласится, сказалъ одинъ актеръ; этимъ она обяжетъ насъ всѣхъ.

— Скажите ей, что если она откажетъ, то все будетъ разстроено, подхватилъ другой.

— А въ виду была такая прекрасная, благотворительная цѣль!

— Притомъ же и театръ уже нанятъ!

— И всѣ знаютъ, что она можетъ играть, если только захочетъ!

Вся труппа мгновенно ожила. Мысль, что придется отказаться отъ театра, была слишкомъ ужасна; по свойству человеческого сердца переходить непосредственно отъ унынія къ самому безграничному упованію, никто не сомнѣвался въ согласіи Джиневры. Слѣдующая репетиція единогласно назначена на слѣдующій день въ двѣнадцать часовъ, а мистрисъ Виндгемъ обязалась къ тому времени уломать племянницу,

или поставить вмѣсто нея другую. Последняя оговорка опять помрачила нѣсколько радость расходящихся аматеровъ.

Счастье везло мистрисъ Виндгемъ, пославъ ее къ брату въ самую благоприятную минуту для ея видовъ. Она застала его одного, объяснила ему подробно свое предпріятіе, благотворительную цель, неудачу, затруднительное положеніе и надежду; и онъ не только согласился на участіе своей дочери, но даже изъявилъ желаніе, чтобы она приняла предложеніе, если только оно ей не непріятно. Полковникъ Лесли такъ любилъ Джиневру, что величайшимъ и почти единственнымъ для него наслажденіемъ было смотрѣть на нее, любоваться ею, видѣть всѣхъ увлеченныхъ ея красотою и дарованіями. Онъ давно уже былъ равнодушенъ къ удовольствіямъ и успѣхамъ; и энтузіазмъ его души, который пробился на короткое время въ его молодости, но скоро былъ опять подавленъ глубокимъ горемъ, теперь весь сосредоточился на меньшей дочери, какъ живомъ образѣ, прекрасномъ отраженіи прошедшихъ дней блаженства, въ которомъ участвовали всѣ силы его ума, воображенія и сердца. Онъ не дивился, подобно другимъ, ея степенности и задумчивости, той непонятной скорби, которая, казалось, тяготѣла надъ ея душею. При немъ, эта скорбь сливалась съ дочернею любовью, и согласовалась съ настроеніемъ собственнаго его духа. Однако же онъ иногда боялся за нее; ему казалось, что климатъ Англии и отсутствіе той живительной жизни, которую самый воздухъ Италіи навѣваетъ на душу, которою дышетъ каждая черта, каждый звукъ ея благословенной природы, которая одухотворяетъ подъ ея небомъ бездѣйствіе и одиночество, — удручали ея душу, и разрушали ея здоровье. Съ безпокойствомъ замѣчалъ онъ какъ блѣдныя щеки ея становились съ каждымъ днемъ еще блѣднѣе, и приписывалъ это однообразію и безцвѣтности ея жизни. Странное дѣло; какъ часто мы живемъ день за днемъ, часъ за часомъ, близъ тѣхъ, кого наиболее любимъ, и которые насъ любятъ, и не можемъ угадать заветныхъ мыслей ихъ души, тѣхъ тайнъ внутренней жизни, которыя живутъ и дѣйствуютъ подъ покровами вѣнней жизни, грубой оболочки нашего внутренняго, безсмертнаго существа. И мудро ли послѣ того, что мы такъ часто ошибаемся въ обращеніи своемъ съ ними, и иногда даже, слишкомъ сурово прикасаясь къ оболочкѣ, разбиваемъ заключающійся въ ней перлъ. Полковникъ Лесли очень былъ радъ случаю разсѣять Джиневру, возбудить ее къ дѣятельности, и убѣждалъ ее согласиться на желаніе его сестры. Она отговаривалась, съ твердостью и упорствомъ, какихъ она никогда не оказывала въ подобныхъ случаяхъ. Съ разгорѣвшимся лицомъ, и съ необыкновенною жи-

востью представляла она, какъ ей неприятно являться передъ публикою. Наконецъ настойчивость мистрисъ Виндгемъ надоела ей, и она отказала наотрѣзъ.

— Если вѣтъ, то нечего дѣлать, воскликнула мистрисъ Виндгемъ. Остается одно спасеніе: надо отложить представленіе, до пріѣзда мистрисъ Фрезеръ, и тогда просить ее принять эту роль на себя. Тогда же, безъ сомнѣнія, не трудно будетъ приманить и Невилля на роль лорда Фредерика Ловлея.

Джиневра измѣнилась въ лицѣ, и пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ, изъ которыхъ мистрисъ Виндгемъ могла только догадаться, что рѣшеніе ея было не непреложно, и съ истинно женскою, хотя очень ошибочною на этотъ разъ тонкостью, приписала колебаніе племянницы нежеланію упустить случай блеснуть своими дарованіями, особенно когда знала, что мѣсто ея должна была заступить женщина, о красотѣ и талантахъ которой она такъ много слышала. Тѣшась этою милою женскою слабостью, она не показала виду, что замѣтила колебаніе, а продолжала разхваливать прелести мистрисъ Фрезеръ, ея обворожительную красоту, неотразимую силу ея улыбки, ея остроуміе. Не ей было понять, какой пыткой подвергала она несчастную свою жертву; не ей было понять, что эти судорожно подергивавшіяся брови, что эти дрожащія губы были слѣдствіемъ не оскорбленнаго, ревниваго тщеславія, а другихъ, болѣе глубокихъ чувствъ, которыя она такъ безжалостно терзала. Джиневра была такъ далека отъ всякихъ тщеславныхъ помысловъ, что ей и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ ей приписывать ихъ, и когда она объявила, что передумала и намѣрена играть, это было сдѣлано не изъ расчетовъ, а по повольному влеченію сердца. Мистрисъ Виндгемъ съ радостью согласилась, а полковникъ Лесли изъявилъ чрезвычайное удовольствіе этой переменѣ мыслей. Все устроилось, прежде нежели Джиневра успѣла хорошенько обдумать свое обѣщаніе. Не въ характеръ ея было придавать очень большое значеніе этому случаю; когда она рѣшилась принять предложеніе, главною мыслью ея было, не допустить болѣе тѣсныхъ сношеній между Эдмундомъ и мистрисъ Фрезеръ, чѣмъ какія возможны въ обществѣ, а взявъ на себя роль, она думала только о томъ, чтобы исполнить ее во всемъ совершенствѣ, какое было ей доступно, и тѣмъ оправдать надежды избравшихъ ее. Душою ея овладѣло одно чувство, которое становилось ея каждымъ днемъ сильнѣе и пламеннѣе: желаніе, чтобы Эдмундъ возвратился въ Англію; ей казалось, что когда она увидитъ его, половина бремени безпокойства спадетъ съ ея души. Если бы ей только одинъ разъ еще встрѣтить

его взоры, она прочла бы въ нихъ, любить ли онъ ее; она узнала бы въ чемъ собственно заключается роковая преграда, такъ грозно возставшая между ними, и помѣняла бы по-крайней-мѣрѣ свое настоящее несчастье на другое, столь же великое, можетъ-быть, но не столь мучительное какъ неизвѣстность.

Маргарита согласилась взять незначительную роль въ маленькой пьескѣ, которая должна была даваться послѣ драмы, и обѣ сестры каждый день ѣздили на репетицію къ мистрисъ Виндгемъ. Игра Джиневры обманула все ожиданія. Ничто не могло быть граціознѣе ея движеній, музыкальнѣе ея голосу, замысловатѣе ея образа постиженія роли; но тѣмъ, которые слышали ея импровизаціи и пѣніе, казалось, что въ ней неоставало того огня, того чувства, которые такъ поражали ихъ въ другихъ случаяхъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ея была какая-то невольная вялость, и произнесши слѣдовавшую ей фразу, она будто забывалась, и не принимала никакого участія въ томъ, что дѣлала. Но и тутъ кротость ея и готовность угождать другимъ, не измѣнили ей; какъ скоро прочіе исполнители находили пужнымъ какое-нибудь измѣненіе въ рукописи, она безъ споровъ и безъ затрудненія пересматривала и передѣлывала ее. Однажды во время репетиціи, пока шла сцена, въ которой она не являлась, она стояла поодаль, прислонившись къ колоннѣ, и разсѣянно смотрѣла на декораціи, которыя своими грубыми изображеніями храмовъ, статуй, виллъ и садовъ, переносили ее мысленно въ Верону, къ Casa-Masani, и къ днямъ юности; потому-что, хотя ей было всего девятнадцать лѣтъ, однако же есть другая юность, которая гораздо скорѣе разрушается горемъ, чѣмъ временемъ, и эта-то юность для нея поблекла въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Вдругъ вниманіе ея было привлечено приходомъ мистрисъ Виндгемъ, подъ руку съ другою дамою, чрезвычайно щеголевато одѣтою, и вообще довольно пріятной наружности. Она была большаго росту и стройна, имѣла огромные глаза, немного косоватые, что конечно не могло назваться красотою, однако же придавало ей какое-то странное, непокорное выраженіе; ротъ большой, но съ прекрасными зубами. Въ приемахъ и обращеніи ея была вообще какая-то вѣтренность и граціозность, какая-то дерзкая учтивость и не совсѣмъ женская смѣлость, которыя составляли яркій контрастъ важной мелочности и степенной свѣтскости ея подруги, мистрисъ Виндгемъ. Джиневра тотчасъ угадала, кто она, и сердце ея забилося съ удвоенною силою, когда тетка представила ей мистрисъ Фрезеръ. Она холодно поклонилась, и въ то же время ее отозвали на сцену; между-тѣмъ мистрисъ Виндгемъ и новая пріятельница ея остались за кулисами, и шептались довольно громко, такъ

что некоторые слова долетали отъ времени до времени до слуху Джиневры. Между-прочимъ два раза было произнесено имя мистра Невилля, и потомъ мистрисъ Фрезеръ сказала очень тихо: Настоящій — герой романа. — Сцена, которую репетировала въ это время Джиневра, была одна изъ самыхъ веселыхъ въ пьесъ, и она играла ее какъ нельзя хуже. Мистрисъ Фрезеръ приставила къ глазамъ свой лорнетъ, и въ промежуткахъ разговора своего съ мистрисъ Виндгемъ, осматривала Джиневру съ ногъ до головы съ какимъ-то пренебреженіемъ, пожимала плечами, и говорила довольно громко: — Она ничего не смыслитъ. Мистрисъ Виндгемъ осматривала ее внимательно, и въ первый разъ была поражена грустнымъ и бользненнымъ выраженіемъ ея лица. Ей тотчасъ пришло въ голову, что и пьеса выиграетъ, и племянница будетъ избавлена отъ неприятной ей повидимому обязанности, если она передастъ свою роль мистрисъ Фрезеръ, которой очевидно до-смерти хотѣлось играть, и очень досадно было, что она упустила такой прекрасный случай. Она тотчасъ шепнула свою мысль мистрисъ Фрезеръ; мистрисъ Фрезеръ покачала головою, но глаза ея засверкали отъ восхищенія. Какъ скоро сцена кончилась, мистрисъ Виндгемъ взяла руку Джиневры, и почувствовавъ ее холодною и дрожащею, сказала полусмѣя, полусерьезно:

— Мы были къ вамъ слишкомъ безжалостны, милая Джиневра, замучивъ васъ этою ролью. Я вижу, что она для васъ слишкомъ утомительна, и что вы отъ нея просто ляжете. Я увѣрена, что если вы пожелаете, мистрисъ Фрезеръ и теперь охотно возьметъ ее.

— Но въ такомъ случаѣ, вы должны достать мнѣ другаго лорда Фредерика, перебила мистрисъ Фрезеръ, съ значительнымъ взглядомъ на скромнаго и застѣнчиваго молодого человека, который игралъ роль разгульнаго героя пьесы, и который каждый день умолялъ, чтобы его уволили отъ этой чести.

— Знаю, кого вамъ нужно, отвѣчала мистрисъ Виндгемъ, но его нѣтъ въ Лондонѣ.

— Онъ пріѣхалъ бы, если бъ я настояла, возразила мистрисъ Фрезеръ небрежно и играя въеромъ. — Я пожалуй напишу ему.

Это уже превышало терпѣніе Джиневры. Она подняла глаза, и эти блѣдно-голубые глаза, которые за минуту казались такъ тѣжельны и безжизненны, засверкали вдругъ молніями. Мистрисъ Фрезеръ уже протягивала руку къ рукописи, которую держала Джиневра, и восклицала:

— О, я сейчасъ выучу ее, и завтра буду готова къ репетиціи; а къ понедѣльнику поспѣетъ и нашъ жеуне premier.

Джиневра взглянула ей прямо въ лицо, сжала листъ бумаги, какъ

будто готова была скорее умереть, чѣмъ отдать его, и сказала по-итальянски, съ запальчивостью, которая изумила всѣхъ присутствующихъ.

— Я не позволю отнимать у себя роль

Мистрисъ Фрезеръ прижала кончикъ языка къ стиснутымъ зубамъ, отвѣсила глубокой, мѣрной и величавый поклонъ, который казался придуманъ на то, чтобы служить прикрытіемъ во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ жизни, и отступила на нѣсколько шаговъ, пожмая глазами отдѣльные фразы рукописи. Желаніе ея удесътерилось, когда она замѣтила, какое обилитное поприще драма эта представляла таланту въ ея родѣ, и ее бѣсило, что эта блѣдная дѣвочка, по-видимому едва умѣвшая говорить, смѣла такъ рѣшительно удерживать роль, которая, казалось, написана для нея самой. Мистрисъ Виндгемъ была также недовольна; но послѣ того, какъ она такъ просила Джиневру взять эту роль, уже не смѣла уговаривать ее уступить ее, и ограничилась тѣмъ, что сообщила брату свои опасенія, чтобы напряженіе, котораго требовала роль, не повредило слабому здоровью Джиневры. Полковникъ Лесли сталъ разспрашивать дочь, и хотя она увѣряла, что роль вовсе не превышаетъ ея силъ, и была непреклонна въ своемъ намѣреніи играть, однако же онъ не могъ не замѣтить, что она была блѣдна, и казалась изнуренною, и что обычная грусть, не сходявшая съ ея лица, казалась еще сильнѣе. Если бѣ мистрисъ Фрезеръ въ своей досадѣ или полковникъ Лесли въ своей нѣжной заботливости, могли прочесть, что происходило въ сердцѣ ея въ эти дни безмолвнаго страданія, они содрогнулись бы, и изумились, что такое юное сердце могло переносить такую глубокую скорбь. Когда она возвратилась въ свою комнату послѣ репетиціи, и осталась одна, она нѣсколько разъ прижимала руки къ головѣ, какъ-будто хотѣла выдать изъ нея бремя, которое давило ей мозгъ; потомъ скрестила руки съ умоляющимъ видомъ, взывая:

— Пошли мнѣ ангела, Боже, да облегчить онъ мои страданія! И молитва ея конечно была услышана, потому-что потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ ея и облегчилъ сердце, какъ дождь, падающій на раскаленную почву. И съ устъ ея полились слова, безсвязныя, прерываемыя рыданіями, почти безъ опредѣленнаго смыслу, но имѣющіе силу успокоивать сердце и ободрять духъ. Кто не знаетъ цѣны этихъ тайныхъ изліяній скорбящей души?

— Эдмундъ, испугалась она, Эдмундъ, вернешься ли ты? вернешься ли ты ко мнѣ? Я такъ истомлена, такъ одинока, мнѣ такъ страшно, — мнѣ такъ страшно тебя, такъ страшно за тебя! О, если бѣ смѣла, я

убьжала бы, и нашла бы покой. Есть убьжища, въ которыхъ я могли бы склонить голову, и никогда уже не тревожила бы твоего покоя. — Но я не могу, я не должна отступать передъ испытаньемъ. — О эта женщина! Боже, пошли мнѣ всякую пытку, только не эту! Связанъ со мною навѣки, — связанъ узами, которыя онъ, можетъ-быть, не навидитъ, и которыхъ не можетъ разорвать! — и мое молчаніе, мое невѣдѣніе, мой страхъ, — нѣтъ, это уже превышаетъ мои силы! — Этотъ крестъ слинкомъ тяжелъ для меня, я не вынесу этого испытанія!

Она подняла голову; полуугасшее солнце садилось среди мрачныхъ тучъ, которыя, казалось, собирались, чтобы принять его въ свое лоно. Это былъ часъ, въ который, въ ея родной странѣ, съ каждой колокольни, съ каждой монастырской башни раздается вечерній звонъ, и стелется по морю и по равнинамъ, и каждое кольцо преклоняется въ молитвъ. Она стала пламенно читать священныя, давно знакомыя слова, и миръ возвратился въ ея сердце. Долго и усердно молилась она. Она молилась о силѣ исполнить долгъ свой, произносила ту самую простую и самую возвышенную изъ молитвъ, указываетъ ли она на самыя обыкновенныя жертвы, или на самыя героическія подвиги самоотверженія. Онъ, — внимающій этой молитвѣ и дарующій эту силу, — одинъ знаетъ, гдѣ наиболее нужна эта сила, потому-что Онъ одинъ можетъ судить объ истинномъ достоинствѣ жертвъ, которыя свѣтъ такъ часто судитъ выше или ниже ихъ заслугъ.

Блѣдная по прежнему, но успокоенная и ободренная, вышла Джиневра къ отцу и сестрѣ. Въ своемъ дивномъ простодушіи, она почти знала себя въ томъ, что не сдѣлала всего, что могла на репетиціи, — въ томъ, что позволила своимъ страданіямъ разстроить удовольствіе ближняго. Прослезился бы тотъ, кто могъ бы знать, какъ истомлена и удручена была скорбью ея юная душа, когда увидѣлъ бы ее съ тою же рукописью въ рукахъ, которой одинъ видъ былъ ей тягостенъ, и которую она твердила, какъ ребенокъ твердитъ урокъ, опуская ее по временамъ, чтобы помочь Маргаритѣ распутать ея работу, или чтобы улыбнуться полковнику Лесли, который съ утра слѣдилъ за нею съ невъжнымъ участіемъ и безпокойствомъ. Она замѣтила это, и это побуждало ее къ новымъ усиліямъ.

На слѣдующій день, она рано утромъ вышла со двора, и удостов-
рилась отъ священника той церкви, въ которую обыкновенно ходила къ обѣднѣ, что корабль, на которомъ отецъ Франческо намѣревался ѣхать въ Англію, долженъ былъ отплыть черезъ нѣсколько недель изъ Нью-Йорка. Это отрадное извѣстіе подкрѣпило ея мужество.

и она возвратилась къ своимъ принужденнымъ увеселеніямъ, къ своей мучительной неизвѣстности и мучительному долгу съ свѣжими силами и успокоеннымъ духомъ.

IV.

Дня за три до представленія въ пользу бѣдныхъ работниковъ, Вальтеръ Сидней пріѣхалъ въ Лондонъ, и явился во время завтрака въ гостиной полковника Лесли. Маргарита вскочила и привѣтствовала его съ несомнѣнными признаками искренняго удовольствія. Въ лицѣ и въ обращеніи ея было однако же нѣчто безпокойное, нѣчто тревожное, что не скрылось отъ его вниманія. Онъ приписывалъ это усталости и разсвѣянной жизни, и только вздыхалъ о времени, когда всѣ они возвратятся въ деревню, и оставятъ за собою городскую пыль и балы, дымъ и домашніе театры, до которыхъ онъ былъ вовсе не охотникъ. Онъ былъ самый отчаянный врагъ городской жизни; спертый воздухъ, пестрота, шумъ были для него сущимъ мученіемъ. Ему выдало глаза, всѣ члены его ломило и ноги пухли отъ дымной атмосферы, гладкой, раскаленной мостовой, туслаго солнца днемъ и ослѣпительнаго свѣту газу ночью. Увѣче и нищета, которыя преслѣдуютъ васъ во всѣхъ видахъ по столичнымъ улицамъ, наводили на него тоску; а безпрестанный контрастъ страданія и униженія съ одной стороны и богатства и роскоши съ другой, раздражалъ его до такой ненависти, какой онъ почти не зналъ въ деревнѣ. Да, онъ ненавидѣлъ Лондонъ, какъ другіе ненавидятъ личнаго врага; и готовъ былъ почти ссориться съ Джиневрою, когда она утверждала, что въ большомъ городѣ есть своего рода поэзія, проникающая въ сердца тѣхъ, которые умѣютъ сочувствовать ей, и что этотъ сѣрый, туманный, закопченный, мрачный, озабоченный Лондонъ долженъ чаровать воображеніе того, чей умъ погружается отъ времени до времени въ безмолвное размышленіе, среди дикаго потока мысли и дѣятельности, который увлекаетъ все и всѣхъ въ своемъ стремительномъ бѣгѣ.

— Въ другихъ мѣстахъ мы влачимъ жизнь; здѣсь же, въ Лондонѣ, жизнь уноситъ насъ, говорила она, съ такимъ выраженіемъ, какъ бы сама желала быстро и бессознательно унести по безмолвному, вѣчному теченію, которое называется жизнью. Вальтеръ пристально посмотрѣлъ на нее, и спросилъ только:

— Куда?

— Ахъ, въ этомъ-то весь вопросъ, отвѣчала она съ живостью. Теченіе быстро, но цель вѣрна.

— И вы будете играть сегодня? сказалъ онъ разсѣянно, будто размышляя о странномъ противорѣчии между настроеніемъ ея мыслей и настоящими ея занятіями.

— Вся жизнь одно разыгрываніе комедій и драмъ, отвѣчала она печально, и губы ея задрожали.

Вальтеръ хотѣлъ возражать, но она не дала ему выговорить слова. — Не говорите со мною, любезный мистръ Сидней, сказала она; мнѣ нуженъ покой; я спокойна, правда, но не довольно спокойна, чтобы разбирать свои чувства и мысли, и рассуждать о нихъ съ вами. Я такъ рада, что вы пріѣхали, такъ рада за Маргариту.

Вальтеръ взглянулъ на Маргариту. Она читала только-что поданное ей письмо, и казалось, такъ погружена въ содержаніе его, что онъ долженъ былъ два раза повторить свои слова, прежде чѣмъ она отвѣчала ему. Наконецъ она подняла глаза, и на предложеніе его, идти прогуляться, отвѣчала, что обѣщала быть въ двѣнадцать часовъ у Винсентовъ, чтобы протвердить какіе-то дуэты, и просила его проводить ее до ихъ дому. Онъ согласился; они пошли черезъ паркъ къ Пикадилли. Дорогою она обронила письмо, и взоры Вальтера случайно попали на подпись, въ которой онъ разобралъ имя Фредерика Винсента.

— Можно прочесть? спросилъ онъ, улыбаясь, и подавая ей письмо.

— Нѣтъ, Вальтеръ, не теперь, отвѣчала она задумчиво. Черезъ нѣсколько дней, мнѣ придется, можетъ-быть, поговорить съ вами о предметѣ, который находится въ связи съ этимъ письмомъ; это дѣло очень важное для насъ всѣхъ, но я не желала бы приступить къ нему въ настоящее время.

Мгновенная блѣдность покрыла лицо Вальтера; но онъ не отвѣчалъ ни слова, а она заговорила о другихъ вещахъ; такимъ образомъ прошли они выжженный солнцемъ и запыленный лугъ къ повороту въ Гайдъ-Паркъ. Маргарита по временамъ дружески жала ему руку, и говорила:

— Любезный Вальтеръ, какъ я рада, что вы наконецъ пріѣхали! — Но молчаніе его приводило ее въ недоумѣнію; и оба чувствовали себя какъ-то неловко. Наконецъ, они пришли къ дому лорда Домингтона, и Маргарита сказала, запинаясь:

— Вы войдете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ отрывисто. Джиневра сказала, что заведетъ за вами въ карету.

Дверь отворилась.

— Когда мы увидимся? спросила Маргарита тихо.

Но Вальтеръ ушелъ, не слышавъ ея вопроса, и вошелъ въ Кенсингтонскій садъ. Сердце его ныло, и никогда еще не было ему такъ тяжело думать о будущемъ. Съ самой той минуты, какъ заключилъ известное читателю условіе съ Маргаритою, онъ безпрестанно боролся съ своимъ сердцемъ и старался приучить себя къ мысли о возможности переменъ въ сердцѣ Маргариты. И онъ былъ увѣренъ, что приготовился къ ней; но кто можетъ ручаться за себя, что готовъ встрѣтить предстоящее горе? кому не открываетъ оно новыхъ тайнъ, не приноситъ новаго опыта? Вальтеръ часто разсуждалъ про себя, когда Маргарита предпочитала ему Эдмунда Невиля, что страданія его происходили только отъ того, что онъ сомнѣвался въ характерѣ Невиля и боялся за ея будущее счастье. Это было отчасти справедливо; и если бы она тогда перенесла свою любовь на Фредерика Винсента, это успокоило бы его, и доставило бы некоторую отраду и утѣшеніе. Но съ-тѣхъ-поръ чаша блаженства была поднесена къ его устами; будущее являлось ему въ обаятельномъ образѣ любви и счастья; и теперь, вдругъ и навѣки утратить все свои надежды, не имѣя даже права жаловаться, не имѣя права роптать, было слишкомъ тягостно для его чистой, самоотверженной юбви. Однако же онъ не отступалъ передъ этимъ испытаніемъ. Онъ съѣлъ на одну изъ старѣхъ деревянныхъ скамеекъ, не занятыхъ толпою нянекъ и рѣзвившихся по саду дѣтей, и мысленно представлялъ себѣ будущее свиданіе свое съ Маргаритою, необходимость показать ей видъ совершенной покорности, не только безропотно выслушать ея объясненіе, но еще ободрить ее, разсѣять ея сомнѣніе и подкрѣпить ея колеблющееся мужество. И ему странно; чего? — что онъ станетъ горько упрекать ее въ томъ, что она такъ жестоко представила ему, обнадежила его, и потомъ разрушила блаженство всей его жизни, какъ ребенокъ подаетъ игрушку и потомъ отдергиваетъ ее? что онъ станетъ роптать и жаловаться? — Нѣтъ, не этого онъ боялся; а боялся, чтобы она не замѣтила, не угадала пытки, которой она подвергала его; чтобы голосъ, чтобы лицо его не измѣнили ему и не высказали всю глубину его страданія.

— Она, должно-быть, переписывается съ нимъ, подумалъ онъ, и кровь мгновенно бросилась въ его блѣдное, задумчивое лицо, — чтобы посоветоваться съ нимъ, какъ ей объясниться со мною, какъ сознаться, что она ошибалась, когда думала, что любить меня. Я выручу ее изъ этого затрудненія; ей не нужно будетъ ни сознаваться, ни объясняться. Сегодня утромъ она была встревожена, совсѣмъ не то, что бывало въ Геронъ-Кастль.

Тутъ онъ вспомнилъ тотъ день, тотъ часъ, когда руки ея обвива-

лась вокругъ его шеи, щеки ея были омочены слезами, голосъ его дрожалъ отъ волненія, — и мужество оставило его на минуту. Проходя черезъ паркъ на возвратномъ пути, онъ увидѣлъ Маргариту въ каретѣ леди Донингтонъ; подлѣ нея сидѣла Люси Винсентъ, а напротивъ Фридерикъ Винсентъ. Они пробѣжали мимо его въ небольшомъ разстояніи, но не видали его. Маргарита слушала Фридерика съ напряженнымъ вниманіемъ, и казалось, была увлечена разговоромъ. Вальтеръ слѣдилъ за высунувшимся изъ кареты концомъ ея воали, до-тѣхъ-поръ, пока не исчезъ въ отдаленіи; потомъ онъ пошелъ скорымъ и твердымъ шагомъ домой, и на нѣсколько часовъ заперся въ своей комнатѣ, настрого приказавъ никого не принимать.

На слѣдующіе дни у Маргариты было бездна приглашеній и занятій, и хотя каждый разъ какъ Вальтеръ являлся, она выходила къ нему, и была съ нимъ привѣтлива и дружелюбна по обыкновенію, однако же онъ не могъ разогнать мысли, что чувства ея къ нему измѣнились, и потому былъ такъ мраченъ и унылъ, что сообщилъ свое уныніе и ей; и имъ, въ первый разъ въ жизни, стало неловко другъ съ другомъ. Въ полной увѣренности, что собиралась открыть ему, что она испытала свое сердце. и что оно не устояло противъ вліянія разлуки и переменъ мѣста, онъ не смѣлъ, ни въ словахъ, ни въ обращеніи, показывать любовь, которою было переполнено его сердце, и въ которой не было ни малѣйшей примѣси ни горечи ни ревности. Маргарита любила, чтобы ею занимались, чтобы ею восхищались; а могъ ли свѣтъ представить ей что-нибудь равное, въ ея глазахъ, тому неутомимому вниманію, той непоколебимой преданности, къ которымъ приучалъ ее Вальтеръ? передъ ними блѣднѣли всѣ хвалы обыкновенныхъ обожателей. Но Вальтеръ въ Лондонѣ былъ совсѣмъ не то, что въ Грантли-Мэноръ, и она съ тоскою спрашивала себя, онъ ли перемѣнился, или она сама? Раздосадованная его мнимою холодностью, его отчужденіемъ, она рѣшилась въ недобрый часъ наказать его личиною такого же равнодушія. И не довольствовалась она одною страдательною холодностью, а пустилась кокетничать съ другими, и тѣмъ подтверждала возбужденныя уже въ немъ подозрѣнія. Огорченный и уязвленный, онъ не могъ уже возвратиться къ тому непринужденному, дружескому тону, поддержаніе котораго и прежде стоило ему такихъ усилій. Маргарита никогда не видала ихъ, и не подозрѣвала глубины чувствъ и страданій, крившихся подъ гладкою поверхностью его обыкновеннаго спокойствія. Отчужденіе непримѣтно возникаетъ въ сердцахъ, по-мѣръ-того, какъ тучи скопляются на его поверхности, и застилаютъ лазурь яснаго неба; точно также стало оно возникать между двухъ сер-

дочь, изъ которыхъ одно, по-крайней-мѣрѣ, было исполнено любви и преданности, безъ малѣйшей примѣси корыстныхъ надеждъ и видовъ. Но Маргарита въ этомъ самоотверженіи видѣла одну холодность, и ей пріятно было, показать ему, какъ восхищались ею другіе, и возбудить въ немъ страхъ утратить то мѣсто въ ея сердцѣ, которое она добровольно дала ему. Фредерикъ Винсентъ, по многимъ причинамъ, былъ самымъ частымъ и любимымъ собесѣдникомъ ея въ отсутствіи Вальтера, а иногда даже и при немъ, когда ей хотѣлось пробудить его ревность, и довести его до обнаруженія этого чувства. Ему никогда не приходило на мысль, чтобы она могла сомнѣваться въ искренности его любви, и потому онъ не могъ объяснить себѣ ея образъ дѣйствія иначе, какъ только тѣмъ, что она раскаявалась въ слишкомъ опрометчивомъ обѣщаніи; послѣ этого онъ считалъ долгомъ вооружиться мужествомъ, и освободить ее, щадя по возможности ея самолюбіе и чувство стыда. Вечеромъ на-канунъ представленія, онъ больше чѣмъ когда-либо убѣдился въ основательности своего умствованія, и рѣшился какъ можно скорѣе уѣхать изъ Лондона. Весь слѣдующій день онъ провелъ въ мучительномъ сомнѣніи и размышленіи о томъ, какъ онъ увидѣтъ, и какъ сообщитъ Маргаритѣ о своемъ намѣреніи. Около семи часовъ вечера, подали ему записку отъ нея, слѣдующаго содержанія.

« Любезнѣйшій Вальтеръ, мы два раза заѣзжали къ вамъ, сегодня, и все не заставали васъ дома. Мы хотѣли просить васъ обѣдать у насъ, съ Джиневрою и со мною, передъ театромъ. Моя роль самая коротенькая, только показаться во второй пьесѣ, и уйти. Первую же пьесу я буду преспокойно смотрѣть изъ ложи. Посылаю вамъ билетъ для входа въ нашу ложу; вы должны также посмотрѣть, какъ будетъ играть Джиневра. Она ужасно тоскуетъ, впрочемъ кажется довольно спокойна. Я не думаю, чтобы она очень дорожила сдѣланною ей честью; она нездорова, и это ужасно тревожитъ меня. Приѣзжайте. Любящая васъ

Маргарита ».

Часы пробили осемь, и Джиневра ждала окончанія увертюры и поднятія занавѣса. Никогда въ жизни своей не чувствовала она себя менѣе взволнованною; она была увѣрена въ своихъ силахъ, и знала, что роль сойдетъ хорошо; она была отъ природы не застѣнчива, а отсутствіе всякаго тщеславія избавляло ее отъ разныхъ мелочныхъ страховъ. Одно отсутствіе Эдмунда тяготило ея душу. Она до послѣдней минуты надѣялась, что онъ пожелаетъ, или по-крайней-мѣрѣ полюбопытствуетъ посмотрѣть на нее въ этотъ вечеръ. Если бъ онъ былъ въ числѣ зрителей, плотно наполнявшихъ небольшую залу театра, она не сидѣла бы такъ спокойно, въ ожиданіи своего выхода. Наконецъ знакъ

подать, она вышла на сцену, и вся зала задрожала от рукоплесканий. Последнія слова, произнесенныя передъ появленіемъ ея, были: «Вы найдете веселость, которую молва приписываетъ мисъ Мильнеръ, смѣтенною недавнимъ горемъ въ кроткую грусть, и высокомерное сознание своей красоты, смѣненнымъ томною задумчивостью». Поступки и выраженіе лица Джиневры такъ хорошо соответствовали этому описанию, что новый залпъ восторговъ огласилъ залу, когда она подняла шторы на сэра Чарльза Дарси, игравшаго роль Доррифорта, преклонила передъ нимъ колѣна, и дрожащимъ голосомъ обещала повиноваться ему какъ опекуну и отцу. Наконецъ аплодисменты затихли, и представленіе пошло своимъ порядкомъ.

Мистрисъ Виндгемъ довольна началомъ, но боится, что въ слѣдующихъ сценахъ не достанетъ того одушевленія, котораго требуютъ живой разговоръ и быстрота дѣйствія. Маргарита наклоняется черезъ борть ложи, какъ будто хочетъ полетѣть на сцену и поддержать мужество сестры, которой блѣдность просвѣчиваетъ изъ подъ искусственнаго румянца, и которая уныло ходитъ по сценѣ, между-тѣмъ какъ должна быть весела. Полковникъ Лесли забился въ уголокъ ложи, и разсѣянно щиплетъ афинку. Вотъ очередь Джиневры говорить; суфлеръ подсказываетъ, но она молчитъ, начинаетъ фразу и вдругъ останавливается. Дыханіе замираетъ у Маргариты, полковникъ Лесли мѣняется въ лицѣ, оба отворачиваются; — смотрятъ опять: Джиневра заговорила, и какая то мгновенная перемѣна совершилась въ ея задумчивомъ лицѣ, во всемъ ея существѣ. Глаза ея сіяютъ; на устахъ играетъ улыбка; каждое движеніе, каждый взглядъ полонъ жизни и одушевленія. «Прежняя веселость мисъ Мильнеръ, возвратилась со всею воздушною обворожительностью, которая на время померкла подъ вліяніемъ горести». Она смотритъ на Доррифорта, и лицо ея дышетъ глубокимъ чувствомъ; во взглядъ ея читается страсть любовницы и въжливость супруги. Она кокетничаетъ съ лордомъ Фредерикомъ, и во всѣхъ движеніяхъ ея, въ быстро перебѣгающихъ глазахъ, въ болтливой рѣчи, столько веселости, столько плутоватаго простодушія, столько одушевленія! Она бичуетъ Сендфорда, своего упрямаго, несправедливаго соперника такимъ неисчерпаемымъ потокомъ остроумія и женской вражды, когда смѣется, а мистрисъ Тортонъ, съ досадою въ голосъ и во взоръ, молитъ небо простить ей смѣхъ ея, она продолжаетъ смѣяться, какъ-будто не въ силахъ остановить этотъ порывъ веселости, этотъ разгулъ молодости, который сіяетъ въ каждой чертѣ ея лица, раздается въ каждомъ звукъ ея звонкаго голоса. Вся зала

неистово аплодируетъ, а она все смѣется; — она не можетъ устоять противъ бурной веселости, овладѣвшей ея сердцемъ.

— Что за актриса! вотъ играетъ! слышно въ партеръ, въ ложахъ и въ галереяхъ. Первое дѣйствіе кончается, занавѣсъ опускается, зала опять потрясена единодушными рукоплесканіями.

— Какъ можете вы, Невиль, сидѣть какъ истуканъ, когда эта дѣвочка можетъ свести съ ума самыя надежныя головы? Видали ль вы когда что-нибудь обворожительнѣе? Дарси влюбленъ въ нее по уши. И не мудрено; три недѣли дѣлали вмѣстѣ репетицію, и утромъ, и вечеромъ. Онъ отъ нея просто безъ ума, — да и есть отчего быть безъ ума.

Еслибъ сосѣди Эдмунда Невиля уговорились свести его съ ума, не могли бы они лучше приняться за дѣло. Лицо его посинѣло отъ ярости. Демонъ ревности точилъ его сердце, а эти замѣчанія поддвигали масла въ огонь. Джиневра не отвѣчала на его письма, не обратила вниманія на его совѣты, на его убѣжденія, чтобы она не играла; она пренебрегаетъ имъ, и не считаетъ обязательными для своей совѣсти узы, которыхъ онъ не хотѣлъ признать передъ лицомъ свѣта. Онъ винить, осуждаетъ, презираетъ ее; ничего не помнитъ кромѣ того, что онъ ее еще любитъ, а она уже не любитъ его. Онъ бросается изъ оркестра, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто передъ самымъ началомъ представленія, въ фойѣ; она стоитъ подлѣ сэра Чарльза Дарси, наклонившись надъ книгою, и съ одушевленіемъ объясняетъ ему, какъ должна быть произнесена одна фраза. Онъ внимательно слушаетъ ее, и произноситъ за нею съ выраженіемъ глубокаго чувства: « Я съ восторгомъ отъ вѣсти, которую вы сообщили мнѣ, хотя, быть-можетъ, лучше было бы мнѣ вовсе не слышать ея. » Она смотритъ на него съ светлою улыбкою, и говоритъ съ неописанною веселостію:

— Мы сегодня исполнимъ свое дѣло на славу; все идетъ какъ нельзя лучше! — и ведетъ его на сцену, будто горитъ нетерпѣніемъ снова явиться передъ восторженною публикою.

Съ яростію въ сердцѣ отворачивается Эдмундъ Невиль, взбѣгаетъ по узкой лѣстницѣ, ведущей въ боковыя ложи, и входитъ въ ложу мистрисъ Фрезеръ, гдѣ его встрѣчаетъ самое радушное привѣтствіе; онъ садится на самомъ виду, одною рукою играетъ ея вѣромъ, а другою подпираетъ голову; глаза его устремлены на занавѣсъ, и ждетъ его поднятія; сердце кипитъ негодованіемъ и досадою. Джиневра одна на сценѣ; глаза ея потуплены въ землю, улыбка играетъ на ея устахъ; она говоритъ: « Развѣ не вижу, что сила моей красоты еще неотразимѣе, чѣмъ я когда-либо думала? » Она поднимаетъ глаза, и смотритъ въ уголъ оркестра; во все продолженіе слѣдующихъ сценъ взоры ея

обращаются безпрестанно въ ту сторону, и каждый разъ все съ болѣе-шимъ беспокойствомъ ; вдругъ, между двухъ фразъ, бросаетъ она робкій взглядъ на ложи, и видитъ Эдмунда подлѣ мистрисъ Фрезеръ, и взоры обоихъ подтверждаютъ догадки общества. Она дрожитъ, — ноги подкашиваются подъ нею, — въ глазахъ ея туманъ. Она не можетъ играть, съ этимъ страхомъ въ сердцѣ, не можетъ говорить съ этимъ зрѣлищемъ передъ глазами ; — она не смѣетъ взглянуть въ ту сторону, — прижимаетъ руку къ сердцу, чтобы удержать его бѣненіе ; — а между-тѣмъ оглушительныя рукоплесканія и крики восторгу потрясаютъ залу ; смолкаютъ и опять раздаются съ новою силой, и она нѣсколько минутъ стоитъ смущенная и въ недоумѣніи. — Теперь продолжайте, продолжайте, шепчутъ вокругъ нея, и суфлеръ подсказываетъ начало ея фразы : « Роль, которую я взяла на себя... » Она подхватываетъ слова, и восклицаетъ съ такою энергіею, съ такою страстью, что всѣ слушатели вздрагиваютъ : « Роль, которую я взяла на себя, кончена ; отнынѣ на всю жизнь явлюсь я въ настоящемъ своемъ видѣ, и дамъ волю страданіямъ, которыя терзаютъ мое сердце » ! Въ голосъ юной артистки, въ выраженіи ея лица столько страсти, и вмѣстѣ столько нѣжности, что изумленные зрители не въ силахъ удержать своего энтузіазма, и новый залпъ бурнаго восторгу покрываетъ ея послѣднія слова. Пьеса подходитъ къ концу ; руки двухъ главныхъ лицъ уже соединены, и занавѣсъ начинаетъ опускаться ; Джиневра смотритъ на кольцо, надѣтое на ея палецъ, и вздрагиваетъ.

— Видѣли вы ? замѣтили вы ? шепчутъ всѣ, знающіе « Простую исторію » въ подлинномъ ея видѣ. — А ты видѣлъ ли, Эдмундъ Невиль ? замѣтилъ ли эту непостижимую игру ? Взоры твои встрѣтились ли съ ея взорами, когда занавѣсъ опускался между вами ? Да, ты все видѣлъ, и съ трудомъ удерживаешь силу, которая тянетъ тебя къ ней. Ты вздрагиваешь, когда мистрисъ Фрезеръ касается твоей руки, и требуетъ твоего вниманія ; но ты не смѣешь тронуться съ мѣста, потому что Чарльзъ Невиль стоитъ за тобою. Онъ слѣдитъ за каждымъ твоимъ шагомъ, подмѣчаетъ каждое твое движеніе ; во все время представленія онъ не спускалъ глазъ съ тебя и съ Джиневры, и когда, блѣдная отъ ярости и ревности, ты бросился вонъ изъ фойе, онъ былъ тутъ, за тобою, съ своею холодною проникательностью и съ нѣмымъ вопросомъ во взоръ.

Начинается вторая пьеса ; и въ одной изъ ложъ, съ противоположной стороны, блѣдая, истощенная, какъ подкошенная лилія, является Джиневра, и садится между отцомъ и Вальтеромъ Сиддеемъ. Зрители узнали ее, и приветствуютъ снова одобрительнымъ ропотомъ ;

представленіе на минуту прерывается, и тысячи восторженныхъ головъ провозглашаютъ имя миссъ Лесли. Она сначала укрывается въ ложь, но потомъ выходитъ впередъ, наклоняется надъ бортомъ, благодарить и удаляется. Полковникъ Лесли накидываетъ платокъ на ее плечи, она опирается на его руку. Она смотритъ на Эдмунда, какъ будто душа ее хочетъ этимъ напряженнымъ взглядомъ пробить себѣ путь къ нему; нѣмою мольбою зоветъ его къ себѣ. Онъ выходитъ изъ ложи, и краска радости мгновенно оживляетъ ее блѣдное лицо. Она прислушивается къ каждому шороху, считаетъ секунды биеніемъ своего сердца.... слышитъ шаги, — ручка двери поворачивается.... ожиданіе и волненіе захватываютъ ей духъ. Вальтеръ встаетъ, открываетъ дверь, и входитъ — Чарльзъ Невиль. Слезы готовы хлынуть изъ глазъ ея; она не въ силахъ долже притворяться или крѣпиться; этотъ обманъ надежды слишкомъ тяжелъ для истомленной души и слабого тѣла. — Батюшка, домой! шепчетъ она, и полковникъ Лесли почти выноситъ ее на рукахъ. Когда они пріѣзжаютъ домой, дверь ея комнаты запирается за нею, и она остается одна; она можетъ только стонать слабымъ голосомъ: — Отецъ, отзови меня назадъ! — Не къ земному отцу обращалась эта молитва, и не на земную родину просилась она!

Между-тѣмъ Маргарита удачно сыграла свою незначительную роль во второй пьесѣ, и побѣжала къ мистрисъ Виндгемъ, гдѣ участники представленія и многіе изъ зрителей собрались ужинать. Мистрисъ Фрезеръ, казалось, стала дышать свободнѣе, когда пришло время ей блистать самой, а не дивиться другимъ. Самоувѣренность, неисчерпаемая шутивая дерзость, оружіе, противъ котораго всего труднѣе обороняться или устоять, были главными преимуществами ея въ бесѣдѣ. Она имѣла рѣдкую способность говорить вздоръ и не казаться глупою, говорить дерзости людямъ, никогда не нарушая уставовъ хорошаго воспитанія. Въ этотъ вечеръ она дала полную волю этой способности, и стрѣлы ея насмѣшки летали вправо и влево, и нѣкоторые, не безъ умыслу пушечныя, достигали героиню вечера, Джинневу. Услышавъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ изъявили желаніе, чтобы и продолженіе исторіи мистрисъ Мильнеръ было также перенесено въ драматическую рамку, она преостроумно намекнула, что они увидятъ, пожалуй, продолженіе ея, въ дѣйствительной жизни, если не на сценѣ. Маргарита, которой мистрисъ Фрезеръ не замѣтила, покраснѣла, и невольно взглянула на Эдмунда Невилля: онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; очевидно было, что какая-то страшная, непонятная борьба происходила въ душѣ его, ей было страшно смѣ

травя на него. Кто-то, не подозревая родства ея съ Джиневрою, на-смелливо подхватилъ злое замѣчаніе мистрисъ Фрезеръ, но былъ остановленъ перышкомъ гитва и негодованія, отъ котораго все присутствующіе вздрогнули, какъ-будто пораженные электрическою искрою. Никто не зналъ въ точности, что было сказано и къмъ; слышали только произнесенную сквозь зубы клятву, и еще нѣсколько неопытныхъ словъ; потомъ послѣдовало мертвое молчаніе, и сама мистрисъ Фрезеръ на нѣсколько минутъ утратила свою смѣлость, не столько отъ испуга, какъ отъ изумленія и пораженія. Что-жъ касается Маргариты, негодованіе ея было поглощено изумленіемъ и любопытствомъ, которыя должно было возбудить въ ней это странное обстоятельство, обѣщавшее пролить новый свѣтъ на предметъ ея изслѣдованія. Вскорѣ за тѣмъ гости начали расходиться, и она прошла черезъ нервую гостинную, не замѣтивъ Вальтера, который сидѣлъ за столикомъ у двери съ тѣмъ видимымъ вниманіемъ, и тою разсѣянностью, которыя показываютъ, что умъ погруженъ въ одну всепоглощающую мысль. Онъ сидѣлъ подлѣ нея во все представленіе, и она была къ нему любезна и приветлива. Однажды, въ минуту, когда ей было странно за Джиневру, она сжала его руку, а при послѣднихъ, трогательныхъ сценахъ она нѣсколько разъ обращалась къ нему съ такимъ выраженіемъ, что надежда снова родилась въ его сердца, и онъ едва могъ сохранить свое наружное спокойствіе. Не имѣя долже силы переносить это колебаніе между недавнимъ еще страхомъ и возобновившеюся надеждою, онъ шепнулъ ей въ антрактъ:

— Вы говорили мнѣ нынче утромъ, Маргарита, что имѣете что-то сообщить мнѣ....

— О да, Вальтеръ, перебила она въ сильномъ волненіи; нѣчто очень важное, но чего я теперь не могу еще сказать. Я еще не довольно увѣрена, а никогда не рѣнусь сказать этого, пока оно еще можетъ оказаться просто ошибкою. Но скоро, очень скоро, я думаю....

Съ этими словами взоры ея обратились въ тотъ конецъ театра, гдѣ сидѣлъ Винсентъ, а прежде чѣмъ она успѣла договорить, приходѣ восторонняго человека прервалъ разговоръ ихъ. Съ этой минуты, музыка обратилась въ нестройный шумъ въ ушахъ Вальтера, свѣтъ сталъ рожать ему глаза; атмосфера стала душить его, а говоръ голосовъ — терзать все его нервы; и все силы его воли сосредоточились въ одной цѣли, — скрыть свое страданіе.

Въ слѣдующій разъ, что Маргарита говорила съ нимъ, это было при постороннихъ; онъ отвѣчалъ ей также кротко, какъ всегда, но голосъ его слегка дрожалъ. Въ то время какъ гости стали расходиться—

ся послѣ ужина, и Маргарита прошла мимо, не замѣтивъ его, онъ перебиралъ въ мысляхъ своихъ всѣ обстоятельства того вечера, и старался вывести изъ нихъ окончательное заключеніе. Спустя нѣсколько минутъ, онъ услышалъ голосъ ея въ дверяхъ, и въ виствиіе напротивъ зеркало увидѣлъ, что она разговаривала съ Винсентомъ. — Мнѣ надо вамъ что-то сказать, шептала она ему. — А я покажу вамъ письмо, отвѣчалъ онъ, такъ же тихо. Слѣдующихъ словъ онъ не разслушалъ; но нѣсколько спустя, онъ слышалъ опять, какъ она сказала взволнованнымъ голосомъ: — О Фредерикъ, вы не можете представить себѣ какъ мнѣ иногда бываетъ больно и грустно. — За этимъ послѣдовало еще нѣсколько словъ шопотомъ, потомъ движеніе въ соседней комнатѣ, — и потомъ онъ больше ничего не слышалъ. Но того, что онъ слышалъ, было уже достаточно, чтобы показать образъ дѣйствій, который ему слѣдовало избрать. Онъ быстро взвился въ умъ своемъ прошедшее и настоящее, и рѣшился немедленно и безмолвно выдти изъ положенія, въ которое былъ поставленъ, не доводя ея до трудной и непріятной необходимости объясниться и сознаться въ перемѣнѣ своихъ мыслей. Онъ рѣшился тотчасъ оставить Лондонъ, но не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости и силы, чтобы возвратиться въ Геронъ-Кастль, въ Грантли-Мэноръ, къ своей бѣдной матери. И потому онъ мысленно спрашивалъ себя, куда ему ѣхать? Когда этотъ вопросъ предлагаетъ себѣ человекъ молодой и счастливый, это одна изъ самыхъ отраднѣхъ бесѣдъ съ самимъ собою; это колебаніе воли, происходящее отъ сознанія свободы и чувства удала; но когда мы въ горести, въ уныніи, подъ вліяніемъ жестокаго разочарованія восклицаемъ: Куда идти намъ? — Тогда сердце сжимается, чувствуя въ этомъ бесполезномъ вопросѣ какъ бы насмѣшку надъ своею безнадежностью. Вальтеръ уже въ третій или четвертый разъ въ этотъ вечеръ предлагалъ себѣ этотъ вопросъ, когда единственный сынъ мистрисъ Виндгемъ, осьмнадцатилѣтній юноша, отправлявшійся на слѣдующій день въ Парижъ, сталъ самымъ дружескимъ и убѣдительнымъ образомъ просить его ѣхать съ нимъ. Лучъ радости блеснулъ при этихъ словахъ въ глазахъ матери, и безмолвно присоединился къ убѣжденіямъ сына. Ея материнской любви тяжело было отпустить сына одного за границу; однако же всѣ усилія ея склонить его отъ задуманнаго путешествія, были бесполезны, и теперь она съ восторгомъ ухватилась за этотъ новый планъ. Вальтеръ не далъ рѣшительнаго слова, но почти согласился на предложеніе; и возвратившись ночью домой, написалъ Маргаритѣ слѣдующее письмо:

— Не знаю, милая Маргарита, удивить ли васъ внезапная перемена моихъ плановъ, и очень ли будетъ вамъ досадно, что я уѣзжаю, не дожидаясь обѣщаннаго мнѣ вами сообщенія. Дѣло въ томъ, что и для васъ самихъ и для меня гораздо лучше, если я какъ можно скорѣе оставлю Лондонъ. Вы знаете, моя милая, какъ я васъ люблю; но вы не можете знать, сколько тоски въ моей любви, и сколько разъ я упрекалъ себя въ ошибкахъ, въ которыя вовлекли меня эта любовь и эта тоска. Не стану скрывать отъ васъ, что я не безъ мучительной борьбы дошелъ до настоящаго своего рѣшенія, и что исполненіе его будетъ стоить мнѣ новыхъ страданій; но въ то же время я убѣжденъ, что вы съ трудомъ повѣрите, какъ слаба была во мнѣ надежда на осуществленіе моего геронъ-кастльскаго сна. Впрочемъ онъ усладилъ на время мое одиночество, и пролилъ отраду на долгіе часы тоски и страданія. Теперь онъ разсѣялся, и жизнь моя возвратилась къ прежнему своему теченію, — не совсѣмъ, но па столько, по-крайней-мѣрѣ, сколько нужно для безропотной покорности моей настоящей судьбѣ и для выполненія моихъ настоящихъ обязанностей. Я хочу освободить васъ, — освободить отъ принужденія и отъ замѣнательства. Я ѣду на короткое время въ Парижъ, а когда пріѣду назадъ, вы можете называть меня старикомъ Вальтеромъ, какъ въ бывшее время, и повѣрять мнѣ всѣ свои тайны, какъ бы небывало никогда между нами тайны, касавшейся насъ обоихъ. Я радъ и тому, милая Маргарита, что могу хранить эту тайну въ своемъ сердцѣ: она будетъ усладою моей жизни, источникомъ и средоточіемъ всѣхъ заветныхъ радостей моей души. Я знаю, что вы искренно привязаны къ первому, старѣйшему, и — смѣю сказать, — лучшему вашему другу. Я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что вы, скорѣе чѣмъ огорчить меня, готовы завтра же прійти ко мнѣ и связать себя новыми великодушными общаніями; потому-то я и уѣзжаю, и не выдавшись съ вами. Я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы подозревать васъ въ кокетствѣ или лицемеріи передъ мною или передъ другими. Того, что я видѣлъ своими глазами, что я слышалъ своими ушами, и о чемъ вы сами намекали мнѣ, достаточно. Храни васъ небо, милая Маргарита; награди васъ Богъ за то, чѣмъ вы были для меня съ самаго вашего младенчества по настоящую минуту, когда я благословляя васъ также чистосердечно, съ такимъ же отсутствіемъ всякихъ себялюбивыхъ надеждъ, опасеній или сожалѣній, какъ благословляя я васъ лѣтъ двадцать назадъ, когда стоялъ передъ вашею колыбелью. Когда сомнѣніе, скрывающее еще вашу будущность, разсѣется, пишите мнѣ безъ страха и безъ ложнаго стыда. Помните, что

старикъ Вальтеръ будетъ очастливъ тѣмъ, что вы скажете ему, что вы счастливы; хотя радость его можетъ показаться ему и другимъ горестью, она будетъ также велика, какъ любовь къ вамъ, а что можетъ быть больше его любви? И такъ, прощайте, и да хранитъ васъ Богъ, Маргарита Лесли. Я многое высказалъ вамъ, но далеко не все, что чувствую къ вамъ, и не все участіе, которое принимаю въ вашемъ счастьи и спокойствіи. Любящій васъ.

«Вальтеръ».

«P. S. Я отправляюсь завтра рано утромъ, съ молодымъ Виндгомомъ. Кланяйтесь отцу вашему и Джиневрѣ. Извѣщайте меня о слъ здоровьи; она была вчера безподобна, но казалась очень больна и разстроена».

Изнуренная хлопотами и напряженіемъ чувствъ, Маргарита проспала на слѣдующій день до двѣнадцати часовъ. Проснувшись, и увидѣвъ на столѣкѣ подлѣ себя нѣсколько записокъ, она протянула руку, взяла письмо Вальтера и удивилась его большому формату и видимой длинѣ. Она вскрыла его, и была поражена его тономъ и содержаніемъ. Она была не въ духъ; многія обстоятельства располагали ее къ раздражительности; и это недоумѣніе, — если тутъ дѣйствительно было недоумѣніе, — взбѣсило ее въ высшей степени. Слезы досады выступили ей на глаза. Вальтеръ уѣхалъ не повидавшись съ нею, и поставилъ ее въ тягостную необходимость изложить на письмѣ то, что она имѣла важныя причины не желать объяснить ему иначе, какъ на словахъ, — или же она должна была оставить его въ такомъ состояніи души, которое она не знала даже какъ назвать. Известно, что мы склонны судить поведеніе ближняго тѣмъ съ болышею строгостью, чѣмъ сильнѣе недовольны въ душѣ своими собственными поступками, и что огорченіе, причиненное намъ тѣмъ, кого мы любимъ, столько же мутитъ нашъ разумъ, какъ отравляетъ спокойствіе нашего сердца.

Въ раздражительномъ состояніи духа, въ которомъ она находилась по этимъ и по многимъ другимъ причинамъ, Маргарита негодовала на поступокъ Вальтера, какъ на личное оскорбленіе. Она гнѣвно ходила по комнатѣ, и бранила — къ счастью она была одна, — и говорила про себя, а какихъ вздоровъ не говорятъ люди подчасъ про себя! — бранила его глупую ревность, его смѣшныя подозрѣнія; потомъ вспомнила, что она собственно сама первая навязалась ему въ невѣсты, — и при этой мысли щеки ея вспыхнули, болѣе отъ досады, нежели отъ стыда и скромности. Она разсуждала, — въ душѣ вовсе не беря этому, — что онъ свѣлся съ жизнью стараго холостяка, вовсе не

жизнь жениться, и только искалъ предлога развязаться съ немъ. Съ честью разсуждала она о немъ, говорила самыя несприятныя вещи, какія могли придти ей въ голову; и ей стало легче; даже улыбка мелькнула на лицѣ ея. Она почти рада была, что онъ освободилъ ее отъ даннаго слова. Потомъ она еще разъ прочла его письмо, — и слеза, крупная, свѣтлая слеза блеснула на ея рѣсницѣ, и медленно покатиалась по щекѣ. Она простила его. А прошевъ еще часъ, и она уже сидѣла за письменнымъ столомъ, печатала и отправляла въ Парижъ письмо слѣдующаго содержанія.

«Вините себя самого, если захотите отказаться отъ нашихъ плановъ на будущее счастье. Я уже не навязусь вамъ на шею въ другой разъ, потому-что начинаю бояться, что изъ васъ выйдетъ какой-нибудь Синяя — Борода въ модномъ фракѣ. Мнѣ придется, пожалуй, вѣчно трепетать роковаго ключа, или, подобно Аннѣ Боленъ, оцупывать шею, чтобы увѣриться, что голова моя точно еще на плечахъ. Вы стали на старости лѣтъ такъ проворны, что за вами не угоняешься; — понимайте это какъ угодно, въ буквальномъ или въ переносномъ смыслѣ. Вбили себѣ въ голову какую-то небылицу, и ну скакать, очертя голову въ Парижъ, словно какой-нибудь книжный любовникъ. Ну, кто бы сказалъ, что мнѣ придется журить васъ за вѣтренность, за необдуманность, за безразсудность? а хорошо, такъ вдругъ переменить роли! Не знаю, что вы такое *видѣли своими глазами, и слышали своими ушами*; — должно быть что-нибудь ужасное, что побудило васъ сломя голову пуститься рыскать по свѣту! — но *что до мнѣ намековъ*, то увѣряю васъ, что вы въ нихъ равно ничего не поняли, и что ваиа повѣзка въ Парижъ, въ этомъ случаѣ, совершенно излишня. Если желаете разрѣшенія этой загадки, то прѣзжайте назадъ. Неужели вы могли не шутя вообразить, что ваиа милая Маргариточка вамъ изменитъ? О Вальтеръ, если бы истина и честь были изгнаны изъ нашего міра, я знала бы гдѣ искать ихъ: въ сердцѣ, которое я съ гордостью и съ восторгомъ считаю своимъ неотъемлемымъ добромъ, по праву рожденія и по праву завоеванія. Какъ скоро вамъ можно будетъ, подъ благовиднымъ предлогомъ развязаться съ вашимъ спутникомъ, прѣзжайте сюда, и *увидьте своими глазами, услышите своими ушами*, что я люблю васъ по прежнему, — еще больше, чѣмъ прежде. Прѣзжайте, и помогите мнѣ своими совѣтами достигнуть цѣли, которая, послѣ вашей любви, мнѣ дороже всего въ жизни. Вѣчно любящая васъ

«Маргарита».

По какому-то стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, писано это

было доставлено Вальтеру гораздо поздне, чѣмъ онъ долженъ бы его получить; мы же, между-тѣмъ, должны возвратиться къ дальнѣйшей исторіи Джиневры.

VI.

Нѣсколько часовъ послѣ описанной нами сцены въ спальнѣ Маргариты, Маргарита лежала на софѣ, изнуренная усталостью и зноемъ; — это былъ одинъ изъ самыхъ знойныхъ іюльскихъ дней. Поднявъ случайно глаза, она замѣтила, что Джиневра была одѣта.

— Скажи, ради Бога, куда идешь ты въ этотъ адскій зной? вскричала она, приходя въ ужасъ при одной мысли выходить со двора въ такое время.

— Къ Леди Мордантъ, на званый завтракъ, отвѣчала Джиневра, не поднимая глазъ съ книги. Мистрисъ Виндгемъ сейчасъ заѣдетъ за мною.

— Ну, меня сегодня ни чѣмъ не сманить за порогъ! сказала Маргарита, обливая руки и голову одеколономъ. — И ты не должна бы вѣхать, продолжала она, приподнимаясь на подушкахъ, и замѣчая прозрачную блѣдность сестрина лица и синеватые круги подъ ея глазами.

— Я должна вѣхать, возразила Джиневра съ живостью, я дала слово.

— Кому? спросила Маргарита.

— Себѣ самой, отвѣчала она; и сестра замѣтила, что на глазахъ ея выступали слезы.

— О Джиневра, подумай о томъ, что ты дѣлаешь! вскричала Маргарита, со страхомъ глядя на сестру; потому-что возвращеніе Невиля, и очевидное волненіе Джиневры наполняли сердце ея какимъ-то смутнымъ страхомъ. — Джиневра, повторила она робкимъ голосомъ, подумай объ отцѣ, — объ отцѣ твоемъ, который одну тебя любитъ на землѣ! — вспомни, сколько онъ страдалъ въ жизни; вспомни, что если ты...

— Сестра, сестра, пощади! вскричала Джиневра. И несчастная сложила руки, и воздѣла ихъ къ небу съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, что въ эту минуту ее можно бы назвать живымъ изваяніемъ молитвы. — Не удерживай меня, сказала она поспѣшно, потому-что я *должна* идти, во что бы ни стало.

— Джиневра, вскричала Маргарита, бросаясь къ ногамъ ея, и обвиняя станъ ея руками. — Джиневра... ты не совсемъ уходишь?...

— О пѣть, милая сестра, я возвращусь. Успокойся, Маргарита, я не оставлю васъ такимъ образомъ, хотя, быть-можетъ, лучше бы

если бы меня здѣсь не было. Я навела мрачную тучу на твою свѣтлую жизнь. Я это знаю... я чувствую это, но я не убѣгу отъ васъ, какъ преступница. Я скажу тебѣ, сестра, прежде чѣмъ рѣшусь васъ покинуть... Не бойся, сестра, продолжала она, и судорожное движеніе сжало всѣ мускулы ея лица. — у меня нѣтъ ни роднаго крова, ни надежды на землѣ, ни убѣжища, кромѣ твоей любви.

Въ это время сильный стукъ у подъезда возвѣстилъ прибытіе мистрисъ Виндгемъ, и вслѣдъ затѣмъ голосъ ея раздался на лѣстницѣ. Она пріѣхала уговаривать Маргариту вѣхать съ ними, но всѣ убѣжденія ея были напрасны, и она принуждена была довольствоваться одною Джиневрою. Въ коляскѣ ждалъ ихъ сэръ Чарльзъ Дарси; глаза его заблестали удовольствіемъ, когда онъ увидѣлъ ее, и она дружески отвѣчала на его привѣтствіе. Всѣ мысли ея были слишкомъ погружены въ одинъ предметъ, чтобы она могла замѣтить любовь его къ ней; ей никогда не приходило въ голову, чтобы всѣ считали его влюбленнымъ въ нее, замѣчали и толковали его вниманіе. Маргарита все видѣла, но не смѣла сказать ей, потому-что слишкомъ хорошо знала, какъ щекотливо было говорить Джиневрѣ о пей самой. Она боялась, заговорить ей слишкомъ рано о необходимости отдать себѣ отчетъ въ его чувствахъ и своихъ собственныхъ, вмѣшаться преждевременно въ дѣло, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и при нѣкоторыхъ условіяхъ, могло имѣть самый радостный результатъ. Притомъ, въ началѣ пребыванія ихъ въ Лондонѣ, каждый разъ какъ она въ шутку или серьезно говорила Джиневрѣ о необыкновенныхъ успѣхахъ ея въ обществѣ, замѣчала на лицѣ ея явные признаки неудовольствія, и даже прискорбія. По всѣмъ этимъ причинамъ она рѣшилась впредь избѣгать всѣхъ подобныхъ разговоровъ. Съ сэромъ Чарльзомъ Дарси Джиневра была всегда привѣтлива и непринужденна; она любила его сначала какъ пріятнаго знакомаго, а потомъ стала уважать его и считать почти другомъ. Онъ пламенно любилъ ее. Но онъ былъ въ обращеніи и по характеру настоящій Англичанинъ; она была незнакома съ обществомъ, и почерпала всѣ понятія свои о любви частью изъ книгъ, а болѣе изъ страстныхъ выраженій и чувствъ, въ которыхъ выражалась любовь восторженнаго Невилля. По этому она не могла угадать въ его спокойныхъ и воздержныхъ изъясненіяхъ участія, въ его скромныхъ угожденіяхъ, настоящаго чувства, которое ихъ внушало, и слѣдовательно не могла предполагать, что предпочтеніе, невольное оказываемое челоуѣку, котораго искренно уважала и цѣнила какъ друга, можетъ почтестъ знакомъ снисхожденія къ его чувствамъ.

Это поведеніе съ ея стороны, а также замѣченное имъ въ ней по

временамъ волненіе и смущеніе безъ всякой видимой причины, дали ему надежду, что любовь его оплачивалась взаимностью; и накануне того дня, вечеромъ, онъ открылъ свои надежды мистрисъ Виндгемъ и просилъ ее взяться за него ходатайствовать. Быть повзрѣнною такого рода дѣла—было для мистрисъ Виндгемъ самымъ радостнымъ событіемъ въ жизни, и она едва помнила себя отъ восторгу при мысли сопроводить двушку въ то время, когда, по всемъ вѣроятіямъ, должно послѣдовать объясненіе и предложеніе руки. Она затѣмъ только и убѣждала Маргариту вѣхать къ леди Мордантъ, чтобъ имѣть съ кѣмъ бесѣдовать во весь провздъ въ Розвудъ, и тѣмъ доставить полную свободу жениху и невестѣ, какъ она уже мысленно называла ихъ. Но это не удалось, и она тщетно придумывала средство исчезнуть, уничтожить себя совершенно на время. Она желала бы умереть, какъ ея ученая болонка, желала бы на одинъ часъ возвратиться въ младенчество, обратиться въ безсмысленную куклу, въ куль. Но ничто не шло; не могла же она сказать имъ, что она закроетъ глаза и заткнетъ уши, или заснетъ надъ «Придворнымъ календаремъ». На послѣднее средство она покушалась, но и оно не помогло. Послѣ этого не удивительно, что она была очень не въ духъ, когда они пріѣхали въ Розвудъ, и вмѣшались въ многочисленныя толпы народу, собравшіяся уже на розвудскомъ лугу.

Въ одномъ мѣстѣ игралъ хоръ музыки; въ другомъ пѣли швейцарскіе крестьяне; дѣти, разряженныя, какъ не следовало бы рѣдить дѣтей, то есть такъ щегольски, что имъ строго наказано было не рвать платья, бѣгали, рѣвнялись, — шмыгали между ногъ гуляющихъ и безпощадно рвали свои кружевныя платьица и газовыя шляпки. Двушки чинно сидѣли на скамейкахъ и болтали такъ усердно, какъ—будто онѣ были на то рождены; мушцины стояли вокругъ нихъ и глядели, считая по-видимому это занятіе назначеніемъ разумнаго существа, назначеніемъ, отъ котораго они не имѣли ни возможности, ни желанія уклониться. Нѣсколько матушекъ ревностно смотрѣли за тѣмъ, чтобы парасоли ихъ дочекъ были раскрыты, и воали опущены; другія бѣгали черезъ кусты и цвѣтники за малолѣтнюю часть своего потомства. Одни размышляли о своихъ надеждахъ и видахъ; другіе преслѣдовали разочарованіе и тайная тоска; третьи заботились только о томъ, какъ бы не выказать своихъ чувствъ, и высмотрѣть чувства другіхъ; очень немногіе дѣйствительно наслаждались свѣжестью воздуха, богатствомъ природы, мѣлыною и рѣзвостью дѣтей, которыхъ веселыя, безпечныя лица и звонкій смѣхъ сіяли среди сумрачныхъ и озабоченныхъ лицъ вѣрсаго поколѣнія, какъ солнечный лучъ среди потоковъ дождя.

Въ одно мгновеніе Джинверу окружила толпа дѣтей, между которы-

на первое место занимали маленькіе Винсентъ, меньшіе дѣти леди До-
ннингтонъ.

— О Джиневра, вскричалъ одинъ шестилѣтній мальчикъ, сними шляпку и надѣнь свой шарфъ, какъ ты надѣвала его въ Генуѣ.

— Да, да, подхватила маленькая дѣвочка; это такъ смѣшно! На-
дѣнь шарфъ, какъ ты надѣвала въ Генуѣ, и спой намъ твою смѣшную
итальянскую пѣсню.

Джиневра пыталась отдѣлаться отъ нихъ; но дѣти не знаютъ ми-
лосердія; они насильно усадили ее на ближайшую скамейку, сняли съ
нея шляпу, и подали ей шарфъ, умоляя ее надѣть его, какъ она надѣ-
вала его иногда въ Генуѣ. Она согласилась съ улыбкою, взяла одного
на козла, и, окруженная толпою другихъ, запѣла въ-полголоса коми-
ческую пѣсню, которой они требовали.

— Громче, кричали маленькіе мучители; и — громче! повторили
взрослые слушатели, столпившіеся вокругъ нихъ. Дѣти были въ вос-
торгъ; одинъ маленькій налунъ взлѣзъ на скамейку за нею, и хотѣлъ
надѣть ей на голову розовый вѣнокъ; но цвѣты осыпались и покрыли
ее тучею розовыхъ лепестковъ. Въ это время изъ-дали смотрѣлъ на
нее человекъ, который вспомнилъ Casa-Masani и тотъ день, когда онъ
видѣлъ ее въ первый разъ, также среди толпы рывыхъ дѣтей, и осы-
панную такою же розовою тучею. Увы! онъ развѣялъ юношескую
веселость ея души, онъ сорвалъ цвѣты ея жизни, и усялъ путь ея
терніями! Онъ уничтожилъ все радости ея жизни, — и своей соб-
ственной! Не страдалъ ли онъ въ эту минуту еще болѣе ея самой?
Почему знать? Кто можетъ опредѣлить степень страданія, котораго
онъ не испыталъ? Кто исчислитъ способность страдать въ такихъ
различныхъ натурахъ?

— Эдмундъ Невиль стоялъ у подъезда въ то время, какъ пріѣхала
Джиневра, и слышалъ толки досужей толпы при видѣ сэра Чарльза
Дарси въ коляскѣ мистрисъ Виндгемъ.

— Это кажется мисъ Лесли съ женихомъ? спросилъ кто-то, раз-
сматривая выходящую изъ коляски Джиневру.

— Они еще не помолвлены, отвѣчалъ другой.

— Все равно что помолвлены, судя по тому, какъ онъ за нею
ухаживаетъ, возразилъ первый.

— Ну, она такъ хороша, что можно и помолваться, замѣтилъ
второй.

— А желаетъ ли она идти за него? спросилъ третій.

— Если не хочетъ идти за него, то это значить, что она отъяв-
ленная кокетка, отвѣчалъ четвертый.

— Онъ три недѣли лежалъ у ногъ ея , прибавилъ пятый , и надо было посмотрѣть на медини , какъ она играла свою роль , ужъ подлинно сонъ амоге .

Эдмундъ не видалъ репетицій пьесы ; онъ не зналъ , какое внезапное чувство произвело въ ней одушевленіе и нѣжность , съ которою она передала свою патетическую роль , и которая такъ противорѣчила вялости и безжизненности ея игры на первыхъ репетиціяхъ ; эти толки растравляли ревность , которую онъ почувствовалъ , увидѣвъ ее на сценѣ съ сэромъ Чарльзомъ . Теперь пока она пѣла , онъ стоялъ за нею въ мрачномъ безмолвіи , и глаза ея напрасно окидывали поляну , и стремились къ дому , въ надеждѣ встрѣтить его . Когда она кончила , тетка подошла къ ней и предложила прогуляться по саду . Она охотно согласилась , надѣясь все еще встрѣтить Эдмунда ; взяла руку сэра Чарльза Дарси , и послѣдовала за мистрисъ Виндгемъ , которой на этотъ разъ удалось застать собесѣдникомъ .

Пройдя цвѣтникъ , отдѣлявшій лугъ отъ сосѣдняго лѣсу , они вошли въ оранжерею , и Джиневра вскрикнула отъ радости , услышавъ запахъ померанцовыхъ деревъ въ полномъ цвѣту ; но вслѣдъ за тѣмъ вздохнула такъ глубоко , что спутникъ ея былъ пораженъ ея горестью . Онъ заговорилъ объ Италіи , и она склонила голову надъ бѣлыми цветочками , чтобы скрыть слезы , навернушіяся на ея глазахъ . Когда она опять подняла голову , мистрисъ Виндгемъ уже скрылась , а сэръ Чарльзъ Дарси казался въ необыкновенномъ волненіи . Онъ смотрѣлъ на нее съ невыразимою тоскою , и когда она хотѣла выйти , онъ удержалъ ее , показавъ ей фонтанъ , который своимъ искусственнымъ дождемъ орошалъ ближайшія растенія . Между-тѣмъ какъ она любовалась фонтаномъ , онъ два раза начиналъ одну фразу и два раза останавливался не договоривъ ея . Въ выраженіи блѣднаго лица той , которую онъ такъ любилъ , было нѣчто такое , что отнимало у него мужество ; но онъ былъ не такого характера , чтобы долго поддаваться безотчетной робости . Онъ рѣшился высказать , что у него было на душѣ , — въ этотъ день , въ этотъ часъ , — и исполнилъ свое намѣреніе . Объясненіе его было твердо , прямо , скромно ; болѣе убѣдительно чѣмъ пламенно , болѣе нѣжно чѣмъ страстно ; но мало-по-малу онъ оживился до краснорѣчія , и никакая женщина не могла бы хладнокровно выслушать призваніе въ такой любви . Она была такъ истинна , такъ глубока , такъ чиста , что не нуждалась въ громкихъ выраженіяхъ , чтобы убѣдить сердце ; она дѣлала честь и тому , кто ее чувствовалъ , и той , которая ее внушала . Джиневра не ожидала этого , и была такъ поражена , что не могла прервать его . Это придало ему бодрости и надежды ; онъ

взглянулъ ей въ лицо, — слезы текли по щекамъ ея. Волненіе ея привело его въ восторгъ; онъ схватилъ ея руку. Она не отдернула ее, а только тихонько высвободила, и потому, тяжело вздохнувъ и оправившись отъ пораженія, сказала просто, но твердо:

— До этого никогда бы не дошло, безъ моей вины! Если я надвюсь, что вы простите мнѣ неумышленное поощреніе, какое могли вы найти въ моихъ поступкахъ, — то это только потому, что я считаю васъ слишкомъ благороднымъ человекомъ, чтобы ставить мнѣ ошибку въ вину, и слишкомъ правдивымъ, чтобы подозревать меня во лжи. Я никогда не воображала, чтобы вы могли любить меня, чтобы вы когда-либо питали ко мнѣ другое чувство, кромѣ дружбы и уваженія; эти чувства, я всегда сохраняю къ вамъ, сэръ Чарльзъ, но никогда не могу щитать къ вамъ иное чувство.

— Откуда же это волненіе? вскричалъ сэръ Чарльзъ, не зная, какъ согласить ея волненіе съ рѣшительностью словъ. — Отчего же вы плачете? Не изъ жалости ли ко мнѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она едва внятнымъ голосомъ; изъ жалости къ себѣ самой, а не къ вамъ.

— Джиневра, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ надѣяться.

— Надѣяться! повторила она, съ горестью; надѣяться? умоляю васъ оставить всякую мысль о любви ко мнѣ, если не хотите сдѣлать меня несчастною. Вы должны твердо убѣдиться, что всякая надежда напрасна, и даже — преступна.

— Любить васъ — не можетъ быть преступленіе; что надежда моя можетъ быть напрасна, объ этомъ я не спорю, но это вопросъ, который должно рѣшить мое сердце. Вы не можете винить себя, мисъ Лесли; вы высказали мнѣ свое мнѣніе довольно ясно и прямо. Я никогда не буду досаждать вамъ изъявленіемъ любви, которая оскорбляетъ васъ; но вы не можете запретить мнѣ хранить ее въ тайнѣ сердца, и я не перестану питать нѣкоторую надежду до самаго того дня, когда вы выйдете за другаго.

— О, не говорите этого! перебила она съ живостью.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ, внезапно одушевляясь, можетъ-быть различіе вѣры побуждаетъ васъ отвергать меня?

Джиневра покачала головою, но онъ продолжалъ:

— Вспомните, что привязанность ваша къ вашей вѣрѣ, ваша непоколебимая твердость въ священныхъ обязанностяхъ и искреннихъ убѣжденіяхъ вашихъ, дадутъ вамъ величайшее право на мое довѣріе и ува-

женіе, и будутъ мнѣ ручательствомъ надеждъ моихъ въ жизни и въ вѣчности.

Каждое слово его, казалось, представляло въ разительныхъ чертахъ различіе между его дѣйствіями и чувствами, и Эдмундовыми, и рисовало ей картину невытанныхъ ею несправедливостей и страданій. Она едва могла перескочить свое волненіе и повторить съ достаточнымъ спокойствіемъ свой отказъ и просьбы свои, чтобы сэръ Чарльзъ постарался забыть любовь, на которую она не могла отвѣчать взаимностью. Когда же на многократныя заклинанія его, сказать ему не отдаю ли ей сердце другому, она отвѣчала наконецъ едва слышнымъ «да», и отвортила отъ него свое вспыхнувшее лицо, ей показалось, что она уже почти выдала Эдмунда гибельнымъ признаніемъ.

Въ это мгновеніе она увидѣла мужа своего, стоявшаго въ противоположной двери той, въ которую вошла она съ своимъ собесѣдникомъ; лицо Эдмунда было блѣдно какъ полотно, и глаза его сверкали гнѣвомъ. Она хотѣла идти къ нему, но тотчасъ съ тоскою въ сердцѣ вспомнила странность своего положенія, и пошла къ другой двери. Сэръ Чарльзъ Дарси послѣдовалъ за нею, и они поспѣшно пошли черезъ цвѣтникъ къ лужайкѣ. Когда они достигли ея, оркестръ игралъ вальсъ, и множество паръ кружилось на гладкомъ дернѣ. Джиневра искала взорами мистрисъ Виндгемъ; но такъ дрожала, что не смѣла оставить руку своего спутника. Вдругъ передъ нею очутился Эдмундъ, подавъ ей руку, будто приглашая ее танцовать, она молча взяла его руку, и они вмѣшались въ толпу. Въ это мгновеніе раздался знакомый голосъ:

— Вы не танцуете; чтожъ вы здѣсь суетесь?

Это былъ голосъ мистрисъ Фрезеръ. И тотчасъ Джиневра почувствовала, что она быстро кружилась среди толпы, подъ звуки этой оглушительной музыки, едва понимая радость или страданіе такъ давило ея сердце и умъ. Рука его обвиняла ея станъ и голова ея медленно склонялась къ его плечу.

— Остановись! прошептала она. И вотъ они выходятъ изъ круга танцующихъ, пробиваются сквозь толпу, и онъ влечетъ ее молча по извилистой, заросшей кустарникомъ дорожкѣ, черезъ лѣсъ, и приводитъ къ небольшому храму въ итальянскомъ стилѣ, стоящему въ концѣ аллеи. Эдмундъ бросается въ храмъ, и запираетъ дверь изнутри. Джиневра опомнилась отъ свѣжести атмосферы. Онъ оставилъ ея руку, и стоитъ противъ нея, скрестивъ руки на груди, и гнѣвъ искажаетъ его лицо, и отнимаетъ у него голосъ.

— Наконецъ! — и такимъ образомъ! вскричала она, сложивъ ру-

ки, и потомъ, выпрямившись и гордо поднявъ голову, стала противъ него и смело встрѣтила его взоръ. Во взоръ ея было столько упреку, безмолвнаго, но краснорѣчиваго, — кроткаго, но неотразимаго упреку, что гелось его задрожалъ подѣ вліаніемъ ихъ, и оняъ вскричалъ :

— Джиневра, ты можешь растерзать мое сердце, но не передо мной моею воли; можешь ввергнуть насъ обоихъ въ отчаяніе, но я не позволю тебѣ спокойно продолжать твои дѣйствія. Не воображай, что ты можешь всячески издѣваться надо мною, и что я не пожертвую скорѣе всѣмъ въ мірѣ, чѣмъ стану безропотно терпѣть униженіе, которому подвергался въ послѣднее время; слышать на всѣхъ мѣстахъ твое имя и твой позоръ! Да, твой позоръ, хотя свѣтъ не знаетъ его, вливаетъ ядъ свой и въ мой собственный слухъ. Неужели ты думаешь, что я буду терпѣть это, что безмолвно покорюсь своему и твоему безчестию? Еще сегодня, на моихъ глазахъ, съ неостижимою дерзостію...

Кровь бросилась въ лицо Джиневры; буря собиралась на чель ея, потокъ негодованія рвался на ея уста; оскорбленное, поправное чувство женщины овладевало ея душею, и готово было прорвать всѣ преграды, разрушить всѣ препятствія. Но она удержалась, мысленно взмолилась, чтобы Богъ послалъ ей терпѣніе, могучею рукою смирила возникающій порывъ страсти, и, усидѣвъ почти превосходящимъ человѣческую добродѣтель, стала оправдываться. Она, жертва, оправдывалась передъ своимъ притѣснителемъ; — она, брошенная супруга, извинялась передъ ревнивымъ мужемъ! О, какъ облегчило бы ея удрученную душу, еслибъ она смѣла отвѣчать ему упреками, угрозами и уликами, гордо поднять голову въ томъ унижительномъ положеніи, въ которое оняъ поставилъ ее, презрѣть его угрозы и гнѣвъ въ его присутствіи, — хотя бы сердце ея потомъ изныло въ разлукѣ? Но одно слово было запечатливо въ ея мысляхъ, глубоко запало въ ея душу, слово, котораго не могли стереть ни страсть, ни негодованіе. Это слово было — *искупленіе*; оно-то повергало ее къ ногамъ его, не для того, чтобы признавать себя виновною передъ нимъ, но чтобы оправдываться своимъ невѣдѣніемъ, молить его снисхожденія и руководства, и потомъ, устремивъ на него взоры и положивъ руку въ его руку, ждать его отвѣта, какъ приговора, отъ котораго зависѣла ея жизнь или смерть. И вотъ наступило самое тяжелое для нея испытаніе; теперь всего нужнѣе ей защита ея ангела хранителя и молитва святыхъ: — Эдмундъ привлекъ ее къ груди, сердце его бьется объ ея сердце, взоры его вливаются въ ея глаза съ невыразимою любовью;

голосомъ, который она столько разъ жаждала услышать въ своемъ одиночествѣ, нашептываетъ онъ ей рѣчи, полныя страстной, пламенной любви, а когда она хочетъ говорить, онъ зажимаетъ ей ротъ поцѣлуями, и крѣпче прижимаетъ ее къ груди. Онъ уговариваетъ ее доводами, умоляетъ, подноситъ къ устамъ ея чашу блаженства, искушаетъ ее всеми оболещеніями искусства, устраняетъ ее угрозами. Она становится все блѣднѣе и блѣднѣе среди этой тяжелой пытки, и наконецъ, оторвавшись отъ него, и ставъ противъ него, говорить:

— Чего лилинишься ты, признавъ и объявивъ наше супружество? Богатства?

Ни въ голосѣ, ни въ выраженіи лица ея не было слѣда презрѣнія. Она произнесла эти слова ясно и твердо, устремивъ на него пронизательный взоръ. Онъ то блѣднѣлъ отъ ярости, то краснѣлъ отъ стыда; потомъ отвѣчалъ съ мрачнымъ спокойствіемъ:

— Вступивъ въ настоящее мое положеніе, я обязался не открывать брака съ католичкою. Такое признаніе *теперь* меня покроетъ позоромъ и поставитъ въ невозможность исполнить самыя священныя обязательства.

— Самыя священныя обязательства? повторила она протяжно; ты говоришь о священныхъ обязательствахъ! Но, — да простиъ тебя Богъ, Эдмундъ! — уважаешь ли ты свои обязательства передо мною, или мой долгъ передъ Богомъ?

Она положила руку ему на плечо, пристально взглянула ему въ лицо, и продолжала тихимъ, но проникающимъ въ душу голосомъ:

— Эдмундъ, какъ бы ты сталъ презирать меня, если бы я склонилась на твою волю!

Онъ быстро взглянулъ на нее; эти слова пробудили въ немъ слабую надежду, — но, странное дѣло! — сердце сжалось въ его груди при одной мысли о возможности ея слабодушія.

— Это было бы доказательствомъ и залогомъ твоей любви, Джиневра, и я благословилъ бы...

— На одинъ часъ, много на одинъ день, вскричала Джиневра; а потомъ? — Жизнь слишкомъ коротка, Эдмундъ, а вѣчность слишкомъ долга для такой жертвы. Оставь меня... оставь меня; я не могу долге выносить эту пытку.... Я люблю тебя, Эдмундъ, и дѣлаю тебя несчастнымъ; готова отдать за тебя жизнь, и отравляю твою жизнь. Ничто уже не можетъ прибавить капли въ мою чашу горести и страданія.

— Иди же, сказалъ Эдмундъ съ скрытною яростью; иди же и объяви передъ своими родными, передъ всею этою толпою народа, что

ты моя жена. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, дерзкіе вздыхатели не посмѣютъ, хоть на нѣкоторое время, говорить тебѣ о любви. А если будешь спрашивать тебя, куда дѣвался мужъ твой, отвѣчай, что онъ разорешъ, покрытъ позоромъ, что онъ вверженъ въ отчаяніе и гибель тобою и за тебя...

Онъ остановился, устремилъ на нее взоръ, въ которомъ боролись любовь и ярость, и потомъ вскричалъ въ порывѣ гнѣва:

— А развѣ нѣтъ, по твоему мнѣнію, другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя ты приводишь противъ меня? Исполнила ты свой долгъ, презрѣвъ мои увѣщанія. мое положительное приказаніе не являться передъ публикою, не играть съ этимъ человѣкомъ, о которомъ весь Лондонъ говоритъ, что онъ влюбленъ въ тебя? Или непоколебимость твоихъ убѣжденій одна личина, которою ты прикрываешь свои отступленія отъ долга нравственности? или голосъ совѣсти всемогучъ для тебя только, чтобы терзать мое сердце?

— Эдмундъ, вскричала она съ отчаяніемъ, я не получала отъ тебя никакого подобнаго приказанія. Нѣсколько недель ждала я, надеялась, жаждала слова отъ тебя; встрѣчала каждый день съ новою надеждою, и провожала съ новымъ отчаяніемъ. О Эдмундъ, мой возлюбленный Эдмундъ, повѣрь мнѣ! я никогда не оскорбляла, никогда не ослушалась тебя умышленно.

— Нѣтъ, я готовъ клясться всѣмъ, что есть святаго въ мірѣ, что ты не могла оскорбить меня умышленно! вскричалъ Эдмундъ съ энтузіазмомъ, и привлекая ее на грудь свою. — Ты ангелъ небесный, а я — я духъ зла!... Но письма мои?... я пересылала ихъ по обыкновенію черезъ Карафелли...

— Эдмундъ, онъ уже три мѣсяца, какъ умеръ. Я думала, что ты зналъ это; несчастная вдова его говорила мнѣ, что ты зналъ. А последнее письмо твое было такъ сурово и мрачно, что я думала, что ты отвергъ меня навсегда.

Въ это мгновеніе послышались голоса. Джиневра поблѣднѣла.

— Насъ увидятъ! сказала она, задрожавъ отъ страха; — насъ увидятъ, и тогда одинъ изъ насъ погибъ.

Голоса умолкли, и Эдмундъ сказалъ отрывисто:

— На что же ты рышаешься?

— На что мнѣ рышаться, Эдмундъ? развѣ я могу выбрать? судьба моя въ твоихъ рукахъ.

— Такъ ты не намѣрена объявлять нашего брака?

— Ты издѣваешься надо мною, говоря это, Эдмундъ? Какъ можши ты полагать, что я, неопытная и безпомощная, стану обвинять тебя пе-

редъ людьми? — Нѣтъ, я буду молчать; по-крайней-мѣрѣ буду молчать до-тѣхъ-порѣ, пока мнѣ останется какая-нибудь надежда, что ты умносообразишься надо мною, и самъ....

— Следовательно ты возвратишься въ отцовскій домъ, и къ настоящему образу жизни? — Конечно онъ имѣеть свою пріятность, а любовь сэра Чарльза Дарси....

— Это уже слишкомъ, Эдмундъ! Это превосходитъ всякую мѣру человеческой жестокости, и женскаго терпѣнія! Мало того, что ты бросилъ меня, какъ посылаю любовницу, за то что я безвинно стала между тобою и твоимъ богатствомъ, — ты упрекаешь меня въ небывалыхъ преступленіяхъ, ставишь мнѣ въ вину самое мое терпѣніе и смирненіе! — бывала-ли женщина, бывала-ли супруга, которая должна была сносить такіа оскорбленія?... Поди, Эдмундъ, оставь меня теперь. Ты переполнилъ эту насмѣшкою мѣру своей вины передо мною, и вспомнишь ее когда-нибудь съ угрызениями совѣсти! Оставь меня, ты ничѣмъ уже не удержишь меня здѣсь.

Она отворила дверь, сбѣжала съ лѣстницы съ такою быстротою, что онъ остолбеньялъ отъ изумленія, и мигомъ скрылась изъ виду.

А онъ стоялъ, вперивъ безмысленный взоръ въ длинную, темную аллею; ему казалось, что свѣтъ его жизни исчезъ также какъ свѣтъ дня. Онъ обожалъ Джиневру, и давно согласился бы перенести всѣ послѣдствія открытія, если бѣ подозрѣніе и ревность не овладѣли его сердцемъ. Онъ отъ природы былъ склоненъ къ такимъ чувствамъ; а странныя обстоятельства его женитьбы еще усилли въ немъ эти дурныя свойства. Съ самой той минуты, какъ непреклонность Джиневры стала препятствіемъ его видамъ, онъ увѣрилъ себя, что если бѣ она дѣйствительно любила его, то безпрекословно уступила бы ему въ вопросъ, который, въ его глазахъ, имѣлъ очень посредственную важность, и не могъ, какъ казалось ему, привыкшему покорять свои шаткія убѣжденія страстямъ, устоять противъ такой любви, въ какой она увѣрала его. Это ложное понятіе было источникомъ всѣхъ его горькихъ упрековъ и безпрестанныхъ жестокостей. Оно вооружало его противъ ея слезъ, раздражало его почти до неистовства; внушало безумную мысль, что она охотно покорялась своей судьбѣ. Какъ ни странно, но въ тоже время какъ онъ просьбами и угрозами запрещалъ ей открывать истину, онъ нерѣдко негодовалъ и бѣсился на то, что она могла отречься отъ своихъ правъ, не объявляя себя его женою. Мысль о ея мнимой холодности и о равнодушіи къ его желаніямъ и счастью, — какъ называлъ онъ твердость ея убѣжденій—такъ овладѣла имъ, что даже страхъ лишиться наслѣдства по смерти отца и быть черезъ то ввер-

жизни въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ не видалъ никакихъ средствъ выпутаться, исчезалъ иногда передъ этою мучительною мыслью: Жизнь его была безпрерывною борьбою между этимъ страхомъ и этимъ отчаяніемъ. Онъ хотѣлъ было понытать любовь ея разлукою и открытымъ волокитствомъ за отъявленною кокеткою; но услышавъ, что она въ Лондонѣ, обручена обожателемъ и по-видимому довольна своею судьбою, возвратился въ Англію, и нашелъ ее предметомъ серьезнаго вниманія и сватовства, и являющагося на сценѣ съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который возбуждалъ всю его ревность. Въ эту минуту онъ охотно отдалъ бы богатство, доброе имя, все на свѣтъ, чтобы увѣриться въ любви ея или отмстить. Но когда она оправдалась, и онъ ясно прочелъ въ лицѣ и во взорахъ ея, что она все еще любитъ его, прежнія чувства снова взяли верхъ, и онъ опять пытался страхомъ и угрозами переломить ея упорство. Когда же она съ негодованіемъ оставила его, онъ винилъ и ее и себя, готовъ былъ на вся жертвы, чтобы снова призвать ее, и чувствовалъ въ то же время, что лишь только она возвратится, онъ опять примется устрашать и мучить ее.

Уже былъ поздній вечеръ, когда онъ рѣшился возвратиться въ ярко освѣщенныя комнаты, гдѣ балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Онъ окинулъ залу торопливымъ взглядомъ; мистрисъ Виндгемъ надѣвала шаль, а Джиневра стояла подлѣ нея съ такимъ суровымъ выраженіемъ, какого онъ никогда еще не видалъ на ея кроткомъ, прекрасномъ лицѣ. Сэръ Чарльзъ Дарси былъ подлѣ нихъ, и когда у подъезда раздалось: «каре-та мистрисъ Виндгемъ!» — онъ подалъ руку Джиневрѣ, которая молча взяла ее, и они вышли въ прихожую. Невиль сталъ противъ нея; но хотя она замѣтила это движеніе, и хотя рука ея дрожала на рукѣ сэра Чарльза, она ни разу не обращала на него взоровъ. Невиль кусалъ губы въ кровь; говорилъ съ мистрисъ Виндгемъ, самъ не зная что; смѣлся какимъ-то судорожнымъ, дикимъ смѣхомъ; молчаніе Джиневры сводило его съ ума. Онъ непримѣтно наклонился къ ней, и шепнулъ ей

возь стиснутыя зубы.

— Ты сведешь меня съ ума, если будешь продолжать!

Слышала-ли она или нѣтъ, — но не тронулась; и потомъ поспѣшно съѣла въ карету, не сказавъ ему слова, даже не взглянувъ на него. И такъ все кончено; она уже рѣшительно не хочетъ знать его! Онъ навесилъ ей обиду, которой она не можетъ простить; довелъ ее, своими жестокостями и оскорбленіями до того, что это кроткое и терпѣливое существо, возненавидѣла и стала презирать его. Теперь все должно кончиться между ними. Она видѣла, какъ могъ бы любить ее другой, и съ отвращеніемъ удалилась наконецъ отъ человѣка, который

уничтожилъ ея счастье, погубилъ всю ея жизнь. Послѣ этого, какая польза, если онъ и рѣшится открыть свою жевитьбу? Какъ предложить онъ ей раздѣлить нищету его, когда она уже разлюбила его? какъ сознается онъ гордому отцу ея, какъ онъ обманывалъ, терзалъ и оскорблялъ его дочь; и въ награду ея любви можетъ предложить только опозоренное имя и нищенскую суму? Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, она была на все готова для него: работать, терпѣть нужду, просить милостыню для него. Да, она любила его пламенною, самоотверженною любовью: съ ангельскимъ терпѣніемъ, съ безропотною нѣжностью переносила испытанія; — но теперь все пропало: онъ зашелъ слишкомъ далеко, повернулъ слишкомъ круто; струна порвалась, обаяніе разсыпалось. И если онъ теперь объявитъ соединяющіе ихъ узы, чтъ ожидаетъ его? И его, и ея родные, въ справедливомъ негодованіи и презрѣніи, потребуютъ развода. А если религія, которую онъ старался вырвать изъ ея сердца всеми средствами, какія внушала ему слѣпая безпощадная корысть, научить ее сострадать къ нему, простить его, — на что ему ея состраданіе и прощеніе безъ любви? На что ему тогда жизнь. съ нею или безъ нея? Всю ночь преслѣвовали его обаятельныя картины счастья, которое ожидало его, если бъ онъ пошелъ твердо по стезь истины и чести; и мрачныя прозрѣнія того, что предстояло ему теперь! То она являлась ему, какъ видѣлъ онъ ее въ родной ея Италіи, ребенкомъ еще по физическому развитію, ангеломъ свѣта и красоты; или на порогъ церкви, въ день первой ихъ разлуки, и онъ чувствовалъ нѣжную руку ея на своемъ горящемъ челѣ, какъ въ ту минуту, когда она старалась подкрѣпить его мужество, оживить сердце его надеждою! То блѣдное лицо ея мгновенно покрывалось краскою изумленія и негодованія, или дѣлалось холодно какъ ледъ, въ который свирѣпый сѣверный вѣтеръ оковываетъ поверхность озера. А въ будущемъ, какъ видѣлъ онъ ее? прикованная къ нему ненавистными узами, уязвленная во всѣхъ своихъ чувствахъ, разочарованная во всѣхъ надеждахъ, будетъ ли она влачить горестную, безотрадную жизнь, чтобы сойти въ преждевременную могилу? — или останется жива, и падетъ глубоко, глубоко въ бездну, которую изрыли подъ ея стопами собственныя его неправды? можетъ-быть взоръ ея привыкнетъ смѣло смотрѣть въ глаза пороку, и стыдъ исчезнетъ съ чела ея? А если это будетъ, если она падетъ и порокъ затмитъ этотъ свѣтлый взоръ, это высокое чело, эту возвышенную душу, эту дѣвственную чистоту, которыя были предметомъ его любви и уваженія среди всѣхъ испытаній его кратковременнаго супружества, не обратится ли паденіе ея проклятіемъ на его совесть? и память погибшей добродѣтели ея не будетъ ли преслѣдовать

грознымъ привидѣніемъ до самой смерти? А что можетъ спасти ее? съ горечью вопрошалъ онъ себя, — что можетъ спасти ее, когда, ненавидя и презирая его, своего мужа и губителя, она очутится одна среди свѣта, съ своею юностью и красотою, съ любящимъ и пламеннымъ сердцемъ, неогражденная священными узамъ, ничѣмъ не защищенная отъ преступныхъ связей, безъ одного луча надежды или любви, который освѣщаль бы ея будущее? Что можетъ спасти ее? повторялъ онъ съ отчаяніемъ; и вспоминалъ ея набожность, ея пламенную, непоколебимую набожность, о которую разбивались человѣческія страсти и гонимости, къ которой она прилеплялась въ часъ бури, и которая выносила ее изъ всѣхъ опасностей незапятнанную и вѣрную своимъ вѣрованіямъ. Онъ вспоминалъ послѣднія ея торжественныя слова: «Жизнь коротка, а вѣчность долга!» вспоминалъ ея твердое вѣрованіе въ святость страданія... И въ первый разъ стало ему отрадно, что она твердо стояла на скаль, высоко воздымавшейся надъ волнами, о которыя разбивался его собственный шаткій и безпокойный духъ.

Бессонныя ночи смѣнялись для Невилля днями безпокойства и тоски. Онъ ходилъ повсюду, гдѣ могъ надѣяться увидѣть Джиневру, но нигдѣ уже не встрѣчалъ ея; сэръ Чарльзъ Дарси также совершенно исчезъ изъ общества. Однажды онъ встрѣтилъ его въ паркѣ, рука объ руку съ полковникомъ Лесли; въ другой разъ когда онъ самъ печально тащился взадъ и впередъ по аллеѣ, не спуская глазъ съ дому, въ которомъ жила его жена, онъ видѣлъ Дарси у окна гостиной. Каждый день принимался онъ писать къ Джиневрѣ, то упрекая ее въ холодности, то моля ея о прощеніи, и предлагая признать ее своею женою, если она дастъ ему слово не оставлять его среди всѣхъ бѣдствій и затрудненій, которыя открытіе ихъ брака могло повлечь за собою: но гордость его оскорблялась при мысли просить или принять отъ нея жертву. Онъ зналъ, что строгое понятіе ея о долгѣ не позволитъ ей отступить ни передъ какимъ самопожертвованіемъ; но — получить благодѣяніе вмѣсто того, чтобы оказать его, унизиться передъ нею и передъ сестрою, и, быть-можетъ, прочесть въ лицѣ ея, въ тотъ самый день, какъ онъ хлебнетъ до дна свою чашу горечи и отдастъ себя на всеобщее сужденіе и презрѣніе, то же холодное, то же суровое выраженіе, которое видѣлъ онъ при послѣднемъ ихъ разставаніи, и которое съ-тѣхъ-поръ безотлучно преслѣдовало его; — одна эта мысль была невыносима, онъ не могъ подвергнуться такому жребію! Казалось, они помѣнялись положеніями и ролями. Его ревнивое, страстное сердце разрывалось отъ мысли, что Джиневра равнодушна къ нему, что, можетъ-быть, она уже любитъ другаго. Голосъ молвы говорилъ, что она перавнодушна къ Дарси, но

что къ свадьбѣ ихъ есть препятствіе, которое время можетъ уничтожить. Часто говорили при немъ о вѣроятности этого союза. Ея блѣдность, грустное выраженіе глазъ, внезапное удаленіе отъ савта, были также предметомъ толковъ и пересудовъ. Невяль почти сходилъ съ ума отъ страху, сомнѣній, невѣзвѣстности, душевной борьбы, которые возобновлялись каждый день съ новою силою, и дѣлали изъ его жизни безпрерывную и самую жестокою пытку. Иногда онъ бросался очертя голову въ удовольствія и мотовство; иногда, въ надеждѣ страхомъ и ревностью привести Джиневру къ примиренію, онъ открыто и усердно волочился за мистрисъ Фрезеръ, и умышленно подкрѣплялъ вновь разнесшіеся слухи о близкой свадьбѣ своей съ нею. Онъ надѣялся, что слухи эти дойдутъ и до Джиневры, и что если она даже разлюбила его, и любить уже другаго, страхъ такого ужаснаго преступленія, такого гнуснаго обмана пробудитъ ее изъ равнодушія. Въ этой борьбѣ чувствъ, въ этой бурѣ страстей проходили дни и ночи. Нерѣдко, уѣзжалъ онъ изъ Лондона на цѣлые дни и недѣли, и проводилъ ихъ въ совершенномъ одиночествѣ, на дачѣ, которую нанялъ близъ Фульгема.

Послѣ одной ночи, въ которую душевныя страданія его превзошли все, что онъ испыталъ до того времени, онъ всталъ утромъ въ твердомъ намѣреніи выйти изъ этого мучительнаго состоянія. Эта внезапная рѣшимость возвратила ему нѣкоторое спокойствіе. Онъ хотѣлъ идти немедленно въ домъ полковника Лесли, вызвать Джиневру, объясниться съ нею наединѣ, испытать ея любовь, отдать судьбу свою въ ея руки. Ему уже нечего было бояться, нечего терять. Вся богатства, все блага міра обращались въ рукахъ его въ прахъ; уваженіе, доброе мнѣніе людей утратило всю свою цѣну въ его глазахъ. Ея любовь, ея вѣрность, ея прощеніе, вотъ все чѣмъ онъ дорожилъ отнынѣ; въ нихъ-то хотѣлъ онъ удостовѣриться, или узнать, что лишился ихъ безвозвратно. Съ нешмовѣрною скоростью пробѣжалъ онъ всѣ улицы, отдѣлявшія его квартиру отъ дому полковника Лесли; но подходя къ нему, онъ замѣтилъ, что всѣ ставни затворены. Тяжелое уныніе овладѣло его душою; однако же онъ пошелъ далѣе, и постучался въ дверь. Служанка открыла; онъ спросилъ куда и давно-ли выѣхалъ полковникъ Лесли?

— Они уѣхали за границу, сэръ, отвѣчала служанка, присѣдая.

— За границу! вскричалъ онъ, едва понимая отвѣтъ.

— Да, сэръ, за границу, повторила она; потомъ, видя, что онъ не трогается съ мѣста и не говоритъ ни слова, продолжала:

— Все уѣхали: полковникъ, мистрисъ Виндгемъ, барышни; и отъѣздъ ихъ уладился такъ скоро, такъ неожиданно!...

— Когда воротятся? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Не знаю, сэръ.

— Куда же они поехали?

— Не могу сказать въ точности, сэръ. Они поехали въ Доверь, а оттуда, кажется, еще сами не знали навѣрное, поѣдутъ ли черезъ Францію или черезъ Бельгію.

Невилл пошелъ назадъ.

Такъ она уехала. Уехала изъ Англии, не попытавшись даже увидѣться съ нимъ, не написавъ ему строчки, — не сдѣлавъ ни малѣйшаго шагу къ примиренію. Очевидно, что она не хотѣла видѣть его, что она возненавидѣла его непримиримо, что она презирала его. Теперь море разделяетъ ихъ, образъ бездны, которая разлучила ихъ сердца на всю жизнь.

— Отреклась отъ меня! и для другаго! вскричалъ онъ въ изступленіи; мнѣ остается только проклясть ее и умереть. Она была жестока въ своемъ гнѣвѣ, безжалостна въ своей мести!... Нѣтъ, я не умру, продолжалъ онъ, ломая руки, не умру! потому-что тогда она выйдетъ за него, и забудетъ, что я когда-либо встрѣчался съ на пути, или будетъ помнить меня только какъ гнуснаго обманщика, искусителя и тирана.

Нѣсколько часовъ бродилъ онъ, терзаемый горестью, бѣшенствомъ и отчаяніемъ, пока наконецъ бѣшенство его обратилось въ совершенное безчувствіе и горестъ притупилась. Подъ вечеръ зашелъ онъ въ клубъ, взявъ газету и увидѣлъ въ числѣ выѣхавшихъ въ Доверь имена полковника Лесли съ семействомъ, и сэра Чарльза Дарси. Какая-то холодная, мрачная, безнадежная ярость овладѣла его душою. Онъ проклиналъ жену, соперника, себя самого. Возвратившись домой, онъ то рывался изгнать ее изъ своей памяти и изъ сердца, то хотѣлъ вѣсть за нею, отыскать ее, вырвать изъ объятій отца, осыпать ее потокомъ упрековъ, выместить передъ нею всю ярость и нѣжность, страсть и угрызенія своей души. Но мало-по-малу разъяренная буря улеглась, и въра въ Джиневру снова возникла въ его душѣ. Священныя узы, соединяющія ихъ, будутъ ходатайствовать за него до послѣдняго часу возрожденія въ немъ вѣры, до послѣдняго мерцанія ея угасающей любви. Онъ мечтаетъ о далекой странѣ, о другихъ заботахъ, о честномъ трудѣ, о мужественныхъ усиліяхъ. Воображеніе его мало-по-малу уносится къ новымъ понятіямъ, къ новому порядку вещей, къ новому плану жизни: но онъ еще не проникъ въ глубину своего сердца, не измѣрилъ его вѣроломства. Ревность и отчаяніе, страхъ и угрызенія совѣсти открыли ему глаза; но они не потрясли еще до основанія пагубныхъ влеченій его сердца. Если бъ въ эту

минуту Джиневра стояла передъ нимъ въ своей ангельской красотѣ, и онъ прочелъ во взорахъ ея ту же кроткую, терпимую всепрощающую любовь, которую онъ столько разъ читалъ въ нихъ, быть-можетъ, духъ зла возвратился бы снова въ храмину его сердца, и новое состояніе его души стало бы еще хуже прежняго. Но почва смягчена, духъ поколебленъ, и Эдмундъ Невиль будетъ отнынѣ другимъ человѣкомъ. Это точка, съ которой долженъ совершиться переломъ въ его жизни. Если онъ теперь очерствитъ свое сердце, онъ скоро станетъ мерзавцемъ, — однимъ изъ тѣхъ мерзавцевъ, которые совершенно равнодушны къ своей подлости и довольствуются тѣмъ, что презираютъ самихъ себя. Еще нѣсколько мѣсяцевъ черствого эгоизма, еще нѣсколько мѣсяцевъ низкаго лицемерія, и любовь его къ Джиневрѣ угаснетъ въ смрадной атмосферѣ его погрязшей души. И если она будетъ еще любить его, то развѣ потому только, что взоры ея будутъ останавливаться только на великолѣпной гробницѣ, скрывающей отъ нея заключенный въ ней прахъ. Почерствуетъ ли его сердце? Есть ли надежда, что она не почерствуетъ? Ужели небо будетъ вѣчно заботиться о человѣкѣ, ужели Творецъ, послѣ столькихъ тщетныхъ испытаній, будетъ еще неотступно стучаться въ врата его сердца? Развѣ не наступаетъ наконецъ день, когда Онъ объявляетъ душѣ, какъ некогда пророкъ Его грѣшному царю. — «Не узришь ты болѣе лица моего!» Конечно наступаетъ такой день; но прежде чѣмъ провозгласится послѣдній приговоръ, милосердіе Божіе нѣсколько разъ осушаетъ сосудъ гнѣва, потрясаетъ душу до основаній, тѣни прошедшаго возстаютъ изъ гробовъ забвенія, завѣса разрывается, и открываетъ вѣчность, и въ часъ смертной страсти природы, непокорная душа смиряется передъ своимъ Создателемъ, строптивый — духъ падетъ ницъ передъ Богомъ.

VIII.

Джиневрѣ не трудно было бы простить Эдмунда до того дня, когда они встрѣтились и разстались на праздникъ леди Мордавтъ. Быть въ одно и то же время покинутой и обвиненной въ небывалыхъ преступленіяхъ, запуганной съ одной стороны угрозами, а съ другой — оскорбленной насмѣшками и подозрѣніями, видѣть, наконецъ, что самое молчаніе ея ставилось ей въ вину тѣмъ, кто осудилъ ее на это тягостное молчаніе, — это превосходило мѣру терпѣнія самаго кроткаго, самого покорнаго существа, и когда она пріѣхала домой, она готова была броситься къ ногамъ отца, открыть ему всю истину, и

умолять его быть ея покровителемъ и защитникомъ противъ свѣта и противъ Эдмунда. Но совѣсть шепнула ей, что она хочетъ сдѣлать по внутреннюю гнѣва и досады то, чего не дѣлала по чувству долга. Не то, чтобы вопросъ этотъ представлялся ей когда-либо въ этомъ свѣтѣ, и чтобы она дѣйствовала на-перекоръ голосу совѣсти; напротивъ, обманывала ли ее любовь и робость, или она была права, рѣшась испытать всѣ средства вымолить правосудіе у самого Эдмунда, прежде нежели исторгнетъ его силою передъ лицомъ враждебнаго свѣта и негодующихъ родныхъ, — но досель она слѣдовала этой системѣ въ твердомъ убѣжденіи въ правоту своихъ дѣйствій, въ полной увѣренности, что она принесла въ жертву только спокойствіе своей души, свое счастье тому, чья честь и чье счастье были ей дороже собственной жизни. Если же это и не было ея обязанностью прежде, то его жестокость и несправедливость не могли ставить ей это въ обязанность теперь; и она упрекала себя въ мимолетномъ движеніи, побуждавшемъ ее къ поступку, внутреннему не сознаниемъ долга, а раздраженнымъ состояніемъ души.

Маргарита почувствовала, будто у нея отлегло отъ сердца, когда сестра ея воротилась, и она съ большею нежностью, противъ обыкновеннаго, схватила ея холодную руку. Было уже довольно поздно, и погода чувствительно посыжгла. Полковникъ Лесли сидѣлъ передъ пылающимъ каминномъ. Джиневра села подлѣ него и склонила горящую голову на спинку его кресла, будто была не въ силахъ нести такое бремя. Онъ нежно приподнял ея голову, и прижалъ ее къ своей груди. Длинные черныя рѣсницы рисовались на мраморныхъ щекахъ, едва отъвѣнныхъ свѣтомъ огня, и на прозрачномъ лбу можно было прослѣдить каждую жилку. Она уже сняла шляпу, гребень случайно спалъ съ головы, и пышные волны ея волосъ посыпались черезъ руки отца. Дивно прекрасна была она въ этомъ положеніи; но въ лицѣ ея было нѣчто, наполнявшее сердце ея отца и сестры безпокойствомъ. Полковникъ Лесли взглянулъ на Маргариту и покачалъ головою; Маргарита залилась слезами. Джиневра вдругъ открыла глаза, и поочередно смотрѣла на того и на другую взоромъ, полнымъ невыразимаго страха. Бросивъ умоляющій взглядъ на Маргариту, она начала разговаривать съ притворною веселостью. Пробыло двѣнадцать часовъ, и полковникъ Лесли простился съ дочерьми; поцѣловалъ Маргариту въ лобъ, прижалъ Джиневру къ сердцу, и ушелъ въ свою комнату. Обѣ сестры спали въ смежныхъ комнатахъ, и дверь между ними оставалась отворенною. Маргарита долго еще сидѣла и читала, ожидая того ровнаго, мѣрнаго дыханія, которое показало бы, что

сестра ея уснула. Она видѣла, какъ Джиневра погасила свѣчу, и все стало тихо; только изрѣдка молчаніе ночи нарушалось тихимъ, глубокимъ стономъ, изобличавшимъ глубокое страданіе. Маргарита взяла ночникъ, и бережно заслоня рукою, подошла къ постели страдальца. Неестественный блескъ ея глазъ поразилъ ее. Джиневра почти вскрикнула отъ радости при видѣ ея и сдѣлала ей знакъ, чтобы она приблизилась. Маргарита поставила ночникъ на полъ, и сѣла на край постели. Рука, покоившаяся въ ея рукъ, горѣла, и щеки, за полчаса до-того бывшіе такъ блѣдны, пылали какъ огонь.

— Маргарита, сказала она наконецъ, приподнимаясь на постели, и устремивъ ей въ лицо пристальный взоръ, какъ я рада, что ты пришла ко мнѣ! Я не могла бы заснуть во всю ночь, еслибъ ты не пришла, а мнѣ нужно заснуть, Маргарита, — у меня такъ болитъ голова! Я испугалась давеча въ кабинетъ, когда увидѣла, что отецъ такъ спокойно смотрѣлъ на меня, а ты плакала. Я поняла, что это было обо мнѣ, и мнѣ стало страшно....

— Страшно насъ, Джиневра! сказала Маргарита, стараясь успокоить ее.

— Страшно того, что могло послѣдовать, перебила Джиневра; страшно за эту ночь, за завтрашнее утро. Послунай, Маргарита. Ты думаешь, что я больна, не правда-ли? я беспокою тебя? О сестра, сказать тебѣ, что ужасаетъ меня? отчего я больна? — Отъ страха, что ты изъ жалости и изъ доброты сердца расскажешь то, что до этого времени изъ жалости и изъ доброты сердца скрывала. Маргарита, меня убьетъ это, если ты расскажешь.... меня убиваетъ одна мысль, что ты можешь рассказать....

Она схватила руки сестры, которая хранила тяжелое, мрачное молчаніе. Джиневра опять поблѣднѣла, и сказала въ сильномъ волненіи:

— Ты убьешь отца, — и меня, — если скажешь ему.

— Но придетъ ли когда-нибудь время, когда ты сама объяснишься, Джиневра?

Джиневра задумалась нѣсколько, и потомъ сказала печально:

— Я должна подумать, должна въ уединеніи спросить свой разумъ, прежде нежели отвѣчу тебѣ. Но ты можешь быть увѣрена, Маргарита, что я достойна твоего довѣрія.

— Да, ты, а другіе? вскричала Маргарита, и глаза ея засверкали негодованіемъ. Ты умираешь на моихъ глазахъ, а когда я хочу спасти тебя, ты же удерживаешь меня.

— Сестра, возразила Джиневра; я не знаю, что ты думаешь, но повѣрь: мнѣ не можетъ-быть другаго спасенія, какъ только дѣйстви-

вать какъ повелевается долгу, и щадить отца отъ горести, которая можетъ убить и его и меня. Много ли, мало ли ты знаешь о настоящей моей жизни, я не знаю, — и можетъ-быть никогда не узнаю. Но вотъ что я тебѣ скажу: наступаетъ рывительная минута моей судьбы, и какъ я тебѣ уже говорила, я должна приготовиться къ ней молитвою и размышленіемъ. Въ душѣ моей возникли сомнѣнія, какихъ я никогда еще не знала, и я потеряла, кажется, слѣдъ, который, какъ онъ ни былъ тѣснѣй, прежде такъ ясно указывалъ мнѣ путь. Когда это случается съ моимъ единовѣрцемъ, Маргарита, вотъ что онъ дѣлаетъ. Если можетъ, онъ удаляется на время изъ шумнаго, оглушающаго свѣта, и въ тишинѣ уединеннаго убузница бесѣдуетъ съ своею душою и съ Богомъ. Въ одной изъ тѣхъ тихихъ обителей, гдѣ свѣтъ вѣчности созрѣваетъ путь жизни, и гдѣ тихій голосъ совѣсти становится явственнымъ для души, отчужденной отъ мірскихъ заботъ, внимаешь онъ святому его наущенію, и потомъ возвращается въ свѣтъ какъ Моисей съ Синайской горы, готовый низринуть языческій кумирь, и воздать надлежащую жертву небу. То же самое хочу сдѣлать и я. Вдали отъ тѣхъ, кого люблю и за кого боюсь, одна съ своимъ Создателемъ и съ тѣми, которые говорятъ Его именемъ и данною имъ отъ Него властью, иду я ницъ передъ святѣмъ крестомъ, и смиренно взову къ Нему, да научитъ Онъ меня, какъ я должна дѣйствовать. — Теперь, милая сестра, иди спать; и если ты проснешься ночью со слезами на глазахъ, помни, что благословенны твои слезы, потому-что ты плакала съ плачущею.

— Дѣброй ночи, сестра, прошептала Маргарита. И она обвила руками шею Джиневры, и поцѣловала ее со всѣмъ пламенемъ, со всею нежностью любящаго сердца; и долго еще смотрѣла она на нее съ грустною улыбкою, а между-тѣмъ слезы струились изъ глазъ ея. Когда наконецъ утомленные глаза Джиневры закрылись, Маргарита еще сидѣла, склонившись надъ нею, и заботливо махала рукою надъ ея пылающими щеками до-тѣхъ-поръ, пока не исчезъ съ нихъ болѣзненный румянецъ. Но она вздрогнула и вскочила, какъ испуганный ребенокъ, когда среди прерывистыхъ, безсвязныхъ словъ, сорвалось съ трепещущихъ устъ спящей нея Эдмунда, и снова повторилось такимъ раздрающимъ сердце голосомъ, что Маргарита выбѣжала въ свою комнату, блѣдная и дрожащая отъ какого-то безотчетнаго ужасу.

На слѣдующій день Джиневрѣ было лучше; но она была очень слаба, и, казалось, столько же боялась показаться въ обществѣ, сколько незадолго передъ тѣмъ искала его. Мистрисъ Виндгемъ между-тѣмъ сообщила брату съ безконечными изъявленіями изумленія, досады и почти не-

годовая, отказъ, который получилъ отъ нея наканунѣ сэръ Чарльзъ Дарси. Услышавъ это, полковникъ Лесли невольно сталъ объяснять мысленно этимъ обстоятельствомъ разстроенное состояніе здоровья Джиневры по возвращеніи ея изъ Розвуда, и послѣдовавшую за тѣмъ перемену во всемъ существѣ ея. Онъ полагалъ, что она, вѣроятно, пожертвовала своею любовью или преувеличенному понятію о долгѣ или, можетъ-быть, ложной мысли будто она призвана къ отшельнической жизни. Но когда онъ заговорилъ ей объ этомъ предметѣ, она съ твердостью и спокойствіемъ повторила свой отказъ, и такъ торжественно увѣрила его, что хотя и желала удалиться на короткое время въ католическій монастырь близъ Лондона, однако же не чувствовала въ себѣ призванія къ уединенной жизни, и нисколько не намѣрена отречься отъ свѣта. Этотъ отвѣтъ ясно показалъ полковнику Лесли, что догадка его была неосновательна, и успокоилъ страхъ, мучившій его издавна, что дочь его пострижется въ монахини; но онъ оставилъ его въ такомъ же недоумѣніи, какъ и прежде на-счетъ причинъ очевидной ея печали, унынія и разстройства. Рано по утрамъ просила она обыкновенно Маргариту идти съ нею въ Кенсингтонскій садъ, и часъ или два просиживала въ тѣни, или грѣлась на солнцѣ, если оно не слишкомъ пекло; потому-что она безпрестанно чувствовала какой-то неестественный ознобъ; поступъ ея дѣлалась съ каждымъ днемъ медленнѣе, и голосъ слабѣе. Иногда просила она Маргариту читать ей вслухъ и по большей части выбирала книги или мѣста, въ которыхъ описывались страданія и самопожертвованія людей, гонимыхъ за убѣжденія. Случалось, что она хотѣла читать сама; но щеки ея разгорались, и руки такъ дрожали, что, прочитавъ страничку или двѣ, она опускала книгу. А между-тѣмъ она все это время не была больна, или по-крайней-мѣрѣ не сознавалась въ томъ. Она уже назначила день для переселенія своего въ монастырь, и Маргарита, въ мысляхъ которой, послѣ бесѣды ихъ въ день розвудскаго званнаго завтрака, временное затворничество это соединялось съ окончательнымъ рѣшеніемъ сестриной судьбы, съ тайнымъ трепетомъ и съ удовольствіемъ слышала объясненіе Джиневры и согласіе отца. Она полагала также, что это могло имѣть хорошее вліяніе на ея здоровье, которое очевидно было разстроено, хотя ни одинъ врачъ не могъ угадать ея болѣзни, ни придумать средства помочь ей. Маргарита не разъ замѣчала, какъ сильно дѣйствовала божественная служба и церковь на душевное состояніе Джиневры, и дивилась этой чудной силѣ, которой она не могла вполне постичь. Много и много разъ видала она, какъ Джиневра, послѣ цѣлыхъ дней, проведенныхъ въ уединеніи и слезахъ, находила успокоеніе

только у подножія алтаря, и теперь она радовалась за нее, что у нея будетъ на время постоянно подъ рукою скромная, тихая часовня, гдѣ день и ночь горѣла лампада передъ распятіемъ, и въ опредѣленные часы возсылалась къ небу святая молитва отъ всѣхъ страждущихъ и скорбящихъ. Она представляла себѣ, какъ усладительно будетъ сестрѣ ея постоянное бдѣніе въ этомъ скромномъ храмѣ, и почти желала раздѣлить ея уединеніе и вмѣстѣ съ нею удалиться на время отъ шуму и тревогъ свѣтской жизни. Можетъ-быть она сама не меньше сестры нуждалась въ этомъ. Она была не такъ спокойна, не такъ довольна собою и своимъ положеніемъ, какъ бы ей слѣдовало быть. Юность такъ безпокойна, такъ нетерпѣлива, такъ легко впадаетъ въ уныніе. Немногіе умѣютъ стоять на веслахъ, хотя бы на нѣсколько дней, когда юность держитъ весла, а удовольствіе на руль!

Однажды, когда Джиневра казалась здоровѣе и веселѣе противъ обыкновеннаго, отецъ уговорилъ ее ѣхать съ нимъ обѣдать къ одному изъ его пріятелей, имѣвшему дачу въ Риджентс-паркѣ. Послѣ обѣда предполагалось устроить музыкальный вечеръ, въ которомъ онъ убѣждалъ ее принять участіе. Она согласилась, потому-что Маргарита была отозвана въ другое мѣсто, а она видѣла, какъ полковникъ Лесли желалъ, чтобы она нѣсколько развлеклась. Мистръ Эльверсъ былъ извѣстный и всѣми уважаемый адвокатъ, и домъ его считался сборнымъ мѣстомъ старыхъ судей и молодыхъ юристовъ, выступавшихъ на адвокатское поприще. Почти все общество, собравшееся къ обѣду, принадлежало къ этому сословію, и Джиневра сидѣла за столомъ между ученымъ членомъ какого-то суда, и молодымъ человѣкомъ, недавно вступившимъ на судебное поприще. Ей показалось, что она дышитъ свободнѣе, въ этомъ совершенно новомъ для нея кругу, гдѣ не слышала она каждую минуту именъ людей, съ которыми безпрестанно сталкивалась въ послѣднее время; и она разговаривала съ своимъ сосѣдемъ съ такимъ спокойствіемъ, и такою живостью, какихъ давно уже не помнила. Всякому страданію, духовному или физическому, бывають минуты облегченія и успокоенія, и это была такая минута для Джиневры. Одинъ изъ сосѣдей ея очень занималъ ее любопытными разказами о замѣчательныхъ юридическихъ случаяхъ, которые приходилось ему встрѣчать въ многолѣтней практикѣ, а вниманіе и необыкновенно умныя замѣчанія ея такъ поразили его, что онъ не отходилъ отъ нея во весь вечеръ. Она сидѣла у окна, двое или трое изъ гостей присоединились къ ней и ея новому знакомцу, и разговоръ сталъ общимъ между ними. Послѣ жаркаго разсужденія о недавнемъ примѣрѣ ограбленія, разговоръ перешелъ на тяжбу о спор-

номъ наследствѣ въ Эссенса, и мистръ Осдонъ, новый пріятель Диневры, настойчиво утверждалъ, что по смыслу завѣщанія, на которомъ вѣртался весь вопросъ, рѣшеніе присяжныхъ не могло подлежать сомнѣнію. Кто-то возразилъ, что слова завѣщанія приводимы невѣрно, и въ доказательство того, что ему лучше извѣстно содержаніе духовной, сказалъ, что онъ нарочно вздѣлъ къ одному пріятелю посмотреть его. — Тутъ же катати, прибавилъ онъ, прочелъ я джовинное завѣщаніе одного изъ Невилей Клантойскихъ.

— Какое завѣщаніе? спросилъ мистръ Осдонъ.

— Завѣщаніе, которымъ онъ лишаетъ наследства единственнаго своего сына, если онъ женится на иновѣркѣ.

— Это дѣлаетъ честь протестантской вѣротерпимости, замѣтилъ мистръ Осдонъ.

— О, что до этого, сказалъ другой, самые отчаянные панисты насъ не превзойдутъ!

Одинъ молодой человекъ, молчаливѣй до-этихъ-поръ, встрепалъ себѣ руками волоса, взглянулъ въ висѣвшее противъ него зеркало, и сказалъ:

— О, я знаю этого Невиля, то есть, сына, разумѣется; славный малый, но побѣдая головушка. Не успѣлъ еще дожить до наследства, какъ уже прокутилъ больше тысячъ, чѣмъ прожилъ лѣтъ отъ рожденія. Носился слухъ, будто онъ за границею женился на католичкѣ.

— Куда же онъ дѣвалъ жену? — упряталъ ее куда или зажалъ ей ротъ? спросилъ мистръ Осдонъ.

— Нѣтъ, я этому не вѣрю; готовъ ручаться, что все это вздоръ. Я знаю его съ малолѣтства; онъ не способенъ на нечистый поступокъ.

— Нечистый поступокъ! подхватилъ тотъ господинъ, который и дѣлъ завѣщаніе. — Вы больно вѣжливы; когда человекъ выгадитъ у васъ ваше добро изъ кармана, вы это также назовете нечистымъ поступкомъ? — По моему, это просто грабежъ.

— Отчего же? вѣдь устраниеніе этой чужеземной жены совершенно согласно съ видами отца.

— Но у него есть сестра, почтеннѣйшій! сестра, которой по закону должно достаться наследство, если жена существуетъ; дѣло ея передъ закономъ выиграно, какъ вы ни кричите, что оно основано на самой гнусной несправедливости.

— Такъ тутъ примышалась еще сестра! Кто она такая? мисъ или мистрисъ?

— Мисъ Невиль. Говорятъ прекрасная, прелезшая дѣвушка, къ кото-

рой не дурно будетъ приволонуться, если вдругъ откроется, что ганишвенная жена ея брата действительно существуетъ!

— Ну верно ужъ не будетъ онъ такъ глупъ, чтобы разорить себя открытіемъ своего брака! но если это правда, крѣпко же онъ запугалъ свою жену, чтобы принудить ее молчать!

Мистръ Осдонъ презрительно улыбнулся на говорящаго, и обращаясь къ Джинверъ, спросилъ :

— Можете ли вы представить себѣ, можете ли извинить человека, который сохраняетъ такую тайну, и въ такихъ обстоятельствахъ?

Она не въ силахъ была говорить, и поспышно отвернулась. Къ счастью въ это самое мгновеніе первые звуки бравурной аріи прекратили разговоръ. Облокотившись на рояль, подперши голову на руку, и устремивъ взоръ на пѣвцовъ, погруженная по-видимому въ музыку, она размышляла о новыхъ обстоятельствахъ, которые открылъ ей этотъ вечеръ.

— Грабежъ, грабежъ! повторила она мысленно, какъ-будто взвѣсивши значеніе этого слова. — Ограбилъ сестру, опозорилъ свое имя! о, теперь все понимаю!.. понимаю эти слова, «молчаніе, нищета, позоръ! погибъ если буду молчать, погибъ если скажу слово!... долги, трудныя обстоятельства!.. И я погублю его, я выдамъ его?... я, которая готова отдать за него жизнь! О, какъ палъ ты, Эдмундъ, мой возлюбленный!... Тяжело было его испытаніе!... зачѣмъ не умерла я лучше? Прости меня, Господи! никогда еще не просила я смерти; но ограбить сестру! быть предметомъ общаго презрѣнія! И я сижу здѣсь, думаю объ этомъ и не схожу съ ума?... А онъ ухалъ, оставилъ меня, я нигдѣ не нахожу его. Не знаю, гдѣ отыскать его, а чувствую себя больною! по временамъ какой-то туманъ обхватываетъ мой разумъ. Если я буду писать, и письмо попадетъ въ чужіе руки, все будетъ открыто, все разгласится.. И я также молчала, я была соучастницею его въ оскорбленіи сестры.. Сестра Эдмунда! еслибъ я могла только увидѣть ее, ѣхать къ ней!.. А что я сказала бы ей? Что Эдмундъ, мой Эдмундъ, — о, онъ говорилъ это мнѣ, онъ не обманулъ меня въ этомъ... Если я скажу слово, онъ удалится отъ меня... оставить меня навсегда. И что я такое, чтобъ быть судьею надъ нимъ? чтобы имѣть право свергать его въ отчаяніе!... Нѣтъ, но я могу пасть къ ногамъ его, и не отпустить его до тѣхъ поръ, пока онъ отброситъ всякій суетный страхъ, отречется отъ богатствъ, и спасетъ изъ этого крушенія одну честь и любовь мою. Тогда мы можемъ бѣжать, можемъ...

Въ эту минуту полковникъ Лесли слегка дернулъ ее за плечо, и

только тутъ замѣтила она, что арія давно кончилась, и всѣ гости начинали расходиться. Съ этого дня она казалась гораздо здоровѣе и спячѣе; даже блѣдность ея почти исчезла. На лицѣ ея сталъ постоянно играть живой румянецъ, и она начала опять часто выѣзжать со двора. Почти во всякое время дня выѣзжала или выходила она, и Маргарита замѣтила, что сестра безпрестанно была какъ будто на сторожѣ, и съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ всматривалась въ каждую встрѣчающуюся группу гуляющихъ; что она часто высовывала голову изъ кареты, и смотрѣла вдоль улицы, какъ будто хотѣла пробить взоромъ даль, чтобы отыскать что-то. Она замѣтила также, что румянецъ былъ живѣе на ея щекахъ, когда онъ отправлялся на свою ежедневную прогулку, а возвратившись домой она казалась утомленною и впадала въ уныніе; и что раза два или три, по утрамъ ходила со двора одна.

Дѣйствительно Джиневра ходила въ Отель-Миваръ, гдѣ Эдмундъ обыкновенно приставалъ, когда прѣзжалъ въ столицу, и каждый разъ оказывалось, что онъ еще въ своихъ помѣстьяхъ, и даже не опредѣлить времени своего прѣзда. Съ той минуты какъ она узнала настоящую причину возложеннаго на нее молчанія, она рѣшилась имѣть съ нимъ свиданіе, во что бы ни стало, и не отставать отъ него до-тѣхъ-поръ, пока не добьется того, что она хотѣла уже не просить, какъ милости, а требовать какъ своего права, именемъ чести, истинны и справедливости. Если же она не успѣетъ, — и при этой мысли сердце ея щемилось тоскою, но воля ея оставалась непоколебима, — она намѣрена была сама провозгласить истину, если небо въ милосердіи своемъ не пошлетъ ей смерть до того времени.

При вторичной справкѣ въ гостинницѣ, она узнала, что Эдмунда ожидали недѣли черезъ три; и всѣ мысли и чувства, всѣ надежды и опасенія ея сосредоточились на этомъ времени. Недѣли за двѣ передъ тѣмъ, она однажды утромъ застала случайно отца и сестру за письмомъ, которое по-видимому очень опечалило и встревожило ихъ. Полковникъ Лесли подалъ ей письмо, а самъ, наморщивъ лобъ, сталъ грѣть спину передъ каминомъ; Маргарита же съѣла у окна, и стала задумчиво смотреть въ паркъ. Письмо было отъ Вальтера Сиднея; онъ незадолго передъ тѣмъ выѣхалъ изъ Парижа, и поѣхалъ съ молодымъ Виндгемомъ въ Швейцарію, съ тѣмъ, чтобы отправить его оттуда въ Италію, а самому ѣхать назадъ по Рейну. Но по прибытіи въ небольшое мѣстечко на Луцернскомъ озерѣ, Виндгемъ заболѣлъ, и такъ опасно, что Вальтеръ, созвавъ лучшихъ врачей изъ соседнихъ мѣстъ, по совету ихъ рѣшился писать домой, и просить полковника Лесли

сообщить это горестное извѣстiе бѣдной сестрѣ своей, и посоветовать ей взать скорѣе, если она хотѣла еще разъ увидѣть сына въ живыхъ. Полковникъ Лесли понималъ, что невозможно отпустить ее одну, и рѣшился взать съ нею; одно затрудненiе останавливало его: что ему сдѣлать съ дочерьми. Ему очень хотѣлось бы взать ихъ обѣихъ съ собою; но онъ боялся, что слабое здоровье Джиневры не выдержитъ такого утомительнаго путешествiя, — потому-что они должны были взать день и ночь. Поэтому онъ безъ труда согласился на ея желанiе удалиться на это время въ монастырь, тѣмъ болѣе, что она и безъ того должна была отправиться туда черезъ нѣсколько дней. Маргаритѣ онъ предоставилъ на выборъ, сопровождать его въ этой горестной поездкѣ, или провести это время у своей бабушки, въ Грант.лн-Мэноръ, о чемъ была рѣчь незадолго передъ тѣмъ. Самъ же онъ приступилъ къ печальной задачѣ превратить безпечную веселость бѣдной матери въ самое тяжелое горе, какое можетъ испытать человекъ, — сказать ей: — «Тотъ, кого ты любишь больше собственной жизни, страдаетъ; онъ умираетъ далеко отъ тебя»! Горестная задача вести среди разнообразныхъ явленiй нашего суетнаго міра, среди его красотъ и дѣятельности, его свѣта и тѣни, сердце, котораго каждый ударъ есть страданiе, и для котораго каждый лучъ солнца — насмѣшка надъ его горемъ, каждый встрѣчающійся человекъ — равнодушный свидѣтель его безмолвнаго отчаянiя.

Маргарита сидѣла у окна, вперивъ взоры въ письмо Вальтера, которое она по временамъ, увлеченная какимъ-то тайнымъ чувствомъ, крѣпко прижимала къ сердцу. Какое было это чувство, ей и самой трудно было бы опредѣлить. Не подлежало сомнѣнiю только то, что она была взволнована, и что волненiе ея было не такого рода, чтобы можно его удовлетворительно объяснить извѣстiемъ о болѣзни двоюроднаго брата. Въ задумчивомъ выраженiи ея темноглазыхъ глазъ можно было прочесть не одну печаль и не одно участiе, а также что-то рохожее на смущенiе. Не играла ли она острымъ оружіемъ, и между-тѣмъ какъ съ Фредерикомъ Винсентомъ старалась проникнуть тайну, тяготившую надъ судьбою ея сестры, не измѣнило ли ей неприятно сердце, не завлекло ли ее тщеславiе слишкомъ далеко? Никто изъ нихъ не могъ съ точностью сказать, какъ возникла между ними эта короткость. Винсентъ еще въ то время, какъ былъ съ семействомъ своимъ въ Генуѣ, зналъ, что Джиневра была знакома съ Невилемъ; и когда онъ, съ сестрою Нэнси, печально увидѣлъ ее въ дружеской бесѣдѣ съ незнакомцемъ, онъ тотчасъ угадалъ, кто былъ этотъ незнакомецъ; но, зная злой языкъ сестры и ея нерасположенiе

къ мисль Лесли, онъ благо разумно считъ, что лучше не сообщать ей своей догадки. Впослѣдствіи другія обстоятельства подкрѣпили его подозрѣніе, и возвратившись въ Англію, онъ съ живымъ участіемъ хватался за все, что могло пролить сколько-нибудь свѣту на это дѣло. Подслунавъ на вечеръ у леди Торрель слова Маргариты, что Эдмундъ умѣетъ играть и не одну роль, онъ тотчасъ заключилъ, что и она подозреваетъ Эдмунда въ двуличномъ поведеніи противъ нея и ея сестры; и почти невольно въ тотъ же вечеръ заговорилъ съ нею объ этомъ предметѣ, и спросилъ ее, не имѣетъ ли она причины думать, что Эдмундъ и Джиневра знали другъ друга еще въ Италіи? Маргарита не приготовилась къ такому вопросу, и по смущенію ея не трудно было угадать, что эта мысль была ей не совсѣмъ нова. Зная Фридерика съ самаго дѣтства, и зная его какъ челоуѣка разсудительнаго и въ высшей степени благороднаго, Маргарита всегда охотно довѣрялась ему, и тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда никто лучше его не могъ содѣйствовать ей въ мелькнувшемъ въ головѣ ея предпріятіи. Она разсказала ему странный случай съ исправленною картинкою; и это обстоятельство, въ соединеніи съ собственною его догадкою, — доходящею почти до убѣжденія, — что Эдмундъ тотъ самый незнакомецъ, который такъ часто бродилъ около палаццо ***, показалось имъ обонъ неопровержимымъ доказательствомъ дѣйствительности ихъ предположенія. Маргарита съ радостью ухватилась за эту мысль; потому что, хотя она никому въ мірѣ, — а тѣмъ менѣе Винсенту, — не рѣшилась бы сказать слово о той части дѣла, которая всего тяжелѣе лежала на ея душѣ, — о свиданіи Джиневры съ Эдмундомъ предъ отъездомъ его изъ Грантли-Мэнора, — однако же и это происшествіе получало такимъ образомъ совсѣмъ другое значеніе; теперь это было уже прощаніе жениха съ невѣстою, двухъ любящихся сердець, связанныхъ самыми священными узами, а не пошлая интрига кокетки съ почти незнакомымъ ей челоуѣкомъ.

Самымъ пламеннымъ желаніемъ Маргариты было — открыть причины и оправданіе этому непонятному лицезмрію, и препятствію, представлявшимся этой любви, если она дѣйствительно существовала; и Винсентъ, слыхавшій какіе-то смутные толки о духовной старика Невиллѣ, о которой до того времени мало говорили внѣ круга родныхъ и сосѣдей завѣщателя, ревностно принялся разыскивать истину. Скоро онъ удостоверился, что предразсудки покойнаго мистра Невилля были такъ сильны и такъ упорны, что могли удержать сына его, даже передъ его смертію, отъ признанія въ любви своей къ иновѣркѣ. Это открытіе, пролившее много свѣту на занимавшій ихъ предметъ, подало по-

водъ къ долгимъ и живымъ совѣщаніямъ между Маргаритою, Фредерикомъ и сестрою его, Люси, о томъ, до какой степени было вѣроятно, что такія неотразимыя препятствія разрушатъ любовь, въ существованіи которой въ прошломъ, а можетъ-быть и въ настоящее время, они уже не сомнѣвались; или не возможно ли, что молодой Невиль, движимый героическимъ безкорытіемъ, откажется отъ своего богатства для невесты. Маргарита клонилась къ послѣдней надеждѣ; потому-что разстроенное здоровье сестры показывало, какъ сильно и пагубно дѣйствовала на нее неуверенность въ быточности ея надеждъ; притомъ она не соображала достаточно всѣ трудности такой жертвы, протекавшія какъ изъ обстоятельствъ самаго дѣла, такъ и изъ характера Эдмунда. Самая же истина ни на минуту не приходила ей на мысль. Чтобы кто-нибудь вздумалъ когда-либо такъ оскорблять Джиневру, и чтобы Джиневрѣ достало силы переносить такія истязанія, и не измѣнить себя, — это показалось бы Маргаритѣ вещь совершенно невозможною. И въ томъ положеніи вещей, въ какомъ она ихъ себя представляла, почти не хотѣла слышать оправданій, которыя Фредерикъ приводилъ въ пользу Невиля; и она была такъ мила, такъ обольстительно хороша, когда, съ пылающими щеками и надувъ губки, проповѣдывала презрѣніе къ міру, его богатствамъ и суетѣ, — которыхъ удобствами, однако же, никто такъ охотно не наслаждался, какъ она, — что молодой Винсентъ часто съ умысломъ возвращался къ этому предмету затѣмъ только, чтобы имѣть удовольствіе полюбоваться на это личико, полное негодованія и краснорѣчиваго презрѣнія. Очень естественно, что во все это время Маргарита не знала большаго удовольствія, какъ бесѣдовать съ Фредерикомъ Винсентомъ. А ничто такъ не сближаетъ, не роднитъ людей, какъ общее обвѣмъ сторонамъ стремленіе, какъ предметъ, о которомъ говорится между четырьмя глазами, и никогда не упоминается при постороннихъ; значительный взглядъ, бросаемый украдкою, иногда открываетъ новую страницу въ жизни. Но Маргарита любила Вальтера, искренно любила его, и не имѣла ни одной мысли, которой ему нельзя было знать. Когда она получила письмо, писанное имъ передъ отъездомъ въ Парижъ, ей стало только досадно на него, за то, что онъ криво понялъ ея слова и перетолковалъ ея дѣйствія, и на себя за то, что она дала ему поводъ къ подозрѣнію; и Маргарита отвѣчала ему со всѣмъ чистосердечіемъ, со всею прямою, которыми отличались всѣ слова ея и дѣйствія. Но сказать правду, Вальтеръ поступилъ безразсудно, написавъ это письмо. Оно, разумѣется, открыло ей глаза на-счетъ чувствъ Фредерика Винсента, вовсе не похожихъ на простую дружбу; а оставаться совершен-

но равнодушною къ такому открытію было не въ характеръ Маргариты. Она легко увлекалась данью, платимою ея особъ, и не могла устоять противъ искушенія испытать, какъ далеко простиралась ея власть, и предаться тѣмъ мелкимъ волненіямъ жизни; они такъ привлекательны для тѣхъ, чья фантазія требуетъ пищи, которую они и доставляютъ ей нерѣдко на счетъ сердца, жертвуя болѣе возвышенными и глубокими ощущеніями его въ угоду минутной прихоти своего безпокойнаго воображенія!

Ей казалось, что она обязана наблюдать за тѣмъ, чтобы Фредерикъ не влюбился въ нее. Вѣдь онъ не знаетъ, что сердце ея отдано, и рука обшана, и ему будетъ такъ больно! Не лучше ли предупредить его? Что онъ почувствуетъ? Что онъ подумаетъ, когда она скажетъ ему, что влюблена, хотѣла она сказать, но остановилась; — что привязана къ Вальтеру? Она увидѣлась съ нимъ на слѣдующій день, и обращеніе ея было совершенно измѣнено. Винсентъ замѣтилъ это, и казался такъ печаленъ, такъ упалъ духомъ, что ей стало жаль его. Люси же вѣрно не безъ умыслу такъ значительно заговаривала о братѣ, а Ненси пожимала плечами и дивилась взбалмошности, капризамъ нѣкоторыхъ дѣвицъ. Можетъ-быть Маргарита написала бы въ этотъ день другой отвѣтъ; но письмо уже было отправлено. Три дня спустя, она уже разсудила, что Фредерикъ ничѣмъ не заслужилъ отъ нея такого суроваго обхожденія, что кому же, ничто не похоже такъ на кокетство, какъ внезапная перемѣна обхожденія безъ всякаго явнаго повода; поэтому она рѣшилась нисколько не мѣняться въ отношеніи къ нему, и обращаться съ нимъ такъ же привѣтливо, такъ же дружески какъ прежде; и въ страхъ своемъ дать замѣтить какую-нибудь перемѣну, она съ этого же дня начала обходиться съ Фредерикомъ еще привѣтливѣе, еще дружественнѣе. Это была большая ошибка въ расчетѣ. Фредерикъ тотчасъ заговорилъ языкомъ влюбленнаго, а она стала слушать его съ удовольствіемъ, и только желала, чтобы онъ скорѣе пришелъ къ рѣшительному объясненію; тогда она откроетъ ему правду, и тѣмъ все будетъ кончено! Что же она скажетъ ему? что сердце ея отдано?... Да точно ли это правда? — Будетъ правда, шептала совѣсть; можетъ-быть и не совѣсть, мы не ручаемся; достоверно только то, что что-то шептало ей этотъ отвѣтъ, а совѣсть въ слѣдующіе за тѣмъ дни закидала ее множествомъ вопросовъ; получила ли она отвѣтъ на всѣ эти вопросы, мы также не можемъ сказать положительно.

И вотъ Маргарита сидитъ у окна, и смотритъ на Гайдъ-паркъ. Но она смотритъ разсыянно: въ мысляхъ представляется ей другой паркъ,

и она размышляетъ о выборѣ , который предоставилъ ей отецъ. Она припоминаетъ , что никогда грантли-мэнорскій паркъ не бываетъ такъ хорошъ , какъ когда осень позолотитъ его гнистыя деревья. Какъ пріятно ей будетъ опять скакать на своей арабской лошаdkъ , ухаживать за своимъ цвѣтникомъ , полюбоваться своею чистою , прозрачною рѣчкою , повидаться съ дѣдомъ и бабушкою , посѣтить приходскій домъ Геронъ-Кастль — и она остановилась , ей представляется другой замокъ , Донингтонъ-Кастль слишкомъ ясно въ виду , нѣтъ возможности уйти отъ этой мысли! И Маргарита уже не колеблется.

— Прочь всѣ эти виднѣя! восклицаетъ она , прочь эти обманчивыя мечты! Будь что будетъ , не стану далеко искать своихъ обязанностей! передо мною близкая , ясная обязанность : бросить всякую другую мысль , и вѣхать къ нему , моему первому и лучшему другу , увидѣть его , и потомъ , подлѣ него , вдали отъ этой одуряющей жизни , узнать былъ ли это одинъ лихорадочный сонъ или жалкая дѣйствительность.

Къ этому благородному рѣшенію присоединилось еще нѣсколько тѣхъ странныхъ бесѣдъ съ собственною душою , которыя такъ досаждали , когда намъ хочется разыгрывать героевъ не только передъ своими слугами , но и передъ собою. Такъ смѣшно , такъ глупо было бы въ теченіи одного года влюбиться въ тронхъ! — Но люблю ли я и теперь , и любила ли когда-нибудь? шепнулъ тихій , слабый , едва слышимый голосокъ изъ дальнаго уголка думки ; но голосокъ этотъ былъ такъ тихъ , такъ слабъ , что можетъ-быть сама Маргарита не слышала его.

Нѣсколько часовъ послѣ того , полковникъ Лесли , Маргарита и мистрисъ Виндгемъ были уже на дорогѣ къ Доверу. Первые двое проводили сначала Джиневру въ монастырь , гдѣ и простились съ нею. Обѣ сестры , сжавъ другъ друга въ своихъ объятіяхъ , едва были въ состояніи говорить. Онѣ разлучались только на нѣсколько недѣль ; но обѣ предчувствовали , что эти нѣсколько недѣль могутъ быть самыми важными во всей ихъ жизни ; и каждая , прощаясь съ сестрою , мысленно призывала на нее милосердіе неба. Еще разъ обвила Джиневра руки свои вокругъ шеи полковника Лесли , еще разъ прижала къ сердцу Маргариту ; потомъ тихо пошла въ церковь , упала на колѣни , и нѣсколько часовъ оставалась въ этомъ положеніи.

Когда она вошла въ свою келью , скромное , благочестивое убранство ея напоминало родную ея Италію , а священныя пѣсни монахинь , — тѣ же самыя , къ которымъ она съ дѣтства еще любила присоединяться , когда , бывало , толпа странствующихъ поселянъ или

возвращающихся издалека дѣтей пѣли ихъ на перенутыхъ передъ скромною иконою Богородицы, — перенесли ее къ безмолвнѣйшимъ днямъ дѣтства, и сердце ея запылало теплою благодарностью къ Тому, Который оградилъ въру ея отъ крушенія среди бурь, волновавшихъ жизнь ея. Она присоединилась къ благочестивому лику, и глаза ея наполнились слезами. Но это были не тѣ жгучія слезы; которыя она проливала нѣсколько дней назадъ, и которыхъ каждая капля, казалось, свидѣтельствовала паденіе того, кого она любила, и чье имя она когда-нибудь должна была носить на горе или на радость, на честь или на поворъ. Эти слезы облегчили ей сердце и душу.

IX.

Прѣхавъ Францію и Швейцарію, полковникъ Лесли, съ сестрою и съ Маргаритою, приближался къ деревушкѣ на Луцернскомъ озерѣ, изъ которой Вальтеръ писалъ о горестномъ случаѣ, побудившемъ ихъ вѣхать за границу. Мистрисъ Виндгемъ, изнуривъ себя бессонницею и неотступными разговорами съ спутниками, впала наконецъ въ какое-то безчувствіе; растянувшись на софѣ въ каютѣ небольшого парохода, на которомъ они переплывали озеро, она молча и разсѣянно смотрѣла на скользивній мимо ихъ берегъ, къ которому они по временамъ приставали для приему пассажировъ. Маргарита сидѣла одна въ отдаленномъ концѣ палубы, и хотя у нея была въ рукахъ книга, однако же глаза ея блуждали по синей поверхности воды и по величественнымъ очеркамъ снѣжно-головыхъ горъ. Она также была изнурена, не столько тѣломъ, какъ душою. Кромѣ того, что она съ нетерпѣніемъ ждала конца пути, чтобы узнать объ участи двоюроднаго брата, она желала также поскорѣ освободить мысли свои и сердце отъ облака сомнѣнія, которое заволокло ихъ. Она не понимала сама себя, и это мучительное чувство заставляло ее съ нетерпѣніемъ ждать какой бы то ни было переменны; только бы она поставила ее въ возможность дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Она безъ всякаго удовольствія вспоминала о нѣсколькихъ недѣляхъ, проведенныхъ въ Лондонѣ, и ни за что въ мірѣ не желала возвратиться къ этой разсѣянной, одуряющей жизни; и хотя она часто думала о Фредерикъ Винсентъ, воспоминаніе о немъ всегда было сопряжено съ какимъ-то тягостнымъ чувствомъ, котораго она не могла себѣ объяснить. Можетъ-быть, въ тѣ долгіе часы размысленія, на которые осуждены путешествующіе, и которые они имѣютъ полный досугъ об-

думать и передумывать — и прошедшее и будущее, она открыла въ своемъ нравъ какую-нибудь тайную черту, которая до-тѣхъ-поръ укрывалась отъ ея вниманія. Довольно обыкновенное явленіе, что люди, знающіе за собою какое-нибудь хорошее свойство, съ которымъ известная слабость кажется несоевмѣстною, заключаютъ безъ дальнѣйшаго суда, что они этой слабости не подвержены, и даже не могутъ вѣстать въ нее. Такъ было и съ Маргаритою; потому-что она не была легкомысленна въ одномъ смыслѣ слова, такъ-какъ направленіе характера ея было возвышенно, и она не подозрѣвала себя въ некоторой склонности къ легкомыслию, которая, между-тѣмъ составляла преобладающую черту ея ума, если не распространялась на сердце. Все, что занимало и прельщало ее въ данную минуту — мысль, цѣль, или лицо, — на некоторое время овладевало ея умомъ, до такой степени, что заглушало болѣе глубокия и дѣйствительныя чувства. Такая слабость, когда она соединяется съ чистосердечнымъ характеромъ и благородствомъ помысловъ, настоящее мученіе для на-дѣннаго ея. Только мало-по-малу, послѣ многихъ опытовъ, можно научиться взвѣшивать собственныя свои впечатлѣнія, отдѣлять въ нихъ дѣйствительное, самородное отъ прививнаго, и изъ среды мякины скоро возникающихъ и такъ же скоро забываемыхъ ощущеній выбирать полное, здоровое зерно, которое одно можетъ дать обильную жатву счастья. Эта способность обдумывать свои ощущенія рѣдко приобретается въ юности, и если слабая заря этой истины пробивалась въ умъ Маргариты, въ то время какъ она смотрѣла на синія волны Луцерн-скаго озера, то еще весьма неопредѣленно, даже въ самыхъ завет-ныхъ ея думахъ.

Когда пароходъ сталъ приближаться къ небольшой каменной дамбѣ, образовавшей гавань города Веггиса, Маргарита съ безпокойствомъ искала въ вышнейей на-встрѣчу ему толпѣ, не увидитъ ли гдѣ Вальтера; и какъ-скоро она замѣтила его, приклонившагося къ столбу, къ которому былъ прикреплень канатъ, сердце ея сильно забилося при мысли о бѣдной теткѣ, и она съ безпокойствомъ взглянула на отца. Наконецъ пароходъ присталъ къ берегу, и Вальтеръ протерся впередъ и наклонился черезъ паранетъ. Одно слово: — «Выздоровливаетъ!» — вообще имъ то, чего они ждали съ такимъ трепетомъ; и въ одно мгновеніе Маргарита была уже въ каютѣ, и передавала отрадную вѣсть бѣдной матери, которая послѣдніе два часа сидѣла на софѣ, забивъ голову въ подушку, совершенно убитая мучительною неизвѣстностью, которая должна была кончиться одною минутою ужаснаго или радостнаго удостовѣренія. Молодой Виндгеймъ дѣйствительно былъ въ она-

ности, и медленно выздоравливалъ. Невозможно описать восторгу матери, когда она прижала его къ сердцу, и трогательныхъ выражений, въ которыхъ благодарила Вальтера за попечение его о сынѣ, за терпѣніе и великодушіе, съ какими онъ ухаживалъ за больнымъ, подвергаясь опасности самъ схватить заразительную горячку, которая едва не свела молодаго Виндгема въ могилу. Самъ Виндгемъ говорилъ о Вальтерѣ со слезами на глазахъ, и Маргарита никогда еще такъ не любила своего двоюроднаго брата, какъ въ эту минуту. Она помышляла о добротѣ Вальтера, о любви и уваженіи, которыя онъ внушалъ каждому, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; и горячее воображеніе ея тотчасъ принялось строить картину его радости и счастья, когда она изустно подтвердитъ содержаніе своего письма и возобновитъ обѣщаніе, отъ котораго она, въ-самомъ-дѣль, никогда не имѣла намѣренія отступить. Она не могла не сознаться въ душѣ, что ей довольно пріятно было общество Фредерика Винсента, и что любовь его, въ которой нельзя было сомнѣваться, не тронула ея сердца, то по-крайней-мѣрѣ тышила ея воображеніе. Но она слишкомъ привыкла уважать собственное свое достоинство, и очень хорошо чувствовала, что предпочестъ Фредерика Вальтеру значитъ унижить себя въ собственныхъ своихъ глазахъ, потому-что она никогда ни на минуту не сомнѣвалась въ превосходствѣ Сиднея и по убѣжденіямъ, и по характеру, и по уму. Винсентъ былъ очень любезенъ и очень не глупъ, но въ отношеніи возвышенности нравственныхъ понятій, глубины ума и обширности познаній между ними было неизмѣримое разстояніе. Маргарита же была слишкомъ разсудительна, чтобы не видѣть этого, и слишкомъ чистосердечна, чтобы не сознаться въ томъ, что видѣла. Однако же, она замѣчала, что какъ ни пріятно ей было видѣть Вальтера, присутствіе его не производило на нее никакого особеннаго впечатлѣнія, и бесѣда его не смущала и не волновала ея; а ей казалось трудно согласить любовь съ такимъ спокойнымъ состояніемъ ума и сердца. Удивительно, сколько думъ можно передумать въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ. Всѣ приведенныя нами размышленія прошли въ головѣ Маргариты въ непродолжительное время, которое она проспала у постели двоюроднаго брата. Когда она отворила окно своей комнаты, куда пошла, пріодѣться къ обѣду, она съ восхищеніемъ засмотрѣлась на великолѣпную картину, разстилавшуюся передъ нею. Тѣни горъ ложились на глубокое и темное озеро; сѣкныя вершины ихъ обливались розовымъ свѣтомъ, между-тѣмъ какъ густой мракъ обнималъ ихъ изрытые отклоны. Легкій вѣтерокъ шевелилъ листья и вѣтви ореховаго дерева, стоящаго передъ сѣд-

скимъ постояннымъ дворомъ, на которомъ они остановились, и надувалъ паруса лодки, которая неслась по озеру, едва касаясь его гладкой поверхности, какъ птица на крыльяхъ; она то приближалась къ берегу, то удалялась отъ него, и переходила изъ мрака въ свѣтъ, смотря по высотъ и ширинѣ горъ, подъ тѣнью которыхъ проходила, стремясь къ широкой полосѣ свѣту, которую заходящее солнце разливало, будто свѣтлый путь, на обширной глади воды. Маргарита слѣдила за движеніемъ лодки съ тѣмъ страннымъ участіемъ, которое мы иногда принимаемъ въ неодушевленныхъ предметахъ, считая, по какому-то полу-поэтическому, полу-суевѣрному инстинкту, судьбу ихъ съ наивною. Ей хотѣлось, чтобы лодка дошла до свѣтлой полосы, и поплыла по немъ, и она трепетала, чтобы полоса не угасла, прежде чѣмъ лодка успѣетъ доплыть. Наконецъ она вступила въ эту полосу сверкающей пѣны и исчезла вдали, будто поглощенная принявшимъ ее свѣтомъ. Маргарита подняла взоры къ ясному голубому небу, и радовалась въ душѣ, что въ минуту ослѣпленія не увлеклась чувствомъ, которое сердце ея отвергло бы теперь. Она вспомнила, что привязанность ея къ Вальтеру росла и укрѣплялась по мѣрѣ того, какъ свободно развивались всѣ возвышеннѣйшія стремленія и чистѣйшія чувства ея души, и стала слабѣть только когда тщеславіе и суета свѣта отуманили всѣ ея понятія и ощущенія. Увидѣвшись съ нимъ опять, она сначала была такъ же доверчива, такъ же привѣтлива и откровенна какъ всегда, но скоро замѣтила въ его обхожденіи что-то такое, что разомъ оковало ея обычную непринужденность. Онъ говорилъ съ нею почтительно и дружески; но во всемъ обращеніи, во всѣхъ словахъ его было какое-то смущеніе, какая-то принужденность. Ей хотѣлось говорить съ нимъ какъ бывало въ прежнее время, со свойственнымъ ей прямодушіемъ; но между ними возникла какая-то невидимая преграда, и всѣ старанія уничтожить ее, только болѣе и болѣе убѣждали Маргариту въ существованіи этой преграды. Привязанность Вальтера выражалась теперь въ своейномъ, грустномъ сочувствіи ея счастью и стараніи угождать ея желаніямъ, нисколько не походившихъ ни на отеческое участіе и заботливость, которыя онъ оказывалъ ей въ счастливые дни ея дѣтства и безпечнаго отрочества, ни на нежность, отличавшую его обращеніе въ короткій періодъ ихъ взаимнаго соглашенія. Онъ никогда даже издали не намекалъ ни на недавнюю ихъ переписку, ни на разстроившіяся планы ихъ на будущее; и если случалось ему говорить о будущности, то въ такомъ смыслѣ, какъ-будто онъ совершенно отказался отъ своихъ надеждъ и отъ ея обещанія.

Этотъ образъ дѣйствія очень оскорблялъ Маргариту. Ей казалось, что Вальтеръ не вѣрилъ ей словамъ, не принималъ ее объясненій, что онъ не освобождалъ ее отъ обѣщанія, а просто отвергалъ ее; и это было ей тѣмъ болѣе, что она видѣла, какъ трудно будетъ найти средство разсѣять ложное мнѣнiе, которое очевидно овладѣло его умомъ. Невольно вспоминала она, что сама первая предложила руку свою Вальтеру; поступокъ, котораго ничто не могло извинить, кромѣ безграничной увѣренности въ его любви и въ томъ, что онъ безъ такого явнаго ободренія съ ея стороны никогда не смѣлъ бы надѣяться, что она могла полюбить его. Конечно, онъ принималъ этотъ драгоценный даръ съ самыми живыми изъясненiями радости и благодарности; но въ то же время съ непостижимою раздражительностью ухватился за первый признакъ легкомыслия въ ея поступкахъ; обвинялъ ее, безъ достаточнаго основанiя, въ привязанности къ другому, отказался отъ нея безъ малѣйшаго колебанiя; и послѣ того, какъ она оправдалась отъ обвиненiя и возобновила свои увѣренiя въ любви къ нему, безмолвно упорствовалъ въ своемъ отреченiи. Такое поведенiе задѣло ее за живое; ея гордый и раздражительный нравъ возмущился, и она сама стала надменнѣе и холоднѣе въ своемъ обращенiи. Онъ напротивъ нисколько не мѣнялся, и Маргарита, даже въ досадѣ своей, не могла не отдать справедливости и не дивиться рѣдкой кротости и ровности его нрава. Онъ очень хорошо видѣлъ ея принужденное и раздраженное состоянiе, и всѣми силами старался его разсѣять; но какъ онъ приписывалъ это ложному источнику, то не удивительно, что все усилiя его производили совершенно противоположное дѣйствiе. Онъ воображалъ, что она упрекала себя въ легкомыслии и непостоянствѣ, и силился примирить ее съ собственною совѣстью, показывая видъ, будто онъ совершенно доволенъ настоящимъ своимъ положенiемъ, и ясно намекая на искреннее участiе, которое онъ принималъ на будущее въ счастья ея съ другимъ. Но эта покорность судьбѣ, это спокойствiе, почти доходившее до веселости, вмѣсто того, чтобы тронуть ея сердце, только болѣе раздражали ее, а оскорбленная гордость не позволяла ей раскрыть ему глаза на счетъ чувства, которое онъ ей приписывалъ.

Вслѣдствiе медленности выздоровленiя молодого Виндгема, путешественники наши должны были довольно долго пребыть на Луцернскомъ озерѣ, и полковникъ Лесли, Маргарита и Вальтеръ воспользовались этимъ временемъ, чтобы совершить нѣсколько прогулокъ по окрестнымъ мѣстамъ. Эти прогулки среди величественныхъ красотъ альпiйской природы доставили бы несказанное удовольствiе Маргаритѣ, если

бы настроеніе собственной души ея позволяло ей вполне предаться наслажденію окружающимъ ее міромъ, но въ душѣ ея были бури, которыя также внезапно возникли, но не такъ скоро укрошались, какъ бури, скопляющіяся около вершины Риги; и когда она смотрѣла на пѣнящіяся потоки, которые вливали свои свѣтлыя, хотя безпокойныя воды въ тихое лоно озера, невольно приходила ей въ голову мысль, что могъ бы Вальтеръ такимъ же образомъ принять ее къ своему сердцу, со всеми ея недостатками и легкомысленностью, и дать ей въ немъ надежный пріютъ отъ неурядицы собственной ея души.

Однажды утромъ, она садилась передъ входомъ гостинницы на привезеннаго ей осла. Въ этотъ день она была больше обыкновеннаго истомлена своею душевною борьбою, и сверхъ-того раздосадована разсужденіями Вальтера о путешествіи на Востокъ, которое онъ думалъ предпринять черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Осматривая подруги съда, онъ сказалъ ей вполголоса:

— Какъ часто, Маргарита, скитаясь одинъ по степямъ Востока, буду я вспоминать объ этихъ повздакахъ!

Маргарита сначала не отвѣчала; потомъ, отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ, сказала съ язвительностью:

— Вы будете такъ довольны и счастливы, что никакое воспоминаше не возмутитъ вашего наслажденія!

— Конечно, сказалъ Вальтеръ, мѣста которыя я надѣюсь посвятить, освящены столькими великими воспоминаніями, что онъ вѣроятно хоть сколько-нибудь развлекуть мысли мои отъ сердечнаго горя, если только....

— Если бъ только это горе существовало на самомъ дѣлѣ, а не въ одномъ воображеніи, перебила Маргарита съ досадою.

Вальтеръ подумалъ, что ей досаденъ былъ намекъ его на сожалѣніе объ утраченномъ счастьи, и отвѣчалъ съ принужденною улыбкою.

— Я вижу, Маргарита, что вы не позволяете мнѣ даже имѣть горя. И въ-самомъ-дѣлѣ вы правы; въ определенной мнѣ судьбѣ еще такъ много прекраснаго и отраднаго, что неблагодарно будетъ съ моею стороны говорить такимъ языкомъ.

Маргарита закусила губы, и оба молча продолжали путь.

Полковникъ Лесли обратился къ Вальтеру съ какимъ-то вопросомъ. Вальтеръ поравнялся съ нимъ, чтобы отвѣчать, и потомъ они продолжали разговоръ, взбираясь рядомъ по извилистой горной тропинкѣ, а Маргарита осталась одна позади. Когда душа расположена къ раздражительности, самаго мелкаго, самаго ничтожнаго обстоятельства достаточно для раздраженія ея. Маргаритѣ показалось, что ея пренебре-

гають, и мысли ея перенеслись къ Фредерику Винсенту, и она сравнивала его угождения съ тѣмъ, что называла равнодушіемъ Вальтера. Глаза ея наполнились слезами, между-тѣмъ какъ она мысленно рассуждала, что гораздо благоразумнѣе ей выдти за человѣка ея же лѣтъ, и который не зналъ ея слишкомъ хорошо ребенкомъ, чтобы полюбить ее взрослою дѣвушкою, и притомъ за человѣка, котораго она своимъ умственнымъ превосходствомъ будетъ водить и держать въ подчиненія, а не такога, который будетъ всегда считать себя несравненно умнѣе ея. — «Онъ и въ-самомъ-дѣль умнѣе!» шептала совесть. «Нѣтъ, ничуть не умнѣе! отвѣчала досада; что жъ тутъ умнаго, — не врать мнѣ, когда я говорю, что люблю его, и насильно навязывать мнѣ на шею Фредерика Винсента за то только, что я недѣлку пококетничала съ нимъ?» — Совесть опять возразила: «Когда ты была увѣрена въ любви Вальтера, ты играла ею, и тышила свое воображеніе образомъ и любовью другаго...» Дѣло въ томъ, что хотя Маргарита знала прекрасныя свойства Вальтеровой души, она до этого времени не имѣла понятія о всей силѣ его характера, и не предугадывала съ какою твердостью онъ покорится перемѣнѣ въ ихъ взаимномъ положеніи. Теперь же она это испытала, и открытіе это, усиливъ и воспламенивъ ея привязанность, въ то же время присоединила къ ней то жгучее сожалѣніе, съ которымъ мы помышляемъ о блаженствѣ, утраченномъ нами по собственной винѣ; потому-что она была слишкомъ чистосердечна, чтобы не сознать передъ собою, что хотя Вальтеру и слѣдовало бы отвѣчать на ея письмо, если даже онъ не вѣрилъ ему, однако же и она была отчасти виновата тѣмъ, что желала, не долго правда, освободиться отъ обѣщанія, которое мѣшало ей предаваться минутной забавѣ.

Это-то сознаніе своей виновности и удерживало ее отъ объясненія Вальтеру обстоятельствъ, которыя породили первое сближеніе ея съ Винсентомъ. Она не могла рѣшиться раскрыть равнодушному Вальтеру противоположныя чувства, боронившая въ душѣ ея вскорѣ послѣ ихъ переписки, и удивленіе и сожалѣніе, съ которыми она теперь помышляла о томъ времени. Но какая польза гадать о томъ, что могло бы быть? Любилъ ли ее Вальтеръ когда-либо болѣе чѣмъ какъ любить ребенка или игрушку, — занимала ли она когда-либо другое мѣсто въ его сердцѣ, — въ настоящее время онъ очевидно не чувствовалъ къ ней ничего, кромѣ того отеческаго участія, которое оказывалъ ей съ самаго ея младенчества, и которое будетъ сохранять до смерти. Въ какія отношенія ни поставила бы ее будущность къ другимъ, она не могла ожидать возобновленія тѣхъ взаимныхъ отношеній между нею

и Вальтеромъ, которыя, казалось, исчезли совершенно, какъ будто никогда не существовали. Маргарита никогда не предполагала, чтобы это могло до такой степени огорчить ее. Покуда она была увѣрена въ взаимности Вальтера, она не подозрѣвала силы собственной своей взаимности. Ее забавляли разнообразныя ощущенія и мелкія тревоги гостевья, и она, быть-можетъ, дошла бы до того, что вышла бы за другаго, предаваясь игрѣ случая съ необдуманностью и беззаботностью ребенка на помочахъ, — пока чувствовала, что подлѣ нея есть хранитель, всегда готовый предостеречь и поддержать ее среди безразсудствъ. Но какъ скоро она почувствовала, что скоро не будетъ надъ нею этого бдительнаго взора, что Вальтеръ скоро оставитъ ее на много лѣтъ, она поняла всю цѣну своей утраты, и стала съ горестью и со страхомъ смотреть на свое будущее одиночество.

Такъ прошло несколько дней. Вальтеръ, видя ея необычайную блѣдность и безпрестанные переходы отъ раздражительности къ совершенному унынію, почти готовъ былъ заключить, что она отдала свое сердце Винсенту, не будучи увѣрена въ его взаимности. Видѣть ее счастливою съ другимъ, была бы пытка выше человѣческихъ силъ; но видѣть ее несчастною, и чувствовать свое безсиліе помочь ей, для возвышенной души Вальтера было еще ужаснѣе. Съ каждымъ днемъ становилась онъ нѣжнѣе и заботливѣе; но въ то же время обращеніе его несомнѣнно показывало, что онъ совершенно отрекся отъ всякой надежды быть ей кѣмъ-либо болѣе, какъ-другомъ.

Однажды утромъ, когда человѣкъ подалъ за завтракомъ цѣлую пачку писемъ, Вальтеръ замѣтилъ, какъ Маргарита взяла одно изъ рукъ подателя, и торопливо спрятала его, чтобы отецъ не видалъ. При первой возможности она ушла въ свою комнату, и оставалась тамъ почти весь день. Когда вышла къ обѣду, она была задумчивѣе противъ обыкновеннаго, и глаза ея были заплаканы. Проходя мимо стола, на который складывались письма для отправленія на почту, онъ замѣтилъ одно, написанное рукою Маргариты, на имя Фредерика Винсента, въ Баденъ-Баденъ. Онъ тяжело вздохнулъ. Это письмо, доказывавшее, что Маргарита имѣла сношенія съ Винсентомъ, и наводившее на мысль, что раздражительность и неровность душевнаго настроенія происходили не отъ тоски неизвѣстности, а просто отъ разлуки съ милымъ сердцу, — не успокоило Вальтера такъ, какъ бы онъ ожидалъ. Ему было больно, что Маргарита не имѣла къ нему уже прежняго довѣрія; если бы она сама завела рѣчь объ этомъ предметѣ, у него стало бы силы говорить объ этомъ; но онъ никакъ не чувствовалъ въ себѣ мужества за-

говорить о немъ, и такимъ образомъ взаимное отчужденіе и принужденность между ними возрастали съ каждымъ часомъ.

Наконецъ молодой Виндгемъ довольно поправился, чтобы продолжать обратный путь въ Англію, и путешественники наши оставили берегъ Лупернского озера, и направились въ Германію. Въ Базель, гдѣ они остановились переночевать, ждала ихъ въ гостинницѣ цѣлая кипа писемъ. Между прочимъ было письмо къ Вальтеру отъ одного изъ его двоюродныхъ братьевъ, который проводилъ лето въ Баденѣ, и очень желалъ видѣться съ нимъ при проздѣ его черезъ этотъ городъ. Пробыгая небрежно часто-исписанный листъ, Вальтеръ пораженъ былъ несколькими словами, приписанными внутри куверта, онъ развернулъ его и прочелъ слѣдующее: «Былъ здѣсь мистръ Винсентъ, сынъ лорда Донингтона, но отправился на дняхъ назадъ въ Лондонъ. Говорятъ, будто онъ очень огорченъ отказомъ, полученнымъ отъ твоей спутницы, хорошенькой мисъ Лесли. Рассказываютъ некоторые, что она очень не хорошо поступила съ нимъ, впрочемъ я почти увѣренъ, что это вздоръ, потому-что некоторые люди имѣютъ страсть осуждать ни за что ни про что каждую дѣвушку, у которой много обожателей, и которая позволить себѣ разыгрывать разборчивую невѣсту. Меня однако же удивляетъ, что она отказала мистру Винсенту: онъ добрый мальчъ, ве дурень собою, любезень, и былъ бы прекрасною партією. Я видѣлъ сегодня тетку его, леди Рирсделья: она говоритъ, что Винсентъ просто убитъ горемъ».

Вальтеръ едва могъ скрыть свое волненіе при чтеніи этихъ строкъ. Онъ сложилъ письмо, взглянулъ на Маргариту, которая стояла у окна и разсѣянно смотрѣла на Рейнъ и на живописныя развалины, усывающія противоположный берегъ, подошелъ къ ней и предложилъ ей идти прогуляться. Въ лицѣ и голосѣ его было что-то такое необыкновенное, что Маргарита взглянула на него съ изумленіемъ, однако тотчасъ же согласилась на предложеніе. Они пошли къ старинному собору, потомъ по аллеѣ дикихъ каштановъ, и сѣли на низкую каменную стѣну, свѣшивающуюся надъ величественною рѣкою. Вальтеръ, послѣ нѣкотораго молчанія, быстро обратился къ спутницѣ и сказалъ:

— Маргарита, вы не разсердитесь, если я сдѣлаю вамъ *одинъ* вопросъ?

Выраженіе его глазъ и голоса были такъ не похожи въ это мгновеніе на то, что Маргарита видѣла и слышала въ продолженіи послѣднихъ недѣль, что она сама была имъ невольно взволнована; но старалась скрыть это волненіе подъ видомъ прежней своей ребяческой беззаботности, и сказала шутливо:

— Давно ли такъ страшна вамъ я съ моимъ гнѣвомъ, Вальтеръ?

— Маргарита, продолжалъ онъ серьезно, — правда ли, возможно ли, что вы отказали Фредерику Винсенту?

Щеки Маргариты мгновенно вспыхнули; она смутилась и не могла отвѣчать.

— Винавать! вскричалъ онъ поспышно, замѣтивъ дѣйствіе своего вопроса. — Я не имѣлъ права спрашивать объ этомъ, и не требую отвѣта.

— Я дѣйствительно отказала Фредерику Винсенту, отвѣчала Маргарита протяжно, и потупивъ глаза въ землю. Онъ вперилъ взоры въ ея лицо, и сердца обоихъ забились смутною надеждою. Они смотрѣли другъ на друга, но ни готъ, ни другая не были въ силахъ говорить. Наконецъ Вальтеръ началъ почти мрачнымъ голосомъ:

— Маргарита, скажите мнѣ правду. Возможно ли, чтобы вы не любили Винсента?

Гордость и любовь боролись въ сердцѣ Маргариты; она встала и хотѣла идти, но Вальтеръ насильно удержалъ ее, и она наконецъ вскричала голосомъ оскорбленнаго чувства:

— Возможно ли, чтобы вамъ любопытно было знать это?

— Маргарита, не шутите теперь со мною. возразилъ онъ въ сильномъ волненіи. — Есть предѣлъ, далѣе котораго власть человека надъ собою не простирается. Я долго крѣпился, но не могу вѣчно сковывать свои чувства. Если вамъ хочется вынудить у меня признаніе, что я выстрадалъ больше, чѣмъ когда-либо воображалъ, что можетъ выстрадать человекъ, не измѣнивъ себя, и что для спокойствія вашего я безропотно покорялся судьбѣ, на которую вы обрекли меня, такъ выслушайте его теперь, и пощадите любовь, которой не можете наградить взаимностью. Я надвѣлся, я рѣшился, никогда не говорить вамъ о ней; но можетъ-быть для обоихъ лучше будетъ, если вы узнаете истину. Простите мнѣ, Маргарита, что я не могъ молчать до конца; простите, что я не могъ, послѣ выраженнаго вами сомнѣнія, отвѣчать вамъ спокойно. Въ послѣдній разъ говорю я вамъ объ этомъ предметѣ, и даю волю этимъ чувствамъ. Скоро я васъ оставлю.

— Вальтеръ! вскричала она, и свѣтлая улыбка мелькнула въ ея глазахъ, и засіяла въ ихъ голубой глубинѣ, какъ лучъ солнца на цвѣткѣ.

Вальтеръ! повторила она, обращая къ нему лицо и наклоня надъ нимъ эти сіяющіе радостью глаза. — Я люблю васъ отъ всего сердца! Но зачѣмъ же вы не отвѣчали па мое письмо, и надѣлали между нами всѣ эти недоразумѣнія?

— Письмо? я не получала отъ васъ ни одного письма съ самаго отъезда своего изъ Англіи! А мое письмо, Маргарита, развѣ можно было оставить его безъ отвѣта?

— Я отвѣчала на него. Я писала вамъ, чтобы вы возвратились, писала, что люблю васъ, — что тогда не было и въ половину такъ справедливо, какъ теперь, потому что мнѣ еще пріятно было увидѣніе другихъ; я тѣшилась любовью Фредерика Винсента, и мнѣ показалось даже, что я была къ нему неравнодушна! Теперь же, смотрите, вотъ его письмо. Онъ пишетъ мнѣ о своей любви, и я вѣрю, что любовь его искренна. Но на что мнѣ она? Я не променяю одного вашего слова любви, Вальтеръ, на всю любовь и на все любовныя письма, которыя весь міръ положилъ бы къ моимъ ногамъ. Вотъ, смотрите! — И она разорвала письмо бѣднаго Винсента на клочки, и бросила ихъ въ рѣку. — Пусть Рейкъ несетъ ихъ на своихъ волнахъ въ Океанъ; а вы примите подъ свое охраненіе мое тщеславное, легкомысленное сердце, и ведите его съ собою во рѣкѣ жизни къ морю вѣчности! Я вага, Вальтеръ, ваша на вѣки! Не будетъ больше тайнъ между нами, Вальтеръ, не будемъ больше ныгать другъ друга! вы должны взять меня, какою нашла, ни лучше, ни хуже; не то, если мы станемъ еще ждать, чтобы я стала лучше, я пожалуй стану хуже, а васъ уже не отпущу ни за что. Я была слишкомъ несчастна, а теперь, — теперь слишкомъ счастлива!

Что Вальтеръ чувствовалъ, что онъ говорилъ, мы не беремся описывать, знаемъ только, что Вальтеръ никогда въ жизни не посетитъ въ другой разъ каштановой аллеи близъ базельскаго собора, безъ глубокаго чувства горестнаго или радостнаго, смотря потому какую долю небо готовить ему въ будущемъ. Въ эту минуту разсѣялась съ сердце Вальтера и Маргариты черная туча, застилавшая ихъ будущность, и радость, смѣнившая ее, была чиста и ясна, какъ голубое небо надъ ихъ головами. Очевидное, хотя несообщительное восхищеніе полковника Лесли, когда ему, въ тотъ же вечеръ, — этого непременно хотѣла дочь его, — было возвышено ихъ желаніе, и радость, съ какою онъ благословилъ жениха и невесту, еще удвоили ихъ счастье. И благо имъ, что они насладились нѣсколькими часами невозмущеннаго спокойствія, что они сберегли запасъ блаженства и вкусили первую сладость его прежде, чѣмъ наступило утро и заволокло свѣтъ, если несчастье, вечеръ Полковникъ Лесли получилъ на слѣдующее утро нѣсколько писемъ, которыя ввергли и его, и Маргариту и Вальтера въ ужасную тревогу и безпокойство. Но прежде, чѣмъ мы сообщимъ

читателямъ ихъ содержаніе, должны возвратиться къ Джиневра, и продолжать нить ея странной исторіи.

X.

Въ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ дней въ началѣ сентября, въ которые воздухъ нерѣдко бываетъ удушливѣе, чѣмъ въ самыя жаркія дни лѣта. Джиневра стояла на дворѣ небольшого домика въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ предместьевъ Лондона, гдѣ помѣщался монастырь, который она избрала своимъ временнымъ приютомъ. Она поливала нѣсколько тощихъ фиолемъ и гераней, покрытыхъ густымъ слоемъ сажки, которая уродуетъ всю окрестности Лондона и самый городъ. Недѣлю двѣ уже было, какъ она переехала въ монастырь, и сначала тихая, спокойная жизнь, повидимому принесла ей пользу; но по прошествіи нѣсколькихъ дней она почувствовала себя рѣшительно больною, или по крайней мѣрѣ въ чрезвычайно раздраженномъ состояніи нервъ; то у нее безъ памяти болѣла голова, то на нее находила непреодолимая сонливость; она засыпала въ приемной, въ саду; и потомъ вдругъ просыпалась съ пылающими щеками и горячими какъ огонь руками, дико осматривалась вокругъ себя, и вздрагивала, если кто заводилъ съ нею рѣчь. Ночью также безирестанно вскакивала она въ просонь; ей все казалось, будто кто-то стоялъ у ея постели и приказывалъ ей встать. Джиневра заключилась въ эту обитель и удалилась отъ шума и развлеченій свѣта съ твердымъ намѣреніемъ обдумать въ этомъ спокойномъ уединеніи свое положеніе, и потомъ, — если отца Франческо не будетъ еще въ Англии къ тому времени, когда ей пора будетъ выйдти изъ своего затворничества, — разсказать всю свою жизнь на исповѣди монастырскому духовному учителю, престарѣлому и опытному священнику, который могъ помочь ей дать себѣ отчетъ въ сложныхъ обязанностяхъ труднаго положенія, въ которое она была поставлена. Она твердо рѣшилась на это средство; но ей съ каждымъ днемъ труднѣе становилось собрать свои мысли и ясно представить себѣ цѣль обстоятельствъ, которыя довели ее до этого положенія. Казалось, какая-то увялая апатія овладѣла всеми ея способностями и чувствами, а когда она хотѣла силою воли преодолѣть эту неестественную безчувственность, каждое усиліе ея было огненнымъ мечемъ, который сожигалъ ея мозгъ. Удушливый зной, стоявшій все время, быть-можетъ, имѣлъ также немалое вліяніе на это ощущеніе; нѣкоторые изъ монахинь замѣчали, что въ глазахъ ея было какое-то странное выраженіе. Въ нихъ во всякое время было что-то совершенно

особенное, но теперь блескъ этихъ светло-голубыхъ глазъ странно и рывительно противорѣчалъ ея упавшему духу и безжизненности ея движеній и рчей. Время, казалось, не существовало для нея; она часто по цѣлымъ часамъ просиживала въ саду на скамьѣ, брала съ груди кольцо, которое всегда носила на черно-бархатной ленточкѣ, и смотрѣла на него почти бессмысленно. Только если кто-нибудь приближался къ ней или смотрѣлъ на нее, она вздрагивала, озиралась дикимъ, испуганнымъ взоромъ, и торопливо прятала кольцо.

Въ сосѣдствѣ монастыря жило одно бѣдное семейство, которое Джиневра часто посѣщала съ прѣзда своего въ Лондонъ. Отецъ былъ Италіанецъ, курьеръ, сопровождалъ ее и Варреновъ изъ Генуи въ Англію, и по прѣздѣ ихъ жилъ нѣсколько дней въ Грантли-Мэноръ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на Англичанкѣ, и несмотря на то, что онъ былъ человекъ трезвый и бережливый, а жена его трудолюбива, въ последнее время онъ съ трудомъ могъ содержать ее и множество дѣтей. Не нашедши себѣ мѣста въ послѣдній лондонскій сезонъ, онъ обратился къ Джиневрѣ, и умолялъ ее не оставить его семейства. Джиневра припала въ нихъ живое участіе, и въ особенности много помогла одной изъ дочерей, которая имѣла несчастье заболѣть, и нѣсколько недель не вставала съ постели. Въ тѣсной, душной комнаткѣ, гдѣ больная была окружена толпою крикливыхъ ребятишекъ и сырѣмъ бѣльемъ, висѣвшимъ даже надъ самою постелью ея, — потому-что мать была прачка и не имѣла другаго мѣста для сушки бѣлья, — появленіе Джиневры всегда пріятствовалося тою улыбкою искренней благодарности и душевнаго удовольствія, которую рѣдко вызываетъ одна надежда денежнаго вспомошествованія. Дѣйствительно Джиневра не принадлежала къ тѣмъ мнимымъ благотворителямъ, которые свысока, съ чувствомъ своего превосходства надъ благотворимыми, подаютъ имъ скудную помощь, и зато считаютъ себя въ правѣ обшаривать каждый уголъ ихъ жилищъ, разбирать по ниточкѣ и осуждать каждое ихъ дѣйствіе, чего сами не позволили бы лучшему своему другу. Она понимала, что въ неимущемъ мы должны уважать и любить своего обиженнаго судьбою брата, и она также пріятливо, также непринужденно брала на руки оборванныхъ ребятишекъ бѣдной прачки или цѣловала въ лобъ ея больную дочь, какъ ласкала малятокъ леди Донингтонъ или обнимала мистрисъ Варренъ послѣ нѣсколькихъ недель отсутствія. А кто исчислить, сколько сочувствія, сколько утѣшенія страждущій или скорбящій читаетъ въ этихъ мелочахъ? Лучшее средство дѣйствовать на несчастнаго — сочувствіе. Человекъ живетъ не однимъ хлѣбомъ; въ каждой человеческой груди есть зародышъ чувства, ко-

торый вызывается къ жизни живительнымъ лучемъ сочувствія, хотя бы онъ втеченіи многихъ лѣтъ казался холоденъ и мертвъ, такъ-что нѣкоторые уже сомнѣвались въ его существованіи. Но этотъ зародышъ должно отыскивать даже въ самыхъ ненадежныхъ сердцахъ; это цвѣтъ, посаженный Богомъ, и который можетъ разцвѣсть на самой бесплодной почвѣ, какъ альпійская роза цвѣтетъ въ глубинѣ ледниковъ.

Между-тѣмъ какъ Джиневра поливала свои цвѣты, калитка отворилась, и явилась жена Джіованни, съ своимъ мѣшнымъ ребенкомъ на рукахъ. Малютка вскрикнулъ отъ радости, увидѣвъ ее, и въ одно мгновеніе мать была освобождена отъ своей ноши и усажена на скамью среди цвѣтника. Она стала рассказывать всѣ подробности своего затруднительнаго положенія, между-тѣмъ какъ ребенокъ игралъ золотымъ крестикомъ Джиневры, и подавалъ его поочередно то ей, то матери. Будто нарочно, для поучительнаго контрасту, были сведены эти два изможенные страданіемъ и тоскою лица, и подлѣ нихъ безпечная веселость младенца, который въ невинной радости своей представлялъ обильнѣе символъ страданія и залогъ надежды. Новое горе постигло бѣдную мать, и она со слезами пришла рассказать его доброй Джиневрѣ. Мужъ ея принялъ мѣсто на отъездъ за границу на продолжительное время, и она должна была оставаться одна и управляться съ нищетою какъ умѣла. Онъ общалъ, правда, высылать ей денегъ изъ своего жалованья; но она знала изъ прежняго опыта, какъ не прочна была эта надежда, и боялась, что какъ попадетъ разъ за границу, — всеобъемлющее, таинственное слово, которое на многія сердца наводитъ безотчетный трепетъ, — то не будетъ въ состояніи, не будетъ ему охоты исполнить обещаніе, и въ воображеніи рисовалось ей уже другое страшилще — рабочій домъ.

— А всего хуже, мисъ Лесли, продолжала она, отеревъ глаза угломъ передника, всего хуже то, что все это устроилось неожиданно. Того и смотри, что завтра же утромъ онъ увидѣть; потому-что господивъ, къ которому онъ поступаетъ, женится, и изъ церкви прямо поѣдетъ въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, а оттуда черезъ нѣсколько дней за границу. Ни минутки не будетъ ему свободной, чтобы побыть со мною, сказать мнѣ слово въ утѣшеніе, или хоть успокоить меня. Кто ѣдетъ за границу, тотъ объ этомъ и не подумаетъ, а каково тому, кто остается? Все, говоритъ онъ, уладилось вчера вечеромъ, и мѣсто-то, говоритъ, такое хорошее! и подлинно мѣсто хорошее, если бъ не то, что онъ долженъ такъ скоро оставить насъ, какъ еще никогда не случалось! и надо же еще, чтобы это было теперь, когда во всемъ такая дороговизна.

— Но Джіованни хорошій человекъ, сказала Джиневра, стараюсь утѣшить ее; онъ не забудетъ тебя и бѣдныхъ дѣтей вашихъ; а если мѣсто хорошее, то тебѣ же лучше, потому-что онъ будетъ больше давать вспомошествованія, чѣмъ когда долженъ былъ наниматься по недѣльно. Какъ называется его новый господинъ?

— А вотъ въ письмѣ сказано, мисъ. Не угодно ли вамъ будетъ взглянуть? — И Бесси вынула изъ кармана измятый листочекъ бумаги, и подала его Джиневрѣ. Пробъжавъ первую страничку, заключающуюся въ однихъ вычурныхъ и безграмотныхъ изъясленіяхъ сожалѣнія, что ему должно было оставить Англію, и въ извиненіяхъ въ томъ, что онъ поспѣшно и не сказавъ ни слова порывилъ дѣло, взоры ея остановились на слѣдующихъ строкахъ:

«Новый господинъ мой — мистръ Невиль. Я видѣлся и сговорился съ нимъ вчера вечеромъ въ отель Мивара; ты должна знать этого мистра Невилія, онъ гостилъ въ Грантли-Мэноръ передъ тѣмъ, какъ я вздѣлъ туда съ мистромъ Варреномъ; мистръ Варрень и доставилъ мнѣ это мѣсто. Онъ завтра идетъ къ вѣнцу, въ церкви святаго Георгія, что на Гановерь-скверъ, и я долженъ быть тамъ въ половинѣ двѣнадцатаго, съ каретою, чтобы ему вѣхать съ молодою женою прямо изъ церкви въ Гестингсъ.»

Въ это мгновеніе на ближайшей колокольнѣ било десять часовъ.

— Отель Мивара!.. мистръ Невиль... Грантли-Мэноръ... идетъ къ вѣнцу... въ церкви святаго Георгія... сегодня... въ этотъ самый часъ .. писано вчера... ѣдетъ за границу!..

О, есть сила въ человѣческомъ тѣлѣ, когда ужасъ возбуждаетъ ее! есть сила въ самыхъ вѣжныхъ членахъ, когда отчаяніе окриляетъ ихъ! Бывали примѣры, что слабыя женщины поднимали непосижимое бремя, перелзали черезъ высокія стѣны, вырывали желѣзные запоры, когда почерпали свою силу въ любви и страхѣ! И ей также, истощенной борьбою съ собственнымъ сердцемъ и съ неправдами людей, достанетъ силы, чтобы бѣжать, достигнуть роковаго мѣста, возвысить голосъ передъ алтаремъ, — или умереть на ступеняхъ его! Она не упала въ обморокъ, не дрожала, даже не поблѣдѣла. Она отдала младенца на руки его матери, и закуталась въ свой платокъ, будто защищаясь отъ холода, — а термометръ стоялъ на двадцати-пяти градусахъ, и солнце пекло надъ ея головою. Съ полминуты стоитъ она, выпучивъ глаза на жену Джіованни, будто хочетъ что-то сказать, и вдругъ бросается въ калитку, и бѣжитъ по проселку, ведущему къ лондонской дорогѣ... Она не идетъ, она бѣжитъ, — летитъ по пыльной тропинкѣ. Тѣло ея дрожитъ отъ ознобу, а голова горитъ, будто въ

опла. Чуждость омнибусъ, и не успевъ остановиться, какъ она уже сидитъ въ немъ. Тутъ начинается ей страданіе во всей своей силѣ. Пока она шла пешкомъ, она не чувствовала его; теперь же ей кажется, что лошади едва передвигаютъ ноги, а лихорадка бьетъ во всехъ ее жилахъ. Вотъ омнибусъ остановился, чтобы посадить еще пассажира. Она думаетъ, что сойдетъ съ ума. При каждой остановкѣ кровь съ силою бросается въ голову, и опять отливаетъ къ сердцу. Багровое пламя на щекъ ея становится все гуще и гуще; блескъ ея глазъ пропасть, ихъ замолкло тусклою влагою. Она ничего не мыслитъ, ничего не видитъ, ничего не чувствуетъ, кромѣ того, что готово совершиться преступленіе, что она умираетъ, а дорога будто растягивается передъ нею. Все слилось для нея въ одной цѣли, къ которой она стремится, въ страхъ, который давитъ ея мысли и чувства, въ странной силѣ отчаяннаго страданія, которая одна поддерживаетъ ее. Она идетъ, и каждая оснуда кажется ей минутою, каждая минута — часомъ, а часъ — вѣчностью невыносимой тоски... Опять остановился омнибусъ, она сжимаетъ руки и ломаетъ ихъ съ отчаянія. — Вы куда спешите? что съ вами? — раздается грубый голосъ подлѣ нея. Она не отвѣчаетъ ему, но онъ взглянулъ ей въ лицо, и понявъ, что каждое промедленіе убиваетъ ее. — Есть у васъ деньги на кабріолетъ? дождете скоро! — Въ эту минуту проезжаютъ они мимо извозничьей биржи — она бросается изъ омнибуса, и подаетъ кондуктору, напоминающему ей объ уплатѣ, свой кошелекъ; онъ вынимаетъ одинъ шиллингъ, и отдаетъ ей остальное покачивая головою, и поводя значительно пальцемъ по лбу. Она бросается въ ближайшій кабріолетъ, даетъ извознику золотой, и говоритъ сначала едва слышно, а потомъ на вторичный вопросъ его «куда?» кричитъ оглушительнымъ голосомъ: — Къ церкви святаго Георгія, на ГанOVERь-скверъ! — Кабріолетъ трогается, она опускается на колѣни, и прижавшись лбомъ къ передней бесѣдкѣ, молится, чтобъ небо даровало ей поспѣть во время; молитва ея. — молитва безъ образа, безъ словъ, безъ рыданія, безмолвный вопль о милосердіи, стонъ души, вверженной въ бездну страданія! Но Богъ видитъ и слышитъ эту молитву: страданіе ея приближается къ концу. Ей кажется, будто огненные стрѣлы мечутся передъ ея глазами; странные звуки сливаются въ ушахъ ея съ далекимъ грохотомъ грома. Она чувствуетъ въ себѣ какую-то сверхъестественную силу. Она начинаетъ говорить вслухъ... она это знаетъ, но не можетъ остановиться... Она не понимаетъ гдѣ она, и что съ нею, она не слышитъ земли подъ собою, время для нея уже не существуетъ... Кабріолетъ останавливается, она бросается въ церковь, —

дикю озирается кругомъ, — хотеть говорить, идти, вскрикнуть, — потому-что она увидѣла его передъ алтаремъ, — но не можетъ; — дыханіе спирается въ ея груди, и она можетъ только протянуть къ нему руки. — Онъ обернулся, увидѣлъ, узналъ ее, — и вотъ онъ подлѣ нея, беретъ ее подъ руку, и оба пробираются сквозь толпу, идутъ черезъ Гановерь-скверъ къ Оксфордской улицѣ, не помня, что они дѣлаютъ. Онъ прижимаетъ руку ея къ своей груди, но она не отвѣчаетъ на эту нѣмую ласку; онъ говоритъ ей какія-то отрывистыя слова, но она не отвѣчаетъ. Наконецъ онъ спрашиваетъ съ тайнымъ трепетомъ: — Джиневра, слышишь ли меня? — Она выпучиваетъ на него глаза и говоритъ: — «Да» — Гдѣ ты была? откуда ты?.. отвѣчай же, Джиневра? — Она повторяетъ «да!» тѣмъ же страннымъ голосомъ, и смотритъ на него тѣмъ же неподвижнымъ, безмысленнымъ взоромъ.

Смертная блѣдность покрываетъ лицо Невилля. Въ умѣ его мелькнула ужасная мысль — одна изъ тѣхъ мыслей, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ человѣка, и холодный потъ выступаетъ на лбу. А между-тѣмъ они стоятъ на одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ лондонскихъ перекрестковъ; сотни спѣшащихъ пѣшеходовъ толкаютъ ихъ то съ той, то съ другой стороны. Невилль не понимаетъ, какимъ образомъ Джиневра попала сюда; онъ не въ состояніи даже разсудить, что ему дѣлать; а они все идутъ далѣе, и Джиневра все молчитъ, будто не она, а тѣнь ея сопровождаетъ его. Онъ опять начинаетъ говорить съ нею умоляющимъ голосомъ, а она опять отвѣчаетъ тѣмъ же глухимъ, неестественнымъ голосомъ: — «Да».

— Помышана — помышана! думаетъ онъ, и волосы становятся дыбомъ на его головѣ. Онъ чувствуетъ, онъ знаетъ, что онъ свелъ ее съ ума.

Въ это мгновеніе въ немъ соединились все страданія, которыя могутъ накликать на душу человѣка угрызенія совѣсти и отчаянія. Если бѣ ея тутъ не было, онъ можетъ-быть поднялъ бы на себя руку. Но она подлѣ него, и онъ долженъ вести ее въ такое мѣсто, гдѣ они могли бы влечить вмѣстѣ остатокъ своей жизни и своего разума, или, лишенные того и другаго, раздѣлить общую келью или общую могилу. Разлучиться съ нею, пока оставалась еще искра надежды, пережить ее, если послѣдняя надежда потеряна, казалось ему дѣломъ невозможнымъ.

— Поедемъ со мною, милая Джиневра, сказалъ онъ кроткимъ голосомъ, и сдвѣлалъ знакъ извощику, чтобы онъ подъѣхалъ. Она не отвѣчала, но по какому-то инстинкту вскочила въ карету. Онъ велѣлъ ей

бумажку взять къ дому, въ одномъ изъ дальнихъ концовъ Лондона, гдѣ пожилая женщина, бывшая нѣсколько лѣтъ ключницей въ домъ его отца, отдавала комнаты вънаймы; потомъ, опустивъ сторы кареты, онъ взялъ жену въ свои объятія и прижалъ ее къ сердцу. Она старалась высвободиться, и опять опустилась, какъ прежде, на колѣна, склонивъ голову на руки, безъ всякаго признака чувства, кромѣ глупаго стону, обнаруживавшаго такое глубокое страданіе, котораго нельзя описать ни какими словами. Когда они проѣзжали мимо какой-то церкви, часы пробили двѣнадцать. При первомъ ударѣ она подняла голову и вскричала: — Поздно, поздно! — и судорожно сжала свернутую бумажку, бывшую въ ея рукахъ. Эдмундъ вытащилъ бумажку изъ ея пальцевъ; это было письмо Джіованни; оно открыло ему половину загадки. Онъ тотчасъ понялъ, что писавшій перемѣшалъ двоюроднаго брата его съ нимъ самимъ, и что это подало поводъ къ роковой ошибкѣ. Однако не могъ онъ понять: какимъ образомъ Джиневра очутилась въ Англіи? какъ и когда она возвратилась? или не помѣшалась ли она еще до отъѣзда отца за границу, и бѣжала отъ тѣхъ, кому была ввѣрена? Сердце его сжалось при этой мысли; но письмо опровергало это предположеніе. Ужасна пытка, которая терзала въ эту минуту душу Эдмунда. Онъ женился на двувѣнкѣ, которую любилъ, которую обожалъ и теперь, — и самъ свелъ ее съ ума! не такъ преступно было бы зарѣзать ее. Когда-то она говорила ему: — Какъ будешь ты отвѣчать въ день страшнаго суда за душу, которую ты ввергаешь въ гибель? — Душа ея, благодаря Творцу, который поддерживалъ ее, не была побѣждена въ этой страшной борьбѣ; но онъ не зналъ и этого. Гдѣ была она? что она дѣлала? куда шла она? какое намѣреніе, или какой случай привелъ ее къ нему въ часъ возмездія? онъ ничего не зналъ; ничего, кромѣ того, что она была подлѣ него, и что жизнь едва билась въ ней, и разумокъ ея угасъ.

Когда карета остановилась передъ домомъ мистрисъ Аткинсонъ, и водовозка опустилась, онъ схватилъ Джиневру на руки, и взнесъ ее по лѣстницѣ, къ крайнему изумленію старой ключницы, которая молча смотрѣла на него, и не могла понять, что все это значило.

— Отвори дверь! вскричалъ онъ повелительнымъ голосомъ, когда они взошли на лѣстницу; дверь отворилась, онъ внесъ Джиневру въ комнату и положилъ на постель. Нѣсколько минутъ оставалась она недвижимна въ томъ положеніи, какъ онъ ее положилъ. Онъ снялъ съ нея шляпку; одинъ локонь случайно запутался за бархатецъ, бывшій на ея шеѣ, и выдернулъ его съ груди ея. Она вздрогнула, схватила обручальное кольцо, и машинально старалась опять спрятать его. Не

виль видѣлъ это, и Богу известно, что онъ почувствовалъ; онъ снялъ кольцо съ ленточки, надѣлъ его ей на палецъ, и прижалъ свои горящія уста къ рукѣ, которая безсознательно лежала въ его рукѣ. Затѣмъ онъ вышелъ, чтобы отправить двухъ гонцовъ, одного за врачомъ и за своимъ слугою, а другаго къ сестрѣ, сказать ей, что важныя обстоятельства отозвали его, и удержать на некоторое время въ Лондонѣ, но что онъ будетъ писать ей въ Гестингсѣ.

Когда онъ возвратился въ комнату, гдѣ лежала Джиневра, мистрисъ Аткинсонъ остановила его и сказала ему робкимъ голосомъ:

— Мистрисъ Эдмундъ, всѣмъ, что я имѣю, обязана я вашему семейству; этотъ домъ принадлежитъ вамъ болѣе, чѣмъ мнѣ; однако же, мистрисъ Эдмундъ, я должна замѣтить....

— Она умираетъ, Аткинсонъ, умираетъ; а если она умретъ, я несчастный, которому жизнь будетъ проклятіемъ. Помогни мнѣ спасти ее, если хочешь спасти меня отъ ада!

Изумленная и испуганная, старушка последовала за нимъ въ комнату, стала въ ногахъ постели, и черезъ нѣсколько минутъ отвернулаась вся въ слезахъ. Эти молодыя черты, это едва развитое тѣло, длинные черныя рѣсницы на впалыхъ щекахъ, слѣды прошедшихъ страданій, запечатлѣнные среди настоящей безчувственности исхудалаго лица — все это представляло зрѣлище, слишкомъ непохожее на ежедневныя скорби. Эдмундъ обвилъ руки ея вокругъ своей шеи, и прижалъ ее къ груди.

— Джиневра, Джиневра! повторялъ онъ раздражающимъ голосомъ. Она повидимому слышала его, потому-что дрожь прошла по всему ея тѣлу, и она крѣпче прижала его къ себѣ. — Джиневра, — моя Джиневра, скажи одно слово, инептажь онъ ей на ухо. Она вздрогнула, схватила его руки, взглянула на него, пронзительно вскрикнула, и потомъ захохотала, — захохотала тѣмъ страшнымъ хохотомъ, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ, и волосъ становится дыбомъ. Обнаружилась бѣлая горячка, больная впала въ непрерывный бредъ, въ которомъ измѣлились всѣ душевныя страданія, которымъ такъ долго противустояла это слабое тѣло и эта крѣпкая воля. Ужасна была эта мзда Эдмунду Невиллю: стоять у постели больной, и слушать ея бредъ, — испивать до дна эту чашу скорби, и сознавать, что не человеческая рука подносила ее къ устамъ его, что не человеческій судъ постигъ его въ этотъ часъ мести, — а болѣе могучая рука поразила его собственнымъ оружіемъ, и гораздо высшій судья произнесъ его приговоръ черезъ собственныя его уста. Тутъ впервые понялъ онъ, съ какою вступилъ въ единоборство, противопоставивъ свою человеческую волю

совѣсти своего ближняго; впервые постигъ настоящее значеніе войны, которую онъ предпринялъ противъ совѣсти этого юнаго сердца, которое не преклонилось передъ насиліемъ, а пало подъ ударами горести. Онъ повялъ все это, и сталъ молиться; на колыняхъ у постели Джиневры молился онъ, какъ молится челоувѣкъ, когда смерть у него передъ глазами, и ни откуда не видать помощи, какъ молится онъ, когда земля исчезаетъ подъ стопами его, и разверзается передъ нимъ вѣчность. По временамъ, въ бреду горячки, Джиневра поднимала на него взоры, или скрывала лицо на груди его, будто ища на ней защиты, и потомъ вдругъ отступала отъ него въ невыразимомъ ужасѣ, и закрывала лицо горячими руками, какъ будто страшное видѣніе жгло ей глаза. Видъ его, и его слова любви очевидно наводили на нее ужасъ, который съ каждою минутою усиливался; такъ что когда пріѣхали врачи, они насильно отвели его отъ постели, и на строго запретили ему показываться на глаза, и давать ей слышать свой голосъ. Горесть и тоска его удвоились, когда онъ увидѣлъ себя осужденнымъ сидѣть одинъ въ передней комнатѣ этого мрачнаго дома. Если собственными страданіями искупаются страданія, которыя мы причиняемъ ближнему, то Эдмундъ Невиль искупилъ въ эту ночь всѣ страданія, которымъ онъ подвергалъ свою жену. Всю ночь преслѣдовала его странная мысль о судьбѣ, которая ожидала его, если онъ лишится ея, — а въ лицахъ и рѣчахъ окружающихъ, онъ тщетно старался уловить слабый лучъ надежды! — Лишенный единственнаго существа, которое онъ дѣйствительно любилъ, одинъ, всѣми оставленный, терзаемый тоскою, съ достаточною вѣрою въ дѣйствительность того, для чего она жила и за что умерла, чтобы чувствовать вѣчныя, неотступныя угрызевія совѣсти, но вѣрою, безсильною вырвать его изъ бездны отчаянія, онъ будетъ самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ существомъ, какое когда-либо скиталось по лицу земли! И если эти мучительныя видѣнія на минуту оставляли его, то ихъ прерывалъ только ея голосъ, который звалъ его среди бреду горячки, и заклиналъ его не покидать ее.

Два дня и двѣ ночи провелъ онъ въ такихъ мученіяхъ, какія многіе, — почти всѣ можетъ-быть, — испытали въ большей или меньшей степени, по къ которымъ, въ настоящемъ случаѣ присоединялось невыносимое, и, благодаря небу, не многимъ достигающееся мученіе: упреки преступной совѣсти. Наконецъ онъ узналъ, что горячка начала ослабввать, и что показывались слабые признаки памяти; но съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружались другіе признаки, которые очень встревожили врачей, и они повторили свое настоятельное требованіе, чтобы онъ ни подѣ какимъ видомъ не показывался ей на глаза. Съ тѣмъ

вмѣстѣ они объявили ему, что въ настоящую минуту нельзя было опасаться, чтобы болѣзнь сама по себѣ приняла другой оборотъ, но что всякое постороннее обстоятельство могло имѣть гибельное вліяніе на ея жизнь и разсудокъ.

Когда двое изъ врачей, постоянно находившихся при Джиневрѣ, удалились, докторъ Друри, давно уже знавшій Эдмунда и его семейство, оставившись одинъ, рѣшился освѣдомиться объ имени и званіи больной, и замѣтить, что если у нея есть родственники и друзья, которые пожелаютъ видѣть ее, то не мѣшало бы пригласить ихъ на совѣщаніе, особенно на случай, если разсудокъ ея пострадаетъ отъ воспаленія въ мозгу. Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ въ лицо Эдмунду, и былъ пораженъ его выраженіемъ непомернаго страданія; онъ смутился, при мысли, что затронулъ чувство, котораго глубины никакъ не подозрѣвалъ. Тонъ не совсѣмъ почтительнаго состраданія, въ которомъ былъ данъ совѣтъ, ясно показалъ Эдмунду, какое положеніе Джиневра занимала въ глазахъ постороннихъ; но въ то же мгновеніе, какъ прохлада вѣтерка проносится въ душной стѣнѣ, возникла въ душѣ его мысль, которая на время облегчила его страданіе. Онъ провозгласитъ ее своею женою на смертномъ одрѣ, и на могилѣ ея принесетъ въ жертву всѣ корыстные виды, всѣ земныя надежды. Онъ приведетъ сестру къ ея одру, и съ умирающею супругою на рукахъ, отречется навѣки отъ всѣхъ благъ, которыми онъ недавно еще такъ дорожилъ, и которыя теперь ему ненавистны, какъ цѣна, за которую онъ погубилъ жизнь Джиневры.

— Спасите, спасите ее! кричалъ онъ судорожно, сжимая руку доктора. — Спасите ее, — и меня, если можете!

Онъ не могъ продолжать; волненіе превозмогало его, и горесть его въ первый разъ разразилась потокомъ слезъ. Страшное испытаніе произвело свое дѣйствіе; оно преклонило въ прахъ гордость, которая была довольно сильна, чтобы бороться со смертію, но не могла противустать угрызениямъ совѣсти въ виду смерти; непокорный духъ смирился въ неравномъ бою, и желѣзная воля смягчилась въ горниль горести. Въ прерывистыхъ словахъ поручилъ онъ Джиневру попеченіямъ доктора Друри и мистрисъ Аткинсонъ, и собрался со двора въ первый разъ съ того времени, какъ онъ вступилъ въ этотъ домъ съ женою на рукахъ. Но онъ сперва подошелъ къ дверямъ комнаты, гдѣ лежала Джиневра, упалъ на колѣна на порогъ, и закрылъ лицо руками, а потомъ протянулъ руки къ постели, съ трудомъ удерживая рыданія, которыя спирались въ груди его. Онъ слышалъ какъ она въ безпокойномъ снѣ шептала его имя; видѣлъ, какъ потомъ она за-

дрожала всѣмъ тѣломъ, и будто боролась съ какою-то невидимого опасностью. Она судорожно обняла одинъ изъ столбовъ кровати, и такъ крѣпко ухватилась за него, что сидѣлка съ трудомъ могла разнять ея руки; наконецъ, истощенная усиліями, она опять упала на подушки, и лежала неподвижная и блѣдная какъ мраморное изваяніе смерти. Докторъ поспѣшилъ вывести Эдмунда изъ комнаты. Выходя, Эдмундъ обратился къ нему и сказалъ глухимъ голосомъ :

— Я ворочусь черезъ нѣсколько часовъ и, можетъ-быть, найду ее уже — умирающею. — Тутъ голосъ его прервался отъ горести; однако же онъ пересилилъ ее, и продолжалъ : — Вы говорите, что я еще увижу ее; я знаю, что вы не станете съ умысломъ обманывать меня, но вы можете ошибаться сами. Если она проснется и опомнится, — и если настанетъ — послѣдній часъ ея — безъ меня, скажите ей, что я говорилъ вамъ, что она моя жена, — что я любилъ ее, — что я буду любить ее и не измѣню ей — до гроба. Что — если небо отниметъ у меня благо, котораго я — въ безразсудствѣ своемъ сдѣлался недостойнъ, — вся жизнь моя будетъ искупленіемъ моего грѣха, — долгимъ или короткимъ, смотря потому, какъ опредѣлитъ правосудіе или милосердіе неба. Скажите ей, что ея и мои родные, что весь міръ узнаетъ, — что я любилъ ее, женился на ней, — что я обожалъ ее, но растерзалъ ея сердце и убилъ ее — что она была ангель, а я — ея мужъ, — изв... — Нѣтъ, не говорите ей, что я такое; она знаетъ сама; а скажите ей, что теперь я самъ это чувствую, — что я ненавижу себя. О ней говорить ничего, — она не возненавидитъ меня, — только берегите ее, спасите ее, если можете. — О Боже, что будетъ со мною, если она умретъ?... проклять какъ Каинъ! — но Каинъ не любилъ брата... Докторъ, видали ль вы человека, который любилъ бы женщину, и — убилъ ее?

Докторъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него, едва понимая смыслъ этихъ безсвязныхъ рѣчей; но, желая поскорѣ доставить больной болѣе надежный надзоръ, торопилъ Эдмунда ѣхать, и увѣщевалъ его немедленно созвать всѣхъ близкихъ ей. Большую часть того, что онъ слышалъ, считалъ онъ бредомъ горести, доведенной упреками совести до нѣкотораго рода помѣнательства; поэтому, пожалъ дружески руку Эдмунду, онъ простился съ нимъ, не стараясь получить болѣе точныхъ объясненій на счетъ его загадочнаго сообщенія.

Когда Эдмундъ очутился въ коляскѣ, запряженной четвернею, на дорогѣ въ Гестингсъ, гдѣ сестра его находилась съ мужемъ, онъ не могъ опомниться отъ странности своего положенія, не могъ составить

себя опредѣлительнаго понятія ни о чемъ, кромѣ зрѣлища, которому онъ былъ свидѣтелемъ, и къ которому влекло назадъ его сердце. Во всѣхъ чувствахъ его совершился такой переворотъ, что онъ почти не узнавалъ себя; всѣ опасенія, надежды, страданія его были такъ несходны съ прежними. Гордость и стыдъ почти не существовали для него; они были поглощены другими, болѣе глубокими ощущеніями. Онъ почти не смѣлъ смотрѣть ни назадъ ни впередъ; онъ чувствовалъ себя въ положеніи чловѣка, который претерпѣлъ кораблекрушеніе на бурномъ морѣ, и послѣ продолжительной борьбы, отпустилъ доску, за которую онъ хватался съ отчаяннымъ упорствомъ. Онъ еще держится на волнахъ, но уже не борется съ ними; безсильная борьба не могла бы спасти его; подъ нимъ открывается бездна, а надъ нимъ небо, черное, мрачное, заволоченное грозными тучами, но не совсемъ скрытое отъ его умирающаго взора.

Былъ прекрасный осенній день; солнце сіяло въ полномъ своемъ блескѣ и разливало повсюду радость и счастье. Это было во время собиранія хмѣлю; вездѣ являлись толпы работниковъ, и земля, казалось, улыбалась своему изобилію. Когда кому изъ работниковъ или безпечныхъ прохожихъ, заглядывавшихъ въ коляску, быстро проносившуюся чрезъ оживленныя деревни и роскошныя поля и огороды, удавалось замѣтить мелькомъ лицо сидѣвшаго въ ней чловѣка, невольный вздохъ вылеталъ изъ груди его; потому-что на лицѣ этомъ видѣли они печать такого страданія, какое не часто дается испытать или видѣть. Наконецъ растягивающіяся тѣни возвѣстили приближеніе вечера; въ виду показался Гестингсъ, и вскорѣ за тѣмъ коляска подвѣхала къ дому мистрисъ Невиль.

Мистрисъ Невиль была одна, и вздрогнула, когда чловѣкъ доложилъ ей о братѣ; впрочемъ она вышла ему на встрѣчу, и въжливю, но холодно подала ему руку. Однако же онъ казался такъ разстроенымъ, что она почувствовала невольную жалость и безпокойство; но не врываясь давать волю своимъ чувствамъ, она спокойно съѣла на прежнее мѣсто и заговорила о самыхъ незначущихъ вещахъ. Эдмундъ не отвѣчалъ ни слова; стоялъ прислонившись къ камину, и, казалось, вовсе не замѣчалъ ея присутствія.

— Я пошла сказать Чарльзу, что ты здѣсь, сказала она наконецъ, и встала, чтобы дернуть колокольчикъ; Эдмундъ остановилъ ея руку, и сказалъ отрывисто:

— Неужно; выслушай меня, я не могу оставаться съ тобою больше нѣсколькихъ минутъ — жена моя умираетъ.

Мистрисъ Невиль не сказала ни слова, а только вздохнула съ усмѣшкою, и всплеснула руками. Онъ продолжалъ торопливо:

— Ты можешь догадаться, зачѣмъ я здѣсь. Я пришелъ просить у тебя прощенья, потому-что я обманулъ и ограбилъ тебя...

Мистрисъ Невиль сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но онъ продолжалъ, не обращая вниманія:

— Я уже болѣе году женатъ на дочери полковника Лесли. Она католичка. Остальное ты знаешь сама.... Ты не можешь ненавидѣть и презирать меня болѣе, нежели я самъ ненавижу и презираю себя.

Онъ закрылъ лицо рукою, и прислонился къ камину. Она съ минутою смотрѣла на него въ раздумьи; потомъ приблизилась къ нему, положила руку на его плечо, и сказала: — Братъ!

Онъ бросился въ ея объятія, и оба горько плакали.

— Простишь ли ты меня, Анна? шепталъ онъ.

Она прижалась лбомъ къ его плечу, и опять залилась слезами.

— Ты простила бы меня, если бъ знала, какъ я несчастенъ, какъ я страдаю: — она больна при смерти.

— Гдѣ она, Эдмундъ?

— У мистрисъ Аткинсонъ. Я отвезъ ее туда въ день твоей свадьбы... Въ ту минуту, какъ я такъ поспѣшно отошелъ отъ тебя, она предстала мнѣ, будто привидѣніе; я видѣлъ ее въ дверяхъ церкви, и когда я подошелъ къ ней, она не могла говорить, не могла жаловаться, — она была помѣшана. Одному Богу известно, что я выстрадалъ съ той минуты.... Анна, ты никогда не представишь себѣ тѣхъ страданій, которыя я вынесъ....

Анна провела рукою по лбу брата, и въ глазахъ ея стало темно отъ слезъ: много сѣдыхъ волосъ было въ этихъ кудряхъ, которые за три дня были черны какъ вороново крыло.

— Мнѣ все равно, что ни будетъ со мною! продолжалъ онъ, мѣля привела къ тебѣ, — не нищета, не жажда истины, не раскаяніе, — а горестъ! — Горестъ такая глубокая, такая мучительная, такая необъятная, что вся блага земли теперь для меня — ничто.... Но я знаю, что ты простишь меня; продолжалъ онъ, прижимая руку ея къ своимъ губамъ; знаю, что ты сострадаешь мнѣ, не смотря на то, что я обманщикъ!

— Братъ, братъ! вскричала она, и скрыла лицо на груди его; потомъ подняла голову, и сказала задумчиво: — Теперь открылся ты, когда могъ бы сохранить молчаніе навсегда!

— Молчать теперь?... О Анна, ты не знаешь ея, — не знаешь,

что я сдвѣла!... И если лишусь ея! я не перенесу этой утраты... а она почти неминуема!

Онъ задрожалъ, и упалъ въ кресло, закрывъ лицо руками. Анна стала на колѣна подлѣ него, и спросила трепещущимъ голосомъ:

— Какъ же попала она въ Англiю? — вѣдь отецъ ея и сестра уехали за границу!...

— Не знаю, Анна, ничего не знаю. Я встрѣтилъ ее, въ бреду горячки; не знаю милосердіе или кара небесная послала ее умереть на моихъ глазахъ. Ничего не знаю, кромѣ того, что она умираетъ, и что въ головѣ моей нѣтъ живой мысли, и сердце мое ноетъ....

Анна тяжело вздохнула. Въ умъ ея роились чудныя мысли о томъ, какъ не похожи пути Божьи на пути человѣческіе, и что люди своими неправдами искажаютъ то, что небо начертало на благо имъ; что невидимое Провидѣніе разрушаетъ, на кару или на милосердіе, расчеты человѣческихъ страстей; что ложь воздвигаетъ препятствія на прямомъ и гладкомъ пути, и слѣпое своеволие само лишаетъ себя предназначавшагося ему блага. — Но она не говорила этого, а сказала только: — Тебѣ будетъ оказано милосердіе, потому что твои страданія велики!

Въ это мгновеніе вошелъ ея мужъ. Жгучая краска выступила на челъ Эдмунда, судорожное движеніе прошло по всему лицу его. Однако же онъ подошелъ къ двоюродному брату и пожалъ ему руку; потомъ, обращаясь къ сестрѣ, сказалъ ей твердымъ голосомъ:

— Да наградишь тебя Богъ, Анна, за оказанное мнѣ милосердіе. Скажи ему, какимъ я былъ низкимъ злодѣемъ, и какъ я теперь страдаю; и молитесь оба за меня... чтобы Джиневра —

Онъ не могъ договорить, и пошелъ къ дверямъ. Анна шепнула нѣсколько словъ на ухо мужу, и потомъ, положивъ руку на руку брата, сказала ему съ кроткимъ участіемъ:

— Я ѣду съ тобою, Эдмундъ. Подожди немного, я только одѣнусь. Чарльзъ поѣдетъ за нами черезъ нѣсколько часовъ.

Эдмундъ вѣжно обнялъ сестру; надежда ожила въ его сердцѣ. Когда она взяла его руку, чтобы идти, ему показалось, что небо сжалось надъ нимъ. На минуту она отвела мужа въ сторону, и шепнула ему:

— Не сказать ли теперь?

— Это должна ты разсудить сама, отвѣчалъ сэръ Чарльзъ.

Черезъ минуту Анна уже сидѣла въ коляскѣ брата, и они быстро неслись къ Лондону.

Открытіе этого дня не столько поразило Анну и ея мужа, само по

себя, сколько поразили ихъ сопровождавшія его обстоятельства; потому-что они давно уже подозрѣвали истину.

XI.

Джиневра нѣсколько часовъ была погружена въ глубокой сонъ, и только черезъ часъ или полтора по отъѣздѣ Эдмунда въ Гестингсъ, открыла она глаза и стала въ безмолвномъ изумленіи осматриваться вокругъ себя. Наконецъ взоры ея остановились на старушкѣ, которая всю ночь просидѣла у ея постели, и которой черты были ей незнакомы. Она была еще такъ слаба, что не могла говорить, — едва даже мыслить. Мистрисъ Аткинсонъ, которой сердце, вопреки ей самой, мало-по-малу смягчилось до живаго участія къ бѣдной страдалицѣ, наклонилась надъ нею, и сказала ей, стараясь ее успокоить:

— Легче ли вамъ, моя милая?

Джиневра опять открыла глаза, и съ недоумѣніемъ взглянула ей въ лицо; она была очевидно въ памяти. Потомъ, поднявъ съ трудомъ свои исхудалыя руки къ головѣ, она оцупала виски, и не находя на нихъ волосъ, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Развѣ я сходила съ ума? спросила она слабымъ голосомъ.

— О нѣтъ, моя милая, это только горячка; теперь все прошло, и...

— Прошло? спросила она громче, и осматривая со страхомъ окружающіе ее предметы. — Нѣтъ, не прошло, здѣсь все такъ странно, незнакомо. Гдѣ я? — или я помѣнана? — отвѣчайте. — О, какъ жемить голову! Кто привелъ меня сюда!

— Успокойтесь, моя милая, успокойтесь, и постарайтесь опять заснуть. Доктора говорятъ, что вамъ не должно говорить и напрягаться, отвѣчала мистрисъ Аткинсонъ, боявшаяся, и очень основательно, прозвнестн имя Эдмунда.

— Кто привелъ меня сюда? повторила Джиневра, стараясь приподнять съ подушки отяжелѣвшую голову.

— Добрые люди, ваши друзья. Да полноте беспокоиться, усните лучше.

Мистрисъ Аткинсонъ столько же успѣла бы, если бъ захотѣла приказывать волнамъ морскимъ улечься, или вѣтру утихнуть.

— Кто привелъ меня сюда? Кто стоялъ одну ночь у меня въ ногахъ? Кто всю прошлую ночь плакалъ въ сосѣдней комнатѣ? Я слышала. А давеча, кто стоялъ на колыняхъ въ дверяхъ, и звалъ меня съ собою? .. Но я не могла, — не могла.

— Успокойтесь, моя милая. Это былъ мистръ Невиль; онъ приходилъ провѣдать васъ.

— Провѣдать меня! Что все это значить? гдѣ я? кто я? что со мною? что онъ со мною сдѣлалъ? гдѣ отецъ и сестра? мнѣ странно—странно. Что это за домъ? чей это домъ? и вы кто?

— Я мистрисъ Аткинсонъ, ваша няня. Это мой домъ. Да не дрожите же такъ; чего вамъ такъ бояться, сударыня? Смотрите, на васъ никуда нѣтъ отъ страха. Не прочесть ли за васъ молитвы?

Джиневра протянула слабую руку, — схватила руку старушки, и сказала едва слышимымъ голосомъ

— Благодарю за это слово. Теперь я могу вѣрить вамъ. — Но мнѣ кажется, я умираю — я такъ слаба, въ головѣ такой туманъ! пошлите за священникомъ, — за —

Она не могла договорить, но показала сидѣлкѣ небольшое распяtie, бывшее у нея въ рукѣ; и потомъ упала въ изнуренiи на подушку. Мистрисъ Аткинсонъ поспынно позвонила, и прежде всего послала за врачомъ, а потомъ уже принялась размышлять, какъ бы лучше исполнить требованiе Джиневры. По распятiю и по четкамъ, которыя большая имѣла на шеѣ, ясно было, что она католичка, и оставалось одно только затрудненiе: узнать имя и мѣсто жительства какого-нибудь католическаго священника. У сосѣдки, жившей обѣ двери съ мистрисъ Аткинсонъ, была въ услуженiи чернорабочая женщина, католичка; мистрисъ Аткинсонъ обратилась къ ней, и узнала, что при церкви, къ которой она была причислена, одинъ изъ священниковъ иностранецъ, Мистрисъ Аткинсонъ тотчасъ рѣшилась послать за нимъ, потому-что имя Джиневры, и незнакомый языкъ, на которомъ она говорила въ бреду, навели ее на догадку, что больная не Англичанка. Служанка мистрисъ Джонсъ вызвалась сама идти за аббатомъ Россiи. Загачное прибытiе Джиневры въ домъ мистрисъ Аткинсонъ было въ послѣднiе три дня единственнымъ предметомъ разговору во всемъ окологдѣ, и Богъ вѣсть какихъ сказокъ не сплетали на счетъ прекрасной молодой иностранки, которую мистръ Невиль привезъ въ домъ подлѣ 5, и которая сошла съ ума и лежала при смерти у старой его ключницы. Иные утверждали, что онъ отравилъ ее, и говорили, что удивительно и стыдно, что онъ еще не взятъ подѣ стражу. Другiе увѣряли, что какъ скоро она умретъ, тѣло ея будетъ вскрыто, и будетъ произведено съядствiе; и что тогда много чудныхъ дѣлъ выйдеть на свѣжую воду. И некоторыя рассказывали, что въ этотъ самый день поутру мистръ Невиль бѣжалъ изъ дому и ускакалъ на почтовыхъ; и что садясь въ коляску, онъ былъ такъ блѣденъ и встревоженъ, какъ

будто вся полиція неслась по пятамъ его. Конца не было толкамъ о немъ и о мистрисъ Аткинсонъ; многіе добрые люди дивились, какъ она не вытолкала эту бродягу за дверь, и пророчили ей, что впредь ни какой порядочный человекъ не захочетъ ногой ступить въ домъ ея. Другіе отвѣчали на это, что вѣроятно мистръ Невиль щедро наградилъ ее за тѣмъ, чтобы она приняла ее; а нѣкоторые даже смутно намекали, что онъ, быть-можетъ, еще щедрѣе наградилъ ее за тѣмъ, чтобы совершенно сбыть несчастную съ рукъ. Одни покачивали головою, и вѣдывали, что она живая не выйдетъ изъ дому, а другіе рассказывали за тайну, что она бѣжала изъ Бедлама, куда родственники посадили ее для предупрежденія бѣды. Съ головою, набитою всеми этими рассказами, но вмѣстѣ съ тѣмъ движимая благочестивою ревностью доставить несчастной страдалицѣ духовное утѣшеніе, въ которомъ она нуждалась, Марта Блонтъ шла скорымъ шагомъ къ католической церкви. Достигнувъ цѣли своего путешествія, она постучалась въ небольшой домикъ, примыкавшій къ церкви; служанка отворила, и объявила, что аббатъ Росси находится въ отлучкѣ на нѣсколько дней, и что англійскаго священника, мистра Коннора, нѣтъ дома, но что онъ долженъ воротиться часа черезъ три. Марта была очень огорчена этою неудачею, и спросила служанку, не можетъ ли она указать ей другаго какого-нибудь священника, потому-что обстоятельства такого роду, что ждать невозможно.

— А бѣдняжка вѣрно при смерти, и пожалуй умереть, и не успѣть даже очистить душу отъ грѣховъ! вскричала мягкосердая Ирландка и принялась въ другой разъ перечислять съ рѣдкою словоохотностью, всѣ причины, почему нельзя ей было отыскивать мистра Коннора по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ собирался быть, и откуда онъ вернется пожалуй не прежде вечера, къ обѣду. Наконецъ счастливая мысль мелькнула въ ея головѣ, и она тотчасъ сообщила ее Мартѣ. Дня за три, сказала она, приходилъ къ аббату Росси какой-то пріѣзжій священникъ, Италіанецъ, и она слышала какъ онъ говорилъ, что въ то же утро только что получилъ отъ лондонскаго католическаго епископа разрѣшеніе исповѣдовать и давать причастіе въ его епархіи, за тѣмъ чтобъ облегчить нѣсколько приходскихъ священниковъ, заваленныхъ работою. — Вѣрно, прибавила Китти Бройонъ, онъ теперь служитъ обѣдню въ придѣлѣ; ты только подожди немного, или еще лучше, и доброе дѣло сдѣлаешь, — ступай въ церковь, и помолись за бѣдняжку больную; а какъ онъ пойдетъ отъ престола, я ему тотчасъ скажу, а ты проводишь его къ ней; потому-что онъ, къ-сожалѣнію, самъ не найдетъ дороги въ нашемъ широкомъ Лондонѣ, который ужъ подлинно

строены не для привержихъ! развѣ затѣмъ, чтобъ имъ сбиваться съ пути, и учиться нашему языку, спрашивая дорогу.

Когда священникъ вошелъ въ ризницу, и увидѣлъ ожидающихъ его служанокъ, Китти объяснила ему причину прихода Марты. Онъ хорошо понималъ по—англійски, и могъ даже самъ немного говорить. Выслушавъ обстоятельства дѣла, которыя были ему рассказаны со множествомъ прикрасъ, заимствованныхъ изъ толковъ сосѣдей, онъ тотчасъ собрался идти за Мартою. Съ грустнымъ вздохомъ взглянулъ онъ на полученное имъ поутру письмо, въ которомъ его извѣщали о бѣдственномъ и трудномъ положеніи одной особы, которую онъ любилъ, какъ родную дочь; онъ собирался въ этотъ же день отъисхать ее, но обязанности сана принуждали его отложить исполненіе своего желанія; это была одна изъ безпрестанныхъ жертвъ, изъ которыхъ слагается жизнь священника. Невозможно было смотреть на этого старика, не чувствуя себя проникнутымъ глубокимъ почтеніемъ. Въ умномъ лицѣ его выражалось то кроткое, задумчивое спокойствіе, которое всегда есть признакъ цѣлой жизни, бывшей постояннымъ отреченіемъ отъ всякихъ корыстныхъ и себялюбивыхъ цѣлей, попрашеніемъ страстей и стремленіемъ къ добродѣтели. Голова его была похожа на часто встрѣчающіяся головы старцевъ, которыхъ морщиноватые лбы, изсохшія щеки запечатлѣны неземною красотой. Ломаннымъ англійскимъ языкомъ сдѣлалъ онъ проводницъ своей нѣсколько вопросовъ объ особѣ, къ которой онъ былъ призванъ; но она ничего не могла сказать ему кромѣ того, что одинъ богатый молодой человекъ, по имени Невиль, привезъ ее къ мистрисъ Аткинсонъ, самъ пробылъ тутъ до вышшняго утра, призвалъ трехъ докторовъ пользоваться ее, и щедро заплатилъ столярамъ, живущимъ подлѣ, чтобъ они не работали. Она прибавила, что служанка мистрисъ Аткинсонъ входила нѣсколько разъ въ комнату большой, и полагаетъ, что у бѣдняжки долженъ быть на душѣ большой грѣхъ, потому—что она, въ бреду, все спрашиваетъ, знаетъ ли кто—либо кто она, и проситъ никому не говорить; иной разъ она все что—то ищетъ, ощупываетъ шею, и потомъ вдругъ вскрикиваетъ: — Онъ отнялъ его; — отдайте мнѣ, отдайте.

— Господинъ этотъ католикъ? спросилъ священникъ.

Марта отвѣчала, что вѣроятно католикъ; впрочемъ не могла отвѣчать положительно.

— А знаетъ ли онъ, что она послала за священникомъ?

Марта объяснила, что онъ еще съ утра куда—то увхалъ, и что его ждутъ назадъ только къ вечеру; потомъ она указала на домъ, до котораго они между—тѣмъ дошли. Мистрисъ Аткинсонъ стояла въ две-

рихъ, и когда священникъ приблизился къ ней, она приняла его очень възлively, и объяснила ему, что молодая больная, для которой пригласили его, уснула, и что доктора не велѣли ее будить, но что, если ему угодно будетъ подождать въ гостиной, она придетъ уведомить его, какъ скоро больная проснется. Онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ мистрисъ Аткинсонъ оставила его одного, а сама тихонько вошла въ следующую комнату, которая казалась почти темною. Онъ сѣлъ передъ каминомъ, вынулъ изъ кармана молитвенникъ и принялся читать; звѣнный бой старинныхъ часовъ на каминѣ и по временамъ шорохъ шелкового платья мистрисъ Аткинсонъ были единственные звуки, раздававшіеся въ глухой тишинѣ комнаты. Почитавъ некоторое время, онъ закрылъ книгу и сталъ прислушиваться, потому что больная казалась въ бреду, и говорила во снѣ. Странное выраженіе мелькнуло въ лицѣ старика. До слуху его долетѣло нѣсколько итальянскихъ словъ. Онъ всталъ и началъ тихо ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Подходя къ столу у окна, онъ замѣтилъ вещь, которая сильно поразила его; это были четки, когда-то принадлежавшія ему; онъ ихъ узналъ, онъ не могъ ошибиться. Онъ схватилъ ихъ въ одну руку, а другую приложилъ къ виску и мысленно спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы та, которой онъ подарилъ эти четки, отдала ихъ въ чужія руки? Онъ упорно боролся съ мыслью, которая тѣснилась въ умъ его; пытался отогнать ее молитвою; но ни усилія, ни молитва, ничто не помогало. Мысль принимала опредѣленный образъ, росла, наступала, одолевала его. Въ это мгновеніе вошла мистрисъ Аткинсонъ, и сказала: — Проснулась, и кажется довольно спокойна, хотя трезвычайно слаба. Не угодно ли вамъ войти къ ней?

Старикъ всталъ и пошелъ къ дверямъ. Одинъ слабый лучъ прорывался въ комнату больной сквозь притворенный ставень, и бросалъ едва примѣтный свѣтъ на коверъ. Подлѣ кровати стоялъ стулъ; старикъ приблизился къ нему, и стоялъ въ этой почти темной комнатѣ, съ отуманенными глазами и сильно бьющимся сердцемъ. Больная сказала. — Отецъ, благословите! — но такимъ слабымъ голосомъ, что онъ не слышалъ словъ, а угадывалъ только, что это приглашеніе начать священный обрядъ, для котораго онъ былъ призванъ. Она закрыла лицо руками, и онъ торжественно произнесъ благословеніе. Услышавъ этотъ голосъ, она задрожала; дыханіе ея остановилось, она протянула руки, и вскричала: — Отецъ! — и лишилась чувствъ. Когда она опомнилась, мистрисъ Аткинсонъ стояла подлѣ нея и терла ей виски. Взоръ ея искалъ отца Франческо, и встрѣтился съ его спокойнымъ, печаль-

нравъ взоромъ. Лучъ свѣта между-тѣмъ упалъ на это ложе скорби, — и стыда быть-можетъ, думалъ онъ съ содроганіемъ, — и онъ увидалъ на немъ единственное милое ему существо на землѣ. Теперь ему нечего было бояться другихъ испытаній, потому-что ни жизнь ни смерть не могла послать на него болѣе ужаснаго страданія. Ни въ лицѣ, ни въ сердцѣ его не было ни слѣда гнѣва; въ нихъ была одна глубокая горестъ, одно безграничное состраданіе! Слезы медленно струились по впадинѣмъ щекамъ Джиневры. Она взяла его руку, и онъ не отдернулъ ея. Два раза тщетно пытался онъ говорить; наконецъ сказалъ: — Да благословить тебя Господь, дочь моя! Ты была утрачена, но теперь вновь отыскана. Если велики твои прегрѣшенія, ничто не оравнится съ безконечностью милосердія Божія! — Джиневра прижала руку ко лбу, и какъ прежде въ бреду, стала съ безпокойствомъ искать ленточки на шеѣ. Взоръ ея нечаянно упалъ на палецъ, на который Эдмундъ надѣлъ ея обручальное кольцо. Слабый румянецъ заигралъ на щекахъ ея. Она сдѣлала знакъ отцу Франческо, чтобы онъ наклонился къ ней, и икнула ему: — Я много согрѣшила, но не въ томъ, что ты полагаешь. Отецъ — я замужемъ, и умираю оттого, что не хотѣла отречься отъ своей вѣры.

Отецъ Франческо поднялъ взоры къ небу, и слезы благодарности заблестали на глазахъ его; онъ отвѣчалъ торжественнымъ голосомъ: — Довольно, я вѣрю тебѣ, дитя мое. И если люди обманули тебя, Богъ приметъ тебя въ свое лоно!

Джиневра опустилась опять на подушку, держа руку его въ своихъ рукахъ, и нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; она была слишкомъ слаба, чтобы много говорить въ одинъ приемъ. Старикъ смотрѣлъ на блѣдное лицо ея, жалъ ея слабую руку, и въ душѣ благодарилъ небо. Какое ему дѣло теперь, что свѣтъ, быть-можетъ презираетъ ее, что отецъ отрекся отъ нея, когда онъ слышалъ изъ устъ ея это утѣшительное слово.

Хотя юная жизнь ея была подкошена, и она сходила въ могилу на зарѣ дней своихъ, хотя цвѣтъ, распустившійся подъ сѣнью его старости, завялъ въ одну ночь, и умиралъ прежде вѣковаго дерева, служившаго ему некогда оградой, — однако же небо разверзлось, чтобы принять ее; собственное его долгое странствіе клонялось къ концу, и оба они приближались къ странъ, гдѣ прекращается сила змыкъ, и гдѣ находятъ успокоеніе усталые. Когда Джиневра не много отдохнула, она рассказала ему, съ разстановками, всѣ подробности своей жизни, и онъ могъ изъ этихъ обрывочныхъ рѣчей со-

ставить себѣ некоторое понятіе о положеніи, въ которое она была поставлена, хотя свиданія эти были еще слишкомъ недостаточны, чтобъ вполне и съ точностью определить его. Онъ сильно подозревалъ, что невинность ея была жертвою обмана, и несмотря на все свое христіанское милосердіе, не могъ безъ оудраганія помышлять о предстоявшемъ ему свиданіи съ челоуькомъ, обманувшимъ и погубившимъ ту, которую онъ оставилъ чистою, беззаботною, счастливою, а теперь находилъ умирающею и оозоренною. Онъ желалъ бы, не теряя минуты, вывести ее изъ этого дома; но какъ это было невозможно, то онъ рѣшился не отходить отъ нея, блюсти ее до послѣдняго вздоха, подкрѣплять ее на пути черезъ мрачную долину смерти всеми священными нособіями, которыя предлагаетъ религія, сдать ее только самому Богу, — и потомъ удалиться, и доверить предназначенный ему путь, не имѣя ни одной земной заботы или радости, которая могла бы бросить тѣнь или лучъ свѣта на послѣдніе дни его.

Къ ночи Джиневра стала быстро слабѣть; но вмѣстѣ съ тѣмъ разсудокъ ея становился свѣжѣе, и память тверже. Докторъ захватилъ еще разъ, и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на часы, будто разсчитывая время, къ которому Эдмундъ могъ возвратиться. Онъ долго говорилъ вполголоса съ мистрисъ Аткинсонъ, и далъ ей разныя наставленія на-счетъ больной; въ случаѣ же какой-либо перемѣны, велѣлъ немедленно прислать за нимъ. Онъ совѣтовалъ также, чтобы больная поспѣшила совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ, потому-что она съ минуты на минуту могла снова впасть въ прежнее забытѣе.

Священный обрядъ совершенъ. Тотъ, кто принялъ первую исповѣдь Джиневры, принялъ и послѣднюю, и никогда еще слово отпущенія не слодило въ ея сердце съ такою святою силою, какъ въ этотъ часъ, когда жизнь угасала, и разверзалась передъ нею вѣчность. Она причастилась въ послѣдній разъ, собороалась, — и душа ея окрѣпла въ послѣдней борьбѣ, и заря другаго міра засіяла передъ ея взорами. Нѣкоторое время казалось, будто силы ея возвращались; она протянула руку престарѣлому священнику, и знакомъ просила его състь подлѣ нея. Онъ приблизился, и она склонила голову, съ умиленіемъ принимая благословеніе, потомъ, поднявъ голову, и устремивъ на него взоры, сказала тихимъ, но яснымъ голосомъ:

— Отець: я скоро умру; я чувствую, знаю, что послѣдній часъ мой близокъ. И никогда не благодарила я Бога ни за какое земное благо такъ усердно, какъ за это. Но одну просьбу еще имѣю я къ тебѣ;

и если ты меня любишь, — а я знаю, что ты меня любишь, прибавила она, между-тѣмъ, какъ слезы струились по высохшимъ щекамъ старика, — ты выслушаешь, ты исполнишь ее. Я замужемъ, отецъ, я замужемъ, Эдмундъ Невиль мой мужъ. Я видѣла его здѣсь, въ ногахъ моихъ, подлѣ меня. Рука его обнимала меня; я чувствовала поцѣлун его на своей щекѣ, чувствовала слезы его на своемъ лбу. Онъ воротится, — онъ придетъ еще разъ къ этой постели; — не знаю когда, сегодня ли, завтра ли, или еще поздне, но я знаю, что онъ придетъ еще разъ взглянуть на ту, которую онъ когда-то любилъ, просить прощенія съ моихъ устъ, — прощенія умершей, — и некому будетъ сказать ему: «Она благословила тебя; она молилась за тебя; она любила тебя до послѣдняго вздоху!» Отецъ, будь здѣсь, когда онъ придетъ, — ты долженъ быть здѣсь; — не правда ли, отецъ, ты будешь здѣсь?... не отворачивайся....

— Я буду молиться за него, дочь моя, отвѣчалъ старикъ, дрожащимъ голосомъ.

— О, ты долженъ благословить его, отецъ, — обѣщай мнѣ благословить его, или я не умру спокойно! Скажи ему, что я никогда не любила никого кромѣ его. Онъ полагалъ, что я разъ ослушалась его, — но онъ ошибался, я ни разу не ослушалась его. Скажи ему, — и отдай ему это, чтобы онъ хранилъ на память. — Она сняла съ пальца кольцо, которое столько разъ орошала слезами. — Съ нашего брака, кольцо это всегда хранилось на моемъ сердцѣ. Я никому кромѣ тебя не говорила, что я замужемъ, и что онъ мой мужъ. Не знаю зачѣмъ я здѣсь; кажется мнѣ только, что я вдругъ лишилась разсудка, и что тогда меня привезли сюда. Утѣнь отца моего и сестру. Скажи имъ, какъ я любила ихъ, но не говори, что я была замужемъ — если только ты не будешь обязанъ, не будешь принужденъ, — Голова моя тяжелеетъ — мысли мои мутятся! — Но если родныя мои любить меня, то пусть будутъ милосерды къ Эдмунду! — Не прерывай меня, отецъ, мнѣ надо еще поговорить съ тобою; — скоро я успокоюсь — а теперь выслушай меня: увѣщаніями, молитвами, слезами своими, — памятью той, которую онъ такъ пламенно любилъ, памятью всего, что я выстрадала, и твердой вѣры, съ которою я умираю, — обрати его къ покаянію, къ надеждѣ, къ истинѣ. Будь милосердъ къ нему; и если когда-нибудь наступитъ день, когда онъ увидитъ истину, какъ я вижу ее, — какъ ты видишь ее отецъ, — скажи ему, что я въ часъ смерти предвидѣла это, и возрадовалась....

При послѣднихъ словахъ лицо Джиневры озарилось небесною ра-

достью. Она возвела взоры къ небу, и нѣсколько минутъ оставалась неподвижно въ этомъ положеніи; потомъ она впала въ совершенное забытiе, и мистрисъ Аткинсонъ поспѣшила послать за докторомъ.

Два часа спустя послѣ того, когда отецъ, отлучавшійся на нѣсколько минутъ домой, возвратился, онъ нашелъ въ гостиной незнакомую даму, въ глубокомъ траурѣ, въ лицѣ и движеніяхъ которой выражались сильное безпокойство и состраданіе. Увидѣвъ его, и взглянувъ на его одежду, она встала, и сказала спокойнымъ и почтительнымъ голосомъ :

— Позвольте спросить, не вы ли тотъ священникъ, который напутствовалъ къ смерти жену моего брата?

— Старецъ устремилъ на нее пристальный, пронизательный взоръ и отвѣчалъ такимъ голосомъ, что сердце ея забилося, какъ будто она была сама виновная :

— Я самъ. Гдѣ братъ вашъ?

— Тамъ, сказала она, указывая соседнюю комнату, и заливаясь слезами; — тамъ, сокрушается надъ безчувственнымъ тѣломъ жены: — однимъ часомъ раньше, и онъ могъ бы выпросить у нея прощеніе.

— Она простила его, отвѣчалъ онъ съ участіемъ. Последнія слова ея призывали благословеніе на его голову.

— Благодарю тебя, Боже! вскричала мистрисъ Невиль съ живостью. — Если бъ могъ кто-нибудь сказать ему это! Я не смѣю подойти къ нимъ — продолжала она, дрожа всѣмъ тѣломъ, — въ его горести есть что-то такое страшное! Онъ точно помышанный. Не войдете ли вы? поговорите съ нимъ.

Отецъ Франческо подошелъ къ Эдмунду, который стоялъ на колыняхъ передъ постелью, тронулъ его слегка по плечу, но едва не отступилъ, когда тотъ обернулся къ нему, и онъ увидѣлъ его изступленное отъ раздражающей горести лицо.

— Оставьте меня, шепталъ онъ. — Оставьте насъ. Вамъ здѣсь нечего дѣлать. Вы находились при ней, когда она была въ памяти, и доставили ей всѣ утѣшенія, какія имѣете въ своей власти. Для убійцы ея нѣтъ утѣшеній. Мнѣ ничего не остается, кромѣ этихъ последнихъ минутъ, въ которыя я могу держать ее въ своихъ объятіяхъ — не мѣшайте же намъ. Вы не знаете, что такое горестъ; вы можете-быть видали, но не испытывали ее; иначе вы не могли бы видѣть смерть этого ангела, и остаться равнодушнымъ. — Но я забываю — вы вѣдь не убили ее! —

Онъ наклонился надъ нею, и вперилъ взоръ въ лицо ее, какъ буд-

то хотѣлъ напряженіемъ этого взора удержать угасающую въ ней жизнь. Онъ прижалъ голову ея къ своей груди, и не говорилъ болѣе ни слова; священникъ стоялъ на колыняхъ въ ногахъ кровати; немного погодя и Анна Невиль тихонько вошла въ комнату, стала на колѣни подлѣ старика, и оба безмолвно, но усердно молились. Такъ прошла, часъ за часомъ, почти вся ночь. Сидѣлка то входила, то выходила; докторъ стоялъ у кровати. Эдмундъ не двигался, — малѣйшее движеніе могло бы обезпокоить ее; онъ желалъ бы прекратить бѣшеніе своего сердца; ея движеніе было такъ слабо, что онъ даже не слышалъ его. Отъ времени до времени докторъ щупалъ ея пульсъ и подносилъ зеркало къ ея рту: она не трогалась, и невыносимое страданіе раздирало въ эти минуты его душу. Онъ все ждалъ; часъ проходилъ за часомъ, а онъ все ждалъ; молитвы престарѣлаго священника и сестры становились все теплѣе и усерднѣе, а между-тѣмъ показалась уже заря. Докторъ опять подошелъ къ постели, и на этотъ разъ сказалъ: — «Пульсъ сильнѣе». Эдмундъ не трогался, когда произнесены были эти слова, онъ почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ нѣчто острѣе боли и горести; и весь слѣдующій часъ онъ, казалось, страдалъ гораздо большіе прежняго, потому-что обнаружилась переменна, жизнь и смерть колебались на вѣсахъ. Стало восходить солнце, одинъ лучъ прокрался въ комнату, и больная издала слабый стонъ. Докторъ сдѣлалъ знакъ Эдмунду, чтобы онъ опустилъ голову ея на подушку, и поднесъ ей что-то къ устамъ; она проглотила питье, открыла глаза, тотчасъ опять закрыла ихъ, и крѣпко уснула. — Спасена теперь! шепнулъ докторъ, и насильно вывелъ Эдмунда изъ комнаты. Онъ упалъ бы, еслибъ его не поддержали. Столько внезапныхъ, быстрыхъ потрясеній, изнуреніе и бессонница одолевали его силы, и онъ едва не лишился чувствъ. Всю эту ночь онъ провелъ въ напряженномъ ожиданіи, и теперь чувства его бурно вырывались на волю: то онъ плакалъ какъ ребенокъ, то бросался обнимать въ радостномъ восторгѣ сестру, которая тщетно старалась успокоить его.

Съ столь же пламенною, но не столь бурною благодарностью сидѣлъ отецъ Франческо у постели, отъ которой всѣ удалились, кромѣ его. Онъ благословилъ спящую Джиневру, и потомъ всталъ съ мѣста, на которомъ столько страдалъ, и такъ долго молился. Когда онъ вышелъ въ гостиную, Эдмундъ пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ по-итальянски:

— Отецъ, вы всю ночь молились за нее. Я слышалъ, и чувствовалъ это.

— Я болѣе молился за васъ, нежели за мою Джиневру, отвѣчала священникъ; и потомъ прибавилъ просто, но дрожащимъ голосомъ:

— Я дядя ея покойной матери, и пріѣхалъ сюда затѣмъ только, чтобы повидаться, съ нею.

— Отецъ Франческо! вскричалъ Эдмундъ въ сильномъ волненіи.

— Пріѣхалъ повидаться съ нею, повторилъ старикъ; и гдѣ же и въ какомъ видѣ нашель ее?

Эдмундъ закрылъ лицо руками.

— Вы говорили, что она его жена? спросилъ Франческо дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ мистрисъ Невиль.

Эдмундъ вздрогнулъ при этомъ вопросѣ, схватилъ руку священника, и сказалъ торжественно:

— Она моя жена. Простите ли вы меня! простить ли меня Богъ?

Анна взглянула на него со слезами на глазахъ, а отецъ Франческо съ участіемъ пожалъ ему руку. Затѣмъ Эдмундъ воротился на то мѣсто подлѣ постели Джиневры, гдѣ онъ столько страдалъ, и которое теперь занималъ съ сердцемъ, переполненнымъ благодарностью.

Отдохнувъ немного, мистрисъ Невиль рассказала отцу Франческо исторію своего брата и Джиневры, какъ она слышала ее наканунѣ отъ него самого во время провоза ихъ изъ Гестингса. Голосъ ея дрожалъ, когда она говорила о предразсудкахъ, бывшихъ источникомъ всѣхъ ихъ страданій; щеки ея вспыхнули стыдомъ и глаза потупились въ землю при воспоминаніи о нравственномъ малодушіи и преступномъ умолчаніи, которыя должны были остаться пятномъ на душѣ ея брата. Но когда она перешла къ суровому, непреклонному фанатизму своего семейства и прямой душѣ того, который былъ неумышленнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдствій, она смотрѣла прямо и голосъ ея былъ твердъ. Она видѣла пагубныя послѣдствія закоренѣлыхъ предразсудковъ и родовой вражды, и искренно сожалѣла о нихъ; но не краснѣла за тѣхъ, чьи убѣжденія были чистосердечны, и чьи намѣренія были безкорыстны и чисты. Когда пріѣхалъ ея мужъ, она представила ему подробнѣе объяснить отцу Франческо положеніе, въ которое былъ поставленъ Эдмундъ, и обстоятельства, которыя такимъ страннымъ образомъ свели опять Джиневру съ мужемъ, и которыя, свѣдя ее сперва на край могилы, поставили наконецъ въ то положеніе, которое она давно должна бы занять. Отецъ Франческо слушалъ повѣсть ихъ испытаній съ искреннимъ участіемъ, и еще болѣе глубокою благодарностью за то, что его возлюбленная Джиневра вышла изъ нихъ не поколебавшись духомъ. Онъ разсудилъ съ Чарльзомъ Невилемъ, что дол-

но немедленно увѣдомить полковника Лесли о всѣхъ событіяхъ, совершившихся со времени отъезда его изъ Англіи, и съ согласія Эдмунда Невилля въ то же утро былъ отправленъ къ нему гонецъ съ этимъ извѣстіемъ.

Когда Джиневра проснулась, послѣ долгаго и освѣжающаго сна, рука ея была въ рукѣ Эдмунда, и на пальцѣ ея было обручальное кольцо, которое никогда болѣе не должно было сходить съ него.

— Сонъ ли я вижу? шептала она, и обвинивъ руку вокругъ его шеи, прижала его къ своей груди. — Если это сонъ, не будите меня.

Онъ опять молча поцѣловалъ ее. Въ это время вошла сидѣлка, и остановилась у постели.

— И ты не боишься? шепнула Джиневра, видя, что онъ все держалъ ея руку и прижималъ ее къ устамъ.

— Чего мнѣ бояться, кромѣ того, что ты, можетъ-быть, не захочешь простить меня, моя возлюбленная жена? отвѣчалъ Эдмундъ.

— О Эдмундъ, вскричала она, обвиняя руки вокругъ его шеи; потомъ она немножко оттолкнула его и недовѣрчиво смотрѣла ему въ лицо, и опять прижалась къ нему, будто боясь отпустить его. — Эдмундъ, ты разоренъ? шепнула она.

— Разоренъ въ отношеніи богатства, но богатъ частіемъ, моя возлюбленная, отвѣчалъ онъ; и она прочла въ его глазахъ, что онъ говорилъ правду. — Джиневра, ты должна вымолить мнѣ прощенье у своего отца. Отецъ Франческо уже простилъ меня и онъ все знаетъ.

— Стало быть это точно не сонъ? Ты говоришь о моемъ отцѣ, видѣлъ дядю; не дрожишь и не пугаешься, когда другіе видятъ насъ вмѣстѣ, Эдмундъ? — Ахъ, я такъ рада была умереть, а теперь, — тутъ томная улыбка мелькнула на ея изхудаломъ лицѣ, она устремила на него глаза, полныя любви, и продолжала едва слышимымъ голосомъ: — а теперь такъ рада пожить еще.

Эдмундъ опять прижалъ ее къ сердцу; они молчали, и слезы струились изъ глазъ ихъ; его ласки, его любовь, казалось, воротили трепетную душу ея съ предѣловъ смерти къ сладостнымъ видніямъ жизни.

Не безъ труда, и уже вечеромъ мистрисъ Невилль увлекла брата изъ комнаты Джиневры, и уломала его идти прогуляться съ нею по полямъ, тянувшимся за домомъ. Вечеръ былъ тихій и ясный, и Эдмундъ никогда еще не чувствовалъ такъ глубоко въ душѣ своей влія-

ня природы на заката солнца. Душа его была утомлена превратностями страха и надежды, горести и радости, и въ сердцѣ его начинали возникать болѣе спокойныя чувства. Онъ шелъ съ сестрою по тѣнистой тропинкѣ, огибавшей огромный лугъ; въ концѣ ея нащипали они нѣсколько щей недавно срубленныхъ деревьевъ, и съѣли тутъ отдохнуть. Изъ которыхъ изъ собесѣдниковъ не было сначала въ состояніи говорить, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ, не имѣвшихъ никакого отношенія ни къ прошедшему, ни къ будущему. Оба смотрѣли на окно комнаты Джиневры; но она казалась обомъ слишкомъ горестнымъ или слишкомъ священнымъ предметомъ для разговора. Эдмундъ чувствовалъ, что онъ не долженъ былъ допускать, чтобы между ними вновь возникли какія-нибудь тайны, и что чѣмъ скорѣе они приступятъ къ откровенному и спокойному обсужденію ихъ взаимныхъ отношеній, тѣмъ лучше будетъ для будущаго ихъ согласія и душевнаго спокойствія обомъ. По этому онъ пересилилъ свою неохоту, и началъ, не поднимая глазъ своихъ на сестру.

— Анна, я знаю, что не будешь слишкомъ взыскательнымъ кредиторомъ; и даже убѣжденъ, что не откажешь ссудить мнѣ потребную сумму, чтобы вступить въ новую жизнь?

— Не рано ли говорить объ этомъ? возразила она, съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ твердо и спокойно; гораздо лучше съ самаго начала смотреть прямо въ глаза своей судьбѣ. Моя будущность зависитъ отчасти отъ ршенія Джиневры, и отъ желанія ея родныхъ. Я знаю, что она никогда не покинетъ меня; но я не осужу ее на долгое изгнаніе, если родные ея укажутъ мнѣ средства, которыми мнѣ можно будетъ приличнымъ образомъ содержать ее въ Англіи или въ Италіи; что касается до меня, я предпочелъ бы искать какого-нибудь занятія въ Америкѣ, или попытаться своего счастья, какъ переселенецъ, въ Цейлонѣ или въ Австраліи. Мнѣ не трудно было бы пробить себѣ дорогу, если бъ не мои долги. Они огромны, и только съ помощью пособія, которое я надеюсь отъ тебя, и постоянными усиліями, могу я достигнуть независимаго положенія.

Онъ тяжело вздохнулъ, и вздохъ этотъ сжалъ сердце Анны; она боялась, чтобы въ душѣ его не возникли опять эгоистическіе помыслы, и трепетала за него и его новорожденныхъ добродѣтели; но она ошибалась, и убѣдилась въ своей ошибкѣ, когда онъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ:

— Только ради ея раздумываюсь я о будущемъ. Я долженъ еще много.

гое искупить; и ей, связанной со мною священными узами и любовью, пережившему такіа страданія, противъ которыхъ не устояла бы обыкновенная любовь, ей, быть-можетъ, придется еще много переносить со мною и изъ-за меня; но даже смотря на свою судьбу съ этой точки зрѣнія, я не имѣю права роптать. Я знаю ее, потому-что испыталъ ее, а въ безусловной преданности моего сердца и моей жизни, въ моихъ новыхъ убѣжденіяхъ и чувствахъ, которыя мало-по-малу овладѣли моею душою, и въ которыхъ, я надѣюсь, страданія этихъ немногихъ дней закалили меня навсегда, найдетъ она — я въ этомъ также твердо убѣжденъ, какъ въ ея вѣрности и добродѣтели, — найдетъ она довольно вознагражденій за то, что соединить свою судьбу съ судьбою разореннаго, но кающагося супруга.

Онъ умолкъ и устремилъ взоры на окно Джиневры, съ выраженіемъ, которое тронуло его сестру до глубины сердца. Помолчавъ нѣсколько, она сказала голосомъ, дрожащимъ отъ избытка чувства.

— Мнѣ очень приятно, что ты высказалъ мнѣ все это, Эдмундъ, и я рада, что не прерывала тебя, а дала тебѣ договорить. Чувства и мысли, которыя ты выразилъ, будутъ, въ будущемъ, источникомъ радости и для тебя и для меня. Повѣрь, что мы оба, до самаго гроба будемъ помнить, что ты сегодня мыслилъ и говорилъ безъ всякой горечи; что никакое гнѣвное или корыстное ощущеніе не присоединилось къ твоей благодарности за великое благо, которое досталось тебѣ, прежде нежели тѣ несчастныя обстоятельства разрознили наши сердца. Теперь, Эдмундъ, выслушай меня, потому-что я должна сказать тебѣ многое, о чемъ я по долгу справедливости должна была молчать до этого времени. Человѣкъ, который можетъ-быть увлекался ложными понятіями, но котораго намѣренія относительно тебя были всегда справедливы и милосерды....

— О Анна, могъ ли бы я простить его, если бъ она умерла? Теперь же я прощаю его отъ чистаго сердца.

Анна вспыхнула, и сказала съ нѣкоторымъ негодованіемъ: Увѣренность въ твоей прямотѣ и правдивости вовлекли его въ ошибку. Онъ никогда не хотѣлъ вѣрить, чтобы сынъ могъ его обманывать.

— Знаю, Анна, что намѣренія его были благи, и что я одинъ дѣйствовалъ неправо. Богъ свидѣтель, что я простилъ ему всѣ страданія, которыя онъ причинилъ мнѣ, потому-что кто болѣе меня самаго нуждается въ прощеніи?

Анна продолжала: — За нѣсколько дней передъ его смертию полу-

челъ онъ безыменное письмо, въ которомъ ему доносили, что ты тайно обвѣнчанъ съ Джиневрою Лесли.

— Это, должно-быть, продѣлка этого мерзавца Карафелли; никто кромѣ его не могъ написать такое письмо, потому-что онъ одинъ зналъ мою тайну.

— Онъ никому не показывалъ письма, кромѣ меня, продолжала Анна, и ни за что не хотѣлъ вѣрить справедливости доноса. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ты не способенъ обманывать его. Онъ повторялъ это мнѣ много и много разъ; и только за нѣсколько часовъ передъ смертью, по настоятельному моему убѣжденію, и въ угожденіе моему безразсудному, какъ онъ думалъ, страху, рѣшился онъ тайно написать дополнение къ своему завѣщанію, которымъ, въ известномъ случаѣ, который я тебѣ объясню, онъ снималъ съ тебя приговоръ лишенія наслѣдства. Онъ отдалъ это дополнение мнѣ на сохраненіе, и взялъ съ меня торжественную клятву, не объявлять о немъ и не показывать его до-тѣхъ-поръ, пока не откроется несомнѣнно, что ты женился на католичкѣ еще до возвращенія своего въ Англію, слѣдовательно прежде, нежели онъ объявилъ тебѣ свое непреложное рѣшеніе. Онъ завѣщалъ мнѣ стараться всеми доступными мнѣ средствами, удостовѣриться втайнѣ въ этомъ фактѣ; потому-что только съ обнаруженія его должна была воспретительная статья завѣщанія сдѣлаться недействительною. Онъ готовъ былъ воспретятствовать твоей женитьбѣ на католичкѣ, хотя бы цѣною своей жизни, своего и можетъ-быть твоего собственнаго счастья; но онъ никогда не имѣлъ намѣренія расторгать то, что скрѣпилъ Богъ, и последнее дѣйствіе его не было святотатственнымъ противопоставленіемъ своей воли волѣ Божьей. Теперь суди его и себя, и прости меня, если слова мои показались тебѣ суровыми и холодными. Ты знаешь, что не такова моя любовь къ тебѣ. Говори же, Эдмундъ.

— Анна, отвѣчалъ Эдмундъ, отнимая руки отъ своего блѣднаго лица, теперь я понимаю, что значитъ осыпать горячимъ угольемъ голову виновнаго. Я посмѣлъ обвинять, оскорблять, обирать тебя! — Сестра, я едва понимаю то, что ты мнѣ говоришь, едва вѣрю тебѣ.

Сильное волненіе не позволило ему продолжать; наконецъ слезы облегчили его грудь; и онъ послѣ нѣкотораго молчанія взялъ ея руку, и сказалъ тихо: теперь я понимаю, зачѣмъ вы съ Чарльзомъ такъ преслѣдовали и наблюдали меня. Сестра, сестра, ты можешь простить меня, но я никогда не прощу себя.

Онъ справедливо оцѣнилъ сестру. Ни въ эту минуту, ни послѣ не благодарилъ онъ ее обыкновенными изъявленіями благодарности, но

въ сердцѣ его было ничто, чего не можетъ высказать никакая рѣчь, но что она понимала, потому—что они въ это время какъ—бы читали въ душахъ другъ друга. Она была вполне безкорыстна; не требовала благодарности, не ждала похвалъ; однако же она получила свою награду и на землѣ: это было сознание, что она не напрасно жила, что она защищала память отца отъ осужденія упрековъ, упрочила спокойствіе и счастье брата, и снасла его доброе имя. Это, вмѣстѣ съ нѣжною дружбою, которую онъ питалъ къ ней, составляло ея награду на землѣ, а на небесахъ, она можетъ твердо надѣяться на блаженство, обѣщанное тому, кто ищетъ мира и упрочиваетъ его. «Блаженны миротворцы, ибо онъ назовутся чадами Господними».

Съ изумленіемъ и съ благодарностью узнала Джиневра заключеніе чудной исторіи ея и Эдмунда; но всего болѣе радовалась она тому, что Эдмундъ прижалъ ее къ сердцу, назвалъ ее женою, прежде чѣмъ сестра открыла ему хранившуюся у нея тайну. Въ это утро онъ говорилъ рѣчи, которыя раздавались въ ея ушахъ какъ самая сладостная музыка; рѣчи, болѣе драгоценныя ей, чѣмъ всѣ завѣщанія, дарственные записи и крѣпостные акты въ мірѣ. Они запечатлѣлись въ святинѣ ея сердца, и служили ей успокоительнымъ пріютомъ, каждый разъ какъ воспоминаніе прошедшихъ страданій слишкомъ терзало ея память.

Много времени прошло прежде, чѣмъ врачи позволили Эдмунду перевести жену свою изъ того дому, гдѣ они оба перенесли столько страданій. Между—тѣмъ Даррель—Кортъ былъ приготовленъ для ихъ пріему, и они отправились туда, какъ скоро письма изъ за—границы извѣстили ихъ, что полковникъ Лесли желалъ увидѣться съ дочерью не въ Лондонѣ, а въ Грантли—Мэнорѣ. Отецъ Франческо проводилъ ихъ въ ихъ помѣстье; въ самый день ихъ пріезда стоялъ онъ подлѣ Джиневры, и, радуясь улыбка, съ которою она съ софы, куда усадилъ ее мужъ, любовалась на красоту своихъ новыхъ владѣній, шепнулъ ей по—итальянски: — «Скорбь бываетъ всего на одну ночь, а съ утромъ настаетъ радость».

Она молча пожала его руку, и слеза скатилась по ея щекѣ. Нѣсколько дней спустя, она прощалась съ нимъ передъ отъѣздомъ его въ Италію, и просила возвратиться весною, прежде чѣмъ акаціи виллы Мазани покроются своими бѣлоснѣжными вѣнками; но когда онъ отвѣчалъ ей торжественно: — Дочь моя, мнѣ теперь пристали слова святаго Симѣона: «Госводи, отпусти теперь раба своего съ миромъ». Это одно, о чемъ я могу молиться! — тихая грусть подернула ея лицо. Но вскорѣ она обратила къ нему лицо, сіявшее

спокойствіемъ и радостью, и сказала тихо: — Отецъ, я чувствую что мы скоро свидимся!

Онъ благословилъ ее, и отправился, радуясь, что земной путь его кончился къ концу, и что небесный свѣтъ пролился на послѣдніе дни его, и разсѣялъ тучи, нѣкоторое время такъ грозно и мрачно тяготѣвшія надъ ними. На устахъ его была молитва странника, въ сердцѣ — духъ странника и, не много прошло времени, и родина странника стала его родиною. Когда вернулась весна, акаціи опустились своими бѣлоснѣжными вѣтками надъ деревнямъ холмиковъ, подъ которыми покаялся отецъ Франческо.

Весело трезвонили колокола приходской церкви, когда дорожная карета въѣхала въ грантлен-мэнорскую аллею, и толпа любопытныхъ собралась у подъезда, чтобы взглянуть на свиданныхъ въ экипажѣ. Тутъ былъ и мистръ Торнтонъ съ своей палкой съ золотымъ набалдашникомъ, съ протянутою рукою и всегда готовою улыбкою: жена его описывала, что каждый изъ нихъ чувствовалъ, до самой минуты, какъ подъѣхала карета, потому-что тутъ она такъ много почувствовала, что уже было не до описаній. Между-тѣмъ какъ мистръ Сидней ворчалъ на позднюю пору и пожималъ плечами на несметное количество сундуковъ и чемодановъ, которымъ была нагружена карета, мистрисъ Сидней удалилась домой, и стояла, блѣдная и едва переводя дыханіе, у окна съней, едва въ состояніи переносить свое волненіе. Маргарита очутилась въ ея объятіяхъ еще прежде самого Вальтера, она повѣсилась къ ней на шею, и прошептала ей: — Милая матушка, поздравьте меня, я люблю его и онъ любитъ меня больше, чѣмъ когда-либо, и все это уже знаютъ. — И такимъ голосомъ прошептала она эти слова, что для мистрисъ Сидней это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ радостей, которыя не часто встрѣчаются въ жизни, за которыя испытанный ихъ остается благодаренъ всю свою жизнь, и которыя наполняютъ сердце какимъ-то страннымъ изумленіемъ и еще болѣе страннымъ счастіемъ. О страхъ и надежда! скорбь и радость! могучи вы въ своемъ дѣйствіи на человеческую душу; но еще ужаснѣе ваша сила, еще дивнѣе ваше обаяніе, когда вы дѣйствуете на душу матери!

— Мистрисъ Сидней, сказалъ полковникъ Лесли, вскорѣ за тѣмъ съѣздивъ подлѣ нея, я полагаю, что вамъ уже известно, что Вальтеръ

взялъ подъ свое храненіе дѣвчонку, которую онъ давнымъ-давно изблаговалъ такъ, что она совершенно выбилась изъ рукъ, и что я лишюсь ее именно въ то время, какъ онъ самъ едва ли цѣнить ее больше меня.

Это было первое слово хвалы и ласки, какое Маргарита слышала отъ отца, и густой румянецъ радости, вспыхнувшій на ея щекѣхъ, показывалъ, до какой степени она была чувствительна къ нему. Расцѣловавъ свою милую мистрисъ Дальтонъ, и пожавъ руки слугамъ, со-старѣвшимся въ ихъ домъ, она призвала Вальтера, и выпила съ нимъ на балконъ гостиной, посмотреть на статныя березы, на быструю рѣчку, и на обширныя болота своей родины. Утромъ шелъ дождь; со всѣхъ кустовъ еще вътерокъ сбивалъ по временамъ миниатюры дождя; даліи и герани, омытыя дождемъ, были свѣжи и пышны, точно дѣти, только вышедшія утромъ изъ рукъ нянекъ; дикіе каштаны разсыпали по землѣ свои вымощенные плоды, и птички допѣвали свою послѣднюю нѣсню, это тихое, но частое щебетаніе, которое мало по-малу смолкаетъ съ приближеніемъ ночи. Маргарита задумчиво и молча любовалась красотами разстлавшейся картины; вдругъ она схватила руку Вальтера, и указавъ на аллею, торопливо вскричала: — Она! и очутилась на подъѣздъ въ то самое мгновеніе, какъ карета подъѣхала къ нему. Еще мгновеніе, и сестры были въ объятіяхъ другъ друга, и каждая, прижимая другую къ груди, чувствовала въ себѣ гулъ всѣхъ пріятныхъ и горькихъ воспоминаній, которыя приводились имъ на память, и мѣстомъ и часомъ, и этимъ безмолвнымъ объятіемъ.

Странная борьба противоположныхъ ощущеній происходила въ сердцахъ полковника Лесли, когда онъ встрѣтилъ дочь и ея мужа. Съ грустною нежностью и съ сумрачнымъ волненіемъ прижалъ онъ ее къ своей груди. Онъ слишкомъ пламенно любилъ ее, чтобы спокойно оглядываться на прошедшее; между нимъ и Невилемъ было получено и отправлено нѣсколько писемъ: одинъ съ искреннимъ умиленіемъ просилъ прощенія, которое другой даровалъ съ холодностью и принужденностью. Любовь полковника Лесли хмурился, и голосъ его дрожалъ каждый разъ, какъ онъ говорилъ съ своимъ зятемъ. Трудно было ему прощать, — а забыть невозможно; но дочь его была счастлива, и любила мужа. Мало-по-малу ему стало легче прощать, хотя еще не могъ онъ забыть; рана была слишкомъ глубока, страданіе слишкомъ свѣжо. Только долго спустя, когда Джиневра привела его на одно мѣсто близъ Даррель-Корта, гдѣ былъ положенъ первый камень небольшой церкви, и онъ прочелъ на немъ надпись:

«Въ память вѣчнаго раскаянія и вѣчной благодарности», — только тогда чувства его въ отношеніи Эдмунда Невилля смягчились. Если онъ могъ читать въ его сердца, онъ нашелъ бы въ немъ несравненно болѣе любви и страданія, чѣмъ выказывалось на этомъ камнѣ.

Маргарита и Джиневра опять стоятъ вмѣстѣ на грантли-мэнорской террасѣ; глаза ихъ покоются другъ на другъ, руки ихъ скрещены, и по временамъ раздается между ними долгій, безмолвный поцѣлуй. Онъ смотрятъ на далекія лѣса даррель-кортскіе, на башенки Геронъ-Кастля, и обращаются другъ къ другу съ улыбкою или со вздохомъ, потому-что сердца ихъ слишкомъ переполнены, чтобы имъ говорить. Смуты, испытанія, тайны ихъ жизни кончены, какъ досказанная сказка; доля имъ выпала, кажется, въ хорошихъ мѣстахъ, и обильная счастьемъ, сколько можетъ предугадывать разумъ человѣческій. Сердца обихъ горятъ живою благодарностью Провидѣнію, которое счастливо привело ихъ къ пристави; и если Джиневра, кажется, болѣе принадлежитъ къ другому міру, чѣмъ къ здѣшнему, если надежды и радости ея болѣе возвышеннаго разряда, и стремленіе ея отрыненнѣе, чѣмъ у сестры, что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ жизнь не раскрыла передъ нею безднъ страданія, которыя можетъ постичь одинъ опытъ? Развѣ духъ ея не порхалъ уже на предѣлахъ вѣчности, не былъ готовъ отлетѣть въ небесныя селенія? Она возвратилась къ жизни, къ ея обязанностямъ и радостямъ; ничто не можетъ быть сладостнѣе ея улыбки, яснѣе ея спокойствія, трогательнѣе ея нѣжности; но на чель ея осталась печать, которой ни что не сотретъ. Смерть приходила къ ней, и оставила вѣсточку ея душъ, и всѣ мелодіи земли не могутъ заглушить этого шопота. Въ этомъ заключается кара Эдмунда Невилля среди его блаженства. Ему всегда кажется, будто при немъ ангелъ, будто узы, привязывающія его къ жизни, тоньше нитей паутины, будто она была возвращена ему только на время, чтобы спасти его отъ отчаянія и научить его раскаянію.

Маргарита въ старинныхъ, обойчатыхъ залахъ Геронъ-Кастля — лучъ солнца, радующій все, къ чему ни коснется. Вальтеръ и его родные обожаютъ ее болѣе чѣмъ когда-либо, она гордость и радость ихъ душъ, счастливѣйшая изъ супруговъ, а потомъ и счастливѣйшая изъ матерей. Года черезъ два или три видимъ ее подъ тѣмъ же окномъ, подъ которымъ она такъ часто своею дѣтскою рзвостью отрывала Вальтера отъ книгъ; теперь она поднимаетъ въ окно хорошенькаго, свѣженькаго мальчика, котораго лицо также весело и свѣтло, какъ ея собственное.

Мы развлекли уже однажды обаянь сестеръ съ лѣтнимъ утромъ, и лунною ночью. Теперь лѣтнее утро обращается въ арій поданъ, а лунная ночь становится съ каждымъ годомъ свѣтлою, но какими-то несомнѣнымъ свѣтомъ. Наши сердца слѣдятъ за ними, любовью охраняють ихъ. Они могутъ служить образцами въ своей жизни и отягачивать. Но быть-можетъ, что жизнь скоро породитъ новую бурю; простимся же съ ними, пока улыбка озвѣщаетъ ихъ уста, и сердца ихъ бьются радостью. Пожелаемъ имъ всякаго счастья. Да будутъ пути ихъ путями отрады, и миръ да сопровождаетъ ихъ повсюду.

РИШЛЕ И ЕГО ПЛЕМЯННИЦА.

РАЗСКАЗЪ П. ДЕ-НЮССЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Гастонъ Орлеанскій вовсе не былъ храбръ; судьба обошла его этою добродѣтелью; остальные же его достоинства служили только для того, чтобъ скрыть эту слабость. Если бы онъ хотѣлъ держать себя спокойно, притворяться будто одобряетъ или по крайней мѣрѣ переноситъ деспотизмъ кардинала, удалялся отъ встрѣгъ, не слушать шутокъ друзей своихъ и заключить себя въ высокую сееру сына Франціи, никто бы въ мѣрѣ не открылъ тогда недостатковъ его.

Къ счастью, происхождение дало ему право разыгрывать всѣ роли, и онъ, какъ всѣ трусы, любилъ казаться храбрымъ.

Пюжоранъ, открывъ новую сторону, которую хотѣли извлечь изъ него благодарности, почувствовалъ горькое отвращеніе отъ этой блестящей жизни, куда прежде такъ стремился.

Владычество кардинала могло быть очень полезно государству:

но не меньше того было невыносимо, когда хотѣло играть совѣстью и чувствами честныхъ людей.

Автоанъ де-л'Ажъ, завидя въ далеки любовь, которая являлась ему посреди безчисленныхъ препонъ, и въ такомъ семействѣ, отъ котораго честь требовала чтобъ онъ удалился, терялъ всякую надежду на счастье.

Вышедъ отъ кардинала, онъ отправился къ Гастону, котораго нашелъ въ кабинетѣ медалей.

Пюйлоранъ, не колеблясь, объявилъ герцогу намѣреніе свое удалиться отъ двора и отказаться отъ должности перваго камергера.

Гастонъ, выслушавъ своего любимца, поблѣднѣлъ отъ испуга.

— Ты хочешь уйти! слѣдовательно думаешь, что я не могу больше защитить тебя? Что за причина такого намѣренія? Вѣрно боишься чего-нибудь? Ужъ не затѣваютъ ли опять чего противъ меня? Не угрожаетъ ли мнѣ какая-нибудь опасность?

— Нѣтъ, ваше высочество, отвѣчалъ Пюйлоранъ. Причины, заставляющія меня удалиться, касаются только до меня одного, и я умоляю васъ не спрашивать меня о нихъ; я не хочу возобновлять ссоръ.

— Это значитъ, отвѣчалъ герцогъ, что ты не надѣешься больше на меня: думаешь, что я въ опасности и хочешь покинуть меня.

— Ваше высочество оскорбляете меня. Если бъ вамъ угрожала хотя малѣйшая опасность, то я не выбралъ бы эту минуту, чтобъ удалиться отъ двора.

Гастонъ, въ ужасномъ смятеніи и волненіи сталъ ходить по комнатѣ; потомъ вдругъ выпрямился, принялъ на себя новую роль и перемѣнилъ токъ и осанку.

— Пюйлоранъ, сказалъ онъ повелительно, я приказываю тебѣ говорить. Ты называешься моимъ другомъ, слѣдовательно, безъ объясненій не имѣешь права разторгнуть узы этой дружбы. Я хочу знать причину, почему хотятъ внушить моимъ приближеннымъ отвращеніе ко мнѣ, желаніе бѣжать отъ меня. Меня видно опять хотятъ преслѣдовать.... тутъ скрываются какія-нибудь козни. Меня упрекаютъ въ малодушіи, но это не моя, а ваша вина; еслибъ я слушался васъ всѣхъ, вашей щекотливости и неумысленной преданности, то давно-бъ прослылъ трусомъ... Послушай, Пюйлоранъ, именемъ нашей дружбы, именемъ воспоминаній дѣтства и славы моей, которую хотятъ уничтожить, я приказываю тебѣ говорить.

— Если ваше высочество требуетъ, то я обязанъ разсказать вамъ всю правду.

Пюйлоранъ разсказалъ тогда Странные намѣки Лопеса, какъ Абенсерраджи признался ему, какую должность занимаетъ онъ при кардиналѣ, и какимъ образомъ хотѣли заставить его самого, Пюйлорана, друга и повѣреннаго герцога, состоять при его особѣ исполнять ту же самую должность.

— Теперь вы видите, продолжалъ Автоанъ, что мнѣ невозможно оставаться при дворѣ. Или кардиналъ станетъ преслѣдовать меня, или вы станете подозрѣвать меня въ предательствѣ. Когда мнѣ возвратили мое званіе, я не подозрѣвалъ, на что меня готовили; я не хочу быть причиною ни ссоры, ни скандала, и теперь, такъ какъ ваше высочество все знаете, не можете, не ссорясь съ кардиналомъ, оставить меня при себѣ. Слѣдовательно, мнѣ надо удалиться; это будетъ самое благоразумное средство.

Герцогъ, узнавъ, что дѣло идетъ не о его особѣ, вздохнулъ свободно, какъ-будто какая тяжесть спала съ плечъ его; но чѣмъ больше онъ трусилъ, тѣмъ болѣе выказывалъ бѣшенства въ своихъ негодованіяхъ.

Гастонъ позволилъ и приказалъ подать карету; потомъ, не сказавъ ни слова, уѣхалъ, не взявъ ни кого съ собою.

Войдя въ кардинальскій дворецъ, онъ былъ въ такомъ страшномъ гнѣвѣ, что гофъ-фурьеры министра побѣжали предупредить дежурнаго офицера.

Де Кавао, взявъ ружье, спрятался за дверями спальни кардинала, и услышалъ слѣдующій разговоръ.

— Ваше высочество пріѣхали кстати, сказалъ министръ.

— Очень кстати, перебилъ герцогъ, чтобъ назвать васъ чудовищемъ коварства; вы хотите развращать, подкупать окружающихъ меня людей, и обращать ихъ въ шпионовъ.

— Вы ошибаетесь, и знаю почему, отвѣчалъ хладнокровно министръ: Пюйлоранъ не помялъ меня, онъ настоящій ребенокъ....

— Сдѣлайте милость, не оправдывайтесь, не обманывайте меня. Я все знаю, держу васъ теперь за волосы, и ужъ никакъ не выпущу. Посмотримъ, какъ вы выпутаетесь, когда въ присутствіи короля я потребую отъ васъ отчета въ вашихъ поступкахъ, и что вы тогда мнѣ отвѣтите. Посмотримъ, кому изъ насъ онъ отдастъ справедливость.

— Прошу ваше высочество успокоиться; тутъ не о чемъ гордиться, и я, кажется, поступаю довольно великодушно съ Пюйр-

королемъ, объявляя, что онъ не поналъ меня, и что я не хочу больше заниматься такими пустяками.

— Однако я принужу васъ заняться ими.

— Послушайте, герцога, намъ не приходится спориться. Вѣсто того, чтобъ изобличать меня въ присутствіи короля, можетъ случиться, что вамъ самимъ придется оправдываться.

— Въ чемъ же можетъ подозрѣвать меня его величество? сирсиль смутился немного герцога.

— Не знаю; но мнѣ показалось вчера, что король былъ не въ духъ; ему сказали, будто вы находитесь въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ королевой-матерью и проводите ночи въ тайныхъ съ нею разговорахъ. Если вы станете обвинять меня, то король почитетъ гнѣвъ вашъ и обвиненія за выдумку и скажетъ, что вы хотите отвлечь отъ себя вниманіе его величества и обратить его на пустыя споры. Я представлялъ королю какъ было бы жестоко съ его стороны, страшиться материнской нежности къ сыну и разлучать ихъ... если же вы станете жаловаться на меня, въ ту самую минуту, когда я хлопочу за васъ, то вся вина останется на вашей сторонѣ; но что главное должно остановить васъ, это боязнь быть по мнѣ несправедливымъ. Пуйлоранъ ошибается и я могу доказать это: мнѣ стонитъ только сказать слово, чтобъ узвать всѣ ваши тайны черезъ другаго, а я это не дѣлаю.

— Черезъ кого жь это? чортъ возьми.

— Черезъ вашего духовника. Но сдѣлайте милость, оставимъ это.

Гастонъ смутился; такъ какъ онъ притворился разгнѣваннымъ, то искалъ удобнаго случая смягчаться, но не находилъ его.

Кардиналъ самъ помогъ ему выпутаться изъ бѣды.

— Вы перебили меня въ ту самую минуту, когда я намѣревался поднести вамъ подарочекъ. Вы смысленный любитель древности: вотъ сиракузская медаль; я приобрѣлъ ее для васъ.

— Покажите, сказалъ герцога; и въ-самомъ-дѣлѣ, она очень хороша; кому жь тутъ назолотѣ явственнѣе, чѣмъ на другихъ медаляхъ моей коллекціи, написана легенда. Благодарю васъ; этого только и недоставало въ моемъ музеумѣ.

— Сегодня утромъ мнѣ рассказывали, что ваше высочество выказало удивительную ловкость въ игрѣ въ кольцо.

— Да, мнѣ удалось семь разъ сряду схватить кольцо.

— Семь разъ! вскричалъ кардиналъ. Если король узнаетъ, то ему будетъ завидно. Вамъ, кажется, прислали изъ Регенсбурга съ отцемъ Юсифомъ де-Трамблей нѣмекіе пистолеты? По-видимому

добрый этот кануцивъ знаетъ толкъ въ огнестрѣльномъ оружіи. Пусть онъ самъ поднесетъ ихъ вамъ.... мы предоставимъ ему эту честь... Не забудьте, смотрите, сказать Пюйдорану, что онъ ошибся.

— Не беспокойтесь; объ этомъ и говорить не стоитъ.

Какъ только кардиналъ проводилъ принца до самаго низу лѣстницы, такъ въ ту же минуту потребовалъ карету и не медля отправился въ Версаль, гдѣ болѣе часу проговорилъ глазъ на глазъ съ королемъ.

Послѣ объѣда на министра часто находилъ сильная меланхолія, припадки дурнаго расположенія духа; и желудокъ его не хорошо врился, если съ полдюжины забавниковъ не приносили ему дами остротъ, невинныхъ сплетней и исторій. Но въ этотъ день, противъ обыкновенія, вельстецы забавляли кардинала, а на-оборотъ онъ угощалъ ихъ, рассказывая ссору свою съ принцемъ.

— Никогда, сказалъ министръ, я не видалъ такого законнаго гнѣва, какъ гнѣвъ Гастона противъ меня. Я бы непремѣнно погубилъ, еслибъ принцъ пошелъ жаловаться на меня королю, и еслибъ сказалъ ему: «Государь, фаворитъ вашъ настоящій Севъ-Симонъ, и между добродѣтелями этого царедворца, вы замѣтили одну главную, которая преобладаетъ надъ другими; всѣ видѣли, какъ онъ игралъ на охотничьемъ рожкѣ, а между-тѣмъ рожокъ совершенно чистъ. Все-равно, какъ между достоинствами Пюйдорана меня особенно восхищаетъ чистота, съ какою онъ вѣтъ кремъ и никогда не запачкаетъ себѣ бороды, до чего я никогда не могъ достигнуть; это право удивительно. А этотъ плутъ, этотъ коварный кардиналъ, осмѣливающийся называться моимъ другомъ, хочетъ вырвать отъ меня моего повѣреннаго, или что еще хуже, старается развратить его». Король непремѣнно-бъ обвинилъ меня и оправдалъ бы брата. Никогда я не былъ въ такой опасности. Къ-счастью еще, что герцогъ, храбрость и вспыльчивый характеръ котораго вамъ извѣстны, увлекся своимъ негодованіемъ. Онъ прилетѣлъ ко мнѣ и мы капитулировали. Теперь, господа, я дарю пистолетъ тому изъ васъ, кто отгадаетъ, чего мнѣ стоило стоить утѣшить этотъ столь праведный и столь страшный гнѣвъ.

— Ничего, я думаю, отвѣчалъ Ботрю, или какого-нибудь объясненія, что по моему все-равно.

— Какой ты неблагодарный, сказалъ кардиналъ Ботрю: если я обѣщала когда тебѣ что-нибудь, то всегда держалъ слово. Ну, что жъ получить мои деньги?

— И! вскричалъ поэтъ Демарѣ. Герцогъ большой лаюмка, такъ

вѣроятно ваше святѣйшество угостило его какими-нибудь вареньемъ.

— Это прекрасное средство, сказалъ министръ, и можетъ имъ пригодиться на другой разъ.

— А если не вареньемъ, такъ какую-нибудь медалью для кабинета, сказалъ Боа Роберъ.

— Отгадалъ! вскричалъ кардиналъ. Десять пистолей принадлежать тебѣ, Боа Роберъ. Какъ только медаль очутилась въ рукахъ этого великаго человѣка, такъ онъ въ ту же минуту забылъ и любимца своего и всѣ обиды. А на повѣрку вышло вотъ что: такъ какъ герцогъ самъ не зналъ, что дѣлать ему съ своею яростью, то душевно былъ радъ, что могъ продать ее за старую монету. На такой торгъ онъ соглашается когда торгуется глазъ-на-глазъ; но въ публикѣ, другое дѣло: я-бъ не отдѣлался отъ него менѣе миллона. Теперь же, онъ можетъ жаловаться на меня, я предупредилъ короля и не боюсь больше герцога.

Пока кардиналъ полтрунилъ надъ Гастономъ, и сѣялся съ своими поклонниками, герцогъ говорилъ совершенно другое своимъ придворнымъ.

— Какъ мнѣ жаль, господа, говорилъ онъ, что вы не слышали моего сегодняшняго разговора съ кардиналомъ, и какъ я отдѣлалъ этого плута. Это бы васъ позабавило, и вы бы увидали, что этотъ столь страшный по наружности человѣкъ ничто иное какъ самый робкій трусъ. Когда онъ увидалъ, что я взбѣсился, то сталъ ползать передо мною. Теперь я знаю, какъ съ нимъ обходиться; его надо погонять палкою.

Между-тѣмъ Боа-Роберъ похвастался, что выигралъ десять пистолей у кардинала, и рассказалъ, за что выигралъ. Исторія эта разнеслась, и въ тотъ же вечеръ долетѣла до ушей королевы Маріи. Случай посорить навсегда кардинала съ сыномъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобъ она имъ не воспользовалась.

Марія Медичи послала за сыномъ и передала ему въ самыхъ унизительныхъ, въ самыхъ колкихъ выраженіяхъ, какія могла только внушить ей самая ядовитая ненависть, вasmѣшки кардинала.

Гастонъ Орлеанскій почувствовалъ, какой ударъ это могло нанести его чести. Тутъ выставялась на видъ его безхарактерность, а исторія медали была уже предметомъ тайныхъ шутокъ всего Парижа.

Гастонъ не спалъ цѣлую ночь.

Разница, доказанная кардиналомъ, какъ держать себя герцогъ

из публикѣ и на-единѣ, задѣвала за самую чувствительную струну его сердца. Только одинъ торжественный разрывъ могъ поправить его репутацію и дерзкія до неосторожности слова могли одинъ доказать свѣту, что братъ короля презираетъ могущество министра.

Гастонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не видать, что это былъ единственный путь, по которому онъ могъ избѣжать стыда и насмѣшекъ.

На другой день, перваго февраля 1631 года; Гастонъ, еще разъ посоветовавшись съ Маріей-Медичи, послалъ сказать кардиналу, что будетъ къ нему въ десять часовъ утра.

Сопровождаемый многочисленною свитою, онъ отправился въ кардинальскій дворецъ и вошелъ въ аудіенц-залу съ шестнадцатью особами.

Парадные двери запахнулись, и кардинальской свитѣ было позволено присутствовать при разговорѣ герцога съ министромъ.

Гастонъ Орлеанскій заговорилъ тогда трепещущимъ голосомъ; во въ осанкѣ его было столько достоинства, что въ эту минуту можно было подумать, будто онъ одаренъ храбростью и твердостью характера.

— Мнѣ очень тягостно, сказалъ онъ, что я принужденъ угрожать врагу моему въ собственномъ его домѣ и объявлять ему при всѣхъ непримиримую мою ненависть. Но вы принудили меня къ такой крайности, насмѣхаясь надъ моими тайными поступками; этины вы выучили меня какъ мнѣ слѣдуетъ обходиться съ вами явно. Не я предлагалъ вамъ дружбу, а вы сами вырвали ее отъ меня, и такимъ образомъ, что не сдѣлавшись невѣждой я не могъ, не попирая приличій, отказаться отъ нея. Не думайте однако, чтобъ могущество ваше могло помѣшать мнѣ отомстить вамъ за всѣ оскорбленія; только одинъ священный санъ вашъ останавливаетъ меня.... а не то, я-бъ наказалъ васъ, какъ вы заслуживаете, за обиды и унижательныя выраженія, на которыя вы такъ щедры, когда дѣло лично до меня касается. Что же до друзей моихъ.... то и за нихъ мнѣ не приходится благодарить васъ. При всякомъ удобномъ случаѣ вы играли и жертвовали ими. Не говорю уже объ обманчивыхъ обѣщаніяхъ, которыми вы ихъ забавляли, чтобъ привлечь меня только къ себѣ. Всѣ ваши поступки со мною были такъ отвратительны, что у меня нѣтъ словъ ихъ выразить, и тѣмъ болѣе, что это было бы сильное оскорбленіе королю, моему брату, если бъ я доказалъ низкія козни его министра. И потому я отнимаю отъ васъ дружбу, о которой вы умо-

ляли меня, и которой вы недостойны; я отрицаю ее торжественно, без надежды на возвратъ. Вы хотѣли огласки, и желаніе ваше сбылось.

Кардиналъ ошелощенный такимъ непредвидѣннымъ взрывомъ, хотѣлъ было оправдаться; но принцъ остановилъ его на первомъ словѣ.

— Не хочу оправданій, сказалъ онъ съ сердцемъ; я здѣсь не для того, чтобъ слушать васъ, но выразить собственныя свои мысли. Не попускайте на прищиприваніе, оно невозможно. Вы зывали меня изъ терпѣнія; у меня нѣтъ возврата. Если вы были такъ дерзки, что приняли мою снисходительность и довѣрчивость за слабость, надъ которою можно смѣяться, то я вамъ позволю такое упорство, такую непреклонную волю, что въ душѣ вы отдадите мнѣ справедливость. Знайте, что сегодня я уѣзжаю въ Орлеанъ, и если вздумаютъ беспокоить меня въ моихъ владѣніяхъ, то я буду умѣть защищаться, и буду ждать тамъ, посреди друзей моихъ, дѣйствій вашей злобы.

— Любезный Пюйлоранъ, сказалъ министръ, сдѣлайте милость, уговорите герцога, чтобъ онъ не винилъ меня, не выслушавъ прежде оправданій.

— Еслибъ я имѣлъ ту власть, которую вы мнѣ приписываете, отвѣчалъ Пюйлоранъ, то былобъ стыдно употреблять ее въ ту минуту, когда его высочество такъ рѣшительно выразилъ свое мнѣніе.

— Какъ смѣешь ты отвѣчать этому человѣку, ты, котораго онъ хотѣлъ принудить разыгрывать роль шпиона? вскричалъ принцъ, выходя изъ себя. Развѣ ты не видишь, что если бъ я имѣлъ несчастье его слушать, то месть его пала бы на тебя.

Сказавъ это, принцъ подожилъ руку на плечо Пюйлоранъ.

— Господа, продолжалъ онъ, беру васъ всѣхъ въ свидѣтели къ вѣствѣ, которую произвошу торжественно, что не дамъ погибнуть этому какъ остальнымъ друзьямъ моимъ, и стану защищать его до послѣдней крайности.

Гаегавъ Орлеанскій говорилъ съ такимъ жаромъ, какого въ немъ еще никогда не замѣчала. Въ эти рѣдкія минуты его легко можно было принять за самаго храбраго и великодушнаго воина.

Сущестанный министръ проводилъ принца до самой улицы; но не могъ заставить его выслушать своихъ оправданій, и когда вернулся къ себѣ, то волненіе его было такъ сильно, что онъ говорилъ вслухъ самъ съ собой.

Къ счастью явился отецъ Иосифъ и увлекъ министра въ кабинетъ, гдѣ они заперлись и проговорили болѣе двухъ часовъ.

II.

Послѣ гласной ссоры Орлеанскаго съ кардиналомъ, дворъ и городъ, узнавъ какимъ образомъ герцогъ облегчилъ свое сердце, высказавъ все, что у него такъ долго таилось на душѣ, наполнили воздухъ восклицаніями радости; и въ сердцахъ притѣсненныхъ, глядя на смущеніе и трепетъ министра, снова возсіяла надежда; но скоро узнали, что новости эти взволновали короля и что на другой день онъ намѣревается ѣхать въ Парижъ, что навело большой страхъ на жителей Люксембурга.

Пюльоранъ уговаривалъ герцога просить свиданія у брата, давая ему замѣтить, что король принужденъ будетъ освидомиться о причинѣ ссоры и увидить тогда, что кардиналъ кругомъ виноватъ; но герцогъ, который хотѣлъ бѣжать, отвѣчалъ, что слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ отступать.

Главное, его мучило то, что объявивъ громкогласно намѣреніе ѣхать въ свои владѣнія, онъ долженъ его исполнить; а по его нѣжную малѣйшее замедленіе могло почтѣться за трусость, которую онъ чудно раскрашивалъ всеми оттѣнками храбрости и чести.

Въ это время въ Люксембургъ слетались со всѣхъ сторонъ поздравленія, и дамы душевно скорбѣли, что не выбрали предметовъ любви своей изъ свиты его высочества; имъ такъ хотѣлось быть замѣшанными въ этихъ интригахъ. Нѣкоторые даже хотѣли вышата въ своихъ обожателей въ партію Гастона, отдѣлили ихъ отъ кардинала.

Пюльоранъ, можетъ-быть, и успѣлъ бы удержать герцога въ Парижѣ, если бы другіе помогли ему; но они все такъ кричали, такъ торопились къ отъѣзду, какъ-будто бы дѣло шло о взятіи приступомъ какого-нибудь важнаго города.

По привычкѣ слабыхъ и нерѣшительныхъ людей, которые охотно пишутъ, но не охотно говорятъ, Гастонъ изложилъ на бумагѣ то, что ему слѣдовало бы сказать лично королю. Этими онъ хотѣлъ доказать Пюльорану, что послушался его совѣта.

Ле-Коанъ, пользовавшійся каждымъ удобнымъ случаемъ снимать президентскую одежду и облачаться въ воинскую, на-

дѣлъ уже рапиру съ раковиною, буйволовый набедренникъ и сапоги съ разрѣзами. Въ этомъ-то нарядѣ онъ сталъ писать письмо отъ имени герцога къ королю, а какъ Гастонъ торопился ѣхать, то половину письма онъ написалъ на его столѣ, а другую въ трактирѣ, находящемся въ Bourg-la-Reine. Шодобонъ повезъ письмо это въ Сенъ-Жерменъ и былъ очень холодно принятъ королемъ, который общалъ уже кардиналу поддерживать его всѣми силами противъ враговъ его.

Въ то же самое время Пюйлоранъ лился удовольствіемъ узнать, что на его отвѣтственность возлагали всѣ поступки герцога. Министръ представлялъ его какъ зачинщика ссоры, изъ чего вышло, что любимца Гастона стали считать самымъ неблагодарнымъ и вреднымъ человѣкомъ.

Жители Орлеана обожали герцога, — за его милый нравъ и приняли его со всѣми возможными знаками радости и восторга. Впродолженіи первой недѣли, изъ Парижа пріѣзжало множество недовольныхъ и незапятныхъ придворцевъ, которые были въ восторгѣ, что могли насолить кардиналу. Герцогъ же употреблялъ всю свою дѣятельность на переписку и разсылку агентовъ къ недовольнымъ.

Между послѣдними были графъ Соасонскій и герцоги Монморанси, д'Эльбёфъ и д'Этридья.

Ле-Коаннѣ развѣзжалъ по лорарскимъ провинціямъ и поднималъ войско.

Тайный агентъ королевы-матери предупредилъ Гастона, что герцогиня Шверёзская относится о немъ благосклонно и что черезъ нее можетъ статься и можно будетъ склонить на свою сторону хранителя печатей де-Шатонёфа, который безъ памяти любилъ прекрасную герцогиню.

Тотъ же самый курьеръ объявилъ, что графъ Морё, побочный сынъ покойнаго короля Генриха Четвертаго, пріѣхалъ въ Парижъ, и что его очень легко вовлечь во всѣ эти интриги.

Объ эти новости были очень важны, и чтобъ зачать переговоры, Гастонъ рѣшилъ, что необходимо послать для этого вѣрнаго человѣка и выборъ палъ на Пюйлорана.

Герцогъ и приближенные его цѣлый день забавлялись приготовленіемъ одежды де-а'Ажа, который уѣхалъ въ Парижъ перодѣтый въ разносчика..

Онъ взялъ съ собою своего конюха, переодѣтого въ крестьянскія проводница и двѣ лошади.

Первую ночь онъ провелъ въ лѣсу у бѣдныхъ угольщиковъ, которые предложили ему очень незавидный ночлегъ, гдѣ онъ устроился какъ могъ и заснулъ на столѣ.

На другой день, къ вечеру, не останавливаясь ни на минуту, онъ достигъ парижской заставы, оставилъ проводника съ лошадьми въ деревнѣ Шантильи и вѣхалъ въ городъ.

Конюшій его пошелъ отыскивать графа де-Морѣ, котораго нашелъ въ какомъ-то трактирѣ около предместьей, гдѣ онъ отъ всѣхъ скрывался.

Не будучи хорошъ, Морѣ являлся своею благородною, величественною наружностью. Онъ болѣе своихъ законныхъ братьевъ походилъ на покойнаго короля, и когда одушевлялся чѣмъ, то лицо его сіяло тѣмъ блескомъ и тою красотою, которые происходятъ отъ души и страсти. Такъ-какъ не для чего было таить намѣреній Гастона, то Пюйморанъ подробно изложилъ ему планъ предпріятія низвергнуть кардинала. Два средства представлялись, чтобъ достигъ этого результата: или война, или вооруженіе двора, которое представляло уже нѣкоторую надежду на успѣхъ. Огромный списокъ, составленный изъ сильныхъ и могущественныхъ особъ, между которыми находились обѣ королевы, принцы крови, губернаторы многихъ провинцій и даже самыя кардиналовы креатуры, упорчивалъ надежду, что король, видя себя одного противъ общаго мнѣнія, перестанетъ колебаться и рѣшится наконецъ разстаться съ своимъ любимцемъ. Трудно было только соединять всѣ эти разбросанные голоса.

Нало было время, чтобъ уловиться, а времени было мало; но если-бъ можно было усыпить кардинала, то успѣхъ былъ несомнительнъ, потому-что всѣ придворныя власти должны были переѣхать изъ Парижа въ Орлеанъ. Первое средство, то есть, война, могло быть скорѣе дѣломъ случая, потому-что судьба оружія всегда бываетъ сомнительна, слѣдовательно, оставалось только второе.

Такъ какъ Гастонъ могъ ожидать нападенія, то долженъ былъ приготовиться къ оборонѣ, и потому зачалъ оба предпріятія вдругъ.

Графъ де-Морѣ внимательно выслушалъ Пюйморана до конца.

— Не могу скрывать, отвѣчалъ онъ, что вообще для интригъ

я никуда не похужу. Вы знаете, что у меня нѣтъ вѣсы при дворѣ и нѣя мое, включенное въ вашъ списокъ, не придастъ ему ни силы, ни блеску. Король, братъ мой, совершенно забылъ меня. Вчера я видѣлся съ этимъ дерзкимъ кардиналомъ и до того унижился, что выразилъ ему отвращеніе мое къ кочующей жизни. Онъ очень хорошо знаетъ мою любовь и способность къ военнымъ дѣйствіямъ, и вмѣсто того чтобъ назначить меня командиромъ какой-нибудь дивизіи, предложилъ мнѣ только денегъ. Моссь де-Бюльону, сказалъ онъ мнѣ, дадутъ порученіе, доставить вамъ нѣкоторую помощь. Я отвѣчалъ ему, что не сохѣмъ еще нишій, чтобъ принимать подаянія, и что друзья не оставятъ меня въ нуждѣ. Въ негодованіи своемъ я прибавилъ, что скорѣе умру на солонѣ, чѣмъ приму что-нибудь отъ равнодушнаго ко мнѣ чловѣка и что слишкомъ хорошо вижу недоброежелательство ко мнѣ короля и его министра, чтобъ напоминать имъ о себѣ. Кардиналъ хотѣлъ было принять болѣе уважительный тонъ, но было уже слишкомъ поздно; я расстался съ нимъ, оставивъ его такъ же недовольнымъ собою, какъ я былъ недоволенъ имъ. По всему этому вы видите, что власть моя не можетъ вамъ служить помощью. Чтò же касается до войны, то это другое дѣло, я съ радостью соглашаюсь и прошу васъ передать герцогу, что онъ можетъ считать меня въ числѣ своихъ самыхъ преданныхъ слугъ.

При мысли о войнѣ, глаза графа заблестали пламенемъ восторга; онъ сталъ ходить скорыми шагами по комнатамъ и пылкое воображеніе унесло его далеко, далеко и представило всѣ планы мнимои кампаніи. Этого было довольно, чтобъ дать понять Пюй-лорану, что скорѣе онъ способенъ быть храбрымъ воинномъ, чѣмъ хорошимъ предводителемъ; но, чтобъ удовлетворить его, любимецъ Гастона говорилъ ему о сраженіяхъ и внесъ имя его въ списокъ недовольныхъ.

Графъ удался съ надеждою на скорую войну и съ восторгомъ предался воинственнымъ своимъ мечтамъ.

Оба они, болѣе кардиналовой партіи, назначили свиданія въ другомъ трактирѣ.

Герцогиня де-Шеврѣзъ могла имъ быть очень полезною. Она пользовалась довѣріемъ и дружбою королевы, была окружена множествомъ вздыхателей и друзей, и знала слабую сторону каждаго; но на герцогиню нельзя было иначе надѣяться, какъ

выбравъ ей такой предметъ любви, который бы участвовалъ въ интригахъ. Въ такой должности было много старательнаго, потому что герцогиня была хороша, жива, рѣзва, прелестна и предана душой и тѣломъ тому, кого любила. Если бы де-Шатоль захотѣлъ сдѣлаться разбойникомъ, грабить на большой дорогѣ, то и она бы пошла за нимъ.

Пюйморанъ написалъ записку герцогинѣ, прося ее назначить ему свиданіе; ему отвѣчали, что ждутъ его на другой день въ двѣдцать часовъ. Въ это время герцогъ де Шеврѣзъ обыкновенно обѣдалъ; а какъ онъ былъ большой обжора, то предолго оставался за столомъ. Ктому жъ жена, по многимъ причинамъ, приучила его никогда не являться къ ней скорпирзомъ.

Въ назначенный часъ, Пюйморанъ отправился въ улицу Saint-Thomas du Louvгѣ, гдѣ находился домъ герцога де Шеврѣзъ.

Субретка, ожидавшая у дверей, ввела его потаенножъ лѣстницею въ молельную, обтянутую краснымъ бархатомъ и обставленную зеркалами. Портретъ герцога Бусингэмскаго, занимающій главное на стѣнѣ мѣсто, доказывалъ, что Шеврѣзъ рѣдко входилъ въ молельную.

Герцогиня скоро явилась изъ за потаенной въ стѣнѣ двери. Удавъ нарядъ любимца герцога Орлеанскаго, она расхохоталась.

— Какъ вы хороши! вскричала она съ обыкновенною своею живостью: какой глубокомысленный противникъ! По важной этой оболочкѣ я вижу какъ важны ваши предпріятія. Откуда взяли вы этотъ старый, сѣрый, съ голубыми заплатами кафтанъ? Покажите-ка мнѣ башмаки.... Право, я умру со смѣху. Какъ это вы сдѣлали, что волосы держатся у васъ въ-гладь на ухахъ? Чтò же до рубашки, то она слишкомъ бѣла и тонка. Берегитесь, Пюйморанъ, съ такимъ тонкимъ бѣльемъ нельзя испровергнуть кардинала. Цвѣтъ лица тоже слишкомъ свѣжъ, надо раскрасить, запачкать пепломъ лицо. Теперь садитесь и потолкуемте. Какъ вы счастливы, что можете переодѣваться, скитаться по свѣту, бѣгать гдѣ хотите!.... Какъ это весело, забавно! За одинъ такой костюмъ право стòитъ быть недовольнымъ. Мнѣ бы хотѣлось показать васъ въ такомъ видѣ королевѣ, это придаю бы ей надежду, что предпріятіе ваше удастся. Бьюсь объ закладъ, что вы не знаете еще всего своего счастья: вы теперь въ большой модѣ, только и разговоры, что о васъ,

нца ваше у всѣхъ на языкѣ. Принцесса Кентъ сравнивала васъ вчера съ рыцаремъ Галаорейнъ. Дамы собираются для того нарочно, чтобъ шептаться во всѣхъ углахъ и разговаривать другъ другу причинами ссоры Гастона съ кардиналомъ; словомъ, вы стали любимкомъ раздора самыхъ хорошихъ ротинишъ. Теперь отъ васъ зависитъ вооружить всѣ будоары. Племянница кардинала плачетъ, что вы поссорились съ ея дядей. Всѣ видятъ, какъ бѣдное это дитя любить васъ! Не измѣняйте ей. Когда-нибудь вы помиритесь съ кардиналомъ, и если возьмете верхъ надъ нимъ, то какъ усладительно будетъ вамъ, изъ привязанности къ возлюбленной, простить врагу своему. Но вѣсто того, чтобъ слушать васъ, я одна все болтаю. Расскажите теперь, зачѣмъ вы прѣехали.

Пюйлоранъ не успѣлъ еще выговорить двухъ словъ, какъ она снова его перебила, вскричавъ:

— Понимаю! вы хотите общаго, единодушнаго вооруженія противъ тиранства кардинала. Мы уже десять разъ это пробовали, обѣ королевы тоже; но никому не удалось. Разумѣется, что кардиналъ падеть когда-нибудь: но трудно отгадать какимъ образомъ и черезъ кого.

— Мы отгадали, герцогиня, отвѣчалъ Пюйлоранъ: вашему любимцу Шатонёфу хочется быть первымъ министромъ, и если онъ не воспользуется случаемъ присоединиться къ намъ, то мы не будемъ въ большой потерѣ, а онъ совершенно погибаетъ.

Герцогиня задумалась.

— Выслушайте меня, другъ мой, сказала она: я родилась не для интригъ и случайно впала въ эту бездну. Шатонёвъ умѣлъ придать мнѣ прелесть въ глазахъ моихъ величьемъ своего генія, озабоченіемъ, которое набрасываетъ на важные предметы, которые, безъ него, были недостижимы моею повзглнвостію. У него самыя высокія, самыя благородныя планы и только одно желаніе нравиться мнѣ подстрекать его честолюбіе. Если бъ онъ возмужалъ на меня корону, то и тогда бъ еще думалъ, что мало для меня сдѣлалъ. Онъ вѣдетъ обо мнѣ совершенно ложное мнѣніе! Чтѣ же касается до вашего предпріятія, милое дитя мое, то я не имѣю о немъ слишкомъ хорошаго мнѣнія, потому-что Шатонёвъ не спѣшитъ стать въ ваши ряды: огромный геній его уже все обдумалъ. Вы же преннлешкій юноша, и мнѣ будетъ очень жаль, если вамъ не удастся. Послушайтесь моего со-

сидь, что герой нашъ до глубины души смутился отъ этого лукаваго взора.

— Коварный! вскричала она, вы очень хорошо знаете, что съ женщинами никогда не остаешься въ потерѣ. Онѣ всегда жертвуютъ для васъ собою, не требуя ничего въ замѣнъ. Я разстанусь съ своимъ обожателемъ; вы для меня не оставите своихъ плановъ на счетъ кардинала, и на конецъ концовъ, я просто перейду отъ одной партіи къ другой.

Пюйморанъ упалъ къ ногамъ герцогини, клался чистосердечно, что для нея онъ оставитъ и герцога, и придворныя интриги и всю вселенную. Онъ умолялъ ее, чтобъ она позволила ему ѣхать съ нею въ какую-нибудь провинцію, гдѣ-бъ онъ исключительно могъ предаться счастью обладать этимъ нѣжнымъ сердцемъ, которое такъ пламенно, такъ искренно поклоняется любви.

— К чему бѣжать? сказала герцогиня. Развѣ здѣсь не хорошо? Мнѣ нравится уже въ васъ честолюбіе и я хочу раздѣлять вашу судьбу! Избави Боже мѣшать вашимъ предпріятіямъ! Все что я о васъ слышала, мнѣ всегда очень нравилось. Вы находитесь въ теперешнемъ положеніи потому только, что были слишкомъ честны, а это большая рѣдкость. Сообщите мнѣ свои намѣренія, я приму въ нихъ самое живое участіе и предамся имъ всею душею.

А пока прекрасная герцогиня, бросаясь въ объятія Пюйморана, предалась ему всею душею, изъ всего этого вышло, что видѣсто того, чтобъ замыслить козни противъ кардинала, они стали видѣсть рыть яму бѣдному Шатонёфу.

III.

Такъ какъ Пюйморану и герцогинѣ очень нравилось совѣщаться, то интрига эта могла бы долго продолжаться, если бѣ камернетка, постучавшая въ двери не сказала, что Лопесь ждетъ приказаній герцогини.

— Пусть придетъ завтра, отвѣчала мадамъ де-Шенрѣзъ; сегодня мнѣ некогда разбирать брилліанты.

— Остановите его, сказалъ де-л'Ажъ. Развѣ вы не знаете, что Лопесь шпионъ? Вѣдь Шатонёфъ еще ничего не знаетъ. Прими-

те его, а я спрячусь. Надо наблюдать за нимъ и постараться узнать, известно ли кардиналу, гдѣ находишь я теперь.

Герцогиня позволила. Камерлетка снова явилась.

Пюйлоранъ спрятался за занавѣску, откуда могъ все видѣть и слышать, и Лопеса ввели.

Войдя въ комнату, Абессерраджи окинулъ ее подозрительнымъ взоромъ какъ-будто надѣялся увидѣть слѣды обожателя, которые во всѣхъ комедіяхъ и драмахъ обыкновенно забываютъ или шлану, или перчатки или шпагу; но Пюйлоранъ ничего не оставилъ, чтобъ могло подать подозрѣніе. Герцогиня отлично разыгрывала роль свою. Она показывала Лопесу брилліанты и дѣлала ему тысячу самыхъ подробныхъ наставленій, какъ обдѣлать заназанный ею уборъ.

Лопесъ вѣсколько разъ покушался отклонить разговоръ отъ предмета своего и навести его на посторонніе предметы; но герцогиня дѣлала видъ будто не замѣчаетъ. Наконецъ онъ хотѣлъ уже уйти, какъ она спросила его самымъ протосердечнымъ тономъ:

— Что новенькаго, Лопесъ? Скоро ли кардиналъ пожалуетъ племянницу свою въ герцогиню? будетъ ли пѣть у королевы маршальша де-Темиль? О чемъ говорятъ теперь?

— О болѣе важныхъ дѣлахъ, отвѣчалъ Лопесъ; но такіе важные предметы должны оставаться непонятными для бѣднаго какъ я ювелира, а не то, я бѣ рассказалъ нѣчто вашей свѣтлости.

— Расскажи, расскажи, Лопесъ.

— Всѣ говорятъ теперь о Пюйлоранѣ, который скрывается въ Парижѣ подъ чужою одеждою, и чтобъ не быть пойманнымъ, ночуетъ по разнымъ трактирамъ; но полиція кардинала попала на слѣды его. Кардиналъ поручилъ мосье де-Нойѣ вручить ему паспортъ, съ которымъ въ продолженіи недѣли онъ свободно можетъ разгуливать по Парижу; ему же предлагаютъ только одно условіе: явиться въ Рюэль и переговорить съ отцемъ Іосифомъ дю-Транблей, который еще разъ хочетъ попытаться, вслѣзъ ли примирить его высочество съ кардиналомъ. Если бѣ вашей свѣтлости случилось встрѣтиться съ Пюйлораномъ или съ кѣмъ-нибудь изъ друзей его, то они бѣ могли сообщить ему намѣренія кардинала.

— Помилуй Лопесъ, гдѣ могу я встрѣтить Пюйлорана, когда онъ бѣгаетъ по гостинницамъ и трактирамъ? Это меня вовсе не интересуетъ. Возьми лучше этотъ изумрудъ и сдѣлай мнѣ перстень.

Когда Лопешъ увидѣлъ, Пюльоранъ и герцогиня стали совѣщаться какъ поступить послѣ такой новости, и размысливъ хорошенько, рѣшили, что Пюльорану надо оставаться у герцогини, чтобъ дать время лазутчикамъ потерять слѣды его. Герцогиня зашла нашего героя въ своей молельной, а сама пошла къ королеви узнать, въ самомъ ли дѣлѣ де-Нойе ищетъ Пюльорана, и что именно хотятъ узнать отъ него. У де-л'Ажа была при себѣ только одна бумага, могущая погубить его, въ случаѣ, если бы его схватили; это былъ списокъ особъ, которыхъ онъ хотѣлъ завербовать въ свою партію. Ему не хотѣлось уничтожить его по множеству вписанныхъ тамъ именъ, которыя онъ боялся забыть. Кстати, онъ нашелъ на герцогининномъ столѣ банку симпатическихъ чернилъ, и переписалъ имена эти между линейками одного ничтожнаго письма. Невѣроятно было, чтобъ кому-нибудь могло притти въ голову поднести бумагу эту къ огню и прочесть такимъ образомъ имена недовольныхъ. Скоро увидать, что предосторожность эта вовсе не была лишнею, потому что списокъ недовольныхъ чуть было не превратился въ списокъ изгнанниковъ.

Два часа спустя герцогиня возвратилась домой.

— Дѣла наши хорошо идутъ, сказала она. Я видѣлась съ де-Нойе у королевы. У него и въ-самомъ-дѣлѣ есть для васъ паспортъ. Я заставила его показать всѣмъ присутствующимъ, такъ что кардиналъ не смѣетъ теперь отказаться отъ своего обѣщанія и долженъ въ продолженіи этой недѣли охранять вашу особу. Теперь, вамъ надо ѣхать въ Рюэль, откуда подагра не выпускаетъ министра. Остерегайтесь пронырства отца Юсефа; взвѣшивайте съ нимъ каждое слово и будьте какъ можно осторожны. Если министръ и въ-самомъ-дѣлѣ хочетъ помириться съ Гастонемъ, то устройте такъ, чтобъ миръ ихъ былъ подписанъ на вашемъ свадебномъ договорѣ съ племянницей кардинала. Это увѣчаетъ наше предпріятіе. Я была бѣ въ отчаяніи, если бѣ сдѣлалась помѣхою къ вашему счастью. Не теряйте времени и приходите ко мнѣ по позже: мы будемъ вмѣстѣ ужинать.

Пюльоранъ побѣждалъ въ трактирѣ, гдѣ оставилъ свои вещи, вытащилъ изъ чемодана придворное платье и отправился къ де-Нойе, существу въ родѣ карикатурики съ кошечьею мордою.

Де-Нойе, приказавъ сечь въ Фантенбло Леду знаменитаго Микель-Анджело и другія рѣдкія произведенія, которыя нашелъ неприличными, заслужилъ полное уваженіе кардинала.

Онъ отдалъ паспортъ Пюйдорану и предложилъ собственную свою карету, ѣхать въ Рюэль.

Увеселительный замокъ кардинала, только-что выстроенный, доказывалъ необыкновенною своею роскошью и великолѣпнѣе все могущество своего владѣльца. Трофеи, скульптурныя произведенія и барельефы, представляла взору слишкомъ обильное собраніе предметовъ, портали немного общую перспективу; но сады, распланированныя въ итальянскомъ вкусѣ, и оранжереи были чудно хороши.

На главной аллеѣ, съ обѣихъ сторонъ которой находились два гранитные грота, стоялъ фонтанъ, изъ котораго вода была въ три различныя бассейна послѣ девяти паденій на мраморныя ступени. На верху зданія, въ живописномъ положеніи, стояли три фигуры, и множество другихъ статуй окружали бассейны. Одиавъ изъ гротовъ былъ наполненъ звѣрвыми чучелами, которыя, когда дотрогивались до извѣстной пружины, извергали неожиданно на любопытныхъ струи ключевой воды. Такая плоская шутка вовсе не шла къ мѣсту отдохновенія великаго министра; но эта бездѣлица носила на себѣ отпечатокъ страсти кардинала къ двусмысленностямъ, шуткамъ и остроумію. Другой гротъ былъ украшенъ живописью и изваяніемъ итальянскихъ художниковъ, которые превзошли въ живущіи этомъ все, что знали только въ это время во Франціи.

По необыкновенному движенію кардинальскихъ слугъ, Пюйдоранъ увидалъ, что его ожидаютъ въ Рюэль. Гофъ-фурьеры разкланялись ему со всевозможнымъ почтениемъ и объявили, что отецъ Юсефъ занимается теперь съ его святѣйшествомъ, но что онъ не заставитъ долго ждать себя.

Сказавъ это, гофъ-фурьеры поклонились и вышли, оставивъ посетителя въ звѣздной залѣ, съ тремя незнакомцами, ожидавшими то же отца Юсефа. Зала эта, овальной формы, была разрѣшена красками похожими на китайскіе лаки и устлана серебряными звѣздами. Около стѣны было осемь дверей, выходящихъ на темныя лѣстницы или темные коридоры, изъ которыхъ одинъ, какъ въ-послѣдствіи узнали, велъ въ подземныя тюрьмы, въ которыя если кто попадалъ, то никогда уже не выходилъ; онъ называлась *oubliettes*, то есть забытыя. Осмотрѣвъ комнату, Пюйдоранъ сталъ всматриваться въ лица находившихся тамъ особъ. Это были люди трехъ родовъ, съ которыми ему не хотѣлось бы

встрѣтятся въ лѣсу обезоруженнымъ. На спиивъ, кафтаны ихъ были пропитаны потомъ. Рапцры со временъ жарнакесскаго сраженія, прикрѣпленные къ подтяжкамъ, волочились по пятамъ, а плащи, сшитые изъ лошадиныхъ попонъ, носили на себѣ слѣды августовской пыли и декабрьскихъ дождей. Голодъ, пронирливость и воровскъ боролись на лицахъ этихъ почтенныхъ особъ. А пока отецъ Юсефъ не предпринялъ еще обращенія этого умилительнаго трю, разбойники разговаривали въ углубленіи окна, и пристально всматривались въ незнакомца, какъ-будто бы хотѣли запечатлѣть въ памяти своей малѣйшіе отбѣвки его особы. Пюйморану не могло притти въ голову, чтобъ онъ часто могъ встрѣтиться съ такою компанією; и потому оставилъ безъ вниманія въ испытующіе взоры.

Пока люди эти осматривали его съ ногъ до головы, онъ услышалъ за дверьми рѣзкій голосъ отца Юсефа, который бранилъ гофъ фурьера, затѣмъ впустилъ онъ въ звѣздную залу этихъ плутовъ.

Минуту спустя, Пюйморана ввели въ сосѣднюю комнату.

Святой отецъ принялъ его ласково и съ уваженіемъ, бралъ за руки, называлъ своимъ возлюбленнымъ сыномъ и предложилъ кресла у каминна.

Отецъ Юсефъ былъ монахомъ только по плагью. Въ головѣ его носилась политика всей Европы и болѣе половины великихъ плановъ и размышленій кардинала принадлежали отцу Юсефу. Если бъ ему дали волю, онъ перевернулъ бы всю вселенную; потому что по мнѣнію этого капуцина, имперія, королевскій домъ, армія, флотъ, были совершенно ничто въ сравненіи съ какимъ-нибудь предпріятіемъ. Кардиналъ излагалъ ему всѣ свои мысли, а отецъ Юсефъ, давая волю своему воображенію, въ минуту разсматривалъ и обсуживалъ дѣло, возвышался въ высокія сферы, и вводилъ иногда Францію въ самую сердцевину Монголіи. Кардиналъ изъ всего этого выбиралъ то, что можно было привести въ дѣйствіе, а на остальное не обращалъ вниманія. Но какъ ни былъ онъ пылокъ и предпримчивъ въ совѣтахъ, столько же былъ сохлѣстливъ и покоренъ въ исполненіи приказаній своего владыки.

— Молодой человѣкъ, сказалъ отецъ Юсефъ, вы умѣли доказать намъ, что васъ можно бояться, навязали намъ на шею кучу хлопотъ, и потому мы возымѣли къ вамъ уваженіе. Все это очень хорошо. Теперь вамъ надо посвятить себя какойнибудь высо-

кой цѣли, быть полезну государю, исполнять должность не одного царедворца, но и государственнаго человѣка. Хотите какого-нибудь занятія, посольства, порученій? Мы дадимъ вамъ его, если вы только пожелаете.

— Кажется, вы хотѣли говорить со мною о дѣлахъ, отвѣчал Пюйлоранъ. Развѣ вамъ не сказано, что я другъ и покровитель Гастона, который теперь въ ссорѣ съ кардиналомъ?

— Гастона Орлеанскаго! что это за человѣкъ? я не взялъ бы его къ себѣ въ секретари. Какъ можете вы оставаться при такомъ человѣкѣ? Чтѣ намъ за дѣло де его ссоры? мы даже о ней и не думаемъ, а думаемъ какъ бы разорить Австрію и ввести Густава Адольфа въ центръ Германіи. Преміе двухъ лѣтъ мы обдумаемъ это дѣло, потому я намѣренъ покорить Турцію, и это вовсе не трудно.

Отецъ Іосифъ болѣе четверти часа доказывалъ, какъ легка эта побѣда. Напа и венеціанская республика одни, по его мнѣнію, должны были поплатиться; Архипелагъ и Морея должны были принадлежать имъ, такъ что король, враспувшись въ одно прекрасное утро, могъ очутиться, почти безъ всякихъ издержекъ, владѣтелемъ Константинополя. Пылъ и убѣжденія страннаго этого человѣка придавали мечтамъ его какую-то прелесть; но Пюйлоранъ, слушая его не забывалъ, что разговоръ этотъ былъ заведенъ для того, чтобъ скрыть настоящіи мысли говорившаго.

— Вы позвали меня, вѣроятно не за тѣмъ, сказалъ де Л'Ангъ, чтобъ говорить только о покореніи Турціи.

— Разумѣется, не для того, отвѣчалъ отецъ Іосифъ, но чтобъ доказать вамъ, что у насъ найдется дѣла для сотни такихъ умныхъ, какъ вы, молодыхъ людей; слѣдовательно глупо тратить время свое и способности на пустыя интриги. Размыслите немного о томъ, чтѣ я сказалъ вамъ, а я въ это время отпущу трехъ плутовъ, которые ждутъ меня въ маленькой загѣ.

Къ большому удивленію Пюйлорана, отецъ Іосифъ вышелъ, оставивъ его одного передъ столомъ, заваленнымъ бумагами и распечатанными письмами, которыя очень легко можно было прочесть, не dotрогиваясь даже до нихъ.

Но какъ герой нашъ звалъ, что святѣйшій отецъ не способенъ на такую опрометчивость, то разсудилъ, что было гораздо вѣроятнѣе, что почтенному аббату хотѣлось, чтобъ бумаги эти бро-

слись въ глаза врагу его, и между-тѣмъ угадалъ, что отецъ Досиѣвъ издалъ всѣ предосторожности для удостовѣренія, въ-последствіи, ятавы ли были эти бумаги или нѣтъ.

Пюйморанъ, заложивъ руны за спину, подошелъ съ недовѣрчивостью къ столу, на которомъ лежала большая закрытая книга, в повидному была такъ положена, чтобъ прямо броситься въ глаза; въ книгѣ этой находился листъ, края котораго выходили изъ нея съ трехъ сторонъ. Сверху, въ началѣ листа, было написано: *Списокъ особъ, которымъ маркизъ де-Шюйморанъ, во время пребыванія своего въ Парижъ, долженъ дѣлать предложенія отъ имени его высочества.* Съ боку, то есть въ дѣнну листа, выходящаго изъ книги, видны были окончательные слоги многихъ фамилій. Три фамиліи, Ламе, секретаря Басомвиера, Монтрезора и Бондѣ, агента графа Соасонскаго, были очень явственно написаны.

Последнее имя и въ самомъ-дѣлѣ находилось въ списокѣ Пюйморана; но первыхъ двухъ не было; изъ чего онъ и заключилъ, что все это была хитрость, выдумка.

Де-л'Ажу очень хотѣлось прочесть остальное, чтобъ знать, — а это было для него очень важно, — на кого изъ друзей Гастона пало подозрѣніе.

Всматриваясь внимательно въ бумагу, онъ замѣтилъ три коротенькія строчки, написанныя карандашемъ на томъ же мѣстѣ, параллельно со строчками книги.

Еслибъ де-л'Ажъ хотя на волосъ подвинулъ листъ, то это было бы замѣтно; угадавъ приготовленную западню, ему ничего не стоило прочесть бумагу и положить на то же самое мѣсто, и потому онъ разкрылъ книгу и прочиталъ бумагу сверху до низу. Онъ нашелъ тамъ нѣсколько именъ, находящихся и въ его списокѣ; но это были люди уже давно извѣстные ненавистью своею къ кардиналу и являющіеся во всѣхъ натригахъ. Между остальными находились и такія, которыя хорошо было принять къ свѣдѣнію, и Пюйморанъ этимъ воспользовался. Но всего больше обрадовало его, что ни Шатопьера, ни герцогиня де-Шеврѣзъ не было въ этомъ списокѣ. Прочитавъ со вниманіемъ, онъ опять вложилъ листъ въ толстую книгу, приставляя тщательно и параллельно со строчками книги три отмѣтки карандашемъ, такъ что нельзя даже было замѣтить, что кто-нибудь до этого дотрогивался.

Въ это время, въ сосѣдней комнатѣ слышался голосъ отца Иосифа, который разговаривалъ съ тремя своими друзьями.

Шюлоранъ, обошедъ комнату еще разъ и удостовѣрившись, что тутъ нѣтъ ни іудяковъ, ни окошечекъ, откуда можно бѣ было наблюдать за ними, сѣлъ у каминна и положилъ ноги на перекладку.

Аббатъ, возвратившись почти въ ту же самую минуту, посмотрѣлъ изъ подлобья въ томъ ли еще положеніи его бумаги, и увидѣвъ, что онѣ лежатъ на томъ же мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами.

— Возлюбленный сынъ мой, сказалъ онъ своему гостю, вы вѣроятно разсудили и поняли, что интриги герцога для такихъ людей какъ мы, не что иное какъ ребячество. Истина, которая не дала мнѣ труда посылать за собою, пришла сама за мною вотъ сюда въ этотъ кабинетъ. Въ трехъ словахъ мы изложимъ это дѣло: Герцогъ ненавидитъ кардинала, не такъ ли? а король между-тѣмъ рѣшился никогда съ нимъ не разставаться; слѣдовательно его высочеству, чтобъ низпровергнуть министра, надо лишитъ трона брата своего. Это невозможная вещь и одна надежда есть уже нелѣпость и преступленіе. Можетъ-быть герцогъ, ссорясь съ кардиналомъ и былъ правъ, но былъ виноватъ тѣмъ, что покинулъ дворъ и каждый шагъ ведетъ его все ближе и ближе къ гибели, а междоусобіе совершенно уничтожитъ его. По этому, какъ видите, мы вовсе не желаемъ его возвращенія; если остается тамъ, гдѣ онъ теперь находится, подожженіе его день ото дня становится все хуже и хуже; но между тѣмъ, мы будемъ рады этому возвращенію. Спасити жизнь безумнымъ, которые привязались къ нему. Гастонъ будетъ смѣть у себя дома, а мы не пойдемъ за нимъ. Онъ будетъ исполнять обязанности свои въ отношеніи къ королю, который станетъ обходиться съ нимъ, какъ-будто между ними не было никакой непріятности. Разумѣется, что онъ всѣми мѣрами будетъ стараться насолить намъ, но мы ему станемъ платить тѣмъ же, и все пойдетъ прежнимъ порядкомъ. Отъ васъ зависитъ устроить это дѣло. Вы имѣете довольно власти надъ принцемъ, чтобъ заставить его понимать вещи такимъ образомъ, какъ я вамъ излагаю, а мы наградимъ васъ за это герцогскою короною и посольствомъ въ Турцію.

— Нѣтъ ли у васъ еще какихъ предложеній?

— Не думаю, отвѣчалъ аббатъ. Пріѣзжайте завтра, мы еще шотолкуемъ.

Отецъ Юсифъ проводилъ Пюйлорана до лѣстницы, гдѣ ожидали его люди де-Нонё.

Когда де-л'Ажъ сѣлъ въ карету, начинало смеркаться, а когда доѣхалъ до Курбевоа, то было уже совершенно темно.

Вдругъ онъ почувствовалъ сильный толчекъ, и карета опрокинулась на бокъ, такъ что одна дверца лежала на землѣ, а другая была обращена къ небу.

Прохожіе, чтобъ подать помощь незнакомцу, остановились, вѣли на карету, и молодой человѣкъ услышалъ незнакомые голоса, которые спрашивали, не ушибся ли его сіятельство. Двѣ сильные руки схватили въ потьмахъ Пюйлорана, вытащили его изъ кареты, и онъ очутился на землѣ на большой дорогѣ.

Когда, очнувшись, Пюйлоранъ посмотрѣлъ на своихъ спасителей, то узналъ трехъ пріятелей отца Юсифа.

Изывая имъ свою благодарность, онъ отступилъ однако на три шага и схватился за рукоятъ шпаги.

Но разбойники не подходили къ нему, а помогали кучерамъ и лакеямъ поднимать карету, которая въ минуту очутилась на четырехъ колесахъ своихъ.

Бандиты опустили подножки, посадили въ карету Пюйлорана пожелаали ему добраго пути, сняли шляпы, раскланялись, и лошади помчались во весь опоръ. Все это произошло такъ быстро какъ во снѣ.

Проходя въ умѣ подробности этого обстоятельства, Пюйлоранъ вспоминалъ, что при свѣтѣ фонаря видѣлъ только-что вспаханную землю, какъ-будто-бы на томъ мѣстѣ, гдѣ упала карета, нарочно вырыли камни, а шесть, которымъ подавали экипажъ, лежалъ на краю дороги, какъ-будто съ умысломъ былъ для того приготовленъ. Стеченіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и какъ-будто подготовленная встрѣча съ тремя бандитами, заставили де-л'Ажа призадуматься; это показалось ему подозрительнымъ. Между-тѣмъ какъ согласить вѣстѣ вѣжливость и поспѣшность трехъ бандитовъ помочь Пюйлорану съ мыслью погубить его?

Думая объ этомъ происшествіи, онъ пріѣхалъ въ Парижъ.

Герцогинья камернстка ожидала его у садовой калитки.

Ужнивъ былъ накрытъ въ уборной, и герцогинья была въ томъ лучшемъ неглиже, по которому узнають стратегію женщинъ когда онѣ готовятъ или къ побѣдамъ или интригамъ.

Все дышало удовольствіемъ въ этомъ пріятливомъ уголкѣ, а

между-тѣмъ, герой нашъ, оледѣвъ отъ ужаса, остановился передъ холоднымъ дыпленкомъ : портфеля его не было въ карманѣ!

Во время суматохи его украли и, безъ сомнѣнія, онъ находился уже въ рукахъ отца Юсефа.

Отъ Пюйлорана завистло провести цѣлый вечеръ и цѣлая ночь въ отчаяніи отъ такого открытія. Прибавивъ къ досуже его мученье неизвѣстности, ему было бы какъ-нельзя легче сдѣлаться мрачнымъ собесѣдникомъ и несвоякимъ любовникомъ; но онъ, при помощи любви и вкуснаго ужина, предпочелъ отложить до завтраго безпокойство и мрачныя мысли, и потому не сказалъ герцогини ни о разговорѣ своемъ съ отцемъ Юсефомъ, ни о покражѣ бумажника.

Сѣвъ за столъ, де-л'Ажъ и герцогиня слова приняли за козни противъ Шатонѣфа, и возобновили разговоръ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ остановились утромъ.

IV.

На другой день Пюйлоранъ, вооружась шпагой и пистолетами, поѣхалъ верхомъ въ Рюльъ, сопровождаемый своимъ конюхомъ.

Отецъ Юсефъ снова-было бросился въ политическія бредни, но де л'Ажъ остановилъ его на половинѣ дороги въ Турцію.

— Позвольте, почтеннѣйшій отецъ, сказалъ онъ ему, поговорить съ вами о моихъ собственныхъ дѣлахъ. Предоставляю вамъ свободу идти покорять оттоманскую имперію, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; но предложенія, которыя вы поручили мнѣ передать его высочеству и которыя я вѣрно и непремѣнно передамъ ему, неудобносполнимы; онъ ихъ не приметъ, этого я не скрываю отъ васъ. Предложенія эти слишкомъ очевидно помогаютъ тактикѣ, которую кардиналъ всегда употреблялъ противъ насъ. Если бъ его высочество возвратился въ Паряжъ, то свиходительность его и великодушіе непремѣнно бы назвали слабостью характера и легкомысліемъ. Вы умолчали о настоящей причинѣ всѣхъ ссоръ нашихъ, то есть, не упомянули о томъ, о чемъ я и кардиналъ бились объ закладъ. Его святѣйшество объявилъ мнѣ, что волею или неволею, а я буду шпиономъ, на что я отвѣчалъ, что ни за что въ мірѣ не соглашусь на такую постыдную роль. Если послѣ

го прощавъ, какъ простился съ вами герцогъ, я сталъ бы привать его возвратиться и обходиться съ вами какъ-будто ничего между вами не было, онъ могъ бы подумать, что я всь надъ нимъ, и принялъ бы это за горькое оскорблене. Студя ему такую грубую ошибку, я могу потерять вліаніе надъ такимъ образованнымъ, просвѣщеннымъ принцемъ; и потому вижу, что побѣдки мои въ Рюль не к чему не поведутъ. Но онъ бы бы принести вамъ пользу, если бъ у меня не украли бумажекъ моихъ. Честный триумвиратъ, который я вчера видѣлъ, и который съ такимъ рвеніемъ помогалъ мнѣ на большой охотѣ, чудесно исполнилъ данное ему порученіе. Повиднмому, изъ числа братій вашего ордена и вы пошлете ихъ вѣрнѣе обращаться Турковъ на путь истины. Могу увѣрить васъ, что они вѣруютъ. Только къ-несчастью я оставилъ бумаги въ вѣрномъ мѣстѣ. И такъ, я скажу его высочеству, что вы не хотите съ нимъ разиться, что подъ предлогомъ будто желаете дѣйствовать чрезъ мое посредничество, вы заманили меня къ себѣ и все время говорили о пустякахъ; чтобъ ловче было обокрасть меня, вы послали трехъ подкупленныхъ разбойниковъ; но что я предвидѣлъ эту хитрость и распорядился какъ слѣдовало.

Отецъ Іосифъ, понимая, что слѣдуетъ перемѣнить товь, началъ улыбаться съ хитрымъ и самодовольнымъ видомъ.

— Какъ пріятно вести съ вами дѣла, дитя мое, сказалъ онъ, когда пристально на Пюйлорана. Я люблю людей, которые говорятъ ясно и понимаютъ скоро. Вы угадали: мы вовсе не заботимся о примиреніи съ герцогомъ, доведемъ его до гибели и не оставимъ друзей его. Сознаюсь, что агенты мои похитили ваши бумаги, и чтобъ вы ни говорили, а онѣ очень важны. Между ними и вашель списокъ особъ....

Аббатъ остановился и пристально посмотрѣлъ на Пюйлорана, но онъ не измѣнился въ лицѣ.

— Поэтому вы могли видѣть, отвѣчалъ онъ, какъ списокъ этотъ не согласовался съ тѣмъ, который вы вложили вчера въ эту книгу, и который я прочиталъ отъ доски до доски.

— Правда, что не согласовался; но у васъ не хватило ума прочесть то, что я положилъ вамъ подъ носъ; вѣдь я сдѣлалъ тамъ нѣкоторые знаки....

— Три отвѣтки карандашемъ, не такъ ли? Прочитавъ бумагу я положилъ ее на прежнее мѣсто.

— Очень, очень хорошо, сынъ мой. Вы ловкій юноша. Чтобъ

привлечь васъ къ себѣ, кардиналу надо будетъ выстроить золотой мостъ. Когда-нибудь мы будемъ согласны въ мнѣніяхъ, а пока оставимъ тайны... вѣдь списокъ вашъ и безъ того мнѣ извѣстенъ; онъ теперь у меня.

— Берегитесь, аббатъ, а не то я подумаю, что по обстоятельствамъ, которыхъ не могу теперь отгадать, листъ мой ускользнулъ изъ рукъ вашихъ. Скажите, чье было тамъ первое имя? первое, которое васъ больше всѣхъ удивило, можете вы мнѣ сказать это?

— Разумѣется, что оно удивило меня, потому-что герцогъ уже давно въ ссорѣ съ его высочествомъ, и хотя постоянно былъ ими недоволенъ, я не думалъ, чтобъ онъ когда-нибудь могъ заглушить ненависть свою къ Гастому.

— Вы говорите о герцогѣ де-Бульонъ? Ну, теперь я вижу, что вы не читали моего списка, потому-что герцога нѣтъ въ немъ. Теперь я совершенно успокоился.

Аббатъ закусилъ губы.

— Напрасно успокоился, сказалъ онъ, списокъ вашъ на верху у кардинала, и вы увидите его въ день вашего процесса между другими бумагами, служащими противъ васъ доказательствомъ.

— Я столько писалъ бумагъ, что это ужъ мнѣ не-почемъ. До свиданія, отецъ Юсефъ.

— До свиданія, дитя мое, позвольте обнять себя; я очень люблю такихъ ловкихъ имышленыхъ молодыхъ людей какъ вы.

Аббатъ обнялъ дружески де-л'Ажа, обѣщая не щадить его, а Пюйлоранъ, цѣлуя его покаялся, что за каждое оскорбленіе и каждый обманъ будетъ ему платить тѣмъ же.

Выѣзжая изъ Рюэля, герой нашъ посмотрѣлъ невзначай въ окно замка и увидалъ тамъ черныи капшонъ челоуѣка, выглядывавшаго изъ за гардины. Въ то же самое время у другаго окна онъ увидалъ де-Кавоа, капитана кардинальской гвардіи, который дѣлалъ знаки руками.

Не понимая жестовъ Кавоа, Пюйлоранъ остановился и приказалъ конюху своему осмотрѣть кругомъ. Въ ста шагахъ отъ замка, на большой дорогѣ, подъ деревомъ сидѣло нѣсколько челоуѣкъ, походившихъ на Цыганъ. Между листьями сверкали ружья.

Отецъ Юсефъ вытанувъ шею, отбросивъ капшонъ, придерживая одною рукою гардину, стоялъ у одного окна, между-тѣмъ какъ у другаго Кавоа съ отчаяніемъ махалъ руками.

Этого было достаточно, чтобы пробудить подозрѣніе въ Пюй-лоранъ.

Онъ повернулъ въ-лѣво, на проселочную дорогу и поскакалъ галопомъ, въ сопровожденіи своего конюха.

Два отдаленные выстрѣла доложили ему о томъ, что готовили для него друзья отца Юсефа, если бы онъ поѣхалъ по большой дорогѣ.

Кавао въ знакъ радости замахалъ платкомъ, а Пюйлоранъ, прѣхавъ въ Парижъ, благословлялъ аббата, который при первомъ посѣщеніи ограбилъ его, а при второмъ намѣревался убить.

Вечеромъ того же дня Антоанъ шелъ по улицѣ Saint-Thomas du Louvre, какъ на мосту Мѣнялъ встрѣтился съ нимъ какой-то незнакомый и подалъ записку на простой кухонной бумагѣ. Правильное этой записки было слишкомъ странно, чтобы можно было передать его вѣрно со всею точностью.

«Если его сїятельству маркизу угодно будетъ имѣть извѣстія о потерянномъ имъ бумажникѣ, то его просятъ пожаловать въ восемь часовъ вечера въ трактиръ Пеликана, въ улицу des Mathurins.

Если бы Пюйлоранъ бывалъ или слышалъ когда-нибудь о трактирѣ Пеликана, то не пошелъ бы туда, потому что о мѣстѣ этомъ носились очень дурные слухи; но не имѣя о немъ никакого понятія, онъ на всякій случай отправился туда.

Войдя въ трактиръ, онъ узналъ трехъ разбойниковъ, съ которыми видѣлся на канувѣ. Они были въ лохмотьяхъ, съ желтыми перьями на шляпахъ.

Походка и манеры начальника ихъ папоминали разорившагося дворянина.

Онъ вѣжливо подошелъ къ Пюйлорану и сказалъ:

— Извините, что я осмѣлился назначать свиданіе особѣ вашего сана; но я бы не дерзнулъ на это, если бы не имѣлъ вѣчто хорошаго сообщить вамъ на-счетъ бумажника, потеряннаго вами, вчера по рюэльской дорогѣ.

— Вы лучше другаго должны знать, что случилось съ моимъ бумажникомъ, потому что сами украли его, отвѣчалъ де-л'Ажъ.

— Ваше сїятельство изволить касаться до главнаго пункта дѣла. Мы и въ-самомъ-дѣлѣ украли эти бумаги; но какъ я предполагаю, что вы о нихъ безпокоитесь, то и спѣшу разувѣрить васъ. Отецъ Юсефъ приказалъ намъ такъ дѣйствовать и я

исполнилъ все по совѣсти; только забылъ напередъ уговориться въ цѣнѣ. Мнѣ казалось это лишнимъ, потому что всѣ видятъ и знаютъ, что строе святѣйшество правая рука министра. По этой-то причинѣ, я, безъ задатку и не торгуясь въ цѣнѣ, исполнилъ въ кредитъ его приказаніе. Бумаги были въ ту же минуту снесены въ Рюэль и вручены отцу Юсефу. Проклятый этотъ аббатъ раскрылъ бумажникъ и найдя только одни пустыя письма, сталъ увѣрять меня, что я не съумѣлъ похитить тотъ бумажникъ, который ему былъ надобенъ. Напрасно увѣрять я его, что кромѣ бумажника и четырехъ золотыхъ монетъ, — что доказывало какъ исправно мы обшарили ваши карманы, — на васъ ничего больше не было, онъ все-таки повторялъ, что я неловкій, нерасторопный человекъ. Такой упрекъ укололъ меня и я отвѣчалъ, что онъ самъ не умѣетъ открыть тайны, которая находится въ рукахъ у него. Отецъ Юсефъ снова перечиталъ письма и не находя ничего по своему вкусу, бросилъ все въ огонь; но какъ онъ досадовалъ на свою недогадливость, когда увидалъ, что на одной изъ бумагъ, когда огонь прикоснулся къ ней, выходили буквы, слова и мысли, которыя пламя пожирало по мѣрѣ того какъ онѣ являлись. Аббатъ, бросаясь передъ каминномъ на колѣна, старался выхватить изъ пламени столь интересный документъ; но было уже поздно. Онъ жегъ пальцы, кричалъ и звалъ меня на помощь. Наконецъ, когда бумага уже почти сгорѣла, отецъ Юсефъ не покушался уже спасти ее, а всунулъ лицо свое въ каминъ, чтобъ прочесть по-крайней мѣрѣ нѣсколько словъ. «Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ, вѣдь эту-то самую бумагу намъ и надо было! это списокъ нашихъ противниковъ! Я вижу какъ между горящими угольями бѣгаютъ проклятыя эти имена. О ужасъ! о горе! они ускользнули отъ меня!»

Я думалъ, маркизъ, что извѣстія эти успокоятъ васъ, и потому успѣшилъ сообщить ихъ вамъ.

Пюйлоранъ поблагодарилъ бандита, и далъ ему еще четыре золотыя монеты, которыя тотъ положилъ въ карманъ съ нѣжнымъ и умилненнымъ видомъ.

— Ахъ! ваше сіятельство, сказалъ онъ вздыхая, великодушіе ваше поражаетъ меня стыдомъ и раскаяніемъ. У меня до васъ большая просьба: сегодня утромъ мы узнали, что вы дружны съ его высочествомъ, съ этимъ великимъ человекомъ, который такъ щедро платитъ слугамъ своимъ.

Три разбойника при имени герцога поклонились....

— Храбрый герой этотъ, продолжалъ ораторъ, находится теперь въ ссорѣ съ кардиналомъ, а вамъ гораздо пріятнѣе было бы служить ему, чѣмъ полуразстригамъ. Повѣрите ли, ваше сіятельство? что этотъ скрага, отецъ Юсифъ, далъ намъ гораздо меньше за похищеніе бумагъ вашихъ, чѣмъ вы, у котораго мы ихъ похитили! За два дѣла, за бумажникъ вашъ и еще одно болѣе важное, Юда этотъ имѣлъ дерзость предложить вамъ только пятьдесятъ червонцевъ.

— Ужъ не то ли дѣло, которое вамъ не удалось? спросилъ Пойлоранъ.

— Я прихожу въ ужасъ, продолжалъ бандитъ, когда вспоминаю объ опасности, которой вы подвергались, но, слава Богу, вамъ пришло счастливое вдохновеніе спастись проселочною дорогою.

— А! теперь догадываюсь, почему вы пустили на меня два выстрѣла; вѣроятно для того, чтобъ доказать радость свою, что я избѣжалъ этой опасности?...

— Нѣтъ, не для того, а для успокоенія своей совѣсти; вѣдь я не зналъ тогда, что вы другъ его высочества, и вовеки не предполагалъ, чтобъ кардиналъ-министръ такъ дешево платилъ за услуги. Теперь мы видимъ, что этотъ кардиналъ-министръ съ отцемъ своимъ капуциномъ не что иное, какъ плуты, потому что такъ дешево цѣнятъ смертоубійство, и даютъ только пятьдесятъ червонцевъ за жизнь такой важной, какъ вы, особы. Да что толковать о такихъ мелкихъ людяхъ. Знаете ли, что во всемъ Парижѣ только и разговоръ, что о вашихъ подвигахъ? Теперь уже извѣстно, что король принужденъ будетъ удалиться отъ свѣта, какъ тотъ испанскій императоръ, имя котораго я совершенно забылъ. А какъ у его величества нѣтъ дѣтей, то Гастонъ его прямой наслѣдникъ. Вы сдѣлаетесь тогда первымъ министромъ, и если не повѣсите кардинала, то съ самаго начала правленіе ваше ознаменуется милосердіемъ.

— Ты, кажется, слѣдишь за политикой и знаешь все что происходитъ въ образованномъ мірѣ.

— Однимъ словомъ, вы составляете партію, маркизъ, и я умоляю васъ дать мнѣ въ этотъ дѣлъ какую-нибудь должность. Вотъ насъ трое, хорошо сложенныхъ и хорошо вооруженныхъ людей, съ пустыми карманами, но съ сердцемъ полнымъ храбрости и предпринимчивости. Мы называемся чудесными воиствен-

выми именами, потому-что собственные наши имена выслужили свое время, исчезли съ лица земли тогда, когда правосудіе было однажды не въ духѣ. Два товарища моихъ, Полу-Червонецъ и Сорокъ-Пятый, именами своими докладываютъ, сколько желаютъ за свои услуги; червонецъ въ день, достаточно будетъ дать первому, а сорокъ-пять червонцевъ въ мѣсяцъ, удостовѣрятъ васъ во рвеніи втораго. Меня же зовутъ атаманомъ Пистолемъ и за эту цѣну, только бы пистолей было побольше, я вашъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время. Будьте увѣрены, маркизь, что мы честные люди, потому-что тотъ только и можетъ назваться добродѣтельнымъ, кто безукоризненно исполняетъ обязанности ремесла своего. Мы слѣпо покоряемся приказаніямъ нашихъ начальниковъ, и если въ приказаніяхъ ихъ найдется что-нибудь такое, чѣмъ совѣсть не совѣсьмъ довольна, то преступленіе падаетъ не на насъ, слѣпыхъ орудій, но на того, кто подвинулъ насъ на преступленіе и пользуется его выгодами.

— Такая поучительная рѣчь очень пристала и къ проповѣднику и къ мѣсту, гдѣ мы теперь находимся.

— Теперь примите въ соображеніе разнообразіе вашихъ дарованій, продолжалъ бандитъ. Что касается до похищеній, ночнаго нападенія, то это дѣло Полу-Червонца; на этотъ счетъ нѣтъ въ мірѣ ему подобнаго. Сорокъ-Пятый ловко выворачиваетъ карманы, какъ ваше превосходительство сами могли это замѣтить. Но это все пустыя шутки.... Я же занимаюсь серьезнымъ: нечаянными ссорами, нечаяннымъ смертоубійствомъ, счастливыми поединками, и сотнею другихъ полезныхъ и изысканныхъ упражненій. Насъ всѣхъ троиныхъ можно разсылать курьерами и агентами, мы умѣемъ тоже бить лакеевъ, подкупать слуганокъ и плутовать въ картахъ. На-счетъ же дѣлъ, относящихся къ королевскимъ галерамъ или вислицѣ, то у насъ есть терпѣ по самой умѣренной цѣнѣ; а-на счетъ остальнаго — мы довольствуемся нашимъ жалованьемъ. Испытайте насъ, маркизь: хотите, мы избавимъ васъ отъ отца Юсифа? Дайте намъ порученіе свернуть ему шею.

— Смѣйте только!

— Ваша милость слишкомъ добра; если за зло вы станете платить добромъ, то приходъ не будетъ равенъ съ расходомъ. Что за бѣда, впрочемъ, если на землѣ однимъ аббатомъ будетъ меньше? Точно такихъ можно наwerben сколько угодно. Если

вы имѣете причины щадить этого іезуита, который хотѣлъ убить васъ, такъ дайте намъ какое-нибудь другое порученіе. Умоляю васъ, возьмите насъ въ себя въ службу; клянусь, что вы не станете раскаиваться. Люди такого сорта какъ мы необходимы....

— Хорошо, я принимаю васъ всѣхъ троицъ къ себѣ въ службу и вотъ мои приказанія: никогда не говорить со мною и дѣлать видъ будто меня не знаете. Вы будете имѣть переговоры только съ новизъ колюхомъ, и то вечеромъ, въ этомъ трактирѣ. Онъ будетъ передавать вамъ мои приказанія и деньги. Такъ какъ отецъ Юсифъ покушался на жизнь мою, то я поручаю вамъ охранять ее и предостерегать если узнаете, что для меня снова готовится завадня; а между-тѣмъ подслушивайте мимоходомъ, что говорятъ объ его высочествѣ и намѣреніяхъ его низпровергнуть кардинала. Не выказывайте слишкомъ большаго рвенія; не говорите обо мнѣ ни худаго ни хорошаго. Тщательно избѣгайте ссоръ, и чтобы я нигдѣ не встрѣчалъ вашихъ честныхъ лицъ. Только тогда и показывайтесь, когда услышите о козняхъ противъ моей особы или узнаете, что жизнь и свобода мои въ опасности. Тогда только вы можете явиться, и если нужно, употребить въ дѣйствіе оружіе.

Заключая договоръ съ разбойниками, Пюлоранъ вовсе не предвидѣлъ, что на другой же день они спасутъ жизнь ему.

Онъ собирался развеселить герцогиню де-Шеврѣзъ совѣщаніемъ своимъ въ трактирѣ; но герцогиня ожидала его съ болѣе важными вѣстями.

— Кардиналу хочется попасть въ западню, сказала она. Онъ притворяется будто съ нимъ сдѣлался подагрический припадокъ и съ досады, что ему не удастся въ любви, запирается у себя въ Риуэлъ. Безумная страсть его сильнѣе чѣмъ когда-либо овладѣла бѣднымъ министромъ. Маршалъ д'Эоіа, покорный и преданный рабъ кардинала, былъ у меня сегодня утромъ и раскрылъ всѣ тайныя чувства своего владыки, который страшно бѣсится, зачѣмъ хранитель печатей сопровождаетъ насъ верхомъ, когда мы ѣдимъ кататься. Когда я объявила маршалу, что любезности его относятся ко мнѣ, то онъ вскричалъ:

« — Вы вынимаете ядъ изъ нашего сердца.

• Нашъ пастушокъ-вдыхатель хочетъ политическими причинами

тронуть свою пастушку. — Королева, продолжалъ д'Эвѣа, впадетъ въ забвеніе, если король умретъ безъ потомства. Какъ не понимаетъ она этого? Во что бы то ни стало, а она должна имѣть сына.

« — Съ кардиналской стороны, отвѣчала я, очень благородно заботиться такимъ образомъ о будущности Франціи; но всѣ эти убѣжденія были уже изложены передъ королевой, и если она не заблагоразсудила уступить имъ, надо придумать что-нибудь другое.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ОЧЕРКИ ВЕНГРИИ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

Теперь, когда въ Венгрии мало-по-малу, утихаетъ буйное своеволие и анархія; когда для нея должна начаться новая эпоха устройства ея физическихъ и духовныхъ силъ, — теперь болѣе нежели когда-нибудь интересно изслѣдованіе этихъ силъ. Въ природѣ и матеріальной и духовной только черезъ разложеніе началъ получается основательное понятіе о предметѣ, — и только знаніе взаимной связи этихъ началъ ведетъ къ заключенію — какая должна быть роль предмета въ ряду другихъ, чѣмъ онъ *можетъ* быть.

Мы не безъ намѣренія медленно ведемъ читателя мимо богатствъ разнообразной венгерской природы: намъ хочется показать какъ много въ этой взволнованной странѣ началъ благосостоянія.

Обширны соляныя венгерскія копи, особенно каменной-соли, но не менѣе важно для страны и рудокопство.

Изъ всѣхъ европейскихъ державъ одна Венгрія (не принимая въ расчетъ Азіатской Россіи) производитъ значительное количество золота — до 60 пудовъ. Серебра получается здѣсь до 1,400 пудовъ, свинца до 10,000, и мѣди около 50,000 пудовъ; кромѣ того здѣсь добывается много желѣза, ртути и сурьмы, мышьяка, цинка, морганца, кобальта. Вообще, по количеству и разнообразію

металловъ, Венгрія занимаетъ первое мѣсто между европейскими государствами. Въ здѣшнихъ рудникахъ заключается очень рѣдкое и, послѣ Норвегіи, единственное въ мірѣ мѣсторожденіе теллуристаго золота.

Венгерскіе рудники начали здѣсь разрабатываться еще во времена владычества въ этихъ мѣстахъ Римлянъ; самые древніе изъ нихъ шемницкіе, извѣстные уже около девяти столѣтій. Всѣ венгерскіе рудники находятся въ Карпатскихъ горахъ и въ различныхъ ихъ отрасляхъ. Шемницкій и кремницкій рудники самые замѣчательные какъ по обширности и богатству, такъ и по древности ихъ разработки. За ними слѣдуютъ рудники въ окрестностяхъ Шмёльница (Смолюка), Гёльница, Эйзидела, Праккендорфа, Розенау, Селесто. Здѣсь есть богатые мѣдныя и желѣзныя руды, а близъ Залатны очень важный ртутный рудникъ. Надъбанскіе рудники производятъ золото, серебро, а также желѣзо, мѣдь (рудники капникскіе и многіе другіе), мышьякъ (олапьянскіе и фельшобаньяскіе), цинкъ (Радня), морганецъ и сурьму. Также заслуживаютъ вниманія по богатству и правильности разработокъ рудники надъазекіе, производящіе золото, мышьякъ, мѣдь, сурьму, морганецъ и теллуристое золото. Около Вайда-Гувьяда и Гьялера (Hyalár) разрабатываются очень богатые пласты желѣзныхъ рудъ. Здѣсь, между прочимъ, добывается и кобальтъ. Рудники темешварскаго бивата производятъ преимущественно серебряную мѣдь; они замѣчательны также по превосходнымъ штуфамъ разныхъ минераловъ, а въ особенности мѣдной лавури. Въ нихъ добываются также и руды свинцовыя и желѣзныя. Въ Молдавѣ получается авригментъ; въ некоторые рудники, при Домбровѣ, доставляютъ киноварь. Руды венгерскихъ рудниковъ обрабатываются плавкою въ заводахъ Шемница, Кремница, Нейзолъ и Дернъседа. Многочисленные желѣзные заводы находятся въ комитатахъ гемерскомъ и спитскомъ. Въ Кремницѣ есть монетный дворъ, на которомъ производится раздѣленіе всего получаемаго здѣсь серебра и золота.

Мы уже сказали, что самые богатые и обширные рудники шемницкіе, кремницкіе и шмёльницкіе. Они же отличаются и болѣею правильностью въ разработкѣ и наилучшимъ устройствомъ. По этому, чтобы дать основательное понятіе о венгерскихъ горныхъ промыслахъ, о томъ, въ какомъ состояніи находится тамъ эта вѣтвь народнаго богатства, мы расскажемъ съ нѣкоторою подробностью о производствѣ работъ на шемницкихъ, кремницкихъ и шмёльницкихъ рудоконьяхъ. Первые изъ нихъ принадлежатъ къ шемницкому горному округу, послѣдніе — къ шмёльницкому.

Шемницкій горный округъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго учрежденія въ Шемницѣ, главнаго камерграфскаго правленія, которому подчинены королевское камеральное правленіе въ Нейзолѣ, кремницкое горное и заводское правленіе, монетное правленіе, герренгрудское горное правленіе и гроицское правленіе желѣзныхъ заводовъ. Къ этому же округу принадлежать семь вольныхъ королевскихъ горныхъ городовъ: Кремницъ, Шемницъ, Нейзолъ, Бела-Баня или Дильнъ, Бака-Баня или Пуканицъ, Уй-Баня или Кёнигсбергъ, и Либетъ-Баня или Либетницъ. Въ экономическомъ отношеніи они подвѣдомы главному камерграфу, какъ безсѣйному королевскому комиссару, и королевско-венгерской придворной палатѣ, а въ политическомъ отношеніи подчинены королевско-венгерскому вѣмѣстничеству.

Рудныя жилы шемницкаго горнаго округа достигаютъ иногда очень значительной толщины, напримѣръ пятнадцать и даже двадцать сажень, не имѣя, впрочемъ, большаго протяженія въ длину. Вещества, наполняющія жилы, преимущественно кварцъ, желѣзистая углекислая известь и сѣрнокислый баритъ. Въ нихъ-то заключаются различныя видоизмѣненія серебряныхъ рудъ, преимущественно сернистое серебро и свинцовый блескъ. Золото заключается только въ серебрѣ. Содержаніе серебра весьма непостоянно и измѣняется между 60% и содержаніемъ самымъ бѣднымъ, нестоящимъ добыванія. Въ Шемницѣ, для дѣйствія многочисленныхъ толчей, отмываленъ и промываленъ, также для дѣйствія водяностолбныхъ машинъ, которыми вода рудниковъ поднимается изъ ихъ глубины на поверхность земли, и для дѣйствія вспомогательныхъ рабочихъ, прембовыхъ и водяностереживныхъ машинъ, которыми рудные и толчейные грузы, а также несодержащія руды камни вынимаются изъ глубокихъ пропастей наружу, — устроены большіе искусственные пруды. Эти водоемы, стоявшіе миліоновъ, необходимы, потому-что рудники паходятся высоко въ горахъ, гдѣ нѣтъ ручьевъ и текучихъ водъ. Важнѣйшіе изъ прудовъ рейхаускій и почувадальскій, снѣговья и дождевыя воды, накопившіяся въ прудахъ служатъ для дѣйствія машинъ, и употребляются по мѣрѣ надобности.

Изъ штольнъ въ особенности замѣчательны штольня Юсифа-Втораго, въ главной долинѣ рѣки Грана, близъ селенія Возница, и Францова штольня, которой все пространство, со включеніемъ боковыхъ проломовъ, уже имѣетъ около 20,000 сажень. Огромность работъ изумительна.

Главѣйшее преимущество, какое кремниціе рудники имѣютъ надъ прочими пияже-венгерскими, состоитъ въ знаменитомъ водопроводѣ, который, на десяти миляхъ протяженія, далеко простирается въ сосѣдній турчанскій комитатъ, и приводитъ на высшій пунктъ кремницкихъ рудниковъ воду, потребную для дѣйствія кремницкихъ водоподъемовъ, рабочихъ машинъ, толчейныхъ, моетныхъ и горныхъ заводовъ, и такимъ-образомъ избавляетъ отъ устройства дорогихъ прудовъ. Этимъ преимуществомъ кремниціе рудники обязаны попечительности бывшаго примаса королевства *, построившаго на собственные издержки этотъ дорогой водопроводъ.

На *Кремницкомъ* сереброплавильномъ заводѣ плавятся и обрабатываются всѣ кремниціе рудные и серебряные шихи вмѣстѣ съ болѣею частью колчеданныхъ шиховъ, и ежемѣсячно поступающіе сюда изъ шемницкаго округа серебряныя руды и шихи. На здѣшнемъ монетномъ золото-отдѣлительномъ заведеніи, отдѣляются отъ золота все присылаемое съ королевскихъ кремницкихъ, чарновцкихъ и нейзольскихъ серебряныхъ заводовъ золотистое серебро, и поступающее золотистое лигатурное и ломовое серебро. Отдѣленное, вмѣстѣ съ поступающимъ изъ королевскаго таёвскаго зейгернаго завода, не золотистымъ или бѣлымъ серебромъ, чеканятся по двадцати-четыремъ гульденной стопѣ въ двадцати крейцеровыя и талерныя монеты, а золото въ дукаты. Буквенная мѣтка этой монеты В. На кремницкомъ монетномъ дворѣ, въ концѣ семидесятыхъ и въ осмидесятые годы прошлаго вѣка, втеченіе двѣнадцати лѣтъ, отчеканено золота и серебра (не считая того, которое каждый мѣсяцъ отсылается въ натурѣ вѣскимъ канцелящикамъ и золотоплющильникамъ), болѣе сорока осьми милліоновъ гульденовъ.

* Въ незапамятную старину гранскій архіепископъ, бывшій привасомъ королевства, носилъ также санъ главнаго начальника монетнаго дѣла или варденна, исправляемый намѣстникомъ или такъ-называемымъ пишетаромъ. Нынче онъ не имѣетъ сана государственнаго монетнаго варденна, но до-сихъ-поръ, черезъ своего пишетара, собираетъ пишетную пошлину съ каждой марки выбитаго въ Кремницѣ въ монету золота и серебра. Пошлина эта, при обильныхъ добычахъ и большихъ чеканкахъ монеты, составляетъ въ годъ двадцать и тридцать тысячъ гульденовъ, и даже въ обыкновенные годы доходитъ до двѣнадцати, пятнадцати и осемнадцати тысячъ гульденовъ.

Къ числу королевскихъ горныхъ городовъ, какъ ны уже сказали, принадлежитъ также городъ Кёнигсбергъ, гдѣ въ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ альтгайдльскіе рудники особенно процвѣтали и приносили значительныя добычи золота и серебра. До сихъ поръ есть преданіе, будто рудокопамъ платили только золотой пылью, которая приставала къ ихъ рабочему наряду. Но, въ послѣдствіи, эти рудники пришли въ упадокъ, по причинѣ неотвратимой воды въ глубинѣ, которую въ 1709 году тщетно старались вывести двое приглашенныхъ Англичанъ, устройствомъ огненной машины, по образцу которой, въ послѣдствіи была устроена и въ годрусскомъ рудникѣ другая машина, у старой кисельской шахты.

Въ Бака-Бань, въ прошедшемъ вѣкѣ, частныя промышленники разрабатывали нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ; но по высѣченіи благородныхъ средъ, рудники пришли въ упадокъ, частью отъ несостоятельности промышленниковъ и отъ ихъ несогласія, частью отъ невѣжества и ненадлежащаго устройства рудниковъ.

Тѣмъ замѣчательнѣе чрезвычайно древніе герренгрундскіе мѣдныя рудники, содержащіе отчасти и серебро. Они разрабатывались много вѣковъ, и долго принадлежали по залогу, въ древности, графу Шликку, а въ пятнадцатомъ вѣкѣ графу Турзо, пока опять возвратились въ казну. Тамошнія шахты и штольны разрабатываютъ весьма обильный, въ верхнихъ средахъ уже значительно высѣченный герренгрундскій главный рудный пріискъ, и столь же обильный пфейфенштольнскій пріискъ. Отъ натока наружной воды и отъ происходящаго вслѣдствіе того разложенія сѣрныхъ и мѣдныхъ колчедановъ, въ рудникахъ являются такъ-называемыя цементныя воды и зеленыя красильныя воды. Первыя называются такъ потому, что содержатъ въ растворенномъ видѣ мѣдный купоросъ или мѣдныя окиси, произведенныя сѣрною кислотой, въ которыя проведены высланные желѣзомъ жолоба для осадка мѣдныхъ частицъ, которыя изъ раствора желѣзомъ осаждаются въ металлическомъ видѣ, и извѣстны подъ названіемъ цементной мѣди. Зеленыя красильныя воды, которыя заключаютъ растворенныя мѣдныя окиси въ болѣе слабой сѣрной кислотѣ, а также болѣе или менѣе гипса и известковой земли, проведены въ большіе ящики, въ которыхъ отъ прикосновенія воздуха мѣдныя окиси отчасти осаждаются съ большей или меньшей долей известковой и гипсовой земли, отчасти же пристають къ

трусить обильную известь, и посредством этого валовую массу или такъ-называемую сорную массу, которая, кажется, тѣмъ изыщеннѣе и зеленѣе, тѣмъ меньше въ этой массѣ заключаются известковыхъ или гипсовыхъ долей. Оттого произведеніе горной массы бываетъ быстрее во всѣхъ отчасти уже сгнившихъ шпикахъ, нежели въ новыхъ.

Ежегодная добыча мѣди и серебра въ герренгрундскихъ рудникахъ была очень значительна въ прежнее время, пока въ средней глубинѣ высѣкали богатые и большія ломки. Нынѣ, при возвышеніи цѣны на всѣ потребности и при уменьшеніи ломокъ, добыча простирается до 12 — 1,500 центнеровъ мѣди и отъ 5 до 600 марокъ серебра.

Къ замѣчательностямъ герренгрундскихъ рудниковъ принадлежитъ широкій водопроводъ, слишкомъ въ четыре мили длиною, который приводитъ потребную воду изъ Липтау въ лежащія высоко на горахъ водоподъемныя и рабочія устройства. Далѣе — пробивная штольня (сквозная штольня), которая проведена сквозь всю гору болѣе чѣмъ на триста сажень длины, и по которой шахеры ходятъ изъ Герренгрунда въ Альттебургъ и обратно.

Изъ либетинскихъ рудниковъ, находящихся въ дѣятельной разработкѣ, важнѣйшія штольни Антонія и Зачатія Маріи, которыя разрабатываютъ цальвейнскій мѣднорудный пріискъ, и заключаютъ по большей части мѣдныя руды, съ нѣкоторымъ количествомъ цементной воды. Но еще замѣчательнѣе отысканная очень-древняя Владиславова штольня въ шутиковскомъ хребтѣ, которая уже между тринадцатымъ и четырнадцатымъ столѣтіями, до изобрѣтенія пороха, вѣроятно была покинута за разными препятствіями, и въ которой на трехъ саженихъ нашли обильный пріискъ, гдѣ попадаются богатые, и разнообразныя, въ своихъ породахъ рѣдкія и доселѣ неизвѣстныя мѣдныя руды, которыя, по причинѣ обширнаго протяженія этого замѣчательнаго пріиска, подвигаютъ надежду на рядъ богатыхъ и изобильныхъ ломокъ.

Кромѣ упомянутыхъ золотыхъ, серебряныхъ, свинцовыхъ и мѣдныхъ рудниковъ, правительство разрабатываетъ еще серебряно-содержащіе мѣдныя рудники въ пограничномъ хребтѣ, отдѣляющемъ сольвейскій комитатъ отъ липтавскаго, въ великокапльскомъ и малокапльскомъ хребтѣ золотисто-антимоніальные рудники, а въ липтавскомъ комитатѣ — золотые рудники въ Боцѣ и Магуркѣ; въ послѣдней разрабатываются также сурьмяныя копи,

на большей части местными промышленниками въ концѣмъ въ мѣсяцъ, а частью однимъ правительствомъ.

Золотосодержащія серебряныя руды обрабатываются на трехъ серебряныхъ серебряныхъ заводахъ въ Кремницѣ, Нейзоль и Царнницѣ, а серебросодержащія золотистыя свинцовыя руды—на королевскомъ штаттгрудскомъ свинцовомъ заведѣ, подѣ Шлямпонъ; свинцовыя же руды михайловской штольни на особомъ свинцовомъ заведѣ въ Белобанѣ. Мѣдныя руды, напротивъ, какъ содержащія такъ и неосодержащія серебро, плавятся въ Альтгербургѣ, а добываемая изъ нихъ такъ-называемая ржавая или черная мѣдь доставляется на тѣввайскій зейгерный заводъ.

Кроме того, ежегодно получается свинца отъ 40 до 12,000 центнеровъ, серебросодержащей мѣди до 3,000, не содержащей серебра 1,200, ковачаго желѣза отъ 36 до 38,000, стали отъ 1,200 до 1,500, литыхъ издѣлій отъ 1,000 до 1,200, сурьмы отъ 1,500 до 2,000, омермента (желтаго мышьяка) отъ 80 до 100, цементной мѣди отъ 100 до 150, горной яри отъ 40 до 50 центнеровъ.

На казенныхъ рудникахъ этого округа работаютъ отъ 10 до 12,000 рудопромышленниковъ, толчейниковъ, промывальщиковъ, заводскихъ мастеровыхъ, кузнецовъ и плотниковъ. А со включеніемъ сюда горнорабочихъ частныхъ промышленниковъ число рабочихъ увеличивается отъ 18 до 20,000 душъ.

Водяная машина, горнаго совѣтника Шитко, самая большая, какая гдѣ-либо приводится въ движеніе водою, дѣйствуетъ съ начала 1828 года въ Леопольдовой шахтѣ. Она поставлена на мѣсто трехъ машинъ, которыя были построены въ этой шахтѣ въ 1766 году оберъ-купецмейстеромъ Геллемъ, изобрѣтателемъ этого рода водяныхъ машинъ. Такъ какъ потрясенія, сопряженныя съ прежними машинами, угрожали шахтѣ величайшей опасностью, то въ новой машинѣ отъ перваго изобрѣтенія удержано только давленіе высокаго водянаго столба, а впрочемъ все устроено по-новому. Оттого новая машина совершенно отлична не только отъ Геллевыхъ, но и отъ Рейхенбахскихъ машинъ. Дѣйствующая вода имѣетъ высоту паденія 758 пѣвскихъ футовъ; слѣдовательно, производитъ на квадратный дюймъ давленіе слишкомъ двадцати трехъ атмосферъ, и машина поднимаетъ съ глубины 304 фута, значитъ—дѣйствіе ея простирается на 2,4, то есть почти на двѣ съ половиной высоты пѣвской башни Святого Стефана. Она имѣетъ два цилиндра, въ которыхъ регуляторъ по-очередно вводитъ дѣйствующую воду; въ

нормальномъ своемъ дѣйствіи она поднимаетъ шесть разъ въ минуту на $8\frac{1}{2}$ футовъ. При такомъ дѣйствіи, помощью 87,037 кубическихъ футовъ дѣйствующей воды, она поднимала бы въ двадцать-четыре часа 97,545 кубическихъ футовъ рудниковой воды на сказанную высоту; но какъ количество рудниковой воды рѣдко простирается до 80,000 кубическихъ футовъ, то машина нѣсколько часовъ въ день остается въ бездѣйствіи. Сильное давленіе, производимое столь высокими водянымъ столбамъ, оказывало чрезвычайно упорное сопротивленіе самому построению машины, для преодоленія котораго нужна была примѣрная твердость. Машина самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшила свою задачу, ровный ходъ и усиленное дѣйствіе; кромѣ того, въ сравненіи съ прежними машинами, она сберегаетъ въ день 30,000 кубическихъ футовъ воды, которая постоянно содержитъ въ движеніи шестдесятъ-три толчен, и такимъ-образомъ добыча золота и серебра ежегодно умножается на цѣнность нѣсколькихъ тысячъ гильденовъ.

Къ *Шмѣльницкому горному округу* принадлежать всѣ заводы, находящіеся въ комитатахъ спишскомъ, гемерьскомъ, торнайскомъ, абуйварскомъ, шаршскомъ, земплинскомъ и боршодскомъ, также малузниайская мѣдная плавка въ липтовскомъ комитатѣ. Большая часть ихъ находятся въ спишскомъ комитатѣ, и важнѣйшія мѣста горнозаводской промышленности слѣдующія: Шмѣльницъ, Шведлеръ, Гельницъ, Кромпахъ, Словинка, Порачъ, Вагендриссель, Завадка и Игло.

Главная добыча разрабатываемыхъ въ этихъ мѣстахъ рудниковъ состоитъ въ содержащей и несодержащей серебро мѣди, и въ цементной мѣди. Послѣдняя добывается въ Шмѣльницѣ, въ королевскихъ рудникахъ, посредствомъ производимаго желѣзомъ осадка мѣдно-купоросной и желѣзно-купоросной ключевой воды, которая называется *цементной водою*.

Въ гемерьскомъ комитатѣ, у Бетлера и Четнека, добываются желѣзо и мѣдь, въ Славѣ — ртуть, въ Добшау и Сиркѣ желѣзо, а въ роснаускихъ и графскихъ авдрашіевскихъ земляхъ, а также въ нѣкоторыхъ шмѣльницкихъ горахъ — сурьма. Сверхъ-того, въ этомъ комитатѣ есть нѣсколько желѣзо-плавильныхъ и коваленыхъ заводовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: верешкейскій и погорѣловскій князей Когарн, королевскій тпсолецскій, и заводы, принадлежащіе муравьской и римавской уни.

Въ спишскомъ комитатѣ важнѣйшіе желѣзные заводы — пальц-

магйскіе, въ области города Игло, и королевскіе заводы: янобійскіе и крошпахскіе.

Въ абуйварскомъ комитатѣ важнѣйшіе желѣзные заводы — кашавскіе, и принадлежащіе ясойской премонстративской преатурѣ; не столь важны находящіеся въ шаршскомъ комитатѣ палочскіе, яворинскіе, и заводы, находящіеся въ земплинскомъ и боршодскомъ комитатахъ: Впрочемъ, королевскіе діоздѣрскіе желѣзные заводы въ боршодскомъ комитатѣ заслуживаютъ исключенія, потому что съ нихъ получается лучшее желѣзо во всей Венгрии, а также лучшая обыкновенная и рафинированная сталь. Изъ послѣдней готовится авглійская часовая пружинная сталь и стальные листы. Тамъ же выдѣлываются, не машинами, какъ въ Гронцѣ (въ сольскомъ комитатѣ), а руками — терпуги и пилы.

Рѣдкій, въ старину извѣстный и добываемый только въ Богеміи, а особенно въ Саксоніи, минераль, открытый также лѣтъ осемдесятъ назадъ въ Норвегіи — красивый кобольтъ, добывается въ спитскомъ комитатѣ и близъ Рожнау, и недавно открытъ также въ Арань-Идкѣ, въ абуйварскомъ комитатѣ, и въ Брусно, въ сольскомъ комитатѣ.

Къ числу замѣчательныхъ подземныхъ богатствъ Венгрии слѣдуетъ отнести опалы. Они въ большомъ изобиліи у селенія Червеница, между Кашавой и Эперіесомъ; встрѣчаются частью мелкими жилами, частью гнѣздами въ конгломератѣ трахита, и добываются частью на поверхности земли, частью въ штольняхъ. Преимущественно красивые благородные опалы попадаютъ на горахъ Дубрикѣ и Либанкѣ. Въ старину Турки получали изъ Венгрии опалы и отправляли ихъ на Востокъ черезъ греческихъ купцовъ, но черезъ Голландію они впоследствии возвращались въ Европу и Венгрію, какъ восточные товары. Относительно разнообразія и рѣдкой красоты цвѣтовъ, они превосходятъ всякіе другіе, даже восточные; попадаютъ между ними также различные цвѣтные гидрофаны.

Для полноты очерка горной карпатской природы надобно еще сказать о минеральныхъ источникахъ; ими чрезвычайно богата Венгрія: однихъ только цѣлительныхъ минеральныхъ ключей считается въ ней до 350.

Въ числѣ минеральныхъ источниковъ первое мѣсто безспорно занимаетъ Бартфа или Вартфельдъ, въ шаршскомъ комитатѣ, въ области королевскаго вольнаго города Шарыша, которому онъ и

принадлежитъ. Вода источника содержитъ магнезо и холодна; употребляется преимущественно внутрь; впрочемъ, есть прекрасныя заведенія и для купанья (въ такомъ случаѣ воду нагреваютъ). Заведеніе минеральныхъ водъ похоже на маленкій, красивый городокъ, очень модный во время курса. Большой находятъ безъ помятченія все, что нужно какъ для леченія, такъ для жианя и для разсѣянія.

Пештенецкій источникъ въ нитрскомъ комитатѣ. *Ostelin gedivius*, 1665 года, говоритъ объ немъ: «Цѣлительный теплый источникъ, удивителенъ тѣмъ, что въ немъ даже подлѣ самой рѣки Ваага можно купаться въ теплой водѣ, именно водѣ Пештенецъ, въ двухъ миляхъ выше городка. Тамъ роютъ въ землѣ ямы, иногда выстилаютъ ихъ тесомъ и въ нихъ купаются. Но ямы должно всегда переиѣвлять и устраивать, смотря по прибыли и убыли воды. Если вода прибываетъ, то ямы роютъ подалше отъ нея, у горы; если убываетъ, то роютъ ближе къ рѣкѣ. И чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ горячѣе вода. Кто хочетъ, можетъ устроить себѣ яму такъ, что тѣломъ будетъ лежать въ теплой, а руками и ногами въ холодной водѣ, въ рѣкѣ. Вода въ ямѣ бываетъ такъ горяча, что въ ней нельзя окунуться или сѣсть разомъ, а должно сперва разбавить; и если ужъ слишкомъ остудится, то стоитъ только порыть песокъ, сейчасъ набѣжить изъ него теплая вода. Вода эта полезна отъ каменной болѣзни, отъ паршей, отъ свѣжихъ и застарѣлыхъ вередовъ, и отъ ломоты».

Такъ было встарину. Нынѣ источникъ имѣетъ совершенно иной видъ. Правда, онъ по-прежнему подлѣ рѣки Ваага, какъ и всегда будетъ, потому-что сама природа назначила ему это мѣсто. Но владѣлецъ источника, графъ Эрбдн, много сдѣлалъ для удобства посѣтителей и для всевозможнаго облегченія ихъ въ пользованіи этимъ драгоценнымъ даромъ природы. И встарину источникъ былъ уже огороженъ деревяннымъ заборомъ, и имѣлъ особое зданіе для купаній. Опасеніе разлитій Ваага, мѣшало дѣлѣнѣйшему устройству, потому-что рѣка обыкновенно смываетъ и уноситъ все, что встрѣчаютъ ея волны. Въ 1822 году графъ рѣшился отваго прилетунить къ устройству новыхъ зданій. Какъ видно изъ печатнаго объявленія, оба зданія водъ, какъ ванны, такъ и купальни, построены совершенно вновь изъ прочаго матеріала и въ новѣйшемъ вкусѣ. Ванны комнаты, съ большими окнами и жалузѣй, съ крытой колоннадой напередѣ и съ фронто-

ванъ , подъ которой могутъ помѣщаться ажицаки. Въ зданіи грязей, ванъ и въ купальнѣ, устроены двѣ топчылъ боковыя ванны для раздѣванья и одѣванья, одна для женщинъ, другая для мужчинъ. Даже для Евреевъ устроена новая купальня и новыя ванныя комнаты. Для помѣщенія носителей устроены отличныя заведенія, построена новая кофейная съ аптекою, разведенъ новый паркъ для прогулокъ. Словомъ, здѣшнее заведеніе минеральныхъ водъ не уступаетъ лучшимъ заведеніямъ этого рода. Составныя части минеральной воды, по разложенію Шюльца, слѣдующія: Глауберова соль, горькая соль, гипсъ, поваренная соль, углекислая известь, углекислый горьковозмъ, кремнеземъ. Составныя части грязи: кремнеземъ, желѣзная окись, купорасная земля, известь, humus, вода. Есть множество примѣровъ истинно чудесныхъ дѣйствій этого источника на человѣческій организмъ. Цѣлебность его оказывается преимущественно при открытыхъ породахъ, ранахъ, расслабленіяхъ, подагрѣ, поломахъ ноги и наожныхъ болѣзняхъ. Внутрь употребляется вода рѣдко, по особенному предписанію врача. По увѣренію многихъ, она особенно полезна для умыванья утромъ. Источникъ такъ горячъ, что курица въ немъ обваривается въ одинъ мигъ. Какъ мы уже сказали, онъ подлѣ самого берега рѣки Ваага и обдѣланъ въ колодезь, изъ котораго постоянно выходитъ густой сѣрный паръ, особенно въ холодные дни. Ключи его состоятъ въ непосредственной связи съ горами, лежащими по ту сторону Ваага. Это видно изъ того, что въ самую суровую зиму, когда все покрыто льдомъ, на рѣкѣ остается открытая полоса въ сажень ширины, идущая прямо отъ горы къ источнику, и изъ нея постоянно выходятъ испаренія. Сверхъ-того, если бы купальня, лежащая подлѣ самого источника, не соединялась съ Ваагомъ подземными жилами, то ея нельзя бы пользоваться, по причинѣ слишкомъ горячей воды въ ней. Вслѣдствіе той же причины, когда въ рѣкѣ вода прибываетъ, прибываетъ вода и въ купальняхъ, даже иногда до такой степени, что два нельзя купаться въ нихъ. Но самое странное обстоятельство то, что источникъ всего горячѣе бываетъ именно тогда, когда вода рѣки наиболѣе поднимаетъ его. Повидимому, давленіе большой массы воды, текущей плотно рядомъ на теплые ключи, бываетъ такъ сильно, что они уже не могутъ изливаться въ рѣку, а отгѣвняются назадъ въ купальни и надыхаются тамъ.

Тренчинскій источникъ находится въ тренчинскомъ комита-

тъ *, въ помѣсть графовъ Иллешгази, Дубницѣ, въ селеніи Топлицѣ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ города Тренчина, и въ одномъ часѣ отъ рѣки Ваага. Вода въ немъ теплая и заключаетъ въ себѣ летучій эфирный спиртъ, натуральную эфру, поваренную соль, углекислый натръ и известковую землю. Температура воды въ источникѣ дубницкаго помѣстья $29\frac{1}{2}$; въ Ошицкомъ источникѣ $30\frac{1}{4}$; въ Мѣщанскомъ источникѣ $20\frac{1}{3}$, въ Новомъ источникѣ $30\frac{1}{2}$; въ Жидовскомъ источникѣ $20\frac{3}{4}$; въ источникѣ Бѣдныхъ $28\frac{1}{2}$; въ Холодномъ источникѣ $27\frac{1}{2}$; въ Брюнелѣ 32 градуса по Реомюрову термометру. Всѣ эти воды особенно цѣлебны для подагриковъ.

Рибарскій источникъ, въ сольскомъ комитатѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ и цѣлительнѣйшихъ. Несмотря на то, онъ очень недавно вошелъ въ славу. Онъ находится на прекрасной возвышенности, называемой Слячъ, надъ селеніемъ Рибаре, и потому называется также слячскимъ источникомъ. Съ возвышенности есть прелестный видъ на широкую долину, по которой течетъ довольно большая рѣка Грань, и проходятъ постоянно людная дорога изъ Шемница въ Нейзолъ. Въ 1819 году управленіе камеральнаго помѣстья Зольомъ, къ владѣніямъ котораго принадлежитъ источникъ и вся его окрестность, построило обширное одностажное зданіе для посѣтителей и сдѣлало разныя улучшенія для пользованія водами. Всѣхъ ключей шесть; но каждый имѣетъ особенное свойство. Источникъ пріятно тепловатъ и всегда покрытъ густымъ слоемъ воздуха. Дѣйствіе его разгоняющее и крѣпительное. Страдающіе каменной болѣзнію, получаютъ отъ него совершенное исцѣленіе. Въ 1823 году, эрцгерцогъ палатинъ съ супругою, впервые удостоили здѣшнее заведеніе долговременнымъ пребываніемъ. Это событіе безспорно много способствовало славіи источника.

Неподалеку отъ него есть еще нѣсколько подобныхъ минеральныхъ ключей, изъ которыхъ одинъ называется *мертвяцимъ*. Встарину часто мерли подлѣ него птацы, собаки, ягнята, потому что густой воздухъ около бассейна ключа пагубенъ для не-

* Въ томъ же комитатѣ есть нѣсколько превосходныхъ кислыхъ источниковъ. Говорятъ, вагъ-теплайскій источникъ имѣетъ странное свойство, что воду его въ сосудѣ нельзя ставить на землю, иначе она тотчасъ теряетъ всю силу и свойства кислаго источника. Объ этомъ писано въ журналѣ *Tud. Gүйjt.*

осторожно приближающихся къ нему. Съ 1823 года изъ него сдѣланъ родникъ для питья и прозванъ Доротейскимъ, въ память эрцъ-герцога.

Скленскій и Вигнійскій источники, въ баршскомъ комитатѣ извѣстны уже гораздо раньше рибарскаго, и издавна имѣютъ много посѣтителей. Оба они теплые и находятся не въ дальнемъ разстояніи отъ горнаго города Шемница. Оба почти одинаковы по составнымъ частямъ воды, которая заключаетъ въ себѣ сѣрнокислую известь, сѣрнокислый натръ, углеродокислую известь, желѣзо, кремнеземъ. Въ Вигнійскомъ источникѣ, кромѣ того есть также горькоземъ. Торговый фунтъ скленской воды заключаетъ пять, а вигнійской воды осемь гранъ постоянныхъ составныхъ частей. Дѣйствіе первой разрѣшающее, второй укрѣпляющее. Въ заведеніяхъ есть все потребное для разсѣявія, пищи и помѣщенія посѣтителей.

Парадскій источникъ, въ гевешскомъ комитатѣ, на сѣверной сторонѣ хребта Матры, лежитъ въ пріятной долинѣ, въ четырехъ часахъ разстоянія отъ Эрлау. Въ немъ есть сѣрнопеченныя или сѣрнистыя окиси, желѣзистая вода и купоросъ содержащая вода, Профессоръ Китайбель подробно описалъ здѣшніе ключи.

Баймоцскій источникъ, находите въ нитрскомъ комитатѣ, въ романтической странѣ, недалеко отъ рѣки Нитры у подошвы горы, на хребтѣ стоитъ древній Баймоцскій замокъ. Вода источника славится цѣлебностью и привлекаетъ много посѣтителей. Ключъ, бьющій посредиѣ самаго заведенія водъ, хотя не такъ горячъ, какъ пештенскій, однако воду его нельзя употреблять, безъ примѣси холодной. Она заключаетъ мало сѣры, но, кажется, имѣетъ примѣсь купороса; отчего, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лучше пештенской. Заведеніе водъ довольно просторно и, кромѣ жилья для посѣтителей, заключаетъ въ себѣ церковь и четыре купальни для различныхъ сословій. Каждая купальня вымощена камнями и имѣетъ кругомъ мраморныя скамьи. Вода съ одной стороны постоянно натекаетъ, холодная и теплая, изъ двухъ мѣдвыхъ крановъ, а съ другой стороны стекаетъ. Она такъ чиста и прозрачна, что можно разглядѣть малѣйшій предметъ, лежащій на полу. Завернувъ кранъ той или другой трубы, можно измѣнить температуру воды; можно также повысить или понизить ее въ купальнѣ, закрывъ сточную трубу. Въ ваннахъ купаются только по особенному желанію того или другаго посѣтителя. Такъ какъ изъ мѣстечка Баймоца стоитъ только спуститься не съ очень

высокой горы, чтобы достигнуть минерального источника, то многие купающиеся занимают квартиры в тамошних опрятных обывательских домах и остаются очень довольны помещением.

Болницкий источник, также в нитрском комитатѣ, теплый, посѣщается преимущественно для простаго омовенія и служитъ сборнымъ мѣстомъ многочисленнаго окрестнаго дворянства въ лѣтніе воскресные дни. Купаются всѣ вмѣстѣ. Есть также квартира для одного или двухъ посѣтителей, но безъ особенныхъ удобствъ. Гораздо лучше устроенъ —

Штубняйскій источникъ, въ сосѣдствѣ турчанскомъ комитатѣ, и посѣтителей при немъ бываетъ гораздо больше. Этотъ теплый ключъ извѣстенъ уже около трехъ сотъ лѣтъ, и вмѣстѣ съ поимѣствомъ Турчекъ и Штубней отданъ въ пользованіе горному городу Кремницу. Источникъ выходитъ между осленіемъ Ново-Штубней и Гаемъ и имѣетъ нѣсколько раздѣловъ: синий ключъ, красный ключъ, зеленый ключъ, и цыганскій ключъ. Последний чрезвычайно горячъ. Профессоръ Китайбель, напечаталъ въ 1808 году, въ Нейзолѣ результатъ разложенія этихъ водъ, и говоритъ: теплота ихъ простирается отъ двадцати осьми до тридцати пяти градусовъ. Посѣтители выбираютъ воду, смотря по надобности, одинъ горячѣе, другой прохладнѣе, какую кто можетъ перенести и какаѣ требуется для чьей болѣзни. Вода источника — разрѣшающаго свойства и исцѣляетъ раны всѣхъ родовъ, ломоты и ревматическія боли. Посѣтителей бываетъ много. Но постоянные посѣтители — жители сосѣднихъ комитатовъ нитрскаго, липтовскаго, арвскаго, Баршскаго, а также камеральные и городскіе чиновники изъ Кремнища и тамошніе граждане.

Климатъ въ Карпатахъ суровъ и холоденъ. Попрадская долина самая холодная во всемъ королевствѣ, потому что открыта на сѣверъ и не защищена отъ холодныхъ вѣтровъ. Ваагская и дунаецкая долины теплѣе попрадской, потому что заслонены отъ сѣвера горами. Левочская область граничитъ съ либницкою, а въ Левочѣ жатва поспѣваетъ двумя недѣлями раньше нежели въ Либницѣ, оттого что Левоча лежитъ на южномъ скатѣ. Среднія между ними горы представляютъ то странное явленіе, что когда на южной сторонѣ плоды уже поспѣли, на сѣверной еще зелены. Чѣмъ выше горы, тѣмъ медленнѣе произрастаніе, и въ октябрѣ на горныхъ пашняхъ обыкновенно еще незрѣла ни-

на, а въ долиахъ лѣтва давно уже кончилась. Всею не рѣдкость, что нива, засыпанная снѣгомъ, поминается только на сѣдующую весну. И однако все тщательно воздѣлано, тогда какъ на Тасѣ самая плодородная почва лежитъ, по большей части пуста. — Снѣгъ въ горахъ обыкновенно выпадаетъ въ сентябрѣ и таетъ не раньше первой половины мая, а въ долинохъ липовскихъ, сивисскихъ и мармарошскихъ альповъ лежитъ вѣчно. Рѣкъ въ сплывомъ и другихъ сѣверныхъ комитатахъ отцѣвтаетъ только около двадцатаго юня.

Большія горы — естественныя проводники электричества, родъ магитовъ для тумановъ и облаковъ. Оттого конечно туманы и грозы чаще въ горахъ, чѣмъ на равнинахъ.

Въ горахъ и горныхъ долинохъ глазъ путешественника не рѣдко поражаютъ чудныя воздушныя явленія. Эперіесскій профессоръ Жѣновичъ рассказываетъ странный феноменъ, который онъ наблюдалъ 12 мая 1840 года на липовскихъ минеральныхъ водахъ. Въ половинѣ осьмага часу утромъ посетители вѣдь услышали восклицаніе: «Посмотрите, что за чудовище сидитъ на горѣ!» Дѣйствительно, на разстояніи четырехъ сотъ осьмидесяти шаговъ видѣлось огромное мохнатое четвероногое, которое всѣ сочли за медвѣдя самой крупной туземной породы. Когда слухъ дошелъ до сосѣдняго селенія Липовца, оттуда тотчасъ явились трое удалыхъ охотниковъ. Но они опоздали, потому-что мнимое чудовище за нѣсколько минутъ до того во всю прыть прибѣжало съ горы къ одному изъ посѣтителей. Чудовище было просто маленькая собана, шпичъ, фута полтора длиною, и сбѣжало отъ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Тридцатаго октября 1840 года, часовъ въ девять утра, при нѣсколько туманной сумрачной погодѣ, на той же горѣ мальчикъ-настухъ казался великаномъ, а овцы его стадомъ верблюдовъ. — Подобныя увеличенія предметовъ виданы также близъ Каши, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Эперіеса, и въ окрестностяхъ Палочы.

Баронъ Медвянскій въ журналѣ «Nespergus», описываетъ электрическое явленіе въ нитрскомъ комитатѣ. Въ бурную ночь 10 марта 1815 года, одинъ извозчикъ видѣлъ синій огонь исходящій изъ бича, кончиковъ конскихъ ушей и шапки мальчика, погонявшаго лошадей.

Но вотъ явленіе, кажется, единственное во всемъ свѣтѣ, крайней-мѣрѣ, намъ не случалось слышать ни о чемъ подобномъ:

натуральное газовое освѣщеніе въ одной соляной копи, въ Слатинѣ, въ мармарошскомъ комитатѣ.

Камеральное солекопное мѣстечко Слатина находится въ трехъ четвертяхъ часа разстоянія отъ мѣстечка Сигета, по ту сторону Тисы, на горной площадкѣ, отстоящей отъ рѣки около 600 сажень, и имѣющей до пятнадцати сажень высоты. Въ 1810 году, для устройства новой копи, углубили шахту, проходившую въ осьми саженьяхъ отъ поверхности въ шотерь, на десять сажень въ соляной глинѣ и на двадцать въ самой соли. Эту шахту углубили еще на пятнадцать сажень и на десятой сажени вывели изъ нея колѣно на западъ, для пересѣченія соляныхъ слоевъ. Въ этомъ колѣнѣ, на девятой сажени, 18 марта 1826 года, воздухъ вдругъ воспламенился, такъ-что двое работавшихъ тамъ солекоповъ съ испугомъ выбѣжали вонъ, и донесли начальству о происшествіи. Смотритель тотчасъ спустился въ шахту и нашелъ, что тамъ идетъ четырехъ-саженный слой глинянаго мергеля, отдѣленнаго отъ граничащаго съ нимъ каменносолянаго пріиска узкою щелью, изъ которой выходитъ возгорающійся газъ. При горѣніи и свѣтѣ зажженаго газа, мѣсто разработали еще на полутора фута. Оказалось, что щель находится въ мергельномъ слоѣ, слѣдовательно, и струя газа продолжается по направленію солянаго пріиска. Тотчасъ данъ былъ приказъ о дальнѣйшей разработкѣ мѣста, а газъ, выходящій изъ щели зажженъ, для того, чтобъ постепенно истреблялся отъ горѣнія и не наполнялъ собою копь, съ опасностью для рабочихъ. Газъ, выходящій изъ щели, горѣлъ постоянно нѣсколько дней. Наконецъ убѣдился, что этотъ возгорающійся воздухъ не иное что, какъ обугленный водородный газъ, тотъ самый, который въ новѣйшія времена искусственно добывается изъ каменнаго угля и служитъ для освѣщенія улицъ. Тогда у щели устроили трубку для принятія газа и провели его по жестянымъ трубкамъ до самой шахты. Смотря по надобности, пускали и зажигали его въ четырехъ до пяти узкихъ трубочкахъ, надѣланныхъ въ видѣ свѣчей на газопроводной трубѣ, и такимъ-образомъ освѣщали копь. Это газовое освѣщеніе продолжается досихъ-поръ и, вѣроятно, будетъ продолжаться еще долго, потому-что теченіе газа сильно и всегда равномерно. Для пробы наполняли этимъ газомъ жестяные сосуды и газометры и употребляли его для освѣщенія въ комнатахъ. Такимъ-образомъ, онъ можетъ быть сжимаемъ, переносимъ, проводимъ черезъ воду, и дѣ-

лается еще свѣтлѣе. Можно также безъ труда вдыхать его, наполнять имъ ротъ и, для забавы, зажигать на свѣчѣ выдыхаемый воздухъ. Сажа, которую газовое пламя оставляетъ на холодныхъ тѣлахъ, очень мелка и смолиста.

Въ Карпатахъ вѣтры, буря и наводненія очень обыкновенная вещь; вѣтеръ ломаетъ лѣса, вырываетъ крѣпчайшія деревья съ корнями. Чтобы сломить сосну или вырвать ее съ корнемъ, надо запречь полсотни воловъ или лошадей, и то едва ли можно успѣть;— ураганъ исполняетъ это въ одинъ мигъ. Казалось бы, сосна не имѣетъ такой поверхности, въ которую можетъ упираться вѣтеръ, вѣтви ея не велики, не многочисленны, не плотны; она пропускаетъ вѣтеръ насквозь и, однако жъ, одинъ порывъ вѣтра ломаетъ дерево или вырываетъ его съ корнемъ. Удивительная сила! И какъ страшно видѣть поломанный лѣсъ! Войти въ него нѣтъ возможности — все перековеркано и разбросано какъ попало — только съ краю можно разчищать дорогу и подаваться впередъ шагъ за шагомъ.

Въ 1801 году, 1 февраля, былъ такой жестокой ураганъ, что въ селѣ Ломницѣ повредилъ и разрушилъ полтораста зданій; онъ поднялся въ лунную, но темную ночь. Гулъ былъ страшный и походилъ на отдаленную канонаду. Вихрь срывалъ разомъ цѣлыя кровли, крутилъ и ломалъ ихъ въ воздухъ; гонты летѣли во все стороны. Замѣчательны поврежденія отъ вихря и урагана въ 1822 году въ нитрскомъ комитатѣ. Нельзя не рассказать нѣсколько подробнѣе о страшномъ и безпримѣрномъ наводненіи 1813 года. Бѣдствіе, которое горные жители понесли въ этотъ годъ, постигло и многія другія страны, только не одинаковымъ образомъ.

Лѣто 1813 года отличалось особеннымъ холодомъ и непрерывными проливными дождями, отъ которыхъ все сельскіе хозяйства потерпѣли большіе убытки. Августъ мѣсяцъ (23, 24, 25, 26) былъ ужаснымъ временемъ для всехъ горныхъ комитатовъ. Говорятъ, у подошвы Альповъ были замѣчены жестокія землетрясенія, земля трескалась, вода выступала струями, въ человѣка толщиною, даже на возвышенностяхъ, гдѣ дотолѣ никогда не выдѣвали водяныхъ ключей. Постоянный тридцати-шести часовой дождь со свѣгомъ, сопровождаемый нѣсколькими ливнями, выгналъ изъ береговъ все ручьи и рѣки, которые начали разрушать и увосить все, что попало. Вода смывала самые массивные каменные дома, анбары, конюшни, мосты. Сады, поля, размывались въ

нѣсколькѣ мгновеній. Въ ручьи и рѣки, берущіе начало въ Альпахъ, вдругъ наплывъ отъ подземной воды до высоты, несмѣханной цѣлыя вѣка, и произвели неописанныя опустошенія во всѣхъ странахъ, по которымъ протекали. Люди, дома, скотъ, хлѣбъ, запасы всякаго рода во множествѣ уносились мрынн потоками; паденіе воды было такъ быстро, что плывшихъ предметовъ нельзя было различить. Въ одномъ зданіи стоялъ красильный котокъ, вѣсомъ по-крайней мѣрѣ въ триста центнеровъ. Разрушивъ все зданіе, потокъ шутя оттащаль эту тяжелую машину слишкомъ на тысячу шаговъ, пока она засѣла промежъ двумя нвами. Волны воды стрѣлою летѣли съ Карпатовъ и мчались далѣе. Ничто не могло устоять противъ нихъ. Бочка въ три ведра, съ открытымъ двомъ, стоявшая на дворѣ, въ часъ до-полна напилась дождемъ. Если принять, что десять такихъ бочекъ составляютъ кубическую сажень воды, а шесть бочечныхъ днищъ равняются квадратной сажени пространства, то, въ продолженіи пятидесяти часовъ, дожда на квадратную сажень пространства вылилось тридцать кубическихъ сажень воды. Чтѣ за громадное количество воды! прибавьте къ этому еще множество ливней, и вся эта вода ринулась въ долины съ горъ, и съ чудовищной силою разрушала все, что ей встрѣчалось на пути! Значительныя пространства земель, вѣрно, на сто лѣтъ лишились источниковъ своей промышленности, потому что пески занесли ихъ плодородную почву. Сверхъ всего еще буствовалъ жестокой вихоръ, поломавшій много лѣсу. Сюда принадлежитъ бѣдствіе, описанное выше. Безчисленныя жертвы пали добычею разъяренныхъ стихій. Многіе, однако жъ, удивительнымъ образомъ уцѣлѣли отъ неизбежной по-видимому гибели. Приведемъ нѣсколько случаевъ такого чудеснаго спасенія изъ числа описанныхъ барономъ Медиянскимъ въ журналѣ «Незрегитъ».

Между разной домашней утварью, которую высоко поднявшійся Ваагъ мчалъ на своемъ хребтѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ, была колыбель съ заснувшимъ младенцемъ. Малютка спалъ беззаботно, а между-тѣмъ кругомъ неистово боролись стихія и, казалось, природа готова была разрушиться. Уже много несчастныхъ погибло на глазахъ своихъ ближнихъ, не имѣвшихъ никакой возможности подать имъ помощь. Такъ и тѣ, кто увидѣлъ младенца, принуждены были ограничиться однимъ сожалѣніемъ. Наконецъ, колыбель завязла промежъ сучьевъ дерева, и одинъ отважный рыбакъ изъ селенія Фаркашда, въ нитрскомъ комитатѣ, рывшился спасти

ребенка, и благополучно успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Бѣдный выютка былъ такъ истомленъ голодомъ, что едва пищалъ. Втеченіи долгаго времени никто не явился за ребенкомъ. Вѣроятно, родители его погибли. Рыбакъ услышавъ его и воспиталъ вѣсть съ своимъ дѣтми.

Ночью съ 25 на 26 августа, во время повсемѣстнаго бѣдствія въ Карнатахъ, вода рѣки Ваага подъ Тренчиномъ подвинулась до страшной выюты. Предвѣстіе города было замѣтно такъ быстро, что жители принуждены были бросить все имущество и думать только о собственномъ спасеніи. Во время общаго бѣгства, въ двухъ соседнихъ домахъ, были забыты пять мальчиковъ, отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ. Когда они хотѣли наконецъ бѣжать, всѣ выходы были уже залиты и имъ не оставалось другаго спасенія, какъ вскарабкаться на славянныя деревья въ садикѣ, находившемся передъ этими двумя домами. Но едва подбѣжали они къ деревьямъ, какъ вода залила и садикъ, оставивъ наружи только верхушки деревьевъ, и безъ того невысокихъ. При каждомъ порывѣ вѣтра, душаго чрезвычайно сильно, деревья, сгибавшися тяжестью, наклонялись до самой воды, купая въ ней мальчиковъ. Бѣдныя дѣти промокли отъ воды и отъ непрерывнаго дожда, окостенѣли отъ вѣтра и холода, и выдѣли вѣрную смерть. Подать помощь имъ не было никакихъ средствъ; нѣсколько попытокъ едва не окончились собственной гибелью великодушныхъ. Въ такомъ страшномъ положеніи, дѣти пробыли весь день и всю слѣдующую ночь. Ихъ считали уже погибшими. Ужасный голодъ терзалъ ихъ; крайность дошла до послѣдней степени, и вопли, особенно младшихъ мальчиковъ, раздирали сердце. Вдругъ нѣсколько хлѣбовъ подплыли прямо къ деревьямъ. Старшій изъ дѣтей рѣшился попробовать, нельзя ли достать ихъ. Онъ благополучно овладѣлъ однимъ хлѣбомъ, и мучительный голодъ былъ утоленъ. Наконецъ, ночью, вода убыла, и на утро третьяго дня полумертвыя дѣти, хотя не безъ большихъ усилій, были счастливо перенесены на сушу.

Зажиточный дворянинъ въ Бенъо, въ тренчинскомъ комитатѣ, охотникъ до рыбной ловли, всегда держалъ для нея на готовѣ вару челоковъ. Замѣтивъ 26 августа, что Ваагъ начинаетъ неуживо прибывать, онъ успѣвши спасти свои лучшіе пожитки, потому что домъ его стоялъ недалеко отъ рѣки. Но вода прибывала такъ быстро, что сборы еще не были кончены, какъ онъ увидѣлъ себя запертымъ со всѣхъ сторонъ. Не теряя

присутствія духа, онъ съ двумя служителями, винулся къ челнокамъ, привязалъ ихъ на крѣпко къ тополевому дереву, перенесъ на нихъ двѣ кружки вина и весь печеный хлѣбъ, какой былъ въ запасѣ, и помѣстился тамъ съ женою, съ пастухомъ, запоздавшимъ у него, и съ двоими слугами, которые вооружились длинными шестами. Едва они сѣли въ челноки, какъ вода залила послѣднее сухое мѣсто, вскорѣ смыла домъ, и опустошила все кругомъ, куда только досягалъ зорь. Въ смертельномъ ужасѣ и постояннѣй качкѣ провели эти люди два страшныхъ дня и ночь, пока наконецъ могли подать имъ помощь.

Такова карпатская природа. Остается еще взглянуть на высшее звѣно этой природы—человѣка, и посмотрѣть, въ какой связи это звѣно съ другими.

=

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ.

=

I.

Современная Германия задумалась над своимъ единствомъ или, по крайней мѣрѣ, заговорила о немъ: значить, было надъ чѣмъ задуматься, было о чемъ заговорить. За осемнадцать столѣтій назадъ въ Германіи не видѣлось единства Тациту; за осемь столѣтій не видѣлось его Адаму Бременскому; но то было за осемнадцать и за осемь столѣтій: чего не было тогда, могло явиться послѣ. Давно ли не было въ Германіи табаку и картофеля; а теперь вѣдь Германію безъ табаку и безъ картофеля такъ же трудно представить, какъ безъ газетъ и философіи, безъ Фуссенгеровъ и политиковъ, которыхъ также прежде не было. Такъ могло явиться въ Германіи и единство, котораго не было прежде. И почему же нѣтъ? Во всей Германіи есть одинъ господствующій литературный и политическій языкъ — нѣмецкій, есть одна господствующая литература — нѣмецкая, основанная такъ твердо Лютеромъ, есть таможенный союзъ и до него еще была торговля, оцѣнившая всю Германію частой и крѣпкой сѣтью, сплетенной изъ одной нити не порвавшейся нити: есть залогъ — факты единства....

И между тѣмъ все какъ то не вѣрится въ единство Германіи. Правда глаза колетъ какъ лучъ солнца и мѣшаетъ видѣть

его, это единство, а закрывши глаза — ничего не видно. Правда эта — въ живыхъ, несомнѣнныхъ фактахъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ мы хотимъ познакомить тѣхъ изъ нашихъ читателей, у которыхъ до-сихъ-поръ не было случая или охоты вникать въ подробности статистики Германіи.

Будемъ смотрѣть на Германію, какъ она есть въ теперешнее время: Австрійская имперія еще принадлежитъ къ ней своими западными областями, а между-тѣмъ уже пространство Германіи на востокъ увеличилъ восточныя области прусскаго королевства: Пруссія и часть Познани; Франкфуртскаго собранія, потѣшавшаго мечтателей о единствѣ Германіи — нѣтъ какъ не бывало; троны и законныя правленія остались какъ были, и, попрежнему, въ Германскомъ союзѣ остаются тридцать восемь членовъ.

И вотъ эта Германія, единая въ силу значимости прежнихъ положеній о Германскомъ союзѣ, въ силу тѣхъ же положеній раздѣляемая на тридцать-восемь очень неравныхъ частей; вотъ она въ цѣломъ и частяхъ, по величинѣ и числу жителей: *

1. *Сѣверная Германія*, на 7,371⁵⁰⁰ квадратной милѣ заключаетъ 25,630,000 жителей, такъ-что на каждую квадратную милу приходится по 3,477 душъ. Въ ней должны или по-крайней мѣрѣ могутъ быть отличены:

- а) Часть *сѣверовосточная*, гдѣ заключаются:
 восточныя области королевства прусскаго,
 мекленбургскія земли: великія герцогства Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ Стрелиць,
 герцогство Голштейнъ-Лауенбургъ,
 вольные города: Любекъ и Гамбургъ,
 ангалтскія земли: герцогства Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кѣттенъ и Ангальтъ-Бернбургъ ;

во вѣсѣхъ вѣсѣтъ 4,556⁰⁴⁰ квадратныхъ милъ и на нихъ 13,100,000 жителей, то есть на каждой квадратной милѣ по 2,875 душъ.

- б) Часть *сѣверозападная*, гдѣ заключаются:
 королевство Ганноверское,
 вольный городъ Бременъ,
 великое герцогство Ольденбургъ,

* Цифры о числѣ жителей выведены изъ цифръ о прежнихъ годахъ для 1848 года.

герцогство Брауншвейгъ,
княжества Липпе-Детмольдъ и Липпе-Шаумбургъ,
княжество Вальдекъ,
гессенскія земли: курфюршество, великое герцогство и ланд-
графство;
нассауское герцогство,
вольный городъ Франкфуртъ,
западная область королевства прусскаго,
великое герцогство Луксенбургъ-Лимбургъ;
во всѣхъ вмѣстѣ 2,310,000 квадратныхъ миль, 9,700,000 жителей,
по 4,197 на каждой милѣ.

е) Часть *средняя*, гдѣ заключаются:
саксонскія земли: королевство саксонское, великое герцог-
ство Саксенъ-Веймаръ, герцогство Саксенъ-Мейнингенъ,
герцогство Саксенъ-Кобургъ-Гота, герцогство Саксенъ-
Альтенбургъ,
шварцбургскія земли: княжества Шварцбургъ-Рудольфштадтъ
и Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ,
рейсскія земли: два княжества;
во всѣхъ вмѣстѣ 503,000 квадратныхъ миль, 2,830,000 жителей,
по 5,611 на каждой милѣ.

II. Южная Германія, на пространствѣ 5,646,500 квадратныхъ
миль, заключаетъ 20,370,000 жителей, такъ что на каждую милю
приходится по 3,607 душъ. Въ пей должны или могутъ быть
отличены:

d) Часть *юго-восточная*, къ которой относятся
вѣсь западныя области австрійской имперіи, не включая ни
Богеміи ни Моравіи;
тутъ на пространствѣ 3,595,100 квадратныхъ миль живутъ 12,500,000
душъ, по 3,477 на каждой милѣ.

е) Часть *югозападная*, къ которой относятся:
королевство баварское,
— — — виртембергское,
великое герцогство баденское;
гогенцоллернскія земли: княжества Гогенцоллернъ-Зигмарин-
генъ и Гогенцоллернъ-Гехингенъ,
княжество Лихтенштейнъ;

во всѣхъ вмѣстѣ 2,051,641 квадратныхъ миль, 7,868,000 жителей, по 3,835 на каждой милѣ.

Приводя къ единству, складывая частныя цѣпы въ общія, находимъ, что Германія заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ 13,000 квадратныхъ миль, 46,000,000 жителей, по 3,534 на каждой милѣ.

Сорокъ шесть милліоновъ — прекрасная единица даже и на тѣсномъ пространствѣ тринадцати-тысячъ миль; но единичность этой единицы обезпечена только признаніемъ Германскаго союза, нераздѣльнымъ съ признаніемъ тридцати осьми его членовъ, то есть, тридцати-осьми частей; а раздѣливши единицу 46,000,000 на 38, получимъ круглымъ числомъ только по 1,200,000 душъ на 340 милехъ. И эти части нисколько неравномѣрны: одиѣ изъ нихъ очень велики, другія — очень малы. Принимая 1,200,000 душъ за масштабъ, мы должны отчислить къ большимъ частямъ только семь: *

1. Королевство прусское	4,906 ²⁵⁰	15,648,539
2. Имперія австрійская	3,595 ⁰⁰⁰	12,277,261
3. Королевство баварское	1,394 ⁵⁸⁰	4,504,874
4. — — — саксонское	271 ⁶⁸⁰	1,836,664
5. — — — ганноверское	698 ⁶⁵⁰	1,782,771
6. — — — вюртембергское	354 ⁶⁶¹	1,781,840
7. Великое герцогство баденское	278 ⁵⁰⁰	1,367,486

Остальныя тридцать-одна часть всѣ вмѣстѣ заключаютъ менѣе осмой доли единицы, чуть не пятаю долю того, что принадлежить Пруссіи и Австріи.

Не мудрено, что, переходя за принятый масштабъ 1,200,000 жителей, мы должны разомъ спуститься чуть не на половину его.

8. Великое герцогство Гессенъ	152 ⁸⁰⁰	852,679
9. Курфюршество Гессенъ	176 ⁰⁰⁰	754,702
10. Герцог. Голштейнъ-Лауенбургъ	173 ²⁰⁰	530,933
11. — Мекленбургъ-Шверинъ	228 ⁰⁰⁰	522,144
12. — Нассау	90 ⁵⁰⁰	418,627
13. Великое герцогство Луксенбургъ	86 ⁷⁰⁰	384,557
14. — — — Ольденбургъ	116 ⁴⁰⁰	279,063
15. Герцогство Брауншвейгъ	71 ⁰⁰⁰	274,214

* Число жителей означено по свѣдѣніямъ за 1846 годъ.

16. Велик. герцог. Саксенъ Веймаръ . . .	66 ⁵⁶⁴	257,573
17. Гамбургъ	7 ⁰⁰⁰	188,054
18. Герцогство Саксенъ-Мейнингенъ . . .	45 ⁷⁵⁰	160,515
19. — — Саксенъ-Кобургъ	37 ⁰⁰⁰	147,216
20. — — Саксенъ Альтебургъ	24 ⁰⁰⁰	128,819
21. Княжество Липпе-Детмольдъ	20 ⁶⁰⁰	106,046
22. Вел. герц. Мекленбургъ-Стрелицъ . . .	47 ⁰⁰⁰	95,450
23. Княжество рейское, младшее	21 ¹⁰⁰	77,016
24. Бременъ	4 ⁶⁰⁰	75,727
25. Кн. Шварцбургъ-Рудольфштадтъ . . .	15 ⁵⁷⁰	70,918
26. Франкфуртъ	1 ⁸⁷⁵	68,240
27. Герцогство Ангальтъ-Дессау	15 ³⁹⁰	63,082
28. Княжество Вальдекъ	21 ⁶⁷⁰	59,704
29. Кн. Шварцбургъ Зондерсгаузенъ . . .	15 ⁴⁴⁰	58,628
30. Герцогство Ангальтъ-Берабургъ . . .	14 ¹⁹⁰	48,844
31. Кн. Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ . . .	15 ⁸⁰⁰	45,431
32. Герцогство Ангальтъ-Кётенъ	15 ⁰⁰⁰	43,180
33. Любекъ	5 ²¹⁰	42,320
34. Княжество Рейсъ старшее	6 ⁸⁰⁰	35,150
35. — — Шаумбургъ-Липпе	9 ⁷⁵⁰	32,244
36. Ландграфство Гессенъ	5 ⁰⁰⁰	24,433
37. Княж. Гогенцоллернъ-Гехингенъ . . .	5 ⁵⁰⁰	20,226
38. Княжество Лихтенштейнъ	2 ⁵⁰⁰	6,585

Княжество Лихтенштейнъ и королевство прусское: $2\frac{1}{2}$ миль и 4,900 миль, 6,500 душъ и 15,500,000 душъ!... О разницѣ этихъ цифръ можно задуматься болѣе, чѣмъ о единствѣ Германіи...

Каждая изъ означенныхъ неравныхъ частей Германіи — сама по себѣ единица; единица, у которой есть все свое отдѣльное — свои преданія, свои виды и надежды, своя законность, свои привязанности и убѣжденія, — и чѣмъ значительнѣе эта единица, тѣмъ все это сильнѣе, прочнѣе, уважительнѣе. Австріецъ — Германецъ, Пруссакъ — Германецъ, Саксонецъ — Германецъ; но ни Австріецъ, ни Пруссакъ, ни Саксонецъ не можетъ вытѣснить изъ своей памяти свои преданія, изъ своей исторіи славу своихъ предковъ, славу вовсе не областную, не мѣстную, а государственную, и съ общимъ именемъ Германца сдѣлать своимъ, на что привыкъ глядѣть какъ на чужое, и полуотчужить отъ себя то, что считалъ своимъ, и только своимъ.

Притомъ прусское королевство не все въ Германіи: есть его

соборность и въ Германіи; австрійская имперія и того болѣе: ея восточная половина и итальянскія земли для нея также важны какъ и германскія и причисленныя къ германскимъ.

Единство Германіи можетъ еще имѣть нѣкоторую цѣнность для тѣхъ ея частей, которыя по своей малозначительности терпятъ въ массѣ; но никакъ не для тѣхъ, которыя сами по себѣ значительны.

II.

Но оставимъ въ-сторонѣ политическій міръ. Представляетъ ли Германія искомое единство въ политическихъ отношеній и государственныхъ преданій? Можетъ-быть оно въ душѣ народа, въ гармоніи его нравственныхъ, душевныхъ убѣжденій? Восторону различныя степени образованности, не о нихъ рѣчь: степени эти всегда были и всегда будутъ, и вигдѣ не нарушали и не нарушаютъ единства. Есть душевныя убѣжденія въ разрядахъ и правъ на дипломы; убѣжденія, уравнивающія ихъ въ нравственныя единицы. Эти убѣжденія сосредоточиваются въ религіи. Люди одной религіи — одинъ народъ. Въ этомъ смыслѣ и всѣ Европейцы одинъ народъ, какъ христіане. Въ каждомъ народѣ должна быть одна господствующая религія; народъ, раздѣленный на нѣсколько религіи, потерялъ свое единство. Что же скажутъ цифры о Германіи въ этомъ отношеніи?

а) Въ *Сѣверовосточной* части болѣе всего протестантовъ: слишкомъ *десять* миллионъ (10,016,000); но римско-католиковъ чуть не три миллиона (2,876,800). Остатокъ: Жиды (197,400), меннониты (13,400), православные (1,700), Цыгане (500).

б) Въ *сѣверозападной* части протестантовъ слишкомъ *пять* миллионъ (5,283,500), почти столько же какъ и римско-католиковъ (4,274,500). Остатокъ: Жиды (138,600), меннониты (1,400).

с) Въ *средней* части господствуютъ почти совершенно протестанты (2,771,400). Остатокъ: римско-католики (47,400), Жиды (9,300), православные (200).

д) Въ *юговосточной* части господствуютъ слишкомъ *двѣнадцать* миллионъ римско-католиковъ (12,094,500). Остатокъ: протестанты (266,500), Жиды (120,200), православные (4,500), Цыгане (13,500), магометане (1,000).

а) В западной части католиковъ болѣе половины общей массы, почти пять милліоновъ (4,829,200), но и протестантовъ почти три милліона (2,944,300). Остатокъ: Жиды (98,000).

Раздѣливъ Германію на двѣ половины, сѣверную и южную, увидимъ, что въ первой господствуетъ протестантизмъ, во второй католицизмъ:

	I.	II.
Католиковъ	7,198,700	16,923,700
Евангеликовъ	18,070,600	3,207,800
Православныхъ	1,900	4,500
Меннонитовъ	14,800	—
Жидовъ	345,000	218,000
Магометанъ	—	1,000
Цыганъ	500	13,500

Соединяя же Германію въ единицы 46,000,000, получаемъ:

Католиковъ	24,122,400
Евангеликовъ	21,278,400
Православныхъ	6,400
Меннонитовъ	14,800
Жидовъ	563,000
Магометанъ	1,000
Цыганъ	14,000
	<hr/>
	46,000,000

Слишкомъ двадцать-четыре милліона католиковъ и слишкомъ двадцать-одинъ милліонъ защищающихъ протестъ противъ римскаго католицизма: однихъ и другихъ почти поровну. Въдѣ это два различные народа и столько же равные по силамъ какъ различные по убѣжденіямъ; гдѣ же единство? Тѣ и другіе христіане; но какъ христіане, всѣ Европейцы — одинъ народъ; а въдѣ этого обще-христіанскаго взгляда, всѣ римско-католики одинъ народъ, всѣ протестанты сами по себѣ одинъ, тотъ и другой отдѣльная единица по душевнымъ убѣжденіямъ, по понятіямъ о нравственныхъ обязанностяхъ и въ церкви и дома. Въ политическомъ отношеніи мы видимъ вмѣсто одной Германіи тридцать восемь членовъ Германскаго союза, и между ними только семь значительныхъ, а въ религіозномъ видимъ вмѣсто одной Германіи по-крайней-мѣрѣ двѣ, католическую и протестантскую. Говоримъ — по-край-

ней-шэръ, потому что нельзя же забыть о сектахъ, дѣлящихъ протестантскую Германію на нѣсколько неравныхъ частей.

Притомъ же, если и считать протестантовъ всѣхъ за одно, не раздѣляя на секты, то все же нельзя упускать изъ виду, что и протестанты и католики живутъ въ Германіи не сплошномъ шло-сой, а по областямъ, такъ-что въ однихъ изъ областей господствуетъ протестантизмъ, въ другихъ католицизмъ. Въ Южной Германіи королевство виртембергское представляетъ болѣе округовъ протестантскихъ чѣмъ католическихъ; королевство баварское и великое герцогство баденское напротивъ — болѣе округовъ католическихъ. Австрійская имперія одна въ Южной Германіи чисто католическая держава: въ ней:

Римско-Католиковъ.	12,094,500
Протестантовъ.	266,500
Православныхъ.	4,500
Жидовъ.	120,000
Магометанъ.	1,000
Цыганъ.	13,500
	<hr/>
	12,500,000

Тотъ же характеръ имѣютъ еще въ этомъ отношеніи въ Южной Германіи только небольшія земли княжествъ гогенцоллернскихъ и лихтенштейнскаго. Въ Сѣверной Германіи большая часть областей почти исключительно протестантскія; но и въ ней есть значительные куски земель, гдѣ господствуетъ католицизмъ. Такъ, между-прочимъ, области королевства прусскаго имѣютъ:

Протестантовъ.	9,882,000
Католиковъ.	5,920,000
Православныхъ.	1,700
Меннонитовъ.	14,800
Жидовъ.	221,000
Цыганъ.	500
	<hr/>
	16,040,000

Западные области королевства прусскаго и восточныя пограничныя — преимущественно католическія; точно также какъ и земли великаго герцогства луксенбургскаго лимбургскаго. Въ западныхъ областяхъ изъ 4,500,000 жителей:

Католиковъ . . .	3,050,000
Протестантовъ . .	1,406,000
Жидовъ	42,000
Меннонитовъ . . .	1,400
	<hr/>
	4,500,000

Въ областяхъ восточныхъ изъ 11,540,000 жителей:

Протестантовъ . .	8,476,000
Католиковъ . . .	2,870,000
Жидовъ	178,400
Меннонитовъ . . .	13,400
Православныхъ . .	1,700
Цыганъ	500
	<hr/>
	11,540,000

На конецъ концовъ скажемъ, что въ отношеніи религій въ Германіи нѣтъ единства, а есть только дробн такія же, какъ и въ отношеніи политическомъ.

III.

Не единая въ отношеніяхъ политическомъ и религіозномъ, Германія можетъ быть впрочемъ, единою въ отношеніи физическомъ,—и единство кровнаго происхожденія и языка можетъ, до некоторой степени поддерживать въ ней цѣлость народа и при раздробленіи его на части въ другихъ отношеніяхъ.

Въ Германіи живутъ Нѣмцы: истина, не требующая доказательства; они и у Балтійскаго моря, они и у моря Адриатическаго, они и у границы Россіи, они и у границъ Италіи и Франціи. Путешественникъ ѣдетъ по срединѣ Германіи изъ конца въ конецъ, — и видитъ вездѣ Нѣмцевъ, говоритъ вездѣ по-нѣмецки; точно также какъ во Франціи—по французски, въ Италіи—по-италіянски, и заключаетъ очень естественно, что въ Германіи одинъ народъ—нѣмецкій. Встрѣчаетъ онъ, правда, Жидовъ и Цыганъ—людей не германскаго происхожденія; но Жиды и Цыгане не народъ, и притомъ же они говорятъ по-нѣмецки. Этого мало: путешественникъ, изучившій дома языкъ нѣмецкій по пе-

реводамъ Лютера, вездѣ на большой дорогѣ понять, вездѣ слышать себя отвѣты на этомъ языкѣ, и заключаетъ естественно, что Нѣмцы говорятъ по нѣмецки вездѣ однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ, что Нѣмцы такой народъ, котораго цѣлостъ однообразіемъ народнаго гдвора скрѣплена крѣпко на крѣпко.

Изъ Германіи по Балтійскому морю онъ ѣдетъ въ Финляндію, тамъ слышитъ вездѣ языкъ шведскій, и заключаетъ, что Финляндія населена Шведами, и такъ далѣе. Но какъ же это? Статистики и географы вѣрно ошиблись, сговорились ошибиться, или обмануть довѣрчивость читателей, говоря въ одно слово, что господствующій народъ въ Финляндіи—Финны? Впрочемъ, какъ же они могли такъ сговориться? Путешественникъ присматривается, прислушивается—и въ самомъ дѣлѣ, видитъ въ Финляндіи Финновъ, чуть не однихъ Финновъ, а Шведовъ число очень небольшое, по сравненію съ общимъ числомъ жителей. Статистики и географы не ошиблись, а онъ самъ ошибся,—и въ головѣ у него очень естественно рождается вопросъ, не ошибся ли онъ также и въ самой Германіи, не то ли же и въ ней, что въ остзейскомъ краѣ и въ Финляндіи. Онъ допрашиваетъ статистику, географію, исторію, повѣряетъ ихъ отвѣты очными ставками и, въ-самомъ дѣлѣ, перебѣняетъ мнѣніе о единствѣ Германіи въ отношеніи къ народности и языку.

Восточный край королевства прусскаго, по границѣ русской—населенъ Литовцами и Славянами; въ саксонскомъ королевствѣ и въ Прусской Саксоніи—цѣлый край населенъ Славянами; въ Моравіи и Богеміи господствующій народъ Славяне; въ южной Штиріи и Каринтіи и во всей Краинѣ—тоже Славяне, въ Тироли много романскаго народа. Такимъ-образомъ, вмѣсто одного народа въ Германіи отдѣляются для внимательнаго путешественника нѣсколько народовъ, именно:

Нѣмцевъ	36,575,000.
Славянъ	8,260,000.
Романовъ	460,000.
Литовцевъ	162,000.
Жидовъ и Цыганъ	563,000.
	<hr/>
	46,000,000.

Выходитъ, что Нѣмцы въ Германіи составляютъ только 3% всего варонаселенія, что на четыре Нѣмца приходится по одному не-

Нѣмцу; эта пропорція почти одинакова для Германіи Сѣверной (F) и Южной (H).

	I.	II.
Нѣмцы	22,877,000	13,552,000.
Славяны	2,100,000	6,100,000.
Романы	47,000	449,000.
Личовцы	162,000	—
Жидовъ и Цыганъ	345,500	271,500.
	<hr/>	<hr/>
	25,631,500	20,368,500.

Рассмотримъ и распределеіе каждого изъ двухъ главныхъ народовъ отдѣльно:

Изъ 36,535,000 Нѣмцовъ живутъ:

Въ королевствѣ прусскомъ	13,541,500	изъ 16,040,000
— имперіи австрійской	5,788,500	— 12,500,000
— остальной Германіи	17,265,000	— 17,460,000;

Слѣдовательно, только за остальной Германіей, за тридцатью шестью меньшими членами Германскаго союза можетъ остаться названіе Германіи въ смыслѣ этнографическомъ.

Изъ 8,260,000 Славянъ живутъ:

Въ королевствѣ прусскомъ 2,070,000	при 13,541,500 Нѣмцевъ.
— австрійской имперіи . 6,160,000	— 5,788,500 — —
— остальной Германіи . . 30,000,	окруженные 17,203,000 — —

Въ королевствѣ прусскомъ на одну долю чисто славянской крови приходится по шести долей съ половиной крови нѣмецкой, а въ имперіи австрійской на десять славянскихъ долей только девять нѣмецкихъ. Слѣдовательно, если в прусское королевство, за исключеніемъ восточныхъ краевъ, можно отчислить въ этнографическомъ отношеніи, изъ Германіи, то ни въ какомъ случаѣ не подходитъ изъ Германіи, австрійская имперія, болѣе славянская, чѣмъ нѣмецкая.

Такимъ образомъ и въ отношеніи этнографическомъ, Германія не представляетъ единства: Германія восточная ярко отдѣляется отъ западной. Эта послѣдняя, имѣетъ полное право называться Германіей; но восточную — прусскую и австрійскую, гдѣ изъ

двадцати четырехъ миллионѣвъ жителей почти осемь съ половиною миллионѣвъ Славянъ съ Литовцами, гдѣ Нѣмцевъ нѣтъ и двухъ третей народонаселенія, пусть бы и можно было назвать Германіей въ какомъ угодно отношеніи, но никакъ не въ этнографическомъ. Къ сказанному прежде о ней прибавимъ еще, что если посмотрѣть на восточную Германію и на восточные края западной Германіи въ зрительныя трубки исторіи и физиологій, то она покажется еще менѣе нѣмецкой: въ ней и тѣ края, гдѣ господствуетъ нѣмецкій языкъ, населены не Нѣмцами, а овѣчившимися Славянами, сохранившими до-сихъ-поръ свой характеръ, свои нравы и обычаи, свои преданія, и многое, что ихъ очень рѣзко отличаетъ отъ настоящихъ, чистыхъ Нѣмцевъ. Восточныя области королевства прусскаго, мекленбургскія земли, саксонскія земли, австрійское эрцгерцогство, сѣверная Каринтія и Штирія чуть не на каждой верстѣ показываютъ путешественнику, запасшемуся вспомогательными орудіями физиологій, исторіи и филологій, слѣды славянскіе — и въ селахъ и въ поляхъ: въ жителяхъ этихъ странъ, нѣмецкихъ по языку — и то не чисто нѣмецкихъ, а съ примѣсью славянской, течетъ кровь славянская, хоть и не чистая.

Присматриваясь и прислушиваясь и къ самымъ Нѣмцамъ, путешественникъ-наблюдатель и въ отношеніи ихъ нѣмецкаго языка найдетъ вмѣсто единства только дробь. Въ книгахъ, то есть въ бѣльшей части книгъ нѣмецкихъ, начиная съ шестнадцатаго вѣка, языкъ нѣмецкій одинъ, — и есть край, гдѣ этимъ языкомъ говоритъ народъ; но народъ говоритъ и многими другими нарѣчіями, и въ литературѣ германской до шестнадцатаго вѣка господствовали разныя нарѣчія, до сихъ поръ уцѣлѣвшія въ народѣ, до сихъ поръ продолжающія свою литературную дѣятельность. Въ Германіи Южной, горной, по всему бассейну Дуная, и по землямъ, омываемымъ водами Верхняго Рейна — вплоть по Рейну до Раштада и по Неккару до Вимпфена, народъ говоритъ нарѣчіями *верхненѣмецкими*. Тутъ ихъ пять главныхъ, очень замѣтно отличныхъ: аллеманское, швабское, баварско-австрійское, оберпфальцское, богемское или эгерское. Сюда же какъ *шестое* относится и верхнесилезское или судетское, которымъ говоритъ народъ въ горахъ судетскихъ, на сѣверъ отъ Славянъ чешскихъ и моравскихъ, между бассейнами Одера и Эльбы, съ востока на западъ отъ Тешена до Будвейса. Въ Германіи Средней, на сѣверъ отъ водъ бассейна дунайскаго и отъ Раштата и

Видна она, въ бассейнѣ Рейна, до черты, которая проходитъ черезъ Аахенъ, Боннъ, Кассель, Берабургъ, Дессау, Люббекъ, Кроссенъ къ устью Варты, господствуютъ нарѣчія *средне-нѣмецкія*. Тутъ ихъ *девять* главныхъ: франкское или майнское, рейнское, нижнеелотерпягское, вестервальдское, диннегессельское, гурингенское, фойхтландское, верхнесаксонское, силезское. На сѣверъ отъ означенной черты, между Аахеномъ и устьемъ Варты, къ морю Нѣмецкому и Балтійскому, господствуютъ нарѣчія *нижне-нѣмецкія*, которыхъ *осемь* главныхъ: бранденбургское, померанское, западно-прусское, восточно-прусское, магдебургское, вестфальское, нижне-рейнское. Всего *двадцать три* главныхъ нарѣчія; говоримъ: главные, потому что многія изъ нихъ еще подраздѣляются, и эти подраздѣленія идутъ до того, что есть мѣста, гдѣ въ каждой деревнѣ говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, непонятнымъ для сосѣднихъ деревень. Чтобъ доказать, какъ различны нѣмецкія нарѣчія, надобно было бы привести образчики, и они у насъ подъ рукою въ большомъ запасѣ, благодаря трудолюбію мѣстныхъ нѣмецкихъ лингвистовъ; но едва ли кто изъ нашихъ читателей захочетъ вникать въ отличія нарѣчій и въ смыслъ образчиковъ, когда и ученые Нѣмцы плохо ихъ понимаютъ. Довольно будетъ, по этому, сказать, что нижніе, то есть сѣверные Нѣмцы гораздо легче понимаютъ Голландцевъ и Англичанъ, чѣмъ другіхъ Нѣмцевъ; что голландско-фламандскій языкъ принадлежитъ тоже къ числу нѣмецкихъ нарѣчій, занимающаго *двадцать четвертый* вслѣдъ за нижне-рейнскимъ нарѣчіемъ. Мы привыкли отдѣлять между Славянами Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, Хорутанъ, Сербовъ, Болгаръ, и такъ далѣе, какъ особенные народы, основываясь на одномъ различіи нарѣчій; но между славянскими нарѣчіями отнюдь нѣтъ той разницы, что между нѣмецкими, — и если слѣдуетъ говорить: чешскій языкъ, польскій языкъ, сербскій языкъ, то съ такимъ же правомъ филологическимъ можемъ говорить: аллеманскій языкъ, померанскій языкъ, силезскій языкъ, и такъ далѣе. *И такихъ языковъ въ Германіи двадцать три.*

Прибавьте теперь къ этому *четыре* языка славянскихъ: польскій, чешскій, лужицкій и хорутанскій, да *одинъ* италіанскій, да хоть *одинъ* литовскій и еще *одинъ* фризскій въ Ольденбургъ, совершенно отличный отъ голландскаго и сосѣднихъ нѣмецкихъ, — и вотъ вамъ *въ одной Германіи тридцать языковъ*, изъ которыхъ каждый господствуетъ въ своемъ краѣ, каждый имѣетъ свою

литературу, и нѣкоторые гораздо понятнѣе внѣ Германіи, чѣмъ въ тѣхъ областяхъ германскихъ, гдѣ ихъ не употребляютъ.

Слѣдовательно, и въ этнографическомъ отношеніи нѣтъ единства въ Германіи.

Возвращаясь къ началу, можемъ повторить: Германія една только какъ Германскій союзъ, на основаніи положеній, узаконенныхъ временемъ, подтвержденныхъ 1815 годомъ, а вовсе не на основаніи предположеній о ея единствѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

П. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

=

ГОДЪ ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
1709.

==
(Изъ Записокъ Крекшина).
==

Петръ Никифоровичъ Крекшинъ, комиссаръ по подрядамъ, девятаго класса, былъ современникъ Петра-Великаго. Онъ родился въ 1684 году, молодость свою провелъ въ писцахъ при разныхъ канцеляріяхъ, а впослѣдствіи служилъ при самомъ Государѣ и обратилъ на себя его вниманіе прилежаніемъ и аккуратностью. Поддавъ какъ-то гнѣву Петра, Крекшинъ сосланъ былъ въ Кронштатъ на работу, но вскорѣ прощенъ и снискалъ прежнія монаршія милости. Руководимый любовью къ отечественнымъ древностямъ, Крекшинъ, собралъ множество древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, скомпилировалъ нѣсколько историческихъ монографій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, въ хорошо извѣстныхъ нашимъ записнымъ историкамъ. Но важнѣйшій трудъ Крекшина, это, такъ называемыя, «домашнія» его записки, состоящія изъ 45 томовъ, въ числѣ которыхъ въ 27 книгахъ содержится «Журналъ Петра Великаго», и изъ котораго одна книга, именно 28, заключающая въ себѣ 1709 годъ, — предъ глазами читателей этого изданія.

Послѣ смерти Петра-Великаго, Крекшинъ вышелъ въ отставку и занялся собираніемъ свѣдѣній о жизни и дѣлахъ любимаго имъ Монарха. Четырнадцать лѣтъ провелъ онъ въ списываніи фоліант.
Т. ХСVII. — Отд. III.

товъ, внося въ нихъ все то, что видѣлъ самъ, слышалъ отъ другихъ и что встрѣчалъ въ журналахъ лицъ, приближенныхъ къ Царю.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы, старецъ Крекшинъ явился предъ Монархиней съ фолиантомъ своихъ записокъ въ рукахъ. Государыня благосклонно выслушала просьбу чело-вѣка, столько благоговѣвшаго къ памяти ея родителя и разрѣшила Крекшину пересмотрѣть кабинетъ дѣлъ и бумагъ Петра Великаго, находившійся тогда въ санктпетербургской крѣпости. Съдой старикъ съ страстью юноши рылся въ бумагахъ великаго Государя еще 15 лѣтъ, и въ 45 томахъ составилъ въ видѣ журнала выписки всего замѣчательнаго и драгоцѣннаго о Петрѣ Первомъ. Осьмидесяти-лѣтній Крекшинъ оцѣнилъ въ могилу около 1760 года. — А что сдѣлалось съ его бумагами, спросите вы? — Бумаги его, какъ это было искони, попали въ руки невѣждъ наслѣдниковъ, которые разсудили за благо сложить ихъ въ сарай, а потомъ продали какъ ненужный хламъ одному книгопродавцу за 200 рублей. Книгопродавецъ представилъ забытые труды Крекшина извѣстному любителю отечественныхъ древностей графу Алексѣю Ивзавичу Мусину-Пушкину, который купилъ ихъ за 500 рублей.

Во время такой перетасовки трудовъ Крекшина многое и пропало. Одноглазая судьба слѣдовала, вѣроятно, издали за эгипци историческими памятниками и на дняхъ вручила намъ 28-й томъ, изъ большихъ его записокъ о Петрѣ. Рукопись эта, судя по наружности, вѣроятно, была потеряна при перевозкѣ, попала прямо въ грязь и въ такомъ видѣ найдена.

Судить, въ какой степени долженъ быть важенъ и интересенъ этотъ трудъ Крекшина, нечужды многимъ погрѣшностей, предоставляемъ исторической критикѣ и передаемъ его съ точностью, измѣнивъ только правописаніе въ некоторыхъ словъ, для облегченія читающихъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Храбрыя и великославныя дѣла героя великаго отца Россійскаго Императора Петра Великаго, любопытному роду человѣческому не безызвѣстны. А о премудрыхъ Его Императорскаго Величества военныхъ стратегемахъ ¹ не многимъ извѣстно, чрезъ

¹ То есть: хитростяхъ военныхъ.

которые своихъ и другихъ государствъ многія тысячи отъ напрасныхъ смертей и государства отъ великихъ раззореній спасъ.

Того ради, о единой премудрой Его Императорскаго Величества стратагемѣ, бывшей въ 1709 году, любопытнымъ читателямъ для извѣстія кратко предлагаю.

Въ 1686 году іюля 25 дня, Его Императорское Величество изъ Казковъ Ивашку Мазепу пожаловалъ гетманомъ и вручилъ ему Малую Россію и Запорожье, пожаловалъ его кавалерією святаго Апостола Андрея и тайныхъ совѣтовъ своихъ царскимъ совѣтникомъ. Но онъ, Мазепа, не удовольствуясь тѣмъ, воспріиалъ намѣреніе благодѣтеля своего Петра Великаго лишить живота, и искалъ случая, чтобъ въ путномъ шествіи Его Величество почмавъ отдать шведскому королю. Но какъ того не получилъ, принялъ намѣреніе Его Величество убить. Послѣ онаго исполненія просилъ Его Величество о пожалованіи къ нему, Мазепѣ, въ городъ Батуринъ, приуготовя къ тому убійству изъ бунтовщиковъ сердюковъ роту и поставивъ на караулъ, приказалъ: какъ Его Величество прібудетъ и стѣнетъ изъ покоевыхъ сѣней выходить, учинить всей ротѣ залпъ пулями въ грудь Его Величеству.

Когда Его Величество изволилъ шествовать къ Мазепѣ въ Батуринъ, въ пути достигъ курьеръ отъ генерала князя Меншикова. Его Величество, оставя путь въ Батуринъ, изволилъ шествовать къ генералу князю Меншикову.

Потомъ онъ, Мазепа, просилъ королей, шведскаго Карла и польскаго Лещинскаго, со ста-тысячами войскъ о вступленіи въ Малороссію, Порту о помощныхъ двухъ стахъ-тысячахъ, у хана ста-тысячь, у орды Бѣлгородской и Кубанской по пятидесяти-тысячь. Объявляя: ежели онъ, Мазепа, освободится изъ-подъ ига русскаго, обѣщалъ платить по всягодно Портѣ по милліону, крымскому хану сто-тысячь ефимочной монетой, и равнымъ числомъ помощь чинить, а ордамъ дать достойную плату, Карлу—Курляндію, Лещинскому — Малой Россіи задѣврскую сторону, войска шведскія и польскія на его Мазепинѣ жалованьи и питомствѣ содержать; объявляя Портѣ и хану при себѣ готоваго войска двѣсти-тысячь; шведскій король имѣлъ тогда войну съ Его Величествомъ, съ пятьюдесятью четырьмя тысячами въ Малороссію вступилъ, Лещинскаго войска къ малороссійскимъ границамъ приступили, Порта, ханъ и орды не только требуемымъ числомъ войскъ, но и войну съ Россіей имѣть обѣщали.

Шведскій король Карлъ, видя союзнаго войска семь-сотъ-тысячь протавъ Петра Великаго, пріиалъ иное намѣреніе, по сово-

купленіи войскъ оставя Украинну, со всѣми упоминаемыми войсками идти прямо къ Москвѣ и страхъ навести на все руссiйское войско и опустошить и разорить Россiю, а по вшествiи въ Москву объявить себя всего, съвера императоромъ, и овладѣвъ Европой, со временемъ намѣренъ былъ искать, быть всего мiра обладателемъ. Войскамъ своимъ въ Москвѣ росписалъ квартиры, генераль-маiора Шнара пожаловалъ московскимъ генераль-губернаторомъ, и армію своей объявилъ походъ къ Москвѣ. Противъ сего Петръ-Великій употребилъ сію стратагему, и для дѣйствiя оной стратагемы, февраля 8 дня 1709 года, поручилъ армію фельдмаршалу графу Шереметеву, изволилъ отбыть въ Азовъ, повелѣлъ вооружить флоты для походу въ Цареградское Море 61 каравль, 400 галеръ и прочія морскія суда, и вооружить сильною артиллерією, и на оныя флоты посадить войска сто-тысячъ съ полугодовымъ провіантомъ. Какъ въ Цареградѣ о вооруженіи флотовъ извѣстно учинилось, Порта возымѣла великій страхъ, ибо въ Цареградскомъ Морѣ было только двадцать семь кораблей, и то вѣтхіе. Жители цареградскіе всѣ убиралсь на корабли, и выѣзжали изъ Царяграда по вооруженіи флотовъ и выведеніи въ морѣ во всемъ Царѣградѣ гремѣлъ слухъ ужасный. О походѣ къ Царюграду, муфтіи говорилъ султану, чтобъ съ Россією мира не нарушамъ и противнымъ царю московскому помощи не давалъ, а тѣми силами оберегалъ бы Царѣградъ и Крымскій Островъ. Янчары всенародно кричали, чтобъ мира съ царемъ московскимъ не нарушать; визирь отправилъ изъ ближнихъ султанскихъ курьера съ письмомъ въ Троицкій къ адмиралу графу Апраксину, въ которомъ писалъ: «Извѣстно блистательной Портѣ, что онъ вооружаетъ флотъ для походу въ Цареградское Море, а Порта миръ не нарушимъ съ Царскимъ Величествомъ содержать, присланному отъ визиря вооруженные флоты оказаны и объявлено, что Порта и ханъ и орды собираютъ войска или къ начатію войны или для помощи противнымъ Его Величеству. Присланный съ ужасомъ на оныя флоты глядѣлъ и клялся алкораномъ, что государь его, султанское величество, войны начать, ни противнымъ помощи дать и въ мысли того не имѣтъ; притомъ просилъ, чтобъ онъ былъ отпущенъ немедленно въ Царѣградъ, а по прибытіи его въ Царѣградъ, миръ съ Его Величествомъ Порта немедленно подпишетъ; съ реченнымъ курьеромъ отъ лица адмирала графа Апраксина къ визирю писано: «Для чего Порта Оттоманская, ханъ крымскій и орды собираютъ войска и приготавлиются къ войнѣ, или противъ Его Величества, или для вспоможенія противнымъ Его Ве-

личества, а ежели Порты мира не будетъ нарушать и помощи противнымъ Его Величеству давать, то и Его Императорское Величество миръ свято и ненарушимо содержать будетъ.»

По прибытіи курьера въ Царьградъ Порты миръ съ Его Величествомъ подтвердила, и отъ помощныхъ войскъ королю шведскому Карлу и польскому Лещинскому и измѣннику Мазепѣ отказала.

И такъ Его Величество сею стратагемою совѣтъ противныхъ разрушилъ и предпріятія ихъ бездѣйствительными содѣлалъ, сей стратагема любопытствующій родъ человѣческой, тайно строимой признать не могъ.

Между тѣмъ войсками Его Величества, войска Лещинскаго разбиты, шведскаго войска чрезъ баталіи и военную стратагему мразе умалилось до пятнадцати-тысячъ, измѣнничьи городки Батуринъ и Сѣча Запорожская съ городками взяты и раззорены, измѣнниковъ до тридцати тысячь порублено.

По прибытіи Его Величества изъ Троицкаго къ арміи, бывшей при Полтавѣ, іюня 27 на полтавскихъ поляхъ всю шведскую армію, которой былъ предводителемъ самъ Швеціи король, Карлъ разбилъ съ потеряніемъ войскъ своихъ только 1,348 человекъ.

Шведскій король Карлъ, съ измѣнникомъ Мазепою ушли въ турецкій городъ Бендеры, гдѣ многія ругательства претерпѣлъ, а Мазепа отъ страха ядомъ себя умертвилъ. Лещинскій, оставя престолъ польскій, ушелъ во Гданскъ, а изъ Гданска въ Турки, гдѣ и отъ оной многія ругательства и озлобленія претерпѣлъ же. А прочія Его Императорскаго Величества храбрыя и великославныя дѣла и премудрыя стратагема и государственныя учрежденія и странствія, и бытія во многихъ государствахъ свидѣлствуютъ, въ журналахъ Его Императорскаго Величества въ 45 томахъ. А сей журналъ дѣлъ Его Величества 1709 года томъ 28-й.

Я Н В А Р Ъ.

1. Царское Величество изволилъ торжествовать день новаго года въ малороссійскомъ городѣ Суммахъ, гдѣ новымъ годомъ и благополучнымъ царствованіемъ былъ поздравляемъ². Причемъ была изъ пушекъ и отъ гвардіи изъ ружья пальба, генералитетъ и

² Въ журналѣ Е. Ц. В. — о прибытіи въ Сумы, 1708 года, декабря 26.

штабъ офицеры объѣдали въ домѣ Царскаго Величества, веселились до двухъ часовъ по полуночи.

Шведскій король съ арміею стоялъ въ Ромвахъ отъ Суммъ въ 150 верстахъ ³.

Зима сего года столь была мразна, что во всей Европѣ рѣки и болота замерзли, птицы съ воздуха на землю мертвыя упали, и виноградныя и садовыя деревья многія вымерзли и многочисленные народы померзли ⁴.

2. Калмыцкій ханъ Аюка присягою и подпискою подтверждаетъ служить его Царскому Величеству со всякою вѣрностію, и надѣ всѣми владѣльцами наблюдать, чтобъ всѣ были въ вѣрности, и отыскавъ плѣнныхъ россійскихъ во владѣніи своемъ до тысячъ отпустилъ, и въ предѣ ежели отыскаться могутъ плѣнные россійскіе свободать ⁵.

3. Непріятельская армія, стоящая въ Ромвахъ, отъ нестерпимаго глада и скудности въ пропитаніи, имѣла походъ отъ Ромовъ въ Гадячь, во ономъ походѣ многое число померзло, а многіе ознобили руки и ноги и въ службѣ быть уже неспособны ⁶, отъ глада умножалось ежедневно число больныхъ ⁷, не смѣлъ не-пріятель посылать для сбора провіанта и фуража, ибо окруженъ былъ не малымъ числомъ легкими войсками Царскаго Величества, которыя были обмундированы теплымъ мундиромъ ⁸. Но хотя генеральствами отъ мѣста до мѣста, проходя пропитаніе получали, но съ немалымъ урономъ своихъ людей отъ жестокихъ мерзозовъ, что въ мундирѣ имѣли оскуднѣніе ⁹. Ибо везенный на оную армію мундиръ и амуниція 1708 года, сентября 28 числа, при лесной баталіи войсками Царскаго Величества взяты.

³ Ibid. и въ дѣлахъ князя Меншикова въ Академіи.

⁴ Ibid. и въ журналѣ генерала Брюса, генераль-лейтенанта Рена, въ дѣлахъ князя Меншикова, въ Академіи, и въ исторіи іереевъ Катинфорса Закинѣянина, книга 4.

⁵ Въ дѣлахъ князя Меншикова, въ письмѣ за рукою окольникчаго Апраксина.

⁶ Въ исторіи Волтера, книга четвертая, 2,000 въ глазахъ королевскихъ отъ морозу померзло.

⁷ Ibid. Ежели бы Мазепа не прокормилъ, съ голоду бѣ всѣ померли.

⁸ Въ дѣлахъ князя Меншикова. По допросу плѣннаго поручика Якова Пропста, января 10, № 20, въ Академіи.

⁹ У Волтера: Драгуны безъ сапоговъ, а пѣхота безъ башмаковъ и почти всѣ безъ мундиру.

4. Король Карль съ главными корпусами инвентерн отойтъ отъ Гадяча въ четырекъ миляхъ, а конные между Гадяча и Ромова, обозъ и большыя въ Гадячъ; непріятельская армія повстуетъ въ новые станціи сначала жителямъ всякія благодѣшнія показывала. По маломъ времени обирали платяе, отговаривалось якобы отъ востерпимаго глада, по нуждѣ то творять, потомъ обирали хлѣбъ и скоть, якобы то по нуждѣ жъ, избавляя животь отъ смерти ¹⁰. По неимогемъ времени вивали и на всѣ помнати жителей, грабили и Божии церкви, и въ нихъ консіи стояла подьячье лошадей ставили, образа святые въ кровати, шкатуки, столы и въ доми пахматные употребляли ¹¹.

5. Шведскій король, видѣвъ армію свою отъ глада погибающую, публиковалъ манифесты, яко онъ Карль съ войсками по пресѣбъ переявствующихъ малороссійскаго народа пришелъ, дабы защититъ сей край отъ раззоренія и наведенія войскъ московскихъ, тогобъ ради вези хлѣбъ и гнали скоть на содержаніе арміи, общалъ платитъ за всякую четверть мунки по три, потомъ и по четыре, а на послѣдокъ и по шести еемковъ, за вола платитъ по пяти, по шести, и по десяти еемковъ ¹². Жители для высонихъ цѣвъ отырывали лмы и продавали хлѣбъ и скоть. Примѣтивъ непріятель, что въ стоящихъ мѣстахъ хлѣба и скота уже нѣтъ и надобъ переходить въ другую станцію, то дни за четыре предъ выходомъ въ оныхъ мѣсть жителямъ объявляли, чтобъ взятую отъ нихъ сумму денегъ за проданные съѣстные припасы провіантъ и скоть возвратили, угрожая за невозвращеніе выжженіемъ и побіеніемъ жителей, и по такому своему злему предвритію за неутдачу многія мѣста жгли и разоряли и народъ рубили ¹³. Бѣдные жители, испукая животь отъ смерти, взятые деньги возвращали; и по таковомъ образіи и разореніи вѣсколькихъ мѣстечекъ, малороссійскіе жители уразумѣли непріятельскую неправду, въ продажу провіанта и скота не объявляли. Непріятель употребилъ къ обобраянню и разоренію слѣдующее: при вступленіи съ войскомъ въ мѣста товыя, навелъ сборъ провіанту, число, колликаго жителя тѣхъ мѣсть не выѣли, за неплатежъ угрожалъ выжженіемъ мѣсть и порубленіемъ жителей ¹⁴. Жители не

¹⁰ У Волгера: Гладъ и холодъ претерпѣвали, и съ голоду умирали.

¹¹ Въ истеріи Катмароса Закинѣянина.

¹² Въ манифестѣ Е. Ц. В. февраля 5 числа.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

нїѣя такого числа провіанта, а знали что за неплатежъ многіи мѣста выжжены и жители порублены, просили, чтобъ взять провіанту половину, а за вторую взять деньгами ¹⁵. Непрїатель яко бы милость творилъ, бралъ половинное число провіанту, а за вторую половину деньгами правилъ цѣнами высокими. Бѣдные народы, послѣднее принуждены были отдавать.

6. То есть, въ день Богоявленія Господня, Великій Государь о такомъ разореніи и невинномъ побїеніи своихъ подданныхъ нѣтъ военный совѣтъ о помощи, но хотя и всякій желалъ ихъ избавить отъ насилія непрїательскаго, только удержавъ былъ лютостью морозовъ, что вскорѣ арміи совокупиться было невозможно, и стоять съ оною въ подѣ въ такъ сильную стужу, великаго упадка въ войскѣ опасался; того ради повелѣлъ въ слободскіе городки ввести войска для невпущенія непрїателя ¹⁶.

7. Жители малороссійскіе, видѣвъ послѣднюю свою гибель, Мазепѣ о чинимыхъ обидахъ, разореніяхъ, грабежахъ и насиліяхъ отъ шведскаго войска говорили; Мазепа говорилъ: Король шведскій призывавъ имъ для охраненія и защищенія отъ войскъ россійскихъ, и дабы помощью его доставить имъ вольности, и освободить изъ подѣ тяжкаго ига россійскаго: а о реченномъ имъ обѣщавъ королю говорить, и обнадеживавъ, что милость королевскую получать, токмо бѣ твердо держались при сторонѣ короля шведскаго, и арміи его хлѣбъ и скоть продавали за деньги ¹⁷.

8. Перенято письмо короля шведскаго въ Стокгольмъ къ сенату; въ ономъ пишетъ о одержимыхъ имъ Карломъ побѣдахъ надъ войсками Царскаго Величества подѣ Добрымъ и подѣ Леснымъ, Левенгауптомъ, при Сойкинѣ, генераль-маіоромъ Либикеромъ; а въ реченныхъ баталіяхъ побито и въ плѣнъ взято войскъ шведскихъ до двадцати тысячъ, и тѣхъ генеральствъ артиллерія и ружье; и до десяти тысячъ фурмановъ съ мундирами и аммуниціею, медикаментами, провіантомъ и съ денежною казною взято и на побѣгѣ непрїатель до 6,000 добрыхъ коней своихъ сядя на корабли покололъ. По прочтеніи того королевскаго письма, Царское Величество изволилъ сказать: «желаю таковыхъ благополучныхъ побѣдъ и впредь его королевскому величеству» ¹⁸.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Въ гранотѣ Е. Ц. В., посланной въ Запорожье февраля 7.

¹⁷ Въ манифестѣ Е. Ц. В. февраля 3 о призывѣ Мазепою шведскаго короля въ Украину.

¹⁸ Ibid.

9. Король Карлъ съ измѣнникомъ Мазепою желали не токмо одинъ народъ малороссійскій, но и всю Россію подвигнуть противъ Царскаго Величества. Разглашали, будто Его Царское Величество съ папою о соединеніи вѣры трактуетъ, и взятымъ въ 1708 году, февраля 24, въ Гданскѣ россійскимъ типою велѣлъ тайно печатать пункты о согласіи вѣры съ папою, зная, что россійскій народъ за переимѣну вѣры живота своего не пощадитъ, уповалъ подвигнуть всю Россію къ мятежамъ¹⁹. Но Его Царское Величество предъ ускорилъ публичкою въ народъ, чрезъ своеручныя письма и объявленія, ежели гдѣ таковыя противныя благочестію письма явятся, не вѣрять, а приносителей брать подъ караулъ; и такъ непріятельскія предпріятія дѣйства не возымѣли. Отъ самого же короля Карла посланы были въ Великую и Малую Россію зажигатели, которымъ онъ давалъ не малую сумму денегъ: оныя посланные многіе городки и мѣстечка, села и деревни выжгли, изъ которыхъ нѣсколько поймано, и съ розысковъ говорили, что самъ король ихъ посылалъ²⁰.

10. Въ мѣстечкѣ Падвѣ взять шведскій поручикъ Яганъ Протъ, отправленный отъ короля Карла къ Станиславу Лещинскому и къ генералъ-маіору Красову съ письмами; оный допросомъ показалъ²¹: что отъ скудости хлѣба и питомства въ войскѣ шведскомъ больные умножаются и помираютъ, а отъ великой стужи, какую оное претерпѣло во время похода отъ Роменъ до Гадяча, въ одномъ драгунскомъ полку померзло 160, да руки и ноги познобили съ 400 человекъ.

11. Измѣнники Запорожцы въ письмахъ къ Его Царскому Величеству писали: яко бы Его Царское Величество Украинну опустошило и отъ войскъ Его оставлено, и грабежъ и раззореніе: и просили о разореніи городовъ самарскихъ и Каменнаго Затона, и о вольностяхъ сверхъ трактата, заключеннаго съ гетманомъ Хмильницкимъ, таковыми продерзостию уповали подвигнуть къ начатию войны: и Его Царское Величество прошенія ихъ исполнить обѣщалъ²².

Того жъ числа Его Царское Величество указалъ около всѣхъ мѣстечекъ, въ которыхъ стояли непріятельскія войска, дороги застѣчь и заставы поставить, дабы въ оныя провіанту и съѣстныхъ припа-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Въ дедикаціи, печатанной 1717 года изданія вице-канцлера барона Шафирова листъ 67.

²¹ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 20.

²² Въ грамотѣ Е. Ц. В., посланной въ Запорожье февраля 7

совъ и фуражу не пропускать. Непріатели и тѣхъ мѣсть жители претерпѣвали голодъ и крайнюю въ пропитаніи скудость ²³.

12. Изъ разныхъ мѣсть приведено непріательскаго плѣну драгунъ 6, казаковъ 4, Волоховъ 2, которые допросомъ показали: что въ войскѣ непріательскомъ великая скудость въ проіантѣ, и едва не вся армія, не имѣя хлѣба и другаго питомства, употребляли въ пищу бураки, но и отъ того многимъ водяная болѣзнь и оузомъ приключилась; король указомъ запретилъ арміи бураковъ въ пищу не употреблять: по запрещеніи питались овсомъ, бобами, и мало когда получала ячменю, того ради отъ мѣста до мѣста переходила, и во всякое переходеніе отъ лютости мороза померзло число не малое ²⁴.

Въ войско Царскаго Величества приславо изъ Москвы возвратъ четырнадцать тысячъ ²⁵.

13. Король Карлъ не возмогши болѣе терпѣть нужды, просилъ Францію, дабы прислала для трактованія о перемиріи съ Царскимъ Величествомъ на три мѣсяца, въ которое бѣ время могъ вывести гладное свое войско до Волыни или Польши ²⁶. Царское Величество совершеннаго миру желалъ включеніемъ въ оный коронъ польской, саксонской, прусской и датской. Карлъ настоящаго мира включеніемъ оныхъ коронъ мира заключить не похотѣлъ.

Того жъ числа изъ разныхъ мѣсть казаками приведено шведской волоши 5 ²⁷. Оные допросомъ показали, что король всю свою армію содержитъ за карауломъ внутри мѣстечекъ, за валъ и рогатки не выпускаетъ, что отъ голоду бѣгутъ.

14. Перенято письмо измѣнника Мазепы къ королю Лещинскому, въ ономъ приглашаетъ его для освобожденія Украины, называя Малой Россіи наследственнымъ государемъ, и уступаетъ Малую Россію Польшѣ, только бѣ Польша за Малую Россію уступила Швеціи

²³ Въ исторіи Волтера книга 4.

²⁴ Въ дѣлахъ князя Меншикова, въ допросахъ оныхъ пленныхъ, въ Академіи, и въ исторіи Волтера, книга 4. Солдаты при собраніи войска объявилъ кусокъ хлѣба королю якиннаго, и сказалъ: что тѣмъ однимъ только питаются, да и того мало; король взявъ оный хлѣбъ, весь съѣлъ, солдату сказалъ: хотя и не хорошъ, однако можно бѣтъ.

²⁵ Въ дѣлахъ князя Меншикова

²⁶ О семъ подлинный оригиналъ истлѣлъ, а послѣ Бонаске значить марта 1 дня за рукою бывшаго резидента при гетманѣ коронномъ Корсака, въ Академіи.

²⁷ Ibid, въ Академіи, за рукою Тихона Стрешнева.

террорство курляндское. Карлъ Курляндію считалъ за свою, въ которую и губернаторы были отъ него распределены, и войска по партизамъ введены ²⁰.

Изъясники Запорожцы посылали въ Крымъ къ хану съ прошеньемъ о принятіи ихъ въ подданство и защищеніе, какъ и Крымскій островъ; ханъ обещалъ: ежели султанъ позволитъ, дать имъ земли для поселенія, а безъ указу султанскаго принять и помочь учинить не смѣетъ ²¹.

15. Близъ Гадяча разбитъ непріятельскій разбѣздъ, убито 4, въ плѣнъ взято 1, да разными партіями приведено плѣну хоругвъ польскихъ войска мазепина 8 ²⁰.

16. Его жъ мазепинскаго войска взято есдруновъ 2, да кемнапейцовъ 3 ²¹. Оные допросы показали: Король шведскій Мазепѣ говорилъ, что онъ его, Мазепу, отошлетъ въ войско московское, ежели по обещанію войсковиъ и питомствомъ несполнять не будетъ; Мазепинъ въ чемъ винна себя не признавалъ, а возлагалъ вину на самого короля; ежели бы по прошенію его усмирилъ вестъ войска свои прежде російскихъ въ Батурино, то бѣ тамъ на всю армию свою нашелъ сумму денегъ и провіанта довольно, да и войска бѣ малоросійскія всѣ бѣ были при сторонѣ его королевской; а по взятіи и разореніи Батурина и побіеніи въ немъ всѣхъ, страха ради, противныи учинились. Кромѣ сего возлагалъ еще вину на короля, что онъ снабдеживалъ привести войскъ своихъ къ нему въ помощь 75 полковъ съ немалою артиллеріею, да Лещинскаго съ 50,000. А привелъ меньше сорока полковъ и малую артиллерію, но онъ, Мазепинъ, уповать обещаннымъ числомъ войска быть исправнымъ можетъ показать лѣто; на послѣднъ предлагалъ королю, ежели намѣренъ отослать его въ войско московское, то бѣ повелѣлъ предъ лицомъ своимъ кату отсѣчь ему голову.

17. Изъ Царяграда отъ посла Петра Толстаго получены письма: Порты войска собираетъ и въ Крымъ къ хану, и въ Бѣлгородскую Орду о сборѣ войскъ указы посланы, и за удобное время признала Запорожцевъ и Малую Россію отъ державы російской отторгнуть, а отъ коромей шведскаго и Лещинскаго при Портѣ послы ходатай-

²⁰ Въ манифестѣ Е. Ц. В. февраля 3.

²¹ Въ приведенной грамотѣ Е. Ц. В. февраля 7.

²² Въ дѣлахъ князя Меншикова допросы плѣнныихъ.

²³ Ibid.

ствують о помощи. Порты и ханъ, не только требуемымъ числомъ войскъ помоществовать, но и войну начать общаются ³².

18. Шведскій король въ надеждѣ на обѣщанныя помощныя войска говорилъ генералитету, что султанъ обѣщаетъ прислать помощнаго турецкаго войска 200,000, крымскій ханъ 100,000, и о сборѣ войскъ указы въ Крымъ и Орды посланы, и войска собирають, да изъ Кубани атаманъ Некрасовъ съ 13,000 коннаго войска быть общалъ, а Запорожцамъ на 30,000 отъ гетмана Мазепы подъемныя деньги выданы, и уповаеть быть помощныхъ войскъ 360,000. А при немъ нынѣ войска до 40,000; притомъ увѣрялъ, что по совокупленіи толь великаго войска Царь московскій оставитъ Малороссію безъ обороны, и пойдетъ онъ Карлъ въ Москву, и единымъ походомъ можетъ разорить и страхъ навестъ на все российское войско ³³; Царь принужденъ будетъ просить мира на всей его королевской волѣ, по онъ не примирится пока славнаго своего входа со всѣми реченными войсками въ Москву не учинить, и не раздѣлитъ оную монархію на малыя владѣтельства, и тогда жъ пожаловалъ своего генералъ майора Шпара въ Москву генералъ-губернаторомъ ³⁴, и войску своему въ Москвѣ повелѣлъ росписать квартиры ³⁵. Увѣдавъ Петръ Великій, что Карлъ войску своему въ Москвѣ квартиры росписалъ, изволилъ сказать: «Уповаю на Бога, что шведское войско въ Москвѣ и будетъ, токмо не на тѣхъ квартирахъ стоять будетъ». Карлъ намѣренъ былъ, похитивъ престолъ московскій, объявить себя всего Сѣвера императоромъ, а со временемъ намѣренъ былъ искать и всѣмъ земнымъ кругомъ овладѣть ³⁶.

19. Переято письмо шведскаго короля, писанное къ Лещинскому, которымъ призываетъ его въ Малороссію съ войскомъ, и объявляетъ въ томъ письмѣ съ нимъ утвержденный договоръ, что ему Лещинскому отдасть онъ Карлъ Малороссію съ титуломъ сѣверна-

³² Ibid.

³³ Въ журналѣ Брюса въ пятой картинѣ Фейверка и въ печатныхъ листахъ въ Фейверкѣ 710 года, января 1 дня.

³⁴ Оный Шпаръ, будучи въ Берлинѣ въ компаніи подскарбія короны польской Требедовскаго, объявлялъ патентъ за рукою королевскою о пожалованіи его московскимъ генералъ-губернаторомъ. (Въ дедикаціи, печатанной 1717 года изданія вице-канцлера Шафировъ страница 40 и въ журналѣ Брюса.)

³⁵ Карлъ прежде полтавской баталиі войску своему росписалъ въ Москвѣ квартиры.

³⁶ У Брюса.

го князя, и чтобъ въ малороссійскихъ церьквахъ утвердить согла-
сіе съ закономъ его Карлова содержанія ³⁷.

20. Разъѣздомъ легкихъ войскъ взяты въ плѣнъ капралъ 1, рядо-
выхъ 5; у которыхъ лица и руки были озноблены и распухли, оныя
допросомъ показали: что таковыхъ же ознобленныхъ при арміи ко-
ролевской обрѣтается болѣе 3,000, и не токмо ружья взять къ обо-
ронѣ, но и на ноги стать не могутъ ³⁸.

21. Шведскій король имѣлъ военный совѣтъ о выведеніи изъ Ма-
лороссіи войскъ на Волынь; въ военномъ совѣтѣ разсуждаемо было:
невозможно лютость мороза занятіемъ путей войсками россійскими,
и что безъ баталіи пройти невозможно; а въ арміи его королевской
много больныхъ, а лошади многія пали, ни больныхъ, ни артиллеріи
съ аммуниціею, ни полковыхъ вещей везть не на чемъ. Мазепа
увѣщавъ короля, чтобъ не выходилъ, представляя, что Запорож-
цевъ до 30,000 готовятся быть въ помощь, и многіе уже и прися-
гу učinили, а крымскія и буджакскія войска въ походъ къ не-
му жъ въ помощь собираются; того ради военнымъ совѣтомъ ут-
вердили арміи двинуться къ Дибюру и стать на новыя квартиры, и
оттолѣ искать способа о входѣ ея въ Волынь.

22. Изъ разъѣздовъ приведено плѣну шведской волюши 8, оныя
допросомъ показали: посланы были они въ Ромны, а ѣхали въ вой-
ско Царскаго Величества въ службу и въ ономъ пути взяты ³⁹.

23. Изъ войска непріятельскаго выѣхали урядникъ 1, да рядо-
выхъ драгунъ 8, которые допросомъ показали, что послано ихъ бы-
ло въ разъѣздъ 12 человекъ, и изъ оныхъ отъ жестокаго мороза за-
мерзло 4, а они ознобили лица, руки и ноги, и чтобъ не замерзнуть,
пріѣхали къ войску Царскаго Величества ⁴⁰.

Того жъ числа при народѣ учиненъ приказъ великости ради хла-
да регулярныхъ войскъ въ партіи и разъѣзды далѣе миль не посы-
лать, но и тѣ бѣ были въ тепломъ мундирѣ, а посылать Казаковъ
и Калмыковъ, которымъ выданъ мундиръ теплый, и то не далѣе
двухъ миль ⁴¹.

³⁷ Въ манифестѣ Е. Ц. В. февраля 5.

³⁸ Въ дѣлахъ князя Меншикова.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Теплый мундиръ на головы изъ двухъ овчинокъ подобіемъ парика,
сверхъ мундиру шуба длинная; на ноги овчиные сапоги; на руки двой-
ныя вареги.

24. Легкими войсками выжжено нѣсколько деревень, въ которыхъ стояла непріятельская пѣхотерія и изъ выбѣгающихъ отъ пожара до тридцати человекъ порублено, въ плѣнъ взято двое, отъ войскъ Царскаго Величества убито 4, да равено 3. По такомъ разбитіи непріятель меньше роты на станціяхъ не оставилъ ⁴².

25. Получена вѣдомость, что непріятельская армія въ Ромнѣ и Гадячѣ и въ близъ лежащихъ мѣстахъ у всѣхъ жителей обравъ лошадей и поклавъ больныхъ, пошла въ походъ ⁴³. Во время похода король съ половиною войска пошелъ къ Красному Куту, гдѣ стоялъ на пасѣ генераль-лейтенантъ Рень съ десятью драгунскими полками, желая отрѣзать отъ главной арміи; вторая половина слѣдовала къ Днѣпру ⁴⁴.

26. Речевныя непріятельскія арміи, слѣдуя въ показанные тракты, грабили лошадей, хлѣбъ и скоть и пожитки, но хотя легкія войска Царскаго Величества, идущія передъ непріятельскимъ войскомъ жгли и разоряли, однако непріятель получилъ въ добычу не малое число, ибо зимнее время не допускало въ лѣсахъ имѣть сохраненія ⁴⁵.

27. Былъ военный совѣтъ ⁴⁶ о уходѣ непріятеля съ арміей, а къ погонѣ съ войсками слѣдовать лютость морозовъ препятствуетъ, а непріятель походъ склонялъ къ Ахтыркѣ; въ которомъ военномъ совѣтѣ предложено сдѣланный теплый мундиръ отъ солдатскихъ полковъ обравъ и обмундировавъ 20 драгунскихъ полковъ послать съ генераломъ отъ-кавалеріи княземъ Меншиковымъ для занятія Ахтырки и пересѣченія непріятелю пути къ Днѣпру.

28. Речевный генераль князь Меншиковъ съ 20 драгунскими полками въ показанный маршъ пошелъ ⁴⁷. Легкія войска на идущую непріятельскую армію чинили нападеніе и наблюдали, только бы непріятель хотя мало отъ обоза отлучился, рубили, и слѣдуя передъ непріятелемъ разоряли жила и кормъ конскій и жилища жгли, и въ тотъ день до 60 человекъ убито, да на пути замерзлыхъ до 100 видимо было.

29. Во время речевныхъ непріятельскихъ походовъ упомянутыя легкія войска, слѣдуя передъ непріятельскими арміями жгли

⁴² Ibid.

⁴³ Въ письмѣ Е. Ц. В. къ адмиралу графу Апраксину.

⁴⁴ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁴⁵ Въ печатномъ манифестѣ о грабежахъ.

⁴⁶ О которомъ свидѣтельствуеъ походъ 28 числа.

⁴⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

желья и кормъ конскій, но непріятель въ иныхъ мѣстахъ огонь угашалъ, а въ иные предупредивъ входомъ жечь не допущалъ, во въ весьма худшее состояніе пришелъ, лошади безъ корму обезсилѣли, а многія померли, и не имѣя на чемъ везти аммуницію и пожитки жгли ⁴⁸, изнемогшихъ отъ мраза и замершихъ и побитыхъ 161 по пути лежашіе видимы были ⁴⁹.

30. Царское Величество изъ Сумъ воспріялъ путь въ Ахтырку, а съ Его Царскимъ Величествомъ пошла гвардія на лошадяхъ, въ пути нѣсколько польскихъ хоронгвей разбивъ порубили до 40, да замерзшихъ видимо было 39, въ деревнѣ найдено оставленныхъ больныхъ и ознобившихъ руки и ноги 27 ⁵⁰.

31. Конми мѣстами непріятелю имѣть походъ легкими войсками выжжены и опустошены ⁵¹.

Бунтовщики Башкирцы въ казанской губерніи нѣсколько тысячъ дворовъ выжгли и жителей многихъ порубили ⁵². Съ казанскими Татарами и Калмыками согласенось о продажѣ по всягда по четыре тысячи добрыхъ драгунскихъ лошадей по четыре рубля лошадь, изъ Астрахани отправлено въ Санктпетербургъ приморскихъ разныхъ родовъ птицъ до двухъ-сотъ. Генералъ князь Меншиковъ съ двадцатью драгунскими полками пришелъ въ городъ Ахтырку.

ФЕВРАЛЬ.

1. Разбита непріятельская партія, высланная изъ Выборга, въ плѣнъ взято рядовыхъ два ⁵³. Непріятельская армія увѣдавъ о походѣ генерала князя Меншикова съ двадцатью драгунскими полками къ Ахтыркамъ отъ марша остановилась. Король шведскій пришелъ въ немалый страхъ, вѣдалъ что въ арміи его, слѣдующей къ Дябру, половина больныхъ.

2. Царское Величество изволивъ прибыть въ Ахтырку; гене-

⁴⁸ Въ исторіи Волтера, книга 4. За нештѣніемъ лошадей почти всѣ пушки въ рѣки и болота бросить были принуждены.

⁴⁹ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 89.

⁵⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁵¹ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 89.

⁵² Ibid. № 44.

⁵³ Ibid. № 45.

ралъ князь Меншиковъ войска поставилъ на посахъ и путь непріятельской арміи отъ Днѣпра заставовилъ ⁵⁴.

3. Публикованы манифесты Царскаго Величества противъ ложныхъ публикованныхъ манифестовъ короля шведскаго Карла всѣмъ вообще къ коемуждо особно, особливо же малороссійскаго народа ⁵⁵. Хотя мы въ первыхъ своихъ грамотахъ о всемъ на выдачныя непріятельскія шведскія и измѣнника Мазепы прелестныя къ народу малороссійскому письма съ ясными доводами описали, въ какомъ намѣреніи къ порабощенію народа малороссійскаго оный непріятель съ измѣнникомъ богоотступникомъ Мазепою согласясь въ сей край пришелъ, такожь и какихъ ради праведныхъ причинъ мы Великій Государь сію войну противъ короны шведской начали такъ, что и не потребно бѣ было болѣе всего повторяти; но понеже намъ въ сихъ числахъ донесенъ выданный за приписью и печатью короля шведскаго 16 декабря прошлаго 1708 года, безстыдный универсалъ на малороссійскомъ языкѣ, который наполненъ грубой лай, касающейся высокой персоны нашей, и ради не складной явной всѣмъ простымъ, а не то что умнымъ людямъ, жи, самохвальства и киченія удобней можетъ стыднымъ и возмутительнымъ пасквилемъ, нежели королевскимъ универсаломъ названъ быти.

И хотя мы Великій Государь во всю сію съ королемъ шведскимъ войну отъ всѣхъ таковыхъ безплодныхъ между политическими христіанами народы, а не то что коронованными главами незвычайныхъ хулъ къ персонѣ его королевской какъ въ письмахъ, такъ и въ разговорахъ удерживались; однако жъ принуждены были уже многократно отъ него такіа королевскія особамъ не приличныя хулы, особѣ своей и славы народа нашего касающіяся великодушно сносить, и наипаче оныя правостью оружія нашего, вежели тщетными взаимными укоризнами письменными оную обиду нашу мстити намѣряя; но нынѣ видя въ семъ названномъ универсалѣ наипаче прѣжняго оныя хулы и лаю мѣру превозшедшую; и такъ признаемъ по совѣту и составленію богоотступнаго измѣнника Мазепы къ подданнымъ нашимъ малороссійскаго народа для возмущенія выдачныя, принуждены на оныя взаимною мѣрою отвѣтствовать повелѣтъ, не для такого намѣренія, якобы мы чаяли, что оныя клеветы у вѣрныхъ нашихъ подданныхъ вѣру обрѣтутъ, въ чемъ не сомнѣваемся вѣдая къ се-

⁵⁴ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁵⁵ Печатаны въ Москвѣ 1709 года.

бъ непоколебимую вѣрность оныхъ ; но и намъ гаче дабы не вмѣнля себѣ вышениписанный и самохвальный нашъ непріятель, то въ разумъ и похвалу якобы не могли мы студную его ложь ясными доводами опровергнуть; и первое объявляется въ томъ его меветъ исполненномъ возмутительномъ письмѣ: будто мы преломавъ мирныя договоры съ нимъ королемъ шведскимъ безъ причины воевать провинція его начали, и то первая есть ложь; ибо уже довольно въ первыхъ грамотахъ нашихъ праведныя причины начинанію сей отъ насъ войны объявлены, что мы мстя свою персональную и посламъ нашимъ нанесенную обиду въ Ригѣ, за которую управу на грубаго губернатора рижскаго публичному прошенію нашему, чрезъ пословъ шведскихъ учиненному, онъ король шведскій намъ дать явно отрекъ, такожь и для отысканія и привращенія отъ многихъ столѣтнихъ временъ предкамъ нашимъ великимъ государямъ российскимъ принадлежащихъ провинцій ижерской и корельской, которыя корона шведская по истинѣ рщи измѣнически, а не честнымъ военнымъ способомъ во время трудныхъ смятеній внутреннихъ и отъ непріятелей иностранныхъ въ российскомъ государствѣ тогда свирѣпствующихъ по обычаю своему древнему, какъ со многими государствами оная корона тожь учинила, вкравшись притворною своею пріязнью и будто помощію за мирнымъ поставовленіемъ вѣроломно и не праведно отторгнула и вначалѣ будто въ залогъ въ претендованныхъ некакихъ деньгахъ, хотя не за показанную помощь нѣсколько лѣтъ оными завладѣла, а потомъ усмотря пакн труднѣйшее российскому государству военное время съ королевствомъ польскимъ взятіемъ коварнымъ Новагорода и добываніемъ Пскова до не вольнаго уступленія оныхъ вышениписанныхъ провинцій принудила. И понеже Великій Государь обязанъ, усматривая добрый случай о привращеніи не праведно отъ государствъ своихъ отторгнутаго стараніе свое прилагати: того ради невинно сей гордый непріятель насъ Великаго Государя такими хульными словами зато поносилъ, не имѣя силы оружіемъ оныя отобрати, того ради ищетъ по древнему обычаю своихъ вѣроломныхъ предковъ, подѣсками и измѣнами и возмущеніемъ безчестнымъ поданныхъ противъ государя своего къ тому намѣренію достигнути, ибо оныя предки его не токмо отъ нашего российскаго государства, но и отъ римской имперіи и отъ датскаго и польскаго королевствъ многія пространныя провинціи и города не праведно и вѣроломно затрактатами и союзами отторгнули и завладѣли

усмотря смятеніе междоусобное или иностранных неприятелей на тѣ государства тогда сильно наступавшихъ, какъ и отъ король онымъ послѣдуя, и въ сей войнѣ не своею силою оружія, но помощіе измѣнцами и учиненными факціями и возмущеніями подданныхъ въ Польшѣ и Саксоніи большую часть дѣлъ исправлять и въ силу пришелъ, ибо подъ образомъ защитителя вольностей въ Польшу и Саксонію вмаялся и подданныхъ обольста, правыхъ и вольности переломать и лишнія пограбл, войско свое гладное и безоружное размножилъ и вооружилъ и удовольствовалъ; и подъ такимъ же образомъ и злымъ намѣреніемъ своего измѣнника Мазецу обѣщаніями своимъ, и пошелъ въ Украину, хота оную поработить народъ малороссійскій и отторгнуть отъ нѣй державы привести накіи подъ прежнее несносное ярмо польское, и послужника воли своей Лещинскаго, какъ то явно народу малороссійскому доказано, и изъ перемятаго подданаго листа измѣнника Мазецы къ Лещинскому писаннаго показано, въ которомъ писанъ оный его на завоеваніе Украины призывалъ, называя его государемъ своимъ, а Малую Россію наследіемъ оному; изъ чего видны враждебные умыслы о порабощеніи сего народа явны, хота въ семъ своемъ письмѣ король шведскій дожно того отрекаться, объявляя будто того никогда не намѣревалъ, чтобы Украину Польшѣ завоевать и отъ Польши себѣ что присоединить: но то первое уже явно и съ письма поманутаго Мазецына къ Лещинскому писаннаго, второе жъ изъ присоеденія княжества курляндскаго и шведской области, въ которомъ и губернаторы шведскіе уже поставлены; что жъ напоминаетъ король шведскій о преступленіи измѣнническомъ Мазецы, будто съ переставлющии народа малороссійскаго, и что по прошенію будто народному учинено для отвращенія разоренія и полученія обороны оному краю. И то явная жъ всему народу малороссійскому ложь и обманъ: ибо извѣстно имъ самамъ, что собою и безъ совѣту и безъ вѣдома народнаго оный бробоотступный измѣнникъ Мазеца ту землѣну чинилъ для собственной своей тщетной славы и властолюбія, и факціями своимъ въ сей край ввезавилъ испрители изничтожае и изголодалое войско шведское накіи отъ части несилвилъ, которое при смоленскихъ рубцахъ при продолженіи походу съ гладу и нужды вставилъ и отъ войскъ нашихъ до остатку разорено бы быть могло, и кто жъ изъ малороссійскаго народа кромѣ самыхъ малыхъ отъ него измѣнника Мазецы единакомышенниковъ и поставленныхъ въ знатное уряды особа, при немъ измѣнникъ нынѣ остался, изъ которыхъ многіе пре-

бывая въ крѣпкомъ караулѣ шведскомъ не могли убѣгнути тамъ остаться принуждены, ибо отъ какой бы позволи сему народу малороссійскому обороны себѣ еретической требовать, когда подѣ высокодержавною нашею рукою въ такомъ изрядномъ и довольномъ состояніи при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ живучи день ото дня умножались, понеже мы Великій Государь ниже пенязя въ казну свою со всего малороссійскаго народа никогда не брали и не требовали, но развѣ отъ того жъ измѣнника Мазепы какія обиды и налоги безъ вѣдома нашего оный претерпѣлъ, и кромѣ службы ихъ звычайной казацкой во время нужное военное ничего съ нихъ не спрашивали. А какую добродѣтель король шведскій по тому своему фальшивому обещанію къ народу малороссійскому по вступленіи своемъ въ сей край являетъ, и какъ оный разоряетъ, и какими тяжкими поборами подѣ видомъ неспособныхъ провіантовъ отягощаетъ, то всѣмъ извѣстно, въ которыхъ мѣстахъ они Шведы были, тако жъ какъ уже многія мѣста свирѣпо по указу его пожжены, а невинные жители яко вѣрные государю своему тиранами порублены; что же принадлежитъ о самохвальныхъ его короля шведскаго ложныхъ объявленіяхъ о побѣдахъ, будто надъ войсками нашими причитая уступленіе войскъ нашихъ съ добраго во всякаго разсужденія учиненное для утомленія его войскъ къ побѣгу, и тако надлежитъ то во осмотрѣніи имѣть, что въ нынѣшніе вѣки и сильнѣйшія и обученнѣйшія войска и славнѣйшіе генералы кромѣ отчаянныхъ вертоглавовъ безъ крайней нужды и усмотрѣннаго фортелю никогда до главной баталіи не приступаютъ, но воинскія свои дѣйствія оправляютъ вымыслами утомляя непріятеля маршами и партіями, ибо трудно на одной баталіи главной счастье и благосостояніе всего государства отважить; во съ помощію Вышняго, мы усмотря удобное время и мѣсто будемъ искать. Какіе же однако съ помощію Вышняго войскъ нашихъ дѣйствія примѣчены непріятелю уроны, то признаютъ сами шведскія главнѣйшія особы въ перенятыхъ отъ нихъ письмахъ до шведской земли, писанныхъ такожъ и взятые отъ нихъ плѣнные и приходящіе непрестанно перебѣжчики, ибо изъ главнаго королевскаго войска близъ половины по выходѣ изъ Саксоніи онаго было, и не то что удивленію, но и смѣху достойно, что въ томъ письмѣ шведскаго короля не токмо Головчинскую акцію, при которой они однако жъ вдвое или больше предъ нашими людьми потеряли, но и побіеніе части своего войска при Черной Папѣ, гдѣ шесть знаменъ ихъ взято; но что еще удиви-

тельнѣе и совершенную побѣду надъ Левенгауптомъ, который отъ 16,000 человекъ войска пасилу съ 3,000 къ нему королю привелъ, и всѣ пушки и большую часть знаменъ потерялъ, 8,000 воевъ нашимъ въ добычу оставилъ, которые всѣ и съ полторы тысячи плѣнныхъ въ Смоленскъ явно во знакъ побѣды привезены, такъ что едва опытный генералъ вплавь съ достальными чрезъ рѣку бѣгствомъ спасеніе получилъ, однако жъ себѣ съ безстыдною въ лицѣ всего свѣта ложью въ побѣду и побисіе нашего войска приписуетъ, такъ жъ и генерала Либикерова корпуса разрушеніе, который, видя свою гибель, пострѣлявъ всѣхъ у конницы своей коней, насилу съ достальными людьми на кораблѣ ушелъ, признать не хочетъ и не знамо какими никогда не бывальными будто паходками надъ войсками нашими хвалится, гдѣ всегда войскъ своихъ не мало терявъ, то и на Деснѣ, которой рѣки удержаніе ради крутыхъ съ другой стороны береговъ и наступившихъ морозовъ, отъ которыхъ оная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрываться льдомъ было и начала, и ради потребнаго взятъя Батурина съ единомышленниками Мазепиными невозможно было, но по знатномъ уровнѣ, непріятелю приключенномъ войсками нашими для потребнѣйшихъ дѣйствъ оттуда отведены; такъ жъ онъ король шведскій и урокъ своихъ подъ Смѣлымъ у нашихъ войскъ претерпѣнный съ явною ложью себѣ въ выигрышъ приписуетъ; о которыхъ всѣхъ тщетныхъ похвальбахъ, болѣе смѣху нежели почтенія достойныхъ не разсуждаемъ, потребно быть распространять, ибо оныя ихъ лжи и самохвальства всему уже свѣту извѣстны, и никто въ Европѣ ихъ шведскихъ разглашаемыхъ яко отъ всегдашнихъ лжецовъ происходящихъ вѣры не имутъ, и пароль ихъ лживой во всей Европѣ никому не имовѣренъ; но уповаемъ мы, при помощи Вышняго, во время удобное ему гордому непріятелю своему въ самомъ дѣлѣ оружіемъ нашимъ показать, что то его поношеніе войскъ нашихъ ложно, какъ и Левенгауптовъ корпусъ, который усиленіе нашего корпуса числомъ былъ, то довольно чувствовалъ, что же принадлежитъ о лживой его короля шведскаго клеветѣ, гдѣ онъ, прикрывая ненависть свою къ благочестивой нашей церкви и православной вѣрѣ и знатно по злобному и богоотступному совѣту Мазепину, напоминаетъ, будто мы Великій Государь съ папоу римскимъ о содержаніи вѣры трактуемъ, и то паче посмѣянію нежели имовѣрію достойно, и да сохранитъ насъ Вышній, дабы мы, яко поборители о благочестіи, и въ мысли о томъ вибли, чего во вѣки истинною доказать никто не возможетъ; а что онъ въ доводъ той лжи представляетъ,

будто отъ насъ позволены вновь Римлянамъ костелы на Москвѣ имѣти, и іезуитами школы отправляти, и то вѣсть новое отъ насъ позволеніе, но отъ предковъ нашихъ, Великихъ Государей, Царей Всероссийскихъ, для иноземцевъ въ службѣ нашей сущихъ, и въ государствахъ нашихъ купечество отправующихъ позволено не одной римской, но и лютеранской и кальвинской вѣры костеламъ быти, и школы имъ для обученія дѣтей ихъ держати въ одной Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ они живутъ; въ Казани жъ и въ Астрахани и Сибири и въ иныхъ нашихъ земляхъ позволено издревле и басурманамъ мечети, а Калмыкамъ и инымъ поганомъ мольбища свои имѣти, и знатно, что ввержены сии лживые плевелы по внушенію воровскому Мазепину для наведенія какого-либо на насъ Великаго Государя подозрѣнія, и для того прикрытія показаннаго грабежа и ругательства шведскаго церковей благочестивыхъ и святыхъ въ Литвѣ и въ здѣшнемъ Малороссійскомъ Краѣ, о чемъ пространнѣе прежде сего объявлено обнадеживавіе его короля шведскаго здѣшнему Малороссійскому Краю обороны какъ ложно такъ и невозможно, ибо какъ можетъ онъ въ такомъ отдаленіи земель своихъ отъ сего края пребывая оный оборонять; кому же укоряетъ онъ насъ отягченіемъ земель нашихъ, не объявляя о себѣ какъ его земли отъ многихъ поборовъ и выборовъ рекрутъ такъ разорены, что многія пусты остались, а провинція Лвѣландія, которую предки его за клятвою на такихъ кондиціяхъ, что оныя при вольностяхъ и правахъ своихъ содержаны быть имѣютъ, изъ-подъ польской власти отторгнули въ такую неволю отецъ его и опъ поработили, какой больше нигдѣ быти не можетъ: ибо всю шляхту безъ всякихъ причинъ маестностей ихъ и имѣнія лишили и откупщикамъ оныя отдали; которые же изъ нихъ знатные, на привилегіи свои ссылаясь, просили въ томъ пощады и вносили протестаціи, и тѣхъ многихъ мучительными смертми тирански казнили: однако жъ не устыжается онъ король шведскій такіа свои немилосердія къ подданнымъ на насъ возлагати, чего намъ доказать не можетъ, ибо мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ ихъ не нарушимо всегда содержимъ, а особливо малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокочеркаскую отцу нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя Его Царскаго Величества свято содерживали и впредь содержать будемъ; прочія же его короля шведскаго противъ коронованныхъ главъ обычая нанесенныя на насъ клеветы и хулы, сокращенія ради, не разсуждаемъ достойны быти отвѣту, ибо не надлежало бѣ потентату честолю-

бивому обходиться такими возмутителямъ однимъ обыклыми дѣлами.

Но наипаче мы уничтожая оныя, яко самыя клеветы мнужемъ, и тако вышеписанное вѣрнымъ нашимъ подданнымъ на улыку лжи въ томъ хульномъ письмѣ содержанной объявить сіе потребно быти разсудили, напоминая ихъ притомъ пакы милостиво, дабы на сіи злобительныя и къ конечной погибели и порабощенію ихъ, съ совѣту измѣнника Мазепы, вымышленныя прелести, не смотрѣли и ни общаніями, ни угрозами непріятельскими себя отъ начатой своей къ намъ Великому Государю вѣрности отлучать недопускали; но оному, при великороссійскихъ нашихъ войскахъ, вездѣ мужественно отпоръ и Промыслъ на милость Вышняго, что вскорѣ оный непріятель наипаче утомленъ и отъ нашего оружія пораженъ и изъ государствъ нашихъ выгнанъ будетъ, и оныя наши подданные по-прежнему, при правахъ и вольностяхъ своихъ, вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно житье-ствовать могутъ; отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность явщую милость и награжденіе получать.

Данъ въ Сумахъ, февраля 3 дня, 1709 года.

Сіе принудило Великаго Петра публиковать отъ стороны своей другіе манифесты⁵⁶, въ которыхъ онъ изображалъ оправданіе свое въ возвращаемыхъ на него Каролусомъ клеветахъ, и объявилъ невѣрность измѣнника Мазепы, и доказывалъ, что поднялъ войну не ради чего инаго какъ для защищенія государства своего и отобранія похищенныхъ отъ Россіи предками Каролусовыми городовъ, и для освобожденія ижерскихъ и корельскихъ христіанъ отпадшихъ насильствія ради шведскаго отъ православной вѣры греческой и припявшихъ законъ лютеранскій; сверхъ того, въ томъ манифестѣ изъяснилъ и о учиненныхъ Шведами, оставшимися у нихъ Россіянамъ, въ плѣну, тиранствахъ и мученіяхъ, а именно: что морили ихъ голодомъ, и никакъ ихъ на выкупъ отдавать не хотѣли, что побили изъ нихъ многихъ съ такимъ варварскимъ свирѣпствомъ, о каковомъ и самыя Турки не безызвѣстны, что король шведскій велѣлъ многократно россійскимъ плѣнникамъ пальцы рубить, и тогда уже къ выходу изъ Швеціи увольать; что допустилъ передѣлывать въ ковюшни церкви россійскаго закова, что опустошали Шведы въ Польшѣ храмы и олтари, пограбивъ священные сосуды, оклады святыхъ, и мучи-

⁵⁶ Въ исторіи Катифороса.

ли бѣднѣхъ священниковъ, чтобы они объявили о всемъ; что бросали многократно на землю и топтали ногами Пречистыя Таинства, и послѣ пили изъ священныхъ сосудовъ; что не устыдился войти въ церковь во время святыя литургіи съ собаками, и прочая; наконецъ наставляетъ народъ малороссійскій не вѣрять обещаніямъ измѣнника Мазепы, ниже слушать льстивыхъ словъ короля шведскаго, который не имѣлъ ниаго намѣренія, кромѣ разоренія ихъ, какъ учинилъ въ Польшѣ и Саксоніи.

4. Измѣнникъ Мазепа послалъ въ Крымъ съ просьбою къ хану, чтобы онъ учинилъ ему помощь противъ Царскаго Величества 100,000 войска, объявляя, ежели, помощію его, Малороссія и Запорожцы изъ-подъ власти Царя Московскаго свободятся, платить будетъ въ Крымъ на каждый годъ по 100,000 рублей, и въ нужное время всѣми силами помочествовать будетъ; послалъ же съ прошеніемъ и въ Царьградъ, къ Портѣ, чтобы она снабдила его вспомогательными войсками турецкими 200,000, да буджакскаго войска 50,000⁵⁷; и ежели его султанскою помощію онъ Мазепа изъ-подъ ига Россійскаго будетъ освобожденъ, повсегодно будетъ платить Портѣ по милліону рублей, и въ потребное время стотысячами войскъ помощь чинить: Царское Величество зналъ, что султанъ и крымскій ханъ, враги народа христіанскаго, помощь Мазепѣ чинить не отрекутся, ниаго способа къ воспрепятствованію непріятельскихъ предпріятій не обрѣлъ, кромѣ того, что вооружить военныхъ 61 корабль и 200 галеръ и нѣскольکو сотъ военныхъ судовъ, и посади на оныя войска до 100,000, объявить Портѣ, ежели она пошлетъ помощное войско шведскому королю и измѣннику Мазепѣ, то непременно предпринять походъ къ Царюграду, и о томъ Портѣ и въ Крымъ хану изволилъ письменно объявить, ежели Порта и ханъ ненарушимо содержать миръ съ Его Царскимъ Величествомъ желаютъ, то и Его Царское Величество, яко благочестивый государь, свято и ненарушимо содержать, и для рѣченныхъ обстоятельствъ изволилъ принять намѣреніе шествовать на Воронежъ и въ Азовъ.

5. Король съ арміею оставилъ намѣренный походъ на генерал-лейтенанта Рена и, поворота, пошелъ навстрѣчу второй половинѣ войска своего; между-тѣмъ разсѣвалъ слухъ, имѣеть итти къ Воронежу для взятія и разоренія корабельной верфи и сожженія тамъ кораблей и магазейновъ, о чемъ и взятые языки соглас-

⁵⁷ Въ царской грамотѣ 7 февраля.

но говорили⁵⁸. Но Его Царское Величество узнавъ, что то военная стратагема, къ Воронежу войскъ не изволилъ послать, ибо въ томъ краю обрѣталось регулярнаго войска сухопутнаго, кромѣ морскихъ, 27 полковъ, иррегулярнаго до 20,000, которыхъ будетъ довольно и противъ всей непріятельской арміи, [не только къ защищенію, но и къ генеральной баталіи.

6. Царское Величество изволилъ писать къ адмиралу графу Федору Матвѣеву сыну, Апраксину⁵⁹, что сего мѣсяца 28 числа видимо будетъ солнечное затмѣніе, и сколько много затмится, того не вѣдомо; того бѣ ради учителя математики видѣ коликая часть солнца затмится и прислать.

Изъ разбѣздовъ приведено плѣну шведскихъ драгунъ 4, компанейцовъ 5, волоховъ 2.

7. Въ Сенцахъ порублена непріятельская партія.

Того жѣ числа отъ Его Царскаго Величества послана въ Запорожье грамота⁶⁰:

«Листы ваши, посланные къ намъ, мы получили, въ которыхъ вы намъ Великому Государю, нашему Царскому Величеству, доносяте, во первыхъ, по объявленіи своей къ намъ Великому Государю вѣрности и должномъ благодареніи за присланную къ вамъ нашу Царскаго Величества грамоту о избраніи новаго гетмана въ войскѣ нашемъ запорожскомъ, Ивана Скоропадскаго, приносите свое покорное челобитье, дабы мы Великій Государь повелѣли Каменный Затонъ и самарскіе городки разорить; понеже вамъ войску низовому запорожскому чинится отъ нихъ въ добычахъ рыбныхъ и звѣрныхъ и всякихъ промыслахъ препятствіе и помѣшка, и будто Каменный Затонъ и городки самарскіе построены для подзору войску запорожскому. Тако жѣ просите вы насъ Великаго Государя, чтобъ въ городахъ малороссійскихъ указомъ нашимъ Царскаго Величества заказать, дабы не было ни у духовныхъ особъ, ни у старшины генеральной и полковой изъ заслуженнаго товарищества подданныхъ людей. Притомъ же аренды и индукты оставить; особливо еще напоминаете о перевозѣ переволоченскомъ, чтобъ оный по прежнему пожаловать вамъ войску низовому запорожскому; во второмъ же своемъ листѣ по всепокорственномъ намъ Великому Государю благодарствованіи за присланное наше

⁵⁸ Въ письмѣ Е. Ц. Р. къ адмиралу Апраксину.

⁵⁹ Это письмо въ дѣлахъ адмирала Апраксина.

⁶⁰ За рукою генералъ-маіора князя Григорія Волконскаго, № 23, въ Академіи, и въ дѣлахъ князя Меншикова, № 49.

къ вамъ на конгъ денежное жалованье на каждый курень по полторы тысячи ⁶¹, паки повторяете вышеозначенное челобитье, дабы мы Великій Государь малороссійскіе города украинскіе, гдѣ отцы и кровные ваши обрѣтаются своимъ великороссійскимъ многочисленнымъ войскомъ заступя и прежде непріятеля изнищати и извоевати намѣрились. Понеже-де, какъ слышали вы, будто войска ваши великороссійскія не стоятъ противъ непріятеля Шведа, поуходили въ украинскіе города и своимъ многочисленнымъ нахожденіемъ великое разореніе и опустошеніе городамъ и въ нихъ будущимъ людямъ чинимъ; и въ городахъ-де, по указу нашему, вмѣсто сотниковъ воеводы поставляются, да у тѣхъ же бѣдныхъ людей хлѣбные запасы и конскій кормъ забираютъ, и многія тягости и разореніе онымъ чинятъ конечное; особливо же при семъ варѣканіе чините, якобы мы, Великій Государь, впустя непріятеля внутрь Украйны и нѣточа съ нимъ никакой военной potrzeby, купно невинныхъ украинскихъ людей войсками шведскими и своими великороссійскими до конца разоремъ. И на то ваше, поданныхъ нашихъ листовое доношеніе, мы, Великій Государь, наше Царское Величество сею нашею граматою вамъ войску запорожскому низовому объявляемъ, что самарскіе города построены въ тѣхъ мѣстахъ не для утѣсненія васъ, войска запорожскаго низоваго въ промыслахъ вашихъ рыбныхъ и звѣрныхъ, ни для подзору за вами отъ воеводъ и людей нашихъ; но наипаче по доношенію бояръ нашихъ и воеводъ и прежде бывшаго гетмана, нынѣшняго богоотступнаго измѣнника Мазепы, въ крымскіе походы, которые намъ, Великому Государю, нашему Царскому Величеству довели, что оныя города потребны тамъ для безопасности и охраненія Малороссійскому Краю отъ набѣговъ татарскихъ, хотя тѣ самарскіе города по указу нашему велѣно отдать малороссійскаго народа гетманскаго регимента людямъ въ поселеніе. Но по прошенію измѣнника Мазепы оставлены въ немъ великороссійскіе ратные люди для лучшаго охраненія Малороссійскаго Краю, а Каменный Затонъ построенъ вмѣсто разореннаго по договору съ султановымъ величествомъ турскимъ Кизыкермена и прочихъ городовъ, и указано тѣхъ городовъ воеводамъ и служилымъ людямъ отъ насъ Великаго Государя накрѣпко, дабы вамъ войску запорожскому ни въ какихъ вашихъ промыслахъ отнюдь утѣсненія и никакого озлобленія не чинили, и ни во что, что вамъ изстари принадлежало, не вступали, который указъ и нынѣ подтвержденъ;

⁶¹ Въ Запорожьѣ куреней 40.

однако жь видя, мы Великій Государь наше Царское Величество, ваше войска запорожскаго низоваго прилежное о томъ къ намъ Великому Государю челобитье, склонился милостиво на то ваше прошеніе, и укажемъ тѣ города самарскіе и Каменный Затонъ съѣсть, коль скоро съ помощію Вышняго неприятеля нашего благодеяствія церкви короля шведскаго изъ Малороссійскаго Краю выгонимъ и совершениое безопасеніе отъ оного увидимъ, и впртомъ вашу къ намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству въ настоящее наступленіе шведское вѣрную и усердную службу и постоянную и непоколебимую къ престолу нашему вѣрность усмотримъ. Понеже и нынѣ имѣли мы Великій Государь вѣдомость, что посылали вы съ кошу отъ себя въ Крынь посланцовъ своихъ не знаемо для какихъ дѣлъ, и о томъ намъ Великому Государю извѣстили, чего было вамъ чинить не надлежало, въ чемъ есть не безъ подозрѣнія; а въ сіе военное время и обнаженіе непріятельское и измѣну и прелести вора и измѣнника бывшаго гетмана Мазепы, того учинить намъ по прошенію вашему въ скорыхъ числахъ невозможно, но исполнивъ то впредь конечно, понеже подь нынѣшній часъ такіе пограничные города съестъ для многихъ причинъ опасно, и для такой опасности надлежитъ и вамъ, яко вѣрнымъ отчизнѣ своей, и намъ Великому Государю тѣ порубежные города Каменный Затонъ и самарскіе силами своими отъ всякаго непріятельскаго нападенія охранять; что же принадлежитъ о вышеупомянутомъ прошеніи вашемъ подданнаго войска нашего запорожскаго низоваго, дабы подданнымъ ни за духовными ни за мірскими не быть, тако жь и аренды и иудукты отставить; и мы на то прошеніе ваше призирая милостиво приказали подданному нашему обонихъ сторонъ Анѣпра гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, дабы онъ то коль скоро время допустить въ Малой Россіи разсмотрѣть, и о всѣхъ маестностяхъ за духовными и за мірскими особами и о жителяхъ въ подданствѣ обрѣтающихся, и по какимъ указамъ и правамъ и привилегіямъ тѣмъ подданными они владѣютъ, и давно ль оныя за нихъ достались, далъ намъ подлинное извѣстіе, и то все разсмотря, мы Великій Государь наше Царское Величество учинилъ такое опредѣленіе, чтобъ весь малороссійскій народъ при такихъ вольностяхъ и правахъ содержанъ былъ безъ всякой неволи, на каковыхъ естатяхъ съ онымъ народомъ прежній гетманъ Богданъ Хмельницкій подъ высокочерквинѣйшую руку отца нашего вѣчно достойныя памяти Царя и великаго князя Алексія Михайловича все-россійскаго самодержца въ подданство пришелъ безъ всякаго ума-

дѣла; ибо мы тѣ статьи, при избраніи нынѣшняго гетмана, подтвердили и собственноручно подписали, тако жъ дабы всѣ отъ измѣнника Мазепы и отъ иныхъ прежнихъ гетмановъ, ради обогащенія ихъ, положенныя на народъ малороссійскій тягости и подати отставлены были и все то такъ содержано было, въ какой вѣрности малороссійскій народъ сначала былъ, понеже все то чинено безъ нашего Великаго Государя вѣдома и позволенія, и дѣлъ того въ нашу казну ни единого дохода въ не брано, но користовались тѣмъ всѣмъ гетманы, и наибольше воръ измѣнникъ Мазепа, а Перевозъ Переволоченскій укажемъ мы Великій Государь по-прежнему вамъ войску запорожскому низовому во владѣніе отдать; что же принадлежитъ о разглашеніи вами о разореніи, будто оное отъ войскъ нашихъ въ городахъ малороссійскихъ чинится, и будто мы введши непріятелиа въ оной край и изъ того съ нихъ военныхъ потребъ и войсками нашими и шведскими разоремъ, и то самая есть зплатно отъ вора и измѣнника Мазепы и единомышленниковъ его для возмущенія васъ сплетенная и смышленная ложь, чему было вамъ подданнымъ нашимъ вѣрить и писать толь дерзновенно не довелось; ибо не мы Великій Государь непріятелиа въ Украинну проводили; но онъ воръ, измѣнникъ Мазепа, факціями своими и призывомъ отъ смоленскаго рубежа онаго поворотилъ, гдѣ было оной непріятелиа отъ нашихъ войскъ такъ утѣсненъ и изголоженъ, что многочисленно ихъ помирало, и многія тысячи оныхъ отъ войскъ нашихъ побиты, а именно: на Червой Напѣ и при разбитіи цѣлаго войска генерала шведскаго Левенгаупта, о чемъ пространнѣе къ вамъ и ко всему войску запорожскому писано въ грамотахъ нашихъ; но по его вора Мазепы призыву вошедъ оной въ Украинну, яко въ край хлѣбородный, пакы войску своему, а особливо по измѣнѣ его Мазепиною прокормленіе получилъ, а до того было отъ Стародуба назадъ въ Польшу итти намѣрился, видя свое изнеможеніе, ибо ни въ единый городъ войска наши его непріятелиа до измѣны Мазепиною войти мужественно не допустили. А нынѣ войска наши не празднуютъ, но елико нынѣшнее зимнее время позволяеть противъ непріятелиа дѣйствуютъ и подъѣздами и загонами, непрестанно войска его побиваютъ, и для того въ нѣкоторые города малороссійскіе и войскъ нашихъ по нѣскольку введено, а именно: въ Сорочинцы, въ Полтаву и въ Ромны, тако жъ и въ слободскіе города въ Сумы и Ахтырку и въ прочія иные мѣста, дабы до тѣхъ мѣстъ оные города отъ непріятелиа охраняли, пока возможемъ при вступящей теплотѣ все войско наше въ поле выведши на

непріятеля, съ помощью Вышняго, наступить всѣми силами, ибо ожидаемъ еще изъ Москвы и изъ Риги, изъ Воронежа и съ Дону въ скорыхъ числахъ многихъ полковъ, конныхъ и пѣшихъ, такъ же донскихъ и янцкихъ казаковъ и отъ Аюки Калмыковъ и, собравшись, пойдѣмъ всѣми силами на онаго, съ помощью Вышняго, дабы сего православной церкви и нашего врага изъ Малороссійскаго Края выбить; войскамъ же нашимъ великороссійскимъ заказано подъ смертною казною, дабы конскаго корму ни малаго ничего у жителей не брали; а которые явились изъ войскъ нашихъ въ какомъ грабежѣ, и по челобитью и уликамъ и офицеры, а не то что рядовые солдаты и драгуны казнены смертью, а грабленое господарямъ паки возвращено и нигдѣ сотниковъ казацкихъ по городамъ не оставляно, и воеводъ нашихъ на ихъ мѣста не впроваживано; но въ которыхъ городахъ введены для обороны войска наши и надъ тѣми постановленнымъ комендантамъ, кромѣ своихъ, подъ командою имѣющихъ людей великороссійскихъ, ни до чего вступаться не велѣно, а за хлѣбъ, который на пропитаніе тѣмъ войскамъ нашимъ по нуждѣ брать стануть, велѣно платитъ молороссійскаго народа жителямъ изъ казны нашей денги, а гдѣ непріятель минулъ и изъ тѣхъ мѣстъ люди наши паки выведены, а именно: изъ Стародуба, Почепы, Пагара и Новгородка Сѣверскаго; и такъ, изо всего сего можете вы видѣть, что мы Великій Государь, яко монархъ благочестивый, для обороны вѣрныхъ подданныхъ своихъ малороссійскаго народа въ Украину съ войски пришли, въ который край непріятель отъ вора измѣнника на погубленіе сего народа приведенъ, и дабы оный поработить подъ прежнее лядское иго и церкви святыя обернуть на унию и въ римскіе костелы, какъ онъ то и самъ являлъ въ письмахъ своихъ, что Лещинскаго въ Украинну ведетъ, и имѣемъ мы подлинную вѣдомость, что онъ съ онымъ учинилъ договоръ, дабы ему быть всего Малороссійскаго Краю сѣвернымъ княземъ самодержавнымъ; но то его проклятое намѣреніе, при Божіей помощи, не исполнится, ибо и въ Польшу посланы наши великороссійскіе многіе конные и пѣхотные полки, дабы онаго Лещинскаго не то что въ Украинну недопустить, но съ малымъ числомъ, при немъ будучихъ Поляковъ и Шведовъ въ Польшѣ разбить; въ чемъ намъ въ союзѣ съ нами пребывающіе коронные и литовскіе гетманы и прочіе сенаторы съ войски польскими и литовскими помочь общали, и уже и такъ знатную часть войска Лещинскаго отъ Шведа насильно поставленнаго за короля не признають и, съ нами въ союзѣ пребывая, ожидаютъ къ себѣ

вскорѣ паки на королевство прежняго короля своего Августа, союзника вашего, со многими саксонскими войсками; о семъ о всемъ разсудили мы Великій Государь наше Царское Величество за потребно вамъ, войску нашему запорожскому низовому, объявить пространно, дабы вы о всемъ состояніи тѣхъ дѣлъ, подлинно извѣстясь, никакимъ лживымъ внушеніямъ не вѣрили и ни на какия прелести вора и измѣнника Мазепы, который самъ нынѣ, съ единомышленниками своими, въ худомъ у короля шведскаго почтеніи и почитай за карауломъ не склонились; но видя такую нашу Великаго Государя къ себѣ войску запорожскому низовому явленную, и впредь за вѣрныя ваши службы общанную милость и оборону отчизны вашей Малороссійскаго Краю служили намъ вѣрно и непоколебимо и были въ своемъ краю во всякой осторожности, и непріятелямъ ко отпору въ готовности; а которые съ кошу отъ васъ посланы къ войскамъ нашимъ въ слученіе конныя и пѣхотныя войска, и онымъ велите итти въ слученіе къ нашимъ войскамъ въ опредѣленное имъ мѣсто, которымъ наше Великаго Государя жалованье послано; а мы Великій Государь, усмотря такую вашу войска вашего запорожскаго вѣрную службу, въ сей случай наступленія непріятельскаго и измѣны Мазепиной, тѣмъ, о чемъ вы намъ Великому Государю были челомъ, и что вышепомянуто, конечно пожалуемъ къ вамъ съ стольникомъ нашимъ Алексіемъ Загряжскимъ и съ вашими вышепомянутыми посланцы кнѣзюты войсковые, а именно: знамя, перначъ, бунчукъ, литавры, да двѣ трости; одна тебѣ, кошевому атаману, другая судѣ войска нашего низоваго запорожскаго. И такъ мы Великій Государь о вѣрности вашей къ намъ не сомнѣваемся, и уповаемъ, что никакихъ принятий вора и богоотступнаго измѣнника Мазепы слушать не будете, ибо чаемъ, что оный восприметь вскорѣ часть со Іудю Предателемъ какъ и антецессоръ его бунтовщикъ и измѣнникъ Булавинъ самоубійцею себѣ ставъ, тако жъ и прочіе невѣрныя намъ, яко Государю своему, клятвoprеступники и измѣнники злѣ погибоша, но наипаче вы подданные наши запорожскіе подшитесь, видя къ себѣ такую нашу милость на вѣчную себѣ въ потомство славу, вѣрность свою къ намъ Великому Государю, по крестному пѣлованію и общанію своему непоколебимо содержать и службу свою на оборону отчизны явить будете не отложно. При семъ же посылаемъ къ вамъ нѣкоторые листы бывшаго гетмана вора и измѣнника Мазепы, которые онъ предъ нѣсколькими лѣты къ намъ Великому Государю чрезъ ближнихъ нашихъ людей писалъ, хотя васъ намъ Великому Госу-

дарю оклеветать и на гнѣвъ на васъ подвигнуть, совѣтуя о искорененіи васъ войска запорожскаго низоваго посылкою на васъ ратныхъ людей, которые листы сысканы здѣсь въ посольской походной канцеляріи, изъ которыхъ злость его къ вамъ войску нашему низовому запорожскому довольно будетъ явна, а иные многіе его такіе же злобѣйшіе на васъ навѣты писанные есть на Москвѣ въ приказѣ Малыя Россіи, которые потомъ принсканы и вамъ объявлены будутъ. Но мы Великій Государь, милосердую о васъ подданныхъ нашихъ, никогда его совѣтовъ на разореніе васъ не слушали.

Дана въ Ахтырѣ, февраля въ 7 день 1709 года.

8. Царское Величество изъ Ахтырки изволялъ воспріять путь въ Бѣлгородъ ⁶².

Король шведскій съ половиною своего войска сталъ въ мѣстечкѣ Котельѣ, и изъ Котельи съ 5,000 конныхъ драгунъ и съ осмью хоругвями Волоховъ и Поляковъ да съ компанейцами Мазепина войска полку полковника Андреяша съ казаками и съ Запорожцами воспріять путь къ Ахтырѣ, а другою дорогою лѣвою стороною туда жъ отправилъ генерала маіора Круза съ шестью пѣхотными полками и разглашалъ о походѣ къ Ахтыркамъ изъ корпусъ отъ кавалеріи генерала князя Меншикова для отворенія пути въ Польшу. Но мало слѣдовавъ къ Ахтырѣ пошелъ къ Красному Куту, гдѣ генераль лейтенантъ Рень съ десятию драгунскими полками отъ Городенки до Краснаго Кута стоялъ на пасѣ, и тѣмъ притворнымъ походомъ хотѣли учинить нечаянное нападеніе и одержать побѣду; Калмыки и Татары, слѣдующіе около корпуса его королевскаго реченнаго генерала лейтенанта Рень уведомили.

9. Царское Величество изволялъ прибыть въ Бѣлградъ. Генераль лейтенантъ Рень собравъ съ пасовъ десять драгунскихъ полковъ ожидалъ приходу шведскаго короля. ⁶³ Король зная, что при Рень войска только десять полковъ со всѣмъ посѣщеніемъ слѣдовалъ, дабы Рень, не давъ бою не пошелъ на убѣгъ, но когда вышелъ на полѣ и увидѣлъ линію войскъ Царскаго Величества предъ своею малу заводилъ полки съ фланговъ и изъ нерегулярныхъ всѣхъ пути того поля утвердилъ, дабы ни одинъ по разбитіи не могъ

⁶² Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁶³ Ibid.

уйти; войско Царскаго Величества было въ упованіи на помощь Божію и приуготовилось къ бою.

Но приближеніи отъ обвѣхъ линій вдругъ учинены залпы, войско Царскаго Величества по учиненіи залпа ударили на палашахъ, героически ланію напали на самаго короля, котораго двенадцать человекъ драбантовъ защищали, и убили шестерыхъ, и подъ королемъ лошадь, какъ король садился на другую подоспѣли въ защищеніе драбанты и рейтара; изъ которыхъ взяли въ полонъ драбантовъ двухъ и нѣсколько десятковъ рейтаръ трупомъ положили всю линію непріятельскую разбили. Король съ малымъ числомъ войскъ ушелъ въ мельницу въ близости находившуюся, войско Царскаго Величества за бѣгущимъ не гналось, для того, что время позднее было; но примѣтивъ, что нѣкоторая часть войска непріятельскаго убралась въ мельницу приступило въ томъ намѣреніи, чтобъ оную мельницу взять или сжечь ⁶⁴:

Король Карлъ запершись въ амбарѣ мельничномъ, сидѣлъ въ великомъ страхѣ, чтобъ не загли, а выйти такъ же опасался, дабы не убили.

Разбитое непріятельское войско увѣдавъ о королѣ собрався, начало приближаться къ мельницѣ, а уже весьма было темно. Царскаго Величества войско за темнотою опасаясь вреда отступило отъ мельницы на боевое мѣсто, и всю ночь простояло въ томъ намѣреніи, чтобъ на утро, то есть 10 февраля пакъ вступить въ баталію; король по освобожденіи изъ мельницы съ войскомъ пошелъ на убитъ; войско за бѣгущимъ непріятелемъ за ночною темнотою къ отбою не слѣдовало, опасаясь подлогого.

На реченной баталіи сочтено мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ до 500; въ плѣвъ взято 52, штандарокъ 4, пара литавръ ⁶⁵; отъ войска Царскаго Величества убито 42, ранено 27 ⁶⁶.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Вн. журналъ Яноши Брюса.

⁶⁶ Генералъ-лейбтенантъ Ротъ наступилъ на короля шведскаго съ такою горячестію, что великій уронъ въ войскѣ учинилъ, и едва избавился Каролусъ отъ смерти или по послѣдней мѣрѣ отъ взятія въ полонъ; Карлъ хотѣлъ возвратиться въ Украинну, уповая получить себѣ каковуюлибо помощь съ Польши; но войска Великаго Петра заперли всякій выходъ, не приходило ни съ которой стороны помощи Карлу. (*Въ исторіи Кампфороса*).

10. Царское Величество изъ Бѣлгорода восиріалъ путь къ Воронежу ⁶⁷.

Генералъ лейтенантъ Редъ еще при темнотѣ ночной послалъ въ слѣдъ за бѣгущими непріятельми доброконныхъ драгунъ 200 надзоромъ, куда непріятель пошелъ. По возвращеніи объявили: непріятель пошелъ къ Опочинѣ на пути до 30 человекъ мертвыхъ отъ ранъ видѣли отпривилъ и вторую партію 1,000 человекъ трактомъ къ Ахтыркѣ, которымъ отправленъ былъ 9 февраля отъ непріятеля драгунскій полкъ съ пограбленнымъ провіантомъ и прочими пожитками ⁶⁸. Посланная партія догнавъ непріятельскій драгунскій полкъ, который слѣдовалъ съ великимъ числомъ пограбленнаго скота и провіанта и прочаго, вступивъ въ бой, и разбивъ порубили 260, и все грабленное отобрали; онаяжъ партія отправила отъ себя партію, ибо непріятель по разбитіи пошелъ тремя трактами.

11. Шведскій король свѣшно слѣдовалъ путемъ, неподлежащимъ, оставя все собранное имъ въ ономъ походѣ чѣмъ уповалъ не малое время питать свои войска; ибо до 500 фуръ имѣлъ провіанта, до 2,000 скота рогатаго и до 1,000 лошадей и пожитковъ число многое ⁶⁹.

Партія, слѣдующая за бѣгущимъ непріятелемъ, взяла въ пленъ драгунъ 29.

12. Опять взяла въ пленъ драгунъ 24, да Малороссіанами привезено умершихъ отъ ранъ и мороза 29.

13. Партіями взято въ пленъ Шведовъ и Поляковъ 57, въ томъ числѣ прапорщиковъ 2, унтеръ офицеровъ 3 ⁷⁰.

14. Царское Величество изволилъ прибыть на Воронежъ и оснастривалъ корабельныхъ и прочихъ судовъ работы ⁷¹.

Въ войскѣ Царскаго Величества получено извѣстіе, что въ мѣстечкѣ Решевкѣ обретається непріятельскій драгунскій полкъ и нѣсколько пѣхоты подѣ командою полковника Альфенделя и нѣсколько тысячъ полковыхъ лошадей и конюшни фельдмаршала и генералитета на корму, и багажъ фельдмаршалскій и генераловъ. Для взятія реченной крѣпости посланъ генералъ-маіоръ Бемъ съ двумя баталіонами преображенскаго полку съ пехотнымъ полкомъ

⁶⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid. и въ дѣлахъ князя Меншикова, въ Академіи, № 43.

⁷⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁷¹ Ibid.

астрянскимъ и съ двумя ротами гренадеръ и пятью полками конныхъ.

15. Решенный генераль-маіоръ Бемъ драгунскіе 5 полковъ поставилъ по дорогамъ, лежащимъ къ оному мѣстечку, дабы непріятель во время штурма не учинилъ нападенія ⁷², а самъ съ пѣхотою пошелъ къ мѣстечку Решевкѣ и нашелъ непріятеля съ полкомъ драгунскимъ и съ одною пехотною ротою, стоящаго въ полѣ и въ три ряда рогатками окинувшагося, по приближеніи повелѣлъ солдатамъ сѣстьшиться и идти на непріятеля; и по жестокомъ бою непріятель изъ рогатокъ выбить и гнать въ замокъ; не успѣвъ непріятель запереть городскихъ воротъ, войска Царскаго Величества вшедь въ крѣпость и овладѣвъ оною, взяли въ пленъ полковника и коменданта Адмъенделя, капитановъ 2, поручика 1, прапорщиковъ 4, обозовъ 2, унтеръ офицеровъ 13, капраловъ и рядовыхъ 91, неслужащихъ 48, и того 162, два знамя, фузей со штыками 1,193, палашей и шпагъ съ шортупелями 1,193, сумъ патронныхъ 1,193, и прочіе аммуничныя вещи цѣлаго полку, подьемныхъ лошадей 2,000; конюшни фельдмаршала и генералитета, и багажъ едва не всей арміи; побито 1,108; съ стороны Царскаго Величества убито унтеръ офицеръ 1, капраловъ и рядовыхъ 15, ранено отъ гвардіи маіоръ Бартеневъ 1, капитанъ-поручикъ 1, поручикъ 1, прапорщиковъ 2, сержантовъ 3, капраловъ и рядовыхъ 72, и того ранено 80.

Царское Величество⁷³ на Воронежѣ изволилъ обложить бомбардирскихъ два корабля, и повелѣлъ ко всѣмъ неоконченнымъ работою кораблямъ и прочимъ судамъ, мастерамъ потребное число лѣсу къ достройкѣ отобрать, дабы остатокъ могъ быть знатенъ ⁷⁴.

16. Оконченные работою пять кораблей приготовить къ спуску, а недооконченные шесть кораблей стараться векорѣ окончить ⁷⁵; на четыре корабля, спущенные прошлаго 1708 года и на 27 галеръ пушки и такелажъ изготовить въ 2 мѣсяца, а въ прибавокъ къ строенію изволилъ опредѣлять два солдатскіе полка, и расписавъ команды опредѣлилъ изъ штабъ-офицеровъ и своею личною при оныхъ работахъ всегда присутствовать изволилъ.

17. Царское Величество указалъ вооружить въ кампанію предъ будущаго лѣта кораблей 61, въ томъ числѣ шесть бомбардирскихъ,

⁷² ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

и прамъ 8, галеръ 200, да конныхъ 20, кончбасовъ 200, провіантскихъ 100 судовъ ⁷⁵.

Шведскій король увѣдавъ о отбытіи Царскаго Величества на Воронежъ, войско свое поставилъ по квартирамъ, питаться велѣлъ тою же пищею, какову тѣхъ квартиръ хозяева употребляютъ, и далъ войску время для отдохновенія и успокоенія отъ труда. Но легкія войска Царскаго Величества непрестанными нападеніями обезпокоивали, ибо имъ платилась за всякаго взятаго въ плѣнъ и убиеннаго по чинамъ цѣна, сверхъ опредѣленнаго жалованья ⁷⁶.

18. Въ объявленную морскую кампанію будущую сего 1709 года къ 27 полкамъ солдатскимъ и обрѣтающимся при Азовѣ и Тауровѣ указалъ прибавить пѣхотныхъ 30 полковъ, да въ оной же кампаніи быть и казакамъ всѣхъ званій 20 тысячамъ, Чугуевскимъ Камамыкамъ коннымъ тысячѣ, а морскимъ всѣмъ съ походною артиллерією и провіантомъ на шесть мѣсяцевъ ⁷⁷.

Послу своему, обрѣтающемуся при дворѣ королевскаго величества датскаго повелѣлъ объявить, ежели королевское величество изволитъ вступить въ войну съ Швецією, то Его Царское Величество изволитъ помогать деньгами на каждый годъ по миліону и вспомогательными войсками и прежній союзъ съ его королевскимъ величествомъ изволилъ подтвердить, и чтобъ не тратя времени изволилъ прислать то дѣло окончать ⁷⁸.

19. Приходила къ Петровскимъ заводамъ непріятельская партія въ 700 человекъ, но прежде приходу, за день, увѣдано и предъ посадомъ въ прикрытіи поставленъ полкъ солдатскій, и какъ слѣдующая непріятельская партія около полуночи пришла, по оной учинено вѣсколько залповъ изъ ружья; непріятель вида, что о его приходѣ извѣстны, не учиня ни одного залпа въ бѣгство обратился, за которымъ гнавъ кололи и стреляли черезъ все поле; соотено убиенныхъ 181, въ плѣнъ взято 23 ⁷⁹.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Въ исторіи Волтера въ 4 книгѣ: «Царь Московскій нарочно налми стычками, непріятеля своего обезпокоивать велѣлъ, здрево разсуждая, что шведская армія такими обезпокойствами совершенно пропадетъ, ибо онъ рекрутъ получить не можетъ, а къ нему всегда новыя изъ областей его силы. приходятъ».

⁷⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁷⁸ Въ журналѣ князя Меншикова, въ письмѣ князя Василія Долгорукова.

⁷⁹ Объ этой баталіи вѣдомость февраля 19 дня не отыскана, а въ дѣ-

20. Допросами плѣнные показали: что идетъ вторая партія въ 700 человекъ, а предложено, соединясь учинить нападеніе, но она разбитая партія походомъ ускорила, что и взятые языки сказывали, что о приходѣ ихъ на заводахъ никакого извѣстія нѣтъ, то не дождавъ второй партіи нечаяннымъ нападеніемъ намѣренны были оныя заводы выжечь и народъ порубить и показать свои службы, которая надежда ихъ обманула.

По распросамъ послана партія, состоящая въ 1,000 человекъ солдатъ, и ежели оная партія съ шведскою не сойдется, то слѣдовать за шведскій рубежъ для поиску надъ непріателемъ, но оная посланная партія вскорѣ съ непріятельскою, состоящею въ 700 человекъ сошлась; на мѣстѣ мертвыхъ сочтено 497, въ пленъ взято 4, отъ войска Царскаго Величества убито 3, вторично посланная партія 200 солдатъ на лошадяхъ за бѣгущимъ непріателемъ, который въ ту ночь разбитъ и при заводахъ, и оная партія усмотрѣла, что непріятель пошелъ врознь лѣсами, того ради возвратилась и на возвратномъ походѣ видѣли отъ ранъ и хлада умершихъ 9 ⁸⁰.

21. Изъ разбитой непріятельской партіи при Петровскихъ заводахъ февраля 1 вооруженными олонецкими мужиками взято въ пленъ 7, да убито 20.

22. Царское Величество изволилъ посылать подтвердительные указы, чтобъ въ Азовѣ и въ Таганрогѣ обрѣтающіеся корабли и прочіе суда были бѣ во всякой готовности къ походу, въ городахъ улицы имѣть въ чистотѣ, для смотренія опредѣлить десятскихъ ⁸¹.

23. Изволилъ росписать губерніи и къ нимъ города ⁸².

1. Московская.

Къ ней города: Клинъ, Дмитровъ, Переяславль-Залескій, Ростовъ, Кострома, Любимъ, Юрьевъ-Польскій, Владиміръ, Суздаль, Шуя, Лухъ, Коломна, Зарайскъ, Переяславль-Рязанскій, Михайловъ, Гремячій, Пронскъ, Печерники, Кошира, Верева, Епифань, Серпуховъ, Тула, Дедиловъ, Кропивва, Оболенскъ, Тарусса, Ярославль-

лахъ князя Мешкиова въ довошеніи апрѣля 6, № 159, о посылкѣ той вѣдомости написано.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁸² Ibid.

Мальгй, Алешинъ, Медынь, Калуга, Можайскъ, Боровскъ, Веря, Царевъ Борисовъ, Звенигородъ, Руса, Волоколамскій; и того 39 городовъ.

2. Ингерманландская.

Санктъ-Петербургъ, Нарва, Шлютель-Бургъ, Великій Новгородъ, Псковъ, Ладога, Порховъ, Гдовъ, Опочекъ, Изборскъ, Островецъ, Старая-Руса, Луки Великіе, Торопецъ, Бежецкій-Вёрхъ, Устюжна, Олонецъ, Бѣло-Озеро, Ржева-Пустая, Дерптъ, Каргополь, Пошехонье, Ржева-Владимірова, Тверь, Торжокъ, Угличъ, Ярославль, Романовъ, Кашинъ, Ябургъ, Копорье, и того 30.

3. Кіевская.

Кіевъ, Переяславъ, Ново-Богородицкій, Ахтырка, Богодуховъ, Мурафа, Сенное, Болховъ, Сумы, Красное Поле, Межиричи, Золочевъ, Мценскъ, Путналь, Карачевъ, Кромы, Межи, Сергіевскій, Каменный Затонъ, Буромля, Рублевна, Городное, Бѣлградъ, Суджа, Мирополье, Село-Пена, Бѣлополье, Ольшанка, Курецкъ, Лебединъ, Новосиль, Сѣверскъ, Рыльскъ, Брянскъ, Орелъ, Олешня, Вольный, Хотмынскъ, Карповъ, Валки, Салтовъ, Соколовна, Яблонь, Короча, Мизегольскъ, Старый Осколь, Ливны, Трубчевскъ, Бѣлевъ, Быховъ. Итого 56 городовъ.

4. Смоленская.

Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлая, Рославль, Вязма, Серпейскъ, Мясальскъ, Мещовскъ, Зубцовъ, Погорѣлое-Городище, Старица, Козельскъ, Лихвинъ, Борисово-Городище, Перемышль, Воротынскъ, Адоевъ. Итого 17 городовъ.

5. Архангелогородская.

Архангельскъ, Устюгъ Великій, Тотма, Соль-Вычугоцкая, Нероль, Мезень, Кольскій-Острогъ, Пустоозерскъ, Чаранда, Умба, Вологда, Соль-Галицкая, Галичъ, Чухлома, Кинешма, Вага и Устианскіе Волости. Итого 20 городовъ.

6. Казанская.

Казань, Яикъ, Терекъ, Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Умба, Самара, Симбирскъ, Царевъ, Санчурскъ, Кокшайскъ, Свияжскъ,

Алатырь, Койшарь, Цивильскъ, Чебоксары, Кузюдезьскъ, Явскъ, Ваошь, Курмышъ, Темниковъ, Нижній-Новгородъ, Арзамасъ, Кадомъ, Елатна, Касимова, Гороховецъ, Муромъ, Дмитровскъ, Мокшайскъ, Уржумъ, Балахна, Вазанки, Юрьевъ-Великій, Даншевъ, Алатырскій, Малмышъ, Тетюши, Оса, Мезельскъ, Новый-Шешминскъ, Тинасъ, Билярскъ, Манскъ, Гурьевъ, Троицкій, Красный, Черный Яръ, Белый-Яръ, Яры, Клискъ, Тагаевъ, Юмалскъ, Уренскъ, Корсувъ, Малый Корсуновъ, Аргашъ, Талский, Сурейскій, Бурейскій, село Каракалдино, Соловарный, Певза, Ромашевскій, Саранудъ, Элабуга, Кукарекъ, Рыбно, Исильы. Итого 71 городъ.

7. Азовская.

Азовъ, Троицкій, на Тагани Мюсъ, Павловскій, Сергеевскій, Икановскій, Укаланчей, Тамбовъ, Верхній Ломовъ, Нижній-Ломовъ, Норовчатовское, Троицкій Островъ, Городище, Красная Слобода, Саранскъ, Сыренскъ, Инсара, Шацкій, Ново-Павловскій, Битюгъ, Валуйки, Покатовъ, Тополиковъ, Осколь, Чернавскій, Изюмъ, Торъ, Царевъ-Борисовъ, Мояцкій, Лиманъ, Каменка, Купчинка, Савинскій, Сенковскій, Чюдновъ, Дуречное, Хорохованка, Воротовица, Чугуевъ, Змѣевъ, Козловъ, Чернавскій, Борисоглебскъ на Хопрѣ, Петровскій на Медвѣдицѣ, Шеткѣевскій, Инзарскій, Поташскій, Баншикъ, Печенега, Андреевъ, Лозы, Острополье, Булыкля, Бѣльскій, Верхососенскій. Итого 52.

8. Сибирская.

Тобольскъ, Енисейскъ, Илимскій, Тара, Березовъ, Сургутъ, Тюмень, Томскъ, Мангазея, Иркутскъ, Кузнецкъ, Туринскъ, Нарымъ, Верхотурье, Якутскъ, Нерчинскъ, Красный Яръ, Целинъ, Кецкъ, Кунгуръ, Пермь Великая, Чердынъ, Солькамская, Кай-городокъ, Еренскъ, Вятка, да къ Вяткѣ 4 города. Итого 34.

Къ корабельнымъ городамъ, Коротоякъ, Острогонскъ, Олшанскъ, Костянскъ, Землянскъ, Орловъ, Усмонъ, Демшинскъ, Бѣлоколоцкъ, Романовъ въ степи, Сокольскъ, Доброе-Городище, Рязскъ, Скопинъ, Лебѣдинъ, Ефремовъ, Донковъ, Зелець, Усердь, Черный, Талицкій, Урывъ, Сапожокъ, Битюцкія села. Итого 25 городовъ.

Всего 339 городовъ, кромѣ Копоря и Ямбурга **.

** Многие города, городки и остроги не написаны, которыми число многое.

24. Извѣстникъ Мазепа совѣтовалъ Карлу перейти Днѣпръ къ Переволоченской Сѣчи, гдѣ Запорожцы и чигиринской полкъ и Вольныя съ радостію его прибытія ожидаютъ.

Король Карлъ писалъ Станиславу Лещинскому и генералъ-маіору Красову, чтобъ искали способу пройти къ нему въ сообщеніе, и ежели всѣмъ корпусомъ не возможно, то бѣ хотя нѣсколькую часть, ибо онъ и малой части прибытіемъ намѣренъ былъ ободрить свои войска, и отъ всеобщаго стыда избавиться, якобы не неволею, но волею имѣеть пребываніе внутри Малой-Россіи, и путь ему отъ войскъ Царскаго Величества не запертъ, какъ о томъ всюду было говорено, но можетъ всюду идти свободно ⁸⁴.

25. Царское Величество своею персоною изволилъ трудиться въ обученіи добраго компанченія и смоленія кораблей и прочихъ судовъ ⁸⁵.

26. Изволилъ обложить два прاما и опредѣлилъ къ оной работѣ солдатъ 600 человекъ и указалъ, чтобъ оныя прамы отдѣланы были въ 6 недѣль ⁸⁶.

Шведской король увидавъ что Царское Величество вооружаетъ флотъ и намѣренъ идти въ Цареградское Море, называлъ оное вооруженіе стратагемою ⁸⁷, которою Порту устрашаетъ походомъ къ Царю-граду, и уповаеть тѣмъ привѣсти оную въ страхъ и принудить къ миру, но однако жъ дозналъ оттого свое не благополучіе, ежели Порты утвердитъ миръ съ Россією, то откажетъ ему отъ помощныхъ войскъ; ежели жъ въ войну вступить, то употребить свои силы противъ войскъ россійскихъ видѣлъ и себя ото всюду войсками Царскаго Величества утесняема, послалъ къ послу своему, обрѣтающемуся при Портѣ, въ Царь-градъ, съ увѣдомленіемъ, что слухъ о походѣ войскъ московскихъ въ Цареградское Море не основателенъ, больше стратагема нежели истина.

27. Изволилъ обложить два прاما, и опредѣлилъ къ оному строенію солдатъ 600 человекъ, и какъ онымъ такъ и прочимъ обретающимся при строеніяхъ сверхъ опредѣленнаго жалованья указалъ давать на день по пяти копѣекъ, и просилъ всѣхъ работающих о прилѣжномъ трудѣ, и надъ всѣми строеніями по два,

⁸⁴ Войска россійскія шведской арміи заперли пути, что ни съ которой стороны не проходимо помочи. (*Въ исторіи Камыбороса*).

⁸⁵ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ То есть военною хитростію.

а надъ нужными по три и по четыре раза на день изволилъ надсматривать, и въ такомъ трудѣ дни продолжалъ въ ночное время доклады и писма, о правленіи государственномъ и военномъ читать и на оныя посылать повелительные указы, и во всѣхъ почти трудахъ и работахъ былъ предначинатель и указатель добраго марстерства, ежели что случалось видѣть тяжелое въ носкѣ и подъемѣ, то въ такихъ случаяхъ непреминулъ способствовать и имѣлъ не малую силу ⁸⁸.

Измѣнникъ Мазепа совѣтовалъ королю Карлу, чтобъ шель въ Переволоченскую Сѣчу за Днѣпръ, и Чигиринцы и Волынь ожидаютъ его прибытія ⁸⁹; король представлялъ неудобства многія.

28. Царское Величество препоруча строевіе на Воронежѣ адмиралу графу Апраксину, изволилъ шествовать на Ивановскіе заводы, по прибытіи едва не всѣ ночи препровождалъ въ трудѣ ⁹⁰. Разбирая наличные матеріалы, и впредь потребное приготавливая, и столь трудился прилѣжно благочестивый Императоръ, что во многіе дни по захожденіи солнца пищу употреблять изволилъ.

МАРТЪ.

1. Станиславъ Лещинскій и генералъ Красовъ пробирались въ сученіе къ шведскому королю, но не обрели случая пройти, ибо не малымъ корпусомъ войскъ Царскаго Величества всѣ пути были заставлены, остановились за Дубнами ⁹¹.

Гетманы коронный и литовскій просили Его Царское Величество о вспомогательныхъ войскахъ; Рѣчь Посполитая польская была на сторонѣ Царскаго Величества, а генералъ Рыбинскій съ войсками стоялъ на границахъ прусскихъ ⁹².

О Августѣ король реченные Гетманы и вся Рѣчь Посполитая Его Царскому Величеству доносили, ежели оный въ маѣ въ Польшу не прибудеть, то за короля признанъ быть не имѣеть и Рѣчь Посполитая будетъ просить Его Царское Величество, дабы позволить выбрать элекцію короля, который бы и Его Царскому Ве-

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Сей совѣтъ Мазепинъ дабы по разбитіи войскъ королевскихъ не былъ взятъ войсками Царскаго Величества въ плѣнъ.

⁹⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В.

⁹¹ Въ писмѣ генерала Григорія Долгорукова, № 125, въ Академіи.

⁹² Въ дѣлахъ князя Меньшикова № 116.

личеству былъ во свесовершенной приязни и радѣннн всякаго добра Рѣчи Посполитой ³³.

Франція видя, что шведскому королю изъ Молороссіи выдти не возможно, отірвала посла Бонакса для примиренія Его Царскаго Величества съ шведскимъ королемъ ³⁴.

Того ради Рѣчь Посполитая просила Его Царское Величества, дабы и она въ миръ включена была.

2. Генераль лейтенантъ Геоквинъ, увѣдавъ что сакъшннскаго войска полкъ пробирается въ слученіе шведскому королю съ бывшими при немъ тремя драгунскими ротами, пошелъ на отой ³⁵. Непріатель видѣвъ малолюдную партію, слѣдующую на него, азартно бросясь хотѣлъ по рукамъ разобрать: войско Царскаго Величества учиня по непріателѣ залпъ, и по залпѣ съ пашами пробѣжали непріательскую лнвію и до 200 на мѣстѣ трупомъ положили, а оставшіяся въ бѣгъ обратились, бѣгущихъ чрезъ все поле рубили; на боевомъ мѣстѣ и въ погонѣ непріательскихъ тѣлъ сочтено до 300, въ пленъ взято 44. Отъ войска Царскаго Величества убито 22, ранено 31.

Шведскій король хотя и желалъ войску своему дать время на успокоеніе отъ тяжкихъ и трудныхъ походовъ, но не стерпя по вседневному нападенію и безпокойства отъ легкихъ войскъ Царскаго Величества ³⁶ воспріалъ походъ къ Полтавѣ въ томъ намѣреніи, чтобъ случится съ стоящими за Дубнами 15,000 войска Лещинскаго и генераль-маіора Красова ³⁷.

3. Войскъ Царскаго Величества генераль-маіоръ Лиляндъ увѣдавъ, что войска Лещинскаго и Шмигельскаго пробираются въ слученіе къ шведской арміи съ обрѣтающимися при немъ двумя драгунскими полками, съ немалымъ поенѣшеніемъ отправился въ походъ и при Острогѣ нашелъ въ полѣ стоящихъ, и по сильномъ сопротивленіи сбилъ съ поля, гнавъ рубилъ, и оный трактъ войскамъ Царскаго Величества застановилъ; на боевомъ мѣстѣ сочтено убитыхъ тѣлъ до 300, въ пленъ взято 22, отъ войскъ Царскаго Величества убито 42, ранено 27.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Въ письмѣ Григорія Долгорукова, № 125, въ Академіи.

³⁶ Царь Московскій малыми стычками продолжалъ оздоблять неприятеля своего. (*Въ исторіи Волтера.*)

³⁷ Войска російскіе шведской арміи заперли пути, что ни съ которой стороны не приходило помочи. (*Въ исторіи Катофороса.*)

Государь Царевичъ Алексѣй Петровичъ изъ Бѣлгорода изволилъ идти въ походъ на Воронежъ ⁹⁹.

Того жъ числа Царское Величество изволилъ послать въ Царьградъ съ письмами къ послу Толстому гвардіи поручика Пшекорскаго, ежели султанское величество изволитъ миръ содержать не нарушимо, и непріятелямъ отъ помощи вовсе отречется, то Его Царское Величество миръ съ Портою свято и ненарушимо содержать.

4. Царское Величество на желѣзныхъ Ивановскихъ заводахъ изволилъ ковать якорь, и обучать пропорціи якорной и доброй ковки ⁹⁹.

Генералъ фельдмаршалъ графъ Шереметевъ увѣдавъ, что шведскій король съ арміею слѣдуетъ въ селеніе арміи, стоящей за Дубнами съ королемъ Лещинскимъ и генералъ-маіоромъ Красовымъ, оный трактъ войсками Царскаго Величества заступилъ. Шведскій король зналъ, что оный корпусъ состоитъ изъ инфантеріи въ 30 полкахъ, отъ походу остановился. Король Лещинскій и генералъ-маіоръ Красовъ, увѣдавъ маршъ съ войсками фельдмаршала графа Шереметева возвратились въ Польшу.

5. Подъ Выборгомъ взято шведскихъ солдатъ два ¹⁰⁰.

Шведскій король, не возмогши пробраться къ Дубнамъ, пошелъ къ Котелвѣ. Генералъ-лейтенантъ Гескинъ и генералъ-маіоръ Волконскій съ конными двѣнадцатью полками наблюдали всегда движенія войскъ непріятельскихъ, и къ которому бѣ пасу по слѣдовала бѣ непріятельская армія къ тѣмъ пасамъ ускорять и чинить вспоможеніе и легкимъ войскамъ также указъ данъ.

6. Войска, марширующія съ королемъ Карломъ вступили въ мѣстечка Бѣлоцерковку, Решетилковку и Секжарова, во время походовъ отъ легкихъ войскъ Царскаго Величества всегдашнія нападенія и штурмычними были, непріятель шелъ въ рогаткахъ съ немалымъ опасеніемъ и претерпѣлъ уронъ въ войскѣ своемъ до 250 человекъ, хотя въ томъ числѣ большая часть была хлопцовъ, которые были вооруженные ¹⁰¹.

7. Отъ Решетилковки подъ Голотву приходила непріятельская

⁹⁹ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 125 и 135.

⁹⁹ Въ журналѣ Е. Ц. В. на Воронежѣ.

¹⁰⁰ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 335.

¹⁰¹ Въ дѣлахъ князя Меншикова № погннлъ, въ письмѣ генерала-маіора графа Волконскаго.

партія въ 500, которая отбита и прогнана; притомъ убито двадцать одинъ, да въ пленъ взято два ¹⁰².

Царское Величество получилъ письма изъ Царь-Града отъ посла Петра Толстаго, въ которыхъ доносить: въ Царь-Градѣ носится слухъ о вооруженіи флота, и о намѣренномъ походѣ въ Цареградское Морѣ всѣхъ желаніе содержать миръ съ его Царскимъ Величествомъ ходатайства и предложенія пословъ шведскаго и Лещинскаго и Мазепы уничтожаютъ и для нихъ мира нарушить не хотятъ.

8. Отъ Бѣлоцерковки непріятельская партія, состоящая въ 50 человѣкахъ рейтаръ, при которой находились ротмистръ, поручикъ и корнетъ, приходила подъ Голотву; изъ числа оныхъ въ пленъ взяты, ротмистръ, корнетъ вахмистръ, капраловъ и рейтаръ девятнадцать, а прочіе всѣ порублены. Войска Царскаго Величества стали не по далеку отъ Полтавы ¹⁰³.

9. Царскаго Величества малороссійскія войска 10,000 конныхъ стали на пасѣ по рѣкѣ Пселу ¹⁰⁴. А фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приближась къ непріятелю сталъ за рѣчкою Ворсклою бунтовщиковъ Запорожцевъ 15,000 съ кошевымъ шлѣ въ слученіе къ шведскому королю, и видѣвъ пути, войсками Царскаго Величества застановленные, остановились въ Переволоченской Стѣнѣ ¹⁰⁵.

10. Гетманъ Скоропадскій съ 20,000 малороссійскихъ войскъ, и генералъ-маіоръ Григорій Волконскій съ пятью драгунскими полками стали на пасѣ отъ Голтвы въ низъ по Пселу до Днѣпра и до Кременчуга; такимъ образомъ непріятель отъ всѣхъ сторонъ войсками Царскаго Величества былъ окруженъ и утѣсненъ.

Гетманъ Снявскій съ войсками переправился чрезъ Днѣпръ ниже Мариамполя, въ совокупленіе съ войсками Царскаго Величества съ 20,000, подъ командою генерала-фельдмаршала лейтенанта фонъ-Гольца, который отъ Его Царскаго Величества посланъ въ помощь Рѣчи Посполитой, а при гетманѣ было рейтаръ и драгунъ 8,000, короннаго 220 хоронгвей ¹⁰⁶.

Того жъ числа указомъ Его Царскаго Величества повелѣно сооручнымъ духовнымъ вѣрять.

11. Полтавскій полковникъ Левенсъ къ Мазепѣ и шведскому

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid.

королю и въ Запорожѣ писалъ, чтобъ шли для взятія Полтавы, и о семъ немедленно произведено слѣдствіе, по которому оный полковникъ въ сей измѣнѣ явился ¹⁰⁷.

Въ Царьградѣ повсюду гремѣлъ слухъ о вооруженіи флота Царскимъ Величествомъ и о походѣ ста-тысятъ войскъ въ Царградское Море, того ради мучтій въ диванъ приходилъ и говорилъ, чтобъ съ царемъ московскимъ мира не нарушать и войскъ въ помощь противнымъ ему не посылать, но охранять бы оныи войсками Царьградъ и Крымъ.

Шведскій король хотя и видѣлъ себя войсками Царскаго Величества ото всюду окруженнымъ, но о мирѣ и слышать не хотѣлъ, употребляя съ кичливостью слова: пока не придетъ въ Москву, дотѣхъ-поръ съ Царемъ Московскимъ не учинить мира, но и то чтобъ былъ на всей его волгѣ, таковая тщетная слава вкоренилась въ сердце его и не могъ видѣть погибели своей и всего своего войска.

12. Подъ мѣстечкомъ Бурками взято шведскихъ драгунъ 2 ¹⁰⁸.

Измѣнникъ кошевой запорожскій за Дибромъ чинилъ многія возмущенія, и склонялъ къ измѣнѣ, разглашая, что вскорѣ придутъ вспомогательныя войска къ гетману Мазепѣ изъ Крыма и Кубани отъ Турка и отъ Буджацкой Орды, и войска Царскаго Величества безъ сомнѣнія, оставить оный край и тогда невѣрность являющіе гетману, достойныя казни и наказанія претерпятъ, и многіе простые народы привлекутъ къ сторонѣ своего злаго предпріятія ¹⁰⁹.

13. Шведскій король получилъ извѣстіе съ Кубани отъ атамана Некрасова, объявляющаго, что по всѣмъ донскимъ городкамъ казаки въ скопѣ и учинены многолюдныя караулы, и ему той великой рѣки Дона тайно отъ войска казацкаго пройти невозможно, а если лаво проходить, то толкиныхъ силъ къ сопротивленію не имѣеть.

Того жъ числа въ Цехвен взяты шведскій прапорщикъ ¹¹⁰.

14. Царское Величество съ Ивановскихъ заводовъ воспріалъ путь ва Воронежъ ¹¹¹.

15. Изволилъ прибыть на Воронежъ ¹¹².

¹⁰⁷ Въ допросѣ выходца Шидловскаго.

¹⁰⁸ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 108.

¹⁰⁹ Ibid. № 129.

¹¹⁰ Допросъ этого прапорщика въ Академіи № 175.

¹¹¹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹¹² Ibid.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій публиковалъ манифестами, чтобъ все войско малороссійскія бышняго гетмана Мазену и пошевого запорожскаго имѣли за измѣнниковъ и враговъ Его Царскаго Величества и ни какими ихъ объявленіями и увѣщаніями не вѣрли, а присланныхъ отъ нихъ брали въ плѣнъ, и чтобъ были въ вѣрности и послушаніи Его Царскому Величеству и являлись у полковниковъ.

16. Царское Величество изволилъ быть на Воронежѣ и трудиться о вооруженіи флота ¹¹³.

Измѣнникъ запорожскій кошевой шаки публиковалъ за Днѣпромъ и въ Чигиринѣ прелестныя увѣщанія, которыми старался склонить къ сторонѣ измѣнника Мазену ¹¹⁴; отъ войска Царскаго Величества для увѣщанія и отгаращенія сего зла посланъ воеводникъ чигиринскій Кашаганъ въ Запороги.

17. Коронный гетманъ вторично предлагалъ Царскому Величеству, ежели королевское величество Августъ въ май мѣсяцѣ не вступитъ въ Польшу ¹¹⁵, то Рѣчь Посполитая въ предъ за короля признавать не будетъ, отъ престола польскаго вовсе откажетъ и съ позволенія Его Царскаго Величества избереть другаго короля, которой бы и Его Царскому Величеству былъ всеусердный доброжелатель и угодець Рѣчи Посполитой.

Франція имѣла всеушыное стараніе о помощи и изведеніи короля Карла изъ Малороссіи, того ради отправила къ Рѣчи Посполитой посланъ Бонаска, и оттомъ къ Его Царскому Величеству, чтобъ ему исхать великаго способу ко примиренію Царскаго Величества и королевскаго величества польскаго съ шведскимъ королемъ ¹¹⁶.

Царское Величество съ Воронежа воспріялъ путь въ Тавровъ на устьѣ рѣки Вороны, гдѣ стояли сдѣланные шесть кораблей и нѣсколько дѣсятковъ галеръ, канчабасовъ и прочихъ морскихъ судовъ ¹¹⁷.

18. Изволилъ прибыть въ Тавровъ и тамъ осматривать корабли и прочія суда, и провіантъ и харчевые припасы и позволилъ приготовить къ походу ¹¹⁸.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Въ письмѣ графа Долгорукова, № 129.

¹¹⁵ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 116.

¹¹⁶ Ibid. № 118.

¹¹⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹¹⁸ Ibid.

Близъ городка Цеквей взять корнетъ 1, пасторъ 1, мызыковъ 3 ¹¹⁹.

Малороссійскія войска отложка сомнѣніе къ полковникамъ въ полки являлись.

19. Разбита непріятельская партія, изъ которой поруччикъ 1, прапорщикъ 1, прѣхали въ службу Царскаго Величества ¹²⁰.

Шведскій король увѣдалъ, что малороссійское войско 10 полковъ, а въ полку по 1,000, а въ пныхъ и по 15,000 собирается къ полковникамъ, къ войску Царскаго Величества; началъ было приходить въ страхъ и отчаяніе; но Мавопа его увѣщевалъ, чтобъ старался взять Полтаву, гдѣ найдетъ многое число провіанта и денегъ такъ же и сукопъ на вою армію, а по взятіи Полтавы все переимѣнуется въ лучшее состояніе, нежели нынѣ.

20. Въ Тавровѣ на одѣланные корабли и суда грузилась артилерія и провіантъ и прочее ¹²¹.

Изъ войска непріятельскаго разныхъ чиновъ взято 7 ¹²².

Помощники шведскаго короля Лещинскій, Савига, и воевода кievскій хотя и имѣли при себѣ войска до 25,000, и искали прійти въ слученіе къ королю Карлу, но фельдмаршалъ лейтенантъ сынъ Голцъ съ двадцатью драгунскими полками заставилъ тракть отъ совокупленія съ шведскою арміею.

Карль уразумѣлъ, что всё обнадѣживаніи и увѣренія польскія тщетны, хотя и зналъ, что многія войска Царскаго Величества обрѣтаются при Санктпетербургѣ и въ завоеванныхъ городахъ, и отъ томъ можетъ Его Царское Величество нѣсколькимъ десяткомъ полковъ пріивести. Однако ша миръ съ Его Царскимъ Величествомъ не сложался, и не хотѣлъ помощію мира возвращенія себѣ завоеванныхъ городовъ, употребляя весьма горделиво, якобы у него ничего не взято, но всё города на тѣхъ же мѣстахъ стоять, на которыхъ они стояли прежде, миръ и тѣ города приметъ возвратно, по взятіи 30 милліоновъ военныхъ убытковъ.

21. Царское Величество изволилъ изъ Таврова шествовать на Воронежъ, и изволилъ писать къ Августу, королю польскому, чтобъ его королевское величество изволилъ возвратиться въ Польшу на престолъ, какъ государь короны польской, а обязательные трактаты и подписки, которые далъ королю Карлу въ неисканіи

¹¹⁹ Въ письмѣ кравчаго Кир. Нарышкина, № 114.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹²² Допросы этихъ плѣнныхъ въ Академіи.

престола польскаго и все прочее предалъ бы забвенію, потому что король въ Малороссіи войсками Его Царскаго Величества запертъ и выходу не имѣеть, и Его Царское Величество получа время удобное сего лѣта намѣренъ войско его разобрать или порубить въ чемъ имѣеть упованіе на Бога ¹²³.

22. Изволилъ прибыть на Воронежъ и въ присутствіи Его Величества слушаны 12 галеръ и 23 канчбаса ¹²⁴.

23. Генералъ-фельдмаршалъ лейтенантъ фонъ Гольцъ съ 20 драгунскими полками къ коронному гетману пришелъ, и съ общаго согласія предложили итти на Станислава Лещинскаго и генералъ-маіора Красова на Огинскаго ¹²⁵, а генералу Июлянту на Сапегу. Лещинскій и Красовъ и Огинскій увѣдавъ о прибытіи войскъ Царскаго Величества пошли на уходъ и мѣстечко гетмана Нераво выжгли ¹²⁶; Великую и Малую Польшу склоняли къ сторонѣ Лещинскаго; а о королѣ Августѣ сочинили фальшивыя вѣдомости на голландскомъ языкѣ, будто по желанію коллигатовъ король Августъ въ Польшу не возвратится, но во Фландрію со всеѣмъ войскомъ въ первыхъ числахъ мая отправится ¹²⁷.

Царское Величество на Воронежѣ изволилъ обложить 21 галеру и 42 канчбаса, и изволилъ послать указъ въ Азовъ, чтобъ оба флота были къ походу готовы ¹²⁸.

24. Подъ селомъ Стасовцами изъ непріятельской арміи взято драгунъ 7 ¹²⁹.

25. Подъ Зенковымъ взять шведскій порутчикъ 1, прапорщикъ 1, драгунъ 8 человекъ ¹³⁰.

Изъ бунтовщиковъ полтавскаго полку, согласившихся съ Запорожцами о содержаніи стороны короля шведскаго, взять полковникъ Левенць, и сердюковъ 7 ¹³¹.

¹²³ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Въ дѣлахъ Меншикова, № 157.

¹²⁷ Ibid., № 119.

¹²⁸ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹²⁹ При Полтавѣ ученыи военный совѣтъ, въ которомъ опредѣлено многолюдными партіями драгунъ и легкихъ войскъ утомлять и обезпечивать непріятеля, потому-что непріятельская партія и разбѣды не въ многолюдствѣ посылаются.

¹³⁰ Въ письмѣ генералъ-маіора Шамбурха.

¹³¹ Въ письмѣ изъ Полтавы полковника Келинга.

Изъ Мячковъ измѣнники казаки ушли до Царичинка и тамъ за-
были, и для взятія онаго мѣста посланъ бригадиръ Эгеймъ ¹³².

26. Между Полтавы и Деканчи разбита непріятельская партія.
Убито 26, въ пленъ взято 3 ¹³³.

Измѣнникъ Мазепа публиковалъ будто московскіе люди отъ вѣ-
ры отступили, и ризами поповскими покрываютъ коней; и того
ради онъ гетманъ отъ нихъ отложился. Заступая вѣру и благо-
честіе; которыми лжами хотѣлъ малороссійскій народъ привести
въ сомнѣніе: но ложь сего всѣмъ была явственна, и ни какому
его Мазепинымъ увѣщаніямъ не вѣрили ¹³⁴.

27. На Воронежѣ спущено провіантскихъ 23 судна, а пре-
жде того, спущены 12 галеръ и 23 канчебаса, кои нагружены
были припасами пошли въ Тавровъ, и тамъ ожидали прибытія
Его Царскаго Величества ¹³⁵.

Царское Величество изъ Царяграда отъ посла Толстаго полу-
чилъ извѣстіе, что Порта отъ помощи королю Карлу и Лещин-
скому и Мазепѣ отказывается, и ихъ ради нарушать мира съ Рос-
сією не хочетъ.

28. Его Царское Величество на Воронежѣ изволилъ обучать ва-
ренія и установленія смолъ ¹³⁶.

Перенято письмо Станислава Лещинскаго къ шведскому коро-
лю Карлу, въ которомъ объявляетъ, что имѣеть онъ Лещинскій
при себѣ войска 25,000, чтобъ его королевское величество вступи-
лъ въ Польшу, и обнадеживая, что по вступленіи всѣ силы
польскія желаютъ быть на сторонѣ его королевской, по отпра-
вленіи объявленнаго письма, получилъ Станиславъ извѣстіе, что
войска Его Царскаго Величества генералъ-лейтенантъ и лейбъ-
гвардіи полковникъ князь Михаилъ Михайловъ сынъ Голицынъ
съ шестью полками инфантеріи идетъ въ совокупленіе къ двад-
цати драгунскимъ полкамъ, для искорененія партіи его Лещинска-
го и утвержденія на польскомъ престолѣ короля Августа; оставивъ
войско свое Сапегѣ и Вишневецкому съ немалымъ поспѣшеніемъ
отъѣхалъ до Гданска.

Король Августъ страха ради короля Карла въ Польшу на пре-

¹³² Въ письмѣ полковника Шамардина. Оныя письма писаны изъ Ва-
локъ 25 марта, а отъ кого — не разобрано.

¹³³ Въ дѣлахъ князя Меншикова.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹³⁶ Ibid.

столю королевской вступить и войска свои ввести не смѣлъ, но пребывалъ въ Саксоніи до одержанія побѣды надъ Шведскимъ королевемъ подъ Полтавою.

29. Король шведскій въ Малороссіи и Литвѣ, а Лещинскій въ Польшѣ нублжовали копіи съ трактата короля Августа, заключеннаго съ шведскимъ королевемъ Карломъ въ 1708 году, въ которомъ король Августъ короны польской отрекся, и обязался впредь оной не искать, и съ Его Царскимъ Величествомъ дружбы и союзныхъ оборонительныхъ договоровъ ни противъ кого не заключать и помощи ни чинить, а уступилъ онъ Августъ польскую корону Станиславу Лещинскому, и чтобъ Великая и Малая Польша и княжество литовское, признавали Станислава за короля польскаго, противнымъ мечемъ и огнемъ угрожали, Великая Польша на двѣ партіи раздѣлилась, одна признавала королевемъ Августа, при которой были коронный и литовскій гетманы и генералъ Рыбинскій и княжество литовское, и Его Царскаго Величества 20 драгунскіи полковъ съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Фонгольцомъ. На сторонѣ Лещинскаго держался Сапега и Вишневецкій, помогавыхъ войскъ Карла короля шведскаго съ генералами майоромъ Красовымъ 1,000.

30. Генералъ-лейтенантъ князь Михайла Михайловъ сынъ Голыцынъ съ шестью полками прибылъ въ совокупленіе къ войску гетмана короннаго, при которомъ было войска 220 хоругвей и 8 полковъ рейтаръ и драгунъ. Генералъ-майоръ Красовъ и Сапега убадавъ о вспомогательныхъ войскахъ Царскаго Величества, пришедшихъ къ гетману, пошли въ отдаленныя мѣста.

Близъ старыхъ Сенжаръ разбитъ шенриятельскій развѣздъ, убито 4 въ плѣнъ взято 2.

31. Царское Величество не только христіанской, но и басурманской вѣры не желая промѣнѣ, изволилъ послать указы къ фельдмаршаламъ и генералтету, дабы безъ крайней нужды въ бой съ шенриятелемъ не вступали, но утомляли бѣ и обезпокоивали его единными движеніями и набѣгами легкихъ войскъ, дабы чрезъ оныя обезсилить и привести въ несостояніе; чрезъ оное увовалъ, что король Карлъ познаеть свое малосиліе, и чрезъ миръ прекратить войну.

АПРѢЛЬ.

1. На Воронежѣ спущено 3 корабля, 5 галеръ, и 10 галисовъ 137.

Партія непріятельская приходила до Полтавы, противъ которой выходила партія; по сраженіи непріятельская партія сбита и прогнана, на боевомъ мѣстѣ мертвыхъ тѣлъ оставилъ непріятель 32, въ пленъ взято 6, отъ войска Царскаго Величества убито 6, да ранено 9 ¹³⁸.

2. На Воронежѣ спущено 2 корабля и 5 галеръ, одинъ прамъ и 2 шнявы ¹³⁹.

При битвѣ такта и отвореніи города Полтавы непріятельская партія учинила печальное нападеніе, но незапно напала на пикеть, который учрежденъ былъ предъ палисадомъ, и по учиненіи залпа убито 8 рейтаръ ¹⁴⁰.

3. На самомъ разсвѣтѣ пришло къ полтавской крѣпости шведское войско, по приходѣ въ тотъ же часъ 1,500 штурмовали оную крѣпость, но многомъ сопротивленіи отбиты, при валахъ крѣпости видимо было мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ 22, да изъ тѣхъ пораненыхъ взято въ плѣнъ 9 ¹⁴¹.

4. На Воронежѣ спущено 2 корабля, 2 яхты, галеръ 5, канчбасовъ 10, провіантскихъ морскихъ судовъ 27 ¹⁴².

Того жъ числа непріятель городу Полтавѣ учинилъ атаку; въ ночи начали дѣлать шанцы ¹⁴³; король поспѣшалъ по надеждѣ Мазепиной къ осадѣ Полтавы; армія его ободрятся начала, что по взятіи Полтавы всю бѣдность забудетъ ¹⁴⁴. На шанцахъ изъ полтавской крѣпости выслана вылазка въ 700, въ томъ числѣ одна рота гренадеръ, которые съ непріателемъ болѣе часу въ жестокомъ огнѣ были, но когда непріателю слѣдовалъ снкурсъ, то изъ крѣпости выступила вторая партія 700 въ подкрѣпленіе первой, и сбивъ непріятеля, побрали его инструменты, до 100 человекъ убили, да въ плѣнъ взяли 6. Отъ войска царскаго убито 32, ранено 27.

5. На Воронежѣ спущено 2 прамы и 7 провіантскихъ судовъ ¹⁴⁵.

По полуночи къ первому часу учинилъ непріятель полтавской крѣпости штурмъ, который продолжался до самого свѣта, непріятельское войско не смотря ни на какія сопротивленія штурмо-

¹³⁸ Въ журналѣ полтавскаго коменданта Келлинга.

¹³⁹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁴⁰ Въ журналѣ Келлинга.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁴³ Въ журналѣ Келлинга.

¹⁴⁴ У Вольтера, въ книгѣ 4.

¹⁴⁵ Въ журналѣ Е. Ц. В.

вало, какъ до 400 увидѣли убитыхъ, и войска Царскаго Величества на валахъ число превосходное, отступили, при валахъ крѣпости видимо было побитыхъ непріятельскихъ тѣлъ 427. Отъ войска Царскаго Величества убито 62, ранено 91 ¹⁴⁶. Чаллъ непріятель оную крѣпость одними палашии взять ¹⁴⁷.

6. На Воронежѣ спущено 2 корабля семидесятные, и чрезъ весь день былъ спускъ провіантскихъ судовъ ¹⁴⁸.

Въ ночи къ полтавской крѣпости непріятель велъ апроши, на которыхъ выслано 1,500 человекъ, въ томъ числѣ 300 гренадеровъ, которые мужественно и храбро поступая отъ работъ непріятеля отбили и до 60 человекъ побитыхъ видимо было; отъ войска Царскаго Величества убито 22, ранено 31 ¹⁴⁹.

По возвращеніи въ крѣпость непріятель большимъ числомъ приступя оныя работы отправлялъ и закрытіе учинилъ ¹⁵⁰.

7. На Воронежѣ спущено два корабля, одинъ въ 80, другой въ 50 пушекъ, осьмидесятный наименованъ «Сверный Орелъ», а пятидесятный «Ласка», и чрезъ весь день былъ спускъ галеръ и канчбасовъ и провіантскихъ судовъ ¹⁵¹.

Непріятель при Полтавѣ продолжалъ работу шанцевъ, куда брошено до 30 бомбъ, и выслано 1,500 человекъ мушкатеровъ, съ которыми непріятель имѣлъ прежестокую баталію, выбить изъ апрошей, и работы разрыты, непріятельскихъ тѣлъ, побитыхъ, видимо было до 200. Отъ войска Царскаго Величества убито 82, ранено 150 ¹⁵².

8. Непріятель при Полтавѣ пакы работу шанецъ продолжалъ, и съ другой стороны шанцы вести началъ, войска Царскаго Величества, пѣшія и конныя, къ Полтавѣ приближались, и стали черезъ рѣку Ворсклу, также и непріятель къ оной рѣкѣ приближился, но за топкими болотами перейти было невозможно; по сближеніи обонихъ войскъ производилась пальба изъ пушекъ, но непріятельская артиллерія весьма мала была; и того ради непріятель съ немалымъ урономъ едва пушки могъ отвести, видимо

¹⁴⁶ Въ журналѣ Келинга.

¹⁴⁷ У Катифороса.

¹⁴⁸ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁴⁹ Въ журналѣ Келинга.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁵² Въ журналѣ Келинга.

было побитыхъ до 30, отъ войска Царскаго Величества не убитъ ни одинъ, ранено пушкарей 2 ¹⁵³.

Присланный отъ королевскаго величества Августа польскаго Брюкеталь просилъ у Его Царскаго Величества позволенія и помощи о вступленіи въ Польшу Августу; Царское Величество изволилъ писать къ королю Августу, чтобъ его королевское величество изволилъ въ Польшу вступить, и табель войскъ своихъ къ его королевскому величеству съ реченнымъ Брюкельталемъ послать изволилъ ¹⁵⁴.

И того жъ числа изволилъ воспріять путь Дономъ къ Азову съ новосдѣланными 17 кораблями, 4 прамами, 4 шнявами, 4 яхтами, 43 галерами, съ 60 канчебасами и съ морскими и провіантскими 63. Итого съ 195 судами ¹⁵⁵.

9. При Полтавѣ въ шанцы ввезъ непріятель и устанавливалъ артиллерію, а осажденные валъ полтавской крѣпости утверждали; легкія войска въѣхавъ въ лагерь королевскій до 10 человекъ порубили, въ плѣнъ взяли одного, оный допросомъ показалъ, что король не взявъ Полтавы, бою дать не хочетъ ¹⁵⁶.

10. Государь Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ изъ Таврова возвратился въ Москву ¹⁵⁷.

Того жъ числа посланъ съ письмами въ Царьградъ курьеръ.

При Полтавѣ съ другой стороны непріятель велъ шанцы и приближался къ валу, на котораго выслана вылазка 1,200 человекъ, которые чрезъ нѣсколько часовъ жестоко бившись отъ дѣла шанцевъ непріятели отбили, съ стороны непріятельской до 300 человекъ убито, отъ стороны Царскаго Величества убито 107, ранено 63 ¹⁵⁸.

По возвращеніи вылазки въ крѣпость непріятель опять дѣло возобновлять началъ, и велъ шанцы близъ валу и полисадъ вырубалъ ¹⁵⁹.

11. Шведскій король увѣдавъ, что войска Царскаго Величества, драгунскіе полки, подъ командою генералъ-лейтенанта Рена, сто-

¹⁵³ Ibid

¹⁵⁴ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 151.

¹⁵⁵ Въ журналѣ Е. Ц. В. 9 апрѣля, и въ письмѣ канцлера Гаврилы Головкина, № 153.

¹⁵⁶ Въ журналѣ Келлига.

¹⁵⁷ Въ дѣлахъ князя Меншикова.

¹⁵⁸ Въ журналѣ Келлига.

¹⁵⁹ Ibid.

ять на пасѣ у рѣки Ворсклы, при мѣстечкѣ Соколкѣ, въ розни отправилъ регулярнаго войска 4,000, да 3,000 измѣнниковъ Запорожцевъ и нѣскольکو хоронгвей легкихъ войскъ, и при нихъ 4 пушки, подъ командою генераль-маіора Круза, который того жъ числа съ войскомъ рѣку Ворсклу переправился и пошелъ въ показанный маршъ. ¹⁶⁰.

12. Шведскій генераль-маіоръ Крузь съ семью полками, подошелъ тайно къ мѣстечку Соколкамъ, и увѣдавъ, что при генераль-лейтенантѣ Ренѣ только два полка драгунскіе, при Соколкѣ обвелъ войскомъ вокругъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ ни единого не упустить; какъ Крузь съ войскомъ выступилъ на полѣ, генераль-лейтенантъ Ренъ, какъ безстрашный кавалеръ, хотя видѣлъ при себѣ только 2 полка, а непріятельскаго 7, ни мало не усумнился, и войско шведское противъ войскъ Царскаго Величества ни за что поставлялъ, но обнажа шпагу сказалъ: что Богъ прислалъ намъ въ руки, это наша пажить; будемъ стричь. Потомъ пошелъ прямо въ лице непріятеля, и учня нѣскольکو залповъ, съ обнаженными палашами, въѣхавъ въ среднну фронта и пробивъ ливію, 800 человекъ съ полковникомъ Гальдештеромъ и подполковникомъ и маіоромъ, и нѣсколькими оберъ-офицерами на мѣстѣ трупомъ положилъ; прочія непріятельскія войска обратились въ бѣгство, которыхъ вслѣдъ рубили до рѣки Ворсклы, и многихъ въ рѣкѣ потопили; убитыхъ и утопшихъ уповательно число свыше 1,500 ¹⁶¹.

Непріятельскіе 2 ротмистра съ тремя хоронгвами волоскими, въ числѣ 200 человекъ на дискрецію Его Императорскаго Величества сдались; на той акціи взято 4 пушки, со стороны Царскаго Величества убито 50, да ранено 100.

13. Изъ Таврова рѣкою Дономъ 241 судно съ провіантомъ и такелажемъ пошли въ походъ ¹⁶².

При Полтавѣ на вторые апроши выслана вылазка до 400 человекъ мушкатеревъ, которые непріятеля отъ дѣла апрошей отбили, и черезъ всю ночь до дѣла не допускали; непріятельскихъ тѣлъ видяно было до 60; со стороны Царскаго Величества убито 23, ранено 38 ¹⁶³.

¹⁶⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В. и въ журналѣ генерала Брюса.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Въ журналѣ Келинга.

14. Царское Величество съ шествующими судами Дюномъ до Азова, за противною погодою стоялъ на якоряхъ ¹⁶⁴.

Шведскій король усмотрѣвъ у полтавской крѣпости одинъ валъ изюкъ, 3,000 мушкатерамъ повелѣлъ итти на приступъ, которые приступъ чинили; осадные сильнѣй отиоръ чинили, что до 500 трупами положили; король увидѣвъ защищающихъ крѣпость на водахъ до 4,000, повелѣлъ отступить; отъ войска Царскаго Величества убито до 142, ранено 182 ¹⁶⁵.

15. Непрiятель близъ Полтавы началъ работою траншементъ для стоянiя войскамъ, и велъ подъ Полтаву подкопъ ¹⁶⁶.

16. Непрiятель полтавскую крѣпость бомбардировалъ изъ 3 мартиръ, и линiю привелъ до палисада, и палисады жегъ и рубилъ ¹⁶⁷.

Изъ крѣпости выстуя вылазка 600 мушкатеровъ, не смотря ни на какое сопротивленiе непрiятелей, наступила на ведущиихъ оную линiю, и до 50 человекъ поколола, а прочiе ушли въ апроши; отъ войска Царскаго Величества убито 17, ранено 18 ¹⁶⁸.

17. Полковникъ Яковлевъ съ тремя полками учинилъ атаку Переволоченской Сѣчи, въ которой шведскiе къ Мазепѣ бунтовщики запорожскiе казаки 3,000 зашли обходами, до 10,000 къ шведскому войску, въ совокупленiе пришли. Король изъ нихъ опредѣлилъ вестъ подъ Полтаву подкопъ ¹⁶⁹.

18. Реченный полковникъ Яковлевъ тремя пѣхотными полками переволоченскую крѣпость штурмовалъ, и по двучасномъ сопротивленiи взялъ; во время штурма побито измѣнниковъ до 1,000, а по взятiи и остальные по куренямъ побиты, а нiе пометався въ Двѣпръ потонули: главнѣйхъ бунтовщиковъ взято 12, да 3 пушки и 4 знамя; отъ войска Царскаго Величества во время штурма побито 24, ранено 63 ¹⁷⁰.

Войска Царскаго Величества генералитетъ имѣлъ военный совѣтъ, какъ бы полтавской крѣпости учинить помощь, на которомъ опредѣлено за милою отъ Полтавы внизъ рѣки Ворсклы переправиться и итти къ Опочнѣ, генералу Белингу съ командою, съ другою генералу Гольцу въ лице непрiятелю, чрезъ мостъ къ

¹⁶⁴ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁶⁵ Въ журналѣ Келлинга.

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Въ журналѣ Якова Брюса.

¹⁷⁰ Ibid.

траншаменту, части кавалеріи подъ командою генерала Шамбургга, и полковника Кропотова, въ то жъ время атаковать гаупт-квартиру шведскую ¹⁷¹.

При Крившадтѣ изъ гавани брандеры и шнявы вывожены ¹⁷².

19. Царское Величество изволилъ прибыть съ флотомъ на устье рѣки Тенаровичъ, куда пришли съ провіантомъ и такелажемъ 241 судно, откуда пошли рѣкою Дономъ корабли и прамы въ одно судно, парусныя въ два, гребныя въ три, и такъ рѣка Дожъ на нѣсколько верстъ завята была шествующими судами ¹⁷³.

При Полтавѣ казаки переправясь черезъ рѣку Ворсклу за Полтавою разбили непріятельскую партію, и порубили 24, да въ плѣвъ взяли 8, которые допросомъ показали, что король не взявъ Полтавы, бою съ войскомъ Царскаго Величества имѣть не намѣренъ.

20. Царское Величество съ флотомъ прибылъ въ казачій столичной городъ Черкассы, встрѣченъ съ пушечною пальбою и съ колокольнымъ звономъ ¹⁷⁴. Атаманъ съ старшиною въ даръ Его Царскому Величеству подвелъ горскихъ четыре коня въ богатомъ уборѣ; Великій Государь благодаря жаловалъ къ рукѣ и изволилъ спрашивать, много ль сдѣланыхъ казачьихъ судовъ; атаманъ объявилъ 120, а всѣ осмнадцати-весельные; Царское Величество изволилъ оныя суда осматривать и видѣвъ во всякой исправности благодарилъ, и указалъ на оныхъ судахъ поставить на носу по одной пушкѣ, грузить провіантъ и съѣстные припасы, а о походѣ ожидать указу, и пожаловалъ атамана и полковниковъ на кораблѣ Сѣверномъ Орлѣ столомъ и питьями и по захожденіи солнца изволилъ втти въ походъ къ Азову.

21. Изволилъ прибыть къ Калавчамъ, гдѣ многую пушечною пальбою былъ поздравляемъ ¹⁷⁵.

Непріятель отъ рѣки Ворсклы началъ вести апроши и дѣлалъ батарею противъ батарей на другой сторонѣ рѣки Ворсклы сдѣланной войсками Царскаго Величества, построя и поставя пушки ¹⁷⁶; съ обѣихъ батарей была пушечная пальба, съ непріятельской батареи пушки сбили, а вышедшіе на вылазку изъ полтавской

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Въ письмѣ адмирала графа Апраксина, № 161, мая 12.

¹⁷³ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Въ журналѣ Келлига.

крѣпости, изъ зачатыхъ апрошей непріятелей выгнали, и побито 27, отъ войска Царскаго Величества убито 5, да ранено 7.

22. Царское Величество съ флотомъ изволилъ прибыть къ Азову благополучно, съ крѣпости азовской многою пушечною пальбою былъ поздравляемъ и при входѣ въ оную азовскую крѣпость пакн былъ поздравляемъ пушечною пальбою ¹⁷⁷.

Непріятель приближаясь къ полтавской крѣпости валъ проходилъ сапами и въ ночи реченнаго числа выслана изъ оной крѣпости вылазка мушкатеровъ 300 и 200 гренадеръ и изъ обрѣтающихся въ оной сапной работѣ побили 38, въ плѣнъ взяли 22; отъ войска Царскаго Величества убито 2, ранено 9, по возвращеніи въ крѣпость непріятель оную работу пакн продолжалъ ¹⁷⁸.

23. Царское Величество изволилъ осматривать азовскую крѣпость и артиллерію, порохъ, провіантъ и съѣстные припасы ¹⁷⁹.

При Полтавѣ усмотрѣвъ подведенной подкопъ и изъ каморъ подкопныхъ порохъ выняли, и ожидали приступу ¹⁸⁰.

Король Карлъ приготова 3,000 человекъ къ приступу, повелѣлъ подкопа рукавъ зажечь, и по зажженіи непріятель спѣшно бросился хотя вскорѣ по взорваніи вбѣжать въ крѣпость, но какъ подкопу не взорвало, а приступные были вблизиности назадъ побѣжали, тогда нѣсколькими залпами были провожаемы, и 60 человекъ побитыхъ оставили; отъ войска Царскаго Величества не убить ни одинъ.

24. Взяты близъ Выборга, капралъ 1, пасторъ 1, мызникъ 1 ¹⁸¹.

Шведскій король полтавскую крѣпость самъ осматривалъ и видѣвъ отъ рѣки Ворсклы валъ не высокій, и ко взятію безъ оборонный, на которомъ и пушекъ мало было; при присутствіи своемъ повелѣлъ 3,000 имѣть приступъ, который пополудни въ четвертомъ часу и учиненъ, осажденные чинили добрый отпоръ и 400 человекъ трупами положили. Король видѣвъ, что на валу защищающихъ крѣпость вдвое числа приступныхъ, велѣлъ отступить; отъ войска Царскаго Величества убито 74, ранено 49 ¹⁸².

¹⁷⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁷⁸ Въ журналѣ Келинга.

¹⁷⁹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁸⁰ Въ журналѣ Келинга.

¹⁸¹ Въ дѣлахъ князя Мешникова, № 149.

¹⁸² Въ журналѣ Келинга.

25. Обрѣтающіеся въ пѣхотныхъ полкахъ при Азовѣ сели на суда ¹⁸³.

При Полтавѣ проходящихъ сапами земляной валъ, сдѣланный машиною съ крюкомъ, вынято изъ саповъ 11 человекъ, да въ сапахъ вала найдено тѣмъ же инструментомъ побитыхъ до 24, а прочіе убѣжали. Такимъ образомъ непріятель сапами доставать крѣпость отыѣнилъ, но единымъ мѣтаніемъ бомбъ приводилъ въ несостоявіе ¹⁸⁴.

26. Царское Величество изъ Азова изволилъ шествовать съ флотомъ въ Троицкій, и тогожъ числа и прибыть изволилъ; при чемъ съ сорока-четырехъ кораблей троскратною пушечною пальбою былъ поздравленъ отъ Его Царскаго Величества взаимно благодарено изъ пушекъ же съ прибывшаго флота ¹⁸⁵.

При Полтавѣ легкихъ войскъ партія пятьсотъ человекъ раздѣляясь на двое и переправясь чрезъ рѣку Ворсклу въ Семеновкѣ непріятельскихъ войскъ рейтаръ порубили 26, въ плѣнъ взяты 4; отъ войска Царскаго Величества убито 4, ранено 8 ¹⁸⁶.

27. Въ Троицкомъ Царское Величество корабли и прочіе суда изволилъ осматривать и повелѣлъ на многихъ парусы и канаты яко обвѣтшалые перемѣнить новыми ¹⁸⁷.

Подъ-штурманъ Корнелисъ Якобсень подалъ Его Царскому Величеству въ похищеніи интересовъ и въ неисправленіи должностей на морскихъ офицеровъ протестъ; между Семеновки и Полтавки въ Петровкѣ порублено Волоши и Запорожцевъ 40, въ плѣнъ взято 6, отъ войска Царскаго Величества убито 9, ранено 18 ¹⁸⁸.

Король Карлъ видя партіи войскъ Царскаго Величества, не только на его сторонѣ рѣки Ворсклы, но и внутри станціи войскъ его чинимые въѣзды и убійства причиталъ въ несмотрѣніе и оплошность своему генералитету, угрожая впредь ежели таковыя въѣзды войскъ московскихъ явятся, за не смотрѣніе судомъ военнымъ и положенными по тому суду казнями, и вскорѣ послать пятьсотъ запорожскихъ казаковъ, велѣлъ слѣдовать за оными партіями, и ежели на сей сторонѣ Ворсклы достигнуть вступить въ баталію.

¹⁸³ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁸⁴ Въ журналѣ Келинга.

¹⁸⁵ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁸⁶ Въ журналѣ Келинга.

¹⁸⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁸⁸ Ibid.

Того жъ числа генераль-маіоръ Ильянть умеръ ¹⁸⁹.

28. Царское Величество изволилъ осматривать на 44 корабляхъ, приготовленныхъ къ походу провіанты и съѣстные припасы, и указалъ провіантъ убирать въ пристойныя мѣста ¹⁹⁰.

Отправленная 27 апрѣля неврѣательская партія достигла вторую партію войскъ Царскаго Величества, въ которой было 250 человекъ Чугуевскихъ Казаковъ. Оные Чугуевцы поколовъ плѣнныхъ, напали на Запорожцевъ до полутора ста изъ оныхъ порубили, въ плѣнъ взяли 29. На семь сраженіи убито оныхъ Чугуевскихъ Казаковъ 21, ранено 38. Приведенные Запорожцы за живъну колесованы и четвертованы.

29. Царское Величество въ Троицкомъ повелѣлъ на суда провіантскія грузить провіантъ и съѣстные припасы ¹⁹¹.

Прибылъ изъ Царяграда къ адмиралу Федору Матвѣевичу Апраксову отъ визиря турецкаго курьеръ съ письмами, въ которыхъ пишетъ: «извѣстно ему, что онъ адмиралъ флотъ приготовляетъ къ походу въ Цареградское Море, а Порта миръ содержитъ ненарушимо и желаетъ вѣдать причину нарушенія постановленнаго мира.

Оному посланному приготовляемый флотъ объявленъ ¹⁹² и присланный видѣвъ великость онаго говорилъ, что Порта не можетъ быть безъ сомнѣнія о вооруженіи онаго флота, ибо онаго походу имѣть не куда, и войны начинать не съ кѣмъ, кромѣ султанскаго величества, на что ему учивенъ отвѣтъ, что и верховный визирь и въ Крымѣ ханъ по указу султанскому собираютъ войска и готовятъ къ походу, а иной причины тому не видно, кромѣ пачатія войны, и для помощи неврѣтелямъ Его Царскаго Величества и нарушенія мира. Присланный клялся алкораномъ и пророкомъ Магометомъ, что государь ихъ Султанское величество миръ ненарушимо содержитъ, ни войны начинать, ни помощи противнымъ Царскому Величеству давать въ мысли не имѣещъ. Наконецъ требовалъ, чтобъ отпущенъ онъ былъ съ вѣдомостью въ Царьградъ вектор, и утверждалъ, что какъ скоро онъ прибудетъ въ Царьградъ съ оною вѣдомостью, то присланы будутъ подтвердительныя мирныя статьи.

Царское Величество указалъ по доношенію подъ-штурмана

¹⁸⁹ За рукою Корсака, бывшаго при гетманѣ коронномъ резидента, № 151, въ Академіи.

¹⁹⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁹¹ Ibid.

¹⁹² Въ Военномъ журналѣ.

Корнелиса Якобсена капитану командору Бекаму содержать егеря и кригс-рехт надъ морскими офицерами ¹⁹³.

30. Присланный курьеръ отъ верховнаго визиря отпущенъ въ Царьградъ, и по указу Его Царскаго Величества послано къ визирю отвѣтствіе, что Его Царское Величество съ Портою свято и неварушимо миръ содержать будетъ, ежели султанское величество не начнетъ войны и помощи своимъ войскомъ неприятелямъ Его Царскаго Величества ¹⁹⁴.

Шведскій король и измѣнникъ Мазепа изъ Царяграда получили не благополучныя вѣдомости, что Порта миръ съ Царскимъ Величествомъ желаетъ содержать неварушимо, и отъ помощныхъ войскъ имъ отказала. Шведскій король и измѣнникъ Мазепа всей надежды лишился; сіе благополучіе воспослѣдовало отъ вооруженія флота.

МАЙ.

1. Царское Величество хотя и видѣлъ армию непріятельскую уже обезсиленную и многихъ радъ бывшихъ сраженій весьма умалившуюся и не презирая худое состояніе, но яко мира желатель изъ пленныхъ оберъ-аудитора съ предложеніемъ королю Карлу о мирѣ полезнѣйшія представленія, отдалъ ему всѣ завоеванные въ Ингерманландіи и Ливляндіи города и мѣста, кромѣ Петербурга и Шлютельбурга по Сестру рѣку, которой удерживалъ для комерціи подданныхъ своихъ; но шведскій король и таковыхъ полезныхъ предложеній за благо не принялъ, и сказалъ посланному, что помирится онъ съ Царемъ Петромъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ по принятіи у него тридцати миліоновъ ефимковъ, издержанныхъ имъ, Карломъ, во время сей войны ¹⁹⁵.

2. Прибылъ курьеръ изъ Царяграда отъ посла Толстаго ¹⁹⁶; оный писменно Его Царскому Величеству доносилъ апрѣля 20 числа, призываяъ онъ къ визирю, говорилъ визирь: Царское Величество изволитъ вооружать флоты и имѣетъ намѣреніе идти въ Царградское Море, и намѣренъ имѣть войну съ его султановымъ величествомъ; а чего ради оную начинаетъ и разрушаетъ миръ, о томъ Портѣ не извѣстно; на сіе посолъ говорилъ: чего ради его

¹⁹³ Ibid.

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ У Катифороса и въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁹⁶ Въ журналѣ Е. Ц. В.

султанское величество, и по указу его крымскій ханъ и орды приготавлиють войска конечно къ начатию войны съ Его Царскимъ Величествомъ, или для учиненія помощи противнымъ Его Царскому Величеству. Визирь говорилъ: султанское величество содержитъ миръ съ Его Царскимъ Величествомъ ненарушимо и ни противъ Его Царскаго Величества воевать ни помощи какъ войскомъ, такъ и деньгами противникамъ Его Величества не даетъ и подъ властью его султанскою ни кому не позволяетъ; и ежели Его Царское Величество изволитъ ненарушимо содержать, то отъ его султанскаго величества въ Крымъ и въ Орды указы накрепчайшіе посланы будутъ, дабы ни одинъ за границу не былъ пропущенъ, и чтобъ онъ посоль писалъ къ Царскому Величеству, и требовалъ на оное отъ Его Царскаго Величества изволенія.

3. Разбита непріятельская партія: убито три, въ плѣнъ взято два и нѣсколько взято въ Азовѣ съ провіантомъ, везеннымъ въ непріятельскую армию ¹⁹⁷.

4. Царское Величество изволилъ послать курьера о подтвержденіи мира съ Портою; по отправленіи курьера изволилъ быть въ галерномъ флотѣ и видѣвъ оный во всякой исправности до двухъ часовъ изволилъ ходить въ уединеніи и разсужденіи потомъ повелѣлъ паки свестъ съ галеръ ¹⁹⁸.

5. Измѣнникъ Мазепа увѣщевалъ короля о взятіи полтавской крѣпости, ибо въ оной можетъ найтти на всю армию довольное число провіанту и великую сумму денегъ, которую онъ положилъ тамъ для сохраненія, и что и городъ богатъ товарами, на всѣ арміи на мундиръ суконъ будетъ довольно ¹⁹⁹. И по взятіи Полтавы все перемѣнится. Реченнаго измѣнника Мазепы конюшіи Городецкій слышавъ Мазепино увѣщаніе королю, говорилъ Мазепѣ: Сіе ли добро, котораго ты желаешь отечеству, гдѣ рожденъ, воспитанъ и облагодѣтельствованъ. Мазепа сказалъ: правда, забылъ нынѣ повсѣчашно имѣеть намѣреніе прекратить жизнь и скрыть мерзкую душу вѣчно въ адѣ, а притомъ далъ звать, чтобъ болѣе не говорилъ.

6. При Полтавѣ былъ военный совѣтъ, въ которомъ присутствовали генералы Меншиковъ и Репнинъ, генералы-лейтенанты Рейцель и Даль, Бояъ и генералы-маіоры Шанбургъ и Белингъ,

¹⁹⁷ Въ дѣлахъ князя Меншикова, въ письмѣ генералъ-маіора графа Волковскаго № погналъ, іюня 1, въ Академіи.

¹⁹⁸ Въ журналѣ Е. Ц. В.

¹⁹⁹ У Катѳорова.

въ которомъ предложено на войска непріятельскія учинить нападенія разными партіями, а именно за милою разстояніемъ ниже Полтавы конному и пѣшему войску переправится и идти къ Опочнѣ, первой партіи подъ командою генерала Беллинга, другой подъ командою генерала квартирмейстера Гольца прямо въ лице непріятелю, чрезъ мостъ для атаки непріятельскаго траншаменту, отходящаго при Полтавѣ, а генералу Шамбургу идти для атаки гаупвахты непріятельской ²⁰⁰.

Противъ 7 числа съ вѣчера реченные команды въ показанный походъ отправились съ назначенною командою генералъ-квартирмейстеръ Гольцъ пошелъ, отъ кавалеріи генералъ князь Меншиковъ, а предложено, когда генералъ князь Меншиковъ Ворску перойдетъ, то генералъ-маіору Беллигу на непріятеля къ Опочнѣ наступить, а для сикурсу съ пѣхотными полками быть генералу князю Репнину, и смотрѣть съ котораго краю непріятель сильнѣйшимъ образомъ на войско Царскаго Величества наступать будетъ оному сикурсовать. Пѣхотные полки, подъ командою генерала князя Меншикова чрезъ сдѣланные мосты, а конница чрезъ бодота и рѣку, не смотря на жестокою непріятельскую изъ траншаменту пушечную пальбу съ немалымъ трудомъ переправились, и приступя къ траншаменту, въ которомъ было непріятельскаго войска конныхъ четыре эскадрона и 300 пѣхоты выбивъ непріятеля изъ траншаменту и бѣжавшаго къ Опочнѣ рубили и кололи, по которой тревогѣ изъ Опочны выступили непріятельскіе три конные и два пѣхотные полка въ сикурсъ войско Царскаго Величества во шествіи съ сикурсомъ учинили нѣсколько залцовъ и привѣли непріятеля въ бѣгство въ опоченскую крѣпость и зажгли вредіестіе той крѣпости ²⁰¹.

Король Карлъ съ семью полками отъ Будищъ сталъ приближаться, а генералъ-маіоръ Беллингъ за трудными переправами въ слученіе къ Опочнѣ поспѣть не могъ, того ради генералъ князь Меншиковъ въ добромъ порядкѣ отъ Опочны возвратился ²⁰²; во время тѣхъ двухъ боевъ на боевыхъ мѣстахъ сочтено непріятельскихъ тѣлъ до 600, да взяты двѣ мѣдвыя пушки и два знамени; въ плѣнъ взяты маіоръ одинъ, ротмистровъ два, капитановъ три, поручикъ одинъ, прапорщикъ одинъ, урядниковъ и рядовыхъ 300 и непріятельской траншаментъ разрыли, и нѣсколько сотъ Малороссіянъ,

²⁰⁰ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Ibid.

которые содержаны были въ работахъ у непріятели освобождены; отъ войска Царскаго Величества убито 60, ранено 40.

8. Оберъ аудиторъ, который мая перваго числа посыланъ былъ отъ Его Царскаго Величества для предложенія о мирѣ къ королю, и отъ его короля на словахъ объявилъ, что его королевское величество заключить миръ съ Его Царскимъ Величествомъ когда придетъ въ Москву ²⁰³.

Казачій атаманъ прибылъ въ Троицкій на трехъ новоздѣланныхъ судахъ, на оныхъ на носу поставлено было по одной пушкѣ; Царское Величество оныя суда изволилъ свидѣтельствовать въ ходѣ на греблѣ и парусахъ, и усмотрено, что весьма легки и манеру новаго и тверды ²⁰⁴.

9. Бригадиръ Алексѣй Головинъ въ ночи съ 900 пѣхоты пришелъ до непріятельской лагери, и на первомъ караулѣ бывъ соросень о королѣ и лозунгѣ сказалъ по нѣмецки, и объявилъ, что командированъ въ апроши, и такъ впущенъ ²⁰⁵; по прошествіи лагери шедъ въ непріятельской апроши и порубилъ до 200 чубовкѣ и счастливо шель въ полтавскую крѣпость, отъ войска Царскаго Величества убито осьмнадцать, ранено тридцать два.

Король Карлъ, услышавъ о побіеніи и о проходѣ съ войскомъ бригадира Головина въ Полтаву въ великой ярости многожды обѣща шпагу говорилъ: тѣ кон сей пропускъ учинили достойны смерти, ибо неслыханное неосмотрѣніе и неосторожность учинили; и всѣхъ бывшихъ на первомъ караулѣ осудя на смерть, бовелъ арестовать.

Царское Величество изволилъ свидѣтельствовать три галеры, три канчбаса и три судна казачьихъ на греблѣ и парусахъ; новоздѣланныя казачьи суда на греблѣ весьма были легки, а галеры на парусахъ предъ канчбасами и казачьими судами; того ради изволилъ разсудить, что на канчбасахъ и на казачьихъ судахъ парусы сдѣланы малы, а надлежало прибавить, дабы и оныя въ ходу на парусахъ съ галерами были равны ²⁰⁶.

10. Въ дѣланіи на канчбасы и казачьи суда парусовъ съ прибитою изволилъ разсудить, что время уже поздно ежели прибавить парусовъ, то должно и мачтъ и прочихъ снастей приба-

²⁰³ Въ письмѣ Е. Ц. В. къ адмиралу графу Апраксину.

²⁰⁴ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²⁰⁵ Ibid.

²⁰⁶ Ibid.

вить, и изволилъ разсудить галерныя парусы умалить подвязкою, дабы чрезъ то въ уравненіе привести противъ кончебасовъ и казачьихъ судовъ ²⁰⁷.

Измѣнники Запорожскіе казаки 4,000, имѣя при себѣ 400 шведскихъ солдатъ, учинили атаку Каменному Затону, въ которомъ войска Царскаго Величества были два пѣхотные полка, а оная крѣпость стоитъ противъ городка Сѣчи Запорожской, на другой сторонѣ Днѣпра, какъ реченные бунтовщики начали работу шанцевъ, одинъ пѣхотный полкъ вышелъ изъ Каменнаго Затона наступилъ на ведущиxъ шанцы, и по жестокомъ бою сбивъ непріятеля гналъ и рубилъ; въ шанцахъ порублено 367, въ городѣ до 200; отъ войска Царскаго Величества убито 43, ранено 51.

11. Полковникъ Яковлевъ съ тремя полками атаковалъ сѣчинскую крѣпость и послалъ увѣщевать, дабы она на дискрецію Его Царскому Величеству сдалась; находившіеся въ той крѣпости отвѣтомъ умедлили, только просили одуматься; но потомъ получено извѣстіе, что оныя измѣнники сдать сѣчинской крѣпости не хотятъ и ожидаютъ Сорочинскаго съ помощнымъ войскомъ изъ Крыму ²⁰⁸.

12. Царское Величество изволилъ быть въ Троицкомъ и свѣдѣтельствовать въ ходу морскія провіанскія суда съ галерами, и повелѣлъ чрезъ подвязаніе умалить галерныя парусы, дабы оныя морскія провіанскія суда въ скорости хода уравнить, и чтобъ галеры были для защищенія оныхъ судовъ ²⁰⁹.

Указалъ, кто похочетъ въ Кремлѣ и въ Китаѣ каменное строеніе строить, давать подь строеніе мѣста ²¹⁰.

Въ Запорогахъ къ сѣчинской крѣпости начаты работою апроши для знака, яко бы она крѣпость штурмована вскорѣ не будетъ, пока не сдѣланы будутъ апроши; тогда жъ изготовлены суда, на которыхъ изъ Каменнаго Затона 1,000, а 3000, съ сухаго пути приступъ учинить, и вдругъ оную крѣпость штурмовали, и сей жестокой штурмъ чрезъ три часа продолжался, и помощію Божіею она сѣченская крѣпость штурмомъ взята до 2,000 измѣнниковъ побито, и до 900 въ водѣ потонули, по взятіи 2,500 порублено старшинъ и куренныхъ казаковъ взято 300, которые

²⁰⁷ Ibid.

²⁰⁸ Изъ оной Сѣчи Сорочинскій посланъ въ Крымъ къ хаву для возможныхъ войскъ (*Въ журналѣ Брюса*).

²⁰⁹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²¹⁰ Ibid.

въ Запорогахъ около Сѣчи по Днѣпру и въ пристойныхъ мѣстахъ за измѣну колесованы и четвертованы ²¹¹.

13. Изъ Царьграда отъ посла Толстаго получены письма; въ оныхъ нишетъ: былъ въ диванѣ муфтиѣ, говорилъ чтобъ султанское величество съ Царемъ Московскимъ войны не начиналъ и помочи непріятелямъ не чинилъ и охранялъ бы Царьградъ отъ наваденія войскъ россійскихъ ²¹².

По содержанию фергеру и кригсрехту морскихъ офицеровъ указалъ лишить чиновъ и похищенное возвратити ²¹³.

14. Въ Царьградѣ посолъ Царскаго Величества былъ призванъ въ диванъ, которому верховный визирь объявилъ, что его султанское величество съ Его Царскимъ Величествомъ миръ свято и неварушимо содержать изволить въ Крымъ и въ Орды повелѣлъ послать указы, чтобъ съ Царскимъ Величествомъ всѣ подданныя Орды миръ не нарушимо содержали, и помощи ни какой непріятелю Царскаго Величества не чинили подъ смертною казнью.

15. Войска иррегулярнаго партія за Ворсклою напавъ на непріятельскіе конные табуны караульныхъ 27 порубила и отогнала 1000 лошадей, въ томъ числѣ и конюшню генерала-маіора Круза, при которой взято и служителей его 7; отъ войска Царскаго Величества не убитъ ни одинъ ²¹⁴.

Посланнаго отъ Царскаго Величества казака въ Крымъ къ хану на возвратѣ изъ Крыму, Запорожцы поймали и подержавъ отпустили, а письма отобрали ²¹⁵.

16. Подъ Люшками порублено шведской Волоши и Поляковъ 245, въ плѣнъ взято 45, и одно знамя, бунчукъ, и литавры ²¹⁶.

17. Фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Гольцъ увѣдавъ, что 5,000 сапешинскаго войска, и нѣсколько хоронгвей Поляковъ стоятъ у Луцдухова, командовалъ 1,500 драгунъ, которые вступивъ въ бой разбили и порубили 200, въ плѣнъ взяли отъ хоронгвей одинъ бунчукъ, пять хоронжихъ, двадцать товарищей отъ рейтаръ, корнетъ, десять капрановъ и рядовыхъ двадцать-одинъ ²¹⁷. Итого пять-

²¹¹ Ibid и въ журналѣ генерала Брюса.

²¹² Въ журналѣ Е. Ц. В.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Въ письмѣ генерала поручика Рена, №, въ Академіи.

²¹⁶ Въ журналѣ генерала Брюса.

²¹⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

десять семь, да взяты жь одинъ бунчукъ, четырнадцать знаменъ; отъ панцырныхъ и гусарскихъ хоронгвей двѣ пары литавръ и прочія военныя оружія; отъ войска Царскаго Величества убитъ поручикъ одинъ, драгунъ пятнадцать, ранено двадцать-пять.

Подъ Полтавою командованъ одинъ баталіонъ гренадеровъ для завятія посту по ту сторону рѣки Ворсклы, близъ моста, гдѣ непріятельскій имѣлся редутъ; реченная партія перешедъ рѣку Ворсклу изъ траншамента непріятеля выбила ²¹⁸; непріятель не малымъ числомъ сикурса подтвержденъ пакн въ оный траншаментъ вшедъ; того ради помянутые гренадеры отступили, а по непріятелѣ изъ лагеря изъ пушекъ произведена была сильная пальба, отъ которой принужденъ былъ непріятель изъ траншамента пакн выстунуть; а войска Царскаго Величества въ глазахъ у непріятеля работу свою въ день продолжали; и за немного шаговъ отъ мосту редутъ сдѣлали и артилерією вооружили.

Того жь числа изъ города Полтавы вышедшая вылазка 1,500 мушкатеровъ пришла на нижніе апроши, непріятелей изъ апрошей выбили и до берегу рѣки Ворсклы гнала, онаго огня было съ полчаса, въ которомъ до 200 непріятелей побито, съ стороны Царскаго Величества убито 38, ранено 42 ²¹⁹.

18. Партія отъ союзныхъ войскъ Царскаго Величества разбитую партію сапѣженскую гнала до мѣстечка Соколъ и при Крыловѣ чрезъ рѣку Бугъ къ Дубинкѣ взято въ плѣнъ 50, въ которомъ числѣ и многіе знатные ротмистры и товарищи; большая часть нѣмецкихъ офицеровъ въ оныхъ сраженіяхъ и въ погонѣ до 2,400 побиты ²²⁰.

19. Царское Величество изволилъ послать указъ на Воронежъ, чтобъ сдѣланныхъ кораблей и судовъ до указа не спущать и улянить надъ ними кровли, а которые спущены и нынѣ въ Тапровѣ въ Азовъ не отпущать ²²¹.

Володи прешедъ рѣку Ворсклу, порубили драгунъ 40 отогнали 200 драгунскихъ коней ²²².

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Ibid и у Келинга.

²²⁰ О семъ подлинная вѣдомость истѣла. Въ журналѣ Брюса: Партія союзныхъ войскъ Ц. В. работою партію сапѣженскую гнала до мѣстечка Соколъ и при Крыловѣ черезъ рѣку Бугъ къ Дубинкѣ, а что побито не показано.

²²¹ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²²² Ibid. Написано это 18 мая.

20. Изъ Царяграда отъ посла Толстаго получены письма и копія съ посланнаго указа отъ султана въ Крымъ о содержаніи мира съ Его Царскимъ Величествомъ, копія съ письма, писаннаго отъ вѣзиря къ крымскому хану ²²³.

Извѣстяхомся отъ письма вашего какъ вы пишете о гетманѣ Мазепѣ и о Казакахъ Запорожскихъ, дѣло блистательной портѣ не годится, ниже суть благословно, понеже такъ законъ божественный чистой вѣрѣ какъ и постановленному миру есть противно, оный весьма отказать и присланныхъ не держать при себѣ ниже впередъ таковыхъ прошеніе ниже имѣть съ ними согласіе и пересылки, да неподзираются московскіе, наипаче же съ Мазепою, да не сочиняется ни едино сношеніе, яко суть съ измѣнникомъ, да не постраждется отъ стыда, тако да творится, непрестанно и съ московскими соседственная дружба сохраняется, и почитается, ни едино твореніе подозрительно имъ отъ страны вашей да не показуется во весьма покой употребляется».

Царское Величество изволилъ слушать благодарнаго молебна гвѣе объ утвержденіи мира съ Портой и указалъ флотъ изъоружить и была пушечная пальба ²²⁴.

По прошенію шведскихъ плѣнныхъ отъ ихъ съ письмами послать отъ Кроншлота порутчикъ Шмидтъ на шнявѣ въ шведскій флотъ; оный порутчикъ встрѣтилъ шведскій флотъ близъ Голланда, шведскій адмиралъ Иккерштейнъ оную шняву со всѣмъ бывшимъ на ней арестовалъ ²²⁵.

Тогожъ числа былъ въ великомъ Новѣгородѣ пожаръ, отъ котораго гостинной дворъ и ряды да три дворца со многими числомъ вѣжъ и водокъ, да 339 дворовъ анбаровъ и лавокъ 583 и иное число правянта погорѣло ²²⁶.

21. Царское Величество своеручно изволилъ писать къ адмиралу графу Апраксину, чтобы плѣнныхъ шведскихъ раздѣлить на три доли верхнихъ и нижнихъ и одну треть выигъ отпустить въ Стокгольмъ, и ежели российскихъ столько жъ оттуда отпустить, то и другую отпустить, а потомъ и третью, а плѣнныхъ российскихъ

²²³ Въ дѣлахъ князя Меншикова, № 702, и въ журналѣ Е. И. В.

²²⁴ Ibid.

²²⁵ Въ письмѣ графа Апраксина, 17 іюля, № 233, и въ дѣдикаціи барона Паширова, листъ 45.

²²⁶ Въ письмѣ вице-губернатора Корсакова, № 169, въ Академіи.

передъ шведскими число малое, и которые за числомъ разбиты останутся, чтобъ были здоровые ²²⁷.

Царское Величество указалъ осьми полкамъ пѣхотнымъ отъ Азова идти въ слученіе арміи, обрѣтающейся при Полтавѣ, адмиралтейство съ Воронежа перенести на Середу, двѣ шнявы облюжить вновь Палчикову ²²⁸.

22. Осадные въ Полтавѣ усмотрѣвъ веденныя непріателемъ мины подѣ валъ полтавской крѣпости, перерыли и до исполненія дѣйства недопустили; на другой сторонѣ рѣки Ворсклы сдѣлать кентель, поставлено 6 мартиръ, и изъ оныхъ метаны бомбы въ непріятельскія апроши и въ траншаментъ, отъ которыхъ много побивало; король хотя и видѣлъ, что по всечасно въ шанцахъ войска его чрезъ метаніе бомбъ побиваются, токмо не взявъ крѣпости отступити не хотѣлъ ²²⁹.

23. Бригадиръ Яковлевъ атаковалъ запорожскій городокъ Велинку, въ которомъ сидѣли измѣнники Запорожцы числомъ до 3,000, и по атакѣ послалъ барабанщика съ объявленіемъ, чтобъ принесли повинную Его Царскому Величеству ²³⁰.

Но Запорожцы уповая на твердость мѣста и на многолюдство о сдачѣ отказали, и по такомъ отвѣтѣ послано 2,000 на штурмъ оной крѣпости, которая по двучасномъ бою взята; во время штурма до 2,000 побито, а по взятіи порублено и перевѣшано 800, старшинъ и начальныхъ 63, колесованы и четвергованы; въ ономъ мѣстечкѣ взято шведскаго войска драгунъ 5, и великія стада скота и многія богатства измѣнническія; потомъ многіе изъ Запорожцевъ приносили Царскому Величеству повинныя, и въ вѣрности присягали.

24. Бригадиръ Яковлевъ во всея запорожскія мѣста и на промыслы, послалъ многія партіи, которыми въ разныя числа побито и порублено и перевѣшано до 5,000 Запорожцевъ, нѣкоторые убѣгшіе объявляли Мазепѣ, что вся Сѣча разорена и нынѣ пуста, до 15,000 порублено и перевѣшано, а онъ обѣщалъ отъ войскъ Царскаго Величества защищать, которые къ нему въ войско пріѣдутъ, а не ихъ жилища ²³¹.

²²⁷ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ у Келинга.

²³⁰ Въ письмѣ Е. Ц. В. къ адмиралу Апраксину за рукою генералъ-маіора Долгорукова, № 149.

²³¹ у Келинга.

25. Непрiятель къ полтавской крѣпости шанцами приблизился подъ самый валъ и шедъ возлѣ вала Мазуровскаго рубилъ полисады и ставилъ въ низу горы; осажденные 300 мушкатеровъ нѣпавъ на рубящихъ полисады, а прочiя съ вала изъ ружей и метанiемъ гранатъ непрiятеля отбили и оную линiю разрывъ, вырубленные полисады опять поставили; на томъ сраженiи побито непрiятеля 71; отъ войска Царскаго Величества убито 13, да ранено 21 ²²².

26. Партиа войскъ Царскаго Величества, которая 25 мая чрезъ Ворсклу переправилась, слѣдовала по рѣкѣ Тору, близъ мѣстечка Нарозиць разбила непрiятельскую партию 200 человекъ, отправленную изъ Сенжаръ за провiантомъ, изъ оной порубила 61; въ плѣнъ взяла 4, да въ разныхъ мѣстахъ ѣхавшихъ съ провiантомъ и фуражемъ до 30 человекъ побила; послѣ чего слѣдовала къ Миргородку, гдѣ стояла волоша шведская и запорожскiе и польскiе хоронгви.

27. Царское Величество изъ Троицкаго изволил воспрiять путь къ армiи, обрѣтающейся при Полтавѣ ²²³.

Партиа, слѣдовавшая къ Миргородку, нашедъ на 8 хоронгвей польскихъ, бывшихъ на сторонѣ шведской разбивъ, побили 62, да въ плѣнъ взяла двухъ хорунжихъ, и слѣдовала къ мѣстечку Устивциамъ; король Карлъ увѣдавъ о партияхъ войскъ Царскаго Величества по всѣмъ пристойнымъ мѣстамъ учинилъ многолюдные караулы и разослалъ партин.

28. Упоминаемая партиа на пути къ мѣстечку Устивциамъ многихъ ѣхавшихъ Шведовъ и волоши и Запорожцевъ и хлопцевъ числомъ до 70 порубила, и между Семеновки и Петровки переправясь чрезъ рѣку Ворсклу возвратилась, въ ономъ походѣ отъ войска Царскаго Величества убито 24, ранено 38.

Въ 5 миляхъ за Друею разбитъ капитанъ, который набиралъ войска и имѣлъ при себѣ до 400 ново-набранныхъ, изъ котораго числа 50 человекъ порубили, а капитанъ и 4 рядовыхъ въ плѣнъ взяты ²²⁴.

29. При Полтавѣ непрiятель ливiю близъ мазуровскаго вала работою продолжалъ, и полисады полтавскiе рубилъ и ставилъ внизу горы, хотя съ вала полтавской крѣпости изъ ружья и метанiемъ гранатъ отъ работы непрiятеля отбивали, и потерялъ онъ

²²² Въ журналѣ Келинга.

²²³ Въ журналѣ Е. Ц. В.

²²⁴ Въ письмѣ волоцкаго воеводы Ржевскаго, № 181, въ Академiи.

12 рядовыхъ, однако оную работу старался окончать ²³⁵. Во время ночи вышлеуты были огни, и чрезъ всю ночь истали гранаты, и одна линія до горадеваго валу недопущена.

Тогошъ чвела разбита непріятельская партія, взята 1 пушка, рядовыхъ 8, побито 30, взято мушкатеровъ 50, со стороны Царскаго Величества не убитъ ни одинъ.

30. Взять замокъ ближскій, который отъ непріятеля былъ зажженъ при Полтавѣ²³⁶; въ ночи всѣми силами трудился непріятель привести линію къ мазуровскому валу, изъ шанцевъ защищая оную работу, производилась изъ пушекъ пальба, осажденные защищая крѣпость палили изъ ружья жъ и метали гранаты, а потомъ и бомбы, зажигая съ валу спущали, но спущеніи девяти бомбъ непріятель почувствовалъ невозможность и вовсе оную работу оставилъ; на мѣстѣ видимо было мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ до 30; отъ войска Царскаго Величества убито 8, да ранено 6.

31. Партія казаковъ 600 встрѣтилась подъ Ерескимъ съ партією непріятельскою 12 хоронгами компаніи Волновіцкаго, а при нихъ находилось бунтовщиковъ Запорожцевъ въ-четверо болѣе противъ партіи войскъ Царскаго Величества; какъ казаки съ великою смѣлостью на нихъ настушили, то оныя мало постоявъ въ рознь побѣжали; на боевомъ мѣстѣ сочтено побитыхъ 59, да взято знамя 1 и одинъ рядовой; отъ Царскаго Величества ни одинъ не убитъ и не раненъ ²³⁷.

²³⁵ Въ журналѣ полтавскаго коменданта Келинга.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Въ письмѣ генералъ-маіора Долгорукова, № 218, въ Академіи.

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

==
Ваттò и Ланкрè.

I.

Поэзія и живопись, во Франціи, два вѣна шли рука объ руку, увѣнчанныя то античными лаврами, то свѣтскими розами, то съ печатью строгости на возвышенномъ челѣ, то игривыя и улыбающіяся. И та и другая подчинялись однимъ и тѣмъ же законамъ величія, силы и граціи. Пуссенъ, Лесюэръ, Шампень и Лебрень являются рядомъ съ Корнелемъ, Мольеромъ, Боало и Расиномъ. У Лафонтена падаша не было; но самъ онъ въ лицѣ своемъ соединялъ поэта и живописца. Въ осемнадцатомъ столѣтїи величіе и простота исчезаютъ. Вольтеръ, имѣющій право на названіе поэта только по игривости и легкости своихъ стиховъ, родился въ одно время съ Ваттò; и въ немъ какъ въ Ваттò было одушевленіе и своеправіе. Фонтенель, Жанпиль Бернаръ, аббатъ де-Бернась, Дорать и Буфле очутились лицомъ къ лицу съ Ланкрè, Лемоаномъ, Бушè, Бодуэномъ и Фрагонаромъ. Конецъ столѣтїя ознаменованъ явленіемъ на томъ же горизонтѣ Грèза и Флоріана. Вскорѣ потомъ Давидъ, Придонъ и Жерико стали въ благородную борьбу съ Мари-Жозефомъ Шенье, Андреемъ Шенье и Шатобрианомъ. Теперь, когда сотни поэтовъ ищутъ на удачу, есть столько же и живописцевъ, трудящихся также безъ

цѣли и слѣда. Вдохновеніе нисходитъ въ дуновеніи вѣтра, въ лучѣ солнца, въ запахѣ розъ; живописцы и поэты ловятъ его съ одинаковой любовью.

Въ осемнадцатомъ вѣкѣ, Фонтенель защищалъ странный парадоксъ о вдохновеніи: по мнѣнію его, вдохновеніе есть измѣняющійся барометръ, возвышающійся до генія, или нисходящій до пелѣности, смотря по непостоянству времени. Онъ основываетъ парадоксъ этотъ на примѣрѣ, что зловредныя мѣста не производятъ свѣтлыхъ умовъ. Такимъ образомъ въ годы ненастные, сопровождающіеся вѣтрами и бурями, рождаются умы тяжелые, вялые, холодные, ставяшіе себя въ борьбу со всѣми; напротивъ — годы свѣтлые и прекрасные, богатые запахомъ розъ и озаренные блескомъ солнца, питаютъ пламенное воображеніе, бросающее лучи божественнаго свѣта, сыплющее щедрою рукою прекраснѣйшіе цвѣты искусства и любви. Фонтенель утверждаетъ, что всѣ гениальные люди славнаго вѣка были освѣщаемы палашемъ солнцемъ, что они росли подъ безоблачнымъ небомъ, изрѣдка украшеннымъ великолѣпными тучами: онъ прибавляетъ, что вначалѣ осемнадцатаго вѣка солнце было теплѣе, небо яснѣе, розъ больше. Никогда не было во Франціи, говоритъ онъ, столько садовъ, никогда столь легкіе вѣтерки не колебали такого благоуханнаго воздуха. Это было какое-то волшебство; всѣ рѣшительно улыбались; французская грація стала кокетничать и украшалась яркими цвѣтами; опера только-что возникшая, восхищала всѣхъ. И въ это время нянчили во Франціи двухъ нѣжныхъ дѣтей, которымъ суждено было придать своему вѣку умъ и блескъ: это были — Вольтеръ и Ваттò, одинъ поэтъ, другой живописецъ осемнадцатаго вѣка.

Душа, созданная для поэзіи, ищетъ ее въ тревогахъ жизни, наслажденіяхъ свѣта или въ тишинѣ уединенія. Во время регентства, путь къ уединенію былъ забытъ; поэзія была въ оперѣ, въ будоарѣ, на лугу парка, въ блестящихъ ума, въ улыбкѣ, въ букетѣ. Поэзія оживляла любовныя приключенія, вечернія пиршества (*petits soupers*), вино и упоеніе; духъ Горация возвратился тогда во Францію. Чтобъ имѣть понятіе объ этой поэзіи, прочтите посланія Вольтера и рассмотрите картины Ваттò; вы тамъ найдете все, въ особенности въ картинахъ. Глядя на эти чудныя, блестящія, образцовыя произведенія, какъ-будто принадлежащія другому міру, вы изучаете характеръ осемнадцатаго вѣка; умъ, грація, непринужденность, безцеремонность, кокетство, словомъ, тутъ отражается весь осемнадцатый вѣкъ. Ваттò отгадалъ свой вѣкъ,

Вели впрочемъ осемнадцатый вѣкъ не былъ копіею съ картинъ Ваттò. Такимъ образомъ прекрасная Луиза Орлеанская давала праздники по примѣру праздниковъ, изображенныхъ живописцемъ. Потомъ госпожа Помпадуръ сказывала, что ея мать, въ первую ночь послѣ свадьбы, при бѣдномъ свѣтѣ починка, погружала свои взгядъ въ «Отъездъ на Цитеру», самое свѣжее произведеніе Ваттò.

Авторъ Ваттò былъ Фламандецъ или Французъ, какъ угодно. Онъ родился въ Валансьеннѣ, когда этотъ городъ переходилъ безпреставно подъ владычество то Людовика Четырнадцатаго, то Нидерландовъ. Несмотря однако на туманы Фландріи, на табачный дымъ и запахъ пива, на зрѣлище ярмарочныхъ праздниковъ и трактирныя веселости, — онъ сдѣлался парижскимъ живописцемъ, живописцемъ волокитства, сохранивъ однако жъ счастливое воспоминаніе о колоритѣ Фландріи. Онъ родился въ 1684 году, въ ту пору, когда французскій король бомбардировалъ Люксембургъ. Разумѣется, что семейство его было бѣдное. Его отдали въ училище ровно на столько времени, сколько нужно чтобъ тамъ ничему не выучиться. Онъ насяду могъ читать и писать; но не въ этомъ состояло его знаніе. Онъ рано умѣлъ уже отличать въ картинѣ отпечатокъ геніальности, скопировать вдругъ веселый видъ природы. Къ семейству его принадлежали живописцы, и между прочимъ дѣдъ, умершій въ Антверпенѣ, не оставивъ никакого наслѣдства. Оттого отецъ Ваттò не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ живописи; онъ былъ однако жъ изъ тѣхъ, которые позволяютъ и людямъ и вещамъ итти своимъ чередомъ. Такимъ образомъ молодому Ваттò оставлена была полная свобода, а онъ рождаясь былъ живописцемъ; природа одарила его если не гевіемъ, то пылкостью генія. Первымъ его учителемъ былъ случай, самый величайшій учитель послѣ природы. Отецъ его занималъ верхъ одного дома, окнами на улицу; Ваттò смотрѣлъ больше въ окно, чѣмъ въ книгу; непрерывно измѣняющееся зрѣлище уличныхъ сценъ его развлекало и ему нравилось. То свѣжая фламандская крестьянка гнала передъ собою на рынокъ своего осла; то сосѣднія дѣвушки играли въ волавъ вечеромъ, въ хорошую погоду. Крестьянки и дѣвушки изображались оригинальными чертами въ памяти ученика; онъ уже восхищался безпечною навпостью одной и граціозной веселостью другой; сверхъ-того передъ нимъ мелькали, какъ и вездѣ, улыбающіяся сосѣдки; но самымъ привлекательнымъ для него зрѣлищемъ были трупы странствующихъ деревенскихъ комедіантовъ. Въ праздники передъ его окномъ

оставались проланы элекстра, гадальники, люди въ мов-
вѣдѣнн или гремучими змѣями; у нихъ была простодѣльный, яв-
ный дриатель. Ваттѣ вдругъ впадалъ въ глубокую задумчивость
при видѣ Жилля и Марго * на эстрада; диктѣ да могло отдалѣть
его отъ этого удовольствія, даже и собѣдка; онъ улыбадся, гда-
да на смѣшице кокетство Марго; хохоталъ отъ души надъ гду-
пыми фарсами Жилля. Часто видѣли, какъ онъ сидѣлъ на офом-
кѣ, наклонявъ голову; онъ насилу удерживался отъ смѣху, не
пропуская ни одного слова, ни одного движенія. Чего бы не
отдалъ онъ тогда, чтобъ быть спутникомъ Марго, чтобъ по-
цѣловать покрытыя ржавчиною блестя ея платья, чтобъ раздѣ-
лять съ нею жизнь беззаботную и полную приключеній! Увы!
это блаженство не было его удѣломъ. Марго сходила съ помю-
ста, Жилль становился по-прежнему обыкновеннымъ человекомъ,
театръ разрушался; но Ваттѣ все-еще смотрѣлъ; потомъ ему ста-
новилось грустно; пріатели его пускались въ дорогу; они уходили,
уходили безъ него, съ своими газовыми платьями, шарфами
съ золотыми коймами, серебряными кружевами, шелковыми пид-
таловами и шутками: — «Вотъ истинные счастливыцы, говоритъ онъ,
они весело ходять по свѣту, играютъ комедія на свободѣ, безъ
заботъ и безъ слезъ». Ваттѣ, по своимъ двѣнадцатилѣтнимъ по-
нятіямъ, видѣлъ только хорошую сторону жизни; онъ, разумѣет-
ся, и не подозрѣвалъ, сколько слезъ скрывалось подъ каждою
улыбкою Марго. Ваттѣ смотрѣлъ, кажется, всю жизнь такими
же глазами; его взоръ, восхищенный блестящей наружностью,
не проникалъ въ душу. Это отчасти общій недостатокъ его време-
ни. Изображая королей комедій или оперныхъ дриадъ, какое дѣло
было ему до сердца, слезъ, божественнаго чувства?

По уходѣ фокусниковъ, онъ чертилъ карандашемъ на поляхъ «од-
ной духовной книги» профиль Жилля, удивленіе удѣчаго зѣваки, ка-
кую-нибудь забавную сцену изъ уличной комедіи. Такъ какъ онъ
затворялся часто съ этой книгой, то отецъ, заставъ его нѣ-
сколько разъ задумчивымъ и печальнымъ, вообразилъ, что у не-
го явилась наклонность къ духовному званію. Но вскорѣ онъ
открылъ, что Ваттѣ любилъ книгу не для текста, а потому что
въ ней была бѣлая бумага. Онъ отправился съ своей книгой къ
одному городскому живописцу. Живописецъ этотъ, какъ цдохъ
ни былъ, удивлялся оригинальной граціи нѣкоторыхъ фигуръ
Ваттѣ; онъ предложилъ учить его рисованію. Въ мастерской

* Герою кукольной комедіи.

этого искусства, Ваттò не разучился тому, что онъ былъ, хотя онъ произвелъ изображенія духовныя нѣлыми дюжиною. Изъ этой магической онъ перешелъ въ другую, болѣе мирскую и болѣе ему по нраву. Здѣсь было царство мисологій, гдѣ изображали:

Сельскихъ нимфъ и дѣвственныхъ надоннъ
И фавновъ съ чашами и полногрудыхъ женъ.

Ваттò благоговѣнно преклонялъ колѣна предъ богами и полюбилъ Олимпа; онъ отыскалъ надоннѣ врата своего эдема. Благодаря баснословнымъ богамъ, онъ съ каждымъ днемъ шелъ впередъ на поприщѣ искусства. Несмотря на свои весьма молодые лѣта, онъ блѣднѣлъ отъ любви къ прекрасному и славы, любви, поглощающей всякую другую любовь. Возвратясь изъ поѣздки въ Антверпенъ, онъ поразилъ всѣхъ своею восторженною любовью къ чуднымъ произведеніямъ искусства; онъ видѣлъ творенія Рубенса и Фанъ-Дейка, невыразимую грацію Мадоннъ Мурильо, завывныя и замысловатыя созданія Тельера и Фанъ Остада, прекрасные пейзажи Рюисдала; онъ возвращался домой съ помятой головой, съ опущенными глазами, съ глубокими впечатлѣніями въ душѣ.

Ему не было еще и двадцати лѣтъ, когда онъ отправился съ своимъ учителемъ въ Парижъ. Опера, вполнѣ тогда процвѣтавшая, нуждалась въ талантливыхъ живописцахъ. Здѣсь Ваттò разыскалъ, куда ей пошло, сокровища своей кисти: горы, озера, водопады, лѣса, его никто не пугало, даже и Камарго, которыхъ онъ бралъ въ образцы. Наконецъ онъ пересталъ дичиться и привыкъ къ жизни въ этомъ веселомъ и поющемъ птичникѣ. Одна танцовщица, отъ бездѣлья, явилась молодому фламандскому малюру, благосклонное согласіе написать ея портретъ. Не смотря на то, что Ваттò былъ Фланандецъ, онъ писалъ этотъ портретъ гораздо долѣе, чѣмъ продолжалось пренебреженіе господина Ла-Монтанъ. Но это было не все; портретъ танцовщицы нашли такимъ прекраснымъ, что художнику стали заказывать портреты каждый день въ ту же цѣну.

Окончивъ новую декорачію, онъ оставилъ оперу вмѣстѣ съ своимъ учителемъ. Ктому же Жилло, великій творецъ фавновъ и наядъ, возвратился тогда въ оперу съ новымъ запасомъ силъ. Учитель Ваттò отправился обратно въ Валансьенъ, а самъ Ваттò остался въ Парижѣ попытать счастья. Изъ оперы онъ перешелъ въ мастерскую одного церковнаго живописца, который за опредѣленную цѣну производилъ изображенія святыхъ

какъ для Парижа, такъ и для провинцій. Ваттò также сталъ писать образа. « Кисть моя, говорилъ онъ, теперь на покаянїи». — Онъ не могъ никакъ забыть оперы; тамъ онъ могъ предаваться порывамъ своего вдохновенїа, своею правдою своей кисти; но въ оперѣ онъ и его учитель должны были уступить первенство Жилло, а этотъ не могъ уступать первенства никому на свѣтѣ. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ, передаваемыхъ намъ исторїею объ этомъ живописцѣ, который былъ по превосходству народнымъ комическимъ живописцемъ (*des grotesques*).

Клодъ Жилло (*Gillot*) родился въ Лангрѣ, въ 1673 году. Андре, его землякъ, долженъ бы былъ объ немъ намъ напомнить. По характеру ума, Жилло похожъ былъ нѣсколько на Ваттò; но Жилло былъ откровеннѣе и веселѣе. Онъ также ходилъ смѣяться глядя на фокусы уличныхъ штукарей. Онъ учился у Ивана Корнеля; но всегда слушалъ только себя. Его натура, вполнѣ самостоятельная, бросила его въ безчисленные заблужденїа; но вмѣстѣ съ тѣмъ она сообщила кисти его силу и смѣлость. Объ немъ въ особенности можно было сказать, что онъ былъ острякъ въ живописи. Онъ писалъ на скоро, большими, рѣзкими чертами; между-тѣмъ обладалъ даромъ творчества; его лѣса волнуются, фонтаны бьютъ, лица полны жизни. Онъ безъ труда находилъ чудные эффекты освѣщенїа и свѣто-тѣни. Въ свое время долго говорили о произведенїи его, изображающемъ адъ, въ которомъ огонь и пламя представлены съ такою поразительною вѣрностью, что посѣтители оперы кричали отъ ужаса. — Жилло былъ добрейшій человекъ, простой, беззаботный, вѣчный философъ и вѣчно бѣденъ, — въ которомъ не было другой страсти кромѣ страсти къ живописи и площадной комедїи. Онъ могъ бы нажить состоянїе въ оперѣ, если бы; впрочемъ, въ-ту пору, можно было паживаться въ театрѣ; да и къ чему обогащаться? пришлось бы считать деньги, прятать ихъ подобно скрягѣ, или давать въ займы по-иудовски. При томъ надобно терять много времени, чтобъ разбогатѣть, а Жилло некогда даже было гулять на солнцѣ *.

* Жилло извѣстенъ любителямъ искусствъ только по своимъ гравировакамъ. Онъ передалъ превосходно басни Лафонтена. Въ гравированїи, какъ и въ живописи, онъ въ-особенности отличался въ украшенїяхъ и комическихъ забавныхъ изображенїяхъ. Его рѣзецъ живой, веселый и живописный, поставилъ его гораздо выше тѣхъ, которые, подобно Бернару Шикару, слишкомъ заботились о тщательной оконченности.

II.

Ваттò явился къ Жилло и сказалъ: «Я вижу образа, но жалю объ оперѣ, которая меня восхищала; нельзя ли мнѣ, при вашемъ содѣйствіи, обратиться опять къ моимъ пламеннымъ сатирамъ и безпечнымъ наядамъ, къ Арминидинымъ садямъ и моимъ воздушнымъ замкамъ? — Ваттò боялся отказа; но Жилло тотчасъ успокоилъ его. «Ты умный мальиъ, сказалъ онъ ему, тебя помнятъ въ оперѣ; ла-Монтанъ говорила мнѣ, что ты мастеръ писать портреты. Я очень радъ тебѣ. Если у тебя нѣтъ квартиры, приходи жить ко мнѣ. Будемъ дѣлаться хлѣбомъ-солью, виномъ и кистью».

Въ оперѣ, Ваттò возобновилъ знакомство съ прежними пріятельницами, не забывъ и ла-Монтанъ. Языческіе боги и полубоги воскресли подъ его волшебной, фантастической кистью; но ему нравились въ-особенности божества лѣсные и водяныя. Сирены, наяды, фавны, сатиры, Панъ, играющій на флейтѣ; Діана на охотѣ, преслѣдующая оленя, всѣ эти восхитительныя созданія языческихъ поэтовъ очаровывали его взоры и воображеніе. Жилло, видя сколько пламени и граціи разсыпалъ Ваттò какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла, глядѣлъ въ восторгѣ, на работы его по цѣлымъ часамъ. Ла-Монтанъ, по прежнему надменная, просила Ваттò сдѣлать второй ея портретъ. «Согласенъ на второй, сказалъ онъ, но ужъ третьяго не сдѣлаю».

Изъ оперы онъ перешелъ въ Люксамбургъ, куда призывалъ его Клодъ Одравъ. Это былъ самый знаменитый живописецъ украшеній; но если надо было помѣстить фигуру между гирляндами и фестонами, Одравъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ былъ вранъ, подумавъ, что легкая кисть Ваттò будетъ ему въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ. Ваттò бросалъ между украшеній восхитительныя аллегорическія фигуры; тутъ были: купидонъ, Діана, граціи, музыка, живопись, поэзія, группы пастуховъ, сельскіе праздники. Но производя эти легкія образцовыя созданія, онъ не пользовался ни извѣстностью, ни деньгами; впрочемъ, дѣла его шли не дурно: онъ жилъ во дворцѣ, каждый день обѣдалъ и вечеромъ отправлялся гулять съ своимъ пріятелемъ Жилло. Наконецъ, въ Люксамбургѣ, онъ работалъ передъ созданіями Рубенса и фанъ-Дейка. «Опера меня испортила, говорилъ онъ; я былъ провинкутъ духомъ фламандскимъ; у меня еще остался колоритъ, но куда дѣвалась простота? Мнѣ ужасно хочется блистать умомъ вездѣ, даже въ пейзажахъ. Я столько разъ писалъ

трехъ границъ, что теперь не могу хорошо написать женщины. Вотъ что говорилъ онъ, глядя на творенія великихъ мастеровъ; но когда онъ обращалъ взоръ къ саботажной работѣ, то съ гордостью улыбался, глядя на причудливыя фантази своего само бышняго вѣка. — Почему знать, повторяла онъ, почему знать!

Имъ овладѣла тоска по роднѣ; ему захотѣлось сразу увидѣть зубчатые стѣны Валансевна, домъ родительскій, божественный минаръ, передъ которымъ его мать влюбилась, воле рѣвы, гдѣ отецъ съ нимъ простился, вѣтряную мельницу, которой движущееся крыло издали такъ дружески прощалось съ нимъ послѣднее. Онъ поѣхалъ въ однонокіе; опять увидѣлъ своихъ друзей и проща всѣхъ знакомую мельницу. — Я хочу жить на роднѣ», сказалъ онъ, вдыхая съ наслажденіемъ воздухъ отчизны. Обезвѣсивъ съ собой, не включая и служанки, никогда его не выдавшей, и которая, разумѣется, вмѣстѣ съ другими плакала, Ваттѣ бросилъ полено на очагъ, хотя тогда была чудесный июльскій день. — Чѣмъ съ тобой, мой милый? сказалъ отецъ. Оставь его, сказала мать у нашего дѣдушки было гораздо болѣе причудъ. Ваттѣ развелъ огонь, посадилъ мать въ старое кресло; нацѣлъ отцу очи, далъ зажженную палку въ руки маленькой сестрѣ и велѣлъ служанкѣ поставить въ огонь кофейникъ. Кошка сама пришла и легла на привычѣ у каминъ. Прекрасно, сказалъ Ваттѣ, но я бы и безъ того не забылъ ея. — Онъ съ ума сошелъ», сказалъ отецъ съ безпокойствомъ. — Нѣтъ, нѣтъ», сказала мать, которая начинала догадываться въ чемъ дѣло и улыбалась спокойно и съ нѣжностью. Когда всѣ были на своихъ мѣстахъ, Ваттѣ сталъ разсматривать еще разъ эту патриархальную картину, перенесенную его къ воспоминаніямъ дѣтства; улыбка прежняго времени, не много грустная, какъ вызвавшее ее воспоминаніе, озарила его блѣдное лицо. — Въдѣ такъ, вотъ огонь и пламя, отецъ, съ календаремъ въ рукахъ, мать смотритъ на дѣтей, служанка хлопочетъ, солнце свѣтитъ, кофейникъ кипитъ, стѣнные часы показываютъ ходъ времени; все такъ; я опять отыскалъ истинное изображеніе моей жизни. — Однако жъ, говорилъ онъ на другой день, почему недостаетъ чего-то въ картинѣ? Недостаетъ моего двѣнадцатилѣтняго сердца. Я утратилъ всю его простоту, я поддаюсь обаянію славы, шума, увлекся прелестями ла-Монтань и ей подобныхъ. Сердце у меня безпокойно и взволновано, подобно Парижу; его ничто не можетъ успокоить. Мнѣ нѣтъ здѣсь мѣста; я не живу здѣсь и нести вѣдѣль и умру отъ скуки».

Нѣсколько дней спустя, Ваттѣ отпирался обратно въ Парижъ,

мучительный слезами и благословениями. В минуту его отъезда, бѣдная мать была поражена истинною печалью. — «Прощай, мой другъ; говорила она задыхающимся голодомъ. Я предвещаю, что ты меня больше не увидишь; ты долженъ былъ сдѣлать мой портретъ. — Онъ здѣсь, сказалъ Ваттô, показавъ на сердце. Вернись въ Парижъ, я легко свиню съ него шкуру. Съ этими словами онъ уѣхалъ. — Гляди какъ удалались родинный городъ, роскошная природа Фландрій, послѣдняя колокольня и послѣдняя мельница, онъ почувствовалъ невѣдомую стужу грусти; печальное лицо матери рисовалось въ его воображеніи: — «Бѣдняжка скоро умретъ» думалъ онъ съ горестью. — Ваттô скончался однако жъ прежде матери своей.

Онъ возвратился къ Одрену и принялся писать «фигуры въ краскахъ; между-тѣмъ вечера и досуги посвящалъ картинѣ для мученія скудной академической преміи. Картина эта, извѣстная всѣмъ по гравюрѣ, представляетъ «Путешествіе на Цитеру». Она исполнена огня, ума, граціи и смѣлости, въ особенности прелести и волшебства. Кто не хотѣлъ бы отплыть на кораблѣ, на которомъ амуры служатъ матросами, въ обществѣ женщинъ, дышащихъ упоеніемъ и любовью! Академія была видно, на этотъ разъ въ хорошемъ расположеніи духа и присудила Ваттô премію; она сдѣлала даже больше, наградила его званіемъ академика какъ живописца *праздниковъ, посвященныхъ любви* (des fêtes galantes). Ваттô, доселѣ бѣдный и неизвѣстный, былъ осыпанъ съ избыткомъ славою и деньгами. Онъ сдѣлался моднымъ живописцемъ, но моднымъ только между мужчинами. — Женщины къ нему не благоволили; можетъ-быть это происходило оттого, что лица на картинахъ его были очень красивы, или, стать ся мольба, оттого, что онъ былъ мизантропъ. Его голова, впрочемъ, рѣдко противорѣчила его генію. Черты лица его были грубы, видъ мрачный; лицо бѣдное. Несмотря на его оперныя любовныя похождения; онъ съ большимъ трудомъ посѣщалъ общество; гдѣ не былъ ни любезенъ ни разговорчивъ. Ясно, что ему отъ женщинъ ожидать было нечего. Зато молодежь расточала ему всѣ похвалы; его заваливали заказами; вельможамъ хотѣлось видѣть «Путешествіе на Цитеру», сельскіе маскарады, гулянья на лугахъ; праздники, посвященные любви. Какъ изъ милости онъ приходилъ съ своею кистью во дворцы, замки, гостиныя; будоражи. Въ его воображеніи всегда была въ запасѣ картина съ сюжетомъ, посвященнымъ любви. Его любовная комедія, подобно

«философской комедіи Ла-Фонтена, состояла изъ ста разнообразныхъ дѣйствій.

Въ первый разъ въ жизни, онъ имѣлъ наконецъ собственную квартиру и мебель; такъ долго мечталъ онъ объ этомъ блаженствѣ, но блаженство это было причиною истиннаго его бѣдствія. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, жилище его сдѣлалось пристанищемъ всѣхъ любопытныхъ и праздныхъ поклонниковъ искусствъ. Первый пришедшій требовалъ рисунка, иногда портрета; онъ дѣлалъ портреты первой пришедшей, но не перваго пришедшаго. Посѣтители этого рода ему очень скоро надобны и онъ отправился искать гостепріимства, на этотъ разъ у госпожи Кроза (Crosa). Это былъ плохой живописецъ, богатый человекъ, имѣвшій картинную галерею; но посѣтители приходили смотрѣть гостившаго у него Ваттò, какъ самую любопытную картину его галереи. Бѣдвяжка принужденъ былъ отсюда удалиться; онъ переселился къ другу своему, кавалеру Вьегелю (Vieughels), бывшему въ послѣдствіи директоромъ римской академіи. Въ своемъ новомъ жилищѣ онъ былъ наконецъ нѣсколько свободнѣе. Геній, подобно любви, любитъ уединеніе и тишину; только на единѣ влюбленнаго и поэта посѣщаютъ надежда и вдохновеніе.

III.

Около этого времени съ Ваттò случилось слѣдующее приключеніе. Въ одно прекрасное утро, то есть въ два часа по полудни, лакей, весь облитый золотомъ, явился къ нему, и съ нѣкоторою таинственностью, пригласилъ его въ домъ своей госпожи. Ваттò одѣлся по обыкновенію очень просто; шеголемъ онъ не былъ; слишкомъ заботясь о нарядѣ своихъ героев и героинь, ему некогда было помышлять о собственномъ нарядѣ. Онъ отправился за лакеемъ безмолвно. Когда они пришли въ домъ, одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ, его провели, ни говоря ни слова, въ будоарь, блестящій бархатомъ, шелкомъ и золотомъ. — Кажется, сказалъ онъ, садясь на диванъ, меня ожидаетъ любовное приключеніе. Спустя полчаса, и какъ онъ былъ по прежнему одинъ въ будоарѣ, онъ всталъ, отдернулъ шелковую занавѣсь у окна, облокотился на него и сталъ смотрѣть въ садъ. Онъ тотчасъ увидѣлъ субретку быстроглазую, ловкую и очень не дурную собой, которая, казалось, искала чего-то съ беспокойствомъ. Она ходила взадъ и впередъ, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; поворачи-

чивала, непрерывно, то туда, то сюда, то вправо, то влево. Чего она искала? Ей нужна была роза, но роза волшебныхъ сказокъ: тогда была уже осень и цвѣтникъ покрытъ былъ увядшими листьями. Розовые кусты, увядшіе и дрожащіе, колыхали только засохшіе чашечки и почки, которымъ угрожалъ октябрьскій холодный вѣтеръ. Ваттò видѣлъ не безъ удовольствія напрасныя усилія дѣвушки. Наконецъ, въ досадѣ и нетерпѣнн она взшла на крыльцо по мраморнымъ ступенямъ. Но въ ту же минуту Ваттò увидѣлъ ее снова, сопровождаемую ея госпожею, которая ее журла. Теперь Ваттò устремилъ свои глаза на вновь пришедшую: она была прекрасна и исполнена какой-то томности. Она волочила лѣниво шелковыя туфли; на ея полуоткрытыя плечи накинута была небрежно шуба, покрытая сѣрой шелковой матеріей; ея волосы развѣвались длинными кольцами. Она ходила по саду, поворачиваясь и останавливаясь у каждого розоваго куста. Какъ розы были увядшія, то она срывала съ нихъ лепестки своими хорошенькими пальчиками, полная задумчивости, съ грустной улыбкой. — «Видите сами, сударыня, сказала ей служанка, среди большой аллеи, видите, овѣ всѣ пропали». — «Не толкуй напрасно, Жюльетта, вѣдь ты знаешь, что мнѣ нужна роза. Безъ этого нынче нельзя меня писать. Если бъ мнѣ было только двадцать лѣтъ — это другое дѣло!» — «Я отгадалъ, сказалъ Ваттò, розы ищутъ для меня, то есть для моей кисти». — Наконецъ дама остановилась съ радостнымъ восклицаніемъ передъ розовымъ кустомъ, совсѣмъ еще зеленымъ. Она сорвала самую свѣжую и пышную розу, отдернула не много свою шубу и волосы, приставила розу къ корсажу и стала передъ Жюльеттой, какъ передъ зеркаломъ. Зеркало доложило ей, что роза пристала къ ней какъ нельзя лучше. Онъ тотчасъ ушли. Ваттò подумалъ, что дама сейчасъ придетъ съ своей розой и, въ волненіи, отошелъ отъ окошка. Но вотъ раздался на дворѣ лошадиный топотъ и стукъ кареты. Черезъ минуту весь домъ пошелъ верхъ-дномъ. — «Вотъ жестокая неудача, подумалъ Ваттò. Это можетъ-быть кто-нибудь пришелъ похитить розу!» — Онъ ожидалъ, что къ нему придутъ, а между-тѣмъ отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть на небо черезъ окошко будоара. До него доходилъ веселый говоръ и смѣхъ. Онъ впасть въ сомнѣніе: ему пришло въ голову, что вмѣсто того, чтобъ самому быть въ любовной интригѣ, судьба готовитъ его только въ живописцы любовной интриги другаго. Наконецъ, прождавъ болѣе часу, онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ легкіе шаги, возбѣсившіе появленіе хозяйки дома. Отворилась дверь; онъ всталъ и поклонился

«Господишь Ватто, я очень жалко, что заставила вас потерпеть столько времени». — «Время, употребленное для того, чтобы ждать вас, сударыня, не есть потерянное время». — Господинъ Ватто, возразила дама съ достоинствомъ, я люблю комплименты и идиригалы только въ живописи». — Обратясь къ горничной: «Жюльетта, принеси палитру и кисти». — Я очень жалко, сказала Ватто, задѣтый за живое, но я сегодня не расположенъ писать. Впрочемъ, я пишу только фантастическіе портреты». — «Полно-те упрямиться, господишь Ватто; моего портрета ждутъ на дикъ: Вы одинъ можете сдѣлать его хорошо. — Я приду къ вамъ завтра тогда ваша роза будетъ свѣже. И не найду красокъ, чтобы написать ту, которая теперь у васъ». — Съ этими словами, Ватто почтительно поклонился, взявъ шляпу и ушелъ, къ крайнему удивленію дамы. На улицѣ онъ узналъ, что это была госпожа Параберь. «Чортъ возьми! сказалъ онъ, тотъ, который прѣехалъ съ такимъ шумомъ и такъ не кстатн, былъ Филиппъ Орлеанскій, регентъ королевства».

Ватто сначала поразили эти имена; онъ боялся повѣсть въ Бастиллю и не рѣшился возвратиться къ госпожѣ Параберь. Не умѣя писать, чтобы испросить прощенья, онъ вздумалъ ее считать картинною, на которой Параберь написана была на паннѣ въ полномъ блескѣ красоты; но, конечно не помышляя о томъ, въ какомъ угожденіи, онъ сдѣлалъ сатиру. Видѣвъ госпожу Параберь какъ она вела осеннѣхъ розъ, онъ написалъ ее вписущей осеннѣхъ розъ въ саду, опустошенномъ порывами бури.

Ватто самъ подвергся влиянію бури и необходимости: борьба съ нищетою, жаждою славы, скоро переходящія страсти подъ сѣнью шери, все это; мало-помалу, истощило эту крѣпкую и свѣжую натуру, полную жизни и огня. Онъ болѣе и болѣе дѣлался мизантропомъ и предавался удивленію. Онъ и безъ того былъ характеромъ лихолѣтскаго; теперь же сдѣлался грустенъ и равнодушенъ ко всему. Однако жъ, по привычкѣ, картинны его по прежнему были легкомысленны и небрежны веселостію его лица. Для развлеченія, онъ отправился къ принцу Конде, въ замокъ Шантилли, и занялся тамъ изображеніемъ въ аллегоріяхъ любовныхъ положеній регента. Онъ возвратился въ Парижъ слѣдующимъ грустенъ и прежнимъ. Отъ чего онъ поддавался этой упорной грусти? Уже ли это по прежнему тоска по роднѣ? Не помышлялъ ли онъ о своемъ душевномъ спасеніи? Не былъ ли влюбленъ безнадежно? Нѣтъ: онъ одержимъ былъ самой безнадежною грустною безъ причины. У него были въ Пожани на Марсѣ

старый другъ, аббатъ. Онъ поѣхалъ отдохнуть къ нему недѣль на шесть. Какое же было слѣдствіе его уединенныхъ размышленій? Онъ нашелъ, что у хозяина его было превосходное лицо для фигуры Жилля; вмѣя передъ собою прекрасную модель, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣсколько забавныхъ картинъ; но самъ онъ отъ того нисколько не былъ веселѣе. Отсюда, говорятъ, начинаются лучшія его картины, изображающія паяццовъ и арлекиновъ; здѣсь же онъ написалъ и своего *Медика* съ конскимъ хомутомъ на шеѣ. Имъ овладѣла хандра и онъ пустился странствовать. Трудно отгадать, куда онъ повезъ свою хандру. Онъ поѣхалъ въ Англію и этимъ нанесъ себѣ послѣдній ударъ. Онъ возвратился изъ Великобританіи блѣднѣе и мрачнѣе прежняго, съ отвращеніемъ ко всему, даже къ труду, недавно еще его единственному пріобрѣтши.

До-сихъ-поръ у Ваттô были кописты, но учениковъ не было. По возвращеніи его изъ Лондона, къ нему явился ученикъ, походившій на дворянъ его «Любовныхъ праздниковъ». Ученикъ этотъ какъ-будто осуществлялъ мечту Ваттô: это былъ Николай Ланкрé.

IV.

Николай Ланкрé, родившійся въ Парижѣ, въ 1690 году, рано обнаружилъ прекрасныя способности. Отецъ назначалъ его для гравировальнаго искусства и отдалъ въ ученіе къ Юлену (Ulin). Но однажды увидя въ оперѣ волшебныя произведенія Жилло и Ваттô, онъ сказалъ: «вотъ моя сфера». На другой день онъ отправился къ Жилло, который принялъ его, по обыкновенію, очень радушно. — «Я гравировалъ до-сихъ-поръ предметы изъ священной исторіи; но я предпочелъ бы писать у васъ предметы свѣтскіе». Ланкрé былъ острякъ и любилъ играть противоположностями. Жилло посвятилъ его въ тайны свѣто-тѣни, показалъ, въ чемъ состоятъ смѣлость и грація контуровъ. Несмотря на то, успѣхи его у Жилло были не значительны; онъ ровно ничего не понималъ въ пейзажѣ, потому-что Жилло давалъ ему писать одиѣ комическія сцены. Ему доставало бойкости и веселости; онъ былъ терпѣливъ какъ граверь, но ѣ него было мало наивности и простоты. Поэтому картины его были холодны и тяжелы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплоднаго ученія, онъ сталъ просить Ваттô давать ему уроки. Ваттô, не любившій острить на словахъ, былъ ему чрезвычайно полезенъ: онъ заставилъ его работать при себѣ.

Видя, что Ланкрè съ большимъ трудомъ могъ копировать его картины, онъ схватилъ его кисть, сломалъ ее и сказалъ молодому человѣку: «Если вы такъ работаете, пойдите со мною въ другое мѣсто».

Это было въ Ножанѣ. Ваттò повелъ Ланкрè въ поле. Долго молчалъ онъ. Наконецъ видя, что Ланкрè, смущенный, казался не чувствительнымъ къ красотамъ природы, онъ сказалъ ему: «Вы настоящій Парижанинъ, любезный другъ; вы никогда не пользуетесь временемъ, чтобы что нибудь видѣть. Очень нужно смотрѣть на мою картину битыхъ два часа! Картины, какія вамъ нужно видѣть — теперь передъ вами. Если вы не находите удовольствія смотрѣть на эти картины, то я васъ предвараю, вы можете быть не больше, какъ живописцомъ вѣровъ; вы будете дѣлать только китайскія картинки для ширмъ и дверей. Мои картины прекрасны, я это знаю очень хорошо; но что такое копія съ моихъ картинъ? Развѣ васъ въ эту минуту не восхищаетъ эта легкая, дымчатая даль, эта колокольня, блестящая на солнцѣ, этотъ удаляющійся лугъ, окружающій прудъ? Подумайте сами, любезный другъ: списывая съ природы, вы выразите ея духъ, силу и жизнь, тогда какъ копируя мои картины, у васъ будетъ только мертвая природа. Никто не знаетъ сколько времени употребилъ я, разсматривая дрожащяе листья, несущіяся облака, шумящяе фонтаны; я ужъ не говорю о томъ, сколько времени истратилъ, глядя на женскія улыбки; для этого, продолжалъ Ваттò улыбаясь, потеряю очень много времени. Это совсѣмъ другая исторія».

Съ этого дня у Ланкрè упала съ глазъ пелена; онъ понялъ въ чемъ состоитъ искусство живописи; уроки Ваттò были столь успѣшны, что въ короткое время ученикъ былъ больше въ ходу, чѣмъ учитель. Съ перваго взгляда очарованіе было одинаково, но опытнымъ глазамъ было ясно, что между учителемъ и ученикомъ была огромная разница. Между-тѣмъ, какъ Ланкрè былъ не глупъ и не дуренъ собой, желалъ нравиться и посѣщалъ высшее общество, то для него скоро забыли мизантропа Ваттò.

Ваттò надоѣло все, даже жизнь, но не слава. Когда онъ увидѣлъ, какъ слава переходила отъ него къ Ланкрè, когда онъ почувствовалъ вокругъ себя холодъ забвенія, онъ возненавидѣлъ новаго пришельца, сдѣлался завистливъ; съ этой минуты грусть его имѣла основаніе. Однажды прогуливаясь утромъ по набережной, онъ увидѣлъ въ окнѣ лавки одну изъ картинъ Ланкрè. Передъ окномъ тѣснилась густая толпа и въ восторгѣ восклицала: «Какая

чудесная картина Ваттò! сколько граціи, сколько ума! какой дивный колоритъ! Ваттò превзошелъ самъ-себя! Бѣдвый живописецъ удался съ разтерзаннымъ сердцемъ. Его пріятель Жилло былъ также завистливъ; бѣднякъ, въ безопасности своей, лишился мѣста въ оперѣ; у него не было пріюта для занятій и онъ принужденъ былъ обратиться къ тому искусству, которое оставалъ Лавкрè: онъ сталъ дѣлать гравюры для духовныхъ книгъ, послѣ того какъ писалъ самыхъ пламенныхъ вакхапокъ. Однажды Ваттò встрѣчаетъ его на бульварѣ; онъ былъ печаленъ и не обращалъ вниманія на уличныхъ фокусниковъ.—«Отъ чего вы сегодня такъ грустны и задумчивы?»—«Ахъ, любезный другъ, сказалъ Жилло, пожимая ему руку, ты надѣлалъ мнѣ много зла; ты затмилъ весь мой блескъ и мнѣ нельзя теперь писать; я принужденъ гравировать». — «Боже мой, возразилъ Ваттò, да вѣдь я отъ того ни сколько ни богаче, ни славнѣе. Въ Парижѣ забываютъ геніальнаго человѣка такъ же легко, какъ оставляютъ любовницу. Пробывши столько путей, подвинулся ли я впередъ хоть на волосъ? Этотъ франтъ Лавкрè пошелъ гораздо далѣе меня; но что за нужда? я приучилъ себя уже къ этому положенію». — «Я очень хорошо знаю, возразилъ Жилло, что тебѣ отъ того не легче; но ты пропзвелъ бездву подражателей, которые пишутъ наядь для оперы, съ значительною противъ меня уступкою. Я не жилецъ на этомъ свѣтѣ; а по смерти моей, не знаю, вспомнить ли кто-нибудь о бѣдномъ Жилло? Ты, по-крайней-мѣрѣ, оставишь послѣ себя имя и свои произведенія; а я оставлю лохмотья декораций, ширмы, наддверія, добычу пауковъ: остальное будетъ разсѣяно вѣтромъ!»

Жилло отеръ слезы. — «Ты плачешь?» сказалъ Ваттò въ смущеніи.—«Да, отвѣчалъ Жилло съ своею обычною улыбкою и философіею, я оплакиваю мою погибшую славу.»—«Счастливая безопасность! сказалъ Ваттò! И онъ продолжалъ въ полголоса: «Мое сердце уязвлено тысячу разъ глубже».

Онъ бросилъ свѣтъ, и отправился жить съ Ножашъ къ своему любезному священнику. Дѣвица Ла-Монтанъ, которой красота прошла также скоро, какъ проходитъ любовь въ оперѣ, сопровождала его въ уединеніе. Эти вѣтренные любовники не слишкомъ удивились встрѣтись подъ одной кровлей; но согласіе ихъ было непродолжительно. Ваттò, которому наскучило жаловаться на славу, сталъ негодовать на любовь въ минуты мрачной мизантропіи; онъ чувствовалъ приближеніе смерти; каждый вечеръ видѣлъ онъ какъ падалъ листокъ съ дерева его юности; тогда онъ привалялся всѣми силами къ жизни.—«Тебя убили труды, сказала

Ла-Монтань. — «Нѣтъ, меня убила любовь, убила ты», возразилъ Ваттò откровенно, какъ человѣкъ, которому ничего на свѣтѣ не осталось. Послѣ этихъ первыхъ словъ, онъ разразился потокомъ неумѣренныхъ выраженій. Отставная тащовщица, умправшая съ досады, что она уже не молода и не хороша, возражала ему безъ всякой пощады. По увѣренію госпожи де Ламбергъ, у нихъ часто доходило даже до драки. Грустное зрѣлище представляла эта чета безъ любви, мертвая для всѣхъ наслажденій юности и одушевленная послѣднимъ чувствомъ отчаянія, сожалѣнія или гнѣва. Наконецъ Ла Монтань не выдержала и отправилась доживать свои вѣкъ въ Парижъ. Ваттò остался одинъ, не имѣя другаго утѣшенія, кромѣ добродушной веселости ножанскаго священника.

Ваттò совсѣмъ почти не ѣздилъ въ Парижъ. Въ послѣднія туда поѣздки онъ расписалъ потолокъ въ лавкѣ своего пріятели Жерсена (Gersaint), купца на мосту, называемомъ pont Notre Dame. Чтò купецъ этотъ торговалъ — неизвѣстно; но, по отзывамъ современниковъ, потолокъ этотъ составлялъ образцовое произведеніе Ваттò; въ послѣдствіи потолокъ вѣроятно провалился въ воду. Между тѣмъ живописецъ нашъ ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. Задумчивый и печальный, бродилъ онъ утромъ и вечеромъ на берегахъ Марны. Онъ походилъ на тѣнь. Наконецъ, снѣдаемый жаждою славы и любви, которыя вмѣсто того, чтобъ оживлять его, поглощали ее, онъ слегъ въ постель, и уже не вставалъ. Кончина его была трогательна и вмѣстѣ съ тѣмъ забавна. Въ одно утро онъ совершалъ духовное завѣщаніе и исповѣдался. По духовной онъ завѣщалъ; — но что онъ могъ завѣщать? — долги свои: онъ завѣщалъ свои долги четыремъ друзьямъ: Жюльену, Гаранже, Гевену и Жерсену. Эти господа достойны памяти въ потомствѣ, ибо какъ истинные друзья, приняли наслѣдство живописца. На исповѣди онъ ничего не забылъ: признался и въ томъ грѣхѣ, что для изображенія героя одной изъ лучшихъ своихъ комическихъ картинъ, онъ взялъ въ образецъ своего пріятели аббата. Это были не послѣдніе слова Ваттò, но — послѣднія рѣчи, сказанныя съ сознаниемъ. Между тѣмъ госпожа де Ламбергъ, жившая также въ Ножанѣ, говорить: «Въ минуту кончины, воспоминавіе о его отцѣ и семействѣ оживило его сердце. — «Неблагодарный! сказалъ онъ, во столько времени я не могъ собраться, чтобъ написать портретъ моей матери. Поскорѣе примемся за работу!» И онъ сталъ водить пальцемъ на воздухъ, воображая, что пишетъ на полотнѣ.

Ваттò умеръ одинъ. Его похоронили на кладбищѣ, гдѣ не было

погребеть никто изъ его знакомыхъ. Онъ сказалъ за нѣсколько дней до кончины: — «Мнѣ грустно будетъ лежать тамъ; я не увижу ни одной живой души». Никто не пойдеть привѣтствовать тѣнь Ваттò на вожанскомъ кладбищѣ. Подобно всѣмъ великимъ художникамъ, Ваттò живетъ въ своихъ произведеніяхъ. *

Ланкрè, родившійся счастливецъ, счастливымъ и умеръ. Пройдя сквозь тысячи любовныхъ приключеній, утопавъ въ морѣ минутныхъ увлеченій и страстей, онъ испыталъ неожиданную радость, встрѣтивъ надежную, мирную пристань.

Сходя съ лѣстницы своего дома, онъ часто смотрѣлъ съ удовольствіемъ на одну дѣвушку лѣтъ осемнадцать, которая не была рѣзва и весела, какъ обыкновенно бываютъ женщины въ эти годы. Она обладала красотою нѣжною и скромною, чрезвычайно рѣдкою въ концѣ регентства. Всякой разъ, когда она проходила по лѣстницѣ, онъ спѣшилъ посторониться съ чувствомъ невольнаго уваженія; она потупляла глаза и улетала какъ птичка. Мало по малу онъ до такой степени привыкъ видѣть ее, что не разъ останавливался на лѣстницѣ, ни сколько не думая уходить. Ему не трудно было узнать, что красавица эта жила въ бѣдной комнаткѣ съ матерью, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Ланкрè былъ самый богатый человекъ въ томъ домѣ. Движимый состраданіемъ, истинно христіанскимъ, онъ отправился къ сосѣдкѣ и постучался у двери ея чердака. Дѣвушка отворила ему, отирая слезы: ея мать лежала при смерти больна. Ланкрè пораженъ былъ невиданнымъ долготѣ зрѣлищемъ; привыкшій къ шелку, золоту, веселости, тутъ онъ совершенно потерялся. Онъ подошелъ къ больной съ участіемъ. Больная, благородная женщина, удрученная несчастіями, взоромъ, исполненнымъ гордости, казалось, хотѣла спросить его, какое право имѣлъ онъ смущать ихъ скрытую горестъ, ихъ безмолвную бѣдность.

Ланкрè былъ чрезвычайно смущенъ; не зная самъ что сказать, онъ поспѣшилъ заговорить о пособіи.

— Я не хочу милостыни, сказала больная; я должна сохранить уваженіе къ имени моего отца. Если самъ Богъ не пошлетъ мнѣ

* Въ послѣдніе дни жизни онъ написалъ картину, представляющую больного въ халатѣ, среди кладбища; онъ бѣгаетъ и старается уклониться отъ направленныхъ на него четырехъ или пяти шприцовокъ; большой подходитъ наконецъ къ могилѣ въ сопровожденіи врачей и аптекарей, шествующихъ по два въ рядъ, въ праздничной одеждѣ. Ваттò обладалъ кистью до такой степени веселою, что эта картина, невольно заставляетъ улыбнуться.

помощи, то я съумѣю умереть, и умереть какъ должно. Что же до дочери моей — то она пойдетъ въ монастырь.

— Я не смѣю сказать, сказалъ Ланкрѣ въ большомъ смущеніи, что я посланъ Богомъ; однако жъ скажите какъ звали вашего батюшку, можетъ-быть....

— Мой отецъ — былъ Бурсѣ.

— Какъ, Бурсѣ! осыпанный милостями Людовика Четырнадцатаго! И вотъ что онъ вамъ оставилъ!

Ланкрѣ обратилъ глаза на дочь; она была подобна ангелу печали.

— Сударыня, продолжалъ онъ, взявъ больную за руку; я такъ далекъ отъ того, чтобъ предлагать вамъ милостыню, что я самъ хочу просить у васъ одной милости.

— Милости?... возразила она съ горестью; что вы хотите этимъ сказать?

— Я живописецъ Ланкрѣ. Я былъ также бѣденъ; работалъ и сдѣлался богатъ; но все, что я имѣю — имя, сердце, состояніе, все предлагаю вашей дочери, если вы на это согласны.

Больная смотрѣла на Ланкрѣ съ удивленіемъ.

— Господинъ Ланкрѣ, сказала она, стараюсь припомнить что-то, да, вы знаменитый живописецъ.

— У меня нѣтъ матеря, продолжалъ Ланкрѣ, сжимая руку дочери Бурсѣ; у меня нѣтъ матеря; но если вы захотите, у меня опять будетъ мать.

— Ахъ, господинъ Ланкрѣ, я сама не знаю, что вамъ на это сказать.

Въ это мгновеніе дѣвица, живо тронутая простыми и великодушными рѣчами Ланкрѣ, подошла къ кровати, взяла у матери другую руку и сказала слабымъ голосомъ:

— Я почту за честь и счастье выйти за господина Ланкрѣ.

Свадьба.... мы хотѣли сказать жертва была отпразднована черезъ двѣ недѣли. Жертва была совершена до конца съ благородствомъ; во все время, проведенное Ланкрѣ съ внучкою Бурсѣ, онъ видѣлъ одни доказательства нѣжной ея дружбы и заботливаго вниманія, которыя стоить любви и ея превратностей. Онъ скончался два года спустя; безъ женитьбы, онъ умеръ бы одинъ, жертвою какой-нибудь Терезы Левассеръ, которая, на другой день похоронъ, вышла бы, на его счетъ, за-мужъ за его камердинера; но онъ умеръ, напутствуемый благословеніями и молитвами благородной женщины, которая искренно оплакивала его кончину и навсегда сохранила уваженіе къ его имени. Женитьба часто служитъ убъ-

жищемъ сердцу, состоянію, и можетъ-быть, искуству; рука прекрасной и доброй жены часто мѣшаетъ перу и кисти совращать съ истиннаго пути.

Со смертью Ланкрё, Ваттò не имѣлъ прямыхъ послѣдователей. Братья Ваплò, Лемоанъ и Бушè, въ такъ-называемой *peinture galante* (живописи, посвященной изображенію женщинъ и любовныхъ сценъ), положили начало новой галлерей, напоминавшей валансьевнскаго живописца; но школа Ваттò кончилась. Ланкрё, съ своимъ умомъ и терпѣніемъ, былъ только отголоскомъ, отраженіемъ въ водѣ, луннымъ блескомъ; у него не было ни пламени, ни сиблюсти, ни души его учителя. Мы видѣли одну изъ самыхъ прославленныхъ картинъ Ланкрё. Тутъ есть, какъ и во всѣхъ картинахъ, называемыхъ *de genre*, влюбленные красавицы, танцующія съ своими кавалерами. Но не въ томъ заключается ея особенность. Въ картинѣ этой представлены музыканты, играющіе на скрипкѣ и на флейтѣ. Глядя на картину, всякой скажетъ, что это музыка Люлли. Недостаетъ только словъ: руки движутся надъ флейтой и надъ скрипкой, ноги бьютъ тактъ, танцоры танцуютъ съ большимъ одушевленіемъ. Но эта блестящая картина, оживленная, поющая и танцующая, съ музыкой, которая такъ пристала этимъ группамъ, при всемъ томъ не такъ жива, какъ одна изъ подобныхъ картинъ Ваттò, гдѣ весь блескъ и движеніе заключаются въ живописи.

V.

Ваттò былъ по превосходству живописецъ ума и любви, живописецъ праздниковъ, посвященныхъ любви. Онъ постигъ тайну природы, но какъ волшебникъ, показываетъ ее сквозь призму. Изъ всѣхъ живописцевъ осемнадцатаго вѣка, въ твореніяхъ Ваттò видно наиболѣе кокетства, мягкости, лукавства и веселости. У него кисть блестящая, рисунокъ легокъ какъ птица. Его краски горятъ какъ брильянты, и свѣжи какъ утренняя роса. Глаза, вполнѣ восхищенные зрѣлищемъ его картинъ, не могутъ достаточно на нихъ насмотрѣться. Въ картинахъ Ваттò есть безпредѣльная даль неба, занимающая пространство, не больше женской ладони; освѣщеніе и тѣни, передъ которыми вы забываетесь. Произведенія его чрезвычайно разнообразны; кромѣ сельскихъ праздниковъ и праздниковъ, посвященныхъ любви, онъ писалъ военныя сцены, которыя затмѣваютъ сцены Вувермана, прелестныя китайскія картины, подобныя находящимся въ замкѣ де ла-Мюэтъ (*de-la-*

Miette), обезьянъ, какія видны въ замкѣ Шантильи (Chantilly). Однажды, отъ нечего дѣлать, онъ попытался даже написать картину въ строгомъ стилѣ, Мадонну съ младенцемъ, которая была признана достойною кисти Фанъ-Дейка. Куда дѣвались теперь тысячи его картинъ? Большая часть преместныхъ изображеній переодѣтыхъ маркизъ, обезображены временемъ, какъ ихъ оригиналы. Въ 1792, владѣльцы замковъ убѣгали изъ нихъ, оставляя на жертву неистовыхъ санкилотовъ блестящія произведенія Ваттô, висѣвшія то надъ дверью, то надъ каминномъ, украшавшія стѣны и ширмы. Разрушители-санкилоты, герои и Вандалы осемнадцатаго столѣтія, уничтожали и бросали въ прахъ эти легкія созданія, преступныя въ ихъ глазахъ, потому-что они напоминали праздники остроумія и любви.

У Ваттô не было достойныхъ цѣнителей. Вольтеръ ограничился сказавъ: что Ваттô въ граціозномъ родѣ былъ то, что Давидъ Теньеръ въ забавномъ. Ла-Моттъ-Гударъ (Houdard), въ честь его написалъ нѣсколько замысловатыхъ стиховъ:

Parée à la française, un jour dame Nature
Eut le désir coquet de voir sa portraiture:
Que fit la bonne mère? Elle enfanta Watteau.

(То есть: однажды госпожа природа, нарядившись какъ Француженка, захотѣла въ своемъ кокетствѣ видѣть свой портретъ: что же сдѣлала эта добрая мать? Она родила Ваттô).

Это изображеніе очень справедливо. Ваттô именно былъ дитя *госпожи* природы, въ нарядѣ Француженки, имѣющей кокетливое желаніе видѣть свое изображеніе.

Берни восхищался произведеніями Ваттô. Вотъ нѣсколько стиховъ этого кардинала, довольно хорошо опредѣляющихъ вѣтряное направленіе нравовъ того времени:

Fille aimable de la folie,
La chanson naquit parmi nous;
La chanson railleuse et jolie
Convient aux sages comme aux fous.
Amoureux de la bagatelle,
Nous quittons la lyre immortelle
Pour le tambourin d'Erato;
Homère est moins lu que Chapelle,
Et si nous admirons Apelle,
Nous aimons Teniers et Watteau.

(То есть, въ буквальноймъ переводѣ): Милая дочь, шутки, пѣсни родилась у насъ; пѣсни насмѣшливая и прекрасная равно пристала и мудрецамъ и безумцамъ. Влюбленные въ пустыни, мы бросаемъ безсмертную лиру и беремъ тамбурины Эрато; мы читаемъ менѣ Гомера чѣмъ Шапелля, и восхищаемся Апеллесомъ, любимъ Теньера и Ватто *.)

Ватто умѣлъ плѣнять своими улыбающимися пейзажами и восхитительными фигурами. До него поэты и повѣствователи представляли воображеніе наше блуждать на невѣдомыхъ берегахъ, созданныхъ ихъ творческою фантазією; до него тысячи оазисовъ и тысячи Эльдорадо манили насъ своими нимфами, розами и пѣснями. Мы отдыхали на островѣ Цитерѣ, у ногъ Венеры, еще покрытыхъ морской пѣною, мы переплывали море подъ пѣсни сиренъ, вздыхали на островѣ Калпосо, мечтали во всѣхъ таинственныхъ извилинахъ Олимпа. Явился новый волшебникъ, называвшійся Тассъ и другой Урфе; мы поклонялись Арמידѣ въ ея чертогахъ, свивали на берегахъ Липьона для пастушекъ вѣлки. Даже феи Перро (Perrot) своимъ волшебствомъ сбивали насъ съ толку. Ватто былъ послѣднимъ волшебникомъ. Эльдорадо, которое мы

* Произведенія Ватто, въ трехъ томахъ, заключаютъ 565 гравюры; 150 историческихъ сюжетовъ составляютъ первый томъ; второй и послѣдній томы содержатъ въ себѣ изображенія фантастическія, орнаменты, пейзажи, картины китайскія и для ширмъ. Онъ и самъ гравировалъ свои рисунки весьма удачно. Рисунки эти очень интересно видѣть и изучать. Онъ рисовалъ почти всегда краснымъ карандашомъ на бѣлой бумагѣ, что давало ему возможность имѣть пробные оттиски. Онъ почти никогда не возвышалъ своихъ рисунковъ посредствомъ бѣлаго карандаша, такъ какъ самый фонъ бумаги возвышалъ ихъ достаточно. Онъ рисовалъ также въ два карандаша, чернымъ и краснымъ; иногда онъ употреблялъ даже три карандаша, въ-особенности для головъ и рукъ. Вначалѣ онъ писалъ гуашью, то есть водяными на клею красками, и пастелью, то есть сухими красками; словомъ, онъ владѣлъ всѣмъ, кромѣ пера. Счастливымъ и особеннымъ эффектомъ штриховки, легкость и тонкость очертаній, выраженіе ума и граціи въ профиляхъ, прически, исполненная вкуса самаго изящнаго, въ-особенности оригинальный характеръ фигуръ, забавныхъ или граціозныхъ, — все это составляетъ принадлежность таланта Ватто. Извѣстные граверы менѣ или болѣе хорошо воспроизвели рисунки его: Одранъ, Томассенъ, Тардіе, Кошеть, Симоно, Ларрессенъ, Авелинъ, Моро, Петти, Леба, Леписье и Буше, не могли вполне передать неподражаемыхъ созданій этого превосходнаго живописца

до того прозрѣвали въ неопредѣлительномъ туманѣ призракомъ, благодаря ему, мы видѣли простыми глазами въ великолѣпныхъ паркахъ, бесѣдкахъ, окаймленныхъ роскошной, вѣжной зеленью, увѣчанною мраморными фонтанами, населенными нимфами и сатирами. Конечно, все это природа, но природа въ праздничномъ нарядѣ. Какой чудесный романъ вышелъ бы изъ каждаго пейзажа Ватто! Но романъ готовъ; недостаетъ одной страдички; и это все, что нужно для счастливаго романа. Вотъ деревья, вѣчно зеленые, освѣщенные яркими лучами солнца. Подойдите въ тѣнь, гдѣ разбѣжались прекраснѣйшія женщины и самые пылкіе любовники. Послушайте, это восхитительнѣйшій концертъ: вѣтеръ колыхаетъ розы и фіалки, фонтанъ брызжетъ своими кристаллами на траву, голубка бьетъ крыльями, проходя мимо этихъ чудныхъ мѣстъ, горлица воркуетъ недалеко. Прислушайтесь еще, эти розовыя уста поютъ любовь, эти прелестныя губки сулятъ блаженство. Далѣе слышите ли вы эти вѣжныя рѣчи, этотъ шопшопъ, схваченный на лету? Понятно ли вамъ это краснорѣчивое молчаніе? Зелень свѣжа и цвѣтуща, подвигнитесь еще и полюбуйтеся нарядомъ этихъ прелестныхъ женщинъ; у нихъ ничего нѣтъ кромѣ улыбокъ и взглядовъ. Но найдите брильянтъ, который бы стѣнилъ этого взгляда, розу, такую свѣжую, какъ эти улыбающіяся уста! На нихъ почти ничего нѣтъ. Нескромный корсажъ, къ которому иногда прикалывается букетъ, шарфъ, воздымаемый вѣтромъ, чаще всего домино, шелковыя туфли и вѣеръ, вотъ и все; но этого очень довольно. Случается часто, что одежды эти сбрасываются, чтобъ броситься въ рѣку. Что дѣлать съ своевольствомъ наядъ? Тогда нѣтъ другаго покрывала кромѣ волвъ, древесныхъ листьевъ, вечерняго сумрака и воздуха. Пейзажъ обыкновенно составляетъ образцовое произведеніе. Подъ стараго вяза поставлена статуя: искусство среди природы. Вы восхищаетесь туманной далью, ослѣплены блескомъ окружающихъ предметовъ. Жаль однако жъ, что художникъ не шомбетилъ въ углу картины маленькаго нищаго, который весело грызетъ сухарь сидя близъ тропики. Это новое лицо составило бы, можетъ быть, счастливую противоположность со всѣми этими фигурами, полными любви и веселости; оно напоминало бы нагую истину въ виду всей этой блестящей мишуры; отъ этого женщины ни сколько не были бы хуже, мужчины не сдѣлались бы менѣе вѣжливы; и напротивъ, отъ этого всѣ были бы въ выигрышѣ, въ особенности зрители. Художникъ не долженъ никогда забывать: что вся прелесть поэзіи состоитъ въ противоположностяхъ; вѣчная улыбка

слишкомъ продолжительна, очарованіе обмана мимовременно. Когда Пуссонъ изображалъ Аркадію, этогъ второй Эльдорадо, столь милый всѣмъ мечтателямъ, онъ не нависалъ вѣчной улыбки. Его неізажъ напоминаетъ Бога въ Его величіи; это истинная стража золотого вѣка. Всѣ мы безъ исключенія отправлялись бы туда охотно съ посохомъ въ рукѣ и стали бы тамъ ходить за сохой. И между-тѣмъ, среди картинной мѣстности, нѣтъ ни веселыхъ танцевъ, ни оживленнаго говора, ни музыки. Надгробная надпись не длинна, но она говоритъ воображенію прохожаго: *Et in Arcadia ego*. Но это еще не все; два мальчика и двѣ дѣвочки изъ окрестностей, счастливые, какъ бывають влюбленные обитатели Аркадіи въ шестнадцать лѣтъ, вдругъ останавливаются въ своей поэтической прогулкѣ при видѣ могилы: они шли весело, юности, блистая радостью, а ихъ подруги — украшенныя гирляндами розъ; они шли искать наслажденій любви, и вотъ встрѣчаютъ смерть, смерть поражающую цвѣтъ, наравнѣ съ увядшимъ стеблемъ, вѣвчую птицу, наравнѣ съ совой. На ихъ лицѣ веселость смѣняется мало-по-малу грустью; лучъ небесный освѣняетъ ихъ душу. Передъ ними является смерть, пожирающая свои жертвы вездѣ, даже въ Аркадіи. Сердца ихъ тронуты; этимъ влюбленные четы сдѣлали большой шагъ въ любви; благодаря этому уроку времени, они дошли до истинной любви, до пониманья жизни. Но Ваттò любилъ только въ оперѣ; въ его время ни во-что не вѣрили, а въ особенности въ любовь; по-крайней-мѣрѣ смотрѣли на любовь только такъ, какъ древніе на своего обветшавшаго Купидона, бога волокитства и удовольствія; отъ него требовали только немножко упоенія, забвенія этой жизни и будущей, шелковыхъ юбокъ, мадригаловъ, искусственныхъ букетовъ. Тутъ виновать не Ваттò, а его вѣкъ.

Да и зачѣмъ искать на лугу, украшенномъ цвѣтами и озаренномъ солнцемъ, величавыхъ растеній горь? Будемъ довольны твореніями Ваттò такими, какъ они есть. Впрочемъ, въ нихъ болѣе истинны, чѣмъ кажется съ перваго раза. Его фигуры всегда оживлены умомъ и отпечаткомъ характера лицъ, которыя они представляютъ. Не ищите въ нихъ ни простодушія мѣщанина, ни благородства и гордости мыслителя и воина, ни безыскусственной простоты крестьянина. Его герои — герои легкихъ романовъ, его философы ищутъ науки жизни въ любви; во всего болѣе онъ любилъ представлять актеровъ всякаго рода, актеровъ на театрѣ, актеровъ въ жизни.

Видя вездѣ праздники, посвященные любви, на которыхъ бли-

стали вельможи и знатныя дамы, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, Ваттò, не заботясь о причинѣ, изображалъ эти праздники, гдѣ блисталъ его творческій гений всѣмъ волшебствомъ колорита. И странное дѣло! Почти во всѣхъ картинахъ этого превосходнаго живописца видна вдали колокольня, несущаяся къ небу и освѣвляющая кладбище; это фламандская колокольня, тонкая и легкая, воспоминаніе о его милой родинѣ. И развѣ эта колокольня въ воздухѣ не имѣетъ того же смысла, какъ могила на дорогѣ въ Аркадіи?

Вообще картины Ваттò, пользовавшіеся необыкновенной славой, можетъ-быть даже большею, чѣмъ онѣ того стоили, оставались потомъ не только въ забвеніи, но даже въ пренебреженіи, какъ-будто въ нихъ вѣтъ никакихъ достоинствъ. Въ послѣднее время, однако жъ, взвѣсивъ ихъ достоинства и недостатки, начали отдавать имъ справедливость: всѣ восхищаются силой ихъ колорита, блестящими эффектами и отчетливостью выраженія, дѣлая въ то же время упрекъ за странность костюмовъ, необузданность воображенія и небрежность въ отдѣлкѣ нѣкоторыхъ частей.

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О КОЛОНИАЛЬНОМЪ И СВЕКЛОВИЧНОМЪ САХАРЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Привозъ въ сѣвѣнпетербургскому порту, куда доставляется почти всё количество колониальнаго сахару, потребленнаго въ Россіи, распредѣлялся въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1828 по 1844 годъ, слѣдующимъ образомъ:

Средній привозъ.*	Гавайскаго.	Бразильскаго и прочихъ сортовъ.	Всего.
Въ 1828—1833 году	1,107,203	146,137	1,253,340 пудовъ.
— 1834—1838 —	1,369,929	61,174	1,431,103 —
— 1839—1841 —	1,579,366	18,871	1,598,237 —
— 1842—1844 —	1,753,178	20,757	1,773,935 —

* Количества, означенныя въ этой таблицѣ, показываютъ сколько поступило сахару на складку въ сѣвѣнпетербургскую таможену.

Примѣчаніе. Съ 1845 по 1847 годъ включительно, по случаю временнаго разрѣшенія привоза лумпа, уменьшилась потребность въ сахарѣ сырецѣ и потому тогдашній привозъ не можетъ быть сравниваемъ съ предъидущимъ.

Со времени возвышенія пошлины на сахаръ (отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 15 к. по росписи 11 ноября 1831 года и до 3 р. 80 к. по тарифу 28 ноября 1841 года), привозъ бразильскаго и прочихъ иностранныхъ сортовъ сахара значительно уменьшился, между тѣмъ какъ сбытъ гаванскаго постоянно возрасталъ: количество его въ первый періодъ составляло 88, а въ послѣдній 98 процентовъ всего привоза.

Сахаръ для переработки на рафинадныхъ заводахъ доставляется въ Россію болѣею частью прямо изъ Америки; остальное количество получается черезъ Англію, Гамбургъ, Бременъ, Амстердамъ и другіе порты западной Европы.

Средній привозъ изъ Америки.	Изъ Европы.	Итого.
Въ 1827—1831 году 890,728	597,475	1,288,203 пуда.
— 1852—1856 — 1,111,283	550,984	1,442,267 —
— 1837—1841 — 1,257,425	445,679	1,701,104 —
— 1842—1847 — 1,162,108	625,560 •	1,785,668 —

Во всѣ эти періоды, количество сахара, доставленнаго прямо изъ Америки, составляло около 70 процентовъ всего привоза.

Россія, получая почти исключительно съ острова Кубы потребную ей пропорцію колоніальнаго сахара, сбываетъ тамъ весьма немногія собственныя произведенія, и то въ незначительномъ количествѣ, болѣею частью черезъ Гамбургъ и Соединенные Штаты, а изъ нашихъ портовъ рѣдко отправляются какіе-либо товары прямо въ Гаванну. При такомъ ходѣ торговли, платежи съ нашей стороны за сахаръ, доставляемый съ острова Кубы, обыкновенно производятся вексельными переводами на англійскіе дома, и такимъ образомъ, мы платимъ за гаванскій сахаръ деньгами, слѣдующими намъ за пеньку, сало и другіе товары, которые продаются въ Англію, а въ Гаванну вовсе не требуются. Производимые этимъ путемъ платежи за сахаръ обременяють цѣну его излившии курсовыми и комиссіонными расходами. Сверхъ-того, по неза-

• Въ этомъ количествѣ заключается и лумпъ, который привозился изъ Англіи и Голландіи.

чительности нашего купеческаго флота, мы предоставляемъ въ пользу иностранцевъ выгоды отъ фрахта за доставку сахарнаго песку: американскіе и другіе иностранные корабли, на которыхъ привозится колоніальный сахаръ въ Россію, приобрѣтаютъ отъ него ежегодно около милліона рублей серебромъ фрахтовыхъ денегъ.

При монополіи острова Кубы въ снабженіи Россіи этимъ продуктомъ, наши портовые цѣны на сахаръ стали зависѣть отъ урожая сахарнаго тростника на кубскихъ плантаціяхъ и отъ заготовки тамъ блага сахару, преимущественно требуемаго для нашихъ рафинадныхъ заводовъ. Въ недавнемъ времени, опытъ показалъ всѣ неудобства этой зависимости въ отношеніи къ привозу колоніальнаго сахару: по случаю сильнаго урагана, повредившаго плантаціи на островѣ Кубѣ въ октябрѣ 1844 года: цѣны на гаванскій сахаръ значительно возвысились, и скудный сборъ его угрожалъ крайнею дороговизною. Къ отвращенію чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на сахаръ, правительство признало нужнымъ разрѣшить привозъ къ санктпетербургскому порту лумпа толченаго и въ мелкихъ кускахъ, единственно для переработки на сахарныхъ заводахъ, съ пошлиною по 3 руб. 80 коп. съ пуда, какою обложено сахаръ сырецъ. Эта мѣра была допущена, въ первый разъ, только для привоза въ навигацію 1845 года, но послѣ продолжена на 1846 и 1847 годы. Въ эти три года, очевидно пошлиною въ санктпетербургской таможнѣ: *

	Сахару сырца.	Лумпа.	Всего.
Въ 1845 году	1,157,668	558,807	1,496,475 пудовъ.
— 1846 —	780,429	780.947	1,561,376 —
— 1847 —	651,644	677.874	1,329,518 —

Дозволеніе привоза лумпа остановило, въ эти три года, возвышеніе цѣнъ на гаванскій сахаръ, при уменьшившейся доставкѣ его къ санктпетербургскому порту. Среднія цѣны, какъ на са-

* Эти цифры показываютъ количество сахару, выпущеннаго со складки, а настоящій привозъ былъ слѣдующій :

	Сахару сырца.	Лумпа.
Въ 1845 году	642,626	1,016.727 пудовъ.
— 1846 —	595,916	585,892 —
— 1847 —	789,512	768,598 —

харный песокъ, такъ и на думцѣ, со включеніемъ пошляны, были слѣдующія :

За пуда.	Гаванскій бѣлый.	Думцѣ водочный.
Въ 1845 году	8 р. 28 коп. сер.	8 р. 64 коп. сер.
— 1846 —	7 — 57 — —	7 — 85 — —
— 1847 —	7 — 55 — —	7 — 87 — —

Временное разрѣшеніе привоза думца, окончившееся въ 1847 году, не было потомъ возобновлено, а съ открытія навигаціи 1849 года вступило въ силу новое положеніе о взиманіи раздѣльныхъ пошлинъ съ пробѣленныхъ и непробѣленныхъ сахарныхъ песковъ: бѣлые и пробѣленные сырцы оставлены при прежней пошлинѣ къ 3 р. 80 к., а съ непробѣленныхъ, то есть желтыхъ и красныхъ, если они окажутся равнаго достоинства съ установленными образцами или будутъ признаны достоинствомъ нѣже зпкъ образцовъ, опредѣлено взимать впредь, въ видѣ опыта, на три года, по 3 р. 20 к. сер. съ пуда, а въ противномъ случаѣ, то есть, если они будутъ качествомъ своимъ выше образцовъ, по-вергать одинаковой пошлинѣ съ бѣлыми сырцами. Привозъ желтыхъ и красныхъ сахарныхъ песковъ съ уменьшенною пошлиною дозволенъ только къ санктпетербургскому порту.

По санктпетербургскому биржевому прейсъ-куранту, съ 1827 по 1847 года, среднія цѣны на бѣлый гаванскій сахаръ, по пятилѣтнимъ сложностямъ, оказываются слѣдующія :

	Средняя цѣна.	Пошлина.	Итого за пудъ
Съ 1827 по 1831 годъ	5 р. — к.	2 р. 50 к.	7 р. 50 к. сер.
— 1832 — 1836 —	4 — 50 —	3 — 15 —	7 — 65 — —
— 1837 — 1841 —	4 — 46 —	3 — 15 —	7 — 64 — —
— 1842 — 1846 —	3 — 90 —	3 — 80 —	7 — 70 — —

И такъ, стоимость гаванскаго сахару, со включеніемъ таможенной пошлины, возвысилась около двухъ съ половиною процентовъ, хотя его цѣна упала на двадцать-два процента.

Пониженіе цѣнъ на гаванскій бѣлый сахаръ было слѣдствіемъ умноженія выдѣлки его на островѣ Кубѣ въ пропорціи, превзошедшей, наконецъ, дѣйствительную потребность нашихъ и-надныхъ заводовъ, особенно въ новѣйшее время, когда значительно возрасло въ Россіи свеклосахарное производство. Совѣст-

количество свекловичнаго сахару съ гаванейми стало обнаруживаться болѣе и болѣе, съ-тѣхъ-поръ какъ таможенная пошлина на сахаръ-сырецъ возвышена до 3 р. 80 к. сер. съ нуда. Съ одной стороны быстрое развитіе свеклосахарной фабрикаціи, которая уже производитъ почти третью долю всей пропорціи потребляемаго въ Россіи сахару, а съ другой — высокій налогъ, платимый колоніальнымъ сахаромъ, стѣснили его сбытъ и, при накопленіи запасовъ, цѣны должны были понизиться. Количество сахару, остававшагося на складахъ въ санктпетербургской таможнѣ, отъ одного года къ другому, постоянно возрастало, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія :

Къ 1 января 1841 года оставалось	533,765	пудовъ.
— — — 1842 — — —	877,150	— —
— — — 1843 — — —	730,826	— —
— — — 1844 — — —	905,910	— —
— — — 1845 — — —	1,022,187	— —
— — — 1846 — — —	1,159,550	— —

Эти цифры очевидно доказываютъ, что привозъ сахару къ санктпетербургскому порту годъ отъ году превышалъ пропорцію его сбыта съ тамошнихъ рафинированныхъ заводовъ.

Въ Санктпетербургѣ считается до тридцати заводовъ, которые вывариваютъ въ годъ около 1,200,000 пудовъ рафинированнаго сахару; въ Ригѣ только семь заводовъ, на которыхъ приготовляется 100,000 пудовъ, и на двухъ заводахъ, существующихъ въ Архангельскѣ, выварна сахару составляетъ съ небольшимъ 20,000 пудовъ. Слѣдовательно, все рафинированное производство въ этихъ трехъ портовыхъ городахъ доходитъ до 1,320,000 пудовъ, въ томъ числѣ $\frac{2}{10}$ приходится на долю санктпетербургскихъ заводовъ. Запрещеніе ввоза рафинированнаго сахару доставило имъ возможность снабжать почти все государство этимъ необходимымъ предметомъ потребленія, — города, отстоящіе и на нѣсколько тысячъ верстъ отъ Санктпетербурга, должны отсюда получать рафинированный тростниковый сахаръ. Дальній провозъ, медленность и неудобства доставки по нашимъ дорогамъ, въ разное время года, обременяютъ этотъ товаръ чрезмѣрными издержками, которые возвышаютъ его цѣну.

Одно это обстоятельство, независимо отъ высокой пошлины съ колоніальнаго сахарнаго песку, облегчаетъ сбытъ свеклович-

наго сахару внутри государства: свеклосахарный песокъ продает-ся съ заводовъ отъ 3 р. 50 к. до 8 р., а выдѣланный изъ него рафинадъ отъ 7 до 10 р. за пудъ, то есть, почти по одинаковой цѣнѣ съ рафинадомъ санктпетербургскихъ заводовъ, которые покупаютъ колоніальный сахаръ не дешевле 7 р. 40 к., со включеніемъ таможенной пошлины 3 р. 80 к. съ пуда. При такомъ налогѣ на привозный сахаръ, внутренніе заводчики находятъ выгоднымъ доставлять свекловичный сахаръ даже въ Санктпетербургъ.

Усилившееся совмѣстничество между колоніальнымъ и свекловичнымъ сахаромъ, способствуя пониженію цѣнъ на гаванскій сахарный песокъ, заставило нѣсколько понизить цѣны на рафинадъ санктпетербургскихъ заводовъ. Съ 1840 до 1845 года на санктпетербургской биржѣ стояли слѣдующія среднія цѣны:

	Рафинадъ лучший.	Сахаръ сырецъ гаванскій.
Въ 1840 году	10 р. 80 к.	8 р. 30 к. сер. за пудъ.
— 1841 —	10 — — —	8 — — — — —
— 1842 —	9 — 15 —	7 — 40 — — — —
— 1843 —	9 — 70 —	7 — 50 — — — —
— 1844 —	9 — 50 —	7 — 45 — — — —

Въ 1845 году, по случаю возвышенія цѣнъ на гаванскій сахаръ, средняя цѣна за пудъ лучшаго рафинада доходила до 9 р. 80 к., а въ 1846 и 1847 годахъ до 9 р. 70 к.

Петербургскія цѣны сахару сырца и рафинаду, зависѣвшія до новѣйшаго времени отъ привоза сахарнаго песку изъ Кубы, стали нынѣ зависѣть также отъ урожая свекловицы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ усилилось свеклосахарное производство.

Въ 1848 году привезено сахарнаго песку къ санктпетербургскому порту 1,538,052 пуда, противъ 1847 года менѣе только на 19,568 пудовъ, а пошлиною очищено изъ оставшихся запасовъ сахару-сырца и лумпа и вновь привезеннаго сахару въ 1848 году 1,538,996 пудовъ, противъ 1847 года на 209,478 пудовъ болѣе. По случаю усилившагося требованія на колоніальный сахаръ, вслѣдствіе неурожая свекловицы, цѣна на санктпетербургской биржѣ значительно возвысилась: на гаванскій сахарный песокъ отъ 7 р. 14 к. и 7 р. 58 к. до 8 р. 15 к. и 8 р. 42 к. сер. за пудъ, на добротъ, на лумпъ отъ 7 р. 43 к. и до 8 р. 43

к., и на рафинадъ лучшаго сорта отъ 9 р. 71 к. до 12 р. сер. * за пудъ, тогда какъ въ 1845, 1846 и 1847 годахъ, при временномъ разрѣшеніи къ привозу лумпа, цѣны на лучшій рафинадъ доходили только отъ 9 р. до 10 р. 75 к. сер.; слѣдовательно, при неурожаѣ свекловицы, цѣны на рафинадъ санктпетербургскихъ заводовъ возвысились среднимъ числомъ около десяти процентовъ противъ цѣвъ, существовавшихъ въ предыдущіе три года, когда, по случаю вздорожанія гаванскаго сахару, правительство признало необходимымъ разрѣшить на это время привозъ лумпа и тѣмъ отвратило дороговизну этого важнаго предмета потребленія.

Правительство, обративъ вниманіе на быстрое распространеніе этой промышленности въ новѣйшее время, призвало нужнымъ и справедливымъ обложить свекловичный сахаръ умѣреннымъ акцизомъ съ 1848 года на шесть лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи принять, по указаніямъ опыта, дальнѣйшія мѣры.

Акцизъ съ пробѣлеваго сахарнаго песку опредѣленъ въ слѣдующемъ прогрессивномъ размѣрѣ:

		Съ пуда.
1)	Съ 1 сентября 1848 года по 1 сентября 1850 года	по 30 к. сер.
2)	— — — — 1850 — — — — 1852	— — 45 — —
3)	— — — — 1852 — — — — 1854	— — 60 — —

Примѣчаніе. Незначительные заводы, которыхъ ежегодное производство не превышаетъ 500 пудовъ свеклосахарнаго песку, платятъ акцизъ въ каждый періодъ на 15 к. сер. менѣе.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, за 1845 годъ, свеклосахарнаго песку, выдѣлываемаго въ Россіи, смотря по урожаю свекловицы, простиралось отъ 300,000 до 600,000 пудовъ въ годъ; но, принявъ въ соображеніе неполноту этихъ свѣдѣній и умножившееся съ-тѣхъ-поръ производство свеклосахарныхъ заводовъ, нельзя не допустить, что въ урожайный годъ выдѣлка свеклосахарнаго песку должна быть гораздо значительнѣе этого количества. Эти заводы размножились наиболѣе въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ почва благоприятствуетъ воздѣлыванію свекловицы и гдѣ, въ особенности, по недостатку способовъ къ выгодному сбы-

* Всѣ эти цѣвы показаны со включеніемъ пошлины въ 5 р. 80 к. сер. съ пуда.

ту либа, свеклосахарное производство составляет одну из дальнейших отраслей промышленности. До сих пор выдана свекловичного сахара большею частью еще соединена у насъ съ медъльванисмъ свекловичны и только съ недавняго времени, въ которыхъ мѣстахъ, земледѣльческая часть этого производства стала отдѣляться отъ заводской: это уже важный шагъ къ дальнѣйшимъ усѣхамъ свеклосахарной промышленности. Если эта фабрикація еще не достигла у насъ той степени развитія и совершенства, до которой она уже доведена во Франціи и въ Германіи, то встрѣчаемая въ этомъ отношеніи пренятствія въ разной мѣрѣ существуютъ и для другихъ отраслей фабричной промышленности: недостатокъ капиталовъ, техническихъ способовъ и свѣдущихъ мастеровъ еще противодействуетъ возможному распространению у насъ свеклосахарной фабрикаціи, тогда какъ ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ эта промышленность не находится въ такихъ выгодныхъ условіяхъ какъ въ Россіи: высокая таможенная пошлина на колоніальный сахаръ, запрещеніе ввоза рафинированнаго сахару изъ за границы и дороговизна его во внутреннихъ губерніяхъ — все это въ совокупности составляетъ огромную премію въ пользу свеклосахарнаго производства.

Привозъ рафинированнаго сахару дозволенъ нынѣ только въ одесское порто-франко и въ черноморскихъ портахъ Закавказія. Въ Одессѣ онъ оплачивается въ пользу города, пятою частью пошлины по дополнительной росписи къ тарифу 1819 года, то есть по 90 копѣекъ серебромъ съ пуда, для потребленія въ чертѣ порто-франко, а вывозъ этого товара внутрь Имперіи запрещенъ. Втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ привозъ рафинированнаго сахару къ одесскому порту чрезвычайно увеличился, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1827 — 1831 году средній привозъ	15,876	пудовъ.
— 1832 — 1836 — — —	25,597	—
— 1837 — 1841 — — —	46,422	—
— 1842 — 1847 — — —	73,212	—

Въ послѣдній періодъ привезено почти пятеро болѣе, нежели въ первый.

Очевидно, что такое большое количество рафинированнаго сахару не можетъ быть потребляемо въ одномъ городѣ Одессѣ: по числу тамошняго народонаселенія (до 50,000 душъ обоого

пола), на каждого жителя приходится около 60 фунтовъ сахара. Хотя въ некоторой части рафинада закупается въ Одессѣ для провизіи военныхъ судовъ, крейсирующихъ у абхазскихъ береговъ и для войскъ, расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго Моря, однако и за исключеніемъ отправляемаго туда сахару, пропорція, оплачиваемая въ одесскомъ порто-франко пятою частью пошлины, все еще должна быть чрезмѣрно велика для мѣстнаго потребленія, почему и можно предположить, что немаловажная часть сахару вывозится отсюда внутрь Имперіи тайно, неуловимыми для таможеннаго надзора путями, которыми контрабанда повсюду умѣетъ такъ искусно пользоваться.

По закавказскому тарифу, съ 1832 года привозъ рафинированнаго сахару въ черноморскіе порты Закавказія дозволенъ съ пошлиною въ 3 рубля серебромъ съ пуда. Въ теченіи шестнадцати лѣтъ туда привозилось:

Въ 1832 — 1836	средннй числомъ въ годъ	9,556	пудовъ.
— 1837 — 1844	— — — —	16,634	—
— 1842 — 1847	— — — —	27,175	—

И такъ, привозъ въ послѣдній періодъ былъ уже на 190 процентовъ болѣе великъ въ первый.

Въ Сибирь доставляется сахаръ санктпетербургскихъ и другихъ заводовъ съ иркутской и нижегородской ярмарокъ, и сверхъ того отъ Китайцевъ вымѣнивается сахаръ леденецъ, потребленію котораго, въ слѣдствіе дороговизны рафинированнаго сахару, примѣтно увеличивается въ этомъ краѣ. Китайскаго леденца вымѣнено въ Кяхтѣ:

Въ 1832 — 1836	средннй числомъ въ годъ	5,110	пудовъ.
— 1837 — 1844	— — — —	7,907	—
— 1842 — 1847	— — — —	8,041	—

Привозъ этого товара увеличился въ послѣдній періодъ противъ перваго на 57 процентовъ.

Изъ Россіи вывозится небольшое количество рафинированнаго сахару почти исключительно въ Среднюю Азію. Приращенію сбыта этого товара въ нашей азіатской торговлѣ препятствуетъ его дороговизна, происходящая частью отъ провозныхъ расходовъ, частью отъ высокой таможенной пошлины, платимой за сахаръ

сырецъ. Втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, годичный отпускъ рафинированнаго сахару по пятилѣтнимъ сложностямъ, составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1827 — 1831 годахъ	7,259 пудовъ.
— 1832 — 1836 —	5,169 —
— 1837 — 1841 —	4,486 —
— 1842 — 1847 —	4,580 —

Въ послѣднее пятилѣтіе вывезено почти на 35 процентовъ менѣ чѣмъ въ первое.

Въ первый періодъ средній вывозъ по азіатской торговлѣ протравился до 5,993 пудовъ, въ томъ числѣ: изъ Астрахани отпущено 2,860, а чрезъ оренбургскую и сибирскую линіи 3,133 пуда. Въ послѣдній періодъ отпускъ изъ Астрахани уменьшился до 573 пудовъ, а по азіатской сухопутной границѣ увеличился до 3,984 пуда, то есть на 27 процентовъ. Значительный упадокъ отпуска изъ Астрахани, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ усилившагося привоза иностраннаго сахару въ Персію чрезъ Трѣбизондъ. Въ 1846 году англійскій рафинадъ продавался въ Тавризѣ около 8 до 8½ рублей серебромъ, не дороже того, сколько стоитъ ординарный рафинадъ нашихъ санктпетербургскихъ заводовъ. Кромѣ дороговизны нашего сахару, въ сравненіи съ англійскимъ, самая форма сахарныхъ головъ, привозимыхъ изъ Россіи не всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ Азіатцевъ. На нѣкоторыхъ заводахъ готовятъ у насъ, для азіатской торговли, сахаръ въ малыхъ головкахъ, который идетъ наиболѣе въ Бухару, гдѣ онъ покупается охотнѣе и платится дороже привозимаго въ большихъ головкахъ. Персіяне также предпочитаютъ сахаръ въ головкахъ правильной формы, вѣсомъ отъ 7 до 5 фунтовъ, и даже менѣе. Большое количество сахару употребляется въ Персіи на подарки: вѣжливость и приличіе установили число головъ, а не фунтовъ, на которое каждый по своему званію, имѣетъ право; этому употребленію вовсе не соотвѣтствуютъ крупныя головы русскаго сахару, тѣмъ болѣе, что, по цѣнѣ своей, онъ доступенъ только богатѣйшему классу. Напротивъ того, привозимый въ Тавризъ англійскій сахаръ бываетъ обыкновенно въ малыхъ головкахъ, различнаго вѣсу и, при сходной цѣнѣ, сбывается тамъ съ большимъ успѣхомъ.

Количество сахару, удѣляемаго Россією въ заграничный от-
пускъ, составляетъ ничтожную пропорцію въ нашемъ сахарномъ
производствѣ, не имѣетъ вліянія на успѣхи этой фабрикаціи, за-
висящей преимущественно отъ внутренняго сбыта, который воз-
растаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ общаго благосостоянія. Успѣхи
свекло-сахарнаго производства, въ новѣйшее время, стали про-
тиводѣйствовать приращенію ввоза колоніальнаго сахару, но за
то, съ помощью этой промышленности, распространилось употре-
бленіе сахару въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ, по дороговизнѣ его, оно
было прежде незначительно. Отъ соперничества свекловичнаго
сахару съ колоніальнымъ, потребители могутъ выигрывать, од-
нако, въ такомъ только случаѣ, когда сбытъ одного не разви-
вается на счетъ другаго. Чѣмъ болѣе будутъ расширяться спо-
собы къ приобрѣтенію этого продукта по сходнѣйшимъ цѣнамъ,
тѣмъ успѣшнѣе будетъ возрастать его потребленіе. До-сихъ-поръ,
свеклосахарная фабрикація развивалась у насъ подѣ вліяніемъ
такихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ она можетъ не
только выдерживать соперничество, но и впредь будетъ проти-
водѣйствовать умноженію сбыта колоніальнаго сахару. Несмотря
на обложеніе свекловичнаго сахару акцизомъ и на сбавку при-
возной пошлины съ желтаго и краснаго сахарнаго песка, все
еще остается значительная премія въ пользу внутренней фабри-
каціи, при запрещеніи ввоза рафинированнаго сахару и при вы-
сокомъ налогѣ, которымъ обложенъ колоніальный сахарный пе-
сокъ. Введеніе акциза на свекловичный сахаръ и уменьшенной
пошлины съ привознаго сахару сырца доказываетъ, впрочемъ,
что наступила уже пора умѣрить премію, которою поощряется
усиленное развитіе свеклосахарной промышленности; съ одной
стороны, эту премію ограничиваетъ акцизъ, установленный ис-
ключительно въ финансовыхъ видахъ, а съ другой — сбавка
привозной пошлины съ низшихъ сортовъ сахару сырца, покро-
вительствующая интересамъ потребленія, внѣшней торговли и
таможеннаго дохода. Это новѣйшее измѣненіе пошлины заста-
вляетъ надѣяться, что дальнѣйшія перемѣны въ тарифной систе-
мѣ относительно сахару будутъ отнынѣ клониться къ облегченію
его привоза.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, гдѣ усили-
лось свеклосахарное производство, тарифныя постановленія под-
держиваютъ соперничество свекловичнаго сахару съ колоніаль-
нымъ. Если, однако, принять въ соображеніе, что это соперни-

чество развивалось до-сихъ-поръ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, самыхъ выгодныхъ для одного и самыхъ неблагоприятныхъ для другого продукта, то рождается вопросъ: въ случаѣ измѣненія этихъ обстоятельствъ, какихъ послѣдствій можно ожидать для производства и потребления сахару? Слѣдующія соображенія и дѣянія могутъ послужить въ разъясненію вопроса, столь важнаго въ экономическомъ отношеніи.

1) Извѣстно, что въ сахарномъ тростникѣ содержится гораздо болѣе сахару и менѣе постороннихъ веществъ нежели въ свекловичѣ, оттого, даже при самыхъ несовершенныхъ способахъ сахарнаго производства въ колоніяхъ, съ одинаковаго пространства земли получается сахару изъ тростника вдвое или вчетверо болѣе нежели изъ свекловицы *. По химическому разложенію, въ свекловичномъ сокѣ содержится до 12—13 процентовъ, а въ тростниковомъ до 18 процентовъ сахару. Древесина и волокна составляютъ въ тростникѣ 10 процентовъ, а въ свекловичѣ 5 — 6 процентовъ; но первый заключаетъ въ себѣ только 1 процентъ постороннихъ веществъ и сокъ его почти чистый растворъ сахару въ водѣ, тогда какъ въ свекловичномъ сокѣ находятся многія соли, которыя составляютъ до 4 процентовъ. Не смотря на то, изъ 90 процентовъ сахарнаго сока, содержащагося въ свекловичѣ и тростникѣ, первая доставляетъ, среднимъ числомъ, 75 процентовъ, а послѣдній только 50 процентовъ сахару. И такъ, хотя пропорціи сахару въ сокѣ обоихъ растений относятся между собою какъ 2 : 3, однако дѣйствительный выходъ кристаллизующагося сахару относится къ массѣ тростника и свекловицы какъ 7 : 5 — 6 *. Должно замѣтить также, что добываніе свекловичнаго сахару гораздо затруднительнѣе, потому что требуетъ отдѣленія большого количества солей, которыя содержатся въ свекловичѣ и не только входятъ въ составъ сома, но и вортятъ самый сахаръ. По этому очевидно, что свеклосахарная фабрикація, въ сравненіи съ добываніемъ трост-

* Наибольшее количество сахару, получаемого изъ свекловицы, доходитъ во Франціи до 160 пудовъ съ десятины, во обыкновенная пропорція считается около 100 до 125 пудовъ. Сахарный тростникъ доставляетъ съ десятины земли: на Мартиникѣ до 180 пудовъ, на Гваделупѣ до 225, на Бурбонѣ до 360, въ Бразиліи до 550 пудовъ сахару.

* См. сочиненіе господина Гогмейстера: *des Rohr-Zuckers Erzeugung Verbrauch und Verhältniss zum Rübenzucker*, 1843 года (стр. 97).

изюмного сахару, находится на высшей степени совершенства: изюмные и яблочныя безпрерывно улучшаютъ производство свекло-вицнаго сахару въ Европѣ; оттого, пропорція сахара, извлекаемаго изъ свекловицы, увеличивается болѣе и болѣе, между тѣмъ, какъ въ тропическихъ странахъ добываніе сахару производится самыми простыми способами, безъ особенныхъ улучшеній. Такимъ образомъ, сахарный тростникъ терять свои естественныя преимущества предъ свекловицею. Съ усовершенствованіемъ этого производства въ тропическихъ странахъ, пропорція сахару, получаемому изъ тростника, можетъ значительно увеличиться и тогда потребуется тамъ гораздо меньшее пространство земли подъ сахарныя плантаціи. Пониженіе цѣнъ на тростниковый сахаръ должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ улучшеній, которыя, конечно со временемъ, будутъ выведены въ добываніе этого продукта.

2) Воздѣлываніе сахарнаго тростника составляетъ коренную отрасль промышленности въ тропическихъ странахъ и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, оно должно достигнуть обширнѣшаго развитія по изобилію тамъ свободныхъ земель, которыя могутъ быть обращены подъ сахарныя плантаціи. Неустройство сообщеній есть одна изъ главныхъ причинъ, стѣсняющихъ тамъ производство сахару. Оно по необходимости должно ограничиваться мѣстами, ближайшими къ портамъ, хотя бы внутри края отыскались выгоднѣйшія мѣстности для разведенія плантацій; обширныя пространства остаются тамъ еще невоспользованными, изъ затруднительности сообщеній между внутренними и портовыми мѣстами.

Напротивъ того, въ Европѣ болѣе и болѣе увеличивается потребность удобныхъ земель и возвышается ихъ цѣнность. Отъ распространенія хлѣбопашества и скотоводства; возрастающій обилье живенныхъ припасовъ болѣе и болѣе поощряетъ къ развитію этихъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства. Подъ воздѣлываніе свекловицы значительно усилилось даже въ многочисленныхъ странахъ Европы, которыя едва обеспечиваютъ свое продовольствіе собственнымъ хлѣбомъ, то причиною чрезвычайныхъ успѣховъ этой отрасли земледѣлія была высокая цѣна свекло-вицнаго сахару, поощрявшая свеклосахарное производство: капиталы, находя выгоднѣйшее употребленіе въ этой фабрикаціи, обратились къ ней отъ другихъ источниковъ производительности. Подъ покровительствомъ тарифа, свеклосахарное

производство возрастает и въ тѣхъ немногихъ странахъ Европы, въ которыхъ, по изобилію свободныхъ земель, воздѣлываніе свекловицы еще можетъ долго распространяться безъ ущерба для хлѣбопашества. Въ особенности для отдаленныхъ отъ портовъ плодородныхъ странъ, которыя стѣснены въ сбытъ своего хлѣба, недостаткомъ удобныхъ сообщеній съ другими краями государства, свеклосахарная промышленность представляетъ значительныя выгоды; ея развитіе поддерживается тамъ не только высокою пошлиною съ колоніальнаго сахару, но и дороговизною приготовленнаго изъ него рафинаду, цѣнность котораго значительно возвышается отъ расходовъ на дальній и затруднительный провозъ его внутрь края изъ портовъ, гдѣ находятся заводы, рафинирующіе тростниковый сахаръ. Выгоды, приобретаемыя въ этомъ отношеніи свеклосахарнымъ производствомъ, существенно уменьшаются, когда улучшенныя сообщенія сократятъ время и расходы на доставку рафинаду съ портовыхъ заводовъ въ отдаленные отъ нихъ внутренніе края, и въ такомъ случаѣ таможенная пошлина съ колоніальнаго сахару будетъ тѣмъ болѣе необходима для поддержанія свеклосахарной фабрикаціи.

3) Въ отношеніи къ издержкамъ по добыванію тростниковаго и свекловичнаго сахару, должно замѣтить, что, несмотря на значительнѣйшія усовершенствованія свеклосахарнаго производства, въ сравненіи съ обработкою сахарнаго тростника, оно требуетъ болѣе трудовъ и расходовъ, зависящихъ отъ естественныхъ свойствъ свекловицы, которая содержитъ въ себѣ менше сахару и большее количество постороннихъ веществъ. Напротивъ того добываніе колоніальнаго сахару, еще мало усовершенствованное, ожидаетъ улучшеній, могущихъ послужить къ дальнѣйшему сокращенію издержекъ на это производство и къ умноженію пропорціи сахару, получаемой изъ тростниковаго соку.

4) Добываніе сахару въ американскихъ колоніяхъ обходится дорого отъ существованія рабства Негровъ, и въ новѣйшее время, цѣнность рабочихъ тамъ еще болѣе возвысилась отъ строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ торга невольниками. Неграмъ дарована свобода только въ англійскихъ вест-индскихъ колоніяхъ окончательно съ 1838 года, а во французской Вестъ-Индіи, не рѣже какъ спустя десять лѣтъ. — По освобожденіи Негровъ въ англійскихъ колоніяхъ, производство сахару уменьшилось и цѣны его поднялись отъ возвышенія работной платы. При лучшемъ раздѣленіи работъ, производство тростниковаго сахару должно будетъ

уменьшится и расходы по добыванию его могут значительно уменьшиться. Оно и теперь обходится гораздо дешевле въ Ост-Индіи, Явъ и другихъ странахъ, гдѣ сахарный тростникъ обрабатывается наемными рабочими.

5) Стоимость колоніальнаго сахару возвышается оттого, что почти всё снаряды, потребные для сахарныхъ плантацій, должны быть выписываемы изъ Европы, и слѣдовательно, отъ дальняго провоза обходится весьма дорого. — Всякія постройки стоятъ въ колоніяхъ гораздо дороже нежели въ Европѣ, не только отъ высокой поденной платы, но и оттого, что вообще всякая работа, требующая особеннаго мастерства, цѣнится тамъ чрезвычайно дорого. — По дальности доставки сахару изъ колоній, нужно тамъ изготовлять для него ящики и бочки тщательно нежели въ Европѣ, гдѣ разстоянія до мѣстъ сбыта сахару сырца не велики, и притомъ всегда можно приобрести, за сходную цѣну, бочки, бывшія въ употребленіи. Наконецъ, стоимость колоніальнаго сахару много зависитъ также отъ цѣны топлива: въ Вестъ-Индіи, за исключеніемъ Порторико и Кубы, терпятъ недостатокъ въ лѣсѣ, и для топки употребляютъ тамъ тростникъ, который еще содержитъ въ себѣ до 40 процентовъ сахару. Время и опытъ покажутъ, можно ли отвратить тамъ недостатокъ въ топливѣ лучшимъ устройствомъ печей или привозомъ лѣса и угля, и не придется ли наконецъ перенести сахарныя плантаціи въ лѣсообразнѣйшія страны. Голландскія владѣнія въ Ост-Индіи, Явъ и другія имѣютъ, въ этомъ отношеніи, преимущество предъ Антильскими островами.

6) Колонія, основанная Европейцами въ другихъ частяхъ свѣта, заимствуютъ изъ Европы искусство и капиталы; туда первозятся трудъ и предпримчивость, которые не находятъ здѣсь выгоднѣйшаго употребленія. Оттого денежные проценты въ колоніяхъ очень высоки, всё потребности чрезвычайно дороги, и ощущается большой недостатокъ въ самыхъ простыхъ свѣдѣніяхъ и средствахъ къ улучшенію воздѣлыванія и обработки продукта.

7) Колоніальная система, поставивъ торговлю колоній въ совершенную зависимость отъ метрополій, лишаетъ ихъ возможности приобретать, по сходнѣйшимъ цѣнамъ, нужные имъ товары; колонія должны платить за нихъ монопольныя цѣны, которые еще возвышаются отъ лишняго фрахта въ пользу національнаго флота, но представленному ему исключительному праву на пере-

возку товаровъ между колоніями и метрополіею. Эта искусственная дороговизна получаемыхъ изъ Европы произведений естественно заставляетъ возвышать цѣны на отправляемые туда колоніальные продукты.

8) Значительныя издержки на дальній провозъ тростяниковаго сахару въ Европу увеличивается не только отъ выше упомянутой монополіи національнаго флага въ торговлѣ съ колоніями, но и отъ монополіи въ пользу рафинированныхъ заводовъ, для которыхъ этотъ сахаръ доставляется въ неочищенномъ видѣ, и потому долженъ платить излишній фрахтъ. Разрѣшеніе колоніямъ рафинированнаго сахару чрезвычайно понизило бы его цѣны. Оттого и только уменьшились бы провозные расходы, ибо патока осталась бы на мѣстѣ, но и отвратился бы неизбѣжный теперь потерн отъ утечки, а что еще важнѣе, мусковедный сахаръ, во время пути, не подвергался бы броженію, которое придаетъ ему непріятный вкусъ, отнимаетъ у него ароматъ, и превращаетъ въ сахарную жидкость немаловажную часть кристаллическаго сахару. Нылѣ, навривѣръ, сахаръ, содержащій въ себѣ много патоки, отправляется изъ голландской колоніи Явы въ Амстердагъ, для того, чтобы онъ заплатилъ побольше фрахта голландскому кораблехозяину; этотъ сахаръ рафинируютъ на амстердамскихъ заводахъ, которымъ нѣзна возвращаетъ часть издержекъ производства, выдавая премію при отпускѣ за границу сахару, очищеннаго въ видѣ лумпа, меласа и рафинада, а какъ въ тѣхъ иностранныхъ земляхъ, которыя имѣютъ рафинированные заводы, лумпъ допускается къ привозу только въ толченомъ видѣ для домашнего употребленія, то при отпускѣ за границу, еще разбиваютъ этотъ сахаръ въ куски для переварки его на тамошнихъ заводахъ.

Несмотря на оцѣненіе различныхъ обременительствъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе увеличивается цѣнность тростяниковаго сахару въ самыхъ мѣстныхъ его добычнхъ, онъ обходится еще дешевле того, сколько стоитъ производителю свекловичный сахаръ въ Европѣ; но провозные и другіе расходы на доставку колоніальнаго продукта такъ велики, что сами-собой составляютъ уже значительную премію въ пользу свеклосахарнаго производства: они возвышаютъ стоимость ость-индскаго и яванскаго сахару на 90—100 процентовъ, а вестъ-индскаго на 30—50 процентовъ *. Къ этой преміи присоединяется еще высокая тамо-

* См. приведенное сочиненіе господина Гагемейстера.

жизни пошла на съ тростниковаго сахару, и потому не удивительно, что свеклосахарная промышленность можетъ успѣшно съ нимъ соперничать, но еще нигдѣ она не можетъ обойтись безъ покровительства тарифа.

На основаніи этихъ соображеній, обращаясь къ общимъ видамъ относительно будущаго развитія сахарной промышленности и торговли, можно заключить, что покровительство тарифа будетъ становиться болѣе и болѣе необходимымъ для свекловичнаго сахару, по мѣрѣ распространенія и улучшенія сахарнаго производства въ другихъ частяхъ свѣта и ослабленія колоніальной системы, которая неизбежно должна, наконецъ, рушиться вмѣстѣ съ зависящими отъ нея монополіями. Съ постепеннымъ устраненіемъ неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ находится добываніе и доставка колоніальнаго сахару, уменьшатся расходы, возвышающіе его стоимость и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится премія, которою пользуется свеклосахарная промышленность. Если допустить даже, что найдется, можетъ-быть, способъ получить изъ свекловицы весь содержащейся въ ней сахаръ, то и въ такомъ случаѣ, при значительномъ пониженіи цѣны тростниковаго сахару, этой фабрикаціи трудно будетъ съ нимъ соперничать безъ покровительства тарифа, потому что даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ сахарное производство обходится тропическимъ странамъ дешевле, нежели Европѣ. По этому охраненіе выгодъ свеклосахарной промышленности требуетъ, чтобы она была постоянно ограждаема противъ соперничества колоніальнаго сахара покровительствомъ тарифа, подъ защитою котораго она возникла и усилилась.

Это покровительство доставляетъ ей болѣе или менѣе высокая пошлина, которою колоніальный сахаръ повсюду обложенъ въ финансовыхъ видахъ, какъ важный предметъ потребления. Кроме того, близость внутреннихъ рынковъ для свекловичнаго сахару представляетъ ему, особенно въ странахъ, отдаленныхъ отъ портовъ, немаловажныя преимущества предъ колоніальнымъ сахаромъ, цѣнность котораго обременяется провозными, страховыми и другими расходами. Имѣя на своей сторонѣ всѣ эти выгоды, свеклосахарная промышленность можетъ, при умѣренной пошлинѣ на колоніальный сахаръ, выдерживать его соперничество въ тѣхъ краяхъ, которые соединяютъ въ себѣ благоприятнѣйшія условія для воздѣлыванія свекловицы и для устройства свеклосахарныхъ заводовъ. Умѣренная пошлина соответствуетъ

интересамъ потребителя и, слѣдовательно, достигаетъ и финансовою цѣлю. Облегчая потребление колоніальнаго сахару, она поощряетъ его привозъ и содѣйствуетъ умноженію таможеннаго дохода, тѣмъ болѣе, что при такой пошлинѣ свеклосахарная промышленность должна войти въ свои естественныя предѣлы, то есть ограничиться выгоднѣйшими для нея мѣстностями, гдѣ она можетъ развиваться съ пользою для края, не нуждаясь въ чрезвычайномъ покровительствѣ тарифа.

Г. Н.

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Есть у насъ губерніи, названіе которыхъ возбуждаетъ идею или о сильной производительности природы, или о счастливомъ географическомъ мѣстоположеніи. Человѣкъ тамъ не замѣтенъ, мечзаетъ, тонетъ между роскошными нивами, между виноградными грездами, въ тѣни величавыхъ дубовъ и тополей, — въ тѣни корабельныхъ мачтъ.... изрѣдка только является онъ въ потокѣ идей о природѣ, или какъ машина, входящая въ составъ другой, или какъ выгоднѣйшее животное для цѣвственной работы, — является постельно рабомъ природы, то терпящимся въ ея величіи, то терпѣливо склоняющимся подъ суровымъ ея ярмомъ. Есть у насъ и такія губерніи, названіе которыхъ прежде всего напоминаетъ о человѣкѣ, какъ хозяинѣ оружающей его природы. Туземецъ, оцѣнивъ здравымъ смысломъ за что стѣбитъ братья и за что не стѣбитъ, лонко увернулся отъ борьбы съ тяжелой необходимостью и предался той дѣятельности, которая даетъ возможность трудиться создавая свои омы и гордясъ имъ. Въ числѣ такихъ губерній, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣств занимаютъ ярославскія. Бѣжкій, смышленный житель этой губерніи рано повяль, что земля для него не можетъ быть матерью, что

сколько ни потѣй, не выжмешь изъ нея и мѣднаго гроша; а потому съ самыхъ древнихъ временъ направилъ свою дѣятельность къ ремесленной промышленности, и только въ послѣднее время увлекся водоворотомъ пробудившейся въ Россіи фабричности. Уже въ средніе вѣка мы находимъ здѣсь обширную промышленность и значительную торговлю. И та и другая были въ сношеніи, съ одной стороны черезъ Новгородъ и Псковъ, съ ганзеатическими городами, а съ другой съ Азією. Съ тѣхъ-поръ какъ Петръ Первый открылъ Балтійское море непосредственно русской торговлѣ, съ тѣхъ-поръ какъ колоссальныя системы каналовъ основали обширныя сношенія внутреннихъ частей государства съ Петербургомъ и Балтійскимъ моремъ, ремесленность и торговля нашли въ Ярославской губерніи свою основную точку. Промышленное направленіе народной жизни въ губерніи образовалось, безъ всякаго сомнѣнія постепенно, отъ разныхъ мѣстныхъ причинъ, изъ которыхъ важнѣйшія были дурная почва и суровый климатъ губерніи. Это направленіе перешло мало-по-малу въ характеръ народа и, наконецъ, образовало у Ярославцевъ врожденную способность къ личной, самостоятельной, болѣе свободной дѣятельности, нежели земледѣліе. Не будь этого промышленнаго направленія способностей и склонностей, производительность почвы еще могла бы усилиться съ помощью труда и науки, тѣмъ болѣе, что въ губерніи много рѣкъ, по берегамъ которыхъ лежатъ хорошіе луга, способствующіе скотоводству и, слѣдовательно, дающіе всѣ средства для удобренія. Теперь истаго Ярослава и калачомъ не заманите за соху и борону. Да и затѣмъ ему потѣтъ надъ землею, когда ремесла и торговля удовлетворяютъ и потребностямъ его духа и несравненно вѣрнѣе земледѣлія вознаграждаютъ употребленныя на нихъ силы и капиталы. Ярославская губернія лежитъ подъ 57° 38' сѣверной широты и 66° 47' восточной долготы. Это не то что какой-нибудь Крымъ, Кавказъ... При расчетахъ о здѣшнемъ земледѣліи, нельзя брать за масштабъ нашихъ южныхъ губерній, и тѣмъ болѣе сельскаго хозяйства Франціи, Англіи или Средней Германіи. На сѣверѣ земледѣліе вообще обходится несравненно дороже нежели на югѣ, а потому доставляетъ меньше чистаго дохода, не принимая даже въ расчетъ неплodности почвы. Самая важная часть сельскаго хозяйства, приготовленіе земли подъ пашню и житво, распределено въ южныхъ земляхъ, касательно работъ, на гораздо большее время, и стало быть, гораздо дешевле обходится. Въ Новороссійскомъ краѣ, въ земляхъ придунайскихъ и прочая, эти работы распределены на семь

мѣсяцевъ, между-тѣмъ какъ въ ярославской губерніи короткое лѣто оставляетъ для нихъ только четыре; поэтому, что можно сдѣлать на южной пашнѣ одинакой величины и качества, съ четырьмя людьми и четырьмя лошадьми, для того на сѣверѣ нужно семь человекъ и лошадей. Такимъ образомъ, чистый доходъ отъ ярославскихъ мѣвъ сравнительно съ южно-русскими, принимая въ расчетъ съ одной стороны одинаковыя цѣнности рабочихъ и продуктовъ, а съ другой стороны одинаковую почву, будетъ, по расчету времени, по крайней-мѣрѣ вдвое менше. И это только по расчету времени, полагая на югѣ и сѣверѣ одинаковую почву.... Между-тѣмъ одна отъ другой—какъ небо отъ земли! Невыгодное соотношеніе въ распределеніи рабочаго времени (конечно не почвы) могло бы еще сравниться, если бы, напримѣръ, зимою, когда земледѣліе прекращается, можно было отпустить прочь рабочихъ скотъ и людей; или если бы руки и скотъ земледѣльцевъ можно было въ продолженіи нерабочихъ осьми мѣсяцевъ, обращать на какую-нибудь другую дѣятельность. Но первое предположеніе возможно только въ частностяхъ, и не должно идти въ расчетъ при обсужденіи земледѣльческой дѣятельности цѣлаго края *, а что касается до втораго, то при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, въ большей части губерніи, во всю зиму нѣтъ никакого другаго хозяйственнаго занятія, кромѣ вывозу лѣсу и отвозу продуктовъ на рынокъ. Зима, или по-крайней-мѣрѣ бездѣйственное время, продолжаясь около осьми мѣсяцевъ, заставляетъ во все это время почти даромъ кормить и человека и лошадь. А если къ этому принять въ расчетъ относительную низость цѣвъ сельскихъ произведеній, мѣстами отдаленіе рынковъ, сравнительную высокую заработную цѣну, в томъ подобное, то выгоды отъ ярославскаго земледѣлія, не только не выдержатъ сравненія съ какимъ-нибудь [западнымъ европейскимъ хозяйствомъ, но даже и съ нашимъ южно-русскимъ, такъ что рассчитанный нами половинный доходъ, будетъ далеко не точенъ. Кромѣ-того мы привели еще, что почва въ мѣвахъ около Ярославля, также плодородна, какъ въ мѣвахъ южно-русскомъ; а между-тѣмъ въ послѣднемъ она даетъ бѣдно-бѣдно самъ-шесть и самъ-семь, тогда какъ ярославская едва принесетъ самъ третей.

* У насъ, дѣйствительно, многіе крестьяне продаютъ своихъ лошадей послѣ жатвы, и покупаютъ весной новыхъ. Этому способствуетъ то, что извозъ здѣсь производится большею частью зимою, поэтому извозчики покупаютъ лошадей у крестьянъ осенью.

Изъ этого видно, что земледѣліе въ ярославской губерніи не можетъ считаться выходящимъ промысломъ, а въ большинѣ мѣстъ нельзя заниматься имъ однимъ. А между-тѣмъ отозвать его совсѣмъ тоже невозможно;—оно крайняя необходимость. Производить его должно, даже если бы въ денежномъ отношеніи отъ него былъ такъ-называемый убытокъ. Въ краю, лежащемъ внутри материка, земледѣліе доставляетъ, говоря вообще, почти единственное средство къ прокормленію людей и животныхъ. Поэтому то оно, несмотря на всѣ свои невыгоды, составляетъ въ ярославской губерніи основную промышленность. Крестьянинъ занимается имъ для пропитанія семьи, скота; помещикъ — частью для той же цѣли, частью для выгоды; но выгоды помещика возможны только при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ.

Въ ярославской губерніи большія земледѣльческія мѣстья могутъ существовать только въ двухъ видахъ: или какъ сдѣльные мѣстья, въ которыхъ помещикъ не содержитъ на заработной платѣ ни работниковъ, ни рабочаго скота; гдѣ онъ не несетъ никакихъ издержекъ на хозяйство; или какъ хозяйства, основанныя хотя и на заработной платѣ, но соединенныя съ фабричною промышленностью, такъ, чтобы рабочія силы людей и скота, употребляемыя для земледѣлія, въ свободное время можно было постоянно занимать съ выгодой для фабричной дѣятельности. Первый видъ сельскихъ хозяйствъ преимущественно развитъ въ ярославской губерніи; второй является какъ исключеніе.

Мѣстья часто земледѣльческія, на заработной платѣ, не могутъ быть выгодны для поземельныхъ владѣльцевъ, о чемъ, кромѣ того, что мы уже сказали, будемъ еще нѣтъ случая говорить въ послѣдствіи.

Но видъ, однако же, ярославская губернія въ одинаковой степени неудобна для земледѣльческой дѣятельности и не вся она исключительно промышленна. Вообще, эту губернію можно раздѣлять на двѣ половины, нѣсколько различныя по своей дѣятельности: въ одной изъ нихъ господствуютъ чрезвычайно разнообразныя роды промышленности, а земледѣліе въ небреженіи и производится только для прокормленія; въ другой, на основаніи мѣстныхъ условій, земледѣліе развито, или варавитъ съ другими промыслами или мѣстами даже сельвѣе. Первую половину губерніи составляютъ пять западныхъ, сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ уѣздовъ: помеховскій, мологскій, рыбнискій, мышкинскій, угличскій и сѣверная часть ярославскаго; ко второй половинѣ принадлежатъ остальные пять уѣздовъ губерніи: ростовскій, добинскій,

романовъ-борисоглебскій, даниловскій и южная часть ярославскаго. Первая половина губерніи лежитъ въ отдаленіи отъ большихъ городовъ и большахъ дорогахъ, на важнѣйшихъ водныхъ сообщенияхъ государства и вблизи огромныхъ лѣсовъ сѣверо-восточной Россіи, которые даютъ пищу многимъ ремесламъ и судостроенію. Вторая половина губерніи лежитъ ближе къ Москвѣ, вдоль большой дороги между Москвою, Ярославлемъ и Костромой, недалеко отъ Владимира и, стало быть, отъ большой дороги изъ Москвы въ Нижній. Въ этой половинѣ, лѣсовъ немного и она находится въ слабой связи съ Волгой, этой матерью русскихъ рѣкъ, налагающей свой характеръ на все, что подлѣ нея, что приютилось подъ ея крылышко. Вездѣ, гдѣ протекаетъ Волга, болѣе трети народонаселенія занято исключительно ею. Во второй половинѣ губерніи болѣе рукъ для земледѣлія и соединенныхъ съ нимъ отраслей сельскаго хозяйства. Всей пахатной земли въ губерніи считается до 1,042,430 десятинъ, стало-быть она составляетъ около трети всего пространства губерніи. Это отношеніе пахатной земли къ пространству было бы очень удовлетворительно, если бы земля имѣла достаточную силу плодородія и если бы туземцы расположись были къ этого роду трудамъ. Ярославцы, не любящій равномерной, тяжелой земледѣльческой работы, стараются слегка обработать какъ можно большее пространство, надеясь, получить хорошую жатву безъ усиленнаго труда. Отъ этого хотя подъ полями земли и довольно, но земледѣліе далеко отъ совершенства. Изчисляя количество пахатной земли по уѣздамъ, найдемъ, что ея въ пошехонскомъ уѣздѣ 180,000 десятинъ, могогоскомъ 115,340, мышкинскомъ 117,137, рыбннскомъ 77,820, угличскомъ 106,123 десятины, въ ярославскомъ 129,777 десятинъ, ростовскомъ 83,168, любимскомъ 82,385 десятинъ, романо-борисоглебскомъ 67,544, даниловскомъ 83,136 десятинъ. Изъ этихъ цифръ можно бы сдѣлать заключеніе обратное тому, которое мы сдѣлали, раздѣливъ губернію на два отдѣла, промышленный и земледѣльческій; но цифры всегда имѣютъ значеніе относительное. Несмотря на то, что въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ пяти уѣздахъ губерніи населенной земли болѣе нежели въ остальныхъ, отношеніе этой земли къ общему пространству и къ населенію меньше; кромѣ того самые урожанъ при одной и той же почвѣ отъ худшей обработки земли тоже меньшіе. Отношеніе пахатной земли въ уѣздахъ къ общему ихъ пространству слѣдующее: въ пошехонскомъ найъ $1:3\frac{1}{2}$, могогоскомъ 1:4, мышкинскомъ 1:2, рыбннскомъ 1:3, угличскомъ 1:3, ярославскомъ 1:2,

ростовскомъ 1:2½, любинскомъ 1:2½, романо-борисоглебскомъ 1:2, даншловскомъ 1:2. Стало быть, въ послѣднихъ уѣздахъ почти на половину всего пространства подъ полями, между-тѣмъ какъ въ некоторыхъ изъ первыхъ оно составляетъ даже около четвертой части.

Чтобы сдѣлать выводъ, въ какой степени земледѣіе удовлетворяетъ потребностямъ жителей, для этого надобно сдѣлать расчетъ, по скольку приходится земли на каждую мужскую душу, по скольку высѣется на это количество зеренъ, сколько съ того же количества собирается хлѣба и недостаточна или избыточна мѣра этого сбора. Круглымъ числомъ, на каждую мужскую душу въ губерніи приходится по 2¼ десятины пашни; на каждую десятину высѣвается ржи отъ 1½ до 2 четвертей, овса отъ 3 до 4 четвертей, ячменя отъ 2 до 3 четвертей, льнянаго семени около 11 четвертковъ, гороху около 10 четвертковъ. Пшеница, греча, хотя и сѣются для домашняго потребленія, но очень не въ значительномъ количествѣ, потому-что ранніе морозы часто уничтожаютъ ихъ. И такъ на продовольствіе мужской души, при трехпольномъ хозяйствѣ, ежегодно засѣвается по одной десятинѣ, то есть около 2 четвертей ржи и ячменя. Овесъ идетъ на кормъ лошадямъ или на крупу.

Считая круглымъ числомъ урожай въ 2½ раза, выйдетъ, что съ десятины за исключеніемъ сѣмянъ, снимется для продовольствія, 3 четверти хлѣба. Полагая же годовую пропорцію на душу мужскаго пола по 2½ четверти, а на душу женскаго пола по 2 четверти, ясно, что собраннаго хлѣба не будетъ доставать болѣе нежели на ½ года. Этотъ расчетъ еще самый умеренный, потому-что тутъ предполагается въ день на человѣка менѣе 2 фунтовъ, а между-тѣмъ у насъ, на сѣверѣ, вообще главную пищу народа составляетъ хлѣбъ; картофель не вошелъ въ общее употребленіе; изъ овощей въ большомъ ходу одна капуста. Мясъ, молока, масла ѣдятъ мало. Здоровый Ярославецъ едва ли обойдется безъ 3 фунтовъ хлѣба, а въ рабочую пору онъ, пожалуй, съестъ себѣ и 5 фунтовъ. Цифры урожая въ губерніи совершенно подтверждаютъ сдѣланные нами выводы. Въ губерніи, среднимъ числомъ, сѣется озимаго хлѣба до 390,000 четвертей, а собирается до 1,176,000; по этому, для продовольствія остается только 786,000 четвертей, а между-тѣмъ по годовой пропорціи на все число жителей губерніи должно бы потребляться хлѣба до 2,224,464 четвертей. Порядочный дефицитъ! Подмога яроваго посѣва и картофеля, для продовольствія собственно народонаселенія, далеко не по-

подмилеть его, потому что яровому посѣву есть свое назначеніе. Ярового хлѣба, тоже сѣется въ губерніи среднимъ числомъ до 832,000 четвертей, собирается до 1,760,000 четвертей; но здѣсь большая часть овса; картофелю сѣется до 104,000 четвертей, собирается до 261,000 четвертей. Покупается хлѣба однако же гораздо меньше, нежели сколько по расчету недостаетъ для продовольствія; этому причиной значительное число (до 60,000 человекъ) ежегодныхъ выходцевъ изъ губерніи на заработки, главныхъ потребителей хлѣба, а также съ каждымъ годомъ увеличивающееся количество разводимаго картофеля.

На случай неурожаевъ и голода, въ губерніи устроены запасныя сельскія магазины и заведены запасныя капиталы. Число душъ, подлежащихъ сбору зерноваго хлѣба въ запасныя магазины, простирается до 390,475; число магазиновъ до 1,694. Къ 1 января 1848 года въ этихъ магазинахъ было на-лицо до 300,000 четвертей озимаго и до 150,000 яроваго. Число душъ въ губерніи, подлежащихъ сбору денежнаго запаснаго капитала, простирается до 413,679. Самаго же капитала къ 1 января 1848 года было до 400,000 рублей серебромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе запасныхъ магазиновъ и капиталовъ благотвительно; но для большей части ярославской губерніи самый лучшій магазинъ въ неурожайные годы—Волга, самый лучшій капиталъ—промышленный духъ ея жителей, бойкій умъ ихъ и всегдашняя готовность къ дѣятельности. Система земледѣлія въ губерніи обыкновенная, трехпольная. Землю воздѣлываютъ сохами и косулями. Такъ-какъ скотъ содержится не въ избыткѣ, а земля требуетъ значительнаго удобренія (отъ 150 до 200 обыкновенныхъ крестьянскихъ возовъ—около 15 пудовъ въ каждомъ—на десятину), то и ежегодное количество удобряемой земли невелико. Навлучшіе урожаи бывають на господскихъ запашкахъ, среднимъ числомъ самъ-третей, вообще же урожаи рѣдко бывають болѣе самъ-другъ съ половиной. Мѣстами, особенно на новизнахъ, онѣ доходятъ и до шести зеренъ въ сборахъ озимаго или до 4 въ сборахъ яроваго.

Среднія цѣны на хлѣбъ въ Рыбинскѣ, изъ десятилѣтней сложности, слѣдующія: куль муки девяти-пудоваго вѣса 3 рубля 97 копѣекъ серебромъ; куль овса пяти съ половиною пудоваго вѣсу 2 рубля серебромъ. Эти цѣны наивышнія въ губерніи; въ другихъ мѣстахъ онѣ разнообразны, нисходя до 2 рублей 60 копѣекъ за четверть для ржи (въ даниловскомъ уѣздѣ) и до 1 рубля 42 копѣекъ серебромъ за четверть для овса (въ любимскомъ уѣздѣ). Что-

бы познать, въ какой степени невыгодна земледѣльческая дѣятельность въ губерніи, надобно рассчитать, сколько можетъ принести чистаго дохода десятина пахотной земли. Средняя цѣна рабочина-земледѣльца въ годъ 40 рублей серебромъ; въ лѣто (начиная рабоче время съ 23 апрѣля, по 24 октября) — около 28 рублей серебромъ. Полевая плата за рабочій день около 40 или 45 копѣекъ серебромъ. Полагая, что съ десятины можно снять, за исключеніемъ сѣмянъ, 3 четверти озимаго хлѣба, и что этотъ хлѣбъ можно продать среднимъ числомъ по 3 рубля, выйдетъ доходу съ озимой десятины 9 рублей; но здѣсь не принять въ расчетъ трудъ.

Опредѣлить съ точностью общую цѣнность этого труда не легко, потому что работникъ нанимается не для одной обработки земли, но и для другихъ домашнихъ занятій, болѣе или менѣе разнообразныхъ по дѣятельности и зажиточности нанимающаго; притомъ при обработкѣ десятины принимаютъ участіе разные руки. Оцѣнивая все это на деньги выйдетъ, что земледѣльческій трудъ при тѣхъ урожаяхъ, которые обыкновенно бываютъ, не только не приносить доходу, но — убытокъ. Говоря о земледѣліи, мы не упоминали о посѣвѣ льну и конопли. Послѣдній незначителенъ, исключительно для домашняго потребленія; ленъ же разводится повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ значительномъ количествѣ, преимущественно въ уѣздахъ ярославскомъ, угличскомъ и ростовскомъ, откуда, кромѣ мѣстнаго потребленія идетъ на продажу — въ обработанномъ видѣ, волокномъ и полотнами. Главная продажа его производится ярославскаго уѣзда въ селѣ Великомъ, во время ярмарки, бывающей въ первыхъ числахъ сентября и на еженедѣльныхъ базарахъ, гдѣ продается его всегда до 50,000 пудовъ и отправляется частью въ разные города имперіи, а болѣе въ Архангельскъ, всего на сумму до 100,000 рублей серебромъ. Средняя цѣнность обработаннаго льну на мѣстѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ рублей серебромъ. Ленъ наиболѣе выгодное земледѣльческое произведеніе края, но и это произведеніе идетъ преимущественно въ обработанномъ видѣ; стало-быть столько же принадлежитъ промысламъ, сколько и земледѣлію. Во всякомъ случаѣ, сдѣланный нами обзоръ земледѣлія губерніи ведетъ насъ къ первоначальному заключенію, что часто земледѣльческія нѣтъ въ ярославской губерніи, при вытѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства, могутъ существовать только въ такомъ случаѣ, когда трудъ не будетъ оцѣниваемъ какъ заработная плата. Для полноты обзора земледѣльческой дѣятельности, надобно еще сказать объ огородничествѣ и садоводствѣ въ губерніи, а также о луго-

птицъ и скотоводствѣ, — отрасляхъ сельскаго хозяйства въ ярославской губерніи, вспомоgetельныхъ земледѣлію.

Огородничество производится здѣсь повсемѣстно для домашняго потребленія и въ небольшомъ количествѣ для выгоды. Для послѣдней цѣли оно въ особенности развито въ ростовскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ города Ростова, жителями сель Порѣчья, Воржи, Сулоусти и Угодичъ. Близъ города Ростова лежитъ озеро Неро, котораго широкая окраина покрыта черноземомъ. На этой-то окрестности, вокругъ озера наиболѣе и развито огородничество. Здѣсь готовятъ въ большомъ количествѣ зеленый горохъ, цвѣрный кофе и разводятъ другія огородныя травы и сѣмена, какъ-то: мяту, чабръ, садовую ромашку, укропъ, калуферъ, остроготъ, мелнесу, маіоранъ и другія. Порѣчье въ особенности славится разведеніемъ цикорія, котораго добывается здѣсь до 40,000 пудовъ. Въ Порѣчьи 1,400 домовъ, изъ которыхъ больше половины каменныхъ, въ новомъ стилѣ. Оно имѣетъ видъ красиваго, богатаго города съ широкими, мощеными улицами. Порѣчье извѣстно также во всей Россіи по огромному разведенію такъ-называемаго московскаго сахарнаго горошка. Всѣ эти произведенія отправляются на продажу въ различныя мѣста имперіи съ ростовской ярмарки; ихъ ежегодно сбывается на сумму до 62,600 рублей серебромъ. Ростовцы извѣстны во всей Россіи за самыхъ искусныхъ огородниковъ и садовниковъ. Они занимаются на лѣто въ помѣщичьихъ имѣніяхъ садовниками и получаютъ отъ 200 до 300 рублей серебромъ жалованья. Зимой возвращаются домой.

Садоводство здѣсь весьма незначительно: изъ плодовыхъ деревьевъ разводятся только яблони, и тѣ, требуя большого ухода, часто, въ холодныя зимы, вымерзаютъ. Въ ярославскомъ уѣздѣ есть впрочемъ нѣсколько садовъ, дающихъ доходъ владѣльцамъ: плоды продаются преимущественно или въ самомъ Ярославлѣ, или въ Великомъ селѣ, всего на сумму до 2,000 рублей серебромъ.

Луговоедство и скотоводство въ ярославской губерніи не составляютъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ отраслей сельскаго хозяйства; сами по себѣ они рѣдко гдѣ приносятъ выгоды; но поддерживаются и развиваются въ помощь земледѣлію. Бесплодная ярославская почва требуетъ удобренія, для удобренія вужень скотъ, а для содержанія скота необходимо — имѣть связь между этими тремя видами сельскаго хозяйства. По обзору состоянія земледѣлія въ губерніи, можно судить и о двухъ вспомоgetельныхъ ея отрасляхъ.

Луговой земли считается въ ярославской губерніи до 248,000 дес.,

всей же сѣнокосной земли, считая полевые луга и пустоши, въ которыхъ косится сѣно, полагается до 492,000 десятинъ. Стало бытъ луговой земли только $\frac{1}{14}$ часть всего пространства губерніи, а сѣнокосной почти $\frac{1}{6}$; отношеніе луговъ къ пашнѣ какъ 1:2. Отношеніе, повидимому, чрезвычайно удовлетворительное; но луга хороши только тѣ, которые лежатъ въ поемныхъ долинахъ рѣкъ Волги, Мологи, Шексны, Которостлн, Костромы, Соты, Пахны, Устья и нѣкоторыхъ другихъ; такія мѣста называются *наволоками* и ими въ-особенности богаты уѣзды *мологскій* и *пошехонскій*; въ другихъ же уѣздахъ, гдѣ значительныхъ поемовъ нѣтъ, какъ въ *мышкинскомъ*, *угличскомъ*, *ростовскомъ*, сѣнокосы преимущественно лежатъ по болотистымъ мѣстамъ, *лѣсамъ* и *пустошамъ*. Разница въ выборѣ сѣна на хорошихъ лугахъ и вообще на сѣнокосныхъ мѣстахъ огромная; на первыхъ съ десятины накашивается до 200 пудовъ сѣна, съ полевыхъ же луговъ и пустошей не болѣе 40 пудовъ. Определить доходъ съ луговой десятины можно только условно, по первности сборовъ сѣна. Принявъ для расчета наименьшую цѣнность сѣна въ губерніи 40 копѣекъ серебромъ за пудъ (сбиваютъ въ Ярославлѣ и 35 копѣекъ серебромъ), доходъ можетъ простираться отъ 4 до 20 рублей серебромъ съ десятины. Этотъ расчетъ, впрочемъ, не имѣетъ большаго значенія, потому-что почти все сѣно губерніи, какъ мы уже сказали, идетъ на домашнее потребленіе. Только изъ уѣздовъ, наиболѣе богатыхъ сѣнокосомъ, каковы *мологскій* и *пошехонскій*, отправляется, за мѣстнымъ его потребленіемъ, часть въ городъ *Рыбинскъ* на продажу, гдѣ, особенно лѣтомъ, по большой прибыли лошадей съ судами, спросъ на него бываетъ значительнѣе.

Для вывода отношенія сѣнокосовъ къ пахатной землѣ и общему пространству по уѣздамъ, замѣтимъ сколько въ каждомъ уѣздѣ считается сѣнокосныхъ десятинъ. Въ *ярославскомъ* 35,836, въ *ростовскомъ* 66,885, въ *романо-борисоглѣбскомъ* 32,618, въ *угличскомъ* 21,450, въ *мышкинскомъ* 12,105, *рыбинскомъ* 10,870, *мологскомъ* 77,714, *пошехонскомъ* 200,000, *любимскомъ* 14,973, *даніловскомъ* 19,354 десятины.

Скотоводство поддерживается въ губерніи, какъ мы сказали, въ помощь земледѣлію; поэтому *ярославскіе* сельскіе хозяева мало заботятся о качествѣ скота; они стараются объ одномъ, чтобы приходилось на десятину наибольшее число головъ. При худой почвѣ на хорошее удобреніе земли нужно не менѣе трехъ головъ на пахатную десятину; между-тѣмъ въ *ярославской* губер-

ни; даже если считать и овецъ, и тогда далеко недостаетъ необходимого по этому расчету количества скота. По свѣдѣніямъ за 1846 годъ, лошадей въ губерніи считалось 228,000; рогатаго скота 392,000, овецъ 378,000 головъ; всего менѣе милліона головъ съ овцами, а надобно по-крайней-мѣрѣ три милліона крупнаго скота. Можетъ ли, послѣ этого, процвѣтать земледѣліе, — мудро ли; что земля даетъ круглымъ числомъ рѣдко болѣе $2\frac{1}{2}$ зеренъ урожая. Конскіе заводы хотя и существуютъ въ уѣздахъ ярославскомъ, ростовскомъ, мышкинскомъ и даніловскомъ; однако они весьма незначительны. Чѣмъ больше говоришь о ярославскомъ земледѣліи и о тѣхъ основахъ, которыми оно должно поддерживаться, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что для процвѣтанія его нужно первоначально зарыть въ землю большіе капиталы, и долго, терпѣливо ждать счастливой жатвы.

Мудрено ли же, что Ярославецъ, богатый только хорошимъ складомъ ума-разума, богатый смышленостью, бросилъ земледѣліе, оставивъ его на долю жепщинъ и наемниковъ, а самъ пустился добывать деньги, необходимые ему для прожитія и на уплату повинностей — промыслами. Безъ науки, здравымъ смысломъ онъ позналъ, что трудъ есть капиталъ, и что надобно употреблять его тамъ, гдѣ есть возможность получить наибольшіе проценты; созвалъ, что заниматься исключительно земледѣліемъ — значитъ перебивать изъ пустаго въ порожнее, — прожваться, а не наживаться. Есть мѣстности, гдѣ крестьянинъ не можетъ принимать въ расчетъ своихъ силъ, употребленныхъ на земледѣліе, потому-что ему нѣтъ никакой возможности употребить ихъ иначе, стало быть сдѣлать ихъ болѣе цѣнными. Но у крестьянина ярославской губерніи другое дѣло: онъ не такъ дешево цѣнить свои труды, чтобы биться изъ-за куска хлѣба. Въ двигателяхъ для возбужденія выгодной дѣятельности Ярославецъ никогда не имѣлъ недостатка. Во первыхъ, положеніе края всегда особенно благопріятствовало развитію промышленности, и особенно съ-тѣхъ-поръ какъ Петербургъ сдѣлался главнымъ торговымъ мѣстомъ государства; во-вторыхъ, ярославскій крестьянинъ съ первыхъ временъ развитія крѣпостнаго состоянія всегда былъ на оброкѣ, а не на сдѣлкѣ, слѣдовательно всегда нуждался не въ одномъ насущномъ хлѣбѣ, но и въ копѣйкѣ; наконецъ постояннымъ и самымъ главнымъ двигателемъ для развитія промышленности въ губерніи былъ народный духъ, постоянное стремленіе къ дѣятельности, и зимой и лѣтомъ одинаковое, способность подражать, заимствовать, склонность къ торговлѣ, къ прибытку. Промышленность, подъ вліяніемъ этихъ двигателей, обратилась

прежде всего на сырые продукты собственного края, которые жители перерабатывали в течение праздных зимних осей и свозили на рынки. Таинъ-образомъ на рынкахъ явились произведеніи колесниковъ, столяровъ, лапотниковъ, доттарниковъ, судостроителей, ткачей, или лучше ткачихъ, каматчинокъ, кожевниковъ, сапожниковъ и прочая. Продукты, смотря по тому, гдѣ какой болѣе былъ въ изобиліи, обрабатывались массаи, фабрично, а не такъ, чтобы въ каждомъ мѣстѣ были свои мастеровые, портные, сапожники, сѣдельники и прочіе, нужные для мѣстной потребности; массаи свозились издѣлія и на рынки. Такииъ образомъ промышленность въ губерніи развилась по общинамъ; извѣстными мѣстностями, волостямъ усвоились изъ рода въ родъ извѣстные промыслы. Такъ ведется, впрочемъ, не въ одной ярославской губерніи, но вездѣ почти въ Великороссіи.

Въ другихъ странахъ каждый посвящаетъ себя тому ремеслу, къ которому чувствуетъ особенную склонность, способность, талантъ; въ Россіи принято, что каждый имѣетъ склонность, расположеніе и способность къ каждому ремеслу. И дѣйствительно такъ! Способность чисто-русскаго человѣка, наприимѣръ Ярославца, ко всѣмъ техническимъ работамъ — удивительна, часто невѣроятна. За доказательствами ходить недалеко.... Загляните въ хозяйство любого полка — мастеровые, чтѣ ваши Нѣпцы!... а какъ они сформированы? Объявлено, — Сидорову въ портные, Петрову въ сапожники, Иванову въ слесаря, Сергѣеву въ басовщики, Леонтьеву въ музыканты.... Между тѣмъ солдатъ одѣтъ и ловко, и красиво; обозъ и проченъ и щеголеватъ, въ музыкантахъ насчиташь не одного Васильева.... и невольно согласишься, что русскій человѣкъ на все способенъ! Вотъ почему и въ ярославской губерніи ремесла образовались болѣею частью въ общинномъ видѣ.... Вы встрѣчаете цѣлую деревню сапожниковъ, цѣлую волость кузнецовъ, кожевниковъ и тому подобныхъ. Это имѣетъ большія выгоды.

Такъ какъ въ губерніи живутъ вообще большими семействами, патриархально, то при занятіяхъ ремеслами, возможно раздѣленіе работъ, необходимое въ фабричной промышленности. Притомъ такъ какъ цѣлая деревня, занимается однимъ ремесломъ, то здѣсь одинъ помогаетъ другому и капиталомъ и рабочими силами: закупка дѣлается сообща, продажа тоже. Крестьяне такихъ промышленныхъ общинъ, несвязываясь цѣловыми постановленіями, совершенно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. У насъ, стало-быть, искони ведется въ на-

редѣ тотъ порядокъ въ промышленной дѣятельности, котораго тамъ добиваются на западѣ. — Это выгода; но за то при общинной промышленности ремесленники, считъвъ не руководимые кромѣ рутинны, мало заботятся объ усовершенствованіи своихъ ремеслъ; такимъ образомъ, многія ремесла изъ вѣка въ вѣкъ переходятъ въ одномъ и томъ же видѣ. — Онѣ доставляютъ Ярославцу извѣстныя выгоды, даютъ ему средства платить повинности и жить въ изобиліи; онъ и доволенъ. Рѣдкій Ярославецъ не ремесленникъ; не любя земледѣлія какъ занятія тяжелаго, неблагодарнаго, Ярославцы на половину не занимаютъ имъ даже и для обработки собственныхъ полей. Для этого нанимаютъ они работниковъ изъ другихъ краевъ государства, — имѣющихъ лѣтомъ избытокъ свободного времени отъ полевыхъ занятій. Въ олонечкой, архангельской, даже вологодской губерніи густое народонаселеніе живетъ преимущественно вдоль рѣкъ, а внутри странъ лѣса да болота. Это густое народонаселеніе относительно мало занимается земледѣліемъ. Тамъ самые выгодные посылы производятся на ядахъ, на подсѣкахъ, при чемъ труда вдвое меньше нежели на пашнѣ, а прибыли по-крайней-мѣрѣ вдвое больше, а иногда и въ четверо противъ обыкновеннаго урожая. Въ этихъ губерніяхъ самыя главныя и выгодныя работы представляютъ лѣса. Тамъ рубятъ корабельный лѣсъ, выплавляютъ бревна, доски, свдѣтъ деготь, смолу, скипидаръ и отправляютъ ихъ по рѣкамъ въ Архангельскъ и частью въ Санктпетербургъ. Всѣ эти работы занимаютъ народъ зимою и въ короткое время весеннихъ разлиновъ, лѣтомъ же ему почти нечего дѣлать. Тогда народъ идетъ большими толпами на югъ и нанимается тамъ въ полевыхъ работы. Въ промышленную ярославскую губернію такихъ работниковъ является на лѣто до 50,000. Такъ-какъ Ярославцы могутъ заработать гораздо больше денегъ на фабрикахъ и промыслахъ нежели въ полѣ, то они нанимаютъ этихъ стороннихъ работниковъ за 20 и 28 рублей серебромъ на лѣто, а сами въ это время зарабатываютъ промыслами и на фабрикахъ отъ 30 до 40 рублей серебромъ, кромѣ содержанія. Излишекъ ремесленниковъ и фабричныхъ, ненужныхъ въ губернію, въ свою очередь, тоже расходится въ разныя мѣста государства. Этотъ излишекъ простирается до 60,000. И здѣсь общинный духъ промышленности не оставляетъ Ярославцевъ. Уходя, они формируютъ обыкновенно артели и такими артелями работаютъ въ Петербургъ, Москвѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Малороссіи и другихъ мѣстахъ. Главнѣйшіе основныя элементы народной ремесленности и промышленности, кро-

и въ некоторыхъ предметахъ сельскаго хозяйства, каковы лѣсъ, кожа, желѣзо, составляютъ лѣса и воды губерніи.

Мы разъ уже замѣтили, какую роль въ губерніи играетъ Волга... а тамъ не одна она, а цѣлая система рѣкъ, вожатыхъ для промышленности, каковы: Молога, Шексна, Согажа, Кострома, Которостль и другія. Главная польза рѣкъ для губерніи—судоходство по нимъ и вліяніе этого судоходства на развитіе некоторыхъ связанныхъ съ ними промысловъ; но кромѣ того онѣ имѣютъ значеніе и по рыбной ловлѣ.

Рыбная ловля преимущественно производится по рѣкамъ Волгѣ и Шекснѣ; въ особенноти на послѣдней рѣкѣ производится промышленниками ловъ стерляди, которая, за мѣстнымъ потребленіемъ, доставляется за дорогую цѣну живою въ Петербургъ.

Ловъ на Волгѣ производится подъ селеніями Норскимъ, Ивальковымъ, Городищами, Толчскимъ монастыремъ, Богоявленскимъ островомъ Савинскимъ и въ другихъ мѣстахъ по направленію къ Рыбинску.

Для лова употребляются различныя снасти, какъ-то: невода, наметы, бредни, кужи, крылены, а на малыхъ рѣкахъ дѣлаютъ заколы, съ оставленіемъ небольшихъ воротцевъ, къ которымъ прикрѣпляютъ мережные кошелн.

Пойманная рыба распродается на мѣстахъ ловли, а также въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ, и поступаетъ почти вся на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, кромѣ небольшого количества, отправляемаго на особыхъ тихвинкахъ въ Санктпетербургъ.

Цѣнность рыбы весьма различна. — Такъ называемая бѣль, состоящая изъ судаковъ, шукъ, лещей и прочихъ, продается, смотря по ея величинѣ и по сорту, отъ 20 копѣекъ до 4 рублей серебромъ за пудъ. Стерлядь же продается на мѣру, и по произвольной, иногда весьма дорогой цѣнѣ.

Весь торговый оборотъ этого рода промышленности, полагаютъ въ цѣлой губерніи около 7,000 рублей серебромъ въ годъ.

Важность судоходнаго пути на Волгѣ для губерніи въ особенноти велика потому, что суда, идущія по этому пути изъ низовыхъ мѣстъ, должны перегружаться для дальнѣйшаго слѣдованія. Это имѣетъ сильное вліяніе какъ на развитіе торговой дѣятельности въ губерніи, такъ и на развитіе некоторыхъ отраслей промышленности, въ особенноти связанныхъ съ обиліемъ лѣсовъ. Ярославская губернія прежде была очень богата лѣсами; но легкость сбыта и нужда въ деньгахъ у помѣщиковъ были причинами постепеннаго истребленія лѣсовъ. Въ настоящее вре-

мя лучшіе лѣса — собственность казны; лѣса же, принадлежащіе частнымъ лицамъ, почти всё или дровяные, или кустарники; а такъ какъ казенный лѣсъ продается довольно дорогою цѣною и не можетъ выдержать соперничества въ цѣнахъ съ лѣсомъ, принадлежащимъ частнымъ лицамъ, то его продается и потребляется весьма немного. На судостроеніе, на постройку домовъ, а также на дрова покупается лѣсъ или изъ помѣщичьихъ дачъ или пригоняемый промышленниками изъ тверской, новгородской и вологодской губерній. Главнѣйшія породы деревъ лѣса, изъ хвойныхъ: сосна, ель, можжевельникъ; изъ лиственныхъ: береза, осина, ольха, ива, липа.

Казенные лѣса, попеченіями лѣснаго начальства, въ настоящее время приведены въ извѣстность и обмежеваны; количество же помѣщичьихъ лѣсовъ и принадлежащихъ другимъ лицамъ свободного состоянія, опредѣлить весьма трудно, потому что такъ какъ со временъ генеральнаго межеванія не было никакихъ размежевокъ у владѣльцевъ, а съ того времени уѣзды, которые были покрыты лѣсами, теперь сдѣлались почти открытыми, какъ напримѣръ мышквинскій уѣздъ, то и нельзя почти дать никакихъ достовѣрныхъ цифръ, которыя бы показывали количество лѣсовъ въ уѣздѣ, то есть количество строеваго, дровянаго лѣса и кустарника.

Уѣзды, наиболѣе покрытые лѣсами: моголскій и пошеховскій, потомъ любимскій и ярославскій. Наиболѣе бѣдные лѣсомъ уѣзды: мышквинскій, романовъ-борисоглѣбскій, и ростовскій.

Въ пошеховскомъ уѣздѣ, и особливо въ моголскомъ, значительныя ежегодныя порубки весьма уменьшаютъ количество лѣсовъ взрослыхъ.

Замѣчательнѣйшіе и обширнѣйшіе лѣса въ пошеховскомъ уѣздѣ находятся въ сѣверной его части, и извѣстны подъ названіемъ столыпинской, шельшедамской, спасоломской и поземовской лѣсныхъ дачъ. Подъ ними находится около 12 тысячъ десятинъ, и всё они высокоствольны и густы. Спасоломскій принадлежитъ казнѣ, — прочіе ей же, вмѣстѣ съ частными владѣльцами. Первые два, по измѣнности, до совершенной просуши, почти непроходимы; послѣдніе же растутъ на почвѣ возвышенной и проѣздъ чрезъ нихъ возможенъ во всякое время.

Всего строеваго лѣсу, въ уѣздѣ, казеннаго и частнаго, полагается примѣрно около 25,000, дровянаго же до 40,000 десятинъ.

Въ моголскомъ уѣздѣ лѣса почти всё помѣщичьи, ихъ считается, вмѣстѣ съ кустарниками, до 188,100 десят. Лучшіе лѣса находятся

ближе къ тверской границѣ, за рѣкой Ситью и близь рѣкъ Соблы и Ланы. Также замѣчательно пространство между Шенскомъ и Мологою, покрытое лѣсами. Всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ губерніи 263,406 частныхъ до 800,000 десятинъ. Стало бытъ, въ губерніи почти треть пространства занято лѣсами, стома же, скошено и полями. Разсматривая количество лѣсовъ по уѣздамъ, найдемъ, что казенныхъ лѣсовъ болѣе въ поморскомъ уѣздѣ, 87,089, частныхъ въ моголомскомъ, до 194,000 десятинъ. Потомъ въ угличскомъ казенныхъ 39,366, частныхъ 45,000 десятинъ, дагѣ въ ростовскомъ казенныхъ 38,462; рыбнинскомъ казенныхъ 26,236 десятинъ, частныхъ 15,500; моголомскомъ казенныхъ 26,102; ярославскомъ казенныхъ 17,982, частныхъ 86,250; любимскомъ казенныхъ 11,134, частныхъ 149,433; нышкнинскомъ казенныхъ 8,946; даниловскомъ казенныхъ 6,741, частныхъ 55,000; романовскомъ казенныхъ 1,345, частныхъ 31,330 десятинъ. Все казенные лѣса въ 1845 году раздѣлены на 2 округа, а эти на 7 лѣсничествъ. Для сохраненія лѣсовъ есть постоянная лѣсная стража, то есть лѣсные объѣзчики (7), военные лѣсные стражи (4), стрѣлки (22), полѣсовщики (653) и пожарные старосты (191). Полѣсовщики выбираются изъ крестьянъ, и жалованья не получаютъ; объѣзчики же и стрѣлки вооружены и обмундированы по извѣстнымъ формамъ.

Сбытъ лѣсныхъ произведеній производится преимущественно на пристани Горькая Соль, находящейся при городѣ Мологѣ, на пространствѣ 10 верстъ отъ устья этой рѣки. Сюда приходитъ ежегодно значительное число гонокъ съ бревнами, копанями и другими лѣсными матеріалами; на эту же пристань съѣзжаются со всѣхъ мѣстъ покупщики, даже изъ Костромы, для закупки лѣса, который отсюда уже отправляется въ различные мѣста. По трехъ-лѣтней сложности, среднія цѣны на лѣсные матеріалы на этой пристани, и вообще въ моголомскомъ уѣздѣ были:

Бревно отъ	9	до 15	арш. длины, и	$3\frac{1}{2}$	до 6	верш. толщ.	75	коп. сѣр.
—	—	15	— 21	—	5	— 7	—	2 р. 90
—	—	21	— 24	—	$5\frac{1}{2}$	— 8	—	4 — 50
—	—	24	— 30	—	6	— 9	—	10 — —
Саженьъ дровъ березовыхъ однопольныхъ 1 — 80 — —								
— — ольховыхъ — — 1 — 60 — —								
— — сосновыхъ — — 1 — 50 — —								
— — еловыхъ — — 1 — 50 — —								

Барка, сменцовскаго мастерства, со всѣми снастями и вмѣщающая до 800 кулей, 290 рублей серебромъ.

Въ пошеховскомъ уѣздѣ на мѣстахъ сбыта: бревно длиною 7 сажень, толщиною 5 вершковъ, стоитъ 2 р. 75 копѣекъ. Бревно длиною 5 сажень, толщиною 5 вершковъ, — 1 рубль 28 копѣекъ серебромъ.

Сажень дровъ однополѣнныхъ стоитъ, кругомъ 1 р. сер., а съ поставкою въ Рыбинскъ или Ярославль — 1 р. 15 коп. сер.

Изъ любимскаго уѣзда сбытъ лѣса производится сплавомъ по рѣкамъ Обнорѣ и Костромѣ, къ лѣсной пристави въ Исадахъ; но тамъ торговля незначительна.

Торговля цѣны дровъ въ остальныхъ уѣздахъ болѣе или мѣнѣе подходятъ къ могогскимъ; только въ романо-борисоглебскомъ березовыя дрова доходятъ до 2 рублей 50 копѣекъ серебромъ за сажень; въ любимскомъ спускаются до 90 копѣекъ серебромъ.

Кромѣ рубки дровъ и добыванія матеріаловъ для различныхъ построекъ, жители извлекаютъ въкоторыя выгоды изъ лѣсовъ приготовленіемъ дубильной коры изъ ивоваго кустарника, которая, по большому количеству кожевенныхъ заводовъ, потребляется въ значительномъ количествѣ. Сидка же смолы и гонка дегтя производится почти только въ пошеховскомъ и отчасти въ могогскомъ уѣздахъ и отсюда получается выгоды не болѣе какъ на 1,500 рублей въ годъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители занимаютъ также дѣланіемъ деревянной посуды и въ особености деревянныхъ ложекъ, среднимъ числомъ въ годъ на 1,200 рублей серебромъ.

Опредѣлить количество и цѣнность добываемыхъ лѣсныхъ произведеній въ губерніи, весьма затруднительно; лѣсное вѣдомство содержитъ лѣсную заставу въ городѣ Рыбинскѣ на Волгѣ, для наблюденія за проплавомъ лѣсныхъ матеріаловъ.

Въ 1845 году проплавлено:

Судовъ всякаго рода.....	17,643
Строевыхъ деревъ.....	589,836
Дровъ, кубическихъ саженей..	21,729
Дегтю.....	106,389 пудовъ.
Поташу.....	14,749 —
Скипидару.....	67 бочекъ.
Кулей.....	423,388
Цыновокъ.....	34,000

Рогожь.....	1,769,010	
Мочаль.....	12,300	пудовъ.
Лубьевъ.....	31,816	штукъ.
Ивовоѣ коры.....	3,680	пудовъ.
Ободьевъ.....	13,120	штукъ.
Разноѣ деревянной посуды.....	28,000	
Деревянныхъ ложекъ.....	80,000	
Строевыхъ матеріаловъ, какъ-то:		
Лопастнику.....	502,600	
Лодочныхъ чагуновъ.....	8,781	
Жердей.....	340,740	
Обрешетнику.....	721,500	
Слани.....	4,290,600	
Заборнику, оследику, кольцевъ и прочая.....	5,911,647	штукъ.

Но это огромное количество лѣсныхъ произведеній принадлежитъ не одной ярославской губерніи; а гонятся вообще съ рѣкъ Мологи, Шексны, Волги, какъ изъ ярославской, такъ изъ прилежащихъ къ этимъ рѣкамъ мѣстъ тверской, новгородской и вологодской губерній.

Опредѣлить съ точностью сколько именно чего производится въ губерніи, чрезвычайно трудно; для этого нѣтъ общихъ вѣрныхъ данныхъ. Это относится не только до лѣсныхъ произведеній, но и ко всѣмъ другимъ промысламъ.

Мы однако же сдѣлаемъ коротенькій обзоръ, въ какихъ мѣстностяхъ чѣмъ болѣе занимаются. Такой обзоръ отчасти покажетъ объемъ промышленной дѣятельности въ губерніи, но еще болѣе раскроетъ общинную форму этой дѣятельности. — Наиболѣе усвоившіяся и обширныя домашнія ремесла — полотняное, кожевенное, скорняжное, желѣзное, судостроеніе и издѣлія, необходимыя для крестьянстаго быта. Въ тѣхъ уѣздахъ, которые лежатъ на судоходныхъ путяхъ и въ особенности по Волгѣ, на первомъ планѣ рисуются промыслы, связанные съ судоходствомъ. Тамъ судовщики, извозчики для тяги барокъ, тамъ строятъ суда и лодки, рубятъ и сплавливаютъ строевой и дровяной лѣсъ. Въ мологскомъ уѣздѣ одни эти промыслы занимаютъ около 7,500 душъ. По берегамъ рѣки Мологи больше тысячи человекъ заняты постройкою барокъ, — особенно въ городѣ Мологѣ и въ устьяхъ впадающихъ въ Мологу рѣкъ Сити и Яны, — и лодокъ тихвинскъ при деревнѣ Трезубовъ, при селахъ Брейтовѣ, Борисоглѣбѣ, Иловкѣ и Леонтьевскомъ. Изъ уѣзда продается судовъ въ Рыбнискі

тысячъ на 30 рублей серебромъ. Въ этомъ уѣздѣ больше 1,500 человекъ рубятъ зимою дрова, до 15,000 сажень, которыя весною, съ разлитіемъ рѣкъ сплавляются въ Ярославль, Рыбинскъ и прочее. Около 5,000 человекъ корміе, или имѣютъ лошадей. Они ведутъ суда до тверской пристани, далѣе вдоль по Мологѣ до соинской пристани и вдоль по Шекснѣ до Крохинской. Нѣкоторые изъ нихъ, человекъ до 500, оставляютъ лошадей на зиму и извозничаютъ на нихъ по всему государству до послѣдняго зимняго пути, а тамъ уже возвращаются на родину. Такимъ образомъ крестьяне деревни Калитинска и крестьяне господъ Глѣбова, Власьева, Свиньина, Бибикова и Воейкова лѣтомъ работаютъ на судахъ, какъ корміе, погонщики и носильщики. На зиму они сохраняютъ лошадей и вѣзятъ съ мукою въ Петербургъ, берутъ оттуда разные товары и продукты, и везутъ ихъ до Казани. Тамъ нагружаются мыломъ, поташемъ и прочимъ, и все это привозятъ въ Рыбинскъ. Провозная плата невелика: отъ Рыбинска до Петербурга съ пуда 45 копѣекъ серебромъ, а отъ Петербурга назадъ въ Рыбинскъ — 15 копѣекъ серебромъ. Главная ихъ выгода въ томъ, что они прокармливаютъ зимою лошадей. Лѣтомъ они зарабатываютъ за каждый путь отъ Рыбинска до Твери и обратно 45 и 55 рублей серебромъ. Двѣ тысячи человекъ обрабатываютъ желѣзо въ гвозди и земледѣльческія орудія, всего на 18,000 рублей серебромъ. Рыбная ловля занимаетъ весною до 500 человекъ, а лѣтомъ едва 80 и 100. Она доставляетъ около 2,000 рублей серебромъ. Въ пошехонскомъ уѣздѣ весьма многіе занимаются сядкою дегтя, смолы и скипидара. Другіе готовятъ дубовую корку для кожевенныхъ заводовъ. Эти заводы, которыхъ около 70, занимаютъ множество семей. Всѣ они живутъ въ бѣдныхъ хижинахъ, и у нихъ нѣтъ другаго снаряда, кромѣ корыта или бочки. Всю работу они исполняютъ сами; у нихъ нѣтъ наемныхъ работниковъ. Готовой кожѣ продается въ Рыбинскѣ тысячъ на семь рублей серебромъ. Рубка лѣсу и сплавъ его даютъ въ этомъ уѣздѣ около 12 тысячъ рублей серебромъ. Глиняная и деревянная посуда доставляютъ около 1,200 рублей серебромъ дохода. Выпрядка льну на продажу простирается до 3,000 р. сер. Въ мышкинскомъ и угличскомъ уѣздахъ мало лѣсу, а потому тамъ нѣтъ лѣсныхъ промысловъ, однако крестьяне графа Мусина-Пушкина и Аѳросимова по берегамъ Волги, въ краю обильномъ лѣсомъ, строятъ барки, которыя продаютъ въ Рыбинскѣ и Твери. Особенно много строится барокъ по Волгѣ отъ села Сменцова къ границѣ молог

скаго уѣзда и въ устьѣ рѣки Сутки. Сменцовскія барки счи-
таются лучшими. Всѣ жители селенія Рудинскъ — горшечни-
ки. Около 2,000 человекъ занимаются канатною работою, при-
готовленіемъ крестьянскихъ хомутовъ, колесъ, дугъ, телѣгъ.
Другіе дѣлаютъ валенки. Жители угличскаго уѣзда продали въ
1835 году около трехъ милліоновъ аршинъ холста въ Москвѣ и
Рыбинскѣ. Полотняныя издѣлія, кромѣ угличскаго уѣзда произ-
водятся въ большихъ размѣрахъ въ уѣздахъ ярославскомъ, ро-
стовскомъ, а также въ романо-борисоглѣбскомъ, даниловскомъ и
другихъ. Кромѣ издѣлій этого рода, получаемыхъ съ фабрикъ,
значительное количество разнаго рода полотень, преимуще-
ственно простыхъ холстовъ, употребляемыхъ на армію, и на
другія нужды, вывозится на базарахъ въ городахъ и торго-
выхъ селахъ, гдѣ скупается по мелочамъ барышниками или
купцами, занимающимися торговлею и подрядами этого рода, а
потому общее количество производства полотень въ губервіи не-
извѣстно; въ томъ, что оно огромно, нѣтъ никакого сомнѣнія.
Кромѣ Москвы и Рыбинска, ближайшіе пункты сбыта полотень:
Ярославль, Ростовъ, Угличъ, и въ-особенности села ярослав-
скаго уѣзда: Великое, Курба, Городище, Норская слобода, Пу-
тятинно; ростовскаго уѣзда: Борисоглѣбская слобода, Вошажино-
во, Ильинское, Угодичи, Порѣчье, Гаря, Карашъ; угличскаго уѣ-
зда: село Новое и Большое; романо-борисоглѣбскаго—село Давыд-
ково.

Всѣ жители имѣнія графа Мамонова, жители имѣнія Арешно,
въ рыбинскомъ уѣздѣ, селенія Чернамоска и окрестныхъ дере-
вень шьютъ русское платье, которое развозится на продажу. И
въ мышкинскомъ уѣздѣ есть деревни, гдѣ всѣ жители портатъ,
но они работаютъ, ходя по другимъ деревнямъ.

Всѣ жители селенія Споски на Волгѣ и окрестные съ нимъ—сѣв-
ники и валлящики шляпъ. Крестьяне Свиньина лѣтомъ служатъ
на баркахъ кормчими, а зимою приготавливаютъ изъ синей глины
домашнюю посуду. Крестьяне Власьева, лѣто проводятъ на бар-
кахъ, а зимою приготавливаютъ канаты.

Крестьяне князя Юсупова и госпожи Кожинной приготавливаютъ
горчечный товаръ. Производствомъ желѣзныхъ издѣлій занима-
ются преимущественно жители ярославскаго уѣзда, села Бурма-
кина съ окрестными деревнями, гдѣ изготовляются въ-особенно-
сти конскіе приборы, какъ-то: мундштуки, стремяна и тому по-
добное; сбытъ этого бываетъ на нижегородской и ростовской яр-
маркахъ, а также и въ Санктпетербургѣ и простирается на сум-

му до 5,000 рублей серебромъ. Столько же замѣчательны издѣлія угличскаго уѣзда, села Заозерья, гдѣ жители занимаются приготовленіемъ кося, серповъ, ножей и тому подобнаго, сбытъ которыхъ бываетъ преимущественно въ самомъ Заозерья, а равно и на ростовской ярмаркѣ.

Жители деревни Никольской приготавливаютъ особенно много топоровъ, а кузнецы деревни Льговскъ занимаются ковкою лошадей и ходятъ для этого по окрестности. Жители имѣнія Чесна (вольпоотпущенные графини Орловой), селенія Александрова-Пустынь, казеннаго имѣнія Кремска и крестьяне генерала Хомутова — вообще торговцы. Чесменскіе жители торгуютъ хлѣбомъ и мукою, и довольно извѣстны на петербургской биржѣ.

Крестьяне госпожи Бахметевой — плотники и строители барокъ.

Въ ростовскомъ уѣздѣ кромѣ огородничества, о которомъ мы уже говорили, много разводять дворовой птицы. Въ семнадцати верстахъ отъ Ростова, на дорогѣ въ Ярославль, лежитъ Семибратчина. Здѣсь почти всѣ жители занимаются разведеніемъ дворовой птицы, особенно откармливаютъ каплуновъ, которыхъ продаютъ ежегодно больше 30,000 (не считая гусей, утокъ, индѣекъ). По зимнему пути, замороженные каплуны отправляются въ Москву и даже въ Петербургъ. Изъ пѣтушиныхъ хвостовъ прежде они дѣлали превосходные блестящіе офицерскіе султаны. Теперь, когда требованіе на нихъ уменьшилось, эта отрасль промышленности упала.

Воздѣлываніе льна занимаетъ больше 20,000 человекъ, пряде — около 10,000 человекъ.

Недалеко отъ Порѣчья разводится множество картофеля, изъ муки котораго готовится искусственное, и вкусное саго. Жители Петровска, также занимаются этою выдѣлкою.

Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ кожевенныхъ заводовъ, кожевеннымъ и скорняжнымъ промысломъ занимаются преимущественно въ уѣздахъ пошеховскомъ и романовъ-борисоглѣбскомъ; въ первомъ находится до 70 домашнихъ заведеній для выдѣлки кожъ, всего на сумму до 7,000 рублей серебромъ. Въ последнемъ же замѣчательны заведенія для обработки и дубленія овчинъ, и приготовленіе изъ нихъ шубъ и тулуповъ разнаго рода, которые сбываются не только по окрестнымъ ярмаркамъ, но и вывозятся въ значительномъ количествѣ въ другія губерніи.

Обрисовавъ, сколько возможно, ремесленную дѣятельность губерніи внутри ея, надобно перейти къ меньшей дѣятельности

Ярославцевъ внѣ своей губерніи. Известно, что слишкомъ 60,000 человекъ уходитъ изъ губерніи для заработковъ. Такіе уходы жителей съ родины для заработковъ—очень важный источникъ ихъ богатства и имѣетъ вліяніе на благосостояніе и нравы какъ ихъ, такъ и ихъ семей. Этотъ предметъ стѣдуетъ тому, чтобы обратить на него особенное вниманіе.

=

V.

К Р И Т И К А.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ ТЕАТРА У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ. Съ рисунками и планомъ театра. Сочиненіе М. К. Москва, 1849.

« Греки, Греки! кто васъ не любить? Кто съ холоднымъ сердцемъ можетъ вообразить себѣ прекрасную картину древнихъ Аѳинъ? Кто не скажеъ иногда со вздохомъ: «для чего я не современникъ Платоновъ»? Вы помните эти слова: они давно уже написаны по-русски: умный, благодущный, мечтательный и чувствительный писатель, оракулъ своей эпохи, выразилъ чуть ли не впервые на Руси въ своей «Аѳинской жизни» теплое, сердечное, юношеское сочувствіе эстетически развитой жизни древнихъ Грековъ. Мечты и думы австра «Лизина Пруда», его чистые, изящные восторги, слезы его чувствительнаго сердца, его задумчивая меланхолія, его стремленія къ лучшему, идеальному міру — находили живой отголосокъ въ его читателяхъ; московскіе читающіе жители съ восторженнымъ чувствомъ уносились мечтами на берега «свѣтлаго Иллиса»; модные франты повторяли съ Карамзинимъ: «я отдалъ бы съ радостью свой любимыи темный фракъ за какой-нибудь греческій хитонъ».

« Смѣйтесь, друзья мои! » говорить Карамзинъ, отдавая

Т. ХСVII. — Отд. V.

такъ граціозно предпочтеніе греческому хитону передъ своей кургузой, по выраженію Державина, одеждой; « Сидѣть, читатели », повторяю я — а « Аѳинская жизнь » Карамзина написана съ такимъ увлекательнымъ, юношескимъ жаромъ, такъ проикнута благоуханной поэзіей греческой жизни, что всякій разъ, когда мнѣ попадаетъ въ руки томъ сочиненій Карамзина, я ее перечитываю съ наслажденіемъ; я охотно и съ полнымъ сочувствіемъ покоряюсь воображенію поэта, который изъ дошедшихъ до насъ чертъ аѳинскаго быта сложилъ такую блестящую картину... Но я полагаю, что поэту въ этомъ случаѣ много помогаетъ и кое-что другое... Вотъ видите ли, мы иногда бываемъ предупреждены собственнымъ настроеніемъ духа; мы имѣемъ свои предубежденія, свои симпатіи; и если встрѣчаемъ въ писателѣ что-нибудь, что выражаетъ сродное нашему настроенію, нашимъ симпатіямъ, мы уже напередъ расположены принять съ горячностью его произведеніе, и если оно носитъ на себѣ отпечатокъ живаго чувства и таланта, оно намъ будетъ нравиться, хотя было написано давно, очень давно.

Впрочемъ я не сталъ бы распространяться о своихъ капризахъ, о своихъ особенностяхъ, если бы я былъ увѣренъ, что этотъ капризъ, эта особенность есть только черта моей личности, моей собственной особы. Я не сталъ бы вамъ напоминать «Аѳинскую жизнь», если бы не былъ убѣжденъ, что и вы, и всѣ образованные люди проникнуты однимъ со мною чувствомъ. Во-первыхъ—еще въ дѣтствѣ мы съ вами знали и Ариетида и Фемистокла, и добродѣтельнаго Сократа, Диогена съ его бочкой, и разговоръ его съ Александромъ Македонскимъ о благахъ земныхъ; кромѣ-того мы съ вами на школьной скамейкѣ заучивали стихи Гомера и Эврипида или Софокла; положимъ, что мы тогда болѣе занимались филологическимъ изученіемъ нашего учителя и физическими опытами надъ его терпѣніемъ, чѣмъ плѣнялись красотами поэтовъ, къ которымъ учитель обращался съ глубокимъ благоговѣніемъ; но все же, вступивъ на поприще жизни, мы почувствовали, что хоть полузнакомство съ этими

пестями намъ ставятъ въ заслугу; благодаря имъ, насъ называютъ образованными людьми. Наконецъ мы начинаемъ читать: вездѣ мы находимъ древнихъ; всякая-то наука начинается съ Грековъ; всякое-то искусство ведется отъ Грековъ; а между ними даже есть такія, въ которыхъ мы просто дѣти, а Греки учителя: наконецъ мы узнаемъ, что вся литература наша, повѣйшая, европейская, развилась по образцу древнихъ литературъ: что великіе, хотя и скучные Расины, Корнели и Вольтеры — трагики, которые только копировали съ Грековъ и Римлянъ... Воля ваша, а неволью составивъ высокую идею о Грекахъ и Римлянахъ, и полюбишь ихъ...

Я говорю « полюбишь »... Нѣтъ, это не то. Надобно сказать: составивъ себѣ высокую идею о древнихъ и будешь сожалѣть, что то время, когда насъ учили по-гречески и по-латынѣ, мы тратили на физиологическое изслѣдованіе учителя; у иныхъ это раздумье такъ и проходитъ, и махнувъ рукой на потерянные годы, они примутъ тотчасъ мѣры, чтобы оно и не возвращалось беспокоить ихъ болѣе, и твердо рѣшатся забыть всѣ школьные зады; другіе втихомолку вновь принимаютъ за грамматику; третьи избираютъ среднее: берутся за изученіе древнихъ, обращаясь къ французскимъ переводамъ. Но... я не знаю ни одного французскаго перевода, гдѣ бы не было кудреватости и сглаженности, во все чуждой оригиналу. Однако что же имъ дѣлать! Это зло, которое будетъ продолжаться до-тѣхъ-поръ, пока Богъ не благословитъ русской земли, вѣрнымъ и удобочитаемымъ переводомъ древнихъ классиковъ по-русски и опрятнымъ и дешевымъ изданіемъ ихъ. Какія прозаическія выраженія, когда говоримъ — о чемъ же? О томъ, что признано образцомъ, высотой, розами поэзіи. Да что же дѣлать: говоря о книгахъ, у насъ еще должно напоминать объ этихъ трехъ ихъ принадлежностяхъ: удобочитаемости, опрятности и дешевизнѣ, и, если эта книга переводъ, — то должно къ этимъ качествамъ прибавить: и о *его вѣрности подлиннику*.

Какъ бы то ни было, только при вторичномъ чтеніи мы открываемъ удивительныя красоты; изучая жизнь Грековъ,

мы плѣняемся ею, — и привязываемся къ нимъ съ особенною любовью, тѣмъ болѣе, что при знакомствѣ съ ихъ оригинальною литературой, съ собственными ихъ памятниками, съ нихъ исчезаетъ тотъ схоластическій туманъ, которымъ ихъ одѣли передъ нашими глазами ученые и моралисты: вмѣсто движущихся по извѣстнымъ пружинамъ машинъ, передъ нами рельефно изображаются всѣ черты древней жизни, вся наивная и живучая прелесть ея явленій, и въ людяхъ, которые представлялись намъ не иначе какъ въ трагическомъ величїи, мы узнаемъ такихъ же людей, какихъ видимъ вокругъ себя, то великихъ истиннымъ героизмомъ, то пошлыхъ и ничтожныхъ, добродѣтельныхъ и порочныхъ. И если мы привязываемся къ нимъ, какъ же не полюбить тѣхъ, которые намъ сохранили ихъ образъ? какъ не полюбить ихъ писателей, ихъ литературы? какъ не стараться узнать всего, что только можно узнать о подробностяхъ той волшебной страны, которую намъ рисуетъ «Афинская жизнь»?

А въ нашъ вѣкъ, когда столько диковинокъ сдѣлалось вещами обыкновенными, чего не возможно? Пароходы и паровозы скоро сдѣлаютъ то, что жители Москвы и Петербурга будутъ называть другъ друга сосѣдями; книги сдѣлали еще болѣе: онѣ открыли возможность путешествовать гдѣ угодно — и что главное, — въ какое угодно время! Не выѣзжая изъ Петербурга, вы можете съѣздить въ Афины, наговориться вдоволь съ софистами, поэтами, ораторами, государственными мужами Греціи; высмотрѣть что и какъ у нихъ дѣлалось, и потомъ рассказать все это со всею живостью и увѣренностью очевидца. Такъ и сдѣлалъ господинъ М. К., и въ книгѣ подъ заглавіемъ «Опытъ исторїи театра у древнихъ народовъ» онъ рассказываетъ намъ все, что видѣлъ, въ своемъ путешествїи, по этой части у Грековъ и Римлянъ.

Но господинъ М. К.—все же человѣкъ своего вѣка; онъ не могъ же не заплатить маленькой пошлины философскому духу эпохи, думая тѣмъ усладить путь жизни своему дѣтищу. Онъ не могъ обойтись безъ психическо-философскаго введенія,

и исторію театра начинается не прямо съ исторіи театра, а съ положенія, что «человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души»...

Открытіе не новое: оно извѣстно давно, и въ новѣйшія времена занимаетъ умъ нѣмецкихъ мыслителей. Нѣмецкій философъ, мы знаемъ, въ царствѣ духа какъ дома: у него подведены подъ рубрики и подъ номенклатуру самыя неосязаемыя, невидимыя и неслышимыя вещи, какъ напримѣръ духъ, безконечность, вѣчность, способности души, и прочая. Господинъ М. К. однако не объясняетъ намъ, что такое тѣло и душа, и говоритъ обиняками: «Если бы въ человѣкѣ не было души, онъ управлялся бы и двигался бы однимъ слѣпымъ инстинктомъ и жилъ бы лишь для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей и въ этомъ поставлялъ бы свое верховное благо. *Но вѣчно движущійся духъ побуждаетъ стремиться къ безконечному.* Для него недостаточно думать только о самосохраненіи, только объ удовлетвореніи своихъ первыхъ нуждъ и потребностей, онъ возвышается до понятія о высокомъ и прекрасномъ, онъ ищетъ душевныхъ волненій, онъ ищетъ сочувствія, онъ мыслить, онъ хочетъ наслаждаться духовно. *Вотъ почему родилась поэзія и вѣсть искусства,* вотъ почему они имѣютъ такое глубокое значеніе въ жизни и споспѣшествуютъ къ украшенію и образованію общества»... Все это, можетъ-быть и такъ; можетъ-быть оттого древнѣйшій человѣкъ, пастырь или ловець, сложилъ и спѣлъ первую пѣсню, что *вѣчно движущійся духъ побуждалъ его стремиться къ безконечному.*... но мы не беремъ на свою совѣсть утверждать это за вѣрное, потому-что всего болѣе намъ случалось наблюдать за явленіями конечными. Господинъ М. К. объясняетъ далѣе еще кое-что изъ своихъ открытій, и говоритъ, что *искусства— это мѣръ духа,* вотъ почему онъ такъ разнообразенъ, великъ и могучъ. *Вотъ почему онъ объемлетъ собою все прекрасное и изъ природы и изъ натуры человѣка*... Тутъ что-то неясно. Если духъ противопоставляется тѣлу, то есть матеріи, то какъ же онъ объемлетъ собою все прекрасное въ (а не изъ) природѣ, и въ натурѣ человѣка, а натурачело-

вѣка, какъ сказалъ авторъ, состоятъ изъ тѣла и души, то есть того же самаго духа? Выходить, что духъ противоположенъ матеріи—въ одномъ случаѣ; а въ другомъ, что онъ заключаетъ въ себѣ и матерію и себя самого... Не понимаю. Дальнѣйшія слова автора еще болѣе сбиваютъ меня съ толку. Выше было сказано, что искусства — это міръ *духа*; далѣе говорится «цѣль и назначеніе искусства — возвысить *душу* человѣка»... слѣдовательно духъ, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на душу, посредствомъ искусствъ. Если духъ и душа одно и то же, то выходитъ, что душа дѣйствуетъ на душу же: если это двѣ вещи разныя, то выходитъ, что духъ дѣйствуетъ на душу; но какъ душа, какъ сказано выше, — часть человѣка, что жъ такое духъ, долженствующій быть чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ души? Если же вспомнимъ, что искусства тоже сами по себѣ не существуютъ; а то, что мы называемъ произведеніемъ искусствъ — произведенія людей, называемыхъ художниками, то оказывается въ силу логическихъ выводовъ автора, что художники-то и суть тѣ духи, или тотъ духъ, который мы стремимся угадать изъ словъ господина М. К.

Вотъ на слѣдующей страницѣ я вижу вопросъ — что такое театр? Что такое театр? Во-первыхъ, театромъ называютъ зданіе въ которомъ играютъ драматическія представленія; во-вторыхъ подъ этимъ именемъ разумѣютъ собраніе пьесъ драматической литературы всѣхъ народовъ или извѣстнаго народа; наконецъ въ-третьихъ, въ піитикахъ насъ учили, что такъ обозначается извѣстный родъ литературныхъ сочиненій, въ которыхъ выводятся лица, которые говорятъ и дѣйствуютъ, на сценѣ, украшаемой декораціями, сообразными съ содержаніемъ пьесы.—Я думаю, что въ отвѣтъ на вопросъ, что такое театр?—мы сошлись съ господиномъ М. К.; не тутъ-то было. Онъ говоритъ, что «Театръ есть сочетаніе всѣхъ искусствъ... « *Долго* (?) *человѣкъ наслаждался каждымъ искусствомъ въ «* отдѣльности, наконецъ *онъ захотѣлъ имѣть полное наслаж- «* *деніе... восхищаться всѣми искусствами вкупѣ и явился «* театръ» (стр. 3)... Я было хотѣлъ порыться въ «источ-

всѣхъ», чтобы отыскать, не описанъ ли гдѣ-нибудь этотъ моментъ, когда человѣкъ, *захотѣвъ* имѣть полное наслажденіе, не придумалъ ничего лучше какъ изобрѣсти театръ; но читая далѣе книгу господина М. К. нашелъ въ его же разсказѣ о началѣ театра у Грековъ, исторію, которая совершенно опровергаетъ его первое извѣстіе; именно онъ говоритъ уже языкомъ понятнымъ для насъ, простыхъ смертныхъ, что драматическая поэзія явилась у Грековъ позже лирики и эпоса, оттого, что «драма и театръ суть послѣднія формы поэзіи и искусства — ихъ окончательный фазъ» (стр. 7).

Вотъ это понятно! Что поэзія существуетъ въ обществѣ члѣвѣческомъ, такъ это потому, что основаніе ея лежитъ въ члѣвѣческой натурѣ, именно въ его способности принимать впечатлѣнія и выражать ихъ словомъ или въ другихъ формахъ; что слѣдовательно поэзія не *изобрѣтена*; а развилась вмѣстѣ съ развитіемъ самого человѣка, а оттого форма ея, ея виды, или ея фазисы различны и разнообразны столько же, сколько разнообразны впечатлѣнія члѣвѣка.... Да полно не то ли хотѣлъ выразить господинъ М. К. и во всемъ своемъ философическомъ введеніи? Но не ситѣте судить о цѣлой книгѣ по ея паспорту; книга и введеніе двѣ вещи разныя, и давно извѣстно, что мы лучше можемъ знать и описать какъ вещи есть и какъ были, нежели опредѣлять сущность самой этой вещи. По этому, не останавливаясь на введеніи, приступаемъ прямо къ міру греческой комедіи и трагедіи.

Театральное искусство у Грековъ развилось изъ ихъ религіи. Въ первобытномъ состояніи народовъ религіи обнимаютъ собою всѣ ихъ познанія о мірѣ внѣшнемъ и гаданія объ управленіи его силами невидимыми; все, что мы узнаемъ изъ физики, химіи, астрономіи, праводенія, и пр. всему учили жрецы; религіи были колыбелью всѣхъ наукъ, всѣхъ искусствъ. Что такое эллинская религія? откуда она явилась? что она была въ началѣ, и какъ преобразовалась у Грековъ, — объ этомъ столько написано умнаго, дѣльнаго, доказательнаго, что мы совершенно обиты съ толку. Сами Греки приписывали себѣ самымъ соста-

леніе своей мнѳологіи; но вѣдь они утверждали о себѣ, что не только ничего не заимствовали у другихъ народовъ, но и сами родились изъ своей земли, что они автохтоны. Пелсѣ этого—вѣрь имъ! Однако они проговаривались, что кое-что изъ религіи заимствовали отъ Египтянъ и Финикійцевъ. А Египтяне и Финикійцы, говорятъ, приняли свои вѣроученія отъ Индійцевъ, слѣдовательно, въ греческихъ богахъ мы должны узнавать Брамъ, Шиву и Вишну.... Это кажется очень странно; однако я недавно читалъ одну очень ученую книгу, въ которой какъ дважды два—четыре доказывали, что Бахусъ есть ничто иное какъ индійскій богъ Шива, египетскій Озирисъ. Ученая книга утверждаетъ это, географически изслѣдуя, какъ шло изъ Индіи ученіе о Шивѣ, сблпжая басни или біографіи Шивы, Озириса и Бахуса, и главное опираясь на тождество ученія этихъ трехъ богопочтаній, на сходствѣ празднествъ, установленныхъ въ честь этихъ боговъ въ Индіи, въ Египтѣ и въ Греціи, и главное на значеніе ихъ, какъ на боговъ, олицетворяющихъ производительную силу природы, символъ которой игралъ важную роль, какъ мы знаемъ, у Грековъ, Египтянъ и Индійцевъ и принадлежалъ этимъ божествамъ. Все это можетъ-быть и дѣйствительно такъ, но для насъ тутъ важно только то, что Греки были дурными учениками гіерофантовъ и браминовъ; они не долго оставались въ отвлеченномъ мірѣ символовъ и мистерій; такъ что подъ конецъ старики, присутствуя при праздникахъ Бахуса или Озириса или Шивы, негодовали и вопили, что въ этихъ празднествахъ нѣтъ уже ничего, что бы походило на настоящія торжества въ честь этого бога, какъ они отправлялись въ старину. Дѣло въ томъ, что изъ отправленія мистерій Греки научились веселиться: по-крайней-мѣрѣ въ этихъ мистеріяхъ, между прочимъ, пѣлись гимны, и пѣлись они хоромъ. Этотъ хоръ былъ главною и основною частью праздника; онъ всегда искалъ случая впустить религіозныя чувства, восхваляя правосудіе боговъ, воспрещая ропотъ несчастнымъ. Онъ представлялъ примѣры, укрощалъ человѣческія страсти, подкрѣплялъ въ несчастіи, всегда выражаясь языкомъ му-

дрости и умеренности. Хоръ во время церемоній поклоненія Бахусу, составлялся обыкновенно изъ старцевъ или дѣвъ и былъ представителемъ цѣлаго народа; онъ раздѣлялся на двѣ половины, изъ которыхъ каждая имѣла своего представителя, корнеея. Но на ряду съ этимъ хоромъ, строгимъ, важнымъ, составлявшимъ часть богослуженія, образовался и другой хоръ, внушенный веселіемъ, развивавшимся подѣ влияніемъ бахусова напитка; это были *сельскіе* хоры, исполненные шутокъ, сарказмовъ, смѣху, остротъ, пародій. Участвовавшіе въ играхъ, въ различныхъ костюмахъ, на ослахъ или на телегѣ, ѣздили съ пѣснями изъ одной деревни въ другую при большомъ стеченіи народа, шутили, остряли, задирали прохожихъ, тѣ въ свою очередь отвѣчали тоже шутками, одна сторона старалась перещеголять другую; этимъ случаемъ пользовались всѣ, которые имѣли что-нибудь вышѣстить на другомъ; тутъ доставалось богачамъ и притѣснителямъ. Впослѣдствіи образовались кочующія труппы, которыя ѣздили по небольшимъ городамъ и селамъ, и забавляли народъ пѣснями, танцами, и наконецъ небольшими представленіями. Трудно опредѣлить содержаніе этихъ пьесъ; вѣроятно въ нихъ участвовали или всѣ, т. е. весь хоръ, или хоръ подхватывалъ только извѣстные куплеты, а solo пѣлъ рапсода, какую-нибудь балладу шуточную, или относившуюся къ какому-нибудь историческому событію или лицу. Блюстителямъ мистерій, разумѣется, не нравилось такое превращеніе таинственныхъ обрядовъ многодумнаго Египта, — но противъ духа народнаго нечего было дѣлать; преслѣдованіемъ подали бы новую пищу сарказмамъ; жрецы рѣшили лучше принять подѣ свой надзоръ новое изобрѣтеніе народной фантазіи, и дать ей надлежащее направленіе. Странствующимъ труппамъ позволено было переѣхать въ городъ; правительство дало имъ и средства обставить приличнымъ образомъ свои пьесы: такъ явился въ Афинахъ театръ. Элементы скоро обозначились и разграничились; отдѣлилась трагедія отъ комедіи: первую приняли официально въ число игръ, посвященныхъ религіозному празднованію Бахуса. Отъ этого первоначальная трагедія Грековъ еще такъ близка къ

ихъ религій: она заимствуетъ свои сюжеты изъ исторіи боговъ и титановъ; и постепенно переходитъ въ міръ человѣческой, какъ бы освобождаясь изъ подл своего религіознаго покрыва. Такъ Эсхилу приписываютъ первое преобразование хора: онъ къ хору присоединилъ актера, который разсказывалъ во время интерваловъ повѣсть или представлялъ ее съ цѣлью возбудить жалость или возбудить ужасъ; разумѣется, все это имѣло связь съ хоромъ. Нововведеніе имѣло большой успѣхъ, но видно публика аѳинская была иногда умнѣе своихъ мудрецовъ, потому-что первымъ врагомъ рождающейся трагедіи былъ Солонъ. Историки повѣствующие намъ великія дѣла великихъ мужей, сохраняютъ для потомства и странности ихъ. Плутархъ разсказываетъ, что однажды, уже въ старости, Солонъ пошелъ взглянуть на Эсхила, который, какъ всѣ поэты древности, самъ игралъ; по окончаніи представленія Солонъ подозвалъ поэта къ себѣ и спросилъ его, не стыдно ли ему лгать при всѣхъ? Эсхилъ отвѣчалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, потому что этого требуетъ игра. Тогда Солонъ, ударивъ объ землю палкою, которую держалъ въ рукѣ, воскликнулъ: «Да, хвала и одобряя такія игры, гдѣ лгутъ съ вѣдома, кто можетъ поручиться, что эта ложь не войдетъ умышленно въ наши учрежденія и самыя дѣла». Такимъ образомъ эти игры были запрещены, потому-что въ вымыслѣ поэта законодатель видѣлъ только ложь, неприличную честному гражданину. Чтобы онъ сказалъ о бѣдѣ, которымъ такъ милъ извѣстный стихъ поэта:

Порой еще гармоніей уныюсъ;
Надъ вымысломъ слезами ободюсъ....

Запрещеніе съ этихъ игръ было снято только черезъ двадцать пять лѣтъ, Периклатомъ. Впрочемъ Эсхилу трагедія была еще далеко не наша: у него былъ всего одинъ актеръ, который разговаривалъ съ хоромъ. Фринихъ, котораго пьеса «Взятіе Милета Персами» поставлена была въ Аѳинахъ съ большимъ великолѣніемъ, Эмистокломъ и его партією, желавшею войны, ввелъ въ свои представленія сюжеты изъ современной жизни, и предвѣщалъ уже, что те-

атръ можетъ быть орудіемъ дѣйствія партій на рѣшенія народа. Противная партія превозмогла, и пьесу запретили, а автора принудили къ штрафу. Эсхила называютъ отцемъ трагедій, но его трагедіи все еще лирическія пѣсни; дѣйствія въ нихъ мало, главная роль отдана хору; но она отличается уже тѣмъ, что выражаетъ одну идею, интересъ въ ней сосредоточенъ на одномъ предметѣ, проникнута единствомъ и одушевлена вѣрнымъ изображеніемъ человѣческихъ страстей. Для него уже былъ выстроенъ театръ; поэтъ украсилъ его декораціями, ввелъ маски для актеровъ, и сталъ выводить уже два лица на сцену: явился діалогъ. Въ трагедіяхъ Софокла уже болѣе дѣйствія и движенія, число дѣйствующихъ лицъ увеличено, характеры обрисованы не общими чертами, а имѣютъ уже рѣзкую опредѣленность, хоръ соразмѣренъ съ діалогомъ; онъ уже не главное лицо, а болѣе мыслящій и разсуждающій зритель. Впрочемъ, никогда при чтеніи греческихъ трагиковъ, не должно забывать, что театръ и въ особенности трагедія въ Греціи все еще оставался учрежденіемъ болѣе религіознымъ и политическимъ, а не такъ какъ у насъ, забавой, удовольствіемъ. Представленія давались на каждый день, но съ большими промежутками, только въ большія празднества, и составляли часть публичныхъ игръ, бывшихъ торжествомъ цѣлой Греціи, узломъ, связывавшимъ въ одно цѣлое отдаленнѣйшіе города Эллады. Отъ этого на каждый случай готовлялись новыя пьесы, и рѣдко давались въ другой разъ, развѣ только съ большими измѣненіями, или если того требовали обстоятельства. Это же самое требовало и огромности театровъ; весь народъ, стекавшійся на торжественныя игры, присутствовалъ при представленіи, такъ что пьеса съ перваго представленія была уже всѣмъ извѣстною пьесою. Этимъ объясняется и плодовитость писателей: нѣкоторымъ приписываютъ даже до двухъ и трехъ сотъ пьесъ. Театры были совершенно открыты, представленія давались на чистомъ воздухѣ; самое зданіе состояло изъ возвышающихся, полукружіемъ, одинъ надъ другимъ рядомъ скамей, съ которыхъ взоры зрителей обращались на сцену, обра-

ленную прекраснымъ натуральнымъ пейзажемъ. потому-что при постройкѣ театра выбирали мѣсто самое живописное, и старались, чтобы зрители обращены были лицомъ къ прекрасной картинѣ природы. Въ Афинахъ на эти игры и на содержаніе театра были ассигнованы особыя суммы, и законы обрекали на смерть того, кто предложитъ сдѣлать изъ этихъ суммъ другое употребленіе. Такое значеніе театра въ жизни Грековъ составляетъ отличительную черту его репертуара отъ нашихъ театровъ, и опредѣляетъ его характеръ. Отъ этого и самыя средства греческой трагедіи были другія.

Сцену на древнихъ театрахъ составляла платформа, очень длинная въ ширину и весьма короткая въ глубину. По срединѣ ея становились главные актеры; позади этой средины, сцена представляла четырехугольное углубленіе (proscenium), а на-право и на-лѣво отъ площадки, гдѣ стояли главные актеры, сцена шла скатомъ къ оркестру. (Оркестромъ у Грековъ называлась площадка между сценой и послѣднимъ рядомъ ступеней или скамей, гдѣ сидѣли зрители; онъ былъ пустъ, но въ первые времена оркестръ употреблялся для танцевъ, которыми оканчивалось представленіе). Конецъ сцены составляла стѣна, которая была одинаковой высоты съ заднимъ и отдаленными ступенями амфитеатра, и которая представляла существенную декорацию, украшенную колоннами, бронзами, статуями.

« Декорации, говоритъ господинъ М. К., были расположены такимъ образомъ, что предметъ, на который хотѣли обратить вниманіе зрителей, ставили по срединѣ сцены. Касательно перспективы соблюдались извѣстныя правила; такъ на лѣвой сторонѣ изображали городъ, къ которому принадлежали дворецъ, или храмъ, по срединѣ сцены находящійся; на правой изображались деревья, горы, морскіе берега.... Боковыя декорации вращались на оси, — такимъ образомъ происходила перемѣна сцены. Декорации бѣльшей частью подражали архитектурѣ; но были пьесы, требовавшія особой постановки, такъ на примѣръ въ Промееѣ Эсхила былъ изображенъ

« Кавказъ, въ Эпиктетѣ — дикій островъ Лемносъ съ скалами и пещерой. Каждый родъ драматическихъ произведеній имѣлъ особыя, ему свойственныя, декораціи. Такъ въ трагедіи изображались дворцы, храмы, улицы большихъ городовъ. Въ исторической драмѣ деревенскіе пейзажи, рощи, скалы. Въ комедіи же, какъ изображающей болѣею частью обыкновенную жизнь, небольшіе домики, сады» и пр.

« Театральныя машины также были извѣстны древнимъ. Эсхиль, любившій все чудесное и гигантское, употреблялъ ихъ въ своихъ трагедіяхъ. Въ Промееѣ не только старый Океанъ носился по воздуху, но и нимфы Океаниды, числомъ не менѣе пятнадцати, плавали по воздуху въ крылатой колесницѣ. Провалы также были извѣстны; они могли принимать актера въ преисподнія земли.... Загѣса уходила подъ полъ при началѣ представленія и поднималась при концѣ. На самой сценѣ было пять входовъ, или выходовъ, три противъ зрителей и два по сторонамъ. Входъ по срединѣ всегда былъ назначенъ главному дѣйствующему лицу, въ трагедіяхъ это была болѣею частью дворцовая дверь; входы на-право и на-лѣво отъ средняго были опредѣлены для играющихъ второстепенныя роли; а входы по сторонамъ находящіеся, для тѣхъ, которые приходили изъ деревни, съ площади, или прибывали изъ другаго города. Подъ ступенями амфитеатра была лѣстница, которую называли лѣстницею Ахерона, потому-что по ней входили тѣни умершихъ. У хора былъ свой особенный входъ въ глубинѣ оркестра; передъ оркестромъ было возвышеніе съ приступками (эмелея), на которомъ располагался хоръ во время представленія, показывая участіе, принимаемое въ игрѣ. Корнѣи находились на высшей ступени, чтобы видѣть все происходящее на сценѣ и имѣть возможность вступать въ разговоръ съ дѣйствующими лицами, когда было нужно» (стр. 146).

До-сихъ-поръ все еще мы можемъ легко составить себѣ идею о греческомъ театрѣ — но вотъ вещь, которая

рѣшительно сбиваетъ съ толку насъ, европейцевъ; это—маски и высокіе котурны или ходули. На насъ не произвелъ бы никакого впечатлѣнія великанъ, шагающій сажеными шагами, съ огромной головой, неподвижнымъ лицомъ, и говорящій рѣчи усиленнымъ посредствомъ особенныхъ трубъ голосомъ. Да и на древнихъ это дѣйствовало сначала какъ и на насъ: когда въ первый разъ въ одномъ городкѣ, при Неронѣ, назначено было представленіе Эсхиловой трагедіи, и страшные гиганты появились на сценѣ, зрители пришли въ ужасъ при видѣ такихъ чудовищъ; а когда эти страшныя лица заговорили, голосъ ихъ показался имъ страннымъ рычаніемъ, и всѣ въ паническомъ страхѣ разбѣжались по домамъ. Когда и съ какой цѣлью введены маски и ходули—намъ неизвѣстно; знаемъ только, что маски были различныя: однѣ закрывали только лицо, другія надѣвались на всю голову, были маски съ бородами, съ женскими прическами и головными уборами. Свидасъ замѣчаетъ, что Орнихъ, первый выведшій женщинъ на сцену, изобрѣлъ и *женскія* маски; Атеней утверждаетъ, что актеръ Мегаръ выдумалъ комическія маски *слугъ и пьяныхъ*; а Павзаній говоритъ, что Эсхиль первый сталъ употреблять маски *отвратительныя и безобразныя*: такъ въ Эвменидахъ онъ вывелъ Фурію съ змѣями вмѣсто волосъ, при видѣ которыхъ зрители пришли въ ужасъ, и многія беременныя зрительницы выкинули въ испугѣ. Изъ этихъ указаній кажется, что маски вошли сами собою по требованію ролей: понятно, что мужчина, игравшій женскую роль, долженъ былъ скрыть бороду, и вообще *сдѣлать себѣ* женское лицо; явленіе Эвменидъ, уродовъ, пьяныхъ и т. д. тоже требовало извѣстныхъ измѣненій фizioноміи, и маски были очень кстати. Потомъ когда маски уже вошли въ употребленіе, онѣ были разныхъ родовъ: каждый герой имѣлъ свой типъ, каждый богъ свое лицо и костюмъ опредѣленнаго цвѣта: у Юпитера—алаго цвѣта, у Юноны—синяго, у Венеры—бѣлаго. Поражающее насъ неудобство масокъ, особенно заключающееся въ томъ, что при маскѣ пропадаетъ уже всякая мимика, всякая игра лица актера, устранялось,

между прочимъ, и громадностью театра, такъ что зрители не разсмотрѣли бы игры лица, если бы актеры и дѣйствительно играли какъ Шекспиръ и Аллалъ. Но еще лучше эти непонятные для насъ котурны и маски объясняются религіознымъ характеромъ и самымъ происхожденіемъ театра греческаго: «Онѣ совершенно гармонировали съ условіями древняго театра. Древній театръ былъ громадное зданіе, въ которомъ собиралось до осьмидесяти тысячъ зрителей; стало-быть, тамъ все должно было имѣть гигантскіе размѣры. Эти люди на своихъ высокихъ котурнахъ, съ своими колоссальными формами и станомъ, съ рѣзко обрисованными фizioноміями, гдѣ страсти выражались ужасно и неизмѣнно, должны были казаться зрителямъ какими-то видѣніями, которыя, по выраженію Эсхила, были предшествуемы страхомъ. Звуки ихъ голоса, сильнѣйшіе человѣческаго, отзываются въ мрачныхъ, внушали какой-то благоговѣйный трепетъ. Все было проникнуто какимъ-то неземнымъ величіемъ.... Въ трагедіяхъ дѣйствовали болѣею частью боги и герои; страсти ихъ были выше человѣческихъ; стало быть и самая наружность должна была отличаться отъ обыкновенной наружности простаго человѣка. Отъ этого произошли всѣ атрибуты древней сцены, отъ этого явились трубы для усиленія голоса, котурны для того, чтобы казаться выше и величественнѣе.» (стр. 151).

Вообще, о древнихъ нельзя судить по насъ самихъ, какъ вообще нельзя судить о другихъ по себѣ. Напримѣръ поэты: у насъ поэтъ произведетъ пьесу, представляетъ ее дирекціи, или даритъ бенефицианту, и съ волненіемъ ожидаетъ вызова за успѣхъ, или паденія пьесы своей, выражающагося тѣмъ, что на уединенные крики его друзей: «автора, автора!» публика отвѣчаетъ или молчаніемъ или шиканьемъ. Но древнимъ поэтамъ слава давалась дороже. Хорошій актеръ у насъ еще пожалуй вынесетъ на плечакъ своихъ плохонькую пьеску: въ древности актеръ ничего не значилъ, или очень мало (обыкновенно главные роли игралъ самъ авторъ); участіе актера ограничивалось одной декламаціей; отъ него тре-

бывалось только благородства движений и позъ. За то поэту было много хлопотъ: онъ долженъ былъ прежде всего собрать труппу, примскать музыку, хлопотать о постановкѣ, возиться съ актерами и съ хоромъ; кромѣ-того хлопотать у пяти судей, отъ которыхъ зависѣло одобреніе пьесы для представленія, и у хореговъ, которые должны были дать средства для обстановки. « Когда поэтъ получалъ хоръ, то « есть, когда пьеса была принята, прочтена друзьями и любителями, тогда приступали къ репетиціямъ. Репетиціи происходили или въ домѣ хореса или въ Одеонѣ. Ролей не играли, а поэтъ читалъ свою трагедію актерамъ и хору дѣтямъ—поръ, пока они ее выучивали наизусть...» Каково это? и наши поэты еще ропшутъ на судьбу! Да въ сравненіи съ Эсхиломъ и Софокломъ имъ не житье, а масляница!... Прослѣдимъ однако дальнѣйшую судьбу пьесы:

« Когда пьеса была разучена и поставлена, тогда объявляли торжественно объ ея представленіи; объявленія разставляли на углахъ домовъ, на перекресткахъ улицъ, на площадяхъ и подъ портиками. Афиши древнихъ были подобны нашимъ театральнымъ афишамъ. Это было нѣчто въ родѣ программы; потому-что не только означали имя автора, актеровъ и участвующихъ въ хорѣ, но даже излагали и содержаніе пьесы.... (Должно-быть эти афиши были въ родѣ нашихъ объявленій провинціальныхъ театровъ, или полныхъ и длинныхъ заглавій романовъ прошедшихъ столѣтій, въ родѣ: *Histoire lamentable du terrible magicien Jean Fust, dans la quelle....etc.*)! « Иногда живописецъ, схвативъ лучшія сцены во время общей репетиціи, рисовалъ картины, которыя развѣшивали вмѣстѣ съ объявленіями. Въ день представленія съ ранняго утра народъ уже тѣснился около театра, осаждая мраморный столъ, гдѣ по заведенному обычаю, каждый афинскій гражданинъ, желавшій быть на зрѣлищѣ, получалъ два обола. На одинъ оболь онъ покупалъ себѣ билетъ въ театрѣ, на другой могъ купить прохладительнаго питья. Потомъ каждый пу- скался въ галлерей, слѣдующія къ театру, сѣдѣла занять мѣсто. Одни служители, одѣтые въ пурпуръ, получали

« деньги за входъ, другіе съ бѣлыми жезлами въ рукахъ, ука-
 « зывали приходящимъ ихъ мѣста и наблюдали за поряд-
 « комъ. Эта огромная масса людей, сидѣвшихъ, стоявшихъ
 « и толпившихся въ ожиданіи пьесы, тѣшилась шумнымъ
 « разговоромъ и смѣхомъ, или забавлялась надъ тѣми, кото-
 « рыхъ лица или нарядъ казались странными. Если показы-
 « вался кто-нибудь, нерадиво и безъ вкуса одѣтый, на него
 « показывали пальцами, острили на его счетъ и осмѣивали
 « жестоко. Потомъ, когда остроты и терпѣніе зрителей ис-
 « тощались, они громкимъ крикомъ требовали открытія спек-
 « такля. Наконецъ звуки инструментовъ возвѣщали начало
 « зрѣлища, все утихало, хоръ выступалъ на сцену, по такту
 « флейтчиковъ, и начиналось представленіе. Часто въ одинъ
 « и тотъ же день давали нѣсколько трагедій или трилогій съ
 « исторической драмой одного и того же поэта, или различ-
 « ныхъ авторовъ. Спектакли продолжались нѣсколько часовъ,
 « нерѣдко до захожденія солнца; антрактовъ между дѣйствія-
 « ми не было, потому что древнія пьесы не были раздѣле-
 « ны на акты, а были антракты только между пьесами. По
 « окончаніи спектакля снова (?) курился өиміамъ въ честь
 « бога и пять судей рѣшали по большинству голосовъ, кому
 « принадлежала награда; тогда архонтъ громкимъ голосомъ
 « провозглашалъ имена поэтовъ, одержавшихъ побѣду и раз-
 « давалъ всенародно вѣнки и трезубцы » (стр. 157).

Да, — и объ этихъ вѣнкахъ можно было сказать, что они заслужены, *bién méritées*, бѣднымъ поэтомъ послѣ всѣхъ мытарствъ, сопряженныхъ съ постановкою его пьесы. Но — знаетъ ли что? вѣдь если разобрать хорошенько весь бытъ Грековъ; если принять въ соображеніе, что между островами греческими и отдаленнѣйшими торговыми пунктами древняго міра безпрестанно сновали по морю суда, свозя и перевозя богатства природы и промышленности; что политика греческихъ республикъ имѣла обширныя связи, по управленію колоніями, по внѣшнимъ сношеніямъ, наконецъ слѣдя за дѣйствіями другіхъ греческихъ же республикъ; что лица, участвовавшія въ правленіи, на войнѣ, были подъ постояннымъ контролемъ враждебныхъ партій; вспомнивъ, что не только

Аттика, но и вся по большей части Греція была хорошо обработана, что земледѣліе, винодѣліе и садоводство, пчеловодство и скотоводство процвѣтало; что города постоянно украшались зданіями; что мастерскія всѣхъ художниковъ и ремесленниковъ кипѣли дѣятельностью; что самая жизнь Грековъ постоянно заставляла работать всѣ искусства и ремесла; наконецъ вспомнивъ, что войска и флоты Греціи были постоянно почти въ движеніи: — едва ли не прійдется намъ согласиться, что тотъ блистательный образъ аѳинской жизни, который представленъ намъ Карамзинымъ, есть только ея кажущаяся сторона. Въ-самомъ-дѣлѣ, все что я сейчасъ изчислилъ, требуетъ множества рукъ, обширной дѣятельности, — и эта дѣятельность не могла не быть чрезвычайной, если вспомнимъ предприимчивый духъ народа, его любознательность, страсть къ путешествіямъ, къ изученію. Право, взглянувъши попристальнѣе въ «аѳинскую жизнь», найдемъ, что Греки совсѣмъ не дѣти, «бѣгающіе по весеннему лугу за пестрой бабочкою», какъ называлъ ихъ Карамзинъ. Напротивъ, они были народъ занятый и трудолюбивый: да и умѣли ли бы они такъ веселиться, если бы проводили время въ праздности? Только энергія труда придаетъ энергію веселью. Когда я вижу какой-нибудь маленькій праздникъ, по его маловажности и скукѣ или по его развязной веселости я вамъ скажу, праздный или занятый и трудолюбивый народъ на немъ присутствуетъ; я вамъ тотчасъ скажу, составляетъ ли эта пирушка или балъ для него отдыхъ и развлеченіе, или просто жертвоприношеніе обычаю или бесполезно отыскиваемое средство наполнить чѣмъ-нибудь душевную пустоту.... Право, у насъ, новѣйшихъ народовъ, больше времени; я увѣренъ, что мы больше Грековъ сидимъ сложа руки, потому-что и самыя прогулки Грековъ были не безъ пользы — они въ прогулкахъ поучались съ своихъ философовъ, слушали поэтовъ. Намъ кажется, Греки всю жизнь расхаживали безъ дѣла только потому, что они мало читали; а читали они мало потому, что у нихъ мало было книгъ; у насъ, правда, книгъ много.... да много ли мы читаемъ, господа?....

Какъ бы то ни было, а Греки заставляли трудиться и

своихъ поэтовъ. Строгий же ихъ тактъ дѣлалъ и судъ ихъ строгимъ; поэтъ, постановляя на сцену свою пьесу, каждый разъ вступалъ въ соперничество съ другимъ: публика награждала побѣдителя торжественнымъ возложеніемъ вѣнка. А афинская публика строго судила — вы знаете какъ образовался ея вкусъ; какіе гевіи пробуждали и развивали его? Гомеръ, Пиндаръ, Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ, Менандръ....

Я чрезвычайно люблю греческій театръ, столько же люблю, сколько прежде ненавидѣлъ его. Я долго не могъ побѣдить въ себѣ отвращеніе отъ того, чтобы прочесть его; когда же дошелъ до сознанія необходимости переучиться, потому-что усомнился во всемъ почти, чему учился прежде, я принялся за Грековъ — и открылъ для себя совершенно новый міръ, открылъ то, чего никакъ не ожидалъ, и позналъ со всѣмъ другое, нежели что думалъ прежде, нежели что мнѣ натолковали обожатели и подражатели древности. Я думалъ когда-то, что довольно знаю и Эсхила, и Софокла, и Эврипида, въ твореніяхъ безсмертнаго Корнеля, Расина, Ла-Мотта, Кревильона, Вольтера, и др; даже знаю ихъ въ лучшемъ видѣ, потому-что люди весьма почтенные, такіе какъ Лагарпъ напрімѣръ, увѣрили меня, что эти писатели даже улучшили, усовершенствовали, обдѣлали греческихъ трагиковъ. Какъ хотите, а батистъ все-таки лучше пеньки, изъ которой онъ дѣлается; потому весьма извинительно, что греческихъ трагиковъ я цѣнилъ не болѣе какъ грубую, въ тюкахъ, пеньку, и полагалъ, что эта пенька только во французской выдѣлкѣ получаетъ достоинство батиста, что только эта выдѣлка сообщаетъ древнимъ тонкость и красоту... Впрочемъ, эта тонкость и красота тоже не очень меня плѣняли; съ воспоминаніемъ чтенія французскихъ издѣлій изъ греческаго матеріала у меня соединяются воспоминанія о минутахъ, о цѣлыхъ часахъ сна самаго сладкаго, самаго непорочнаго, самаго юношескаго, самаго здороваго сна... бывало читаешь:

O monts! écrasez nous: cieux. tombez sur nos têtes, и т. д.

или:

*Nous voici dans Lemnos, dans cette île sauvage,
Dont jamais nul mortel n'aborda le rivage....*

и сонъ смыкаетъ вѣжды въ самой срединѣ самой ловкой антитезы. Морозъ бывало пробѣгаетъ по тѣлу, когда видишь на страницѣ:

Daignez, madame....

или:

Seigneur....

Какъ же велико было мое удивленіе, когда въ подлинникахъ не нашелъ я ни *seigneur*, ни *madame*, ни этихъ пошлыхъ и скучныхъ антитезъ, ни даже.... трехъ единствъ!!!... У Эсхила между дѣйствіями проходило иногда очень много времени; дѣйствіе происходитъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ «Альцестѣ», въ «Финикійкахъ», въ «Троянкахъ» — сколько переменъ! А Прометей: да это просто шекспировская пьеса, со всею прелестью Шекспира, заслужившею ему отъ Вольтера названіе пьянаго дикаря! Кромѣ того, что меня рѣшительно поразило—вижу и въ Софоклѣ или Эврипидѣ смѣсъ комизма и трагизма, точно у Шекспира; великія событія, ставящія дѣйствующія лица въ драматическое положеніе, застаютъ ихъ въ обыкновенныхъ ихъ занятіяхъ. Все что считалось неприличнымъ у Французовъ, все это есть у Грековъ, и совсѣмъ не неприлично: Навзикая также моетъ бѣлье; Ипполитъ умираетъ на сценѣ окровавленный; Филоклетъ—страдаетъ отъ раны, отъ физической боли. А Ипполитъ — какъ милъ этотъ юноша, являющійся посреди своихъ товарищей, всѣхъ страстныхъ охотниковъ; какъ онъ хорошъ въ своемъ обращеніи къ дѣвственной богинѣ охоты, которой посвящаетъ себя на всю жизнь; какъ онъ хорошъ безъ этого скучнаго ритора Терамена, подающего ему совѣты, приличные ментору юнаго принца, достойные Фенелона и дофина... Каждый шагъ мой увлекалъ меня далѣе и далѣе; бессонница овладѣла мною, потому-что я не могъ оторваться отъ книгъ, проклиная и Лэгарпа, и Расина и Вольтера, которые такъ долго меня морочили, выдавая свою контрафакцію за усовершенствованіе; и разсмотрѣвъ ихъ пристальнѣе, я также былъ пораженъ какъ всякій, кто

въ первый разъ въ микроскопъ посмотритъ на батистъ и на невидѣнный стебелекъ пеньки, и увидитъ какіе-то грубые шершавые канаты въ первомъ и стройное органическое развитіе малѣйшихъ частицъ у этого дикаго, необдѣланнаго стебля...

Право, совѣстно становится за столько умныхъ и талантливыхъ головъ, когда подумаешь, сколько вѣковъ они смотрѣли на самыя свѣжіе, благоуханные, величественные въ своей простотѣ цвѣтки греческой фантазіи сквозь очки условнаго вкуса, напыщенныхъ понятій, надутыхъ формъ! Удивляешься, когда видишь, что они порицали, и какъ имѣли дерзкую претензію—«усовершенствовать»,.. бѣдные слѣпцы! Они хотѣли цивилизовать дикаря, который казался имъ дикаремъ только потому-что былъ образованъ и думалъ иначе! И что же вышло? Дикаря научили говорить по этикету, заставили забыть всѣ преданія его юности, чистое небо отчизны, родные лѣса и горы, благоговѣніе передъ матерью-природою, страхъ боговъ, необузданные, но прекрасные порывы сердца, которые бы составили пренепріятный диссонансъ въ благоуханномъ будоарѣ маркизъ, и обнаружили бы жалкое «мѣщанское» происхожденіе посреди чваннаго и гордаго общества. Что же осталось въ немъ, послѣ этого превращенія? рѣчь ровная, надутая, никакихъ шероховатостей, всегда одинъ и тотъ же тонъ за обѣдомъ и въ критическую катастрофу жизни... Непонятно, какъ, восхищаясь его монологами, все еще думали, что слышатъ самого того юношу, который такъ прекрасно и широко развился посреди родныхъ полей, и пѣлъ беззаботно пѣсни родины? Непонятно, какъ философы-исторники и мыслители не поняли, что общество Аѳинъ, времяъThemistocle и Перикла, не могло произвести ничего подобнаго Расину и Вольтеру, — потому-что поэтъ всегда отражаетъ свою эпоху и свое общество—точно такъ какъ мы понимаемъ теперь, что общество двора Людовиковъ не могло произвести ничего подобнаго Эсхилу и Софоклу, и что слѣдовательно между греческой и грекофранцузской трагдіей должна быть такая же разница, какъ между

Афинянами, толпившимися на площади, въ ожиданіи вѣстей изъ Спарты, Персіи, колоній, чистосердечно приносявшими жертвы своимъ богамъ, повелѣвавшими на морѣ и на сушѣ, и Французами семнадцатаго и осьмнадцатаго столѣтій, любезниками въ салонахъ, пресмыкавшимися у ногъ министровъ-кардиналовъ, лицемѣрно набожными, но въ сущности, страшными матерьялистами и скептиками!...

Я не стыжусь сознаться въ своемъ заблужденіи, потому во-первыхъ, что это одно изъ заблужденій молодости, и во-вторыхъ потому, что полагаю что и съ вами давно уже совершилось такое же разочарованіе. Теперь вѣроятно, вы раздѣляете съ господиномъ М. К. его страсть къ греческимъ и римскимъ трагикамъ и комикамъ. Онъ ихъ изучилъ, онъ ихъ знаетъ очень хорошо; пріятно слушать, какъ умно и съ какимъ жаромъ онъ говоритъ о нихъ.... Да и пора вамъ съ нимъ познакомиться; я взялъ было на себя честь представить его вамъ, да *закинословилъ*.... и только теперь замѣчаю, что гость мой все еще не отрекомендованъ мною по всѣмъ правиламъ общежитія и гостепрѣимства. Но.... сказалъ какой-то мудрецъ, — «говори, и я скажу кто ты» — поэтому предоставляю самому господину М. К. говорить за себя, о своихъ друзьяхъ, объ Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ.

« На Эскила должно смотрѣть, какъ на отца трагедій; « она, по выраженію А. Шлегеля, вышла изъ головы его « во всемъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Зевеса. « Онъ облекъ ее въ пристойный покровъ, далъ ей приличное мѣсто и создалъ сценическое великолѣпіе. *Обладая* « талантомъ могучимъ, *живя* въ ту эпоху, когда все начи- « нало расти и дышать свободой, но еще не установилось « и не вошло въ надлежащія границы, *творенія* его отли- « чаются рельефностью и чѣмъ-то гигантскимъ. Его харак- « теры обрисованы рукою великаго мастера, но слишкомъ « еще рѣзки, выпуклы, смѣлы; грація еще не успѣла сгла- « дить ихъ угловатыя и выдавшіяся части. *Мрачное вели-* « чіе — вотъ отличительная черта поэта. Эсхиль — это Фидій « поэзіи. Всѣ его лица можно сравнить съ колоссальными

« статуями, которыхъ увеличенныя черты причиняютъ сперт-
 « ва нѣкотораго рода испугъ, но которыя свидѣлствуютъ
 « вмѣстѣ о великомъ соображеніи артиста, ихъ исполнив-
 « шаго и даже имѣютъ своего рода прелесть, когда въ нихъ
 « пристрасть всмотрѣшься. На всѣхъ твореніяхъ Эсхила
 « лежитъ печать угрюмости, величія и мрачной важности,
 « въ нихъ нѣтъ тихой чувствительности, вездѣ видна голова
 « Медузы. Подъ перомъ поэта все принимаетъ размѣръ
 « исполинскій, кажется, онъ долженъ идти противъ самаго
 « себя, чтобы изобразить людей обыкновенныхъ. Подобно
 « орлу, онъ любилъ парить вѣчно въ высотѣ; боги и особен-
 « но титаны, прообразующіе собою основныя силы приро-
 « ды — вотъ его любимыя дѣйствующія лица въ траге-
 « діяхъ. Языкъ въ его трагедіяхъ соотвѣтствуетъ изображае-
 « мымъ имъ лицамъ, рѣчь величественна, сильна, но не-
 « рѣдко темна и непонятна» (стр. 26).

« Въ Прометей, далѣе говоритъ авторъ, разбирая дошед-
 « шія до насъ семь трагедій Эсхила, поэтъ въ своей сфе-
 « рѣ; видно, что такой сюжетъ лучше другаго соотвѣт-
 « ствуетъ его генію. Эсхилъ въ своей мистеріи переноситъ
 « насъ во времена до-историческія и до-баснословныя, въ
 « первобытную эпоху, когда міръ только еще образовался,
 « когда стихіи еще въ борьбѣ; когда олицетворяющіе ихъ
 « боги спорятъ о владычествѣ надъ міромъ. Эти времена
 « не нуждаются въ историкѣ, ихъ изобразить можетъ толь-
 « ко поэтъ. Смертныя исполнены слабостей и погружены
 « въ невѣжество; одинъ изъ боговъ покровительствуетъ имъ
 « и старается возвести ихъ на ту степень, которую они
 « должны занять въ цѣпи творенія и этого-то бога-покро-
 « вителя людей Эсхилъ рѣшается олицетворить на сценѣ.
 « Онъ представляетъ его преданнаго вѣчнымъ мукамъ за
 « благодѣяніе, оказанное человѣческому роду. Хотя здѣсь
 « дѣйствуютъ только боги, но дѣло идетъ о человѣчествѣ.
 « Прометей представляетъ намъ человѣчество, и картиною
 « своихъ несчастій возбуждаетъ въ насъ самую живую и
 « трогательную симпатію» (стр. 34).

« Эсхилъ извлекъ трагедію изъ первобытной ея грубости,

« далъ ей новую форму, величіе и силу; но увлекаясь излиш-
 « ними порывами, онъ часто нарушалъ цѣлость и единство.
 « Реформа Эсхила конечно не осталась безъ пользы для
 « Софокла, и Софокль украсилъ, улучшилъ трагедію, далъ
 « ей *надлежащее (?)* значеніе, отдѣлилъ ее отъ оды и
 « эпопеи, показалъ ея границы и права. Эсхиль пора-
 « жаетъ насъ громадностью своего таланта, Софокль нѣжно-
 « стью и прелестью, образованнымъ знаніемъ своего дѣла;
 « то, что у Эсхила часто было случайностью, здѣсь обду-
 « мано и сознательно исполнено. Въ трагедіяхъ Софокла
 « мы видимъ болѣе дѣйствія и движенія; число дѣйствующи-
 « щихъ лицъ увеличено, характеры обрисованы не общими
 « чертами, а имѣютъ свою рѣзкую индивидуальность; хоръ
 « занимаетъ *надлежащее (?)* мѣсто; онъ уже не является
 « болѣе главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а только мысля-
 « щимъ и разсуждающимъ зрителемъ. У Софокла хоръ
 « соразмѣренъ съ діалогомъ, стихъ гораздо гармоничнѣе и
 « глаже, въ дѣйствіи болѣе разнообразія, полноты и ясно-
 « сти, въ трагедіи болѣе *правильности (?)*. Эсхиль изум-
 « ляетъ насъ отдѣльными красотами; но часто упускаетъ изъ
 « виду мысль о цѣломъ впечатлѣніи; у него нерѣдко одна
 « часть развита больше другой, одна сцена выдается изъ
 « ряда другихъ; у Софокла все вниманіе направлено на то,
 « чтобы характеры развить постепенно и произвести впечат-
 « лѣніе цѣлымъ сочиненіемъ. Если можно привести срав-
 « неніе, то мы скажемъ, что творенія Эсхила имѣютъ
 « сходство съ картинною, въ которой одна фигура, одна
 « группа обращаетъ на себя наше вниманіе; твореніе же
 « Софокла—на картину, поражающую насъ своею полнотою,
 « гармонією, соразмѣрностью въ частяхъ.... Эсхиль любилъ
 « переноситься въ сферу боговъ; Софокль только въ крайней
 « необходимости вызываетъ боговъ на сцену, и божество
 « всегда почти присутствуетъ невидимымъ образомъ. Въ
 « сценическихъ украшеніяхъ Софокль ищетъ болѣе изящ-
 « наго, нежели гигантскаго.... Любовь къ идеальному и вы-
 « сокому видна повсюду: я изображаю людей, говоритъ
 « поэтъ, такими, какими они должны быть, тогда какъ

« Эврипидъ представляетъ ихъ такими, какіе они на самомъ дѣлѣ» (стр. 53).

« Эврипидъ, послѣдній изъ трагиковъ, которыхъ сочиненія дошли до насъ, есть поэтъ-мыслитель; у него много поклонниковъ и много порицателей.... Трагедіи Эврипида отличаются вѣрнымъ и мастерскимъ изображеніемъ чело- вѣческихъ страстей; театръ получилъ болѣе движенія и разнообразія; мы находимъ болѣе дѣйствія, но менѣе простоты, возвышенности и морали. Театръ Эврипида болѣе всѣхъ древнихъ поэтовъ похожъ на новый театръ, потому что при немъ онъ утратилъ свое религіозное вліяніе и болѣе занялся изображеніемъ страстей; и въ трагедіи начали допускаться нѣкоторыя комическія сцены. Эврипидъ былъ философъ и ему казалось страннымъ въ эпоху философіи и софистики воспѣвать боговъ, которымъ онъ не вѣрилъ, воздвигать кумиры, которымъ многіе не поклонялись; по этому его трагедіи утратила свое религіозное значеніе, ослабѣла въ своемъ политическомъ вліяніи и къ сожалѣнію утратила часть своей художественности. Въ хорѣ также послѣдовала перемѣна; какъ онъ былъ первымъ лицомъ у Эсхила, какъ у Софокла онъ находился въ совершенной гармоніи съ дѣйствіемъ, такъ здѣсь онъ является чѣмъ-то лишнимъ и не натуральнымъ; онъ плохо связанъ съ ходомъ пьесы, и блуждаетъ въ своихъ умствованіяхъ по всему міру. Видно, что въ эту эпоху театръ началъ уже отдѣляться отъ религіи, но уважая еще обычаи и древнюю форму, сохранилъ хоръ, какъ остатокъ старинны, утратившей часть своего значенія и смысла, но которою совершенно изгнать Эврипидъ не посмѣлъ, потому-что его и такъ часто упрекали въ безбожіи.

« Такимъ образомъ въ Греціи толпа и поэтъ, театръ и религія стали расходиться; въ умахъ послѣдовало броженіе, софисты наводнили городъ, а философія Сократа, дѣйствовавшая только на отдѣльный кругъ, не простирала еще свое вліяніе на все образованіе Грековъ. Въ политикѣ все клонилось къ упадку; роскошнаго Перикла смѣнилъ кожевникъ Клеонъ; несчастная пелопонезская война раз-

« дувала несогласія и раздоры.... Въ трагедіяхъ Эврипида, « блещущихъ отдѣльными красотоми, обнаруживается не- « достатокъ единства и связи; лирическія мѣста и философ- « снія разсужденія сами по себѣ прекрасны; но часто вклю- « чаются не во время и нарушаютъ естественность. Эври- « пиду недостаетъ художественной мудрости; онъ слиш- « комъ гоняется за вниманіемъ зрителя, которымъ хочетъ « овладѣть всеми способами, чтобы показать ему отъ лица « героя нѣсколько философскихъ мыслей, которыхъ онъ не « посмѣлъ бы высказать открыто и пострадать за свои убѣж- « денія подобно Сократу. Риторическое искусство повело « къ напыщенности; хоръ, діалоги и монологи начали отли- « чаться длинными тирадами; разговорный языкъ потерялъ « простоту и живость. Поэты стали прибѣгать къ неужи- « даннымъ катастрофамъ и къ интригамъ, комедія стала « сходиться съ трагедіею; это уже ясно показывало, что « послѣдняя начала упадать. Эврипидъ за всѣ эти измѣне- « нія и нововведенія еще между современниками нашелъ « сильнаго порицателя въ Аристофанѣ..... Аристотель на- « зываетъ Эврипида болѣе всѣхъ трагическимъ; разумѣется, « онъ заслужилъ это названіе (отъ) древняго критика эффе- « тами; въ этомъ отношеніи онъ романтикъ между классиками, « потому что мы находимъ въ его произведеніяхъ много « разнообразія, движенія страстей; но также много излиш- « нихъ украшеній и преувеличеній (стр. 74).

Не правда ли, что познакомиться съ книгой господина М. К. значитъ свести очень пріятное и полезное знакомство, по- тому что эта книга знакома въ свою очередь со множе- ствомъ другихъ очень умныхъ книгъ; видно, что она неда- ромъ находилась въ ихъ обществѣ, и очень хорошо поняла и запомнила, что при ней тамъ говорилось, такъ что у нея у самой образовалось очень миленькое сужденіе. Она такъ плѣ- нилась Греками, что дала себѣ слово во что бы то ни стало познакомиться съ ними своихъ читателей. Успѣетъ ли она? Не знаю. Правда, она очень умно рекомендуетъ своихъ кліентовъ любимцевъ; описываетъ каждого такъ рѣзко, такъ ярко, что ихъ не смѣшаешь одного съ другимъ; объясняетъ, отчего

произошла между ними такая равнина... Но въ то время, когда ужъ вы ее поняли, и согласились даже съ нею, и говорите ея автору: «вѣрю, вѣрю, но вы, милостивый государь, покажите намъ хоть по обращенію, хоть по кусочку сочиненій этихъ поэтовъ», — онъ опять принимается разсказывать и разсказываетъ сюжеты всѣхъ оставшихся отъ древнихъ писателей трагедій и комедій.... Къ чему это? Изъ этихъ коротенькихъ строкъ ровно ничего не узнаешь тотъ, кто не читалъ подлинника; а кто ихъ прочелъ, для того эти сухія и краткія агумента совершенно лишнія. Отъ этого граціозные и величественные образы, которыхъ такъ жаждетъ читатель, заинтересованный характеристикой поэта, совершенно пропадаютъ. Изъ того, что говоря напримѣръ, объ одномъ изъ самыхъ граціозныхъ созданій Эврипида, объ его Альцестѣ, книжечка сказываетъ, что въ этой пьесѣ «поэтъ хотѣлъ изобразить идеалъ женщины такъ, какъ онъ ее понималъ», — ничего не можетъ вообразить читатель, потому-что передъ нимъ не проведены черты, изъ которыхъ слагается этотъ идеалъ, не показано какъ она проявляется въ драмѣ, а главное, онъ не слышитъ голоса этого милаго и живаго существа. Вопли Филоктета, его дивный разговоръ съ Неоптолемомъ, его скорбь о гибели лучшихъ героевъ, его негодованіе, что пощажены смертью не достойные жизни, — все пропадаетъ. Нѣтъ, желая познакомиться съ кѣмъ-нибудь, къ кому вы желаете внушить любовь, не говорите много объ немъ въ третьемъ лицѣ: заставьте его говорить самаго, оставьте ему самому трудъ побѣдить предубѣжденіе и расположить къ себѣ сердце слушателя. А это легко сдѣлать такимъ людямъ какъ Эсхиль, Софокль и Эврипидъ; стоило только пожалуй хоть бы отказаться отъ изложенія содержанія непременно всѣхъ ихъ трагедій, а разобрать одну или двѣ, но такъ, чтобы привести по нѣскольку сценъ, гдѣ выражается ихъ талантъ въ полномъ блескѣ. Кромѣ того, книжечка эта исполнила бы долгъ совѣсти передъ Греками, если бы постаралась доказать, что греческая трагедія изобилуетъ всѣми красотами, которыя мы привыкли цѣнить и любить у Шекспира, и что съ точки зрѣнія французскихъ салонновъ, когда

то законодателей вкуса, эти трагики, и особенно Эсхиль, такіе же дикари, какъ и творецъ Гамлета; что Фурии и вѣдьмы близкія сестры между собою, а что Орестъ Эврипида уже заключаетъ въ себѣ многіе элементы характера Гамлета, и что тотъ же духъ, который внушилъ Шекспиру знаменитый монологъ «быть или не быть», внушилъ Эврипиду слова (въ Меланиппѣ): «Юпитеръ.... Кто бы ты ни былъ тотъ, «кто носитъ это имя, потому-что я не знаю какъ тебя назвать....» Если бы кто привелъ, что эти трагедіи чужды намъ потому-что всѣ изображаютъ судьбу и преданія извѣстныхъ греческихъ фамилій; то имъ можно бы было сказать, отчего же мы не хотимъ знать преданія фамилій Греціи, когда намъ такъ милы преданія фамилій Монтеки и Капулетти, Боражіа, всѣхъ шотландскихъ и англійскихъ, прославленныхъ Вальтеръ-Скоттомъ? Принимая одни средніе вѣка, не хотимъ знать историческія преданія *среднихъ вѣковъ* древней Греціи? Мы не можемъ раздѣлять ихъ суевѣрій? Мы не можемъ сочувствовать судьбѣ, гнетущей домъ Агамемнона, судьбѣ, уничтожающей человѣчество? Но вѣдь мы понимаемъ суевѣріе Вальтеръ-Скоттовскихъ героёвъ, его Гайландеро́въ; насъ поражаютъ его Цыганки, мы чувствуемъ руку, лежащую надъ домомъ Равенсудовъ, и каждую зиму плачемъ въ оперѣ при предсмертной пѣсни Эдгарда, послѣдняго Равенсуда. Пространство времени ничего не значитъ, а средніе вѣки Греціи, въ которыхъ она представляется раздѣленною на маленькія части между разными владѣтельными домами, очень во многомъ похожи на средніе вѣки нашей Европы. Эсхиль — историкъ этой эпохи. По его указанію шли Софокль и Эврипидъ; трагедія Греціи — исторія, преданія ея феодальной аристократіи; тогда какъ комедія, развившаяся изъ одного же источника съ нею — органъ демоса.

Книга господина М. К. точно также хорошо познакомитъ насъ и съ комедіей; въ комедіи, въ ея развитіи отъ Аристофана, до Менандра вы прослѣдите все развитіе этой толпы; увидите всю ея силу, весь ея умъ, все ея величіе и низости; всѣ ея симпатіи и антипатіи; съ паденіемъ этой толпы падаетъ комедія; у Менандра это уже комедія нравовъ, типовъ.

Но пусть лучше господинъ М. К. расскажетъ намъ, что сдѣлали первые подражатели Грековъ — Римляне. Посреди толпы плѣнныхъ королей и королевъ древняго свѣта, приведенныхъ въ оковахъ въ Римъ за его побѣдной колесницей, находилась и муза съ своей трагической и комической маской и котурномъ. Ей позволили жить въ Римѣ, отвели ей театръ, и заставили давать представленія. Конечно она не могла соперничествовать съ болѣе благородными забавами римскаго народа, съ травлей львовъ и тигровъ; Римляне все-таки съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на настоящія муки, съ большимъ наслажденіемъ слушали вопли жертвъ дѣйствительно умирающихъ въ когтяхъ гienы, нежели, по выраженію мудраго Солона, лганье ловкаго актера; однако бѣдная Гречанка имѣла своихъ поклонниковъ, и своихъ учениковъ въ Римѣ, и если Эскиль и Софокль имѣли только — надутыхъ и натянутыхъ подражателей въ родѣ риторы Синекы, за то Аристофанъ и Менандръ были счастливѣе: ихъ ученики Плавтъ и Теренцій были талантливые ученики.

« Маркъ Авцій Плавтъ родился въ Умбріи около 227 года до Р. Х. въ консульство Фламинія, котораго побѣдилъ Аннибалъ. Изысканія ученыхъ касательно точнаго опредѣленія года его рожденія остались неуспѣшны; объ его происхожденіи также ничего положительно сказать нельзя; многіе думаютъ, что онъ былъ вольноотпущеннымъ или сынъ вольноотпущенника. Желаніе прославиться и сдѣлать себѣ дорогу привело его въ Римъ; тамъ, будучи семнадцатилѣтнъ отъ роду, онъ отдалъ на сцену свою прекрасную комедію: « Менахмы ». Она имѣла огромный успѣхъ, и съ того времени началось его блистательное поприще. Плавтъ былъ вмѣстѣ авторъ, актеръ и содержатель труппы; дѣла его шли хорошо и онъ обогатился въ короткое время. Одни изъ біографовъ рассказываютъ, что онъ распустилъ труппу, оставилъ сцену и пустился въ торговые обороты, что и разорило его. Варронъ же утверждаетъ, что онъ разорился оттого, что тратилъ большія суммы на обстановку своихъ пьесъ и на костюмы, дабы придать больше блеску своимъ комедіямъ.... Онъ продался въ неволю и вертѣлъ

« жернова на мельницѣ; но ни работа, ни нужда не могли по-
 « губить ни его таланта, ни веселости; онъ въ неволѣ напи-
 « салъ еще три комедіи, которыя, къ-сожалѣнію, дошли до
 « насъ только въ отрывкахъ. Подробности, съ которыми онъ
 « знаетъ всѣ хитрости рабовъ, весь ужасъ ихъ положенія,
 « всѣ плутни мелкихъ торговцевъ невольниками, обличаютъ
 « большую опытность въ жизни и его собственныя несчастія.
 « У этого автора, несчастная участь римскихъ невольниковъ,
 « ихъ страданія, ихъ развратъ, обманы, хитрости, козни,
 « все представлено съ рѣдкимъ совершенствомъ; но онъ не
 « всегда хотѣлъ забавлять публику ихъ интригами и улов-
 « ками, а также старался заинтересовать и возбудить жа-
 « лость ихъ горькимъ жребіемъ. Онъ умѣлъ разнообразить
 « свои типическія однообразныя лица; у него находимъ не
 « однихъ рабовъ негодяевъ, обманывающихъ и обирающихъ
 « своихъ господъ, но также рабовъ честныхъ и добрыхъ
 « нравовъ. Остальная жизнь поэта намъ совершенно невѣ-
 « стна; мы знаемъ только, что онъ умеръ за 184 года до Р.
 « Х., при цензорѣ Катонѣ.

« Всѣ комедіи Плавта или переведены съ греческаго или
 « написаны въ подражаніе Демофила, Филимона, Эпихарма
 « и Менандра; но какъ до насъ не дошли греческіе образцы,
 « то мы не можемъ рѣшить, чтó и въ какой степени зани-
 « ствовалъ Плавтъ у греческихъ писателей. Дѣйствующія
 « лица комедій Плавта вообще однообразны; въ нихъ мы
 « всегда находимъ или прелестницу, или молодыхъ людей—
 « мотовъ, слугъ плутовъ и глупыхъ стариковъ, но въ этомъ—
 « нельзя обвинять поэта. Форма римскаго общества, ис-
 « ключительно военная и политическая, не могла воспитать
 « комическаго писателя. Все занимательное происходило
 « на форумѣ; этого авторъ представить не смѣлъ; а частная
 « жизнь была однообразна и скрыта. Домъ у Римлянъ была
 « святыня, куда никто не смѣлъ проникнуть; семейныя от-
 « ношенія никто не смѣлъ вывести на сцену, по этому ав-
 « торъ принужденъ былъ прибѣгать къ прелестницамъ, и
 « отсутствіе честныхъ женщинъ въ его комедіяхъ очень
 « ощутительно. Но при всемъ затрудненіи, касательно вы-

« бора дѣйствующихъ лицъ, авторъ умѣлъ разнообразить до
 « безконечности интриги своихъ пьесъ, почти данныя лица
 « ставить въ положенія, заставляющія открывать почти во-
 « вую черту ихъ характера. Неподдѣльная веселость, остро-
 « та, шутки и каламбуры ставятъ его въ число лучшихъ
 « писателей. Зная прекрасно низшіе слои общества, онъ изъ
 « этого круга бралъ свои лица и умѣлъ имъ придать удиви-
 « тельную жизнь, натуральность и характерность. Плавтъ
 « былъ любимецъ народа, потому-что бралъ свои лица изъ
 « среды его; онъ не искалъ ни покровительства, ни защиты
 « знатныхъ—его защита былъ его талантъ, на который онъ
 « смѣло и не напрасно надѣялся.

« Если мы станемъ сравнивать Плавта съ Теренціемъ, то
 « найдемъ между ними большую разницу—вотъ два поэта
 « совершенно непохожіе одинъ на другаго. Говорятъ, что
 « одинъ писалъ для народа, другой для избраннаго круга
 « общества, одинъ явился ранѣе, другой позднѣе, и что двад-
 « цать лѣтъ, раздѣляшія ихъ, много измѣнили вкусъ Рим-
 « лянь. Какъ бы то ни было, но Плавтъ гораздо плодови-
 « тѣе и талантливѣе Теренція; въ его комедіяхъ больше дѣй-
 « ствія, движенія и разнообразія. Теренцій трудолюбивый
 « писатель; онъ изъ нѣсколькихъ греческихъ комедій со-
 « ставлялъ одну, тогда какъ Плавтъ изъ одной греческой ко-
 « медіи дѣлалъ нѣсколько латинскихъ пьесъ; ему довольно
 « было одного слова, одного намека, одной сцены, чтобы на-
 « писать комедію; подъ его перомъ все принимало новый видъ
 « в широкій размѣръ; у Теренція все сѣуживалось и эта скуд-
 « ность показываетъ уже меньшую степень таланта. Плавтъ
 « смѣлъ, даже дерзокъ, выраженія его часто грубы, разговоръ
 « не рѣдко доходитъ до цинизма.... Онъ въ этомъ отношеніи
 « былъ вѣрнымъ представителемъ римскаго народа, который
 « никогда не отличался деликатностью; Теренцій, напротивъ,
 « всегда почти воздерженъ, слогъ его гладокъ, покоевъ; но въ
 « пьесахъ нѣтъ ни той жизни, ни веселости, хотя много харак-
 « теровъ. Умѣнье очертить характеры составляетъ главное
 « достоинство Теренція. У Плавта мы встрѣчаемъ тоже мно-
 « го характеровъ и сверхъ-того всегда почти находимъ хо-

« рошо веденную интригу, комическія положенія и остроты.
 « хотя подъ часъ и пошлыя, но всегда вызывающія неволь-
 « ную улыбку. Вотъ чему должно приписать живучесть ко-
 « медій Плавта, которыя имѣли продолжительный успѣхъ
 « на римской сценѣ, были извѣстны въ средніе вѣка и болѣе
 « другихъ твореній древности знакомы нашему времени. Всѣ
 « Европейскіе театры наполнены подражаніями Плавту. У
 « Теренція заимствовали весьма не много и имя его почти
 « забыто. Чтобы удобнѣе подмѣтить характеристическія
 « черты этихъ двухъ поэтовъ, стоитъ только взять папри-
 « мѣръ, прологъ Плавта и Теренція. Въ нихъ мы увидимъ
 « тоже большую разницу. Прологъ Плавта живъ, забавенъ,
 « остеръ; онъ смѣется надъ всѣми, онъ осмѣиваетъ все, и
 « даже самую публику. Большая часть прологовъ Теренція
 « больше ничего, какъ плаксивая полемика; онъ жалуется
 « на равнодушіе зрителей, своихъ враговъ, на злые языки,
 « упрекающіе его въ томъ, что онъ заимствуетъ свои харак-
 « теры у древнихъ писателей и у Плавта; онъ оправдывается
 « тѣмъ, что доказываетъ, что все уже сказано, и давно вы-
 « ведено на сцену, что все невольно кажется заимствованіемъ,
 « однимъ словомъ, ничто не ново подъ луною. Такого
 « рода объясненія показываютъ какую-то робость и неувѣ-
 « ренность въ своихъ силахъ, Плавтъ смѣло говоритъ, что
 « и гдѣ онъ заимствовалъ, не страшась ни упрековъ, ни по-
 « рицаній; онъ, кажется, готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ Моль-
 « еромъ: я беру свое добро повсюду, гдѣ его нахожу».

Я полагаю, что одной этой характеристики Плавта и Теренція достаточно, чтобы вы уже горѣли желаніемъ поскорѣе прочесть или перечесть древнихъ комиковъ и трагиковъ; вы уже теперь вѣрите, конечно, что они не такъ страшны, чинны, важны, этикетны, холодны, какъ казались прежде. Спасибо господину М. К. за то, что онъ рѣшился цѣлой книгой толковать объ этомъ у насъ, гдѣ еще мало заботятся о древнихъ.

==

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АВГУСТЪ, 1849.

НОВАЯ КНИЖКА.

Путевыя замѣтки. Сочиненіе Т. Ч. Выпускъ второй (Одесса, 1849, №-12).

Нашъ незабвенный литературный гений рѣшительно подалъ въ отставку.... Надоѣло ему быть гениемъ. Преглупое званіе! Изъ-за чего биться?... Изъ-за безсмертія? Оно такъ недолговѣчно быиче! Обязанность, говорить, лестна — удивлять свѣтъ тѣмъ, что вы умнѣ другихъ и смыслите то, чего они не смыслятъ.... Большое торжество! Ну, а какъ удивите: тогда что? Все же вы, гений, зависите отъ этихъ другихъ. Они вамъ судьи, они оцѣнщики, они податели безсмертія, они покровители.... а часто и того хуже: они вамъ друзья!... Цѣлуйтесь же съ ними! Угадывайте ихъ вкусы! Лестите имъ! Нето, они не станутъ смотрѣть на васъ — отвернутся — пройдутъ мимо — а какъ ихъ нѣтъ, такъ и свѣта не стало: не для кого быть гениемъ!... Хлопочи, думай, наблюдай, что дѣлаютъ другіе, собирай ихъ глупости, изображай ихъ без-

толковыя страсти, трудись, — а тамъ еще они же скажутъ вамъ, гению: вы насъ не поняли! И напустятъ на васъ свою критику, которая изорветъ, искусаетъ, изувѣчитъ васъ. Сражайся съ нею! Нѣтъ, российскому гению наскучила эта коммисія и потому онъ вышелъ въ отставку. Полно подвизаться; полно производить чудеса остроумія, изобрѣтенія, вкусу, искусства. Пора ему отдохнуть на лаврахъ, и мѣсто свое онъ охотно уступаетъ гению новороссійскому, гению юному, здоровому, неизмученному, которому, какъ вы видѣли въ прошедшемъ мѣсяцѣ, господинъ Зеленецкій взялся объяснить тайны русской литературы. Если новороссійскій гений ничему у него не выучится, такъ есть надежда, что онъ произведетъ прекрасныя вещи. Съ нѣкотораго времени мы живемъ новороссійскимъ гениемъ. Умъ и прелесть приходятъ къ намъ съ юга. Вы помните изящный томикъ чрезвычайно милыхъ разсказовъ, который въ прошломъ году явился на берегу Чернаго Моря подъ заглавiемъ: «Путевыя Записки, сочиненiе Т. Ч.»? Вотъ другой томикъ, такой же изящный сваружи, и такой же милый внутри. Подобно первому онъ состоитъ изъ трехъ повѣстей, или трехъ разсказовъ, которыхъ и пересказать невозможно — такъ они милы, такъ тонки, прозрачны, неувольны: это — кружево, плетенное изъ лунныхъ лучей, которое развертывается безконечнымъ серебристымъ узоромъ въ прiятной темнотѣ задумчивости и тоски; это — воздухъ, въ которомъ по гладкой синевѣ непрерывно текутъ облака разныхъ цвѣтовъ и неопредѣленныхъ формъ, образуя изъ мглы и свѣту сочетанiя и явленiя, тысячу разъ видѣныя, и всегда любопытныя, отрадныя меланхолическимъ воображенiямъ, занимательныя для бездѣлiя и скуки. Какъ кружево и какъ воздухъ, эти повѣствованiя не имѣютъ ни начала ни конца; они есть, ихъ видишь, наслаждаешься ими, а — кажется — тутъ ничего нѣтъ — кружево! воздухъ! плѣнительная пустота! что-то очень красивое, очень сладкое, безъ плотности и содержания: и въ томъ то заключается особенная прелесть кружевъ, воздуху, «Путевыхъ Замѣтокъ» и другихъ, какъ говорятъ физики, невѣсомыхъ жидкостей, къ числу которыхъ принадлежатъ также, какъ извѣстно всякому, электричество, магнетизмъ, свѣтъ, и тому подобныя небывальщины. Чувствуешь, что васъ тянетъ что-то, что-то щиплетъ, что-то мечетъ голубыя искры, красуется радужными узорами, движется красиво на мѣстѣ, веселитъ, занимаетъ, что-то освѣщаетъ, и даже порой ослѣпляетъ; а все это ничто! — ничего тутъ не бывало — ничего нѣтъ — обманъ глазъ, чувствъ и ума — потому что ни электричества, утверждаютъ мудрецы, ни

магнітизма, ни свѣту, ни путевыхъ замѣтокъ, ни другихъ разныхъ невѣсомостей, не существуетъ : это только — игра незримыхъ атомовъ, которые незамѣтно шевелятся Богъ знаетъ какъ и для чего, а мы думаемъ, будто это магнитная сила, свѣтъ, электричество, замѣтки, очарованіе. Вотъ одна изъ этихъ прелестныхъ магнито-электрическихъ фантазмагорій — для примѣру — которыхъ понять не могутъ физики: но мало ли чего они не понимаютъ!... а чего не понимаютъ, они говорятъ что этого и нѣтъ — что это «невѣсомая жидкость», пустопорожняя видимость, дѣйствующая безсущность: какая нужда!... довольно того, что это красиво и занимательно.

«Здорова. Веселюсь. Люблю свѣтъ. Выучилась у М. Леон польскѣ-мазуркѣ. Вздорю за-частую съ Надеждой Александровной. Слѣжу за Вѣрой и тѣшусь ею. Это все отвѣты на ваши вопросы, Клара.

«Начинаю думать, что душа моя никогда не вызовется ни на какое чувство кромѣ дружбы. Мы уливительные друзья съ Ливевскимъ. Вообразите себѣ сліяніе характеровъ и повѣрій Вѣры, вашихъ и моихъ. Въ этой богатой и разнообразной натурѣ есть откликъ на задумешную рѣчь каждой изъ насъ. Я привыкла любить постояннымъ чувствомъ только себя, васъ, да Вѣру, высочайшая отрада для меня это олицетворенное соединеніе трехъ причинъ, пробудившихъ и поддерживающихъ во мнѣ любящее начало. Нерѣдко въ какихъ-нибудь преніяхъ, поднимаемыхъ искусно Надеждой Александровной, чтобы оживить разговоръ въ своей гостиной, Ливевскій договариваетъ начатую мною фразу, подсказываетъ мнѣ чувствуемыя мною мысли, объясняетъ и парафразируетъ мои сужденія. Я почти готова у него спрашивать, какъ я думаю о томъ или о другомъ предметѣ. Мы говоримъ безъ умолку вдвоемъ по цѣлымъ часамъ, и разговоръ нашъ не вянетъ и не хладѣетъ, хотя почти никогда не споримъ; это — безконечная повѣрка привившихся къ намъ Богъ знаетъ когда и откуда чувствъ, вѣрованій, и отпращенныхъ, самосозерцаніемъ и изученіемъ другихъ духовныхъ міровъ, заключеній. Я безъ него скучаю видимо и сознательно. Когда онъ говоритъ, въ лицѣ его отражается страстная и грустная раздражительность, точно больное и ветерпѣливое дитя. Онъ любитъ и понимаетъ поэзію. Вотъ какъ онъ толковалъ мнѣ поэта и его назначеніе:— «Я смотрю съ негодованіемъ на близорукихъ судей, требующихъ видимой пользы отъ такъ-называемой легкой литературы, и отыскивающихъ придирчиво въ

« поэтъ законодатель. Изящная легкая литература приноситъ не-
 « зримую пользу, растворяя незаметно для добра сердце челове-
 « ческое и облагораживая его чувствительность. Много душь жи-
 « вущихъ, но не много душь благоухающихъ; поэзія есть благо-
 « ухаііе души: душа, раскрытая поэзіей, имѣтъ цвѣтокъ раскры-
 « тый благоуханіемъ, возносясь къ Творцу, дышетъ лаской и
 « сочувствіемъ для творенія. Можетъ ли поэтъ вложить все за-
 « пасъ сердечной науки въ одно произведеніе? Нѣтъ, такая на-
 « ука пріемается только незаметными частями, она нечувстви-
 « тельно, постепенно разбиваетъ и размягчаетъ ожесточившую-
 « ся натуру человѣческую. Поэтъ на свѣтлую ткань рассказа
 « бросаетъ темный цвѣтокъ выстраданной имъ истины. Вообра-
 « женіе читателя, раздраженное картинами рассказа, сердце его,
 « смягченное искусно сообщенными ему волненіями, открывают-
 « ся добру и чувству. Въ человѣкѣ много глубоко-нѣжнаго, мно-
 « го благородныхъ стремленій, но онъ отказывается отъ нихъ,
 « считая все это смѣшной слабостью; поэтъ, являясь проповѣд-
 « никомъ этихъ чувствъ, отряхиваетъ съ нихъ печать отверже-
 « нія, и кто знаетъ, не займутъ ли они лучшаго мѣста въ серд-
 « цѣ человѣка?... Такимъ образомъ поэтъ становится геніемъ-
 « примирителемъ между духовной жизнью и человѣкомъ. Ему
 « нужны послѣдователи, по этому не съ усмѣшкой, а съ гордостью
 « онъ долженъ смотрѣть на ризы, которыми одѣваетъ его слава.
 « Слава влечетъ отдаленныхъ; сочувствіе и любовь приковываетъ
 « къ нему только близкихъ »

« Клара, что вы думаете о человѣкѣ, такъ воедино съ нами
 « двумя чувствуящемъ?... Странно, что онъ ни съ кѣмъ кромѣ
 « меня не говоритъ такимъ образомъ. Если бы вы могли слы-
 « шать его тихій, но звучный голосъ, если бы вы могли видѣть
 « жаръ разгорѣвшихся щекъ и лихорадочный блескъ свергаю-
 « щихъ глазъ!

« — О чемъ ты вчера такъ долго толковала съ Лидевскимъ?
 « говорила Вѣра Катѣ, рассеянно смотря въ зеркало.

« — Не помню.

« — Но вѣдь у васъ вѣчно предлинные разговоры. Въ пер-
 « вый разъ какъ онъ будетъ, наведи разговоръ, знаешь на что?..

« — Ну, на что?

« — Напримѣръ, очень ли онъ любитъ медицину?

« — Объ этомъ мы уже не разъ говорили: любить.

« — И никогда ее не оставить?

« — Никогда. Да и къ чему? будемъ смотрѣть на это со сто-

роны часто помещавшейся. Овъ вѣрне бѣдлѣкъ такей же наку
 а, тѣмъ же кому дитъ?

« — Иногда наше общественное положеніе измѣняется.... про-
 говорила Вѣра нерѣшительно.

« — Да, напримѣръ выгодной женидьбой, сказала Катя равно-
 душно, хотя щеки ея мгновенно поблѣдѣли.

« — Или.... другимъ чѣмъ.... — чуть слышно и съ разстанов-
 кой произнесла Вѣра.

« — Я его спрошу, сказала Катя.

« — Надѣюсь, не такимъ образомъ!

« — Напрасно тревожишься, я не стану тебя компрометиро-
 вать.

« — Катя!..

« — Хорошъ Скачковъ, Вѣра?

« — Очень, онъ можетъ нравиться.

« — А Ливневскій?

« — Его можно любить до безумія, согласна ли ты со мной?

« — Больше нежели согласна.

« — Я это замѣтила.

« И обѣ расхохотались. Но Катя дурно спала нѣсколько ночей
 съ раду и ждала прѣзда Ливневекаго съ особеннымъ нетерпѣ-
 ніемъ. Ноговорявъ съ нимъ, она съ трудомъ дождалась мину-
 ты, въ которую полудремающая герничная унесла свѣчу изъ
 жхъ комнаты, и стала говорить о Скачковѣ, хваля его любез-
 ность и пріятный умъ. Вѣра съ ней соглашалась, сколько мож-
 но было судить по ея отрывистымъ отвѣтамъ.

« — Ты не въ духѣ!

« — Нѣтъ, спать хочу.

« — Смотри, чтобы не приснился Скачковъ съ своими эпо-
 летами.

« — Признаюсь, я этого не желаю!

« — Отчего?

« — Хочу отдохнуть.

« — Онъ тебѣ говорилъ что-нибудь, Вѣришка?

« И Катя быстро поднялась съ подушекъ.

« — Только не думай, чтобы очень ясно.... Я умѣла отклонить
 разговоръ. Но мнѣ очень тяжело.

« — Отчего?

« — Это такъ не кончится.

« — Да, шатап, кажется, очень желаетъ, и на этотъ разъ ре-
 «зольно.

- « — Резонно!... Хорошо же всё меня понимают!
- « — Такъ онъ тебѣ вовсе не нравится, даже вселяетъ отвращеніе?
- « — Совсѣмъ нѣтъ.
- « — Такъ что же?
- « — Ахъ оставь меня, я измучена!
- « — Отказъ будетъ сущимъ сумасшествіемъ въ глазахъ всѣхъ!
- « — Въ глазахъ Катерины Васильевны особенно!...
- « Катя замолчала. Вѣра со вздохомъ повернулась на кровати.
- « — Ты влюблена въ кого-нибудь? спросила Катя, переслышавъ себя и съ трепетомъ ожидая отвѣта.
- « — Сжальтесь и оставьте меня, я спать хочу!...
- « — А я сегодня говорила съ Линевскимъ о свадьбѣ Ильиной съ Розенкранцомъ, и онъ высказалъ свое мнѣніе.
- « — Ну?... — И Вѣра въ свою очередь сѣла на постели.
- « Катя услышала скрипъ кровати, сердце ея сжалось.
- « — Онъ очень строгъ въ своихъ сужденіяхъ, сказала она робкимъ голосомъ.
- « — Напримѣръ?
- « — Онъ находитъ Розенкранца презрительнымъ, потому-что тотъ пересталъ давать уроки съ-тѣхъ-поръ какъ женился.
- « — Смѣшно однако Ильиной, при ея богатствѣ, позволять мужу продолжать ремесло фортепіаннаго учителя и ѣздить изъ дома въ домъ за пяти-рублевымъ билетомъ, когда у ней чудное мнѣніе.
- « — И двое взрослыхъ дѣтей.
- « — Имѣніе принадлежитъ ей собственно. Я не оправдываю ея замужества, потому-что ея материнскія обязанности ей его не позволяли. Но положимъ, что она свободна; положимъ, что она молода какъ я, какъ ты, и вышла бы за Розенкранца? и онъ бы совѣстился жить помѣщикомъ, изъ какого-то ложнаго понятія о своемъ достоинствѣ, онъ облекъ бы жену въ званіе *учительши*, какъ здѣсь ихъ называютъ?...
- « Катя вспыхнула.
- « — Какъ ты не любишь невидныхъ званій, сказала она. — Я думаю, ты бы стыдилась называться докторшей?
- « — Конечно *уздной докторшей* быть очень пріятно! Знакомся и подлаживай исправнику, аптекарю, Богъ знаетъ кому.
- « Въ гостиной, какая-нибудь Акулина Тимофеевна въ оравжевомъ тюрбанѣ, съ пучкомъ пунцовыхъ марабу, пріятное общество!

« отъ всего этого можно себя оградить. Зачѣмъ служить и налагать на себя зависимость? »

« — Но если кто служилъ, смѣшно ему выйти въ отставку потому-что жена богата. И такъ всякій долженъ добровольно обречь себя на бесполезность: музыкантъ долженъ отказаться отъ музыки, докторъ отъ медицины... »

« — Отъ практики, а не отъ медицины. »

« — Вѣра, Богъ съ тобой, ты такъ говоришь, что и малолѣтний ребенокъ расхохотался бы. Хорошо, что я не докторъ, и что Ливневскій тебя не слышитъ. »

« — Я бы ему доказала, что у него мысли всѣ на ходуляхъ. »

« — Ха-ха-ха! »

« — Непремѣнно поздравлю Sophie съ вѣчнымъ титуломъ уздной докторши: кажется ей нравится Ливневскій! »

« — Я Ливневскаго теперь уважаю болѣе, нежели когда-либо, сказала Катя. »

« — А я не могу уважать того, въ комъ нѣтъ самолюбія; люди безъ самолюбія безцвѣтны. »

« — Послушай Вѣра, твоя досада смѣшна. »

« — А твое заступничество ничуть не двусмысленно. »

« Обѣ молчали нѣсколько минутъ. Наконецъ Вѣра успокоилась, и желая загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на Катю этимъ споромъ, сказала: »

« — Миѣ жаль, что у Ливневскаго такія странныя попятія, я къ нему хорошо расположена и оттого на него досаую. Онъ уменъ, образованъ, хорошъ какъ мало, почти красавецъ. Да, вѣдь это лицо такъ и бросается въ глаза своимъ выраженіемъ! всѣ наши recherches съ ума по немъ сходятъ. Я часто, очень часто думала, какимъ-образомъ онъ попалъ въ такую глушь узднмъ докторомъ, и признаюсь, составляла даже маленькій романъ. Странныя же у него идеи!... »

« Катя ничего не отвѣчала. Всю ночь ей грезилась какіе-то граціозные сны. »

« Черезъ четыре мѣсяца Катя и Вѣра плакали объявшись. Дорожная карета, запряженная почтовыми, стояла у крыльца; измученная недавнимъ гономъ шестерня, мотала головами и заставала сухо и отрывисто позванивать хрипый колокольчикъ, привязанный у дышла. Вѣра была въ хорошенькомъ чепчикѣ и тепломъ капотѣ. Скачковъ ходилъ безъ эполетъ; военный спортукъ на бѣлыхъ мерлушкахъ былъ застегнутъ только на верхнюю пуговицу. »

« — Не бездомность мученица, говорить она цѣлуя руки у плачущей Надежды Александровны, ни будетъ къ вамъ ни сѣтъ постоянно. Впрочемъ, повеселитесь эту зиму въ Петербургѣ, а къ веснѣ вы опять съ нами.

« — Паша, Катичка, не забывай меня. Больше мы никогда не будемъ разставаться, мнѣ это обещала Michel! говорила Вѣра.

« Напротивъ того, желаю вамъ разстаться теперь навсегда съ Вѣрой, Катериной Васильевной, сказалъ Скачковъ. Выходите-ка замужъ къ вашему прѣзду.

• Катя грустно покачала головой.

« — Выходи за Ливескаго, шепнула ей Вѣра, цѣлуя ее. — Я знаю, что ты его любишь. Тогда я не буду жалѣть, что разсталась съ тобой, прибавила она вслухъ.

« Еще нѣсколько фразъ, нѣсколько поцѣлуевъ, нѣсколько слезъ; крестныя знаменья и горькіе вздохи Надежды Александровны. Катя тоже перекрестила издали дрожащей рукой экипажъ, уносящій Скачковыхъ къ Петербургу.

Мысль этого невозможно ничего написать по-русски, даже обманывая перо въ розово-голубое холодное пламя электрическое, которое такъ чудесно свѣтится въ темнотѣ. Страницы эти вьютъ изъ путевой замѣтки, прозванной «Четвертью жизни человѣческой», самой длинной изъ трехъ замѣтокъ или повѣстей въ книгѣ, самой короткой въ чтеніи. Эта розово-голубая игра чего-то непонятнаго, неопредѣленнаго, грустно-таинственнаго, слишкомъ быстро угасаетъ для читателя: хочется, чтобы она продолжалась еще, и что-нибудь доказала. Не таково свойство всего небыснаго, къ которому впрочемъ — я забылъ сказать — принадлежитъ и красота.

«Гашкованкиныя учителя» книга — выпускъ второй — называется; а описывается новѣстью, которой названіе: «Подполье» и которая болѣе двухъ прочихъ трогаетъ при чтеніи. Это — дѣлится душа и сердца пошлой двушки. Александрина отжила весну свою въ томительномъ одиночествѣ. Любовь не озарила сонми въ соннебидимъ свѣтомъ этого горячаго бытія, въ которое нужно было только бросить искру, чтобы произвести страшный пожаръ восторговъ и блаженства. Наконецъ, вотъ, является чудесная женщина — повѣстникъ Michel — несравненный молодой человекъ, но слишкомъ молодой — просто, юноша — студентъ. Страсти у него бездна — какъ у студента. Онъ полюбилъ Александрину, и готовъ рѣшиться пройти полный курсъ счастья съ нею. Вотъ и любовь, со всеми ея прелестями, чарами, упоеніями. Александринѣ отбѣтъ

только протянуть руку и взять. И она... она отвергает такое роскошное наслаждение!...

«Зачѣмъ такъ поздно хотѣла меня за все вознаграждать эти жизни? приближсла она, поднося помертвѣлый взоръ къ небу. — Зачѣмъ такъ поздно!... повторила она съ отчаяніемъ, сжавъ руки камнъ голову.— И долго, долго стояла она. За отворенными окнами было грустно, темно, безотвѣтно. Горячія слезы падали медленно на окно, и со свистомъ осенняго вѣтру срывались еле-еле: поздно!... поздно!...»

Вотъ ужъ случай сказать: *лучше поздно, чѣмъ никогда!*... На такое заключеніе повѣсти, я, съ моей критической стороны, не согласенъ: я предпочелъ бы здѣсь старинное классическое заключеніе, бракомъ, свадьбою, счастьемъ — полегчить, трехдвоенный — что нужды! — все же оно счастье. Жизнь и не стоитъ бытъ. По всему разумію, Александра, къ которой этотъ трогательный разсказъ возбуждалъ во мнѣ живѣйшее участіе, смилость далеко простиралъ строгость теоріи стараго дѣятели. Огромное благодареніе ея сдѣлало въ этотъ разъ глушесть. Могли бы мудрость жизни состоятъ въ томъ, чтобы любовь войти въ хвостъ, когда не удакъ хватить ее за рожъ гдѣ хвостъ, тамъ и рога; они всегда найдутся на своемъ мѣстѣ, въ настоящемъ счастьи. Мнѣ очень жалъ Александрина.

Какъ бы то ни было, благодаримъ новороссійскій геліи за эту книгу. Безъ него, за чistou отставкою геліи російскаго, подлежащая летопись, которая въ разборы журнальныхъ статей пускается изъ понятнаго каждому приличіа, печально представляла бы въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ читателямъ своимъ пустыя страницы.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Спирдинъ, вслѣдъ за сочиненіями Измайлова, издалъ два новые тома «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ». Въ этихъ двухъ томахъ заключаются «Сочиненія князя Н. М. Долгорукаго».

— Въ Москвѣ также издается «Собраніе сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей», только не совсѣмъ «полное», даже очень не полное. Издатель, господинъ Перевлѣскій, намѣренъ,
Т. ХCVII. — Отд. VI. 1/2

какъ кажется, представлять читателямъ только коротенькіе примѣры слогу и способа изложенія «извѣстѣйшихъ писателей», а вмѣсто ихъ сочиненій сочинять самъ, своимъ умомъ, длинно и широко. Такъ во второмъ выпускѣ «Собранія», изъ всѣхъ сочиненій Кантемира, помѣщены только его первая, вторая, шестая и седьмая сатиры, отрывки пятой сатиры и еще шесть небольшихъ стихотвореній, всего страницекъ пятьдесятъ, да два письма въ прозѣ и одна дѣловая бумага. Почти три четверти тома заняты личными разсужденіями издателя о жизни и сочиненіяхъ Кантемира. Въ первомъ выпускѣ «Собранія сочиненій извѣстѣйшихъ русскихъ писателей» было точно также поступлено съ сочиненіями «извѣстнаго» Ломоносова. Никто, конечно, не мѣшаетъ господину Перевлѣскому разсуждать о чужихъ сочиненіяхъ сколько онъ хочетъ и какъ хочетъ: но зачѣмъ вводитъ публику въ заблужденіе, называя свой собственный посильный трудъ «собраніемъ сочиненій извѣстѣйшихъ писателей», когда въ выпускахъ этого собранія, даютъ имъ только уголокъ, какъ-бы изъ состраданія къ извѣстности? *Собраніе* господина Перевлѣскаго не *собираетъ*, а *выбираетъ*, и выбираетъ притомъ очень скупою рукою, только для примѣру. Такъ ему приличіе было нарѣчься *Выборомъ сочиненій* или, точнѣе, *Выборомъ примѣровъ изъ сочиненій*.... Иногородные люди знали бы по-крайней-мѣрѣ, что такое получаютъ они за высланныя по заглавію деньги.

=

СЕНТЯБРЬ, 1849.

=

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

Псовая охота вообще, составленная А. Вѣнцеславскимъ.
Съ картинками (С. Петербургъ, 1849, вѣ-8).

Во всё вѣка и столѣтія — не знаю на какомъ основаніи — псовыхъ охотниковъ обвиняли въ страсти сочинять или, какъ другіе выражаются неясно, лгать; вѣрно, эти господа пылкостью своего творческаго воображенія нерѣдко подавали поводъ умамъ обыкновеннымъ и тяжелымъ къ упреку, вошедшему въ пословицу на всѣхъ языкахъ. Даже одинъ знаменитый философъ сказалъ: первымъ лгуномъ — учтивѣе, сочинителемъ — на землѣ былъ первый охотникъ, убившій камнемъ перваго воробья. Все это конечно одно только острословіе тѣхъ, которые не умѣютъ стрѣлять. Достоверно, что страсть охотниковъ къ сочиненію, была очень полезною человѣчеству: мы обязаны ей изобрѣтеніемъ исторіи. Всѣ знаменитѣйшіе историки древности, среднихъ вѣковъ и новѣйшей эпохи, до послѣднихъ временъ, были записные псовые охотники, и оттого исторія народовъ, до послѣднихъ временъ, была такая живая, исполненная чудныхъ событій, удивительно занимательная. Они умѣли придать дѣяніямъ человѣчества настоящей интересъ. Пока исторія находилась въ рукахъ ихъ, свѣтъ читалъ ее съ восхищеніемъ и доволенъ былъ собою. Въ послѣд-

ція времена, партія умовъ обыкновенныхъ и тяжелыхъ, докторовъ правъ, докторовъ философіи, насмѣшниковъ надъ охотниками, враговъ такъ называемыхъ ими феодальныхъ правъ охоты, взяла перевѣсъ: стали повсемѣстно утверждать, что въ исторіи сочинять не должно, не прилично охотиться, надо говорить одну чистую правду, и пустились въ поиски за истинною. Чтò жъ вышло? Истинны не поймали. Какъ можно было надѣяться уловить истину между людьми, въ этомъ мрачномъ лѣсу страстей и предрассудковъ. А исторія стала суха, скучна, полна опасными софизмами, безтолковыми направленіями, страстными возгласами, философски усыпительна. Свѣтъ на землѣ помутился. Дѣла и вещи перепутались. Нынче охотники смѣются въ свою очередь, надъ педагогами, которые, не убивъ въ жизнь свою ни одного зайца, не подстрѣливъ даже ни одного бекаса, вздумали принять на себя званіе настоящихъ историковъ: ну, что, говорятъ, много-ли вы настрѣляли истинъ? промахнулись, братцы!... промахъ за промахомъ!... то-то и есть: истина, выходитъ, во сто разъ хитрѣе и увертливѣ лисицы; ея за хвостъ неймаешь; предоставьте, лучше, намъ сочинять исторію, по-прежнему, по-нашему, а все прійдетъ въ порядокъ.

Я нахожу, что псовые охотники правы, и что исторію народовъ должно отнять у историческихъ изслѣдователей, историческихъ критиковъ, историческихъ философовъ, археологовъ, археографовъ, нумизматиковъ и другихъ трапичниковъ, актодеровъ, фактомазовъ, и передать въ завѣдываніе первымъ. Изъ нихъ то и рождаются Геродоты, Фукидыды, Титы-Ливіи, Фроассары, Сень-Симоны, отцы исторіи, сочинители первой руки, неподражаемые рассказчики, пріобрѣтшіе это искусство въ походахъ противъ зайцевъ, лисицъ, волковъ и медвѣдей, въ благородномъ ремеслѣ охотниковъ, среди романическихъ событій полеванія, травли и ловли. Здѣсь-то, изучая обычай и хитрости животныхъ, узнаешь настоящимъ образомъ человѣческое сердце. Здѣсь-то, а не въ пыльных архивахъ, должно искать объясненія загадочныхъ событій, сомнительныхъ преданій. Для настоящихъ охотниковъ дѣла человѣческія ясны, какъ дѣла волчяго выводка. И какія дивныя всегда выходятъ у нихъ исторіи! Недавно, въ этомъ изданіи, была рѣчь о необычайныхъ похожденияхъ одного австрійскаго доктора, неутомимаго охотника, искавшаго съ ружьемъ за плечами и собакою на ремешкѣ потѣхи и приключеній въ лѣсахъ пяти частей свѣта. Вскорѣ потомъ попалась мнѣ въ руки другая книга въ томъ же родѣ, сочиненіе опять одного изъ сы-

новъ Великобританіи, отличнѣйшихъ охотниковъ и сочинителей въ поднебесной, и я не могу устоять противъ удовольствія пересказать вамъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фактовъ, которые прочиталъ я у этого превосходнаго историка. Мистеръ Веллисъ обшарилъ лѣса и луга сѣвера и юга, запада и востока, стрѣлялъ слоновъ въ Африкѣ и бѣлыхъ медвѣдей въ Исландіи, билъ бекасовъ въ Троядѣ и горлицъ на развалинахъ Оивъ Ствратныхъ. Наконецъ, подстрѣливъ иппопотама въ Нубіи, и презирая европейскіихъ лисицъ и волковъ, отправился онъ въ прошломъ году въ Калифорнію, гдѣ нынче происходятъ всѣ любопытнѣйшія чудеса. Тамъ, близъ форта Санъ-Франсиско есть огромнѣйшій первобытный лѣсъ, мрачный и богатый дичью. Однажды утромъ мистеръ Веллисъ, надѣвъ сумку и взявъ ружье, пошелъ посмотреть этотъ лѣсъ въ видѣ первой рекогносцировки. Исполнискія деревья, сначала рѣдкія, перевитыя лианами, и живописно связанные фестонами изъ дикой виноградной лозы, постепенно сгущались около тропинки, которою онъ слѣдовалъ. Попугавъ, колибри, голуби, самыхъ радужныхъ красокъ, и въ несмѣтномъ множествѣ, перелетали ему дорогу, наполняя воздухъ крикомъ, свистомъ, воркованіемъ. Огромныя змѣи, охотившіяся за ними, гремѣли, шипѣли или, свернувшись странными клубами, залегали поодаль, который становился все уже, темнѣе и затруднительнѣе, такъ, что, напоследокъ, тропинка потерялась въ чащѣ. Обезьяны разныхъ видовъ, вѣшаясь и прыгая по вѣтвямъ, старались, шутки ради, то выхватить у охотника ружье, то сорвать съ него фуражку: одни бросали въ него колошниковыми яблоками, зелеными орѣхами, другія — мерзавки! — плодами собственнаго своего пищеvarенія, выпущенными на руку нарочно для этой оказіи, и которыми онѣ швыряютъ при хоженіи прямо въ лицо съ безчеловѣчною меткостью. Мистеръ Веллисъ, какъ истинный охотникъ, наблюдалъ все это твердо, не содрогаясь, и, по-возможности, не оглядываясь, чтобы не подставить лица своего поганому глазомѣру обезьянъ. Долго и иногда мучительно пробирался онъ сквозь эти китайскія стѣны плотно переплетающейся растительности, которыми отличаются первобытные лѣса Америки: наконецъ, вышелъ на поляну, прекрасную и веселую, богато освѣщенную солнцемъ, усыпанную чудесными цвѣтами и освѣжаемую угломъ небольшого озера, выходящимъ изъ за противоположной массы зелени. По полянѣ расхаживалъ одиноко великолѣпный кабанъ. Вотъ по крайней мѣрѣ противникъ, достойный благороднаго охотника!

Мистеръ Веллисъ снялъ ружье съ плеча и сталъ осматривать замокъ. Кабанъ, какъ кажется, первый разъ въ жизнь свою увидѣвши человека, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ глядѣлъ на эту страшную обезьяну, которой до того времени не встрѣчалъ онъ въ здѣшнемъ лѣсу. День былъ очень жаркій. Чтобы свободнѣе дѣйствовать, мистеръ Веллисъ синюлъ съ себя пальто и бросилъ на траву, и лаялся въ своей курткѣ, желтомъ жилетѣ и бѣлыхъ панталонахъ, официальномъ дорожномъ нарядѣ великобританскихъ туристовъ. Какъ же это? подумалъ изумленный кабанъ: эта обезьяна снимаетъ съ себя собственную свою шкуру, когда ей жарко?... шкуру эту бросаетъ на-земь?... и остается въ другой исподней, разноцвѣтной шкурѣ?... Это противно во всемъ правиламъ животнаго туалета.... это ново и слѣдственно подозрительно.... лучше вашего свиного обычая, ложиться отъ жару въ грязную лужу. Кабанъ, привыкшій презирать обезьянъ, вообщемъ, какой бы породы онъ ни были — большихъ и малыхъ — и не будучи личнымъ врагомъ этихъ проказливыхъ, но безвредныхъ животныхъ, двинулся впередъ, вѣроятно, безъ всякаго злобнаго намѣренія и только съ цѣлью позаниматься новымъ изобрѣтеніемъ, научиться удивительной хитрости, чтобы воспользоваться ею при случаѣ. Но мистеръ Веллисъ — лютый тигръ, не достойный имени обезьяны! — встрѣтилъ любознательнаго и доверчиваго вепря выстрѣломъ изъ привилегированнаго англійскаго ружья, которое никогда не даетъ промаху. Животное свалилось съ ногъ на мѣстѣ, испустивъ пронзительный стонъ. Въ одно мгновеніе изъ травы болотистаго берегу озера выскочило цѣлое стадо кабановъ, по-видимому наблюдавшихъ сцену между своимъ сочленомъ и обезьяною неизвѣстной породы. Стадо явственно бѣжало прямо на охотника. Мистеръ Веллисъ не оставалось другаго средства какъ отступить въ порядкѣ противъ превосходящей числительной силы и, дѣйствительно, прежде чѣмъ кабаны прискакали къ мѣсту выстрѣла, охотникъ успѣлъ взобраться на прямое и безопасное дерево.

Кабаны приподняли головы и устремили гнѣвный взоръ на врага. Не было возможности достучиться къ нему. Они начали съ безпокойствомъ и визгомъ ходить около дерева, и вскорѣ расположились вокругъ лагеремъ: одни легли, другіе присѣли, не спуская глазъ съ дерева, прочіе расхаживали или паслись. Недоумѣніе скоро исчезло для мистеръ Веллиса; онъ находился въ правильной осадѣ. Прошло часъ, два, три: кабаны и не подумали удалиться. Старшій и огромнѣйшій изъ нихъ, по-видимому

предводитель стада, безпрестанно ходилъ отъ дерева къ тропу убитаго товарища, осматривалъ его, обнюхивалъ, и возвращался къ дереву каждый разъ съ новою крестью, которая явственно сообщала его подлиннымъ и обнаруживалась общинъ, громогласнымъ хрюканіемъ.

Сидя на своемъ воздушномъ акрополѣ, мистеръ Веллесъ могъ съ полнымъ досугомъ облуживать неосторожность надевія на первыхъ владѣльцевъ поляны и послѣдствія предпринятой ими осады. Оборонительная аммуниція его состояла, кромѣ ружья, изъ отличнаго ятагана, пороху на шесть зарядовъ, четырехъ пуль и нѣскольکو дробн. По части жизненныхъ припасовъ налицо имѣлось два сухаря, кусокъ сыру и рюмки три или четыре рому на двѣ охотничьей бутылки. Благоразуміе повелѣвало берегати пороха и свинецъ до крайней нужды, но, чтобы энужить кабанамъ высокое понятіе о богатствѣ своихъ провинтенныхъ магазиновъ и показать имъ, что голодомъ крѣпости взять нельзя, осажденный принялся торжественно грызть сухарь, глотать ромъ изъ бутылки и закусывать сыромъ. Эта демонстрація не сдѣлала большаго впечатлѣнія въ кабахахъ. Плетенную бутылку его она, безъ сомнѣнія, приняла за кемеровый или другой орѣхъ, взятый съ того же дерева, хотя дерево было кленовое, и какъ опытомъ у нихъ доказано, что сколько бы орѣховъ ни находилось на деревѣ, мало-по-малу можно съѣсть ихъ всѣ до чиста и потомъ, все-таки, умереть отъ голоду, то они и съ смѣста не трогались.

Мистеръ Веллесъ уже шесть полныхъ часовъ находился на деревѣ. Положеніе его было самое неудобное. Будущее покрывалось печальнымъ мракомъ. Большая обезьяна, посѣдѣвшая отъ старости, верѣдко показывалась изъ лѣсу на краю поляны съ посохомъ въ рукѣ и, казалось, принимала живѣйшее участіе въ судьбѣ осажденнаго кабанамъ собрата: ваковецъ утащила пальто мистера Веллеса, оставшееся на травѣ и исчезла. Послѣ полудня, въ самое жаркое время, къ осаждающимъ прибыли вспомогательныя силы. На берегу озера показался черный американскій медвѣдь, перлочного роста и очень опасной породы, извѣстной своей дерзостью и предприимчивостью. Медвѣдь, видно, былъ старый знаменецъ и пріятель кабанамъ, которые, вѣроятно, благосклонно позволяли ему пользоваться водою своего озера. Онъ подошелъ прямо къ нимъ, осматривъ, виѣстѣ съ начальникомъ стада и осадой, убитаго кабана, положилъ на него лапу, но не смѣлъ тронуть зубами, несмотря на явственный зѣвотъ и рѣшительное расположеніе отхѣдать хоть кусочекъ заполучнаго друга. По-

томъ, съ предводителемъ стада, онъ двинулся къ дереву. Оба они пристѣли и направили взоры на мистера Веллиса. Медвѣдю, очевидно, смѣшна и жалка была неспособность кабановъ въ изгнани на деревья: онъ посмотрѣлъ на нихъ презрительно и, по старой дружбѣ, взялся руководствовать инженерною частью осады. Обойдя дерево два или три раза, онъ полѣзъ очень ловко вверхъ, по стволу, который кабаны тѣсно окружили, съ любопытствомъ, и съ надеждою на скорое ищеніе. Падевіе осажденнаго казалось имъ неизбежнымъ. Мистеръ Веллисъ признается, что въ закаленной охотой душѣ его, съ тѣхъ поръ какъ началъ стрѣлать, впервые проявилось въ немъ нѣчто въ родѣ смущенія: но, къ счастью, трусить было некогда; и онъ храбро приготовился къ отчаянной оборонѣ. Подпустивъ къ себѣ медвѣдя на близкое разстояніе, онъ отбѣсилъ ему два примѣрные удара прикладомъ по зубамъ и по лбу. Таптыгинъ заворчалъ, отступилъ фута два внизъ, обтеръ окровавленную морду о дерево, и полѣзъ снова вверхъ. Четыре раза мистеръ Веллисъ давалъ смѣльчаку такой отпоръ, и тотъ, несмотря на головную боль, все еще не унимался. Кабаны очевидно наслаждались повторительными неудачами своего самоудѣяннаго сподвижника. Въ пятый разъ, охотникъ прибѣгнувъ къ пособію ятагана и, допустивъ медвѣдя очень близко, отбѣкъ ему муравлениымъ дамасскимъ лезвеемъ одну лапу на-чисто, а другую обрѣзалъ около ногтей. Медвѣдь, съ неистовымъ ревомъ, началъ быстро опускаться по стволу, а тамъ и свалился на-земь, къ несказанной потѣхѣ всѣхъ кабановъ, которые, въ знакъ смѣху, пустились прыгать и бѣгать какъ шальные. За неудачу, разобиженный Таптыгинъ хотѣлъ вознаградить себя по-крайней-мѣрѣ мясомъ павшаго пріятеля, и бросился прямо къ его трупу, но прочіе кабаны не дозволяли постыдно разбитому союзнику такого неприличнаго хищничества и даже порядкомъ попотчивали его своими клыками. Медвѣдь ушелъ въ лѣсъ, а кабаны воротились все на прежнія мѣста.

Какъ ни занимательна была эта сцена для истиннаго охотника и сколько ни развеселила она мистера Веллиса, но заключеніе на чистомъ воздухѣ начинало уже надоедать ему. Положеніе его становилось тѣмъ скучнѣе, что конца ему не предвидѣлось; ночь могла наступить въ бесполезномъ выжиданіи; сонъ могъ его одолѣть на вѣтви; человекъ не птица, будь онъ охотникъ или сочинитель какой угодно; и мистеръ Веллисъ счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Кабанъ, предводитель стада, по-прежнему продолжалъ свои погребальныя похороны

трупу, послѣ которыхъ садился онъ передъ деревомъ, въ виду охотника и впереди своей арміи. Мистеръ Веллисъ зарядилъ ружье дробью и, прицѣлившись внимательно, выстрѣлилъ ему весь зарядъ въ рыло. Старый кабанъ завизжалъ ужаснѣйшимъ голосомъ и всю прыть пустился бѣжать въ лѣсъ, а потомъ и все стадо ускало вслѣдъ за нимъ. Поле сраженія осталось за охотникомъ, который быстро слѣзъ съ дерева и безъ оглядки побѣжалъ къ форту Санъ-Франсиско. Выходя изъ лѣсу, онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть на опушкѣ, передъ фортомъ, знакомую старую обезьяну съ палкою, важно расхаживающею въ его коричневомъ пальто, съ цѣлью дразнить солдатъ форта, съ которыми здѣшнія обезьяны находятся въ безпрерывной войнѣ. Мистеръ Веллису хотѣлось поскорѣе пообѣдать и отдохнуть послѣ дѣла съ кабаномъ и ихъ пріателемъ медвѣдемъ. Онъ очень былъ радъ, что отъ такой напасти отдѣлался потерей своего пальто и подарилъ его великодушно съдой обезьянѣ.

Объ этихъ странныхъ связяхъ между медвѣдями и кабаномъ упоминаетъ и господинъ Венцеславскій въ своей охотѣ *вообще*, въ которой я усматриваю одинъ только недостатокъ, а именно, что это не «Псовая охота въ особенности»: предметъ такой исторической и, безспорно, заслуживалъ болѣе подробнаго развитія. Знакомый автору крестьянинъ волынской губерніи, дубенскаго уѣзда, отличный охотникъ, отправился въ лѣсъ рубить дрова въ юль мѣсяцѣ. День былъ жаркій. Углубившись въ середину темнаго бора, рассказываетъ господинъ Венцеславскій, крестьянинъ остановился близъ довольно обширнаго, поросшаго осокою, болота и, благословясь, принялся за работу. Подъ ударами остраго топора дерево падало за деревомъ. Трудолюбивый крестьянинъ не видѣлъ и не слышалъ ничего, кромѣ валящихся деревьевъ, треску ихъ паденія, да мѣрвыхъ ударовъ топора. Наконецъ, уставши, онъ сѣлъ на траву, и оперся спиною о бѣлый стволъ березы, которая своими кудрявыми вѣтвями защищала его отъ солнца. Погода была тихая; ни одинъ листокъ не шелестѣлъ на деревьяхъ, и крестьянинъ невольно предался успокоительной полудремотѣ. Но вдругъ послышался вблизи шумъ, какъ будто сильный вѣтеръ заходилъ по осокѣ, высоко вытягивавшей свои острые листья надъ поверхностью воды. Дровосѣкъ открылъ глаза и осмотрѣлся кругомъ: все тихо и спокойно по прежнему; трава стоитъ не шелохнется; деревья неподвижны. «Э! подумалъ опытный охотникъ: «знать, вѣтеръ то здѣсь ходитъ о четырехъ ногахъ; скоро пріутитъ!» И зоркій глазъ его остановился на отда-

ленномъ углу болота, закрытомъ съ одной стороны высокимъ, густою травой, а съ другой большими деревьями, склонившимися вѣтвями къ водѣ. Этотъ уголокъ показался ему подозрительнымъ: въ травѣ и въ древесныхъ вѣтвяхъ были еще замѣтны слѣды сильного движенія, начинавшаго утихать, тогда какъ ближайшія растенія стояли незыблемо. Онъ всталъ и осторожно подошелъ къ берегу болота, чтобы лучше разобрать причину явленія. Тогда ясно могъ онъ рассмотреть двухъ лѣсныхъ великановъ, кабана и медвѣдя, которые дружно избрали этотъ уголокъ озера мѣстомъ своего отдыха и, сойдясь другъ съ другомъ, не могли оставаться въ покоѣ по причинѣ шутиваго характера Таптыгыца.

Кабанъ, утомленный дневнымъ зноемъ, возвратившись съ жировъ, нѣжился на мокрой почвѣ. Медвѣдь, съ своей стороны, убѣгая отъ мухъ, которыя сильно беспокоятъ его въ жаркое время, тутъ же искалъ спокойнаго пріюта подъ тѣнью дерева и осокни; но находясь въ сосѣдствѣ достойнаго себя животнаго товарища, онъ не вытерпѣлъ, чтобы не приняться за свои медвѣжьи шутки. Мѣстность благопріятствовала медвѣдю; изъ стоявшихъ на берегу деревъ, одно изгибалось полукругомъ, такъ, что вершина, склонившись надъ берегомъ, купала свои длинныя вѣтви въ мутной водѣ болота. Смѣтливый медвѣдь сообразилъ, что онъ можетъ отлично подразнить сосѣда, который, казалось, находилъ столько удовольствія въ своемъ спокойномъ положеніи, что не рѣшился бы ни за что въ мірѣ съ нимъ разстаться, какъ ни надоѣло бы ему остроуміе медвѣдя. Медвѣдь смѣло подходилъ къ кабану и, давъ сильный ударъ лапою, убѣгалъ къ согнутому дереву и проворно на него взбирался. Наконецъ медвѣжьи пощечины стали такъ часты и сильны, что кабанъ неоднократно оставлялъ по неволѣ роскошное ложе и съ яростью бросался въ слѣдъ за нарушителемъ своего покою. Косматый острякъ, какъ будто невпный, спокойно смотрѣлъ между тѣмъ на раздраженнаго звѣря съ высоты своей триумфальной арки. Дѣлать было нечего; кабанъ не такъ созданъ, чтобы лазить по деревьямъ и, сознавая свою неспособность къ подобнымъ забавамъ, онъ долженъ былъ отступать. Онъ могъ выместить свою досаду только на деревѣ, которое дѣйствительно пострадало отъ ударовъ его сокрушительныхъ влыковъ. Эта сцена, забавная для охотника-наблюдателя, но не совсѣмъ пріятная для одного изъ животныхъ друзей, повторилась нѣсколько разъ, пока бѣдный кабанъ, потерявъ терпѣніе, послѣ бесплодной схватки съ невиннымъ деревомъ, не удалился въ лѣсъ, въ сердцахъ на медвѣжью шутивость.

Медвѣдь, несмотря на остроконную силу, какою одарила его природа, опасается открытаго бою съ кабаномъ: вотъ почему этотъ стараясь помѣститься въ надежномъ оборонительномъ положеніи. Напротивъ, кабанъ, рѣшительнымъ нападеніемъ выказываетъ увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ передъ медвѣдками. И дѣйствительно, способъ борьбы того и другаго обезпечиваетъ побѣду кабану. Медвѣдь, съ своими крѣпкими мускулами въ лапахъ, прежде всего поднимается на дыбы, чтобы обхватить и смять жертву; но это — самое опасное положеніе въ схваткѣ съ кабаномъ, который съчетъ кликами въ обѣ стороны, следовательно, тотчасъ можетъ распоротъ медвѣдю брюхо.

Крестянина въ былъ, повторилъ авторъ, смѣливый охотникъ и отважный историкъ. Онъ зналъ способъ нападенія того и другаго звѣря, которые шута поссорились между собою при его глазахъ. Будучи увѣренъ, что эта сцена повторится, онъ рѣшился помочь одному изъ соперниковъ, чтобы одержать побѣду надъ обоими. Онъ употребилъ слѣдующую хитрость. Дождавшись времени, когда медвѣдь, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, отиралися на жировку, онъ поднимилъ согнутое дерево, въ самомъ его изгибѣ, такъ, чтобы подъ тяжестью медвѣдя, если ему опять вздумается взобраться туда, оно могло обломиться и упасть на землю. На другой день, запасшись ружьемъ, дровосѣкъ явился на знакомое мѣсто. Въ этотъ разъ онъ уже не рубилъ дровъ, чтобы стукомъ не удалить ожидаемыхъ гостей отъ сходбища, но сѣлъ подъ березу, и терпѣливо выжидалъ прибытія кабана и медвѣдя. Насталъ жаркій часъ дня, и, къ удовольствію охотника, послышался шелестъ кустовъ, предвѣщавшій приближеніе котораго-нибудь изъ звѣрей. Вскорѣ на берегу болота показался кабанъ и, по давней привычкѣ, занялъ то же самое мѣсто, гдѣ онъ былъ наканунѣ, и самодовольно улегся на сыромъ грунтѣ. Прошло нѣсколько минутъ, и новый шумъ въ лѣсу возвѣстилъ прибытіе другаго звѣря. Медвѣдь былъ увѣренъ, что найдетъ тутъ своего товарища: онъ прямо подошелъ къ кабану и началъ свои ласки. Кабанъ, казалось, былъ слишкомъ утомленъ; на первыя оплеухи, ловко впечатлѣваемыя на его мордѣ медвѣжьей лапою, онъ отвѣчалъ только нетерпѣливыми движеніями. Но медвѣдь, надѣясь найти безопасное убѣжище на деревѣ, не унимался; оплеуха слѣдовала за оплеухою. Наконецъ кабанъ вышелъ изъ себя; грозно поднялся онъ на ноги; медвѣдь, замѣтивъ это движеніе, быстро отступилъ и съ свойственною лов-

костью, взобрался на дерево, чтобы избѣжать схватки съ пріятелемъ. Но судьба измѣняетъ ему; едва онъ успѣлъ занять безопасное положеніе, какъ дерево, подпленное крестьяниномъ, хрустнуло и повалилось на землю; медвѣдь, увлеченный паденіемъ, очутился какъ-разъ противъ кабана, который — свинья шутокъ не понимаетъ.... Ему оставалось теперь одно — вступить въ открытый бой. Онъ поднялся на заднія лапы. Кабанъ, пользуясь этою минутой, вонзил свои клыки въ медвѣдя и распоролъ ему брюхо. Тогда какъ медвѣдь, истекая кровью, готовъ былъ пасть, а кабанъ съ яростью терзалъ уничтоженнаго товарища, мстя ему за всѣ оскорбленія, охотникъ подошелъ къ борцамъ на самое близкое разстояніе, прицѣлился, выстрѣлилъ: пуля попала кабану въ лобъ, и онъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, растянулся возлѣ трупа растерзаннаго имъ медвѣдя. Такимъ образомъ, говоритъ господинъ Вѣщеславскій, добрый охотникъ получилъ за разъ два блестяшіе трофея.

Много подобныхъ исторій могъ бы рассказать намъ господинъ Вѣщеславскій, если бы онъ захотѣлъ рассказывать все, что знаетъ. Особенное уваженіе его, по уму, мудрости и благородству чувствъ, получаютъ въ удѣлѣ впрочемъ не медвѣди, а волки, которые по его мнѣнію — умнѣйшіе изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Они живутъ обыкновенно цѣлыми выводками, поколѣніями или обществами, которыхъ самостоятельность и проворность обезпечены привольными постановленіями и законами, переходящими изъ роду въ родъ. Старшимъ положено у нихъ всегда преимуществовать передъ младшими, а этимъ безпрекословно повиноваться ихъ уму и опытности, и даромъ, что всѣ они — волки — правила этой естественной и спасительной подчиненности строго между ними соблюдаютъся. Мѣста для жилья по ихъ законамъ избираются всегда скрытными и недоступными человеку и принято за правило, отнюдь, ни подъ какимъ видомъ, не нападать на него и не вредить ему; если онъ живетъ по сосѣдству съ волками. Волчій регламентъ повелѣваетъ даже пріобрѣтать въ такомъ случаѣ его благорасположеніе, его довѣренность, чтобы избѣгнуть его преслѣдованій. Всѣ нападенія предписано у нихъ производить вѣдъ круга жительства, на мѣста отдаленныя, а свой околотокъ не только щадить самимъ, но и защищать отъ набѣговъ волковъ другаго вывода, чтобы не раздражить человека. Самые безопасныя и благодѣтельныя для стадъ и ихъ хозяевъ сосѣди — это безспорно — волки, по твер-

дому) и обстоятельному убѣжденію господина Вѣнцеславскаго. Есть еще много другихъ, удивительныхъ статей въ волчьемъ уставѣ, говоритъ онъ, но онѣ относятся къ внутреннему, до машнему устройству и благочинію общества. Что же помѣшало ему изложить эти статьи? Очень любопытно было бы узнать ихъ отъ такого опытнаго наблюдателя и знатока животной природы. Онъ особенно удивляется дарованіямъ волковъ къ стратегіи и тактикѣ при добываніи мелкой добычи. Они никогда не нападаютъ всѣми силами безъ нужды и устраниваютъ свои отряды, какъ мы наши. У нихъ есть патрули, есть авангардъ и аррьергардъ; гдѣ нужна сила, тамъ они дѣйствуютъ совокупно, гдѣ нужна только хитрость, тамъ дѣло вѣряется или патрулю, или авангарду, который, скрывъ настоящія силы, старается завлечь добычу въ засаду. Такъ, волкъ, подкрадываясь къ обозу, остановившемуся близъ лѣсу, тихо подходитъ къ подводамъ, и старается принять на себя видъ обыкновенной собаки, а между-тѣмъ высматриваетъ, гдѣ бы что стащить; подъ возомъ отдыхаетъ усталая отъ дороги собака; волкъ быстро на нее бросается и увлекаетъ за собою въ лѣсъ. Такимъ же образомъ волкъ обманываетъ лошадь, намѣреваясь задушить ее или похитить у ней жеребенка, онъ прикидывается собакой; лошадь подпускаетъ хитраго врага на самое близкое разстояніе и дѣлается его жертвою. При нападеніи на стада овецъ, волки иногда дѣлаютъ фальшивыя атаки, выславъ впередъ нѣсколько своихъ, которые нападеніемъ на ненужный пунктъ стараются отвлечь вниманіе пастуховъ; главныя силы между-тѣмъ бросаются на центръ стада и почти всегда достигаютъ цѣли. Много еще другихъ примѣровъ удивительнаго искусства, съ какими волки обманываютъ свою жертву, прежде чѣмъ на нее нападаютъ, извѣстны автору, но онъ, не извѣстно почему, не считаетъ нужнымъ говорить объ нихъ.

Лѣтомъ, когда стада на пастбищахъ, а лошади на подножномъ корму, волкамъ открыто обширное поле для хищничества, но осенью, когда стада начинаютъ оставлять поля, и зимою, когда домашнія животныя заперты въ хлѣбахъ, волки ведутъ другаго рода войну: деревенскія собаки служатъ имъ въ это время года почти единственною добычею. Въ этой-то войнѣ обнаруживаются удивительнѣйшія черты геніальности волковъ, расчетъ, соображеніе, хитрость, ловкость, проворство, смышленость, почти всегда рѣшающія дѣло въ ихъ пользу.

Французское выраженіе *entre chien et loup*, что значитъ съ су-

мерки, объясняется обстоятельствами войны волков съ собаками. Она всегда происходит къ это время дня. Угадывая чуткимъ присутствіе волковъ, собаки сначала лаютъ; а потомъ обращаются поближе къ тому мѣсту, куда обыкновенно подходятъ волки къ деревнѣ. Тутъ-то можно подвѣяться собораконію волковъ и искусству, съ какимъ они завлекаютъ самыхъ расторопныхъ собакъ въ свою засаду. Подойдя къ деревнѣ, волки выслаиваютъ впередъ двухъ, трехъ, часто одного изъ своихъ, а съ остальными силами устраиваютъ засаду нѣсколько дальше. Собаки сначала боятся; волкъ, посланный впередъ, принимаетъ смиренный видъ, притворяется слабымъ, жмется, потихоньку отступаетъ, оглядывается назадъ и завлекаетъ собакъ въ преслѣдованіе, позволяя даже пощипать себя. Собаки поддаются все болѣе и болѣе впередъ; волкъ, замѣтивъ ихъ возрастающую горячность, отступаетъ жалѣ и, заманивъ ихъ въ завальчивое преслѣдованіе, направляется къ засадѣ; лишь только волки увидятъ, что собаки близко и отступить не успѣютъ, они немедленно выскакиваютъ изъ тайника, производятъ быстрое нападеніе и захватываютъ осторожныхъ враговъ.

Господинъ Вѣцеславскій не отрицаетъ, что волки иногда нападаютъ и на людей — но на какихъ людей!... на провѣзжихъ, на невѣстныхъ, а на сосѣдей — никогда! Это не согласно съ сущностью волчьей мудрости. Есть впрочемъ *волки-людодои*, которые особенно любятъ пожирать сосѣдскихъ дѣтей, но какіе это волки!... волки изгнанные изъ своихъ обществъ, бродяги несчастные и безпріютные, созданія беззубыя и недостойныя имени настоящихъ волковъ. Господинъ Вѣцеславскій замѣчаетъ, что преклонная старость не находитъ у волковъ уваженія; напротивъ, считается бесполезнымъ бременемъ въ ихъ обществѣ. Престарѣлый волкъ, зная судьбу свою удаляется отъ своего выводка и рѣшается кормиться исключительно крестьянскими дѣтьми. Вы часто слышите или читаете, что въ деревню забѣжалъ волкъ и похитилъ ребенка, что баба шла съ мальчикомъ дорогою, изъ кававки выскочилъ волкъ, схватилъ его, и унесъ въ лѣсъ, что дѣти благороднаго семейства выбѣжали послѣ обѣда въ садъ на дачѣ, волкъ переспрыгнулъ черезъ заборъ и утащилъ одного изъ нихъ, что когда то волкъ забрался въ Петербургъ на Семеновскую Площадь в сѣть школьника, и тому подобные случаи, которые господинъ стремительно называетъ «серіозными жалостями». Вы ужасаетесь лютоети хищ-

надо зѣря, дивитесь его дерзости. Простой народъ со страхомъ разсказываетъ басни о существованіи особенной породы *волковъ-людодождовъ*, огромныхъ, красныхъ, страшныхъ, безъ хвоста, ные даже утверждаютъ—съ рогами; а нѣкоторыя бабы держатся той теоріи, что это не волки, но колдуны и колдуньи, принявшіеся волками оборотни, нечистая сила. Бывали однако жъ примѣры, что такихъ сверхъестественныхъ волковъ деревенскія женщины побивали кочергою или топоромъ. Этими уже доказывается крайнее безеліе волковъ-людодождовъ. «Разсказавъ предварительно нестасія, причисляемыя иной разъ такъ-называемыми волками-людодождами, продолжаетъ авторъ, любопытно изслѣдовать что это за особенный родъ волковъ, и дѣйствительно ли волки кровожадны и къ человеку, всегда страшному для нихъ? Вопросъ этотъ разрѣшается строгимъ наблюденіемъ волчьей природы и тѣмъ характеромъ хищнаго ихъ товарищества, который изученъ до тонкости охотниками». Животныя эти очень уважаютъ физическую силу, бодрость, богатство. Волчица, не выводя своихъ юныхъ дѣтенышей изъ гнѣзда, приучаетъ ихъ заранѣе работать зубами, присѣсть живьемъ добытое въ самое гнѣздо, гдѣ попавшееся въ бѣду животное нѣсколько разъ пускается санкой въ побѣгъ и опять ловится, чтобы вразумить дѣтенышамъ грамоту того зѣрства, съ которымъ они должны впоследствии нападать на добычу. Чѣмъ удалѣе и хитрѣе товарищъ, тѣмъ болѣе онъ въ чести въ своемъ лютомъ обществѣ, и пользуется тѣмъ преимуществомъ, что если онъ добылъ только на свой паи, то, завтракая подъ кустомъ, онъ уже знаетъ, что другой волкъ не придетъ его беспокоить и насильственно отнимать благопріобрѣтенное добро. Сколько уважаются у нихъ сила, столько же пренебрегается слабость и безсиліе. Юные волки, покровительствуемые до возмужалости своими родителями и родственниками, находятъ всегда снисхожденіе до окончательнаго развитія силъ; напротивъ, немощная старость — въ изгнаніи, и эти-то старики-волки, бывшіе долгое время образцомъ и грозомъ для младшихъ, или уничтожаются ими, при первой осорѣ, въ клочки, или же, сознавши сами свое безеліе, отдѣляются отъ обществъ и, поселяясь въ самыхъ близкомъ разстояніи къ жилью, начинаютъ на остаткѣ дней продовольствовать себя самой беззащитной добычей, нападав на дѣтей. Если голодъ одолѣетъ ихъ, то они, въ безпамятствѣ, бросаются и на возмужалыхъ людей, ища этимъ скорѣйшаго прекращенія своей жизни. «Вотъ начало, говорить ав-

торь, страшныхъ волковъ-людоедовъ, которыхъ одна крайность и немощность старости заставляетъ промѣнивать баранину и телитину на человѣческое мясо, которое и въ нуждѣ не охотно ни пожирается. Волки эти всегда одиночны и врываются въ деревню безпрестанно по одному и тому же направленію; они безсильны и уже не такъ осмотрительны, стало быть, уничтоженіе ихъ не стоитъ большихъ обдумываній; надобно только стать съ ружьемъ и подкараулить этого людоеда, и шерѣдко, за немѣнѣемъ пули или картечи, заячья дробь оканчиваетъ ихъ пошрище, или простые дворовыя собаки, по инстинкту, бросаются съѣсть на этихъ страшилищъ и, задержавъ ихъ на огородѣ, или въ самой деревнѣ, даютъ средство человѣку убить ихъ первымъ попавшимся въ руки полѣномъ, или простымъ даже булыжникомъ. Во всякомъ случаѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ придется испытать несчастіе отъ волковъ, не должно медлить и тѣмъ доводить до новой жертвы. Замѣтивъ направленіе, куда хищникъ съ добычею отретировался, нужно безъ шума отправиться вслѣдъ съ ружьями, а за немѣнѣемъ ихъ, съ простымъ деревенскимъ оружіемъ, топорами, вилами, и, не давая маху, стараться прескратить жизнь врага, тѣмъ болѣе, что это — безсильный, взнеможенный волкъ, желающій умереть. Что волки-людоеды дѣйствительно тѣ же волки, которые, по своему безсилію, потеряли мѣстъ между храбрыми своими товарищами, то въ этомъ неоднократно убѣждались тѣмъ, что, по убіеніи людоеда, осматривали его челюсти, по которымъ явно доказывалась глубокая старость этихъ звѣрей: зубы ихъ почти всѣ были стерты; необыкновенная худоба обнаруживала ихъ безсиліе; ослабѣвшая жизненность была уже такъ ничтожною, что лишала ихъ возможности, при сбрасываніи лѣтней или зимней шерсти, перебраться окончательно, то есть, до чиста, и не мудро, что они въ другомъ видѣ показывались лѣтомъ и зимой противъ своей еще свѣжей и бодрой волчьей братьи. Что эти же старики-волки уничтожаются своими однородцами, это подтверждено многими примѣрами: находили растерзанныхъ волковъ и большею частью беззубыхъ. Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія: случилось, конечно, что и свѣжіе волки нападали на людей, но весьма рѣдко и почти всегда въ незначительномъ числѣ, такъ, что это была скорѣе волчья шалость, — а не система, заставляющая бросаться на человѣка, чтобъ накормить себя его мясомъ. Партия свѣжая всегда добудетъ себѣ продовольствіе, если не изъ домаш-

ней скотины, то, разсыпавъ по лѣсу, изъ зайцевъ или дикихъ козъ. Если пришлось проголодать одинъ, другія сутки, то первый появившійся воякъ не пройдетъ благополучно: волки въ такомъ случаѣ бросаются на лошадь и въ упряжи ее рѣжутъ, но человекъ всегда остается цѣлъ и невредимъ, разумѣется, немножко только перенугается.

По части любопытныхъ наблюдений, которыхъ много, скажу еще разъ, по-напрасну не умножено авторомъ до болѣе удовлетворительной степени, — к чему сокращать! — зачѣмъ стѣсняться! — когда сочинять такъ сочинять! — по части такихъ наблюдений мнѣ понравилось еще одно надъ охотою совъ за зайцами, и я приведу его съ удовольствіемъ. Сова, говоритъ онъ, замѣтивъ заячій слѣдъ, избираетъ по близости его дерево или другой предметъ, садится и дожидается возвращенія своей жертвы. Увидавъ ее, она быстро налетаетъ. Если заяцъ *прибылой*, то, по безсилію своему, онъ скоро дѣлается добычею совы; но если заяцъ *матерой*, побѣда надъ нимъ достается совѣ довольно трудно, съ большими пожертвованіями, а иногда и съ опасностью для жизни.

Сова обыкновенно наступательныя свои дѣйствія начинаетъ тѣмъ, что, налетѣвъ на жертву, сначала впивается въ нее своими острыми когтями и потомъ начинаетъ долбить въ голову. Два, три удара такихъ прибылому зайцу между ушей достаточно, чтобъ его убить на-смерть. Но если заяцъ матерой попадется въ когти совы, то онъ не скоро покорится ей, и нужно время, чтобы одержать надъ нимъ совершенную побѣду. Заяцъ этотъ, попавшій въ когти, напуганный и желая освободиться, въ страхъ, всегда сначала, такъ-сказать, мчитъ нескромно усѣвшуюся на немъ побѣдительницу, которая въ такомъ случаѣ сама прибѣгаетъ къ слѣдующаго рода хитрости. Впившись крѣпко одною лапой въ быстро скакуна, старается высвободить другую, разинувъ когти которой, она на лету безпрестанно все какъ-бы хватаетъ что-нибудь, дѣлая всѣ усилія, чтобъ схватить что попадется и тѣмъ удержать непокорнаго скакуна; и ежели на пути ей удастся уловить сучокъ, или что-либо подобное, она крѣпко за него ухватывается этою лапою; такимъ образомъ, если заяцъ ослабъ, а сова велика и сильна, то она, остановивъ его дальнѣйшій бѣгъ, добываетъ уже потомъ клевомъ своимъ въ голову зайца и торжествуетъ на немъ, начинаетъ справлять свой побѣдный завтракъ. Если же заяцъ не истощился и достаточно

еще нѣбось силъ, то онъ быстротою своею и силою отрываетъ совѣ уцѣпившуюся за сучекъ лапу, а съ другою, внившись въ него, уноситъ ее на себя. Разумѣется, зайць этотъ долго жить не будетъ; но все-таки какъ-бы отыграть и онъ совѣ по силамъ за жизнь свою, такъ дерзко у него отнятую.

Вотъ причина, по которой иногда въ лѣсу находятъ омертвѣвшую лапу совы, какъ-бы прикованную къ сучку какого-нибудь дерева или куста. Да и нѣкоторымъ еще охотникамъ, а въ томъ числѣ, признаюсь, и мнѣ довелось видѣть, какъ матерой русакъ явилъ на себѣ уцѣпившуюся на немъ и вцѣпившуюся одною лапою сову, и оставлявшую за собою по пути кровавый слѣдъ неудачи; другою лапою у нея не было; она, вѣроятно, оторванная, осталась тамъ, гдѣ сова хотѣла удержать зайца.

Словомъ, въ нынѣшнее трудное на литературный ужь время, когда всѣ словесности умолкли, когда романъ сдѣлался преданіемъ, поэма незаматною древностью, исторія невозможностью, проза охота вообще твореніе превосходное, удивительное, драгоцѣнное и можетъ, въ потребномъ случаѣ, замѣнить романъ или, все равно, исторію: а поэму и подавно!.. Поэзія естественной исторіи — самая замѣчательная изъ всѣхъ поэзій. Кювье называетъ ее утѣшительницею мѣдраго.

Впрочемъ какъ бы то ни было, а въ послѣднее время мы отличились въ литературѣ тѣмъ, что перевели вновь и во второй разъ напечатали старую повѣсть, всѣмъ уже извѣстную, напечатанную в гораздо лучше переведенную съ перваго разу — повѣсть подъ заглавіемъ:

Г е в а. *Романъ Мери. Съ французскаго (СПбурзь, 1849, въ 16).*

Сверхъ того перевели и напечатали въ такомъ же крошечномъ форматѣ и такой же зелененькой оберткѣ плохую повѣсть мосье Сель-Феликса, назвавъ ее тоже *романомъ*:

Г е р ц о г и н я Б у р г у н д с к а я. *Романъ Жюль де Сель-Феликса. Съ французскаго (СПбурзь, 1849, въ 16)?*

Да еще какъ перевели!... какинъ языкомъ!... Хороши мы тоже словесныя существа, что, пустившись сочинять своимъ умомъ, употребляемъ слова наши на такія книжечки, какова:

Я з ы к ъ ц вѣ т о в ѣ , или *Описаніе эмблематическихъ значеній символовъ и мифологическаго происхожденія цвѣтовъ и растеній (СПбурзь, 1849, въ 32).*

Эта мудрая книжечка, съ картинками, перепечатанными изъ разныхъ русскихъ книгъ со стихами и посвященіемъ прекрасному полу, поучаетъ его, что даръ слова, хоть и данъ человѣку въ отличіе отъ животныхъ, вовсе не нуженъ для лучшихъ дѣлъ жизни, что гораздо нѣжнѣе, милѣе и, главное, безопаснѣе, быть безсловесными, что все нужное можно сказать цвѣточками, не компрометируя себя и ни къ чему серьезно не обязуясь. Акація въпримѣръ значитъ — я люблю васъ платонически, идеальной любовью; ясминъ — я люблю васъ любовью фундаментальной; дубровка — чѣмъ болѣе васъ вижу, тѣмъ болѣе люблю; тюльпанъ — приходите на свиданіе; маргаритка — я о томъ подумаю; тубероза — приходите непременно, я горю страстью; ялапа — ахъ! боюсь! — ноготка — я мучусь; лиловая сирень — что жъ вы хотите? я только въ первый разъ люблю; ландышъ — ну, такъ я къ вамъ равнодушенъ, прощайте; базилика, бѣлая сирень и аконитъ — а вы дуракъ; я васъ презираю; я отмицу вамъ. И дѣло заключается вѣткой резеды, эмблемою кратковременнаго счастья.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

КРАТКАЯ РУССКАЯ АЗБУКА, съ руководствомъ для обученія дѣтей чтенію (СПб., 1849). — Эта краткая азбука составлена очень хорошо для своей цѣли: матери могутъ употребить ее съ пользою для легкаго и скорого обученія чтенію. Только, выучившись грамотѣ скоро и легко, что стануть читать дѣти?... Неужели «Геву, романъ Мери, съ французскаго», или «Герцогиню Бургундскую, романъ Сентъ-Феликса, съ французскаго», или «Языкъ цвѣтовъ», наше оригинальное твореніе?... О «Псовой охотѣ сообще» я не говорю. «Псовая охота — дѣло важное и стоитъ того чтобы поучиться для нея грамотѣ.

РАВНЫЯ НОВОСТИ.

— Новый томъ «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ» вышелъ у Смирдина и заключаетъ въ себѣ «Сочиненія Каллиста». Немногіе читаютъ нынче сочиненія этого «автора».

Очень многіе не знаютъ даже , что писалъ онъ. Капнисть , да будетъ извѣстно , писалъ много чего нынче читать не нужно. Его комедіи , трагедіи , оды , сатиры , посланія , останутся извѣстными только исторіи русской литературы. Но его «Духовныя стихотворенія» истинно прекрасны и , для нихъ , стóитъ имѣть у себя «Сочиненія Капниста».

— Превосходная учебная книга доктора Рера , «Палестина, или Историко географическое описаніе Іудейской земли во времена Іисуса Христа, для очевиднѣйшаго разумнѣнія евангельской исторіи», издана господиномъ Надеждинымъ въ русскомъ переводѣ. Для тѣхъ , которые любятъ основательно заниматься духовнымъ чтеніемъ , она чрезвычайно полезна и , даже , необходима. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ она была посвящена Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Павловны.

=

С М Ъ С Ь.

=

ЭКСПЕДИЦИИ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ. Изъ всѣхъ экспедицій, которыя со время Кука отправлялись отъ береговъ Англiи, ни одна не возбуждала такого живаго участiя, какъ та, которой судьба уже четыре года скрыта льдами сѣвернаго полюса. Съ 26 iюля 1845 года пропалъ сэръ Джонъ Франклинъ съ своимъ безстрашнымъ экипажемъ, и съ того времени нѣтъ о нихъ никакаго достовѣрнаго извѣстiя; одинъ разъ только пронесся было темный слухъ, будто въ концѣ 1846 года Эскимосы видѣли незнакомые корабли въ устьѣ рѣки Маневзи.

Слѣдующiя подробности о предпрiятiи Франклина и о мѣрахъ, принятыхъ для отысканiя его, печершнуты изъ нѣсколькихъ документовъ, обнародованныхъ недавно великобританскимъ адмиралтействомъ.

Нѣсколько столѣтiй уже, какъ существованiе прохода на сѣверо-востокѣ, сдѣлалось любимою мечтою мореплавателей. Колумбъ искалъ сначала только прямаго пути въ Индiю, который думали отыскать, обогнувъ сѣверный берегъ Америки къ западу; и съ тѣхъ поръ государи и кунцы, своимъ покровительствомъ или деньгами, поддерживали всѣ попытки отыскать проходъ изъ Атлантическаго океана въ Тихое море. Въ 1585 году лондонское купечество, убѣжденное въ существованiи прохода къ сѣверо-западу Америки, снарядило экспедицію для открытiя его, и несмотря на ея неудачу, вскорѣ за нею послѣдовало множество

другихъ экспедицій. Ни что не можетъ дать болѣе высокаго понятія о нравственномъ и физическомъ мужествѣ англійскихъ моряковъ, какъ описаніе этихъ экспедицій къ сѣверному полюсу, въ которыхъ суровость полярной зимы не можетъ охладить одушевляющей ихъ любознательности.

Въ декабрѣ 1844 года сэръ Джонъ Барро, секретарь адмиралтейства, представилъ королевскому обществу планъ для отысканія сѣверо-западнаго проходу, и убѣждалъ снарядить экспедицію, которая проплыла бы отъ Мельвилева острова къ Берниговому проливу между американскимъ берегомъ, и предполагаемою Банксовою землею. По мнѣнію сэра Эдварда Парри, [сэръ Мельвилева острова замѣченъ неясный пунктъ, который означенъ на полярныхъ картахъ подъ именемъ Банксовой земли; земля эта, кажется, не должна преграждать прямого пути отъ Берниговаго пролива къ Вакерову мысу. Сэръ Джонъ Барро совѣтовалъ употребить для этой экспедиціи два корабля, бывшіе подъ начальствомъ капитана Росса, бывшіе еще въ хорошемъ состояніи, и увѣрялъ, что не будетъ недостатка въ офицерахъ, и привычныхъ къ плаванію среди льдовъ, и готовыхъ принять участіе въ этой экспедиціи.

Предложеніе сэра Джона Барро было одобрено графомъ Гаддингтономъ, первымъ лордомъ адмиралтейства и прочими членами его, и сильно поддержано совѣтомъ королевскаго общества, который считалъ его не только важнымъ для распространенія географическаго знанія земли, но и для наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ. Вслѣдствіе этого, правительство рѣшилось сдѣлать новую попытку, и въ началѣ 1845 года, почтенный и безстрашный сэръ Джонъ Фравклинъ, только-что возвратившійся съ труднаго поста губернатора Ванъ-Дименовой земли, назначенъ начальникомъ экспедиціи для открытія сѣверо-западнаго прохода. Вскорѣ за тѣмъ два корабля готовы [были къ отплытію: на «Эребъ», на которомъ Фравклинъ поднималъ свой флагъ, было пять офицеровъ и шестьдесятъ пять человѣкъ экипажу; на «Терроръ», подъ начальствомъ капитана [Френсиса Роудона, четыре офицера и шестьдесятъ человѣкъ экипажу. Оба корабля снабжены небольшою паровою машиною, и архимедовымъ винтомъ; но по испытаніи силы машины на «Эребъ» оказалось, что она придавала скорости только до трехъ узловъ въ часъ, и что, слѣдовательно, выгоды ея не выкупали увеличенія труда экипажу и опасность порчи, которая предстала ей при проходѣ среди льдовъ; поэтому очень вѣроятно, что скоро по отъѣздѣ машиниста

была снята, какъ это уже случилось въ 1818 году на «Виктори», подъ начальствомъ Джона Росса.

«Эребъ» и «Терроръ» взяли провіанту на три года, и снабжены, разумеется, всякими магнетическими и метеорологическими инструментами, и всѣмъ вообще необходимымъ для экспедиціи. Они снялись съ якоря 26 марта 1845 года. Въ офиціальныхъ инструкціяхъ сэру Джону Франклину было сказано, что ему поручалось сдѣлать новую попытку отыскать сѣверо-западный путь и что онъ долженъ сперва плыть къ Девисову проливу, чтобы оттуда, какъ скоро будетъ возможно, отправиться въ Баффиновъ заливъ и къ Ланкастерскому проливу. «Такъ какъ этотъ проливъ, сказано дальѣе, былъ уже обозрѣваемъ четыре раза сэромъ Эдвардомъ Парри, и съ тѣхъ-поръ безпрестанно посѣщается китоловами, то вѣроятно, что «Эребъ» не будетъ остановленъ ни льдами, ни островами. Того же можно надѣяться относительно пути къ Мельвилеву острову, и девяти-сотъ миль, остающихся оттуда до Бернигова пролива. Поэтому, не теряя времени на отысканіе прохода къ сѣверу или къ югу, должны вы плыть на высотѣ около 74° 15' сѣверной широты, постоянно къ западу, пока не достигнете Вакерова мыса, то есть 98° долготы. Отсюда старайтесь сколько возможно плыть къ югу и къ западу, къ Бернигову-проливу, и сколько позволятъ льды или неизвѣстныя земли, по прямой линіи. Въ этой части полярнаго моря отыщете вы вѣроятно желанный путь, между-тѣмъ, какъ по протяженію и плотности льда къ югозападу отъ Мельвилева острова, новыя попытки въ этомъ направленіи кажутся вамъ бесполезными. Если, однако же, предписываемый вамъ путь будетъ пресѣченъ постояннымъ льдомъ, а проходъ въ концѣ пролива, между островами Девонемъ и Корваллисомъ, найдете вы довольно свободнымъ, то можете, когда то дозволитъ время года, попытаться этимъ путемъ выйти изъ Архипелага. Въ случаѣ, если вы не успѣете совершить эту попытку до окончанія нынѣшняго года, и найдете полезнымъ зимовать по близости тѣхъ мѣстъ, то предоставляется на ваше благоусмотрѣніе, будущей весною снова ли вступить въ проливъ, или плыть по первоначально назначенному вамъ пути къ юго-западу».

Въ случаѣ, если бы сэру Джону Франклину удалось отыскать желанный путь, онъ долженъ былъ плыть къ Сандвичевымъ островамъ, чтобы тамъ запасться продовольствіемъ и дать отдохнуть экипажу. Оттуда ему предписано было послать офицера съ депешами, черезъ Панамскій перешеекъ въ Англію; если же

не представило бы на то удобнаго случая, писать самому къ Панамѣ, откуда легче исполнить это приказаніе, и потомъ плыть обратно въ Англію, обогнувъ мысъ Горнъ.

Наполеонъ, слѣдующая статья инструкцій давала ему почти неограниченную власть: «Въ предпріятіи такого рода необходимо полное довѣріе къ расторопности командира; зная, какъ вы привыкнуты возлагаемымъ на васъ порученіемъ, и зная опытность вашу въ подобныхъ экспедиціяхъ, мы убѣждены, что можете вполне представить вашему благоусмотрѣнію, зимовать на берегу, чтобы съ открытіемъ весны продолжать ваши изысканія, или возвратиться въ Англію съ первыми результатами вашей экспедиціи. Примите при этомъ въ соображеніе наше пламенное желаніе не подвергать опасности жизнь, здоровье и благосостояніе ваши, равно и вѣренныхъ вамъ офицеровъ и матросовъ, и судите, выгоды отправленія будущимъ лѣтомъ изъ близлежащаго пункта не будутъ ли слишкомъ дорого куплены, цѣною трудностей зимовки, недостатка продовольствія и истощенія силъ, которыхъ вы можете избѣжать, возвратясь въ Англію».

Хотя главною задачею экспедиціи было открытіе прохода изъ Атлантическаго океана въ Тихое море, однако же инструкціи адмиралтейства настоятельно убѣждали офицеровъ заняться въ-которыми другими важными трудами: точнымъ опредѣленіемъ географическаго положенія мысовъ и береговъ, и направленія теченій въ полярномъ морѣ, и составленіемъ ботаническихъ, минералогическихъ и зоологическихъ коллекцій.

Для опредѣленія силы и направленія теченій, и для большей точности результатовъ экспедиціи, сэръ Джонъ Франклинъ долженъ былъ, пройдя 65° широты, ежедневно пускать на воду тщательно закупоренную бутылку или мѣдный цилиндръ, въ который была положена записка съ означеніемъ мѣста, гдѣ онъ находился. Сверхъ-того оба корабля были снабжены значительнымъ количествомъ печатныхъ листовъ на разныхъ языкахъ, которыми наждый, нашедшій такое пловучее посланіе, приглашался доставить его адмиралтейству. На случай, если бы одно изъ судовъ подверглось крушенію, Франклину предписывалось перевести экипажъ на другое, и продолжать путешествіе съ однимъ кораблемъ; въ случаѣ же собственной его гибели, начальство долженъ былъ принять капитанъ Крозиеръ.

Изъ этихъ инструкцій видно, что сэру Джону Франклину предоставлена почти полная свобода на-счетъ средствъ и времени достиженія предполагаемой цѣли. Въ разговорѣ съ пріятелями

не задолго до отправления, онъ объявлялъ, что никакъ не думаетъ совершить свое путешествіе въ одинъ годъ; потомъ онъ писалъ полковнику Сабину, отъ 9 іюля 1845-года, съ китоловныхъ островъ: «Надѣюсь, что жена и дочь не будутъ слишкомъ беспокоиться, если я не возвращусь къ назначенному времени; во всякомъ случаѣ прошу васъ успокоить ихъ, потому-что вы знаете, что мы рѣшились подвергнуться второй напрасной зимовкѣ, если средства продовольствія и состояніе экипажа это позволяютъ, чтобы продолжать свои розыски по другому пути».

Последнія извѣстія объ экспедиціи были отъ 26 іюля 1845 года, и доставлены капитаномъ Даннетомъ, на китоловномъ суднѣ «Принцъ Валлискій», который встрѣтилъ оба корабля Франклина въ Мельвилльскомъ заливѣ, подъ 74° 48' широты и 66° 13' долготы. Шлюбка съ нѣсколькими офицерами подходила къ китолову; на слѣдующій день Даннетъ долженъ былъ обѣдать на «Эребѣ»; но вечеромъ подулъ ему попутный вѣтеръ и онъ спялся въ ночь, не успѣвъ взять писемъ, которыя хотѣли ему вручить. Капитанъ Даннетъ рассказывалъ, что офицеры, которыхъ онъ видѣлъ, были бодры и здоровы, и надѣялись удачно выполнить порученіе; льдины были довольно высоки, но плыли порознь.

Впродолженіе лѣта 1846 года не было никакихъ извѣстій объ «Эребѣ» и «Террорѣ»; китоловы рассказывали, что годъ былъ необыкновенно суровый, что термометръ впродолженіе двадцати дней стоялъ постоянно ниже точки замерзанія, что льды были неподвижны, и ни одинъ китоловъ не могъ подойти къ Ланкастерскому проливу. Тоже было слышно лѣтомъ 1847 года; впрочемъ, китоловъ Пенни, проходившій Ланкастерскій проливъ, писалъ, что плаваніе свободно, но что онъ, сколько ни освѣдомлялся у Эскимосовъ, однако же не могъ добиться никакихъ извѣстій о Франклинѣ. Шкиперъ китоловнаго судна «Леди Джонъ», доходилъ въ то же лѣто до 76° широты и 80° долготы, и нашелъ ледъ необыкновенно высокимъ и толстымъ; гдѣ онъ былъ въ другіе года въ шесть футовъ толщины, теперь доходилъ до десяти футовъ. Туземцы приписывали это юговосточному вѣтру, дувшему впродолженіе всей зимы, и гнавшему массы льду къ западу. «Леди Джонъ» также не доставилъ никакихъ извѣстій объ экспедиціи, потому-что плотныя массы льду не позволяли ему пристать къ берегу Ланкастерскаго пролива.

Такъ прошелъ 1847 годъ; начали беспокоиться о судьбѣ экспедиціи. Гудсонская компанія предписала своимъ агентамъ приглашать туземцевъ къ отысканію экспедиціи, обѣщая хорошую на-

граду за доставку писемъ или бумагъ въ одну изъ конторъ компаніи; приняты всевозможныя мѣры, которыя могли облегчить приближеніе къ берегамъ. Довольно вѣроятно, что разнесшіяся вскорѣ за тѣмъ слухъ, будто туземцы видѣли въ концѣ 1846 года, къ востоку отъ Макензіева пролива, два корабля съ бѣлыми, былъ слѣдствіемъ обѣщанной награды.

Съ начала 1847 года люди, свѣдущіе въ сѣверномъ плаваніи, начали серьезно совѣтоваться о средствахъ подать помощь смѣлому Франклину. Еще въ сентябрѣ 1846 года сэръ Джемсъ Россъ предлагалъ адмиралтейству ѣхать на отысканіе «Эреба» и «Террора»; признавая благородство этого предложенія, адмиралтейство не хотѣло, однако же, въ то время снарядить новую экспедицію, ссылаясь на неоднократныя слова Франклина, что онъ до-тѣхъ-поръ не откажется отъ предпріятія, пока не испытаетъ всѣхъ средствъ открыть проходы. Эти слова подтверждалъ и сэръ Джонъ Ричардсонъ, лучший другъ Франклина.

Въ прошедшемъ году, однако же, положено снарядить три экспедиціи для отысканія «Эреба» и «Террора». Первая, изъ двухъ кораблей, должна была идти къ Ланкастрскому проливу; вторая, также изъ двухъ кораблей, къ Берингову проливу, и третья, состоящая изъ нѣсколькихъ судовъ, изслѣдовать восточный берегъ Макензіевой рѣки, между-тѣмъ какъ двѣ шлюбки, отряженныя отъ второй экспедиціи, будутъ изслѣдовать западный берегъ. Начальство надъ первою экспедиціею поручено сэръ Джемсу Россу, который самъ предложилъ свои услуги; надъ второю комодору Муру; а надъ третьею сэру Джону Ричардсону, который, не смотря на свою недавнюю женитьбу, на преклонность лѣтъ и выгодное мѣсто, охотно согласился на трудности и лишенія этого долгаго путешествія.

Обнародованныя инструкціи даютъ довольно подробное объясненіе цѣли и средствъ этихъ экспедицій. «Энтрапрайзъ» и «Ивестигаторъ», подъ начальствомъ сэра Джемса Росса, суда въ 410 и 420 тоннъ, устроенныя собственно для этого путешествія, съ паровою машиною и архимедовымъ винтомъ, который даетъ имъ скорость пяти узловъ въ часъ; на обонхъ 90 тоннъ угля и на три года провіанту. Сэръ Джемсъ Россъ долженъ плыть безотлагательно къ Ланкастрскому проливу, для обозрѣнія береговъ его и пролива Барро; оттуда, если позволитъ время, долженъ онъ плыть къ берегамъ Веллингтонова канала, и обозрѣть ихъ и всѣ берега, лежащіе между мысами Кларенсовымъ и Вакеровымъ. Для зимованья назначена «Ивестигатору» безопасная гавань, у Рен-

мельскаго мыса, откуда большую часть берега можно изслѣдовать пѣшкомъ. Весною 1849 года предписано ему проникнуть сквозь ледъ въ маленькія бухты вдоль западнаго берега Бутін, отправивъ въ то же время часть своего экипажа къ югу, чтобы изслѣдовать пустое пространство, находящееся въ этомъ мѣстѣ на картахъ, есть ли открытое море, которое, можетъ быть, переплылъ Франклинъ, или группы мелкихъ острововъ, которые можетъ-быть заперли ему выходъ. Какъ скоро лѣто откроетъ проходъ среди льдовъ, «Ивестигаторъ» долженъ отправить свою пароходную шлюбку обратно въ Ланкастрскій заливъ, для доставленія свиденій кораблямъ, которые должны къ тому времени быть въ Баскинновомъ заливѣ.

«Энтеррайзъ» долженъ плыть къ западу и стараться достигнуть бухты Мельвилева острова, чтобы въ ней зимовать. Оттуда долженъ онъ на мелкихъ судахъ произвести тщательные розыски въ разныхъ пунктахъ, изслѣдовать берегъ по направленію, по которому шелъ вѣроятно Франклинъ, до западной части Бенксовой земли, обратиться къ мысу Парри, и потомъ къ крѣпостцѣ Доброй Надежды. Другое отдѣленіе должно обойти восточный берегъ Бенксовой земли и потомъ плыть къ мысу Крузенштернову, или Гернову; тамъ соединиться съ сэромъ Ричардсономъ, по ночъ ему обозрѣть острова Викторіи и Воластоновъ, и отправиться съ нимъ обратно въ Англію.

Адмиралтейство прибавляетъ, что инструкціи ея суть не что иное, какъ общій очеркъ, и что сэръ Джемсъ Россъ можетъ измѣнить планъ, сообразно требованію обстоятельствъ. «Если Провидѣніе, присовокупляетъ оно, не увѣнчаетъ успій вашихъ успѣхомъ, то вамъ предоставляется избрать самимъ время и мѣсто отплытія обратно въ Англію, какъ скоро вы будете убѣждены, что сдѣлали все, что могли для исполненія возложеннаго на васъ порученія!»

Оба корабля отплыли 12 мая 1848 года, и къ 13 іюля достигли Опемавка, подъ 72° 40' сѣверной широты. Онъ писалъ отсюда, что зима была необыкновенно сурова, и что туземцы терпѣли ужасный голодъ. «Съ тѣхъ-поръ, какъ мы оставили Китловныя острова, писалъ онъ, видъ моря и неба обѣщаютъ намъ, кажется, благоприятный годъ для плаванія. Впрочемъ, по нѣкоторымъ примѣтамъ, должно ожидать, что на западѣ льды принудятъ насъ сдѣлать кругъ, къ сѣверу, прежде чѣмъ мы достигнемъ Ланкастрскаго пролива. Всю прошедшую ночь дулъ такой сильный южный вѣтеръ, что мы принуждены были со всевозможною

успѣшностью выбраться въ старыяе море. Нѣтъ сомнѣній, что эта буря произведетъ благопріятное дѣйствіе на сѣверные льды, и я надѣюсь, что мнѣ можно будетъ продолжать путь безошибочно. Но послѣднимъ извѣстіямъ отъ Росоа, онъ находился подъ 73° 54' широты и 18° 6' долготы, и экипажъ его былъ въ самомъ отличномъ состояніи.

Экспедиція, назначенная къ Берингову проливу, состоитъ изъ «Пловера» подъ начальствомъ капитана Мура, и «Гиральда», подъ начальствомъ капитана Келлета. Оба корабля должны сойтись въ Панамѣ, чтобы получить инструкціи и запасы свѣжими съестными припасами. Къ началу іюля должны они достигнуть Берингова пролива и плыть, вдоль американскаго берега такъ далеко, какъ только позволятъ плывучіе льды; четыре китоловные судна обязаны прискочить «Пловеру» удобное мѣсто для зимованія. По отысканіи такого мѣста, два изъ нихъ должны везти туда «Пловерь», а другія два производить рекогносцировку, и стараться вступить въ сношенія съ отдѣленіемъ Ричардсоновой экспедиціи, которая будетъ находиться въ Макензіевой рѣкѣ. По наступленіи зимы, они должны возвратиться къ «Пловеру», который снабженъ топливомъ, и всѣмъ необходимымъ на зиму. «Гиральдъ» пойдетъ къ югу, для доставленія извѣстій отъ «Пловера». Весною легкія суда «Пловера» будутъ ходить въ разные стороны, стараясь опять вступить въ Макензіеву рѣку. Въ іюлѣ 1849 года «Гиральдъ» долженъ возвратиться къ «Пловеру», и въ случаѣ нужды подвезетъ ему свѣжій провіантъ. Кромѣ провіанту для своего экипажа, онъ снабженъ резервнымъ провіантомъ на случай, если встрѣтитъ часть экипажа «Эреба» или «Террора». Русское правительство предписало ситхинскому мѣстному начальству оказывать «Пловеру» всевозможное пособіе; опытный въ сѣверномъ плаваніи капитанъ Бичи далъ капитану Муру много очень полезныхъ совѣтовъ, а гудсонская компанія обѣщала ему всякое содѣйствіе со стороны своихъ агентовъ.

Огромныя надежды полагаютъ на третью экспедицію, снаряженную по собственному плану Ричардсона. Она состоитъ изъ четырехъ чрезвычайно легкихъ судовъ, тридцати футовъ въ длину и шести въ ширину, и имѣющихъ по двадцати человекъ экипажа. Они отправившись изъ Англіи лѣтомъ 1847 года, въ сопровожденіи судовъ Гудсонской компаніи, чтобы плыть къ Макензіевой рѣкѣ. Двадцать вѣтаго марта 1848 года отправился сэръ Джонъ Ричардсонъ въ Нью Йоркъ, съ мистромъ Ра, известнымъ своими путешествіями на сѣверъ, а 4 іюля прибылъ къ своей

эскадрильи. Онъ надѣлся въ первому августу быть въ устьѣ Макензіевой рѣки. Изъ данныхъ ему инструкцій приведемъ слѣдующее:

«Если вы достигнете моря на первой недѣлѣ августа мѣсяца, то вѣроятво успеете пройти, вдоль значительной части южнаго и западнаго береговъ Волластоновой земли до рѣки Мѣдной руды, и подняться по ней до удобнаго мѣста, гдѣ Белль оставитъ провіантъ на слѣдующій рейсъ, и отрядъ людей, который онъ, чтобы не ослабить вашего экипажа, возьметъ изъ форта Конвиденса, и изъ котораго два егеря должны добывать съѣстные припасы по берегу рѣки. Въ случаѣ же, если вамъ нельзя будетъ безъ опасности дойти до рѣки Мѣдной руды, вамъ предоставляется возвратиться къ форту Добрая Надежды, на Макензіевой рѣкѣ, гдѣ вы оставите два судна съ провіантомъ; съ остальными же двумя и со всѣмъ экипажемъ отправитесь для зимованія въ Большое Медвѣжье озеро. Если вы получите отъ Эскимосовъ какія-либо свѣдѣнія объ «Эребѣ» и «Террорѣ», вслѣдствіе которыхъ сочтете необходимымъ измѣнить свое направленіе, вы можете оставить берегъ; въ случаѣ значительнаго разширенія круга вашихъ розысковъ, предоставляется вамъ оставить господина Рэ съ нѣсколькими охотниками зимовать на берегу, причемъ, можетъ быть, они будутъ имѣть возможность добывать часть своего продовольствія охотою и рыбною ловлею. Если вы найдете нужнымъ продолжать свои розысканія лѣтомъ 1849 года, то должны обозрѣть проходы между Бейксовою и Волластоновою землями, и въ сентябрѣ возвратиться въ Большое Медвѣжье озеро, и вести оттуда вашъ экипажъ въ Большое Невольничье озеро».

Адмиралтейство предоставляетъ сэру Ричардсону распространить свои дѣйствія до того же градуса широты, какъ сэръ Россъ и капитанъ Муръ; но только, чтобы не продлить этой похвальной экспедиціи безъ пользы и нужды, желаетъ, чтобы она кончилась зимовкою на Медвѣжьемъ Озерѣ въ 1849 году. Какъ мы уже говорили, гудсонская компанія оказываетъ огромныя услуги экспедиціи; она отправила береговые суда подъ начальствомъ Белля на Сѣверную Америку, и чрезъ агентовъ своихъ заботится о пріисканіи удобныхъ зимовій.

Слѣдующая выписка изъ письма Ричардсона даетъ понятіе о количествѣ пищи, потребной въ арктическомъ морѣ: «Во время путешествія нашего, порціи будутъ мѣняться по обстоятельствамъ. Если мы будемъ имѣть достаточный запасъ сала, сухарей, муки и какао, то будетъ отпускаться въ день на человѣка по

три фунта питательной пищи. Въ первую зиму она будетъ почти исключительно состоять изъ рыбы, по десяти фунтовъ на человѣка ежедневно; впрочемъ, количество ея не будетъ ограничиваться, когда рыбный ловъ будетъ обилѣть. Весною, во время перелета птицъ, рыбная порція замѣняется гусемъ или двумя утками. Вторую зиму мы проведемъ въ странѣ, гдѣ мясо съѣрныхъ оленей и бизоновъ будетъ составлять значительную часть ежедневныхъ порцій. Въ лѣтнее время пища будетъ преимущественно состоять изъ пемикану, по два фунта на человѣка; я думаю взять его для нашего отряда на Макензіевой рѣкѣ до семи тоннъ».

Адмиралъ Врангель, въ описаніи своего путешествія къ полярному морю также съ удивленіемъ упоминаетъ объ огромномъ количествѣ пищи, которое потребляетъ его экипажъ; такъ что можно сказать, что необходимость имѣть при себѣ такой огромный запасъ продовольствія, есть одно изъ главнѣйшихъ затрудненій при путешествіяхъ къ арктическимъ странамъ.

Представляя всѣ мѣры, принятыя для подачи помощи пропавшему Франклину, должны мы упомянуть и о наградахъ, обѣщанныхъ отъ адмиралтейства и отъ леди Франклинъ китоловамъ. Леди Франклинъ объявила всѣмъ китоловамъ, что она назначаетъ тысячу фунтовъ стерлинговъ тѣмъ шкиперамъ, офицерамъ и экипажамъ, которые привезутъ ей извѣстіе о судьбѣ ея супруга, и еще тысячу фунтовъ тому, кому удастся привести его обратно въ Англію. Двадцать третьяго марта 1849 года англійское правительство обѣщало награду въ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ каждой экспедиціи, сухимъ путемъ или водою, которая доставитъ извѣстія о Франклинѣ.

Не пускаясь въ гипотезы, которыя можно создавать о положеніи Франклина, скажемъ только, что по мнѣнію знающихъ и опытныхъ моряковъ, экспедиціи до осени 1849 года нечего бояться голоду. Замѣтимъ также, что полярныя путешествія нисколько не вредны для здоровья; потому что изъ 609 человѣкъ, проводившихъ по нѣскольку лѣтъ сряду въ такихъ экспедиціяхъ, только семеро умерло отъ болѣе или менѣе непосредственнаго вліянія ихъ. Главнѣйшая опасность заключается въ собственной ревности участниковъ, и въ сознаніи, что на нихъ обращены взоры всего міра. Какъ безстрашный альпійскій охотникъ взбирается на утесъ, на которомъ никогда не бывала человѣческая нога, такъ и плаватель среди льдовъ не откажется отъ своего предпріятія, пока остается въ немъ сколько-нибудь силы; мысль взойти на неприя-

ступниую гору или водрузить знамя на свѣжныхъ равнинахъ полюса, поддерживаются однимъ и тѣмъ же желаніемъ славнаго имени. Нѣтъ сомнѣнія, что Франклинъ не откажется отъ своего смѣлаго предпріятія, отъ своей борьбы съ полярными льдами, пока будетъ ему оставаться какая-нибудь надежда достигнуть цѣли.

ВОЕННЫЯ СИЛЫ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ. Заимствуемъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія изъ «Американскаго альманаха на 1849 годъ».

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не нуждаются въ многочисленномъ войскѣ, потому что не имѣютъ ни опасныхъ сосѣдей, ни внутреннихъ враговъ, съ которыми приходилось бы бороться. Поэтому содержаніе огромныхъ силъ только поглощало бы безъ всякой пользы значительныя суммы денегъ, и сверхъ-того отвлекало бы отъ земледѣлія нравственныя и физическія силы, которыя могутъ много содѣйствовать увеличенію богатства государства.

Во главѣ регулярной сухопутной арміи послѣ президента, который по закону имѣетъ высшее начальство надъ всѣми военными силами государства, находится генераль-маіоръ, какъ главнокомандующій, нынѣ генераль Винфильдъ Скоттъ, покоритель Мексики. Генеральный штабъ состоитъ изъ одного генераль-маіора, четырехъ бригадировъ, одного генераль-адъютанта, генераль-квартирмейстера, генераль-комиссара, двухъ генераль-инспекторовъ, генераль-доктора и генераль-кассира.

Армія состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Инженерный корпусъ, съ корпусомъ инженеръ-топографовъ и центральнымъ артиллерійскимъ корпусомъ; 2) четырехъ полковъ конницы, изъ которыхъ два драгунскихъ и два егерскихъ или застрѣльщикова (riflemen); 3) восьми полковъ пѣхоты; и 4) четырехъ полковъ артиллеріи.

Окладъ жалованья генераль-маіору 4,464 доллара (долларъ нѣсколько болѣе рубля серебромъ); бригадиру—2,958; полковнику—отъ 2,196 до 1,992 долларова, и такъ далѣе въ соразмѣрности. Подпоручикъ въ пѣхотѣ и артиллеріи получаетъ 774 долларова, инженеръ 982.

Это обыкновенное положеніе сѣверо-американской арміи. Мексиканская война, весьма естественно, потребовала нѣкоторыхъ измѣненій въ ея составѣ. По изданіи законодательною властью акта отъ 11 февраля 1847 года, которымъ положено было обра-

звать десять полковъ охотниковъ, правительство могло, при открытіи военныхъ дѣйствій, располагать слѣдующими силами:

Постоянной арміи, со включеніемъ шореката отряда:

Офицеровъ	1,104
Солдатъ	26,362
	<hr/>
	27,466

Охотниковъ:

Штабъ-офицеровъ	252
Оберъ-офицеровъ	3,067
Солдатъ	68,222
	<hr/>
	71,561
	<hr/>
	99,027

Всего 99,027 человекъ; въ томъ числѣ 4,443 офицера и 94,584 нижнихъ чиновъ.

Слѣдующая таблица, за совершенную вѣрность которой нельзя поручиться, но которая близко подходитъ къ истинѣ, доказываетъ, что сопротивленіе Меккиканцевъ было не довольно упорно, чтобы причинить большое кровопролитіе, ято впрочемъ, можно было предвидѣть.

Утрата, понесенная сѣверо-американскими войсками въ войнѣ съ Мехикою:

Убитыми въ сраженіяхъ:

Офицеровъ регулярной арміи	56
Офицеровъ изъ охотниковъ	46
	<hr/>
	102
Солдатъ регулярной арміи	570
Солдатъ изъ охотниковъ	429
	<hr/>
	999
	<hr/>
Всего убито 1,101	

Ранено въ сраженіяхъ:

Офицеровъ регулярной арміи	193
Офицеровъ изъ охотниковъ	129

Солдаты регулярной армии 2,489

Солдаты из окрестностей 1,196

3,685

Всего ранено 3,947

Полки охотниковъ, по заключеніи мира, распущены. Дѣйствующая же армія смертью или отставками уменьшилась до 8,866 человекъ.

Численная слабость этихъ военныхъ силъ возлагаетъ на всѣхъ гражданъ Соединенныхъ-Штатовъ обязанность взяться немедленно за оружіе, какъ-скоро будетъ предстоить опасность независимости отечества. Для этого всѣ граждане Союза образуютъ ополченіе, милицію, которая состоитъ изъ:

773 генерала,
 2,493 офицера генеральнаго штаба,
 15,457 штабъ-офицеровъ,
 54,259 оберъ-офицеровъ,
 1,815,557 унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и солдатъ,

итого изъ 1,888,438 человекъ, которыхъ организація, впрочемъ, чрезвычайно неудовлетворительна.

Морскія силы Соединенныхъ-Штатовъ заключаются въ 11 линейныхъ корабляхъ, изъ которыхъ самый большой, «Пенсильванія», въ 120 пушекъ, а остальные въ 74. Самый старый изъ нихъ, «Коломбъ», построенъ въ Вашингтонѣ, въ 1828 году; самый новый, «Вермонтъ», построенъ въ 1848 году, въ Бостонѣ. Кроме того есть еще разсѣщенный пятидесяти-пушечный корабль «Индипенденсъ», построенный въ 1814 году, въ Бостонѣ.

Кромѣ линейныхъ кораблей во флотъ считается:

12 фрегатовъ перваго ранга, въ 44 пушки.

2 фрегата втораго ранга, въ 36 —

Два изъ фрегатовъ перваго ранга и одинъ изъ втораго, сохранились еще отъ 1797 года; другой тридцати-шести пушечный фрегатъ построенъ въ 1812 году и исправленъ въ 1836 году.

Двадцать-два корвета, изъ которыхъ самый старый построенъ еще въ 1799 году, но впоследствии перестроенъ; новѣйшіе построены въ 1836 году. Изъ нихъ 16 въ 20 пушекъ, одна въ 18, и пять въ 13.

Четыре брига въ 10 пушекъ , изъ которыхъ одинъ построенъ въ 1836 году, третій въ 1842, четвертый въ 1843.

Десять шкунъ, изъ которыхъ шесть имѣютъ только по одной пушкѣ.

Четырнадцать пароходовъ, изъ которыхъ одинъ въ 11 пушекъ, одинъ въ 9, и два въ 4 пушки.

Шесть провiантскихъ судовъ, изъ которыхъ четыре вооружены и имѣютъ по шести и по осьми пушекъ.

Морской штатъ состоитъ изъ пяти комодоровъ или начальниковъ эскадръ, осьми директоровъ верфей, губернатора морскаго госпиталя, директора школы мореплаванiя, 67 капитановъ, получающихъ отъ 2,500 до 4,500 долларовъ смотря по тому, въ дѣйствiи ли они или нѣтъ, 96 командировъ, съ жалованьемъ отъ 1,800 до 2,500 долларовъ, и 327 лейтенантовъ, получающихъ отъ 1,200 до 1,800 долларовъ.

Экипажи этихъ судовъ составляются, какъ экипажи купеческихъ судовъ, изъ вольнонаемныхъ людей, по взаимному условiю, на опредѣленное время, по истеченiи котораго они могутъ выходить изъ службы или заключать новый контрактъ. Впрочемъ, есть и постоянный, правильно организованный отрядъ матросовъ, въ которомъ считается 58 офицеровъ и 1,295 нижнихъ чиновъ и музыкантовъ, всего 1,353 человекъ. Офицеры этого отряда получаютъ то же жалованье, какъ офицеры, состоящiе въ тѣхъ же чинахъ въ регулярной пѣхотѣ.

Замѣтимъ еще, что въ бюджетѣ Соединенныхъ Штатовъ на годъ, кончившiйся 31 iюня 1847 года, расходъ на сухопутное войско составлялъ 41,281,607 долларовъ, на морскiя силы 7,934,634 доллара. Вся сумма расходовъ Соединенныхъ Штатовъ составляла 59,451,178 долларовъ; слѣдовательно, пять-шестыхъ всѣхъ расходовъ приходилось на сухопутныя и морскiя силы. Впрочемъ не должно забывать, что военный бюджетъ въ этомъ году необыкновенно увеличился по случаю войны съ Мексикою; до того времени расходы на содержанiе военныхъ силъ не превосходили 13,579,428 долларовъ въ годъ; слѣдовательно, разность на этотъ годъ составляетъ 27,702,179 долларовъ.

СТАТИСТИКА РЕМЕСЕЛЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. Статистика завладѣла парламентскими изслѣдованiями, полицейскими отчетами, таблицами смертности; несправедливо было бы, если бы она пренебрегла свѣдѣнiями, которыя ей доставляютъ указатели, адресъ-календари, торговыя объявленiя и другiе спеціальныя документы,

которые, не будучи официальными, представляют огромный запасъ потребныхъ публикѣ свѣдѣній. Возьмемъ на примѣръ и Лондонскій адресъ-календарь». (The London post-office Directory) и посмотримъ, какъ онъ распредѣляетъ всю промышленность столицы на ремесла и званія.

Прежде всѣхъ остановятъ наше вниманіе промышленники, занимающіеся исправленіемъ вишнихъ недостатковъ человѣческаго тѣла, и въ первомъ ряду ихъ, — фабриканты искусственныхъ глазъ. Какъ ни обыкновенны въ наше время жалобы на слабость зрѣнія, однако же число людей, страдающихъ этимъ органомъ, кажется, не достаточно для того, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе тремъ лицамъ, занимающимся въ Лондонѣ этимъ дѣломъ, такъ-что они принуждены прибѣгать сверхъ-того къ выдѣлыванію глазъ для набитыхъ чучель. Отъ нихъ перейдемъ мы къ поставщикамъ рукъ и ногъ для тѣхъ, кого изувѣчила война или ножъ оператора. Тутъ поприще уже разширяется; этою отраслью занимаются двѣнадцать человѣкъ. За ними слѣдуетъ такое же число блюстителей человѣческой красоты, занимающихся исключительно защитою головъ, лишенныхъ своего природнаго украшенія; сюда же принадлежатъ фабриканты дивнаго убора, именуемаго судейскимъ парикомъ, безъ котораго ни судья, ни адвокатъ, ни даже судейскіе прислужники, не могутъ приступить къ исполненію своей должности; такъ что саркастическій умъ народа выразилъ это въ пословицѣ: *the wisdom is in the wig* (въ парикѣ мудрость). Употребленіе парика предполагаетъ средства прикрѣпленія его къ защищаемой или украшаемой имъ головѣ; изъ этой необходимости родилась особенная отрасль промышленности, до того спеціальная, что ею занимается въ Лондонѣ одинъ только человѣкъ, — это приготовленіе пружинъ для париковъ. Болѣзни рта и зубовъ продовольствуютъ несравненно большее число людей, которыхъ все честолюбіе — возвести свое ремесло на степень ученаго званія. Эта промышленность, занимающая отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, дѣлится на нѣсколько отраслей: одни выдѣлываютъ искусственные зубы, другіе металлическія пластинки, третьи посвящаются исключительно дерганію и вставленію зубовъ. Ноги лондонскихъ жителей виѣютъ также свои недуги, для помощи которымъ виѣется девять врачей, присвоивающихъ себѣ высокопарное названіе хиропедистовъ. Пять или шесть врачей занимаются болѣзнями уха. Менѣе важные случаи по этимъ отраслямъ, равно какъ вообще весь полкъ болѣзней отданы на разживу цѣлому штабу

врачей, ошераторовъ и фольдшеровъ, изъ которыхъ присоединяется цѣлая армія аптекарей и продавцовъ различнаго цѣлебнаго свадобья.

Лондонъ долженъ прокормить два милліона жителей. Во главѣ промышленниковъ, принявшихъ на себя это великое дѣло, стоитъ 2,500 булочниковъ. Вычислено, что цехъ булочниковъ потребляетъ ежегодно милліонъ четвертовъ хлѣба, которыхъ большая часть обращается въ четырехъ фунтовые караван. Къ хлѣбу необходимо масло, и потому рядомъ съ булочниками являются 990 продавцовъ масла, которые продаютъ ежегодно 11,000 тоннъ (въ 2,240 фунтовъ тонна) масла и 13,000 сыру. Съ употребленіемъ хлѣба и масла неразрывно связано употребленіе чаю и сахару; 3,000 чайныхъ и овощныхъ торговцевъ принимаютъ на себя обязанность продовольствоваться имъ ограничивъ эту статью роскоши. Ежегодное потребленіе молока составляетъ 8 милліоновъ галлоновъ, и прокармливаетъ 900 лавочниковъ съ всемѣтнымъ множествомъ валлизскихъ и ирландскихъ молочниковъ и молочницъ. Надо однако же сознаться, что видъ водянистой жидкости, которая продается подъ названіемъ молока, подвергается сильному сомнѣнію вѣрность статистическихъ данныхъ; во всякомъ случаѣ, это одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ промысловъ. Млеко поставляется съ 1,700 боевъ, на которыхъ убивается ежегодно до 1,700,000 быковъ, барановъ, телятъ и свиная. Сверхъ-того, благословенные судьбою потребители съдаютъ на 80,000 фунтовъ стерлинговъ (около 550,000 рублей серебромъ) живности, и даютъ тѣмъ средства пропитанія огромному числу курятниковъ. Болѣе 400 рыбныхъ торговцевъ снабжаютъ столицу рыбою, которой потребленіе въ точности не извѣстно, но по всѣмъ вѣроятностямъ доходитъ до 15,000,000 фунтовъ. Плоды и овощи прокармливаютъ 1,300 торговцевъ, и живность ихъ полагается ежегодно въ 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ (около семи милліоновъ рублей серебромъ). Тысяча винныхъ погребовъ снабжаютъ богатыхъ дорогими винами, и одиннадцать тысячъ кабаковъ снабжаютъ бѣдныхъ опьяняющимъ напѣнкомъ.

Разстолпнн въ Лондонѣ такъ велики и сообщенія такъ раступуты, что всѣ эти поставщики, булочники, мясники, огородники, рыбаки, принуждены разсылать свой товаръ на легкихъ тележкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Whitechapel carts, по имени одной изъ улицъ, ведущихъ имъ западнаго конца Сити. Лондонъ и окрестности его всегда усыяны такими тележками. По достатку в даме нѣкоторой роскоши, съ камнями живуть многие изъ

этихъ мелкихъ торговцевъ, можно бы подумать, что несмотря на невѣроятную дѣятельность, необходимую имъ для поддержанія своей торговли, они часто выступаютъ изъ предѣловъ благоумной бережливости. Но очень ошиблись бы тѣ, которые захотѣли бы судить о прибыльности такой торговли, по видимой ея ограниченности. Есть въ Лондонѣ, напримѣръ, рыбный торговецъ, котораго лавка почти не больше солдатской караулки, и который однако же каждый годъ вноситъ подати съ дохода 500 фунтовъ стерлинговъ (3,400 рублей серебромъ).

Обыкновенно обвиняютъ дамъ въ томъ, что онѣ слишкомъ много занимаютъ нарядами. Мы не имѣемъ оправдывать ихъ отъ этого обвиненія; но не можемъ не замѣтить, что въ Лондонѣ 2,880 портныхъ, и только 1,080 модистокъ. Сверхъ того болѣе 1,400 торговцевъ полотномъ и шелковыми матеріями, 2,100 башмачниковъ и сапожниковъ, и отъ трехъ до четырехъ сотъ шляпочниковъ.

Всѣ эти промыслы значительно усилились въ послѣднее двадцати-лѣтіе; адресъ-календарь 1821 года насчитывалъ только 320 булочниковъ, 380 овошенныхъ лавокъ, 160 рыбныхъ садковъ, 810 винныхъ погребовъ, 880 торговцевъ полотномъ и шелками, столько же башмачниковъ и сапожниковъ и 1,040 портныхъ.

Вслѣдствіе раздѣленія труда, производство одной какой-нибудь вещи проходитъ черезъ руки невѣроятнаго числа людей. Такъ напримѣръ изъ ремесленниковъ, прокармливаемыхъ часовымъ дѣломъ: 9 дѣлаютъ часовыя коробки, 42 — корпусъ; 15 циферблаты, 1 занимается позолоткою часовъ и маятниковъ, нѣсколько эмальеровъ и рѣзчиковъ, 9 граверовъ, 15 дѣлаютъ часовые тормоза, 8 занимаютъ окончательною отдѣлкою (finishers), 4 дѣлаютъ маятники, 23 золотятъ футляры, 12 изготовляютъ стекла и стрѣлки, 24 — занимаются буреніемъ алмазовъ, 5 полируютъ шарниры, 3 мастера изготовляютъ часовые ключи, 4 занимаются продажей отдѣльныхъ частей часовъ, 25 дѣлаютъ решетвиці, 3 дѣлаютъ регуляторы, 3 дѣлаютъ маховыя колеса, 46 изготовляютъ разныхъ родовъ пружины, 11 живутъ выдѣлкою орудій для часовщиковъ, 5 точатъ колеса, и 686 собственно часовщиковъ. Всѣ эти отрасли занимаютъ 968 мастеровъ, изъ которыхъ у каждаго нѣсколько подмастерьевъ и работниковъ на жаловань. Постройка кареты занимаетъ, хотя не такое, но также достаточное число ремесленниковъ. Адресъ-календарь предста-

вляеть длинный списокъ фонарщиковъ, продавцовъ экипажнаго сала, кузовщиковъ, колесниковъ, маляровъ, токарей, столяровъ, басовщиковъ, обойщиковъ, ресорщиковъ, кузнецовъ, слѣсарей, лакировщиковъ, и другихъ; всего 17 ремесль. Кровать проходитъ черезъ восемь или девять ремесль.

Самые ничтожныя съ виду предметы занимають множество рукъ. Такъ напримѣръ, 30 мастеровъ занимаются исключительно приготовленіемъ драпи для штукатурки; 19 фабрикъ дѣлають зажигательныя спички, и держатъ по десяти, по двадцати, и до тридцати работниковъ; 5 мастеровъ клеять коробочки для спичекъ; 17 фабрикъ занимаются теченіемъ каменныхъ и стеклянныхъ бусъ для ожерельевъ; 56 мастеровъ выдѣлываютъ табачныя трубки. Далѣе находимъ 40 чернилныхъ фабрикантовъ, и 18 фабрикантовъ типографскихъ чернилъ; 3 фабриканта типографскихъ бланкетовъ, 14 фабрикантовъ типографскихъ станковъ, и 11 кузнецовъ, занимающихся исключительно типографскою кузнечною работою, 16 простыхъ и 12 стереотипныхъ словолитенъ. Наконецъ 55 болѣе или менѣе знаменитыхъ фабрикантовъ сапожной ваксы, 9 мастеровъ, занимающихся приготовленіемъ на разныя употребленія пузырей, и 16 продавцовъ костей. Торговля льдомъ распространяется съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе; кромѣ кондитеровъ и рыбныхъ торговцевъ, которые издавна присвоили себѣ монополію этой торговли, вывѣ извлекають изъ нея значительную прибыль шесть купцовъ. Каждый годъ посылается флотъ въ Норвегію для снабженія британской столицы льдомъ. Пять мастеровъ занимаются изготовленіемъ ручныхъ ширмъ отъ огня, и девять клеять коробки для разныхъ порошковъ и пилюль, которыхъ Англичане потребляютъ несметное количество. Двѣсти зонтичныхъ мастеровъ свидѣтельствуютъ непостоянство лондонскаго климата, съ которымъ поспорятъ развѣ одинъ петербургскій. Наконецъ находимъ 8 мастеровъ обручальныхъ колецъ, 23 реставратора старыхъ картинъ, 3 наперсточныя фабрики и 4 мастера, занимающіеся исключительно рѣзбою ручекъ и пуговицъ къ самоварамъ и серебрянымъ чайникамъ.

Адресъ-календарь упоминаеть о нѣкоторыхъ промыслахъ, которые невольно вызываютъ улыбку; напримѣръ 2 истребителя клоповъ, изъ которыхъ одинъ хвалится на вывѣскѣ королевскимъ покровительствомъ; далѣе 12 заведеній, изготавливающихъ дѣтскія куклы, и 5 магазиновъ вдовьихъ чепчиковъ.

Лондонскіе продавцы масла украшаютъ окна своихъ лавокъ огромными брюквами, вырѣзанными въ видѣ ананасовъ; а изъ

моркови вырѣзають канареекъ; не знаемъ, много ли мастеровъ занимаются такимъ ребяческимъ дѣломъ, но адресъ-календарь за включаетъ въ себѣ имя одного рѣзчика овощей.

ПУСТЫНЯ. *Изъ воспоминаній Якова Араго.* Собрать съ радостью остатки каравана, возстановивъ сколько можно порядокъ, съ сплани, подкрѣпленными спокойствіемъ и безопасностью, потому что Богу не угодно часто возобновлять подобныя опустошенія, мы направили путь свой къ сѣверу и представляли собою грустное зрѣлище.

Тамъ лежало туловище, уже не страдающее, но поглощенное въ горахъ песку; ближе — множество жертвъ, въ числѣ которыхъ были братья, матери, давные друзья...

Въ это время мы не говорили другъ съ другомъ, а переглядывались угрюмыми отчаянными взорами; ураганъ продолжался шесть часовъ, и мы прошли миль пятнадцать подъ сіяющимъ солнцемъ.

Ночью мы вздохнули свободно. На остатки провизіи мы напустились съ какимъ-то безуміемъ, потомъ подкрѣпительный сонъ позволилъ на нѣсколько мгновеній забыть бѣдствія путешествія.

Пробудившись, мы услышали отдаленное визжанье, глухое рычанье, но я не могъ разглядѣть на горизонтѣ, гдѣ была опасность, потому что мои ходули исчезли во время буря.

Однако насъ не обезпечили ни пантеры, ни тигры, ни львы; они знали, также какъ коршуны, гдѣ могутъ насытиться безопасно.

На разсвѣтѣ легкій туманъ принесъ намъ нѣкоторую свѣжесть; небольшая роса смочила поверхность почвы, и намъ показалось, что мы перешли въ другой климатъ.

Песокъ на дорогѣ—какъ будто въ пустынѣ есть дорога,—показался намъ тверже и не такъ горячъ; птицы порхали болѣе многочисленными стаями и мы узнали наконецъ съ радостью, что вошли въ каменистый поясъ, предшествующій поясу кустовъ и терновнику.

О неожиданная радость! отдохновеніе послѣ всѣхъ утомленій! Пустыня кончилась, намъ не предстоятъ уже ни опасности, ни самуи, ни лютые звѣри, ни жажда.

Горизонтъ суживается, волнуется граціозно, каменистаго поясу нѣтъ въ этой части пустыни. Тамъ видѣются косматыя вершины, куполы цвѣтущей, веселой зелени, подъ которыми насъ ожидаютъ спокойствіе, счастье, забвеніе мукъ.

Посмотрите, какая величественная природа развивается передъ взоромъ! пейзажъ магическій, высокій, безграничный; онъ расширяется, украшаясь на каждомъ шагу новыми богатствами, раздвѣчивается новыми оттѣнками, а за нимъ, въ недалекомъ разстояніи — море, море съ своими свѣтлыми волнами, своимъ гуломъ, парусами, съ своими странствующими вѣтрами.

Видите же, что пустыня не для всѣхъ могила, что есть также награда, утѣшеніе.

О! на этотъ разъ мы благодаримъ небо, положившее предѣлъ нашимъ страданіямъ. Раздаются пѣсни, караванъ идетъ быстро. Среди порывовъ нашего упоенія, одни верблюды важно наклоняютъ головы и какъ-будто упрекаютъ насъ за восторгъ.

И что намъ за дѣло до причудъ этихъ бродягъ, нечувствительныхъ къ спокойной радости неаѣ томительной природы; для насъ однихъ, Господь, въ милосердіи Своемъ, надѣлилъ границы этихъ печальныхъ степей такой могучей, такой свѣжей растительностью.

Мы все идемъ, идемъ, а лѣса отъ насъ убѣгаютъ; намъ кажется, будто мы сейчасъ дотронемся до нихъ рукою, будто слышимъ жужжанье средиземныхъ волнъ, умирающихъ на берегу, будто видимъ, какъ крылатые обитатели этого восхитительнаго убѣжища порхаютъ тамъ и сякъ сквозь листья.... у насъ вѣтъ уже ни голода, ни жажды, все исчезло передъ столь близкимъ счастіемъ.... Еще шагъ — и все пропало: эти свѣтлыя волны, эти веселые обитатели воздуха, эти благовонные лѣса, этотъ восхитительный лепетъ природы, все, рѣшительно все умерло, и мы очутились въ нашей вѣчной пустынѣ, съ нашимъ ужасомъ, нашимъ истощеніемъ и жаждою, которая становится болѣе ѣдкою.

Верблюды были правы, ихъ не обманетъ игра миража; они свыклись съ бѣдствіями и разочарованіями пустыни.

Надо было начинать снова подвергаться новымъ опасностямъ, предвидѣть новыя бѣдствія, а мужество и постоянство исчезали.

Ничто не можетъ быть смертельнѣе разочарованія. Душа и сердце поражены вдругъ, и самые мужественные въ минуту гибели скорѣе взнемогаютъ.

Однако верблюды оживили наши угасшія силы; они по временамъ кричали, и такъ-какъ они оставались безмолвны въ пустынѣ подъ огненнымъ солнцемъ, подъ ѣдкимъ дыханіемъ сарокко, въ присутствіи развивавшейся передъ ними безграничности, мы должны были думать, что новая природа, новые феномены, чи-

стое небо, менѣе суровая атмосфера, спокойствіе, сонъ, безопасность ожидали насъ недалеко.

Въ особенноти сердце мое наполнялось надеждой оттого, что птицы порхали надъ караваномъ, испускали крики и весело возвращались назадъ. Точно такъ Колумбъ, среди океана, не столь опаснаго какъ тотъ, котораго песчаныя волны вздымаютъ самунъ, придавъ бодрость взбунтовавшимся матросамъ, которые хотѣли, постыднымъ отступленіемъ, лишить его безсмертія; точно такъ осмѣлился онъ поклясться имъ честью, что возлѣ нихъ была земля, и что еще одинъ день терпѣнія вознаградитъ ихъ за утомленія и опасности.

Никакая примѣта не потеряна для внимательнаго путешественника, блуждающаго въ пустынѣ. Никакое приключеніе не остается безплоднымъ для мореплавателя, заблудившагося безъ компаса и безъ солнца среди океана.

Здѣсь киты, тюлени, летучія рыбы, албатросы имѣютъ свой языкъ, и когда туманное небо безмолвно, воды говорятъ и руководятъ отважную ладью.

Въ Сахарской пустынѣ, песокъ также имѣетъ свой языкъ, небо свои предсказанія, свои неотмѣнимые приговоры, а когда воздухъ и песокъ молчатъ, дромадеръ начинаетъ говорить и его проворная или тяжелая походка служитъ сигналомъ надежды или отчаянія.

О! теперъ сомнѣваться нельзя, пустыня разстилается за нами, а впереди караванъ дышетъ свободно, ступаетъ по землѣ, на которой высятся твердые хребты, рисуются горы съ своими неровностями, съ своими глубокими долинами, столѣтними лѣсами, благодѣтельными источниками.

Мы входимъ въ жилой міръ, увидимъ людей, запертыя жилища. Тамъ безопасныя убѣжища противъ жгучаго солнца, противъ алчнаго льва и тигра, противъ поглощающаго самуна, противъ свѣдающей жажды.

Вотъ первый кустъ! Боже! какъ онъ красивъ! какъ стволъ его могучъ! какъ зелень нѣжна! какъ запахъ упонтелень!

Колючая крапива при выходѣ изъ пустыни кажется букетомъ жасмину, распускающимся на воздухъ въ испещренномъ цвѣтничкѣ.

Пейзажъ обогащается.... это уже не низенькій кустикъ, гордо поднимающій голову надъ почвой, уже не безсочный и безцвѣтный верескъ, съ трудомъ волочащійся по землѣ, это широкій занавѣсъ оливковыхъ деревьевъ съ искривленными вѣтвями, съ узло-

ватымъ стволомъ; это красивыя пальмы съ волнистыми пучками листьевъ, свѣтлый источникъ, питающій ихъ, бабочка играющая въ грабняхъ, скрывающаяся ящерица, порхающая ласточка.... и лучше всего этого — шумъ, вѣчная музыка міра, шумъ, у котораго своя поэзія, свое упоеніе и безуміе!

Тише! до насъ долетѣлъ крикъ. Верблюды отвѣчали продолжительнымъ блеяніемъ, лошади заржали, караванъ запѣлъ пѣснь веселія: Аллахъ! Аллахъ! Аллахъ!

Мы вступили въ марокское королевство.

Вотъ правильныя строешія, свѣжіе и гладкіе дома, вотъ люди...

За вами слѣдуютъ, спрашиваютъ, сожалеютъ....

Безумные! жалѣть о путешественникахъ, избѣгнувшихъ бѣдствій пустыни! Жалѣть надо только тѣхъ, которые не пробѣгали ея, не изучали ея дикихъ причудъ, не прислушивались къ ея безмолвію, не видѣли ибиса, парящаго на вершинѣ небесъ, или привѣщаго на одной ногѣ на песчапомъ бугрѣ; только тѣхъ надо жалѣть, которые не слышали стону самуна, роковаго гостя внутренней Африки, бича Господня, который наказуетъ безъ милосердія, задушаетъ хрипѣніе и смѣется надъ предсмертной мукой.

Караванъ расположился подъ густымъ лѣсомъ, котораго извилины были знакомы большей части верблюдовъ; я пошелъ въ городъ и представился консулу, который милостиво меня принялъ. На другой день, я поспѣшилъ увидѣться съ дорожными товарищами и пожалъ руку двумъ Арабамъ, съ которыми почти всегда шелъ рядомъ.

Неутомимые, неукротимые, они уѣзжали въ Мекку черезъ нѣсколько дней.

Европа кажется мнѣ очень прозанческой послѣ этихъ великолепныхъ картинъ.

Черезъ два дня, пушечный выстрѣлъ съ гавани возвѣстилъ мнѣ прибытіе европейскаго судна: я поспѣшно отправился за извѣстіями изъ страны, гдѣ оставилъ всѣ свои радости, надежды, семейство, мать.... Едва вышелъ я изъ сырой и низенькой лачужки, которая служила мнѣ убѣжищемъ, какъ меня схватилъ кто-то за воротникъ.

— Стой! закричалъ мнѣ знакомый голосъ, стой!

— Это ты Жанъ-Жанъ, вскричалъ я, бросившись на шею моему храброму матросу, ты здѣсь?

— Я здѣсь, вездѣ, гдѣ вы.

— Откуда пришелъ ты?

— Хорошъ вопросъ. Откуда, изъ пустыни.

— Съ монмъ караваномъ?

— Съ вашими, съ монмъ плп, лучше сказать, ни съ чѣмъ, съ Арабами, съ Неграми, съ самуномъ, съ смерчами, съ оазисомъ, съ миражемъ, со всѣми верблюдами, которые умѣе васъ съ вами.... А! вы думаете, что Жавъ-Жапа можно швырнуть какъ изношенное платье? Нѣтъ, сударь, нѣтъ! Жапъ-Жапъ сказался разъ вашимъ другомъ, вы сказались другомъ его, остальное до васъ не касается; теперь извольте взять мою руку и маршъ.

Я чуть не расплакался при дружескихъ словахъ этого славнаго малаго, котораго преданность была мнѣ такъ драгоценна. Мы продолжали идти рядомъ къ гавани и онъ разсказалъ мнѣ дорогой, какими хитростями, одна-другой деликатнѣе, успѣлъ онъ укрываться отъ глазъ монхъ во время нашего горестнаго путешествія.

— Я не хотѣлъ, говорилъ онъ, увеличить ваши заботы въ этой странѣ тигровъ и песку, по которой ночью таскаются только проклятые, а днемъ сумасшедшіе. Если бы вы немножко занимались мною, вы бы не могли совершенно заняться собой и остались бы на дорогѣ; но не будемъ говорить объ этомъ; вотъ мы въ Мороккѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Европы; какъ вы располагаете?

— Отослать тебя домой и продолжать рыскать по свѣту.

— Во первыхъ, ваша свѣтлость, у меня нѣтъ дома, чѣмъ, впрочемъ, вамъ извѣстно; во вторыхъ если вы до того неблагодарны, что хотите отвязаться отъ меня, я не такъ глупъ, чтобы васъ покинуть; съ вами, я топулъ два раза, былъ съѣденъ одинъ, и думаю, что мнѣ позволено продолжать прежній образъ жизни; меня зарюютъ вполонину въ Европѣ, вполонину въ Америкѣ, я умышляю руки.

— Ну любезный мой, дѣйствительно призываетъ-то меня Америка, но Америка, вовсе не похожая на ту, гдѣ мы уже были, Америка двкая, суровая....

— Это по мнѣ.

— Америка величественная по своимъ каскадамъ и скаламъ, какъ Бразилія по своему солнцу и растительности.

— Это по мнѣ, говорю я вамъ, я проглочу ваши скалы и каскады и васъ самихъ, если вы захотите отослать меня.

— Такъ ѣдемъ же вмѣстѣ, нынче утромъ пріѣхалъ корабль изъ Нью-фаундленда.

— Ёдемъ, хоть на луну, отвѣчалъ онъ, только бы вы были передовымъ.

ПАМЯТНИКЪ ТОМСОНУ Англичане задумали поставить памятникъ знаменитому автору «Время года», Томсону; для этого уже объявлена подписка, въ которой взносы не должны превосходить одной гинеи. Для сооружеія этого памятника выбрано одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Лондона; именно, холмъ на Ричмондской террасѣ, съ котораго видна вся Темза. Вблизи отъ этого мѣста находится извѣстный постольный дворъ «Star and Gaster», гдѣ Томсонъ жилъ въ то время, какъ писалъ свою поэму, и гдѣ донынѣ имя его и квартара, которую онъ занималъ, въ большой чести. Памятникъ будетъ заключаться въ простой колоннѣ, съ простою надписью, во славу Творцу и природѣ, заимствованною изъ тѣхъ же «Время года».

МАДАМЪ РЕКАМЬЕ. Читателямъ нашимъ вѣроятно уже извѣстно, изъ разныхъ газетъ и журналовъ, о смерти мадамъ Рекамье, занимавшей въ свое время такое высокое мѣсто въ парижскомъ обществѣ, по своей красотѣ, по уму и богатству. Не безынтересно будетъ имъ прочесть, что пишетъ о ней въ одномъ парижскомъ журналѣ, одна изъ ея сверстницъ и пріятельницъ, мадамъ Софія Гэ, также извѣстная всѣмъ любителямъ романовъ.

Закрылся послѣдній французскій салонъ, образовавшійся при директоріи, и несмотря на революціи, несмотря на жестокия удары судьбы и даже изгнанія, привлекавшій всѣ знаменитости Франціи. Умолкъ тотъ голосъ, который такъ часто мирилъ партіи, утѣшалъ побѣжденныхъ, внушалъ всѣмъ терпимость. Невозможность, въ настоящее время, открыть подобный салонъ достаточно доказываетъ, какую утрату понесло общество съ смертью мадамъ Рекамье.

Нужно бы пережить страшную эпоху терроризма и приговоры революціоннаго судилища, чтобы вполне достичь то христіанское смиреніе, которое Богу предоставляетъ судъ надъ людскими прегрѣшеніями, несчастіе, болѣе всѣхъ добродѣтелей, научаешь терпимости. Видя столько умныхъ людей, принимающихъ самыя нелѣпыя ученія, столько кроткихъ душъ, дѣлающихся кровожадными, вы невольно молитесь небу, чтобы оно сохранило васъ отъ порчи нравственности, которую это страшное время оставило міру какъ спасительный примѣръ. Люди такъ рады поцѣленію, что охотно стараются забыть источникъ и дѣйствія болѣзани. При-

шлось бы многое простить; они предпочитаютъ забыть, и дѣлаются снисходительны изъ эгоизма. Этимъ объясняется и совершенное равенство, которое послѣдовало во Франціи на одно мгновеніе за низверженіемъ эшафота, и вслѣдствіе котораго чудомъ удѣльшіе остатки одной партіи спокойно водились съ своими палачами. Потребность сообщаться, ласкать другъ друга, судить,— словомъ, потребность забавляться, такъ сильно заговорила во Франціи, что въ это время очень перѣдко случалось видѣть у мадамъ Рекамье Жозефа Шенье, въ дружеской бесѣдѣ съ Матьё де Мюнморанси, Редерера съ Талейраномъ, Дюиса съ графомъ Ларбономъ, Лагарпа съ виконтомъ Сегюромъ. Всѣ, казалось, условившись, задерживать завѣсу надъ прошедшими ужасами; говорили о нихъ, какъ объ изверженіи волкана, о преходящей эпидеміи, и спокойно разсуждали о яковинскомъ неистовствѣ первыхъ патриотовъ.

Все постигать, значило бы все прощать,— сказалъ знаменитый другъ мадамъ Рекамье; и глубокое изрѣченіе его можно приложить къ этой женщинѣ, которая, своею кротостью и добротою, имѣла сильное вліяніе на людей самыхъ различныхъ характеровъ.

Аделаида Жюльетта Берваръ, дочь почтмейстера Бернара, вышла въ 1794 году за банкира Рекамье, пріобрѣвшаго счастливыми спекуляціями огромное богатство. Онъ вполне посвятилъ себя финансовымъ дѣламъ своего отечества; впрочемъ, если онъ былъ очень неромантическій супругъ для такой жены, то не могла она, однако же, выбрать лучшаго руководителя. Преклонныя лѣта и опытъ давали ему возможность предохранить ее отъ обольщеній поклонниковъ, которыхъ не могли не привлечь ея богатство и красота. Онъ нисколько не удалялъ свою жену отъ общества, и тѣмъ сдѣлалъ ее недоступною пошлой лести обыкновенныхъ любезниковъ. Общество людей замѣчательныхъ во всѣхъ родахъ, скоро внушаетъ благоразумное отвращеніе въ самоувѣренной посредственности.

Съ перваго вступленія своего въ свѣтъ, мадамъ Рекамье обратила на себя вниманіе красотою, желаніемъ нравиться, и чрезвычайною скромностью среди своихъ блестящихъ успѣховъ, которую сначала принимали за ограниченность ума. Никто не могъ постичь этого простудшія; притомъ зависть рада была вознаграждать себя за дань, которую она принуждена была платить ея наружности, несправедливымъ приговоромъ ея умственныхъ способностей.

Какъ ни неосновательно предубѣжденіе, однако же его всегда трудно перебороть. По этому считаю себя въ правѣ гордиться тѣмъ, что я первая если не поняла, то указала несправедливость этого сужденія о мадамъ Рекамье.

Однажды вечеромъ собралось у меня нѣсколько знакомыхъ, когда я узнала, что мадамъ Рекамье была не совсѣмъ здорова; я поѣхала къ ней, и просидѣла съ нею такъ долго, что дома замѣтили мое отсутствіе.

— А, вскричалъ старикъ П...., смѣясь, когда я возвратилась не станете ли вы насъ увѣрять, что вы пробыли такъ долго у мадамъ Рекамье, потому что васъ приковала ея бѣсѣда?

— Именно такъ, отвѣчалъ я, вы угадали. Я до-сихъ-поръ не-опомнюсь отъ восхищенія, и отнынѣ рѣшилась идти прямо и смѣло противъ приговора зависти.

Почти всѣ единодушно возсталъ противъ моего мнѣнія, и мнѣ досталось не мало колкихъ замѣчаній за желаніе открыть истину. Мосеѣ де Лоншанъ, авторъ многихъ хорошенькихъ комедій, и между прочимъ знаменитой пьесы «Ma tante Angot», первый присталъ ко мнѣ, и сказалъ, что давно высказалъ бы ту же мысль, если бъ не боялся такого же граду сарказмовъ, какой выдержала я. Увидѣвъ на своей сторонѣ такого умнаго союзника, я принялась спокойно говорить о наблюдательности, о вкусѣ, о тихой веселости и незлобной сатирѣ, составлявшихъ характеристическія черты ума Мадамъ Рекамье; пересказала сужденія ея о нѣкоторыхъ изъ находившихся въ эту минуту у меня лицехъ, которыя никакъ не предполагали, чтобы она могла такъ вѣрно судить ихъ. Мосеѣ де Лоншанъ подтвердилъ всѣ мои слова, а Бенжаменъ Констанъ, слушавшій насъ съ напряженнымъ вниманіемъ, сказалъ:

— Мнѣ доставляетъ столько удовольствія смотрѣть на нее каждый день, что мнѣ и въ голову не приходило слушать ее; впредь вспомню это.

Извѣстно, что это стоило ему спокойствія души.

Съ какимъ мужествомъ переносила она горести, съ какимъ самоотверженіемъ готова была служить друзьямъ! Такая благородная душа всегда сопровождается замѣчательнымъ умомъ. Притомъ, мадамъ Рекамье не могла бы паходить такое удовольствіе въ обществѣ великихъ людей, если бъ не была въ состояніи понимать ихъ.

Когда несчастія и потери заставили ее вести болѣе уединенную жизнь, она посвятила все свое время друзьямъ. Никогда не за-

буду, съ какою радостью ѣхала она въ Коппё, къ мадамъ Стаэль, только-что подвергшейся изгнанію. За день передъ тѣмъ, министръ полиціи, Фушэ, навѣстилъ ее и предупредилъ, что если она не откажется отъ своего намѣренія, ей нельзя будетъ ни возвратиться въ Парижъ, ни оставаться въ Коппё. Она отвѣчала только: — «Неужели императоръ ставеть заботиться о томъ, въ Парижѣ ли я, или въ Коппё? Правда, что многіе герои имѣли слабость любить женщинъ, но Наполеонъ будетъ первымъ, который бонется ихъ». — И она поѣхала; вотъ чтò пишетъ о ней по этому случаю мадамъ Стаэль въ «Dix années d'exil».

«Въ этомъ состояніи получила я письмо отъ мадамъ Рекамье, этой всѣми обожаемой женщины, передъ которою преклоняется вся Европа, и которая никогда не оставляла друга въ нуждѣ... Я боялась, чтобы ее не постигла участь Монморанси, и послала нарочнаго ей на встрѣчу, просить ее не ѣхать въ Коппё. Но она не хотѣла слышать моихъ убѣжденій, и вскорѣ пріѣхала въ замокъ, гдѣ появленіе ея было настоящимъ праздникомъ. На слѣдующій день она хотѣла уѣхать, но уже было поздно; ее постигло также изгнаніе. Потери, которыя она повесела въ своемъ богатствѣ, дѣлали ей это изгнаніе еще болѣе тягостнымъ. Такъ провела она нѣсколько мѣсяцевъ, вдали отъ своихъ друзей, въ провинціальномъ городишкѣ, и въ самомъ однообразномъ, самомъ скучномъ одиночествѣ. Такъ была я дорога первой женщиной своего вѣка! — Этихъ немногихъ строкъ было бы достаточно для славы женщины; а если послушать сужденіе о ней Шатобриана, то она каждому представеть какъ свѣтлая звѣзда послѣ бури.

Послѣ такихъ отзывовъ, я должна бы молчать; и въ-самомъ-дѣлѣ не найду я словъ, чтобы высказать ея величіе. Но стараюсь только показать пустоту, которую оставило въ высшемъ обществѣ закрытіе ея салона. Она одна могла всѣхъ ограждать; она одна была предметомъ благоговѣнія для всѣхъ, вельможъ и художниковъ, героевъ и актеровъ; она одна имѣла власть соединять ихъ, никого не оскорбляя. Какъ ни различны были мнѣнія, она всегда умѣла держать сужденія въ предѣлахъ умѣренности и снисходительности, позволявшихъ отдавать справедливость каждой заслугѣ. У нея политикъ спорилъ безъ лицепріятія, брюзга старался угождать и воздерживался отъ оскорбленія. И это очень похвально: тамъ, гдѣ есть неоспоримый авторитетъ, самолюбіе умокаетъ, а въ обществѣ мадамъ Рекамье всегда находились такіе авторитеты, какъ Камилъ Журданъ, Шатобрианъ, мадамъ Стаэль;

лордъ Байронъ и другіе. Каждый входилъ къ ней какъ во святилище, и готовъ былъ поклоняться тому, кому въ немъ поклонялись, въ увѣренности, что это не смѣшное и не незаслуженное поклоненіе.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвело послѣднее чтеніе Записокъ автора «Аталы». Это было величественное зрѣлище; всѣ были растроганы до глубины души послѣдними звуками этого торжественнаго голоса, потрясены исповѣдью умирающаго гения. Глядя на кроткія черты и добродушную улыбку хозяйки, нельзя было не воскликнуть словами графа Эстурмелл, познакомившагося съ нею въ Римѣ: — «Если бы я увидѣлъ васъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ впадаетъ въ ребячество, вы вскружили бы мнѣ голову. Къ счастью, я еще только вступаю въ старость; это спасло меня».

Въ полномъ души взглядѣ мадамъ Рекамье, казалось, можно было читать ея очаровательное добродушіе; въ повелительномъ взглядѣ Шатобріана — вліяніе его на свой вѣкъ; оба были соединены узами самой чистой дружбы. Мадамъ Рекамье умѣла и болѣе юнымъ своимъ знакомымъ внушить особое благоговѣніе къ этой благородной дружбѣ; каждый изъ нихъ горѣлъ восторгомъ къ Шатобріану, подчинялся его высокому уму. Изъ этихъ дружескихъ литературныхъ бесѣдъ родилось не одно замѣчательное сочиненіе, какъ это могутъ засвидѣтельствовать господа Анперъ, де-Сенпри и де-Ноаль.

Можно бы привести здѣсь слова каждаго изъ знаменитыхъ писателей, окружавшихъ ее съ самой ея юности, чтобы составить образъ ея, который должно сохранить потомство. Кто не помнитъ, какъ Лагарпъ представлялъ этотъ прекрасный характеръ, правда, со свойственнымъ ему педантствомъ, но все-таки какъ одно изъ прекраснѣйшихъ явленій своего времени.

Вотъ что отвѣчалъ Непомусень Лемерсье клеветникамъ прелестной Жульеты: — «Повѣрите, что милліонерка, которая возбуждаегъ всеобщее удивленіе, надѣвъ платочекъ въ тридцать су, будетъ умнѣе васъ всѣхъ».

Балланшъ, когда метафизики поздравляли его съ «Антигоною», въ которой онъ такъ прекрасно замѣнилъ древній рокъ христіанскимъ примиреніемъ, отвѣчалъ, указывая на мадамъ Рекамье: — «Это только слабая копія съ живаго оригинала».

Вотъ, наконецъ, примѣчаніе изъ «Коринны»: — «Танцованіе мадамъ Рекамье, говоритъ мадамъ Стаэль, подало мнѣ мысль къ тому, что я пыталась нарисовать. Эта женщина, столь знаменитая своею

красотою и своимъ умомъ, являетъ въ несчастіи примѣръ трогательной покорности, и такого забвенія себя самой, что прекрасныя свойства ея души дѣлаются каждому также явственны, какъ и наружная ея красота.

Что еще скажу я послѣ этого? буду ли говорить о благочестіи ея въ послѣдніе годы ея жизни? о мужествѣ ея, когда, слѣпая, чувствовала она, какъ другъ ея отходилъ на ея рукахъ? Истинно прекрасная была бы задача: изобразить эту женщину, которую Богъ избралъ среди блеску ея юношескихъ успѣховъ, чтобы облегчить предсмертную борьбу самаго краснорѣчиваго Его пѣвца, и которая смертию его разрѣшилась отъ узъ земнаго бытія, и отлетѣла къ тому духу, съ которымъ она встрѣтилась на мгновеніе на землѣ, чтобы полюбить другъ друга!... Но прослезившійся глазъ видитъ только ея грустную сторону.

судья. Разсказъ Жюль-Жанена. Оставимъ старый свѣтъ, перешливымъ море, отправимся подъ чистое небо на берега Красной рѣки, въ Сѣверную Америку; посѣтимъ роскошныя луга юго-западной Америки, прекрасную и обширную траву, окруженную первобытными лѣсами, наполненную цвѣтами, которые сверкаютъ въ травѣ какъ рубины, растерянные царицею ночей, а надъ всѣмъ этимъ блещетъ яркое солнце, подлѣ котораго европейское солнце показалось бы тусклымъ фонаремъ. Но я боюсь заблудиться въ этомъ океанѣ зелени и цвѣтовъ. Лучше отправимся просто на берега Красной рѣки.

Не хотите ли пойти со мною въ небольшой городокъ Адей, лежащій по теченію Красной рѣки. Адей переходилъ попеременно то къ Испанцамъ, то къ Французамъ и, наконецъ, послѣ долгихъ и кровопролитныхъ распрей, достался Испанцамъ; туда переселился не одинъ Европейецъ-острякъ, для того, чтобы промѣнять свои шелковые штаны на кожаные, и городскіе нравы на лѣсные. Пойдемте вѣстѣ въ Адей; тамъ мы найдемъ людей добрыхъ, простыхъ, гостеприимныхъ, невѣжественныхъ, богомольныхъ, въ особенности чрезвычайно честныхъ, вислоколю не думающихъ о чужомъ добрѣ. Только берегите свои часы, если они вамъ дороги, берегите и хлыстикъ, если только онъ съ серебрянымъ набалдашникомъ.

О, нравы истинно патріархальныя и первобытныя!

Здѣсь старая Европа превратилась въ молоденькую дѣвушку, и играетъ свою роль какъ только умѣетъ лучше. О, нарумяненная

невинность! подкрашенная простота! честность, нуждающаяся въ замкѣ!

Когда проѣдете этотъ испанскій городокъ, съ его домами, вымазанными глинаю и низенькими воротами, у которыхъ лѣтние жители безпечно наслаждаются свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, съ его полуразрушенными стѣнами и старыми пнями, понинѣ свидѣтельствующими о срубленномъ лѣсѣ, тогда тотчасъ передъ вами явится церковь, маленькая, ветхая церковь, повѣрьте мнѣ на слово. Эта церковь уже памятникъ. Подойдите поближе и увидите морщины на камняхъ; вѣтеръ стонетъ между сводами; на дверяхъ старинная рѣзьба, на оградѣ свои преданія.

По причинѣ этого собора, городъ Адей тоже имѣетъ свои среднѣе вѣки не хуже другихъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ городовъ. Въ городѣ Адей есть свои развалины и свои антикваріи. Но истиннѣ, что за счастье достается въ удѣлъ тому, кто можетъ обметать пыль цѣлыхъ вѣковъ съ обломковъ когда-то бывшихъ памятниковъ! По поводу своей церкви, городъ Адей скоро будетъ имѣть свое общество антикваріевъ для описанія его, пойдетъ свой и Вальтеръ-Скоттъ для романовъ. И что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ этотъ храмъ не прожилъ цѣлый вѣкъ жизни! Цѣлый вѣкъ — для Америки это очень много; въ повомъ свѣтѣ рано достигаютъ древности.

Разсмотрите, сдѣлайте милость, со вниманіемъ эту церковь; она почти четырехугольная и по праву заслуживаетъ названіе собора.

Эта церковь принадлежитъ почтенному пастору Бальтазару Поло, человѣколюбивому, христіанину. Любовь привела его сквозь тысячи опасностей въ Новую Мехику. Богу угодно было вручить его пастырскому попеченію тѣла и души адейскихъ жителей. Благонамѣренныхъ мужчинъ онъ училъ читать, съ дѣтми твердилъ «Отче нашъ», старухъ вылечивалъ отъ желтой лихорадки; съ молодыми людьми шутилъ, задавалъ загадки, передавалъ европейскія игры, которыя вмѣстѣ съ дынными и подсолнечными съмѣчками пересадилъ на новую почву. Словомъ, отецъ Бальтазаръ Поло, былъ всѣмъ для города: священникомъ, учителемъ и лѣкаремъ. Да! онъ займетъ первое мѣсто въ исторіи этого города, если только на долю его выпадетъ имѣть когда-нибудь свою исторію.

Это былъ превосходный человѣкъ, вполне обладавшій спокойною совѣстью, простодушнымъ лицомъ — паружностью безукоризненною и незапятнанною; только на правомъ глазу у него было бѣльмо.

А этотъ глазъ былъ лучшей изъ двухъ въ тѣ времена, когда оба были цѣлы: онъ лишился другаго въ несчастной ссорѣ съ гордымъ Кастильцемъ, которому наступилъ на ногу; тотъ отпистилъ за себя ударомъ въ глазъ; съ-тѣхъ-поръ зрѣніе почтеннѣйшаго отца слабо и неясно: самый свѣтлый день все для него казался утреннимъ разсвѣтомъ или слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ луны, восходящей между деревьевъ.

Онъ былъ очень добръ и доброжелателенъ, человѣколюбивъ и благонамѣренъ; но благотворительность его была слѣпа: онъ дѣлалъ добро когда и какъ могъ.

Говорилъ ли онъ Негру, Негръ его слушалъ; говорилъ ли бѣлому — бѣлый его слушалъ, что бы онъ ни говорилъ. Всѣ столько же уважали ученость отца Поло, сколько были признательны къ его благодѣяніямъ.

Однако возвратимся къ нашему древнему храму. Въ то время, о которомъ я говорю, самую хорошенькою дѣвушкою въ Адеѣ, — а нужно сказать, тамъ было очень много хорошихъ, — по даже по мѣтвѣю всѣхъ жепщипъ, самую хорошенькою была Тереза Пакаръ, дочь Француза, женившася въ этой деревнѣ на Испанкѣ. Тереза была граціозна, какъ Француженка, обладала живостью Испанки, бѣлизною Парижанки и черными продолговатыми глазами Андалужанки. Тереза говорила по-французски съ испанскимъ произношеніемъ: это былъ чудный языкъ, сопровождаемый такимъ же взглядомъ. Тереза осталась спротою въ шестнадцать лѣтъ, безъ всякаго состоянія и безъ убѣжища, если бъ не пріютили ее нѣкоторые друзья въ своемъ домѣ.

Не далеко отъ деревни жилъ молодой челоуѣкъ, сынъ Испанца и Француженки. Онъ былъ также прекраснымъ произведеніемъ этого смѣшенія двухъ племенъ и ходилъ болѣе на Испанца нежели на Француза, какъ Тереза походила болѣе на Француженку нежели на Испанку. Герой нашъ, наскучивъ стеречь стада въ обширныхъ и открытыхъ Авофельскихъ равнинахъ, переселился по близости къ Адеѣ; купилъ нѣсколько десятинъ земли и достигнувъ, такимъ образомъ, до суроваго званія владѣльца, онъ съ старпомъ отцомъ и цѣлою арміею сестеръ, жилъ въ домикѣ, который выстроилъ своими руками. Ришару Альваресу былъ двадцатый годъ, и онъ слылъ однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ во всемъ округѣ, несмотря на свой сельскій костюмъ, состоявшій изъ кожаной фуфайки и коротенькаго камзола. Волосы у него были бѣлокурые, какъ у Нормандца, потому что мать его была

Норманка: свѣжій и живой цвѣтъ лица выражалъ всѣ страсти, волновавшія его; маленькая голова покоилась на сильныхъ плечахъ; осанка была благородная, языкъ чистосердечный, и на концѣ обѣихъ рукъ красовались два широкіе тевтонскіе кулака. Его сравнили бы непременно съ Геркулесомъ и Адонисомъ, если бы только Геркулесъ и Адонисъ были извѣстны въ той сторонѣ.

Видно, Богу было угодно, чтобы Альваресъ встрѣтилъ Терезу, отправляясь въ свое живописное жилище.

Альваресъ увидѣлъ Терезу и полюбилъ ее. Тереза опустила глаза передъ огненнымъ взглядомъ Альвареса; она сперва покраснѣла, потомъ вся поблѣднѣла: и онъ также передъ опущенными глазами Терезы весь покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ. Въ концѣ мѣсяца, молодая дѣвушка въ одно воскресенье пришла посоветоваться съ Бальтазаромъ Поло.

Почтенный Бальтазаръ! Онъ тотчасъ же замѣтилъ, что молодая дѣвушка покраснѣла. Такъ, дитя мое, сказалъ добрый пасторъ, я тебя понимаю. Правда, молодой человѣкъ не богатъ, а ты очень бѣдна, но вы оба честны и трудолюбивы; вы любите другъ друга, я знаю это, Тереза: конечно я не помѣшаю вашему счастью!

Въ то же время, и клонясь къ той же цѣли — браку, шла маленькими шагами другая любовь, можетъ-быть не столько вѣжная, но зато болѣе благоразумная и почтенная, любовь между женою и невѣстою зрѣлыхъ лѣтъ. Въ богатой и роскошной плантаціи, впродолженіи осьмнадцати лѣтъ, жила мадамъ Лабедойеръ, бездѣтная, сорокалѣтняя вдова богатаго плантатора. Она была родомъ Англо-американка. Лабедойеръ встрѣтилъ ее въ одномъ изъ за-атлантическихъ городовъ; она была бѣдна, горда и хороша; онъ перевезъ ее на берега Красной рѣки, для того, чтобы она управляла имъ и его хозяйствомъ, въ то время, когда онъ управлялъ своими Неграми. Послѣ медоваго мѣсяца, честный плантаторъ увидѣлъ, что жена его разыгрывала роль женохозяйки гораздо лучше, нежели онъ надѣялся. Послѣ десяти лѣтъ супружества, онъ сдѣлался по прежнему свободенъ, или сказать проще, онъ умеръ самымъ покорнымъ и исправнымъ супругомъ. Единственная наследница обширныхъ владѣній мужа, мадамъ Лабедойеръ осемь лѣтъ вдовствовала въ одиночествѣ. Двадцать лѣтъ нѣсколько измѣнили ее. Задумчивость молодой дѣвушки замѣнилась повелительнымъ видомъ богатой помѣщицы. Свѣжее семнадцатилѣтнее личико обратилось въ четырехугольное лицо, рѣзко очерченное черными бровями и небольшими черными усами; на немъ свѣтились черные глаза, не умѣвшіе болѣе поту-

платья. Все остальное было сообразно: талія сифиды обратилась въ дебелость хлопотливой хозяйки, величественная поступь барыни далеко отбросила живость движеній и веселость прежнихъ лѣтъ. Этой богатой и такъ преобразованной барынѣ пришла въ голову мысль, — не знаю, отъ праздности ли, или отъ скуки одиночества, — во только вздумала она женить на себѣ старого и богатаго Француза, прозябавшаго за двѣ или за три мли отъ ея жилища, одною только милей дальше дома молодаго Ршара съ его семействомъ. Дюлакъ, богатый Французъ, былъ маленькій чело-вѣкъ, лѣтъ шестидесяти, упитанный ипохондріею до костей, раздражительный до чрезвычайности. Лице его было желтое и все въ морщинахъ. Пожалуй, его можно бы сравнить съ яблокомъ, пролежавшимъ мѣсяца два послѣ осени, если бы не его отвислая губа и недовольная улыбка вѣчноскупающаго чело-вѣка; впрочемъ, онъ всегда молчалъ, спалъ и былъ печаленъ. Только самая жестокая скука могла заставить мадамъ Лабедойеръ соединиться неразрывными узами втораго брака съ подобнымъ чело-вѣкомъ; но вѣчно бранить слугъ, всякій вечеръ видѣть ярмо покойнаго мужа не занятымъ, бесполезную мебель, о! это было слишкомъ жестоко для почтенной вдовы. Ей казалось и великодушнымъ и прекраснымъ дѣломъ усмирить такого звѣря, каковъ былъ Дюлакъ. Она стала чрезвычайно учтива и внимательна къ сморщенному господину, показывала необыкновенную предупредительность, посылала ему разныя лакомства, говорила съ нимъ фистулою и стала брить его. Даже взглядъ ея отъ долгаго упражненія и внимательности сдѣлался кроткимъ и лѣстливымъ, и принялъ магнетическое, обворожительное выраженіе, которое получаетъ кошка, когда хочетъ схватить добычу; въ особенности это ей очень удалось.

Старикъ Дюлакъ сталъ призадумываться, сталъ самъ себя спрашивать — каковъ эгоистъ? внимательность, угодливость, предупредительность такой прекрасной, такой кроткой вдовушки, не будутъ ли для него полезны при увеличивающихся немощахъ старости? Дѣло зашло такъ далеко, что Дюлакъ заучилъ нѣсколько любезностей и проговорилъ ихъ одну за другою, не очень кривляясь. Лабедойеръ также торопилась какъ и онъ, и потому послѣ нѣсколькихъ минутъ замѣшательства и очень натуральной стыдливости, вдова согласилась соединить свое сердце и своихъ невольниковъ съ сердцемъ и невольниками Дюлака. Вотъ какъ почтенная чета и пара молодыхъ любовниковъ, встрѣ-

тились въ самыхъ сердечныхъ желаніяхъ на одномъ пути, и каждая изъ нихъ съ своей стороны думала, какъ бы соединиться законнымъ бракомъ. Балтазаръ Поло былъ призванъ для освященія обѣтовъ четырехъ супруговъ. Любовь обѣихъ паръ началась осенью; холодный январь уже кончился; въ февралѣ полились страшные дожди и такіе потоки разлились по дорогамъ, что, конечно, любовь была слишкомъ велика, если думали о супружествѣ до наступленія хорошаго времени. Наконецъ мрачные февральскіе дожди прекратились, и небо освѣтилось веселымъ мартовскимъ солнцемъ. Чудный мѣсяць мартъ въ Америкѣ, не то что у насъ въ Европѣ. Съ мартомъ приходятъ прекрасные дни, теплый, свѣжій вѣтерокъ, поля покрываются травой, деревья зеленыю; нигдѣ весна не бываетъ такъ роскошна и полна жизни какъ въ Лузіанѣ! Не правда ли, всѣ эти прелести стоятъ быть искушены нѣсколькими тучами, которыя разражаются дождемъ, нѣсколькими грозами и молніей бороздящей небо, и громами раздающимся въ горахъ.

И такъ наступили первые вѣтерки, показались первые цвѣты вишнѣ съ самыми страшными мартовскими грозами. Плянтаторы вѣбрили уже землѣ сѣмена хлопчатой бумаги и маиса. Вечеромъ равнины наполнялись летучими огоньками, какъ будто безтѣлесными бабочками съ лазоревыми крылышками. Кизилевыя деревья свободно разстилали свои серебристыя листья; канадскій багрянникъ съ альпий головками пробивался сквозь пелену зимы, черемуха, жасмины и тысячи различныхъ цвѣтовъ американской весны, повсюду разливали благоуханіе и яркими цвѣтами покрывали горы, мураву, вершины деревьевъ, вездѣ, гдѣ течетъ вода, вездѣ, гдѣ высится дубъ, вездѣ, гдѣ поютъ птицы. Весна, время новыхъ плавовъ, новыхъ надеждъ; настоящее время для всего живаго на землѣ и въ-особенности для человѣка, разумѣется, благоразумнаго, очищать свои жилища и выбирать себѣ подругу жизни: весною старикъ на краю могилы дѣлаетъ шагъ назадъ и свѣтлымъ взглядомъзираетъ на небо. Старикъ, дождись солнышка, открой свою сѣдую голову, свою грудь и глаза, и душу и всѣ чувства тѣла и души для другой жизни, которая нисходитъ къ тебѣ съ неба на крыльяхъ зефира!

Но возвратимся къ нашимъ влюбленнымъ. Чѣмъ солнце поднималось выше, тѣмъ Дюлакъ дѣлался нѣжнѣе; взоръ его оживлялся при видѣ зловъ зеленѣющихъ лѣсовъ; онъ съ восторгомъ ждалъ дня своей свадьбы и торопился какъ настоящій Французъ стариннаго двора. «Ахъ, милая, говорилъ старикъ дрожа

щимъ и слабымъ голосомъ: «оспѣвшимъ насладиться прекрасной весною, будемъ рвать цвѣты прежде нежели они завянутъ», и тому подобныя вѣжности. Прекрасная вдова не могла противиться такимъ желаніямъ, такимъ объясненіямъ; при второмъ ливнѣ марта и краснорѣчія Дюлака — она поколебалась, и согласилась не откладывать благополучія своего будущаго супруга и отправиться съ нимъ къ алтарю.

Ришаръ Алварезъ, съ своей стороны, хотъ не такими французскими выраженіями, но не менѣе страстными и также не безъ усѣха торопилъ и упрямилъ пригожую Терезу не откладывать болѣе свадьбы. Ктому же, масляница приближалась къ концу и оставалось не болѣе двухъ, трехъ дней до поста. Нужно спѣшить; любовники согласились немедленно обвѣнчаться, и именно послѣ-завтра, за двадцать-четыре часа до поста. Такъ было рѣшено въ домѣ Дюлака и мадамъ Лабедойеръ, такъ было рѣшено и въ сердцахъ Ришара и Терезы, въ тѣни лѣсу. Не зная другъ друга, обвѣ четы назначили одинъ день и часъ для своей свадьбы.

Въ этотъ самый день всѣ холостяки прихода, старые и молодые, умные и безумные, какъ-будто нарочно сговорились назначить этотъ же день для своей свадьбы. Не сочтешь сколько паръ, различныхъ націй, лѣтъ и цвѣта кожи, явилось въ адейскую церковь для полученія брачнаго благословенія отъ почтеннаго Балтазара Пело; еще до-сихъ-поръ этотъ годъ называютъ въ томъ приходѣ «свадебнымъ годомъ».

— Знаешь ли, Ришаръ, говорила Тереза своему возлюбленному, отецъ Пело обвѣщалъ вѣнчать завтра съ полудня и послѣ-завтра съ четырехъ часовъ утра и перевѣнчать всѣхъ, кто придетъ въ церковь? Какъ непріятно вѣнчаться при всѣхъ! всѣ будутъ на насъ смотрѣть! Чтд если бы намъ перевѣнчаться послѣ-завтра, первымъ, какъ можно раньше? Пускай другіе вѣнчаются при ясномъ днѣ; если мы придемъ съ другими до разсвѣта, кто насъ увидитъ? А если и увидятъ насъ такіе же новобрачные, чтд могутъ они сказать? Будемъ же вѣнчаться, Ришаръ, послѣ-завтра въ четыре часа. Молодому человѣку оставалось, только покориться такимъ прекраснымъ разсужденіямъ, и онъ тотчасъ же отправился домой приготовить все къ свадьбѣ.

Одно только слѣдуетъ замѣтить, что у своерправной и дерзкой мадамъ Лабедойеръ былъ такой же капризъ, какъ у молодой и робкой дѣвушки. Она настояла на томъ, чтобы не вѣнчаться днемъ при всѣхъ, а въ четыре часа утра наканунѣ поста. Напрасно милый и вѣжный женихъ призывалъ на по-

мощь всю свою твердость и дерзость, чтобы побѣдить преду-
бѣжденье будущей супруги отъ торжественнаго вѣнчальнаго об-
ряда: невѣста объявила, что не хочетъ этого, и если бракъ не
совершится въ назначенный часъ, то надобно будетъ отложить
его еще на сорокъ дней. Дюлакъ принужденъ былъ отказаться
отъ свадебной церемоніи. Между нами сказать, мадамъ Лабед-
дѣйеръ разсматривая морщины своего жениха, его кисло-слад-
кую улыбку, тѣло, дрожащее на исхудалыхъ отъ старости но-
гахъ, рада была вѣнчаться въ утренніе сумерки и избѣгнуть лю-
бопытныхъ взглядовъ и злыхъ насмѣшекъ.

Наконецъ наступилъ послѣдній день; въ три часа утра двери
церкви отворились. Почтенный Бальтазаръ Поло, вѣнчавшій весь
предыдущій день, былъ уже на своемъ мѣстѣ. Церковь наполни-
лась будущими супругами и ихъ друзьями; одна чета смѣнялась
другою; это зрѣлище казалось очень разнообразнымъ и строй-
нымъ, при свѣтѣ факеловъ, дрожавшихъ въ рукахъ Негровъ. При-
шелъ молодой Испанецъ съ своей невѣстой; женихъ въ корот-
комъ плащѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, съ подозритель-
нымъ лицомъ, на которомъ испанскія черты смахивали на физио-
номію туземцевъ; съ холоднымъ разсѣяннымъ видомъ онъ велъ
молодую невѣсту, которой лицо хотя болѣе круглое и спокойное,
но такое же смуглое, было въ половину закрыто вышитой ман-
тилей. Подъ мантилей на лбу видѣлся букетъ живыхъ цвѣ-
товъ, которые она сама нарвала утромъ. Потомъ пришла Фран-
цузенка, съ улыбкою на устахъ, розовыми щеками, искусствен-
ными цвѣтами въ волосахъ; отъ нея вѣяло заморскими благово-
ніями. Она легко опиралась на напудреннаго мужичку въ каф-
танѣ небесно голубаго цвѣта, въ шляпѣ, съ носомъ, вздернутымъ
къверху, что достаточно обнаруживало Француза. Въ осталь-
ныхъ новобрачныхъ можно было замѣтить странную смѣсь ко-
стюмовъ и физиономій, показывавшую смѣшеніе племенъ. Впро-
чемъ, почти всѣ молодые были закутаны въ широкіе темные
плащи, защищаясь отъ суровой погоды. Въ самомъ дѣлѣ небо,
еще наканунѣ голубое и ясное, вдругъ покрылось густыми и гроз-
ными тучами; мартъ перешелъ отъ улыбки къ слезамъ, отъ ра-
дости къ гнѣву. Мартъ — избалованное дитя весны, которому на-
передъ все прощается за зеленѣющее дерево, за разцвѣтающій
цвѣтокъ или за солнечный лучъ, проскользнувшій съ неба.

Четырнадцать паръ стояло на колѣнахъ въ два ряда; по одну
сторону мужчины, по другую женщины, такъ что между ними
свободно могъ проходить пасторъ, чтобы благословить ихъ на

вѣчный союзъ. Позади каждаго новобрачнаго стояли его родные и друзья, готовые тотчасъ же принять молодую послѣ вѣнчальнаго обряда и съ торжествомъ вестн ее въ жилище мужа. Въ церкви было темно, трапезная едва освѣщалась двумя восковыми свѣчами, поставленными на жертвенникѣ; тѣни перепрыгивали вокругъ этого таинственнаго свѣтъ и страшно удлинились. Въ воздухѣ все предвѣщало грозу. Съ приближеніемъ дня, небо дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе, вѣтеръ съ свирѣпостью кружился вокругъ святаго зданія и съ силою врывался въ полуотворенную дверь; тусклый и неясный свѣтъ отъ свѣчей колебался, исчезалъ и снова появлялся, утомляя взоры присутствующихъ. Стекла страшно звенѣли отъ вѣтра: тамъ буря бываетъ грозная и разрушающая; съ вихремъ она увоситъ города и разбиваетъ камни какъ и человѣка. Буря въ Новомъ Свѣтѣ то же, что паровозъ нашихъ временъ: неумолимъ, лишь только попадетесь подъ него. Можете представить двойной ужасъ и внутри и внѣ церкви. Лошади, привязанныя къ деревьямъ или удерживаемыя за узду Неграми, чувствуя грозу, били ногами, рвались, ржали отъ перепанія и закусывали свои широкія испанскія удила. Въ этихъ двойныхъ обстоятельствахъ ночи и бури, отецъ Поло увидѣлъ или, лучше сказать, ему далъ замѣтить, что надобно поторопиться. И онъ поспѣшилъ пройти между супругами, ускоряя шаги, и благословенія; достойный пасторъ едва успѣвалъ надѣвать брачныя кольца на протянутые къ нему пальцы. Надѣвъ кольцо, Бальтазаръ Поло вручалъ молодую супругу друзьямъ мужа, которые, закутавъ ее въ плащъ, спѣшили отвести къ мужу до бури. Все это дѣлалось скорѣе, чѣмъ рассказываетъ, а буря все гремѣла и гремѣла. Съ каждымъ шагомъ добраго пастора сверкала молнія на небѣ, и молодая супруга исчезала изъ церкви; молнія скрывалась въ тучѣ, молодая садилась на лошадь, а Бальтазаръ Поло благословлялъ другую чету.

Въ этомъ поспѣшномъ обрядѣ, столь умпительномъ въ дѣйствительности и шумномъ по наружности, Дюлакъ и Ришаръ Альваресъ рядомъ стояли на колѣвахъ; напротивъ Дюлака и Ришара стояли мадамъ Лабедейеръ и Тереза Пакаръ, обѣ дрожащія, одна отъ страха, другая отъ любви; на обѣихъ накинуты были плащи; обѣ протянули руки къ брачному кольцу и обѣ наклонили головы для принятія брачнаго благословенія! Бальтазаръ Поло скорыми шагами подошелъ къ обѣимъ четамъ. Въ эту минуту онъ видѣлъ менше нежели когда-нибудь: но четырнадцать свадебъ, во шумъ бури, множество свѣчей, различное положеніе новобрачныхъ и, како

ночь — что жь дѣлать? — видно чему ужь быть, того не ищешь, — съ смущеннымъ сердцемъ и душевнымъ разстройствомъ, почтенный пасторъ надѣлъ на палецъ херсонской Терезы кольцо стараго, сухаго Дюлака, а мадамъ Лабедойеръ отдавъ кольцо прекраснаго Ришара, и, для довершенія обряда, вручилъ Терезу друзьямъ Дюлака, а мадамъ Лабедойеръ передала друзьямъ Ришара. Въ эту минуту, страшный порывъ вѣтра потушилъ свѣтъ; въ церкви стало темно, и честный Поло на колѣнахъ благодарилъ Бога за всѣхъ, которыхъ онъ сдѣлалъ счастливѣе.

Спѣшатъ подать лошадей; родные Ришара, находя свою вѣшу немного тяжеловатой, сажаютъ мадамъ Лабедойеръ на красивую лошадку съ скорымъ и вѣрнымъ шагомъ, которую молодой человекъ подарилъ своей няней Терезѣ, а она въ то же время садилась на маленькаго покойнаго иноходца, парочко купленнаго Дюлакомъ для вдовушки; и вотъ наши новобрачныя отправились одна рысью, другая — шагомъ; величавая мадамъ Лабедойеръ, въ сопровожденіи веселой, проворной молодежи; за рѣзвой же Терезой медленно тянулись важные плантаторы и три или четыре особы, пожилыхъ лѣтъ, ѣхавшія рысью. А буря все шумитъ.

Молнія сверкаетъ, деревья стонуть, лошади съ своими вошами ускоряютъ шаги, всѣ закутываются какъ можно лучше въ свои плащи. Мадамъ Лабедойеръ держится за гриву лошади. Тереза Пакаръ проклинаетъ медленность своей: все служить къ продолженію взаимной ошибки супруговъ.

Тереза пріѣхала съ своимъ поѣздомъ въ ту минуту, когда первая дождевая капля упала на вѣтви дерева. При слабомъ разсвѣтѣ Тереза могла бы замѣтить, что довольно значительное строеніе нисколько не согласовалось съ ея понятіемъ о хижинѣ Ришара; уставленное деревьями и цвѣтами, которые сгибались отъ вѣтра, оно скорѣе показывало богатый домъ, нежели хижину. Все это не поразило ея: ей нѣкогда было предаваться размышленіямъ. Когда она подѣхала къ галереѣ, толпа Негровъ бросилась ей навстрѣчу съ различными кривляньями въ честь своей новой госпожи. Одинъ снималъ съ нея плащъ, другой отворялъ двери въ большую и свѣтлую комнату, третій спѣшилъ подать кресло, а четвертый, въ серебряныхъ браслетахъ, несъ зеркало, чтобы она могла поправить свою прическу, нѣсколько разстроенную быстрой ѣздой. Молодая дѣвушка въ изумленіи не знала, во свѣтъ ли она или на яву. Она взглянула въ зеркало, но въ первый разъ въ жизни взглянула мелькомъ и не могла себя видѣть; она отдала зеркало невольнику и внимательно оглянула комнату. Зрѣ-

лице было новее для нея. Она увидѣла огромныя вызолоченныя кресла, обитыя паллиновымъ бархатомъ, съ рѣзною спинкою и ручками; мягкіе диваны, вокругъ которыхъ вилась гирлянда изъ дубоваго дерева. Надъ диваномъ, противъ выбѣленной стѣны, висѣло огромное зеркало въ рѣзной вызолоченной рамѣ, какъ кресла; но къ несчастію оно было разбито пополамъ въ перевозкѣ изъ Франціи.

Зеркало было заглѣвлено по серединѣ. Оно съ забавнымъ видомъ наклонилось въ комнату, такъ-что отражало всю залу, вышнюю плитамъ, какъ это дѣлается во Франціи. На противоположной стѣнѣ были развѣшаны старинныя семейныя портреты, въ огромныхъ рамкахъ и блестящемъ оружіи. Это неслыханное великолѣпіе странно противорѣчило съ большимъ столомъ, топорной работы, изъ кедроваго дерева, стоявшимъ посреди комнаты, и дюжиною стульевъ, изъ такого же дерева такой же работы. Въ этой отдѣльной комнатѣ все затѣйливое и поблекшее осьмнадцатаго столѣтія соединялось самымъ нецеремоннымъ образомъ съ грубымъ искусствомъ возникающей американской образованности.

Все это замѣтила Тереза; съ перваго взгляда она увидала всю эту роскошь и, по обзорѣнн комнаты, перенесла взоры на самую себя, и увидѣла себя въ широкомъ креслѣ, обитомъ полинялымъ штофомъ съ потускнѣвшею бахрамою; ноги ея лежали на вышитомъ цвѣтѣмъ табуретѣ; передъ нею стоялъ столъ съ раздвоенными ножками, а на столѣ—великолѣпный завтракъ. Ничего, казалось, не недоставало къ этому свадебному завтраку: бордосское, въ продолговатой бутылкѣ; шампанское, завязанное спуркомъ и засмоленное, граненый хрусталь, серебро съ гербами, севрскій фарфоръ, такъ рѣдкій и дорогой въ наше время, и на серебряномъ подѣ червюю подносѣ вкусная черепаха, самое лакомое блюдо; пирогъ съ уткой, любимое кушанье въ Америкѣ, и множество другихъ отборныхъ кушаньевъ французской кухни, которыхъ бѣдная дѣвушка никогда не ѣдала. Прибавьте еще, что на столѣ даже салфетки были перевязаны розовыми лентами, какъ во времена мадамъ де Помпадуръ. «Ахъ! сказала сама себѣ Тереза, видя всѣ эти богатства и весь комфортъ: вѣрно этотъ дожъ не Ришаръ!» Потомъ, еще взглянувъ на все окружавшее ее, она прибавила:— «Развѣ мой Ришаръ совсѣмъ не бѣденъ и хотѣлъ только неожиданно меня обрадовать». Недоумѣніе бѣдой дѣвушки не долго продолжалось: внутренняя дверь изъ комнаты медленно растворялась и она увидала предъ собою стараго Дюлака, жел-

таго, худаго, болѣзненнаго, едва державшагося на ногахъ. Тогда особа, сопровождавшая Терезу, встала и представила мадамъ Дюлакъ ея супруга. Мадамъ Дюлакъ оставалась неподвижною отъ удивленія, услыхавъ, что этотъ старикъ называетъ ее своею женою: бѣдная дѣвушка казалась уничтоженною. Чтò касается до старика, то онъ скоро пришелъ въ себя; не колеблясь взялъ за руку молодую женщину, которая не смѣла отнять ее изъ почтенія къ человѣку, напомнивавшему ей дѣдушку.

Дюлакъ сталъ настоящимъ Французомъ, когда почувствовалъ въ своей рукѣ такую молоденькую ручку, когда увидѣлъ такъ близко зарумянившееся хорошенькое личико; онъ забылъ всѣ любезности, которыя заучилъ наизусть, чтобы понравиться своей вдовушкѣ, и, подойдя еще ближе къ Терезѣ, сказалъ :

— Ахъ, сударыня, простите мое смущеніе: избытокъ счастья причиною моего замѣшательства! Я не нахожу словъ отъ удивленія и радости! Какая счастливая перемена съ вами совершилась съ послѣдняго нашего свиданія! О! я счастливѣйшій и благополучивѣйшій изъ смертныхъ! Я нахожу жену мою вдвое прекраснѣе и въ десять разъ моложе! Дайте мнѣ нарадоваться этому великому чуду и поблагодарить, въ то же время небо и васъ!

Тереза выдернула свою руку, и съ живостью отвѣчала :

— Въ этомъ нѣтъ никакого чуда: я все та же, какою была; но во всемъ этомъ есть что-то странное, чего я не могу понять!

Говоря это, бѣдная дѣвушка готова была плакать.

— Вы правы, сударыня, совершенно правы, продолжалъ лукавый старикъ: странно, что я нахожу вмѣсто моей вдовушки такую молоденькую очаровательную дѣвушку, съ влажными глазами, бѣлой и пѣжной ручкою! нахожу васъ въ своемъ домѣ владычицей и повелительницею всѣхъ богатствъ моихъ, васъ, робкую и дрожащую дѣвушку! Конечно, все это странно, очень странно! однимъ только чудомъ могли вы мнѣ достаться, и еще разъ я благодарю за это васъ и небо!

Эти слова увеличили ужасъ бѣдной дѣвушки: она вся дрожала.

— Ахъ, мы подъ властью пагубной ошвбки! вскричала она: вы не Ришаръ! Боже! гдѣ мой Ришаръ? мнѣ нужно Ришара!

И Тереза, ломая руки, звала :

— Ришаръ! Ришаръ!

Призывая Ришара, она встала, чтобы выйти; но влюбленный и упорный старикъ заслонилъ передъ нею дверь. Красота Терезы, сначала поразившая его, теперь показалась ему еще болѣе оболь-

стительною и совершенною. Сильная страсть возгорѣлась въ сердцѣ его при внимательномъ разсматриваніи этого хорошенькаго, кругленькаго личика, прекраснаго лба, покрытаго чудными волосами, полненькихъ щечекъ съ восхитительнымъ румянцемъ, большихъ глазъ, еще болѣе блестящихъ отъ слезъ, и надувагося маленькаго ротика. Нѣтъ, клянусь честью, старый Французъ слишкомъ хорошо звалъ толкъ въ хорошенькихъ женщинахъ, для того, чтобы упустить въ это время такую прелестную подругу, подаренную ему Гименсемъ!

— Смѣю ли спросить, сударыня, сказалъ Дюлакъ Терезѣ, кого это вы зовете Ришаромъ?

— Ришаръ, мой милый Ришаръ Алваресъ, который тамъ живетъ у тополей. Я за него вышла замужъ сегодня утромъ!

— Остерсгайтесь говорить это, сказалъ Дюлакъ самымъ сладкимъ голосомъ: я не знаю Ришара Алвареса! Сегодня утромъ вы вышли замужъ за меня: мнѣ обѣщали вы вѣрность предъ алтаремъ! О! моя возлюбленная, прелестная, молоденькая супруга! посмотри на кольцо, надѣтое на твой палець, на сдѣланную на немъ изъ драгоценныхъ камней надпись: «До самой смерти!» Это мое кольцо. Съ этой минуты я твой покровитель, другъ, мужъ, отецъ! Ты моя жена, если не по взаимному согласію, то по волѣ Провидѣнія, соединившаго насъ неразрывными узами!

Жестокій кашель прервалъ влюбленную и торжественную рѣчь Дюлака.

Тереза, понявъ весь ужасъ несчастія, лишившаго ея желаннаго супруга и всѣхъ надеждъ, въ отчаяніи, рыдая упала въ кресла. Хитрый и влюбленный старикъ употребилъ всѣ средства, чтобы утѣшить ее. Онъ ухаживалъ за нею, сдѣлалъ ей великолѣпные свадебные подарки, ожерелье изъ драгоценныхъ камней, тяжелую золотую цѣпь, шелковое платье, отъ котораго вѣяло благоговіями, французскія перчатки, и всѣ наряды, назначенные для прекрасной вдовы. Богатый плантаторъ говорилъ не столько о своей любви, сколько о своемъ богатствѣ, о своемъ огромномъ домѣ, о множествѣ невольниковъ и о твердомъ желаніи сдѣлать жену полною обладательницею своего благосостоянія. Замѣтивъ, что она слушаетъ его съ большимъ вниманіемъ, онъ приправилъ свои рѣчи маленькой клеветой на Ришара, надъ его нищетою и огромнымъ семействомъ, и ловко и незамѣтно старался внушить ей, что эта ошибка, сдѣлавшая его счастливейшимъ изъ смертныхъ, произошла не безъ участія со стороны Ришара. По-

томъ представлялъ ей Ришара, забывшаго Терезу въ объятіяхъ вдовы, для которой онъ ею помертвовать.

Такъ говорилъ лукавый Французъ; у него былъ самый почтенный видъ, такъ согласовавшійся съ тѣмъ, что онъ говорилъ, такая готовность покориться рѣшенію жены. Тереза посмотрѣла на него немного любезнѣе, надѣла на шею золотую цѣпь, а на руки жемчужные браслеты и, мало-по-малу, согласилась сѣсть съ Дюлакомъ за приготовленный столъ. Она протянула стаканъ къ засмоленной бутылкѣ, и ея хорошенькій носикъ исчезъ въ пѣнѣ шампанскаго, въ этомъ искрометномъ забавѣи всѣхъ золь.

Горячій ковъ, приведенный Ришаромъ изъ Авоиеля, быстро принесъ мадамъ Лабедойеръ, нынѣ Ришаръ, къ хижинѣ ея супруга. Онъ такъ скакалъ, что, казалось, опережалъ самыя облака, и хотя жилище Ришара было гораздо далѣе Дюлакова, прекрасная вдова ѣхала не долѣе хорошенькой Терезы; она пріѣхала, также какъ и та, при первомъ разсвѣтѣ дня. Но удивленіе ея было еще сильнѣе, нежели молодой дѣвушки. Полъ комваты, въ которую ее ввели, состоялъ изъ худо сколоченныхъ досокъ, которыя скрипѣли, когда по нимъ ходили. Большое отверстіе по серединѣ комваты служило вмѣсто камня, и поглощало дымъ отъ цѣлаго кипариса. Некрашенныя бревна потолка почернѣли отъ дыму; нѣсколько старыхъ сундуковъ, дюжина скамеекъ и два стула изъ простаго дерева составляли всю обмѣблировку дома. Въ эту трущобу была введена вдова. Ни одинъ невольникъ не вышелъ къ ней на встрѣчу. Молодая дѣвушка, съ развѣвающимися бѣлками-рыми локонами, помогла ей снять плащъ; и когда она появилась во всемъ блескѣ своихъ брилліантовъ, со всѣмъ шумомъ великолѣпнаго платья, старикъ и старуха, вставшіе привѣтствовать ее, — старикъ шестидесяти лѣтъ, съ бѣлой бородою и въ кожаныхъ панталонахъ, и почтенная жевщина, моложе его десятью годами, въ простомъ бумажномъ колпакѣ, въ платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи, — опустили руки, протянутыя обнять свою невѣстку, и въ почтительномъ молчаніи поклонились ей до земли.

— Какая прекрасная дама! сказала старушка мужу.

— Какая старуха! шептала братьямъ молоденькая блондинка, снимавшая плащъ съ мадамъ Лабедойеръ.

Въ это время грозная госпожа, съ видомъ горькаго презрѣнія осматривала глазами хижину и все семейство. Ея черные и высоковыпуклые глаза метали молніи, когда она оттолкнула дражкой

ступъ, подавший ей; приближившись уся она приподнялась на надменныхъ губахъ.

— Гдѣ я? вскричала она: въ чьемъ домѣ, у кого? Зачѣмъ меня привезли сюда, это домъ не моего мужа.

— Гдѣ жена моя, сказалъ Ршаръ, въ то же время пошедшій въ комнату съ блистающимъ отъ радости взоромъ; гдѣ жена моя? дайте мнѣ обнять ее! Увидавъ же прекрасную вдову, онъ спросилъ тихо, съ безпокойствомъ, хотя самъ не зная отчего.

— Кто эта дама?

— Это мадамъ Ршаръ, отвѣчалъ одинъ изъ его холодыхъ товарищей, это твоя жена: та дама, которую пасторъ вручилъ намъ для тебя.

— И какая еще красавица! Во всей нашей сторонѣ нѣтъ такой, ужъ можно побожиться, прибавила мать Ршара.

— Но я не ваша жена, милостивый государь, произнесла вдова, сжавъ кулаки; клянусь, я не ваша жена. Отвезите меня къ мужу, я не хочу оставаться ни минуты въ этой гадкой избѣ.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ Ршаръ; вы не моя жена; я женился на дѣвушкѣ, которая, благодаря Бога, помоложе и прекраснѣе васъ, моя жена Тереза Пакаръ, моя хорошенькая Тереза. Здѣсь какое то странное недоразумѣнiе, которое я долженъ разъяснить; но вы должны оставаться у меня въ залогъ, пока не отъищу моей Терезы, моей жены. И такъ, оставайтесь здѣсь, сударыня, до-тѣхъ поръ, пока мы оба отъищемъ—вы своего мужа, я свою жену. Пока мнѣ не возвращена Тереза, несмотря на все ваше желанiе выдти отсюда, клянусь, вы не выйдете изъ этой гадкой избы.

— Ахъ, сыночекъ! вскричала мать Ршара, пораженная внезапной мыслью: я увѣрена, что по милости своего худого глаза, бѣдный Бальтазаръ далъ тебѣ такую худую жену.

— Въ такомъ случаѣ, матушка, Бальтазаръ долженъ отыскать и возвратитъ мнѣ мою настоящую жену. Какое право имѣлъ онъ отнять у меня мою хорошенькую Терезу для другаго, и наградить меня этой старой дамой, которая могла бы быть моею матерью? Но я пойду къ Бальтазару, сейчасъ пойду къ нему и принужу его отдать мнѣ Терезу Пакаръ. Пусть всю жизнь свою не буду ѣздить верхомъ, если этого не сдѣлаю. А вы пока смотрите за этой дамой, берегите ее вмѣстѣ съ ея шелковыми нарядами и брилліантами, и не выпускайте до моего возвращенiя.

Сказавъ это, онъ бросился въ дверь, несмотря на дождь, стучавшій въ окна. Напрасно звала его мать. Онъ вскопѣлъ на до-

щадъ и поскакалъ сквозь бурю въ домъ пастора. Тамъ долго онъ разговаривалъ съ Бальтазаромъ Поло. Простодушнѣйшій человекъ сначала старался увѣрить, что такая ошибка невозможна, что онъ каждой невѣстѣ надѣлъ кольцо ея жениха и самъ вручилъ каждую жену ея мужу. Но все, что ни говорилъ почтенный пасторъ, только увеличивало ярость Ришара. Тогда Бальтазаръ спросилъ у молодаго человека, знаетъ ли онъ имя того, кто долженъ былъ жениться на дамѣ, находящейся у него, потому что, вѣроятно, къ нему попала невѣста Ришара. Пораженный этой мыслью Ришаръ не зналъ, что отвѣчать ему; даже и не подумалъ узнать имя привезенной къ нему женщины. Надобно было собрать новыя свѣдѣнія отъ вдовы, и онъ спѣшилъ возвратиться домой.

Однако онъ не хотѣлъ уѣхать изъ Адея, не побывавъ въ домѣ, гдѣ прежде жила Тереза; но тамъ онъ ничего не могъ узнать. Думали, что она у своего мужа; ея и не видали съ тѣхъ поръ, какъ въ подвѣчномъ платьѣ она оставила домъ. Напрасно онъ бѣгалъ въ церковь, въ надеждѣ найти ее тамъ; увы! тамъ нашелъ онъ только пономаря, который съ величайшимъ равнодушіемъ смотрѣлъ на его отчаяніе. Тогда Ришаръ сѣлъ на лошадей и возвратился домой, промоченный до костей, среди густаго тумана, такъ свойственнаго тамошнему климату.

Ярость бури, которая могла бы испортить свадебное платье, заставила мадамъ Лабедойеръ перенести съ терпѣніемъ свое пребываніе въ домѣ Ришара.

По возвращеніи, Ришаръ нашелъ вдову, сидящую въ креслахъ съ видомъ болѣе озабоченнымъ, нежели скучнымъ. Сестры его занимались, по обыкновенію, своей обычной работой, но были молчаливѣе и скромнѣе обыкновеннаго. Надмѣнный видъ незнакомой дамы, богатство ея костюма, удерживали ихъ живость. Что же касается до внутреннихъ размышленій мадамъ Лабедойеръ, онѣ не совсѣмъ были не въ пользу Ришара. Если Ришаръ найдетъ Терезу, то и Дюлакъ не потеряетъ; въ противномъ случаѣ, эта потеря легко могла быть вознаграждена молодымъ человекомъ такой прекрасной наружности, съ такимъ роскошнымъ ставомъ,—молодымъ, пылкимъ, живымъ, который въ бурю скачетъ верхомъ, гордымъ, страстно влюбленнымъ, высокомернымъ; все это стоитъ богатствъ и ревматизмовъ Дюлака; къ тому же Ришаръ бѣденъ, за то она богата за нихъ обоихъ. Разсчитавъ все, она стала находить свое положеніе очень сноснымъ, когда вошелъ Ришаръ.

Обмокшій, запыхавшійся Ришаръ спѣшилъ спросить у вдовы ея

ня, и няя челоуѣка, за котораго она должна была выдти, прежде нежели попалась къ нему въ руки. Вся семья собралась на совѣтъ, все разсуждали о собранныхъ справкахъ. Даже гордая вдова удостоила низойти съ высоты своего величїя, чтобы сказать свое мнѣніе въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; общимъ голосомъ положено было, чтобы Ришаръ съ отцемъ отправился къ Дюлаку, требовать свою молодую жену. Если ему возвратятъ ее, то Ришаръ обязывается возвратить госпожѣ Лабе-доьеръ мужа и свободу. Сказавши это, отецъ и сынъ отправились какъ древніе рыцари. Отецъ былъ песовсѣмъ искусный наѣздникъ; онъ умѣлъ только ѣздить шагомъ или небольшой рысцою. Ришаръ же, горѣвшій нетерпѣніемъ скорѣе вайти Терезу, шрѣдка повуждалъ его, напоминая, что дорога длинная, что надобно проѣхать весь Адей для того, чтобы доѣхать до дому Дюлака, и что если они будутъ такъ ѣхать, то до ночи не прїѣдутъ къ назначенной цѣли.

— Ничего, Ришаръ, говорилъ старикъ: еще успѣемъ, лишь бы до ночи доѣхать; ты знаешь, что вотъ ужъ десять лѣтъ какъ я не ѣзжу верхомъ, и не захочешь, чтобы старикъ отецъ твой обратился въ жокея для твоего удовольствїя и сломалъ бы себѣ шею на старости лѣтъ. Будь же снисходителенъ къ отцу, Ришаръ, и если твоя лошадь слишкомъ скоро бѣжитъ, умѣрь шаги ея и ступай рядомъ со мною.

Какъ это путешествіе казалось Ришару долгимъ. Однако они прїѣхали къ дому Дюлака въ сомнительный часъ сумерекъ, когда ни свѣтло ни темно, ни день, но и не ночь. Дождь пересталъ, мартъ мѣсяцъ обратился въ весну, и тишина замѣнила бурю! На небѣ летучія и прозрачїя облака заравѣе покрылись розовымъ оттѣнкомъ, какъ бы приготовляясь къ хорошему завтрашнему дню. Нетерпѣливый молодой челоуѣкъ, пока отецъ его подѣзжалъ, началъ стучать въ ворота Дюлака и нѣсколько разъ повторилъ свои приемы, пока не вышелъ Негръ отворить ему, и сказалъ путешественникамъ, что его господинъ только что улегся съ своею молодою супругою.

— Съ какою супругою? съ живостью спросилъ Ришаръ.

— Съ прекрасною и молодою дамою, которую онъ привезъ сегодня утромъ, отвѣчалъ Негръ.

При этомъ отвѣтѣ у Ришара захватило духъ; у него не достало ни голоса, ни мужества болѣе спрашивать Негра. Отецъ его взялся за это. Негръ охотно отвѣчалъ; онъ вдоволь распространился въ описанїи своей новой госпожи. Ей было осмнад-

цать лѣтъ, родилась она въ Адеѣ, имя ея Тереза Пакаръ; сперва она очень плакала въ большой гостиной, потомъ сѣла съ веселымъ лицомъ за столъ, и прежде нежели настала ночь, она казалась счастливою и очень довольною своимъ мужемъ.

Невозможно описать, что почувствовалъ въ это время Ришаръ. Французская и испанская кровь закипѣла въ его жилахъ. Наконецъ французская гордость восторжествовала.

— Поѣдемъ, батюшка, сказалъ Ришаръ, поѣдемъ; теперь я все понимаю; Тереза жестоко насмѣялась надо мной. Ыдемъ, батюшка, ѣдемъ, ѣдемъ!

Старикъ удержалъ своего сына, и обратился къ Негру, сказалъ:

— Мнѣ непременно нужно переговорить съ твоимъ господиномъ, и сейчасъ же.

— Невозможно, отвѣчалъ Негръ: баринъ строго запретилъ входить въ его комнату прежде разсвѣта!

— Говорю тебѣ, что мнѣ непременно нужно говорить съ твоимъ господиномъ, закричалъ страшнымъ голосомъ старикъ Лузианецъ: я долженъ говорить съ твоимъ господиномъ, ступай, скажи ему, что я хочу видѣть его сейчасъ же.

Негръ пошелъ доложить Дюлаку. Минуту спустя, онъ возвратился съ вѣжливымъ порученіемъ отъ своего господина сказать Ришару и его отцу, что это была его первая брачная ночь; что онъ удался отдохнуть подлѣ своей молодой жены, и проситъ ихъ не возмущать его счастія, а завтра онъ будетъ готовъ принять ихъ и исполнить приказанія, какія имъ угодно.

Старый пастухъ, при каждомъ словѣ, выросталъ на пол-фута, и расправляя мало по-малу свои широкія плеча, длинныя руки, широкія ладони, обнаружилъ ярость, кипѣвшую въ его груди:

— Поди, скажи, закричалъ онъ Негру въ полу-растворенную дверь: скажи Французу Дюлаку, что если онъ сейчасъ же не выйдетъ ко мнѣ, то я переверну весь домъ его однимъ ударомъ руки, и погребу его съ женою подъ развалинами.

Тогда растворилось окно въ первомъ этажѣ; въ комнатѣ было темно и тихо. Голова, покрытая шерстянымъ колпакомъ, завязаннымъ лентою, появилась въ окнѣ, и Дюлакъ сердитымъ и драхлымъ голосомъ спросилъ, что это за шумъ и чего желаютъ отъ него въ такой поздній часъ.

Отецъ отвѣчалъ за Ришара; въ короткихъ словахъ разсказалъ причину своего посѣщенія; онъ говорилъ о несчастной перемѣнѣ жонъ, жертвою чего былъ Ришаръ, и окончилъ громкимъ

требованіемъ возвращенія жены Ришара, предлагая въ замѣнъ брилліанты, платье и невесту Дюлака.

Послѣдовало глубокое молчаніе. Ришаръ прислушивался и былъ готовъ, при малѣйшемъ крикѣ или вздохѣ, броситься въ комнату; но никакого движенія не было слышно. Дюлакъ прервалъ это молчаніе съ торжествующимъ видомъ:

— Господа, сказалъ онъ, вы видите, что тутъ нѣтъ ошибки. Я очень доволенъ и счастливъ сузружествомъ вышѣшняго утра. Надѣюсь, что и молодая дама, жена моя, которая подлѣ меня, также счастлива какъ и я, къ тому же вы видите, что она не дѣлаетъ никакого возраженія. Эта молодая женщина принадлежитъ теперь мнѣ совершенно, она носитъ на своемъ пальцѣ кольцо законной жены моей, данное ей священникомъ. Чтѣ же касается до вдовы Лабедойеръ, то мнѣ нѣтъ никакого до нея дѣла, распорайтесь съ нею какъ хотите; она очень почтенная дама, и приличная партія для Ришара, которому я желаю съ нею всякаго благополучія.

Старикъ удалился; Ришаръ хотѣлъ употребить послѣднее средство:

— Тереза! закричалъ онъ, милая Тереза, Тереза Пакаръ!

И на это отвѣчалъ Дюлакъ, но на этотъ разъ болѣе строгимъ голосомъ:

— Молодой человѣкъ! сказалъ онъ: слишкомъ рано сталъ ты ухаживать за моей женой. Слишкомъ рано пустились вы, господа, на это любовное предпріятіе! Даже во Франціи нѣтъ обычая, чтобы подобные вамъ волокаты гонялись за чужой женою на другой же день ея свадьбы; самый отчаянный волокита даетъ нѣсколько дней покоя новобрачнымъ. А вы, Алваресъ, — такъ, кажется, зовутъ васъ, — я удивляюсь, что человѣкъ съ такой сѣдой бородою помогаетъ Ришару въ этомъ дурномъ дѣлѣ. Вамъ угодно взять жену мою, господа; вамъ угодно дать мнѣ въ замѣну вдовѣ Лабедойеръ? Но я не хочу такого замѣна. Я доволенъ своимъ жребіемъ и не хочу мѣнять его; сдѣлайте то же съ женщиною, которая досталась вамъ. Честь имѣю кланяться, господа.

Послѣ этихъ словъ колпакъ исчезъ, окно затворилось, внутренніе ставни заскрипѣли на петляхъ; въ то же время Негръ затворилъ на задвижку важную дверь.

Въ домѣ снова воцарилась тишина и тѣшина.

Отецъ и сынъ посмотрѣли другъ на друга, неподвижные отъ смущенія и изумленія. Старикъ Алваресъ хотѣлъ выбить дверь; Ришаръ хотѣлъ забыть неблагодарную, и оба, одинъ проклинаа,

другой плача, пошли къ злосчастному Бальтазару Поло, который поблѣднѣлъ, увидя ихъ: одного въ такомъ бѣшенствѣ, другаго въ отчаяніи.

Почтвенный пасторъ принималъ ихъ съ обычной добротой, и кротко выслушалъ ихъ жалобы.

— Друзья мои, сказалъ онъ имъ, очень сожалѣю о сдѣланной мною ошибкѣ, и однако узнаю предопредѣленіе: я не могу передѣлать того, что сдѣлано. Ришаръ, вдова Лабедойеръ твоя жена передъ Богомъ и передъ людьми. Тереза Пакаръ законная жена Дюлака. Приходи ко мнѣ завтра съ своей женою, Ришаръ; я пошлю также за Дюлакомъ и его женою, и постараюсь устроить это дѣло, какъ можно лучше.

На другой день, въ полдень, обѣ новобрачныя четы увидѣлись въ домѣ пастора. Мадамъ Дюлакъ со стыдомъ и опущенными глазами, не охотно опираясь на руку своего мужа; мадамъ Ришаръ, напротивъ, шла съ поднятою головою, и спѣшила за своимъ молодымъ мужемъ, какъ-будто страшилась новой ошибки. Ришаръ былъ спокоенъ и, казалось, покорился волѣ Провидѣнія; Дюлакъ улыбался съ увѣренностью человѣка, привыкшаго къ любовнымъ подвигамъ, несомнѣвающагося болѣе ни въ чемъ.

Добрый пасторъ, когда увидѣлъ обѣ такъ дурно подобранныя по милости его четы, повялъ всю свою вину, и началъ такъ:

— Мы сдѣлали большую ошибку, сказалъ онъ: я очень виновенъ, что нарушилъ бракъ, освященіе котораго вѣрили моему посредничеству. Вы, сказалъ онъ, обращаясь къ старымъ любовникамъ, вы остались въ выигрышѣ въ этой игрѣ случая; несчастные же молодые люди жестоко проиграли. Вы обязаны имъ вознагражденіемъ, которое, однако, какъ бы ни было велико, все будетъ слишкомъ недостаточно. По законамъ ничего не слѣдуетъ этимъ бѣднымъ дѣтямъ, за то, что Тереза досталась вамъ, Дюлакъ, а Ришаръ сдѣлался вашимъ мужемъ, сударыня; но вы не будьте такъ жестоки, исправьте невнимательность закона и мою вину, вину бѣднаго слѣпаго, который не плачетъ только потому, чтобы совѣтъ не выплакать глазъ. Господинъ Дюлакъ! предоставьте половину вашихъ обширныхъ владѣній молодой жентѣ своей, а вы, сударыня, передайте половину вашихъ богатствъ своему молодому мужу; а потомъ, пусть небо и молодые люди простятъ меня, а эти браки остаются ненарушимыми.

Эта мировая сначала показалась очень жестокою обоимъ корыстолюбивымъ богачамъ; но рѣшеніе пастора было твердо. Дюлакъ не хотѣлъ и думать уступить Терезу; мадамъ Лабедойеръ,

съ своей стороны, когда увидѣла красавца Ришара возлѣ его безобразнаго соперника, не могла не предпочесть столько молодости такой дряхлости и внутренно поздравляла себя съ такимъ разлѣвомъ. Слѣдовательно оставалось только призвать нотариуса, который тотчасъ же все устроилъ и обѣ пары разошлись: Тереза съ Дюлакомъ, а Ришаръ отправился съ мадамъ Лабедейеръ, которой домъ сдѣлался его собственностью. Въ тотъ же вечеръ сердечныя раны молодыхъ людей раскрылись съ новою жестокостью. Обыкновеніе шумныхъ празднествъ всегда свято соблюдалось во всѣхъ французскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки. Это самое шумное и, слѣдовательно, самое лучше до нашихъ временъ извѣстное средство праздновать неравные браки. Ночь едва наступала, когда услышали въ домѣ мадамъ Ришаръ приближающійся шумъ оглушительной музыки. Рожокъ трубилъ, свистокъ пищалъ, колоколъ звенѣлъ, волынка выла, голоса ревѣли. При свѣтѣ факеловъ, по землѣ, покрытой верескомъ, тянулась процессія, которою предводительствовали двѣ фигуры страшно замаскированныя: одна изъ нихъ представляла старуху съ гордымъ и самоувѣреннымъ взглядомъ, другая — молодаго деревенщину съ глупымъ видомъ; обѣ фигуры цѣловались съ комическимъ жаромъ. За ними шелъ широкоплечій весельчакъ, во все горло распѣвавшій балладу, принаровленную къ обстоятельствамъ; вся толпа повторяла хоромъ веселый припѣвъ, въ которомъ имя Ришара и жены его занимали первое мѣсто, какъ будто куплеты были сочинены обществомъ парижскихъ водевиллистовъ. Однако неустрашная мадамъ Ришаръ, при приближеніи непріятеля, приготовилась достойно принять его; веселая толпа, подойдя къ воротамъ новобрачныхъ, замолкла и стала въ рядъ; первый весельчакъ изъ шайки, въ костюмѣ и со всѣми привычками клоуна, театральнаго, вышелъ изъ рядовъ и съ силою ударилъ въ ворота жезломъ, который держалъ въ рукѣ. Это было сигналомъ для осажденныхъ, для начатія дѣйствій оборонительнымъ оружіемъ; при первомъ ударѣ жезла, клоуны и веселая толпа были облиты помоями, гнилыми ящиками, заплѣснѣвшими яблоками и разными веществами, употребляемыми при первыхъ представленіяхъ. Насмѣшникамъ за музыку заплатили благоуханіемъ. Они драли уши; за то платя ихъ напитались зловоніями: между ящиками и музыкой битва перовная, звуки должны были обратиться въ бѣгство. Такъ и случилось: веселая толпа пришла въ порядокъ, а оттуда ударила черезъ поля, оставивъ на полѣ сраженія много

музыкальные трофеи, если вѣрить почтенному свидѣтельству поваровъ господина и госпожи Ришаръ.

Не знаю навѣрное, та же ли толпа, но такая же шумная музыка была гораздо счастливѣе у воротъ Дюлака. Старый владѣлецъ такъ же охотно покорился этому началу большаго представленія; музыканты сперва растерзали ему уши; потомъ стали еще издѣваться надъ нимъ, вошли къ нему въ домъ, сибѣлись надъ нимъ, какъ надъ неучемъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни приличій; выпили его лучшее вино; шутя надѣвали на себя его лучшія платья, и одинъ изъ нихъ, молодой и остроумный весельчакъ, имѣлъ дерзости предложить поцѣлуй новобрачной, которая приняла его. Если бы тутъ былъ Ришаръ, онъ проклялъ бы себя и всѣхъ. Такъ сдѣлалъ и Дюлакъ; онъ истощилъ весь запасъ своего ума въ первую ночь брака, такъ-что ничего не осталось для другаго дня: онъ былъ грубъ и сварливъ въ слѣдующую ночь, бѣсился на всѣхъ, на музыку, на Негровъ, на жену, на свою молоденькую жену! Онъ дошелъ до такого дурачества, что даже сталъ жалѣть о мадамъ Лабедойеръ.

Хорошенькая Тереза не плакала: она не дождалась этой минуты, чтобы сожалѣть о Ришаръ.

Съ этого дня старый Дюлакъ сдѣлался въ настоящемъ смыслѣ прежнимъ старымъ Дюлакомъ, угрюмымъ, неопрытымъ, эгоистомъ, утомленнымъ, изнуреннымъ; онъ ужъ никогда не говорилъ «здравствуйте», изъ опасенія, чтобы не закашляться. Такъ продолжалось три года. Тереза стала блѣдна, печальна и молчалива; въ продолженія трехъ лѣтъ она исполняла трудную обязанность сидѣлки при больномъ; наконецъ больной умеръ, оставивъ ей половину своего имуществва, которое ужъ не могъ отнять у нея. Другую же половину отдалъ одному изъ Негровъ, а все оттого, что долженъ былъ вытерпѣть шумную музыку.

Съ своей стороны мадамъ Ришаръ тщетно старалась взять надъ молодымъ мужемъ деспотическія привычки, которыя съ такою покорностью выписалъ покойникъ Лабедойеръ. Молодой человекъ оставался холоденъ, остороженъ, своенравенъ; онъ создавалъ себя господиномъ, потому-что дорого заплатилъ за свое господство. Онъ хотѣлъ быть властелиномъ, и былъ властелиномъ, на зло своей женѣ. Ришаръ былъ добрымъ сыномъ и добрымъ братомъ: онъ поселилъ своего отца пастуха въ домъ жены; хорошенькихъ сестеръ своихъ нарядилъ въ такія же платья, какія надѣвала его жена; кормилъ ихъ такимъ же хлѣбомъ, тѣ же Негры служили имъ; и когда пришло время отдать ихъ замужъ, онъ

раздѣлил свою половину на шесть частей, и сказалъ каждой сестрѣ: «Возьми!» То-то было горе для старой барыни! Долго еще она сокрушалась отъ злости, какъ въ одинъ прекрасный день, отправилась отъѣздивать на томъ свѣтѣ Лабедейера, вѣроятно затѣвъ, чтобы снова мучить его.

Ну, вы знаете конецъ повѣсти. Ришаръ и Тереза наконецъ опять свободные, оба богатые; правда, не было прежней молодости, прежней живости, но тѣмъ не менѣе оба прекрасные и влюбленные, могли наконецъ жениться, и въ этотъ разъ безъ ошибки. Ришаръ очень тщательно отложилъ всторону серебряное кольцо, которое случай падѣлъ на палецъ вдовы, и въ этотъ разъ чета выбрала ужъ не утренній разсвѣтъ, а дождалась полудня. Пышная церемонія была совершена въ адейской церкви. Никогда эта маленькая церковь не была такъ разукрашена, никогда еще стройный трезвонъ колоколовъ ея не былъ такъ громогласенъ. Тотъ же Бальтазаръ Поло вѣнчалъ эту свадьбу и, снова благословляя двухъ супруговъ, достойный пасторъ дрожалъ отъ страха, чтобы опять не сдѣлать ошибки. На этотъ разъ, однако, онъ принялъ всѣ предосторожности: на носу у него были очки, которые онъ выпясалъ варочно для этой церемоніи изъ Нового Орлеана.

Достойная чета въ этотъ разъ была счастлива и спокойна; дожидая до старости въ изобиліи средѣ многочисленнаго потомства. Въ мѣстечкѣ Авоисель ихъ ставили въ примѣръ за ихъ трудолюбіе, постоянство и благотворительность: три добродѣтели, которыя приносятъ согласіе въ супружествѣ. Они такъ сильно любили другъ друга, что никогда не говорили о пагубной ошибкѣ, которая сдѣлала-было ихъ такъ несчастными. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ уважаемый французскій натуралистъ, странствовавшій въ тѣхъ мѣстахъ, однажды вечеромъ попросилъ у нихъ почлега; путешественникъ, между многими вещами, относившимися къ наукѣ, показалъ престарѣлымъ супругамъ, какъ листокъ вяза содержать въ своемъ черешкѣ зародышъ листка, который долженъ распуститься на будущій годъ. Услыхавъ это, старый Ришаръ, со слезами на глазахъ, посмотрѣлъ на свою старую подругу, указывая ей сердцемъ и пальцемъ эту замысловатую картину ихъ перваго несчастнаго супружества, заключавшаго зародышъ ихъ печали и счастья. Тереза поняла своего мужа: она бросила листокъ вяза, но оставила и тщательно сохранила зародышъ будущаго листка. На другой день они посадили передъ своими дверьми два вяза одинаковой силы и величин-

шы. Подъ тѣнью ихъ они еще нѣсколько лѣтъ любили другъ друга; потомъ, подъ тѣнью тѣхъ же вязовъ, угадал Филемовъ и Бавкида города Адея. Вотъ исторія ихъ жизни.

=

НОВЫЙ САМЕЛЬ, или ПРАВО ПОЖИЗНЕННАГО ВЛАДѢНІЯ.

=

КОМЕДИЯ СЪ КУПЛЕТАМИ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОЛЕСНИЦКІЙ.

РОЗА, дочь его.

ЛЕОВЪ БИРБАНСКІЙ.

САМУИЛЬ ЧЕРТОВИЧЪ.

ТРОШЕВИЧЪ.

ФИЛИППЪ, слуга Бирбанскаго

МАРГАРИТА, служанка Розы.

КАПЛИЦКІЙ, докторъ.

ТРАКТИРЩИКЪ.

Театръ представляетъ залу въ трактирѣ, на-лѣво столъ съ письменнымъ приборомъ, на право другой столъ, на которомъ стоятъ нѣсколько пустыхъ бутылокъ и стакановъ.

=

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛИППЪ, одинъ.

Ну, покутили же мы вчера.... Гостей было не много, а выпито порядочно.... Эге! какъ эта голубушка уцѣлѣла? Это мнѣ за хлопоты (льезъ). Подумаешь, какъ на чужой-то счетъ охотно пьется. Каково только намъ будетъ счеты сводить. Однако жъ сегодня нашъ таинственный старичишка не приходилъ еще справиться о здоровьѣ моего барина.... Странное дѣло, бывало чуть свѣтъ его нелегкое несетъ.... А вотъ и онъ.... Заговори объ чортѣ — роза и высунутся....

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ФИЛИППЪ и ЧЕРТОВИЧЪ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ты здѣсь одинъ?

ФИЛИППЪ.

Одинъ, одинъ; милости просимъ. Входите смѣлѣе.... онъ спитъ....

ЧЕРТОВИЧЪ.

А! онъ еще спитъ? Ну, это хорошій знакъ. Здравствуй, Филиппушка!

ФИЛИППЪ.

Мое почтенье, сударь.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну что, былъ ли у васъ вчера докторъ?

ФИЛИППЪ.

Нѣтъ, сударь, у насъ были въ гостяхъ все здоровые ребята.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Какъ, у васъ были гости? онъ боленъ и принимаетъ гостей.

ФИЛИППЪ.

Что же дѣлать, сударь, вѣдь больному нужно развлеченіе.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Больному!! ахъ Господи! Каково мнѣ это слышать! Ну, скажи мнѣ, какъ онъ провелъ ночь?....

ФИЛИППЪ.

Пилъ очень много.

ЧЕРТОВИЧЪ.

А! вѣрно у бѣдняжки былъ жаръ?.... Что же онъ пилъ?.... кремортартаръ, лимонадъ, оржадъ, или зельцерскую воду?

ФИЛИППЪ.

Нѣтъ, сударь, лафитъ, мадеру, шампанское, а потомъ пуишь.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Боже мой! Что онъ дѣлаетъ!.... Вѣдь онъ себя уморитъ прежде времени. Такъ онъ не спалъ цѣлую ночь?

ФИЛИППЪ.

Какое спанье!... до шести часовъ утра рѣзались въ карты.

ЧЕРТОВИЧЪ.

О, варваръ! всю ночь на пролетъ играетъ въ карты! пьянствуетъ! Много ли тутъ проживешь? Да ты то, негодяй, чего смотришь? Я тебя представилъ къ нему, чтобъ ты его берегъ, отговаривалъ отъ дурн....

Филиппъ.

Помилуйте, сударь, я стараюсь какъ нельзя больше.... Вчера, напримѣръ, онъ спросилъ шестую бутылку; я вмѣсто ея, хотѣлъ было подать ему добрый совѣтъ, по вашему наставленію, а онъ пустой бутылкой мнѣ чуть лба не разквасилъ!.... Послѣ этого надо имѣть мѣдвѣный лобъ, чтобъ подавать ему совѣты.... Я не знаю, сударь, отъ чего вы сами не попробуете.... у васъ здѣсь *(показываетъ на лобъ)* гораздо больше моего.

Чертовичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ никакъ нельзя; у меня на это есть свои причины.

Филиппъ.

Да я уже давно собираюсь у васъ спросить: скажите пожалуйста, отчего вы такъ хлопочете объ моемъ баринѣ? Что, вы дальній его родственникъ? или опекунъ, или...

Чертовичъ.

Не твое дѣло, не твое дѣло. Онъ не долженъ знать, какое я принимаю въ немъ участіе. Жизнь его дороже мнѣ моей собственной! Филиппушка, другъ мой, береги его; пусть онъ проживетъ еще хоть недѣлку, два дня... даже одинъ денекъ — въ это время, я, можетъ-быть, обдѣлаю свои дѣлшки — и тогда чортъ съ нимъ; а теперь..... теперь его смерть убьетъ меня!

Филиппъ.

О, какой же вы добрый.... Еслибъ мой баринъ узналъ объ этомъ....

Чертовичъ.

Ради Бога, ни слова обо мнѣ; онъ меня лично не знаетъ; я его тайный другъ, истинный другъ. Сегодня придетъ къ вамъ докторъ, по моей просьбѣ и пропишетъ ему лекарство; давай ему аккуратво.... не выпускай со двора, одѣвай потеплѣе, паянчайся съ нимъ еще нѣсколько денькокъ, и будь увѣренъ въ моей благодарности *(звонятъ)*. Ай! кто-то звонитъ — вѣрно онъ проснулся.. /

Филиппъ.

Нѣтъ; это у другихъ постояльцевъ, которые пріѣхали сюда пынѣшнюю почъ и заняли сосѣдній номеръ; они-то намъ и помѣшали. Трактирщикъ пришелъ уговаривать нашихъ гостей разойтись, а то бы мы до сихъ поръ еще кутили.

Чертовичъ.

Что же это пріѣзжіе?

Филиппъ.

Какой-то павъ Олесницкій изъ Вильны.

Чертовичъ.

Изъ Вильны? съ молодой дѣвушкой?

Филиппъ.

Да, сударь.

Чертовичъ.

Вотъ прекрасно! это моя невѣста.

Филиппъ.

Какъ! возможно ли?

Чертовичъ.

А что же тутъ невозможнаго?

Филиппъ.

Въ ваши лѣта вы хотите жениться на такой молоденькой.

Чертовичъ.

Это ужъ не твоя забота.... я, безъ разчета никогда ничего не дѣлаю.... Ея отецъ мнѣ долженъ.... а гдѣ нельзя получить денегъ, по неволѣ берешь патурою.

Бирбанскій, за кулисами.

Филиппъ! Филиппъ!

Чертовичъ.

А! вотъ онъ тебя кличетъ! ступай же, а я пойду повидаться съ моимъ будущимъ тестемъ. Но смотри же, помни нашъ уговоръ: обо мнѣ ни слова — и вотъ тебѣ задатокъ того, что я обѣщаль....

Бирбанскій, за кулисами.

Филиппъ! Филиппъ!

Чертовичъ.

Послѣ, послѣ мы съ тобой разочтемся.— Ступай къ нему поскорѣе, не сердь его: это ему нездорово.... Прощай, прощай (*Уходитъ*).

Филиппъ.

О, Жидъ проклятый! общается съ три короба, а какъ дойдетъ дѣло до кармана, и лыжи наостритъ. Да и кто же онъ въ-самомъ-дѣлѣ: ни родственникъ, ни опекунъ, ни кредиторъ, а такъ хлопчетъ объ его здоровьѣ.... ума не приложу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Бирбанскій и Филиппъ.

Бирбанскій.

А, Филиппъ!... ты здѣсь негодяй! Кто тутъ былъ съ тобой?

СМЪСЪ.

Филиппъ.

Никого, сударь, ей Богу никого.

Бирванскій.

Съ кѣмъ же ты разговаривалъ?

Филиппъ.

Ни съ кѣмъ-съ.... я такъ бормоталъ самъ съ собою отъ не-
чего дѣлать.

Бирванскій.

Ну и Жиды были?

Филиппъ.

Какъ не быть, штукъ шесть ни свѣтъ ни заря просовывали
сюда бороды.

Бирванскій.

Ну что жъ ты?

Филиппъ.

Да что-съ, разумѣется, по обыкновенію.... (показываетъ, что
вытолкалъ.)

Бирванскій,

Ну, а они что?

Филиппъ.

Говорятъ, что непременно пойдутъ жаловаться.

Бирванскій.

Туда имъ и дорога; но зачѣмъ ты не шелъ ко мнѣ?.... я те-
бя двадцать разъ кликалъ.

Филиппъ.

Да я вотъ.... прибиралъ пустыя бутылки, послѣ вчерашняго
пиря.

Бирванскій.

Хорошъ пиръ!.... славная жизньъ, нечего сказать?.... Въ глазахъ
туманъ, въ ногахъ свинецъ.... Голова тяжела отъ бессонницы
какъ котелъ,— а въ карманахъ хоть выпсишь! Эхъ, глупо такъ
кутить. Пора намъ взяться за умъ, Филиппъ, а?.... какъ ты
думаешь?

Филиппъ.

Да, сударь, оно бы.... по-настоящему не мѣшало поотдохнуть.

Бирванскій.

Твоя правда.... этотъ кутѣжъ мнѣ самому надоѣлъ....

Филиппъ.

Вѣдь посмотрите, сударь, какъ вы исхудали....

Бирванскій.

Да, худо дѣло, очень худо! (Кашляетъ). Проклятый кашель,
онъ мнѣ всю грудь отколотилъ! Дай-ко мнѣ стаканъ воды.

Съ сахаромъ?

Филиппъ.

Бирбанскій.

Пожалуд, хоть съ сахаромъ.... или нѣтъ, чего бы еще поддѣлать?... Положи-но ромпу чайную ложку.

Филиппъ.

Слушаю-съ.

Бирбанскій.

Нѣтъ, постой!... Сдѣлай-ко лучше такъ, просто, подоломай, поровну,... Поднимаешь?

Филиппъ.

Сейчасъ, сударь.

Бирбанскій.

Или.... нѣтъ, нѣтъ.... постой! Меня что-то со сна озабѣ пробираетъ; такъ принеси-ко лучше цѣльнаго рому, онъ меня пора-зогрѣетъ.

Филиппъ.

Вотъ тебѣ и лекарство отъ кашля! (*Уходитъ*).

Бирбанскій.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мои дѣла очень плохи.... финансы и здоровье разстроены, долговъ пропасть, а кредиту ни на грошъ! Еще нѣ-сколько дней, и того гляди меня посадятъ на казенное содержа-ніе. Ну, что жъ? чортъ возьми!... падо быть философомъ.... Тамъ хоть, по-крайней-мѣрѣ, Жиды меня не будутъ беспокоить.

Филиппъ, входитъ.

Васъ спрашиваетъ какой-то докторъ....

Бирбанскій.

Ну его къ чорту!... Скажи ему, что я боленъ, и потому не могу его принять.

Филиппъ, подавая карточку.

Вотъ его карточка.

Бирбанскій.

Что я вижу! Каплицкій!... Зови, зови его скорѣе....

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БИРБАНСКІЙ и КАПЛИЦКІЙ.

КАПЛИЦКІЙ.

Здорово, Бирбанскій!

Бирбанскій.

Каплицкій! старый дружище!... какими судьбами?... давно ли ты здѣсь?...

КАПЛИЦКІЙ.

Слишкомъ полгода.

БИРВАНСКІЙ.

И мы по сіе время нигдѣ съ тобой не встрѣчались?... Вотъ сюрпризъ!... Дай еще разъ обнять себя, мой милый Эскулапъ! Если бѣ ты зналъ, какъ я радъ нашей встрѣчѣ.... Такъ ты получилъ докторскій дипломъ?... молодецъ!... Впрочемъ, отъ тебя надо было этого ожидать: ты съ малолѣтства пристрастился къ мертвымъ языкамъ, а жпвые тебѣ были всегда выпочемъ!... Мы вмѣстѣ съ тобой вышли изъ университета: ты пошелъ по медицинскому факультету, надѣлъ ученый колпакъ, а я — уланскую шапку.... Но чѣмъ же кончилось?... я въ отставку, все прожилъ, прокутилъ, ни за грошъ.... а ты, вѣроятно, лечишь не наживотъ, а на-смерть, и нажилъ себѣ копѣйку. Вотъ судьба!

КАПЛИЦКІЙ.

Какъ! неужели ты все прожилъ?... ты, единственный наследникъ такого огромнаго имѣнія!... Куда же все это дѣвалось?

БИРВАНСКІЙ.

Куда? Читалъ ли ты басню о курпцѣ, которая ѣсла золотыя яйца?

КАПЛИЦКІЙ.

Ну?

БИРВАНСКІЙ.

Ну, я зарѣзалъ эту курпцу!

КАПЛИЦКІЙ.

Что это за басня?... растолкуй хорошенько?...

БИРВАНСКІЙ.

Вотъ какъ было дѣло: послѣ покойнаго отца я получилъ въ наследство родовое имѣніе, которое по законамъ я не имѣлъ права продавать, а долженъ былъ пользоваться только доходами.... Конечно, этихъ доходовъ было бы достаточно порядочному человѣку; но я не изъ такихъ, какъ тебѣ извѣстно. Мнѣ надо было какъ Цезарю: «Ни все, ни ничего!» Вслѣдствіе этого мудраго изреченія, у меня теперь, кромѣ долговъ, ровно ничего не осталось!

КАПЛИЦКІЙ.

Такъ неужели же ты имѣлъ глупость продать свое пожизненное право?

БИРВАНСКІЙ.

Какъ быть? любовь, вино и карты сѣиграли со мной эту глупую шутку! Ты помнишь Розу Олесницкую?... помнишь, какъ я бывало на лекціяхъ рисовалъ ея дивный профиль.... вмѣсто дис-

сертаціи сочинялъ элегіи, мадригалы, романсы?... съ ума сходилъ отъ нея!... Покойный отецъ мой былъ задушевный другъ съ отцомъ ея, а мы съ ней души другъ въ другѣ не слышали! судьба улыбалась намъ, но вышло иначе. Одна вдовушка, которой хотѣлось завербовать богатаго мужа, пасплетничала на меня. Мнѣ отказали отъ дому.... я съ досады уѣхалъ изъ Вильны, началъ съ горя пить, играть, кутить на-пропалую, надѣлалъ долговъ, и въ одинъ прекрасный зимній вечеръ попалъ въ теплую компанію.... въ этомъ отборномъ собраніи условился играть только на чистыя деньги.... Судьба точно смѣялась надо мною: что ни карта — то убита.... проиграю было много, выпито еще болѣе; игроки забастовали, дошло до расплаты, и въ эту-то адскую минуту подвернулся какой-то нечистый духъ — выложилъ пукъ ассигнацій, рассыпалъ груды золота.... у меня голова пошла кругомъ.... этотъ дьявольскій спекуляторъ предложилъ мнѣ любовную сдѣлку, и въ четверть часа все было кончено! Я ему передалъ мое пожизненное право; онъ мнѣ отсчиталъ наличныя деньги, я расплатился съ долгами.... въ два года прожилъ остальное, и теперь, какъ видишь, живу въ грязномъ трактирѣ, а здѣсь все чисто-хонько!

КАПЛИЦКІЙ.

Съумасшедшій человѣкъ! Но кто же этотъ пріятель, который поддѣлъ тебя на эту ловкую штуку?

БИРБАНСКІЙ.

Чортъ его знаетъ!... какая-то скаредная рожа, которую я съпьяна не разсмотрѣлъ хорошенько. Я тебѣ лучше скажу, я даже не помню его фамилію. О, проклятый Саміель! Если бъ мнѣ узнать его? если бъ съ нимъ встрѣтиться? я бы отбилъ у него охоту спекулировать на человѣческую жизнь! Впрочемъ, у меня есть еще средство падуть моего Саміеля!

КАПЛИЦКІЙ.

Какое же это средство?

БИРБАНСКІЙ.

Какое? а вотъ, какъ протяну ногу, такъ онъ и останется въ дуракахъ!

КАПЛИЦКІЙ.

Что за глупость!

БИРБАНСКІЙ.

Право умру! тогда его пожизненное право пойдетъ къ чорту! Можетъ-быть тебя сама судьба послала мнѣ на помощь. Досихъ-поръ я ни съ однимъ докторомъ не имѣлъ дѣла; помоги же

мнѣ, не старой дружбѣ: вымети меня, пожалуйста, отъ этой бур-
тожковой жизни!

К чему мнѣ жизнью дорожить?
Судьба все къ лучшему устроитъ.
Ну, что за жизнь, коль нечѣмъ жить?
Безъ денегъ жизнь — гроша не стоитъ!
Хоть я свой вѣкъ укоротилъ,
Зато въ немъ радости умножилъ!
Могу сказать я, какъ Ахиллъ:
«Я мало жилъ, да много прожилъ»!
Кому по мнѣ здѣсь горевать?
Я весело прошусь съ друзьями;
Лишь станутъ слезы утирать
Жиды моии векселями!

КАПЛИЦКІЙ.

Полно сумасбродничать! Вѣдь меня въ-самомъ-дѣлѣ прислали
къ тебѣ для медицинскаго пособія.

БИРБАНСКІЙ.

Неужели! кто же этотъ благодѣтель?

КАПЛИЦКІЙ.

Вчера вечеромъ я получилъ записку, въ которой меня умоля-
ютъ помочь тебѣ; по слогу и по почерку эта особа должна быть
женскаго пола.

БИРБАНСКІЙ.

Право? Постой, постой.... Теперь я догадываюсь!... Вообрази,
братецъ: съ вѣкотораго времени, вѣроятно, какая-то благодѣтель-
ная фея принимаетъ во мнѣ необыкновенное участіе.... На-дняхъ,
какъ то, сдѣлался морозъ: шуба у меня ужъ давно лопнула въ за-
кладѣ.... вдругъ приносятъ мнѣ пальто на мѣху, — спрашиваю:
отъ кого? — никто не знаетъ; третьяго дня я былъ въ гостяхъ
за городомъ, выхожу въ два часа ночи, — проливной дождь, тьма
такая, хоть глаза выколи.... извозчиковъ, по обыкновенію, нѣтъ!...
Вдругъ подъѣзжаетъ наемная карета. Кучеръ меня окликнулъ по
фамиліи, отворилъ дверцы, отвезъ домой и не взялъ денегъ, —
говорить, что уже получилъ впередъ. Въ прошлый маскарадъ за-
тѣялъ я съ кѣмъ то ссору, дѣло почти доходило до раздѣлки....
и что же? является какое-то домино, подхватило моего соперни-
ка подъ руку и исчезло съ нимъ въ толпѣ.... Согласись, что все
это очень странно!

КАПЛИЦКІЙ.

И ты, послѣ этого хочешь умирать? Тебя любить.... берегутъ какъ ребенка, а ты не дорожишь жизнью!

БИРБАНСКІЙ.

Зачѣмъ же эта сальфанда скрывается отъ меня?

КАПЛИЦКІЙ.

Она, конечно, хочетъ испытать тебя прежде.

БИРБАНСКІЙ.

Зачѣмъ же она не пришлетъ мнѣ денегъ?

КАПЛИЦКІЙ.

Она вѣрно знаетъ, что ты прокутишь ихъ въ одинъ день.

БИРБАНСКІЙ.

Твоя правда! Какъ этотъ докторъ знаетъ мою натуру. Ну, такъ и быть, — рѣшено: для этой сальфанды я хочу жить! Лечи меня, Эскулапъ, лечи какъ знаешь. Ты найдешь во мнѣ послушнаго пациента.

КАПЛИЦКІЙ.

Ну, говори, въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ ты боленъ, — что у тебя такое?

БИРБАНСКІЙ.

Чахотка въ карманахъ.

КАПЛИЦКІЙ.

Ну, это въ сторону! — Дай пульсъ.... ты, вѣрно, дурно спишь подпочамъ?

БИРБАНСКІЙ.

Вотъ уже двѣ ночи, я почти глазъ не смыкалъ.

КАПЛИЦКІЙ.

Что жъ, ты кашлялъ?

БИРБАНСКІЙ.

Нѣтъ, пилъ и игралъ въ карты.

КАПЛИЦКІЙ.

Ну, это не хорошо.... пить много тебѣ не годится.

БИРБАНСКІЙ.

По-неволя много пьешь, какъ *солоню* жить на свѣтѣ.

КАПЛИЦКІЙ.

Шутки въ сторону, Бирбанскій, тебѣ надо серьезно полѣчиться; я пропишу тебѣ на первый разъ микстуру: принимай черезъ часъ по ложкѣ.

БИРБАНСКІЙ.

Дѣло, дѣло! а запивать чѣмъ.... шампанскимъ, или вотъ этимъ? (Филиппъ приноситъ стаканъ рому.)

смѣсь.

КАПЛИЦКІЙ.

Позволь попробовати.... (пьетъ). Да, это не дурно, но только при твоей слабости — немножко крѣпко. За твое здоровье!

БИРБАНСКІЙ.

Спасибо. Вотъ доктора! сами пьютъ ромъ, а намъ прописываютъ такую дрянъ, что въ ротъ не возьмешь.

ФИЛИППЪ.

Вотъ сегодняшнія газеты.

БИРБАНСКІЙ.

Покажи-ко.... Bravo! ура! Да здравствуетъ коммерція.... да здравствуетъ море! Ну Каплицкій.... брось свой рецептъ.... Устрицы пріѣхали! Фленсбургскія устрицы!

КАПЛИЦКІЙ, встаетъ.

Устрицы! чортъ возьми; я ихъ очень люблю.

БИРБАНСКІЙ.

Такъ за чѣмъ же дѣло стало! Пойдемъ, дружище! позавтракаемъ вмѣстѣ.... вѣдь устрицы вещь здоровая.

КАПЛИЦКІЙ.

Да, конечно, штукъ пять можно.

БИРБАНСКІЙ.

Ну разумѣется, десятокъ, другой, третій.

КАПЛИЦКІЙ.

Однако жъ тебѣ все-таки надо поберечься.

БИРБАНСКІЙ.

О, конечно, вѣдь ты будешь со мною. Ну а шампанское-то на устрицы вѣдь необходимо, какъ ты думаешь?

КАПЛИЦКІЙ.

Ну да, одинъ бокальчикъ....

БИРБАНСКІЙ.

Разумѣется, одинъ, другой....

КАПЛИЦКІЙ.

Да, пожалуй два, но не болѣе.

БИРБАНСКІЙ.

Два, три, четыре, пять.... что за счеты между пріятелями. Завтра ты уложи меня, какъ хочешь, а сегодня ты мой! пойдемъ спрыснемъ и обновимъ нашу старую дружбу, старинный кутюль! Да здравствуетъ дружба и сельфида, да здравствуютъ устрицы и медицина.

Пойдемъ-ка вспомнимъ мы съ тобой

Студентскія пирушки наши,

Когда, при пѣсни разгульной,

Пивали мы изъ полной чаши.
 Когда и Бахусъ и Амуръ
 Служили дружно намъ бывало
 И Gaudeamus igitur!
 И день и ночь шумокала!

КАПЛИЦКІЙ.

Но ты сегодня очень слабъ...

ВЕРВАНСКІЙ.

Съ друзьями жить всегда здоровъ я.
 Пойдемъ, мой чудный Эскулапъ,
 Напьемся оба на здоровье!
 Последний пиръ я задаю:
 Потѣшь же ты мою натуру....
 Сегодня я тебя пою,
 А завтра лей въ меня микстуру!

ОБА.

Пойдемъ же вспомнимъ мы съ тобой, и проч.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ФИЛИППЪ.

Вотъ тебѣ и разъ!... хорошъ же докторъ ему попался; началъ писать рецептъ, а теперь.... пиши пропало! И чортъ меня дернулъ съ газетами.... Эге! тутъ какая-то картинка: что это? (*читаетъ*). «Синьоръ Жермани совершитъ большое воздушное путешествіе въ колоссальномъ шару, какого еще никогда не бывало; шаръ приглашаетъ безденежно охотника сдѣлать ему компанію. Ровно въ 12 часовъ поднимется шаръ на необозримую вышину, при звукахъ музыки». Вотъ сумасшедшій! да гдѣ онъ найдетъ себя подъ пару другаго дурака.... А вотъ опять нашъ старикъ.... бѣда, если онъ узнаетъ, что баринъ отправился кутить; уйди отъ него за добра ума.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ЧЕРТОВИЧЪ, ОЛЕСНИЦКІЙ И РОЗА.

ЧЕРТОВИЧЪ.

И такъ, любезный тестюшка, мы съ вами теперь совсѣмъ покончили; кажется, съ моей стороны, нельзя быть великодушнѣе.

Теперь только остается назначить день свадьбы, а до тѣхъ-поръ, я бы не совѣтовалъ вамъ оставаться здѣсь въ трактирѣ, во первыхъ, и дорого и расходно, а во-вторыхъ, сообщество для молодой дѣвушки не совѣмъ прилично. Я, у знакомой мнѣ старушки, найду вамъ скромную квартирку и дешевле и удобнѣе.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Благодарю; мы здѣсь долго не останемся.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну, какъ угодно; я вѣдь хлопочу объ вашей же выгодѣ.... Да будьте по-веселѣе, моя красавица, вы найдете во; мнѣ самого услужливаго мужа, — я для васъ ничего не пожалѣю.

ОЛЕСНИЦКІЙ. ТИХО.

Оставь ее; она, со временемъ къ тебѣ привыкнетъ. Я ужъ говорилъ, что она все-еще груститъ о своемъ прежнемъ женихѣ.... Правда, онъ былъ добрый, честный молодой человѣкъ, но какъ быть: кто не былъ молодѣе....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Понимаю, понимаю, какой-нибудь кутило? Эхъ, сватушко, молодые люди никуда не годятся, они хороши только въ медовый мѣсяцъ, а потомъ хуже нашего брата. Солидное всегда прочнѣе. Какъ не выдумываютъ моды, а все собьются на старинное: старое вино, старая дружба, старое золото всегда цѣнятся гораздо дороже; а старая любовь никогда не ржавѣетъ, говорить пошленица.

Вино и пиво молодое —
Шипить, бурлить, а толку нѣтъ,
Такъ и любовь прочнѣе вдвое,
Когда она почтенныхъ лѣтъ.

Пока въ насъ кровь не перебродитъ,
Кипить волненіе страстей,
Но старыи мужъ не колобродитъ,
Не рыщетъ отъ жены своей.

Стариннаго изобрѣтенья
Придумать лучше не легко.
Посуда, мебель и строенье
Все это вымче *рококо!*

(Розь:)

Но, впрочемъ, я для васъ съ-умѣю,
Трѣхууть на свадьбѣ старинной;
И вѣрно самъ помолодѣю;

Съ такой хорошенькой женой!

Вино и пиво, и проч.

РОЗА, въ сторону.

Несносный человѣкъ, онъ со своими нѣжностями еще противнѣе.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Но куда же вы собрались, любезный тестюшко.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Мнѣ нужно повидать одного стараго знакомаго, да, по-дорогѣ, зайду въ магазины, куплю ей кое-что для приданаго....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Экъ, тестюшко, васъ тамъ надуютъ; вы бы лучше у меня купили; у меня все есть: отъ брилліантовъ до полотна, отъ мебели до чулковъ.... я вамъ продамъ по родству гораздо дешевле. Всѣ эти вещи давно ужъ просрочены, и вѣдь подержаное всегда бываетъ прочнѣе.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Благодарю; повошеннаго я самъ никогда не носилъ да и ей не намѣренъ покупать.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну, какъ вамъ угодно; я вѣдь такъ, по дружбѣ, а впрочемъ, ваша воля.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Ты, Роза, пойдешь со мною.

РОЗА.

Нѣтъ, панешка, я съ дороги еще немножко устала.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Ну, какъ хочешь; останься же съ Маргаритой, я скоро вернусь.... до свиданія.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

РОЗА и ЧЕРТОВИЧЪ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Куда же вы, моя безподобная? подождите немножко....

РОЗА.

О, какое мученіе!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Подарите мнѣ еще двѣнадцать минутъ, а я за это вамъ самъ

подарю кое-что. Да, моя красавица, позвольте мнѣ, какъ жениху, надѣть на вашъ прекрасный пальчикъ этотъ залогъ, золотой залогъ (подастъ ей кольцо).

РОЗА.

Оно вѣрно у васъ тоже въ залогъ?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну, чтѣ вамъ до этого; было бы золото, а это настоящее червовное.... Возьмите-ко на ручку, сколько тутъ вѣсу.... а? какъ бы вы думали?

РОЗА.

Мнѣ все равно.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну этого нельзя сказать: тутъ ползолотника много значить.... Полноте стыдиться, возьмите....

РОЗА.

Нѣтъ нѣтъ, я нехочу, оставьте меня.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Вотъ какія времена пришли! Дашь золотую вещь даромъ.... да еще просишь, чтобъ ее принялъ.... со мной никогда не случилось. Ну дайте же мнѣ свою ручку, если меня любите.

РОЗА.

Чтѣ? я васъ люблю? съ чего вы это взяли? я вамъ никогда этого не говорила. Я люблю другаго.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Да, я это слышалъ; да вѣдь дѣвушки влюбляются разъ двадцать, а выходятъ замужъ только одинъ разъ.

РОЗА.

Я его никогда не забуду.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Э! у дѣвушекъ память коротка.... говорить пословица.... Впрочемъ, безъ вашего добровольнаго согласія, я бы не сталъ свататься: вашъ батюшка далъ мнѣ слово и за это мы съ нимъ дружелюбно рассчитались.

РОЗА.

Да, вы правы; вы напомнили мнѣ мой долгъ! Я должна быть вашей женой, чтобъ спасти своего отца: онъ мнѣ дороже моего собственнаго счастья!

Пускай на вѣкъ себя я погублю,
Отцу я всею пожертвовать рѣшилась,
Судите жъ вы, какъ я его люблю;
Когда женой быть вашей согласилась;

Я покорюсь злой участи своей,
И буду ждать конца моихъ страданій,
Но, вѣрьте мнѣ, что вы любви моеи
Некупите всѣми вашими состояніемъ.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ЧЕРТОВИЧЪ, одинъ.

Покорно благодарю.... да я и не намѣренъ такъ дорого платить за любовь. Любишь — хорошо, а нѣтъ, такъ все равно: мнѣ нужна только хозяйка, которая бы сидѣла дома, да берегла мое благопріобрѣтенное.... Ключицы-то меня поддѣвали нѣсколько разъ; а тутъ жена сиди себѣ, да береги мужнино добро. Но это все вздоръ, а главное, пожизненное право Бирбанскаго меня мучить: надо поскорѣе его сбить съ рукъ.... По всему видно, что Бирбанскій не жалеетъ на бѣломъ свѣтѣ.... Ай, ай. Скоро одиннадцать часовъ, а въ десять хотѣлъ придти ко мнѣ панъ Грошевичъ для окончательной сдѣлки.... Онъ мой старинный пріятель, какъ бы мнѣ его надуть! Вчера онъ-было совсѣмъ рѣшился купить это проклятое право, авось сегодня.... (глядя въ окно). А! вотъ и онъ!... вѣрно соскучился дожидаться, или ужъ не хочетъ ли онъ лично узнать о здоровьѣ Бирбанскаго.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЧЕРТОВИЧЪ и ГРОШЕВИЧЪ, сухой старикъ; одѣтъ
очень просто, трясетъ
головой.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Здравствуй, мой безцѣнный, мой почтенный панъ Грошевичъ.... Извини меня.... я было только хотѣлъ идти домой, встрѣтить тебя, а ты былъ такъ любезенъ, что самъ.... Дай себя обнять, мое сокровище! ты пѣшкомъ пришелъ?... И безъ палки? Фу, какой ты еще молодецъ! Я вѣдь передъ тобой старичишко, право, старичишко.... Да ты, кажется еще сто лѣтъ проживешь.... Ей Богу, проживешь! Садись, мой голубчикъ, садись.... Намъ незачѣмъ идти домой.... мы здѣсь же съ тобой потолкуемъ и покончимъ, какъ слѣдуетъ.... Такъ-то, мой ненаглядный, ты не повѣршишь, какъ я тебя люблю, души въ тебѣ не вижу, то есть

не слышу. Вѣдь мы съ тобой лѣтъ сорокъ знакомы, право, лѣтъ сорокъ, я думаю.... Ну, ну, что же скажешь, мое золото?

ГРОШЕВИЧЪ.

Что?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну что.... новаго?

ГРОШЕВИЧЪ.

Ничего.

ЧЕРТОВИЧЪ, въ сторону.

Экой скриг! онъ даже отъ скупости и говорить-то не хочетъ. Ему. Видишь ли, дружище, мы вчера съ тобой не кончили нашего дѣльца; а знаешь ли, послѣ вѣдь мнѣ больше давали; однажды я не продалъ, чтобы тебя не обидѣть.... Ну, вотъ наше условіе (*вынимаетъ бумагу*): подпиши, и дѣло съ концемъ.... И такъ рѣшено, ты у меня покупалъ пожизненное право Бирбанскаго и даешь сто тысячъ?... да? да?

ГРОШЕВИЧЪ.

Нѣтъ!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Какъ? что? или мнѣ послышалось.... ты сказалъ «нѣтъ»?

ГРОШЕВИЧЪ.

Да.

ЧЕРТОВИЧЪ.

А! понимаю: ты хотѣлъ сказать «да», да ошибся?

ГРОШЕВИЧЪ.

Нѣтъ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ? рѣшительно нѣтъ?

ГРОШЕВИЧЪ.

Да.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постой, постой, дружище! не шути такъ ужасно: вѣдь отъ твоего «нѣтъ» у меня душа въ пятки ушла! Что же это съ тобою сдѣлалось? что за перемѣна? въ чемъ у тебя сомнѣніе?

ГРОШЕВИЧЪ.

Бирбанскій нездоровъ!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Что? что? нездоровъ! ха, ха, ха! да какой дуракъ тебѣ навралъ? онъ здоровъ какъ быкъ, какъ Гераклъ! Онь, просто, богатырь!... ты, вѣрно, не разглядѣлъ его хорошеца: онъ только худощавъ немножко, да вѣдь всѣ силы и здоровья бѣда-

ють худошавы. Вѣдь Давидъ былъ маленькій и худенькій, а одолѣлъ Голиава! Возьми, напримѣръ, англійскіе рысаки — кожа да кости, а здоровье немовѣрное! Вѣдь и пословица говоритъ: скрипучее дерево не скоро сломится; битая посуда два вѣка живетъ.... Нездоровъ! экъ что выдумалъ! Ну, да я не люблю много говорить. Вотъ тебѣ послѣднее слово: даешь девяносто тысячъ? нѣтъ? ну, такъ и битіе — осемьдесятъ.... и осмидесяти не даешь? Послушай, послушай, вѣдь надо имѣть совѣсть: легко бѣдняка обидѣть на этомъ свѣтѣ, но надо подумать объ томъ.... понимаешь? Ну, даешь семдесятъ? нѣтъ? (*Грошевичъ каждый разъ вѣртитъ головой отрицательно*). А! ты хочешь меня безъ ножа зарѣзать!... ну, ну, рѣжь меня по горлу, зарѣжь меня какъ собаку, такъ и дѣло съ концомъ! (*Грошевичъ встаетъ*). Пстой! сиди, сиди! такъ и быть — шестьдесятъ? нѣтъ? Послушай, разбойникъ! пусть чортъ меня возьметъ, чтобъ не сойти мнѣ съ этого мѣста, пусть я ослѣпну, если могу еще спустить хоть копѣйку... Ну, даешь пятьдесятъ? нѣтъ? Вотъ какъ, и сорока не даешь? Ну, вотъ же тебѣ самое послѣднее — тридцать! Неужели же и тридцати не хочешь дать?... (*Со слезами*). Послушай.... чтѣ жъ ты со мной дѣлаешь? я вѣдь бѣдный человекъ, я нищій! за чтѣ же ты хочешь пустить меня по-міру?... Вѣдь я человекъ семейный: дряхлый отецъ, котораго я кормилъ до самой смерти; слѣпая мать... скончалась на моихъ рукахъ; скоро будетъ жена: тамъ, разумѣется, пойдутъ дѣти! Сжался хоть надъ этими птенцами! Ты растроганъ! Ты согласенъ? да, да, ты согласенъ! Ну, подпиши же условіе.

грошевичъ, беретъ перо.

Такъ и быть....

чертовичъ.

О, мой безцѣнный другъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢЖЕ и ФИЛИППЪ, съ лекарствомъ.

филиппъ.

Вотъ это лекарство сейчасъ принесли изъ аптеки для барина.

чертовичъ, тихо.

Пошелъ прочь, негодяй! Такъ сколько, сколько?

филиппъ.

Черезъ часъ по столовой ложкѣ. Баринъ еще не возвращался.... такъ; я думаю, лекарство-то поставить въ холодное мѣсто?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Убирайся къ чорту, дьяволёнокъ! Ну, ну, говори же, послѣднюю цѣну.... сколько, сколько?...

ГРОШЕВИЧЪ.

Ни гроша! пусть онъ прежде полечится.

ГРОШЕВИЧЪ.

Что ты! что ты! это совсѣмъ не лекарство: это докторъ прописалъ ему отъ избытка здоровья, отъ полнокрѣвія.... Посмотри самъ: это, просто, лимонадъ.... попробуй, ей-Богу лимонадъ! ты видишь, я здоровъ.... Ну, хочешь, я все выпью, чтобъ только тебя успокоить?... Прекрасно! (*пьетъ*) прекрасно! (*всторону*). Фу! какая гадость! весь ротъ стянуло!... Видишь, я выпилъ и не поморщился (*оглядывается, Грошевичъ уже ушелъ*). Ахъ, пролиятый, онъ ужъ исчезъ! Чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться, жидовское отродье! А тебя, анаѣему, какой сатана втолкулъ сюда въ эту минуту со своей дьявольской отравой?

ФИЛИППЪ.

Да вѣдь это лекарство для барина.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Чортъ тебя возьми и съ баринномъ! У меня вся внутренность горитъ отъ этой гадости! Принеси мнѣ поскорѣе хоть стаканъ воды. Пошелъ, пошелъ! (*Филиппъ уходитъ*). Вотъ выдумали лечить людей этакимъ дьявольскимъ зельемъ.... меня и здороваго всего отъ него скрючило, а каково же больному! А! вотъ и Бирбанскій!... онъ весело поетъ! Ну, слава Богу, немножко отлегло: полегче стало!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ЧЕРТОВИЧЪ и БИРБАНСКІЙ.

БИРБАНСКІЙ, на веселѣ.

Жизнь коротка, такъ и надо умѣть
 Намъ покутить и съ весельемъ сдружиться:
 Пить умереть, и не пить умереть,
 Лучше жъ попить и вполнѣ насладиться!
 Лей полнѣй!
 Въ кругу друзей
 Будь веселѣй!...
 Жизнь коротка, и проч.

Ну, славно, больной уложилъ доктора! Онъ, можетъ-быть, въ

медицинѣ и очень силенъ, а въ дружеской попойкѣ ни къ чорту негодится: осовѣлъ послѣ второй бутылки; по моему рецепту отправился на-боковую; сегодня его больные могутъ быть покойны.... Однако жъ и мнѣ не мѣшаетъ отдохнуть.... Эй, Филька! Филиппъ! куда онъ дѣвался?... Филиппъ! *(Кашляетъ)*.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ахъ, Боже мой! какой грудной кашель, а онъ кричитъ во все горло!

БИРЪАНСКІЙ.

Филиппъ!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Филиппъ! Филиппъ!

БИРЪАНСКІЙ.

Что вамъ угодно?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Я хочу вамъ пособить.... Вы изволите кашлять, а при кашлѣ не надо такъ кричать: это очень вредно!

БИРЪАНСКІЙ.

Да кто васъ проситъ тутъ....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Тутъ виѣшиваться? Я, такъ, изъ усердія.... я сію минуту кланку вашего человѣка, только не кричите такъ громко.

БИРЪАНСКІЙ.

ВѢСТЪ. { Что? чортъ возьми! я хочу кричать! кто мнѣ запретить кричать въ моей квартирѣ! Если вамъ непріятенъ мой голосъ, такъ убирайтесь къ чорту! а я хочу кричать, я буду кричать!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ради Бога, берегите себя! у васъ можетъ лопнуть жила, вы надорвете себѣ грудь: у васъ сдѣлается воспаленіе! Тихе, ради Бога, кричите тихе!

БИРЪАНСКІЙ.

Да откуда взялся этотъ чучело? Кто вы такой? что вы ко мнѣ пристааете?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Тихе, ради Бога, тихе!... Вы хоть прибежите меня, только будьте потише! Садитесь, молодой человѣкъ, садитесь.... Вотъ, почитайте газеты, а я сбѣгаю за вашимъ Филиппомъ. Надо беречь душу: тѣло наше не что иное какъ футляръ для души.... При вашей слабости вамъ нужно спокойствіе, совершенное спокойствіе!

БИРЪАНСКІЙ, прочтя газету, вскакиваетъ.

Что я вижу! Прекрасно! какая счастливая мысль!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Вотъ опять закричалъ! Что вы тутъ нашли?

БИРБАНСКІЙ.

Читайте, читайте....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Что это? А! да, знаю, читалъ, читалъ: какой-то шарлатанъ летитъ въ воздушномъ шару. Ну, чортъ съ нимъ! пусть этотъ съумасшедшій сломитъ себѣ шею!

БИРБАНСКІЙ.

Съумасшедшій! понимаете ли вы всю поэзію этого дивнаго изобрѣтенія? Умъ человѣческій не могъ придумать ничего выше этого! Вотъ путешествіе, котораго я еще не испыталъ... я воображаю, какое должно быть наслажденіе подняться въ этотъ безпредѣльный, необъятный міръ, въ это безконечное пространство и взглянуть оттуда съ презрѣніемъ на нашъ земной муравейникъ.... какъ мы всѣ здѣсь умничаемъ: думаемъ, что мы важны, велики, а какъ посмотришь оттуда, такъ не только мы, наши огромныя палаты покажутся меньше ничтожной песчинки! Да, чортъ возьми, вотъ въ полномъ смыслѣ высокое наслажденіе!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ай, ай! у него начинается горячка!

БИРБАНСКІЙ.

Онъ вызываетъ охотника; рѣшено! я лечу съ нимъ выѣсть!...

ЧЕРТОВИЧЪ.

Вы? Я пропалъ!

БИРБАНСКІЙ.

Теперь двѣнадцатаго половина... черезъ полчаса я буду свободенъ какъ воздухъ! Повесусь выше тутъ небесныхъ — нечестиву въ широкомъ пространствѣ и плюну оттуда на всѣхъ Жидовъ и кредиторовъ. Эй, Филиппъ! Филиппъ!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ! не пушу, ей Богу, не пушу! Вы хоть убейте меня, а я васъ не выпущу отсюда!

БИРБАНСКІЙ.

Что? ты не выпустишь? да тебѣ какое до меня дѣло?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Мнѣ какое дѣло! а если вы свернете себѣ шею?

БИРБАНСКІЙ.

Ну, такъ что жъ? не твое дѣло!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постойте, стойте!... подумайте, что вы хотите дѣлать! Если

мы тамъ, Боже сохрани, безъ вѣсти пропадете.... если наконецъ убьете до смерти.... что тогда со мной? молодой человекъ! Смѣйтесь надъ моею старостью! на колѣняхъ умоляю васъ!... (Стаиваетъ на колѣни).

ВИРЬАНСКІЙ, толкая его.

Убѣрайся къ чорту, съумасшедшій! Филиппъ! подложины шампанскаго и четыре колоды картъ.

Уходитъ.

ЧЕРТОВИЧЪ, на полу.

Какова сила! какво онъ меня хватилъ.... о! въ немъ жизни еще хватить на двадцать лѣтъ.... Да, впрочемъ, что въ этомъ пользы.... какъ слетить съ воздушнаго шара, такъ тутъ что больно, что здоровый, все равно — только однѣ косточки останутся.... Какъ бы его удержать.... Нельзя ли запереть, какъ ввбудь....

ВИРЬАНСКІЙ, возвращается.

Филиппъ! куда онъ дѣвался, мошенникъ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

А, прекрасно!... счастливая мысль!... Вашъ Филиппъ сейчасъ пробѣжалъ здѣсь и спрятался туда.

ВИРЬАНСКІЙ.

Спрятался? зачѣмъ?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Онъ вѣрно слышалъ, какъ вы изволили здѣсь кричать и бить, чтобъ его, этакъ, знаете.... не поколотили.

ВИРЬАНСКІЙ.

Ахъ, онъ негодай.... куда онъ спрятался? сюда?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Сюда, сюда.... я самъ видѣлъ....

ВИРЬАНСКІЙ, уходя въ комнату, гдѣ Роза.

Постой же мошенникъ! я съ тобой раздѣлаюсь.

ЧЕРТОВИЧЪ, запирая двери.

Ага! попался соколикъ.... Теперь ты отсюда не улетишь. Вотъ такъ то лучше, прохладись немножко. Ахъ! чортъ возьми! что я надѣлалъ? тамъ моя невѣста! вотъ выдумалъ на свою голову: какъ быть? На что рѣшиться.... Отворишь дверь, онъ улетитъ; оставить такъ — онъ, чего добраго, отобьетъ у меня невѣсту.... ай, худо.... посмотримъ, что онъ тамъ дѣлаетъ (Смотритъ сквозь замкъ). Ничего невидно....

ФИЛИППЪ, входитъ.

Вотъ, сударь вода....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Не шумно, не шумно.... Ты пришелъ котаги: ты меня выру-

члвкъ изъ бѣды.... Вѣдь ты малый добрый, смѣлый, услужливый. Ты вѣрно любишь своего барина, ты вѣрно, готовъ для него въ огонь и въ воду.... Сослужи же ему послѣднюю службу.... Вообрази, на какія штуки онъ хочетъ подняться? Онъ собирается летѣть въ воздушномъ шару съ этимъ италіанскимъ шарлатаномъ.... Бѣги же туда голубчикъ скорѣе, и предупреди его....

ФИЛИППЪ.

А, понимаю, понимаю; сказать ему, чтобъ онъ не леталъ (Идетъ).

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, постой.... ты спаси своего барина отъ погибали: будь другъ — займи его мѣсто....

ФИЛИППЪ.

Что? что? вотъ дурака нашли!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Филиппушка.... Вѣдь ты его человѣкъ — а человѣкъ долженъ быть великодушенъ — долженъ жертвовать собою для ближняго. Ты только подумай — какое наслажденіе подняться въ этотъ безпредѣльный муравейникъ.... какое великолѣпное зрѣлище тебѣ представится: ты взглянешь оттуда на землю — и ничего не увидишь.... Ты тамъ будешь носиться между небомъ и землею и наконецъ исчезнешь въ безконечномъ пространствѣ.... Вѣдь этакого наслажденія ни одинъ лакей еще не испытывалъ.... Тамъ ты будешь самъ себѣ господинъ.

ФИЛИППЪ.

Вотъ выдумали! Да вѣдь я могу свернуть себѣ шею....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Не свернешь, не свернешь.... я отвѣчаю тебѣ своею головою.

ФИЛИППЪ.

Полноте, сударь; не такъ я глупъ, чтобъ и вы считали меня за дурака!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Такъ ты не хочешь?

ФИЛИППЪ.

Не хочу!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Рѣшительно?

ФИЛИППЪ.

Рѣшительно!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну и хорошо дѣлаешь.... такъ, по-крайней мѣрѣ, ступай же ту-

да скорѣе; это близехонько, и какъ только поднимется воздушный шаръ, прибѣги мнѣ сказать: я за эту услугу ничего тебѣ не пожалѣю (*ищетъ въ карманахъ, Филиппъ протягиваетъ руку*). Да иди же скорѣе, мошенникъ, ты безъ задатку шагу не сдѣлаешь (*Выталкиваетъ его*). Ну что будетъ, то будетъ! черезъ четверть часа спустятъ шаръ и тогда его можно будетъ выпустить.... авось въ это время.... Ай! ай! ай! что это со мною дѣлается? какая ужасная боль подъ ложкой.... Ахъ, это вѣрно проклятое лекарство начинаетъ дѣйствовать!! Охъ! Въ какую несчастную минуту я связался съ этимъ сорванцомъ!... купилъ его пожизненное право, а самъ, кажется, прежде его ноги протяну.... ой! ой! дурно, дурно! (*Садится*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ЧЕРТОВИЧЪ и ОЛЕСНИЦКІЙ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Чортъ возьми! хороши магазины! что ни спросишь, все тамъ дорого. Вотъ взялъ образчики, не понравится ли ей что-нибудь....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Кто тутъ?... А... это.... ты? ты ужъ воротился.... какъ скоро....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Да къ вашимъ товарамъ приступу вѣтъ.... Но что съ тобою? ты такъ блѣдень.... въ какомъ-то безпокойствѣ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Я? вѣтъ, вѣтъ, ничего.... меня что-то ознобъ прошибаетъ.... должно быть отъ ненастья....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Какъ отъ ненастья? Теперь прекрасная погода....

ЧЕРТОВИЧЪ.

Право.... такъ поди же погулай еще немножко.... поди.... поди.... отсюда, пожалуйста....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Куда же мнѣ идти?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Куда хочешь, только оставь меня въ покоѣ....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Да ты вѣрно боленъ въ-самомъ-дѣлѣ?... ты на себя не похожъ.... постой же, я тебя поподчюю моей наливкой, она тебя, какъ разъ освѣжитъ.... (*Идетъ въ комнату*).

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойся.... Не ходи туда, сдѣлай мнѣ что-нибудь, не ходи....

ОЛЕСНИЦКІЙ:

Кого чортъ!... то ходи, то не ходи, ты просто въ горячкѣ!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Если ты имѣешь другъ, побудь со мною десять минутъ, не больше, — только десять минутъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что за пропасть!... Онъ въ-самомъ-дѣлѣ что-то завирается. Роза, Роза! вели Маргаритѣ подать сюда графинъ съ наливкой.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Тише, тише, она тебя не услышитъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что, развѣ ее тамъ нѣтъ?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ, она тамъ, только она никакъ не можетъ выйти отсюда.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Не можетъ? что же съ нею сдѣлалось?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ничего не сдѣлалось.... ей Богу ничего, я тебѣ за это ручаюсь моею честью; кому же она дѣвушка воспитанная, добродѣтельная, она вѣрно сумѣетъ защищаться отъ всякаго негодяя.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что? что? отъ негодяя?...

ЧЕРТОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не негодяй, онъ прекрасный молодой человекъ, онъ тоже не позволитъ себѣ ничего такого....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Какъ?... она тамъ, съ молодымъ человекомъ. Кто этотъ дерзкій? Я хочу знать?... *(Идетъ.)*

ЧЕРТОВИЧЪ.

Не пушу, ей Богу не пушу! подожди еще нѣсколько минутъ, и тогда все узнаешь.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Пусти меня, говорятъ тебѣ, или я тебя задую.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Рѣжь меня, жги меня, души меня, а прежде двѣнадцати часовъ не отворю этой двери....

ОДЕСНИЦКІЙ.

Хорошо же, сударь; вы принуждаете меня употребить силу; вамъ же хуже, если вы меня не пустите, я созову людей!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Дѣлайте что хотите, а я никого не пушу сюда.

ОДЕСНИЦКІЙ.

Подумайте хорошенько: послѣ этой огласки, она не будетъ вашей женой, понимаете ли вы, сударь?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Не пушу, ей Богу не пушу! Хотя всѣхъ будочниковъ созовите, не пушу!

ОДЕСНИЦКІЙ.

Эй, кто-нибудь! Трактирщикъ! хозяинъ, Юзефъ, Талеушъ, слуги! черти, всѣ сюда....

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ТРАКТИРЩИКЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Что вамъ угодно?

ТРАКТИРЩИКЪ.

Что за шумъ! что за происшествіе? Кто здѣсь буянить?

ОДЕСНИЦКІЙ.

Послушайте, хозяинъ: этотъ господинъ заперъ на ключъ мою комнату и не хочетъ отворить дверей.... я требую, чтобъ ихъ выломали силою....

ТРАКТИРЩИКЪ.

Послушайте, сударь... что за беспорядки вы дѣлаете въ моей гостиницѣ? Этотъ номеръ мнѣ принадлежитъ, и вы не имѣете никакого права здѣсь распорядиться.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Я не имѣю права! а если этотъ сорванецъ, который тамъ запертъ, слетитъ съ неба.... сломитъ голову, и лишится жизни, кто мнѣ тогда заплатитъ за мое пожизненное право?

ОДЕСНИЦКІЙ.

Что такое? что за чехуду онъ городитъ? Талеушъ, Юзефъ, ломайте двери!

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постойте.... передайте еще, полминуты.

ОДЕСНИЦКІЙ.

Ломайте, говорятъ вамъ (бѣгать дванадцать часовъ).

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постойте, стойте! двѣнадцать часовъ пробяло, теперь я самъ отопру васъ....

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢЖЕ, РОЗА И МАРГАРИТА.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Что я вижу!

РОЗА.

Что вамъ угодно?... что здѣсь за шумъ, чего вы хотите....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Маргарита!... Такъ ты была тамъ вдвоемъ съ....

РОЗА.

А съ кѣмъ же, вы думали?

ЧЕРТОВИЧЪ.

А онъ? — онъ, куда онъ дѣвался?

РОЗА.

Кто онъ? объ комъ вы спрашиваете.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Гдѣ же Бирбанскій?

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Бирбанскій?

РОЗА.

Какой Бирбанскій? Я никого не видала.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ахъ, негодяй! онъ убѣжалъ въ другія двери, онъ улетѣлъ! можетъ быть, онъ ужъ теперь за облаками.... Я погибъ! Пустите, пустите меня! Авось я его еще успѣю догнать.

Убѣгаетъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Онъ вѣрно въ бѣлой горячкѣ, онъ сошелъ съ ума совсемъ.

ТРАКТИРЩИКЪ.

Эге! это сумасшедшій! Я такъ и думалъ, ловите его братцы, ловите поскорѣе, чтобъ онъ не напроказилъ.

Уходитъ со слугами.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что все это значитъ? разтолкуй, мнѣ пожалуйста.

РОЗА.

Папенька, милый папенька! Давеча я была готова для васъ на

всякую жертву, соглашалась выдти за этого противнаго старичишку, но теперь, теперь, воля ваша, я не въ силахъ вамъ повиноваться, я не могу быть его женой.... Леонъ любить меня больше прежняго, а я.... я не могу жить безъ него!

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Какъ, Леонъ Бирбанскій? Стало быть, онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ тамъ съ тобою?

МАРГАРИТА.

Ахъ, сударь, еслибъ вы слышали, какъ онъ любитъ барышню, у меня даже слезы навернулись.... Ну можно ли промѣнять такого молодца на это чучело....

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Молчи, дура, не твое дѣло! пошла прочь, говори же мнѣ, какъ онъ попалъ въ твою комнату?

РОЗА.

Его заперъ туда самъ Чертовичъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что за путаница.... Зачѣмъ же Бирбанскій убѣжалъ?

РОЗА.

Развѣ онъ могъ выдти изъ моей комнаты при постороннихъ людяхъ? Онъ выпрыгнулъ изъ окна, чтобъ только не сдѣлать огласки, оскорбительной для нашей чести.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Да, это похвально.... благодарю; я точно глупо сдѣлалъ, что совзвалъ сюда столько свидѣтелей — но гдѣ же онъ теперь?..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И БИРБАНСКІЙ, который вышелъ нѣсколько ранѣе.

БИРБАНСКІЙ.

Онъ здѣсь, папъ Олесницкій, онъ у вашихъ ногъ умоляетъ васъ возвратитъ ему вашу прежнюю дружбу.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Бирбанскій!

БИРБАНСКІЙ.

Сжальтесь надъ нами, не разлучайте насъ!

РОЗА.

Папенька, добрый папенька! согласитесь на наше счастье.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Бирбанскій! Твоему отцу я многимъ обязанъ.... имѣть тебя

своимъ сыномъ было всегдашнимъ моимъ желаніемъ, но теперь уже поздно; я далъ честное слово и не могу измѣнить ему.

БИРБАНСКІЙ.

Я все знаю, вы дали честное слово человѣку, который для своей выгоды, не подорожилъ честию вашей дочери.... Нѣтъ, вы слишкомъ благородны, чтобъ вступить въ родство съ этимъ отъявленнымъ процентщикомъ. Вашъ несчастный долгъ заставилъ васъ рѣшиться пожертвовать своею дочерью, но дайте мнѣ волю, и этотъ негодяй, не только что согласится ждать уплаты, но добровольно откажется отъ вашей дочери.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Какимъ-образомъ?

БИРБАНСКІЙ.

Это ужъ мое дѣло. Онъ вѣрно сейчасъ сюда явится.... Подите же въ свою комнату, оттуда вы услышите весь нашъ разговоръ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Но растолкуй мнѣ прежде, зачѣмъ онъ тебя заперъ въ ея комнату?

БИРБАНСКІЙ.

Роза вамъ все подробно объяснитъ. Ступайте, ступайте скорѣе.... все пропало, если онъ насъ застанетъ вмѣстѣ.

РОЗА.

Пойдите, напенька, онъ ужъ знаетъ, что надо дѣлать. Леонъ, ради Бога, спасите меня отъ этого ужаснаго человѣка.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

БИРБАНСКІЙ, потомъ ФИЛИППЪ.

А! проклятый Чертовичъ.... такъ это ты былъ моимъ Саміелемъ, ты изволилъ мистифицировать на каждомъ шагу. Теперь мнѣ все понятно. Филиппъ вѣрно былъ съ нимъ за одно изъ разговоровъ. Но я все узнаю.... а вотъ и онъ.... Поди-ка сюда, любезный.

ФИЛИППЪ, входя.

Что прикажете, сударь.

БИРБАНСКІЙ.

Скажи мнѣ голубчикъ, кто такъ усердно хлопочетъ здѣсь

Объ мою здоровѣе кто приылагалъ мнѣ мѣховое пальто. Наемную карету и прочее.... а? не знаешь ли ты.

Филиппъ.

Не могу знать-съ, на свѣтѣ много добрыхъ людей.

Бирбанскій.

А негодяевъ еще больше.

Филиппъ.

И этихъ господъ довольно.... Впрочемъ, наше холопское дѣло, мы ничего не знаемъ.

Бирбанскій.

Послушай, бездѣльникъ, мнѣ все извѣстно: много ли тебѣ далъ панъ Чертовичъ, чтобъ ты не выдавалъ его?

Филиппъ.

Ни гроша, ей-Богу, ни гроша.... она, во сіе время все общаетъ?

Бирбанскій.

Ну, такъ слушай же, что ты хочешь лучше получить, двадцать-пять золотыхъ или двадцать-пять палокъ.

Филиппъ.

Я человѣкъ не разборчивый, все равно, хоть двадцать-пять золотыхъ.

Бирбанскій.

Ну, такъ ступай же, принеси мои пистолеты.

Филиппъ.

Какъ, сударь, пистолеты!

Бирбанскій.

Не бойся, здѣсь никакого убійства не будетъ, если они заряжены, мы можемъ ихъ разрядить.

Филиппъ.

Ну, это дѣло другое.... сію минутоу, сударь.

Уходитъ.

Бирбанскій.

Теперь напишемъ поскорѣ отчаянную записку (*пишетъ*). «Потерявши тебя, прелестная Роза, ничего мнѣ больше не осталось, какъ всадить себѣ пулю въ лобъ. Прощай, будь счастлива и помни обо мнѣ.... Когда ты получишь это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ».

Филиппъ, возвращается съ пистолетами.

Вотъ пистолеты.— совершенно чистеховьки.

Бирбанскій.

Возьми это письмо и сдѣлай такъ, что будто ты его перехватилъ.

тылѣ и передай старому своему мошеннику, попишешь? Вотъ тебѣ и обѣщанныя деньги.

Филиппъ.

Бѣгу, сударь, бѣгу со всѣхъ ногъ.

Убѣгаешь.

Бирбанскій.

Посмотримъ, проклятый Саміель, какъ-то ты со мной развяжешься. Ты ухватилъ мое нѣвіе и хочешь отбить мою неисту. Нѣтъ, чортъ возьми, не видать же тебѣ ни того, ни другаго. Онъ, вѣрно, гдѣ нибудь не далеко отсюда и не замедлитъ явиться; приготовимся же хорошенько.... растреплемъ волосы и примемся играть трагедію.

Чертовичъ, за кулисами.

Караулъ! караулъ! на помощь! скорѣе на помощь!...

Бирбанскій.

Вотъ олъ.... забрало же его за живое.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

БИРБАНСКІЙ и ЧЕРТОВИЧЪ, съ письмомъ.

Чертовичъ.

Ахъ! онъ еще живъ.... Слава Богу! Я успѣлъ въ-время!

Бирбанскій.

Что это значитъ? что намъ надобно, милостивый*государь?

Чертовичъ.

Отдайте мнѣ ваши пистолеты.

Бирбанскій.

Убирайтесь къ чорту!

Чертовичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду! Я буду кричать, я долженъ кричать (*тихо*) караулъ! караулъ! Не позволю, не позволю вамъ застрѣлиться, я заплатилъ за вашу жизнь слишкомъ дорого; я властвую пожизненнымъ правомъ на ваше нѣвіе, и вы должны жить; вы обязаны жить по контракту! ваша жизнь вамъ ужъ не принадлежитъ!

Бирбанскій.

Какъ! Такъ это ты тотъ злой духъ, которому я продалъ мою душу, ты тотъ мошенникъ?....

Чертовичъ.

Я! я самъ! дѣлайте со мною что хотите, только не убивайте

себя! я купилъ вашу жизнь на законномъ основаніи и никто безъ моего согласія не можетъ ею распорядиться. Я пойду въ судъ.... я хочу, чтобъ судья приказалъ вамъ долго жить.... вы обязаны прожить по крайней-мѣрѣ десять лѣтъ еще, чтобъ воротить мнѣ свои деньги съ процентами; я ужъ послалъ Филиппа за квартальнымъ.

БИРБАНСКІЙ.

Право? тѣмъ лучше.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Я объявлю полиціи, что вы хотѣли меня убить, покажу эти пистолеты, мнѣ повѣрятъ, а васъ запрутъ въ тюрьму и тамъ вы проживете поневолѣ, сколько мнѣ надобно.

БИРБАНСКІЙ.

Напротивъ, меня какъ убійцу будутъ судить и повѣсятъ.... тогда я и все таки умру.

ЧЕРТОВИЧЪ.

О, варваръ! какъ онъ умѣетъ меня терзать! Послушайте, господинъ Бирбанскій, вы жестокій человѣкъ, вы безправственный, безбожный человѣкъ! Вѣдь отчаяніе — смертный грѣхъ.... вѣдь самоубійство.... это такое преступленіе, что послѣ него порядочному человѣку стыдно въ люди показаться. Ну, посмотрите, какъ хороша Божій міръ.... Посмотрите на это ясное небо.... то есть, на эти сѣрыя тучи.... посмотрите на эти крыши, на эти трубы.... вонъ летаютъ голуби, вонъ будочникъ, вонъ извозчикъ — все это живетъ, наслаждается жизнью, зачѣмъ же вы хотите поднять на себя руку?! Вѣдь вы умрете, и я съ вами!...

БИРБАНСКІЙ, подаетъ ему пистолетъ.

Ну, чтò жъ, за компанію Жидъ удавился, не хотите ли я съ вами подѣлюсь?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Спрячьте, спрячьте пожалуйста, долго ли до грѣха! Леонушка, голубчикъ! поживи, хоть невозможно....

БИРБАНСКІЙ.

Да, вамъ хороша пожива отъ моей жизни, а каково-то мнѣ?

ЧЕРТОВИЧЪ.

Чего же тебѣ недостаетъ?

БИРБАНСКІЙ.

Ты отнимаешь у меня невѣсту, которая была мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну, чортъ ее возьми! Бери ее себѣ! только поживи хоть пол-

года... Ну, что значить полгода передъ вѣчностью? Въ это время, можетъ быть, ты перестанешь кутать; ни, созовешь лучшику докторовъ, съблаешь коневлюму, можетъ быть, ты поправишься, потомствешь немножко, а я между-тѣмъ отыщу какого-нибудь дурака, и перепродамъ ему твоё пожизненное право.

БИРБАНСКІЙ.

Такъ и быть; я согласенъ, только...

ЧЕРТОВИЧЪ.

Что же еще?

БИРБАНСКІЙ.

Только вы обязаны согласиться ждать долгъ съ моего теста.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ну, ну, пожалуй: онъ человѣкъ честный, авось поправитъ свои дѣлшки.

БИРБАНСКІЙ.

Но и это еще не все. Вы должны мнѣ наконецъ возвратить мое пожизненное право и согласенъ получать съ меня процентно-удлугу вашихъ денегъ.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Какъ? что? вѣтъ, ужь на это я никогда не согласусь.

БИРБАНСКІЙ.

А! въ такомъ случаѣ и говорить больше нечего... дѣло кончено... И я самъ же минуту (привстаетъ и беретъ кофю).

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постой!... постой!... Ну, не разбойникъ ли ты, скажи пожалуйста! Тебѣ жизни копѣйка.... Давеча хотѣлъ летѣть подъ небеса, теперь въ землю соберется. Тебѣ хорошо, ты умрешь, и пиши пропало! а я-то съ чѣмъ останусь?

БИРБАНСКІЙ.

Думайте скорѣе, а не то я...

ЧЕРТОВИЧЪ.

Постой, постой, такъ ты дашь мнѣ честное слово... Или вѣтъ.... дашь законный вексель, что уплатишь свой долгъ съ хорошими процентами? Ну, такъ и быть, пойдемъ напишемъ вексель....

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ, ОЛЕСНИЦКІЙ и РОЗА.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Наръ! вы были здѣсь и все слышали?

БЛАЖЕННИКЪ.

«Все слышала и радъ, что слышала все это прежде нежиди по-тубилъ мою дочь. Роза, вотъ твой женихъ (показывая на Бирбан-стаго).

ЧЕРТОВИЧЪ.

Ахъ, я дуракъ! я обмануть! раззоренъ! Чтѣ вы со мной сдѣла-ли, разбойники!

БИРБАНСКІЙ.

Утѣштесь, панъ Чертовичъ. Чтѣбы было хорошаго, если бѣ вы женились на моей невѣстѣ? я бы застрѣлился, она бы умер-ла съ горя, и вы бы лишились и жены и должника, а теперъ у васъ все-таки есть надежда воротить свои деньги. Я даю вамъ кѣшъ честное слово исправиться, перестану повѣсничать, буду порядочнымъ мѣжомъ и съ такой милой женой, вѣролатно, про-живу еще столько, что успѣю съ ваши расквитаться.

ЧЕРТОВИЧЪ.

Все это прекрасно, но доживу ли я самъ-то до этого счастья?

БИРБАНСКІЙ.

Ну чтѣ жѣ дѣлать! умрете, такъ все останется; тогда, будьте покойны, я ужѣ непременно отдамъ вамъ послѣдній долгъ.

ЧЕРТОВИЧЪ, къ публикѣ.

Его пожизненное право
Укоротило жизнь мою.
Осталась мнѣ одна управа —
Къ вамъ просьбу я передаю:
Такъ прикажите же повѣстъ —
И жить и долгъ свой заплатить.

.....

И. КАРАТЫШИНЪ.

==

ЖОДЛОКАЦІЯ. На холмистомъ берегу широкой рѣки было живо-внено разбросано огромное село, какія вы встрѣтите только на югѣ Россіи: хаты прятались въ зелени садовъ и огородовъ, и ливъ ереды ихъ выникали двѣ высокія вѣтряныя мѣльницы, кре-сты католическаго костела и три зеленые купола православной церкви; казалось, что въ этомъ земномъ раю должны были обит-ать блаженство и согласіе, а между-тѣмъ это было царство не-

скончаемых несогласій, споровъ, брани и тяжбъ; оди́нъ словомъ, это имѣніе принадлежало мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ.

Десять лѣтъ назадъ жилъ тутъ молодой безумецъ, который спустилъ отцовское имѣніе на карты, на лихихъ коней и безумные прыжки съ разгульными товарищами. Почальна была его кончина: онъ умеръ въ совершенной нищетѣ, и потухающими глазами видѣлъ какъ кредиторы рвали на части его достояніе, осылая своего должника бранью и проклятіями за то, что онъ взялъ больше нежели могъ возратить. И эта прекрасная родовая деревня, по старинному обычаю, была раздѣлена болѣе чѣмъ на десять частей между кредиторами, которые всѣ здѣсь поселились, — что называлось въ прежнемъ польскомъ правѣ *коллокацію*. Въ бѣленькихъ домикахъ, дворъ обо дворъ, жили прежніе управители и экономы, которые сдѣлались баранами, давая молодому расточителю деньги, у него же украденныя; но тяжка была жизнь ихъ: отъ близкаго сосѣдства ежедневно возникали споры и ссоры: то за курицу или корову, зашедшую въ сосѣдній дворъ или огородъ, то за протоптанную тропинку черезъ чужое поле, наконецъ, Богъ знаетъ, за что. Эта безладница была причиною казенныхъ недомоковъ; назначена была опека и нищета поселилась тамъ, гдѣ сама природа разсыпала богатства.

Не въ-далекѣ отъ села видѣлся еще брошенный и разоренный господскій домъ: старинныя барскія палаты покривились, густая трава и кусты покрывали дворъ; въ кухнѣ была устроена винокурня, конюшня обращена въ скотный дворъ, садовая бесѣдка — въ сельскій запасный магазинъ. Старыя липы и каштаны господскаго сада были срублены на дрова. Печаленъ былъ видъ этихъ новыхъ развалинъ!

При вѣздѣ въ деревню, на-право, около маленькаго домика, болѣе похожаго на крестьянскую избу, стояли двѣ барыни въ каленкоровыхъ капотахъ и накрахмаленныхъ чепцахъ и, подбоченясь, кричали другъ на друга самыми гнѣвными голосами:

— Да, да, матушка! кричала одна: если вашъ озорникъ, сынишко, испортитъ у меня еще что-нибудь, такъ прикажу поймать его и выстѣчь; а тамъ власть ваша: жалуйте кому хотите.

— Хорошо! возражала другая, трясаясь отъ злости: непременно же пожалуюсь, и потомъ посмотримъ!

— А ну, посмотримъ. Коли ссора — то ссора, только берегись, сударыня, чтобы не пойти по слѣдамъ моего стараго сосѣда: вѣдь былъ зубастъ, а такъ удалось его выжить!...

— Эко диво: онъ и мы — дѣло разное! Digitized by Google

— Посмотримъ!

— А ну, посмотримъ!

Подальше стояли толпы мужиковъ и ссорились между собою; это были собѣды, крестьяне двухъ различныхъ владѣльцевъ, взводившіе другъ на друга какое-то преступленіе; священникъ стоялъ между ними; но его старанія помирить враждующихъ — были безуспѣшны.

Около корчмы экономъ пана Забржезвискаго, чуть не подрался съ экономомъ пани Политиловой: дѣло шло о какой-то дѣвкѣ, которая сбѣжала отъ одного помѣщика къ другому; одинъ экономъ требовалъ выдачи бѣглянки, другой не хотѣлъ выдавать ее; споръ перешелъ въ брань и одинъ началъ выводить другаго на свѣжую воду:

— А ты думаешь, что никто и не знаетъ, какъ ты послалъ Жиду Ханму пять четвериковъ барской пшеницы!...

— Подожди же, братъ, я тебѣ этого не спущу! Ну, вотъ побойлся, не спущу! Самъ разбойникъ, а еще надо мною смѣется!

— Разбойникъ -- пожалуй, да только не воръ!

— Святая душа, нечего и говорить! А кто же прошлаго года ставилъ снопы съ барскаго поля?

— Такъ ты вотъ какъ! За это, братъ, потяну тебя въ судъ, докажи тамъ.

— Чего доказывать, коли тебя поймали съ поличнымъ!

Путешественникъ, миновавъ корчму, подѣхалъ къ довольно красивому домику, стоявшему возлѣ дороги; впереди раскидывался недавно разведенный садъ и чистенькій дворикъ, обнесенные новою деревянною рѣшеткою. У воротъ, заложа руки въ карманы архалука, сидѣлъ въ гарусной ермолкѣ хозяинъ, окруженный собаками, и курилъ табакъ изъ пенковой трубки съ длиннымъ бисернымъ чубукомъ. Это былъ знакомый путешественнику, панъ Автовій, владѣлецъ пятнадцати хатъ въ селѣ; онъ поклонился проѣзжимъ, и съ громкимъ хохотомъ закричалъ:

— А, такъ то! ѣдете мимо и не хотите завернуть къ шляхтичу?...

— Напротивъ, отвѣчалъ путникъ: я слышалъ, что вы живете здѣсь, и нарочно пріѣхалъ?

Панъ Автовій поклонился.

— Милости просимъ, продолжалъ онъ, не побрезгуйте нашимъ хлѣбомъ; чѣмъ богаты тѣмъ и рѣды, и хоть сами живемъ изъ мелкой сошки, а все есть чѣмъ принять и угостить васъ.... Лошадей въ конюшню! закричалъ онъ обращаясь къ прислугѣ; у меня вѣдь

не по-барски, я не люблю отсылать лошадей въ прислугу въ портму; а по-старосвѣтски радъ сердечно дорогимъ гостямъ. Заглянь на первый разъ, что панъ Антоній не пропускалъ никогда случая ласкательно отзываться о большихъ баратъ.

Пріѣзжіе вошли въ большую комнату, служившую и заломъ гостиную; эта комната была часто выбѣлена известью, въ углу красовалась большая бѣлая же печь; балки поддерживали потолокъ. У стѣны стоялъ старинный широкій диванъ, передъ нимъ ореховый столъ и по бокамъ стулья въ пестрядныхъ чехлахъ; на этажеркѣ, близъ окошка, стояло множество фарфоровыхъ чашекъ, серебряная сахарница и подовѣчанки, полированные латунные цѣнты въ деревянныхъ вазочкахъ, восковые свѣчи, масленка въ видѣ барашка, и множество разной дрянн. — На стѣнахъ, въ черныхъ рамкахъ, вѣсли картинки, изображавшія смерть Понятовскаго и исторію Мавены; тутъ же были портреты Чарнецкаго, Стезана Баторія, Замойскаго; полъ былъ вымытъ чисто; на окнахъ стояли горшки съ гераніемъ, мѣсячными розами, гортезіями и другими дешевенькими цвѣтами.

— А ваша супруга? спросилъ пріѣзжіи у Антонія, входя въ комнату.

— Хозяйничаетъ, отвѣчалъ тотъ, а сейчасъ явится; у насъ, шляхтичей, барыни нѣтъ времени сидѣть сложа руки да читать романы; сама она должна присмотрѣть за хозяйствомъ.

Гости сѣли; изъ другой комнаты слышались смѣшанныя дѣтскія голоса — одно дитя плакало, другое пѣло, два хохотали, и все это дѣлалось въ одно время и довольно дружно; этотъ шумъ покрывался, время отъ времени, выкрикомъ няньки или матери; но ихъ возгласы мало помогали дѣлу и панъ Антоній долженъ былъ выйти самъ и родительскою властью унять непослушныхъ.

Настала минутная тишина, за которою послѣдовали ступи и бѣготня въ цѣломъ домѣ.

Вошелъ домашній казачекъ и снялъ масленку съ этажерки; вбѣжала босогогая, растрепанная дѣвка, и схватила бутылку, стоявшую на окошкѣ; закричала ключница на крыльцѣ; загорлачилъ паренъ у конюшни. Двери въ боковыхъ комнатахъ хлопали безпрестанно; по всему было видно, что хотятъ принять гостей какъ слѣдуетъ: одинъ бѣжалъ въ погребъ, другой въ чуланъ; казачекъ въ торопяхъ запнулся на крыльцѣ и разбилъ тарелки — это еще болѣе увеличило суматоху, такъ что баринъ гоужень былъ выйти самъ и положить конецъ этой ярмаркѣ.

Напоследокъ барыня, съ двумя старшими сыновьями, тоблатыми какъ медвѣдята, вѣшла въ гостиную. Видно было, что она не хотѣла ударить лицомъ въ грязь передъ гостями и нарядилась во все лучшее: на ней была чепецъ съ пучковыми лентами, красненькой тибетовой шапочкѣ, на ней жемчуги, въ рукахъ шовный жемчужный платокъ. На лицѣ ея выражались какинъ-то тревогахъ озабоченность — она безпрестанно краснѣла и потупляла глаза.

— Что же вы, Эда и Володя, планируйтесь гостю, сказала она дѣтямъ.

Оба мальчика разомъ отоставили правые ноги и шаркнули обѣими...

— Какія шалашки! сказала пріѣзжій. — Мать осанодовоимо кинула головой и не знала, что сказать, но внутренно обрадовалась, что ея дѣти стали похваля: они были наряжены въ праздничное платье и чрезвычайно учтиво стали въ углу, вытираща глаза на гостей.

Послѣдъ съ минутку, барыня что-то вспомнила и выбѣжала изъ комнаты. — Въ это время панъ Антоній, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, пускалъ дымъ изъ трубки и велъ разговоры.

— Знаете ли, почтенный хозяинъ, началъ пріѣзжій: что я не завидую вашему житью съ столькими сосѣдями; часто и далекій сосѣдъ не даетъ покоя, чего же ждать отъ близкаго?

Панъ Антоній разсмѣялся и направилъ табакъ въ трубку.

— Эхъ сударь, отвѣчалъ онъ, да вы еще и почитя не шибете о нашемъ жить-бытьѣ — это безпрестанный бой и шойна. Спросите-ко, кто изъ десяти здѣшнихъ помещиковъ живетъ дружно одинъ съ другимъ; у кого изъ нихъ нѣтъ процесса? Съ утра до вечера кипитъ здѣсь раздоръ, что вода въ котлѣ, и что жъ дѣлать, привыкли; да вѣдь какъ привыкли, что даже безъ этого и жить не можемъ: все какъ-будто солово, чего-то не достаетъ.

— Но вѣдь это мученье.

— А что дѣлать?

— Такъ лучше продать свой участокъ, да купить спокойный уголокъ въ другомъ мѣстѣ.

— Это легче говорить, чѣмъ дѣлать. Покуда человекъ на мѣстѣ, такъ у него есть какой-нибудь кусокъ хлѣба; а какъ придется продать, да расплатиться съ долгами, заплатить за купчую, покончить процессы, такъ много ли останется? Нѣтъ, ужъ лучше жить какъ Богъ далъ.

— Может-быть, ваши сосѣди лучше другихъ.

Павъ Антоній покачнулся на стулъ и началъ омѣяться.

— Да, сударь, у меня точно славные сосѣди. Вотъ напримѣръ, разскажу, что случилось со мною въ прошломъ году. Надо вамъ сказать, что хоть зимой у насъ худо, но лѣтомъ не въ примѣръ хуже — на нашихъ черезволосныхъ поляхъ нѣтъ возможности уберечься отъ лихаго сосѣда. Мое поле съ одной стороны при-мыкаетъ къ полю стараго сутаги, отставнаго секретаря; вотъ онъ, сударь, нарочно и погналъ на мое поле своихъ свиней. Я промолчалъ разъ, другой, а потомъ взялъ ружье, да и пошелъ буд-то бы на охоту за кабанамъ; вижу, что его свиньи кушаютъ съ большимъ аппетитомъ мою рожь: вотъ я давай стрѣлять и положилъ пять штукъ. Сосѣдъ, узнавши объ этомъ, поднялъ страшный крикъ: «я, говоритъ, буду жаловаться».... — «А ты, говорю я, зачѣмъ пускаешь своихъ свиней на мое поле?» — «Да вѣдь не я ихъ пускалъ, онѣ сами зашли».... — «Такъ мы, сударь, и кончили, только золъ же былъ проклятый сосѣдъ!... Разъ мой дуракъ пастухъ заснулъ, а мои телята и зашли въ сосѣдскую гречи-ху. Телятъ нельзя принять за кабановъ, такъ что жъ вы думаете онъ сдѣлалъ? Заперъ ихъ въ хлѣвъ, не давалъ корму — тѣ и переколѣли.... Хорошо же, думаю я....

— Какъ хорошо? спросилъ прїѣзжій.

— Подождите, сударь, увидите. Я въ судъ съ просьбой, гдѣ высчиталъ всѣ свои убытки; сосѣдъ — тоже; рѣшили взыскать съ него въ мою пользу, и онъ заплатилъ за cadaго телѣяка больше чѣмъ за рабочаго быка; но за то и знался же онъ такъ, что и сказать не умѣю. Разъ я выгналъ въ поле: вдругъ шлетъ за мной жена, проситъ, чтобы я вернулся, и говоритъ, что мои мужики не на-животъ, а на-смерть дерутся съ сосѣдскими. Скачу, что есть духу на сѣнокосъ, и что жъ, сударь? просто баталія, форменная баталія!... Вышелъ споръ за между: мои мужички не уступили, а сосѣдъ съ крестьянами и давай ихъ тузить. Вижу, что плохо, и поскакалъ прямо къ ставовому: говорю ему, что вотъ, молъ, такой-то сосѣд мой подучаетъ крестьянъ. Завязалось дѣло и наслу онъ отвергѣлся, да еще долженъ былъ поплатиться хорошенько. Теперь, однако, сталъ онъ потише, хоть все-еще косятся.

Павъ Антоній самодовольно засмѣялся.

— А еще есть у меня сосѣдка, продолжалъ онъ: такъ это зелье чуть не хуже отставнаго секретаря. Чортъ, а не баба, сударь; съ ней я просто не зналъ, что и дѣлать! Что ни посѣмь на полѣ,

что ни посадишь въ огородѣ, какъ ни караулишь — все украдутъ, выкопаютъ, вытопчутъ. Ну, да наконецъ и я поднялся на хитрости: теперь, коли нужна зелень, такъ шлю людей въ ея огородъ; я недавно поймалъ ея мальчишку, что красть у меня овесъ въ конюшнѣ, и посадилъ его въ тюрьму! Да что и говорите: стбитъ посмотреть, какъ въ хорошей лѣтней вечеръ выйдемъ мы всѣ на улицу, глядимъ изъ подлюбы другъ на друга и ждемъ, кто первый поклонится, а сами бормочемъ подъ-носъ такіа вещи, что не поздоровится какъ услышишь.

— Я бы никогда не вышелъ, отвѣчалъ гость.

— Помилуйте, что вы, сударь, да вѣдь это сущій праздникъ! Вотъ недавно сосѣдъ мой бранился съ своей сосѣдкой, пани Свѣжавской; какъ стали на крыльцахъ, да какъ начали честить другъ друга, такъ мы всѣ сбѣжались будто на комедію:

— Вы, сударыня, просто индюшка! говорилъ сосѣдъ.

— А ты, батюшка, изъ мужиковъ попалъ въ дворяне!

— Твой отецъ, матушка, былъ деревенскимъ пнецомъ.

— А твой возилъ навозъ на поле!

— Зачѣмъ ты отбила у меня эконома?

— Развѣ онъ твой крѣпостной? что хочеть, то и дѣлаетъ.

— Погоди же ты у меня, сударыня!

— Да и ты держись, сударь!

И вотъ такъ ругались они съ-полчаса, а мы хохотали какъ сумасшедшіе. Не правда ли, вѣдь это комедія, просто вамъ скажу, совершенная комедія!

Между-тѣмъ приготовляли закуску: тутъ было масло, ветчина, сыръ, бигосъ*, старая гданская водка и мятная настойка; но едва гости усѣлись за столъ, какъ послышался на дворѣ страшный крикъ, и вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ на крыльцо мужикъ съ окровавленнымъ лицомъ.

— Ого! закричалъ панъ Автовій, выскочивъ изъ-за стола: опять задираютъ нашихъ!

— Душенька, голубчикъ, успокойся! кричала жена: не горчись, пожалуйста!

Панъ Автовій махнулъ рукой и выбѣжалъ на дворъ.

— Что это? вскричалъ онъ.

* Кушанье, чрезвычайно любимое въ западной Россіи; готовится изъ кислой капусты съ говядиною, подобно нашимъ щамъ, только гораздо гуще. Отправляясь зимою по дѣламъ, повѣзчики обыкновенно возять съ собою мороженый бигосъ.

— Да вот, бабенка, и мошенникъ, соседскій экономъ, прибылъ шаверю мушкетера въ то, что отъ тебя выломалъ палку изъ забора.

Въ самомъ дѣлѣ, поодаль стоялъ только что помянутый экономъ съ угрожающимъ видомъ размахивая еще палкою; панъ Антоній подбѣжалъ къ нему и началъ честить панъ панъ панъ; слыша, въ шаверю, тотъ выскочилъ на прыщцо, грохко сралился:

— Нѣтъ заплумъ? что она шумъ?

— А вотъ что, сударь мой, сморчалъ Антоній, еще бедьльникъ, экономъ, прибылъ моего мушкетера! Эконому-то и переломлю ребра, а побитому мушкетеру сейчасъ же доставлю въ судъ!

— Овъ ругалъ меня, отвѣчалъ экономъ.

— Такъ чтожь, брань на вороту не висеть! Слѣдовало прити ко мнѣ, а не самоуравнивать! Да постои, я тебѣ покажу, что значить самоустройство!

— Эхъ, дорогой соседшко, отозвался соседъ, проученый ужъ не разъ шаверю Антоніемъ: за что намъ ссориться, развѣ нельзя кончить миромъ?

— Да, помирись я сегодня, такъ завтра онъ и меня поколотить! Нѣтъ, и слышать не хочу: въ судъ, въ судъ его, бедьльника! будетъ слѣдствие, а свидѣтелей не занимать статы!...

— Почтенный панъ Антоній, продолжалъ унизженно соседъ: затѣмъ затѣмъ изъ пустынь важное дѣло; пускай мой соба-наэкономъ, померится съ мушкетеромъ вашнимъ!...

— Нѣтъ, не хочу и слышать!

Тогда соседъ напустился на своего эконома; экономъ влялся въ невѣжливости, а панъ Антоній страдалъ обояхъ и бранился; послѣ долгаго спора все разошлось по домамъ, а черезъ четверть часа: пришелъ побитый мушкетеръ и, утирая окровавленный носъ, объявлялъ, что онъ ужъ доволенъ и помирится съ экономомъ.

Послѣ завтрака гости хотѣли на скоро обратися; но панъ Антоній не хотѣлъ и слышать.

— Убей меня Богъ, вскричалъ онъ, если я отпущу васъ отъ готоваго обѣда! Нѣтъ, вы меня не обидите, не погнушаетесь шляхетскимъ хлѣбомъ; да я же запрошу къ себѣ на обѣдъ и гостя съ другаго конца села; вотъ человекъ, такъ, я вамъ скажу человекъ! Кто не знаетъ пана Бельскаго?

Нужно было остаться, а то панъ Антоній непремѣнно бы обидѣлся и заговорилъ, что старый знакомый его важничаетъ и не хочетъ знаться съ шляхтой. Между-тѣмъ стали накрывать столъ, что продолжалось почти часъ, потому что хозяйка сочла нужнымъ до-

стать и въ судякомъ новомъ бѣлье, праздничныя графинны и серебряныя оловки, которыя являлись только въ торжественные дни. Панъ Антоиій съ своей стороны хотѣлъ показать, что понимаетъ хлѣбосольство и имѣеть кое-что въ запасъ: онъ приказалъ вытаскать изъ погреба бутылку испорченного портера и прокислаго вина, и безпрестанно принуждалъ гостей пить все это. Его почтенная супруга поминутно краснѣла: то за неловкость непривычнаго къ гостямъ казачка, то за недожаренныя или пережаренныя кушанья. Гости все хвалили, а панъ Антоиій повторялъ за ними:

— Да, у насъ шляхты совсѣмъ не то, что у большикъ бары: куда намъ за ними тягаться! У меня служить гостямъ босая дѣвка, а виѣто соусовъ — подавать простую кашу; да зато нашъ братъ не знаетъ долговъ, не знакомъ съ кредиторами, не слышитъ ихъ крика подъ окнами, и спитъ себѣ спокойно!...

Сосѣдъ панъ Бѣльскій, тоже шляхтичъ изъ мелкой сошки, отъ котораго за милу нахло экономомъ, безпрестанно повторялъ за паномъ Антоиіемъ:

— О, какъ это хорошо сказано! какая святая правда!

Онъ еще не освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, не привыкъ быть помѣщикомъ, и все по старому гнулъ спину, какъ будто бѣлош не терялъ свое мѣсто; но временамъ онъ вспоминалъ о своемъ настоящемъ положеніи, хотѣлъ разогрѣвать рѣль помѣщика, но потомъ снова дѣлался внешнепомощнымъ слугою.

Обѣдъ кончился къ полному удовольствію гостей; тѣ снова хотѣли уѣхать, но хозяинъ умолялъ выпить по чашкѣ чаю; нельзя было отказать и въ этой просьбѣ, потому что панъ Антоиій непремѣнно бы началъ говорить: «Видно вы болтаете попробовать нашего чаю, да и зачѣмъ спѣшить? вѣдь еще люди ваши не успѣли отобѣдать. У меня не по барски: я коли радъ гостю, такъ радъ ему въ-самомъ-дѣлѣ, кормлю и лошадей и прислугу; а не отсылаю ихъ въ корчму!»...

Путешественники наши принуждены были выпить по два стакана чаю, и тогда только попрощались съ хозяевами. Панъ Антоиій провожалъ ихъ на крыльцо, благодаря за память; панъ Бѣльскій молчалъ и низко кланялся, барыня глядѣла въ окошко и вѣрно радовалась отъѣзду такихъ рѣдкихъ гостей; всѣ хозяйскія дѣти повзлзали на стулья, прислонили къ стекламъ головы и показывали пальцами на уѣзжающихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Записки Залиски Шатобриана. Часть девятая.* Я пріѣхалъ, чтобы видѣть какъ умеръ человекъ, принадлежавшій къ этимъ высокимъ именамъ втораго разряду осемнадцатаго столѣтія, которыя, составляя твердый оплотъ позади общества, придавали этому обществу просторъ и ровность.

Я зналъ де-Лагарпа въ 1789 году: какъ Флемъ, онъ питалъ большую страсть къ сестрѣ моеи графинѣ де-Фарси, явился съ тремя толстыми томами своихъ сочиненій подъ мышкой и въ чрезвычайномъ изумленіи, что его слава не восторжествовала надъ самыми упорными сердцами. Съ громкимъ словомъ, съ бодримъ видомъ, онъ гремѣлъ противъ злоупотребленій, заказывая себѣ личицу у министровъ; гдѣ обѣдъ ему не нравился, онъ ѣлъ пальцами, обмакивалъ въ блюдо свои манжеты, говорилъ философскія глупости знатымъ вельможамъ, которые были безъ ума отъ его дерзости; но совсѣмъ тѣмъ съ умомъ прямымъ, просвѣщеннымъ, безпристрастнымъ среди страстей, способный понимать талантъ, удивляться ему, плакать при прекрасномъ стихѣ или прекрасномъ поступкѣ и даже раскисаться. Конечно его сообразовалась съ этимъ характеромъ; онъ умеръ на моихъ глазахъ мужественнымъ христіаниномъ, съ понятіями, увеличенными въ объемъ вѣрою и сохранивъ гордость только передъ нечестіемъ, а ненависть только къ революціонному языку.

По возвращеніи моемъ изъ эмиграціи, благочестіе заставило де-Лагарпа благопріятствовать моимъ сочиненіямъ: болѣзнь, которой страдалъ онъ, не мѣшала ему работать; онъ читалъ мнѣ мѣста изъ своей поэмы; тамъ было нѣсколько замѣчательныхъ стиховъ противъ преступленій того времени.

Забывая, что онъ боленъ, въ бѣломъ колпакѣ, въ ваточномъ спенсерѣ, онъ декламировалъ во все горло; потомъ, роняя тетрадь, говорилъ чуть слышнымъ голосомъ: «Я выбился изъ силъ, желѣзные когти засѣли у меня въ боку». А если, по несчастью, проходила служанка, онъ опять ревелъ своимъ стенторовскимъ голосомъ: «Вонъ! вонъ! затвори дверь!» — Я сказалъ ему однажды: «Вы будете жить для пользы религіи. — Ахъ! отвѣчалъ онъ, Богу это не угодно и я умру на этихъ дняхъ». — Повалившись въ кресла, нагнувъ на лобъ колпакъ, онъ испустилъ свою гордость безропотностью и смиреніемъ.

На обѣдѣ у Миньорѣ, я слышалъ, какъ онъ говорилъ самъ о себѣ съ величайшей скромностью, объявляя, что не сдѣлалъ ни-

чего особенно замѣчательнаго, но думалъ, что искусство и языкъ не исказились въ его рукахъ.

Де Лагарпъ оставилъ миръ 11 февраля 1803 года; авторъ «Saisons» умеръ почти въ то же время среди всѣхъ утѣшенныхъ философовъ, какъ де Лагарпъ среди всѣхъ утѣшенныхъ религій; одного навѣщали люди, другаго навѣстила религія.

Де-Лагарпа похоронили 12 февраля 1803 года на кладбищѣ Вожирарской заставы. Гробъ поставили на краю могилы и де Фонтанъ произнесъ рѣчь. Сцена была пренеприятная: свѣтъ залилъ вихремъ на смертный покровъ, поднимаемый вѣтромъ, чтобы пропустить послѣднія слова друга въ ухо мертвеца. Кладбище разрушили и де-Лагарпа вырыли; отъ его праху ничего почти не осталось. Женившись во времена директоріи, де-Лагарпъ не былъ счастливъ съ своей прелестной женой; увидѣвъ его, она почувствовала къ нему отвращеніе и никогда не хотѣла предоставить ему никакихъ правъ.

Впрочемъ, де Лагарпъ полюбилъ во время революціи, безпрестанно увеличивавшейся: знаменитости спѣшили удалиться отъ представителя этой революціи, какъ опасности терли свою силу передъ нимъ.

Между-тѣмъ какъ мы занимались житьемъ пошлымъ и пошлымъ успѣніемъ, гигантскій ходъ свѣта совершался. Мужъ времени садился на первомъ мѣстѣ въ человѣчествѣ. Среди страшныхъ волненій, предвѣстниковъ всеобщаго перемѣщенія, я высадился въ Калѣ, чтобы участвовать въ генеральномъ дѣлѣ, по шѣрѣ, положенной для каждаго солдата. Я пріѣхалъ въ первый годъ вѣка въ лагерь, гдѣ Бонапарте былъ сборъ судьбамъ: онъ скоро сдѣлался первымъ консуломъ.

Послѣ утвержденія конкордата (Франціи съ папой) законодательнымъ собраніемъ, въ 1802 году Люціемъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, далъ пиръ брату; меня тоже пригласили какъ соединителя силъ христіанскихъ, поведшаго ихъ къ приступу. Я былъ въ галереѣ, когда Наполеонъ вошелъ: онъ пріятно поразилъ меня; я всегда видѣлъ его только издали. Улыбка его была ласкова и красива; глаза удивительные, особенно положеніемъ своимъ подъ лбомъ и оправою бровями. Во взглядѣ его еще не было ничего шарлатанскаго, театральнаго, принужденнаго. «Духъ Христіанства», дѣлавшій тогда много шума, подѣйствовалъ на Наполеона. Чудное воображеніе оживляло этого холоднаго политика: не будь въ немъ музы, этого бы не было; разсудокъ выполнялъ идеи поэта. Всѣ люди съ великой жизнью составлены

изъ двухъ сущностей; имъ надо быть способными и къ вдохновенію и дѣйствию: одно родить планъ, другое исполняетъ.

Бонапарте замѣтилъ и узналъ меня, но знаю почему. Когда онъ подходилъ ко мнѣ, не знали кого онъ ищетъ; ряды открывались постепенно; каждый надѣялся, что консуль остановится передъ нимъ: его какъ-будто выводили изъ терпѣнія эти ошибки. Я спрятался за сосѣдей, вдругъ Бонапарте возвысилъ голосъ и сказалъ: «Моёё де Шатобриавъ!» Я тогда остался одинъ впереди, потому-что толпа разступилась и скоро составился кругъ около разговаривающихъ. Бонапарте приступилъ ко мнѣ просто, безъ комплиментовъ, безъ пустыхъ вопросовъ, безъ предварительныхъ вступленийъ, тотчасъ заговорилъ объ Египтѣ и Арабахъ, словно я былъ его короткимъ знакомымъ и какъ будто онъ продолжалъ уже начатый между нами разговоръ. «Я былъ всегда пораженъ, оказалъ онъ, когда видѣлъ какъ шейхи падали на колѣна среди пустыни, обращившись къ востоку и ударили челомъ по песку. Чтѣ это такое было, это неизвѣстное, чему они кланялись къ востоку?»

Бонапарте остановился и, перейдя вдругъ къ другой идѣе, сказалъ: «Христіанство! идеологи врани объ немъ всякій вздоръ. Чтѣ жь изъ этого? переубѣдятъ ли они меня своими глупыми теоріями? Христіанство — дѣло великое, небесное! Пусть каменистыя дѣла избрѣдаютъ противъ христіанства какія угодно нечестности и клеветы: не умалитъ нимъ его величія».

Бонапарте немедленно удалился, словно духъ прошелъ мимо мною и пошелъ.

Дни мои были рядомъ виднѣй, и адъ и небо непрерывно разверзались у меня подъ ногами, или надъ головой; такъ, что я не имѣлъ времени проникнуть ни въ мракъ ихъ, ни въ свѣтъ. Однажды встрѣчалъ я на берегу двухъ мировъ человѣка, человѣка поувѣданаго столѣтія и человѣка новаго вѣка: Вашингтона и Наполеона. Я разговаривалъ съ минутой съ однимъ и съ другимъ; оба отослали меня къ уединенію: первый благосклоннымъ желаніемъ; другой — преступленіемъ.

Я замѣтилъ, что, расхаживая въ толгѣ, Бонапарте бросалъ на меня взгляды глубже тѣхъ, которые оставались на мнѣ, говоря со мною. Я также слѣдовала за нимъ глазами:

Chi è quel grande, che non par che curi
L'incendio?

«Кто этотъ великій, который, кажется, и не заботится о пожарѣ?»

Всѣдствіе этого свиданія, Бонапарте вздумалъ отправить меня въ Римъ; съ одного взгляду обсудилъ онъ, гдѣ и какъ могу я быть ему полезенъ. Ему было мало нужды до того, что я никогда не занимался дѣлами и не зналъ даже первоначальнаго слова въ практической дипломатіи; онъ думалъ, что иной умъ все знаетъ и не имѣетъ нужды въ ученіи. Это былъ чудный новооткрыватель людей; но онъ хотѣлъ, чтобы они имѣли дарованіе только для него, да еще съ условіемъ, чтобы не слишкомъ много говорили объ этомъ дарованіи; завидуя всякой славѣ, онъ смотрѣлъ на нее какъ на посягательство на его собственную: въ цѣлой вселенной долженствовалъ быть одинъ Наполеонъ.

Фортинъ и мадамъ Бачьокки говорили мнѣ, какое удовольствіе доставилъ консулу мой разговоръ: я не открывалъ рта; это значило, что Бонапарте былъ доволенъ собой. Они понуждали меня воспользоваться случаемъ. Выходить въ люди у меня еще не было и въ поминѣ: я отказалъ наотрѣзъ. Тогда, чтобы уговорить меня, обратились къ власти, которой я не могъ противиться.

Аббатъ Эмри, начальникъ семинаріи Святаго Сюзьпиція, заключилъ меня именемъ духовенства, принять для пользы религіи мѣсто перваго секретаря въ посольствѣ, предназначаемомъ Бонапартомъ дядѣ своему, кардиналу Фешу. Онъ намекалъ мнѣ, что умъ кардинала былъ не изъ знатныхъ умовъ, и что я скоро стану вращать всѣми дѣлами. Я сошелся съ аббатомъ Эмри по странной случайности: вы знаете, что я вѣхалъ въ Соединенные Штаты съ аббатомъ Нагё и другими семинаристами. Это воспоминаніе о моей незвѣстности, юности, страннической жизни, бесславіи мнѣ воображеніе и сердце. Аббатъ Эмри, уважаемый Бонапартомъ, былъ тонкій по нраву, по рясу и по революціи; но эта тройная тонкость служила на пользу истиннаго добротнства; честолюбіе его ограничивалось желаніемъ дѣлать добро, и онъ дѣйствовалъ только въ кругу семинарскаго благосостоянія. Онъ былъ остороженъ въ дѣйствіяхъ и словахъ; бесполезно было бы его насильствовать, потому что онъ всегда готовъ былъ отдать жизнь свою въ ваше распоряженіе, въ замѣну той, которой никогда не уступалъ: силу его составляло ожиданіе вашего приказанія, сиди на моголѣ.

Ему не удалась первая попытка; онъ приступилъ вторично и терпѣніе его заставило меня рѣшиться. Я принялъ мѣсто, которое ему поручили предложить мнѣ, нисколько не бывъ увѣренъ, что буду полезенъ возлагаемому на меня посту; я никуда не

гожусь во второй шеренгѣ. Я бы, можетъ-быть, опять уклонил-ся, если бы мысль о графинѣ де-Бомонъ не положила конецъ моей мнѣтельности. Дочь графа де-Монморена умирала; говорили, что климатъ Италіи будетъ ей полезенъ; если я поѣду въ Римъ, она рѣшится переѣхать Альпы; я принесу себя въ жертву счастію ея. Жена моя приготовлялась пріѣхать ко мнѣ; Жуберъ хотѣлъ провожать ее, а графиня де-Бомонъ уѣхала въ Mont-d'or, чтобы докончить послѣ свое выздоровленіе на берегу Тибра.

Де-Таллеранъ былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, и прислалъ мнѣ мое назначеніе. Я обѣдалъ у него: онъ остался у меня въ умѣ такимъ, какимъ попалъ туда впервые. Впрочемъ, его прекрасныя манеры противорѣчали манерамъ окружающихъ его встукановъ. Его продѣлки имѣли удивительный вѣсъ; на глухыя глаза грубой дряни развратъ въ немъ былъ гевіемъ, а легкомысленность — глубокомыслиемъ. У революціи не хватило безстыдства, и она не постигла всего превосходства его: совѣмъ не одно и то же — быть выше или ниже преступленій.

Я видѣлъ духовныхъ, состоявшихъ при кардиналѣ, и отличилъ веселаго аббата де-Бонивви, бывшаго духовникомъ въ арміи принцевъ; онъ находился при отступленіи отъ Вердона; былъ также великимъ викаріемъ шалонскаго епископа, де-Клермонъ-Тоннера, который поѣхалъ, послѣ насъ, хлопотать о пенсіонѣ отъ папы въ званіи потомка роду Кіарамочте. Окончивъ приготовленія, я пустился въ путь: мнѣ надо было пріѣхать въ Римъ прежде дяди Наполеона.

Въ Лионѣ я увидѣлся съ другомъ моимъ Баллашменъ, былъ свидѣтелемъ рождающагося праздника *Congruis Dei*, и думалъ, что имѣю участіе въ этихъ букетахъ, въ этомъ небесномъ веселіи, которое снова призвалъ на землю.

Я продолжалъ дорогу, дружескій пріемъ сопровождалъ меня: имя мое смѣшивалось съ возстановленіемъ алтарей. Самое живое удовольствіе, которое я почувствовалъ, было то, когда я увидѣлъ себя удостоеннымъ во Франціи и за границей, знаковъ серьезнаго участія. Случалось иногда, что, покаместъ я отдыхалъ въ сельской гостиницѣ, отецъ съ матерью приводили ко мнѣ сына, чтобы поблагодарить меня. Самолюбіе ли ввухало мнѣ то удовольствіе, о которомъ я говорю? какая была нужда моему тщеславію, что неизвѣстные и честные люди показывали мнѣ свое удовольствіе на большой дорогѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто ихъ не слышалъ? Смѣю думать, что меня трогало по-крайней-мѣрѣ то, что я сдѣлалъ нѣсколько добра, утѣшилъ нѣсколькихъ огор-

ченыхъ, возбудилъ въ матери надежду воспитать сына-христианина, то есть, сына покорнаго, почтительнаго, привязаннаго къ родителямъ. Вкусилъ ли бы я эту чистую радость, если бы написалъ книгу, отъ которой бы пострадали нравы и религія?

При выѣздѣ изъ Ліона дорога печальна: отъ Tour-du-Pin до Pont-de-Beaunoisin она свѣжа и лѣсиста.

Въ Шавбери, гдѣ рыцарская душа Байяра явилась такъ чудною, женщина приняла мужчину и, въ награду за гостепріимство, онъ философически счелъ себя обязаннымъ обезчестить ее. Такова опасность литературы; желаніе произвестъ шумъ, преодолеваетъ чувство великодушія: если бы Руссо никогда не сдѣлался знаменитымъ писателемъ, онъ зарылъ бы въ савойскихъ долинахъ слабости женщины, питавшей его, принесъ бы себя въ жертву недостаткамъ своей подруги, облегчилъ бы ее въ старости, вмѣсто-того, чтобы дать ей табакерку и уѣзжать. Ахъ! да не возвысится голосъ обманутой дружбы протавъ нашей гробницы!

Послѣ Шавбери представляется потокъ Изеры. Вездѣ по долинамъ встрѣчаются кресты и мадонны въ древесныхъ дуплахъ. Небольшія церкви, окруженныя деревьями, составляютъ трогательный контрастъ съ огромными горами. Когда звоніе вихря спускаются съ этихъ вершинъ, обремененныхъ льдами, Савояръ укрывается въ своемъ сельскомъ храмѣ и молится.

Долины, повыше Монмеліана, окружены горами различной формы: то полуобнаженными, то покрытыми лѣсомъ.

Эгбель какъ-будто заключаетъ Альпы; но обойдя уединенную скалу, брошенную на дорогѣ, вы примѣчаете новыя долины, пролегающія къ теченію Арши.

Съ обѣихъ сторонъ высятся горы; бока ихъ становятся перпендикулярными; бесплодныя вершины начинаютъ выказывать нѣсколько ледниковъ: потоки стремятся и увеличиваютъ Аршу, быстро бѣгущую. Среди этого водянаго волненія примѣтенъ лѣгочкій каскадъ, падающій съ безконечной граціей подъ занавѣсомъ нѣтъ.

Проѣхавъ Saint-Jean-de-Maurienne, я пріѣхалъ послѣ захождения солнца въ Saint-Michel, гдѣ не нашелъ лошадей: будучи принужденъ остановиться, я пошелъ гулять по деревьямъ. Воздухъ становился прозраченъ у хребта горъ, зубцы ихъ рисовались съ необыкновенной ясностью, между тѣмъ какъ мракъ, поднимавшійся снизу, выходилъ къ вершинѣ. Голосъ соловья раздавался внизу, крикъ орла сверху; богорожникъ въ цвѣту въ долинахъ, бѣ-

дый свѣтъ на горѣ. Замокъ, построенный Кароленямиши, по народному преданію, выказывался на острокопечномъ уступѣ. Тамъ жилалилась въ скалѣ ненависть чловѣка, могущественнѣе всѣхъ препятствій. Мнѣніе чловѣческаго роду тяготѣло надъ независимымъ народомъ, который могъ соорудить свое величіе только на рабствѣ и крови остальнаго міра.

Я уѣхалъ на разсвѣтѣ и въ два часа пополудни прибылъ въ *Lans-de-Boisg*, къ полошвѣ *Mont-Consis*, съ другой стороны которой Доара открываетъ вамъ Италію. Рѣки не только *ходляця большія дороги*, какъ называетъ ихъ Паскаль, но онѣ еще начертываютъ путь людямъ.

Когда я въ первый разъ увидалъ себя на вершинѣ Альпъ, странное волненіе овладѣло мною; я походилъ на жаворонка, который въ одно время со мною пробѣгалъ ледяную площадку и, пропѣвъ свою пѣсенку, упалъ на свѣтъ, а не спустился въ поле. Старсы, слушавшыя мнѣ этии горами въ 1822 году, довольно хорошо показываютъ чувства, волновавшія меня въ этихъ же мѣстахъ въ 1803 году :

Alpes, vous n'avez point subi mes destins!

Le tems ne vous peut rien ;

Vos fronts légèrement ont porté les années

Qui pèsent sur le mien.

Pour la première fois, quand, rempli d'espérance,

Je franchis vos remparts ;

Ainsi que l'horison, un avenir immense

S'ouvrait à mes regards.

L'Italia à mes pieds, et devant moi le monde!

Точно ли я прашикъ въ этотъ міръ? Христосору Колембу излоръ адвѣніе, показавшее ему землю его грѣзъ, прежде чѣмъ онъ открылъ ее; Васко-де-Гама встрѣтилъ на дорогѣ гиганта буръ; который изъ этихъ двухъ людей предсказалъ мнѣ будущее? Лучшае всего пришло бы мнѣ по акуеу жизнь славная — великая ответственность и безвѣстная по судьбамъ своимъ. Знаете ли, чей черныи европейскій прахъ покоится въ Америкѣ? Прахъ Бьорна Скандинава: онъ умеръ, приставъ въ Виландѣ, и былъ зарытъ товарищами на мысъ. Кому это извѣстно? Кто знаетъ, чей парусъ опередилъ генуэзскаго лодмаца въ Новомъ Свѣтѣ? Бьорнъ сидитъ на незвѣстномъ мысѣ и, продолженія тысячи лѣтъ, ии

его передали намъ только сати поэтовъ на лэзгѣ, которыхъ уже не говорятъ.

Я началъ свои поѣздки по путямъ, вслѣдствіемъ для другихъ путешественниковъ; старые американскіе лѣса явились мнѣ прежде старыя европейскіе городовъ. Я попалъ въ среду ихъ въ то изгнѣшеніе, когда они выветъ и оживали и умирали въ новомъ переломѣ. Миланъ былъ занятъ тогда нашими войсками; оканчивали истреблять замокъ, свидѣтеля войнъ среднихъ вѣковъ.

Французская арія расположилась какъ военная колонія въ долинахъ Ломбардіи. Обставленные караулами, эти Галлы передвигали камни, катали пушки, тащили повозки, строили сараи и шалаши изъ вѣтвей. Лошади прыгали, становились на дыбы въ толпѣ какъ собаки, ласкающіяся къ господину. Итальянки продавали плоды на рынкѣ этой вооруженной ярмарки: наши солдаты дарили имъ трубки и огнива, говоря, какъ древніе Варвары, ихъ предки, своимъ возлюбленнымъ: «Я Фотрадъ, сынъ Рупертовъ, отъ Франкского рода, даю тебѣ Ольгивъ (Helgin), возлюбленной моей супружницѣ, красы твоей ради (in honore pulchritudinis tuae), хоромы мои въ посадѣ, что на Ельникѣ».

Французы — странные враги: ихъ находятъ сначала немножко дерзкими, слишкомъ веселыми, слишкомъ безпокойными, а чуть они ушли прочь, какъ объ нихъ сожальютъ. Живою, остроумный, понятливый французскій солдатъ вмѣшивается въ занятія своего хозяина: таскаетъ воду изъ колодца, водить агнать мыть въ морыту, рубить дрова, разводить огонь, смотритъ за котелкомъ, нянчится съ ребенкомъ или убаюкиваетъ его въ люлькѣ. Его веселость и дѣятельность сообщаютъ жизнь всему: привѣкаютъ смѣтрѣть на него какъ на роднаго. Застучитъ ли барабанъ — постоялецъ бѣжитъ къ ружью, оставляетъ дочерей хозяина, плачущихъ на порогѣ, и хижину, о которой не вспомнить ни разу до поступленія въ Домъ Инвалидовъ.

Когда я проѣзжалъ Миланъ, пробужденный великій народъ открывалъ глаза! Италія выходила изъ сна; вспоминая о своемъ геніи какъ о божественномъ сновидѣніи: полезная нашей возражающейся странѣ, она вносила въ нашу бѣдность величіе за альпійской природы, словно Авзонія, вскормленная образцами искусства и высокими воспоминаніями знаменитой отчизны. Явилась Австрія, и Римъ скрылся въ своихъ руинахъ, а Венеція — въ свое море. Она осыла; украсивъ небо своей послѣдней улыбкой; и прелестно улеглась въ свои волны какъ свѣтило, которое должно уже подняться.

Генералъ Миуратъ командовалъ въ Миланѣ. У меня было къ нему письмо отъ мадамъ Бачьокки. Я провелъ день съ его адъютантами: они не были такъ бѣдны какъ мои товарищи передъ Тіонвилемъ. Французская вѣжливость воскресала подъ ружьемъ.

Я присутствовалъ при торжественномъ обѣдѣ у синьора Мельци двадцать-третьяго іюня, по случаю крестинъ сына генерала Миурата. Мельци зналъ моего брата; манеры вице-президента нидальпинской республики были прекрасны; домъ былъ поставленъ на царскую ногу. Со мною онъ обходился вѣжливо и холодно, и нашелъ меня точно въ такомъ же расположеніи.

Я пріѣхалъ къ мѣсту моего назначенія двадцать седьмаго іюня вечеромъ, за день до праздника Святаго Петра.

Я ѣхалъ черезъ Флоренцію, Сиену и Радикофани, и успѣвшигъ посѣтить носіе Како, котораго смѣнилъ кардиналъ Фешъ, между-тѣмъ какъ я замѣнилъ Артѣ.

Двадцать-осьмаго іюня я бѣгалъ цѣлый день: бросилъ первый взоръ на Колизей, Пантеонъ, на колонну Траяна и крѣпость Святаго Ангела. Вечеромъ, Артѣ повезъ меня на балъ въ одинъ домъ въ окрестностяхъ площади Святаго Петра. Огненная люстра купола Микель Анджело видѣлась сквозь вихри вальсовъ, кружившихся передъ открытыми окнами; ракеты фейерверка съ Адриановой стѣны разлетались букетами на гробницѣ Тасса: безшуміе, пустота и ночь были въ римской долині.

На другой день я присутствовалъ при служеніи въ церкви Святаго Петра. Пій-Седьмой былъ блѣдень, грустенъ, благочестивъ. Черезъ два дня я былъ представленъ его святѣйшеству: онъ посадилъ меня возлѣ себя. Томъ «Духа Христіанства» былъ снисходительно открытъ на столѣ. Кардиналъ Консальви, гибкій и твердый, съ пріятнымъ и вѣжливымъ упорствомъ, былъ олицетвореніемъ древней римской политики, съ убавкою старинной теплой вѣры и съ прибавкою новѣйшей вѣротерпимости.

Пробѣгая Ватиканъ, я останавливался поглядѣть на лѣстницы, на которыя можно всходить сюда на лошацѣ, на галереи, украшенныя образцовыми произведеніями искусства, по которымъ шапы иногда проходили во всей своей пышности; эти ложи, которыя украсились трудами безсмертныхъ художниковъ, на которыя любовалось столько знаменитостей, Петрарка, Тассъ, Аріостъ, Монтанъ, Мильтонъ, Монтеस्कью, цари, царицы, наконецъ цѣлыя толпы пилигримовъ, приходившихъ изъ четырехъ странъ свѣта: теперь все это неподвижно и безмолвно; театръ,

второго оставленные ступени открыты передъ удивленіемъ, едва постигается лучомъ солнца.

Мнѣ совѣтовали гулять при лунномъ сіяніи: съ вершины Троицы-на-Горѣ, отдаленныя зданія кажутся эскизами живописца или лакированными берегами, виднѣющимися съ моря, съ палубы корабля. Ночное свѣтло, этотъ шаръ, который, говорятъ, былъ миромъ и отжигалъ свой вѣкъ, носился съ своими пустынями надъ пустынями Рима; освѣщала улицы безъ жителей, заборы, площади, сады, гдѣ не проходитъ никто, монастыри, гдѣ не слышно голоса отшельниковъ, обители столь же безмолвныя и безлюдныя какъ портики Колизея.

Что происходило осемнадцать вѣковъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ, въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Какіе люди проходили здѣсь въ тѣни этихъ обелисковъ, послѣ-того какъ эта тѣнь перестала падать на пески Египта? Не только нѣтъ уже древней Италіи, но даже и Италія среднихъ вѣковъ исчезла. Однако слѣдъ обѣихъ этихъ Италій еще видѣется въ вѣчномъ городѣ: если новый Римъ показываетъ свой храмъ Святаго Петра и свои образцовыя произведенія, древній Римъ противопоставляетъ свой Пантеонъ и свои руины; если одинъ изводитъ съ Капитолія консуловъ, другой приводитъ изъ Ватикана папъ. Тибръ раздѣляетъ обѣ славы: погруженные оба въ одной и той же пыли, языческой Римъ все болѣе и болѣе углубляется въ свои гробницы, а Римъ католическій спускается мало по-малу въ катакомбы.

Кардиналъ Фешъ навялъ довольно близко отъ Тибра палаццо Ланчелотти. Въ 1827 году я видѣлъ тамъ княгиню Ланчелотти. Мнѣ отвели самый верхній этажъ въ палаццо: едва я вошелъ туда, столько блохъ вспрыгнули мнѣ на ноги, что мои бѣлые панталоны почернѣли. Аббатъ де-Бонньви и я велѣли вымыть нашу квартиру. Я воображалъ, что воротился къ моему вью родскому чулану; это воспоминаніе о моей бѣдности не было мнѣ непріятно. Поселившись въ дипломатическомъ кабинетѣ, я началъ выдавать паспорта и заниматься другими такими же важными дѣлами. Почеркъ мой вредилъ моимъ дарованіямъ, и кардиналъ Фешъ пожималъ плечами, смотря на мою подпись. Не имѣя почти никакого дѣла въ моей воздушной комнатѣ, я глазѣлъ черезъ крыши въ сосѣдній домъ на прачекъ, дѣлавшихъ мнѣ знаки; будущая пѣвица, обработывая голосъ, преслѣдовала меня своими вѣчными сольфеджіями; хорошо, если еще проходили какіе-нибудь похороны, чтобы вѣскольکو разсѣять меня! Съ вы-

соды одна моего я адъютантъ въ уличной безднѣ выносить молоденческой матери: ее несли съ открытымъ лицомъ, между двумя рядами пинцетрицовъ; ея новорожденный, также мертвый, лежалъ у ея ногъ, увѣнчанный цвѣтами.

Я очень оплошалъ: не подозревая ничего, счелъ себя обраннымъ посѣтить знатныхъ особъ и безъ церемоній отправился засандѣтельствовавъ мое почтеніе, отрешеннуса отъ престола сардинскому королю. Ужаснѣйшая оплетня возникла изъ этого необычайнаго поступка; всѣ дипломаты застопорились передо мною до подбородка. «Онъ погибъ! онъ погибъ!» повторили сверхштатные и причисленные къ посольствамъ, съ радостью, которую обыкновенно испытываютъ при несчастіи какого-бы то ни было человѣка. Всякій крокъ дипломатическій считалъ себя глубокомысленнѣе меня. Надѣялся, что я паду, хотя я не былъ ничѣмъ и считался за ничто: нужды нѣтъ, кто-нибудь такъ падалъ, это всегда весело. Въ простотѣ своей я не подозревалъ своего преступленія и мѣсто свое въ грошъ не ставилъ.

О моихъ ужасныхъ глупостяхъ писали изъ Рима въ Парижъ: къ счастью, я имѣлъ дѣло съ Бонапартомъ; меня спасло то, что должно было погубить.

Однако, если съ перваго скачка въ секретари посольства, при духовномъ князѣ, дядѣ Наполеона, казалось много, я однако жъ значилъ тутъ не болѣе столоначальника уездной канцеляріи. Въ вѣдѣвшейся уже вознѣ могъ бы я найти себя занятіе, да мнѣ не сообщали никакихъ тайнъ. Я и пропалъ въ текущихъ канцелярскихъ бумагахъ; всякій чиновникъ годился бы для этого, и я не сталъ тратить на нихъ всего драгоценнаго времени.

Послѣ продолжительныхъ прогулокъ и посѣщеній Тибра, воротясь домой, я находилъ вмѣсто дѣла, ворчанія кардинальской скупости, дворянскія самохвальства, да невѣроятныя враки будущаго мароккаго архипастыря. Аббать Гильонъ, пользуясь сходствомъ именъ, звучавшихъ въ ухѣ такъ же какъ его имя, увѣрялъ, что будто бы послѣ чуднаго освобожденія отъ рѣзни кармелитскаго монастыря, онъ далъ разрѣшеніе грѣховъ мадамъ де-Ламбаль въ Forge; выдавалъ себя за автора извѣстнѣйшей рѣчи Робеспьера. Однажды я побился объ закладъ, что заставлю его сказать, будто онъ былъ въ Россіи: онъ не совсѣмъ въ томъ сознавался, признавался однако скромно, что провель нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ.

Мосей де ла Мезонфоръ, человѣкъ умный, который скрывался, прибѣгнувъ ко мнѣ и скоро Бертенъ старшій, владѣтель журнала

«Давать, дружески помочь мнѣ въ одномъ горестномъ обстоятельстве». Изгнавшаго на островъ Эльбу, тѣмъ, кто въ своемъ очеркѣ, возвратившись съ острова Эльбы, прогналъ его въ Генту, Бертея подучилъ въ 1803 году отъ республиканца Брю, котораго я зналъ, позволеніе продлить въ Италиі свое изгнаніе. Съ тѣмъ же, я воспоминаю развалины Рима и видѣлъ смерть графини де-Бомонъ; эти два обстоятельства связали его жизнь съ моею. Критикъ, исполненный вкуса, онъ съ своимъ братомъ давалъ мнѣ превосходные совѣты для моихъ сочиненій. Онъ являлъ бы истинный даръ слова, если бы былъ призванъ къ кафедрѣ. Онъ долго былъ легитимистомъ, узникомъ въ тюрьмѣ du Temple, сосланъ потомъ на Эльбу, но правила его, въ сущности, остались тѣ же. Я останусь вѣренъ товарищу несчастныхъ дней моихъ; за всѣ податческія мнѣнія на землѣ не стоить заплатить ножепродавцею одного часу искренней дружбы.

Въ половинѣ пребыванія моего въ Римѣ, пріѣхала княгиня Боргезе; мнѣ поручили доставить ей парижскіе башмаки. Я былъ ей представленъ; она одѣвалась при мнѣ; хорошенькая обувь, надѣтая ею на ноги, только одно мгновеніе топтала эту старую землю.

Напопечъ вниманіе мое заняло несчастіе: на это пособіе можно всегда рассчитывать.

Когда я уѣзжалъ изъ Франціи, мы были очень осѣблены на счетъ графини де-Бомонъ: она много плакала, пзавѣщаніе ея доказало, что она считала себя осужденной на смерть. Однако друзья ея, не сообщая своихъ опасеній, старались успокоивать другъ друга, вѣрили чудесамъ водъ, доконченнымъ послѣ солнцемъ Италиі, разстались и поѣхали по разнымъ дорогамъ: свиданіе было назначено въ Римѣ.

Отрывки, писанные въ Парижѣ, въ *Mont-d'Or*, въ Римѣ, графиней де-Бомонъ и найденные въ ея бумагахъ, показываютъ состояніе ея души:

Парижъ.

«Нѣсколько лѣтъ уже здоровье мое замѣтно разрушается. «Явилась призраки, которые я считала сигналомъ отъѣзда, а «еще не готова ѣхать; обманчивая надежда усиливается съ усилъ «лежи болѣзни. Я видѣла много примѣровъ этой странной слабости и примѣчаю, что они ни къ чему мнѣ не послужатъ. «Уже я рѣшаюсь на леченіе, и скучное и бесполезное, и конеч- «но не буду имѣть силы избавить себя отъ жестокихъ лекарствъ,

« некоторые всегда мучат умирающих грудной болѣзью. Какъ
 « другіе, я предаюсь надеждѣ; надеждѣ! могу ли я желать жить?
 « Пршедшая жизнь моя была рядомъ несчастій, а настоящая
 « полна волненій и смуть; душевное спокойствіе скрылось отъ
 « меня навсегда. Смерть моя будетъ мгновеннымъ оторченіемъ
 « для нѣкоторыхъ, благомъ для другихъ, а для меня величайшимъ
 « изъ благъ.

« Двадцать перваго флореала, десятаго мая, день смерти моей
 « матери и брата:

Je péris la dernière et la plus misérable !

« О! зачѣмъ у меня нѣтъ мужества умереть? Эта болѣзнь, ко-
 « торую я почти имѣю слабость бояться, установилась и, можетъ
 « быть, я осуждена прожить долго: мнѣ кажется однако, что я
 « умру съ радостью;

Mes jours ne valent pas qu'il m'en coûte un soupir.

« Никто болѣе меня не можетъ жаловаться на природу: отка-
 « завъ во всемъ, она дала мнѣ чувство всего того, чего не-
 « достааетъ мнѣ. Нѣтъ минуты, чтобы я не чувствовала тяже-
 « сти совершенной, всеполной посредственности, на которую я
 « осуждена. Я знаю, что довольствіе собою и счастье составля-
 « ютъ часто награду за эту посредственность, на которую я
 « горько жалуясь; но не присоединивъ къ тому даръ обманчи-
 « выхъ мыслей, природа сдѣлала изъ этого муку для меня. Я по-
 « хожу на падшее существо, которое не можетъ забыть, что оно
 « проиграло и не имѣетъ силы отыгратъ отъ этого совершен-
 « наго недостатка обманчивости мыслей и, слѣдовательно, уличе-
 « нія! Бѣда моя безконечная. Я сужу себя какъ посторонній могъ
 « бы меня судить, и вижу друзей моихъ таковыми какъ они есть.
 « Все мое достоинство — крайняя доброта, но не довольно дѣ-
 « ятельная, чтобы ее оцѣнили другіе, или чтобы она была имъ
 « полезна; нетерпѣливость моего характера отнимаетъ у ней всю
 « прелесть: она болѣе заставляетъ меня страдать отъ чужихъ
 « несчастій, чѣмъ даетъ средства помочь имъ. Однако я одолже-
 « на ей тѣми немногими истинными наслажденіями, которыя
 « имѣла въ жизни; особенно обязана я ей незнаніемъ зависти,
 « столь обыкновеннаго удѣла создаваемой посредственности.»

Mont-d'Or.

« Я нѣла намѣреніе войти о себѣ въ нѣкоторыя подробности; но отъ скуки перо выпадаетъ у меня изъ рукъ.

« Все, что въ положеніи моемъ горькаго и мучительнаго, прератилось бы въ счастье, если бы я была увѣрена, что перо стапу жить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

« Когда я буду имѣть силы сама положить мнѣ горестанъ единственный предѣлъ, который они могутъ имѣть, я не сдѣлаю этого: это значило бы идти противъ моей цѣли, дать мѣру моихъ страданій и оставить слишкомъ болѣзненную рану въ душѣ, которую я сочла достойной быть моею опорой въ несчастіяхъ.

« Я со слезами умоляю себя принять жестоко, но необходимое намѣреніе. Шарлотта Корде увѣряетъ, что нѣтъ такого самопожертвованія, которое не стоило бы для насъ больше наслажденія, чѣмъ сколько стоитъ труда на него рѣшиться, но она шла на смерть, а я могу еще жить долго. Что станется со мною? Какую выбрать могилу? Какъ помѣшать надеждѣ проникнуть туда? Какое могущество заколотить туда дверь?

« Удалиться безмолвно, заставить себя забыть, погребетисъ навсегда, такова вложенная на меня обязанность и надѣюсь, что я буду имѣть мужество выполнить ее. Если чаша слишкомъ горька, и забытая, ничто не принудитъ меня выпить ее до дна и, можетъ-быть, что просто жизнь моя не будетъ такъ продолжительна, какъ я опасаюсь.

« Если бы я опредѣлила мѣсто моего убѣжища, мнѣ кажется, я стала бы спокойнѣе; но всякое мнѣшное затрудненіе увеличиваетъ затрудненіе, рождающееся отъ моей слабости, а потребно что-то сверхъестественное, чтобы дѣйствовать противъ себя съ силою, чтобы обращаться съ собою съ такой же суровостью, какъ бы сдѣлалъ это жестокий и безчеловѣчный врагъ ».

Ринъ.

« Десять мѣсяцевъ я не переставала страдать; а уже полгода всѣ признаки грудной болѣзни достигли высшей степени: только недостаетъ обманчивой надежды, а можетъ-быть у меня и есть она »!

Жуберъ, испуганный этимъ желаніемъ смерти, которое мучило графиню де-Бомонъ, обращалъ къ ней эти слова въ своихъ «Papiers»: «Любите и почитайте жизнь, если не для нея, то

« по-крайней-мѣрѣ для вашихъ друзей. Въ какомъ бы состояніи
« ни была ваша жизнь, мнѣ пріятнѣе будетъ знать, что вы ста-
« раетесь пріять, а не разрывать ее ».

Сестра моя въ это время вѣсила къ графинѣ де-Вомонъ. Я
владѣю этой переносной, отдаваемой мнѣ овертю. Древяннй ящикъ
представляетъ какую то Норенду, намъ цвѣтотъ, плачущій надъ
блудной Люкюльи бытъ этимъ цвѣтотомъ. Сравнивая ея вѣсьма съ
отрывками, приведенными выше, остаемся пораженъ этимъ
сходствомъ душевной грусти, выраженной языкомъ различныхъ
языковъ двумя скорбнцами ангелами. Когда я подумаю, что мнѣ
въ обществѣ такихъ разумовъ, я изумляюсь, что у меня такъ
мало достоинства. Эти страницы двухъ отличныхъ женщинъ;
печезнувшихъ съ земли такъ скоро одна послѣ другой, не мо-
гутъ повѣсть мнѣ на глаза, не огорчатъ меня.

Въ Ласкарде, 30 Іюля.

« Я была такъ рада, получить наконецъ ваше письмо, что не
« дала даже себѣ времени прочесть его до конца: перестала чи-
« тать, чтобы разсказать всѣмъ жителямъ замка, что я получи-
« ла отъ васъ извѣстье, не разсудивъ, что здѣсь до моей радо-
« сти мало нужды, и что даже никто не знаетъ о нашей перепискѣ.
« Видя себя окруженною холодными лицами, я воротилась
« въ свою комнату, рѣшившись радоваться одна; принялась оказъ
« чивать письмо, и хотя перечла его нѣсколько разъ, сказать по-
« правдѣ, я не знаю, что въ немъ содержится. Радость, которую
« я чувствую при видѣ этого столь желаннаго письма, вредитъ
« должному вниманію.

« И такъ вы увѣжаете? не вздумайте, воротившись въ Mont d'or;
« забыть ваше здоровье; окружите его всѣми вашими попеченіями.
« ми, умоляю васъ со всею нѣжностью моего сердца. Братъ увѣ-
« домитъ меня, что надѣется видѣть васъ въ Італіи. Судьба,
« какъ природѣ, угодно отличить его отъ меня очень благопрі-
« ятнымъ образомъ. По-крайней-мѣрѣ я не уступлю брату въ
« счастья любить васъ: стану раздѣлять съ нимъ это всю жизнь.
« Боже мой, какъ мнѣ тяжело и грустно на сердцѣ! Вы не знае-
« тѣ какъ спасительны для меня ваше письма, какое презрѣніе
« внушаютъ они мнѣ къ моимъ несчастіямъ! Мысль, что я васъ
« занимаю, интересую, чуднымъ образомъ возвышаетъ мою бо-
« дръ. Пишите же ко мнѣ, чтобы я могла сохранить мысль,
« такъ мнѣ необходимою.

« Я еще не видала Шеволле; очень желаю его скорого пріѣз-
«

ду. Я буду съ вами говорить объ васъ и о Жубертъ; это будетъ для меня величайшимъ удовольствіемъ. Позвольте еще разъ просить васъ о вашемъ здоровьи, котораго дурное состояніе огорчаетъ и занимаетъ меня безпрестанно. Какъ вы любите себя? Вы такъ милы и дороги всѣмъ: будьте же снисходительны и сдѣлайте много для себя.

«Люцилія.»

Второго сентября.

«Что вы говорите мнѣ о вашемъ здоровьи, пугаетъ и огорчаетъ меня: однако я успокоиваюсь при мысли о вашей молодости, и когда подумаю, что хотя вы очень слабаго сложенія, однако же полны жизни.

«Я въ отчаяніи, что вы живете въ странѣ, которая вамъ не нравится. Я бы желала видѣть васъ окруженною предметами, способными развѣять и оживить васъ. Надѣюсь, что съ возвращеніемъ вашего здоровья, вы примиритесь съ Овернью: вѣтъ мѣста, которое бы не могло представить какихъ-нибудь красотъ такимъ глазамъ, какъ ваши. Я живу теперь въ Рейнѣ: мнѣ довольно хорошо въ одиночествѣ. Я часто перемѣляю жилище, какъ вы видите; какъ-будто я не у мѣста на землѣ: точно давно уже я смотрю на себя какъ на одно изъ численнѣйшихъ произведеній ея. Я, кажется, говорила вамъ о моихъ гонимостяхъ и волненіяхъ. Теперь объ этомъ вѣтъ и рѣчи, я наслаждаюсь внутреннимъ спокойствіемъ, котораго похитить у меня никто не въ состояніи. Хотя достигнувъ до такого возраста какъ мой, я почти всегда, по обстоятельствомъ и наклонности, вела уединенную жизнь и несколько не знала свѣта: и наконецъ сдѣлала это скучное знакомство. Бъ-счастью, размышленіе подвигло мнѣ на помощь. Я спрашивала себя, что такого грознаго заключалось въ этомъ свѣтѣ и въ чемъ состояла его достоинство, когда онъ и въ добрѣ и въ злѣ можетъ служить только предметомъ состраданія? Не правда ли, что судъ человѣка также ограниченъ, какъ и все остальное существо его, также недвижимъ, также легковѣренъ, какъ и его невѣжество? Всѣ эти хорошія или дурныя причины заставляли меня свободно бросить за собою страшное плато, въ которое я была облечена: я очутилась полною чистосердечія и силы; меня уже нельзя смутить. Силуясь всячески поимать обратно жизнь мою и подчинить ее себѣ вполнѣ.

«Постыньте, что я не совсѣмъ еще жалка, потому-что братья мои, лучшая часть меня самой, находится въ пріятномъ по-

« ложениі , потому что есть глаза , чтобы любоваться чудесами природы , остается подпорой Богъ , а убижищемъ сердце , полное мира и сладостныхъ воспоминаній . Если вы станете продолжать писать ко мнѣ , это будетъ большой прибавкой къ моему счастью » .

Таинственность слогу , всюду ощутительная , нигдѣ незрпная , проявленіе избранной и скорбящей души , простодушіе дѣвушки , словно въ первой юности , униженная простота генія , несознающаго себя , дышать въ этихъ письмахъ , о большей части которыхъ я умалчиваю . Писала ли мадамъ де-Севиннь , мадамъ де-Грильянъ съ болѣе признательнымъ дружествомъ , какъ графиня де Кд графинѣ де-Бомонъ ? Сестра любила моего друга со всей страстью могилы , потому что чувствовала , что скоро должна умереть . Люцилія почти постоянно жила близъ Ромѣ , но она была дочерью своего вѣка и Севиннь уединенія .

Письмо Балланша отъ тридцатаго фруктидора извѣщало меня о прибытіи графини де-Бомонъ , пріѣхавшей изъ Mont d'or въ Лионъ и отправляющейся въ Италію . Онъ писалъ мнѣ , что нечего уже опасаться несчастія , котораго я такъ страшился , и что здоровье больной поправляется . Графиня де-Бомонъ встрѣтилась въ Миланѣ съ Бертевомъ , пріѣхавшимъ туда по дѣламъ : онъ былъ такъ обязателенъ , что взялся проводить бѣдную путешественницу во Флоренцію , гдѣ я ожидалъ ее . Я былъ пораженъ , увидѣвъ ее ; у ней достало только силъ улыбнуться . Послѣ нѣсколькихъ дней покоя , мы отправились въ Римъ шагомъ , чтобы избѣгнуть толчковъ . Графиню де-Бомонъ вездѣ окружали попеченіями : неодолима прелесть притягивала къ этой любезной женщинѣ , пощипутой и страдающей . Въ гостиницахъ даже служанками овладѣвало состраданіе .

Можно гадать , что чувствуешь , когда провожаешь въ могилу друзей , они безмолвны и неизъяснимая надежда не дѣлаетъ горестъ вашу еще язвительнѣй . Я уже не смотрѣлъ на прекрасный край , который мы проѣзжали ; я шѣхалъ по дорогѣ Перузы : что мнѣ было за дѣло до Италіи ? Клинать казался мнѣ еще слишкомъ жестокимъ , и если вѣтеръ начиналъ дуть хоть немножко , онъ казался мнѣ бурей .

Въ Терни , графиня захотѣла видѣть каскадъ ; сдѣлавъ усиліе , чтобы опереться на мою руку , она опять сѣла , сказавъ : « Пуотъ волны падаютъ » . Я нанялъ для нея въ Римѣ уединенный домъ возлѣ Испанской площади , подъ горою Пинчю ; тамъ былъ

садикъ съ померанцовыми деревьями, а на дворѣ фиговое дерево. Я отвезъ туда умирающую. Я съ трудомъ добился этого убѣжища, потому что въ Римѣ есть предрасудокъ противъ грудныхъ болѣзней, считающихся заразительными.

Въ эту эпоху возстановленія общественнаго порядка, принимали все принадлежавшее къ старому ладу: папа послалъ узнать о здоровьѣ дочери графа де-Монморена; кардиналъ Консалви и члены свѣтѣйшей коллегіи послѣдовали примѣру его свѣтѣйшества; самъ кардиналъ Фешъ показывалъ графинѣ де-Бомонъ до ея смерти знаки уваженія, которыхъ я не ожидалъ бы отъ него, и которые заставили меня забыть гадкіе раздоры въ первое время пребыванія моего въ Римѣ. Я писалъ къ Жуберу о безпокойствахъ, мучившихъ меня до пріѣзду графини де-Бомонъ: «Другъ — вашъ пишетъ мнѣ изъ Mont d'ог, говорилъ я ему, письма, раздирающія мнѣ душу: она говорятъ, будто *чувствуетъ, что въ лампѣ уже нѣтъ масла*, говоритъ о *последнихъ бѣніяхъ своего сердца*. Зачѣмъ оставили ее одну въ этомъ путешествіи? зачѣмъ вы не писали къ ней? Чтѣ будетъ съ нами, если мы ее потеряемъ? кто утѣшитъ насъ? Мы чувствуемъ цѣну друзьямъ только въ то мгновеніе, когда страшимся потерять ихъ. Мы да же до того безумны, когда все идетъ хорошо, что думаемъ будто можемъ безнаказанно удалиться отъ нихъ: небо насъ наказываетъ за то, покидаетъ ихъ, и мы пугаемся пустоты, какую она оставляютъ вокругъ насъ. Извините, любезный Жуберъ, нынче сердце у меня молодо какъ въ двадцать лѣтъ; эта Италия помолодила меня, я люблю все, чтѣ мнѣ до рога, съ такою же силой, какъ въ первыя годы мюн. Горесть — моя стихія: я возраждаюсь только въ несчастіи. Мои друзья те верь стали такъ рѣдки, что одно опасеніе видѣть ихъ похищенными, леденитъ во мнѣ кровь. Будьте снисходительны къ моимъ жалобнымъ разглагольствіямъ. Я увѣренъ, что вы такъ же несчастны, какъ я. Пишите ко мнѣ, пишите также къ этой другой бретанской несчастливцѣ».

Графинѣ де-Бомонъ вдругъ сдѣлалось легче. Сама больная начала вѣрять въ жизнь. Я имѣлъ удовольствіе думать, чтѣ крайней мѣрѣ графиня де-Бомонъ не покинетъ меня: я надѣялся отвести ее въ Неаполь весной и оттуда послать мою отставку къ министру иностранныхъ дѣлъ. Мосьё д'Аженкуръ, этотъ истинный философъ, посѣтилъ перелетную птичку, которая осталась въ Римѣ, прежде чѣмъ отправилась въ неизвѣстную зем-

лю. Богъ, тогда ужъ голова нашей живописческой сѣтви, тайнѣ являлся. Эта поджога надежды прельщала Большую живою мечтою, которую въ глубинѣ души она уже не имѣла. Жестокія письма являлись ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, выражая опасенія и надежды. Четвертаго октября Люццля писала мнѣ изъ Ренна:

« Недавно я начала къ тебѣ письмо, но не могла отъискать его теперь; я говорила въ немъ о графинѣ де-Бомонъ и жаловалась на ея молчаніе. Другъ мой, какую грустную и страшную жизнь веду я нѣсколько мѣсяцевъ! Но оставимъ мнѣ горести и поговоримъ о твоихъ безпокойствахъ. Я не могу увѣрить себя, что они основательны: все вижу графиню де-Бомонъ всюду жизни и юности, почти безплотную; ничего зловѣщаго на ея счётъ не можетъ лечь мнѣ на сердце. Небо, которому истинны наши чувства къ ней, конечно сохранитъ её намъ. Другъ мой, ны ея не лишимся; мнѣ кажется, что я чувствую внутренню эту увѣренность. Мнѣ пріятно думать, что когда ты получишь это письмо, твои опасенія уже разсвѣтютъ. Скажи ей отъ меня объ истинномъ и вѣжномъ участіи, которое я принимаю въ ней: скажи, что ея будущиость—самая прелестная вещь для меня въ мірѣ. Сдержи обещаніе и постарайся утѣшить меня о ней какъ можно скорѣе. Боже мой, сколько протечетъ времени, прежде чѣмъ я получу отвѣтъ на это письмо! Какъ жестока отдаленность! Отчего ты говоришь мнѣ о своемъ возвращеніи во Францію? Ты хочешь похвалить мнѣ! обманываешь меня! Среди всѣхъ горестей во мнѣ проваллется сладостная мысль, мысль о твоей дружбѣ, о томъ, что въ теченіи воспоминаія я такая, какъ Богу угодно было сотворить меня. Другъ мой, я считаю первымъ для себя убѣжденіемъ на землѣ только твое сердце; я чужда и невѣдома всему остальному. Прощай, бѣдный братъ! увижу ли я тебя? Эта мысль не единственная моя рибуется передо мною. Если ты меня увидишь, я боюсь, чтобы ты не нашелъ меня совершенно безумною. Прощай, ты, кому я такъ обязана! Прощай, блаженство безъ всякой прилѣжен! О воспоминаія, пренасыщенныя дни мои, не можете ли вы теперь хоть нѣсколько освѣтить мои грустные часы?»

« Я не изъ тѣхъ, которые истощаютъ всю горестъ въ минуту разлуки; каждый день увеличиваетъ оторченіе о твоемъ отсутствіи, и пребуду хоть сто лѣтъ въ Римѣ, это оторченіе не кончится. Чтобы обмануть себя на счетъ твоего отсутствія,

« не проходитъ дня, чтобы я не читала нѣсколько страницъ изъ твоихъ сочиненій; я дѣлаю всё возможныя усилія, чтобы вообразить, будто я тебя слышу. Дружба моя къ тебѣ очень естественна: съ дѣтскаго возраста ты былъ моимъ защитникомъ и другомъ; никогда не стоилъ мнѣ слезъ и никогда не приобрѣталъ друга, безъ того, чтобы онъ не сдѣлался моимъ. Любезный братъ, небу угодно, чтобы я нашла все счастье мое въ тебѣ, чтобы я вѣрилась твоему сердцу. Увѣдомь меня поскорѣе о графинѣ де-Бомонъ. Адресуй письма къ мадамозель Ламоттъ, хотя я не знаю, долго ли тамъ пробуду. Съ тѣхъ-поръ какъ мы разстались, я въ отношеніи жилища, похожа на сыпучій песокъ, который скользитъ подъ ногами: правда что для тѣхъ, кто меня не знаетъ, я должна казаться неизъяснимой; однако я измѣняюсь только съ виду, а въ сущности постоянно одинакова».

Голосъ лебедя, приготовляющагося умереть, передалъ я умирающему лебедю: я былъ эхомъ этихъ невыразимыхъ и послѣднихъ концертовъ!

Другое письмо, вовсе не похожее на это, но писанное женщиной, которой роль въ жизни была необыкновенна, я говорю о госпожѣ Крюжеръ, показываетъ, какую власть графиня де-Бомонъ имѣла надъ умами, безъ красоты, безъ славы, безъ могущества, безъ богатства.

« Парижъ, 24 ноября 1803.

« Я узнала третьяго-дня отъ москѣ Мишѣ, возвратившагося изъ Ліона, что графиня де-Бомонъ въ Римѣ и очень больна: вотъ что сказалъ онъ мнѣ. Меня это глубоко огорчило, я много думала объ этой прелестной женщинѣ, которую знала недавно, но любила истинно. Сколько разъ желала я ей счастья! Сколько разъ желала, чтобы она могла переѣхать Альпы и найти подъ небомъ Италіи сладостныя и глубокія ощущенія, которыя я чувствовала тамъ сама! Увы! неужели она достигла этого восхитительнаго краю только за тѣмъ, чтобы подвергнуться опасностямъ, которыхъ я такъ опасюсь! Не могу вамъ выразить какъ эта мысль меня огорчаетъ. Извините, что я такъ въ нее углубилась и не говорила еще ничего о васъ самихъ, любезный Шатобрианъ; вамъ должна быть извѣстна искренняя привязанность моя къ вамъ, и показывая вамъ нескрѣпное участіе къ графинѣ де-Бомонъ, значить буду касаться

« васъ гораздо болѣе, чѣмъ говоря о васъ самихъ. У меня передъ глазами это грустное зрѣлище; я владѣю тайной горести, и душа моя останавливается съ терзаніемъ передъ душами, которыми природа дала власть страдать болѣе другихъ. Я надѣялась, что графиня де-Бомонъ воспользуется полученнымъ ею преимуществомъ быть болѣе счастливой; надѣялась, что она найдетъ здоровье съ солнцемъ Италіи и съ счастьемъ вашего присутствія. Ахъ! успокойте меня, говорите мнѣ, скажите ей, что я искренно люблю ее, что возсылаю за нее обѣты. Получила ли она отвѣтъ мой на ея письмо изъ Клермона? Адресуйте отвѣтъ вашъ Мишю: прошу у васъ только одного слова, потому что знаю, любезный Шатобрианъ, какъ вы чувствительны и какъ вы страдаете. Я думала, что ей лучше; не пришла къ ней, была завалена дѣлами; но думала какъ она будетъ счастлива, увидѣвъ васъ, и умѣла это понять. Скажите мнѣ что-нибудь о нашемъ здоровьѣ; вѣрите моей дружбѣ, участію, отданному вамъ навсегда и не забывайте меня.

« Б. Крюжсеръ. »

Облегченіе, которое римскій воздухъ доставилъ графинѣ де-Бомонъ, не продолжалось: знаки непосредственнаго разрушенія правда исчезли; но мнѣ кажется, что послѣдняя минута всегда останавливается, чтобы насъ обмануть. Я пробовалъ два или три раза взять больную въ каретѣ; старался ее разсвѣять, показывая ей окрестности и небо: ей уже болѣе ничего не нравилось. Однажды я повезъ ее въ Коллизей; это было въ одинъ изъ такихъ октябрьскихъ дней, какіе бываютъ только въ Римѣ. Она могла сойти и сѣла на камень, напротивъ одного изъ алтарей, помѣщенныхъ въ окружности зданія. Поднявъ глаза, она медленно обвѣдала ими по портикамъ, умершимъ уже столько лѣтъ тому назадъ и видѣвшимъ столько умершихъ; развалины были украшены терновникомъ и плющемъ, окрашенными осеннимъ шорохомъ и утопавшими въ свѣту. Умирающая женщина спустила по ступенямъ все ниже и ниже до арены взоръ, прощавшійся съ солнцемъ, остановила его на крестѣ и сказала: «Повѣдемъ; любезна». Я отвезъ ее домой; она легла и уже не вставала.

Я вступилъ въ сношенія съ графомъ де-ла-Люзерномъ и послалъ ему изъ Рима, съ каждой почтой, бюллетени о здоровьѣ его свояченицы. Когда Людовикъ-Шестнадцатый послалъ его съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ, онъ увезъ съ собою моего брата: Андрей Шенъ составлялъ часть этого посольства.

Доктора, которыхъ я снова созрала послѣ попытки катанья, объявили мнѣ, что только одно чудо можетъ спасти графиню де-Бомонъ. Она была поражена мыслью, что не переживетъ второе ноября, день всѣхъ усопшихъ; потомъ припомнила, что однажды ея родственники умеръ четвертаго ноября. Я сказала ей, что воображеніе ея перепуталось, что она увидитъ, какъ напраседъ быть страхъ ея; она отвѣчала, чтобы утѣшить меня: «О! да, я еще проживу!» Замѣтивъ, что я стараюсь скрыть отъ нея слезы, она протянула мнѣ руку, говоря: «Вы дитя; развѣ вы этого не ожидаете?»

Наканунѣ ея кончины, въ четвергъ, третьяго ноября, она казалась спокойнѣе, говорила мнѣ объ устройствѣ дѣлъ и сказала на счетъ завѣщанія, что все кончено; но ничего еще не содѣлано, и что она желала бы прожить еще только два часа чтобы эти дѣла заняться. Вечеромъ, докторъ увѣдомилъ меня, что считаетъ себя обязаннымъ предупредить больницу, что время досчитаться съ совѣстью. У меня на первый случай не осталось духа; боязнь сократить сборами къ смерти нѣсколько минутъ, которыя оставалось еще прожить графинѣ де-Бомонъ, отгоняла меня. Я вскрикнула на доктора, потомъ умоляла его подождать, по крайней мѣрѣ до завтра.

Ночь моя была ужасна — съ тайной, заключающейся въ груди. Больная не позволила мнѣ быть въ ея комнатѣ. Я оставался за дверью, треща при малѣйшемъ шумѣ: когда отворяли дверь, мнѣ впадался слабый свѣтъ погасавшаго ночника.

Въ пятницу, четвертаго ноября, я вошелъ съ докторомъ. Графиня де-Бомонъ дивилась мое волненіе и сказала мнѣ: «Отчего вы смотрите такъ странно? я хорошо провела ночь». Докторъ нарочно сказалъ мнѣ тогда громко, что желаетъ поговорить со мною въ соседней комнатѣ. Я вышелъ и воротился ни живъ ни мертвъ. Графиня де-Бомонъ спросила, чего хотѣлъ отъ меня докторъ. Я бросился на край ея постели, заливаясь слезами. Она съ минуту молчала, взглянула на меня и сказала голосомъ твердымъ, какъ-будто хотѣла придать мнѣ силы: «Я не думала, чтобы уже такъ скоро: нечего дѣлать, надо же съ вами проститься. Позовите «Аббата де-Бонвиви»».

Аббатъ де-Бонвиви, получивъ разрѣшеніе, явился къ графинѣ де-Бомонъ. Она сказала ему, что всегда имѣла въ сердцѣ глубокое религіозное чувство, но что немощныя несчастія, поразишія ее, во время революціи, заставили ее нѣсколько времени сомнѣваться, въ правосудіи Провидѣнія; что она готова сознаться

въ своихъ заблужденіяхъ и поручать себя вѣчному милосердію; что она надѣется однако, что претерпѣвныя ею страданія въ этомъ мірѣ сократятъ искупленіе грѣховъ ея въ другомъ. Она сдѣлала мнѣ знакъ удалиться и осталась одна съ духовникомъ.

Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ черезъ дверь, отирая глаза и говоря, что никогда не слышалъ болѣе чуднаго языка, никогда не видѣлъ подобнаго героизма. Послали за приходскимъ священникомъ, чтобы причастить ее Святыхъ Таинъ. Я воротился къ графинѣ де-Бомонъ. Увидѣвъ меня, она сказала: «Что жъ! довольны ли вы мной»? Она говорила съ чувствомъ о такъ называемыхъ моихъ одолженіяхъ: ахъ! если бы я могъ въ эту минуту выкупить одинъ день ея жизни пожертвованіемъ всѣхъ моихъ дней, съ какою бы радостью я сдѣлалъ это! Другимъ друзьямъ графини де-Бомонъ, не присутствовавшимъ при этомъ зрѣлищѣ, пришлось по-крайней-мѣрѣ плакать одинъ разъ: когда я стоялъ у изголовья этого болѣзненнаго ложа, гдѣ для человѣка бьетъ послѣдній часъ, каждая улыбка больной возвращала мнѣ жизнь и отнимала ее, исчезая. Плачевная мысль меня разстроила: я примѣтилъ, что графиня де-Бомонъ только при послѣднемъ вздохѣ угадала мою истинную къ ней привязанность: не переставала изъявлять свое удивленіе и, казалось, умирала и въ отчаяніи и въ восторгѣ. Она думала, что была мнѣ въ тягость и желала умереть, чтобы избавить меня отъ нея.

Священникъ пришелъ въ одиннадцать часовъ: комната наполнилась этой толпой любопытныхъ и равнодушныхъ, которую въ Римѣ вельзя не допустить слѣдовать за священникомъ. Графиня де-Бомонъ встрѣтила, торжественный обрядъ совершенно спокойно. Мы стали на колѣна и больная удостоилась вмѣстѣ и приобщенія Святыхъ Таинъ и Миропомазанія. Когда всѣ ушли, она попросила меня сѣсть на край постели и говорила съ полчаса о моихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ съ чрезвычайной возвышенностью ума и съ самой трогательной дружбой; особенно уговаривала меня жить съ женой и съ Жуберомъ... но Жуберъ долженъ ли былъ жить?

Она просила меня открыть окно, потому-что чувствовала стѣсненіе. Лучъ солнца освѣтилъ кровать и какъ-будто развеселилъ ее. Она напомнила мнѣ потомъ наши планы о сельскомъ уединеніи и начала плакать.

Между двумя и тремя часами по полудню, графиня де-Бомонъ просила мадамъ Сенъ-Жерменъ, горничную, старую Испанку, служившую ей съ привязанностью, достойною такой доброй госпожи,

перенести ее на другую постель: докторъ не позволилъ, изъ опасенія, чтобы графиня не умерла во время этого перемѣщенія. Тогда она мнѣ сказала, что чувствуетъ приближеніе кончины и вдругъ, откинувъ одѣяло, протянула мнѣ руку, и сильно сжала мою; глаза ея помутнились. Рукою, оставшейся свободной, она дѣлала кому то знаки, у подножія кровати, потомъ, положивъ эту руку на грудь сказала: *тутъ!* Въ смущеніи я спросилъ, узнаетъ ли она меня; очеркъ улыбки показался среди помѣшательства; она сдѣлала мнѣ легкій утвердительный знакъ головою: слово ея было уже въ другомъ мірѣ. Конвульсіи продолжались только нѣсколько минутъ. Докторъ, сидѣлка и я поддерживали ее: рука моя лежала у ней на сердцѣ, которое дотрогивалось до ея тонкихъ костей; оно сильно трепетало, какъ часы, разматывающіе оборванную цѣпочку. О! минута ужасу и испугу; я чувствовалъ, какъ оно остановилось! мы положили на изголовье женщину, достигнувшую покоя; она сложила голову. Нѣсколько локоновъ ея распущенныхъ волосъ упали на лобъ, глаза закрылись, спустилась вѣчная ночь. Докторъ поднесъ зеркало и свѣчку къ устамъ чужестранки: зеркало не потускнѣло отъ дыханія жизни, огонь остался неподвиженъ. Все кончилось.

Обыкновенно, тѣ, которые оплакиваютъ, могутъ въ тишинѣ наслаждаться слезами, другіе за нихъ заботятся о послѣднемъ долгѣ религіи: какъ представитель Франціи — кардиналъ-министръ былъ тогда въ отсутствіи — какъ единственный другъ дочери графа де-Монморена, обязаный дать отчетъ ея семейству, я былъ принужденъ распорядиться всѣмъ: назначить мѣсто погребенія, завѣяться глубиной и шириной могилы, достать саванъ и дать столяру мѣрку гроба.

Два монаха сидѣли у гроба, который должно было отвезти въ храмъ *Saint-Louis-des-Français*. Одинъ изъ этихъ благочестивыхъ отцовъ былъ изъ Оверни и родился въ самомъ Монморенѣ. Графиня де-Бомонъ желала, чтобы ее похоронили въ платьѣ изъ матеріи, которую братъ ея Августъ, одинъ избѣгнувшій эшафота, прислалъ ей изъ Иль-де-Франса. Матеріи этой не было въ Римѣ; нашли только лоскутокъ, который она вездѣ возила съ собой. Мадамъ Сень-Жерменъ прикрѣпила его къ тѣлу, вмѣсто пояса, еердолякомъ, съ волосами графа де Монморена. Созвали французское духовенство; княгиня Боргезе дала свою фамильную погребальную колесницу; кардиналъ Фешъ отдалъ приказаніе въ случаѣ давно ожидаемаго несчастія, прислать своихъ людей и кареты. Въ субботу, пятого ноября, въ семь часовъ вечера, при свѣ-

тѣ «акеловъ», среди многочисленной толпы, прѣвѣхала графиня де-Бомонъ по той дорогѣ, гдѣ мы проѣдемъ всѣ. Въ воскресенье, шестаго ноября, происходило отпѣваніе. Погребеніе было бы гораздо менѣе французское въ Парижѣ, чѣмъ въ Римѣ. Эта религіозная архитектура, въ украшеніяхъ которой видны гербы и надписи нашей древней отчизны: эти гробницы, гдѣ написаны имена нѣкоторыхъ изъ самыхъ историческихъ поколѣній нашихъ лѣтописей; эта церковь, подъ покровительствомъ великаго святаго, великаго короля и великаго человека, все это не утѣшало, но возвышало несчастіе. Я желалъ, чтобы послѣдняя отрасль фамиліи, нѣкогда поставленной въ свѣтѣ высоко, нашла по крайней мѣрѣ какую нибудь опору въ моей неизвѣстной прѣзентности, и чтобы въ дружествѣ не было у ней недостатку какъ въ счастья.

Римскій народъ, привыкшій къ иностранцамъ, служить имъ вмѣсто братьевъ и сестеръ. Графиня де-Бомонъ оставила, на этой почвѣ, гостепріимной для мертвыхъ, благочестивое воспоминаніе; ее еще помнятъ: я видѣлъ какъ Левъ-Двѣнадцатый молился на ея могилѣ. Въ 1807 я посѣтилъ памятникъ той, которая была душою исчезнувшаго общества; шумъ монахъ шаговъ, вокругъ этого безмолвнаго памятника въ этой удивенной церкви, казался мнѣ увѣщаніемъ. «Я всегда буду любить тебя, говоритъ греческая эпитафія, но ты у мертвыхъ не пей, пожалуйста, изъ этой чаши, которая заставитъ тебя забыть прежнихъ друзей».

Если сравнивать важность общественныхъ событій съ бѣдствіемъ частной жизни, такъ эти бѣдствія почти не слѣдовало бы удѣлять мѣста въ «Запискахъ». Кто не лишался друга? Кто не видалъ, какъ умиралъ онъ? Кому не приходилось описывать подобную плачевную сцену? Размышленіе справедливо, однако никто не можетъ удержаться, чтобы не разсказать своихъ собственныхъ приключеній: у моряковъ есть на землѣ семейство, о которомъ они любятъ разговаривать взаимно. Каждый человекъ заключаетъ въ себя особенный міръ, чуждый законамъ и общимъ судьбамъ гѣковъ. Впрочемъ несправедливо было бы думать, будто перевороты, знаменитыя приключенія, громогласные переломы составляютъ все бытописаніе человѣчества: мы трудимся всѣ и каждый для цѣли общей исторіи, и изъ этого-то каждаго частнаго бытія, составляемъ міръ въ глазахъ Бога.

Собирая сожалѣнія у праха графини де-Бомонъ, я только кладу на могилу назначенные для нея вѣнки.

ПИСЬМО ШЕНДОЛЬЕ.

« Вы не сомнѣваетесь, мой милый и несчастный другъ, какое участие принимаю я въ вашемъ огорченіи. Горесть моя не такъ велика какъ ваша, потому что это невозможно; но эта потеря меня глубоко огорчаетъ, еще омрачая жизнь, которая уже съ давняго времени — одно страданіе для меня. И такъ проходитъ и исчезаетъ съ лица земли все доброе, любезное, чувствительное. Бѣдный другъ мой, поторопитесь воротиться во Францію; пріѣзжайте утѣшиться возлѣ стараго друга. Вы знаете, люблю ли я васъ: пріѣзжайте.

« Я чрезвычайно безпокоился о васъ: больше трехъ мѣсяцевъ не получалъ я отъ васъ извѣстія и три мои письма остались безъ отвѣта. Получили ли вы ихъ? Графиня де-Ко перестала вдругъ писать ко мнѣ уже два мѣсяца. Это меня смертельно огорчило, но мнѣ не въ чемъ упрекать себя въ отношеніи ея. Но чтобы ни дѣлала, она не въ силахъ отнять у меня нѣжной и почтительной дружбы, которую отдалъ я ей навсегда. Фонтанъ и Жуберъ также перестали ко мнѣ писать; и такъ все, что я любилъ, какъ-будто соединилось, чтобы забыть меня и другъ. Не забывайте меня, о вы, добрый другъ мой, и пусть на этой землѣ слезъ остается мнѣ сердце, на которое я могу надѣяться! Прощайте! обнимаю васъ со слезами. Будьте увѣрены, добрый другъ мой, что я чувствую вашу потерю, какъ должно ее чувствовать.

« 23 ноября 1803.»

ПИСЬМО ДЕ-ФОНТАНА.

« Раздѣляю всѣ ваши сожалѣнія, любезный другъ: чувствую горесть вашего положенія. Умереть такой молодой переживъ всѣхъ родныхъ! Но, по крайней мѣрѣ, эта интересная и несчастная женщина не имѣла недостатка въ пособіи и воспоминаніяхъ дружбы. Память о ней будетъ жить въ сердцахъ ея достойныхъ. Я переслалъ де-ла Люцерну трогательный отчетъ, назначенный ему. Старый Сень-Жерменъ, слуга вашего друга, взялся отвести его. Я плакалъ, когда этотъ добрый служитель говорилъ о своей госпожѣ. Я сказалъ, что ему завѣщано десять тысячъ франковъ, но это вовсе не занимало его. Если бы было можно говорить о дѣлахъ въ такихъ печальныхъ

« обстоятельствахъ, я бы сказалъ, что естественнѣе было бы
 « предоставить вамъ, по-крайней мѣрѣ, пожизненно пользо-
 « ваться состояніемъ, которое должно перейти къ дальнимъ и
 « почти неизвѣстнымъ родственникамъ. * Одобряю ваше по-
 « веденіе, знаю вашу деликатность, но не могу въ отношеніи
 « друга имѣть то безкорыстіе, которое онъ имѣетъ самъ для
 « себя. Признаюсь, что это забвеніе удвѣляетъ и огорчаетъ меня.
 « Графиня де-Бомонъ говорила вамъ на смертной постели съ
 « краснорѣчіемъ послѣдняго прощанія, будущаго и вашей судьбы.
 « Голосъ ея долженъ имѣть болѣе силы, чѣмъ мой. Но совѣто-
 « вала ли она вамъ отказаться отъ осьми или десяти тысячъ фран-
 « ковъ жалованья, когда ваша карьера очистилась отъ первыхъ
 « терзевъ? Можете ли вы спѣшить, любезный другъ, въ такомъ
 « важномъ дѣлѣ? Вы не можете сомнѣваться какъ я буду радъ
 « съ вами увидѣться. Если бы я совѣтовался, только съ собствен-
 « нымъ счастіемъ, я бы сказалъ: пріѣзжайте сейчасъ. Но ваша
 « польза такъ же мнѣ дорога какъ и моя, и я не вижу, что мог-
 « ло бы вознаграждать васъ за выгоды, которыя вы добровольно
 « теряете. Я знаю, что вашъ талантъ, имя и труды впрочемъ не
 « выдадутъ васъ на жертву первыхъ потребностей жизни, но я
 « вижу тутъ болѣе славы чѣмъ состоянія. Ваше образованіе,
 « образъ жизни, требуютъ издержекъ. Одной славы недостаточно
 « для жизненнаго обиходу, и дрянная наука прокормиться выше
 « всѣхъ прочихъ, когда хочешь жить спокойно и независимо. Я
 « все надѣюсь, что ничто не заставитъ васъ искать счастья внѣ
 « отечества. Право, другъ мой, будьте увѣрены, что послѣ первыхъ
 « ласкъ и привѣтствій, съ ними все-таки и труднѣе и хуже жить
 « чѣмъ съ своими соотечественниками. Если вашъ умиравшій другъ
 « размыслилъ обо всемъ этомъ, послѣднія ея минуты не могли
 « быть спокойны; но я надѣюсь, что у подножія ея могли бы
 « найдете наставленія и свѣтъ несравненно выше тѣхъ, которые
 « могутъ вамъ дать оставшіеся друзья. Эта милая женщина васъ
 « любила, она хорошо вамъ совѣтуетъ. Память объ ней и ваше
 « сердце будутъ вѣрно руководить васъ: я не стану беспокоиться,
 « если вы послушаетесь ихъ обояхъ. Прощайте, любезный другъ,
 « пѣжно цѣлую васъ.»

Мосье Неккеръ написалъ мнѣ единственное письмо, которое я

* Дружба де-Фонтаня зашла слишкомъ далеко: графиня де-Бомонъ была обо мнѣ лучшаго мнѣнія: она подумала, конечно, что если бы она отсавила мнѣ свое состояніе, я бы не принялъ его.

имѣю отъ него. Я былъ свидѣтелемъ радости двора при отставкѣ этого министра. Онъ былъ товарищъ графа де-Монморена. Неккеръ долженъ былъ скоро умереть въ томъ мѣстѣ, откуда было писано его письмо: будучи тогда въ разлукѣ съ мадамъ де-Стаэль, онъ нашелъ нѣсколько слезъ для друга своей дочери:

« Дочь моя, милостивый государь, отправляясь въ Германію
 « просила меня распечатывать все, что будетъ къ ней адресовано,
 « чтобы видѣть, стоятъ ли отсылать это ей по почтѣ: по этой
 « причинѣ, я прежде ея узналъ о смерти графини де-Бомонъ. Я
 « отослалъ ваше письмо къ ней въ Франкфуртъ; оттуда, вѣроятно,
 « его перешлютъ дальше, можетъ-быть въ Веймаръ или Берлинъ.
 « Не удивляйтесь же, если не получите отвѣта отъ моей дочери
 « такъ скоро, какъ имѣете право ожидать его. Вы знаете,
 « какую горестъ почувствуетъ она, узнавъ о потерѣ друга, о
 « которой всегда говорила съ глубокимъ чувствомъ. Я присое-
 « диняюсь къ ея горести и къ вашей, и имѣю свою часть горя
 « особо, когда подумаю о несчастной участи цѣлаго семейства
 « друга моего де-Монморена.

« Я вижу, что вы на-готовѣ оставить Римъ и воротиться во
 « Францію, и желаю, чтобы вы проѣхали черезъ Женеву, куда я
 « ѣду провести зиму. Мнѣ будетъ очень пріятно показать вамъ
 « городъ, гдѣ слава сдѣлала уже ваше имя извѣстнымъ. Но гдѣ же
 « неизвѣстны вы? Последнее ваше сочиненіе, блистающее не-
 « сравненными красотою, въ рукахъ всѣхъ любителей чтенія.

« Имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ чувства высокаго ува-
 « женія.

Неккеръ.

Коппегъ, 27 ноября 1803.

Письмо мадамъ де-Стаэль.

«Франкфуртъ, 3 декабря 1803.

« Ахъ! Боже мой, my dear Francis, какою горестью поразило
 « меня ваше письмо! Уже вчера эта ужасная новость свалилась
 « на меня черезъ газеты, а вашъ раздирающій рассказъ напечат-
 « лѣлъ ее навсегда кровавыми буквами въ моемъ сердцѣ. Може-
 « те ли, можете ли вы говорить о различныхъ мнѣніяхъ въ ре-
 « лигій? Развѣ есть два мнѣнія, когда чувство одно? Я читала
 « рассказъ вашъ сквозь горькія слезы. My dear Francis, припом-
 « ните то время, когда вы всего болѣе чувствовали ко мнѣ друж-

• бу; особенно не забудьте то, когда вы приваляки къ себѣ все
 • сердце мое, и скажите себѣ, что эти чувства, нѣжиѣ и глуб-
 • же чѣмъ когда-нибудь, находятся въ глубинѣ души моей къ
 • вамъ. Я любила графиню де-Бомонъ, удивлялась характеру; я
 • не знала ничего недюродушнѣе, притязательнѣе, страстно-чув-
 • ствительнѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ я вошла въ свѣтъ, я не пере-
 • ставала имѣть съ ней сношенія и всегда чувствовала, что даже
 • среди кое-какихъ перемѣнчивостей я срослась съ ней всѣми
 • жидками сердца: Милый Francis, дайте мнѣ мѣсто въ вашей
 • жизни. Я отъ васъ въ восторгѣ, люблю васъ, люблю ту, о ко-
 • торой вы сожалеете. Я другъ преданный и буду для васъ се-
 • строй, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я должна уважать ваши интѣ-
 • реса: Matieen, который разделяетъ ихъ, былъ для меня анге-
 • ломъ въ послѣдней горести, испытанной мною. Дайте мнѣ но-
 • вую причину уважать ихъ: сдѣлайте, чтобы я была вамъ по-
 • лезна или пріятна какимъ-нибудь образомъ. Писали ли вамъ,
 • что меня изгнали за сорокъ миль отъ Парижа? Я этимъ вос-
 • пользовалась, что бы объѣхать Германію, но весной воротусь
 • или въ самый Парижъ, если изгнаніе мое кончится, или куда-
 • то отъ Парижа или въ Женеву. Постарайтесь, чтобы какинъ
 • бы то ни было образомъ мы сошлись. Развѣ вы не чувствуете,
 • что мой умъ и моя душа понимаютъ вашу душу, и неужели не
 • чувствуете въ чемъ мы похожи, несмотря на различіе? Гум-
 • больдтъ написалъ мнѣ нѣсколько дней тому письмо, гдѣ говоритъ
 • о вашемъ сочиненіи, съ восторгомъ, который долженъ быть
 • вамъ лестенъ въ человѣкѣ съ его достоинствами и его мнѣнія-
 • ми. Но зачѣмъ я говорю о вашихъ успѣхахъ въ такую мину-
 • ту? Она любила эти успѣхи, связывала съ ними свою славу.
 • Продолжайте прославлять того, кого она такъ любила. Про-
 • щайте, милый Францискъ. Я напишу вамъ изъ Веймара, въ
 • Саксоніи. Отвѣчайте мнѣ туда къ Депоръ, банкирамъ. Какіе
 • въ вашемъ разсказѣ раздирающія строки! А намѣреніе-то
 • оставить при себѣ бѣдную Сенъ-Жерменъ: приведите ее когда-
 • нибудь ко мнѣ.

• Прощайте нѣжно: горестно прощайте.

Н. де-Стаэль.

Это торопливое, дружески-небрежное письмо, писанное женщи-
 ной знаменитой, двойнѣ растрогало меня. Графиня де-Бомонъ
 быда бы очень счастлива въ эту минуту, если бы небо позно-

любо ей жить! Не наши приязнннкости, трогая смертвецюю, не въ силахъ развнать узъ смерти.

Они также исчаши, мои утѣшители, и просятъ для себя тѣхъ сожалѣннй, которыя чувствовали къ другимъ.

Я рѣшился оставить эту дѣловую карьеру, гдѣ лучшая несчастнн присоединилась къ ничтожности труда и къ политическимъ дрнзганнмъ. Тотъ не знаетъ, что такое отчаянне сердца, кто не оставался одинъ бродить въ мѣстахъ, недавно обитаемыхъ особю, которая приняла даръ вашей жизни: ее ннщень и не подошли, она говоритъ съ вами, улыбается, сопровождаетъ васъ; все, что она носила для трогала, воспроизводитъ ея образъ; между ею и вами ннщется только прозрачный завѣсъ, но такой тнмелнй, что вы не можете его поднять. Воспомннанне о паромѣ другъ, оставившемъ васъ на дорогѣ, жестоко; потому что если жизнь ваша продолжалась, вы необходимо ннмѣли другнхъ потернхъ: ащ, ельдовавшнхъ одна за другою, смерти, связывающнхся съ перомо, и вы оплакиваете вдругъ въ одной особѣ всѣхъ тѣхъ, которыхъ постепенно лишились.

Пока я дѣлалъ безконечныя приготовлення, продолженныя отдаленнемъ отъ Францн, я оставался покннутымъ на развалинахъ Рима. При первой прогулкѣ, виды показались мнѣ ннзмѣннвшнми, я не узнавалъ ни деревень, ни монументовъ, ни неба, заблудился среди долинъ, каскадовъ, водопроводовъ, какъ нѣкогда въ рощахъ Новаго Свѣта. Я воротился въ вѣчный городъ, присоединившнй теперь къ столькимъ исчезнувшимъ существованнямъ, еще одну угасшую жизнь. Отъ безпрестаннаго ходення по окрестностямъ Тибра, онѣ такъ хорошо напечатлѣлись въ моей памяти, что я воспроизвелъ ихъ довольно правильно въ письмѣ къ де-Фантану: «Если иностранецъ несчастливъ, голо-
« рнть я, если онѣ смѣшалъ любимый прахъ съ прахомъ столь-
« кнхъ знаменитостей, съ какимъ очарованнемъ перейдетъ онѣ
« отъ гробницы Цецннн Метеллы, къ гробу несчастной жен-
« щнны!»

Также въ Римѣ въ первый разъ пришла мнѣ мысль писать *Записки моей жизни*; я нахожу нѣсколько строчекъ, набросанныхъ на удачу, въ которыхъ я разбираю эти немногня слова: «Блуждая по землѣ, проведя лучшнхъ годы юности вдали отъ от-
« чнзны, и выстрадавъ все, что человекъ можетъ претерпѣть,
« даже голодь, я воротился въ Парижъ въ 1800 году».

Въ письмѣ къ Жуберу я чертилъ такимъ образомъ планъ свой:
«Единственное счастье—поймать нѣсколько часовъ, чтобы за-

• няться сочиненіемъ, которое одно можетъ принести облегченіе
 • моимъ горестямъ: *Записками моей жизни*. Туда войдетъ Римъ, и
 • только такимъ-образомъ буду я въ состояніи говорить о Ри-
 • мѣ. Будьте спокойны; это не будетъ исповѣдь мучительная
 • для моихъ друзей, если я сдѣлаюсь чѣмъ-нибудь въ будущемъ;
 • друзья мои также будутъ тамъ имѣть прекрасное, уважаемое
 • имя. Я не стану занимать потомство подробностями моихъ сла-
 • бостей, я скажу о себѣ только то, что прилично моему лич-
 • ну достоинству какъ человѣка, и смѣю сказать, возвышенно-
 • ности моего сердца. Свѣту надо представлять только прекрас-
 • ное. Открывать изъ своей жизни только то, что можетъ по-
 • будить ближнихъ къ благороднымъ и великодушнымъ чув-
 • ствамъ — не значить обманывать Бога. Это не потому, чтобы
 • въ сущности у меня было что скрывать; я не прогонялъ
 • служанку за украденную ленту, не оставлялъ на улицѣ умира-
 • ющаго друга, не обезчестилъ принявшей меня жевщины, не
 • отдавалъ дѣтей своихъ въ воспитательный домъ; но у меня
 • были свои слабости, свои сердечныя унынія; одного вздоха
 • обо мнѣ будетъ достаточно, чтобы показать свѣту эти пош-
 • лыя бѣдствія, созданныя для того, чтобы быть оставленными
 • за покрываломъ. Что выиграетъ общество при выставкѣ этихъ
 • ранъ, которыя можно найти вездѣ. Въ примѣрахъ вѣтъ недо-
 • статку, когда хочешь восторжествовать надъ бѣдной человѣ-
 • ческой сущностью ».

Въ этомъ начертанномъ для себя планѣ, я забываю свое се-
 мейство, дѣтство, юность, путешествія, изгнаніе: а въ этихъ-то
 разказахъ я больше всего находилъ удовольствія.

Я былъ похожъ на счастливаго невольника: привыкши къ сво-
 бодѣ на привязи, онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать, когда при-
 вязь разорвется. Когда я хотѣлъ предаться труду, предо мною
 являлся какой-то обликъ, и я не могъ отвести отъ него глазъ:
 одна религія укрѣпляла меня своей важностью и тѣми высокими
 размышленіями, которыя она внушаетъ.

Однако, занимаясь мыслью писать мои *Записки*, я чувствовалъ
 цѣну, которую древніе приписывали достоинству своего имени:
 можетъ быть есть трогательная дѣйствительность въ этой вѣч-
 ности воспоминаій, — которыя оставляешь мимоходомъ. Можетъ-
 быть, между великими мужами древности идея о безсмертной
 жизни заступала мѣсто безсмертія души, оставшейся для нихъ
 проблемой. Если слава вещь маловажная, когда относится только
 къ намъ, надо однако признаться, что съ дружбой генія связано

прекрасное преимущество — давать нетлѣнное бытіе всему, что онъ любилъ.

Я предпринялъ толкованіе на нѣсколько книгъ Библіи.

Есть начатыя молитвы, одна для *душевныхъ безпокойствъ*, другія, *чтобы укрѣпиться противъ благоденствія злыхъ*; я старался обратить къ центру покоя мои мысли, блуждающія вѣдъ меня. Какъ Богу было не угодно прекратить тутъ мою жизнь, сохранивъ ее для продолжительныхъ испытаній, поднимавшаяся было гроза утишилась. Вдругъ кардиналъ-посолъ переимѣнилъ со мной обращеніе: я объяснился съ нимъ и объявилъ о намѣреніи моемъ удалиться. Онъ сталъ противиться, утверждалъ, что отставка моя въ эту минуту будетъ походить на немилость; что я обрадую своихъ враговъ, что первый консулъ разсердится, что помѣшаетъ мнѣ быть спокойнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда я хотѣлъ удалиться. Онъ предложилъ мнѣ провести недѣлю двѣ или мѣсяць въ Неаполѣ.

Въ это же самое время совѣтовали мнѣ вступить въ русскую службу и предлагали помощь и покровительство.

Между-тѣмъ какъ я колебался между тысячью цѣлей, я получилъ извѣстіе, что первый консулъ назначилъ меня посланникомъ въ Валецкомъ кантонѣ. Сначала онъ-было разсердился на меня по доносамъ, но образумившись, рассудилъ про себя, что я человекъ того десятка, который годится къ дѣлу только на первомъ планѣ, что причислять меня къ другимъ не стоитъ: не то пользы отъ меня не бывать никакой. Вакантнаго мѣста не было; онъ сочинилъ мѣсто и выбравъ его сообразно моему инстинкту къ удивленію и независимости, помѣстилъ меня въ Альпахъ, далъ мнѣ католическую республику съ миромъ потоковъ; Рона и наша армія будутъ перекрещиваться у меня подъ ногами, одна выходя къ Франціи, другая восходя къ Италиі; Симплонъ открывалъ передо мною свою смѣлую дорогу. Консулъ долженъ былъ давать мнѣ столько отпусковъ, сколько я хочу, для путешествій по Италиі, а мадамъ Бачіокки давала мнѣ знать черезъ Фонтана, что мнѣ назначается первое вакантное, важное посольство. И такъ, я одержалъ первую дипломатическую побѣду неожиданно и безъ искательства; правда, что въ главѣ государства находился высокій разумъ, не желавшій уступить канцелярскимъ кознямъ, другой разумъ, который казался ему слишкомъ готовымъ отлучиться отъ власти.

Это замѣчаніе тѣмъ справедливѣе, что кардиналъ Фешъ, которому я отдаю въ этихъ Запискахъ справедливость, чего, можетъ-

Быть, онъ не надлежало, послать двѣ сепаративныя депешы въ Парижъ, почти въ то самое время, когда его обращеніе окончилось обязательствомъ, послѣ смерти графини де-Бомонъ. Въ разговорѣ не была настоящая мысль его, когда онъ позволялъ мнѣ писать въ Неаполь или въ дипломатическихъ посланіяхъ. Разговоръ и посланія отъ одного плеча и протѣворѣчать другъ другу. Отъ меня завлекло согласить кардинала съ самимъ собою, заставить востезнать слѣды насамомъ до меня отношеній; мнѣ достаточно было вынуть изъ картона, когда я былъ министромъ двустороннихъ дѣлъ, совѣдьяныя описанія посла. Я бы отдалъ тоже, что Талейранъ относительно переписки его съ Наполеономъ. Я считъ себя не въ правѣ употребить данную мнѣ власть въ свое позыу. Если бы вздумали отягачивать документы, то ихъ шлѣдуть на своемъ мѣстѣ. Пусть скажутъ, что это глупость съ моей стороны, я согласенъ; но чтобы не приписать себѣ заслугу добродѣтели, которой у меня нѣтъ, да будетъ известно, что уваженіе къ перепискѣ мнѣ въ дѣло, произошло быче отъ презрѣнія, чѣмъ онъ великодушія. Я видѣлъ также въ архивѣ Берлинскаго позволенія оскорбительныя для меня письма маркиза де-Бонне: я не только не хотѣю мѣшать себѣ, та напротивъ, приоткрываю ихъ всемъ.

Кардиналъ Фешъ не болѣе показывалъ снисходительности и къ обидному аббату де-Глязову (марокскому епископу). Его считали *континенталь спѣра*. Бонапарте называлъ Леонъ *агентомъ Англии*: это все были смелости, къ которымъ великій человекъ получалъ дурную привычку: въ своихъ сношеніяхъ съ коалиціей. Могу ли было чего сказать о самомъ кардиналѣ Фешѣ? Какъ узнавало это собственное его семейство? Кардиналъ де-Клермонъ-Тондоръ былъ изъ Римъ такъ же какъ я въ 1803 году; чего не извѣдалъ онъ о дядѣ Наполеона! У меня есть письма.

Впрочемъ, жому такая нужда до этихъ распрѣй, погребенныхъ чернилъ въ пыльныхъ кнѣгахъ бумагъ. Отъ различныхъ дѣлующихъ лицъ той эпохи останется только одно — Бонапарте. Вотъны, воображающіе, что живомъ, уже мертвы: связывающіе лишия насъ своего, въ слабыхъ свѣтомъ, который онъ иногда мѣтитъ собою?

Кардиналъ Фешъ увѣдѣлъ меня потомъ посланникомъ у Адама Динадцатаго; онъ далъ мнѣ доказательство уваженія: съ своей стороны, я старался оказывать ему предупредительность и почтеніе. Къ тому же очень естественно, что обо мнѣ судилъ съ строгостію, когда я самъ себя не щаю. Все это старое, преста-

рое; не хоту даже узнать дочеркъ тѣхъ, которые въ 1803 году служили секретарями по службѣ или услужливости кардиназу Фешу.

Я уѣхалъ въ Неаполь: тамъ начался годъ безъ графини де-Бомонъ, годъ отсутствія, за которымъ послѣдовало столько другихъ! Я не видалъ Неаполя съ тѣхъ поръ, хотя въ 1827 году былъ у воротъ этого города, куда намѣревался ѣхать съ моею женой. Померанцевыя деревья были покрыты плодами, а миртовыйя цвѣтами. Байя, Елисейскія Поля и море были очарованіемъ, о которомъ мнѣ некому было говорить. Я описалъ Неаполитанскій Заливъ въ «Мученикахъ», всходилъ на Везувій, спускался въ его жерло. Я обкрадывалъ самъ себя: игралъ сцену изъ «Реней».

Въ Помпей мнѣ показали скованный скелетъ и исковерканныя латинскія слова, начертанныя солдатами на стѣнахъ. Я возвратился въ Римъ. Канова пустывъ меня въ свою мастерскую, между-тѣмъ, какъ самъ трудился надъ статуей нимфы. Модели мраморовъ для заказанной мною гробницы, отличались большою экспрессіей.

Я помолился надъ прахомъ въ церкви Святаго Людовика, и уѣхалъ въ Парижъ 21 января 1804 года, другой неблагополучный день.

Вотъ неисповѣдное горе: тридцать пять лѣтъ прошло поблѣ этихъ происшествій. Не достигла ли надеждою моя горестъ, въ эти отдаленные дни, что прерванная связь будетъ моею послѣдней связью. А между-тѣмъ, какъ скоро я не забылъ, что замѣнилъ то, что было мнѣ дорого! Такъ идетъ впередъ человѣкъ, надея да падая. Когда онъ молодъ и ведетъ передъ собою жизнь, ему остается тѣнь извиненія, но когда онъ впрятается въ жизнь и мучительно влечетъ ее за собою, какъ извинить его? Сущность наша такъ безчеловѣчно нища, что въ нашихъ втренихъ недугахъ, для изясненія недавнихъ привязанностей, мы можемъ употребить только выраженія, истасканныя нами въ первыхъ привязанностяхъ. Есть однако слова, которыя надо бы употреблять только одинъ разъ: онѣ оскверняются повтореніемъ. Дружбы, которымъ мы измѣнили, которыя пренебрегли, становятся укоромъ новымъ связямъ нашимъ; часы у насъ обвиняютъ другъ друга; жизнь наша непрерывная необходимость краснѣть, потому-что она безпрестанное побужденіе грѣшить.

Не намѣревался остаться въ Парижѣ, я остановился въ Hôtel de France, въ Бонской улицѣ, куда пріѣхала ко мнѣ жена, чтобы

виѣтъ отправиться въ Валѣ. Мое прежнее общество, уже въ половину разсѣянное, потеряло соединявшую его связь.

• Бонапарте шелъ къ имперіи; его геѣиъ возвышался по мѣрѣ-того, какъ увеличивались происшествія; когда я пріѣхалъ въ Парижъ, онъ справался съ Пишгрю и Морѣ; по ничтожной зависти онъ согласился допустить ихъ до соперничества. Морѣ, Пишгрю и Георгій Кадудаль, который былъ несравненно выше ихъ, были арестованы.

Эти пошлыя заговорныя затѣи, которыя встрѣчаются во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, были мнѣ не по вутру, и я былъ радъ бѣжать въ горы.

Отъ думы города Сіона я получилъ посланіе. Простодушіе этой депеши сдѣлало изъ нея для меня документъ; я вступилъ въ политику черезъ религію: «Духъ Христіанства» отворилъ мнѣ туда дверь.

• ВАЛЕЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

• Сіонъ, 20 февраля 1804.

• Отъ думы города Сіона,

• Господину Шатобриану, секретарю посольства французской республики, въ Римѣ.

• Милостивый государь! Официальнымъ письмомъ нашего верховнаго старосты мы узнали о вашемъ назначеніи на мѣсто французскаго министра въ нашей республикѣ. Спѣшимъ засвидѣтельствовать вамъ радость, доставляемую намъ этимъ выборомъ. Мы видимъ въ этомъ назначеніи драгоцѣнный залогъ благосклонности перваго консула къ нашей республикѣ, и поздравляемъ себя съ честью видѣть васъ въ нашихъ стѣнахъ: мы извлекаемъ изъ этого самыя счастливыя предзнаменованія для выгодъ нашего отечества и города. Желая засвидѣтельствовать вамъ эти чувства, мы разсудили приготовить вамъ временную квартиру, достойную приять васъ, снабженную приличною мебелью, сколько мѣстность и обстоятельства это позволяютъ, пока вы можете сама устроиться по своему усмотрѣнію.

• Сובлаговолите, милостивый государь, приять это предложеніе какъ доказательство нашего искренняго расположенія почтить французское правительство въ посланникѣ его, котораго выборъ долженъ быть особенно приятенъ несчастному народу. Мы просимъ васъ предупредить насъ о вашемъ пріѣздѣ.

« Примите, милостивый государь, увѣренія въ нашемъ почтительномъ уваженіи.

« Предсѣдатель думы города Сіона
« *de Riedmalten.*

« По рѣшенію думы:

« Секретарь думы *de Sorrente* ».

За два дня до 20 марта, я поѣхалъ проститься съ Бонапартомъ въ Тюильри; я не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ со мной у Люціена. Галлерей, въ которой онъ принималъ, была полна; съ нимъ были Мюратъ и старшій адъютантъ; онъ проходилъ, почти не останавливаясь. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался ко мнѣ, я былъ пораженъ переменю его лица: щеки его были впалы, сѣрые глаза безпокойные; цвѣтъ лица блѣдный и разстроенный; видъ мрачный и страшный. Прелесть, прежде притягивавшая меня къ нему, пропала; вмѣсто того, чтобы остаться на его проходѣ, я сдѣлалъ движеніе, чтобы избѣгнуть его. Онъ бросилъ на меня взглядъ, какъ будто стараясь меня узнать, сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ ко мнѣ, потомъ отворотился и удался. Не явился ли я ему какъ предостереженіе?

Адъютантъ его замѣтилъ меня; когда толпа закрывала, онъ старался увидать меня между особъ, ставшихъ передо мною, и увлекъ консула въ мою сторону. Эта игра продолжалась съ четверть часа, я все удался, а Наполеонъ все слѣдовалъ за мной, самъ того не зная. Я никогда не могъ понять, что поразило адъютанта. Принималъ ли онъ меня за подозрительнаго человѣка, котораго никогда не видалъ? Хотѣлъ ли онъ, если звалъ кто я, принудить Бонапарта говорить со мной? Какъ бы то ни было, Наполеонъ перешелъ въ другую залу. Обрадовавшись, что исполнилъ свою обязанность, представившись въ Тюильри, я удался. По радости, которую я всегда чувствовалъ, выходя изъ дворца, можно видѣть, что я не былъ созданъ для того, чтобы входить туда.

Возвратившись въ *hôtel de France*, я сказалъ нѣкоторымъ друзьямъ: — Должно-быть происходитъ что то странное, чего мы не знаемъ, потому что Бонапарте не можетъ безъ болѣзни до такой степени перемениться.» Буріенъ зналъ мое странное предвидѣніе, онъ только смѣшалъ числа; вотъ его слова: «Возвращаясь отъ перваго консула, Шатобрианъ объявилъ друзьямъ, что онъ

« замѣтилъ, будто царскій консулъ очень удивился и что у него что-то злоѣщее во взорѣ».

Да, я это замѣтилъ: высокій разумъ прѣждаетъ зло не безъ боли, потому что это не обыкновенный его плодъ и потому что не долженъ приносить его.

Черезъ день, 20 марта, я всталъ рано, по воспоминанію и грустному и дорогому. Графъ де-Монморенъ выстроилъ домъ на углу улицы Пюмò, на новомъ бульварѣ Инвалидовъ. Въ саду этого дома, проданнаго во время революціи, графиня ле-Бомонъ, тогда еще почти ребенокъ, посадила кипарисъ и иногда показывала мнѣ его мимоходомъ: съ этимъ-то кипарисомъ, котораго происхожденіе и исторію зналъ я одинъ, пошелъ я простѣть-ся. Онъ еще существуетъ, но чахнетъ и едва доходитъ до высоты окна, подъ которымъ удалившаяся рука любила за нимъ ухаживать. Я отлечаю это бѣдное дерево между тремя или четырьмя другими кипарисами: оно какъ-будто меня знаетъ и радуется, когда я подхожу; меланхолическое дуновеніе наклоняетъ ко мнѣ его пожелтѣвшую голову и онъ шумитъ у окна оставленной комнаты: есть таинственное сочувствіе между нами; оно прекратится, когда падетъ тотъ или другой.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ. Дѣтство Венцеслава Меттерниха не представляетъ ничего замѣчательнаго; только характеръ его показывалъ волю, твердость, мало свойственную дѣтямъ, что строгость отца называла упрямыствомъ. Графъ Георгій Меттернихъ, опасавшійся вліянія женщины на воспитаніе, ввѣрилъ его попеченіямъ гувернера или наставника, задолго до того времени, когда его наставленія могли быть дѣйствительны.

Напрасно графиня Меттернихъ хотѣла воспротивиться этой системѣ, препятствовавшей ея привязанности; графъ былъ неумолимъ; онъ опасался слабости матери, которой слѣзная вѣжность могла ослабить счастливыя наклонности сына. Онъ хотѣлъ, чтобы ребенокъ привыкъ какъ можно скорѣе и полюбилъ учиться слыша безпрестанно, что онъ призванъ къ должности, въ которой образованность и дарованія — первыя условія успѣха.

Отсюда происходили довольно живые споры между супруга-

но; споры, чуть было не возмутившіе домашнее спокойствіе. На всѣ выраженія, на всѣ жалобы жены, графъ отвѣчалъ: «Мы обязаны дать нашему отечеству государственнаго человѣка».

Онъ намѣкалъ этимъ на общаніе, сдѣланное императрицѣ; но графиня, казалось, не приписывала большой важности этому общанію, которое не считала серьезнымъ. Кромѣ того она желала, чтобы ея сынъ избралъ другую карьеру, несмотря на всѣ благоприятныя успѣхи, которые могъ онъ найти въ дипломатіи.

Графиня, какъ мы уже сказали, была женщина необыкновеннаго ума; но у ней были свои понятія, которыя не ладилась съ интригами и продѣлками, составлявшими въ ту эпоху дипломатію европейскихъ кабинетовъ, и потому съ крайнимъ сожалѣніемъ повиновалась она волѣ мужа, заключивъ огорченіе въ глубинѣ своего сердца. Уже очень поздно, уже на пути къ счастью, сынъ ея узналъ тайну этой задушевной горести.

Съ девятилѣтняго возраста у Венцеслава Меттерниха былъ наставникъ, молодой французскій аббатъ изъ монтобанской епархіи, укрышіійся въ Германію въ слѣдствіе такого дѣла, гдѣ рѣдко встрѣчаются аббаты. Онъ дрался на дуэли съ офицеромъ вентницкаго полка, который далъ ему пощечину, и котораго онъ положилъ на мѣстѣ ударомъ шпаги въ грудь.

Въ глазахъ свѣта причина этой дуэли была достойна уваженія, но въ глазахъ монтобанскаго епископа, слишкомъ мірской поштупокъ аббата былъ дѣломъ не шуточнымъ.

Епископъ милостиво попросилъ аббата Солильяка оставить и епархію и Францію, чтобы избѣгнуть слѣдствій такого непріятнаго дѣла и тотъ нашелъ убѣжище въ Кобенцѣ, гдѣ нѣкоторое образованіе съ свѣтскими талантами, которыми въ ту эпоху выдѣли аббаты, доставили ему средства къ существованію.

Сначала наставникъ дѣтей одного изъ главныхъ трирскихъ банкировъ, онъ перешелъ потомъ въ домъ австрійскаго министра при вестальскомъ дворѣ; тотчасъ понравился своему воспитаннику и милецкій Венцеславъ привязался къ французскому учителю, который не выходилъ на педанта и умѣлъ сдѣлать науку привлекательною даже для ребенка.

Но у аббата Солильяка былъ недостатокъ, непростительный въ учителя французскаго языка, на которомъ онъ, впрочемъ, говорилъ и писалъ очень правильно: онъ сохранилъ лангедокское произношеніе, сначала вѣсколько не испугавшее графа Меттерниха. Графъ не думалъ, чтобы сынъ усвоилъ себѣ это произношеніе, но удалившись въ Вѣну на два или на три мѣсяца, онъ

былъ неприятно удивленъ, услышавъ по возвращеніи, что сынъ говорить по-французски какъ тулузскій или каркассонскій школьникъ, то есть, съ чрезвычайно рѣзкимъ лангедокскимъ произношеніемъ.

Съ этой минуты аббатъ-наставникъ впалъ въ немилость; напрасно ссылался онъ на усѣхн воспитанника въ изученіи французскаго и даже латинскаго языка, — потому что графъ требовалъ, чтобы сынъ учился также по-латинѣ, — Меттернихъ отказалъ аббату, но давъ ему прекрасный аттестатъ и обѣщавъ позаботиться объ его участи.

Молодой Венцеславъ съ живѣйшей горестью разстался съ своимъ милымъ наставникомъ; у него вырвались даже движенія гнѣва и слова негодованія противъ приговора, лишавшаго его уроковъ любимаго имъ человѣка и онъ поклялся, что выместитъ это на новомъ наставникѣ.

Это былъ старый австрійскій священникъ, долгое время бывшій профессоромъ въ Мюнхенѣ. Вообще не похожій на аббата Солильяка, аббатъ Вагнеръ, говоря съ воспитанникомъ, всегда вооружался, строгимъ голосомъ и лицомъ; всегда съ наморщеннымъ лбомъ, онъ считалъ, что измѣнить своей обязанности и довѣренности графа, если хоть разъ улыбнется, давая урокъ маленькому Венцеславу.

Но если аббатъ Вагнеръ говорилъ съ одинаковой правильною по нѣмецки и по-французски, на послѣднемъ языкѣ онъ сохранялъ очень рѣзкое германское произношеніе. Венцеславъ перенялъ, или скорѣе такъ хорошо пародировалъ его выговоръ, что черезъ мѣсяць говорилъ по-французски съ недостаткомъ учителя. У него уже не было лангедокскаго произношенія, но превеличивъ подражаніе своему новому профессору, когда отецъ разговаривалъ съ нимъ по-французски, онъ заставлялъ живо сожалѣть объ аббатѣ Солильякѣ. Однако онъ не успѣлъ заставить отца воротить прежняго наставника; новый учитель остался при своей должности, во-первыхъ потому, что графъ Меттернихъ находилъ его лучшимъ католикомъ, чѣмъ былъ его предшественникъ — дипломатъ былъ очень набоженъ — во-вторыхъ, онъ боялся быть еще несчастѣе въ новомъ выборѣ.

Это было не по вутру молодому Венцеславу, который надѣялся было на отставку или отрѣшеніе аббата Вагнера. Когда онъ увидѣлъ, что отецъ вовсе не испугался его французскаго произношенія, онъ съ намѣреніемъ сталъ пеглижировать другими обязанностями: былъ сначала такъ прилѣженъ, любознательнъ,

такъ жадеи къ познаніямъ, онъ вдругъ превратился въ непослушнаго, угрюмага и почти лѣниваго ученика, не былъ уже тѣмъ ребенкомъ, котораго съ трудомъ можно было оторвать отъ книги и котораго графъ Меттернихъ съ отеческой гордостью показывалъ друзьямъ и знакомымъ.

Венцеславъ предался всѣмъ играмъ, которыхъ избѣгалъ дѣтъхъ поръ, и, свойственнымъ дѣтямъ, отдохновеніямъ, въ которыхъ прежде стыдился принимать участіе; едва раскрывалъ книгу, сдѣлался почти нечувствителенъ къ упрекамъ, къ угрозамъ личной строгости.

Аббатъ Вагнеръ не зналъ, что думать о подобной переменѣ, терялся въ догадкахъ и его выговоры и увѣщанія имѣли успѣху не болѣе угрозъ: аббатъ былъ въ отчаяніи, потому-что боялся, и справедливо, чтобы графъ Меттернихъ не приписалъ этой переменѣ бѣдному наставнику.

Это должно было случиться, и хотя аббатъ Вагнеръ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ наставниками, чтобы скрыть это отъ графа Меттерниха, онъ не могъ отвѣсть угрожавшей ему грозы.

Однажды графъ вздумалъ самъ удостовѣриться въ успѣхахъ сына; старикъ не забылъ свои гейдельбергскія занятія и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ изъ латинской грамматики маленькому Венцеславу, который отвѣчалъ ему весьма неудовлетворительно. Отецъ разсердился; сынъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ неудовольствія отца, тотъ разсердился еще больше и чуть было рука его не наказала строго воспитанника аббата Вагнера.

Ребенокъ отдѣлался только страхомъ; однако онъ не хотѣлъ подвергнуться новой опасности и старался загладить вину. Но графъ, удивленный переворотомъ въ поведеніи сына, хотѣлъ выикнуть въ дѣло и продолжалъ спрашивать маленькаго Венцеслава, и какъ въ одномъ грамматическомъ вопросѣ онъ твердо утверждалъ, что былъ правъ, отецъ приказалъ ему принести книгу, гдѣ находилось правило, которое онъ противопоставлялъ возраженіямъ молодаго латиниста.

Тотъ смутился; графъ продолжалъ наставать:

— Принеси грамматику, сказалъ онъ, и я докажу тебѣ, что ты ошибаешься.

Ребенокъ не трогался съ мѣста. Графъ повторилъ приказаніе тономъ, предписывавшимъ немедленное повиновеніе.

Венцеславъ все оставался неподвиженъ и молчалъ.

— Въ послѣдній разъ, сударь, вскричалъ графъ, приказываю вамъ принести латинскую грамматику!

— Я не знаю, гдѣ она.

— Какъ, главная книга ученика, съ которою ты долженъ справляться каждый день, и ты не знаешь гдѣ она! Понѣи хорошему, припомни куда положилъ ее вчера.... ей негдѣ быть кромѣ твоей комнаты. Сходи же туда и возвратись какъ можно скорѣе съ твоей книгой, а то....

Графъ сдѣлалъ выразительное движеніе; оно должно бы было заставить затрепетать ученика аббата Вагнера, котораго въ эту минуту не было дома, но Венцеславъ оставался въ прежнемъ положеніи.

— Будешь ты повиноваться, или нѣтъ? вскричалъ громко графъ, и вскочивъ съ своего мѣста, хотѣлъ схватить ребенка, когда явился аббатъ Вагнеръ.

Аббатъ былъ блѣденъ, отъ испугу, увидя движеніе Меттерниха; услышавъ его послѣднія слова, онъ понялъ, что и учитель и ученикъ находились въ критическомъ положеніи.

— А! это вы, сказалъ графъ, стараюсь удержаться отъ гнѣва; вы пришли очень кстати. Полюбуйтесь на свои труды.... и позвольте поздравить васъ.... вы неподобно воспитываете моего сына!

Бѣдный аббатъ былъ уничиженъ, разбитъ этими упреками; онъ пролепеталъ нѣсколько словъ, чтобы попробовать оправдаться, что было почти невозможно.

— Молчите, молчите! сказалъ графъ повелительно.

— Ваше сіятельство, ради Бога, удостойте выслушать....

— Молчите! говорю я вамъ.

— Но, ваше сіятельство, развѣ можно обвинять меня, не зная, точно ли я виноватъ?

— Виноваты, аббатъ, слишкомъ виноваты! Вы обманули мою довѣренность: я вѣрилъ вамъ ребенка послушнаго, прилежнаго, почтительнаго, въ особенности къ отцу, а теперь....

Графъ не копчилъ и глубоко вздохнулъ. Ребенокъ смотрѣлъ то на отца, то на учителя.

Аббатъ прервалъ молчаніе.

— Если вашему сіятельству не угодно меня выслушать, если мнѣ непозволено оправдаться словесно.... то вы по крайней мѣрѣ прочтите письмо...

— Нѣтъ, аббатъ, нѣтъ... уйдете или я позову людей...

— А! вы не хотите читать?.. Ну такъ прочтутъ другіе, слышите ли?

И онъ сопровождалъ эти слова движеніемъ пальцы доотин-суда.

— Другіе прочтутъ, ваше сіятельство, и пусть разсудитъ насъ съ вами.

Графъ грави рухнулъ передъ угрозою оскорбленнаго честнаго челоуѣка; но онъ не хотѣлъ показать, что ослабѣваетъ.

— А! вы хотите отпасаи?.. Ну.. пишете... обратитесь къ публикѣ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, и не хочу огласки... Это слово заключаетъ новое оскорбленіе, но оно не касается меня. Мнѣ надо сохранять репутацію... и обязанъ публикѣ изяснить то, что произошло между нами. Вы меня прогоняете какъ лаяча... а я не заслуживаю такого обращенія; пусть узнаютъ истину, и честь моя, ваше сіятельство, моя честь... и ею дорожу столько же какъ вы дорожите своею.

Аббатъ выросъ на шесть футовъ, говори эти слова. Венцеславъ, виновникъ этой сцены, испытывалъ въ это время чувство, похожее на изумленіе къ наставнику; онъ забылъ тягостную роль свою, и совершенно устранилъ себя отъ этой драмы, чтобы наблюдать надъ челоуѣкомъ, которому платили за то, что бы онъ научилъ его кой-какимъ латинскимъ словамъ.

Потомъ, уступивъ своему волненію и раскаявію, онъ прославился, горько сожалѣлъ, что былъ причиною обиднаго обращенія съ аббатомъ Вагнеромъ, обѣщалъ себѣ загладить причиненную ему неприятность и поклялся, что съ этой минуты будетъ считать наставника другомъ. Онъ сдержалъ слово, потому что едва былъ въ состояніи расплатиться съ этимъ долгомъ, то расплатился щедро.

Съ своей стороны, графъ Меттернихъ, по-наружности какъ будто пренебрегавшій угрозами аббата Вагнера, на самомъ дѣлѣ не-шутя опасался неприятныхъ слѣдствій, которыя могло для него имѣть публичное оправданіе аббата; онъ перемѣнилъ тоуъ.

— Вы хотите, аббатъ, писать противъ меня? сказалъ онъ.

— Не придавайте, графъ, словамъ моимъ превратнаго смысла. Я вовсе не намѣренъ писать противъ васъ... и знаю уваженіе и признательность, которыми обязанъ вамъ и графинѣ, никогда не забуду какъ меня приняли здѣсь, когда вы вѣрили мнѣ воспитаніе вашего сына. Но когда меня прогонятъ отсюда, куда обратюсь я ляться, если не оправдаюсь?

— Признаюсь, что я нѣсколько погорчился.... ушелся менѣе неудовольствіемъ. Но развѣ вамъ не въ чемъ упрекнуть себя? Оправдали ли вы мое довѣріе?

— Да, ваше сіятельство; я употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать вашего сына со временемъ достойнымъ васъ. Нѣсколько времени мнѣ оставалось только радоваться его рвенію и привержанію къ наукамъ. Но, мало-по-малу, рвеніе уменьшилось, прежній жаръ и прежнее желаніе угодить вамъ прекратились; съ своей стороны я старался всѣми силами возратить ему охоту къ ученію, показать ему цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться; онъ упорствовалъ.... и мнѣ показалось, — сказать ли вамъ откровенно, — что въ новомъ поведеніи Венцеслава кроется умышленная система, которой я не могу понять.

— Но вы должны были предупредить меня объ этомъ.

— Я боялся огорчить васъ и все надѣялся....

— Напрасно; если бы я не вздумалъ самъ спросить ребенка, это продолжалось бы.... теперь зло сдѣлало уже успѣхи....

... А больше не будетъ, папенька, клянусь вамъ.... я исправлюсь.... не сердитесь на аббата!

И Венцеславъ бросился на колѣна передъ отцомъ, прося прощенья за себя и учителя.

Растроганный графъ поднялъ сына.

— Общаете ли, сударь, учиться и въ-особенности быть послушнымъ?

— Общаю.

— Слушаться наставленій отца и уроковъ учителя?

— Буду слушаться.

Потомъ оборотясь къ аббату, онъ сказалъ:

— А вы простите ли мнѣ неприятели, которыя я вамъ надѣлалъ?

— Да, юный другъ мой, но прежде пусть васъ проститъ батюшка.

— Сынъ мой, сказалъ графъ Меттернихъ, я согласенъ забыть прошлое; приди къ сердцу отца, чтобы запечатлѣть наше перемиріе.

Венцеславъ бросился на шею къ отцу, который долго сжималъ его въ объятіяхъ.

— Теперь, Венцеславъ, поцѣлуй учителя, сказалъ графъ.

Ребенокъ поспѣшно повиновался отцу.

— Теперь, аббатъ, сказалъ графъ, надѣюсь, что перемиріе наше взаимно. Вы, конечно, извините мою горячность, забудете то,

что было для васъ оскорбительнаго въ моихъ словахъ, и будете помнить только наши пріятныя отношенія, будете продолжать воспитывать моего сына....

— Я ожидалъ этого отъ вашей справедливости, графъ, и радъ узнать, что вы возвратили мнѣ уваженіе и довѣріе. Но мнѣ невозможно оставаться учителемъ Венцеслава, обязанности мои кончились.

— Какъ! неужели вы еще сердитесь?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, даю вамъ честное слово, но какъ ни люблю я вашего сына, какъ ни лестно ваше предложеніе, я долженъ.... мнѣ необходимо удалиться.

— А я хочу, чтобы вы остались! вскричалъ Венцеславъ.

И въ то же время онъ схватилъ руку аббата, чтобы удержать его.

— Не общалъ ли я вамъ при папенькѣ, что буду хорошо учиться? О! останьтесь, не оставляйте меня.... Я не хочу другого учителя!

Аббатъ Вагнеръ высвободилъ свою руку и снова объявъ ребенка, сказалъ ласково:

— Напрасно говорите вы такимъ образомъ, юный другъ мой. Вспомните, что первая обязанность дѣтей — повиновеніе родителямъ.... Наставникъ, который замѣнитъ меня, также имѣетъ право на ваше послушаніе и уваженіе, потому что его выберетъ вашъ отецъ. Но гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни находился, мои желанія и сердце всегда будутъ съ вами.

Крупныя слезы катились по лицу ребенка.

— Вы видите, аббатъ, сказалъ графъ, какую привязанность внушили вы этому ребенку; онъ любитъ васъ, и слезы его пролиты дружбой или признательностью. Неужели вы останетесь нечувствительны. И если надо присоединить мои просьбы....

— Онъ будутъ бесполезны, графъ, я рѣшился, намѣреніе мое неизмѣнно.

Венцеславъ продолжалъ плакать: аббатъ, самъ чувствуя себя растроганнымъ, сдѣлалъ усиліе надъ собою и сказалъ, поклонившись графу:

— Прощайте, ваше сіятельство! признаюсь, что оставляю васъ съ сожалѣніемъ, но это необходимо.... если я буду имѣть нужду въ вашей рекомендаціи....

— Не оканчивайте, аббатъ.... такое сомнѣніе огорчаетъ меня.

Графъ Меттернихъ протянулъ руку аббату, который сжалъ ее въ снѣгу.

Когда аббатъ ушелъ, графъ, живо растроганный этой сценой, сталъ пытаться сдѣлать еще нѣсколько настоятельной сцену, вытравившему слезы.

— Ты видишь, что поведеніе твое лишило насъ содѣлать честнаго человека, заслуживаго признательность нашу твоимъ усердіемъ и преданностью. Если бы ты учился какъ должно, если бы слушался его совѣтовъ и уроковъ... то имѣлъ бы еще главнаго наставника, незаоучилъ бы моего гнѣва, о послѣдствіяхъ котораго я сожалею.

— Ахъ! папенька, если бы вы знали, какъ я страдаю, когда вы такъ жестоко обижаете съ этими добрыми аббатами! Сознано, что виноватъ я одинъ.

— Не принимай словъ моихъ за новые упреки. Твоя горестъ и слезы довольно показали твое раскаяніе. Но гдѣ я найду наставника такого какъ аббатъ Вагнеръ? Если бы ты зналъ, какъ это трудно! Ахъ, какъ часто обманываютъ довѣріе родителей!

Графъ съ минуту молчалъ.

— Выслушай меня, другъ мой, и отвѣчай откровенно. Когда аббатъ Вагнеръ объявилъ, что не хочетъ болѣе заниматься твоимъ воспитаніемъ, несмотря на старанія мои удержать его, ты оказалъ, что не хочешь имѣть другаго наставника.... Помнишь?

— Да, папенька, но я долженъ вамъ повиноваться, и буду.

— Ну! а если я тебѣ дамъ много товарищей, съ которыми ты будешь раздѣлять труды и забавы, если вмѣсто уединенной комнаты, гдѣ вѣчно сидишь глазъ на глазъ съ учителемъ, ты будешь въ большой залѣ, наполненной такими же дѣтьми какъ ты?

— А! понимаю, папенька, вы говорите о пансіонѣ, какъ тотъ, гдѣ Эрнестъ Бенггеймъ въ Штутгартѣ, но Штутгартъ далеко, очень далеко отсюда....

— Другъ мой, есть гораздо ближе заведенія такого рода.

— А! это хорошо.... но, папенька, мнѣ надо будетъ разстаться съ вами.

— Я часто буду пріѣзжать къ тебѣ, другъ мой; тамъ ты научишься гораздо лучше и особенно гораздо скорѣе.

— Я буду вамъ повиноваться, папенька, хотя мнѣ тяжело оставить васъ, не цѣловать васъ каждый день.... А маменька, моя добрая маменька, вы не говорите мнѣ объ ней!

Графъ отворотился, чтобы не дать замѣтить сыну, какое впе-

чуждые произвели на него слова ребенка, произнесенныя съ выраженіемъ такой легкой, простодушной чувствительности.

— Мать твою, сынь мой, одобрить все, на что я рѣшусь для пользы твоего счастья и образованія.

— А гдѣ же этого пансіонъ, куда вы хотите помѣстить меня? Если вы обѣщаете пріѣзжать ко мнѣ часто, онъ не долженъ быть далеко отъ Кобленца.... вы знаете, что маменька, которая также будетъ пріѣзжать ко мнѣ, не такъ здорова.... продолжительныя путешествія очень ее утомитъ.

— Не беспокойся о ней, дитя мое, я ничего не сдѣлаю безъ ея совѣтовъ.

— А всё-таки, маменька, вы не назвали мнѣ города, гдѣ этотъ пансіонъ. Если бы вы мнѣ сказали, какъ онъ называется, я бы тотчасъ нашелъ его въ моей географіи.

Графъ засмѣялся.

— А! а! сказалъ онъ, ты не потерялъ географіи, какъ латинскую грамматику.

Ребенокъ покраснѣлъ; онъ вспомнилъ и ложь свою и упрямство.

— Ну! другъ мой, сказалъ графъ, съѣзди Страсбургъ.

— Страсбургъ! французскій городъ!

— Да, другъ мой.

Удивленіе Венцеслава выражало досаду, показывало родъ инстинктивнаго отвращенія, природной антипатіи. Но графъ не замѣтилъ этого или сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ.

— Изъ твоей географіи, прибавилъ онъ, ты узнаешь нѣсколько этотъ городъ, который совсѣмъ не такой французскій какъ ты думаешь.... тамъ много говорятъ по-нѣмецки.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, сказалъ Венцеславъ.

Разставшись съ отцомъ, который пошелъ въ кабинетъ, диктовать секретарю письма, Венцеславъ заперся въ своей комнатѣ, чтобы съискать въ географіи, и познакомиться съ Страсбургомъ.

Прощаніе графини Меттернихъ съ сыномъ было претергательное; Венцеславъ старался всѣми силами заглядить въ глазахъ отца забвеніе священнои обязанности — повинненія, и графъ простилъ его, потому что приписывалъ это безразсудству и вѣтренности, порокамъ извинительнымъ въ его возрастѣ.

Но едва усѣвшись въ карету, ребенокъ сдѣлался молчаливъ и грустенъ, что очень удивляло графа, который не забылъ радостныхъ восторговъ вчерашняго дня. Точно ли воспоминаніе о матери такъ его трогало? Или онъ думалъ о переѣздахъ, о за-

трудненіяхъ, которые ожидали его въ чужомъ городѣ, гдѣ уже у него не будетъ ни попеченій ни заботливости родныхъ? Отецъ напрасно его разспрашивалъ, отвѣты сына не могли вывести его изъ невѣдвія.

Путешествіе, казалось, не представляло Венцеславу той занимательности, какую обыкновенно находятъ дѣти его возраста въ равнообразіи проѣжаемыхъ ими мѣстъ; для нихъ, каждый городъ, даже каждая деревушка служитъ предметомъ любопытства, и непрерывныхъ распросовъ; болтовня ихъ утомляетъ самыхъ свиходительныхъ путешественниковъ, наиболѣе готовыхъ удовлетворять ихъ.

Можно было сказать, видя скучное лицо Венцеслава, что все представлявшееся его взорамъ, не было для него ново; это неизяснимое равнодушіе было непріятно его отцу, который начиналъ опасаться, что сынъ не привыкнетъ къ перемѣнѣ жизни и что онъ уже чувствуетъ припадки этой нравственной болѣзни, этого горя, которое обыкновенно называется тоской по роднѣ.

Озабоченное лицо Венцеслава нисколько не променялось при видѣ Страсбурга, цѣли путешествія.... графъ Меттернихъ съ сыномъ остановился въ гостинницѣ Бадень.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру главному задачій и достопримѣчательностей города, графъ скоро кончилъ необходимыя распоряженія, для того, чтобы сынъ его слушалъ лекціи въ университетѣ, но онъ ничего не говорилъ о томъ Венцеславу. Графъ всегда такъ поступалъ; къ тому же увѣдомленіе сына могло причинить большія неудобства.

Уже цѣлую недѣлю провелъ графъ Меттернихъ съ сыномъ въ Страсбургѣ; Венцеславъ ждалъ въ гостиницѣ, пока отецъ кончитъ письма, какъ вдругъ тотъ позвалъ его въ кабинетъ.

— Ну, другъ мой, сказалъ онъ, ты теперь знаешь Страсбургъ.... почти также хорошо какъ Кобленцъ; это уже для тебя не новый городъ.... ты даже нашелъ здѣсь друзей и знакомыхъ, и видишь, что я не обманывалъ тебя, когда говорилъ, что тебѣ будетъ пріятно жить здѣсь.

— Но, папенька, кажется, я пріѣхалъ сюда не забавляться; что до того, скучно или весело здѣсь, только бы я учился.

— О! о! извините, господинъ Катонъ, я ошибся, забылъ, что говорю съ самымъ прилежнымъ, самымъ благоразумнымъ изъ студентовъ страсбургскаго университета, но мнѣ пріятно, возвращаясь въ Кобленцъ, увѣряться, что ты не скучаешь по род-

ной сторонѣ; то, что ты мнѣ сказалъ, показываетъ превосходныя наклоненія твои, это служитъ мнѣ утѣшеніемъ. Но другъ мой, хорошихъ наклоненій не всегда достаточно для того, чтобы дитя твоего возрасту вело себя хорошо въ такомъ городѣ какъ Страсбургъ....

— Я буду хорошо вести себя, клянусь вамъ, папенька; имѣйте ко мнѣ довѣріе; мои труды и поведеніе превзойдутъ ваши желанія.

— Ты еще слишкомъ молодъ, чтобы обойтись безъ совѣтовъ руководителя, наставника....

— Наставника! Что это значитъ, папенька? Право, я не понимаю....

— Я объясню тебѣ мысль и это слово, отъ котораго ты весь дрожишь....

— Я? нѣтъ, я не дрожу....

— Послушай: ты нуждаешься и въ совѣтахъ и въ примѣрахъ въ такомъ городѣ какъ Страсбургъ, чтобы не попасть въ сѣти, которыя ставятъ разставятъ твоей невзности и слабости. Другъ, второй я, почтенный человѣкъ заступитъ меня здѣсь, станетъ надзирать за тобою.

— Какъ! папенька, еще учитель!

Венцеславъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, слушая слова отца. До сихъ поръ онъ думалъ, въ своемъ юношескомъ простодушии, что отецъ оставитъ его одного, предоставитъ самому себѣ на все время университетскаго ученія.

Теперь покрывало было разорвано, пропала обманчивая мечта Венцеслава, пропали удовольствія студенческой жизни, которой всѣ выгоды преувеличилъ онъ въ своихъ мечтахъ, опять надо попасть подъ ферулу педанта!

Графъ не былъ расположенъ слушать дальнѣйшія жалобы сына.

— Нѣтъ, другъ мой, у тебя не будетъ наставника; это годится для дѣтей! но въ твои лѣта, молодые люди хорошей фамиліи, слушающіе лекціи въ университетѣ, имѣютъ возлѣ себя честныхъ и образованныхъ особъ, заслуживающихъ довѣріе родителей?... съ титломъ уважительнымъ, очень уважительнымъ, приличнымъ ихъ обязанности; ихъ называютъ гувернерами....

И такъ, всего благоразумнѣе было покориться, что Венцеславъ и сдѣлалъ.

— Ну, другъ мой, сказалъ графъ, право, тебя какъ-будто испугало слово гувернеръ....

— Если бы я сначала почувствовалъ безпокойство, ваши объясненія совершенно меня успокоили; но я не такъ легко впадаю да, в если гувернеръ не всегда будетъ справедливъ, и обращаюсь къ вамъ....

— Очень хорошо, другъ мой. Но надѣюсь, что выбранный мною гувернеръ никогда не подастъ тебѣ повода къ жалобамъ. Будь покоренъ, почтителенъ къ нему; я имѣю къ нему полную довѣренность. Онъ будетъ руководить тебя въ наукахъ, провожать на университетскія лекціи и вездѣ, потому что ты еще очень молодъ и притомъ если увидать тебя одного, предоставленнаго самому себѣ, въ иностранномъ городѣ, гдѣ такъ много молодыхъ людей, принадлежащихъ къ знаменитымъ семействамъ Германіи, меня будутъ обвинять въ неблагоразуміи и можетъ быть еще въ худшемъ. Это можетъ повредить уваженію, которымъ я пользуюсь; ты такъ разсудителенъ, что одобришь причины, по которымъ я не считаю нужнымъ настаивать.

— Вы мнѣ сказали, что уже выбрали этого гувернера; когда могу я съ нимъ познакомиться?

— Сегодня же; я жду его и даже удивляюсь, почему его досихъ-поръ нѣтъ.

Графъ былъ очень доволенъ слѣдствіемъ разговора съ сыномъ о щекотливомъ вопросѣ о гувернерѣ; оставалось еще представить его, что нѣсколько безпокоило графа; онъ боялся, что человѣкъ, избранный имъ для этой должности, не понравится Венцеславу; онъ былъ увѣренъ, что сынъ не посмѣетъ, въ случаѣ, если гувернеръ не понравится, сообщить ему свое отвращеніе и предубѣжденія. Но какія неприятыя послѣдствія могли произойти изъ неприяни двухъ особъ, которыя должны ежминутно находиться въ сношеніяхъ!

Графъ предавался этимъ размышленіямъ, а Венцеславъ пробѣгалъ книгу, найденную имъ на каминѣ, когда камердинеръ графа доложилъ, что какой-то господинъ желаетъ говорить съ нимъ.

— Вѣрно это онъ! сказалъ Венцеславъ вполголоса.

Графъ велѣлъ просить посѣтителя. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухой, худощавый, но съ живымъ и проницательнымъ взоромъ; онъ былъ одѣтъ просто, но въ осанкѣ его было что-то важное, выказывавшее обязанность, въ которую онъ долженъ былъ оффиціально облечься.

Онъ поклонился графу, потомъ бросилъ взоръ на Венцеслава, разсматривавшаго его съ очень естественнымъ любопытствомъ; тотъ тотчасъ опустилъ глаза и гость улыбнулся.

— Милости просимъ, сказала графъ, приглашая ея садиться; мы говоримъ объ васъ, в я д сыня мой васъ ждали. Гость почтительно поклонился, потомъ посмотрѣлъ на Венцеслава, который стоялъ.

— Но вашъ сынъ? спросилъ онъ графа.

— Да, и в только что уведомила его, что съ нынѣшняго дня прекратилась моя власть надъ вами.

Графъ сдѣлалъ Венцеславу знакъ приближаться.

— Вотъ твой гувернеръ, другъ мой; я сказала, чего ожидаю отъ тебя, ты знаешь свою обязанность, знаешь, что человѣкъ, пользующійся моимъ полнымъ довѣрjemъ, замѣнить меня здѣсь; ты будешь отвѣчать моему дружбѣ хорошимъ поведенjemъ, прилежанjemъ и особливо почтительной покорностью господину Книгштейну, твоему гувернеру.

Венцеславъ, слушая отца, продолжала разсматривать гувернера.

— Вы будете мной довольны, паневька, сказалъ онъ съ твердостью.... Но въ вашемъ присутствjи я попрошу объ одной милости господина Книгштейна.... пусть онъ будетъ свнсходителемъ ко мнѣ.

Гувернеръ улыбнулся.

— Вы не имѣете нужды въ моемъ свнскожденjи, баронъ, сказалъ онъ.... Ваши счастливыя способности, ваша ранняя образованность, сдѣлають обязанность мою очень легкой....

— Позвольте мнѣ объяснитья; я только что оставляю родительскjи домъ, а тамъ власть была кроткая, можетъ быть, слышномъ кроткая ...

— Успокойтесь, баронъ; я постараюсь не заставить васъ жалѣть объ этомъ счастливомъ времени; гувернеръ не будетъ для васъ тираномъ, а жезъ его — желѣзнымъ жезломъ.

Венцеславъ принялъ эти удѣренjя и эти слова, исполненныя знанjя принципjи, съ удовольствjemъ, изобразившимся въ его чертахъ. Графъ вывелъ хорошjя предназначенjя изъ этого начала. Размѣлившись нѣсколькими словами съ Книгштейномъ онъ попросилъ его въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

Гувернеръ ѣлъ съ аппетитомъ. Графъ былъ исполненъ къ нему вниманjя и предупредительности; у Книгштейна были прекрасныя манеры, онъ разговаривалъ очень прjятно. Малевькjи баронъ, ободряемый отцомъ, поощряемый любезностью гувернера, много спрашивалъ его о странахъ, въ которыхъ тотъ бывалъ; потому что Книгштейнъ уже въ нѣсколькихъ домахъ исполнялъ обязанности или наставника или гувернера.

Книгштейнъ очень снисходительно удовлетворялъ любопытство своего юнаго Телемака, слушавшаго его съ большимъ удовольствіемъ; трое собесѣдниковъ говорили то по-нѣмецки то по-французски, Книгштейнъ говорилъ свободно на этихъ двухъ языкахъ.

Между тѣмъ Венцеславъ, показывая видъ, что только любопытенъ, наблюдалъ за новымъ губернаторомъ; сначала онъ увидалъ съ тайнымъ удовольствіемъ, что у Книгштейна славный аппетитъ, и что онъ любитъ хорошее вино, хотя губернёръ не забылъ, что онъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей, передъ которыми долженъ наблюдать осторожность. Но все-таки, склонность его къ рейнскому вину не укрылась отъ проникательныхъ взглядовъ его воспитанника и тотъ вывелъ изъ этого заключенія, которыя могли ему со временемъ пригодиться.

Наконецъ онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что Книгштейнъ говорилъ по-французски съ чистотою, съ выборомъ словъ, рѣдко встрѣчающихся у иностранцевъ. Когда онъ выражался на этомъ языкѣ, у него не вырывался никакой нѣмецкій оборотъ, и что онъ гораздо хуже говорить по-нѣмецки, хотя это былъ его родной языкъ.

Венцеславъ оставилъ эти замѣченія для себя.

Графъ Меттернихъ воротился въ Кобленцъ, очень довольный и сыномъ и губернаторомъ; ему казалось, что Книгштейнъ совершенно удовлетворяетъ его видамъ, соединяетъ все условія, необходимыя для обязанностей, возложенныхъ на ментора его сына. Къ тому же, Книгштейна рекомендовалъ ему князь Траутмансдорфъ, въ домѣ котораго онъ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто наставника дѣтей; другія не менѣе уважительныя свидѣтельства оправдывали довѣріе графа.

Книгштейнъ былъ, какъ мы уже сказали, сговорчиваго, любезнаго характера; онъ тотчасъ повправился юному барону, который отгадалъ, что этотъ губернёръ не будетъ слишкомъ строгъ къ нему. Книгштейнъ далеко не былъ ученъ и не выдавалъ себя за ученаго, даже передъ воспитанникомъ, котораго, впрочемъ, трудно бы было долго обманывать, педагогической выставкой, заимствованной учености. Эта скромность, необыкновенная въ губернёрѣ, очень повправилась Венцеславу, который никогда не воспользовался признаніями Книгштейна, чтобы выставить его невыгодно передъ графомъ. Онъ предпочиталъ губернатора несвѣдушаго, но добраго, снисходительнаго, губернёру ученому и бранчивому.

Молодой баронъ очень часто ходилъ на университетскія лекціи,

былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ, и извѣстiя, получаемыя графомъ съ разныхъ сторонъ, свидѣтельствовали о быстрыхъ и блистательныхъ успѣхахъ сына. Онъ нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Страсбургъ, чтобы удостовѣриться въ настоящемъ положенiи дѣла, и могъ убѣдиться, что его не обманывали. Книгштейнъ былъ предметомъ его похвалъ и поздравленiй: онъ обѣщалъ дать ему блистательное доказательство своей признательности по окончанiи воспитанiя Венцеслава.

Что же дѣлалъ Книгштейнъ, чтобы заслужить благорасположенiе и отца и сына? Онъ позволялъ послѣднему дѣлать все, что онъ хочетъ, не противорѣчилъ ему ни въ чемъ, а съ своей стороны, Венцеславъ никогда не давалъ права гувернеру сожалѣть объ отреченiи отъ своей власти. Книгштейнъ выставилъ барона образцомъ воспитанниковъ, а тотъ безпрестанно повторялъ и отцу и всѣмъ, что Книгштейнъ образецъ гувернеровъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. *Статья первая.* Первое условiе каждаго произведенiя искусства есть, безъ сомнѣнiя, красота. Красота—результатъ ощущенiя, стремящагося выразиться наружу въ соответствующей ему формѣ. Въ пластическихъ искусствахъ гораздо легче найти и опредѣлять форму прекрасной мысли, чѣмъ въ музыкѣ, этомъ отвлеченнѣйшемъ изъ искусствъ, въ которомъ чувство и вкусъ — единственные судьи прекраснаго. Хотя мысль можетъ быть выражена въ весьма многообразныхъ формахъ, однако же одна только форма можетъ быть полнымъ и совершенно яснымъ выраженiемъ ея содержанiя. Найти эту-то единственно истинную форму, есть задача гения, и притомъ гения, руководимаго знанiемъ, вкусомъ и опытомъ. Прекрасное также многообразно и бесконечно, какъ мiръ ощущенiй; каждое истинно выраженное ощущенiе будетъ прекрасно. Такъ напримѣръ, прекрасное можетъ быть спокойнымъ, веселымъ, страстнымъ, печальнымъ, восторженнымъ; не говоря уже о бесконечномъ числѣ посредствующихъ оттѣнковъ. Но прекрасное восходитъ на степенъ художественнаго тогда только, когда на немъ лежитъ печать первообразности, когда оно является чѣмъ-то новымъ, небывалымъ. Конечно, правильность, проистекающая изъ гармоническаго согласiя отдѣльныхъ частей произведенiя, есть также необходимое условiе изящности; однако же правильность и гармонiя ни къ чему не поведутъ, если въ нихъ не проявляется въ то же время оригинальность мысли, или если эта оригинальность не проникаетъ насъ мгновенно убѣжденiемъ, что художникъ, со-

здавал свое твореніе, разрѣшилъ задачу, которой никто до него не предлагалъ себѣ и не разрѣшалъ. Сколько такихъ музыкальных произведеній, въ которыхъ нѣтъ недостатку ни въ мелодіи, ни въ богатствѣ и чистотѣ гармоніи, въ которыхъ даже многія мѣста свидѣлствуютъ вкусу и опытности, и которыя однако же не производятъ глубокаго впечатлѣнія, и должны довольствоваться нашимъ уваженіемъ, какъ единственнымъ зѣнкомъ нашего участія. Въ такихъ сочиненіяхъ недостаетъ того, что составляетъ собственно жизнь искусства, самосозданной мысли, облеченной въ поэтичную форму; однимъ словомъ, въ нихъ недостаетъ оригинальности.

Слѣдовательно только тотъ художникъ, котораго природа одарила этими свойствами, которыхъ результатъ составляетъ его особенный, исключительный характеръ, можетъ надѣяться возбудить своими произведеніями всеобщее вниманіе. Только оригинальность образуетъ ему стиль, манеру, даетъ ему истинное достоинство. Изъ этого однако же не слѣдуетъ, что особенность, которою отличаются всѣ его произведенія, должна непремѣнно всѣмъ поправаться. Конечно есть извѣстные, несомнѣнные признаки достоинства художественнаго произведенія, въ которыхъ свѣтъ никогда не ошибается, хотя руководствуется имъ не по дѣйствительному сознанію ихъ, а скорѣе по инстинкту; но бываютъ также такіе характеры, такіа закоснѣлыя привычки, склонности, и даже расчеты, которые побуждаютъ нѣкоторыхъ людей возставать противъ общаго мнѣнія, и изъявлять тѣмъ большую антипатію къ извѣстному произведенію, чѣмъ громче и блистательнѣе былъ его успѣхъ. Тѣ, которые, увлекаясь своими характеромъ, привычками, склонностями или предубѣжденіями, признаютъ искусство только въ одной извѣстной, односторонней формѣ, и, озлобленные своею борьбою съ общимъ мнѣніемъ, сдѣлаютъ осужденіе и брань на бѣдное произведеніе искусства, забываютъ, что они этимъ готовятъ предмету своего гнѣва тѣмъ блистательнѣйшее торжество, потому что видано ли, чтобы кто-нибудь сильно возставалъ на посредственность?

Для безпристрастнаго наблюдателя, чрезвычайно занимательныя выходы такихъ зазорныхъ умовъ. Богъ знаетъ, къ чему прибѣгаютъ они въ такихъ случаяхъ для того, чтобы по возможности скрыть успѣхъ, котораго они не могутъ отрицать, или чтобы подвергнуть его сомнѣнію. Если журналы единогласны въ своемъ одобреніи, то они отрицаютъ добросовѣстность журналовъ; доходятъ даже до того, что обвиняютъ ихъ въ подкушо-

опи. Это вовсе не новость, что досада вымещается подобными обидчиками; вспомнить только, что самъ великій Глюкъ, раздраженный борьбою съ преувозрастаемымъ ему соперникомъ, печаталъ письмо, въ которомъ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «Je ne vous parle pas de ses productions. Je suis sur qu'un certain paléologue de ma connaissance (маркизъ Караччиоли, неapolитанскій поеланикъ), donnera à dîner et à souper aux trois quarts de Paris pour lui faire des prosélytes, et que Marmontel, qui fait si bien des comtes, contera à tout le royaume le mérite exclusif du sieur Piccini». Аббатъ Арно, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей Глука, не имѣя возможности отрицать жадности, съ которою публика бросалась на нѣкоторыя оперы Пиччини, также не стеснялся предъ великимъ восклицаніемъ: «Je ne sais pas trop, si ces recettes sont de bon goût».

Спокойная, умѣренная критика гораздо скорѣе поколеблетъ устояхъ, нежели критика запальчивая, злобная; но въ подобныхъ случаяхъ всегда послѣдняя вооружается противъ общаго мнѣнія, — и разумеется, не достигаетъ своей цѣли. И тутъ множество примѣровъ представляется намъ старая распря Пиччинистовъ и Глукистовъ. Тогда какъ и нынче, приверженцы композитора не довольствовались тѣмъ, что слѣбо прославляя свой кумиръ, но еще считали долгомъ также слѣбо унизить противника, отринуть въ вода великій талантъ, объявлять музыку его жалкою, случайнымъ краснорѣчьемъ, и предсказывать ему быстрое паденіе и совершенное забвеніе. Творецъ истинной драматической музыки, Глюкъ, потрясъ Германію и Францію своею «Альцестой» и дуемъ «Ифигеніею». А между-тѣмъ Мармонтель, въ поспѣхъ гнѣва на этого барона и его тупыхъ почитателей, писалъ въ своемъ «Essai sur les révolutions de la musique en France»: «Avec un orchestre hennant ou gémissant, avec des sons de voix déchirans ou terribles, croirons nous posséder la musique théâtrale par excellence? L'opéra sera-t-il privé des charmes de la mélodie? et ce chant qui fait les délices de l'Europe, sera-t-il indigne de nous? C'est là ce qu'il s'agit de désirer, et il semblerait assez raisonnable de s'en rapporter à l'expérience, mais c'est ce que ne veulent pas les partisans de M. Gluck».

Другой замечъ еще даде въ своемъ негодванні, и писалъ: «M. Gluck, avec une imagination baroque et ardente, n'a reçu de la nature qu'un génie peu flexible. Quelques morceaux de chaleur, épars çà et là dans ses ouvrages, prouvent que ce feu d'imagination, dirigé par un génie plus heureux, aurait pu, à force d'art

faire disparaître l'idée de contrainte laborieuse, qu'il offre partout.... Il n'a su exprimer la passion que par des cris, la fureur que par des chants raides et sans harmonie, les sentimens pénibles, que par des accords durs et déchirans». * Конца не было бы, если бы мы хотѣли исчислить все подобныя любезности, которыми преизобилуютъ памфлеты противъ оригинальныхъ твореній истинно великаго художника. А что осталось послѣ всего этого? «Орфей», «Альцеста», обѣ «Ифигеніи», и «Ариода». Впродолженіе цѣлаго полулѣтія эти великія созданія не переставали увлекать все умы, и все потому, что они запечатлѣны тою самостоятельностью, тою оригинальностью творчества, которая одна вдыхаетъ жизнь въ произведеніе искусства и упрочиваетъ его долгое существованіе.

Этой самостоятельности никто не будетъ оспаривать также въ твореніяхъ Мейербергера. Какого бы кто ни былъ о нихъ вообще, въ одномъ все согласны: что Мейербергова музыка не похожа ни на какую другую музыку, что на ней своя печать, свой особенный характеръ. А по этому и узнается талантъ великаго художника. Особенности этого таланта ниѣли въ послѣдніе осьмнадцать лѣтъ сильное вліяніе на искусство, не только въ Европѣ, но проникли и въ новый свѣтъ. Не смотря на ее по большей части серьезное направленіе, на сложность и обдуманность ее формъ, эта музыка достигла до такой популярности, какой не встрѣчается другаго прииѣра.

Мейерберъ Нѣмецъ, и началъ свое художественное поприще подъ руководствомъ одного изъ ученѣйшихъ и глубочайшихъ изъ нѣмецкихъ учителей, аббата Фоглера, изъ школы котораго вышелъ также Карлъ Марія Веберъ. Ни какой художникъ не родится мастеромъ, и весьма рѣдкій случай, чтобы позднѣйшіе произведенія его не ввергали въ забвеніе его юношескихъ произведеній. Моцартъ и Бетговенъ, конечно, писали въ юности вещи, которыхъ не помрачили даже великія творенія ихъ зрѣлыхъ лѣтъ. Но это были Моцартъ и Бетговенъ, — Моцартъ, великій драматургъ, объемяющій землю и адъ, умъ и сердце; — Бетговенъ, который, смѣло громоздя оркестровыя массы, неустрашимо штурмуетъ небо; — два могучіе вдохновенные генія, которые въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, исключенія; а исключенія, всѣмъ извѣстно, только подтверждаютъ правило. Такъ юношескія творенія Карла Марія Вебера никогда не стяжали неслыханнаго уваженія, и давно уже уюдкли, между-тѣмъ какъ его «Фрейшюцъ»,

* Entretiens sur l'état actuel de l'opéra, pages 19 et 20.

«Звѣриантъ» и «Оберонъ» еще полны жизни, свѣжести и очарованія. Берлиозъ можетъ назваться музыкальнымъ Брутомъ, потому что онъ присудилъ къ смерти своего первенца, музыку къ Гётеву «Фаусту», скупилъ и уничтожилъ все изданіе, и вмѣсто него далъ другое сочиненіе, увертюру къ «Веверлею».

Изъ юношескихъ произведеній Мейербера упоминаютъ взрѣдка о большой духовной кантатѣ, плодъ его контрапунктическихъ занятій, которая была исполнена въ Вѣнѣ и удостоилась похвалъ; нынѣ же она находится только развѣ на запыленныхъ полкахъ музыкальныхъ архивовъ, да еще пожалуй въ нотахъ самого композитора. Аббатъ Фоглеръ былъ въ свое время смѣлый нововводитель, и нанесъ не одинъ ударъ старому, переходившему въ наслѣдство отъ вѣка къ вѣку, ученію о контрапунктѣ, канонѣ и фугѣ. Самыя общепризнанныя произведенія искусства подвергалъ онъ повѣркѣ своею новою системою, и немилосердо осуждалъ ихъ, если они не ложились въ ея рамку. Палеотрипа, Гендель и Бахъ должны были вставать изъ гробу и какъ школьники идти на экзаменъ къ аббату, потому что имѣли несчастіе родиться до изобрѣтенія его новой системы, въ которой, по мнѣнію его, не было спасенія. Веберъ, пламенный почитатель своего учителя, пошелъ было сначала еще дальше по этому пути, и компрометировалъ себя передъ современниками и потомствомъ, изданіемъ собранія Баховыхъ хораловъ, очищенныхъ и исправленныхъ нѣтъ по системѣ Фоглера. Мейерберъ пошелъ не по одному пути съ своимъ товарищемъ. Ученіе аббата Фоглера не было для него потеряно; это доказываютъ его позднѣйшія произведенія; но онъ былъ умнѣе, и осмрительнѣе Вебера; бросилъ фугу, которая, какъ самостоятельная форма, давно уже отжила свой вѣкъ, и принялся за оркестровку, и въ особенности за золотой рудникъ ритмики, чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей.

Тутъ безъ сомнѣнія совершилось мгновенно въ жизни молодого художника какое либо непредвидимое событіе, имѣвшее очень важныя, непреоборимыя послѣдствія; потому что, между тѣмъ какъ его считаютъ занятымъ сочиненіемъ строгихъ фугъ, и воспроизведеніемъ настоящихъ греческихъ ладовъ, по рецепту его учителя, онъ вдругъ является въ Италіи опернымъ композиторомъ, и даже слѣпо преданнымъ повидимому Россиниевскому направленію, которое было діаметрально противоположно собственному его прежнему направленію. Мейерберъ имѣетъ изумительный даръ усвоить чужія направленія и идеи, развивать и

исчерпывать ихъ до два. Несомнѣнная оригинальность его позднѣйшихъ произведеній есть конечно результатъ свободнаго развитія его гения; однако же размышленіе и проницательное изъ него усвоеніе всего лучшаго у каждаго народа, въ немъ замѣтнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ великомъ художникѣ, и составляетъ характеристическую черту его музыки. Какъ сначала предавался онъ соображеніямъ и идеямъ Фоглера, такъ точно въ Италіи предался южной поверхности, писалъ оперы доживами, и немилосердо приносилъ въ нихъ всю контрапунктическую мудрость въ жертву мелодіи и Россиниевскому колоратурному пѣнію; стяжалъ блестящія, но скоротечныя успѣхи, которые Италія такъ охотно даритъ своимъ любимцамъ. Но между-тѣмъ какъ онъ со ту сторону Альповъ величается *il più grande maestro*, въ Германіи имя его быстро предавалось забвенію. Одна только изъ многочисленныхъ его итальянскихъ оперъ «*Il crociato in Egitto*», перешла за предѣлы Италіи, воскресила имя его въ Германіи и открыла ему путь въ Парижъ и въ Лондонъ.

Изъ всѣхъ итальянскихъ оперъ Мейербергера почти ничего не уцѣлѣло. Даже его «Крестовосецъ» встрѣчается уже только въ отдѣльныхъ аріяхъ и дуэтахъ на концертныхъ программахъ; такъ-что почти жалѣешь объ итальянскомъ періодѣ его дѣятельности. Однако же такая жалоба была бы необдуманна, даже безразсудна; потому-что въ Италіи, в итальянскихъ операхъ усвоилъ себѣ Мейербергеръ знаніе пѣнія и ту мелодическую легкость, которыми отличаются послѣдующія его творенія. Замѣчательно, что между-тѣмъ какъ Италія не можетъ указать ни на одного истинно-классическаго опернаго композитора, почти всѣ великіе гении прочихъ странъ, Гепдель, Глюкъ, Моцартъ, и наконецъ Мейербергеръ въ этой странѣ пѣнія достигли полной зрѣлости своего таланта.

Наконецъ наступаетъ второй, болѣе важный періодъ жизни художника; изъ сліянія ученаго, размышляющаго ученика мавгейской школы съ итальянскимъ, опытнымъ опернымъ композиторомъ возникаетъ настоящій Мейербергеръ, творецъ «Роберта».

Итальянская публика была бы неспособна оцѣнить твореніе, подобное «Роберту», въ которомъ, вмѣсто мелодической сладости и роскоши, первое мѣсто заняли строгая музыкальная характеристика и новыя, глубоко обдуманныя инструментальныя соображенія, отъ котораго каждый итальянскій оркестръ отвернулся бы съ презрительнымъ смѣхомъ. При томъ если бъ и была такая публика въ Италіи, Мейербергеръ самъ отказался бы отъ нея, пото-

ну что онъ уже не могъ довольствоваться легкимъ, итальянскимъ торжествомъ. Дѣло шло о жизненномъ началѣ его искусства, о настоящемъ, самостоятельномъ развитіи его внутреннего существа, о быть или не быть его гению, его славы. Въ новомъ его стремленіи, которому вся предъидущая жизнь его служила только предварительнымъ приготовленіемъ, не могъ онъ уже торговаться съ пѣвцами и пѣвицами, дѣлать имъ уступки, чтобы задобрить цублану; ему необходимо было стать царемъ во главѣ своего войска, и безусловно распоряжаться пѣвцами, оркестромъ, танцорами, машинистами и декораторами. Онъ готовился на бой, который додженъ былъ невозвратно рѣшить всю его будущность. Мѣстомъ такого сраженія могъ быть одинъ только Парижъ, котораго опера гордилась именами Корнелии Фалькоузъ, Нурри и Левассёра; Парижъ, имѣвшій первый оркестръ въ свѣтѣ; — Парижъ, гдѣ собирались все величайшіе художники; — Парижъ, котораго судъ вся Европа признавала непогрѣшимымъ. И Мейерберъ отправился въ Парижъ.

Но въ Парижѣ ожидала его тяжелая борьба. Большая опера открывается только именамъ извѣстнымъ, доказавшимъ уже свои силы; итальянскому композитору втораго разряда нѣтъ надежды, безъ чрезвычайныхъ усилій протѣсниться на священные подмостки перваго театра въ мірѣ; тѣмъ болѣе, когда онъ имѣетъ дерзость явиться съ огромною, пятиактовою партитурою, которой исполненіе требуетъ употребленія всѣхъ силъ театра и неслыханныхъ расходовъ. Но Мейерберъ давно зналъ свѣтъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ и Парижъ; природа надѣляла его тою же непоколебимою волею, которая привела Колумба къ открытію новаго свѣта; онъ не боялся борьбы; онъ ждалъ ее, приготовился къ ней. Зная французскую поговорку «bon droit a besoin d'aide», онъ не полагался на одинъ свой гений; свель знакомство, отыскалъ сильныхъ покровителей; какъ сынъ одного изъ богатѣйшихъ берлинскихъ банкировъ, онъ былъ щедро надѣленъ самымъ вѣрнымъ рычагомъ, самымъ неотразимымъ аргументомъ: деньгами.

Я не берусь описывать, что долженъ чувствовать гений, пропихнутый сознаніемъ истинны своего стремленія, когда ему должно преодолѣть недоверіе свѣта ко всему новому и великому, чтобы осуществить это стремленіе. Публика лѣнивая масса; ей всего привольнѣе пережевывать всегда одно старое, тащиться всегда по давно избитой колѣѣ, и только изрѣдка электрическій толчекъ гевія мощно отрываетъ ее отъ старины и подвигаетъ

впередъ. Счастливъ еще тотъ гений, который для осуществленія своей идеи не нуждается въ помощи другихъ. Живописцу или скульптору стоитъ только выставить свое произведеніе, ученому или поэту нанечатать его, и они могутъ быть увѣрены, что рано или поздно истина и красота ихъ стремленія будутъ признаны, и принесутъ волю. Но завоевателю нужно войско, которое безусловно повиновалось бы его волѣ; искателю новыхъ земель нуженъ флотъ, а композитору, — увы! композитору нуженъ оперныхъ театръ, съ декорациями, машинами и костюмами, нужны пѣвцы и пѣвицы, хористы и фигуранты, нуженъ оркестръ; а вторыхъ, — чтобы весь этотъ міръ былъ одушевленъ усердіемъ и доброю волею. Но и этого еще мало; ему нужна публика, которой угодно было бы, между обѣдомъ и ужиномъ выслушать его оперу, выслушать твореніе, въ которомъ заключается задача всей его жизни. Но истиннѣ, только желѣзная, ничѣмъ непоколебимая воля, которая и составляетъ одну изъ принадлежностей истиннаго гения, можетъ идти на проломъ всѣмъ этимъ затрудненіямъ, чтобы силою напора завоевать свою цѣль.

Мейерберъ успѣлъ наконецъ убѣдить дирекцію Большой-Оперы принять его «Роберта». Она согласилась даже на всѣ его требованія относительно различіи ролей и вѣшной обстановки; но съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ дирекціи 50,000 франковъ, въ обезпеченіе расходовъ и на постановку. Изъ этого видно, что дирекція ожидала совершеннаго паденія оперы, и заранѣе благоразумно оградилась отъ его послѣдствій. Много еще долженъ былъ вытерпѣть Мейерберъ во время пробъ; какъ исполнители, такъ и приглашенные пріятель, рѣшительно раздѣляли мнѣніе дирекціи; никто не хотѣлъ вѣрить возможности успѣха; всѣ острялись на счетъ бѣднаго, заранѣе осужденнаго творенія. Судьба, казалось, опредѣлила, чтобы ни одна изъ чувствительныхъ сторонъ Мейербера не осталась незатронутою. Незадолго до дня, назначеннаго для перваго представленія «Роберта», онъ узнаетъ, что до того времени должна быть дава на Компической Оперѣ новая опера, — если не ошибаюсь «Цампа» Герольма, — въ которой съ удивительнымъ эффектомъ употребленъ органъ. Извѣстно, что эффектъ поразительной сцены пятаго дѣйствія «Роберта» разсчитанъ преимущественно на органъ, котораго звуки напоминаютъ колеблющемуся между небомъ и адомъ сыну Бертрамову счастливые дни его невинной юности. Но если за нѣсколько дней передъ тѣмъ весь Парижъ услышитъ подобный эффектъ въ новой оперѣ двого изъ любимыхъ своихъ композиторовъ, то не только

такъ глубоко обдуманнѣй Мейерберомъ эффектъ долженъ утратить очарованіе новизны, но еще всѣ злые языки, которыми такъ обилень просвѣщенѣйшій городъ въ свѣтѣ, и которыхъ не безъ основанія боялся Мейерберъ, обвинять его въ подражаніи, въ заимствованіи. Но онъ не унываетъ и передъ этою неожиданною грозою; собравъ свѣдѣнія, онъ узнаетъ, что Комическая Опера, въ полной увѣренности, что во всякое время найдетъ органъ у одного изъ многочисленныхъ парижскихъ мастеровъ, отложила попеченіе о томъ до генеральной пробы. Мейерберъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, ѣдетъ ко всѣмъ органнымъ мастерамъ, скупаетъ всѣ готовые въ Парижѣ органы, и для большаго безопасности, даетъ имъ всѣмъ столько заказовъ, что имъ невозможно заняться работою для другаго до дня перваго представленія «Роберта». Такимъ образомъ Комическая Опера принуждена замѣнить органъ въ своей новой оперѣ духовыми инструментами, а Мейерберъ оказывается владѣльцомъ чуть не двадцати органовъ всевозможныхъ родовъ. Органъ драгоценная вещь для каждаго музыканта, а тѣмъ болѣе для такого композитора, какъ Мейерберъ, который умѣетъ извлекать изъ него такіе дивные эффекты. Но какъ хотите, а двадцать такихъ инструментовъ, которые едва размѣстятся въ цѣломъ домѣ, приведутъ въ отчаяніе хоть какого отчаяннаго органиста. Поэтому Мейерберъ поручилъ одному комисіонеру продать свое невольное собраніе органовъ во что бы ни стало. Къ счастью его, комисіонеръ случился смысленный и честный человекъ, и распродалъ органы такъ, что Мейерберъ не только ничего не потерялъ въ этой продѣлкѣ, но даже получилъ вѣскольکو тысячъ франковъ барыша.

Наконецъ «Робертъ» былъ представленъ, и имѣлъ колоссальный успѣхъ. Годъ спустя, новая опера игралась уже на всѣхъ значительнѣйшихъ театрахъ Франціи и Германіи. Прусскій король пригласилъ композитора въ Берлинъ, чтобы поставить оперу подъ личнымъ его надзоромъ. Здѣсь, въ отечествѣ его, гдѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо вѣмецкомъ городѣ держится слѣпое пристрастіе къ старинѣ и педагогической вкусѣ въ искусствѣ, «Робертъ» подвергся жестокииъ гоненіямъ со стороны критиковъ. Рельштабъ, оракулъ берлинскихъ портныхъ и перчаточниковъ, объявилъ на-отрѣзъ, что твореніе Мейербера одно сборище поруганій надъ искусствомъ и вѣлѣпостей. Поруганіями надъ искусствомъ называлъ поразительныя движенія гармоніи, которыхъ не разбиралъ еще ни одинъ учебникъ генералъ-баса,

и которыми такъ богата эта партитура; а негѣпостани — под земную музыку адскаго вальса, и вентильтрюмпетъ въ суфлерской будкѣ, въ тріо пятаго дѣйствія. На этотъ разъ однако же публика не обратила вниманія на голосъ оракула, и успѣхъ «Роберта» въ Берлинѣ былъ также громаденъ, какъ въ Парижѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Мейерберъ опять поѣхалъ въ Парижъ ставить «Гугенотовъ», «Робертъ» уже обошелъ весь свѣтъ и на пути своемъ обогатилъ нѣсколько издателей. Поэтому можно уже было ожидать, что новое произведеніе Мейербера будетъ принято съ довѣріемъ, которое необходимо долженъ былъ внушить успѣхъ «Роберта». Однако же вышло не такъ; есть врагъ еще опаснѣе недовѣрія, предшествующаго успѣху; это слѣдующая за нимъ зависть. Если «Роберта» смѣлились осмѣять еще до появленія его, то при появленіи «Гугенотовъ» враги композитора пошли еще далѣе, и объявили, что это слабое, неудачное произведеніе, доказывавшее, что Мейерберъ истощилъ на «Робертѣ» весь свой талантъ. Очень удачно замѣчаетъ одинъ умный французскій критикъ: «въ такихъ случаяхъ художника разсѣкаютъ на двѣ части: первую, предшествовавшее произведеніе, воздвигаютъ въ исполины, затѣмъ, чтобы имъ уничтожить, какъ карлу, новое твореніе. Такъ и было; завистники стали опираться на «Роберта», признавать въ немъ драматическіе эфекты, богатство мелодій, гениальныя новизны, словомъ все, что въ немъ прежде отрицали, и въ тоже время сравнивать его съ «Гугенотами», которые были объявлены однообразнымъ, скучнымъ протестантскимъ псалмопѣніемъ, безъ мелодіи и безъ жизни. Враждебныя козни были ведены такъ искусно, что первое представленіе было дѣйствительно принято довольно холодно. Но во второе представленіе здравый смыслъ публики уже проснулся, и она убѣдилась, что композиторъ не только не былъ слабѣе прежняго, но что стиль его сдѣлался еще величественнѣе, и что одно уже четвертое дѣйствіе превосходило всѣ красоты «Роберта».

Какъ можно было предусмотрѣть, тоже самое повторилось при появленіи третьяго творенія Мейербера. «Гугенотамъ» противопоставляли «Роберта»; «Пророку» стали противопоставлять «Гугенотовъ». Въ четвертомъ дѣйствіи «Гугенотовъ», либреттистъ открылъ самое счастливое поле вдохновенію композитора. Дѣйствительно, нельзя представить себѣ ничего счастливѣе для искусства, какъ противоположеніе энергій, которая доходитъ до послѣднихъ предѣловъ въ сценѣ благословенія княжатъ, слѣдующей затѣмъ сценѣ страсти и любви. Кто не знаетъ, какое

дивное твореніе создалъ тутъ Мейерберъ, какъ счастливо передаетъ онъ въ музыкѣ то нѣжныя, то страстныя рѣчи Рауля и Валентины, и какимъ гениальнымъ оборотомъ возвращается онъ къ настоящему положенію драмы, къ опасности, угрожающей гугенотамъ. Самые отчаянные даже взъ противниковъ Мейербера принуждены были положить оружіе передъ талантомъ, который проявился въ этомъ твореніи. Теперь же они стали требовать такихъ же точно эффектовъ отъ произведенія, имѣющаго совершенно другой характеръ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для Фортепiano.

- ADAM.** Dix petits airs très faciles sur des thèmes duval d'Andorre, opéra de F. Halévy (1 r. 15 c.)
- BERLIOZ.** Marche hongroise de Faust (1 r. 15 c.)
- BEYER.** Trois divertissements sur des motifs de l'opéra: i due Foscari. op. 93, № 1, 2, 3 (chaque 85 c.)
- Album 1849. Six morceaux élégants sur des airs allemands favoris. op. 99 (4 r. 58 c.) Les mêmes séparés № 1 à 6 (chaque 85 c.)
- BLUMENTHAL.** Trois mazurkas. op. 5 (1 r. 29 c.) Deux valse. op. 6 № 1, 2 (chaque 1 r. 15 c.)
- BERNARD.** Trois romances de Warlamoff transcrites en pièces de salon (1 r.)
- Побѣда Русскихъ. Военный экспромтъ (60 c.)
- BRUNNER.** Les petites danseuses. Douze danses très faciles et doigtées. op. 129 (15 c.)
- BURGMÜLLER.** Les étincelles. Douze mélodies, fantaisies, variations et rondes. op. 96 № 1 à 12 (chaque 72 c.)

- CHOPIN.** Trois valse. op. 64. № 1, 2, 3 (chaque 85 c.)
- DIETSCH.** Dernière pensée de Felix Mendelssohn-Bartholdy (43 c.)
- GUNGL.** Melodische Skizzen. Grosses Potpourri. op. 74 (2 r. 29 c.)
- GORIA.** Salut à la Grande Bretagne. 2-de: Suite: six airs écossais transcrits. op. 45 № 1 à 6 (chaque 85 c.) Fantaisie romantique sur l'opéra: le val d'Andorre. op. 47 (1 r. 72 c.)
- HELLER.** Grande sonate. op. 65 № 2 (2 r. 29 c.)
- HÜNTEN.** Fantaisie sur l'opéra Belisario. op. 163 (1 r. 43 c.) Fantaisie sur des airs favoris de l'opéra: le val d'Andorre. op. 165 (1 r. 43 c.)
- KALKBRENNER.** Fantaisie brillante sur les plus jolis thèmes de l'opéra: le val d'Andorre. op. 186 (1 r. 72 c.)
- KAZYNSKI.** Rêverie en forme de nocturne (75 c.)
Думка. Малороссійская пѣсня для фортепiano. 60.)
- LISZT,** F. Trois nouvelles études de Concert № 1, 2, 3 (chaque (85 c.)
Transcriptionsen № 1. Schumanns Liebeslied (85 c.) № 2. Webers Schlummerlied (85 c.) № 3. Mendelssohns Wasserfahrt und Jäger-Abschied (1 r. 15.) № 4. Franz «Er ist gekommen in Sturm und Regen» (58 c.)
- Glances de Veronice, trois mélodies (1 r. 43.) La célèbre Zigeuner — Polka de Conradi transcrite (1 r. 29 c.)
- LITOLFF.** Feuille d'album. Impromptu en forme de valse. op. 50 (1 r. 15 c.)
Trois chansons sans paroles. op. 51 livre 1, 2 (chaque 1 r. 29 c.)
- MATHIAS.** Nocturne et barcarolle. op. 3 (1 r. 29 c.) Deux polkas de Concert. op. 4 (1 r. 43.)
- MAYER.** Sixième valse-étude. op. 116 (1 r. 43 c.) Etude inédite (60 c.)
- PRUDENT,** Caprice sur Ernani de Verdi. op. 31 (1 r. 43 c.) Air et marche arabe variés. op. 32 (1 r. 15 c.) Farandole. op. 33 (1 r. 15.)
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur la Cenerentola de Rossini op. 109 (1 r. 72 c.) Les étrangères. Deux fantaisies. op. 110 № 1, 2 (chaque 1 r. 15 c.) Fantaisie brillante sur le val d'Andorre, opéra de F. Halévy. op. 111 (1 r. 72 c.) La rosée. Valse brillante op. 112 (1 r. 15 c.)
- SCHUMANN.** Acht Lieder ohne Worte, übertragen von C. Reinecke (1 r. 29 c.)
- THALBERG.** Fantaisie sur des thèmes de l'opéra Cenerentola de Rossini: Decameron № 7 (1 r. 43 c.) Tarantelle. op. 65 (1 r. 15 c.)
- VOSS.** Reminiscences de Zampa et Fra-Diavolo. Fantaisie-Variations. op. 93 (1 r. 72 c.): La pluie de perles. Fantaisie-étude op. 95 (1 r. 15 c.) Les adieux. Valse mélancolique originale variée. op. 98 (85 c.) Trois fleurs. op. 99 № 1. La rose. № 2. La violette. № 3. L'amarante (chaque 58 c.)

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. *Порода людей съ хвостами.* Въ выше́шній разъ слова эти не мистификація, при всемъ ихъ неправдоподобіи. О существованіи *людей съ хвостами* молва ведется со временъ мнѳологическихъ, наравнѣ съ извѣстіями о людяхъ съ собачьими головами и о людяхъ обѣ одной ногѣ, которые ходятъ колесомъ, переваливаясь съ ноги на руку. Новѣйшая наука давно отвергла вѣсть эту какъ сказку, и признала хвостъ исключительно принадлежностью животныхъ. Человѣкъ составилъ такимъ образомъ въ естественной исторіи и сравнительной анатоміи совершенно отдѣльный разрядъ позвоночнаго творенія, существовавшаго безхвостаго. Хвостъ, какъ извѣстно, не что иное какъ продолженіе спиннаго позвоночнаго столба, составленное изъ позвонковъ, постепенно уменьшающихся въ объемѣ. Змѣй весь — одинъ хвостъ, то есть, голова да хвостъ, который начинается у него тотчасъ у черепа. И это основная, самая простая форма позвоночнаго животнаго. Хвостъ извивается и подвигаетъ голову впередъ. Въ другихъ животныхъ породахъ, подъ змѣиный хвостъ, болѣе короткій и не столь гибкій, для удобствъ движенія поставлены четыре подпорки, называемыя «ногами», но всегда такъ, что хвостъ выступаетъ болѣе или менѣе за пару заднихъ подпорокъ и въ извѣстной мѣрѣ дополняетъ своимъ рядомъ окончательныхъ позвонковъ механизмъ ногъ, чтобы способствовать движенію головы, привѣшенной къ другому концу позвоночнаго столба. Но человѣкъ устроенъ совсѣмъ иначе: голова у него не привѣшена, а насаждена прямо на позвоночный столбъ, который въ свою очередь насажденъ перпендикулярно на поперечную кость, въ которую вдавлены шарнирами двѣ подпорки, или ноги, механизмомъ

своимъ воплиѣ удовлетворяющія всѣмъ потребностямъ и условіямъ ловкаго, быстраго, вѣрнаго движенія, для перемѣщенной головы. Выступъ позвонковъ спиннаго столба за эту поперечную кость, или перекладыву, былъ бы безъ цѣли, и кажется невозможнымъ, какъ напрасная помѣха движенію.

Несмотря на доказательства à priori невѣроятности людей съ хвостами, свѣдѣнія объ нихъ повторялись отъ времени до времени и всегда приходили изъ Африки, нвой разъ съ такими обстоятельными подробностями, что самыя твердыя убѣжденія колебались. Чтобы добиться до истины, англійскія ученые общества назначили большія преміи за доставленія человѣка съ хвостомъ, живаго или мертваго. Вопросъ дѣйствительно стѣвалъ въ-которыхъ пожертвованій. Разумѣется, что человѣкъ съ хвостомъ не можетъ быть человѣкъ; это была бы особенная животная порода съ различными человѣческими свойствами; животное среднее между человѣкомъ и обезьяною; звѣрь самый близкій къ человѣку; коротко сказать, *говорящая обезьяна*. Но вызовъ всегда оставался безъ отвѣту. Покойный египтологъ Солтъ (Solt), великобританскій генеральный консулъ въ Египтѣ, нѣсколько разъ получалъ отъ пріѣзжающихъ изнутри Африки торговцевъ такіи положительныя увѣренія въ существованіи людей съ хвостами, что отъ себя обѣщалъ было тысячу фунтовъ стерлинговъ тому, кто привезетъ ему чернаго раба съ хвостомъ. Вызывались многіе, и никто не добылъ такого сокровища. Натуралисты болѣе чѣмъ когда либо утвердились въ убѣжденіи, что человѣкъ съ хвостомъ — пустая сказка невѣждъ или плутовъ. Но вотъ путешественникъ замѣчательный, образованный, достойный вѣры, новый Алп-бей, господинъ du Courget, который извѣдалъ самыя завѣтныя части Аравіи подъ мусульманскимъ именемъ Хаджи-Абдуль-хашидъ-бея, утверждаетъ, не разсказочнымъ, а ученымъ тономъ, что самъ онъ, своими глазами, видѣлъ человѣка съ хвостомъ, и не только утверждаетъ, а даже подноситъ парижской академіи наукъ портретъ во всю фигуру этого звѣря, съ точнымъ измѣреніемъ и подробнымъ описаніемъ хвоста его.

« Въ 1842 году, пишетъ господинъ du Courget, я жилъ въ Меккѣ и, будучи въ гостяхъ у одного эмира, моего короткаго друга, разговорился съ нимъ о Гилянцахъ, поколѣвіи или породѣ людей, которой молва на Востокѣ и въ Африкѣ приписываетъ внѣшнее продолженіе позвоночнаго столба, или хвостъ. Я сказалъ эмиру, что въ Европѣ не вѣрятъ этому и Гилянцевъ почитаютъ за выдумку. Эмиръ утверждалъ противное и, въ доказательство спра-

ведливости словъ своихъ, кликнувъ одного изъ рабовъ своихъ, прозваннаго Беллаломъ (*беллалъ* значитъ уродъ, Черноморь). Этому человѣку могло быть лѣтъ около тридцати, онъ былъ *Гиляни*, и сознавался самъ въ томъ, что у него есть хвостъ. Всѣ домашніе видѣли у него этотъ страннѣйшій членъ, описывали его подробно, я видѣлъ и слышалъ Беллала и ихъ, и сомнѣваться долѣе не было возможности. Этотъ рабъ говорилъ очень хорошо по арабски и казался довольно расторопнымъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что родина его, *Гилянъ*, лежитъ очень далеко за *Сеннааромъ*, черезъ который провозили его, въ южномъ *Суданѣ* (земля *Негровъ*: извѣстно, что есть другой *Гилянъ*, въ *Персіи*, на юго-восточномъ углу *Каспійскаго Моря*). Языкъ тамъ совсѣмъ особенный, но *Беллалъ* забылъ его за недостаткомъ случая къ бесѣдѣ: Число людей въ этомъ хвостномъ поколѣніи можетъ простираться, по словамъ его, отъ тридцати до сорока тысячъ. Вѣры у нихъ нѣтъ одной в общепринятой, но каждый молится кому хочетъ, кто солнцу, лунѣ или звѣздѣ какой-нибудь, кто змѣю или ключамъ большой рѣки, у которыхъ они скитаются. Огня они не употребляютъ, и мясо ѣдятъ всегда сырое, совсѣмъ кровавое; особенно же находятъ вкуснымъ и безъ памяти любятъ мясо людей безхвостыхъ, и, нападая на сосѣдей, похищаютъ всякаго, кого могутъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, старыхъ и молодыхъ безъ различія, убиваютъ ихъ и пожираютъ. Особенно вкусно, по увѣренію *Беллала*, мясо безхвостыхъ женщинъ и дѣтей: сочно, вѣчно... объяденіе!

«*Гилянецъ* этотъ былъ обращенъ въ мусульманскую вѣру и исповѣдывалъ ее съ большими усердіемъ: въ *Меккѣ* находился уже пятнадцать лѣтъ.

«*Страсть*, даже потребность, питаться сырымъ мясомъ, составляетъ основаніе его натуры. Лишь только привезли его въ *Мекку* и продали эмиру, онъ сильно почувствовалъ аппетитъ къ сырымъ ляжкамъ арабской скотины и этихъ жирныхъ, пухленькихъ *аравитянокъ* и *аравитенковъ*, и господинъ *Беллала*, изъ мудрой предосторожности, велитъ давать ему четверть большаго барана, всякой разъ, какъ на *Гилянца* находитъ аппетитъ. Тотъ пожираетъ ее немедленно, при всѣхъ, съ звѣрскимъ остервененіемъ. Страшное желаніе покушать сыраго мяса проявляется у него почти періодически раза два въ недѣлю. Я спрашивалъ *Беллала*, зачѣмъ онъ не постарается исправить въ этомъ гадкомъ порокѣ, но онъ отвѣчалъ мнѣ простодушно: «Это ужъ у меня такъ, такой порокъ, по отцу и по матери. Стараться-то стара-

ся много разъ, да выдержать нельзя никакъ. У насъ въ Гилянѣ всё такъ ѣдятъ, отъ мала до велика: какъ же намъ ѣсть иначе!... и всё ѣдятъ сырое, мясо, рыбу, травы, коренья, плоды.... Эмиръ — добрый баринъ, онъ позволяетъ мнѣ ѣсть сырое мясо, и даетъ свѣжей баранины въволю. — «А что если бъ онъ аду-малъ не давать?... вѣдь Аллахъ великъ! я, знаете, могъ бы по-взначай съѣсть у него что-нибудь такое.... сынка или красави-цу изъ гарема.... просто бѣды надѣлалъ бы.... Ну, да какъ же мнѣ быть безъ этого?»

«Много разъ просилъ я Беллала раздѣться: мнѣ хотѣлось нарисовать его. Но онъ никакъ не соглашался. Однако наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ и при содѣйствіи подарка парюю новаго, красиваго платья, я заманилъ его тайно къ себѣ и уговорилъ скинуть дрянную рубаху синей крашенной, которая составляла весь его нарядъ. Я успѣлъ такимъ образомъ удобно осмотрѣть Беллала кругомъ и нарисовать съ натуры, не подвергнувъ бѣднаго раба строгому наказанію отъ эмира, суевѣра и фанатика, кото-рый, если бы узналъ, прибилъ бы его непременно, за такой ужасный грѣхъ, за такой содомъ — не доведи Аллахъ — живопи-саніе своего лица! снятіе съ себя *кони (сура)*!»

Портретъ этотъ представленъ господиномъ du Courget акаде-мичъ при запискѣ.

Вотъ еще нѣкоторыя мѣста изъ описанія Беллала, который и наружною, такъ же какъ и враномъ, скорѣе звѣрь нежели че-ловѣкъ — мясоядная обезьяна, безъ волосъ, но съ даромъ слова, вѣроятно очень ограниченномъ въ природномъ состояніи; съ мур-лыканьемъ или пискомъ, состоящимъ въ какой-нибудь сотнѣ грубыхъ звуковъ. Гилянцы были бы въ естественной исторіи единственнымъ примѣромъ млекопитающей животной породы, способной къ произношенію членныхъ звуковъ. Беллалъ, хорошо говорившій по арабски, былъ говорящій звѣрь, уже усовершен-ствованный воспитаніемъ, которое и у многихъ птицъ развива-етъ способность произносить членные слова очень свободно, да-же понимать значеніе нѣкоторыхъ словъ, ими произносимыхъ. Даръ слова въ животномъ — затрудненіе по физиологич.; важность — въ хвостѣ, какъ доказательствѣ не челоуѣчества, а коренной жи-вотности африканскихъ Гиланцевъ.

«Беллалъ худощавъ, сухъ, но жилистъ и силенъ. Кожа у него черна коричнева, гладкая, мягкая на прикосновеніе, лоснящаяся. Руки и ноги повидимому слабы, но съ рѣзкими мышцами. Ребра легко можно сосчитать. Лицо отвратительное, ужасное. Ротъ

огромный, какъ пасть, губы претолстыя, зубы крѣпкіе, *остроконечные*, очень бѣлые, носъ большой, широкій, приплюснутый, уши длинныя и безобразныя, лобъ низкій, крѣпко откинутый на затылокъ (какъ у обезьянъ), волосы не совсѣмъ похожіе на шерсть, рѣдкіе, однако курчавые, какъ у Негра. Бороды вѣтъ. На тѣлѣ волосъ не замѣтно. Овъ очень гибокъ и ловокъ. Ростъ почти пять французскихъ футовъ (два аршина осемь вершковъ). Хвостъ не съ большимъ три дюйма (два вершка), почти такой же гибкій какъ у обезьяны. Нравъ кроткій, когда этотъ звѣрь сытъ: овъ привязанъ къ своему господну какъ собака и вѣрнъ ему до крайности.....

Господинъ du Couret увѣряетъ, что не трудно было бы выписать въ Европу одинъ живой экземпляръ этой любопытной породы людю-животныхъ, давъ порученіе торговцамъ невольниками, пріѣзжающимъ изнутри Африки въ гавани Краснаго Моря. У нихъ же можно было бы собрать географическія свѣдѣнія о мѣстоположеніи Гилана.

Господинъ du Couret снова отправляется въ Аравію, и парижская академія наукъ составляетъ для него ученую инструкцію. Вѣроятно не забудетъ она дать ему эту интересную комиссію.

АЛЖИРЪ. Изъ *дневника путешественницы*. Много уже было писано и печатано объ Алжирѣ, и Французами и Англичанами и Нѣмцами; почти каждый захватившій или заброшенный туда туристъ, художникъ, солдатъ, торговецъ или ремесленникъ, считаетъ себя обязаннымъ подарить читающую публику томикомъ своихъ записокъ, замѣтокъ, впечатлѣній, не говоря уже о многотомныхъ впечатлѣніяхъ людей, никогда тамъ не бывавшихъ. Но въ первый разъ встрѣчаемъ мы описаніе путешествія въ алжирскую область, совершеннаго дамою; и можемъ смѣло сказать, что хотя оно не представляетъ много новаго, однако же это одно изъ самыхъ занимательныхъ произведеній этого разряда. Обѣхавъ почти всю Европу и часть малоазійскаго берега, она рѣшилась въ концѣ 1847 года пустаться изъ Рима черезъ Марсель въ Алжиръ, и осмотрѣла не только всю алжирскую область, но и смежную съ нею тунисскую область. Вторая часть ея дневника, заключающая въ себѣ пребываніе ея въ Тунисѣ, самая любопытная. На первый разъ, впрочемъ, мы будемъ довольствоваться замѣтканіемъ у нея нѣкоторыхъ очерковъ Алжира.

Не успѣвъ еще оправиться отъ сорока-шести часовъ морской болѣзни, — пишетъ она, — я не въ состояніи сегодня подробно

говорить о прибытіи нашемъ въ Алжиръ, и о впечатлѣніи, которое произвела на меня эта новая для меня часть свѣта. Какое то странное, почти грустное чувство овладѣло мною, когда я достигла цѣли своего путешествія, очутилась въ новой части свѣта; передо мною тянулись берега Африки, но какъ не похожи они на то, чего я ожидала! Съ моря Алжиръ похожъ на сахарную голову, прислоненную къ амфитеатру, который образуютъ окружающія его горы. Вы надѣтесь увидѣть восточный городъ, и какъ ошибетесь! Передъ вами два, три мавританскихъ зданія, и почти ни одной пальмы; нестройный рядъ самыхъ скверныхъ ошибокъ и ошакровъ, какихъ уже лѣтъ десять не видать во Франціи, первый непріятно поражаетъ глазъ путешественника, жаждущаго видѣть востокъ, съ его караванами верблюдовъ и дромадеровъ. Но что еще ужаснѣе, я пахожу здѣсь тѣ же грязныя улицы и переулки, съ которыми я такъ радостно прощалась въ Марсели, въ надеждѣ помѣнать ихъ на пыль степей; но они тутъ какъ тутъ, будто цѣлкомъ перенесенные, какимъ-то чудомъ, изъ за Средиземнаго Моря. Я имѣю прескверную привычку все сравнивать; воображенію моему тотчасъ предстали роскошныя, веселые берега Азіи, Скутари, Сладкія воды, Золотой рогъ, Буюкдере, и Алжиръ, — въ который притомъ я имѣла удовольствіе вступить подъ проливнымъ дождемъ, — показался мнѣ скверною французскою маскою, надѣтою на африканское лицо. Я остановилась въ гостинницѣ четвертаго разряда, и меня радуеть одно только: я могу спокойно прислушиваться къ завыванію вѣтра, не подвергаясь морской болѣзни.

Прискорбно, что многое для насъ, бѣдныхъ рабовъ своего воображенія, существуетъ только до тѣхъ поръ, пока не увидимъ это въ дѣйствительности. Здѣсь, гдѣ я надѣялась насладиться вѣчною весною, нахожу на полъзаршина грязи, такъ что нельзя и думать о прогулкѣ; снѣгъ лежитъ на далекихъ горахъ и дремлетъ также спокойно, какъ на Юрѣ или на Монбланѣ; дождь и вѣтеръ также безпощадно хлещутъ немногихъ, дерзающихъ высунуться изъ домовъ, какъ здоровый восточный вѣтеръ въ Гамбургѣ. И я радешенька, что могу сидѣть за плотными стѣнами и подъ кровлею, и съ умиленіемъ посматриваю на лучшее украшеніе нашего черезчуръ скромнаго жилища, на каминъ, котораго видъ далъ мнѣ смѣлость потребовать, чтобы въ немъ развели огонь. Но едва огонь разведенъ, какъ я сама не рада своему желанію; потому что въ одно мгновеніе комната наполнилась такимъ дымомъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видать. О отрада путе-

шестивіа! о восточное наслажденіе дымомъ! А бѣднѣйшій Т^х. въ потѣ лица трудится надъ мѣхами, отворяетъ то ту дверь, то другую, одно окно за другимъ, проклинаетъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ непослушный камень, который однако же, несмотря ни на какія убѣжденія, не хочетъ давать тепла безъ дыму. Наконецъ, прокричавъ себѣ горло, доклинаемся мы какого-то существа въ родѣ слуги, который говоритъ намъ въ утѣшеніе, что «какъ же можно разводить огонь въ такую вѣтренную погоду». О друзья мои, да не западетъ никогда въ сердца ваши охота рыскать по свѣту! сидите себѣ передъ своими привѣтливими камнями, которые мирно пылаютъ, несмотря ни на какую непогоду, и оживляютъ ваши долгія вечернія бесѣды, не обращая жилищъ вашихъ въ дымовыя камеры.

24 декабря.

Встрѣчаю сочельникъ Рождества въ Алжирѣ, въ Африкѣ! Воображала ли я это, когда, за нѣсколько недѣль, думала провести зиму въ испанскихъ сіеррахъ, скитаясь изъ венту въ венту? Въ разлукѣ со всѣми близкими мнѣ людьми, далеко отъ нихъ, даю я волю своимъ мыслямъ перенестись къ нимъ, и этимъ только могу ободрить себя, разогнать скуку моего настоящаго существованія, потому-что писать мнѣ не о чемъ, кромѣ дурной погоды, дождя и грязи.

Часы пробіли половину одиннадцатаго, и мы бѣжимъ внизъ, завтракать, потому-что ранѣе этого часу, здѣсь, по французскому обычаю, пичего не добьешься. Тутъ встрѣтили мы двухъ путешественниковъ, съ которыми познакомились на пароходѣ, и по рекомендаціи которыхъ остановились въ этой гостинницѣ; отъ нихъ получили мы очень неутѣшительное свѣдѣніе, что когда разъ пойдутъ дожди въ это время года, то уже долго нельзя ждать хорошей погоды. Одинъ изъ этихъ господъ родомъ изъ Гановера, но давно уже поселившійся въ Марсели, предпринялъ путешествіе въ Алжиръ, кажется, въ угожденіе своему молодому пріятелю, Англичанину. Намъ было за столомъ пять человѣкъ: общество, конечно, небольшое, но все-таки общество. Завтракъ, кромѣ того, что начался такъ поздно, тянулся очень долго, такъ что я не прежде двѣнадцати часовъ могла приняться за письма, которыя должна была писать домой. Я просидѣла за ними до обѣда, то есть до шести часовъ, времени, которое производитъ сильное ощущеніе не только въ гостинницѣ, но и виѣ ея. Какъ пробьетъ, или даже съ первымъ ударомъ шести часовъ, съ одно-

го изъ фортвовъ раздается пушечный выстрѣлъ, потомъ барабаны бьютъ зорю; затѣмъ въ нашей гостинницѣ раздается звонокъ къ общему столу, и ему отвѣчаютъ, въ видѣ эхо, множество ословъ и всѣ сосѣднія собаки; даже Саэтта, моя маленькая борзая, присоединяетъ свою послынную лепту къ этому чудному концерту.

Какъ скоро концертъ этотъ достигнетъ полнаго разгару, всѣ постояльцы бросаются изъ своихъ нумеровъ, и бѣгутъ внизъ — на кормленіе. Никто не можетъ самъ брать кушанья съ блюда; самые голодные должны соразмѣрять свой аппетитъ съ благоусмотрѣніемъ нашего кормильца, какъ мы его прозвали; не столь голодные же должны мужественно проглотить все, что тирану угодно навалить на ихъ тарелку. Такъ какъ я единственная дама въ этомъ довольно многочисленномъ обществѣ, то кормилецъ всегда начинаетъ съ меня, и, поспѣшно наваливъ порціи на мою тарелку, старается приохотить меня къ обѣду и позабавить своими остротами, подчасъ не совсѣмъ тупыми. ГанOVERSEAS пріятель нашъ жаловался, что вечеръ самая нестерпимая часть дня въ Алжирѣ; мы пригласили его, съ его спутникомъ, проводить вечера у насъ. Они съ радостью приняли наше предложеніе, и вотъ мы импровизируемъ пріятельскіе вечера all' uso romano. Пьемъ прескверный настой, честивый чаемъ; пріятель нашъ Т досталъ гдѣ то гитару, и acompанируетъ моею мандолинѣ, которая, въ первый разъ быть-можетъ, оглашаетъ берега Африки римскими и неаполитанскими пѣснями. Отъискались у насъ шахматы; доску къ ней сдѣлать было не трудно. Такъ проходитъ время до полуночи! Но вознаграждена ли я за тридцать шесть часовъ морской болѣзни? видѣла ли я что особенное, стоящее заманія? Увы, нѣтъ! весь Божій день дождь льетъ какъ изъ ведра, а сколько еще времени это можетъ продлиться! Никогда никому не посоветую ѣхать, куда бы то ни было, зимою; а тѣмъ болѣе прогуляться въ Африку. Собираемся съѣздить разъ въ театръ; вѣдь здѣсь есть и театръ, хотя и говорятъ, что въ немъ всего три ложи, и каждая ложа не болѣе какъ на три человѣка; и весь онъ помѣщается въ обыкновенной залѣ. Изъ нашихъ оконъ видны развалины прежняго, настоящаго театра, который былъ истребленъ пожаромъ, и со временемъ будетъ перестроенъ.

Бѣдная герцогиня Омальская, эта бѣлокурая дочь Неаполитанскаго залива, говорятъ, каждый вечеръ является въ мавританской залѣ, служащей временнымъ театромъ. Вообще она ужасно скучаетъ въ своей африканской неволѣ. Скучала она уже въ Неаполѣ.

ль, а здѣсь и подавно. Прежде принимала она у себя по пятницамъ; теперь же и того нѣтъ, потому-что герцогъ въ настоящее время находится въ Константиствѣ. Изъ нашихъ оконъ видна часть ея дома; дворцомъ назвать его совѣстно; весь ея придворный штатъ также чрезвычайно скромнъ и простъ.

25 декабря.

Я рѣшилась раза два пройтись по городу, и начинаю мириться съ нимъ. Послѣ завтрака выглянулъ лучъ солнца, которымъ нельзя было не воспользоваться, и я вышла изъ гостиницы. Гостиница наша помѣщается въ угловомъ домѣ, который одною стороною выходитъ на королевскую площадь, и на море, а другою выходитъ на улицу Бабъ-Азунъ. Отъ королевской площади идутъ двѣ большія улицы, перерѣзывающія городъ отъ сѣвера къ югу: это улицы Бабъ-эль-Уэдъ и Бабъ-Азунъ. Бабъ значитъ ворота, а Бабъ-эль-Уэдъ — ворота воды; называются же такъ эти ворота оттого, что тутъ впадаетъ рѣчка въ море, въ чемъ я сама удостовѣрилась. Бабъ-Азунъ, ворота Азуна, нынѣ не существующія, получили свое названіе отъ молодаго халифа Азуна, который былъ казненъ на этомъ мѣстѣ въ 1522 году. Видъ съ королевской площади на море и на большую алжирскую гавань, прекрасенъ и чрезвычайно оживленъ; тутъ весь день видите все населеніе Алжира, и знать и простой народъ. Кому любопытно и пріятно смотрѣть на разнообразіе костюмовъ прохожихъ, тотъ приходи сюда; здѣсь стекаются люди всѣхъ странъ, всѣхъ частей свѣта: Итальянки, пестро разряженные въ самыя яркіе цвѣта, Испанки въ черныхъ мантильяхъ, Андалужанки съ ихъ крошечными ножками, стройныя дочери острова Минорки; Француженки всѣхъ классовъ, Жидовки въ своихъ пирамидальныхъ сармахъ, или покрытыя шелкомъ, бархатомъ и драгоценными каменьями, нескладныя Мавританки, выказывающія изъ подъ пышныхъ складокъ своей одежды только огненные, черные какъ уголь глаза, свѣнные бровями, которыя онѣ искусственно соединяють въ одну, и нагія, по большей части прегрязныя ноги; дагѣ жители Магона въ остроконечныхъ черныхъ шляпахъ, которыя напоминають мнѣ римскія *come si pare*; Мальтійки въ черныхъ шелковыхъ мантильяхъ, похожихъ на передники; матросы всѣхъ націй и всѣхъ гаваней въ ихъ праздничныхъ нарядахъ. Я видѣла нѣсколько, которыхъ приввела сначала за Транстеверянцева; тѣ же короткія куртки, тѣ же гладко обтянутые сверху, и широкіе подолы, колѣнномъ шаровары. Исчислять ли еще Европейцевъ, со

всѣхъ концовъ Европы, Негровъ всѣхъ тѣней, Арабовъ, Маврогъ, Кабилловъ, Сирійцевъ? Наконецъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, солдатъ и чиновниковъ? Когда я выхожу на улицу, у меня такъ рябитъ въ глазахъ, что не знаю куда смотрѣть. Среди этого истинно вавилонскаго столпотворенія гордо возвышается конная статуя герцога Орлеанскаго въ генераль-лейтенантскомъ мундирѣ. Она работы Марокетти, и вылита изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля въ Алжирѣ; стоитъ на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ, лицомъ къ городу. Памятникъ воздвигнутъ городомъ Алжиромъ, и скопированъ съ памятника, находящагося въ Парижѣ, на луврскомъ дворѣ. Пьедесталь украшенъ двумя бронзовыми барельефами; одинъ, съ сѣверной стороны, изображаетъ взятіе Антверпена; другой, съ южной стороны, — приходъ черезъ музайскій дефилей; на фасадѣ, обращенномъ къ городу надпись: «L'armée et la population d'Alger au duc d'Orléans, prince royal, 1842». Противъ статуи находится громадное зданіе «Жюшана», очень похожее, своими рѣдкими, рѣшетчатыми окнами, на тюрьму; это прежній дворецъ всѣхъ владыкъ знаменитого разбойничьяго города Алжира. Онъ построенъ въ 1552 году Салахъ-Беемъ и былъ жилищемъ всѣхъ его преемниковъ до той ночи, въ 1816 году, когда дей Али перенесъ столицу въ Касбахъ. Нынче въ немъ помѣщается главный штабъ алжирской арміи. Нѣсколько бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, съ чудно изсѣченными капителями, — единственные остатки его прежняго великолѣпія. Ужасный пожаръ, который въ ночи съ 26 на 27 іюня 1844 года истребилъ цѣлый кварталъ, состоявшій изъ однихъ деревянныхъ строеній, испортилъ также значительную часть дворца. Недалеко отъ него, у самаго моря двойная аллея представляетъ гуляющимъ тѣнистое убѣжище, гдѣ они могутъ, вдали отъ стужи экипажей вкушать кофе и шербеты. Мы пошли по улицѣ Бабъ-эль-Уэль, получившей свое названіе отъ воротъ. За воротами находится площадь, на которой казнили прежде осужденные дедъ Христіане и Евреи; теперь это большой рынокъ, гдѣ производится торгъ рогатымъ скотомъ; тутъ же иногда совершаются смертныя казни.

Идя далѣе по этой улицѣ, выходите на площадь «трюгловтовъ» и къ форту «двадцати-четырехъ часовъ», получившему это названіе оттого, что Англичане въ 1816 году, подъ начальствомъ лорда Эксмута, держались въ немъ только двадцать-четыре часа. Мы пошли сюда затѣмъ, чтобы насладиться свѣжестью воздуха, и составить себѣ повятіе о положеніи и окрестностяхъ Алжира съ

этой стороны. Алжирскій заливъ безспорно заслуживаетъ полнаго вниманія, даже удивленія; но не знаю, съ чѣмъ бы сравнить его. Хотя ширина его въ устьѣ не менѣе четырехъ нѣмецкихъ миль, и хотя противоположные берега съ востоку на западъ выдаются въ море по крайней-мѣрѣ миль на полторы, однакоже я не нахожу въ немъ ничего величественнаго. Послѣ того какъ я видѣла Неаполь, греческія гавани и Константинополь, не легко мнѣ угодить, не легко удивить меня. Я любила богатые, роскошные берега Италіи, Греціи и Азіи еще прежде, чѣмъ увидала ихъ; перѣѣздъ изъ Лутраки въ Каламаки, черезъ Коринѣтъ, одинъ уже стоитъ путешествія туда. Но куда я зашла? хожу вдоль моря по небольшому бастиону форта «двадцати-четырехъ часовъ», а заговорила, вмѣсто краснобурой, голой почвы Африки, — о Коринѣтскомъ перешейкѣ. — Алжиръ лежитъ на востокъ у входа въ заливъ, и съ моря похожъ на груды камней, сложенную въ видѣ сахарной головы; онъ образуетъ чрезвычайно острый треугольникъ, прислоненный къ невысокимъ горамъ. Нижняя часть города чисто ново-европейская, французская; улицы, которыя почти всѣ подъ аркадами, намъ кажутся узкими, а Арабамъ, которыхъ дома обыкновенно почти сходятся верхами, — чрезвычайно широкими. Непостижимо, что Французы вздумали строить безконечные пяти и шести-этажные дома въ странѣ, которая подвергается такъ часто и такимъ опустошительнымъ землетрясеніямъ.

Фортъ «двадцати-четырехъ часовъ», близъ площади Троглодитовъ, построенъ въ 1569 году, пашою и ренегатомъ Али-эль-Гульдже, на вѣдвеніи одного бѣднаго Турка, который пришелъ на это мѣсто, служившее свознымъ мѣстомъ городскихъ нечестотъ, въ намѣреніи лишить себя жизни, и нашелъ тутъ богатый кладъ. Тутъ стоитъ еще фиговое дерево, близъ котораго былъ задѣланъ въ стѣну живьемъ одинъ крещенный мусульманинъ, по имени Иеронимъ, за то, что не хотѣлъ отречься отъ христіанства. На этомъ мѣстѣ было нѣкогда большое мусульманское кладбище, среди котораго возвышался мавзолей въ память шести деевъ, перебитыхъ въ одинъ день, 23 августа 1732 года. Какъ не похожи прежнія торжества, происходившія здѣсь на тѣ, которыя совершаются тутъ со времени владычества Французовъ: на этомъ самомъ мѣстѣ, 5 ноября 1839 года, герцогъ Орлеанскій давалъ великодушный праздникъ своему войску, по возвращеніи изъ славной экспедиціи къ «Желѣзнымъ воротамъ».

Въ окрестностяхъ Бабъ-эль-Уадъ и Бабъ-Азунъ со временемъ сами образуютъ большіе города. Холмы, — горами назвать ихъ до-

вѣстно, — окружающіе Алжиръ вправо и влево, утѣлены датами. Нынѣ можно жить на нихъ спокойно, безболзвенно; но недалеко еще время, когда Бедуны зачастую приходили въ гости незваные, забирали съ дачъ все, что имъ приглянется, и если встрѣчали хорошенькую женщину или дѣвушку, уводили ее также по-цеременно, какъ корову или барана. Каждая дача, каждый домъ французскаго поселенца обсаженъ нѣсколькими деревьями и кустами, которые доставляютъ достаточную тѣнь; вся же окрестность почти совершенно голая, въ особенности въ этой сторонѣ.

Во все продолженіе нашей прогулки, небо отъ времени до времени пугало насъ рѣдкими дождевыми каплями; подъ конецъ его совсѣмъ заволокло, и мы принуждены были спѣшить въ свою гостиницу, храбро пролагая себѣ путь по глубокой и вязкой грязи.

26 декабря

Вчера я проспала службу въ здѣшней протестантской церкви, и чтобы загладить вину свою, пошла сегодня въ десѣмъ часовъ, съ Ф** и Т**. Протестантская церковь находится подлѣ нашей гостиницы на Шартрской улицѣ, и принадлежитъ безспорно къ небольшому числу новѣйшихъ зданій, которыя дѣлаютъ честь архитекторамъ; жаль только, что она стиснута съ обѣихъ сторонъ домами, которые выше ея, и которыми она совершенно завалена. Я ожидала, что служба будетъ на французскомъ языкѣ, и очень удивилась когда, войдя въ церковь, услышала нѣмецкую проповѣдь. Церковь построена въ строгомъ и простомъ стилѣ; она образуетъ продолговатый четырехугольникъ, свѣтло, просторна и соразмѣрна въ частяхъ; прекрасный порталъ входить изъ четырехъ колоннъ тосканскаго ордена, съ рѣзными украшениями; подъ фронтономъ надпись: «Au Christ Rédempteur». Внутри она показалась мнѣ слишкомъ бѣдна и вага; не помню, что въ Африкѣ юная протестантская община, терпящая среди французской, католической колоніи, не можетъ быть слишкомъ взыскательною. Съ трехъ сторонъ церкви тянется галерея, поддерживаемая колоннами; удобныхъ скамеекъ нѣтъ, а только самые простые соломенные стулья; единственное украшеніе олтара составляетъ великолѣпная Библия, даръ благочестивой герцогини Орлеанской. Приходъ заключается въ небольшомъ числѣ слугаковъ и ремесленниковъ; я не замѣтила ни одного средняго сословія.

Пѣніе было самое нестройное; проповѣдь по содержанию

дурна; но проповѣдникъ говорилъ ее худо, и притомъ за ужаснымъ шумомъ на улицѣ нельзя было разслушать ни одного слова. Послѣ службы, которая продолжалась только до половины одиннадцатаго, мы отправились по обыкновенію гулять по непроходимой грязи; выйдя за ворота Бабъ-эль-Уэдъ, мы хотѣли было войти въ Орлеавскій садъ, но не могли, потому-что онъ въ праздники запирается. Я все болѣе и болѣе нирююсь съ здѣшнимъ краемъ, и не только не раскаяваюсь въ томъ, что пріѣхала сюда, но даже совѣтую совершить это путешествіе каждому, кто пожелаетъ видѣть что-нибудь не похожее на то, что видитъ каждый день.

Къ двѣнадцати часамъ были заказаны верховыя лошади; часть нашего общества отправилась верхами, взявъ въ проводники одного господина, живущаго здѣсь уже полтора года; я же съ Т**. наняла карету и велѣла извозчику везти насъ въ деревню Мустафа-Паша. Дорога наша шла черезъ ворота Бабъ-Азунъ и предлестное новое предмѣстье того же имени. Алжиръ, какъ извѣстно, построенъ на развалинахъ древняго римскаго Икозіума; при рытвѣ фундаментовъ новыхъ домовъ не разъ находили слѣды римской улицы, которой значительная часть видна донинѣ въ Бабъ-Азунѣ. Фортъ Бабъ-Азунъ, стоящій на самомъ берегу моря на выдающейся скалѣ, сложенъ отчасти изъ камней, выломанныхъ изъ развалинъ древней Русганіи; онъ построенъ въ 1582 году венеціанскимъ ренегатомъ, Пашею-Гассаномъ, потомъ распространенъ въ 1798 году деємъ Мустафою, и наконецъ возобновленъ въ 1816 году инженерами, изгнанными изъ Франціи за политическія проступки. Изъ слѣдующей надписи, найденной на одномъ камнѣ, очевидно, что Алжиръ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній Икозіумъ.

J. Sittio. m. f. qvr.

Plosamian
ordo

Icositanor

M. Sittius. P. F. qui

Caesilianus

Pro filio

pientissimo

tt. R. i. R.

Этотъ камень долго служилъ наковальнею одному бѣдному кузнецу, пока Европейцы не открыли и не вставили его въ уголъ

дома въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются улицы Каотасъ и Бабъ-Азунъ. Надъ камнемъ красуется свидѣтельство страховаго общества, а подлѣ символическія эмблемы аптекаря; повивальная бабка, которая видно болѣе ревнуетъ о сохраненіи будущихъ поколѣній, чѣмъ древностей, немилосердо вбила въ камень крючья, на которыхъ виситъ ея вывѣска. Предмѣстье Бабъ-Азунъ состоитъ изъ ряду площадей и множества большихъ зданій. Между ними особенно замѣчательны: хлѣбный магазинъ, въ которомъ съ 1835 года, каждый булочникъ обязанъ имѣть въ запасѣ 42 куля муки, по 122 килограма, для предохраненія города отъ недостатку въ хлѣбѣ; городская бойня; неподалеку отъ форта, большой военный госпиталь, соединяющійся съ гаванью; общественныя бани, бывшія прежде банями деа; коллегіумъ, бібліотека и музей, помѣщающіеся въ одномъ зданіи; городской госпиталь; школы для христіанъ и мусульманъ; наконецъ батареи, казармы и площади des Garamantes, d'Isly и du Bournou. На послѣдней находится арабскій рынокъ, на которомъ продаются уголь, дрова, всякаго рода плоды и овощи. Прекрасное зрѣлище, когда отъ трехъ до четырехъ сотъ Арабовъ, иногда и больше, шести или семи разныхъ племенъ, живо мелькаютъ передъ вами; одни продаютъ, другіе покупаютъ. Съ этой площади вѣзжаемъ на дорогу къ деревнѣ Мустафы-Паши. Эта дорога, самая значительная во всей алжирской области, представляетъ чудную картину жизни и движенія; омнибусъ тянется за омнибусомъ, и почти каждый полонъ самыхъ живописныхъ фигуръ. Я встрѣчала кареты, наполненныя одними Бедуинами, въ ихъ грязныхъ бурнуссахъ, съ надвинутымъ на глаза кашпономъ, закрывающимъ половину лица; самъ извозчикъ могъ бы служить натурщикомъ самому взыскательному художнику; на каретахъ надпись: Omnibus d'Afrique. Для меня нѣтъ бѣльшаго удовольствія, какъ идти или ѣхать по этой дорогѣ, особенно между городомъ и садами деревни Мустафы, которые называются также «опытными садами». Мавры, на прекрасныхъ лошадяхъ, гонятъ передъ собою навьюченныхъ ословъ и лошадей; французскіе офицеры гарцуютъ на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ въ сопровожденіи своихъ жокеевъ; европейскіе экипажи, верблюды тянутся за крошечнымъ осломъ, своимъ вожатымъ, словомъ, такая жизнь, такое движеніе, что нельзя себѣ и вообразить. Еслибъ дорога была не такъ широка, то безъ сомнѣнія здѣсь часто случались бы несчастія. Дорога извиляется вдоль моря, уклоняясь отъ него однако же понемногу, такъ что подвѣзая къ садамъ, вы уже довольно далеко отъ моря. Чѣмъ даль-

ше отъ Алжира, тѣмъ растительность роскошнѣе, и ландшафтъ разнообразнѣе. Влѣво море, волнуемое поперемѣнно желтыми, синими и зелеными полосами: впереди хребетъ Малаго Атласа, котораго очерки рисуются все рѣзче и прекраснѣе на глади неба; вправо рядъ холмовъ, усѣянный очаровательными дачами и деревьями всѣхъ родовъ. Неровность освѣщенія еще болѣе содѣйствовала разнообразію и красотѣ ландшафта.

Но эта восхитительная картина раскрывается не прежде, какъ по выѣздѣ изъ предмѣстья Бабъ-Азунъ. Пока вы въ предмѣстьи, встрѣчается вамъ, рядомъ съ великолѣпными зданіями, несмѣтное число европейскихъ трактировъ и харчевень, отвратительныхъ досчатыхъ балагановъ съ надписями: «Ici l'on boit sans soif et mange sans faim»; — «Tiens, arrêtons nous ici»; — «Aux braves»; — «Oh le bon vin!» — «A la consolation»; — «Au bon français»; — и прочая. Вообще, я желала бы видѣть Африку или Алжиръ прежде, чѣмъ ими овладѣло перехитренное французское просвѣщеніе. Только когда оставите Бабъ-Азунъ за спиною, глаза ваши могутъ отдохнуть на успѣхахъ усовершенствованнаго, колоніальнаго земледѣлія, и не колетъ ихъ столько вещей, возникающихъ на скорую руку или находящихся въ грубомъ младенствѣ. вмѣсто гадкихъ, кое-какъ сколоченныхъ лавокъ, со всевозможными надписями, являются изгороди изъ алоэ, маслячныя деревья, несравненно выше рожковыхъ деревьевъ, находящихся у самаго города, мѣстами даже пальмы, которыя гордо и статно смотрятся въ море; вправо величественное зданіе, называемое le château de l'empereur. Этотъ замокъ стоитъ почти на вершинѣ недалекой горы, и будто съ трона повелѣваетъ городомъ и залвомъ. Черезъ часъ ѣзды, извозчикъ нашъ остановился передъ воротами Опытнаго сада. Мы вышли изъ кареты и вошли въ прекрасное и чрезвычайно любопытное для европейца учрежденіе. Этотъ казенный разсадникъ содержится, неутомимою ревностью господинна Гарди, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Тутъ найдете растенія изъ всѣхъ четырехъ частей свѣта; здѣсь ежегодно воспитывается сорокъ тысячъ шелковичныхъ деревьевъ; но число ихъ можно умножить до двухъ сотъ тысячъ; тополя, ясени, ялимы, бананы, бататы, даже индиго разводится съ большимъ успѣхомъ; мы видѣли длинныя аллеи померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, кипарисовъ и пальмъ. Я радовалась какъ ребенокъ, что могла сама рвать бананы и тутъ же ѣсть ихъ; они висятъ гроздами, какъ виноградъ, подъ разодранными вѣтромъ листьями пальмъ. Шелестъ этихъ шелковистыхъ листьевъ, когда ихъ го-

лышетъ легкій вѣтерокъ, нѣчто поэтическое въ высшей степени; онъ казался мнѣ лепетомъ благодѣтельнаго, родственнаго духа изъ невидимаго міра; не твой ли голосъ, милая сестра, шепталъ мнѣ такъ дружески изъ Европы на берегахъ Африки? — Мы опять сѣли въ свою *voiture de luxe*, какъ называли бы нашу скверную фуру въ южной Франціи, и послѣ довольно долгаго пути, пріѣхали къ деревнѣ Гуссейнъ-дей. Дворецъ Гуссейнъ-деи нынѣ обращенъ въ кавалерійскія казармы; деревня, какъ и всѣ окрестныя деревни, находится на очень плодородной почвѣ, которая частью воздѣлана, частью покрыта мелкимъ кустарникомъ; европейскіе колонисты составляютъ единственное ея населеніе. Къ оригинальному, живописному характеру страны недостаетъ Арабовъ и Мавровъ; страна однакоже прекрасна, очаровательна. Мы хотѣли на возвратномъ пути посмотреть гробницу, или, какъ ее здѣсь называютъ, *марabu* Сиди-Мухаммедъ бенъ-Абдеррахмана, и потому не поѣхали далѣе по большой дорогѣ, которая ведетъ къ *Maison saignée*, военному посту, вмѣщающему цѣлый батальонъ. И хорошо сдѣлали, потому что насъ застигъ ужасный градъ; мы хотѣли поднять окна нашей колымаги, но это не помогло, потому что оказалось, что окна состояли изъ однихъ рамъ безъ стеколъ. Когда мы пріѣхали къ *марabu*, градъ уже прошелъ. Мы поднялись шаговъ на тридцать или на сорокъ по ужасно-скользкому грунту, къ часовѣ, которая своею бѣлою краскою рѣзко обозначается на темной зелени окружающихъ ее деревъ. На высокой вѣтвѣ увидѣли мы надпись: «Запрещается входить въ *марabu* подъ опасеніемъ штрафа». Нѣсколько могильныхъ камней доказывали, что часовня священное мѣсто. Однакоже извозчикъ закричалъ намъ, что мы, какъ иностранцы и путешественники, можемъ подойти поближе. Полагаясь на его слова, мы вошли въ довольно подозрительный, полутемный ходъ; справа и слева было нѣсколько нишъ, а подалеже вправо узкая, витая лѣстница. Никто не вышелъ къ намъ изъ *марabu*, чтобы указать дорогу.

Я стала вслушиваться, и мнѣ показалось какъ-будто изъ далекаго углубленія походили глухіе арабскіе голоса; мнѣ стало страшно, не осквернила ли я мухамеданскую святыню, ступивъ на нее въ башмакахъ. Однако же мы шли все далѣе, миновали колодець, и, наконецъ, очутились на прелестномъ дворикѣ; въ одномъ углу была чудесная виноградная лоза, которой обнаженныя вѣтви должны были образовать лѣтомъ превосходный живой шатеръ надъ открытою частью дома; вокругъ гла самая

шеснитительная колоннада, какую можно только вообразить. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ одной двери монастырскаго двора—вначе нельзя назвать это убѣжище,—вышелъ рослый и статный Арабъ, закутаный въ пышныя складки своего бурдуса, и съ надѣтымъ на голову капяшномъ. «*Bonjour*», было все, что онъ могъ сказать по-французски, и съ тѣмъ вѣстѣ дружески протянулъ намъ загорѣлую отъ солнца руку. Обувь свою онъ оставилъ въ дверяхъ. Я спросила его знаками, нельзя ли намъ посмотреть гробницу Сиди-Мухарредь-бень-Абдеррахмана, на что онъ отвѣчалъ «*toi mirar*» и еще нѣсколько непонятныхъ словъ; затѣмъ явилось еще три Бедуина, которые привѣтствовали насъ такимъ же дружескимъ «*bonjour*», составлявшимъ все ихъ стязаніе во французскомъ языкѣ. Я догадалась, что добрый Арабъ не понялъ меня; поэтому я дополнила свои знаки, и указала на затворенную дверь, которая вела къ гробницѣ. Тутъ только онъ понялъ, чего я желала, и тотчасъ послалъ младшаго изъ Бедуиновъ затѣмъ, у котораго хранился ключъ. Нѣтъ словъ, чтобы выразить статуиую красоту этого человека. Черные какъ смоля волосы, благородныя, правильныя черты, изъ которыхъ умные, выразительныя глаза, прекрасный ротъ, украшенный двойнымъ рядомъ бѣлоспѣжныхъ перловъ, которые пристыдили бы все произведенія искусства нашихъ европейскихъ врачей, несмотря на то, что нашему Бедуину вешзвѣстны были и порошки, и операціи, которыми терзаютъ насъ съ самаго дѣтства. Онъ казался начальникомъ этой небольшой общины. Языкъ его былъ сборъ словъ италіянскихъ, французскихъ, испанскихъ и арабскихъ, вѣчто въ родѣ франкаго языка, въ которомъ я почти ничего не понимала. «*Toi parla arabe, toi mirar, toi saber maraba*», вотъ все, что я могла разобрать. Между тѣмъ онъ отперъ часовню, въ которую я не могла сдѣлать болѣе одного шагу, потому что была обута. Впрочемъ и не много было въ ней любопытнаго. За частую деревянною рѣшеткою висѣло нѣсколько засаленныхъ знаменъ, за которыми почти не видать было гробницы Сиди Мухаммедъ бень-Абдеррахмана; по этимъ трофеямъ я заключила, что онъ вѣроятно былъ знаменитый полководецъ. Нашъ красавецъ Арабъ показалъ мнѣ, что если я хотѣла идти дамѣе, мои ноги должны быть, какъ его ноги, то есть, босы. Мы хотѣли тотчасъ идти назадъ къ своему экипажу; но новые пріатели наши не пустили насъ; вытащили нѣсколько пышенокъ изъ-за колоннъ, и принудили насъ осматрѣть

ль качества гостей. Беседа была чрезвычайно одушевленная; не много ли мы въ ней взаимно поняли, сказать не могу. Меня занимала группа пяти Бедуновъ, которые, свернувшись въ клубокъ, присѣли къ намъ такъ доверчиво и дружески, какъ будто были съ нами старинные знакомые; и я охотно осталась бы въ ихъ обществѣ долѣе. Я не могла насмотрѣться на ихъ прекраснаго начальника; онъ казался мнѣ рожденнымъ на царство; его благородный, величественный ставъ былъ драпированъ пышными складками бурнуса; вся наружность его была удивительно величава и пріятна. Впрочемъ, искусство драпироваться врождено всемъ Арабамъ, отъ богатѣйшаго шейха до послѣдняго Бедуина, потому что она съ самаго дѣтства привыкли къ этому довольно неудобному наряду. Прочіе четыре Бедуина оказывали начальнику чрезвычайное почтеніе, изъ чего я заключила, что онъ былъ хранитель гробницы Сиди Мухаммедъ бенъ Абдеррахмана.

Двадцать-девятого мая, первый день алжирскаго лѣта, къ небольшому кладбищу, окружающему марабу Сиди Мухаммеда-бенъ Абдеррахмана, стекается на поклоненіе множество племенъ. Какъ только покажется заря, подъ тѣнью фиговыхъ и масличныхъ деревьевъ кладбища собирается толпа мавританскихъ дѣвушекъ всѣхъ возрастовъ и сословій, и забавляется всѣми свойственными ихъ лѣтамъ играми, не обращая вниманія на присутствіе покоящихся тутъ поколѣвій. Это зрѣлище должно быть для Европейцевъ чѣмъ-то истинно волшебнымъ. Какъ кажется, мусульманскимъ святымъ выпала одинаковая судьба съ великими мужами древности, въ томъ, что разные города присваиваютъ себѣ честь хранить ихъ бранные остатки. Этотъ же самый Сиди-Мухаммедъ бенъ-Абдеррахманъ, если не ошибаюсь, похороненъ, по мнѣнію мусульманъ, еще въ другомъ мѣстѣ, недалеко отъ Алжира. Впрочемъ, по понятіямъ Арабовъ, быть похороненнымъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, есть вещь ничуть не невозможная.

Начало уже вечерѣть, и намъ пора было подумать объ обратномъ пути; поэтому мы простились съ Бедуинами, которые, одинъ за другимъ, дружески подавали намъ руку, вытаскивъ ее изъ-подъ бурнуса. Когда начальникъ ихъ увидѣлъ нашъ экипажъ, онъ спросилъ меня: *Toi la soche?* Мы предложили ему нѣсколько денегъ, но онъ отказался отъ нихъ и даже нѣсколько обидѣлся; однако же мы разстались друзьями, и они взяли съ насъ обѣщаніе, въ скоромъ времени возобновить свое посѣщеніе.

Я уже говорила, какой неслыханный шумъ предшествуетъ на

шему обѣду: шесть ударовъ часовъ, пушечный выстрѣлъ, заря, барабаны и нашъ обѣденный звонокъ, все это разомъ, такъ-что голова трещить, когда садишься за столъ. Сегодня прошло уже нѣсколько минутъ, что мы были на поцеченіи своего кормильца, а шумъ на дворѣ не умолкалъ, словно городъ брали приступомъ. Что бы это могло значить? стрѣльба не умолкала; музыка, барабаны, старались перешумѣть другъ друга.... И не мудрено, что весь городъ былъ исполошенъ, потому что въ это время только-что пришла радостная вѣсть, что непобѣдимый Абдъ-эль-Кадеръ сдался Франціи!

Всѣ жители были въ невыразимомъ восторгѣ; городъ освѣщенъ, гдѣ только было возможно; вездѣ раздавались радостные крики и возгласы въ честь герцога Омальскаго, который ознаменовалъ первые дни своего правленія такимъ блистательнымъ подвигомъ.

Вечера здѣсь чрезвычайно коротки; мы встаемъ изъ-за стола не прежде половины осьмаго; весь день проходитъ въ болѣе или менѣе далекихъ странствіяхъ, потомъ помѣняешь пару словъ о томъ, что случилось видѣть и слышать втеченіе дня, а тамъ уже не много остается времени писать.

Я еще слишкомъ иная Англичанка *, чтобы провести вечеръ безъ чаю; вчера, когда я велѣла слугѣ подать мнѣ чай, онъ отвѣчалъ, что хозяйка ушла со двора и взяла съ собою ключи отъ шкафа, почему онъ не могъ подать мнѣ не только чай, но даже чашекъ! Трудно повѣрить, какъ неудовлетворительны здѣшнія гостиницы; если захочешь чего, надо обѣгать весь домъ, и надорвать себѣ горло, потому-что колокольчика нѣтъ и въ поминѣ.

Еще лишеніе, которое я сильно ощущаю каждый день, это — стаканъ хорошей воды, какъ вода изъ фонтана Треви или изъ колодца della Coniella въ Сорренто. Для меня не пить воды все равно, что быть больною; а здѣсь нельзя проглотить капли чистой воды, безъ какой-нибудь примѣси; это большое лишеніе для меня, не терпящей никакого другаго питья. Но здѣшняя, не очищенная вода такъ нездорова, что за употребленіе ея весьма легко поплатиться злокачественною лихорадкою или другою болѣзною.

* Вѣроятно потому, что наша путешественница долго жила въ Англии; по рожденію же она Пѣмка.

27 декабря.

Прогулка верхомъ, продолжавшаяся пять часовъ, совершенно примирала меня сегодня съ Алжиромъ, и съ этою новою для меня частью свѣта, показавъ мнѣ такую разнообразную, такую прекрасную природу, передъ которою никакое сердце не останется равнодушнымъ. Съ одиннадцати часовъ до четырехъ я не сходила съ лошади, и во все это время почти непрерывно видѣла новыя, восхитительныя сцены. Къ-счастью моему, мнѣ повалась хорошая арабская лошадь, самое смѣлое, живое и понятливое животное, какого я могла только желать, такъ-что мнѣ не было никакой надобности заботиться о дурныхъ, подчасъ почти непроходимыхъ дорогахъ. Погода была безподобная, точно въ хорошее майское утро, несмотря на то, что воздухъ былъ такъ свѣжъ, что мнѣ не жарко было въ шубѣ. Мы выѣхали въ ворота Бабъ-эль-Уэдъ, и едва не вязли въ грязи, до-тѣхъ-поръ, пока не стали подниматься по лощинѣ, образуемой двумя цѣпями пригорковъ. Болѣе получасу ѣхали мы проложенной Французами дорогой, которая можетъ-быть и была когда-нибудь хороша, но теперь совершенно испорчена отъ дождей и разлитія горныхъ потоковъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ обильнѣе становилась растительность, особенно по той цѣпи, которая тянулась у насъ по лѣвой рукѣ; вся окрестность была усыяна прелестными дачами, то въ мавританскомъ, то въ италіянскомъ, французскомъ или англійскомъ. Большая часть ихъ занята консулами и богатыми купцами, и самымъ живописнымъ образомъ выступаетъ на темной зелени и на бурой поверхности отвѣсныхъ скалъ. Изъ деревьевъ, всего болѣе встрѣчается масличное дерево; померанцовыя деревья рѣдки: во всю дорогу я видѣла ихъ не болѣе полудюжины. Они огромнаго росту и покрыты плодами, но дикими; лѣтъ черезъ десять или двадцать, ихъ разростутся, пожалуй, цѣлые лѣса. Лѣность и безпечность Арабовъ единственная причина, почему ихъ такъ мало, потому что они должны родиться здѣсь превосходно; въ «опытномъ саду», гдѣ мы были вчера, ихъ насчиталось тысячами, и я убѣждена, что трудолюбіе Французовъ черезъ нѣсколько лѣтъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ, и покроетъ эту плодородную почву такими же роскошными померанцовыми рощами, какъ на соррентской равнинѣ. Алоэ растетъ здѣсь чрезвычайно широкими и густыми кустами, и Арабы дѣлаютъ изъ него самые непроходимыя ограды. Встрѣчали мы также цѣлыя поля кактусовъ, дающихъ плодъ, называемый индѣйскимъ фіюди, множество

небольшихъ шальвъ, интарисовъ и дѣлаго рододедрону, который такъ часто украшаетъ шальву или записную книгу швейцарскаго туриста, вѣдь именовъ альпійской розы; я встрѣтила даже свѣжкъ старыхъ друзей виллы Памфили въ Римѣ, — южныя сосны, которыхъ до этого времени еще не видала здѣсь. Когда мы достигли довольно значительной высоты, взорамъ нашимъ открылся одинъ изъ самыхъ величественныхъ ландшафтовъ, которые я когда-либо видала: передъ нами былъ прекрасный, широкій алжирскій заливъ, окруженный отчасти цѣпью Малаго Атласа, за которою шли ступенями болѣе высокія и, наконецъ, свѣжкыя горы; вдали видѣлась Метиджская равнина, простирающаяся на десять миль, отъ моря до самаго подножія Малаго Атласа; мы могли даже разсмотрѣть вправо отъ Алжира другой заливъ, гораздо больше алжирскаго.

Освѣщеніе было самое благопріятное, и ландшафтъ такъ хорошъ, что могъ одинъ изгладить изъ памяти тридцать-шесть часовъ морской болѣзни. Во все продолженіе прогулки, мнѣ представлялось столько самыхъ разнообразныхъ и прекрасныхъ ландшафтовъ, что я была въ такомъ точно уноеніи, какъ ребенокъ, который въ первый разъ видѣлъ уморительную кукольную комедію, и не сохранилъ совершенно яснаго впечатлѣнія, а носитъ въ цѣломъ мірѣ волшебныхъ видѣній. Повременамъ безпокоила насъ рѣзвость лошадей, которыя безпрестанно загрызали между собою, и заводили драку. Лошадь нашего пріятеля Англичанина болѣе всѣхъ надѣдала намъ; она то и дѣло надѣляла каждаго изъ насъ поочередно — вѣроятно, чтобы не возбудить зависти, — своимъ ляганьемъ, что очень забавляло всадника, который видно еще былъ новичекъ въ подобныхъ вещахъ. Къ счастью, лошади здѣсь почти никогда не подковываются, такъ что ляганье ихъ можно вынести безъ большаго вреда. На обратномъ пути мы заѣхали въ деревню Буджарехъ; она состоитъ изъ полудюжины домовъ, которые доказываютъ достаточность и благосостояніе французскихъ колонистовъ. Проѣхавъ еще нѣсколько далѣе, мы очутились на высотѣ тысячи футовъ надъ поверхностью моря, и увидѣли на берегу третьяго залива, влѣво отъ Алжира, мѣстечко Сиди эль-Ферручъ, называющееся также испанскимъ именовъ Торре-чика; это мѣсто само по себѣ очень не важно, но отсюда поплыло въ 1830 году французское войско на покореніе Алжира. Сиди-эль-Ферручъ находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Алжира; и какъ эта морская экспедиція одна изъ самыхъ любопытныхъ экспедицій новѣйшаго времени, то

нельзя не посетить мѣста, откуда началась эта военная драма. Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, видѣли также, хотя довольно далеко, у самаго моря, на небольшой высотѣ, составляющей продолженіе Сахельскаго хребта, идущаго отъ поста Maison carrée, близъ Алжира, до Чеуавскаго хребта, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Черчеля, гробницу, которую Арабы называютъ Цобо-эль-Руумидъ, а христіане — могилою христіанки. Хабшуты, занимающіе уже нѣсколько столѣтій весь этотъ край, чрезвычайно чтятъ это мѣсто. По устнымъ преданіямъ ихъ — потому что вся исторія ихъ хранится лишь въ памяти, — каждый, кто дерзнетъ оскорбить или осквернить эту могилу, немедленно подвергнется страшной Божьей карѣ. Подъ этою гробницею, говоритъ преданіе, покоится прахъ христіанки, которую единовѣрцы ея, здѣшніе обитатели, или пилигримы, называли святою; по другому преданію, это дочь одного Француза, которая была взята въ плѣнъ, и продана въ рабство одному богатому Арабу. Чувствуя приближеніе смерти, она умоляла, чтобы ее погребли на берегу моря, на томъ мѣстѣ, которое всего ближе къ Франціи. Какъ бы то ни было, во преданія не согласны насчетъ времени, которому принадлежитъ это небольшое пирамидальное сооруженіе; всего вѣроятнѣе, что это остатокъ того отдаленнаго времени, въ которое, по словамъ Тертуліана, христіанство разлилось по всей римской имперіи.

Много уже объѣхала я странъ, но нигдѣ не видала такого разнообразія въ характерѣ ландшафтовъ, какъ сегодня, въ пять часовъ времени, передъ вами то Италия, то Швейцарія, то чуть-ли не сѣверъ; но при всемъ этомъ сходствѣ съ извѣстными мнѣ уже странами, на всемъ видна своя особенная печать: алоэ и кактусы, и темнобурый цвѣтъ почвы повсюду напоминаютъ, что вы въ Африкѣ. Каждому, и естественнотелу и художнику, но преимущественно пресыщенному свѣтскому человѣку и парижской *petite-maitresse*, совѣтовала бы я ѣхать сюда; и если кто будетъ читать эти строки, я буду въ восхищеніи, когда онъ убѣдитъ туриста, незнающаго, въ которую сторону направить ему свои неусидчивыя стопы, рѣшиться на небольшой переѣздъ изъ Марсели въ Алжиръ. Поѣздка эта совершается скорѣе чѣмъ изъ Марсели въ Чивита-Веккію; а если предпринять ее въ благопріятное время года, она доставитъ неисчерпаемое наслажденіе человѣку, незнакому еще съ востокомъ.

На обратномъ пути, чтобы выѣхать къ воротамъ Бабъ-Азувъ, мы должны были ѣхать черезъ Бирмондрѣ; эта деревня лежитъ

въ долину, орошаемою Килсомъ. Тутъ мы остановились въ настоящей мавританской кофейнѣ, — которой одно изъ самыхъ необходимыхъ условій — прохладный фонтанъ съ арабскою надписью, — и велѣли подать себѣ кофе на турецкій манеръ. Я еще въ Константинополѣ познакомилась съ этимъ оригинальнымъ напиткомъ, похожимъ съ виду на шоколадъ, и теперь съ удовольствіемъ возобновила знакомство. Этотъ кофе очень вкусенъ, въ особенности когда не видишь какъ его разливаютъ въ чашки и мѣшаютъ грязною глиняною ручкою кофейника.

Во Франціи говорили намъ, будто нельзя выходить изъ города Алжира безъ оружія, однако же такая осторожность кажется мнѣ совершенно излишнею, потому что мы сегодня цѣлыхъ пять часовъ рыскали по окрестностямъ Алжира, и не встрѣчали ни тѣни опасности или непріятности, хотя были совершенно безоружны. Не разъ случалось намъ находиться среди многочисленной толпы Арабовъ, которые, верхомъ на крошечныхъ ослахъ, завернувшись въ свои бурнусы, гнали передъ собою табуны и встрѣчались съ нами, вступали въ дружескія бесѣды, которыхъ мы, къ сожалѣнію, не понимали.

Пріѣхавъ домой, мы нашли свою гостиницу въ ужасной тревогѣ; одинъ изъ значительнѣйшихъ арабскихъ вождей, Ахметъ-бенъ-Мухаммедъ-эль-Моврани, халифъ меджитанскій, только-что пріѣхалъ на пароходѣ изъ Боны. Цѣлью путешествія его было изъяснить герцогу Омальскому свою преданность и покорность, и поднести въ даръ нѣсколько превосходныхъ лошадей. Лѣстница была усеява Арабами, частью принадлежавшими къ свѣтѣ вожда, частью алжирскими обывателями, спѣшившими представиться ему; у дверей его постоянно дежурило нѣсколько служителей. Къ сожалѣнію высокій гость изволилъ обѣдать въ своей комнатѣ, и потому мы не имѣли счастья удостоиться его лицезрѣнія.

скачка. Пять лѣтъ тому назадъ, молодой дворянчикъ пріѣхалъ изъ Нормандіи въ Парижъ, для того, чтобы научиться завязывать галстухъ, да слушать курсъ правовѣденія, и для другихъ подобныхъ недѣльныхъ причинъ. Аватоліи де-Женвѣ въ своемъ селѣ былъ просто деревенщина въ праздничномъ платьѣ, а въ Парижѣ, менѣе чѣмъ въ два года, превратился въ молодаго чело-вѣка очень замѣчательнаго въ модномъ свѣтѣ; но это быстрое усовершенствованіе дорого ему стоило: во-первыхъ, опъ потерялъ много времени, — вы ужъ догадались, что онъ даже не по-

заботился выдержать первого экзамена; во-вторыхъ, оно сдѣлало сильный ущербъ его состоянію.

Но за то на третій годъ пребыванія въ Парижѣ, онъ сдѣлался еще заманчивѣе; женщины начинали говорить объ его умѣ и объ умныхъ одъваться. Случайно онъ подружился, какъ дружатся въ Парижѣ, съ биржевымъ маклеромъ, котораго я назову здѣсь Дюбоа, и поручилъ ему свои денежные дѣла. Несмотря на предостереженія Дюбоа, предвидѣвшаго разореніе своего пріятеля и кліента, Анатолій продолжалъ свои блистательныя дурачества, приговаривая себѣ въ утѣшеніе: умный человекъ никогда не погибнетъ.

Дюбоа вѣскольکو лѣтъ былъ уже женатъ на одной изъ самыхъ хорошенькихъ Парижанокъ. Счастіе имѣть красавицу жену часто не обходится даромъ. Мадамъ Дюбоа любила свѣтъ какъ всѣ женщины, которыя могутъ блистать въ немъ тѣмъ бы то ни было, умомъ, красотою, граціозностью или любовными приключеніями: есть столько средствъ блистать тѣмъ-нибудь въ свою очередь! Вслѣдствіе этого, мадамъ Дюбоа давала восхитительные вечера, гдѣ собиралось множество посредственныхъ знаменитостей, полужнаменитостей финансовыхъ, шегольскихъ, художественныхъ. Анатолій, любезностью, знаніемъ всѣхъ модныхъ анекдотовъ, пріятнымъ обращеніемъ, звучнымъ именемъ и красивой паружностью сдѣлался героемъ этихъ вечеровъ. Мадамъ Дюбоа, всегда занятая сама собою, вчерашними комплиментами да завтрашними нарядами, сначала не замѣчала Анатолія, но съ-тѣхъ-поръ, какъ въ обществѣ его превозгласили красавцемъ и остроумнымъ, она удостоила бросить на него разсвѣянный взглядъ: — Въ-самомъ-дѣлѣ, сказала она, мосьё Анатолій не дурень.

Съ этого дня, Анатолій сталъ чаще бывать у Дюбоа. Тотъ не могъ жаловаться на частыя посѣщенія Анатолія, у нихъ всегда бывали дѣла, которыя надобно было повѣрять вмѣстѣ. Къ тому же мысль, что жена его могла входить въ расчетъ посѣщеній его кліента, была слишкомъ далека отъ него. Но спустя нѣскольکو мѣсяцевъ, хотя онъ былъ, изъ гордости или по невѣдѣнію, самымъ непроницательнымъ мужемъ, скоро увидѣлъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло: «Чортъ возьми, сказалъ онъ — въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда прибѣгаютъ къ чорту — чортъ возьми! мотокъ супружескаго спокойствія начинается запутываться». И не откладывая далѣе, онъ рѣшился окончить счеты съ Анатоліемъ. Провѣривъ этотъ счетъ, бѣдный Анатолій сталъ рассчитывать въ первый разъ въ жизни.

— Теперь уже не много поздно дѣлать расчеты, сказалъ ему маклеръ; бѣдный другъ мой, вамъ остается не слишкомъ много.

— Ба! съ гордостью отвѣчалъ Анатолий. Развѣ вы ни во что считаете всѣ долги, которые я могу дѣлать? Кстати, одолжите мнѣ десять тысячъ франковъ, продолжалъ онъ съ небрежностью; вамъ предстоитъ честь быть моимъ первымъ кредиторомъ.

— А подѣ какой залогъ? сказалъ маклеръ улыбаясь.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ Анатолий, послѣ смерти отца я получу зрядное наслѣдство. Знаю, что отецъ не захочетъ и слышать объ этомъ прежде своей смерти, но пока развѣ моя личность не можетъ служить обезпеченіемъ? Рано или поздно, я проложу себѣ дорогу.

— Въ Клиши, подумалъ про себя банкиръ. Хорошо, сказалъ онъ громко, открывая свой портфель послѣ коварнаго размышленія; вотъ десять тысячъ; подпишите сейчасъ же этотъ вексель, сдѣланный по формѣ. Доброе дѣло никогда не пропадаетъ, говорить пословица.

Анатолий написалъ квитанцію, точно какъ-будто записочку къ Розинѣ или къ Фанни.

— Хорошо, хорошо, бормоталъ банкиръ послѣ ухода Анатолия. Мотокъ опять распутывается; какъ чертъ, я держу моего врага за волосокъ.

Дюбоа былъ умный мужъ, и хотѣлъ, во что бы ни стало, сохранить сердце своей жены; потерять десять тысячъ франковъ для супружескаго спокойствія ничего не значило, въ особенности если взять въ расчетъ, что Дюбоа сыпалъ деньгами. Не разъ замѣчалъ онъ благосклонность мадамъ Дюбоа къ Анатолию; онъ хорошо зналъ, что владычество прекраснаго мужчины въ сердцѣ молодой женщины нельзя уничтожить обыкновенными средствами.

Вексель былъ данъ на три мѣсяца. По исходѣ третьяго Анатолий не будетъ въ состояніи заплатить; его предадутъ суду; по произнесеніи приговора, онъ долженъ быть схваченъ и арестованъ. Словомъ, вексель былъ нечто иное, какъ рекомендательное письмо въ Клиши.

Какъ попадетъ онъ въ Клиши, говорилъ банкиръ, мнѣ будетъ возможность вздохнуть свободнѣе; когда жена спроситъ о моемъ пріятелѣ, я самымъ престодушнымъ образомъ скажу ей: Развѣ ты ничего не знаешь? Этотъ сумасбродъ уѣхалъ въ Италію съ какою то забракованною актрисой. Жена моя будетъ кусать губы цѣлую недѣлю и сердиться цѣлыя три недѣли, потому

сдѣлается по прежнему мадамъ Любою. Кажется, не худо придумано. И такъ я отдѣлался однимъ страхомъ; видѣлъ только начало этой интриги, но, слава Богу! не увижу конца.

Три мѣсяца протекли слишкомъ медленно по мнѣнію мужа. Онъ принуждалъ жену искать разсвѣнія въѣ рождающейся страсти. Какъ это случилось зимою, то онъ возилъ ее на балы, концерты, въ театры, разорялся на наряды, былъ необычайно любезенъ, словомъ, опять превратился въ молодого мужа.

Въ день, назначенный срокомъ для платежа, онъ получилъ письмо отъ своего взящнаго должника, но былъ неумолимъ и отвѣчалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ и очень сожалѣть, что дурное положеніе банка не позволяетъ ему болѣе располагать суммою въ десять тысячъ франковъ для того, чтобы помочь пріятелю выдти изъ непріятнаго положенія; но что-жъ дѣлать? прибавлялъ онъ, это можетъ служить полезнымъ урокомъ. Не заплатить этого долга, значило бы поставить себя въ самое затруднительное положеніе. Наконецъ совѣтовалъ Анатолю рѣшиться прибѣгнуть къ послѣднему средству: что съ такимъ пменемъ, съ такимъ умомъ и будущностью онъ всегда могъ найти жену, то есть, приданое.

Читая письмо банкира, Анатолий повялъ, что надъ нимъ насмѣхались.

— Но это ревнивецъ, говорилъ онъ, который отказываетъ мнѣ въ деньгахъ для того, чтобы запереть двери своего дома; однако жъ это не поможетъ; онъ не имѣетъ власти надъ моимъ сердцемъ, ни надъ сердцемъ своей жены. Я его должникъ, пусть такъ; но я найду чѣмъ заплатить ему.

Вексель былъ представленъ въ коммерческой судъ, который предписалъ наложить запрещеніе и взять подъ стражу должника. Анатолий нашелъ средство скрыться и спасти свою лошадь. Онъ переселился въ гостиницу въ улицѣ Риволи.

— Взятіе подъ стражу, говорилъ онъ, чтобы скрыть свою досаду, ну что за бѣда? Развѣ нельзя пользоваться свѣжимъ воздухомъ только послѣ захожденія солнца?

Вслѣдствіе этого онъ устроилъ свою жизнь по обстоятельствамъ. Впрочемъ, когда онъ былъ верхомъ, то не боялся ни какого преслѣдованія; его лошадь, чистой англійской крови, была чудно выѣзжена для скачки. Это было благородное животное, всегда готовое на всѣ опасности по одному слову своего господина; Анатолий любилъ ее болѣе нежели своего лучшаго

друга. Онъ охотно согласился бы отправиться въ Клиши, лишь бы Баязета съ нимъ заперла.

Такимъ-образомъ Анатолій только верхомъ отваживался выходить днемъ, и по милости своей лошади, еще участвовалъ во всѣхъ скачкахъ, во всѣхъ праздникахъ. Настало время прогулокъ въ Лоншанѣ. На второй день, при первыхъ лучахъ солнца, онъ приказалъ осѣдлатъ Баязета и, веселый какъ весна, поѣхалъ. Почти мѣсяць только въ оперѣ, и то мелькомъ, видалъ онъ мадамъ Дюбоа; пробовалъ писать къ ней, но все напрасно: Дюбоа былъ почти директоромъ въ своемъ домѣ. Теперь Анатолій надѣялся встрѣтить молодую женщину въ Лоншанѣ, куда она обыкновенно ѣзжала, не совѣтъ для себя, но чтобы показать своихъ лошадей. Надежда не обманула Анатолія; только что въѣхалъ онъ въ Елисейскія Поля, какъ тотчасъ же увидѣлъ мадамъ Дюбоа одну съ сестрами въ ея предѣстной коляскѣ. Анатолій никогда ничего не боялся, когда былъ на своей лошади, не побоялся подѣхать къ Амеліи; онъ прищпорилъ Баязета и подскакалъ какъ искусный всадникъ, который хочетъ вступить въ разговоръ достойнымъ образомъ. Увидя его, Амелія покраснѣла и отвернулась; но какъ между ними не было векселей, она приняла его хотя холодно, но довольно благосклонно. Казалось, она не знала о ссорѣ его съ мужемъ.

— Давно уже вы не были у насъ, сказала она. На послѣднемъ балѣ у насъ было очень весело, недоставало только васъ. Я думала, что вы въ Египтѣ или въ Китаѣ.

— Или въ Клиши, по мнѣнію злыхъ языковъ, прошептала мѣвшая сестра.

— Такъ вы не знаете, отвѣчалъ Анатолій, что я могу бывать у васъ только по захожденіи солнца? Я былъ бы у васъ на послѣднемъ балу, но Дюбоа не имѣлъ бы столько любезности, чтобы предупредить меня во время уѣхать, а я остался бы до разсвѣта и потерялъ бы свободу. Что касается до свободы моего сердца, то уже давно какъ....»

Въ эту минуту Анатолій увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя лицо, которое показалось ему знакомо, но ему не очень хотѣлось возобновить это знакомство, онъ и переѣхалъ на другую сторону кареты, а потомъ вдругъ полетѣлъ какъ стрѣла между деревьями и гуляющихъ. Новопріѣзжій, у котораго была молодая, сильная лошадь, въ одну минуту обогналъ Анатолія.

— Это пари. — Это *steeple chase*.

— Это скачка, закричали со всѣхъ сторонъ, среди всеобщаго смятенія, произведеннаго двумя всадниками.

Взоры всѣхъ обратились на нихъ. Любопытнѣйшіе послѣдовали за ними; болѣе двадцати молодыхъ людей отдѣлились отъ толпы гуляющихъ и поскакали за Анатоліемъ и его спутникомъ. Въ одну минуту составились пари; кто держалъ за бѣлую лошадь, кто за Баязета. Анатолій признанъ за отличнаго ѣздока; другаго всадника никто не звалъ, но у него была лошадь сильнѣе. Скоро они достигли до триумфальной арки; мигомъ проскакали деревню, которая простирается до Булонскаго лѣса; въ Булонскомъ лѣсу не было числа изворотамъ; одинъ разорвалъ платье, другой потерялъ шляпу. Оба наши героя скакали черезъ кустарники, презирая проложенныя дороги, вѣроятно сожалѣя, что не было небольшой рѣки, чтобы пуститься вплавь; словомъ, были въ самомъ разгарѣ бѣга. Они бросились къ Сенъ Клау, взлетѣли на гору Бельвю, и очутились въ чистомъ полѣ. До тѣхъ поръ побѣда, такъ долго оспариваемая, не склонялась ни на какую сторону. Баязеть, выигрывая на поворотахъ, ослабѣвалъ въ быстротѣ. Потъ градомъ катился съ Анатолія; но онъ все ободрялъ его и голосомъ и рукою; Баязеть цѣвниковался, ни разу не споткнулся и перепрыгнулъ, не оглянувшись, два раза черезъ заборы, рвы и ручьи. Онъ даже попробовалъ бы съ мужествомъ переплыть Сену. Но вотъ бѣдный Баязеть, теряя силы, началъ отступаться, а бѣлая лошадь побѣждала; уже державшіе пари провозглашали побѣду, когда оба всадника въ одно и тоже время подскакали къ небольшой развалившейся стѣнѣ парка.

Заходящее солнце, послѣдними лучами освѣщало эту картину. Анатолій въ отчаяніи воскликнулъ: Баязеть, Баязеть! Услыхавъ голосъ своего господина, Баязеть воодушевляется послѣдними силами, бросается, летитъ и въ ту же минуту исчезаетъ по другую сторону стѣны. — Браво, браво, Баязеть! воскликнули всѣ всадники, державшіе пари за него и даже нѣкоторые противники, такъ побѣда была прекрасна! Бѣлая лошадь заупрямилась; тщетно хозяинъ два раза принуждалъ ее перепрыгнуть, всякій разъ она останавливалась у стѣны. Незнакомецъ, не считая себя побѣжденнымъ, казалось, принялъ другое намѣреніе: увидя болѣе удобный входъ въ паркъ, онъ повернулъ къ нему лошадь. Всамомъ дѣлѣ, въ противоположной сторонѣ стѣна была еще болѣе разрушена; черезъ нѣсколько секундъ, онъ подѣхалъ къ Баязету, къ бѣдному, издыхающему Баязету. Незнакомецъ соскочилъ съ лошади, и не обращая вниманія на трогательное зрѣли-

ше, представшее его глазамъ, на благороднаго всадника, лежавшаго во прахѣ, обнимавшаго своего издыхающаго коня и проливавшаго горькія слезы объ этомъ великодушномъ другѣ, который не измѣнилъ ему до конца, схватилъ Анатолія за воротъ и сказалъ ему съ насмѣшливой улыбкою:

— Наконецъ вы попались!

— Да, отвѣчалъ Анатолій, стараясь высвободиться изъ объятий преслѣдовавшаго его; да, я пойманъ; но развѣ вы не видите, что *солнце закатилось?*

Я не скажу вамъ, видится ли Анатолій де-Женвѣ съ мадамъ Любоа по захожденіи солнца; это касается только москѣ Любоа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобріона. Часть десятая.*

Заплативъ благочестивую дань, я прошелъ бульваръ и площадь передъ Домомъ Инвалидовъ, перешелъ мостъ Людовика-Шестнадцатаго и Тюильрійскій садъ, откуда вышелъ возлѣ Марсанскаго навильона, у рѣшетки, отворяющейся теперь на улицу Rivoli. Тамъ, въ двѣнадцатомъ часу, я услышалъ, какъ мужчина и женщина провозглашали оффиціальное извѣстіе. Прохожіе останавливались, внезапно пораженные этими словами: «Приговоръ отдѣльнаго военнаго суда, собраннаго въ крѣпости Венсенвѣ, осуждающій на смерть подсудимаго по имени Людовика-Автонія-Генриха, а по прозвищу Бурбона, родившагося 2 августа 1772 года въ Шантильи».

Этотъ крикъ упалъ на меня какъ молнія; онъ измѣнилъ мою жизнь, такъ же какъ жизнь Наполеона. Я воротился домой и сказалъ жевѣ:—«Герцога Ангіевскаго разстрѣляли», сѣлъ за столъ и началъ писать отставку. Жена не сопротивлялась и смотрѣла, какъ я пишу, съ большимъ мужествомъ. Она не скрывала отъ себя моей опасности: тогда происходилъ процессъ генерала Мордъ и Георгія Кадудала; левъ попробовалъ крови, не время было раздражать его.

Въ это время пріѣхалъ Клозель де-Куссергъ; онъ также слышалъ приговоръ, и нашелъ меня съ перомъ въ рукѣ: письмо, изъ котораго онъ заставилъ меня вычеркнуть нѣсколько глѣвныхъ выраженій, изъ остраданія къ жевѣ моей, отправилось; оно было къ министру иностранныхъ дѣлъ. Но не въ выраженіяхъ дѣло: мой образъ мыслей и мое преступленіе были въ самой податѣ въ отставку: Бонапарте не обманулся. Мадамъ Бачіокки раскрычалась, узнавъ то, что она называла моимъ *отложениемъ*,

послала за мною и осыпала живѣйшими упреками. Де-Фонтанъ почти помѣшался со страху въ первую минуту: онъ считалъ меня разстрѣляннымъ со всѣми, кто ко мнѣ привязанъ. Виродолженіе нѣсколькихъ дней, друзья мои оставались въ опасеніи, что меня схватитъ полиція; приходили ко мнѣ съ часу на часъ и всегда дрожа подходили къ комнатѣ дворника. Пакиѣ пришелъ объѣздъ меня на другой день отставки, говоря, что онъ счастливъ, имѣя такого друга. Онъ оставался довольно долго въ благородной умирности, вдали отъ мѣстъ и властей.

Однако это симпатичное движеніе, увлекающее насъ къ похвалѣ великодушнаго поступка, остановилось. Я принялъ, по уваженію къ религіи, мѣсто за границей, пожалованное мнѣ могущественнымъ гениемъ, побѣдителемъ анархіи; тогда я былъ одинокъ въ моемъ чувствѣ, потому-что былъ послѣдователемъ въ поведеніи, я удался когда условія, на которыя я могъ согласиться, измѣнились. Черезъ полгода послѣ 20 марта, въ высшемъ обществѣ было только одно мнѣіе, исключая дрянныхъ колкоостей, которыя позволяли себѣ занерти. *Павшія* особы утѣряли, что онѣ были *принуждены*, а *принуждали*, какъ говорили, только тѣхъ, у кого было знатное имя или большой вѣсъ, и каждый, чтобы доказать свою важность или свой высокой родъ, добивался до *принужденія* посредствомъ ходатайствъ.

Тѣ, которые хвалили меня больше всѣхъ, удалились; присутствіе мое было для нихъ упрекомъ: благоразумные люди находятъ неблагоразумными тѣхъ, кто уступаетъ чести. Есть времена, когда возвышенность чувствъ становится настоящимъ недугомъ; никто ея не понимаетъ; она считается безтолковщиной, предразсудкомъ, безумной привычкой дурнаго воспитанія, вздорностью, дырой въ мозгу, что мѣшаетъ вамъ судить о вещахъ; безуміе, можетъ-быть достойное уваженія, говорить, но бессмысленное платство. Какая тутъ способность ума — зги Божіей не видать, и оставаться чуждымъ ходу вѣка, движенію идей, преобразованію нравовъ, успѣхамъ общества? Связывать съ происшествіями такую важность, которой въ нихъ нѣтъ, не есть ли ошибка, достойная сожалѣнія? Погрязнувъ въ вашихъ тѣсныхъ правилахъ, съ умомъ, такимъ же короткимъ какъ сужденіе, вы похожи на человека, который живетъ въ задней части дома, имѣетъ видъ только на небольшой дворикъ, не знаетъ ничего, что происходитъ на улицѣ, не слышитъ оттуда шуму. Вотъ до чего доводитъ васъ независимость, вы становитесь предметомъ состраданія для посредственности; что до великихъ умовъ съ

ласковой гордостью и съ выспренними очами, *oculos sublimos*, ихъ милосердное презрѣніе прощаетъ васъ, потому что они знаютъ, что вы не можете слышать. Я укоренялся смѣренно на литературной карьерѣ; бѣдный Пиндаръ, предпозначенный воспѣть въ моей первой олимпійской одѣ *превосходство воды*, оставя внио счастливымъ.

Дружба возвратила сердце де-Фонтаву; мадамъ Бачіокки вернула свою милость промежду гяѣва брата и моего намѣренія; Талейранъ, по равнодушію, или расчету, вѣскольکو дней не говорилъ о моей отставкѣ; когда онъ доложилъ объ этомъ Бонапарту, тотъ уже имѣлъ время размыслить. Получая отъ меня единственный и прямой знакъ порицанія честнаго чловѣка, не бояшагося его гяѣву, онъ произнесъ только: — «хорошо». Позже онъ сказалъ сестрѣ: — «Вы очень боялись за своего друга». Долго спустя, разговаривая съ де-Фонтаномъ, онъ признался, что отставка моя поразила его болѣе всего. Талейранъ велѣлъ написать мнѣ канцелярское писмо, въ которомъ любезно выговаривалъ, зачѣмъ я лишилъ его департаментъ моихъ дарованій и услугъ. Я возвратилъ деньги, выданныя мнѣ на обзаведеніе, и по наружности все было кончено. Но осмѣлясь оставить Бонапарта, я становился съ нимъ наравнѣ; онъ былъ оживленъ противъ меня всей своей неудачей, какъ я противъ него всей своей честностью. До паденія онъ держалъ мечъ надъ моей головой, иногда возвращался ко мнѣ по природной склонности и старался потопить въ своихъ злосчастныхъ усѣхахъ; иногда я склонялся къ нему отъ внушаемаго имъ восторгу, отъ мысли, что я присутствую при общественномъ преобразованіи, а не при простой перемятѣ династін: но автпатичные во многихъ отношеніяхъ, наши двѣ сущности вдругъ выказывались, и если онъ охотно разстрѣлялъ бы меня, я, убивая его, не чувствовалъ бы большаго огорченія.

Смерть дѣлаетъ или уничтожаетъ великихъ людей: она останавливаетъ ихъ на шагъ внизъ или на ступени вверхъ; судьба совершилась или лопнула; въ первомъ случаѣ объ ней разсуждаютъ какъ о событіи; во второмъ предаются догадкамъ о томъ, чѣмъ бы еще она могла явиться.

Если бы я исполнялъ обязанность въ отдаленныхъ видахъ честолюбія, я бы обманулся. Карлъ-Десятый узналъ только въ Прагѣ, что я сдѣлалъ въ 1804 году; онъ уходилъ тогда отъ своихъ неудачныхъ попытокъ. Ал Шатобрианъ, сказалъ онъ во дворцѣ Градчанъ, вы служили Бонапарту? — Да, государь. — Вы пода-

ли въ отставку послѣ смерти герцога Ангійскаго? — Да, государь. — Несчастіе плучаетъ, или возвращаетъ память. Я рассказывалъ вамъ, что однажды въ Лондонѣ, когда я укрывался съ де-Фонтаномъ въ аллеѣ во время дождя, герцогъ Бурбонскій тоже спрятался туда: во-Франціи, онъ и его храбрый отецъ, благодарившіе такъ вѣжливо того, кто написалъ погребальную рѣчь герцогу Ангійскому, не удостоили вспомнить обо мнѣ. Вѣрно они не знали о моемъ поступкѣ. И то правда, что я никогда не бесѣдовалъ съ ними о томъ.

Какъ перелетными птицами въ октябрѣ, мною овладѣваетъ безпокойство, которое заставило бы меня перемѣнить климатъ, если бы я еще владѣлъ крыльями и быстротой часовъ: облака, летящія по небу, придаютъ мнѣ охоту бѣжать. Чтобы заглушить этотъ инстинктъ, я прѣбѣжалъ въ Шантильи, бродилъ по лужайкѣ, гдѣ старые сторожа таскаются у опушки лѣсовъ. Нѣсколько воронъ, летя передо мною, черезъ дрокъ, наростникъ и прогалины, привели меня къ Коммельскимъ прудамъ. Смерть повѣяла на друзей, когда-то сопровождавшихъ меня въ замокъ королевы Бланки: мѣстоположеніе этихъ уединенныхъ мѣстъ было не что иное, какъ грустный горизонтъ, раскрывшійся на мигъ со стороны моего прошедшаго. Въ дни Ренея, я нашелъ бы таянства жизни въ тевскомъ источникѣ: онъ укрываетъ свое теченіе между хвощомъ, мхомъ и тростникомъ, умирая въ прудахъ, питаемыхъ его юзостью, непрерывно кончающейся и непрерывно возобновляющейся: волны его очаровывали меня, когда я носилъ въ себѣ пустыню съ призраками, улыбающимися мнѣ, несмотря на ихъ меланхолію, и которыя я украшалъ цвѣтами.

Дождь засталъ меня, когда я возвращался вдоль едва очерченнаго забора; я укрылся подъ букомъ: послѣдніе листья его падали какъ мои годы; вершина обнажалась какъ моя голова; онъ былъ отиѣченъ на стволѣ красноватой чертой, чтобы быть срубленнымъ, какъ я. Возвратившись въ гостиницу, съ жатвой осеннихъ растений, въ расположеніи, мало располагающемъ къ радости, я расскажу вамъ смерть герцога Ангійскаго, въ виду шантильскихъ развалинъ.

Эта смерть, въ первую минуту, оледенила ужасомъ все сердца: она казалась возвращеніемъ времени Робеспьера. Парижъ думалъ видѣть одинъ изъ тѣхъ дней, которые видѣны только однажды. Служители, друзья, родственники тѣхъ, кто принялъ въ томъ участіе, смутились. За границей, дипломатическій языкъ заглу-

шла всеобщее ошущеніе, но всё сердца были тронуты. Въ изгнанной фамиліи Бурбоновъ, ударъ проникъ насквозь.

Не надо забыть другое имя, присоединяющееся къ имени герцога Авгiенскаго: Густавъ-Адольфъ, лишенный трона, изгнанный, осмѣлился возвысить голосъ для спасенія юнаго французскаго принца. Онъ послалъ изъ Карлсруэ адъютанта съ письмомъ къ Бонапарту; письмо пришло слишкомъ поздно: послѣдній изъ Кондѣ уже не существовалъ.

Увы! мы перешли черезъ множество различныхъ бѣдствій, въ нашихъ характерахъ, укрощенныхъ рядомъ бѣдствій и притѣсненій, не осталось довольно энергіи, чтобы по случаю смерти юнаго Кондѣ горестъ наша долго носила трауръ; мало-по-малу слезы обсохли; страхъ рассыпался въ поздравленіяхъ съ избавленіемъ отъ опасностей, которыхъ только что избѣгнулъ первый консулъ. Общество быстро воротилось къ удовольствіямъ; оно пугалось траура; послѣ ужаса пощаженные жертвы танцовали, старались казаться счастливыми, и опасаясь быть обвиненными за хорошую память, были также веселы какъ-будто шли на шафотъ.

Герцога Авгiенскаго арестовали не безъ предосторожности. Въ совѣтъ, въ который были призваны Талейранъ и Фушѣ, узнали, что герцогъ Ангумекскій былъ въ Варшавѣ съ Людовикомъ-Осемнадцатымъ; графъ д'Артоа и герцогъ Беррійскій въ Лондонѣ, съ принцами Бурбоискимъ и Кондѣ. Самый младшій изъ Кондеевъ былъ въ Эттенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Такъ случилось, что Телоръ и Дрекъ, англійскіе агенты, затѣяли козни въ этой сторонѣ. Герцогъ Бурбоискій, 16 іюня 1803 года, предостерегалъ внука противъ возможнаго аресту, запиской изъ Лондона, которая сохраняется понынѣ. Бонапарте призвалъ двухъ консуловъ, своихъ товарищей: сначала осыпалъ горькими упреками Реалля, зачѣмъ его не увѣдомили о томъ, что предпринимаютъ противъ него. Онъ терпѣливо выслушалъ возраженія: Камбасересъ выразился съ большей силой. Бонапарте поблагодарилъ его и сталъ говорить о другомъ. Это я видѣлъ въ запискахъ Камбасереса, съ которыми одинъ изъ его племянниковъ, пэръ Франціи, позволялъ мнѣ справиться такъ обязательно, что я хранию о томъ признательное воспоминаніе. Брошенная бомба не возвращается назадъ; она летитъ куда посылаетъ ее инженеръ и тамъ падаетъ. Чтобы исполнить приказанія повелителя, надо было вступить насильно на германскую землю, — вступили насильно. Гер-

цога Авгіенскаго арестовали въ Эттенгеймъ. При немъ нашли вмѣсто генерала Дюмуріе, только маркиза де-Тюмери и нѣсколко другихъ мало извѣстныхъ эмигрантовъ: это бы должно было показать ошибку. Герцога Ангіенскаго повезли въ Страсбургъ. Начало венсенской катастрофы рассказываетъ намъ самъ герцогъ; онъ оставилъ небольшой дорожный журналъ изъ Эттенгейма въ Страсбургъ: герой трагедіи выходитъ на аванъ-сцену и произносятъ этотъ прологъ:

« Въ четвергь, 15 марта, въ Эттенгеймъ, квартиру мою
 « окружили, отрядъ драгуиъ и отрядъ жандармовъ; всего
 « около двухъ сотъ человекъ, два генерала, драгунскій полков-
 « никъ и полковникъ страсбургскихъ жандармовъ, Шарло, въ
 « пять часовъ (утра). Шестаго половина, выломали двери, уве-
 « ли меня въ Муленъ, возлѣ черепичнаго заводу. Бумаги захва-
 « тили и запечатали. Въ телѣжкѣ, между двумя рядами пѣхоты
 « везли меня до Рейна. Оттуда отправился я въ Риспау. Высади-
 « ся и шелъ пѣшкомъ до Пфортсгейма. Завтракалъ въ гостини-
 « цѣ. Сѣлъ въ карету съ полковникомъ Шарло, жандармскимъ
 « квартирмейстеромъ; на козлахъ сѣдѣлъ жандармъ съ Груиштей-
 « номъ. Приѣхалъ въ Страсбургъ, въ домъ полковника Шарло, ше-
 « стаго половина. Черезъ полчаса перевезенъ въ фіакръ въ крѣ-
 « постъ.... Въ воскресенье, 18 числа, меня увели во второмъ
 « часу утра. Едва дали время одѣться. Я объялъ несчастныхъ
 « моихъ товарищей, и моихъ людей, и ушелъ одинъ съ двумя
 « жандармскими офицерами и двумя жандармами. Полковникъ
 « Шарло объявлялъ мнѣ, что мы ѣдемъ къ дивизионному генера-
 « лу, который получалъ повелѣнія изъ Парижа. Вмѣсто этого я
 « нашелъ карету въ шесть почтовыхъ лошадей на Церковной
 « площади. Поручникъ Петерманнъ сѣлъ возлѣ меня, квартирмей-
 « стеръ Блитерсдорфъ на козлы, два жандарма внутри кареты,
 « одинъ снаружы ».

Въ этомъ мѣстѣ бѣдный утопленникъ, въ минуту крушенія, перерываетъ свой корабельный дневникъ.

Приѣхавъ въ четыре часа вечера къ парижской заставѣ, карета не въѣхала въ Парижъ, а слѣдуя по наружному бульвару, остановилась у венсенской крѣпости. Герцогъ вышелъ изъ кареты на внутреннемъ дворѣ. Его отвели въ комнату въ крѣпости и заперли. Онъ заснулъ. По-мѣрѣ-того, какъ герцогъ приближался къ Парижу, Бонапарте выказывалъ совсѣмъ не естественное спокойствіе. Осемнадцатаго марта онъ уѣхалъ въ Мальмезонъ. Это было Вербное воскресенье. Мадамъ Бонапарте, какъ

и всѣ ея родные, знали объ арестованіи герцога и заговорила о томъ съ мужемъ. Бонапартѣ отвѣчалъ ей: « Ты ничего не слышишь въ политикѣ ». Полковникъ Савари сталъ домашнимъ чело-вѣкомъ въ Тюильри. Отчего? Оттого что онъ видѣлъ, какъ первый консулъ плакалъ при Маренгѣ. Люди изъятые должны опасаться своихъ слезъ, онѣ подчиняютъ ихъ игу людей обыкновенныхъ. Слезы одна изъ тѣхъ слабостей, по которымъ свидѣтель можетъ сдѣлаться властелиномъ намѣреній великаго чело-вѣка.

Увѣряютъ, что первый консулъ приказалъ изготавить письменныя приказанія въ Венсенцѣ. Въ одномъ изъ этихъ приказаній было сказано, что если слѣдствіемъ неизбежнаго осужденія, будетъ смертный приговоръ, онъ долженъ быть выполненъ сейчасъ. Я этому вѣрю, хотя не могу утверждать, потому что этихъ приказаній не имѣется. Мадамъ де-Ремюза, игравшая вечеромъ 20 марта, въ Мальмезонѣ въ шашки съ первымъ консуломъ, слышала, какъ онъ прошепталъ нѣсколько стиховъ о милосердіи Августа; она подумала, что Бонапартѣ пришелъ въ себя, и что герцогъ будетъ оставленъ въ покоѣ. Когда Савари явился въ Мальмезонъ, мадамъ Бонапартѣ все отгадала. Первый консулъ заперся одинъ на нѣсколько часовъ. Потомъ подулъ вѣтеръ и все кончилось.

Повелѣніемъ отъ 29 вантоза присуждено, что военный судъ изъ семи членовъ, назначенныхъ парижскимъ генералъ губернаторомъ (Мюратомъ), соберется въ Венсенцѣ, судить бывшаго герцога Англенскаго, обвиненнаго въ томъ, что онъ сражался противъ республики.

Въ исполненіе этого распоряженія, въ тотъ самый день, 29 вантоза, Іоакимъ Мюратъ назначилъ, для составленія сказаннаго суда, семерыхъ военныхъ, а именно:

Генерала Гюлена, командира гвардейскихъ гренадеръ, предсѣдателемъ.

Полковника Гиттона, командира перваго карасирскаго полка.

Полковника Базанкура, командира четвертаго легкаго пѣхотнаго полка.

Полковника Равьѣ, командира осемнадцатаго пѣхотнаго полка.

Полковника Барроа, командира девяносто-шестаго пѣхотнаго полка.

Полковника Раббе, командира втораго полка муниципальной гвардіи въ Парижѣ.

Гражданин д'Отанкура, маіора отборныхъ жандармовъ, который будетъ исполнять должность аудитора-докладчика.

Маіоръ д'Отанкуръ, начальникъ жакенскаго эскадрона, отборнаго легіона, два пѣшіе жандарма изъ того же корпуса, Лерва, Тарси, и гражданинъ Ноарб, лейтенантъ того же корпуса, плутъ въ комнату герцога Ангіенскаго и будятъ его; ему оставалось подождать только четыре часа до вѣчнаго сна.

Аудиторъ докладчикъ, вмѣстѣ съ Моленомъ, капитаномъ осемнадцатаго полка, избранный секретаремъ, сказаннымъ докладчикомъ, допрашиваетъ герцога:

Спрашивается было имя, фамилія, чинъ, возрастъ и мѣсто рожденія.

Отвѣчалъ, что его зовутъ Людовикъ-Антоанъ-Георгій Бурбонъ, герцога Ангіенскій, родился втораго августа 1772 года въ Шантильи.

Спрашивается было, гдѣ обрѣтался по выѣздѣ изъ Франціи.

Отвѣчалъ, что послѣдовалъ за родными, а по образованіи корпуса Конде участвовалъ во всей войнѣ, а до этого дѣлалъ кампанію 1792 года въ Брабантъ, съ корпусомъ Бурбоновъ.

Спрашивается было, не бывалъ ли въ Англіи и не даетъ ли ему это государство содержанія?

Отвѣчалъ, что никогда тамъ не былъ; что Англія даетъ ему содержаніе и онъ только этимъ и живетъ.

Спрашивается было, какое мѣсто занималъ онъ въ арміи Конде?

Отвѣчалъ: мѣсто командира авангарда до 1796 года; до этой кампаніи служилъ волонтеромъ въ главной квартирѣ дѣда, а съ 1796 года былъ постоянно командиромъ авангарда.

Спрашивается было, знаетъ ли генерала Пингрю и имѣлъ ли съ нимъ сношенія?

Отвѣчалъ; кажется, я никогда его не видалъ, сношеній съ нимъ не имѣлъ, знаю, что онъ желалъ меня видѣть. Я горжусь, что не знаю его послѣ тѣхъ низкихъ средствъ, которые онъ хотѣлъ употребить, если они справедливы.

Спрашивается было, знаетъ ли бывшаго генерала Дюмурье и имѣлъ ли съ нимъ сношенія?

Отвѣчалъ: также нѣтъ.

Обо всемъ таковомъ и составляетъ подлежащая меморія за подписями, герцога Ангіенскаго, маіора Жакена, поручика Ноарб, двухъ жандармовъ и аудитора-докладчика.

Прежде чѣмъ подписалъ этотъ протоколъ, герцога Ангіенскій

сказалъ: «я настоятельно требую особой аудіенціи у перваго консула. Мое имя, званіе, мой образъ мыслей и ужасъ положенія заставляютъ меня надѣяться, что онъ не откажетъ моей просьбѣ».

Въ два часа утра, 21 марта, герцога Ангіенскаго ввели въ залу, гдѣ засѣдалъ военный судъ; онъ повторилъ то, что сказалъ при допросѣ аудитора-докладчика. Онъ стоялъ упорно въ своихъ признаніяхъ: прибавилъ, что готовъ былъ сражаться и желалъ служить въ новой войнѣ Англіи противъ Франціи:

«Спрашиваемо было, имѣеть ли что представить въ свою защиту; отвѣчалъ, что не имѣеть больше ничего сказать».

«Президентъ велѣлъ вывести обвиненнаго. Совѣтъ разсуждалъ въ запертомъ присутствіи; президентъ собралъ голоса, начиная съ младшаго по чину; потомъ сказалъ свое мнѣніе послѣ всѣхъ; по единогласію рѣшилъ, что герцога Ангіенскій виновенъ, и примѣнилъ къ нему статью... закона... слѣдующаго содержанія... въ слѣдствіе чего осудилъ его на смертную казнь».

«Приказалъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ немедленно подвѣдѣніемъ аудиторъ-докладчика, по прочтеніи его осужденному въ присутствіи различныхъ отрядовъ гарнизонныхъ корпусовъ».

«Писано, завершено и присуждено безъ выхода изъ присутствія въ крѣпости Венсенъ мѣсяца и числа какъ выше, за собственно ручнымъ подписаніемъ нашимъ, и прочая».

Яму вырыли, засыпали, выровняли; на ней развѣлись десять лѣтъ забвенія всеобщаго удовольствія и неслыханной славы; выросла трава при шумѣ залповъ, возвѣщавшихъ побѣды, при иллюминаціяхъ, освѣщавшихъ коронаваніе, бракъ дочери цесарей или рожденіе римскаго короля. Только немногіе огорченные бродили въ лѣсу, отваживаясь бросить бѣглый взоръ на ровъ около бѣдственнаго мѣста, между тѣмъ какъ нѣсколько пѣвцовъ смотрѣли на это, съ высоты заключавшей ихъ башни. Наступило возстановленіе Бурбоновъ. Землю могилы взрыли, а вѣсть съ нею и совѣсти; каждый почелъ за долгъ объясниться. Дюпенъ Старшій издалъ свой разборъ дѣла; Гюленъ, президентъ военнаго суда, отозвался также; герцогъ Ровингъ вступилъ въ преніе, обвиняя Талейрана; третье лицо вступилось за Талейрана, и Наполеонъ возвысилъ свой громкій голосъ на скалѣ острова Святой Елены.

Надо знать всѣ эти документы, чтобы каждому назначить его долю и мѣсто, которое онъ долженъ занять въ этой драмѣ. Нога

и мы въ Шавтальи; была также ночь, когда герцога Ангійскій былъ въ Венсеннѣ.

Дюпенъ, издавъ свою брошюру, прилепалъ ее ко мнѣ съ этимъ письмомъ:

Парижъ, 10 ноября 1823.

« Удостойте, виконтъ, принять экземпляръ моей брошюры
« относительно дѣла герцога Ангійскаго.

« Она бы давно уже явилась, если бы я не хотѣлъ прежде
« всего почтить волю его высочества герцога Бурбонскаго, ко-
« торый, узнавъ о трудѣ моемъ, велѣлъ изъяснить мнѣ свое же-
« ланіе, чтобы не разрывать этого несчастнаго дѣла.

« Но Провидѣнію угодно было допустить, чтобы другіе завели
« рѣчь; необходимо показать истину, и увѣрившись, что уже не
» запрещаютъ мнѣ говорить, я заговорилъ откровенно.

« Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ вашего прево-
« сходительства вѣжайшій и покорнѣйшій слуга,

« Дюпенъ ».

Дюпенъ, котораго я поздравилъ и поблагодарилъ, открываетъ въ своемъ письмѣ неизвѣстную и трогательную черту, благородныя, милосердыя добродѣтели отца жертвы. Дюпенъ такимъ образомъ начинаетъ свою брошюру:

« Смерть несчастнаго герцога Ангійскаго одно изъ тѣхъ про-
« исшествій, которыя болѣе всего опечалили французскій на-
« родъ.

« Молодой герцогъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, захваченъ измѣной на чужой землѣ, гдѣ спалъ спокойно подъ защитою правъ народовъ;
« силою привезенъ во Францію, поставленъ передъ многими
« судьями, которые ни въ какомъ случаѣ не имѣли права судить его;
« обвиненъ въ мнимыхъ преступленіяхъ; лишенъ помощи защитника;
« допрошенъ и осужденъ взаперти; казненъ ночью во рву крѣпости, служившей государственной темницею; столько
« ко несправедливыхъ добродѣтелей, столько разрушительныхъ драгоцѣнныхъ надеждъ сдѣлаютъ навсегда изъ этой катастрофы
« одно изъ самыхъ отвратительныхъ дѣлъ.

« Если никакая форма не была уважена, если судьи были незаконные,
« если они даже не потрудились прописать въ своемъ приговорѣ число и текстъ законовъ, на которыхъ, по увѣренію
« ихъ, будто бы опиралось осужденіе; если несчастный герцогъ
« Ангійскій былъ разстрѣлянъ въ силу приговора съ блявко-

«вою подписью, которому дана судебная форма уже впоследствии! Тогда это уже не только певчая жертва судебной «ошибки, а умысленная казнь».

Это краснорѣчивое вступленіе ведетъ Дюпена къ разсматриванію документовъ; сначала онъ показываетъ незаконность арестованія: герцога Англенскаго арестовали не во Франціи; онъ не былъ арестантомъ по праву военному, потому-что не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; не былъ также узникомъ по гражданскому праву, потому-что не потребовали оффиціально выдачи лица его; это было насильственное похищеніе подобно добычамъ тунисскихъ и алжирскихъ пиратовъ, разбойничій набѣгъ, *incursio latronum*.

Не судьба ли Провидѣнія эта тяжба между людьми, изъ которыхъ одинъ, послѣ многихъ лѣтъ, стараются доказать неправильность чуждаго имъ поступка, другіе бѣгутъ на встрѣчу общественному обвиненію? Чтѣ же они слышали? какой голосъ слыше великъ имъ явиться?

Послѣ великаго заповѣдца является слѣпой ветеранъ: онъ командовалъ гренадерами старой гвардіи; значить сказать — храбрыми. Последнюю рану онъ получилъ отъ Маллѣ, котораго безсильный свинецъ остался въ лицѣ, никогда не отворачивавшагося отъ ядра. *Пораженный слѣпотою, удалившись отъ сабта, не имѣя другаго утѣшенія кромѣ попеченій своего семейства* (это его собственныя слова), судья герцога Англенскаго словно выходитъ изъ могилы по зову верховнаго судіи: онъ защищаетъ свое дѣло безъ обманчивой мечты и не извиняясь:

«Пусть не ошибаются, говорятъ онъ, на-счетъ моихъ намѣреній. Я пишу не изъ боязни, потому что особа моя падаетъ подъ покровительствомъ законовъ, издаваемыхъ отъ самаго престола и въ правленіе короля справедливаго, мнѣ нечего бояться насилія и самоуправства. Я пишу, чтобы сказать истину, даже въ томъ, что можетъ быть мнѣ вредно. И потому я не имѣю притязанія оправдать ни форму, ни сущность суда, но хочу показать подъ вліяніемъ и среди какого степенія обстоятельствъ онъ вослѣдовалъ; хочу, чтобы обо мнѣ и о моихъ товарищахъ не думали, будто мы дѣйствовали какъ люди, принадлежащіе къ партіи. Если опять должны порицать насъ, я хочу также, чтобы объ насъ сказали: *Они были очень несчастны!*»

Генералъ Гюленъ утверждаетъ, что будучи названъ президентомъ военнаго суда, онъ не зналъ его цѣли; что даже по при-

ѣздѣ въ Венсенъ, она все-еще была ему неизвѣстна; что другіе члены военнаго суда также не знали; что когда они спросили коменданта крѣпости, Гареля, онъ отвѣчалъ, что самъ ничего не знаетъ, и прибавилъ эти слова: «Что прикажете! я ничего здѣсь не знаю. Все дѣлается безъ моихъ приказаній и безъ моего участія: здѣсь командуешь другой».

Было десять часовъ вечера, когда генерала Гюлена вывели изъ неизвѣстности представленіемъ документовъ. Засѣданіе было открыто въ полночь, когда допросъ плѣнника аудиторомъ - докладчикомъ былъ конченъ. «Чтеніе документовъ, говоритъ президентъ суда, подало поводъ къ одному обстоятельству. Мы замѣтили, что въ концѣ допроса передъ аудиторомъ-докладчикомъ, герцогъ, прежде подписи, *начерталъ, собственной рукою, нѣсколько строкъ, гдѣ выражалъ желаніе имѣть объясненіе съ перомъ консуломъ.* Одинъ изъ членовъ сдѣлалъ предложеніе передать эту просьбу правительству. Военный судъ согласился; но въ ту самую минуту генералъ, стоявшій за моими креслами, представилъ намъ, что эта просьба *неумѣстна.* Къ тому же мы не нашли въ законѣ никакой статьи, которая позволяла бы проволочку. Судъ не принялъ во вниманіе, представивъ себѣ, послѣ разбирательства, исполнить желаніе обвиненнаго».

Вотъ что рассказываетъ генералъ Гюленъ. А въ брошюрѣ герцога Ровиго находимъ слѣдующую фразу: «Тамъ было столько народа, что я едва послѣдній, съ трудомъ успѣлъ помѣститься за креслами президента».

Стало бытъ *за креслами президента стоялъ* герцогъ Ровиго? Но онъ или другой кто, не принадлежавшій къ членамъ военнаго суда, имѣлъ ли право мѣшаться въ разсужденія и представлять, что просьба неумѣстна.

Послушаемъ, какъ командиръ гренадеровъ старой гвардіи говорить о мужествѣ юнаго сына Кондеевъ: онъ зналъ въ томъ толкъ:

«Я приступилъ къ допросу обвиненнаго и долженъ сказать, что онъ явился передъ нами съ благородной увѣренностью, отвергнувъ обвиненіе въ прямомъ или непрямомъ участіи въ заговорѣ покушенія на жизнь перваго консула, но признался, что сражался противъ Франціи, говоря съ мужествомъ и гордостью, не позволившими намъ никогда для его собственной пользы заставить его измѣнить однажды сказанное: что онъ поддерживалъ права своей фамиліи и что ни одинъ Кондэ не можетъivotиться во Францію безъ оружія въ рукахъ. Мое рожденіе

« мой мнѣнія , прибавилъ онъ , дѣлають меня навсегда врагомъ
« вашего правительства » .

« Твердость его признаній приводила судей въ отчаяніе . Десять
« разъ мы доводили его до возможности отречься отъ своихъ
« признаній , онъ упорствовалъ непоколебимо : « Я вижу , говорилъ
« онъ по временамъ , благородныя намѣренія членовъ суда , но не
« могу воспользоваться предлагаемыми средствами . А когда я
« ему сказалъ , что на военный судъ нѣтъ апелляцій , онъ отвѣ-
« чалъ : знаю , я не скрываю отъ себя опасности , которой под-
« вергаюсь ; я желаю только имѣть свиданіе съ первымъ консу-
« ломъ » .

Есть ли въ цѣлой нашей исторіи болѣе патетическая страни-
ца? Новая Франція судить старую Францію , отдавая ей честь ,
дѣлая на караулъ , осуждая на смерть , салютуетъ знаменемъ ; судъ ,
засѣдавшій въ крѣпости , гдѣ великій Кондѣ , будучи плѣнникомъ ,
равалъ цѣвты ; генералъ гренадеровъ Бонапартовой гвардіи , сидя
напротивъ послѣдняго потомка побѣдителя при Рокроа , приходи-
тъ въ изумленіе передъ обвиненнымъ безъ защитника , допра-
шиваетъ его , между-тѣмъ , какъ шумъ могильщика , роющаго мо-
гилу , смѣшивается съ твердыми отвѣтами юнаго солдата ! Черезъ
нѣсколько дней послѣ казни , генералъ Гюленъ вскричалъ : « О ,
храбрый юпоша ! какое мужество ! я бы хотѣлъ умереть какъ
онъ » !

Генералъ Гюленъ , сказавъ о *черновой* и о *второй* редакціи при-
говора , говоритъ : « Чтò до второй редакціи , которая только одна
« была справедлива , потому-что не заключала приказанія казнить
« немедленно , но только прочесть тотчасъ приговоръ осужденно-
« му , — немедленная казнь происходитъ не отъ суда , но только отъ
« тѣхъ , которые взяли на свою собственную отвѣтственность
« ускорить эту роковую казнь .

« Увы ! мы думали совѣснъ другое ! Едва приговоръ былъ под-
« писавъ , я началъ писать письмо , въ которомъ являясь истолко-
« вателемъ общаго желанія членовъ военнаго суда , я написалъ
« первому консулу о желаніи герцога имѣть съ нимъ свиданіе и
« заклиналъ его отложить казнь , которой строгая обязанность на-
« шего положенія не позволила намъ избѣгнуть .

« Въ эту-то минуту человекъ , постоянно остававшійся въ залѣ
« совѣта , котораго я тотчасъ бы назвалъ если бы не разсудилъ ,
« что защищаясь , мнѣ не прилично обвинять , — спросилъ подош-
« дя ко мнѣ ; чтò вы дѣлаете ? — Пишу первому консулу , отвѣ-
« чалъ я , чтобы изъявить ему желаніе совѣта и осужденнаго . —

« Ваше дѣло кончено, сказалъ онъ, взявъ перо; теперь это мое дѣло ».

« Признаюсь, что я и многіе изъ товарищей думали, что онъ хотѣлъ сказать: *мое дѣло уведомить перваго консула*. Отвѣтъ, понятый въ этомъ смыслѣ, оставлялъ намъ надежду, что увѣдомленіе будетъ сдѣлано, и какъ могло намъ притти на мысль, что кто бы ни былъ возмѣ насъ, имѣлъ приказаніе пренебречь *формальностями, требуемыми закономъ?* »

Воля тайна этой роковой катастрофы заключается въ этомъ показаніи. Ветеранъ, всегда готовый умереть на полѣ сраженія, научился у смерти языку истины, и заключаетъ этими послѣдними словами:

« Я разговаривалъ о происходившемъ въ сѣняхъ, смежныхъ съ заломъ присутствія. Завязались частные разговоры; я ждалъ кареты, которая не могла въѣхать на внутренній дворъ также какъ кареты другихъ членовъ, и замедлила жой и ихъ отъѣздъ; мы были сами заперты, такъ что никто не могъ имѣть сообщенія съ внѣшними лицами, какъ вдругъ раздались выстрѣлы; страшный шумъ, раздавшійся въ глубинахъ нашихъ душъ и оледенившій ихъ ужасомъ и испугомъ. »

« Да, клянусь отъ имени всѣхъ моихъ товарищей, эта казнь не была разрѣшена нами: нашимъ приговоромъ предписывалось отправить депешу военному министру, великому судѣ министру юстиціи, и парижскому генералъ губернатору. »

« Предписаніе казнить могъ дать правильно только Мюратъ; копія не были еще отосланы и не могли быть кончены до истеченія нѣсколькихъ часовъ. Воротившись въ Парижъ, я поѣхалъ бы къ губернатору, первому консулу — какъ знать? и вдругъ страшный шумъ возвѣстия намъ, что герцога уже не существуетъ! »

« Мы не знали, получилъ ли предписанія тотъ, кто такъ же стоко ускорилъ эту роковую казнь; если не получилъ, онъ одинъ долженъ былъ отвѣчать. Если получивъ, чуждые этимъ повеленіямъ, члены военного суда, которыхъ держали заперты, которыхъ послѣднее желаніе было спасти герцога, не могли ни отворотить, ни помѣшать его дѣйствию. Ихъ нельзя обвинять. »

« Двадцать лѣтъ не смягчили горечи моихъ сожалѣній. Пусть обвиняютъ меня въ невѣжествѣ, заблужденіи, я согласенъ; пусть упрекаютъ въ повиновеніи, отъ котораго теперь въ подобныхъ обстоятельствахъ я умѣлъ бы уклониться, въ привя-

« заности къ человѣку, котораго я считалъ предназначеннымъ
« составить счастье моего отечества; въ вѣрности къ правитель-
« ству, которое считалъ тогда законнымъ, которому присягалъ;
« но пусть примуть въ соображеніе, для извиненія меня и това-
« рищей моихъ, роковыя обстоятельства, среди которыхъ должны
« мы были произнести приговоръ ».

Защитеніе слабо, но вы раскаяваетесь, генералъ: миръ съ ва-
ми! Если вашъ приговоръ послужилъ подорожной послѣдному изъ
Кондеевъ, вы соединитесь на передовой стражѣ мертвыхъ съ
послѣднимъ изъ рекрутовъ вашей древней отчизны. Молодой сол-
датъ съ удовольствіемъ раздѣлитъ постель съ гренадеромъ ста-
рой гвардіи, Франція при Фрибургѣ и Франція при Маренго за-
снутъ вмѣстѣ.

Герцогъ Ровиго, ударяя себя въ грудь, становится на свое мѣ-
сто въ процессіи, идущей исповѣдываться на могилѣ. Я нахо-
дился долго подъ вѣдѣніемъ министра полиціи; онъ попался подъ
вліяніе, которое по его расчету было мнѣ возвращено съ воз-
становленіемъ законной власти, и сообщилъ мнѣ часть своихъ
Записокъ. Люди, въ его положеніи, говорятъ о своихъ поступ-
кахъ съ удивительнымъ чистосердечіемъ; они не знаютъ, что го-
ворятъ противъ самихъ себя; обвиняютъ себя не замѣчая этого,
не подозрѣваютъ, что не всё такого мнѣнія какъ они и о взятыхъ
ими на себя обязанностяхъ, и о томъ, какъ они исполняли ихъ.
Если они измѣнили вѣрности, они воображаютъ, что не наруши-
ли клятвъ, если брали на себя роли, ввущающія отвращеніе
другимъ характерамъ, они думаютъ, что оказали большія услу-
ги. Ихъ престодушіе не оправдываетъ, но взвизываетъ ихъ.

Герцогъ Ровиго совѣтовался со мною насчетъ главъ, гдѣ онъ
разсуждаетъ о смерти герцога Ангиспскаго; онъ хотѣлъ знать
мои мысли, именно потому, что звалъ о моемъ поступкѣ; буду-
чи благодаренъ ему за этотъ знакъ уваженія, и платя откровен-
ностью за откровенность, я совѣтовалъ ему ничего не издавать
и сказалъ: — «Оставьте все это въ забвеніи; во Франція забвеніе
не заставитъ себя ждать. Вы воображаете смѣть съ Наполеона
пятно и свалить вину на Талейрана, но не довольно оправды-
ваете первого, и не довольно обвиняете второго и подставляете
спину вашимъ врагамъ; они непременно будутъ вамъ отвѣчать.
Какая вамъ нужда напоминать публикѣ, что вы командовали от-
борными жандармами въ Венсеннѣ? Она не знала, что вы при-
нимали прямое участіе въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, а вы сами

объявляете о томъ. Бросьте рукопись въ огонь, генералъ, я говорю для вашей пользы».

Напитанный правительственными правилами имперіи, герцогъ Ровиго думалъ, что эти правила приличествовали равномѣрно законному трону; онъ былъ убѣжденъ, что его брошюрка отворить ему двери Тюльери.

При свѣтѣ этого сочиненія, передъ потомствомъ обрисуются призраки траура. Я хотѣлъ скрыть обвиненнаго, пришедшаго ночью просить у меня убѣжища; онъ не принялъ покровительство моего крова.

Герцогъ Ровиго рассказываетъ объ отъѣздѣ Коленкура, котораго не называетъ; говоритъ о похищеніи въ Этенгеймѣ, о проѣздѣ плѣнника черезъ Страсбургъ и о прибытіи его въ Венсенъ. Послѣ экспедиціи на берега Нормандіи, генералъ Савари воротился въ Мальмезонъ. Его призвали въ пять часовъ вечера, 19 марта 1804 года, въ кабинетъ перваго консула, отъ котораго онъ получилъ запечатанное письмо къ генералу Мюрату, парижскому губернатору. Онъ летитъ къ генералу, сталкивается съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, получаетъ приказаніе взять отборныхъ жандармовъ и ѣхать въ Венсенъ. Онъ пріѣзжаетъ туда въ восемь часовъ вечера и видитъ какъ пріѣхали члены военного суда. Двадцать перваго мая, въ часъ утра входитъ онъ въ залу, въ которой судили герцога, и садится за президентомъ. Онъ пересказываетъ отвѣты герцога почти такъ, какъ находятся они въ протоколѣ единственнаго засѣданія. Онъ говорилъ мнѣ, что герцогъ, давъ послѣднія объясненія, съ живостью снялъ фуражку, положилъ ее на столъ и, какъ человѣкъ жертвующій жизнью, сказалъ президенту: — «Мнѣ нечего больше говорить».

Герцогъ Ровиго настаиваетъ на томъ, что засѣданіе не было тайственно: — «Двери залы, утверждаетъ онъ, были открыты и свободны для всѣхъ тѣхъ, которые могли быть тамъ въ этотъ часъ». Дюпенъ замѣтилъ уже это смятеніе въ доводахъ. При этомъ случаѣ, Ахиллъ Рошъ, который какъ-будто пишетъ въ пользу Таллейрана, восклицаетъ: «Засѣданіе не было тайственно! Въ полночь! Оно происходило въ обитаемой части замка; въ обитаемой части темницы! Кто же присутствовалъ при этомъ засѣданіи? Тюремщики, солдаты, палачи».

Никто болѣе герцога Ровиго не могъ дать вѣрнѣйшихъ подробностей о времени и мѣстѣ громоваго удара: послушаемъ же герцога:

«Послѣ произнесенія приговора, я удалился съ оондерами

« моего корпуса, которые вмѣстѣ со мною присутствовали при
« разборательствѣ дѣла, и пошелъ къ войскамъ, стоявшимъ на
« площадкѣ замка. Офицеръ, командовавшій пѣхотой моего легі-
« она, пришелъ сказать мнѣ съ глубокимъ волненіемъ, что отъ
« него требуютъ отряда для исполненія приговора военнаго су-
« да: — «Дайте», отвѣчалъ я. — Но куда его поставить? — «Тамъ
« гдѣ вы не можете никого ранить». Потому что уже жители
« многолюдныхъ окрестностей Парижа шли по дорогамъ на
« рынки.

« Осмотрѣвъ внимательно мѣста, офицеръ выбралъ ровъ, какъ
« самое безопасное мѣсто, чтобы никого не ранить. Герцога Ан-
« гиенскаго привели туда по лѣстницѣ въздной башни со сто-
« роны парка; онъ выслушалъ тамъ приговоръ, который и былъ
« исполненъ ».

Подъ этимъ параграфомъ находится отиѣтка автора Записки:
« Между приговоромъ и исполненіемъ, вырыли могилу: почему
« и сказали, что вырыли ее прежде осужденія ».

Къ несчастію, недосмотры здѣсь бросаются въ глаза: «Гер-
« цогъ Ровиго увѣряетъ, говоритъ Ахиллъ Рошъ, защитникъ
« Таллейрана, что онъ повиновался! Кто передалъ ему предпи-
« саніе о казни? Кажется, что какой-то Дельга, убитый въ ва-
« грамскомъ сраженіи. Но Дельга ли это или нѣтъ, если генералъ
« Савари ошибается, назвавъ Дельга, никто не станетъ помогать-
« ся нѣиче славы, которую онъ приписываетъ этому офицеру.
« Обвиняютъ герцога Ровигò въ ускореніи казни; онъ отвѣчаетъ,
« что не онъ, а человѣкъ, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ, сказалъ
« ему, что дано предписаніе ускорить ее ».

Герцогу Ровиго не удастся разсказъ казни, которая, по его
словамъ, происходила днемъ: это ничего не измѣнитъ въ сущ-
ности дѣла, а только отниметъ у казни факелъ.

« Въ часъ солнечнаго восхода, на чистомъ воздухѣ, нуженъ
« былъ, говоритъ генералъ, фонарь, чтобы видѣть человѣка въ
« *шести шагахъ!* Это потому, прибавляетъ онъ, что солнце не
« ясно свѣтило; какъ цѣлую ночь шелъ мелкій дождь, то оста-
« вался сырой туманъ, замедлявшій появленіе солнца. Казнь про-
« исходила въ шесть часовъ утра; этотъ фактъ подтверждается
« *неоспоримыми документами.*

А генералъ и не даетъ и не указываетъ этихъ документовъ.
Ходъ процесса показываетъ, что герцога Ангиенскаго осудили
въ два часа утра и тотчасъ разстрѣляли. Эти слова, *два часа*
утра, написанныя сначала въ первой черновой приговора, бы и

потомъ въ ней помараны. Протоколъ вырытія тѣла доказываетъ, по показанію трехъ свидѣтелей, мадамъ Бовъ, Годара и Бониле (этотъ помогаль рыть могилу), что казнь происходила ночью. Люпенъ старшій припоминаетъ обстоятельство свѣточа, привязаннаго къ сердцу герцога Ангійскаго, чтобы служить цѣлью, или который герцога Ангійскій держалъ самъ. Сказывали о большомъ камнѣ, вырытомъ изъ могилы и которымъ разбили голову осужденнаго. Наконецъ будто-бы герцогъ Ровиго хвалился, что владѣеть нѣсколькими незабудками жертвоприношенія; я самъ повѣрилъ этимъ слухамъ; но законные документы доказываютъ, что они были не основательны.

По протоколу отъ середины 20 марта 1816 года, врачи и хирурги, при вырытіи тѣла признали, что голова была разбита, что въ верхней челюсти, совершенно отдѣленной отъ костей лица, было двѣнадцать зубовъ, что нижняя челюсть, изломанная въ средней части, была раздѣлена на двое и представляла только три зуба. Тѣло лежало грудью внизъ, голова ниже ногъ; на шейныхъ позвонкахъ была золотая цѣпь.

Второй протоколъ вырытія тѣла (того же 20 марта 1816 года.) Общій протоколъ удостовѣряетъ, что съ остатками скелета нашли сафьянный кошелекъ съ двѣнадцатью золотыми монетами, семьдесятъ монетъ въ запечатанныхъ сверткахъ, волосы, остатки одежды, куски фуражки съ дырами, пробитыми пулями.

И такъ герцогъ Ровиго ничего не взялъ отъ жертвы; земля возвратила все и засвидѣтельствовала о честности генерала; свѣточъ не былъ привязанъ къ сердцу принца, а то слѣды его нашлись бы какъ остатки прострѣленной фуражки; большаго камня не вынимали изъ могилы; выстрѣловъ отряда въ шести шагахъ было достаточно, чтобы раздробить голову, чтобы *отдѣлить верхнюю челюсть отъ костей лица* и прочая.

Въ этой насмѣлкѣ надъ людскою суетой недоставало только подобнаго убіенія Мюрата, парижскаго губернатора, смерти плѣннаго Бонапарта и надписи, вырѣзанной на гробъ герцога Ангійскаго. «Здѣсь покинется тѣло высоковельможнаго и могущественнаго князя отъ роду королевскаго, пера Франціи, скончавшагося въ Вевсенвѣ 21 марта 1804 года, тридцати одного году, семи мѣсяцевъ и девятнадцати дней отъ роду». Тѣло было — разбитыя голыя кости; *высокій и могущественный принцъ* — раздробленные остатки солдатскаго остова: ни одного слова, напоминающаго катастрофу, ни одного слова порицанія или горести въ эпи-

таѳи, вырѣзанной плачущимъ семействомъ. Даже поспѣшили увнчтожить погребальное убранство церкви герцога Беррійскаго.

Сколько ничтожества! Бурбоны, бесполезно возвратившіеся въ свои дворцы, вы занимались только вырытіемъ тѣлъ и похоровами! Богу такъ было угодно! Древняя слава Франціи погибла въ глазахъ тѣни великаго Кондѣ въ венсенскомъ рву: можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ Людовикъ-Девятый, къ которому ходили только какъ къ святому, «садился подъ дубомъ и всѣ имѣвшіе къ нему дѣло, приходили безъ помѣхи отъ придверниковъ и другихъ, а буде усматривалъ нѣкое дѣло къ исправительству, въ рѣчахъ тѣхъ, кои глаголали за другихъ, то самъ исправлялъ оное усты своими царскими, а всѣ пришедшіе къ нему на судъ и расправу, вокругъ него стояли» (Жоанвилъ.)

Сохранилось письмо девяталѣтняго герцога Ангійскаго къ отцу, герцогу Бурбонскому; онъ пишетъ: «Всѣ Ангійскіе счастливы, и тотъ, кто выигралъ серизольское сраженіе, и тотъ кто выигралъ сраженіе при Рокроа; я надѣюсь также быть счастливымъ».

Правда ли, что отказали дать священника жертвѣ? Правда ли, что съ трудомъ пашлась рука, взявшаяся передать женщинѣ послѣдній залогъ привязанности?

Герцогъ Ангійскій жепился тайно на княгинѣ Шарлоттѣ де-Роавъ; въ тѣ времена отечество было кочевое, одного человека, по поводу его возвышенія, останавливали тысячи политическихъ препонъ; чтобы наслаждаться тѣмъ, что общество позволяетъ всѣмъ, онъ былъ принужденъ скрываться. Этотъ законный бракъ, нынѣ извѣстный, возвышаетъ блескъ трагическаго конца, замѣняетъ небесной славой прощеніе небесное: религія увѣковѣчиваетъ торжественность несчастія, когда послѣ свершившейся катастрофы, возвышается крестъ на пустынномъ мѣстѣ.

Таллейранъ, послѣ брошюры герцога Ровигд, представилъ оправдательную записку Людовику-Осемнадцатому; эта записка, которой я не видѣлъ, и которая должна была все объяснить, ничего не объясняетъ. Въ 1820 году, назначенный посланникомъ въ Берлинъ, я отрылъ въ архивахъ посольства письмо *гражданина Лафорѣ къ гражданину Таллейрану*, о герцогѣ Ангійскомъ. Это энергическое письмо тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь автору, что онъ не боялся компрометировать своей карьеры, не получивъ въ награду общественнаго мнѣнія, потому что его поступокъ долженъ былъ остаться невзвѣстнымъ.

Таллейранъ получилъ урокъ и замолчалъ, по крайней мѣрѣ я не

нашелъ въ тѣхъ же архивахъ ничего, касающагося... смерти герцога. Министръ чюостранныхъ дѣлъ увѣдомилъ однако, втораго вандер-за, министра бадевскаго курфюрста, « что первый консулъ считалъ « нужнымъ послать отряды въ Осенбургъ и въ Эттенгеймъ, что- « бы захватить зачинщиковъ ужасныхъ заговоровъ, которые, по « существу своему, поставляютъ соучастниковъ ихъ внѣ права « народовъ.»

У генерала Гурго, Монтолона и доктора Ворда выходитъ на сцену Бонапарте: « Министръ мой, говоритъ онъ, сильно пред- « ставлялъ мнѣ о необходимости захватить герцога Ангйенскаго, « хотя онъ находился на нейтральной землѣ. Но я еще колебал- « ся и князь Беневентскій приносилъ мнѣ два раза для подписа- « ния приказъ объ арестованіи. Однако я рѣшился подписать уже « послѣ того какъ убѣдился въ необходимости такого дѣйствія.»

По словамъ Записокъ Острова Святой Елены, у Бонапарте вырвались слѣдующія слова: « Герцогъ Ангйенскій держалъ себя передъ судилищемъ очень мужественно; по прїѣздѣ въ Страсбургъ, онъ написалъ мнѣ письмо: оно было отдано Таллейрану, который удержалъ его до казни.»

Я мало вѣрю этому письму: Наполеонъ превратилъ въ письмо желаніе герцога Ангйенскаго говорить съ завоевателемъ Италіи, или скорѣе нѣсколько строкъ, выражающихъ это желаніе, которыя прежде подписанія допроса аудитора-докладчика, герцогъ начерталъ собственной рукой. Впрочемъ, если этого письма не нашлось, не надо непременно заключать, что оно не было написано: « Я узналъ, говоритъ герцогъ Ровиго, что въ первые « дни послѣ возстановленія Бурбоновъ, въ 1814 году, однимъ изъ « секретарей Таллейрана безпрерывно рылся въ архивахъ, но въ « галлереей музеума. Я это знаю отъ того, кто получилъ приказаніе пропустить его туда. То же происходило и въ депо военнаго министерства относительно процесса герцога Ангйенскаго, « гдѣ остался только приговоръ.»

Это справедливо: всѣ дипломатическія бумаги, особенно же переписка Таллейрана съ императоромъ и первымъ консуломъ, были перенесены изъ архивовъ музеума въ домъ въ улицѣ Сентъ-Флорентинской; часть истребили, а остальное бросили въ печку, забывъ ее затопить: благоразуміе министра не могло болѣе перевѣситъ вѣтренность князя. Несожженные документы нашлись; нѣкто считалъ долгомъ сохранить ихъ: я держалъ въ своихъ рукахъ и читалъ собственными глазами, письмо Таллейрана отъ 8 марта 1804 года, относительно, еще не совершившагося аресто-

занія герцога Ангійскаго. Министръ уговаривалъ перваго консула быть неумолимымъ къ врагамъ. Минъ не позволили оставить это письма, я замѣтилъ изъ него только эти два мѣста: «Если правосудіе обязываетъ строго наказывать, политика требуетъ наказывать безъ изытанія».... «Я укажу первому консулу на Коленкура, которому онъ можетъ дать приказаніе, и который исполнитъ ихъ съ скромностью и съ вѣрностью.»

Появится ли когда-нибудь это доведеніе князя Таллейрана? Не знаю; мнѣ извѣстно только то, что оно еще существовало два года тому.

Въ совѣтѣ было разсужденіе объ арестованіи герцога Ангійскаго. Камбжсересъ, въ своихъ неизданныхъ запискахъ, утверждаетъ, и я этому вѣрю, что онъ противился арестованію; но приводя свои слова, не упоминаетъ, что ему возражали.

Впрочемъ «Записки Острова Святой Елены» отвергаютъ просьбы о прощеніи, которымъ будто бы подвергался первый консулъ. Минимая сцена Жозефины, испрашивающей на коленяхъ помилуваніе герцогу Ангійскому, цѣлящейся за платье неумолимаго мужа, который будто бы тащилъ ее пополу за собою, одно изъ тѣхъ мелодраматическихъ изобрѣтеній, съ которыми наши ба своицы вынѣ связываютъ истинную исторію. Жозефина не знала вечеромъ 19 марта, что герцога Ангійскаго будутъ судить; она только знала, что онъ арестованъ. Она обѣщала мадамъ де-Ремюзэ принять участіе въ участіи герцога. Когда та возвращалась 19 числа вечеромъ, въ Мальмезонъ съ Жозефиной, замѣтила, « что будущая императрица, вмѣсто того, чтобы единственно заниматься опасностью вевсенскаго плѣнника, часто высовывала голову изъ кареты, чтобы взглянуть на герцогиню, ѣхавшаго въ ея свѣтѣ: женское кокетство увлекло въ другую сторону мысль, которая могла спасти жизнь герцога Ангійскаго. Только 21 марта Бонапарте сказалъ женѣ: « Герцогъ Ангійскій разстрѣлять.»

«Записки» мадамъ де-Ремюзэ, которую я зналъ, были чрезвычайно любопытны въ статьѣ о внутреннихъ дѣлахъ Наполеонова двора. Сочинительница сошла ихъ во время Ста-Дней, а потомъ опять написала: но это уже только воспоминанія, вызванныя воспоминаніями; краски слабы, но лица по-прежнему разоблачены и обожжены безразвратно.

Люди, привязанные къ Наполеону, говорятъ, что онъ узналъ о смертномъ приговорѣ герцога Ангійскаго послѣ его казни: этому

разказу придалъ бы вѣроятіе анекдотъ, разказанный герцогомъ Ровигò, относительно Реала, отправившагося въ Венсеннъ, если бы этотъ анекдотъ былъ справедливъ. Такъ какъ уже нельзя было вѣротить жизни, однажды отнятой революціонными интригами, Бонапарте ничего не сказалъ, чтобы не раздражить могущественныхъ людей; это замысловатое изъясненіе не можетъ быть принято.

По разсмотрѣніи въ общей сложности этихъ фактовъ, вотъ что они мнѣ доказали:

Коленкуръ виновать только въ томъ, что исполнилъ приказъ объ арестованіи.

Мюратъ могъ упрекать себя только въ томъ, что передалъ общія приказанія и не имѣлъ силы подать въ отставку; его не было въ Венсеннѣ во время суда.

На герцога Ровигò было возложено исполненіе приговора; онъ имѣлъ, вѣроятно, тайное повелѣніе; генералъ Гюленъ намекаетъ на это. Кто осмѣлился бы взять на себя исполнить *безъотлагательства* смертный приговоръ надъ герцогомъ Ангіенскимъ, если бы у него не было повелѣнія свыше?

Что до Таллейрана, то будучи священникомъ и дворяниномъ, онъ внушилъ и приготовилъ казнь, настоятельно тревоживъ Бонапарта: онъ боялся возвращенія Бурбоновъ. Очень можно бы, собравъ все, что Наполеонъ сказалъ на островѣ Святой Елены, собравъ письма отѣнскаго епископа, доказать, что Таллейранъ принялъ очень сильное участіе въ казни герцога Ангіенскаго. Напрасно стали бы возражать, что вѣтренность, характеръ и воспитаніе министра должны были удалить его отъ наслія, что развращеніе отнимало у него энергію; все-таки останется не сомнѣннымъ, что онъ уговорилъ перваго консула на роковое задержаніе. Таллейранъ зналъ объ этомъ задержаніи герцога Ангіенскаго пятнадцатаго марта, потому что находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Бонапартомъ и разсуждалъ съ нимъ. Въ промежутокъ между арестованіемъ и казнью, раскаялся ли зачинщикъ, сказалъ ли хоть слово первому консулу въ пользу несчастнаго герцога? Не естественно ли думать, что онъ радовался исполненію приговора.

Военный судъ осудилъ герцога Ангіенскаго, но съ горестью и раскаяніемъ.

Вотъ какова, по совѣсти, безпристрастно, строго справедливая доля каждаго. Судьба моя была слишкомъ связана съ этой катастрофой, чтобы я не старался прояснить мракъ и изложить по-

дробности. Не будь смерти герцога Англенскаго, я бы сблизился съ Бонапартомъ, и что бы изъ этого вышло? Моя литературная карьера кончилась бы, войдя однимъ скачкомъ въ политическую, гдѣ я доказалъ, на что былъ способенъ, въ испанскую войну; я бы сталъ богатымъ и могущественнымъ. Франція выиграла бы изъ союза моего съ Наполеономъ; я проигралъ бы. Можетъ-быть, я успѣлъ бы внушить умѣренные мысли великому человѣку; но жизнь моя, поставленная въ рядъ съ тѣми, которыхъ называютъ счастливыми, лишилась бы того, что составило отличительную черту ея и славу: бѣдности, борьбы и независимости.

Различные актеры трагедіи взаимно сваливаютъ вину одинъ на другаго: только Бонапарте сохраняетъ свое величіе подъ гнѣтомъ обвиненія, не преклоняетъ головы, стоитъ прямо и вскрикиваетъ какъ стоикъ: «Боль! никогда не скажу, что ты зло!»

Челядь и войско, лакейская и палатка, имѣли своихъ представителей на островѣ Святой Елены: слуга, достойный уваженія за вѣрность, помѣстился возлѣ Наполеона, какъ эхо къ его словамъ.

Авторъ самаго уважаемаго изъ сочиненій объ островѣ Святой Елены, излагаетъ теорію, изобрѣтенную Наполеономъ для выгоды его политики. Ла-Казъ рассказываетъ, какъ чудный плѣбникъ, блуждая по уединеннымъ тропинкамъ, увлекалъ за собою, своей рѣчью, легковѣрнаго обожателя подобно тому, какъ Геркулесъ привѣшивалъ людей къ своимъ губамъ золотыми цѣпями.

«Въ первый разъ, говоритъ добрый камергеръ, когда я услышалъ, какъ Наполеонъ произнесъ имя герцога Англенскаго, я покраснѣлъ отъ замѣшательства. Къ счастью я шелъ за нимъ по узкой тропинкѣ, а то онъ бы непременно замѣтилъ это. Однако, когда въ первый разъ онъ развилъ всѣ подробности этого происшествія, когда изложилъ разныя причины съ своей сжатой, свѣтлой, увлекательной логикой, я долженъ признаться, что дѣло принимало въ глазахъ моихъ новый видъ.... Онъ часто разсуждалъ объ этомъ предметѣ, что позволило мнѣ замѣтить въ немъ очень рѣзкіе оттѣнки. Я могъ видѣть въ немъ очень ясно и не разъ частнаго человѣка въ состязаніи съ обществомъ общественнымъ и природныя чувства сердца въ борьбѣ съ его гордостью и достоинствомъ. Въ свободѣ короткой бесѣды онъ не казался равнодушнымъ къ участи несчастнаго герцога, но совсѣмъ другое дѣло, когда это было для публики. Однажды разговаривая со мною о судьбѣ в молодости несчастнаго герцога, онъ кончилъ этими словами: «А я послѣ узналъ, что онъ былъ»

«хорошо расположенъ ко мнѣ; меня увѣрили, что онъ говорилъ обо мнѣ не безъ восторгу. Навѣрно, если бы я узналъ во время подробности, касающіяся его мнѣнія и характера и особенно если бы прочелъ его письма, отданныя мнѣ, Богъ знаетъ почему, только послѣ его смерти, я бы навѣрно простилъ его». Намъ было легко видѣть, что только сердце и характеръ внушили Наполеону эти слова в то единственно для насъ, потому-что онъ съелъ бы за униженіе, если бы издумалъ, что онъ хотѣлъ оправдываться; его опасеніе и шекотливость были таковы на этотъ счётъ, что говоря съ чужими, вѣд диктуя объ этомъ предметѣ для публики, онъ ограничивался тѣмъ, что — если бы зналъ о письмѣ герцога, можетъ-быть простилъ бы его, по уваженію къ великимъ политическимъ выгодамъ, которыя могъ черезъ это получить».

Важное поученіе однако можно извлечь изъ всего этого. Два дѣйствія, оба предосудительныя, положили начало и привели паденіе Наполеона: дѣло герцога Англенскаго и испанская война.

Въ доказательство этой истины, замѣтите, что тотчасъ послѣ смерти герцога началось разномысліе, которое, возрастая не мѣрѣ неудачъ, рѣшило паденіе страшнаго завоевателя. Россія, по случаю арестованія герцога Англенскаго, послала замѣчанія противъ насильственнаго вступленія на территорію германской имперіи. Наполеонъ почувствовалъ ударъ.

Ненависть берлинскаго кабинета происходитъ отсюда же: я говорилъ о благородномъ письмѣ Лафоре, въ которомъ онъ разсказывалъ Таллейрану, какое дѣйствіе произвела смерть герцога Англенскаго на петсдамскій дворъ. Мадамъ де-Стааль была въ Пруссіи, когда пришло извѣстіе. «Я жила въ Берлинѣ, говорить она, на набережной Шпре, въ нижнемъ этажѣ. Въ одно утро, въ осемь часовъ меня разбудили, говоря, что принцъ Людовикъ-Фердинандъ верхомъ у моихъ оконъ, желалъ говорить со мной. — Знаете ли, сказалъ онъ, что герцога Англенскаго схватили на Баденской землѣ, передали военному суду и разстрѣляли черезъ двадцать-четыре часа по прибытіи его въ Парижъ? — Какой вздоръ, сказала я, развѣ вы не видите, что этотъ слухъ распускаютъ враги Франціи? Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ ни сильна была моя ненависть къ Бонапарту, она не доходила до того, чтобы заставить меня вѣрить возможности подобнаго поступка. Если вы сомнѣваетесь, отвѣчалъ принцъ Людовикъ, я пришлю вамъ Монiteurъ, въ которомъ вы прочтете приговоръ. Онъ убѣдѣнъ, и выраженіе его фюзіоніи предвѣщало мщеніе или смерть».

«Черезъ четверть часа у меня былъ въ рукахъ «Moniteur» отъ двадцать-перваго марта, содержавшій смертный приговоръ военнаго суда въ Веневиѣ, противъ нѣкаго по имени Людовика, «а во прозвищу Ангiенскаго! Принцъ Людовикъ написалъ мнѣ послѣ этого записку, начиная такъ: Нѣкто по имени Людовикъ, а по прозвищу Прусскій, спрашиваетъ мадамъ де-Стаэль, и прочая.... Онъ чувствовалъ обиду, нанесеную крови и воспоминанiю героевъ такого высокаго происхожденiя».

Это негодованiе принца, которое онъ долженъ былъ заплатить своей жизнью, еще продолжалось, когда началась прусская кампанiя 1806 года. Фридрихъ Вильгельмъ, въ своемъ манифестѣ отъ девятаго октября, говоритъ: «Германцы не отмстили смерть герцога Ангiенскаго, во никогда воспоминанiе объ этомъ не изгладится между нами.»

Счастлива по крайней мѣрѣ была жизнь моя тѣмъ, что не возмущала ее боязнь, не заразили примѣры! Удовольствiе, которое чувствую нынѣ отъ того, что сдѣлалъ прежде, ручается мнѣ въ томъ, что совѣсть не химера. Въ 1807 году, съ сердцемъ взволнованнымъ, рассказаннымъ мною происшествiемъ, я написалъ о томъ нѣсколько строкъ въ «Mercure de France»: журналъ тотчасъ былъ запрещенъ за эту статью.

Отнынѣ вдали отъ дѣятельной жизни, спасенный покровительствомъ мадамъ Бачiокки отъ гнѣва Наполеона, я оставилъ временную квартиру мою въ улицѣ Beaune и переселился въ улицу Migomesnil. Небольшой домикъ, нанятый мною, былъ занятъ потомъ Лалли-Толендалемъ и мадамъ Девенъ, его самовозлюбленной, какъ говорили во времена Дiаны Поатье. Мой садикъ касался дровянаго двора, а подъ окнами былъ у меня большой тополь, который Лалли-Толендалъ, чтобы не дышать сырýmъ воздухомъ, срубилъ самъ своей толстой рукой, которая казалась ему прозрачною и тощей: это былъ также обманъ воображенiя. Уличная мостовая кончалась у моихъ воротъ выше улца или дорога шла черезъ пустопорожнее мѣсто, называемое *la Butte aux Lapins*. Butte aux Lapins, усѣянный нѣсколькими одиночными домиками, соединялся на-право съ садомъ Тиволи, откуда я уѣхалъ съ братомъ въ эмиграцію, а на-лѣво съ паркомъ Монiо. Я часто гулялъ въ этомъ оставленномъ паркѣ; революцiя началась тамъ оргiями герцога Орлеанскаго: убище это было украшено мраморными паготами и искусственными руинами, символами вѣтреной и развратной политики, покрывшей Францiю прелестницами и развалинами. Digitized by Google

Я ничѣмъ не занимался; много что бестѣловалъ въ паркѣ съ соснами или разговаривалъ о герцогѣ Англенскомъ съ тремя воронами, на берегу искусственной рѣчки, скрытой подъ ковромъ зеленого моху. Лишенный альпійскаго посольства и римскихъ друзей, точно такъ какъ былъ вдругъ разлученъ отъ лондонскихъ привязанностей, я не зналъ что дѣлать съ своимъ воображеніемъ и съ чувствами; каждый вечеръ припрятывалъ ихъ къ солнцу, а лучи его не могли увлечь ихъ на море. Я возвращался домой и старался заснуть при шумѣ моего тополя.

Однако отставка увеличивла мою славу: нѣсколько храбрости всегда къ лицу во Франціи; нѣсколько особъ изъ прежняго общества графини де-Бомонъ, ввели меня въ новые замки. Графъ де-Токвиль, шурина братъ и опекунъ моихъ осиротѣлыхъ племянниковъ, жилъ въ замкѣ мадамъ де-Сензанъ: все это были наслѣдія послѣ гильотины; я видѣлъ какъ росли тамъ мои племянники съ своими токвильскими братцами, между которыми воспитывался Алексисъ Токвиль, авторъ «*Démocratie en Amérique*». Его больше баловали въ Вервѣль, чѣмъ меня въ Комбургѣ. Послѣднюю ли безвѣстную славу видѣлъ я въ пленкахъ? Алексисъ де-Токвиль пробѣжалъ образованную Америку, какъ я пробѣгалъ ея лѣса.

Вервѣль перешелъ въ другія руки; онъ сдѣлался владѣніемъ мадамъ де-Сень-Фаржѣ, знаменитой по отцу и по революціи, признавшей ее дочерью.

Возлѣ Манта, въ Менилѣ, жила мадамъ Розанбо: племянникъ мой Людовикъ де-Шатобрианъ, женился тамъ въ-послѣдствіи на мадамозель д'Оргландъ, племянницѣ мадамъ де-Розанбо: красота ея уже не мелькаетъ около прудовъ и буковъ замка: она исчезла. Когда я ѣздилъ изъ Вервѣля въ Мениль, то пробѣжалъ мимо Мези: графиня де-Мези была романомъ, переплетеннымъ въ добродѣтель и материнскую горечь. По-крайней-мѣрѣ если бы ея ребенокъ, который упалъ изъ окна и разбилъ себѣ голову, могъ, какъ молодыя перепелки, за которыми мы охотились, пролетѣть надъ замкомъ и укрыться въ Иль-Бель, веселый островокъ на Сенѣ! Coturnix per stipulas pascens.

Съ другой стороны этой Сены, недалеко отъ Марѣ, мадамъ де-Вентимиль представила меня въ Меревиль. Меревиль былъ оазисъ, созданный улыбкой музы, но одной изъ тѣхъ рѣдкихъ музъ, которыхъ гальскіе поэты называютъ *научными волхвами*. Здѣсь приключенія *Бланки* и *Велледы* читались передъ взаш-

ныи поколѣвіями, которыя, распускаясь одно изъ другаго, какъ цвѣты, слушаютъ нынѣ жалобы монхъ годовъ.

Мало-по-малу передъ монхъ разумомъ, утомленнымъ покоемъ, въ моей Мироменильской улицѣ, образовались отдаленныя призраки. «Духъ Христіанства» внушилъ мнѣ мысль испитать это сочиненіе на дѣлѣ, смѣшавъ съ лицами католическими лица миеологическія. Тѣнь, которую долго спусти, я назвалъ Кимодикеей, неопредѣленно обрисовалась въ головѣ моей: никакая черта ея не была обозначена. Однажды разгадавъ Кимодикеею, я заперся съ нею, какъ это всегда случалось съ дочерью моего воображенія; но прежде чѣмъ онѣ выйдутъ изъ состоянія мечты и придутъ съ береговъ Леты въ ворота изъ слоновой кости, онѣ часто измѣняютъ форму. Если я создаю ихъ любовью, то любовью также и уничтожаю, и единственный, обожаемый предметъ, представляемый мною свѣту, есть всегда произведеніе тысячи невѣрностей.

Я только годъ оставался въ Мироменильской улицѣ, потому что домъ былъ проданъ. Я условился съ маркизой де Коаленъ, которая отдала мнѣ въ-наемъ верхній этажъ своего дому на площади Людовика-Пятнадцатаго.

Маркиза де-Коаленъ была женщина большаго свѣта. Ей было почти осемдесятъ лѣтъ; въ гордыхъ и повелительныхъ глазахъ ея выражались умъ и насмѣшливость. Маркиза де-Коаленъ ничего не смыслила въ литературѣ и гордилась тѣмъ; она прошла чрезъ Вольтеріанскій вѣкъ, не имѣя о немъ никакого понятія, а если и помнила о томъ времени, то только какъ о времени разглагольствующихъ мѣщанъ. Это совсѣмъ не потому, чтобы она говорила когда-нибудь о своемъ рожденіи; она была дотогу умна что не могла выказаться смѣшною; она очень хорошо умѣла принимать мелкій народъ, не унижаясь; она была дочерью перваго маркиза Франціи. Если она происходила отъ Дрогова де-Неля, убитаго въ Палестинѣ въ 1096 году; отъ Рауля де-Неля, коннетабля, посвященнаго въ рыцарство Людовикомъ-Одиннадцатымъ; отъ Іоанна-Втораго де-Неля, регента Франціи во время послѣдняго крестоваго похода Людовика Святаго, маркиза де-Коаленъ признавалась, что это была глупость судьбы, за которую она не должна была отвѣчать; она натурально принадлежала ко двору, какъ другіе болѣе счастливые, принадлежать къ улицѣ, какъ иная лошадь родится арабской кобылой или извошачьей клячей: она не была въ томъ виновата и нельзя ей было не переносить зло, которымъ небу угодно было постытить ея.

Иногда ли маркиза де-Коаленъ сдѣла съ Людовикомъ-Пятнадцатымъ? она никогда въ томъ не признавалась, отрицалась, отрицалась, что онъ ее очень любилъ, но она утверждала, будто обождалась съ нимъ очень строго. «Я видѣла его у монаха нога, говорила она мнѣ: у него были прелестные глаза, а рѣки ободрастительница. Онъ предложилъ мнѣ однажды подарить «архирейский туалетъ, такой какъ у мадамъ де-Помпадуръ.

« — Ахъ, государь! вскричала я, развѣ для того, чтобы спрятаться подъ него!»

По странной случайности, я нашелъ этотъ туалетъ у маркизы Кондремъ въ Лондонѣ: она получила его отъ Георга-Четвертаго и показывала мнѣ съ забавной простотою.

Маркиза де-Коаленъ занимала въ своемъ домѣ комнату съ выходомъ подъ колоннаду противъ колоннады королевскаго гарде-роба. Два морскіе вида Вернета, которые Людовикъ-Возлюбленный подарилъ благородной дамѣ, висѣли на старыхъ зеленыхъ атласныхъ обояхъ. Маркиза де-Коаленъ до двухъ часовъ по полудни, сидѣла на огромной кровати съ зелеными занавѣсками, опираясь на изголовье; изъ подъ ночнаго чепчика, дурно прикрѣпленнаго на головѣ, выбивались сѣдые волосы. Алмазные серьжки стариннаго фасону, спускались на надетыя на одѣла, усыпаннаго табакомъ, какъ во времена щеголейхъ Фронды. Волосъ не валились *адресы*, оторванные отъ писемъ и на этихъ адресахъ маркиза де-Коаленъ писала какъ попало свои мысли: она не покупала бумаги, ее снабжала почта. Время отъ времени собачка ея Лили высовывалась изъ подъ простыни, лаяла минутъ съ пять и ворча пряталась въ конурку. Вотъ какъ время отдѣлало предметъ любви Людовика-Пятнадцатаго!

Графиня де-Шатору съ сестрами были кузины маркизы де-Коаленъ: эта бы уже не отвѣчала, какъ графиня де-Мальи, рассказывающая и христіанка, человѣку, оскорбившему ее грубымъ словомъ въ церкви Святаго-Роха: «Другъ мой, если вы меня знаете, то молитесь за меня».

Маркиза де-Коаленъ, скупая какъ многіе умные люди, копала деньги въ шкафахъ. Копѣйки искусали ея кожу какъ клопы; дворня облегчала ея дѣла. Когда я находилъ ее погруженною въ зачуханные цифры, она напоминала мнѣ скупаго Гармократа, который, диктуя завѣщаніе, назначилъ наследникомъ самого себя. Она иногда давала однако обѣды, но вадрица противъ кофе, который по словамъ ея, никто не любилъ, а пили, только, чтобы продлить обѣду.

Жена моя ѣздила въ Виши съ маркизой де-Коаленъ и маркизомъ де-Неленъ; маркизь скакалъ впередъ и заказывалъ славныя обѣды. Маркиза де-Коаленъ прѣѣзжала вслѣдъ за нимъ и спрашивала только полкуанта вишенъ. Передъ отъѣздомъ ей подавали огромныя счеты, тогда поднимался страшный шумъ. Она кромѣ вишеновъ ни о чемъ не хотѣла знать, а хозяинъ доказывалъ, что обѣдали или пѣтъ, а заплатить все же надо.

Маркиза де-Коаленъ сочинила было себѣ иллюминацию своего роду. И върѣ и невѣруя, она насмѣхалась надъ тѣмъ, чѣмъ ее пугало суевѣріе. Она встрѣтилась съ госпожей Крюднаръ. Мистическая Француженка плохо восхищалась восторгами русско-й иллюминатки. Онѣ сказали себѣ взаимно по колкости и больше не выдалась.

Маркиза де-Коаленъ хвалилась, что ввела въ моду при дворѣ шушенныя букли, несмотря на то, что королева Марія Лещинская, очень набожная, противилась этому опасному нововведенію. Маркиза утверждала, что прежде особа хорошаго тону никогда не вздумала бы заплатить доктору. Раскричавшись противъ изобилія женскаго бѣлья, она сказала: «Это прилично только « для выскочекъ, а у насъ придворныхъ женщинъ было только « по двѣ рубашки; шилъ новыя, когда тѣ износятся; мы ходили « въ шелковыхъ платьяхъ и не походили на гризетокъ, какъ « нынѣшнія мамзели».

У мадамъ Сюаръ, жившей въ улицѣ Royale, былъ пѣтухъ, котораго пѣніе, разнесясь по двору, безпокоило маркизу де-Коаленъ. Она написала къ мадамъ Сюаръ: «Милостивая государыня, « велите перерѣзать горло вашему пѣтуху». Мадамъ Сюаръ отослала посланіе съ этой запиской: «Милостивая государыня, янѣю « честь отвѣчать вамъ, что я не велю перерѣзать горло моему « пѣтуху». Переписка на этомъ и прекратилась. Маркиза де-Коаленъ сказала моей жевѣ: «Ахъ, душа моя, въ какое время мы живемъ! А вѣдь это та Панкукова дочка, жена члена академія, знаете?»

Геневъ, бывшій столоначальникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, скучный какъ протоколъ, пачкалъ толстыя романы. Однажды онъ читалъ маркизѣ де-Коаленъ описаніе; оставленная и плачущая любовница меланхолически удли лососа. Маркиза де-Коаленъ, терявшая терпѣніе и не любившая лососа, перебила автора, говоря съ этимъ серьезнымъ видомъ, который дѣлалъ ее такъ смѣшною: «Мосье Геневъ, нельзя ли вамъ заставить эту даму выудить другую рыбу?»

Исторія, рассказываемая маркизою де-Коаленъ нельзя было запомнить, потому что въ нихъ не было ничего; все заключалось въ пантомимѣ, въ выраженіи и въ наружности рассказщицы: сама она никогда не смѣялась. Былъ въкоторый разговоръ между *мосье* и *мадамъ Жакмино*, котораго совершенство превосходило все. Когда въ разговорѣ между супругами, мадамъ Жакмино возражала: «Но, мосье *Жакмино*!» Это имя произносилось такимъ тономъ, что мы помпрали со смѣху. Принужденная переждать, маркиза де-Коаленъ важно нюхала табакъ.

Я сошелъ къ ней на другой день ея кончины и нашелъ сестру ея и зятя д'Аврѣ передъ каминомъ за столикомъ; они считали лундоры изъ мѣшка, вынутаго изъ-за стѣнной панели рѣзцаго дерева, за которой было пустое мѣсто. Бѣдная умершая лежала тутъ на своей кровати съ полу-задернутыми занавѣсками; она уже не слыхала звука золота, пересчитываемаго родственными руками.

Въ мысляхъ, писанныхъ покойницей на печатныхъ страницахъ, и на адресахъ писемъ, встрѣчались прекрасныя. Маркиза де-Коаленъ показала мнѣ, что осталось отъ двора Людовика-Пятнадцатаго, при Наполеонѣ и послѣ Людовика-Шестнадцатаго, какъ мадамъ д'Удтѣ показала, что таскалось по міру въ девятнадцатомъ вѣкѣ отъ философскаго общества.

Лѣтомъ 1805 года я поѣхалъ къ женѣ въ Виши, куда маркиза де-Коаленъ увезла ее, какъ я уже сказывалъ. Я не нашелъ тамъ Жюссака, Терма, Фламарана, которые были у мадамъ де-Севино и *передъ* ней и *за* нею въ 1667 года: они уже покоились сот двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ. Я оставилъ въ Парижѣ сестру, графиню де-Кю, поселившуюся тамъ съ осени 1804 года. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Виши, жена предложила мнѣ путешествовать, чтобы на въкоторое время удалиться отъ политическихъ дразгъ.

Въ моихъ сочиненіяхъ есть два небольшія «Путешествія» въ Овернь и на Монбланъ. Послѣ тридцати-четырехлѣтняго отсутствія, люди, чуждые мнѣ, приняли меня въ Клермонѣ какъ стараго друга. У того, кто долго занимался началами, которыми человечество слѣдуетъ въ общемъ составѣ, есть друзья, братья, и сестры во всѣхъ семействахъ: потому-что если человѣкъ неблагодаренъ, то человечество признательно. Для тѣхъ, кого связала съ вами благосклонная слава и которые насъ никогда не видали, вы всегда въ такихъ лѣтахъ, какія они придаютъ вамъ; привязанность ихъ, не разстроенная вашимъ присутствіемъ, ви-

дѣть вѣсь всегда юнымъ и красивымъ какъ чувства, которыми они любятъ въ вашихъ сочиненіяхъ.

Когда я былъ ребенкомъ въ моей Бретани и слышалъ объ Оверни, я воображалъ, что это далекая, предалекая страна, гдѣ можно видѣть чудныя вещи, и куда можно идти только съ большою опасностью, отправляясь подъ покровительство Святой Дѣвы. Не безъ усиленнаго любопытства, встрѣчаю я маленькихъ Овернцевъ, идущихъ искать счастья въ этомъ огромномъ мірѣ, съ сосновымъ сувдучкомъ. У нихъ въ немъ только надежда, когда они спускаются съ своихъ скалъ; счастливы, если принесутъ ее назадъ!

Увы! не было еще двухъ лѣтъ, какъ графиня де-Бомонъ поклялась на берегахъ Тибра, когда я ступалъ по родной землѣ ея въ 1805 году; я былъ только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого Mont-d'ог, куда она приходила за жизнью, продлившейся нѣсколько для доставленія ей удовольствія увидать Римъ. Лѣтомъ 1838 года, я снова пробѣгалъ эту самую Овернь. Между числами 1805 и 1838 годовъ я могу помѣстить преобразованія, свершившіяся въ обществѣ около меня.

Мы оставили Клермонъ и возвращаясь въ Ліонъ, проѣхали Тьеръ и Роавнъ. Эта дорога, по которой тогда мало ѣздили, шла то тутъ, то тамъ по берегамъ Линовы. Авторъ «Астреи», хотя не большаго ума, выдумалъ однако живыя лица и мѣста; дотого вымыселъ, когда приспособленъ къ времени, въ которое является, имѣетъ творческую силу! Есть, впрочемъ, что-то замысловато-фантастическое въ этомъ воскресеніи нимфъ и ваялъ, сифшвающихся съ пастухами, съ дамами и съ рыцарями: эти различныя міры подходятъ ладно другъ къ другу и вамъ отрадны вымыслы мѣологін, соединенные съ баснями романа: Руссѣ рассказали, какъ его обманула Урфея.

Въ Ліонѣ мы нашли Балланша; онъ сдѣлалъ съ нами поѣздку къ Женевѣ и на Монбланъ. Онъ ѣхалъ всюду, куда его везли, хотя не имѣлъ тамъ никакого дѣла. Въ Женевѣ меня не встрѣтила у городскихъ воротъ Клотильда, невѣста Кловиса. Де-Барантъ, отецъ, сдѣлался префектомъ Лемана. Я поѣхалъ въ Копеть къ мадамъ де-Сталь и нашелъ ее одну въ глубинѣ замка, заключавшаго грустный дворъ. Я говорилъ съ ней о богатствѣ и удивленіи, какъ о драгоценныхъ средствахъ къ счастью и независимости: я оскорбилъ ее. Мадамъ де-Сталь любила свѣтъ, считала себя несчастнѣйшею женщиной въ изгнаніи, которое меня бы восхитило. Что это за злополучіе, въ глазахъ моихъ по-

крайней мѣрѣ, жить въ своей помѣстѣ, со всѣми жизненными удобствами? Что это за несчастіе мѣльвоваться славой, свободнымъ препровожденіемъ времени, миромъ въ богатомъ убѣжищѣ, въ виду Альпъ, въ сравненіи съ тысячею жертвъ, безъ клябъ, безъ имени, безъ помощи, изгнанныхъ по всѣмъ угламъ Европы, между тѣмъ какъ родные ихъ гибли на эшафотѣ? Непріятно быть постигаему болѣзною, которой толпа не понимаетъ. Болѣзнь отъ того становится чувствительнѣе: ее не уменьшишь, сличая съ другими болѣзнями; нельзя быть судьей чужаго страданія; что огорчаетъ одного, радуется другаго; у каждого сердца есть различныя тайны, непонятныя для другихъ сердецъ. Не станемъ ни у кого оспаривать страданія; есть горести какъ отчизна, у всякаго своя.

Мадамъ де-Сталь посѣтила за другой день жену мою въ Женевѣ и мы уѣхали въ Шамуни. Мнѣніе мое о горныхъ пейзажахъ заставило сказать, что я стараюсь казаться самобытнымъ, а ви чуть не бывало. Увидать, когда я стану говорить о Сентъ-Гетардѣ, что это мнѣніе осталось у меня. Въ путешествіи къ Монблану есть мѣсто, которое я напоминаю, какъ связывающее прошлыя провществія моей жизни съ провществіями будущими этой самой жизни — теперь также уже прошлыми.

«Есть только одно обстоятельство, если справедливо. что горы внушаютъ забвеніе земныхъ смуть: это тогда, какъ удаляешься отъ свѣта, чтобы посвятить себя религіи. Анахоретъ, посвящающій себя служенію человечеству, святой, размышляющій о величіи Господа въ безмолвіи, могутъ найти миръ и радость на этихъ пустынныхъ скалахъ; но не спокойствіе мѣстъ переходитъ тогда въ душу пустынниковъ, а напротивъ, ихъ душа проливаетъ ясность на область бурь..... Есть горы, которыя я еще разъ посѣщалъ бы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ: это горы Греціи и Іудеи. Мнѣ бы пріятно было пробѣгать мѣста, которыми мои новые труды заставляютъ меня заниматься каждый день; я охотно пошелъ бы на Фаворъ или Тайгетъ, искать другихъ красокъ, другихъ гармоній, послѣ описанія безвѣстныхъ горъ и невѣдомыхъ долинъ новаго свѣта». Эта послѣдняя фраза возвѣщала путешествіе, дѣйствительно исполненное лѣтомъ 1806 года.

Возвратившись въ Женеву, не выдавъ мадамъ де Сталь въ Коппетѣ, мы нашли гостиницы набитыи бѣткомъ. Безъ стараній мосьё де Форбена, доставившаго нашъ дурной обздъ въ черной передней, мы бы голодные оставили отчиму Руссо! Де-Фор-

бѣтъ находился тогда въ состояніи блаженства; въ глазахъ его видѣлось внутреннее счастье, наполнявшее его; онъ не касался земли: несомнѣй талантими своими и счастьемъ, онъ спускался съ горы какъ съ неба, въ живописческой курткѣ, съ палитрой на шальцѣ, съ кистями съ тѣмъ-то въ родѣ волчана. Добрякъ, при всемъ томъ, хотя чрезвычайно счастливый, сбирался раздражать мнѣ, когда я сдѣлаю путешествіе по Сиріи, намѣревался даже отравиться въ Калькутту, чтобы воротить любовныя поведенія экстреннымъ путемъ, когда они не пойдутъ болѣе по старому транту. Въ глазахъ его видѣлось покровительственное состраданіе; я былъ бѣденъ, ничтоженъ, не увѣренъ въ себѣ, не держалъ въ могущественныхъ рукахъ сердца княгини. Въ Римѣ я имѣлъ счастье отплатить де-Форбену обѣдомъ за обѣдъ его на озерѣ; у меня было тогда то достоинство, что я попалъ въ посылы. Въ тѣ времена, вечеромъ находили королею бѣднака, оставшегося утромъ на улицѣ.

Благородный дворянинъ, живописецъ по праву революціи, начиналъ это поколѣніе художниковъ, которые сочиняютъ изъ самихъ себя гротесковые скелеты, каррикатуры. Одни носятъ страшные усы, какъ будто хотятъ завоевать міръ, мазилки ихъ — аллебарды, скребцы — сабли; у другихъ ужаснѣйшія бороды, висячіе или включенные волосы; они курятъ сигару словно волка. У этихъ *братцевъ радуги*, какъ говорятъ нашъ старикъ Реніе, голова набита потопами, морями, рѣками, лѣсами, водопадами, бурями, рѣзней, пытками и эшафотами. У нихъ видишь человѣческіе черепы, рапиры, мандолины, шишаки и доломаны. Враги, неужли, либералы, они иѣтять въ отдѣльную породу между обезьяной и сатиромъ; хотятъ дать понять, что у секрета мастерской есть своя опасность, и что нѣтъ безопасности для моделей. Но какъ выкупаютъ они эти странности? восторженнымъ существованіемъ, страдающимъ и чувствительнымъ сложеніемъ, совершеннымъ отреченіемъ отъ самихъ себя, безразсчетной преданностью въ бѣдствіямъ другихъ, нѣжнымъ, высокимъ, идеализированнымъ образомъ чувствованія, бѣдностью, гордо принятой и благородно переносимой; наконецъ иногда безсмертными дарованіями, сынами труда, страсти, гения и уединенія!

Выѣхавъ ночью изъ Женевы, чтобы воротиться въ Лионъ, насъ остановили у форта de l'Écluse, покажутъ отворили ворота. На этой стѣнѣ Макбетовыхъ вѣдьмъ, на вересковомъ полѣ, во мнѣ проходили чудныя вещи. Мои умершіе и воскресшіе годы окружали меня ватагой привидѣній; мои знойныя весны возвраща-

лись съ своимъ пыломъ и своей печалью. Жизнь моя, подрытая смертью графини де-Бомонъ, осталась пустою: воздушныя формы, гуріи или грёзы, выходя изъ этой пропасти, брали меня за руку и приводили ко временамъ сальфиды. Я не былъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, а мечталъ о другихъ берегахъ. Тайное вліяніе толкало меня къ областямъ Авроры, куда увлекалъ также планъ новаго труда и духовный голосъ, разрѣшившій меня отъ объта крестьянки моей кормилицы, и искусство, торжествуя въ моей натурѣ, увеличивало вдохновенія поэта. У меня было, что отцы Онеанды называютъ сердечными *восхожденіями*. Рафаэль, передъ самымъ прелестнымъ своимъ твореніемъ, только обрисованнымъ на полотнѣ, не болѣе былъ электризованъ своимъ чуднымъ созданіемъ какъ я этой Эвдорой и Книодикеей, которой имени я еще не зналъ и которой образъ видѣлся мнѣ сквозь атмосферу любви.

Такъ природный геній, мучившій меня въ колыбели, возвращается иногда назадъ послѣ того, какъ меня покинулъ; такъ обновляются мои прежнія страданія; ничто во мнѣ не излечилось; если раны внезапно закрываются, то и раскрываются вдругъ. Я не имѣю другаго средства для облегченія въ эти кризисы, какъ дать свободное теченіе лихорадкѣ моей мысли, такъ какъ велеть прорубить жилы, когда кровь приливаетъ къ сердцу или головѣ. Но о чемъ же говорилъ я? О, религія, гдѣ твое могущество, твой удела, твой бальзамъ! Развѣ я не пишу всѣ эти вещи черезъ безчисленное число годовъ отъ того часу, когда я далъ жизнь Ренею. Я имѣлъ тысячу причинъ думать, что я мертвъ, а живу! Это очень жаль. Огорченія одинокаго поэта, осужденнаго перенести весну несмотря на Сатурна, неизвѣстны человѣку, не выходящему изъ общихъ законовъ: для него годы всегда молоды: «А молодые сѣрны, говоритъ Оппиенъ, стерегутъ жизнь своихъ родителей, и когда эти попадутъ въ сѣти охотника, они доставляютъ имъ во рту нѣжную и цвѣтущую траву, за которой ходятъ далеко, и приносятъ имъ на губахъ свѣжую воду, почерпнутую въ ближайшемъ источникѣ».

Въ Ліонѣ я нашелъ письма отъ Жубера: онъ увѣдомлялъ, что не можетъ-быть въ Вильнёвѣ прежде сентября. Я отвѣчалъ: «Вашъ отъѣздъ изъ Парижа слишкомъ далекъ и меня стѣсняетъ; вы знаете, что жена моя не захочетъ вріѣхать прежде васъ въ Вильнёвъ: вотъ голова-то!... и съ-тѣхъ-поръ какъ она со мной, я нахожусь въ головѣ двухъ неугомонныхъ голубовъ. Мы останемся въ Ліонѣ, гдѣ насъ такъ много кормятъ,

« что у меня едва хватитъ мужества выѣхать изъ этого пре-
 « сходнаго города. Аббатъ де-Бонньви здѣсь; онъ воротился изъ
 « Рима, здоровъ какъ нельзя лучше, веселъ, читаетъ проповѣди
 « на пропалую и уже не думаетъ о своихъ несчастіяхъ; онъ
 « обнимаетъ васъ и собирается къ вамъ писать. Словомъ, всѣ ве-
 « селы, исключая меня; только вы одни ворчите. Скажите Фон-
 « тану, что я объѣдалъ у Сажё».

Этотъ Сажё былъ лучъ небесный для канониковъ; онъ жилъ
 на холмахъ Сентъ-Фоа, въ области хорошаго вина. Къ нему
 выходили почти по тому мѣсту, гдѣ Руссо провелъ ночь на бе-
 регу Саоны.

« Я помню, говоритъ онъ, что провелъ восхитительную ночь,
 « за городомъ, на дорогѣ, возлѣ Саоны. Сады, возвышавшіеся
 « террасами, окружали дорогу съ противоположной стороны:
 « днемъ было очень жарко, а вечеръ восхитителенъ, роса смо-
 « чила завялую траву; ни малѣйшаго вѣтру; ночь была спокойна,
 « воздухъ свѣжъ, но не холоденъ; солнце, закатившись, оставило
 « на небѣ красноватый паръ, котораго отблескъ придавалъ водѣ
 « розовый цвѣтъ; на деревьяхъ террасъ сидѣли соловьи, пере-
 « кликавшіеся другъ съ другомъ. Я прохаживался въ какомъ-то
 « восторгѣ, предавая чувства и сердце наслажденію всемъ этимъ
 « и только сожалѣя немножко о томъ, что наслаждался одинъ.
 « Погруженный въ сладостную мечтательность, я продлилъ про-
 « гулку, далеко за ночь, не замѣчая, что усталъ. Наконецъ при-
 « мѣтивъ это, сладострастно улегся на полкѣ чего-то въ родѣ
 « ивни или фальшивой двери, углубленной въ стѣну террасы:
 « балдахинъ моей кровати составляли вершины деревъ, прямо
 « надъ головой у меня сидѣлъ соловей; я заснулъ подъ его пѣ-
 « ніе: сонъ мой былъ сладокъ, а пробужденіе еще болѣе; глаза
 « мои, раскрывшись, увидѣли воду, зелень, чудный пейзажъ».

Съ прелестнымъ дорожникомъ Руссо въ рукахъ, приходили къ
 Сажё. Этотъ древній и тощій малый, когда-то жеватый, носилъ
 зеленую фуражку, сѣрое камлотовое платье, навковые панталоны,
 синіе чулки и бобровые башмаки. Онъ долго жилъ въ Парижѣ
 и свелъ дружбу съ мадамозель Девиеннъ. Она писала ему очень
 остроумныя письма, бранила, и давала хорошіе совѣты. Сажё не
 слушался ихъ, потому что не считалъ свѣта важнымъ дѣломъ,
 вѣроятно думая, какъ Мексиканцы, что свѣтъ истаскалъ уже
 четыре солнца, а при четвертомъ (освѣщающемъ насъ) люди
 превратились въ болвановъ. Напротивъ поля, гдѣ происходилъ
 броттосекія *фузильяды*, онъ рассказывалъ мнѣ подробности объ

ночь, расхаживая между виноградных лозами, и при этом и въ разсказу нѣсколько стиховъ Ловизы Лаббъ.

Въ известные дни въ Севтъ-Феа выставили нѣкую темную голову, маринованную пятеро сутокъ, сваренную въ мадерѣ и начинканную разными разноестями; молодыя, очень хорошенькія крестьянки прислуживали за столомъ, наливали изъ своего сада превосходное вино, изъ гдиняныхъ кувшиновъ, величиной въ три бутылки. Мы съ капитуломъ папуекались на пиръ Саме: холмъ червѣлся нами.

Нашъ хлѣбосолъ скоро дошелъ до конца своихъ запасовъ: въ раззореніи послѣднихъ дней, его приняли двѣ или три старыя любовницы, ограбившія его жизнь, «родъ женщины», говоритъ «Святой Киврианъ, которые живутъ какъ-будто могутъ быть «любимы, *quæ sic vivis ut rovas adamari*».

Мы вырвались отъ наслажденій Капуи, чтобы посмотреть монастырь Картгейзеровъ, все съ Балланшомъ. Наняли коляску, которой разохшіяся колеса нестерпимо дребезжали. Въ Ворентъ мы остановились въ гостинницѣ въ верхней части города. На другой день, на разсвѣтѣ, сѣли на лошадей и отправились съ проводникомъ. Въ деревнѣ Saint-Laurent, перешли ворота въ долину и поѣхали между двумя рядами скалъ, по дорогѣ къ монастырю. Я вамъ говорилъ, по случаю Комбурга, что испытывалъ въ этомъ мѣстѣ. Оставленные зданія разсыпались подъ напоромъ какого-то хозяина разваливъ. Бѣлецъ изъ бѣлжнаго монастыря остался тамъ, чтобы ухаживать за дряхлымъ пустынякомъ, недавно умершимъ. Религія паложима на дружбу, вѣрность и послушаніе. Мы увидѣли узкую могилу, только что зарытую: Наполеонъ въ это время вырывалъ могилу огромную при Аустерлицѣ. Намъ показали ограду монастыря, келью, каждую съ садомъ и мастерской; тамъ видѣлись станки столяра и токаря; чья-то рука выровнила рѣзецъ. Въ галлерей висѣли портреты ичальниковъ картгейзерскаго монастыря. Джессекій дворецъ въ Венеціи сохранилъ рядъ *ritratti* дождей; разныя воспоминанія и мѣста! Выше, въ нѣкоторомъ разстояніи, насъ повели въ часовню безсмертнаго затворника Лесюэра.

Пообѣдавъ въ обширной кухнѣ, мы отравились назадъ и встрѣтили въ наланкнѣ какъ раду, Шиптала, бывшаго прежде аптекаремъ, потомъ сенаторомъ, наконецъ владѣльцемъ Шонтлу; изобрѣтателя свежловичнаго сахара; жаднаго наследника прелестныхъ индійскихъ розъ Сидцлиа, усовершенствованныхъ отатскимъ солдцемъ. Проѣзжая по лѣсамъ, я былъ занятъ дровиш

монахамъ; впродолженіи цѣлыхъ столѣтій они носили въ полахъ платья, съ кусками земли, отводки сосенъ, сдѣлавшихся деревьями на скалахъ. Счастливы, о вы, прошедшіе міръ безъ шума, и даже не повернувшіе мимоходомъ головы!

Едва достигли мы до воротъ долины, разразилась гроза; возмущившіеся потоки потекли съ ревомъ изъ всѣхъ овраговъ. Жена моя, расхрабрившись со страху, скакала по камнямъ и потокамъ и бросила зонтикъ, чтобы лучше слышать громъ; проводникъ кричалъ ей: «Поручите душу Богу! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Мы пріѣхали въ Вореппъ при звукѣ набату; вдали видѣлся въ деревнѣ пожаръ, и луна, пополюнявая верхнюю часть круга надъ облаками, какъ блѣдное и обнаженное чело святаго Бруно, основателя ордена безмолвія. Балланшъ, весь промокшій отъ дождя, говорилъ съ своимъ невзбѣжнымъ сподвижникомъ: «Я какъ рыба въ водѣ». Въ 1838 году я снова увидѣлъ Вореппъ; грозы уже не было, но мнѣ остались два свидѣтеля — жена моя и Балланшъ. Я дѣлаю это замѣчаніе, потому что слишкомъ часто въ этихъ Запискахъ, приходилось мнѣ замѣчать отсутствующихъ.

Въ Лионѣ мы оставили нашего спутника, а сами отправились въ Вильнёвъ. Я вамъ рассказывалъ, что это за городокъ, рассказывалъ мои прогулки и сожалѣнія на берегу Юнны съ Жуберомъ. Тамъ жили три старыя дѣвицы Піа; онѣ напоминали трехъ пріятельницъ моей бабушки въ Плакку: разница состояла только въ общественномъ положеніи. Вильнёвскія дѣвы умерли одна за другою, и я вспомнилъ объ нихъ при видѣ заросшаго травою крыльца, выдававшего изъ ихъ опустѣлаго дому. Что говорили онѣ, въ свое время, эти деревенскія барышни? Онѣ разговаривали о собакѣ, о муфтѣ, купленной когда то отцомъ ихъ на санской ярмаркѣ. Это меня такъ же восхищало, какъ соборный уставъ этого самого городу, гдѣ святой Бернаръ велѣлъ осудить Абелара, моего земляка. Дѣвы съ муфтой, можетъ-быть, были Элозы, можетъ быть любили, и письма ихъ, найденныя со временемъ, можетъ-быть восхитятъ будущее.

князь меттернихъ. Прошло два или три года, и ня малѣйшая ссора не возмущила согласіе между гувернеромъ и воспитанникомъ; но молодой баронъ выросъ; онъ достигъ уже шестнадцати-лѣтняго возрасту и нѣмецкій дворянчикъ, котораго хорошенькое личико, голубые глаза и бѣлокурые волосы начинали уже производить

неодолимое впечатлѣніе, сталъ нѣсколько неглижировать философіей, римскимъ правомъ и литературой.

Въ улицѣ рыбнаго рынка, въ магазинѣ бѣлья, пользовавшагося извѣстностью въ то время, подъ вывѣской: à la Voie Foi, молодой человѣкъ замѣтилъ дѣвушку и скоро разбѣна нѣжныхъ взглядовъ замѣнилась любовными записочками; потомъ переписка кончилась свиданіями, обѣдами вдвоемъ; словомъ воспитанникъ Книгштейна былъ влюбленъ и не испросилъ на это позволенія у гувернера, который, безъ сомнѣнія, — мы должны это сказать, чтобы не оскорбить его памяти, — не позволилъ бы этого.

Любовь мнелюбкой Анны Мюргеръ и барона Меттерниха не была тайной ни для кого, исключая Книгштейна; не только не надзиралъ онъ за поведеніемъ воспитанника, наслаждавшагося совершенной независимостью, но иногда по двѣ недѣли не видалъ его. У Книгштейна также были дѣла, заставлявшія его забывать свои обязанности.

Вдругъ однажды, гувернеръ получаетъ безыменное письмо, котораго содержаніе и удивило и обезпокоило его. «Не угодно ли вамъ, господинъ гувернеръ, писали ему, судить объ успѣхахъ вашего воспитанника въ наукѣ, которую графъ Меттернихъ не полагалъ въ числѣ наукъ страбургскаго университета? Потрудитесь прийти завтра утромъ въ семь часовъ на островъ Робертсо; вы тамъ увидите, какъ вашъ воспитанникъ беретъ уроки у очень милого профессора, съ которымъ и вы могли бы познакомиться, не будь вы такъ стары и безобразны».

Книгштейнъ тотчасъ отгадалъ смыслъ этого письма, указывая ему средство застать воспитанника на самомъ мѣстѣ преступленія и въ то же время, обвинявшаго нерадѣніе гувернера.

Правда, виновать былъ баронъ молодой, но Книгштейнъ тоже былъ не правъ; положеніе было очень критическое. Если гувернеръ разсердится, если приметъ съ воспитанникомъ тонъ и манеры строгаго ментора, не вызоветъ ли онъ мнѣніе раздраженнаго молодого человѣка, не кончится ли это разрывомъ и вѣштательствомъ отца, который еще можетъ быть осудить гувернера.

Но, съ другой стороны, если онъ промолчитъ, если закроетъ глаза на то, что происходитъ, не возьметъ ли онъ на себя отвѣтственность за послѣдствія перваго проступка, не поощритъ ли безпорядочность молодого человѣка? Измѣнитъ ли, и это всего важнѣе, первому долгу гувернера, обманувъ довѣріе отца.

И притомъ, положимъ, что Книгштейнъ, удаливъ эти причины, хотѣлъ было принять полученное письмо такъ, какъ обычно

венно принимаются безыменные письма, то есть, за лживый и подлый доносъ, не долженъ ли былъ онъ опасаться, что корреспондентъ обратится къ другой особѣ и прямо увѣдомить отца о поведеніи сына?

Гувернеръ былъ въ большомъ недоумѣніи; онъ не зналъ на что рѣшиться. Наконецъ предпочелъ молчать и выждать удобный случай, чтобы сдѣлать отеческія увѣщанія воспитаннику, котораго онъ впрочемъ былъ довольно расположенъ считать совсемъ не такъ виновнымъ, какъ видалъ его безыменный корреспондентъ.

Но бѣдный гувернеръ не долго покоился въ этой безопасности, которую самъ составилъ себѣ помощію этихъ разсужденій; новое письмо вдругъ пробудило его спустя три дня послѣ перваго; оно было гораздо яснѣе, не употребляло уже ироническихъ выраженій, не скрывало истину подъ прозрачнымъ покрываломъ загадочности.

«Добрый и честный гувернеръ, васъ надѣлалось видѣть на островѣ Робертсо; вамъ опять назначаютъ тамъ свиданіе у трактирщика Гумана, подъ вывѣскою La Carpe Couronnée. *«Есть особенныя нумерныя комнаты».*

Послѣднія слова были подчеркнуты съ намѣреніемъ не оставить снисходительному и спокойному Книгштейну ни малѣйшаго сомнѣнія на-счетъ того, что происходитъ у трактирщика Гаумана.

Гувернеръ не могъ болѣе колебаться; надо было наконецъ пустить въ ходъ свои права, вооружиться властью, чтобы навести воспитанника на путь добродѣтели.

На другой день онъ всталъ рано, что очень рѣдко съ нимъ случалось, нарядился въ самый строгій костюмъ и направился къ острову Робертсо; онъ хотѣлъ прійти туда прежде виновнаго, принять предосторожности, чтобы не быть имъ замѣчену и явиться въ самую благопріятную минуту, чтобы произвести болѣе шій эффектъ.

Онъ спрятался за деревья публичнаго гульбища и ожидалъ виновныхъ, которыхъ могъ видѣть издали. Утро было июньское, восхитительное; солнце глядѣлось въ Рейнъ.

Между-тѣмъ пробило десять часовъ на колокольнѣ страсбургскаго собора; уже много гуляющихъ, привлеченныхъ хорошей погодой, проходило мимо Книгштейна; онъ узналъ между ними нѣсколько университетскихъ студентовъ, идущихъ подъ руку съ дамами и испустилъ глубокій вздохъ; но въ числѣ этихъ любез-

ныхъ кавалеровъ онъ зачѣталъ двухъ или трехъ нѣмецкихъ дюровъ и напрасно искалъ глазами гувернеровъ этихъ товарищей Вевцеслава. Тогда его совѣты нѣсколько успокоилась; ему показалось, что онъ менѣе виновенъ, потому что другіе гувернеры были также виноваты какъ онъ.

Наконецъ явилась еще парочка: молодой баронъ Меттернихъ и Анна Мюргеръ. Они весело шутили какъ старые знакомые. Анна была маленькая, плѣнительная брюнетка, съ гибкимъ станомъ. Ея вѣчно веселое личико, оживленное мягкой улыбкой, составляло большой контрастъ съ нѣсколько важнымъ видомъ блондураго молодого человѣка, старавагося однако не казаться слишкомъ нѣмцемъ въ глазахъ своей миленькой подруги.

Въ ту минуту, когда они выходили возлѣ того мѣста, гдѣ Книгштейнъ притаялся какъ охотникъ на сторожкѣ, онъ могъ расслушать нѣсколько словъ, произнесенныхъ дѣвушкой съ громкимъ смѣхомъ. Книгштейнъ подвинулся было впередъ, чтобы узрѣть и предметъ разговора и причину такой шумной веселости.

Вдругъ его имя, имя Книгштейна поразило его слухъ; гувернеръ задрожалъ и спрятался поскорѣе; слишкомъ большая поспѣшность могла повредить успѣху его мщенія.

Книгштейнъ оставался нѣсколько времени за покровительственной тѣнью деревь, скрывавшихъ его отъ влюбленной четы; потомъ, когда рассудилъ, что она уже должна быть у трактирщика, вышелъ изъ убѣжища, надвинувъ шляпу на глаза; его одушевляло героическое намѣреніе, онъ рѣшился говорить громко и твердо.

Войдя въ трактиръ, Книгштейнъ обратился къ толстяку, у котораго на головѣ былъ бумажный колпакъ, по обыкновенію страсбургскихъ трактирщиковъ въ ту эпоху:

— Гдѣ, сказалъ Книгштейнъ почти угрожающимъ тономъ, гдѣ двое молодыхъ людей, которые только что вошли сюда?

Книгштейнъ обратился такъ дерзко къ самому трактирщику, что Гуманъ нашелъ этотъ тонъ не слишкомъ вѣжливимъ, но сохранивъ свою истинно германскую флегму, смотрѣлъ на Книгштейна съ головы до ногъ и не отвѣчалъ.

— Господинъ трактирщикъ, вскричалъ Книгштейнъ, развѣ вы не понимаете по-французски?

Трактирщикъ повернулся спиной къ гувернеру и посмотрѣлъ на него черезъ плечо.

Книгштейнъ, думая, что онъ не понимаетъ по-французски, перевелъ рѣчь на нѣмецкій языкъ и громкогласно разразился ею

надѣ ухаживать Гумана; но тотъ продолжалъ хранить презрительное молчаніе.

Философія Книгштейна не могла устоять противъ этого отказа, изможеннаго въ видѣ такой дерзкой насмѣшки.

— А! вы не понимаете, господина трактирщика, вскричалъ онъ, оттолкнувъ Гумана, стоявшаго нарочно передъ дверью маленькой лѣстницы; ну, тѣмъ хуже... Я не нуждаюсь въ вашемъ отвѣтѣ, чтобы найти этихъ молодыхъ людей.

Но Гуманъ удержалъ гувернера за полу платья и снанизъ по-французски довольно чисто, такъ что можно было его понять.

— Вы не войдете безъ моего позволенія. Въдѣ хозяйствъ-то я!

— А я гувернеръ молодаго человѣка, котораго увлекаетъ безумная страсть.

— Это до меня не касается.... моя обязанность кормить и поить тѣхъ, которые мнѣ платятъ.

— Вашъ домъ—омуть для молодежи.... настоящій luranag.

Что это такое luranag? на какомъ языкѣ изъясняетесь вы? Извольте узнать, что я честный человѣкъ, пользующійся хорошей репутациею; ко мнѣ ходятъ гарнизонные офицеры.

— И также студенты съ возлюбленными.

— Это до меня не касается.... довольно. Мнѣ надо смотрѣть за кастрюлями.

— Ахъ, Боже мой! я нисколько не мѣшаю вамъ исправлять вашу обязанность, но позвольте же и мнѣ исполнять свою.

— Какую обязанность?

— Обязанность надзирателя....

— Надзирателя кого.... чего? Вы вовсе не похожи на полицейскаго, и если вы точно надзиратель, зачѣмъ не надѣли мундира.

— Что это за глупости?

— Вы оскорбляете меня, милостивый государь.... не забудьте, что вы у меня.

— Узнайте же, что я гувернеръ барона Меттерниха, сына его сіятельства графа Меттерниха, министра его императорскаго и королевскаго высочества при вестфальскомъ дворѣ.

На это исчисленіе именъ и чиновъ, Гуманъ отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ; потомъ одною рукою снявъ бумажный колпакъ, а другою не выпуская фалды фрака Книгштейна, сказалъ:

— Ахъ, господина гувернера, я въ отчаяніи, что не могу допустить васъ исполнять здѣсь свою обязанность.... Вы здѣсь у меня.... слышите ли вы?

— Но у васъ теперь человѣкъ, за поведеніемъ котораго я долженъ наблюдать.... который обязанъ мнѣ повиноваться. Пустите же меня!

Книгштейнъ сдѣлалъ новое, быстрое движеніе къ лѣстницѣ; но Гуманъ удержалъ его.

— Я не шушу васъ, сударь!

— Я требую этого отъ васъ именемъ общественной нравственности, именемъ всего священнаго, не мѣшать исполненію моей обязанности....

— Я чрезвычайно уважаю нравственность, но долженъ наблюдать, чтобы особамъ, которыя удостоиваютъ меня довѣренностью и находятъ столь мой вкуснымъ, не мѣшали.... ктому же, комнаты у меня, слава Богу, всё заняты.... надо будетъ стучаться въ каждую дверь, чтобы узнать, гдѣ тотъ, кого вы ищете. Перестаньте же, любезнѣйшій, вамъ больше ничего не остается какъ только уйти.

При этихъ словахъ Книгштейнъ вскрикнулъ отъ гнѣва:

— А! мнѣ надо уйти! безнравственный, жадный трактирщикъ! Нѣтъ! я останусь, никакая человѣческая сила не помѣшаетъ мнѣ идти туда, куда призываетъ меня обязанность.

Онъ такъ рванулся, что фалда его фрака осталась въ рукахъ Гумана. Но тотъ, бросившись за нимъ, догналъ его на лѣстницѣ. Между Гуманомъ и Книгштейномъ завязалась бы борьба, какъ вдругъ съ верху лѣстницы раздался голосъ:

— Да пустите же господина Книгштейна!

Гувернеръ узналъ голосъ барона и остолбенѣлъ.

— Э! Господи! сказалъ трактирщикъ смѣясь, зачѣмъ же вы не сказали, что вы съ ними.... и я также забылъ, что въ седьмомъ номерѣ велѣли накрыть три прибора.

— Войдите же, господинъ Книгштейнъ, васъ ждутъ! вскричалъ опять тотъ же голосъ.

Но Книгштейнъ не рѣшался переступить ступени, отдѣлившія его отъ комнаты, въ которой его ждали. Мужество его колебалось передъ страшнымъ испытаніемъ, перепутавшимъ его предположенія. Трактирщикъ замѣтилъ его нерѣшительность.

— Ну, что жъ вы неидете, господинъ надзиратель? сказалъ онъ съ насмѣшкой. То такъ торопились, сейчасъ васъ нельзя было удержать.... а теперь, когда васъ зовутъ.... приглашаютъ на славный завтракъ.... съ прелестной барышней.... съ миленькой парижанкой.... я вѣдь знатокъ въ физиономіяхъ.... вы не знаете, на что рѣшиться?

— У меня на то свои причины, господинъ трактирщикъ... причины, которыхъ я не могу вамъ объяснить... я пойду... но скоро ворочусь... и не одинъ!

— Какъ вамъ угодно! Добраго пути, а особенно добраго аппетита, господинъ надзиратель.

Гуманъ оставилъ Книгштейна на лѣстницѣ и сошелъ въ кухню; но вдругъ примѣтивъ, что у него въ рукѣ фалда Книгштейнова фрака, онъ побѣжалъ его остановить:

— Простите невольный ущербъ, нанесенный вашему костюму... я долженъ возвратить что вамъ принадлежитъ.

И онъ подалъ, смѣясь, лоскутъ одежды. Книгштейнъ взялъ его чрезвычайно хладнокровно.

— Благодарю... но кто-нибудь долженъ же заплатить мнѣ потери и убытки... Платье, стоявшее пятьдесятъ гульденовъ! такъ его взорвать!...

— Самы виноваты... До свиданія... хорошаго аппетита, господинъ наставникъ.

Наконецъ Книгштейнъ, поправивъ одежду, которой порядокъ совершенно разстроила сцена съ Гуманомъ, вошелъ въ темный корридоръ, куда открывалось осемь или десять комнатъ. Онъ отыскалъ седьмой номеръ, въ которомъ долженъ былъ найти виновнаго, пренебрегавшаго такъ дерзко его гнѣвомъ.

— Сюда, сюда господинъ Книгштейнъ! закричалъ Венцеславъ.

— Иду, иду, господинъ баронъ!

Войдя въ комнату, гувернеръ увидѣлъ, что Венцеславъ и его возлюбленная сидятъ съ стаканомъ въ рукѣ передъ роскошно накрытымъ столомъ. Онъ хотѣлъ, при этомъ зрѣлищѣ сказать нѣсколько строгихъ словъ своему воспитаннику, но языкъ его отказался передать законное негодованіе раздраженнаго ментора.

— Садитесь же, сказалъ Венцеславъ. Вотъ ваше мѣсто, я зналъ, что вы придете.

— Это уже слишкомъ!... это слишкомъ!... баронъ...

— Какъ слишкомъ? любезный гувернеръ?... а я нахожу, что мало... простой завтракъ, который даже не будетъ мнѣ стоить лундора... Перестаньте! вы шутите...

— Ваше поведеніе, баронъ, удивляетъ и огорчаетъ меня.

— А! правоученія, господинъ Книгштейнъ! я буду слушать ихъ сколько вамъ угодно, но только послѣ завтрака. Сначала будемъ завтракать, а тамъ разсуждать.

— Неужели вы думаете, баронъ, что я соглашусь?

— Завтракать то; а почему же нѣтъ?... Вы будете завтракать, я такъ хочу.... Вашъ приборъ накрытъ, васъ ждали.

Книгштейнъ сталъ въ позицію челоѣка, исполненнаго негодованія.

— Именемъ графа Меттерниха, вашего отца, я требую, чтобы вы шли со мной домой.

— А я, шоссѣ Флоридоръ, требую, чтобы вы сейчасъ же завтракали съ нами!

— Флоридоръ!

Гувернеръ поблѣднѣлъ, услышавъ это имя; однако онъ вытарахъ сохранить свою твердость, но угрожающій видъ исчезъ, а тонъ удивительно смягчился.

— Вы хотите, чтобы я завтракалъ съ вами, баронъ? но вы должны понять, что мое положеніе, мой характеръ....

— Я понимаю только одно: вы должны быть голодны и въ душѣ не прочь отъ приглашенія....

— Во всякое другое время оно было бы для меня очень лестно.... даже принесло бы мнѣ удовольствіе.

— Чтò это? любезный гувернеръ? уже не пугаетъ ли васъ присутствіе этой дѣвицы?

И баронъ взглянулъ на Анну, съ живымъ участіемъ смотрѣвшую на эту сцену, которой счастливую развязку она предвидѣла.

— Нѣтъ! нѣтъ! баронъ.... клянусь вамъ.... но.... но....

— Эта дѣвица ваша землячка.... она имѣетъ право на вашу благосклонность.... она Француженка, какъ вы....

— Какъ я?...

— Изъ Париза, какъ вы.

Книгштейнъ не дѣлалъ больше возраженій; послѣднія слова барона доказали ему, что онъ посвященъ въ таинства его бюграфа; онъ не могъ болѣе играть передъ нимъ роли, которую игралъ съ успѣхомъ двадцать лѣтъ. Его могла спасти только мировая сдѣлка; — онъ храбро сѣлъ за столъ.

— Право, сказалъ онъ улыбаясь барону: вы такъ любезны, что невозможно устоять.

— Ну вотъ давно бы такъ! вскричалъ Венцеславъ.

И гувернеръ принялся ѣсть съ аппетитомъ, очень забавлявшимъ его собесѣдниковъ. Однако Книгштейнъ не говорилъ ни слова, не принималъ участія въ разговорѣ Венцеслава и Анны, которые, съ своей стороны, не хотѣли мѣшать гувернеру въ занятіи, имъ славно исправляемомъ. Онъ иногда останавливался, чтобы похвалить искусство Гумана, вино его, которое онъ

находилъ превосходнымъ, и котораго дѣйствіе не замедлило дать себѣ почувствовать; баронъ не забывалъ наполнять его стаканъ, наблюдая, чтобы онъ не оставался пустымъ. Незаметно наставникъ становился веселъ, даже началъ шутить; отпустилъ нѣсколько чисто французскихъ любезностей, принятыхъ не особенно дурно. Короче, гувернеръ нечестъ совершенно и уступилъ мѣсто москѣ Флоридору.

Наконецъ для барона наступила ожидаемая минута; онъ достигалъ успѣха дѣла, которое велъ до-тѣхъ-поръ очень неуклюжо; онъ призвалъ Гумана, который не могъ удержаться отъ смѣху при видѣ Книгштейна, съ стаканомъ въ рукѣ, называвшаго яriu изъ комической оперы. Венцеславъ велѣлъ трактирщику принести бутылку шампанскаго.

— Мы будемъ пить, сказалъ онъ, за здоровье господина гувернера.

Книгштейнъ сдѣлалъ движеніе удивленія и удовольствія:

— И за ваше, и за здоровье прелестной вашей подруги, любезный баронъ! сказалъ гувернеръ, обращаясь къ Венцеславу.

Послѣ различныхъ тостовъ, потребовавшихъ еще бутылку шампанскаго, баронъ принялъ серьезный видъ.

— Теперь, любезный Флоридоръ, сказалъ онъ.... позвольте называть васъ этимъ именемъ, которое мнѣ нравится и которое когда то носили вы съ нѣкоторымъ отличіемъ....

— Ахъ! да, правда, еще помнить, и долго будутъ помнить въ Лионѣ, въ Нантѣ, въ Руанѣ, и въ другихъ городахъ о Флоридорѣ.... за то вѣдь у меня былъ тогда такой теноръ, который можетъ быть больше не услышать....

— Пожалуйста, любезный Флоридоръ, не прерывайте меня.... намъ надо заключить сдѣлку. Послушайте, вы долго играли комедию во Франціи.... Это очень хорошо, вы играете ее и въ Германіи и въ Страсбургѣ....

— Но, вы ошибаетесь, баронъ....

— Развѣ вы въ продолженіи двадцати лѣтъ не играли въ Германіи роли наставника или гувернера?... Это также, кажется, комедія, да еще превосходная. Но не думайте, что я хочу сдѣлать вамъ упрекъ.... вы получили кой-какое образованіе, вы умный и добрый человекъ.... Сохрани Богъ, чтобы я вздумалъ лишить васъ новаго положенія въ свѣтѣ, которое вы умѣли присвоить себѣ вашимъ умомъ, послѣ того какъ принужденны оставить театръ, лишившись голоса....

— Да, кой чортъ, какъ узнали вы все это, баронъ? Google

— Что вамъ за нужда, любезный Флоридоръ? я знаю всю вашу жизнь какъ актера и наставника, и какъ въ обоихъ этихъ положеніяхъ вы вели себя достойнымъ образомъ, я уважаю васъ.... отдаю справедливость вашей честности, и въ моихъ глазахъ, вы исправляете должность гувернера гораздо лучше, чѣмъ большая часть этихъ педантовъ, пропитанныхъ латынью, которыхъ науки опротивить молодымъ людямъ, вѣрными ихъ попеченіямъ....

— Правда, что я нѣсколько позабылъ латынь, которой научился въ Бовезской школѣ....

— Но, любезный Флоридоръ, вы понимаете, что если вы задумаете серьезно приняться со мною за роль гувернера.... мы перестанемъ быть въ ладу, начнется война, слѣдствія которой будутъ столько же пагубны вамъ какъ и мнѣ.... стало-быть, миръ необходимъ для общей пользы.

Книгштейнъ почти растрогался:

— Да, да! да здравствуетъ миръ! закричалъ онъ.

Soyons ami, Cinna, c'est moi qui en convie.

— Съ этимъ миромъ, любезный Флоридоръ, вы можете продолжать вставать въ полдень, ходить въ два часа въ театральную кофейную, разговаривать съ старыми товарищами, а вечеромъ смотрѣть какъ они играютъ, или гулять за кулисами съ этимъ миромъ я буду трудиться, заниматься науками какъ до-сихъ-поръ, потому-что люблю учиться, и чувствую, что это необходимо. Но послѣ трудовъ, послѣ ученія, отдохновеніе и удовольствія!

— Это справедливо, баронъ, я согласенъ въ вамъ.... Но позвольте сообщить вамъ кой-какія сомнѣнія.... Вы, можетъ быть, найдете, то для бывшаго актера....

— Говорите, мой милый, говорите!

— Если графъ, батюшка вашъ, нечаянно узнаетъ, что.... вы понимаете...?..

Книгштейнъ смотрѣлъ въ эту минуту на Анну Мюргеръ, которая поняла значеніе этого взгляду, но не обидилась.

— А! знаю, что вы хотите сказать, отвѣчалъ Венцеславъ, но не безпокойтесь, я все предвидѣлъ, чтобы отстранить васъ отъ отвѣтственности; батюшка ничего не узнаетъ, а если невзначай и послушаетъ злонамѣренныхъ доносовъ, если позволитъ себѣ несправедливыя предубѣжденія противъ меня и вы будете ихъ жертвой, я заглажу, я имѣю средство заглазить несправедливость отеческой строгости.... Вы имѣете, въ качествѣ гувернера, годовое содержаніе въ пять-сотъ гульденовъ.... ну, а я обезпечу

вамъ, если вы потеряете мѣсто, пожизненный пенсіонъ въ двѣ тысячи гульденовъ, даю вамъ въ томъ честное слово.... а если слово мое не кажется вамъ достаточнымъ обезпеченіемъ....

— Ваше слово, баронъ, для меня важнѣе всѣхъ контрактовъ.

— И такъ это дѣло кончено: свобода, независимость для васъ и для меня! Вы можете продолжать жить какъ до сихъ-поръ жили, исполнять обязанность гувернера барона Венцеслава Меттерниха, въ кофейной, въ театрѣ, за кулисами.... не заботясь ни обо мнѣ, ни о томъ, чѣмъ я занимаюсь.... а я, съ своей стороны, погоню рядомъ трудъ и удовольствіе.... буду навѣщать одинъ и съ гостями Сагре Сопоппе. Благодаря этой сдѣлкѣ, мы будемъ самыми лучшими друзьями въ мірѣ и время ученія быстро протечетъ. Согласны ли вы за это, любезный Флоридоръ?

— Конечно, баронъ, но только вѣдь вы требуете моей отставки отъ званія гувернера....

— Нѣтъ, нѣтъ, вы останетесь, вамъ надо даже остаться моимъ гувернеромъ; это главная статья нашей сдѣлки.... Но вы будете гувернеромъ только по наружности, для виду.

— А жалованье-то?...

— Разумѣется, нечего и говорить. Дайте мнѣ руку, любезный гувернеръ, съ этой минуты возвращаю вамъ этотъ титулъ, котораго, впрочемъ, вы очень достойны.

Баронъ и Книгштейнъ пожали другъ другу руку, чтобы нѣкоторымъ образомъ подтвердить заключенный договоръ.

Гувернеру больше нечего было дѣлать; присутствіе его уже не было нужнымъ, онъ всталъ, но громкій смѣхъ Венцеслава и Анны напомнилъ ему, что въ платьѣ его чего то недостаетъ: онъ не могъ уйти въ такомъ неполномъ костюмѣ.

Баронъ сжался надъ замѣшательствомъ Книгштейна.

— Любезный гувернеръ, сказалъ онъ ласково, вы позволите мнѣ замѣнить новымъ это платье, которое испортилъ вамъ грубіанъ трактирщикъ. Завтра портной мой сниметъ съ васъ мѣрку полной одежды, которую вы выберете сами....

— Заранѣе благодарю васъ, баронъ; но надо подумать о нужнѣйшемъ, и я право не знаю, какимъ образомъ выйти отсюда, не подвергаясь насмѣшкамъ и шуткамъ толпы.... достоинство гувернера барона Меттерниха много отъ этого пострадаетъ....

— Вы правы! положеніе критическое.... О! мнѣ пришла мысль....

Венцеславъ позвалъ трактирщика и шепнулъ ему что-то на ухо. Гуманъ ушелъ, потомъ скоро воротился съ платьемъ въ рукахъ.

— Это мое праздничное платье, сказалъ трактирщикъ... и я съ удовольствіемъ ссужаю васъ, но только не думаю, чтобы оно было впору господину надзирателю.

— Да надо же, чтобы было впору, отвѣчалъ Книгштейнъ съ движеніемъ нетерпѣнія и досады.

Онъ былъ сердитъ на Гумана, который осмѣлился грозить ему. Онъ скоро замѣнилъ разодранный фракъ платьемъ трактирщика, и не спрашивая своихъ собесѣдниковъ не такъ-же ли смѣшенъ и новый нарядъ, протиснулся съ ними и побѣжалъ въ трактира, чтобы поскорѣе приличіемъ принарядившись оторваться къ пріятелямъ своимъ актерамъ, въ театральную комнату.

Такимъ-образомъ совершилось освобожденіе благороднаго студента страбургскаго университета; такимъ-образомъ молодой баронъ Меттернихъ избавился отъ докучнаго надзору чловека, котораго отецъ помѣстилъ возлѣ него съ правами гувернера.

Какъ успѣлъ онъ открыть прошлую жизнь Книгштейна? какими средствами досталъ онъ эти свѣдѣнія, эти драгоценныя извѣстія, предавшія бѣднаго гувернера на произволъ воспитанника? Баронъ съ самаго перваго свиданія съ Книгштейномъ, подозрѣвая, что этотъ чловекъ былъ одинъ изъ тѣхъ ловкихъ искателей пріключеній, которые въ прежнія времена пользовались легковѣріемъ германскихъ вельможъ и князей, подъ благовиднымъ титуломъ наставника или гувернера; въ его языкѣ и въ манерахъ онъ не находилъ ничего вѣмецкаго. Тогда онъ принялся самъ наблюдать за гувернеромъ, поручилъ это другимъ и эти изслѣдованія и справки, искусно направленные, открыли ему въ Книгштейнѣ бывшаго актера комической оперы, который когда-то игралъ и пѣлъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ во Франціи, подъ именемъ Флоридора.

Но овладѣвъ однажды этою тайною, сдѣлавшей его властелиномъ участи Книгштейна, онъ не тотчасъ этимъ воспользовался, а сберегалъ до того времени, когда гувернеръ вздумаетъ воспользоваться своими правами. Пока Книгштейнъ молчалъ, баронъ тоже былъ скроменъ.

Мы видѣли при какомъ случаѣ онъ былъ принужденъ увѣдомить гувернера, что ему позволено быть нѣтъ только но-именемъ.

Прошло два года послѣ дня, достопамятнаго въ воспоминаніяхъ бывшаго австрійскаго министра; договоръ, заключенный между Венцеславомъ и гувернеромъ, былъ строго соблюденъ съ обѣихъ сторонъ. Книгштейнъ полагался на благоразуміе или скорѣе на искусное воздержаніе своего воспитанника въ употребленіи

независимости и удовольствій; таково было безстрастіе гувернера въ этомъ отношеніи, что Книгштейнъ и Венцеславъ встрѣдились въ театрѣ, на гуляньѣ, и не кданялись; можно было подумать, что они незнакомы и даже вѣкогда не видались.

Однажды, гувернеръ зашелъ отъ бездѣля въ страсбургскій соборъ. Примѣтивъ молодаго человѣка, ходившаго взадъ и впередъ, и полагая, что его привлекло въ это священное мѣсто художническое любопытство, онъ подошелъ къ нему. Этотъ молодой человѣкъ былъ баронъ. Книгштейнъ подумалъ, что не будетъ нескромно заговорить съ нимъ теперь.

— Баронъ, сказалъ онъ, я очень радъ, что встрѣтился здѣсь съ вами, уже давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.... какъ ваше здоровье?

— Очень хорошо, очень хорошо....

И баронъ съ безжовкостью взглядывалъ на небольшой придѣлъ, посвященный Святой Дѣвѣ, передъ которымъ стояло на колѣнахъ нѣсколько дамъ. Гувернеръ понялъ, что воспитанникъ его ожидаетъ какую-нибудь хорошенькую богомодку и хотѣлъ благоразумно удалиться, когда Венцеславъ сдѣлалъ ему знакъ де уходить.

— Вамъ надо быть у меня завтра утромъ, любезный гувернеръ. Книгштейнъ вытаращилъ глаза.

— Очень хорошо, баронъ. Развѣ есть что-нибудь новенькое? Ужъ не графъ ли Меттернихъ?...

— Батюшка теперь въ Вѣнѣ, у меня есть къ вамъ просьба, любезный другъ, я надѣюсь на васъ.

— Я все къ вашимъ услугамъ, вы это знаете.

— Завтра вы найдете меня въ улицѣ Рыбнаго рыцка, въ домѣ подъ номеромъ 47.

— Какъ! не у васъ?...

— Нѣтъ, но все равно; вы спросите господина Фридриха; я пріянялъ это дѣя на всякій случай.

— Ахъ, Боже мой, ужъ не для дуэли ли?... Если такъ, мнѣ вѣрзя быть посредникомъ....

Венцеславъ засмѣялся.

— Успокойтесь, любезный гувернеръ; если бы у меня была дуэль, я не васъ выбралъ бы въ секундаты или въ свидѣтели; я не сочитаюсь въ вашемъ мужествѣ, но ваше положеніе.... приличіе запрещаютъ вамъ вмѣшиваться въ дѣла такого роду.

— Но видите ли, роль влюбленнаго, любовная карьера, въ которую вы бросились, должна подвергать васъ, баронъ, многимъ

опасностямъ.... У васъ есть враги, ревнивые соперники и ничего не будетъ удивительнаго, если тотъ же самый безымянный корреспондентъ, который довѣсь мнѣ о вашихъ свиданіяхъ въ гостиницѣ острова Робертсо, кончитъ вызовомъ на дуэль....

— Я не боюсь этого соперника, любезный губернёръ, онъ не можетъ быть опасенъ для меня.

— Можетъ-быть вы ошибаетесь.

— О! я это хорошо знаю, потому-что это я самъ.

— Какъ! это вы, баронъ, забавлялись пугать меня этими записками!

— Я самъ, любезный губернёръ, или заставлялъ писать, что почти одно и то же, но не хочу задерживать васъ долѣе; у васъ свои дѣла, а у меня свои. До завтра.... не забудьте.... въ улицѣ Рыбнаго рынка.... номеръ 47.... Фридрихъ!

И баронъ пошелъ на встрѣчу дамы, съ лицомъ закрытымъ воалу. Книгштейнъ посмотрѣлъ на нее изъ подлобья, дѣлая видъ, будто разсматриваетъ картину, потомъ вышелъ.

— Это ужъ не барышня острова Робертсо! сказалъ онъ самъ себѣ, покачавъ головою.

Книгштейнъ не ошибался.

На другой день, въ десять часовъ, онъ спрашивалъ господина Фридриха у дворника дому подъ номеромъ 47, въ улицѣ Рыбнаго рынка; покаместъ онъ говорилъ, мимо его прошло нѣсколько человѣкъ, казалось, очень снѣшившихъ войти на верхъ.

Книгштейнъ много путешествовалъ и слѣдовательно много видѣлъ; опытность, соединенная съ природнымъ наблюдательнымъ умомъ, сдѣлала его нѣсколько фнзиономистомъ. Смотри на этихъ людей, какъ будто имѣвшихъ одну цѣль, ему показалось, по нѣкоторымъ манерамъ, что они принадлежали къ обществу, которое онъ посѣщалъ въ молодости.

Однако онъ не остановился на мысли, что можетъ-быть найдеть Фридриха, потомка нѣкогда владѣтельной фамилии, сына посланника императрицы, съ этими людьми, которые проворно взбирались на лѣстницу съ узлами подъ мышкой; ни одинъ изъ нихъ не былъ съ пустыми руками.

Но дворникъ отвѣчалъ давно на вопросъ Книгштейна, а тотъ еще не трогался съ мѣста, не спуская глазъ съ этихъ людей, проходившихъ передъ нимъ.

— Чтò же, сударь, вскричалъ наконецъ дворникъ и удивленный и выведенный изъ терпѣнія неподвижностью вопрошателя; оглохли вы, чтò ли?

Этотъ грубый вопросъ привелъ Книгштейна въ себя, исторгнувъ его изъ задумчивости, почти грустной.

— Слышу любезный, но я подверженъ разсѣянности....

— Это видно; вотъ уже десять минутъ вы торчите передо мною.... Я вамъ сказалъ, что господинъ Фридрихъ тамъ наверху уже съ часъ.... Скоро начнутъ.

Книгштейнъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, словно пораженный послѣдними словами, произнесенными дворникомъ безъ всякаго коварнаго умысла.

— Скоро начнутъ! скоро начнутъ, повторилъ гувернеръ: о! о! это рѣшительно становится подозрительно....

— А развѣ вы, сударь не участвуете въ томъ?

— Я! да въ чемъ же?

— Ну, да вѣдь вы должны сами знать; миѣ сказали, что тотъ, кто представляетъ тирана, высокій, худощавый и пожилой... должно быть вы!... а если не вы, такъ право, жалко.

Гувернеру сомнѣваться было невозможно; тамъ, наверху, по живописному выраженію дворника, должна быть репетиція, а можетъ-быть уже и представленіе. Онъ думалъ, на что ему рѣшиться, какъ дворникъ опять прервалъ его безмолвное размышленіе.

— Вы какъ-будто, сударь, не слишкомъ расположены къ тому-то... Развѣ вы еще не знаете роли?

— Роли? охъ! моя роль очень трудна.

Книгштейнъ сопровождалъ это восклицаніе глубокимъ вздохомъ; и понявъ наконецъ, что опять надо добровольно покориться, и что не сдержавъ слова, даннаго Венцеславу, онъ подвергнется упрекамъ; впрочемъ, подумалъ онъ, ничто не доказываетъ, что господинъ Фридрихъ не простой зритель; любить театръ не преступленіе.

Послѣдняя причина убѣдила Книгштейна.

— Сдѣлаемъ еще одно пожертвованіе миру, подумалъ онъ и войдемъ на верхъ!

Онъ сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ услышалъ, что его зовутъ.

— Эй! Эй! кричалъ сторожъ, позвольте-ка на минутку!

Гувернеръ съ живостью обернулся.

— Что тебѣ нужно? Развѣ миѣ втти не туда?... Ахъ! да въ какомъ это этажѣ? я не полагалъ, чтобы господинъ Фридрихъ жилъ на чердакѣ....

— Нѣтъ, это во второмъ этажѣ... но если вы идете къ госпо-

друзю Фридриху, не потрудитесь ли передать вашему товарищу....

— Моему товарищу?... посмотримъ, что это? если не слишкомъ тяжело...

— О! и полфутлика не потянетъ... это изъ картоны...

И привратникъ подалъ Книгштейну греческую каску.

— Это шляпа нужна господину Фридриху для роли Фи... Фядо... Филотета... поди упомяни эти дьявольскія имена!...

— Не Филокетета ли?

— Точно такъ!... Вамъ вѣдь это должно быть извѣстно?...

— Немножко! бьюсь объ закладъ, что будутъ играть трагедію *Эдиль*...

— Ай да шутникъ, притворяется будто не знаетъ... да меня вѣдь не обманешь!

Книгштейнъ, съ каской въ рукахъ, отправился по лѣстницѣ; достигнувъ второго этажа, онъ услышалъ смѣшанный говоръ господовъ, который указалъ ему, гдѣ найти господина Фридриха.

Онъ толкнулъ дверь, отворяющуюся на широкій корридоръ, гдѣ на стѣнѣ висѣли мужскія и женскія платья, на стульяхъ также валялись платья, шляпы и чепчики, Книгштейнъ тотчасъ узналъ гардеробъ этихъ кавалеровъ и дамъ.

Въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ большую залу, гдѣ все показывало ему, что происходитъ генеральная репетиція, какая-то дама въ греческомъ платьѣ, съ діадемой на головѣ, стодкнулась съ Книгштейномъ. Она какъ-будто нѣсколько смутилась при видѣ этого незнакомаго лица, котораго странная фэзиономія, важная осанка и строгій костюмъ внушили ей, конечно, не совсѣмъ пріятныя предубѣжденія. Книгштейнъ заговорилъ съ ней очень вѣжливо, что нѣсколько ее успокоило.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ, не тамъ ли господинъ Фридрихъ?

И онъ показывалъ на залу, дверь которой отворилъ.

— А! нашъ Филокетъ!

— Я желалъ видѣть Фридриха, а не Филокетета.

Дама захохотала.

— Филокетъ... Фридрихъ... это все равно.

— А! понимаю! Фридрихъ играетъ роль Филокетета... а вы, сударыня, вѣрно мадамъ Жокастъ?

— Именно; но войдите, войдите же; вы конечно принесли вашему Филокету его каску... вы найдете его въ бѣшенствѣ, потому что кромѣ его у насъ у всѣхъ, полные костюмы.

— До свиданія же, мадамъ Жокасть; пойду утишить гнѣвъ товарища Геркулеса.

Книгштейнъ важно вошелъ въ залу; только что кончили репетицію втораго акта Вольтерова Эдипа и актеры разбѣивались между собою замѣчаніями о своихъ роляхъ.

Вдругъ при видѣ Книгштейна, подходившаго важно и съ торжественнымъ видомъ, разговоры прекратились, взоры устремились на него; онъ прямо подошелъ къ Венцеславу, который одинъ, въ отдаленіи сидя на креслахъ, казался погруженнымъ въ размышленія и не замѣчалъ гувернера. Тотъ, все держа каску въ лѣвой рукѣ, приближался къ воспитаннику, котораго легко узналъ, и обратился къ нему, декламируя стихи изъ первой сцены Эдипа.

Philoctète, est ce vous? quel coup affreux du sort
 Dans ces lieux empestés vous fait chercher la mort?
 Venez-vous de nos dieux affronter la colère?
 Nul mortel n'ose ici mettre un pied téméraire...

— Да, это я самъ, отвѣчалъ Венцеславъ съ величайшимъ хладнокровіемъ; но вы и моя каска опоздали; я былъ принужденъ репетировать главную сцену безъ каски и это меня стѣснило. Вы, опытные въ театральныхъ представленіяхъ, не можете не знать, что послѣдняя репетиція должна происходить въ полныхъ костюмахъ. Но вы мнѣ скажете, пристала ли ко мнѣ греческая каска.

Молодой человекъ схватилъ каску и надѣлъ ее на голову.

— Ну! какъ вы меня находите? прибавилъ онъ, смотрясь въ зеркало.

— Очень хорошо, честное слово... но развѣ для этого вы пригласили меня сюда, баронъ? Право, вы компрометируете меня и себя... ни мнѣ, ни вамъ не прилично быть въ такомъ мѣстѣ...

— Что это вы говорите, любезный Флоридоръ?

..... ce séjour convient aux malheureux:
 Va, laisse moi le soin de mes destins affreux,
 Et dis-moi si des dieux la colère inhumaine,
 En accablant ce peuple a respecté la reine?

— Успокойтесь, баронъ; гнѣвъ боговъ пощадилъ королеву, она
 Т. ХСVII. — Отд. VII.

здорова, потому, что въ ту минуту какъ я входилъ сюда, я встрѣтилъ мадамъ Жокасть, которую спросилъ объ васъ.

Отвѣтъ Книгштейна возбудилъ веселость молодого человѣка.

— Я очень радъ узнать, что королева здорова... но право, любезный гувернеръ, я не зналъ какой вы шутникъ...

— Теперь, баронъ, поговоримъ серьезно; повторю, вы здѣсь не на своемъ мѣстѣ, и я вижу себя принужденнымъ удалиться, чтобы не быть свидѣтелемъ того, что очень меня огорчаетъ.

— Опять за мнительность, мосьё Флоридоръ! я думалъ, что вы измечились и просилъ васъ притти, чтобы подать мнѣ совѣтъ... вы знаете театръ, видѣли Лекена и другихъ великихъ артистовъ; вы не откажетесь мнѣ посоветовать?

— Но, баронъ, подумайте, что батюшка вашъ можетъ узнать... если бы онъ зналъ, что вы играете на театрѣ... отъ одной этой мысли я дрожу...

— Я уже вамъ сказалъ, что батюшка въ Вѣнѣ. Но что же дурнаго играть на театрѣ? Развѣ это не благородное отдохновение?... развѣ не играютъ на театрѣ при дворѣ, въ Версали, въ Лондонѣ?...

— Очень можетъ быть, но развѣ батюшка послалъ васъ въ Страсбургъ наряжаться греческимъ героемъ и декламировать стихи Вольтера, въ обществѣ портныхъ, писцовъ и сидѣльцевъ? Развѣ онъ далъ вамъ гувернера затѣмъ, чтобы провожать васъ въ такое общество и въ такое мѣсто? Повторю вамъ какъ Дани вашъ наперстникъ, наперстникъ Филоктета:

Qui du sein de la gloire a pu vous arracher?

Dans ce séjour affreux, que venez vous chercher?

— Ты спрашиваешь, вскричалъ баронъ, зачѣмъ я пришелъ сюда!

J'y viens porter mes pleurs et ma douleur profonde,

Apprends mon infortune et les douleurs du monde.

Mes yeux ne verront plus ce digne fils des dieux,

Cet appui de la terre, invincible comme eux.

L'innocent opprimé perd son dieu tutélaire:

Je pleure mon ami; le monde pleure un père....

Баронъ остановился.

— Какъ, по вашему мнѣнью, говорю я эти стихи сказать онъ,

скажите мнѣ ваши замѣчанія; васъ сюда призвали для того, только для того.

— Вы прекрасно ихъ произносите, и въ мое время я видѣлъ Филектетовъ; которыхъ далеко было до васъ.

— Я только это и хотѣлъ знать, любезный гувернеръ; мнѣ достаточно вашей похвалы, а если завтра меня освѣщутъ, что очень можетъ случиться, я утѣшусь мыслью, что вы мнѣ апплодировали. Теперь я васъ не удерживаю, но если хотите присутствовать при представленіи, у меня для васъ приготовленъ билетъ.

Гувернеръ поблагодарилъ барона за любезное предложеніе, общался посмотритъ на него съ подмостковъ, и ускользнулъ черезъ трагическую труппу, оставшуюся чуждой разговору Филектета съ его важнымъ собесѣдникомъ.

На другой день представленіе происходило действительно; но Книгштейнъ тамъ не присутствовалъ.

Во всѣхъ страсбургскихъ собраніяхъ только и говорили о различныхъ талантахъ, о блестящихъ способностяхъ молодого барона Меттерниха; особенно отличался онъ отъ нѣмецкихъ дворянъ, посѣщавшихъ въ то время университетъ этого города, тѣмъ, что не выказывалъ гордости, аристократической снѣжъ, въ которыхъ упрекали, и справедливо, этихъ дворянчиковъ, воображавшихъ, что они дѣлаютъ Франціи большую честь, пріѣзжая туда учиться.

Венцеславу было только семнадцать лѣтъ, и когда онъ хотѣлъ быть серьезнымъ, когда соглашался забыть и свою молодость и любовныя свиданія, а особенно театральныя представленія, къ которымъ увлекала его склонность, или скорѣе непреодолимая страсть, онъ удивлялъ судей, ученыхъ, военныхъ, вѣрностью сужденія, точностью соображеній. Занимаясь чтеніемъ лучшихъ сочиненій въ литературѣ, философіи, исторіи, политической экономіи и даже стратегіи, онъ могъ разсуждать обо всемъ; никакая наука не казалась ему чуждою.

Художники не менѣе удивлялись разнообразію его талантовъ и познаній; онъ рисовалъ и гравировалъ очень искусно, на скрипкѣ игралъ такъ, что могъ приличнымъ образомъ занять мѣсто въ оркестрѣ. Нѣсколько разъ онъ замѣнялъ, въ простаго удовольствія, на страсбургскомъ театрѣ первую скрипку, по болѣзни музыканта, и капельмейстеръ предпочиталъ временнаго скрипача безсмысленному.

На частныхъ и публичныхъ балахъ, любовались глѣбкостью,

граціей нѣмецкаго танцора. Женщины были безъ ума отъ барона съ розовыми щеками, съ бѣлокурыми волосами, котораго чоккое и изящное кокетство отвергало тогда пудру и косу. И потому Венцеслава считали оригиналомъ и дурнымъ Нѣмцемъ саксонскіе и прусскіе студенты, обвинявшіе его въ нелюбви къ родицѣ, потому-что онъ находилъ и пудру и косу однаково смѣшными.

Было время, когда баронъ Меттернихъ, въ слѣдствіе антипатіи къ пудрѣ и къ косѣ, подвергался дѣйствительнымъ опасностямъ и вызовамъ. Сначала онъ смѣялся, платилъ презрѣніемъ за обиды, клеветы и сатирическія рѣчи, отвѣчалъ сатиру эпиграммами, которыя, разносясь по городу, привлекали всѣхъ остриковъ на его сторону. Не всѣ его эпиграммы были писаны нѣмецкими стихами: онъ писалъ ихъ и по-французски очень порядочно.

Но молодой баронъ, желая нанести страшный, рѣшительный ударъ пудрѣ и косѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ удостоивали исключительнымъ и всеобщимъ предпочтеніемъ, вздумалъ перенести театръ дѣйствія косы въ Германію.

Въ концѣ марта 1788 года, въ Кельнѣ явилось небольшое сочиненіе на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «*Traité de l'excellence et des avantages de la poudre et de la queue, considérées sous le point de vue politique, philosophique, hygiénique, économique et philanthropique, par le docteur Kinstenius, membre de cent quarante académies et sociétés savantes de l'Allemagne.*»

Авторъ этого памфлета, въ которомъ такъ остроумно пародировалъ слогъ и форму знаменитаго Іоанна Мейбоміуса, игравшаго такую смѣшную роль при дворѣ ученой Христины, былъ баронъ Меттернихъ; но онъ счелъ нужнымъ укрыться подъ латинизированной фамиліей своего гувернера. Появленіе этой книжечки, получившей огромный успѣхъ, и которой въ короткое время явилось двадцать подражаній и переводовъ, была сигналомъ переворота, черезъ нѣсколько лѣтъ низложившаго пудру и косу; но въ Страсбургѣ происходила такая же жестокая война, потому-что враги молодого Меттерниха очень хорошо понимали, что если это сочиненьце, исполненное ученыхъ изысканій и показывавшее высокую ученость, не было произведеніемъ барона, то было внушено имъ своему гувернеру Кингштейну.

Напрасно бѣднякъ отказывался отъ родительскихъ правъ на книжечку, напрасно увѣрилъ, что его фамилія не Кингстениусъ, что онъ не былъ докторомъ; напрасно показывалъ обвинителямъ напудреную голову и косу, важно лежавшую на плечахъ; на

него вездѣ указывали пальцами, выставили публичному ищению какъ нечестиваго автора гнусной книги, которая, по словамъ партизановъ пудры и косы, оскорбляла нравственность и разрушала общественное зданіе.

Книгштейнъ, несмотря на всю свою философію, глубоко огорчился этими нападками; горесть его скоро приняла характеръ истиннаго отчаянія; онъ не могъ показаться ни въ кофейной, ни въ театрѣ, не слыша вокругъ себя:

— Вотъ памфлетистъ! вотъ негодный Книгстениусъ!

А гарнизонные офицеры въ Страсбургѣ, и большая часть горожанъ, были еще вѣрны пудрѣ и косѣ; это объясняетъ истинно критическое положеніе гувернера молодаго барона Меттерниха.

Баронъ, съ своей стороны, не былъ равнодушенъ къ огорченію человѣка, котораго жизнь онъ возмущилъ; если бы даже и признался, что былъ авторомъ трактата, издавнаго въ Кёльнѣ, онъ бы не возвратилъ Книгштейну спокойствія; стараясь утѣшить его, онъ говорилъ, что эти тревоженія должны скоро пройти, что приближается минута, когда изящный вкусъ восторжествуетъ, что къ тому же курсъ ученія его подходитъ къ концу, и однажды убравшись изъ Страсбурга, въ отставку, съ обширнымъ пенсіономъ, онъ найдетъ и спокойствіе и счастье.

Но эта будущность казалась еще очень отдаленною Книгштейну; онъ предпочиталъ лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ привычекъ своей жизни, отъ кофейныхъ и отъ театра, а не было средствъ избавиться преслѣдованій, которыхъ онъ былъ предметомъ. Баронъ находился въ большомъ замѣшательствѣ, боялся, чтобы отчаяніе не довело гувернера подать въ отставку, что можетъ-быть побудило бы графа Меттерниха вызвать сына домой. А барона удерживали въ Страсбургѣ связи разнаго роду. Онъ любилъ этотъ городъ, гдѣ былъ счастливъ, не смотря на борьбу съ пудрой и косой.

Однажды вечеромъ, когда гувернеръ горевалъ у себя въ комнатѣ, вошелъ баронъ.

— Ну, любезный Книгштейнъ, сказалъ онъ, садясь возлѣ него у камня: что вы тутъ подѣлываете?

— Вы видите, баронъ! осуждаю себя на изгнаніе, чтобы избавиться ярости враговъ.... пока мы оставимъ этотъ проклятый городъ.

— Проклятый городъ.... А! такъ вы очень сердитесь на здѣшнихъ жителей?

— Я нѣтъ на это свои причины.

— Такъ вы будете очень рады, когда проститесь съ Страсбургомъ?

Книгштейнъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на барона.

— Это будетъ прекраснѣйшій день въ моей жизни!...

— Вы забываете тотъ день, въ который вамъ брасали вѣнки на театрѣ Карпавтра....

— Правда, тотъ былъ тоже чудесный день....

— Вамъ есть только одно средство удалиться, по-крайней мѣрѣ я знаю только одно: выйти въ отставку!...

Гувернеръ выразилъ грустное удивленіе:

— Въ отставку! въ отставку!... но у меня нѣтъ никакого хода, баронъ, вы это знаете, а въ мои лѣта трудно найти мѣсто.

— Это правда, но если вамъ останется жалованье.... если я обеспечу вамъ скромное, но приличное содержаніе....

— Ахъ, вы слишкомъ добры, слишкомъ щедры, баронъ!... это пожертвованіе можетъ-быть стѣснить васъ....

— Почему вы знаете? Не безъ долгаго размышленія я сдѣлалъ вамъ это предложеніе, вы такъ несчастны здѣсь черезъ меня, что я долженъ былъ постараться помочь вамъ.

Книгштейнъ сталъ въ театральную позицію.

— Нѣтъ, баронъ, я не приму вашихъ благодѣяній, не подамъ въ отставку и останусь съ вами. Какъ могу я разстаться съ молодымъ человѣкомъ, который почтывалъ меня такимъ доказательствомъ участія и уваженія. Я останусь при моей должности до тѣхъ поръ, какъ необходимость принудитъ меня оставить ее. Забываю дразни, неудовольствія, оскорбленія, пренебрегу яростью враговъ, завтра же возвращаюсь въ кофейную, въ театръ.... Простите, баронъ, мнѣ тутнюю слабость!

Молодой человѣкъ, растроганный, взволнованный, подалъ Книгштейну руку.

— До сихъ-поръ я считалъ васъ гувернеромъ.... теперь признаю васъ истиннымъ другомъ.

Баронъ уже не боялся, чтобы отставка Книгштейна была причиною возвращенія его къ родителямъ; онъ могъ надѣяться, что отецъ оставитъ его еще на два года въ Страсбургѣ: это время онъ считалъ необходимымъ для окончанія наукъ.

Баронъ хотѣлъ остаться во Франціи не для однихъ удовольствій; важныя происшествія, которыхъ она была театромъ, за-

идеи его умъ и представляли необыкновенное вѣдѣніе любви къ отчизнѣ. Множество не пугалась наступающей провы, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру товарищей, вѣмецкихъ дворянъ, поспѣшавшихъ оставить Страсбургъ, онъ съ удовольствіемъ остался среди политическаго движенія и возрастающей борьбы, возбѣждавшихъ страшныя смуты.

Граждане Страсбурга были расположены въ пользу новаго переворота, а офицеры, составлявшіе гарнизонъ этого военнаго города, принадлежали по большей части къ дворянству. Даже до Собранія Именитыхъ, согласія между гражданами и офицерами уже не существовало.

Странное дѣло! молодой баронъ Меттернихъ показывалъ тогда сильное сочувствіе къ тѣмъ идеямъ, которыхъ въ послѣдствіи стать упорнымъ противникомъ.

Всѣ взоры были тогда обращены на столицу; до-тѣхъ-поръ, баронъ, звавшій Парижъ только по имени, не показывалъ большаго желанія посѣтить столицу Франціи. Онъ оставался холоденъ къ разсказамъ путешественниковъ, и описаніе чудесъ столицы мало его интересовало. Но съ нѣкотораго времени въ умѣ его совершилась большая перемена; онъ безпрестанно говорилъ о Парижѣ, горѣлъ нетерпѣніемъ посѣтить его и умолялъ отца отпустить его туда на двѣ недѣли. Онъ ручался за свое поведеніе опытностью гувернера, который долженъ былъ провожать его въ Парижъ.

Графъ Меттернихъ отвѣчалъ сыну, что онъ выбралъ дурное время для своей просьбы, что молодой человекъ можетъ черезъ самое любопытство подвергнуться большаго опасностямъ въ городѣ, непрерывно возмущаемомъ кровавыми смутами. Онъ также давалъ чувствовать сыну, что время возвращенія его въ родительскій домъ недалеко.

Венцеслава глубоко огорчилъ этотъ отказъ, который онъ приписывалъ несправедливымъ понятіямъ о состояніи Франціи и преувеличенію слуховъ, которымъ отецъ его, уже предубѣжденный противъ этой страны, слишкомъ легко вѣрилъ. Однажды онъ показывалъ пріятелю, молодому вюртембергскому дворянину, раздѣлявшему и политическія мнѣнія его и удовольствія, послѣднее вѣдѣніе отца, въ которомъ тотъ строго порицалъ настоятельную просьбу сына для полученія позволенія отправиться въ Парижъ.

Вюртембергскій дворянинъ улыбнулся, пробѣгая письмо, приволившее въ отчаяніе его пріятеля.

— Все отцы, другъ мой, сказали онъ барону, нехожи на-шего; они отдаляютъ сколько возможно освобожденіе сыновей отъ родительской власти! у меня также есть отецъ, который не пускаетъ меня въ Парижъ.

— И вѣрно также оправдываетъ отказъ подобными причинами.

— Скажите лучше подобными предложениями; но я хочу видѣть этотъ городъ, прежде чѣмъ смуты и перевороты перевернутъ его вверхъ дномъ; я думаю, что надо поторопиться, а то если парижскій народъ примется за дѣло, то скоро славно все отдѣлается....

— О! какого вы дурнаго мнѣнія о Парижанахъ, любезный Ландорфъ....

— Кажется, я не ошибаюсь, но ужъ если батюшка не даетъ мнѣ позволенія....

— Вы его возьмете сами.

— Вы отгадали; но, любезный Меттернихъ, развѣ вы отпустите меня одного?

Баронъ былъ совершенно расположенъ принять предложеніе.

— Мнѣ отпустить васъ одного! какъ это можно, любезный другъ! Могу ли я допустить васъ подвергнуться опасностямъ этого путешествія? Я хочу, и долженъ раздѣлить ваши опасности; долгъ дружбы обязываетъ меня къ тому. Завтра, нынче же вечеромъ, мы сядемъ, если хотите, въ diligенсъ....

— Если это не дружба, такъ ужъ чортъ знаетъ что такое!

Венцеславъ зналъ, что найдетъ въ Ландорфѣ любезнаго спутника, но сначала онъ успѣшилъ воспользоваться случаемъ побывать въ столицѣ, а потомъ ему стало совѣстно.

— Прежде чѣмъ мы отправимся въ наше дальнее странствованіе, сказалъ онъ, мы должны увѣдомить родителей о нашемъ отъѣздѣ, потому что если они вздумаютъ завтра или послѣ-завтра, пожаловать въ Страсбургъ... что они подумаютъ, что скажутъ о нашемъ побѣгѣ? мнѣ надо знать, куда мы уѣхали.... оставимъ на ихъ имя письма.

— Нѣтъ, любезный другъ, потому что они готовы, нежалуй, поручить насъ надзору мэра, что очень стѣснитъ наши наблюденія.

— Я не подумалъ объ этомъ; впрочемъ, если они не найдутъ насъ, то зато найдутъ нашихъ гувернеровъ.

Виртембергскій дворянинъ, знавшій Книгштейна, засмѣялся.

— Сомнѣваюсь, сказалъ онъ: они вѣдъ не пойдутъ отъяски-гать ихъ въ кофейную или въ театръ....

— До завтра, любимый товарищъ; но скромность необходима, о нашемъ путешествіи не надо говорить никому, даже нашимъ гусарскимъ.

— Даже нашимъ возлюбленнымъ!

Баронъ не удостоилъ обратить вниманіе на эту эпиграмму, возможно иѣмецкую, и оба пріятеля отправились вѣсть вѣзть вѣста въ дилижансъ, отправившемся на другой день въ шесть часовъ утра; разумѣется, они записались на эти мѣста подъ чужими именами.

Имъ оставалось немного времени для приготовленій требуемыхъ носѣщнымъ и тайнымъ отъѣздомъ.

Оба были скромны и не говорили о своемъ намѣреніи никому; Меттернихъ доказалъ въ этомъ случаѣ большую храбрость, потому-что предвидѣлъ сколько слезъ заставитъ пролить его отъѣздъ, но онъ далъ слово и къ тому же въ эту минуту Парижъ преобладалъ надъ всеми привязанностями, надъ всеми иѣжными воспоминаніями.

На другой день въ шесть часовъ, дилижансъ или скорѣе, чтобы назвать эту огромную и тяжелую карету ея историческимъ именемъ, страсбургская Coche, тронулась съ почтоваго двора. Оба наши путешественника были веселы какъ школьники, протѣившіеся съ стѣнами училища; однако они молчали, до-того боялись измѣнить себѣ, обнаруживъ волновавшія ихъ чувства.

Они удовольствовались разговоромъ глазъ, и только перемигивались, потому-что карета не выѣхала еще изъ города. Особенно остерегались они высовываться изъ дверецъ кареты, потому-что по мѣрѣ приближенія къ укрѣпленіямъ города, могли встрѣтить знакомыхъ. Тамъ обыкновенно находились гарнизонные офицеры. Съ барономъ Меттернихомъ непремѣнно раскланялись бы и въ тотъ же день весь городъ узналъ бы о ихъ путешествіи.

Тревожная минута настала для путешественниковъ, когда карета у взъѣзда на подъемный мостъ покатила тише, а потомъ вдругъ остановилась; уатеръ-офицеръ подошелъ къ дверцамъ и просилъ путешественниковъ выйти: надо было осмотрѣть карету!

Это было для Ландорфа съ пріятелемъ громовымъ ударомъ.

— Мы пропали! вскричалъ Ландорфъ.

И онъ грустно посмотрѣлъ на товарища. Баронъ Меттернихъ старался успокоить его движеніемъ, предписывавшимъ благоразуміе.

Но они были не одни въ парижѣ, и эти слова: мы пропали! поспѣшно раздалась въ ушахъ другихъ путешественниковъ; эти слова, нѣкоторымъ образомъ подавали поводъ къ самымъ страннымъ предположеніямъ, къ самому невыгодному мнѣнію о двухъ товарищахъ, вдругъ превратившихся въ соучастниковъ некоего-нибудь преступленія.

Баронъ Меттернихъ первый замѣтилъ дѣйствіе восклицанія, вырваннаго испугомъ у Ландорфа; но онъ замѣтилъ также, что одинъ путешественникъ, молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, котораго приемы обещали военнаго, улыбнулся при восклицаніи Ландорфа; въ физиономіи ея осталось для двухъ пріятелей странное выраженіе благосклонности.

Между тѣмъ всѣ путешественники выходили одинъ за другимъ, чтобы утереть офицеръ, съ сопровождавшими его солдатами, могъ осмотрѣть карету.

Это дѣйствіе, такъ испугавшее Меттерниха съ товарищемъ, было мѣрой, недавно принятою военнымъ правительствомъ, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія и уничтоженія слуховъ, распространенныхъ было о перевозѣ похищеннаго оружія изъ страсбургскаго арсенала, для раздачи врагамъ народа. Это происходило въ первую половину іюля 1789 года.

Въ страсбургской каретѣ не было спрятано оружія; когда солдаты въ томъ увѣрились, путешественники возвратились въ карету; два пріятеля успокоились, какъ скоро узнали цѣль осмотра.

Но этого было мало для нихъ; имъ предстояло уничтожить впечатлѣніе, причиненное неблагоприятными словами Ландорфа; пріятелямъ не хотѣлось оставаться цѣлыхъ четыре дня подъ тяжестью недобвѣрчивости и обидныхъ подозрѣній.

Баронъ взялъ оправданіе на себя; не прошло и десяти минутъ какъ карета, выѣхавъ изъ Страсбурга, катилась по парижской дорогѣ, когда баронъ, обратившись къ другу, сказалъ.

— Ну, мой милый, теперь когда намъ не предстоитъ осмотра, когда мы можемъ говорить свободно, вы вѣрно согласитесь объяснить этимъ дамамъ и кавалерамъ, съ которыми мы имѣемъ честь путешествовать, что вы сказали до осмотра. Какъ путешественникъ и какъ вашъ пріятель, я очень желаю знать, почему вы объявили, что мы пропали.

Ландорфъ не зналъ что отвѣчать; онъ покраснѣлъ и прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Отвѣчайте; я требую, чтобы вы отвѣчали; ужъ не спрята-

ли-ли вы ошибкой въ кармагъ пушку изъ страсбургскаго арсенала?

Лица путешественниковъ вдругъ прояснились; наружность Ландорфа, который какъ будто разсердился на слова друга, много способствовала изъ этой веселости. Сопутники начали думать, что ошиблись на счетъ двухъ друзей; невыгодныя предубѣжденія, вызванныя восклицаніемъ Ландорфа, начинали разсѣваться в тотъ путешественникъ, который не раздѣлялъ ихъ, первый заговорилъ съ барономъ.

— А вы, сказалъ онъ, смѣясь, обвиняете друга, а можетъ-быть виноваты въ чемъ-нибудь поважнѣе? Если другъ вашъ увезъ въ кармагъ страсбургскую пушку, вы не уложили ли невзначай крѣпости въ чемоданъ?

Взрывъ общей веселости встрѣтилъ слова; баронъ Меттернихъ сохранялъ серьезный видъ.

— Благодарю васъ за хорошее мнѣніе, сказалъ онъ путешественнику, но клянусь вамъ, что страсбургская крѣпость осталась на своемъ мѣстѣ; но говоря откровенно, какъ истинный Нѣмецъ, я скажу, что если бы я могъ такъ легко сдѣлать такой чудесный подарокъ моему отечеству, я поѣхалъ бы не въ Парижъ, а въ Вѣну, которая чрезвычайно была бы довольна этимъ образцовымъ произведеніемъ нашего безсмертнаго Вобана.

Эти острые шутки должны были благопріятно кончиться для двухъ подозрительныхъ путешественниковъ; но баронъ Меттернихъ хотѣлъ полного удовлетворенія.

— Довольно шутить, милостивые государи и государыни, сказалъ онъ, обращаясь къ путешественникамъ, позвольте мнѣ поговорить съ вами серьезно нѣсколько минутъ и объяснить вамъ преступленіе, которое мы совершили или скорѣе совершаемъ теперь.

Онъ остановился на минуту, чтобы судить, какой переворотъ произвело это предисловіе; всѣ перестали смѣяться.

— Да, прибавилъ онъ, мы виноваты, и вы слышали признаніе въ нашей винѣ, въ нашемъ преступленіи въ обвинительныхъ словахъ моего друга: «Мы пропали!» Да, мы сочли себя пропавшими, когда карета остановилась у страсбургскихъ укрѣпленій; мы, студенты тамошняго университета, давно желали видѣть Парижъ.... это очень естественное, очень законное желаніе, не правда ли, когда знаешь только Берлинъ, Вѣну и Стутгардъ? Де-тѣхъ-поръ мы были великими; но демонъ любопытства, этотъ демонъ, который не переставалъ мучить потомство Адама и Евы, не оста-

вѣль настъ ни на минуту въ покоѣ. Родители не дукали насъ въ Парижъ, говоря, что это городъ такой же какъ Берлинъ, Вѣна и Стутгардъ... и мы ѣдемъ узнать, правду ли сказали намъ родители....

— Солгали, чортъ вебери, солгали! перебилъ старый бригадиръ.

— Они только ошиблись, продолжалъ ораторъ, желая этии словами дать урокъ въ знаніи приличій грубому собесѣднику, по-крайней-мѣрѣ намъ такъ кажется; мы подумали, что теперь-то Парижъ и хорошъ, и сѣли въ карету съ любовнытствомъ, съ деньгами, но безъ необходимаго согласія родителей.... Подъ впечатлѣніемъ-то этого безпокойства намъ измѣнилъ мой пріятель... онъ вообразилъ, что его везутъ въ Стутгардъ, сажаютъ въ тюрьму.... почему знать.... можетъ быть повѣсать.... у пріятеля моего пылкое воображеніе и онъ вскричалъ: «Мы пропази!»

— Пріятель вашъ дуракъ!

Виртембергскій дворянинъ превѣжливо поклонился старому бригадиру, сдѣлавшему этотъ комплиментъ.

— Теперь вы знаете нашу исторію, продолжалъ баронъ; я былъ откровененъ, но мы надѣмся на вашу скромность, имѣемъ право надѣяться, что вы не измѣните нашей довѣренности, и если неравно будемъ имѣть нужду въ вашей помощи, вы не откажетесь помочь.

— Благодарю, благодарю, и можно надѣяться, что обойдемся безъ нея.... еще одно слово, милостивые государи и государыни, вамъ надо знать виновныхъ, признавшихся въ преступленіи. Другъ мой, графъ Ландорфъ, сынъ камергера виртембергскаго курфюрста, а я....

— Баронъ Венцеславъ Меттернихъ, сынъ графа Меттерниха, австрійскаго министра въ Гаагѣ.

Путешественникъ, перебившій барона, былъ молодой ошверъ въ гражданскомъ платьѣ, котораго благосклонность Меттернихъ уже замѣтилъ въ ту минуту, какъ другіе путешественники, не зная ихъ, судили объ нихъ довольно строго.

ОХОТНИКИ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ. Сочиненіе маркиза де-Фудраса. Часть первая.

— Условимся, господа, сойтись снова дней черезъ осемь и провести вмѣстѣ по-крайней-мѣрѣ недѣлю.

Это предложеніе было принято съ единодушнымъ восклицаніемъ, равнявшимся согласію.

— Теперь, продолжалъ ораторъ, надо условиться насчетъ мѣста.

— Можно отправиться въ Шампань, сказалъ графъ де-Боссанкуръ, помѣстья котораго находились между Баръ-сюръ-Обомъ и Труа.

— А почему же не остаться въ Бургони? спросилъ маркизъ де-Ф^{***}, владѣвшій въ то время замкомъ въ окрестностяхъ Шалона, что на Саонѣ.

— Все это не то; лучше въ Морванъ, воскликнули разомъ де-Витри, де-Праковталь, де-ла-Ферте и другіе, — всѣ жители этой маленькой провинціи.

— Мы ужасно походимъ на палату депутатовъ, господа; каждый говорить за себя. Чтобы сходство было полное, пойдѣмъ на голоса.

Сдѣлавшему это предложеніе, мосье Перре, хотѣлось отправиться въ Морванъ, и онъ зналъ, что большинство будетъ того же мнѣнія; такимъ-образомъ онъ достигалъ своей цѣли, выказывая безпристрастіе.

Морванъ одержалъ верхъ, и всѣ условились съѣхаться 10 ноября въ Фуръ, маленькую деревню на почтовой дорогѣ изъ Люзи въ Неверъ, въ самомъ сердцѣ Морвана.

Всѣ, казалось, остались довольны принятымъ рѣшеніемъ, и выпли за успѣхъ будущаго съѣзда.

Это происходило въ 1834 году, въ день всѣхъ святыхъ, въ замкѣ Монжѣ, у графа Таллейрана, гдѣ мы только что отпраздновали день святаго Губерта, изловивши двѣ или три лани. Въ минуту тоста мы сидѣли за обѣдомъ, весело разговаривая о приключеніяхъ охоты, удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, потому что не обошлось даже безъ вывиха.

Монжѣ прекрасное мѣстечко. Оно принадлежало когда-то дому Гизовъ, потомъ президенту Жанвену, легѣру и честному малому, который былъ сперва однимъ изъ самыхъ умныхъ враговъ, а потомъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ Генриха IV-го. Отъ него помѣстье это перешло къ господину де-Кастилью, тому самому, котораго Талльманъ-де-Рео называетъ *le bonhomme Castille*; потомъ, незнаю какъ, къ мадамъ де-Гизъ, вышедшей замужъ за герцога (впоследствии маршала) Ришліе, и которой Вольтеръ сочинилъ извѣстные стихи:

Un prêtre, un oui, trois mots latins, etc.

Въ Монжѣ удалась, во время революціи, прекрасная и бла-

городная дочь Лепелетіе де-Сенъ-Фаржо. Когда-нибудь я сообщу вамъ, можетъ-быть, подробное описаніе этого истинно живописнаго мѣста. Теперь же продолжаю мой рассказъ.

Нѣсколько словъ о Морванѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, нельзя назвать отступленіемъ. Морванъ маленькая провинція, принадлежавшая прежде къ Ниверне, а теперь раздѣленная между департаментами: Ниверскимъ, Йонискимъ, Котъ-д'Оръ и Саоны и Лоары. Это страна гористая, неровная, заросшая обширными и прачными лѣсами, изрѣзанная быстрыми ручьями, покрытая унылыми прудами среди высокихъ горъ, поросшихъ верескомъ, богатая молчаливыми долинами, шумными фабриками и старыми пустыми замками, похожими на гнѣзда, откуда улетѣли орлы. Здѣсь есть мраморъ, гранитъ, легкія и трудолюбивыя телки, лошади, габкія и крѣпкія какъ сталь, и поселяне, упрямые и простодушные какъ дикарн. Проѣзжавшіе здѣсь Англичане утверждаютъ, что эта страна похожа на Шотландію. Въ 1833 году я видѣлъ изгнанниковъ Вандейцевъ, которые съ грустью смотрѣли на эти мѣстности и говорили: «точно наша милая Бретань!». Но все равно, можно ли сравнить Морванъ съ чѣмъ-нибудь или нѣтъ, провинція эта мила для охотниковъ и восторгъ, то есть для мыслящихъ слишкомъ много и мыслящихъ слишкомъ мало.

Не помню, что помѣшало мнѣ, графу де-Боссанкуру и барону де Сенъ-Пьеру явиться на сборное мѣсто въ назначенный день; мы должны были отложить нашу поѣздку на цѣлыя сутки, и не могли принять участія въ первой охотѣ. Это было для насъ тѣмъ досаднѣе, что во время веремѣны лошадей, за ставцію отъ Фура, какой-то коми рассказывалъ про эту охоту чудеса.

По его словамъ, убили кабана вѣсомъ въ 500 фунтовъ; кабана зарѣзалъ сорокъ собакъ, и палъ наконецъ отъ ужаснаго удара ножемъ, навесеннаго ему княземъ де-Таллейраномъ.

— Какъ? Старый дипломатъ еще охотится? спросилъ кто-то изъ слушавшихъ.

— Конечно, отвѣчалъ коми съ невозмутимою увѣренностью. Уѣзжая изъ Фура, я видѣлъ всѣхъ этихъ господъ; притѣ его никто не держится въ сѣдлѣ. Онъ удивительно сохранился для своихъ лѣтъ.

Боссанкуръ, Сенъ-Пьеръ и я, мы переглянулись и улыбнулись. Коми слышалъ, что въ числѣ благородныхъ охотниковъ, собравшихся въ Фурѣ, есть Таллейранъ, и сочинилъ свою исторію съ удивительною легкостью.

Мы не заблагоуразудили противорѣчить ему, и отправившеся далѣе, торопя нашего почтальона.

Ноябрскій вечеръ былъ прекрасенъ. Густая роса замерзала на лугахъ, освѣщенныхъ луною, и они казались покрытыми сѣтью изъ бисера. Горы, между которыми змѣялась дорога, рисовались иррачнымъ силуэтомъ на свѣтлой лазурн небса, и пробуждали въ насъ грустныя думы, прерывавшія по временамъ наши веселыя шутки. Экипажъ нашъ катился то по камню, обнаженному недавними дождями, то легко скользилъ по густой настлѣкѣ увядшихъ мокрыхъ листьевъ, первыхъ жертвъ осенняго вѣтра. Иногда цѣлыхъ полчаса мы не встрѣчали живой души, и потомъ проѣзжали село, оживленное вечернимъ, мирнымъ, грустнымъ шумомъ. Колокольчики звенѣли въ хлѣвахъ; вокругъ очаговъ раздавались пѣсни дѣвушекъ; повозна скрипѣла по дорогѣ; кобыла ржала въ конюшнѣ; по каменной тропинкѣ звучала тяжелая поступь фермера; столбы дыму, мѣшаясь съ искрами, возносились къ небу; въ открытомъ полѣ, у подошвы горъ, пылали костры сухихъ вѣтвей; лѣсъ, по которому мы ѣхали, рябѣлъ отъ прорывавшихся сквозь чащу лучей, и какъ будто говорилъ намъ: «завтра можетъ-быть приведетъ васъ сюда охота».

Мы только что вѣхали на большую отлогость, какъ вдругъ услышали веселый звукъ рога. Мы аукнули въ отвѣтъ, почтальонъ хлопнулъ бичемъ, и мы прибыли въ Фуръ при клякахъ товарищей, собравшихся здѣсь еще вчера в упоенныхъ еще первою побѣдою. Кабанъ былъ дѣйствительно убитъ, только вѣсилъ двумя стами ливрами меньше и зарѣзалъ только трехъ собакъ, вмѣсто сорока. Начало было не дурно.

Не успѣвъ мы выйти изъ экипажа, какъ насъ окружили и начали тѣснить, обнимать, бранить, спрашивать. «Почему вы не пріѣхали вчера? Вы пропустили чудесный день. Завтра будетъ, можетъ-быть, дождь. Кабановъ теперь больше нежели когда-нибудь. Бѣдный Галаоръ убитъ. А у васъ тутъ прекрасное помѣщеніе».

На счетъ этого послѣдняго обстоятельства я былъ спокоенъ, потому-что квартиру взялся заготовить намъ Перре. Нѣсколько минутъ тому назадъ, проѣзжая деревню, я указалъ моимъ спутникамъ на красивѣйшій домъ и сказалъ: «держу пари, что Перре отвелъ намъ тамъ квартиру».

Это дѣйствительно оказалось такъ; онъ самъ поселился въ этомъ домѣ и отвелъ намъ три прекрасныя комнаты

кими постелями, плотными завѣсами, и вашиями, дымящими не совсѣмъ невыносимо, когда вѣтеръ дулъ съ сѣвера.

Тамъ поселились мы и тамъ разсказалъ намъ Перре о событіяхъ перваго дня. Мы оплатили ему разсказомъ о комни, и разошлись потомъ по своимъ комнатамъ, нетерпѣливо желая сократить своимъ время до слѣдующаго дня.

На другое утро широкая, единственная улица въ Фурѣ представляла самое одушевленное зрѣлище. Охотники, одинаково одѣтые въ сюртуки изъ чернаго плюша, съ выглядывавшими изъ подъ нихъ пунцовыми жилетами, сходились изъ своихъ квартиръ къ деревенской гостинницѣ, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ. Ковюхи водила красивыхъ и крѣпкихъ лошадей; псаря, вооруженные кнутами, держали въ спасительномъ повиновеніи своры собакъ, рвавшихся и горячившихся, но не лаявшихъ; деревенскія Дульцины, скрестивши на груди толстыя красныя руки, ждали у своихъ дверей отъѣзда веселой компаніи.

Ровно въ девять часовъ мы тронулись въ путь. Черезъ сорокъ минутъ мы прибыли на перекрестокъ, называемый, если не ошибаюсь, Краснымъ Крестомъ; тамъ мы должны были дожидаться рапорта псарей, вышедшихъ съ шейками еще до разсвѣта.

Мы развели огонь, закурили сигары и вонзали нетерпѣливые взоры въ прямыя и извилистыя дороги, ведшія изъ глубины лѣса къ перекрестку Краснаго-Креста.

Наковецъ, въ концѣ одной изъ этихъ дорогъ показалась бѣлая точка, и за ней что-то черное. Глаза всѣхъ обратились въ ту сторону и мы вздохнули, когда кто-то сказалъ: «это Рако».

Рако, — это доѣзжачій маркиза де-Макъ-Магона, о которомъ я еще не разъ буду имѣть случай говорить вамъ. Человѣкъ необыкновенный: одаренный въ одно время пылкостью юноши, благоразуміемъ мужа и опытностью старика, — человѣкъ, который оставилъ бы по себѣ имя какъ знаменитый Дрекаръ, увѣковѣчавшій Мольеромъ, если бы жилъ не въ такую безпечную эпоху, — человѣкъ, которому недоставало только шпаги и случая, чтобы разыграть втораго героя Святой Елены.

Рако приближался. Пропитанный ученіемъ знаменитаго Фулу, онъ шелъ мѣрво и торжественно, храня на лицѣ своемъ таинственность и спокойствіе. Онъ бросилъ веревку отъ своей собаки слугѣ, взялъ кусокъ бѣлаго хлѣба и холодной говядины, и принялся завтракать, безъ малѣйшаго состраданія къ нашимъ безпокойно вопрошающимъ взглядамъ.

— Кажется, онъ воротился съ плохими вѣстями, сказалъ я

графу Александру де-Витри, bravому, прекрасному человѣку, наружная суровость котораго скрывала превосходное сердце.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ; я его знаю, — готовьтесь къ трудовому дню.

Кончивъ свой завтракъ, Рако снялъ башмаки, надѣлъ сапоги, и произнесъ: «господа, на лошадей!»

Я увѣренъ, что великій Конде смотрѣлъ нѣсколько не торжественнѣе, бросая жезлъ свой въ ретраншементы Рокроа или Севеа, — не помню навѣрное куда, даже можетъ-быть совсѣмъ въ другое мѣсто. Прѣшу современныхъ писателей, и въ особенности историковъ прѣстить мнѣ эту маленькую историческую ошибку.

Наконецъ, мы двинулись.

Дорогою я нашелъ случай приблизиться къ Рако, ѣхавшему впереди и хранившему таинственное молчаніе. Опъ былъ ко мнѣ расположенъ, и я рѣшился сдѣлать ему вопросъ.

— Кажется, отвѣчалъ онъ, я обошелъ кабава, который заставить насъ повозиться; но, пожалуйста тише: мы подъѣзжаемъ къ моему замѣтку, а на разсвѣтѣ онъ былъ еще на ногахъ.

Черезъ десять минутъ подняли кабава; я видѣлъ какъ онъ перебѣжалъ лугъ, перепрыгнувъ черезъ два плетня и ручей, и я согласился съ Рако, что мы съ нимъ не легко справимся.

Мы разѣхались въ разныя стороны, куда кому вздумалось. Я поѣхалъ за Александромъ де-Витри, превосходнымъ охотникомъ, и кромѣ того, хорошо знавшимъ мѣстность.

Охота началась блистательно.

Я не стану рассказывать всѣхъ подробностей, опасаясь утомить читателей. Сначала кабавъ остановился и хотѣлъ отразить нападенія собакъ; но не легко было обратить въ бѣгство сорокъ пять четвероногихъ англо-французовъ, соединявшихъ въ себѣ британскую стойкость съ французскою пылкостью. Послѣ трехъ часовъ возни въ разныя стороны, кабавъ выбѣжалъ наконецъ изъ острова.

Тогда охота представила великолѣпное и трогательное зрѣлище: охотники, до-сихъ-поръ ѣхавшіе маленькими группами по разнымъ дорогамъ лѣса, соединились на опушкѣ и ринулись за кабавомъ, уже уставшимъ, но все еще сиѣлымъ. Неумолкаемый лай собакъ, крики охотниковъ, звуки роговъ, повторяемые эхомъ, топотъ лошадей, скачущихъ по камнямъ равнины или скаламъ горъ, — все это сливалось въ удивительный хоръ, и глаза не мо-

гли наглядѣться на быстроту коней, на ловкость и снѣжность издоковъ. Сцена ежеминутно измѣнялась, переносилась съ одного мѣста на другое. Не могу исчислить всѣхъ плетней, всѣхъ рвовъ, всѣхъ рѣкъ, черезъ которые мы перелетѣли и переправились, всѣхъ деревень, черезъ которыя мы пронеслись, къ великому изумленію жителей. Кабанъ, презирая всѣ препятствія или ничего не видя, вбѣгалъ въ дворы фермъ, сбивалъ съ ногъ женщинъ, не успѣвшихъ посторониться, и уходилъ все впередъ, не выигрывая, но и не проигрывая ни вершка пространства. Борьба была сомнительная, и чело Рако было озабочено.

Я не отставалъ отъ Александра де-Витри; мы скакали по низкому и влажному лугу, немного въ сторонѣ отъ прочихъ, когда спутникъ мой вдругъ крикнулъ: «Берегитесь, топь!»

Я взглянулъ за нѣсколько шаговъ впередъ, и увидѣлъ среди нѣсколькихъ лужъ небольшую лужайку, поросшую яркою и тонкою травою; я не думалъ, что тамъ скрывается опасность и ринулся прямо на эту зелень.

Но едва только Робъ-Рой коснулся копытами этого мѣста, какъ я почувствовалъ, что онъ какъ-будто исчезъ подо мною, а самъ я очутился на ногахъ, и стоялъ на почвѣ, въ которую уходилъ все больше и больше.

То была топь, новое для меня знакомство, которое я съ удовольствіемъ отложилъ бы до другаго времени.

Я услышалъ смѣхъ, и потомъ клики удаляющейся охоты. Никто не думалъ помочь мнѣ, и я самъ изумился бы не мало, если бы кто-нибудь явился на помощь; я зналъ по собственному опыту, что охота, не хуже любви, дѣлаетъ челоуѣка эгоистомъ.

Робъ-Рой высвободился первый, и былъ столько добръ, что подождалъ меня.

Я тонулъ. Мнѣ пришло въ голову, что если я лягу, то не буду уходить въ болото какъ гвоздь. Попытка удалась; лежа началъ я ползти впередъ, и черезъ пять минутъ сидѣлъ уже на конѣ.

Прислушиваясь въ которой сторонѣ охота, я смотрѣлъ на предательскую топь, ожидая увидѣть слѣды моего приключенія. Ничего не бывало: все сгладилося какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла, и зеленая лужайка приняла прежній обманчивый видъ. Я не могъ однако же сомнѣваться въ случившемся: я и Робъ-Рой были окрашены въ одну краску, и охота исчезла.

Я старался найти ее, бросаясь во всѣ стороны (что, замѣчу мимоходомъ, самое дурное средство), когда услышалъ за собою топотъ лошадиной рыси. Я подумалъ, что это какой-нибудь кюре

возвращается въ свой приходъ , но оглянувшись , увидѣлъ друга моего Перре.

Онъ ѣхалъ , по своему обыкновенію , не торопясь и лакомился шоколадомъ. Лошадь его была совершенно суха , на сапогахъ ни пылинки.

— Вы попали въ болото? сказалъ онъ.

— Да , но хуже всего то , что я потерялъ охоту.

— Вы нашли меня , стало быть все обстоятъ благополучно , потому что я знаю гдѣ охота.

— Такъ въ галопъ!

— Какъ вы торопитесь ! Подумаешь , что вы заняли лошадь у пріятеля ; я ѣду на собственной и хочу поберечь ее. Слѣдуйте за мною и не безпокойтесь.

Я по-неволѣ долженъ былъ повиноваться : вѣтеръ не доносилъ къ намъ никакихъ звуковъ , и мѣстность была мнѣ незнакома. Я поѣхалъ рысцою , рядомъ съ Перре.

Черезъ часъ ѣзды я услышалъ лай собакъ и сказалъ объ этомъ моему спутнику.

— Я въ этомъ и не сомнѣвался , отвѣчалъ онъ спокойно. Поѣдемъ дальше.

Голоса становились внятнѣе ; только мнѣ казалось , что вмѣсто сорока-пяти собакъ , я слышу не больше семи или осьми. И я сообщалъ это замѣчаніе Перре.

— Да , сказалъ онъ. Кабанъ должно-быть ушелъ впередъ отъ главной стан. Теперь надо поспѣшить.

Въ эту минуту мы вѣхали на вершину пригорка и увидѣли у его подошвы , въ полѣ , поросшемъ терномъ , кабана , который не могъ уже бѣжать , но смѣло отбивался отъ десятка осаждавшихъ его собакъ.

По ту сторону поляны , гораздо дальше насъ отъ мѣста битвы увидѣли мы всю ватагу охотниковъ , во весь опоръ несущихся на звѣря.

Мы поспѣли первые , и къ намъ присоединился Рако. Когда всѣ собрались , мы пригласили маркиза де-Витри , нашего президента , застрѣлить кабана изъ карабина , и десять роговъ , съ акомпаниментомъ эха , затрубили побѣду.

— Этотъ Перре никогда не распоряжается иначе , сказалъ маркизь де-Макъ-Магонъ , владѣлецъ собакъ. Во время охоты никто его не видитъ , а къ развязкѣ онъ вѣчно является первый.

Перре улыбался ; онъ торжествовалъ скромно , какъ всѣ мастера своего дѣла.

Возвращеніе наше было прекрасно. Когда мы вѣзжали на пригорокъ, съ котораго недавно съѣхали, солнце садилось въ золотисто пурпурныя облака, и послѣдніе лучи его озаряли вершины горъ, между-тѣмъ какъ сумерки уже разстилались въ долинахъ. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ. Шумный гѣсъ затихъ, и мы, спокойные, какъ прилично побѣдителямъ хорошаго тома, опустили поводья и задумывали новую побѣду на завтра.

Мы возвратились въ Фуръ всё вѣстѣ, и разошлись по квартирамъ переодѣться къ обѣду. Благодаря болоту, мнѣ это было необходимо.

Къ шести часамъ мы снова сошлись въ большой залѣ почтовой гостиницы.

Я не скажу чтобы обѣдъ былъ хорошъ, но онъ былъ несель. Пуларки были дурны, зато аппетитъ былъ силенъ, и количество выпитаго шампанскаго заставило забыть о его качествахъ.

За десертомъ пѣли. Я импровизировалъ пѣсню, которая пошла, вѣроятно по той же вричнѣ, по которой и вино было найдено съноснымъ. Это былъ мой дебютъ на поэтическомъ поприщѣ, и сожалѣю, что обстоятельства не позволили мнѣ ограничиться этою попыткою; оно было бы лучше для моей славы и моего благополучія.

Вечеромъ играли въ вистъ и опять пѣли. Въ полночь разошлись. Никто не забылъ взглянуть на небо, ложась спать.

На другой день, проливной дождь шелъ съ утра до вечера; но такъ-какъ мы были охотники-философы, то и перенесли эту невѣроятность безъ ропота. Только котлеты показались намъ тверже вчерашняго и шампанское не совсѣмъ чисто.

На другой день мы убили дикую козу, а въ слѣдующіе дни еще двухъ кабановъ. Недѣля прошла весело, и разставаясь, мы условились съѣхать опять осенью 1835 года.

Среди забавъ мы не забыли и бѣдныхъ въ Фурѣ. Не знаю какъ это случилось, только всѣмъ пришло это въ голову разомъ. Я возвратился въ Фуръ въ 1836 году; наезъ было уже меньше. Туда съѣзжаются и теперь ежегодно, но многіе уже отстали. Желаю, чтобы они сожалѣли объ этомъ меньше меня.

Въ числѣ многихъ другихъ привилегій, авторы мемоаровъ пользуются правомъ начинать свои рассказы съ Адама.

Я тоже намѣренъ воспользоваться этимъ правомъ; но, помня умѣренность, разскажу вамъ только кое-что о моемъ двоюродномъ дядѣ.

Маркизь де-Болонъ овдовѣлъ очень рано; онъ любилъ жену

свою, урожденную де-Шовзель Бопре, больше, нежели было тогда въ модѣ. Вскорѣ послѣ нея умеръ и единственный сызъ ея, прекрасный собою двадцати-пяти-лѣтній юноша, офицеръ въ мюневильскомъ жандармскомъ отрядѣ. Семейное счастье дѣда моего рушилось; онъ помѣстилъ двухъ дочерей своихъ въ монастырь, и удался въ одно изъ своихъ помѣстьевъ въ Шампань, съ твердымъ намѣреніемъ вести тамъ жизнь совершенно одинокую.

Избранное имъ мѣсто было для этого какъ нельзя удобѣе. Замокъ стоялъ на берегу прекраснаго пруда съ проточной водой, и его окружали горы, покрытыя лѣсомъ на нѣскольکو миль во всѣ стороны. Кузница и нѣскольکو хижинъ, жилища угольщиковъ, были разсыпаны по берегу пруда. Климатъ этого мѣста суровъ; дороги такъ дурны, что осемь мѣсяцевъ въ году по нимъ можетъ пробираться только всадникъ или пѣшеходъ. Все это мало привлекало праздныхъ зѣвакъ. Сосѣдніе помѣщики были часто такіе же дикари какъ мой дѣдъ, частью находились при дворѣ или въ арміи, и посѣщали дѣда рѣдко и не надолго.

Маркизь де-Болонъ былъ страстный охотникъ. Двадцати лѣтъ онъ былъ въ Богеміи, въ арміи маршала Белль-Иля; по заключеніи мира, онъ получилъ отпускъ; товарищи его полетѣли во Францію на почтовыхъ, а онъ пошелъ со своимъ слугою нѣшкомъ, охотясь дорогою. Путешествіе это продолжалось три недѣли, и онъ останавливался только два раза, чтобы дать отдохнуть своимъ собакамъ. Встрѣчая на дорогѣ нищаго, онъ давалъ ему эку и зайца, говоря, что любитъ стрѣлять дичь, но еще болѣе дѣлать добро.

Счастливая жизнь въ нѣдрахъ семейства не уничтожила, но только умѣрила въ немъ страсть къ охотѣ; онъ началъ выѣзжать въ поле рѣже, и дичь страшно размножилась въ его владѣніяхъ, къ совершенному отчаянію фермеровъ. Весною стада оленей до корня съѣдали зеленую рожь; осенью кабаны изрывали поля гречихи; дикія козы среди бѣла дня приходили пить изъ пруда подъ самыми окнами замка; зайцы сгрызали капусту въ четырехъ шагахъ отъ изумленнаго огорода. Старикъ ла-Жёвесь, доѣзжайчій моего дѣда, говаривалъ съ досадою: «такъ они, пожалуй, изгрызутъ и самого маркиза».

Послѣ смерти маркизы, все измѣнилось. Черезъ полгода ла-Жёвесь былъ отправленъ въ Арденскія горы, съ порученіемъ набрать стаю легкаихъ и неутомимыхъ собакъ, и нѣскольکو лошадей, привычныхъ къ горамъ и пользовавшихся тогда заслуженною славою. Парадные комнаты были покинуты, но царя перестроена и

въ полюшнѣ сдѣланы важныя улучшенія. Однако же де-Боловъ все-еще не охотился; ла-Жёнесъ разъ по-двадцати на-день докладывалъ ему, что лошади приготовлены и собаки выдрессированы; дѣдъ посматривалъ на него печально и отвѣчалъ: «подожди, посмотримъ».

Ровно черезъ годъ послѣ смерти жены, въ самый день поминокъ, маркизъ, возвратясь изъ церкви, позвалъ ла-Жёнеса къ себѣ въ спальню и спросилъ его:

— Сколько у насъ собакъ?

— Семдесятъ, отвѣчалъ доѣзжачій, и сердце его ёкнуло надеждою.

— Сколько разъ въ недѣлю могутъ онѣ быть на охотѣ безъ усталы?

— Раза два по-крайней-мѣрѣ.

— Такъ раздѣли ихъ на три стаи, такъ чтобы можно было охотиться каждый день. Двадцать собакъ на оленя, двадцать на кабана, двадцать на козу; десять останутся на зайца, но воскресенье послѣ обѣда. Мы сами будемъ отдыхать разъ въ годъ, въ день Пасхи. Охота начнется завтра же. Ступай, сдѣлай все какъ сказано, и завтра, въ семь часовъ утра, мы отправляемся въ ла-кретскій лѣсъ. Начнемъ съ оленя.

Ла-Жёнесъ не заставилъ повторять приказа; черезъ нѣсколько часовъ, четыре стаи были сортированы, и старый доѣзжачій за-сѣдалъ съ псарями въ гостиницѣ, уиваясь въ славу будущихъ побѣдъ.

Само собою разумѣется, что охота на слѣдующій день была великолѣпная. Ла-Жёнесъ, опасаясь, чтобы маркизъ не ослабѣлъ въ своемъ намѣреніи, позаботился объ успѣхѣ. Когда старикъ, снявъ шляпу, принесъ маркизу правую ногу семи-лѣтняго оленя, его встрѣтилъ взглядъ, въ которомъ можно было ясно прочесть, что принятое вчера рѣшеніе не отмѣнено.

Возвращаясь домой впереди своей ватаги, маркизъ оперся вдругъ рукою на крупъ лошади, оборотился и сказалъ:

— Ла-Жёнесъ! завтра поѣдемъ на кабана. Въ семь часовъ соберитесь у Трехъ-Источниковъ. Оповѣсти всѣхъ угольщиковъ, у которыхъ есть ружья: я позволяю стрѣлять по тѣмъ, которые убѣгутъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: въ тотъ день убить кабана, и угольщики застрѣлили дикую свинью и три красныхъ звѣря. Собаки сдѣлали чудеса, превзошедшія не только надежды, но и объ-щанія ла-Жёнеса.

— Завтра ѣдемъ на козу, сказалъ маркизь, возвращаясь домой среди проливнаго дождя. Собраться у Комбъ о-Ларрона.

— А если будетъ дождь? отважился спросить ла-Жёнесъ, желая испытать маркиза, рвенію котораго все еще не довѣрялъ.

— Если будетъ дождь, отвѣчалъ маркизь, ты надѣнешь бархатные штаны вмѣсто кожаныхъ; снимать мокрые кожаные штаны истинное наказаніе.

Ла-Жёнесъ признался въ послѣдствіи времени моему отцу, что въ эту минуту въ умъ его мелькнула ужасная мысль. Онъ подумалъ: слава Богу, что маркиза умерла; она мѣшала мужу охотиться.

На слѣдующій день охота не была удачна. Дождь шелъ ливнемъ; воздухъ былъ пропитанъ электричествомъ; охотники виѣли дѣло съ старою козю; она выбѣжала въ поле, на которомъ паслось тысячь пять овецъ, и, къ довершенію несчастія, лошадь маркиза споткнулась, и всадникъ вывихнулъ кисть.

— Неудачный день, сказалъ ла-Жёнесъ, какъ-будто говоря самъ съ собою, но довольно громко, чтобы услышалъ маркизь.

— Завтра будетъ удачѣе, хладнокровно отвѣчалъ маркизь. Собраться въ обыкновенный часъ на перекрестокъ Мертвеца.

Въ обыкновенный часъ! ла-Жёнесъ понялъ, какую перспективу открываютъ эти слова, и съ этой минуты уже не опасался за будущее. На слѣдующій день маркизь охотился съ подвязанною рукою, и это довершило увѣренность доѣзжачаго.

Это происходило около 1770 года. Дѣдъ мой умеръ почти осьмидесяти лѣтъ, въ 1793 году. И что же? Впродолженіи этихъ двадцати-трехъ лѣтъ онъ ни одного раза, даже мысленно, не нарушилъ рѣшенія, принятаго въ день поминковъ по умершей маркизѣ. Ни зной лѣта, ни зимній холодъ не могли помѣшать благородному маркизу охотиться. Пришла старость и съ нею недуги. Маркизь долженъ былъ отказаться отъ верховой ѣзды.

— Теперь по-неволѣ переставеть, говорили про него сосѣди, давнымъ давно прикованные псаграю къ кресламъ. Но онъ не пересталъ; только арденскія собаки были проданы и замѣнены стаею коротконогихъ таксовъ, горластыхъ и одаренныхъ очень тонкимъ чутьемъ. Охота перемѣнила свой характеръ; съ ружьемъ въ рукахъ маркизь изучалъ хитрости дичи, не запуганной быстрыми псами. Отецъ рассказывалъ мнѣ объ одной такой охотѣ, которой былъ очевидцемъ, не задолго до своей эмиграціи:

«Это было въ 1791 году. Я прибылъ въ Эко довольно поздно; погода была ужасная. Снѣгъ и дождь, замерзавшій во время па-

деня, насыпавъ дорогу; лошади съ шомодской станціи надали разъ пятьдесятъ на разстояніи пяти миль. Я засталъ маркиза де-Болова въ кухнѣ у очага, на которомъ легко можно было изжарить быка. Ноги его, безъ обуви, протянуты къ огню, дышались какъ кипятокъ. Возлѣ него лежалъ свернувшись въ кольцо на шерстяномъ одѣялѣ, черный съ искрою таецикъ; онъ также дымился, что впрочемъ не мѣшало ему дрожать. По правую и лѣвую сторону очага стояли: наследникъ Ла-Женеса и его царь, статный молодой человекъ, который ломалъ въ эту минуту на колѣнѣ огромный какъ мельничныи жерновъ ржаной хлѣбъ.

« — Берегитесь! сказалъ слуга, вышедшій мнѣ на-встрѣчу въ сѣни.

«Провозноса это слово, онъ опустилъ свѣчу, и я увидѣлъ на полу двѣ черныя кучи, на которыя непременно наткнулся бы безъ предостереженія. То были два кабана, доставившіе въ этотъ день дань вѣчно юной страсти маркиза.

« — А, здравствуй, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. Добро пожаловать. Кой чортъ выгналъ тебя въ эту погоду?

« — Да и вамъ, кажется, эта погода не помѣшала охотиться, отвѣчалъ я.

« — Это дѣло другое; для охоты погода чудесная, — самъ увидишь завтра. Маркасенъ! сказалъ онъ, обращаясь къ доѣзжающему: надо постараться поднять оленя для пріѣзда племянника; это будетъ не трудно — книга ословъ открыта.

« Это вырженіе значило, что земля покрылась снѣгомъ, и не требуется много смѣтливости, чтобы найти звѣря.

« На другой день съ разсвѣтомъ я вышелъ въ столовую; дядя явился туда въ то же время и былъ обрадованъ моею аккуратностью.

« — День будетъ отличный, сказалъ онъ, подходя къ окну; увидишь, каковы мои таецики.

« Я прильнулъ лицомъ къ окну, желая узнать, что дядя называетъ отличнымъ днемъ, и если бы не зналъ его слишкомъ хорошо, то подумалъ бы, что онъ надо мной смѣется. Небо было свицоваго цвѣту, и опустылось, казалось, такъ низко, что его можно рукой достать. Взоръ, упрямшійся въ покрытыя лѣсомъ горы, встрѣчалъ только тропинки, превратившіяся въ полузамерзшіе ручьи, деревья, гнувшіяся подъ тяжестью снѣгу, и кусты, подымавшіеся какъ будто изъ болота. Мелкій, но густой дождь шелъ аватически упорно; было ясно, что онъ перестанетъ не скоро, и что пробыть подъ нимъ часъ, все равно, что выкупаться въ рѣкѣ.

« — Сегодня немного туманно, сказалъ дядя, догадывался, о чемъ я думаю; но это-то и хорошо: вѣтру не будетъ.

« На подобную рѣшимость возражать было нечего, и стыдно было мужчине въ сорокъ лѣтъ пугаться того, чего не пугался старикъ; я покорился судьбѣ и согласился съ мнѣніемъ дяди. Мы подошли къ столу, вокругъ котораго не было ни одного стула, съѣли по куску превосходнаго вестфальскаго окорока, зашли его старымъ сотерномъ и вышли на дворъ.

« Тамъ ждалъ насъ псарь, котораго я видѣлъ вчера въ кухнѣ. Онъ съ трудомъ удерживалъ дюжину таксовъ, дотога похожихъ одинъ на другаго, что еслибы они стояли неподвижно, ихъ можно бы было принять за вылитыхъ изъ бронзы въ одну форму. Увидѣвши дядю, они бросились къ нему, увлекая за собою псаря, который и не думалъ уже имъ противиться. Нѣсколько шаговъ подалеже стояли еще два человѣка, о должности которыхъ я догадался не тотчасъ. Одинъ держалъ корзину, покрытую тонкой зеленой саржей; другой стоялъ у головы мула, на хребтѣ котораго я увидѣлъ что то въ родѣ лавочки странствующаго мѣдника.

« — Ну что, каково сегодня, Рамонно? спросилъ дядя у державшаго корзину.

« — Всю ночь кричалъ отъ боли; къ утру я натеръ его камфорнымъ спиртомъ, и онъ поѣлъ супу.

« — Ъдемъ, сказалъ дядя. Маркасенъ вѣрно уже на сборномъ мѣстѣ.

« Мы отправились; до сборнаго мѣста было не больше четверти лѣ, но мы употребили на переходъ этого пространства почти часъ. Насъ задерживалъ впрочемъ не дядя; онъ постоянно шелъ впередъ всѣхъ, и вовсе не потому, чтобы другіе отставали изъ лести. Онъ шелъ какъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ полной силѣ.

Дорогою, безпрестанно скользя, часто спотыкаясь, иногда падая, дядя разсказывалъ мнѣ разныя охотничьи похождения, въ которыхъ я нимало не сомнѣвался, потому-что зналъ, на что онъ способенъ, но которыхъ не рѣшусь пересказать тѣмъ, кто его не зналъ. Узнавши итогъ изложенныхъ мнѣ звѣрей, ваши вышніе охотники должны лопнуть отъ зависти — не забудьте, это говорить мой отецъ. — Въ графѣ «кабаны» стояла за 1789 годъ цѣфра 144.

« Имя стараго ла-Жёнеса часто повторилось въ разсказахъ моего дяди. Онъ вспоминалъ объ немъ всегда съ сожалѣніемъ. «Что это былъ за человѣкъ! говорилъ онъ. Въ самый вечеръ своей кончины онъ мучился только мыслью, что похороны его

помишляютъ послѣ-завтра охотѣ. Я успокоилъ его, сказавши, что говорилъ уже объ этомъ съ кюре, и что погребеніе будетъ совершенно рано поутру. Это обѣщаніе было его послѣднею радостью на землѣ».

«Когда мы проходили маленькую лошину между двухъ горъ, превратившихся въ этотъ день въ глыбы льду, дядя остановился,—кажется, ему необходимо было перевести духъ,—и сказалъ:

«— Это мѣсто напоминаетъ мнѣ страшный случай. Здѣсь я командовалъ шайкою разбойниковъ.

«— Какъ? спросилъ я.

«— Это было въ 1754 году, во время вакансій. Однажды вечеромъ я возвращался съ ла-Женесомъ съ охоты; сходя вонъ по той дорогѣ, мы увидѣли на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоимъ теперь, человѣкъ триста или четыреста, съ страшными лицами, вооруженныхъ съ ногъ до головы и одѣтыхъ въ платья самаго разнообразнаго покроя. Они стояли въ боевомъ порядкѣ, и исполнили разнокалиберными ружьями команду всадника, по-видимому ихъ предводителя.

«Мы остановились не безъ удовольствія, потому что послѣ изъ Клемонскаго лѣса кабана въ 190 фунтовъ. Одна изъ нашихъ собакъ, удивленная встрѣчею съ людьми въ мѣстѣ, обыкновенно пустомъ, начала выть; всадникъ оглянулся, и пустился въ галопъ прямо къ намъ.

«— Вы не маркизь ли де-Болонъ? спросилъ онъ меня очень учтиво, кланяясь съ ловкостью свѣтскаго человѣка.

«Я отвѣчалъ утвердительно.

«— Я знаю, продолжалъ онъ, что вы одинъ изъ лучшихъ офицеровъ королевской арміи, и вы меня очень обязали бы, заставивши моихъ людей поманеврировать съ полчаса. Я немного позабылъ это дѣло, и негодян не хотятъ меня слушаться.

«— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ я у всадника;

«— Я ужасъ таможенныхъ; мое имя Мандренъ.

«— Очень радъ васъ видѣть, мосьё Мандренъ, и готовъ вамъ служить.

«Я оставилъ при кабанѣ ла-Жёнеса, смѣло выступилъ передъ шайкою негодяевъ и заставилъ ихъ маневрировать впродолженіи добраго полчаса. Потомъ мы разстались друзьями. На другой день, на столѣ въ моей кухнѣ нашли, привнесенные, невѣжество кѣмъ, два пакета, одинъ очень большой и тяжелый, на мое имя, другой тонкій и легкій, на имя моей жены. Въ первомъ было двѣнадцать фунтовъ превосходнаго контрабанднаго табаку, а во

второмъ отличныя англійскія кружева. Мандренъ отблагодарилъ меня за услугу. Право, прибавилъ мой дядя, не любившій революціи, тогдашніе разбойники были лучше мылѣшскихъ честныхъ людей.

« Къ концу этого разсказа мы пришли на сборное мѣсто. Маркасень былъ уже тамъ.

« Ну что? спросилъ дядя.

« — Въ букарской чашѣ олень, самецъ а самка. Граза надо доставить въ конецъ пруда Равни.

« Мы пошли дальше. Человѣкъ съ корзиной, и другой съ муломъ, шли все за нами.

« Дорогою я нѣсколько разъ подходилъ къ первому и мнѣ показалось, что въ корзину раздается глухое ворчанье. Мнѣ также показалось, что изъ таинственной кѣтушки на мулѣ выходятъ аппетитныя испаренія.

« Маркасень, шедшій впереди, остановился: онъ нашелъ мѣсто, куда удалился олень.

« Дядя осмотрѣлъ примѣты, потомъ отдалъ нѣсколько приказаній Маркасену, который долженъ былъ спустить таксикова, и мы отправились, — онъ, я и человѣкъ съ корзиной, на мѣсто, гдѣ, какъ предполагали, пройдетъ охота. Черезъ двадцать минутъ раздался кляки псарей, потомъ послышался лай собакъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздался ихъ дружный хоръ, извѣстившій, что ихъ спустили. Почти въ ту же минуту олень и лань перебѣжали дорогу шагахъ въ сорока отъ насъ; дядя прибѣжалъ на это мѣсто раньше собакъ. Онъ досталъ маленькій кнутикъ, и когда двѣнадцать таксикова появились, готовые пронестись дальше, онъ остановилъ ихъ, хлопнувши кнутомъ.

« — Что вы хотите дѣлать? спросилъ я.

« — Дамъ понюхать слѣдъ старому Рамоно; онъ можетъ намъ понадобиться, если мы какъ-нибудь дадимъ промахъ и потеряемъ слѣдъ.

« Человѣкъ съ корзиной выступилъ впередъ. Дядя приподнял покрывало изъ зеленой саржи и я увидѣлъ на двѣ плетушки черную массу, которую можно бы было почестъ за неодушевленную кучу, если бы изъ нея не свѣтились какъ карбуанкулы два глаза.

« Дядя взялъ эту черную массу, вынулъ ее изъ корзины, и я узналъ стараго таксика, который вчера ввечеру утѣлся у ногъ маркиза. То былъ Рамоно!

« Его не безъ труда поставили на землю; бѣдняжка, мучимый

рвотизмомъ, ужасно взвизгивалъ при каждомъ желванкѣ прикосновенія; но едва только коснулся оръ земли и почувалъ слѣдъ пробѣжавшихъ оленей, какъ поползъ съ величавымъ рвѣніемъ на своихъ парализированныхъ ножкахъ, издавая лай, совершенно сходный съ кашлемъ человѣка, страдающаго удушью.

« — Довольно, сказалъ дядя. Теперь онъ знаетъ больше насъ.

« Онъ сбѣгалъ знакъ рукою, и двѣнадцать таксиковъ, не безъ нетерпѣнія ожидавшіе окончанія этой церемоніи, съ визгомъ ринулись впередъ какъ демоны. Дядя, я и Рамоно, возвращенный въ корзину, — пошли къ концу пруда Раньи.

« Недалеко отъ берега дядя, остановившійся на минуту прислушаться, сказалъ мнѣ отрывисто:

« — Бѣги прямо впередъ, шаговъ на четыреста, и когда увидишь по лѣвую руку толстую грушу, обвитую плющемъ, остановись. Ружье извѣститъ насъ о тебѣ.

« Я послѣдовалъ его совѣту, и не прошло пяти минутъ съ тѣхъ-поръ, какъ я остановился подъ грушей, — я слышалъ бѣгущихъ оленей; когда они приблизились, я выстрѣлилъ, и самка пала, пораженная пулею въ бокъ.

« — Неловкій! сказалъ мнѣ дядя, увидѣвши, что олень прыгнулъ. Впрочемъ, тѣмъ лучше, прибавилъ онъ, — есть предлогъ продолжать охоту.

« Самку отдали мы случившемуся тутъ угольщику, и снова пошли за собаками.

« Олень промчался около двухъ лѣ и замѣшался въ стадо другихъ оленей. Таксики, чутье которыхъ было въ этотъ день не такъ тонко по случаю изморози, ударились за другимъ звѣремъ. Дядя замѣтилъ это первый; онъ вторично досталъ свой кутикъ и вынулъ Рамоно. Послѣ часу поисковъ, настоящій слѣдъ былъ снова отысканъ. Нечего и говорить, что отыскалъ его Рамоно.

« Олень возвратился къ пруду Раньи. Дядя такъ и предполагалъ: онъ ждалъ его тамъ, и за девяносто шаговъ всадилъ ему пулю повыше лѣваго глаза.

« Было около трехъ часовъ по-полудни, и мы шли уже семь часовъ безъ остановки; домой было еще ходьбы часа на два.

« — Маркасенъ, вели подавать обѣдъ, сказалъ дядя.

« Маркасенъ затрубилъ, и на зовъ его явился муло-вожатый. Онъ раскрылъ двѣ большія корзины, висѣвшія по бокамъ мула, досталъ изъ нихъ полный серебряный сервизъ, стекло, хлѣбъ, вино и остатокъ окорока, который мы затракали. Когда все это

было разставлено на оленьей шкурѣ, онъ спросилъ дядю, не прикажетъ ли онъ разлить супъ.

« Дядя сдѣлалъ утвердительный знакъ ; слуга воротился къ мулу и снялъ со спины его снарядъ, въ которомъ варился съ самаго утра превосходѣйшій супъ съ кашустой.

« Обѣдъ оказался мнѣ вкуснѣе, нежели когда-нибудь, — впрочемъ, онъ не почѣшалъ дядѣ плотно поуживать.

« Это повторялось триста шестьдесятъ четыре раза въ годъ, прибавилъ мой отецъ, оканчивая свой разсказъ.

« Въ страстную субботу, дядя обыкновенно говаривалъ :

« — Какъ скоро настала этотъ годъ свѣтлая недѣля ! »

Черезъ три года послѣ этого посѣщенія моего отца, дѣдъ мой, несмотря на свою старость и невинный образъ жизни, былъ арестованъ въ ту самую минуту, когда собирался на охоту. Его посадили въ повозку и отвезли въ Парижъ. Тогдашній « Мониторъ » доскажетъ вамъ остальное.

Замокъ Сюлли, въ которомъ живетъ маркизь де Макъ-Магонъ, отстоитъ отъ замка принадлежавшаго мнѣ тогда, миль на пять или на шесть; но несмотря на это близкое соседство, знакомство мое съ маркизомъ ограничивалось обмѣномъ нѣсколькихъ учтивыхъ фразъ, когда мы встрѣчались въ парижскихъ салонахъ. Отцы наши были когда-то коротко знакомы; но лѣта, обстоятельства и значительная разниа состояній удалили ихъ другъ отъ друга, не уничтоживши, впрочемъ, между ними пріязненныхъ отношеній; они всегда видѣлись съ удовольствіемъ, и дѣти ихъ имѣли поводъ сблизиться при удобномъ случаѣ. Вотъ какъ это случилось:

Ежегодно, въ Ивановъ день, въ Шалонъ сюръ-Саонъ бываетъ ярмарка, знаменитая въ околдкѣ; туда стекаются изъ сосѣднихъ провинцій тысячи любовитныхъ. Одни пріѣзжаютъ за покупкою лошадей, другіе, — а ихъ гораздо больше, — въ надеждѣ сбыть своихъ; деревенскіе жители, страстные любители спектаклей всякаго рода; праздные, всегда готовые придратъ къ случаю, что бы динуться съ мѣста. Все это тѣснится, какъ можетъ, въ трехъ или четырехъ довольно порядочныхъ гостиницахъ, бродитъ по улицамъ, барышничаетъ, апплодируетъ канатнымъ танцовщицамъ и ѣсть мороженое, средняя температура котораго измѣняется отъ пяти до шести градусовъ выше нуля. Люди, не имѣющіе случая видѣться въ другихъ мѣстахъ, встрѣчаются здѣсь; тѣ, которые не расклавались бы нигдѣ, пожимаютъ здѣсь другъ друга руни: всѣ веселы, ласковы и услужливы; ярмарка эта нѣчто въ родѣ золотого вѣка, въ которомъ всѣмъ какъ нельзя веселѣе,

что, впрочемъ, не мѣшаетъ друзьямъ надуть другъ друга безъ зарѣвнѣя совѣсти.

Этотъ неизмѣнный характеръ ярмарки мѣлъ для меня особую привлекательность, и я почелъ бы за несчастіе всякій случай, какъ бы счастливъ ни былъ онъ самъ по себѣ, который помѣшалъ бы мнѣ явиться на веселый сѣздъ. Я выдумывалъ причины ѣхать въ Шалонъ, за неизбѣжимъ дѣйствительныхъ; необходимыхъ дѣла, встрѣчавшіяся въ это время года, откладывалъ я до другаго времени; словомъ, постоянно каждый годъ съ 1 по 15 іюня я увѣрялъ себя, что лошади мои никуда не годятся и что ихъ надо перемѣнить.

У насъ съ маркизомъ де Макъ-Магономъ былъ общій знакомый; онъ посѣщалъ его и меня, и находилъ очень для себя неудобнымъ, что мы не бываемъ другъ у друга. Ему пришла въ голову счастливая мысль, воспользоваться шалонскою ярмаркою и познакомить насъ. Онъ умѣлъ устроить это очень ловко; мы были рады случаю, и дѣло сладилось легко, какъ все, что ладитъ ся невзначай.

Проживши двое сутокъ въ одной гостинницѣ съ маркизомъ, я пригласилъ его съ братомъ заѣхать на возвратномъ пути ко мнѣ. Они должны были сдѣлать для этого нѣсколько льѣ лишнихъ, но чего не дѣлаешь для новаго знакомства? Они пріѣхали; я угостилъ ихъ скромнымъ завтракомъ и простился съ ними, взявши съ маркиза слово, что онъ снова пріѣдетъ ко мнѣ 20 сентября со своею охотою на цѣлую недѣлю.

Мнѣ рассказывали объ охотничьихъ подвигахъ маркиза вещи, казавшіяся мнѣ тогда сказками: будто онъ поканчиваетъ кабановъ въ два часа, дикихъ козъ въ сорокъ минутъ; будто у него собаки быстрѣе чѣмъ борзые и голосистѣе чѣмъ таксиски. Рассказывали также и про доѣзжачаго его Рако, превосходившаго ловкостью, смѣтливостью, и рѣшительностью всѣ знаменитости своего роду. Человѣку трудно сознаться въ превосходствѣ другаго; я плохо вѣрилъ во всѣ эти чудеса, и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда буду имѣть право сказать: «я зналъ, что все это преувеличено».

Девятнадцатаго сентябрю въ лѣто отъ Рождества Христова 1834, въ пять часовъ по полудни, фаятонъ, запряженный паромъ почтовыхъ лошадей, быстро катился по дорогѣ къ моему замку. Въ немъ ѣхали маркизъ де-Макъ-Магонъ, братъ его графъ Юснъ и нашъ общій знакомый, сблизившій насъ въ Шалонѣ. За фаятономъ галопировали двое слугъ, и вели за собою четы-

рехъ лошадей; стая собакъ, состоявшая изъ сорока англійскихъ выродковъ, расположилась между-тѣмъ на постояломъ дворѣ, въ деревнѣ, подъ начальствомъ великаго Рако, слава котораго безпокоила меня почти такъ же сильно, какъ безпокоила Аеннианъ слава безкорыстнаго Арнстида.

Я пригласилъ къ себѣ еще нѣсколько друзей, добрыхъ товарищей и смѣлыхъ охотниковъ. То были: графъ де-Боссанкуръ, графъ де-Праковталь, баронъ де-Сенъ-Пьеръ, Густавъ де-Ларифодеръ и еще нѣсколько человекъ, именъ которыхъ я теперь не припомню. Вечеръ прошелъ весело; говорили обо всемъ, кромѣ охоты: истинные охотники, какъ истинно влюбленные, никогда не говорятъ о предметѣ своей страсти; они обожаютъ его молча, всѣмъ сердцемъ.

Съѣздъ на слѣдующее утро былъ назначенъ у мѣста, называемаго Шенъ-Эграфивъ, и мы явились туда всѣ въ девять часовъ. Мы застали тамъ Шарля и Артура Воблана, моихъ сосѣдей по деревнѣ, которыхъ я извѣстилъ объ охотѣ наканунѣ, и Густава де-Бeverана, моего стараго друга, котораго я любилъ и люблю какъ брата. Двое первыхъ сидѣли на датскихъ лошадяхъ, которыя были бы очень рады, чтобы оправдались сомнѣнія мои на-счетъ быстроты англійскихъ выродковъ.

Стая была на лицо, нетерпѣливая, но послушная, и признаюсь, что первое впечатлѣніе говорило не въ ея пользу. Тутъ были собаки и гигантскія и приземистыя; съ короткими рылами и висячими ушами, и остромордыя съ столчими ушами; бѣлыя съ желтыми пятнами, и бѣлыя съ черными; двѣ или три пестрыя, какъ обыкновенныя шпанки. Всѣ казались горячи и сильны.

Рако, ѣздившій на обыскъ, возвратился въ сопровожденіи моего вѣрнаго Аври, превосходнаго егеря, о которомъ мнѣ придется часто упоминать въ моихъ мемоарахъ, если я вздумаю писать ихъ. Они нашли дикую козу, и оставили слѣдъ мнунуть на десять ходъбы отъ нашего сборнаго мѣста. Вѣсть была пріятна для всѣхъ и въ особенности для датскихъ коней Воблановъ.

Я представился Рако, и онъ привѣтствовалъ меня съ простою и чувствомъ собственнаго достоинства; я тотчасъ же замѣтилъ въ немъ всѣ признаки человека гениальнаго. Онъ былъ спокоенъ, не многорѣчивъ, внимателенъ ко всему, не увлекался ничѣмъ особенно, и необыкновенно ясенъ и положительъ въ приказаніяхъ, которыя отдавалъ псарю. Псарь, по имени ла-Жёнесъ, стоялъ передъ нимъ въ почтительной позѣ поклонника великаго Ламы передъ идоломъ. Впрочемъ, онъ ко всѣмъ былъ несказанно

почтительнѣ: за сколько шаговъ и какъ бы вы мимо него ни проходили, онъ непременно снималъ шляпу. Я видѣлъ какъ кланялся онъ охотникамъ, перелѣтавшимъ черезъ дорогу почти за шестьсотъ метровъ. Покажись онъ въ Парижѣ, его сочли бы за тѣнь куртизана семнадцатаго столѣтія, переодѣтую въ доджачаго девятнадцатаго вѣка.

Возвращаюсь къ моему разсказу: погода была превосходная для влюбленныхъ, для поэтовъ, для прогулки, для уженья; словомъ, для всего, кромѣ псовой охоты. Небо было раскалено; почва, накаленная сорокадневною засухою, могла поспорить въ безплодіи съ берегами Нигера; югозападный вѣтерокъ, расслабляющій не хуже Широко, нагибалъ верхушки деревъ и подымалъ пыль съ дороги; къ довершенію всѣхъ этихъ неудобствъ, мнѣриды гвиющихъ грабовъ покрывали землю и распространяли ѣдкій, неприятный запахъ, который не могъ не дѣйствовать на тонкое чутье собакъ.

Несмотря на всѣ эти обстоятельства, атака была превосходная. Я спросилъ у Рако, не хочетъ ли онъ поставить запасныя своры, но онъ отвѣчалъ мнѣ одной изъ тѣхъ улыбокъ, которыя являются только на лицахъ побѣдителей, и всѣ сорокъ собакъ были спущены разомъ. Нѣсколько минутъ онѣ бѣгали въ чашѣ молча; потомъ раздался голосокъ, тонкій какъ самая высокая нота флейты; ему отвѣчало нѣсколько звуковъ рога, потомъ зазвучали другіе голоса, возвѣщая, что зѣбрь поднятъ.

Я взглянулъ на часы: было пять минутъ одиннадцатаго. Я прищморилъ лошадей и поскакалъ въ широкую аллею, которой охота не могла миновать. Я видѣлъ, какъ выскочила коза; собаки были отъ нея въ десяти шагахъ.

— Такъ онѣ не далеко уйдутъ, сказалъ мнѣ Анри, встрѣтившій меня на дорогѣ. Солиде жжетъ, земля дурна; раньше нежели черезъ полчаса слѣдъ будетъ безвозвратно потерянъ.

Я поскакалъ дальше, потому-что голоса собакъ становились слабѣе, и мнѣ нельзя было терять ни минуты, если я не хотѣлъ отстать отъ охоты. Товарищи мои разсѣялись въ разные стороны, кому куда вздумалось; зная мѣстность, я могъ указать дорогу нѣкоторымъ изъ нихъ, которыхъ встрѣтилъ блуждающими то вправо, то влѣво.

Коза пролетѣла одну льѣ съ фантастическою быстротою. Я думалъ, что она выбѣжитъ на обширную равнину, по которой течетъ Саона; но преслѣдуемая по пятамъ собаками, и чувствуя упадокъ силъ, она не рѣшилась выйти въ чистое поле. Она вер-

нулась назадъ еще быстрее прежнего, перескочила загородку, и переплыла небольшой прудъ.

— Странно, сказалъ мнѣ Анри, стоявшій на берегу пруда; эта коза вертается, какъ заяцъ.

— Ты самъ не знаешь, что говоришь, отвѣчалъ я ему. Мы прискакали изъ самой глубины жерзійскаго лѣса.

Анри посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. На другой день онъ мнѣ признался, что подумалъ, будто солнечный жаръ лишилъ меня разсудка.

— Ваши лошади славно выдержали эту скачку, сказалъ я Во-Бланамъ, къ которымъ подѣхалъ въ эту минуту; это дѣлаетъ имъ честь.

О какой скачкѣ говорите вы? отвѣчали они. Мы не трогались съ мѣста и превосходно видѣли всю атаку. Теперь мы поскачемъ за охотой. Эти собаки не такъ быстры, какъ про нихъ говорятъ. Смотрите, вотъ онѣ уже потеряли слѣдъ.

Дѣйствительно, при выходѣ изъ воды, собаки потеряли слѣдъ, и надо было отыскать его снова. Рако занялся этимъ съ спокойствіемъ, которое я привялъ за отчаяніе.

Краткое описаніе мѣстности объяснитъ то, что мнѣ остается разсказать. Собаки выскочили въ молодой лѣсъ, занимавшій около сорока арпановъ, и примыкавшій съ одной стороны къ пруду, а съ другой къ маленькой полянѣ, шаговъ въ пятьсотъ ширины, за которою снова начинался лѣсъ. Коза очевидно выбѣжала изъ воды въ молодую чащу, — Рако слѣдовалъ за нею; но спряталась ли она тутъ, или пробѣжала дальше? вотъ въ чемъ состоялъ вопросъ. На тщательно осмотрѣнной почвѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ. Собаки искали лѣниво и ежеминутно возвращались къ пруду утолять жажду. Рако и ла-Женесь сошли съ лошадей и шарили въ кустахъ. Я былъ убѣжденъ, что охота не удалась, но утѣшался тѣмъ, что невѣріе мое оправдалось. Человѣкъ такое доброе созданіе!

— Что эта собака дѣлаетъ? спросилъ я Рако. Она точно на стойкѣ.

Рако взглянулъ въ кусты, куда я указалъ ему кнутомъ. Потомъ я видѣлъ, какъ онъ сбросилъ свою фуражку и рогъ, нагнулся, потянулъ что-то къ себѣ, — и я увидѣлъ отличную живую козу.

— Труби побѣду, ла-Женесь, и собирай собакъ, сказалъ онъ.

Я былъ изумленъ, но старался скрыть свое изумленіе. Герардо утнѣе было показать, что я ожидалъ такой развязки.

Поляна была въ двадцати пяти шагахъ; туда отвели козу, туда собрались всѣ охотники. Ла Жёнесъ держалъ собакъ. Мы рѣшили, что охота еще не кончена.

Рако выпустилъ козу, и она бросилась бѣжать, преслѣдуемая всѣми собаками. Бѣдняжка пробѣжала саженией сто, и пала.

Рога снова затрубили побѣду.

Я взглянулъ на часы: было ровно одинадцать. Считая четверть часа на отысканіе потеряннаго слѣда, охота продолжалась пять-десять-пять минутъ.

Возвратясь въ замокъ, я нашелъ у себя графа д'Армиака. Онъ пріѣхалъ просить меня со всѣми моими гостями къ себѣ на нѣсколько дней. Онъ обѣщалъ угостить насъ охотою на кабана въ чудесномъ лѣсу Сито, по сосѣдству съ его помѣстьемъ. Мы охотно приняли его приглашеніе, и рѣшили явиться къ нему завтра на обѣдъ.

Нечего и говорить, что мы явились съ точностью охотниковъ: въ условленный часъ мы сошли съ коней на дворѣ замка д'Армиака. Хозяинъ ожидалъ насъ на крыльцѣ.

Пріятно вспомнить миѣ его радушный пріемъ. Въ его жилищѣ нашли мы соединеніе теперешняго комфорта съ гостепріимствомъ на распашку добраго стараго времени.

Программу слѣдующаго дня составилъ нашъ хозяинъ. Тутъ ни въ чемъ не было недостатка: поутру положено охотиться на кабана, потомъ, около двухъ часовъ, отправиться на завтракъ къ господину де-Булоню, владѣльцу Сито.

Этого было достаточно, чтобы наполнить день. Но вчерашняя чудесная охота распалила наше воображеніе и мы вѣрили, что во всякомъ случаѣ кабана будетъ взятъ не позже полудня, слѣдовательно мы поспѣемъ въ Сито къ назначенному часу: намъ тѣмъ болѣе хотѣлось быть въ этомъ случаѣ точными, что де-Булонь пригласилъ къ себѣ дамъ, и мы считали неприличнымъ заставить ихъ дожидаться.

На другой день, мы прибыли въ Сито въ шесть часовъ вечера, при заходѣнн солнца, послѣ самой трудной охоты, какую только можно себѣ вообразить. Въ замкѣ давно уже позавтракали, и только одушевленный, поэтический разсказъ о всѣхъ приключеніяхъ въ продолженіи этого дня могъ извинить наше неделиктное замедленіе. Де-Булонь держалъ себя торжественно. Онъ видимо сердился на насъ за то, что мы не захотѣли раздѣлить

съ нимъ пріятнаго труда занять пять или шесть хорошенькихъ женщинъ, которыя, впрочемъ, очень мало обратили вниманія на наше отсутствіе, — и эта снисходительность была, можетъ-быть, не что иное, какъ умная, вполне женская манера наказать насъ за нашу невнимательность. А мы даже не могли представить въ извиненіе побѣды! Мы попали на самое дружное, самое патриархальное семейство кабановъ, какое только случалось встрѣчать охотникамъ. Когда кто-нибудь изъ его членовъ, усталый, готовъ былъ сдаться, его смѣняя другой, и собаки, обманутыя одинаковостью оставляемаго ими за собою запаха, оставляли уставшаго и бросались преслѣдовать свѣжаго. Это повторилось разъ двѣнадцать; лошади и собаки измучились, и все напрасно.

Несмотря на эту неудачу, хозяинъ нашъ наконецъ развеселился. Завтракъ заплатилъ легкую дань дамамъ и остался почти цѣлъ; мы принялись за него съ такимъ усердіемъ, что оно окончательно примирило насъ съ хозяиномъ. Все, что было холодно, и должно бы быть тепло, объявили мы настоящимъ кипяткомъ; шампанское, сначала холодное какъ ледъ, посогрѣлось, но мы утверждали, что въ самомъ Café de Paris его подаютъ не лучше. Послѣ завтрака мы съ удивительною чистосердечностью любовались прекрасными деревьями парка, освѣщенными послѣднимъ свѣтомъ сумерекъ, и посѣтили театръ, на которомъ мадмоазель Люшеноа играла нѣкогда въ трагическихъ и даже комическихъ роляхъ. Мы изъявили желаніе осмотрѣть также сахарный заводъ, и очертя голову доказывали превосходство свекловича надъ сахарнымъ тростникомъ. Я не разъ сожалѣлъ потомъ, что при насъ не было стенографа изъ палаты депутатовъ, для узнанія нашихъ удивительныхъ импровизацій.

Наконецъ, пора было подумать и о возвращеніи; ночь давно уже наступила, а до Аржилы, гдѣ насъ ждали къ обѣду, было еще добрыхъ двѣ лье; ужасная дорога шла лѣсомъ, и лошади были измучены. Бѣдныхъ насилу подвели къ сѣнямъ; мы вскочили на нихъ съ легкостью, простились съ хозяиномъ троекратнымъ восклицаніемъ и погрузились въ мракъ длиннѣйшей аллеи лѣса Сито.

Мы ѣхали медленно и молча; вѣтви, образовавшія сводъ надъ нашими головами, поминутно хлестали насъ по лицу. Вдругъ въ головѣ нашей колонны раздался крикъ: «стой!» Мы повинуясь машинально, и когда все успокоилось, молодой виконтъ Ольве д'Армиакъ признался намъ, что покаместъ мы дивились сахарному заводу де-Булоня, онъ позаботился о безопасности

и живописности нашего обратнаго поѣзда. Въ сопровожденіи Ротена де-ла-Праконталь онъ обѣгалъ всѣ комнаты замка, поджигая всѣ свѣчи, какія только попадались ему подъ руку. Картины и самогн его были наполнены свѣчами; свѣчи были за плазухой, — словомъ, всѣмъ намъ досталось по свѣчѣ и остались еще запасныя, — а насъ было двѣнадцать человекъ.

Признаніе, какъ легко себѣ вообразить, было принято съ восторгомъ. Тотчасъ вырубилъ огня, трубочкуры достали зажига- тельныхъ свичекъ, и меньше, нежели черезъ пять минутъ, столѣтніе дубы лѣса могли подумать, что Аврора явилась, въ разсвѣтѣ, среди ночи.

Со свѣтомъ воротились веселость и бодрость. Лошади навестили уши и побѣжали шибче; мы сдѣлались разговорчивы: меня попросили запѣть пѣсню, и всѣ подтянули ей хоромъ. Въ поѣздѣ нашемъ при свѣчахъ сквозь чашу лѣса, было что-то волшебное. Подъ открытымъ небомъ свѣтъ, разливаясь по большому пространству, слабѣлъ и дрожалъ, и мы видѣли мерцавшія надъ нами звѣзды; но въ темной аллеѣ онъ становился ярче и листья сверкали какъ на лучахъ солнца. Пѣсни наши звучали среди безмолвія ночи какъ-то торжественно и грандіозно, чтó очень оригинально противорѣчило ихъ словамъ. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что никто изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены не можетъ ее забыть.

Пріѣздъ нашъ въ Аржилль былъ очень эффектенъ. Насъ ожидалъ тамъ превосходный ужинъ.

Между тѣмъ какъ мы принимали ужинать, какъ-будто не завтракали такъ поздно, де-Булонъ ложился спать въ шотьяхъ, потому-что Праконталь не уважилъ даже скромнаго огарка самаго владѣтеля замка.

Въ ноябрѣ 1770 года отецъ мой былъ приглашенъ почтеннымъ аббатомъ де-ла-Фертейскихъ бернардинцевъ отпраздновать день святаго Губерта въ лѣсахъ, принадлежащихъ ихъ братству. Онъ, его люди, лошади и собаки ожидали царскаго угощенія въ продолженіи четырехъ или пяти дней, и превосходной охоты, потому-что лѣса были густо населены оленями, дикими козами и кабанями, а почтенные монахи позволяли охотиться въ своихъ владѣніяхъ только лучшимъ изъ своихъ друзей. Описаніе приѣма, сдѣланнаго моему отцу, было бы, можетъ-статься, интересно для моихъ читателей, — но для этого мнѣ пришлось бы говорить о служкѣ-поварѣ, искусномъ какъ славный Каренъ, и рассказать нашему насмѣшливому и разочарованному пово-

дѣню, три уде-ла-фертейскія барьерницы были садки, гдѣ ловились карпы въ тридцать фунтовъ и щуки въ пять-надцать, которыя изготовлялись потому въ столѣтнемъ шамбертенѣ; пришлось бы признаться... Впрочемъ удовольствуются читатели мои тѣмъ, что я имъ скажу: отецъ мой, возвратясь изъ ла-Ферте, бранилъ своего новара ежедневно по два раза въ продолженіи недѣли, и прибавилъ на 1771 годъ къ своему бюджету лишнихъ пятьдесятъ лундровъ на погребъ.

Въ первый день охотились за старымъ семилѣтнимъ оленемъ, который защищался смѣло и долго. Подъ отцомъ была необыкновенно быстрая лошадь, лимузенская кобыла, и онъ не мало изумился, замѣтивши, что какой-то мальчишъ, моложе его двумя или тремя годами, бѣжалъ за нимъ почти не отставая, и не терялъ его изъ виду, несмотря на быстроту лошади и трудности дороги. Мальчишъ, для большей легкости, держалъ башмаки въ рукахъ, и не обращая вниманія на камни и корни, несся за отцомъ съ необычайною силою и легкостью. Нѣсколько разъ приходилось переправляться влѣвъ черезъ глубокія рѣки; неустрашимый пѣшеходъ не робѣлъ ни передъ какими препятствіями, и былъ на лицо, когда старый доѣзжачій ла-Бруссаль затрубилъ побѣду;—охота продолжалась пять часовъ.

Собираясь домой, всё вспомнили о мальчишѣ, принимавшемъ участіе въ общей забавѣ. Отецъ увидѣлъ его сидящаго у пня дерева: онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣлъ дикія яблоки, доставая ихъ изъ-за пазухи. Онъ очевидно не усталъ, и съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣлъ на новое для него зрѣлище.

— Кто ты? спросилъ его отецъ.

— Деинсь, отвѣчалъ онъ; я сынъ угольщика.

— Ты любишь охотиться?

— Да я бы ничего больше не дѣлалъ во всю жизнь.

— Хочешь, а тебя возьму къ себѣ въ псаря? а со временемъ ты сдѣлаешься, можетъ-быть, доѣзжачимъ.

— Я готовъ, отвѣчалъ мальчишъ, прыгая отъ радости.

— А что скажетъ твой отецъ?

— Отецъ? Онъ подумаетъ, что меня съѣли волки, или что меня завербовали въ рекруты; у него останутся еще дѣти и безъ меня; и тѣхъ кормить нечѣмъ.

— Хорошо; ступай, собери свое добро, и приходи завтра въ ла-Ферте.

— Добро? повторилъ мальчишъ. Да у меня только и есть вотъ эта пара башмаковъ, рубаха и панталоны.

— Однако же до ла-Ферте отсюда четыре льё, забылъ старый ла-Бруссоль, предчувствовавший, можетъ-быть, что въ мальчкѣ зрѣеть его наследникъ.

— Четыре льё, повторилъ мальчикъ, улыбаясь съ презрѣніемъ, — если ваши лошади пробѣгутъ четыре льё, такъ отчего же итѣ ихъ не пробѣжать?

Нельзя было противиться такому рѣшительному призыванію, и Денису позволили сопутствовать охотникамъ въ Ферте, куда и прибыли уже ночью.

На другой день Дениса опредѣлили къ новой должности и поручили ему, для опыта, шесть сворь, изъяснивши вкратцѣ, что съ ними дѣлать. Онъ смекнулъ дѣло такъ хорошо, что кабанъ былъ взятъ благодаря его ловкости: онъ спустилъ своихъ собакъ такъ кстати и при такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, что иной доѣзжачій призадумался бы на его мѣстѣ. Съ этой минуты звѣзда ла-Бруссоль начала меркнуть; черезъ четыре года она совершенно угасла и на мѣсто ея засіяла надолго звѣзда Дениса.

Этотъ Несторъ французскихъ доѣзжачихъ прожилъ до 1833 года, такъ что всё сколько-нибудь извѣстные охотники въ Бургони начали свое поприще подъ его начальствомъ. Я зналъ его лучше другихъ, потому что онъ до самой своей смерти оставался на службѣ у моего отца.

Денисъ былъ небольшой, сухошавый, смуглый, проворный человекъ, неутомимый болтуна, чрезвычайно вѣжливый. Слава сблизила его съ послѣдними вельможами Франціи, и рассказы его были очень интересны. Онъ охотился во всей Франціи, съ первѣйшими лицами государства; въ Лотарингіи съ главными начальниками люневильскихъ жандармовъ, въ Шантлии съ герцогомъ Бурбономъ, который не разъ совѣтовался съ нимъ въ затруднительныхъ случаяхъ; въ Мэнѣ съ графомъ де-Мену, однимъ изъ безстрашнѣйшихъ охотниковъ на оленя. Потомъ, когда люневильскій жандармскій отрядъ былъ распущенъ, въ 1784 или 1785 году, жизнь моего отца стала скромнѣе, и онъ ѣздилъ на охоту только въ Шампань, къ маркизу де-Болоню, или въ Брессъ, къ графу де Монревелю, о которомъ я когда-нибудь вамъ расскажу.

Это было цвѣтущее время Дениса; оно продолжалось всего пять лѣтъ, потому что въ 1790 году началась эмиграція, но зато было употреблено съ умѣньемъ. У отца моего были превосходныя собаки и лошади, и обширныя лѣса. Денисъ пользовался до-

вѣрнѣе и уваженіемъ своего господина, и могъ похвалиться дружбою знаменитыхъ особъ. Славный доѣзжачій не вдругъ сдѣлался жертвою революціи; отецъ мой, уѣзжая изъ Франціи, надѣялся возвратиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и оставилъ своихъ лошадей и собакъ Денису, съ приказаніемъ или позволеніемъ не давать имъ заставаться. Это было исполнено съ такимъ рвеніемъ, что въ 1796 году во всей республикѣ только и было двѣ охоты: Дениса и директора Барраса. Нечего и говорить, что первая была несравненно лучше: Баррасъ охотился по прихоти, Денисъ — по страсти.

Когда порядокъ снова водворился, отецъ мой, лишившись трехъ четвертей своего состоянія, принужденъ былъ признаться Денису, что не можетъ держать псарни, и будетъ охотиться съ таксами. Денисъ покорился судьбѣ съ твердостью великаго характера; но когда таксыки были куплены, онъ далъ замѣтить отцу, что человѣкъ, командовавшій стаей въ девяносто собакъ, не можетъ, не роняя своего достоинства, водить подлюжныи.

Карьера Дениса, казалося, кончилась; но для него началась новая жизнь и другаго рода успѣха. Слава его не потеряла отъ несчастныхъ обстоятельствъ, и когда эмигранты, возвратясь въ свои помѣстья, начали вести прежнюю жизнь, всѣ обращались наперерывъ къ Денису съ просьбами организовать псарню, дрессировать собакъ, учить искусству хорошо трубить въ рогъ. Денисъ готовъ былъ на все, былъ всѣми любимъ, и велъ жизнь, которая могла почестся за отблескъ его прошедшаго существованія. Не было ни одной охоты, на которую бы его не приглашали: если шли на волка, его избирали предводителемъ; возникалъ ли между двумя охотниками споръ, рѣшеніе его предоставлялось Денису, и слова его признавались закономъ. Никто не краснѣлъ, будучи обвиненъ Денисомъ: можно быть очень хорошимъ охотникомъ, и все-таки не знать всего того, что зналъ Денисъ. Есть люди, которые возвышаются надъ другими такъ высоко, что до нихъ не досягаетъ зависть.

Изъ разговоровъ съ Денисомъ можно бы было составить презанимательные мемоары. Онъ зналъ безчисленное множество людей и анекдотовъ, но говорилъ всегда только о мертвыхъ. Это значило держаться извѣстнаго правила біографовъ: «только о мертвомъ позволительно говорить всю истину». Такимъ образомъ, онъ не раздражалъ своихъ современниковъ, если разсказъ напоминалъ какое-нибудь удивительное приключеніе, какія вѣчно на языкѣ у охотниковъ и очень рѣдко на дѣлѣ. Денисъ никогда,

бывало, не мигнуть глазомъ, даже рассказывая событія самыя неправдоподобныя; онъ зналъ, подобно Магомету, Кромвелю и Наполеону, что тотъ, кто хочетъ убѣждать, никогда не долженъ смѣяться. Подъ старость онъ сдѣлался равнодушнѣе или невѣрчивѣе. Тогда нашлись и не вѣрившіе ему безусловно. Мнѣ случалось слышать отъ людей, вовсе не злонамѣренныхъ: «кто знаетъ! этотъ Денисъ, можетъ-быть, всю свою жизнь лгалъ!»

Денисъ никогда не отказывалъ въ совѣтѣ или наставленіи, когда его спрашивали изъ желанія научиться, но онъ былъ безпощаденъ къ гордому невѣжеству или нескромной и пустой болтовнѣ. Онъ терпѣть не могъ пустыхъ вопросовъ въ родѣ этого: дважды два составляютъ-ли четыре? Я помню, какъ однажды, въ день святаго Губерта, у покойнаго господина де-Шанже, какой-то молодой фатъ спросилъ Дениса:

— Скажи пожалуйста, Денисъ, что такое годовалый олень?

— Годовалый олень? отвѣчалъ старый доѣзжачій. Это нечто иное.... какъ годовалый олень.

— Бѣдняжка старѣется, шепнулъ мнѣ на ухо спрашивавшій.

— Вы думаете? отвѣчалъ я, едва удерживаясь отъ смѣху: я этого не нахожу.

Послѣ маркиза де-Болоня, Денисъ чаще всѣхъ упоминалъ о графѣ де-Фюссеѣ, племянникѣ моего отца, умершемъ въ эмиграціи, и о покойномъ шапезскомъ кюрѣ. Первый оставилъ послѣ себя нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія о конной охотѣ, которые заставляютъ жалѣть, что твореніе не кончено вполне или не отыскано, потому что можетъ-быть оно и окончено. Второй не писалъ ничего, но Денисъ говорилъ мнѣ о немъ такъ часто, что я обѣщаю вамъ особую главу объ этомъ человѣкѣ. Это будетъ глава изъ ненаписанныхъ мемуаровъ Дениса; что касается до истины разказа, отвѣтственность лежитъ на душѣ настоящаго автора, который теперь, увы! также принадлежитъ къ числу усопшихъ.

Денисъ умеръ въ 1833 году, удрученный лѣтами и покрытый славой. Несмотря на осьмидесятилѣтнюю старость, онъ все-еще охотился на маленькой лошади, называвшейся Бижу. За нѣсколько дней до похитившей его болѣзни, онъ сопутствовалъ моей матери на трудную охоту за кабаномъ, и руководилъ ее съ такимъ искусствомъ, что она видѣла звѣря разъ двѣнадцать впродолженіи дня.

Изъ охотниковъ нашего времени, знавшихъ Дениса, я назову

маркиза де-Мажэ-Магона, графа де-Витри, графа де-Валли и господина Марей-Гассенди, одного из лучших охотников за зайцем. Принц Конде, забывший в 1814 году, что Таллейрадь уже не епископ отёнскій, очень хорошо помнил стараго дѣлжакаго, который охотился при немъ въ Шатильонъ въ 1788 году, и сказалъ отцу моему, увидѣвши его опять въ бургонскомъ дворцѣ послѣ реставраціи: «надѣюсь, что Денисъ здоровъ? скажите ему, господинъ де-Фудрасть, что я объ немъ спрашивалъ».

Я сказалъ, что рѣшенія Дениса въ дѣлахъ охоты были законны, и что протѣвъ цихъ не возставали даже осужденные имъ. Вотъ въ подтвержденіе моихъ словъ анекдотъ, въ которомъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ. На этотъ разъ я буду говорить о живыхъ еще лицахъ, и только одно изъ цихъ обозначу какою-нибудь буквою. Это дѣлаю я, впрочемъ, не затѣмъ, чтобы скрыть истину: я уже не охочусь.

Прежде однако же, нежели брошу этотъ послѣдній цѣтокъ на могилу Дениса, хочу сказать моимъ читателямъ, что у него остался сынъ, ресторатеръ въ Парижѣ, въ *cour des Fontaines*. Его зовутъ Коппеве, и онъ извѣстенъ очень многимъ уроженцамъ Бургоніи, которые приходятъ къ нему побесѣдовать объ отцѣ.

И такъ начнемъ разсказъ.

Когда я не испытывалъ еще сильныхъ ощущеній конной охоты, я былъ уже знакомъ съ болѣе скромнымъ удовольствіемъ трудной охоты пѣшкомъ съ людною собакамъ, не очень быстрыхъ, но вѣрныхъ, стойкихъ и безстрашныхъ. Съ стаей, о которой никто не говорилъ и которой никто не завидовалъ, убилъ я множество животныхъ, отъ зайца до волка и кабана. Особенно кабанъ находилъ во мнѣ неутомимаго врага, и разскази я подробно всѣ одержанныя мною надъ нимъ побѣды, читатели усомнились бы къ моей правдивости, и имя мое было бы вычеркнуто изъ списка соудникоу «Охотничьяго Журнала», а я ни зачѣмъ не хочу испытать этого несчастія, потому-что несказанно дорожу этимъ послѣднимъ средствомъ умственнаго сообщенія со множествомъ людей, съ которыми разученъ обстоятельствами, но къ которымъ все еще привязанъ въ тишинѣ моего сердца.

1827 годъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ моихъ воспоминаніяхъ по богатому результату и живымъ наслажденіямъ охоты. Кабаны размножились въ этотъ годъ до такой степени, что я принужденъ былъ отказаться отъ охоты за другими звѣрями. Даже если спуститишь, бывадо, собакъ въ какую-нибудь ро-

ищу на равнинѣ, то и тогда можно было держать десять против одного, что выскочить кабанъ. Къ довершенію счастья, небольшая стая моя дѣйствовала удивительно дружно, и всю осень стояла постоянно сырая, тихая и мягкая погода. Меня постигъ въ это время одинъ изъ моихъ полковыхъ товарищей; онъ почти ни разу не охотился во всю жизнь свою, но имѣлъ столько дарованія, что сходивши со мною на охоту раза два или три, заслужилъ уваженіе Дениса, на которое тотъ не очень былъ торопиться.

Изясняйте какъ хотите это явленіе: товарищъ мой, стрѣлявшій до тѣхъ-поръ только утокъ, всаживалъ за осемдесятъ шаговъ пулю въ ухо кабана, или въ плечо дикой козы. Кромѣ того онъ имѣлъ такую удивительную способность ориентироваться въ незнакомомъ лѣсу, что сторожа мои смотрѣли на него какъ на существо сверхъестественное. Слухъ у него былъ удивительно тонокъ, и онъ по истиннѣ угадывалъ гдѣ свободнѣе стать, — угадывалъ такъ вѣрно, что выстрѣлъ всегда доставался на его долю. Съ 1 сентября по 5 ноября онъ убилъ семь кабановъ и шесть изъ этихъ семи были отнесены ко мнѣ въ зѣмокъ на шесть.

Однажды утромъ, во время сбора винограду, мы вышли въ надеждѣ, что шумъ въ виноградникахъ заставитъ кабановъ удалиться въ глубину лѣса. Наканунѣ собаки мои шесть часовъ сряду гнали за дикую козю, и мы надѣялись поживиться сегодня не больше какъ какимъ-нибудь зайцемъ. Я велѣлъ спустить собакъ въ кустарникъ, занимавшій пять или шесть аркановъ, окруженный полемъ и отстоящій отъ лѣса шаговъ на сто.

Минуть черезъ пять собаки начали выть, какъ будто обступили звѣря. Сначала я подумалъ, что они лаютъ на какую-нибудь дикую кошку, взобравшуюся на дерево; я подошелъ къ товарищу, чтобы сообщить ему свое мнѣніе, но онъ уже упускалъ въ лѣвый стволъ своего ружья пулю сверхъ дробы, и доѣзжачій мой Ремондей кричалъ намъ въ ту же минуту: «смотрите къ лѣсу, это кабанъ!»

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ черный, огромный какъ медвѣдь кабанъ дерзко вышелъ на опушку кустарника, разтерзавши двухъ собакъ. Съ минуту онъ какъ будто не зналъ, на что рѣшиться, но потомъ побѣжалъ къ лѣсу. Десять уцѣлѣвшихъ собакъ кусали его за заднія ноги.

Ружье мое было заряжено дробью; Боатьеръ, товарищъ мой, не успѣлъ еще вынуть изъ дула шомполь. Онъ вынулъ его бы-

стро, но не торопливо, и въ то самое мгновеніе, когда передніи ноги кабана скрылись уже въ лѣсу, Боатьеръ выстрѣлялъ. Звѣрь сдѣлалъ страшный скачокъ и исчезъ. По голосамъ собакъ мы скоро догадались, что онъ отсталъ.

— Надо повѣрить вашъ выстрѣлъ, сказалъ подошедши къ намъ Ремондей.

— Не для чего, отвѣчалъ Боатьеръ: я сейчасъ выстрѣлялъ разстояніе, на которомъ стрѣлялъ: это тринадцать шаговъ.

— Пули ваши бьютъ далеко и мѣтко, однако понижемъ, возразилъ доѣзжачій.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ въ чашу, и тотчасъ же убѣдились, что кабанъ сильно раненъ: вѣтви были орозовлены на такой высотѣ, что пуля очевидно попала въ туловище. Звѣрь бѣжалъ однако же впередъ и лай быстро удаляющихся собакъ говорилъ намъ, что охота только разгарается.

— Теперь, сказалъ мой доѣзжачій, надо слѣдить близко, потому что если кабанъ вернется назадъ, то разгонитъ нашу стаю.

Мы догнали охоту, но къ несчастію мѣсто дѣйствія перенеслось въ заросшія лѣса, гдѣ мы никакъ не могли стать для втораго выстрѣла. Ктому же подвѣлся вѣтеръ, голоса собакъ стали не такъ явственны, и мы принуждены были слѣдовать за ними отчасти на удачу. Боатьеръ, по своему обыкновенію, отдѣлился отъ насъ, и мы съ доѣзжачими начинали уже думать, что охота не удалась. Псарь остался при Мирадорѣ и Бруно, тяжело раненыхъ въ самомъ началѣ дѣла.

Вдругъ въ глубинѣ лѣса раздался выстрѣлъ, и собаки почти въ ту же минуту замолкли.

— Конечно, сказалъ мнѣ Ремондей. Впрочемъ, я не признавалъ выстрѣла господина Боатьера; это вѣроятно кто-нибудь изъ угольщиковъ. Пойдемъ, посмотримъ. А главное, можетъ-быть собакамъ нужна помощь.

Къ мѣсту, гдѣ какъ мы предполагали, произошла развязка драмы, дороги не было, и мы съ трудомъ могли туда пробраться. Черезъ двадцать минутъ ходьбы, мы увидѣли въ чашѣ сперва нашихъ собакъ, живописно сидящихъ вокругъ черной массы кабана, потомъ двухъ или трехъ человѣкъ, опершихся на ружья, и, наконецъ, всадника, который только что собирался затрубить въ рогъ, но остановился при моемъ появленіи.

Настала минута молчаія, впродолженіе которой я разсматривалъ кабана. Онъ лежалъ на правомъ боку и былъ раненъ въ двухъ мѣстахъ; прямо въ лобъ между глазъ, и подъ лѣвое

члено. Предѣнная раца была окружена зацепающею кровью, слѣдательно нанесена прежде.

Всѣ собаки мой были тутъ; на тутъ же оцутылись и двѣ чужія, отмѣченныя буквою Л.

— Кому обязанъ я оказавшою мнѣ услугою? спросилъ я у того, который показался мнѣ старшимъ.

— Не знаю, о какой услугѣ вы говорите, отвѣчалъ онъ. Ваша охота скрестилась съ моею, ваши собаки пристали къ моимъ, и я убилъ кабана, отгрызавшагося отъ обѣихъ стай. Онъ принадлежитъ мнѣ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Съ А. де-Л***.

— Ничто не доказываетъ, что это вашъ кабанъ; напротивъ того, это по всѣмъ примѣтамъ мой. Во-первыхъ, всѣ мои собаки на лицо, а вашихъ только двѣ; во вторыхъ, мы выстрѣлили по шемъ съ самаго начала атаки, и вотъ подъ плечомъ у него рана старше вашей.

— Но у меня въ ружьѣ были двѣ пули.

— Я въ этомъ такъ убѣжденъ, что могу показать вамъ вторую; вотъ она, въ этомъ пнѣ, и это гораздо естественнѣе, нежели чтобы одна пошла въ звѣря спереди, а другая съ боку.

Л*** закусилъ губы, но продолжалъ утверждать, что кабанъ его.

— Послушайте, сказалъ онъ; не далеко отсюда есть еще островъ; обвящемъ его вмѣстѣ, убьемъ еще одного кабана, и всѣ будутъ довольны.

Я принялъ это предложеніе, но другаго звѣря, къ несчастію, не нашлось, и мы должны были подумать о возвращеніи домой.

— Я требую моего кабана, сказалъ Боатьеръ господину Л***.

— Ахъ, Боже мой, отвѣчалъ Л*** съ замѣшательствомъ, а мой добѣзачій только что извѣстилъ меня, что его отправилъ уже въ гутьерскую ферму, гдѣ мы остановились. Онъ утверждаетъ, что мы гнались именно за этимъ звѣремъ.

— Я не стану утверждать противнаго такъ же смѣло, сказалъ я, но поручу рассмотреть это дѣло знающему человѣку, и если онъ скажетъ, что это мой кабанъ, то я добуду его хоть изъ котриоль вашей кухни.

На обратномъ пути мы встрѣтили съ дюжиною собакъ господина Л***. Онъ вѣло гналъ животное, и по бѣгу его мы догадались, что это кабанъ фунтовъ въ 160 или 180. Наши охоты дѣйствительно скрестились, но вѣтеръ помѣшалъ господину Л*** слѣдовать

за своею, и двое изъ его собакъ пристали къ моннѣ: отъ этого произошла ошибка.

Возвратясь домой, я велѣлъ просить къ себѣ Дениса и рассказалъ ему, что случилось.

— Вы поступили благоразумно, господице маркизъ, сказалъ онъ. Только я не рѣшу дѣла раньше завтрашняго утра: я долженъ произнести сѣдствіе на самомъ мѣстѣ. Близкейшей памяти графъ де Мену тоже поспорилъ однажды съ покойнымъ маркизомъ де Коаленомъ, своимъ лучшимъ другомъ, за подобный вопросъ, и дѣло едва не дошло до шпагъ. Прощайте; завтра, ровно въ девять часовъ, вы получите мой рапортъ.

Я не оставляю вамъ удовольствія прочесть этотъ рапортъ, поданный мнѣ аккуратно въ назначенный часъ, но скажу вамъ только, что рѣшеніе, основанное на весьма замѣчательныхъ *такъ-какъ*, было въ мою пользу.

Съ этою бумагой мы поѣхали въ Боатьеромъ въ гутверскую ферму, гдѣ остановился Л***.

Мы застали его за завтракомъ, съ стаканомъ вина въ рукѣ. Онъ праздновалъ свою вчерашнюю побѣду съ пятнадцатью охотниками, почти все моими знакомыми.

— Вчера, сказалъ я господину Л***, я не вставалъ въ правахъ моихъ, потому-что не вполне былъ въ нихъ убѣжденъ. Сегодня я въ нихъ не сомнѣваюсь, и пріѣхалъ требовать моего кабана.

Я рассказалъ ему, какъ я поступилъ, отдалъ бумагу Дениса, и ждалъ, что будетъ дальше.

Л*** колебался, но товарищи тотчасъ же осудили его все въ одинъ голосъ. Денисъ произнесъ свое рѣшеніе, Денисъ не можетъ ошибиться; Денисъ неспособенъ покривить душой въ дѣлѣ охоты и — Л*** долженъ отдать мнѣ кабана или остаться въ компаніи одного своего доѣзжачаго. Вотъ что сказали его сошутники.

Насъ пригласили завтракать, но мы отказались, предполагая, что присутствіе наше будетъ неприятно для Л***, и возвратились домой, эскортируя кабана, везомаго въ телегѣ. Денисъ сказалъ свое мнѣніе, и никто не смѣлъ подумать, чтобы онъ могъ ошибиться.

А. КРОНЕВЕРГЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫМИ НОВОСТЯМИ. — *Пророкъ. Статья вторая.* Двѣ главнѣйшія эстетическія части драматической музыки суть красота чувства и красота выраженія, потому что есть искусство сознательное и искусство безсознательное, чувство и мысль. Три способности человеческого организма, воображеніе, чувство и разумъ, соотвѣтствуютъ тремъ условіямъ, которыя попеременно преобладаютъ въ произведеніяхъ драматическаго искусства: идеалу, страсти и истинѣ (положительному). Воображеніе присвоетъ себѣ то страсть, то истину. Въ первомъ случаѣ родилось четвертое дѣйствіе «Гугенотовъ», изъ втораго случая возникъ «Пророкъ». Обѣ эти формы искусства совершенно равны по достоинству, если только употребляются вполне соотвѣтственно предмету, дѣйствию. Въ сценѣ «Гугенотовъ», гдѣ предстояло выразить любовь, доходящую до высшей степени восторженности, Мейерберъ нашелъ сладкіе, вѣжные, даже сладострастные звуки, которые придаютъ языку любви непреодолимое очарованіе. Тутъ является воображеніе въ слияніи съ чувствомъ. Въ «Пророкѣ», который представляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ шестнадцатаго вѣка, грубые, могучіе образы, дикіе нравы того времени, композитору удалось придать своему творенію особенное величіе, которое развивается постепенно, и наконецъ невольно увлекаетъ за собою зрителей, проникая разумъ ихъ сознаниемъ объективной истины представляемаго предмета. Слѣдовательно въ этомъ произведеніи должно видѣть результатъ слиянія воображенія съ разумомъ.

Всѣ знающіе парижскіе судьи единогласно признаютъ, что «Пророкъ», особенно же послѣдніе его акты, величіемъ главныхъ своихъ размѣровъ производятъ такое потрясающее дѣйствіе, что въ первый разъ невозможно выслушать его спокойно, отчетливо, потому что слушатель подавленъ слишкомъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Они присоединяютъ, что если «Пророкъ» въ отношеніи богатства мелодій, и не можетъ быть сравненъ съ двумя прежними операми Мейербера, — что, по моему, совершенно обьясняется и оправдывается самымъ сюжетомъ драмы, — зато съ честью выдерживаетъ это сравненіе въ отношеніи оригинальности характеровъ и величія мыслей и развитія.

Сообщаю нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ мотивовъ изъ «Пророка». Содержаніе драмы и ходъ дѣйствія были уже изложены въ этомъ журналѣ; слѣдовательно мнѣ остается только извлечь изъ нихъ, съ помощью парижскихъ критикъ, сравненіе новой оперы Мейербера съ прежними его твореніями.

Первое что поражаетъ насъ при разборѣ «Роберта», «Гугеноты» и «Пророка», это мистическое начало, которое преобладаетъ во всѣхъ трехъ операхъ. Въ первой, главный интересъ заключается въ борьбѣ добра и зла. Предметъ этой борьбы — шаткая, страстная душа, Робертъ, который всегда дѣйствуетъ подъ чужимъ вліяніемъ, то стремится къ добру съ Алисою, то бросается за Бертрамомъ въ пучину необузданныхъ желаній, увлекается его совѣтами даже до святотатства, до нарушенія святыни; — Робертъ, который любитъ Изабеллу, но въ то же время не можетъ устоять противъ обольщеній вставшихъ изъ гробовъ дѣвъ; который, наконецъ, обязанъ своимъ спасеніемъ, не собственной смѣлѣ воли, а твердости и неотступности начала добра, Алисы и могучему вмѣшательству судьбы. Въ «Гугенотахъ» является намъ самая пламенная, самая страстная любовь въ борьбѣ съ долгомъ и съ религіознымъ вѣрованіемъ. Наконецъ въ «Пророкѣ», видимъ мы всѣ благородныя, всѣ высокія человѣческія чувства, разбиваемыя необузданнымъ фанатизмомъ. Изъ этого простаго сличенія видно уже, что въ «Пророкѣ» предстоялъ композитору предметъ повидимому гораздо менѣе благопріятный, чѣмъ въ двухъ прежнихъ операхъ. Въ «Робертѣ» въ борьбѣ двухъ началъ заключалась уже необходимая противоположность чувствъ и эффектовъ; въ «Гугенотахъ» любовь, этотъ неисчерпаемый источникъ всякаго рода ощущеній, чуднымъ образомъ противопоставлялась страстямъ религіозныхъ сектъ; въ «Пророкѣ» же, суровый, свирѣпый фанатизмъ порождаетъ только чувственный мистицизмъ, который подъ конецъ не можетъ сильно интересовать насъ. Конечно въ послѣднихъ дѣйствіяхъ является материнская борьба съ своею борьбою и своимъ самоотрѣченіемъ, и представляетъ контрастъ насилія и свирѣпствамъ, которыя до того наполняли сцену. Слѣдовательно материнская любовь единственное благородное и человѣческое чувство, которое могло тутъ вдохновлять композитора. Мы уже видѣли оперу, которая имѣла большой успѣхъ, и которой начало составляетъ братская любовь; и говорю объ Оберовой «Фенеллѣ». Конечно, материнская любовь чувство гораздо священнѣйшее, гораздо возвышеннѣйшее, и слѣдовательно гораздо благопріятнѣе для выраженія въ музыкѣ. По этому нельзя не удивляться тому, что въ некоторые критики жалуются на отсутствіе въ «Пророкѣ» чувства, которое могло бы вдохновить композитора. Я согласенъ, что либретто послѣдней Межерберовой оперы бѣднѣе эффектными контрастами, чѣмъ прежнія; но никакъ не думаю, чтобы отъ нея нельзя было ожидать вдохновеннаго вы-

раженія чувства, которое составляетъ вообще каждое художественнаго произведенія, и прекраснѣйшую черту Мейерберова гениа.

Само собою разумеется, что я не нахренъ разбираю здѣсь всю оперу. Цѣль моей статьи — представить читателямъ общій очеркъ Мейерберова таланта въ различныхъ фазахъ его развитія, и указать имъ точку зрѣнія, съ которой можно вѣрно судить «Пророка» и цѣнить его достоинства. Слышию, что вѣнская опера будущей зимою поставитъ эту пьесу, и тогда я буду въ состояніи предложить читателямъ сужденіе, основанное на собственномъ опытѣ. Между-тѣмъ я постараюсь придать вѣнскому интересу настоящей статьи сообщеніемъ вѣнскихъ изъ замѣчательнѣйшихъ мотивовъ новой оперы.

Въ «Пророкѣ», какъ и въ «Гугенотахъ», встрѣчается религиозный наѣвъ, который часто повторяется въ теченіи оперы. Этотъ наѣвъ является въ каждой сценѣ. Въ этомъ уже видно истинное направленіе Мейербера, о чемъ мы упоминали выше. Это безпрестанное повтореніе одного хора, какъ въ «Гугенотахъ», или одного гимна, какъ въ «Пророкѣ», превосходно характеризуетъ время религиозныхъ войнъ, слѣдовавшихъ за реформациею.

Перенесемся теперь въ среду веселой сельской жизни. Сцена наполнена поселянами, которые поютъ, пьютъ, пляшутъ. Вдругъ являются три мрачныя существа, у которыхъ не добро написано на лицѣ. «Quels sont ces hommes noirs aux figures sinistres?» спрашиваетъ испуганная Фидесь. — «On dit que du Tres-Haut se sont de saints ministres», — отвѣчаютъ ей, и затѣмъ раздается мрачный, не добро предвѣщающій наѣвъ трехъ амабантистовъ:

№ 1. *Molto moderato.*

Этотъ напѣвъ вовсе не старинный церковный хоралъ, какъ утверждаетъ въ своей статьѣ Фетисъ. Ни въ какомъ хоралѣ, въ какому бы времени онъ ни принадлежалъ, не встрѣчается остро-го диссонанса или уменьшенной кварты, которыя тутъ такъ рѣзко выставляются во второмъ тактѣ; притомъ не нужно даже особеннаго знакомства съ старинными напѣвами, чтобы узнать въ подлежащемъ напѣвѣ новый. Этотъ иррациональный напѣвъ нѣсколь-ко разъ повторяется въ первомъ дѣйствіи, до-тѣхъ-поръ пока посе-ляне не приняли совершенно стороны анабаптистовъ. Но онъ умолкаетъ, какъ скоро, въ третьемъ дѣйствіи, вся страна въ без-порядкахъ.

Я уже замѣтилъ, что въ отношеніи мелодій, «Пророкъ» не можетъ сравниться съ прѣжными произведеніями Мейербера. Этими однако же, я хотѣлъ сказать только, что мелодичность не сродна предмету этой оперы, и совсѣмъ не то, что въ «Пророкъ» мнѣ прекрасныхъ мелодій, чѣмъ въ «Робертъ» или въ «Гугенотъ». Романсъ перваго дѣйствія, въ которомъ Берта проситъ у графа Оберталя согласія на свадьбу ея съ Жакомъ, — прелестная мелодія, которой притомъ особенно оригинальную, ритмическую прелесть придаетъ весьма умно придуманная декламация. Вотъ мотивъ этого романса:

№ 2. BERTHE.

Un jour, dans les flots de la

PIANO.

Meu-se, J'al - lais périr, J'al - lais pé - rir;

Fidès

Jean, Jean me sau - va. — Oui, Jean la sau - va.

Еще полная чувства, истинно очаровательная мелодія, — та, которая прерываетъ шумный вальсъ въ началѣ втораго дѣйствія. Жанъ не принимаетъ никакого участія въ общемъ весельи, окружающемъ его; онъ съ трепетомъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ матери, которая должна привести ему невесту.

Ber - tha, mon a - mour, Ma Ber

tha, ô mon a - mour!

Эта мелодія образецъ характеристическаго выраженія. Сколько задушевности, сколько восторгу въ повторяющихся словахъ; о Bertha, о мой ангелъ! и какъ хорошо при этомъ движенье гармонія! А въ этой тоскливой прелести, которою запечатлѣна вся мелодія, и которая представляетъ такой разительный контрастъ шумному, оглушающему вальсу, нѣтъ ли въ ней чего-то въ родѣ предчувствія предстоящаго Жану бѣдствія?

Кромѣ приведеннаго выше назвѣя анабаптистовъ, еще другая мелодія также повторяется, и съ тѣмъ же прекраснымъ эссетомъ. Это гимнъ, который поется въ четвертомъ дѣйстви при вѣчаніи Жана въ мюнстерскомъ соборѣ. Уже во второмъ дѣйстви является она таинственнымъ, и весьма умно придуманнымъ образомъ. Жанъ рассказываетъ тремъ анабаптистамъ, которые стараются для своихъ тайныхъ видовъ склонить его на свою сто-

рону, видѣнный имъ сонъ, будто его вѣчали королемъ. И раз-
сказъ Жапа сопровождаетъ тотъ самый мотивъ, который потомъ
при осуществленіи она играетъ главную роль; но здѣсь онъ слы-
шится только въ странныхъ, таинственныхъ звукахъ инстру-
ментовъ.

M. A. Andantino.

ФЛЮТЪ.

1er VIOLON,
avec sourdine.

2e VIOLON,
avec sourdine.

КЛАРИНЕТЪ.

The first system of the musical score consists of four staves. The top staff is for the Flute (ФЛЮТЪ), the second for the first Violin (1er VIOLON), the third for the second Violin (2e VIOLON), and the fourth for the Clarinet (КЛАРИНЕТЪ). The music is in a key with two flats (B-flat and E-flat) and a 2/4 time signature. The Flute part begins with a melodic line, while the Violin and Clarinet parts provide accompaniment with rhythmic patterns.

The second system of the musical score continues the composition from the first system. It maintains the same four-staff structure: Flute, Violin I, Violin II, and Clarinet. The melodic development continues across the staves, with the Flute and Violin I parts showing more complex rhythmic and melodic figures. The Clarinet part remains primarily accompanimental.

Прекрасна, удивительно счастлива также мелодія, которою Жанъ отвергаетъ сначала убѣжденія анабаптистовъ.

№ 5. PASTORALE.

HARPES.

Il est un plus doux em-pire Au-quel dès long-

- temps j'as-pi-re, Ma Ber-tha, mon seul bon-heur,

Est de ré-gner, de ré-gner sur ton cœur.

КНИГИ ПО УМЪРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., коммиссіонера Императорской Библиотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Иетцеля, № 3.)

(Цѣны на серебро).

- ABBANTÈS d').** Mémoires et souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Paris 1831 à 1836. 18 vol. in-8. 26 rbls.
- ABRÉGÉ DU GRAND DICTIONNAIRE** de technologie, ou nouveau dictionnaire des arts et métiers, de l'économie industrielle et commerciale. Paris 1833. 6 vol. in-8. 12 rbls.
- ANSPACH.** Cours d'études de la religion chrétienne, composé en forme de discours. Paris 1818. 7 vol. in-8. 5 rbls.
- ART DE VÉRIFIER** les dates des faits historiques, des inscriptions, et des chroniques. 3-e partie depuis l'année 1770 jusqu'à nos jours. Paris 1823 à 1827. Tomes 1 à 16. 24 rbls.
- BALEAC.** Etudes de mœurs au XIXme siècle, contenant les scènes de la vie privée, parisienne et de province. Paris., 12 vol. in-8. 10 rbls.
- BEAUVAIS.** Clinique homœopathique, ou recueil de toutes les observations pratiques publiées jusqu'à nos jours. Paris. 9 vol. in-8. 20 rbls.
- BÉRAULT-BERCASTEL.** Histoire de l'Eglise. Paris 1830. 12 vol. in-8. 12 rbls.
- BERNARDIN** de St. Pierre. Oeuvres complètes. Paris. 12 vol. in-8. 10 rbls.
- BOURRIENNE.** Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire, et la Restauration. Paris 1830. 10 vol. in-8. 10 rbls.
- BUFFON.** Oeuvres complètes; suivies de ses continuateurs: Daubenton, Lacépède, Cuvier, Duméril, Poiret, Lesson et Geoffroy St. Hilaire. Bruxelles 1828. 14 volumes in-8, avec 6 volumes de planches coloriées. 36 rbls.
- CARPELIER.** Richelieu. Mazarin, la Fraude et le règne de Louis XIV. Paris 1833. 8 vol. in-8. 15 rbls.
- CICÉRON.** Oeuvres complètes, traduites en français, avec le texte en regard; édition publiée par Victor Leclerc. Paris. 30 vol. in-8. Au lieu de 210. fr. 46 rbls.).
- COURCELLES.** Dictionnaire historique et biographique des généraux français depuis le XIme siècle jusqu'en 1820. Paris 1820. 9 vol. in-8. 7 rbls.
- DUBANTON.** Cours de droit français suivant le code civil. Bruxelles 1834. 10 vol. in-8. 15 rbls.

JUL 16 1937

